

ВЛАДИМИР ЛАВРОВ

СТРАЖИ
ВОЛШЕБНЫХ
МИРОВ

FANTASY * WORLD

Мальчик, 13 лет, растет в родовом замке, среди братьев и сестер. Суровый отец учит фехтованию методом суровых избиений, родственники хихикают. Только у мамы, братьев и сестер, а также у других благородных людей есть суперспособности, а у парня нет. Что означает выпадение из благородного сословия при совершеннолетию. Благородными людьми, владельцами замков и земель могут быть только люди с суперспособностями. И тут начинаются глобальные катаклизмы. Нашествие кочевников, древние боги спустились с небес, смертоносные артефакты сами прыгают в руки, а бесы предлагают выгодные контракты по уничтожению еще более страшного зла. И это только начало! Надо еще и о путях достижения счастья подумать, и разобраться, что не так с религией, почему родной мир на столетия застрял в феодализме. А еще эти благородные девушки так отвлекают от философии!

Владимир Лавров

Стражи волшебных миров

Глава 1

Будни замка Долиган

— Держи удар! Атакуй! Щит! Атакуй! Не спи, не пропускай возможность нанести ответный укол! — яростно кричал отец, обрушивая на мой щит раз за разом сильнейшие удары учебного меча.

Я был бы и рад ткнуть его мечом, чтобы истязание прекратилось, но только после каждого удара левая рука под щитом отсыхала от боли, а я сам сдвигался назад на добрый шаг. Мой отец — крупный и хорошо тренированный рыцарь, а мне, простите, тринадцать лет, и я легче примерно втрое. Мне и двумя руками его удары тяжело удержать, а уж одной...

В конце концов мне под ноги прыгнула вредное полено, и я упал на тоненькую подстилку свежесвыпавшего снега. Оказалось, что полено было не одиноким, отец загнал меня на склад дров.

— Пуся, ты безнадёжен, — с отвращением произнёс отец, развернулся и направился на стены замка.

Братья и сёстры засмеялись. Даже младшие, Аксел и Ирис. Ладно — ладно, ещё попросите сказку рассказать...

Даже у Аксела и Ирис есть таланты. Аксел умеет каменеть, и тогда его кожу невозможно пробить ничем. Когда мама сердится и хочет наказать, она хватается за ногу и лупит им по стенам и столам с размаху. Ему хоть бы что, только мелкие ссадины появляются... Его упрочнение кожи не такое прочное, как у отца, у которого всё тело может превращаться в сталь, любой кусочек тела по выбору. Но всё равно его не пробить никаким холодным оружием. Сестра Ирис почти такая же бесталанная, как я, но она может чувствовать ближайшее движение противника. Поэтому её невозможно поймать или ударить, она просто утекает из-под удара.

Я являюсь четвёртым сыном барона Ирвинга ага Долиган. Долиган — это наше наследственное владение, в которое входит село, десять хуторов, три вассальных владения мелких дворян и три моста. Когда-то эти мосты были очень важными точками владения, за проезд по ним взимались деньги. Потом Государь распорядился, чтобы все мосты были бесплатными, и мосты превратились в обузу. Наш замок стоит на реке, и когда-то река была источником доходов. По ней шли корабли с зерном и шкурами для многолюдных южных царств. Но потом очередная волна орд с Дикого Поля смела эти царства, и торговля прекратилась. С этих денег наши предки построили очень большой и уютный замок, а мы теперь не можем наскрести денег даже на его ремонт.

Мой старший брат, Алесаний, когда-нибудь станет новым бароном Алесанием ага Долиган. Он унаследовал оба качества наших родителей. Он может быть твёрдым и прочным, как сталь, в любой части тела. Это качество он унаследовал от отца. От нашей мамы он унаследовал способность сверхгибкости, благодаря чему может неограниченно гнуться в любую сторону и пролазить в любую щель, лишь бы одежда не застряла.

Второй ребёнок, моя старшая сестра Иксуня, пошла в маму. Она может быть сверхгибкой, но при этом у неё сохранились некоторые способности дедушки по маме. Из кистей, локтей и коленей у неё могут выдвигаться острейшие ножи. При боях в поле, стенка на стенку, от неё пользы мало, зато в темных проходах с ней лучше не встречаться. Она обтечёт вас, как вода, а потом воткнёт сразу несколько ножей.

Третий ребёнок, мой старший брат Консанс, может упрочнять кожу в весьма небольшой степени, по прочности примерно как дерево. Если ударить его мечом, останется неглубокая рана — порез, которую потом придётся лечить. Зато он получил способность дедушки по отцу — он умеет кричать так, что все вокруг разбегаются в панике.

И только у меня нет никаких способностей. За это отец и зовёт меня «Пуся», хотя на самом деле меня зовут Полисаний. Вслед за отцом меня дразнят «Пусей» все мои безжалостные братья и сёстры. Это имя пошло от нашей мамы, она любит называть малышей «пусик».

Отец пытается учить меня фехтованию, чтобы я хоть как-то был похож на выходца из благородного сословия. Ничего из этого не получается, отец бьёт слишком сильно, и я либо отхожу, либо просто падаю. Отец каждый раз злится и начинает избивать меня ещё больше, в надежде, что от страха за жизнь во мне пробудятся хоть какие-то способности. Но они не появляются. Братья и сёстры, видя моё обучение, сразу собираются, чтобы посмеяться над избиением.

Ещё год назад мы дружили с младшими. Я рассказывал им сказки, мы вместе бегали вокруг замка и на ручей. Теперь они считают, что пнуть меня с разбега — это достойный метод веселья. Я пытаюсь их отлупить в ответ, но каждый раз это не заканчивается ничем: сестру невозможно захватить, брат превращается в камень, после чего им можно хоть гвозди забивать. А потом он подкарауливает момент, когда я отвлекаюсь, и лупит меня превращённым в камень кулаком. А потом снова каменеет. Рука у него ещё лёгкая, но если попадает по косточке, бывает очень больно.

Я мог бы побить их с помощью палки или молотка, но это строго запрещено: отец многократно предупреждал нас, что все детские драки допустимы только до тех пор, пока не применяются любые инструменты. Отец пообещал нам, что применивший оружие или любой другой инструмент многократно пожалеет о том, что он так поступил. Он был очень убедителен, и мы ему поверили.

— Благодарю Вас, отец, — сказал я в сердитую папочкину спину. Наш священник, святой отец Михидо, учил нас отвечать доброжелательно всегда, как бы ни было обидно. По моему, только я один в этом мире исполняю его поучения. Но я нахожу в этом определённый высокий стиль, и мне это нравится.

Отец сделал такое движение, будто отряхнулся от воды.

И тут дозорный на башне завопил:

— Вторжение! Барон ага Локнут!

Братья рванули на стены, мы с сёстрами побежали в оружейную. При вторжении в наши обязанности входит облачиться в доспехи и принести на стены то оружие, которое может понадобиться старшим. Отцовский меч и на этот раз успела ухватить Иксуня. Я тащил целую копну луков и колчанов со стрелами.

Отец подпрыгивал на стене и орал:

— Сименс! Ты, подлая скотина! Ты с собой ещё и простых людей притащил? Нужно быть последним мерзавцем, чтобы впутывать в дела благородных ещё и пахарей!

Я высунулся между зубцами и осмотрел прибывших. Барона ага Локнута и его детей я знал, кроме одной девочки. А за спиной барона действительно обнаружились простые люди, которые мостили некую конструкцию из досок и брёвен.

— Пуся, убери глупую голову! Некогда нам отвлекаться, носить твоё тело со стрелой в голове! Давай сюда луки!

Я поспешил к отцу. Тот совершенно спокойным тоном сказал:

— Так, детишки. Меня беспокоит эта новая девчонка на лошадке слева. Дети ага Локнута нам не ровня, он бы не решил показаться здесь без козыря в рукаве. Предлагаю обстрелять эту девочку... По моей команде. Посмотрим, что она умеет.

Мы разобрали луки. Тем временем барон Сименс ага Локнут начал декламировать вызов на бой:

— Барон Ирвинг ага Долиган! Я вызываю тебя на бой! Имею честь напасть и захватить твой замок! В случае моей победы твои дети станут моими детьми, твой замок, твои люди и твои земли станут моими. В случае моей смерти мои дети станут твоими детьми, мои земли станут твоими землями и мои люди станут твоими людьми. Принимаешь ли ты условия благородного поединка?

Ага, обычный набег. Дело благородных. Вместо того, чтобы тихо хозяйствовать в своём поместье, они постоянно пытаются укусить кусок, который не смогут проглотить. Нападают друг на друга, захватывают сёла и замки. Убивают друг друга, а потом слушают песни про то, как и когда кто кого убил. Скучная и кровавая обыденность нашего мира. Считается, что эта постоянная война благородных позволяет жить спокойно и благополучно простым людям — им запрещено убивать, брать их в бой считается бесчестным делом, а сражаться за них в случае разных обид полагается благородным. Это держит количество благородных людей на таком уровне, при котором они не вытесняют с земли простых людей.

Вообще-то набеги друг на друга Государь запретил, для того, чтобы благородные множились и можно было потом выиграть войну с очередной волной диких орд, которые регулярно накатывают на нас с Дикого Поля. Но как остановить людей, которые не могут жить, не конфликтуя? Конфликты возникают постоянно, со всеми соседями, по самым пустячным поводам. Драка между мужиками за украденную корову, скошенное сено на чужом поле... А заканчивается это всё войной между соседними феодалами.

— Не принимай! Не буду я брать их детей. Истреби это злое племя под корень, — зашипела мама.

У нашей мамы есть причины обижаться на род, из которого происходит барон Локнут. Это длинная и кровавая история предательств и обмана.

— Не даст он себя убить. Сбежит, даже если придется детей бросить. Так что можно спокойно соглашаться, — ответил папа. А потом высунулся из-за бойницы, прокричал согласие и скомандовал обстрел.

Мы дружно запустили стрелы в девочку слева. Совсем молодая девочка, лет 12–13.

Увидев стрелы, нападающие просто отъехали к своим мужикам. Все, кроме парня по имени Дарко. У него была такая способность — он мог создавать перед собой небольшой вихрь, который сбивал направленные в него стрелы. Вот и сейчас он закрутил вихрь. Зря напрягались, мы в него не целились.

К этому моменту стало ясно, что строили мужики на заднем плане. Это оказалась катапульта. Первый выстрел оказался неудачным, камень пролетел далеко от тех, кто стоял на стене, но зато пробил крышу пиршественный залы.

— Атакуем! По коням! — решил отец.

Мужики уже вывели лошадей во двор замка и открыли ворота. Отец с ходу запрыгнул на коня и помчался на противника. Я боролся со стремями очень долго и выехал последним. Мешали тяжёлые доспехи и запасные колчаны со стрелами. Отец и старшие братья уже были на полпути к противнику.

В бою я играю роль ложной цели и подвижного склада. Я вожу стрелы и служу мишенью для вражеских стрел. Иногда мне можно выстрелить из лука, но такой случай предоставляется редко. Для выполнения роли мне выданы мощные доспехи, они настолько тяжёлые, что я еле могу влезть в них на коня.

Новенькая девочка проявила свои таланты. Она накрыла отца и других атакующих облаком тьмы. Со стороны облако было прозрачным, я хорошо видел всадников, но те очевидно потеряли ориентировку. Только отец продолжал скакать по прямой. Вскоре он выскочил из зоны поражения и оказался прямо перед девочкой.

Оказалось, что вражеские мужики собрали не только катапульта. У них была и баллиста — большой арбалет, который они тоже привели в действие. Стрела из баллисты пробила насквозь лошадь Консанса. Так вот какой у них был замысел: напустить на наших людей тьму, а пока они будут плутать в темноте, расстрелять их из баллисты.

Все хитрые члены рода ага Локнут держали лошадей мордами от замка. Увидев, что фокус с засадой не сработал, они пришпорили лошадей и помчались домой. А вот новенькая девочка только начала разворачиваться. Отец даже не стал рубить мечом, просто стукнул её кулаком по голове.

Два килограмма стали, помноженные ещё на скорость коня... Рука у отца тяжёлая. Даже когда он хлопает нас мягкой рукой самым мягким образом, остаются большие синяки. А тут с полной силы, да ещё в режиме стали... Я удивился, что у бедняжки не оторвалась голова. Но с лошади она слетела художественно.

Мужики у катапульта встали на колени, наклонили головы и обнажили шеи. Если простые люди посмеют попытаться убить благородного человека, то наказание одно — смерть. Они все это знали, но у них не было выбора. Если господин им приказал, они не могли ослушаться.

Убить благородного человека, строго говоря, не так уж и сложно. Всегда можно разбить самого прочного молотами на части или просто связать и утопить. Так и поступают простые люди во время разных крестьянских восстаний, или грабители на больших дорогах. Но в обычных условиях благородный человек не имеет права убивать простых людей, а простые люди не имеют права убивать никого. Их дело — жить и работать. Убивать и умирать за них — дело благородных людей. Это положение строго поддерживается всеми благородными людьми и всеми законами государства. Мужики, участвовавшие в нападении, это прекрасно знали. Поэтому сейчас они стояли на коленях и изо всех сил демонстрировали смирение.

У отца вышел спор с матерью. Мать предложила оставить их в пленных, а летом дать им землю и сделать своими работниками. Отец сказал, что весной он так бы поступил, но сейчас совсем не весна, и их придётся кормить всю зиму. А еды и своим не всегда хватает. В конце концов они сошлись на решении поотрубить чужим мужикам по одной руке и отпустить. Один из мужиков заголосил, что он кузнец и не сможет работать, просил отрубить ему ногу или даже две. Отец согласился на одну ногу.

Мужики принялись многословно благодарить отца за милосердие.

Я спешил и проверил девочку — магиню. Она не дышала. Нажал на глаз, глаз остался сжатым в щёлочку, как у птиц. Отмучалась.

Отец спросил взглядом, я покачал головой.

— Что это за девчонка, из Локнутов? — спросил отец у чужих мужиков.

Мужики дружно заговорили:

— Нет, благородный господин, не из основного рода. Их старший сын блудлив, это

ребёнок старшего сына и дочки мельника.

— Тогда ей правда было лучше умереть, — сказал отец, снял шлем и провел рукой сверху вниз. Все присутствующие повторили его жест.

Полукровка. Ещё одно запрещённое дело. Считается, что от браков благородных людей с простыми людьми могут родиться люди со способностями, но при этом оные способности значительно ослабляются. Поэтому всем детям благородных людей с детства строго внушают: «Никаких детей от простых людей. Многие дурочки из простых надеются повысить свой статус, заимев ребёнка от благородных, и готовы на что угодно. Никогда не связывайтесь с простыми людьми. Если очень хочется, займите любовницу среди благородных».

Прибыли мясники из замка и из деревни, пришёл святой отец. Начали ампутацию конечностей. Пленные мужики орали и божились. Наши селяне заметно получали удовольствие. Если бы затея удалась, сейчас эти враги грабили бы село и насиловали их женщин.

Раны полили теплым вином и перевязали. Отец распорядился выдать раненым телегу, пообещал, что если один из них через месяц не привезёт телегу обратно, то он навестит их в их селении. Мужики клятвенно обещали, что обязательно вернут и всегда будут помнить его доброту. Тело девочки — полукровки положили в уезжающую телегу, её лошадь и катапульты решили считать военной добычей.

Пленные уехали, мы вернулись в замок. Мама шепнула, чтобы я зашёл на задний двор и захватил учебные мечи. Щиты не брать.

Через пару минут я застал маму на заднем дворе в процессе разминки. Мама растягивалась, садясь на шпагат.

— Мне сдаётся, что наш уважаемый отец несколько торопится с твоим обучением. Фехтование — очень забавное и интересное дело. Попробую тебе это продемонстрировать. Пока я прогретая, давай поработаем. Защищайся!

В следующую секунду мама бросилась на колени, подставила свой меч под мой так, что я не мог его опустить, а затем показала, как следующим движением она бы взрезала мне живот. Я даже среагировать не успел.

— Защищайся!

На этот раз мама закрутилась вихрем. Я попытался ткнуть мечом в это кружение, но из вихря выскочила рука и мягко отвела мой меч в сторону. Потом мама как-то вдруг оказалась за моей спиной. А её меч оказался на моих плечах, около горла.

Мама показала ещё несколько приёмов. Это действительно оказалось интересно, почти как шашки. Тут надо было думать, а не застывать, пытаясь быть непробиваемым камнем, как я делал до сих пор. Я и не знал, что так тоже можно. Потом мы некоторое время отработали показанные приёмы.

После занятия я потащил мечи и доспехи в оружейную. На спуске в подвал меня кто-то пнул в спину, так, что я чуть не упал. Оказалось, это Ирис решила, что посмотреть на то, как я гремлю по лестнице с мечами и доспехами — это очень смешно. Я задумался. Ирис может чувствовать движения противников. Но если сделать такое движение, от которого она не сможет увернуться просто потому, что тело человека имеет ограничение по скорости передвижения, то ей всё равно попадёт. Как бы теперь придумать такое движение? Ирис стоит надо мной, на лестнице. Её свобода движения — подпрыгнуть, присесть или сделать шаг назад. Если я сделаю шаг вверх и стукну снизу вверх, то я её так или иначе достану.

На движении вверх я её не достал, она прижалась к стеночке. Но тем самым она лишила себя всех свобод передвижений. Поэтому на обратном движении она очень ощутимо получила ладошкой по дурной голове.

— А-а! Братец козёл, маленьких обижает, шуток не понимает! — завопила Ирис и убежала.

Наконец-то я смог её достать. Год она надо мной издевалась. А думать во время боя, оказывается, действительно можно.

Вторым в этот день огрёб Аксел. По приказу отца я помогал мужикам перемещать запас камней. Отец решил, что такое дело хорошо развивает силу. Аксел решил меня пнуть как раз тогда, когда я пятился задом вперёд, выходя из тесного прохода с тяжеленными носилками. Пнул и засмеялся. При этом в момент удара превратил ногу в камень, маленький подлец.

Я не подал виду, что мне больно (хотя было очень больно), и ласково его спросил, правда ли он считает делом большим чести напасть на родственника со спины, да ещё тогда, когда тот несёт большую тяжесть. Аксел захихикал и сказал, что это он так шутит, чтобы я за ним погнался.

— Во гавнина какая, — оценил дядя Ваню, нёсший со мной носилки.

— Мне некогда за тобой гоняться, я работаю. Делаю общее дело, полезное для всех. Но потом мне придётся тебя догнать и наказать.

— А, ничего ты мне не сделаешь! — принялся дразниться маленький поганец.

Я скомандовал поставить носилки и легко догнал визжащего от восторга Аксела. Тот сразу превратился в камень. Я зажал ему рот и нос одной рукой, прижал руки второй, а сам сел сверху. Через минуту Аксел попытался дышать через щели в пальцах и понял, что это очень некомфортно. Братец попытался достать меня ударами превращённых в камень ног, но я был готов к этому и прижал его ноги своими. Минутку я дал ему позадыхаться и поплакать, а затем отпустил. Он попытался меня ударить, я отделался от него хорошим пинком и продолжил носить камни.

За ужином отец после молитвы заявил, что на меня две жалобы. Ирис жалуется на то, что я её стукнул, Аксел жалуется на то, что я его почти задушил.

Я удивился и посмотрел на младших. Я никогда не жаловался на них отцу. А вслух ответил, что Ирис толкнула меня вниз по лестнице в то время, как я нёс оружие в оружейную, а Аксел бил меня каменными ногами в то время, как я нёс тяжёлые носилки.

— Ты толкнула человека вниз по лестнице, когда он работал с оружием? — удивлённо обратился отец к Ирис. Ирис испуганно промолчала. Баловство во время войны или при подготовке оружия наказывалось немедленной поркой.

Отец разразился длинной речью о том, что мы не должны быть подобны варварам с Дикого Поля, у которых все враждуют со всеми. Или подобными роду Локнут, где все живут только ради жадности и собственного самовозношения, и готовы передать кого угодно когда угодно ради малейшего преимущества, даже бросить своих детей. Мы должны быть дружной семьёй, в которой все стоят друг за друга.

А наказали в итоге, конечно, меня. Я не должен был быть таким жестоким с младшими. В наказание мне разрешили на ужин съесть только кашу, и никаких сыра и овощей. Насколько я знаю свою семейку, в ближайшие дни старшие братья — сёстры обязательно попробуют, могут ли они по-прежнему издеваться надо мной так же безответно, как и раньше.

После ужина я пошёл на псарню. Погладил Таку, мою любимую псину, немного

потренировал её на разные боевые упражнения. Така лизнула меня в щёку. Единственное существо в замке, которое всегда радо меня видеть. Единственное существо, рядом с которым я отдыхаю душой. Я люблю собак.

На следующий день я принимал участие в подготовке зимнего праздника в селе. В нашем селе восемьсот десять дворов. Это наши люди, наши мужики, которые выполняют всю работу нашего мира и которые ходят с нами на войну носильщиками и дозорными. Наше село считается большим.

На первый взгляд, восемьсот десять дворов — это много. Но это только кажется. Половина семей по разным причинам потеряла кормильцев, там только подростки, женщины и старики. Из оставшихся много пьяниц и буйных, которые умеют только конфликтовать и качать права. Хороших работников совсем немного, а тех, кто владеет ремеслом, совсем мало. У окружающих феодалов ситуация ещё хуже, из-за чего отцу пришлось переселить обоих наших кузнецов в замок. Их трижды пытались украсть.

Некоторые из мужиков тоже имеют выдающиеся способности на уровне благородных людей. Но их способности мирные, неприменимые в военном деле. Наш кузнец умеет быстро и очень точно стучать молотком, настолько быстро и настолько точно, что после него все детали получаются гладкими, как после полировки. Некоторые мужики могут поднять на вилах вдвое больше своего веса.

Но самое главное — в боевой ситуации они все теряются и действуют неловко. Кто-то просто замирает неподвижно, кто-то впадает в безудержное буйство и прёт на противника, не считаясь с числом. И никто из них никогда не думает о последствиях, они действуют только исходя из чувств. Так говорит наш святой отец Михидо, когда вдалбливает нам, почему мы никогда не должны обижать простых людей и почему мы должны следовать своему долгу и учению Бога-Из-Огня.

Зимний праздник — один из самых весёлых праздников. Во многом это детский праздник. В это время ставят качели, горку для того, чтобы брать штурмом, наряжают священное дерево посередине села... На сельский праздник приходят даже все обитатели замка.

Мои обязанности при подготовке праздника — математика, проверять, чтобы всё необходимое для праздника было заготовлено в нужных количествах. Я люблю математику. Мои старшие братья слились после того, как изучили умножение и деление. А я с интересом изучаю всё, чему может научить нас святой отец.

Наши селяне с трудом владеют сложением, но при этом при подготовке праздника у них почему-то все заготовки производятся в строго необходимых количествах. Я их записи, конечно, проверяю, но моя роль скорее ритуальная. Они никогда не ошибаются.

Визит в село — это одновременно и повод повидаться с моими друзьями, ребятами моего возраста. У меня много друзей в селе. Маркел умеет показывать театр теней, научился у его дедушки. Визго отлично стреляет из лука. Серен очень правильный парень, он всегда отговаривает нас от разных безумств. Когда один раз в детстве я решил попробовать, что будет, если залить цыплёнку в клюв чистый самогон, он не дал мне это сделать, сказал, что жалко жёлтенького. Теперь мне стыдно вспомнить об этом... Геригор просто весёлый парень.

Без них мне было бы намного хуже. И я был бы без них намного хуже. Они доброжелательные ребята, в отличие от моей бешеной семейки. Я многому научился у них — начиная от умения доить скот и заканчивая умением сводить бородавки с помощью

дохлой кошки и заговора. Моих братьев и сестёр не отпускали так легко к мужикам, как меня. Они никогда не ночевали в мужицких домах. А меня отпускали легко и на любое время — бесталанный кабысдох, иди куда хочешь. Зато благодаря этому я видел в детстве сказки, который рассказывал дедушка Маркета с помощью театра теней. И они были гораздо интереснее тех баллад, которые пели в замке заезжие бандуристы.

А теперь я приезжаю к ним проверять расчёты. После моего одобрения отец выдаёт из подвалов замка вина сколько запрошено без проверки.

Готовиться к празднику было весело. Дети кузнецов под руководством родителей создали такие красивые звёзды на дерево! Казалось бы, проволока и разноцветные стекляшки, а как восхитительно они смотрелись! Изо всех домов люди несли разные самодельные украшения и на центральное дерево, и на дома вокруг. Все работали дружно и весело, с шутками и прибаутками. Потом кто-то затянул шуточную песенку, её дружно допели. Иногда наши люди такие милые!

После подготовки мы с друзьями построили замок из снега. Свежевыпавший снег хорошо лепился, и мы забабахали такой замок! В разы красивее, чем наш фамильный.

На обратном пути мы с Сереном попали в драку между улицами. Мужики отчаянно лупили друг друга, кое-кто уже даже начал вытаскивать колья из оград огородов. Обходить было далеко, пришлось ждать.

Драка была грязная, глупая, ужасная. После маминого обучения я хотел подсмотреть разные боевые приёмы, но смотреть было не на что. Мужики не уклонялись от ударов, не маневрировали, просто стояли и лупили друг друга по очереди, кто быстрее упадёт. Один из мужиков получил больше остальных и был выброшен к нашим ногам. Пока он тряс головой, пытаюсь придти в себя, я спросил:

— По какому поводу священная война?

— Ой, простите, вашблгородие. Мы сейчас быстренько закончим и вас пропустим. Соседняя улица совсем обнаглела, наших обижают.

С этими словами он снова кинулся в бой.

Через несколько минут драка и правда закончилась. Те, кто остались стоять на ногах, устали, а те, кто уже не стояли, не могли высказать своё мнение.

Я как сын их господина должен был спросить:

— По какой причине драка?

— Жена вон того кинула камень в голову моей жене!

— А она плохо говорила про мою маму!

— И правильно говорила, вечно она подбивала твоего отца урожай с чужих полей собирать!

— А вы...

Полился поток взаимных обвинений, были припомнены обиды на четыре поколения. Всё это больше всего напоминало переговоры моих младших, кто кого первый толкнул и кто чью игрушку сломал, когда их отец ругает за очередную драку. Взаимная неприязнь нескольких поколений... Тут ничего не сделаешь. Что сказать в таком случае? Придётся нести банальную чушь, как это делал мой отец:

— Мы единый народ. Вы должны быть мирными и помогать друг другу. Мы должны вместе противостоять Дикому Полю и разным разбойникам, прощать друг другу разные обиды ради Бога-из-Огня.

Как я ненавижу, когда отец говорит нечто подобное!

Селяне разошлись в разные стороны, опустили глаза, зашептали: «Да, молодой господин». Я прошел между разгоряченными толпами, следом за мной крался Серен. На краю селения я распрощался с другом и зашагал к замку.

Ночь была неожиданно ясной, я засмотрелся на яркие звёзды и раз мечтался. У меня есть мой собственный мир, в который я ухожу каждый раз, когда выпадает случай помечтать. На этот раз я придумал этому миру волшебное существо — разумное облако, способное превращаться в прозрачную девушку, которая выводит заплутавших путников на правильную дорогу.

Отец был недоволен, строго спросил, почему я задержался. Рассказал ему про драку, про то, как я призывал селян к огнянскому прощению. Отец рассердился, но уже не на меня:

— Глупые мужики! А то нам сражаться не с кем! И так работать почти некому. Они ещё друг друга калечат!

Я зашёл в часовню к отцу Михидо. Мне всегда нравилось сюда заходить. Храм высокий, загадочный. А когда святой отец зажигает свечи, то становится даже красиво. По бокам от входа в алтарь резные изображения Бога-из-Огня и его благородной матери, в колеблющемся свете свечей они кажутся почти живыми.

Святой отец был здесь, проверял наши домашние работы по математике. Увидев меня, он заулыбался:

— Что-то надумал, четвёртый ага Долиган?

Когда отец Михидо хочет надо мной пошутить, он называет меня титулом.

— Надумал. Хотел спросить. Сейчас в селе был, запасы к празднику считал. Там драка была, две улицы очень упорно дрались из-за наслоения мелких распрей.

Отец Михидо кивнул:

— Нормальное дело для этих скотов. А в чём вопрос?

— Почему люди такие злые? Не хотят друг другу прощать ничего. Вечно ссорятся, бьются за ерунду в то время, как у нас полно других, намного больших задач. Непаханных земель вокруг полно, орды с Дикого Поля вечно валят. А они умирают от этих драк потом, семьи без кормильцев остаются, страна без защиты...

Святой отец захихикал:

— А ты как хотел? Господа Бога нашего за что сожгли? Так за то и сожгли! Он учил, что надо жить любовью и служением окружающему миру, что надо отказываться от гордости и болезненного самолюбия. А людям хочется служить гордости. Когда тебя обижают или противоречат, очень хочется наказать того, кто не принимает сразу твою правоту и не пресмыкается перед тобой. Всю жизнь я учу тому, что лучше просить прощения, чем забивать всех окружающих до состояния пресмыкания перед тобой. Так никто не верит. Все забивают всех нижестоящих. Старейшины родов давят младших мужиков. Отцы лупят жён. Жёны забивают детей до полного сживания со свету. Слышал бы ты, что мне дети на исповеди рассказывают! Так и живут, как одна стая собак против другой. А почему тебя это интересует?

— Хочется сделать так, чтобы люди могли жить мирно и не загрызали друг друга постоянно.

— Ты добрый мальчик. С большой способностью к состраданию. Это хорошо, если это будет мотивацией цели твоей жизни. Но это не должно стать твоей тактикой. Твоя роль в этом мире — благородный человек. Ты должен давить этих скотов так, чтобы они боялись только тебя и не загрызали друг друга. И в этом деле ты должен быть безжалостным.

— А я думал, что наш Бог требует любви и взаимного служения.

— А это и есть любовь и служение. Любовь не в том, чтобы потакать всем хотелкам детей или людей с животным уровнем развития. Любовь в том, чтобы делать то, что является правдой для данного момента. Как бы ни было тебе лично больно от этого. Помолись Господу, чтобы он наставил тебя на правильный путь.

— Господь сказал, что надо жить любовью и что вера без дел мертва?

— Истинно так.

— И какие добрые дела надо делать?

— Если ты хочешь стать богоугодным, то делами спастись невозможно. Необходимо измениться внутри.

— И как измениться?

— Отказаться от гордости, научиться всё делать с терпением, отказаться от гнева, постоянно посещать церковь, исповедаться и причащаться.

— Так а делать-то что?

— Невозможно заранее сказать, какое дело всегда будет хорошим, а какое плохим. Всё зависит от обстоятельств. И разобраться в них сможешь только ты и только после того, как откажешься от гордости, гнева и победишь страсти. Это приходит только после долгого опыта жизни по Божьим Заповедям.

Иногда нашего святого отца сложно понять. То он призывает к любви, то проявляет невероятную жёсткость. А чаще всего от общения с ним у меня остаётся ощущение, что меня просто дурят. Никогда толком ничего ясного не скажет. Вот и сейчас у меня было ощущение, что меня обманули. Но только я не мог понять, где именно.

В этот вечер Аксел и Ирис пристали ко мне с просьбой рассказать сказку на ночь. Ирис даже залезла на колени, как в раннем детстве. Странно, днём пакостят, а вечером ластятся. Я давно уже ничего им не рассказывал. Ладно, мир так мир. Протянули в главной зале веревочку, зажгли свечку, натянули ткань. Рассказал им свою любимую тему про волшебный мир, в котором люди летают на крылатых лошадях, пользуются услугами говорящих зверей и в котором есть разумное облако, что может превращаться в прозрачную девушку. Показывал происходящее теневым театром. Ох, далеко мне до дедушки Маркела. Руки совсем не слушались. Но молодёжь была в восторге и от такого зрелища. Когда пришла мама и навешала всем оплеух за то, что мы не спим после объявления отбоя, даже это не испортило прекрасный вечер.

Глава 2

Горячая зима

Это был первый день зимы. Мама учила меня уходить от ударов круговыми шагами, когда приехал гонец от Государя. Господин призывал всех своих знаменосцев для большой войны. С севера вторглись невиданные доселе орды полулюдей — полуволков. Эти существа имели шесть конечностей и могли сражаться и руками, и кусать пастью. Им хватало ума даже на то, чтобы пользоваться луками.

Отец послал гонцов к своим вассалам с требованием немедленно выступить в поход. У отца трое вассалов, и они очень неплохие (для благородных) люди. Иногда они приезжали к нам со своими детьми. У детей наших вассалов очень неплохие способности, отряд под предводительством отца является очень заметной силой.

Вечером отец объявил пир по поводу прибытия гонца и отбытия на войну. По этому случаю протопили большой зал и пригласили старейшин из деревни. На пиру отец набрался и, когда его взгляд упал на меня, разорался, что его сын не мог быть таким бесталанным. Обычно четвёртый ребёнок имеет какие-то новые способности, и он очень ждал четвёртого ребёнка, и что дело, по-видимому, в том, что я не его сын. Мама сначала тихо удивилась, но потом разозлилась так, что обругала его пьяницей, который сам не понимает, что говорит. Сказала, что вместо того, чтобы обвинять её в неверности, стоило сначала посмотреть, сколько он тогда пил. Это спирт сделал его семя водой, и нечего валить с больной головы на честную леди.

Окончание этого скандала я слушал уже из-за дверей большого зала, решил, что эту войну мне лучше переждать на отдалении.

Поутру отец был тих и непрерывно морщился. Вызвав нас в большой зал, он с возвышения объявил, что с ним на войну идут все старшие дети и Ирис. Мама, Аксел и я остаёмся защищать замок.

Правила требовали, чтобы я после приказа преклонил колени и пообещал выполнить приказ. Я так и сделал. Отец поморщился в очередной раз и добавил устно:

— Патрулируйте дорогу к городу как минимум раз в трое суток. Сейчас мужчин станет меньше, волки осмелеют. Вози с собой копьё, на одну плётку не надейся.

— Да, отец.

Папочка отпустил нас с Акселом лёгким движением руки и ещё раз поморщился.

После обеда обоз тронулся. Отец со старшими детьми, воины — дозорные нашего замка, мужики — носильщики из села.

Остающиеся в замке провожали колонну молча. Женщины из села понемногу выли, но тихо, побаиваясь отца.

У меня было ощущение, что закончилась одна эпоха и началась другая. Что за люди — волки идут с севера? Вернётся ли отец со старшими детьми или мы с Акселом так и останемся старшими мужчинами в роду?

Через день выпал снег. Снег падал целые сутки и завалил все дороги. Старики говорили, что не помнят таких снегов. А ещё через день снегопад повторился. Селяне не успели даже толком разъездить дороги по селу и к замку, как их завалило заново. Снег дошёл до окон сельских домов.

После снегопада мы попытались проторить дорогу к городу. Впереди шли сани —

волокуши, за ними шли мы с Аскелем и дядькой Ферано, последним оставшимся в замке дозорным из числа обычных мужиков, нашим наставником по фехтованию. Через два часа лошади устали так, что мы вынуждены были повернуть обратно. Не прошли даже четверти пути до города. Только наши собаки, моя Така и Сирг — молодой кобель Аксела — радовались снегу и носились туда — сюда. Но только там, где снег был умят волокушей.

После такого похода пришлось целые сутки отдыхать. Моя рука после тяжёлого копья отвисла так, что вообще не поднималась.

Мама использовала это время для того, чтобы тренировать нас и учить фехтованию. Иногда она учила сама, иногда организовывала дядьку Ферано. Чаще с нами занимался дядька, так как мама теперь всё время ходит в лёгких доспехах на случай внезапного нападения.

Почтенный сударь Ферано был самым опытным бойцом в папином отряде из числа обычных людей. Довольно часто отец поручал ему заниматься с нами фехтованием вместо себя. До сих пор он мною занимался мало, больше уделял внимание старшим братьям. Мне обычно давали деревянный меч и говорили бить по мешку, набитому конским волосом.

Теперь старшим стал я, и Ферано занялся мною вплотную. Я приятно удивил его, когда ушёл от удара так, как учила мама. Дядька восхитился и решил, что я достойный ученик. Вот тут-то мои косточки и заскрипели. Даже с учётом того, что меня с детства сажали на шпагат и заставляли заниматься самой тяжёлой работой, мне пришлось нелегко. Дядька знал множество приёмов и грязных трюков и горел желанием показать мне их все. Аксел лёг на пол и отказался заниматься через сорок минут. Я продержался все два часа.

После такой тренировки поездка на лошади по глубокому снегу с тяжёлым копьём показалась отдыхом. На этот раз мы дошли до середины дороги, до сгоревшего села. Когда-то это было наше поселение, но все желающие захватить наш замок господом первым делом считали необходимым разграбить это село. В итоге папочка приказал подпалить дома и переселил всех в село у замка.

На обратном пути выяснилось, что папочка не зря поручил мне патрулировать дорогу. На совсем небольшом расстоянии от дома мы наткнулись на двух селян, которые выехали на заготовку дров. Лес около замка и села отец вырубать запретил, поэтому селяне вынуждены ездить за валежником и сухими сучьями довольно далеко в лес. Их сани были окружены волками, и выглядели наши селяне совсем неважно, несмотря на наличие двух топоров.

Волки посмотрели на наших бронированных лошадей, на длинные копья и решили не связываться, ушли в лес. Наши собаки облаивали их ещё долго после того, как звери скрылись в лесу, но из-под копыт лошадей.

Мы немного проводили дровосеков и двинулись отогреваться домой.

Два дня мы отогревались и тренировались. В качестве разминки два раза выезжали на охрану дровосеков. Волки не появлялись.

В следующий выход до города взяли трое саней с запасом провизии и шесть мужиков на лошадях. На этот раз мы всё-таки пробили дорогу до города. Иногда приходилось пускать в дело лопаты. Небольшой городок, в котором царствовал граф ага Мирадонел, отличался от нашего села только тем, что был обнесён стеной из жердей, а ещё в нём сходилось пять дорог. Мы заехали в замок, засвидетельствовать почтение правящему семейству. Графа не было, он ушёл с войсками, как и наш отец. Графиня приказала нам остаться на ночлег и не желала слушать возражений. Мы не были вассалами графа, но пришлось подчиниться старшим соседям. Мужики были счастливы, что не придётся тащиться несколько часов по

ночному лесу.

Графиня отчаянно скучала и по этой причине была рада даже таким гостям, как мы. Она устроила маленький пир, для которого использовали в том числе и наши продукты. Речь за столом шла в основном о том, что волки совсем осмелели и появляются даже под стенами города. Было забавно слушать, как ко мне обращаются «молодой ага Долиган».

Поутру, едва мужики продрали с похмелья глаза, отправились домой. Графиня в знак особого уважения подала мне копьё сама. Старинные обычаи. Женщина главы замка должна подавать мужчине копьё перед выходом на войну. Если нет жены, то должна подавать дочь или старшая из служанок. Наши люди так любят старинные обычаи... Иногда в этом что-то есть.

Не успели мы отъехать от города и пары часов, как наткнулись на сани торговца. Лошадь торговца аппетитно догрызал небольшой бер. Сам торговец сидел в санях, старательно притворялся камнем и отчаянно пытался передать это ощущение Хозяину Леса. Лошадки мужиков, увидев такую картину, дружно развернулись и пустились наутёк. Остались только сани, им было не развернуться в узкой колее. Но их возничие тоже сбежали. Наши собаки, громко гавкая, принялись носиться вокруг бера.

Мужики ругали своих лошадей последними словами, но сделать ничего не могли. Я только сейчас сообразил, что моё копьё привязано к плечу накидной петлёй — сам придумал, чтобы рука не отвисала. Я не успею его отвязать, чтобы спрыгнуть и встретить Хозяина так, как учили старшие — ударом снизу вверх, под ребро, прямо в сердце, когда он поднимется на задние лапы. Убегать бесполезно, догонит и задерёт лошадь, надо было разворачиваться сразу, как мужики.

Моя лошадка, моя дорогая Звёздочка, озадаченно встала. На бой против других лошадей и против строя пехоты её тренировали, но здесь было что-то новое. Я понял, что если дать ей время для размышлений, то она вспомнит природные желания и попробует удрать. Поэтому я её пришпорил и помчался на бера. Маленький какой-то, и вообще, что он тут делает зимой? Все беры зимой спят в берлогах. Кто его разбудил?

К моему счастью, длины даже привязанного копья хватило для того, чтобы дотянуться до горла вставшего на дыбы зверя. Я попал ему аккурат в горло, пробил до позвоночника. Удар был очень сильным, мы протащили его пару шагов, прежде чем туша за что-то зацепилась, и копьё вырвало из моих рук. Поскольку оно было привязано к плечу, следом шлепнулся и я. Лёжа на снегу и глядя на красивые лапы елей, я подумал, что никогда больше не буду привязывать копьё.

Красивую картину голубого неба и живописных деревьев заслонили три морды, слева — дядьки Ферано, справа — Звёздочки, сверху — Таки.

— Молодой господин, шож вы так торопитесь, надо было секунду обождать, у меня папочка на беров многожды хаживал, и меня научил, сейчас бы мы его аккуратненько на рожон насадили, а то ведь так если себя не жалеть, то и протянете недолго!

Дядько Ферано что-то ещё многословно причитал, похоже, он здорово испугался отвечать перед отцом за моё здоровье. Я приподнялся и увидел, что Аксел спешил и бежит к нам, в руке копьё. Мужики справились со своими лошадками и возвращались шумной толпой. Всё вокруг как-то плыло, похоже, я здорово приложился при падении.

В сани торговца впрягли одну из мужицких лошадок, её хозяин далее ехал на наших пустых санях. Тушку бера тоже положили в наши волокуши, дядька Ферано сказал, что из него будут отличные котлетки, пригласил всех присутствующих на пир.

Мужики всю дорогу обсуждали мой глупый рывок так, будто сами его видели и как будто это было невесть какое героическое дело. Насколько я знаю, некоторые из наших охотников часто на бера с копьём ходят, пешком, без лошади и без брони. А я в броне и на лошади...

Вот и наш замок. Мы уже предвкушали тепло и отдых, но выяснилось, что придётся объезжать всё село. Волки поутру покусали одну женщину, вышедшую во двор за дровами. Загрызть не смогли, соседи набежали на крики, но это произвело впечатление. Народ послал ходока в замок, просили защиты.

— Там полно мужиков, неужели не могут собраться и выйти группой с луками, — проворчал я, но вынужден был развернуть лошадь. Звёздочке это понравилось не больше моего. Сдав тушу бера на кухню, мы двинулись в село, сопровождая сани.

Объезжать село было трудно, дороги не было, лошади вязли в снегу по брюхо. Пара волков нашлась на крыше одного хлева. Они интенсивно мыслили, как бы разобрать крышу из камыша и соломы, чтобы добраться до скотины внутри. У них это почти получилось. На нас они посмотрели так, будто собирались попросить помочь. Но стоило мне достать лук, как они спрыгнули с невысокой крыши и помчались к лесу. Впрочем, «помчались» будет громко сказано, глубокий снег мешал и им. Я попытался догнать их, но Звёздочка после нескольких шагов фыркнула и встала. Послал вслед волкам стрелу, но с тем же успехом можно было стрелять в белый свет как в монетку. Слишком они быстро двигались.

Звёздочка идти в глубокий снег к лесу отказалась, пришлось искать стрелу на своих двоих. Еле нашёл.

Больше волков мы не нашли и разошлись по домам, мужики в село, а мы с Акселом и дядькой Ферано в замок. Ух, как же я устал и проголодался в этот день! Впечатление сгладили только котлетки из мяса бера.

Попросил нашего кузнеца приладить к седлу какую-нибудь подставку, чтобы можно было ставить копьё на дальних переходах. Он обещал к утру сделать.

Конюха предупредил, что утром мы вдвоём с Акселом идём в село, патрулировать от волков.

Аксел поутру честно попытался проснуться. Но заснул в сидячем положении, даже не дойдя до завтрака. Махнул на него рукой, решил ехать один. Взял только Таку.

Кухарка нагрузила меня дополнительной задачей — отвезти мясо бера тем мужикам, которые вчера не стали дожидаться котлеток. Этот груз оказался неожиданно тяжёлым. Решили погрузить его в перемётные сумы на коня Аксела, поскольку он уже был запряжён. Так и выехал, ведя в поводу коня брата. Мама вышла к воротам замка, наказала быть осторожным. Я отмахнулся:

— Я еду только организовать селян, чтобы сами вокруг села патрулировали. Без нас даже на простейшее дело организовать не могут!

На полпути к селу я увидел какого-то странного волка. У него передняя часть тела была намного длиннее, чем у обычных волков. У волков вообще передняя часть очень большая, я всегда удивлялся, как их такая тяжёлая голова с мощной шеей на бегу не перевешивает. Но у этого она была ещё больше.

Волк крался в сторону села и меня, похоже, не замечал. Я взял немного ближе, чтобы посмотреть, что это такое. Звёздочке глубокий снег не понравился, и она фыркнула. Волк повернулся на звук и увидел меня. Он приподнял переднюю часть тела, и вдруг я увидел, что у него есть руки, а в руках самый что ни на есть настоящий лук! Ждать стрелы я не стал,

резко подал назад — вправо. Если эта тварь хоть немного умеет стрелять, он будет стрелять на упреждение — вперёд — влево.

Так и вышло. Звёздочка точно исполнила команду, волчья стрела упала далеко слева. Я уже снял свой лук. Волк рыкнул. Из ниоткуда взялась дюжина волков и помчалась ко мне. Похоже, под снегом прятались. На снегу уже заледенел наст, и волки не проваливались. Чего не скажешь про мою Звёздочку. Ладно, сейчас я вам устрою. Только бы успеть обратно на дорогу!

Я успел. Пока выбирались из снега, я послал две стрелы — одну волкочеловеку, чтобы не стрелял, вторую ближайшему волку. Как это ни странно, в ближайшего волка я попал. А ведь почти не целился. Я даже успел хлопнуть по крупу коня брата и скомандовал ему «Домой!». Коняга выполнил приказ с большим энтузиазмом. Така сбежала вслед за ним. Трусливая сука.

К моменту, когда волки дошли до дороги, я уже приготовил копьё и набрал скорость. Первый зверь, который решил прыгнуть на меня, был с разбега насажен на копьё. Я сбросил ставшую бесполезной палку и достал плётку. Специальная плётка против волков, со стальными грузиками, вплетёнными в кончики концов. Всё, серые, теперь вы добыча, а я — охотник. При хорошем ударе грузики перебивают волку если не позвоночник, то рёбра. Так утверждал дядька Ферано. Главное — не дать волку уцепиться за ручку плети и не снижать скорость движения. Первый волк от удара плети покатился по снегу и завизжал. Я перекинулся на другую сторону и огрел волка слева. Этому повезло, плётка только скользнула по шкуре. Волк тоже завизжал, но остался цел.

Мы со Звёздочкой выполнили резкий разворот и помчались в противоположную сторону, туда, где выскакивали на дорогу другие волки. Что-то их многовато. Но я всё равно направил лошадь на них. В следующие секунды я был очень занят, хлестая плёткой налево и направо. При этом надо было пригибаться, чтобы не получить стрелу от волкочеловека.

Не знаю, насколько повреждены были волки, но те, по кому я попал, преследовать нас не стремились. К сожалению, я попал не по всем. Пять зверей продолжали преследовать мою лошадку прямо у задних ног. Пришлось достать лук и стрелять в полуоборота назад. Трое зверей остались на дороге. Я спрятал лук и снова достал плётку, после чего снова скомандовал Звёздочке резкий разворот. Но скотина уже почуяла замок, к которому мы приближались, и решила, что теперь имеет право испугаться. Я уже наклонился сильно налево, и в итоге чуть не вылетел из седла. Ухватился за седло в последний момент, сильно свесившись вниз. Волк чуть не тяпнул меня за задницу, еле успел вовремя убрать.

Перед воротами замка бесновался конь Аксела, ржал и визжал. Ворота открылись, но не для того, чтобы впустить трусливую скотину, а для того, чтобы выпустить колонну кавалеристов. Мама, Аксел, дядька Ферано, конюх и кузнец. Даже заезжий торговец принял участие в потехе. Все в броне и с луками. Они там что, всё это время броню надевали? Для этого же нужна уйма времени.

Мне наконец-то удалось вскарабкаться обратно в седло. Волк справа получил плёткой, волк слева, решивший развернуться, получил стрелу. Через несколько секунд мои родные были рядом. Така вернулась вместе с ними и делала вид, что возглавляет преследование волков.

— Ими командует волк — человек, у него лук, — доложил я самое главное.

Эти грубияны решили, что я шучу, и подняли меня на смех!

— Посмотрим, как вы будете смеяться, когда я вам его стрелу найду! — обиделся я и

поехал в село.

На этот раз меня сопровождали дядька Ферано и Аксел. Они даже ехали ближе к лесу чтобы защищать меня своими доспехами и каменным телом. Следом ехал торговец, он хотел купить в селе лошадь вместо погибшей. По пути мы добивали волков, которые ползли к лесу. Эффективность моей плети оказалась много меньше обещанной. Така облаивала волков, но держалась от них подальше.

Волкочеловека видно не было.

— А что ты хочешь? Руки тринадцатилетнего совсем не так сильны, как у взрослого, — неожиданно сказал Ферано, добивая пятого волка. Странно, я ничего не говорил, только стрелы вытаскивал из тех, в кого попал.

Стрелу волкочеловека я искал очень долго, но всё-таки нашёл. В глубоком снегу, почти на ощупь, но нашёл. Така помогла. Хоть какая польза от дуры.

Рассматривая её, дядька долго цокал языком. Сказал, что наконечник сделан из камня, что очень непросто. К тому же камень такого сорта, каких здесь нет.

Вот и нечего было надо мной потешаться!

После небольшого совета решили, что мужикам про волкочеловека говорить не будем, если они не видели. Иначе на патруль их потом не дозовёшься.

На краю села нас встретила небольшая группа селян с древоколем. Кто-то увидел, как я танцую с волками, и собрал ближайших мужиков. Что лишний раз подтверждало наш старый опыт, что в любое время суток в сторону замка всегда смотрит не одна пара глаз. Мужики шумно обсуждали мои манёвры, но за пределы села не вышли. Волка с луком они не видели.

В селе мы первым делом заехали к старосте, предупредили, что собираем совет. Пока уважаемые люди собирались, проехали по селу, раздали мясо Хозяина. Большинство мужиков ещё отсыпались после похода. Чтоб я так жил!

На совете я потребовал, чтобы селяне создали патрульные группы, от волков, и проторили дорогу вокруг села, чтобы я мог объезжать село вокруг. Потребовал, чтобы патрульные были вооружены луками, не менее четырёх на группу. Они ещё пытались спорить! Они-де сильно заняты, делают бочки и корзины на лето. А луков у них нет и быть не может, так как все кузнецы в замке. Так что благородные должны защищать их, как обещали.

Я разорался, что хоть на какую-то минимальную самоорганизацию они должны быть способны. Говорил, что мы их и так защищаем, но мы не можем быть в каждой точке их села. Что волки есть будут не наших детей, а их. Про бондаря сказал, что он всего один, так что про бочки ездить мне по ушам не надо. Если он так занят, можно его освободить от патрулирования. Стрелы и луки пришлось пообещать из запасов замка, но только металлические части. Деревянные пусть сами делают. Дорогу вокруг села по снегу волокушами разъездить — дело одного дня. Зато никто из их людей и скотины не будет съеден волками.

— Молодой господин так ревностен в своём деле, — усмехнулся староста.

Я вдохнул воздуха, чтобы разораться ещё раз, но дядька Ферано мягко положил свою руку на мою. Я замолчал. Мужики начали препираться, кому и когда идти в патруль, все вдруг оказались очень сильно заняты. Я понял, что староста уладит эту политику намного лучше без нас, и отправился патрулировать вокруг села.

Брат и наставник по-прежнему прикрывали меня от леса. Впрочем, ни волков, ни волкочеловека мы не нашли. Я задался вслух вопросом, не мог ли бер-шатун быть

разбуженным волкочеловеком в качестве диверсии и не следует ли ждать подобных пакостей в будущем? Дядька Ферано почесался и сказал, что это возможно и что это могло бы стать большой проблемой.

Хозяев Леса довольно много, наши селяне боятся их так, что даже избегают называть их настоящим именем — бер. Но летом они мирно шатаются по лесу и людей, как правило, не трогают. Другое дело зимой... Единственным источником еды тогда останется село.

Вернулись в село, посетили старосту. Староста сказал, что с завтра патруль будет ходить вокруг села. Мы предупредили его, что утром проедем вокруг села и пойдём проверять дорогу до города, так что на нас пусть не надеются.

Нашли торговца, поскакали в замок. Селяне уже прибрали волчьи шкуры. Тоже хорошо, в дело пустят.

В замке выяснилось, что торговец кроме вина и золотых украшений привёз несколько книг — про историю древних войн и про военные машины. Я чуть с ума не сошёл, умолял мамочку купить их. Мама сказала, что она даже от золота отказалась, война же, какое золото и тем более книги! Я напомнил, что у нас две трофейные машины, которые надо привести в порядок. Мама неохотно поговорила с торговцем и неожиданно они пришли к весьма взаимовыгодному соглашению — мы сплывили торговцу коня, который уже не годился под седло, а взамен получили книги и кое-что из золота.

Кузнец просьбе наладить пять луков для селян не обрадовался. Ещё бы, у него было столько выгодных заказов на топоры и прочий инструмент для тех же селян! Пришлось надавить и напомнить, что волки могут съесть и его детей, когда они пойдут в село к друзьям. Только после этого кузнец одумался и даже попросил извинения за первое побуждение отказаться. Он видел, что произошло утром...

Обе книги оказались жутко интересными. Я зачитался и опять огрѐб от мамы за перерасход свечей.

Вставать поутру было очень тяжело. Все мышцы болели. Я уснул в сидячем положении, как Аксел накануне, и проспал то время, за которое хотел сделать домашнее задание по математике для отца Михидо. Ох, отругает он меня вечером...

Патрулировать село и дорогу выехали втроём — я, дядька Ферано и Аксел. На этот раз в полной броне, как положено. Собак брать не стали, толку от них чуть, а шума много.

Около села всё было спокойно. Дорога до города была в неплохом состоянии, и мы двигались очень быстро. Мы почти дошли до окончания леса, когда увидели возок и грабителей. Возничий лежал недалеко от саней, всё вокруг было забрызгано кровью. Неведомые личности хозяйствовали в крытом возке. Дядька Ферано придержал мою Звёздочку:

— Молодой господин, если это грабители, то их может быть много. Людям уже не помочь, нам лучше уехать за подкреплением.

— И когда вернёмся? Завтра? Зачем мы тогда вообще выезжали? Давай хоть из луков их обстреляем, а потом ускачем. Пару мерзавцев положим, будут знать.

Мы двинулись вперёд тихим шагом. Лошадь в санях билась и часто ржала, что заглушало наши шаги. Мы приготовили луки. Разбойников на удивление не было видно, только возок трясся.

Ещё один убитый человек нашёлся за возком. Красивая одежда, средних лет, на поясе меч. Скорее всего, сопровождавший возок. Горло у него было разорвано.

Из двери возка торчала чья-то задница в меховых штанах. Я без долгих раздумий

запустил стрелу так, чтобы она пробила спину и живот. Брат и наставник сделали так же. Из возка выскочило Нечто. То, что я принял за меховые штаны, было природным мехом этого чудовища. Человекоподобные фигура вся была покрыта этим мехом. А морда... Морда была чем-то средним между свиньёй и бером. Узкие глазки, огромная пасть.

У нас на луках уже лежали стрелы, которыми мы повторно утыкали страшилище. Аксел ухитрился попасть ему прямо в разинутую пасть. Результат был нулевой. Чудовище вытащило стрелу из глотки, заревело и бросилось в атаку.

Копьё было только у меня, поэтому я бросил лук, направил копьё на страшилище и пришпорил Звёздочку. Лошадка была так удивлена этим Нечто, что даже послушалась вместо того, чтобы удрать без памяти. Чудовище поднырнуло под копьё, перекатилось под боком коня Аксела и прыгнула на брата. Будь мой брат обычным человеком, огромные когти разодрали бы его до мяса. Вместо этого пострадала только одежда. Дядька Ферано успел достать меч и рубануть по шее чудовища. Даже после этого оно не сразу умерло. Голова продолжала открывать и закрывать челюсть даже после того, как мы нанесли десятки ударов в сердце и около.

Дядька Ферано занялся обработкой спиртом ран Аксела. Он хоть и каменеет, но лёгкие царапины на коже могут остаться. Я прошёл к возку. Внутри обнаружилась на четверть съеденная девушка. Судя по знакам на одежде, из семьи Ирмаников. Как они сюда попали? Похоже, спутали дороги. Один из баронов этой семьи живёт далеко по соседней дороге, если ехать от городка графа Мирадонел. Кто же их сюда направил? Если барон решит, что мы намеренно завезли его родственницу на нашу дорогу и грохнули её тут, могут быть проблемы. До сих пор мы с этим родом не враждовали.

Я принялся копаться в вещах девушки. Ничего интересного, женские вещи. Нашёл письмо к барону, родственница направляла дочь из района военных действий в более безопасное место. Лучше бы она к армии присоединилась...

Вещички поинтереснее нашлась у возничего. Карта нашей местности, причём не очень правильная. Вот в чём дело. Они ехали по карте, а на ней две дороги были нарисованы очень неразлично, легко спутать.

— У него раны зарастают! — прозвучал вопль Аксела.

Я подошёл к чудовищу. И правда, те места, в которые мы с увлечением тыкали мечами и копьями, почти затянулись. Голова, висевшая на лоскутке кожи, теперь подтянулась к телу, щель начала зарастать.

— Несём сушняк, — скомандовал Ферано.

Мы дружно навалили кучу сухих сучьев, навалили сверху тушу с тщательно отделённой головой и подожгли. Я выразительно посмотрел на наставника.

— В жизни таких не видел. В легендах только слышал, что бывают такие неуспокоенные мертвяки, которые после смерти начинают есть всё, что на дороге попадётся, и которых убить почти невозможно, так как они и так мертвы, — ответил на очевидный вопрос дядька Ферано.

— Явно не наш случай. У него кровь текла и раны зарастали.

— Мало из него кровь текла, считай почти не было. Из человека такого размера ведро вытекает, а тут мы едва мечи намочили. Это не кровь, это его заживляющая жидкость. Это какое-то вражеское создание, нежить, без Врага точно не обошлось.

Вскоре от туши остались одни косточки. К этому моменту мы погрузили тела в возок и двинулись к замку графини. Всё божьи души, пусть их святой отец графини отпоёт. На

всякий случай захватили и череп чудовища.

Охрана замка поначалу нас пускать не хотела по причине наступления темноты. Вышла графиня, прикрикнула на охрану, и мы въехали. Начались охи — ахи. Девушка выехала от графини только утром. Никто из стражников и прислуги замка по черепу чудовище опознать не смог. Одна из служанок сказала, что слышала в легендах, что такое неубиваемое чудовище может родиться от человека с качеством «быстрозрастающая кожа» и козы. Святой отец замка без долгих раздумий треснул служанку по голове и сказал, что гибридов человека и козы не бывает. Остальные заулыбались. Свойство «быстрозрастающая кожа» было у графа Мирадонел.

Святой отец графини отпел погибших прямо в возке, а затем их сожгли. Наверное, графиня поступила мудро, отдав такой приказ. Барону Ирманику отправили только письма, неправильную карту и краткое описание событий.

На обратном пути мы повстречали стадо оленей. Вожак стада имел глупость встать посреди дороги и угрожать нам рогами. Ну и что, что он крупнее лошади? Нашпиговали его стрелами, как ёжика, и разрезали на мясо. Лошадям дополнительный груз очень не понравился, но в замке были очень рады неожиданному пополнению мясных запасов. Половину оленины мама приказал отвезти многодетным семьям в село. Отвезли.

Вечером мы с Акселом получили ожидаемый нагоняй от святого отца за неделанную математику. Пришлось делать домашку прямо при нём. Отец Михидо всё время, пока мы решали задачи, ворчал, что приходится жечь свечи вместо того, чтобы учиться днём при дармовом свете.

Жизнь понемногу начала входить в колею. Каждые три дня мы ездили до городка и обратно, укладывались в один день. В другие дни объезжали село. Два раза на нас пыталась напасть волчья стаи. Мы и лошади были в броне, с копьями, луками и плётками. Больше волки не пробовали. Волкочеловек тоже больше не появлялся.

Через месяц после отъезда отец прислал пятерых легко раненных стражников и письмо. Писал, что войско волклоудей после первых схваток прямых боёв больше не принимало. Войско разбилось на маленькие группки, которые попытались проникнуть в тыл и вырезать простых людей. Им это не особо помогло. Кавалерия благородных перемещалась по дорогам быстрее и была лучше бронирована. Господин решил распустить армию и оставить только отряды прикрытия из самых быстрых и мощных рыцарей. Отец вошёл в их число. К письму прилагался рисунок волкочеловека. Картинка полностью совпала с тем, что я видел в реальности.

Решили, что вместо пятерых стражников стоит послать к отцу дядьку Ферано. Стражники уже почти выздоровели и вскоре смогут встать в строй.

Я нарисовал рисунок того волкочеловека, которого видел около села, описал наши дела. Нарисовал и то чудовище, которое нам пришлось сжечь, просил узнать, слышал ли кто-нибудь о чём-нибудь подобном. С этим письмом дядька Ферано уехал к отцу. Мы с братом проводили его до городка. По пути встретили шайку разбойников, которые засели на нашей дороге. Они попытались атаковать. Мы не приняли ближний бой, отошли подальше и обстреляли их из луков. Мы были в броне, а они нет. Этот фокус с имитацией атаки и резким разворотом — отходом мы повторили несколько раз. После того, как трое разбойников получили стрелы в разные части тела, банда ушла в глубину леса.

Дядька Ферано сказал, что грабители обычно трусы и что теперь, получив отпор, они уйдут на какую-нибудь другую дорогу. Он оказался прав, на обратном пути нас никто не

тронул.

Праздник Обновления справили тихо и мило. Обычно после этого праздника продолжительность солнечного времени увеличивалась, а морозы крепчали. Мужики на Обновление обычно надирались до предела, чтобы незаметно пережить скучные холодные дни, в которые все отсиживались по домам. На этот раз все ждали ушедших с отцом мужчин, и никто особо не буянил. С утра народ потянулся на праздничное богослужение. Храм уже был открыт, мы украсили стены замка и храма еловыми ветвями. На службу пришли почти все селяне. Отец Михидо очень душевно отслужил праздничную церемонию, после чего вся толпа повалила в село, где уже были накрыты столы. На этот раз мне не положено было веселиться вместе со всеми, вместе с тремя из наших пяти стражников мы с самого раннего утра в броне и с полной выкладкой курсировали на пути от села к замку. Защищали сначала людей, шедших в храм, а затем обратно.

Даже к столам получилось заехать только тогда, когда уже почти всё съели. А жаль, хозяйки на праздник Обновления обычно готовят самое вкусное, полгода откладывают разные приправы и сухофрукты. Частичным утешением было только то, что нас приветствовали очень громко и очень сердечно. Ближе к вечеру подобрали пару мужиков, которые перебрали так, что уснули под заборами. Без нас, наверное, замёрзли бы.

Глава 3

Тёмные тучи над замком

Отец вернулся через пять недель после стражников. Первым делом он наорал на меня за то, что мы плохо патрулировали дороги.

Отец простудился на государственной службе, и его везли в санях. Остальные воины на пути через лес тоже решили, что они уже дома, и сложили оружие и доспехи в сани. Разбойники подумали, что это купеческий караван, и напали. Отцу пришлось в полуодетом виде лезть на коня и рубить разбойников без меча, пока остальные воины разбирали оружие. Его здоровье и самочувствие от этого не улучшилось. Особенно самочувствие. Не успев въехать во двор, он принялся орать, что мне надо было не хранить в безопасности свою мягкую задницу, а идти рубиться с разбойниками насмерть, хоть умер бы с честью.

Мы патрулировали дорогу только вчера, а сегодня выдержали довольно тяжёлую погоню за волками. Волки рискнули подойти к селу, и на этот раз, чувствуя поддержку четверых стражников, я рискнул погоняться за ними по глубокому снегу. Эффект был почти нулевой, подстрелили только пару зверей, остальные утекли в лес. Но мы сильно устали, вернулись в замок всего за несколько минут до отца.

Святой отец Михидо учил нас никогда не оправдываться. Говорил, что оправдания воспринимаются как ответное нападение. Поэтому я отреагировал очень кратко:

— Простите, отец, старался как мог.

— «Простите, простите»! Только и можешь, что извиняться! Как давно проверяли хутора?

— Никогда не проверяли. Хватало волков и разбойников.

— Хутора — самое уязвимое место! Как вы могли про них забыть! Особенно после того, как увидели, что тут бродят глули!

— Это кто ещё? — удивился я.

— Это вот то якобы неубиваемое чудище, о котором ты мне хныкал. Они хорошо известны, надо было лучше учиться. Книга «О тварях поднебесных и гадах водяных». С детства вам читал, а вы в неё когда крайний раз заглядывали, лентяи? Им достаточно срубить голову и сжечь. Хватит лентяйничать! Быстренько поднимай свою задницу, бери пару стражников, и по хуторам сейчас же!

Мне оставалось только отсалютовать и исчезнуть. Заставлять идти со мной уставших стражников я не мог, поэтому организовал только того, который оставался в замке. Взял ещё Таку. Вместе с ним мы дошли до села, заехали к старосте. Староста вместе с почти всем населением нашёл на краю села. На нас посыпались вопросы: все ли уходившие мужики вернулись, как они. Я ответил, что среди мужиков потерь вроде бы нет, но отец гонит меня по хуторам, нужны сани. Началась прятка, староста называл очередников, но те отказывались под разными предлогами, говорили, что выполняли разные другие общественные обязанности. В конце концов сани и возникшего нам нашли. Это оказался отец Визго, дядька Визигон. Пошли к нему домой, там Визго начал проситься с нами в поход. Я посоветовал другу остаться дома.

Дядька Визигон разумно предположил, что в дальний поход лучше выходить поутру, пока сани наладим, уже смеркаться начнёт. Я пожал плечами — отец потребовал уйти немедленно, я так даже без обеда остался. Меня тут же усадили обедать вместе с Визго. За

время обеда Визго уломал отца взять его в поход.

Выехали мы и правда поздновато, уже начинало темнеть. По очевидной причине нехватки времени решили направиться к ближайшему хутору. Дорога туда плохая, но зато идти всего часа два.

Хутора — это наша постоянная головная боль. С ними всегда что-нибудь случается. То недобры молодцы из соседних сёл забредут покуражиться, то волки кого-нибудь загрызут, если не хозяев, то скотину. Однако, отец продолжает развивать хутора. Во-первых, это дополнительные посевные площади, во-вторых, на хутора можно выселить особо сильных и неуступчивых мужиков, которые конфликтуют в селе. На хуторе их крутость как раз кстати. В-третьих, там можно выпускать на выпас скотину с намного меньшей вероятностью, что её уведут. Оборудование хутора стоит дороже, чем дом в селе, на хуторах каждый раз приходится строить что-то типа маленького замка. Но и прибыль от них больше.

Дорога к хутору мне не понравилась. Мы знали, что с хутора никто не приезжал, но не может же дорога быть настолько девственно нетронутой! Лошади шли по глубокому снегу очень неохотно. Иногда различить дорогу было почти невозможно. Пару раз на широких полянах мы теряли дорогу, приходилось возвращаться. К счастью, дошли до хутора, когда ещё было что-то видно.

Хутор мне не понравился ещё больше. Он был совершенно мёртвым, не одного огонька, ни одного следа на снегу перед оградой. На всякий случай я постучал в ворота, чтобы не пугать хозяев внезапным вторжением. Ни одного звука, ни лая собаки. Пришлось перелазить через ограду и открывать ворота самому.

Визго было дёрнулся идти исследовать дом вместе со мной. Пришлось приказать ему оставаться в санях, сани развернуть так, чтобы можно было быстро уехать.

Собаки на цепи не было, что само по себе ни о чём не говорило — в холода собак берут в дом. Дом был закрыт изнутри. Дядька Ирипен, сопровождавший меня стражник, попытался выбить дверь плечом. Не тот случай, эти двери как раз на такие случаи и строились, чтобы их тяжело было пробить даже топором. А дядька Ирипен, надо сказать, слабенький и щупленький, по весу ненамного больше меня. Отец берёт таких в замок в качестве благотворительности. В роли дозорного они ещё на что-то годятся, а вот на роль пахаря никак.

Пошли вокруг дома, смотреть, нет ли чего странного. Узкие окна — бойницы были по обыкновению селян заткнуты мешками с соломой. Они были слишком узкими, чтобы проникнуть в дом. Странное обнаружилось на боковой стороне, кто-то вскрыл доски крыши. Несколько минут ушло на изготовление факелов. Даже на улице было почти темно, а внутри должно было быть совсем ничего не видно.

Мы нашли лестницу и проникли в дом тем же образом, что и незваные гости, через крышу. Вскрыты были не только доски крыши, земляное покрытие над кухней было раскидано, а брусья перекрытия выломаны с нечеловеческой силой. В свете факела не было видно, что ждало нас внизу. Но было очевидно, что в доме так же холодно, как и на улице.

Пришлось прыгать с минимальной задержкой, один за другим. В кухне было пусто.

В главной комнате обнаружили тела хозяина, двух его работников и трёх женщин. Все с перегрызенным горлом и частично съеденные. Они даже не успели вооружиться, судя по всему, на них напали ночью. В комнате — пристройке лежали тела троих детей, во второй комнате тела собаки и ещё двоих детей. В чуланчике нашлось самое интересное. Стоило открыть дверь, как из уютного соломенного гнёздышка на меня прыгнуло нечто мохнатое и

очень быстрое. К счастью, я был в лёгком доспехе. Как он меня морозил по дороге сюда! Как неудобно было взбираться в доспехе по лестнице! Но сейчас зубы зверья чиркнули по стали предплечья. Я схватил нечто за лапку, подкинул и в воздухе отрубил ему голову мечом. Второе существо кинулось на дядьку Ирипена с тем же успехом — дядька прижал его стальным рукавом к полу и обезглавил. Я ткнул несколько раз в солому, на случай, если там прячется ещё какая-нибудь мелочь. Там ничего не было, за соломой стояли только кадки с соленьями. Только после этого мы смогли рассмотреть нападавших.

Дядька Ирипен таких не видел и мог только удивляться. А я этих существ запомнил очень хорошо. Мы убили детёнышей неубиваемого чудовища, того, которое съело девушку в возке. Что предполагало наличие их сердитой мамыши в округе. Как их назвал отец? Глули? Очевидно, что мамыша оставила их в тёплой соломе рядом с запасами мяса, а сама пошла на большую охоту.

В доме был подпол и погреб. Мамыша чудовищ прокопала ход из погреба, чтобы не лазить каждый раз через крышу.

Надо было скорее завести людей в дом и организовать оборону.

Я открыл двери изнутри, зазвал дядьку Визиго и Визго. Сказал им повыкидывать трупы и завести лошадей в сени. Така пригласила себя сама.

— Ты такой смелый, — удивился Визго.

— Нечего бояться. Дом был тихий. А вот когда заявится мамыша, будет весело.

Мы с дядькой Ирипеном отправились ремонтировать крышу и потолок. Доски крыши мы прибили, но потолок ремонтировать не стали. Меня посетила интересная идея, что если мы оставим глулю известный путь для наступления, то можно будет устроить ловушки. Лаз в погреб мы закидали землёй снаружи и забили досками изнутри. Доски подпёрли подкосами.

На всякий случай растянули на крыше разные колотушки и колокольчики, нашли парочку в доме.

После этого мы совершили вылазку в лес и нарезали гибких деревьев. Мамыша всё не появлялась. По ходу дела сожгли тушки щенков чудовища.

Не зря я всё прошедшее время читал книгу про военные машины. Катапульту мы сейчас сделать не могли, но зато понаделали ловушек на базе натянутых деревьев. Одну поставили напротив двери, вторую у дыры в потолке. Под дырой поставили жаровню и растопили там костерок, благодаря которому в доме стало намного теплее. Вокруг жаровни устроили решётку, чтобы выйти можно было только в одном направлении, на натянутые стрелы ловушки.

Закончили готовиться сильно после полуночи. Все жутко устали, но от страха заснуть было невозможно. Стали травить байки. Первым делом, разумеется, рассказывал я о том, как мы зарубили аналогичное чудовище. Потом дядьки Визиго и Ирипен принялись пересказывать разные страшные истории, одна другой безумнее. Про оживших мертвецов, про неуспокоенные души злых людей, которые овладевают неосторожными селянами, и прочую чушь.

Чушь чушью, но эти рассказы запугали нас с Визго до полусмерти. В разгар очередной истории мы услышали, как на улице скрипнул снег. Така заскулила и забилась в угол. Мы повесили над костерком рядом, чтобы сверху не было видно горящих углей, и рассыпались к окнам — бойницам. Визго запустил стрелу. Ему ответил из леса насмешливый рык.

— Ты хоть видел, куда стрелял? — спросил его отец.

— Не, на звук стрелял, — признался Визго.

— Не трать зря стрелы, хоть они у тебя и с костяными наконечниками.

Мы замолкли и принялись напряжённо всматриваться в лес. Ничего видно не было.

Из окон сквозило лютым холодом, в итоге мы закрыли окна мешками с сеном и сели обратно к костру. Все замолкли и принялись напряжённо слушать.

Через несколько минут мы услышали звук открывающихся досок на крыше. Мы быстро отодвинулись от решётки, дядька Ирипен занёс меч над верёвкой, удерживающей заточенные колья ловушки.

Застучали колотушки на чердаке, звякнул колокольчик. Тварь понюхала воздух и нападать не стала. Така зарычала и придвинулась поближе к отверстию в потолке. Мы ждали, но ничего не происходило. Через некоторое время послышались шаги и скрип снега во дворе. Тварь попробовала подкоп в погреб, но быстро отказалась от этой идеи. Несколько раз она поскрипела на чердаке, несколько раз похрустела снегом на улице.

— Выматывает, — предположил дядька Ирипен, — чтобы мы устали и бдительность потеряли. Мы должны спать по очереди, чтобы быть свеженькими.

Лично я спать хотел смертельно ещё с раннего вечера, поэтому согласился, что первыми дежурить должны Ирипен и Визго. Проспал я, наверное, часа два, когда меня растолкали и сказали, что теперь моя очередь дежурить.

Мы с дядькой Визиго привстали и распределили внимание: он подкидывал дровишки в жаровню, я держал меч над верёвкой ловушки у двери.

— А чего это отец послал тебя на хутора так поздно, на ночь глядя? — поинтересовался дядька Визиго от нечего делать.

— На него разбойники напали по дороге, недалеко от городка. Он решил, что мы плохо патрулировали село и дорогу. Чтобы наказать за безделье, послал по хуторам.

— Без стражников, без подмоги! Ай-ай! А вы так заботливо нас охраняли. Никогда такого не было, никогда замок село не патрулировал. И никогда село так не организовывали, чтобы все по очереди село обходили. Ты не бойсь, люди видят, кто чего стоит, люди заботу ценят...

Така сделала стойку на дверь. Я занёс меч над верёвкой.

Дядька не успел договорить, так как сначала всхрапнули лошади в сенях, а затем входная дверь отлетела в сторону. Дядька Визиго завопил и пнул спящих, я перерезал верёвку ловушки. Натянутое дерево распрямилось и припечатало ворвавшиеся чудовище доской с рядом заточенных кольев. Чудовище отлетело в сени. Я кинулся следом, чтобы отделить голову.

Чудовище лежало на полу и подёргивалось. Раны на груди у него стремительно зарастали. Я ткнул мечом в горло, чудовище из последних сил отбило меч в сторону, чем ещё больше порвало себе связки. Но тут подоспел дядька Ирипен и закончил отделение головы от тела. Потом он схватил голову и унёс её в костёр.

Я осел на пол. Такое долгое ожидание и две секунды боя... Так быстро. Дядька Визиго как сидел около жаровни, так и продолжал сидеть. Мужики, что поделаешь.

— А она одна была? — задался вопросом Визго.

Мужики, которые было расслабились, вновь насторожились.

— Пошли проверим, — предложил я, — всё равно наружные двери открыты.

Мы зажгли факелы и высыпали во двор. Таку пришлось тащить за ошейник, она упиралась. В отдалении мелькнуло несколько теней. Волки, привлечённые телами погибших людей. Других чудовищ не было. На улице Така пришла в себя, быстро обожала

окрестности, облаяла волков и показала всем видом, что никого нет.

Несмотря на общую усталость, тело чудовища вытащили во двор и сожгли. Никто не хотел спать в доме рядом с телом, и лошади тоже пугались. Перед тем, как зажечь огонь, я раздвинул мех между ногами мамыши чудовищ, чтобы посмотреть, как у них выглядит женский орган. Как он выглядит у людей, мне давно не показывали.

Мужики засмеялись: если хочешь её оттрахать, то трахай быстрее, пока не остыла, а то потом не вытащишь. А посмотрел на них с удивлением. По-моему, они не очень-то смеялись. Я торопливо поднёс факел к дровам...

А потом мы хорошенько выспались.

Поутру нас ждал сюрприз. В хлеву обнаружилось довольно много живой скотины — коровы, козы, овцы. Твари хватило ума кормить животных сеном и защищать их от волков! Мы подсыпали животным зерна, а через пару часов погнали их в замок.

На полпути встретили четверых стражников. Отец разобрался, что я уехал только с одним сопровождающим, и сделал всем в замке большую голову, в первую очередь тем стражникам, которые сопровождали меня при объезде села. В итоге на помощь мне отправились сразу четверо.

Новости о том, что ближний хутор вырезан, отца не обрадовали. Он уже хотел разразиться гневной речью о том, как я плохо защищал наших людей в его отсутствие, но потом сообразил, что мы с мужиками без каких-либо специальных способностей завалили злейшее чудовище. Немного помолчав и повздыхав, отец приказал заводить скотину в хлев, сказал, что нового хозяина хутора найдёт ближе к весне.

Мне было приказано отдыхать и готовиться к завтрашнему походу на остальные хутора. Правда, никакого похода не случилось, так как прилетели гарпии и, как всегда, попытались закидать людей с большой высоты камнями. Большой вес они поднять не могут, так что достаточно носить с собой деревянный щит и прикрывать им голову каждый раз, когда эта пакость пролетает над тобой. Но неприятно, однако, так что отец сказал отложить выезд. Вслух он весь день удивлялся и вопрошал, что могло их выгнать с любимых ими гор так рано. Обычно они обстреливали замок и село, чтобы заставить всех укрыться в домах, а затем пытались забить путников на дороге. В этот раз они улетели сразу после атаки замка, даже село не закидали.

А на следующий день явился барон ага Пфальфен и вызвал отца на благородный бой, на обычных условиях, кто победит — того и замки, и дети. Барон был вассалом того же графа, что и мы. В таких случаях графы обычно немного бранят своих повздоривших баронов, но если те исправно платят положенное с завоёванных земель, то закрывают глаза на «мелкие конфликты» в своём войске.

Пикантность ситуации заключалась в том, что совсем недавно барон сражался рядом с отцом против армии волколюдей, и они там даже вроде как очень друг другу помогали. Барон был вдрызг пьян, также как и все его люди, кроме дочерей. Похоже, ему просто не хватило войны, хотелось подраться, а к нам было ближе ехать.

Отец обратился к нему со словами увещевания, сказал, что предпочёл бы видеть его другом, а не врагом. Предложил оставить эту затею и вместе выпить. Но барон ага Пфальфен упрямо хотел драки и принялся обзывать отца трусом, недостойным носить звания благородного человека.

Трезвый или пьяный, барон был обладателем опасного качества — «громового кулака». Редко кто переживал его удар. Это же качество досталось трём его сыновьям. У двоих его

дочерей были другие способности, одна могла неограниченно зависать в воздухе на небольшой высоте, другая прыгала на высоту в четыре роста человека, но ненадолго. Обе они были вооружены большими луками. Это позволяло им отстреливать противника, оставаясь в безопасности.

Отец принял условие благородного боя. Поскольку барон в запальчивости подъехал к замку слишком близко, сразу после принятия отцом условий боя я спустил стрелу баллисты.

Я даже не ожидал, что настолько хорошо пристрелял местность перед замком. Стрела пробила барона насквозь. Его старший сын несколько мгновений опупело смотрел на погибшего отца, а затем заорал, что как совершеннолетний старший сын и новый барон ага Пфальфен он также вызывает отца на бой. Снаряд из катапульты его не убил, он попал ему по ноге и бросил на землю вместе с конем, на котором тот сидел. А вот конь, похоже, умер после того, как рёбра были проломлены камнем из катапульты. Новый барон Пфальфен попытался выбраться из-под коня, но даже сквозь опьянение понял, что ему очень больно двигаться.

Отец скомандовал кавалерийскую атаку. Пробегая мимо меня к спуску со стен, сказал, что я остаюсь на стенах, и заодно пообещал отрубить мне голову, если я ещё раз посмею выстрелить без его команды.

Второй сын попытался сражаться, но отец просто вынес его из седла копьём. Он был пьян и даже не подумал отклониться. Остальные дети сдались. Я видел со стен, как они становились перед отцом на колени, кланялись и произносили слова клятвы детей. Я не слышал, что они говорят, но и без этого знал каждое слово. Клятву новому отцу нас заставляли учить всех, на всякий случай. Это была обязанность всех детей благородных людей — знать эту клятву и соблюдать её.

Старших детей барона стражники подобрали и отнесли в камеры для пленников.

Отец вернулся с поля и сразу набросился на меня:

— Кто тебя просил его убивать? Думаешь, он на войне не пытался со мной драться? Каждый раз, когда напьётся, он шёл ко мне задираться. Я бил его по чану, а на следующий день мы вместе воевали против волков. Сейчас бы я его немного помутузил, потом он недельку посидел у меня в камере, и мы получили бы хороший выкуп. Его дети мне вообще не угроза. А теперь скажи мне, кто будет править в его замке?

Я посмотрел в сторону Алесания, старшего брата.

— У Алесания много способностей, но умения быть терпеливым правителем среди них нет. И потом, если я его отправлю туда, его не будет здесь. Мы ослабим защиту нашего замка и оставим его в одиночестве там. Оба замка будут лёгкой добычей. До сих пор я был уверен, что через земли ага Пфальфена не пройдёт никакой враг. Теперь и это направление открыто. А желающих заполучить лёгкую добычу вокруг более чем достаточно, сам видел.

— Можно построить временный лагерь на месте горелого села, а в замках держать наместников с гонцами. На какой замок нападут — туда из временного лагеря и придём.

— Ух ты какой стратиг! А кто защитит запасы зерна в замках? Тут же семена для сева, для всего села. Сейчас мужики пропьют всё зерно на самогон, а по весне прибегут ко мне зерно взаимы просить. Без защиты замки будут грабить даже небольшие разбойные банды. Или те же селяне. А весной вымрем от голода.

Я понурился и замолчал. Даже победа на войне оказалась моей ошибкой.

Вечером трое детей барона ага Пфальфена сидели за общим столом на правах младших детей и грустно ковырялись ложками в каше без мяса. Если бы победил барон, сейчас бы мы

вот так сидели в конце стола. Ситуация навевала грустные мысли. Нам официально предоставили новых братьев и сестёр. Младшего сына звали Сигурн, старшую сестру Самата, младшую Сигура. Нас заставили поклясться, что мы будем считать их своими и не умышлять никакого зла. Но в то, что мы будем доверять им, как-то не верилось.

Ночью мне приснился прелюбодейный сон. Сначала мне снилось, что какой-то друг ведёт меня через гостиницу, в которой множество мужчин занимались друг с другом запрещённой любовью. Когда я вспомнил, что это считается смертным грехом и начал молиться, друг высунулся в окно и начал страшно ругаться на какого-то неловкого возницу на улице. Потом сон изменился. Мне снилось, что я вышел из своей комнаты, спустился на сеновал... А там было нечто восхитительное, но я не успел увидеть, что именно. После этого меня выбросило из сна. Несколько минут я просто молился. Потом решил проверить, что творится на сеновале. Встал, накинул лёгкую одежду, взял меч и пошёл.

У нас два сеновала, один ближний, для расходных операций, когда надо покормить скотину во дворе замка. Второй — большой сеновал — находится за маленькой стеной, на хозяйственном дворе. Именно там и происходили события сна.

Дверь на хозяйственный двор оказалась открыта и не охранялась. Стражники совсем распустились! Я проскользнул на склад и сразу услышал, что тут кто-то есть. Это не было чем-то особенным, на сеновале часто ночевали люди, когда в замке собиралось слишком много людей. Но зимой... Здесь было холодновато.

Это кто-то оказался Аркуней, дочкой кузнеца, и Микалой, дочкой одного из пекарей. Они весело скакали по сено, разрушая тщательно сложенный стог. Что было, строго говоря, наказуемым делом. Но мы тоже так развлекались в детстве... Нюанс бы в том, что девчонки были совсем без одежды. Маленькие, чуть старше меня. Услышав движение, они кинулись к своим тряпкам и попытались прикрыться. Я подошёл к дочке кузнеца.

— Не надо... Не надо..., - шептала девушка, пятясь от меня. При этом её рука, держащая одежду у груди, постепенно опускалась, так что стала видна очень красивая грудь.

Дочь кузнеца. Она очень мне нравилась. Высокая, стройная, с правильными чертами лица. Она никогда не кричала и не капризничала, была всегда приветлива. Она казалась мне невозможно красивым, неземным созданием. Сейчас от неё пахло сеном и мочой.

Я не смог сдержать любопытства и отодвинул ту часть её одежды, которая закрывала женский орган. Женский орган у неё не особо отличался от козы или от того, что я видел у мамыши чудовищ. Похоже, Бог лепил нас по одним лекалам.

— Что вы тут делаете, замёрзнете же?

— Спать под сеном не холодно, господин. И спокойно. В замке много чужих... А ночью можно танцевать без одежды. Это забавно.

— Ладно, танцуйте. Сено потом сложите обратно в стог.

Я развернулся и двинулся к выходу. Девчонки так удивились, что уронили одежду.

— И ты ничего с нами не сделаешь?

— А почему я должен обижать своих девочек? Живите счастливо на радость мне. Как-нибудь позовите меня на танцы с самого начала.

Я вышел и вдохнул морозного воздуха. Значит, вот как. Святой отец предупреждал, что вражеские силы могут действовать против людей и подбивать их на разные нехорошие дела. Но так, чтобы вторгаться в сон и напрямую совращать запретной любовью, или передавать реальную информацию для того, чтобы я насильничал этих малышей... С чего это бесы занялись мною так плотно? Или они всеми так занимаются?

Поутру я первым делом побежал к святому отцу, рассказывать про ночной сон. Отец Михидо не поверил. Тогда я рассказал, что было дальше и кого я нашёл на сеновале, без имён. Отец Михидо поудивлялся и сказал, что я правильно сделал, что прибег к молитве, что только так и можно отражать нападки Врага.

На выходе из часовни меня поймала Ранола, дочь одного из стражников. Она была на посылках у моей мамы. Сказала, что госпожа изволит требовать меня к себе.

Побежал к маме. Отец уже ушёл, но мама ещё не вставала. Она валялась под меховым одеялом, над одеялом была видна только обнаженная рука. Сонным голосом она спросила у меня, почему я ночью не потешился с дочкой кузнеца. Я ответил, что не считаю возможным заниматься прелюбодеянием ни с кем, как учил святой отец.

Мама сказала, чтобы я не морочил ей голову и что ей прекрасно известно, что у парней очень сильное желание, и что если я не буду утолять этот голод женщинами, то буду тереть свой бугорок в одиночестве. Сказала, что она сама обучала девушек в замке, как утолить мужской голод и не забеременеть, и чтобы я не дурил и выбрал себе фаворитку. Сказала, что девушки будут рады, им потом дают большое приданое и выдают очень хорошо замуж в село. Сказала, что послезавтра я должен назвать ей имя, а если со временем разругаюсь и выберу другую, то тоже поставить в известность.

— Это часть жизни благородного сословия. Ты можешь их обирать, ты можешь их трахать. Но потом ты идёшь умирать за них, и если ты не будешь их грабить и трахать, ты просто не сможешь сражаться. Смысла не будет, заставить себя не сможешь. Так что выбери себе девушку и используй, но семя ей не давай, — добавила напоследок мамочка.

Из отцовского покоя я вывалился, слегка дымясь. Эти люди не понимают, что бесы не дремлют и каждое отступление от заповедей используют нам во вред! Хотя что им терять? Они живут от выпивки до убийства, на этом фоне забавы с девчонками самое безобидное дело!

День тем временем шёл своим чередом. Старшему сыну барона пришлось отрезать ногу. Снаряд из катапульты раздробил её так, что она смешалась с костями коня. Второго сына отец казнил на следующий день за нарушение клятвы его отца о том, что все дети должны перейти в подчинение победителю. Строго говоря, надо было казнить и первого сына, но отец оставил его для каких-то политических игр. А может быть, хотел сделать из него мужа-невольника для Иксуня или даже Ирис. Такое тоже практиковалось с теми пленниками, у которых были выдающиеся способности.

Поутру детей барона отправили на занятия по математике к святому отцу. Они плакали в голос, будто их вели на порку. Никогда не видел такую реакцию на математику.

В замок Пфальфен отец назначил править Консанса и меня. Сказал нам во всём слушаться дядьку Иркинора. До сих пор дядька Иркинор жил в селе, он был известен как очень рассудительный человек. Отец уговорил его быть наместником замка Пфальфен. Мы с братом были только декорацией. После урока математики к нам присоединилась самая младшая дочь барона по имени Сигура. Отец решил, что нам будет нужен кто-то, кто подтвердит наши слова о гибели барона и переходе его владений к отцу, а заодно кто-то, кто будет знать местных.

Стражники принялись вслух рассуждать, какие способности будут у детей, если мы с братом по пути оприходуем деваху. Пришли к выводу, что от меня может не быть никаких, а от моего брата может родиться человек-камень, который сможет прыгать высоко, превращаться в камень и падать на голову врагу.

Отец послушал их рассуждения и строго-настрого запретил нам касаться Сигуры. Разрешил обратить в рабыни для любовных утех двух девок из чужого села, но не больше четырёх.

Выехали ещё до обеда. С нами шли четверо стражников. Я взял собаку, Консанс своего кобеля брать не стал.

Сигура по пути весело болтала. Она не особо печалилась тем, как обернулось дело. Отец насиловал их с сестрой каждый раз, когда напивался. Он хотел себе в армию ребёнка, который сможет владеть одновременно и высотой, и громовым кулаком. На их счастье, они не понесли. Теперь её через пару лет выдадут за какого-нибудь мелкого вассала мелкого барона, у неё будет свой дом и своё хозяйство с курочками, а большего ей и не надо.

Глава 4

Арифметика

Замок Пфальфен сильно не дотягивал до нашего замка. Каменных стен не было, вместо них простая загородка из вкопанных в землю заострённых брёвен.

Бывшая баронесса Пфальфен впускать нас в замок отказалась. Она вышла на площадку над входными воротами и закричала, что скорее бросится с детьми со стены, чем отдаст нам замок. Дети у неё правда были: грудничка она держала на одной руке, маленькую девочку другой рукой.

Консанс, услышав такие речи, обратился к баронессе как можно ласковее:

— Сударыня, уверяю вас, что мы не причиним вам никакого зла. Даже с бароном наш отец не хотел сражаться и всячески уговаривал его быть друзьями. Но что сделано, то сделано, и теперь по договору, который предложил ваш муж, замок и ваши дети наши.

— Нет! Я сброшусь со стены!

На этом месте Консанс пригнулся к коню и заржал. Я посмотрел на него удивлённо:

— Ты чего?

— Представил, как мы её будем за ноги из этого сугроба вытаскивать, как морковку.

Я посмотрел на сугроб, который намело под защитной площадкой. О безопасности здесь не заботились совсем. Мало того, что сугроб не разгребали, на него ещё навалили снега, когда расчищали путь к воротам. В этот сугроб можно было прыгать ради забавы даже с нашей главной башни. Я не удержался и тоже засмеялся.

Баронесса почуяла неладное и перевесилась за край боевой площадки, посмотреть, чего мы ржём. Размер сугроба под площадкой её впечатлил.

В дело вступила Сигура:

— Почтенная матушка, заканчивайте комедию. Дело проиграно полностью. Барон ага Долиган держит слово и вас не обидят.

— Нет! Я буду сражаться! У меня тоже есть способности, я легко положу этих двух щенков!

— Положишь. А потом придут их братья и отец. И что ты с ними будешь делать? Голову тебе отрубят, и всё, — уговаривала Сигура.

— Я требую, чтобы меня отпустили с детьми и подарками мужа, к моему отцу!

Консанс посмотрел на меня. Я пожал плечами:

— Нам эта тётка не нужна. Дети её станут бойцами лет через пятнадцать, не раньше. Тоже нам не очень нужны, обуза на это время.

— Вам предоставляется свободный выход, — торжественно объявил братец.

Бывшая баронесса Пфальфен выехала буквально через пять минут. Сложила всё барахлишко заранее, значит. Вместе с баронессой ушла дюжина стражников. Тоже хорошо. Преданные барону стражники были угрозой.

Остальная челядь выстроилась во дворе, чтобы встречать новых господ. На лицах у людей был только страх, задней мысли не виднелось ни у кого, что тоже было хорошо.

Консанс обратился к ним с короткой речью в духе «кто служит хорошо — живёт счастливо». Предложил тем, кто чувствует себя преданным прежнему господину без каких-либо обид перейти мужиковать в село. Двое стражников подняли руки. Консанс отпустил их кивком. Люди начали собираться и вскоре выехали из замка вместе с семьями.

Консанс с господином Иркинором отправились проверять личные покои господ, я пошёл смотреть стены замка и прочее хозяйство. Оказалось, что замок был запущен даже в большей степени, чем мне казалось. Во многих местах брёвна ограды покосились так, что между ними можно было пройти, а в одном месте участок длиной в десять шагов вообще лежал на земле. Понятно, что барон больше надеялся на личную силу, а не на стены замка, но так ведь и волки могут проникнуть, и просто расхитители...

Запасы кормов для животных и общие запасы зерна показались мне подозрительно малыми.

После обильного праздника по случаю нашего успешного прибытия мы спали долго. Мне приснилось, как я сижу на высоком троне и свысока смотрю на то, как селяне приносят к трону и складывают разные дары: овощи, зерно и дочерей. Дочери почему-то были маленькими, как котята, совсем раздетыми и весело прыгали в коробах, в которых их принесли, поглядывая на меня красивыми глазами. А я при этом смотрел на эту всю картину и лопался от гордости за то, что это всё моё и никто не смеет мне ничего сказать поперёк. Проснувшись, я решил, что это опять бесовские внушение, и напомнил себе, что дела двигаются только тогда, когда делаешь их со смирением и любовным вниманием. Пришлось даже молиться, прочитал три молитвы, чего раньше со мной не случалось. Хотя отец Михидо требовал, а мы всегда врал, что молились на ночь и утром.

Поутру принялись распределять людей по работам. После всех изменений у нас осталось трое местных стражников и четверо наших. Маловато для такого замка. Решили при походе в село набрать ещё стражников. Оставив часть людей на ремонте ограды, пошли в село с одним местным стражником и двумя нашими. С нами увязалась и Сигура.

Поместье старосты деревни было похоже на замок куда больше, чем замок его господина. Все брёвна ограды были в порядке, ворота поражали мощью, и к ним была даже пристроена боевая платформа. Староста деревни был гигантом, огромным мужиком крайне свирепого вида. Под стать ему были его дворовые собаки, огромные и злые. Даже ему стоило трудов оттащить собак к привязи.

В ответ на наши приветствия староста только рыкнул. На все остальные вопросы Консанса он тоже отвечал односложно, а иногда просто рыками. Когда я спросил, бывают ли у них нападения волков, он впервые произнёс несколько фраз:

— Бывают. Много скотины в этом году загрызли у мужиков прямо в хлевах и девочку одну.

Я спросил, проводится ли у них патрулирование вокруг села против волков, и есть ли кольцевая дорога, чтобы мы могли на лошадях проверять. Староста искренне удивился:

— Зачем? Это же сколько трудов.

— Так ваших же детей загрызть могут.

Сказав это, я понял, что сглупил — внутрь ограды старосты никто не пробрался бы, а если бы и пролез, то тут и остался. А всех остальных староста явно не считал достойными заботы. Похлопав глазами с самым озадаченным видом, он рыкнул и сказал:

— Моих не загрызут.

— Хорошо. Нам нужно, чтобы вы организовали мужиков на прокладку дороги вокруг села, а также на ежедневные патрулирования. Ещё посоветуйте нам, кого из мужиков стоит взять в замок для работы дозорными и стражниками, — сказал Консанс.

Староста понял, что мы с него не слезем, и пошёл вместе с нами по домам, знакомить с людьми и с вероятными кандидатами в стражники.

Консанс больше смотрел не на мужиков, а на их дочерей, очевидно присматривал себе любовницу. Вообще-то у него в нашем замке была девчонка для забав, дочь стражника и прачки. Девчонка была скандальной и вредной, но по отношению к Консансу она всегда вела себя приторно-умильно. Мне кажется, братец был рад, что оказался подальше от сюсюкающей дуры.

Мне на этих девочек как-то не смотрелось. Забитые, робкие существа, которые не видели в жизни ничего, кроме неодобрения и побоев... Было очевидно, что связываться с ЭТИМ себе дороже. Плюс запах... У нас в хатах селян зимой запах был тоже так себе, к компании к гниющей соломе подстилок добавляли свои запахи жившие в хатах телята, кошки и собаки. Здесь же почти все люди пахли так, будто их сначала мазали навозом, а потом коптили над самыми дымными дровами.

Я спросил у старосты, есть ли у людей бани.

— У меня есть, — гордо ответила староста.

— А почему у людей нет?

— Сруб для бани поставить денег стоит. А барон у мужиков всё до последнего выгробал. Они скорее себе дома побольше поставили бы, если была бы возможность. Совсем в курятниках живут.

— Если общую баню поставим, люди ходить будут?

Староста искренне и глубоко удивился:

— Как общую?

— Через день. День женский, день мужской.

— Ну, наверное, будут. Все будут. А кто топить будет?

— Придумаете. Брёвна высушенные сможем в селе найти?

— Есть в запасе господском. Но они для мужиков денег стоят.

— За наш счёт. Бесплатно выдадим.

Староста сразу повеселел:

— Это в момент сладим. А строить как?

— Мужики много барону зерна должны?

Насколько я знал, к весне у мужиков по каким-то странным законам природы зерна никогда не остаётся вне зависимости от того, насколько большим был урожай. Все благородные люди это знают и стараются как можно больше зерна засыпать в амбары своего замка. По весне мужики бегают за посевным зерном к господам, им дают в долг и осенью этот долг забирают. При этом этот долг от года к году, как правило, растёт. Все прекрасно знают, что этот долг не будет отдан никогда, но делают вид, что строго его соблюдают.

— Много... Очень много.

— Вот за часть долга пусть и работают. Кто будет баню строить, тому десяток корзин спишем.

— Это много желающих найдётся, — хохотнул староста.

Мы забрали лошадей и сани, на которых уезжали демобилизованные стражники, и двинулись в замок. На обратном пути Сигура решила предупредить:

— Староста показывал вам мужиков из числа своих неприятелей, которые были обижены и им, и моим отцом. Хочет сплавить их в замок.

— Это не очень умно с его стороны. Сейчас мы обучим их разным воинским умениям, и они ему потом могут припомнить разное, — удивился Консанс.

— А он вообще не очень умный. Грабил мужиков, обирал до последнего, а кто

возмущался или жаловался барону — тех бил.

— Стоит сместить его и поставить старосту поумнее?

— Стоит. Только сначала дождитесь подтверждения от графа, а то сейчас нахозяйствуете, а новые власти потом опять всё поменяют. А люди тут десятками лет без изменений живут...

— А ты откуда это всё знаешь?

— С сельскими детьми много играла.

Я подумал, что Сигура умнее, чем кажется на первый взгляд. Потом решил спросить:

— Сигура, как думаешь, с чего вдруг ваш отец решил на нас напасть? Мы вроде были хорошими соседями.

— Ради гордости. Он говорил, что благородные люди не должны довольствоваться тем, что имеют, и всегда должны стремиться к большему.

— Это как-то не очень соответствует учению Бога-из-Огня. Смирение и всё такое, — Консанс успел удивиться раньше меня.

— Он считал иначе. Говорил, что благородные должны всегда стремиться к большему, большинство из них при этом погибнет для того, чтобы выжили самые сильные. Смирение в том, чтобы безмятежно умереть в том случае, если придётся уступить своё место более сильному.

— Лучше бы он баню построил, — сказал я.

— Какую баню? — дружно удивились мои попутчики.

Я рассказал.

— Ты... это, без меня деньги и ресурсы не трать, — потребовал Консанс.

— Да, господин. Ты сейчас господин, без тебя ничего не делаю. Вот, докладываю.

— Ладно, строй свою баню.

В замке Консансу сразу нашлось дело. Наши стражники подрались с местными. Местные клялись, что наши стражники ничего не делали и принуждали их к работе самым обидным образом. Я получил удовольствие от того, что можно спихнуть проблему на кого-то другого, и улизнул подсчитывать запасы зерна. Об этом меня попросил наместник Иркинор.

Подсчёты привели к неутешительному итогу. Зерна было так мало, что его не хватало даже на сев. А ещё надо было кормить всё население замка до нового урожая, надо было иметь запас для того, чтобы помогать тем, у кого зерно пропадёт по разным причинам.

Ключник замка в ответ на наше удивление пояснил, что барон имел слабость подарить баронессе несколько особо красивых изделий из золота, ради чего он вынужден был продать часть зерна.

— А мы как последние идиоты отпустили баронессу с этим золотом, — резюмировал Консанс после того, как мы доложили ему ситуацию.

Потом он немного подумал и предположил:

— Может, барон потому и напал, что надеялся на наше зерно?

— И что делать будем? — спросил наместник Иркинор.

— Завтра в село поедем патрулировать от волков, заодно посмотрим, сколько зерна у мужиков. Скажем, чтобы берегли каждое зёрнышко, — предложил я.

— Надо отцу написать о том, что может потребоваться весной много зерна, — подумал вслух Консанс.

Поутру мы обнаружили в качестве патруля троих тщедушных мужичков. Дорогу нам, правда, волокушами принялись раскатывать всем селом. Волков в этот день не было, и мы

кое-как обошли село. Полудохлые мужички плелись еле-еле, нам пришлось сдерживать лошадей изо всех сил.

Подсчёт запасов зерна у мужиков привёл к ещё более печальному пониманию. Мужикам не хватало зерна дожить даже до лета.

— Так не работают, заразы, заливаются по глаза и все сроки пропускают, — рыкнул староста села в ответ на вопрос о низких урожаях.

После работы в селе сил патрулировать подъездные дороги уже не осталось. Вернулись в замок, сели писать письмо отцу. Записывала Сигура, у неё оказался красивый почерк.

На следующее утро мы обнаружили в качестве патрульных тех же самых мужичков. У меня зародилось подозрение, что в патруль сельские мужики выделили тех, у кого не хватило сил отбиться.

В этот день волки решили навестить село. Они оказались очень наглыми, людей совсем не боялись. Похоже, здесь волков на место совсем никогда не ставили. Они шли на большой скорости сразу все стаей по направлению к ближайшему хлеву. Нас они восприняли как какое-то недоразумение и просто попытались обойти.

Наше усиление, троица задохликов, увидев волков, храбро драпануло в село. Мы ускорили лошадей, чтобы перехватить серых на укатанной дороге и не вязнуть в снегу. Я порадовался, что решил не брать с собой собаку. Сейчас она бы была только помехой.

После бегства сельских патрульных нас осталось четверо — я, Консанс, один из стражников из Пфальфена по имени Дормун. Четвёртой была Сигура. Узнав, что мы идём патрулировать и в процессе может случиться охота на волков, Сигура напросилась в патруль, сказала, что хорошо стреляет из лука. Интересно, поможет это ей, если волков вокруг десятки?

Сигура начала стрелять. Оказалось, что она действительно неплохо стреляет, почти за гранью возможного. Двое волков завизжали и закрутились на снегу.

Остальные воины приготовили копья и разошлись цепью. Только один волк дал нанизать себя на копье, успех сопутствовал Дормуну. Остальные звери извернулись и попытались наброситься на всадников. Правда, мы скакали быстро, и ничего у них не получилось, кроме как клацать зубами у копыт лошадей. Для таких случаев хорошо годилась плеть с грузиками. Я угостил сталью десяток зверей, которые гнались за моей лошадкой, и только тогда смог развернуться и поднять голову. Консанс крутился на месте и отмахивался мечом, что в данной ситуации было не очень производительно. Волки пытались повиснуть у него на руках или цапнуть его коня за ноги. За него можно было не беспокоиться, он был в стали и волков отгонял от коня достаточно успешно.

Дормун стоял на месте и не знал, что делать. Волки висели по паре у него и на левой, и на правой руке, и он не мог поднять руки. Но и волки не могли с ним ничего сделать. Они понемногу дозревали до мысли завалить поначалу коня стражника, поэтому я ринулся к нему на помощь. Сигура, которая удирала от большого количества серых, посылала в них стрелу за стрелой, но за ней всё равно тянулся длинный серый хвост. Внезапно она подпрыгнула на добрых три человеческих роста, развернулась в воздухе и принялась стрелять с высоты. Но она не могла находиться в воздухе долго! Волки сразу сообразили, где она приземлится, и помчались в эту точку. Освобождённый от веса девушки конь припустил к замку и оторвался от волков.

Пришлось изменить цель движения. Промчавшись мимо Дормуна, я попытался срубить с его руки пару волков мечом, но хитрые твари разжали зубы и увернулись от ударов. Я

поскакал к Сигуре. По пути поменял меч обратно на плеть.

У Сигуры закончились стрелы. Ещё в полёте она заменила лук на меч. Проклятие, она даже без доспехов! Отказалась надевать, сказала, что они будут мешать ей летать.

Сигура шлёпнулась аккуратно посреди банды поджидавших её волков, пронзила одного из них мечом и подпрыгнула снова. А я даже не знал, что так можно. Думал, она сейчас окажется посреди этой кучи серых тел.

Один из волков хотел укусить её за руку, но вместо этого ухитрился повиснуть на одежде. Сигура тут же пронзила его мечом, но лишний вес привёл к ожидаемому результату: Сигура подлетела недостаточно высоко. Волки могли допрыгнуть до неё в полёте.

Рядом со мной послышался конский топот. Это Консанс сообразил, что скидывать с себя волков лучше в процессе быстрого движения. Я врезался в кучу преследующих Сигуру волков, размахивая плёткой налево и направо. Консанс был занят тем, что рубил нападавших на него с разных сторон волков в полёте, но его конь рассеял ту группу, которая до этого сосредоточенно преследовала Сигуру.

В какой-то момент я обнаружил, что мне прямо навстречу летит волк с раскрытой пастью, прямо в лицо. Один охотник говорил мне, что добывать волков очень просто. Надо дать волку напасть на себя, затем схватить его за язык и добить ножом, пока он будет вертеть головой. Поэтому я без долгих раздумий бросил плеть, засунул волку в пасть руку и расставил пальцы. Как это ни удивительно, волк вместо того, чтобы откусить мне руку, действительно стал крутить головой, пытаясь избавиться от неприятного ощущения в глотке. Тянуться до меча было долго, до ножа на поясе ещё дальше, поэтому я просто вытащил стрелу из-за плеча и воткнул ему в глаз. А на меня уже летел и второй волк, и третий...

Звёздочка вязла в глубоком снегу, оторваться на скорости было невозможно. Одного волка я просто отбил стальным нарукавником, второго встретил меч, но серый ухитрился извернуться и оттолкнуться от меня лапами.

Отмахиваться мечом было совсем не так эффективно, как плетью. Однако, потеряв ещё пару товарищей, волки сообразили, что на этом празднике жизни совсем не они хищники, а мы совсем не жертвы. Они на секунду отошли, вывалив длинные красные языки и удивлённо глядя на нас. Я воспользовался передышкой, чтобы глянуть на товарищей. Сигура опять прыгнула, пятеро волков всё ещё пытались бежать за ней. Консанс стряхнул с себя всех нападавших, и только Дормун всё ещё был окружён стаей. Его конь уже лежал на снегу. Волки бегали вокруг него по кругу, ожидая нового сигнала к нападению, а он стоял с мечом в руке и ничего не делал. Мужики!

Я срочно развернул Звёздочку и поскакал к тому месту, где вынужден был бросить плеть. Волки поначалу двинулись за мной, но когда увидели, что я поднял, сразу отошли. Мы с братом помчались к стражнику. Волки вокруг него думали, что лёгкая добыча будет повержена следующим ударом. Мы снесли троих на первом проходе и подранили ещё двоих после разворота.

Только после этого стая поняла, кто здесь хищник, а кто добыча. Вся стая кинулась наутёк. Мы догнали ещё парочку подранков, пока они не ушли на глубокий снег. Волки могли бежать по насту, а наши лошади проваливались. Мы прекратили погоню и вернулись к Сигуре. Вся схватка продлилась совсем недолго, несколько минут.

Девушка была ранена. Один из волков успел тяпнуть её за ногу. Рана не опасная, но довольно обширная. Я посмотрел на село. Из-за каждой изгороди торчало по несколько голов. Вы бы так с волками боролись, как за нами подсматривали...

Пока мы наскоро бинтовали ногу Сигуре, подросли остальные стражники из замка и привели коня девушке. Пришлось для начала завести Сигуру в ближайшую хатку, перебинтовать получше.

Пока старшие стражники бинтовали, я отыскал наших патрульных, сбежавших в самом начале. Было большое желание обработать их плетью, удержало только то, что эта плеть с грузиками может быть для них не менее смертельной, чем для волков.

Объяснения у этой троицы просто умиляли: «Волков было много, они были опасными, даже вас повредили, а нас вообще загрызли бы».

Разорался, что я, ребёнок тринадцати лет, сражался с волками и победил, а они взрослые мужики и сбежали, оставив своё село без защиты. Мужички отреагировали очень просто, бухнулись на колени и принялись ныть: «Простите нас, господин».

Пока стражники везли Сигуру в замок, мы с братом заехали к старосте, поговорить про очерёдность патрулирования. Выяснилось, что село действительно выделило для патрулирования тех, кто не мог кусаться и отбрёхиваться! У всех остальных мужиков были отговорки типа «у меня детей много, надо утром кормить» или «я уже отработывал для господина, бревна из леса возил». Пришлось довести до ведома старосты и нескольких особо упорных недоумков, что о безопасности села должны заботиться все, что это общее дело, от которого не должно быть никаких увёрток.

Селяне уже видели нас в деле и как-то не решились спорить. Договорились, что мы передадим для патрульных луки и стрелы из запасов замка. Староста последнему обещанию удивился больше всего, сказал, что прежний барон не позволял никому в селе иметь луки, кроме нескольких охотников, в преданности которых был уверен.

Понятно, отчего у них волки так распустились. Насколько же надо бояться своих людей, чтобы отобрать у них даже охотничьи луки!

На патрулирование села и дорог в город нам пришлось выезжать регулярно. Волки ещё три раза пытались выходить к дороге, нападать на одиноких торговцев. Схватки с ними были жёсткими, но даже близко не приближались по опасности к той, которую мы пережили в первый раз.

Баню мужики построили за три дня. Народу набежало столько, что желающим поработать даже подойти к строительству было трудно. Когда строили парную, чуть не подрались, у каждого было своё мнение о том, какой должна быть правильная парная. Зато доски для сидения отскоблили и выгладили так, что с них можно было есть. Печь и прочее хозяйство налаживали неделю, и через две недели после нашего разговора со старостой баня была готова.

В первый же женский день троица парней решила пошутить. Они заранее приготовили козлиные головы, надели их на головы и влезли в женскую баню совсем без одежды. Наверное, надеялись, что их примут за нечистую силу. Бабоньки действительно испугались, схватили шаечки и облили парней кипятком из ёмкости для горячей воды. Двое парней получили очень тяжёлые ожоги, третий смог убежать.

Матери двух повреждённых пришли к Консансу просить помощи больным, а заодно просили наказать тех, кто их облил. Мы долго смеялись, но Консанс попросил святого отца сходить и подлечить парней чем возможно. Одному из них помогло масло из рогов оленей, а второй так и умер от ожогов.

Бесы не успокоились и устроили мне ещё несколько кошмарных снов. В первом мне снилось, что за мной гоняются разные кошмарные чудовища. Потом я спрятался от них в

неком большом здании, похожем на храм, а когда попытался выбраться, то каждый раз попадал в разные крупные здания, а потом снова в первое здание. А выхода не было нигде. При этом самоощущение было не как во сне, а как в реальности, я осознавал себя и свои мысли. Не знаю, чего бесы хотели добиться, наверное, паники и чувства безысходности. Но через несколько кругов бесполезных попыток я просто начал молиться и проснулся.

В другом сне мне снилось, что я — мелкое крайне горделивое существо, которое вылезло из женского органа огромной полуженщины — полусвиньи. Оно существо прокричало, что оно круче и лучше всех. Дело происходило в большой комнате с множеством выходов. Когда это существо увидело эти выходы, а за ними темноту и неизвестность, оно испугалось и залезло обратно. Этот страх был действительно сильным. Проснувшись, я подумал, что это просто попытка оскорбить от бессилия и невозможности чем-то навредить по-настоящему.

Через две недели после того, как мы послали письмо отцу, он прислал ответ. Писал, что не хотел бы давать зерно Пфальфену, просил обойтись местными запасами и что-нибудь продать для того, чтобы купить семена.

Продавать в имении было нечего. От отчаяния съездили в город, спросили, не нужна ли им древесина. Граф Мирадонел сказал, что нужна, так как его городок потребляет довольно много дерева, а близлежащие леса уже повырубили. Но нужны не брёвна, а доски и брусья.

Я вспомнил картинку, которую видел в книге про военные машины. Там была изображена ветряная мельница, только вместо мельничного жернова стояли пилы. В пояснении было написано, что это устройство позволяет построить много кораблей. Только на картинке мельница была построена из кирпичей. Наше село такое будет два года строить...

Предложил брату построить такую ветряную лесопилку на основе высокого сруба из дерева. Брат сказал, что это будет забавно хотя бы в качестве пробы.

Собрали мужиков, сообщили, насколько плохо обстоят наши дела. Сказали, что будем пилить неприкосновенный запас леса на доски и брусья для города, на вырученные деньги купим семена. Для ускорения дела будем строить ветряную лесопилку, кто будет строить, работа зачтётся за барщину.

* * *

В один из дней мне приснился сон, как в одну из изб селения из леса пришло нечто ужасное, после ухода этого ужаса все обитатели избы оказались приклеены к потолку и стенам, без капельки крови в телах. У ужаса не было лица, зато вокруг тела развевались цветные ленточки. Я наведалься в село и действительно обнаружил избу точно как во сне. Вернувшись в замок, я попросил у Консанса пару охранников и сказал, что хочу провести в избе ближайшую ночь. Консанс поднял меня на смех. Один из местных стражников, многословно извиняясь, попросил слова и рассказал, что у них в селе давно бытует легенда про ужас в цветных лентах. Некоторым людям одновременно снился сон, как приходил ужас с цветными лентами, а поутру они обнаруживали одного из членов семьи мёртвым. Консанс помрачнел и сказал, что разрешает, но только после того, как святой отец проведёт молебен в хате.

Из стражников согласились провести со мной ночь в избе только двое, наши стражники,

из Долигана.

Селяне были жутко удивлены, когда мы нагрянули к ним в полном боевом и заявили, что эту ночь они проведут где-то ещё, а мы будем сторожить их избу. И это только потому, что молодому господину приснился какой-то сон. Услышав подробности про ужас с цветными лентами, они припомнили местные легенды и стали спрашивать, какие были ленты: просто цветные или белые расшитые цветными нитками. На этот вопрос я мог ответить очень точно, ленты я рассмотрел хорошо: белые ленты, расшитые красными и синими нитками, узоры типа тех, что вышивают наши селяне на полотенцах по периметру, прямоугольники друг в друге и треугольники в рядок. Вот тут селяне оживились и начали припоминать, что прабабушка имярек один рассказывала про ленты с вышивкой, а прадедушка имярек два говорил, что видел ленты с синими треугольниками. Народу в избе незаметно стало как-то сильно больше. Через некоторое время я осознал, что на огонёк пожаловали все соседи и пустились в самые разные воспоминания. Я рассердился, выгнал всех и залёг в засаду. Мы приготовили на всякий случай пару ловушек с кольями на базе натянутых молодых деревьев и сели ждать, посматривая на сгущающуюся темноту и загадочный лес неподалёку. Чтобы не скучать, играли в карты и понемногу жевали сыр и захваченные из замка колбаски.

Когда совсем стемнело, во входную дверь постучали. Стражники схватились за оружие, но из-за двери донёсся женский голос. Девичий голос. Я открыл дверь. Вторая дочь хозяина избы. Девушка поманила меня:

— Молодой господин, идите со мной, у меня есть, что показать вам.

Така облаяла девушку и останавливаться не собиралась. Пришлось приказать ей замолчать.

Девушка направилась к сараю. Стражники понимающе поулыбались и вернулись к картам.

Ладно, посмотрим, что у них в сарайчике.

В простеньком на первый взгляд сооружении обнаружился роскошный подвал в двух отделениях. В одном был ледник, в котором висели заготовленные на весну туши забитого скота, а второе помещение было оборудовано под склад и очевидно использовалось для детских игр. На одной лавке была навалено сено, на полках стояли разные игрушки. Девушка с размаха плюхнулась на сено, раскинув руки, и потянулась со словами:

— Эх, хорошо!

— Что ты хотела мне показать? — вернул я её к делу.

— Вот это.

Девушка вскочила, дёрнула завязку за затылком, и платье с неё молниеносно слетело. Под платьем не было ничего. Наверное, она сильно мёрзла, когда шла к нам. Поверх платья у неё была только стёганая накидка, а на улице мороз.

— Нам запрещено давать семя не благородным. Одевайся и уходи, если тебе больше нечего сказать.

Девушка кинулась мне на шею:

— Господин, не лишай меня единственной радости в жизни! Не нужно мне твоего семени. Я знаю, чему вас учат и что вам запрещают. Позволь мне доставить тебе удовольствие. Я могу действовать и руками, и языком. А если хочешь, и моя задница к твоим услугам. Я хочу, чтобы ты был моим первым, а не эти грязные парни, которые рано или поздно поимеют меня у озера или во время сбора ягод.

— А ты не маловата? Ты, похоже, младше меня.

— А чем тут ещё заниматься, по-твоему? О чём говорят все старшие девушки и чему учат? Я могу всё, они мне всё показывали...

Я присел на лавочку рядом с девушкой. И что тут сказать малышке? Не хотел я её брать. Не тут. Не так. Чтобы потянуть время, спросил:

— Ты не веришь в ужас с лентами?

— Ерунда это всё. Люди умирают от плохой еды или от старости. А то, что при этом родственникам снится похожий сон — это, возможно, им во сне так видится смерть, которая приходила за умершим. Должен же кто-то забрать душу умершего. Но это не значит, что смерть произошла от визита забирающего.

— А ты умеешь делать умозаключения.

— Не стоит считать всех сельских тупыми.

В душе зашевелились сомнения. Чем плохо, если дать девчонке обласкать меня? Тут рука случайно нащупала под лавкой кое-как закреплённую пластинку. Я вытащил её. Это был мой портрет, нарисованный на тонкой дощечке. Плохо нарисованный, но узнаваемо. Портрет был приколот к лавке снизу гвоздиком. На моей личности были нарисованы какие-то непонятные знаки. Приворот, значит. Я слышал про такое от отца Михидо.

Я встал и повнимательнее рассмотрел игрушки на полках. Это были не совсем игрушки. Фигуры мужчин и женщин с отколотыми лицами. Очевидно, для того, чтобы можно было при случае прилепить нужное лицо. Фигуры животных с отверстиями, очевидно, для втыкания ритуальных палочек, для наведения порчи. Было несколько фигурок бесов и неведомых чудищ.

— Так, похоже, всю семью придётся зачистить, — подумал я вслух.

Девушка схватила с полки зеркало и начала в него что-то бубнить. Какие-то слова призыва.

Я потянулся к ножу, но тут из зеркала повалил чёрный дым, и между мной и девушкой появился бес. Такой, как их рисуют в церкви — с рогами, с гордым видом. Но только ноги у него были не козлиные, а нормальные человеческие, и выглядел он, надо признать, весьма неплохо, был мышцеват и мощен. После кошмарных снов реакция у меня была молниеносная, я сразу начал молиться.

Похоже, молитва вслух бесу не понравилась. Бес вырвал у девушки зеркало, поставил его между собой и мной, как щит, зеркалом ко мне, и закричал на девушку:

— Ты опять всё провалила! Ты знаешь, что за это полагается?

— Беги, дура, — сказал я.

Вместо отступления девушка присела и завопила от ужаса. Бес сделал такое движение, будто схватил девушку за волосы и сорвал с неё кожу, а затем превратился в дым и скрылся в зеркале с одной кожей. Девушка осталась плакать на полу, закрывая лицо руками, вполне себе живая и с розовой кожей.

Я помолился ещё немного, но ничего не происходило. Тогда я носком сапога отодвинул руку и взглянул на лицо девушки. До сих пор она выглядела вполне миловидно, как красивая девушка тринадцати лет. Строго говоря, её лицо почти не изменилось, но вся миловидность исчезла. Складки у глаз, слишком толстые щёки, нос картошкой... Отталкивающее лицо. Похоже, дурёха продала бесам нечто важное в обмен на внешнюю красоту.

Немного посомневавшись, я решил, что разбирательство можно отложить на утро, а пока стоит составить компанию стражникам в избе. Мало ли какой ещё ужас эта семейка

вызвала в наш мир...

Парни в избе играли в карты и ничего не заметили. Я им кратко пересказал суть произошедшего:

— Девка пыталась заигрывать с нечистой силой, но проиграла. С утра придётся ставить вопросы на рёбра всей семье.

— Ага, — дружно откликнулись стражники и продолжили игру. Я сел к окну, отодвинул мешок с сеном, сделал вид, будто наблюдаю за лесом, и попытался переварить тот факт, что сейчас столкнулся с бесом и остался жив. Факт не переваривался.

Только через пару часов включилась соображалка и задала вопрос, а чего собственно пытались добиться нечистые с помощью этой девушки? Любовь по-взрослому с зачатием в любом случае была исключена. Или не исключена, и она хотела получить ребёнка с суперспособностями? Так всё село знало, что у меня нет суперспособностей. Это был первый вопрос, который нам задавал каждый встречный. Не из страха, а просто из любопытства. Мы снисходили к человеческому любопытству и всегда честно отвечали. Если не рождение ребёнка, то тогда какова была цель приворота? Приучить меня к разврату? Так с этим благополучно справятся мои мамочка и специально тренированные девчонки из замка. Или они надеялись влюбить меня в селяночку и позволить ей влиять на мои дела и решения? Так я не барон и никогда правителем не буду, влиять не на что. А может, девчонка была заражена какой-нибудь нехорошей болезнью? Сейчас она бы засунула себе мой мужской орган себе в рот до корня, а я бы потом сгнил изнутри за несколько лет. Но какая от меня кому польза, даже если я останусь жить? Одни вопросы...

За ночь ничего не произошло. Поутру семью хозяина избы найти не удалось. Они погрузили что могли на повозку и дали дёру. Все фигурки и зеркало они забрали с собой.

Пришлось сказать селянам, что семейка, похоже, баловалась связями с нечистыми. Соседи с удовольствием разобрали скотину и всё, что беглецы не смогли увезти с собой.

Вернувшись в замок, продиктовал Сигуре письмо графу о беглых селянах, и завалился спать. Не спать целую ночь — это всё-таки непросто.

* * *

Через три недели пожаловал наш папенька в сопровождении почти всех наших стражников. Спросил, что за художества мы тут придумали с лесопилкой. Мы показали почти готовое здание, обтянутые тканью лопасти. Отец удивился, сказал, что ветряные мельницы он видел, но для лесопилки силы ветра может не хватить. Посмотрел штабели досок и брусьев, которые мужики напилили вручную, похвалил. С лесопилкой сказал не заморачиваться. С тем и уехал.

А лесопилка заработала неожиданно хорошо и быстро. Вместо двух пил мы даже поставили блок из четырёх пил, скорость работы почти не уменьшилась. Через неделю перетёрся железный коленвал, приводивший качающиеся пилы в движение. Мы за три дня сделали новый, поставили поверх железа деревянный подшипник на сале. Проблемы с перетиранием исчезли. И скрипеть лесопилка перестала. Мужики увидели, что ветряк заменяет их всех, и были очень рады тому, что тяжёлая работа по распиловке закончилась.

В один из первых весенних дней из села прискакал мальчишка, сказал, что староста просит приехать. Одна семья рассорилась настолько, что супруги дерутся до убийства,

староста боится, что не сможет их помирить. Консанс был занят и сказал мне съездить одному. Я отказался, куда мне мальчишке взрослых мирить?

— Тогда возьми святого отца с собой, — решил Консанс.

Пришлось идти и радовать святого отца новостью о том, что ему лежит дорога дальняя и дело казённое. Святой отец совсем не обрадовался, но возражать не рискнул.

Когда мы подъехали, драка уже затихала. Вокруг дома ссорящихся стояла толпа людей, староста тоже был тут. Супруги были какие-то подозрительно молодые, едва старше меня.

Я постарался как можно более грозным тоном спросить у супругов, в чём тут дело и почему их господин должен всё бросать и ехать в село. Грозный тон не получился, но я был в стальных доспехах и с мечом. Этого хватило.

Парень с девушкой принялись наперебой рассказывать мне о разных обидах. В основном обвинения касалось несделанных домашних дел и бытовых грубостей. С моей точки зрения, мелочи. Детский сад, чтоб им хорошо было...

Тут меня посетила одна мысль. Если эти мелкие обиды были единственной причиной конфликта, значит, им теперь нужен только повод помириться. Значит, надо сказать что-нибудь из общих слов и откланяться.

— Вы не просто парень с девушкой, которые могут нравиться друг другу или разбежаться, если не нравятся. Вы супруги в одной упряжке. По учению нашего Бога-из-Огня, человеку должно отказываться от своей гордости ради того, чтобы любовно служить другим. У вас есть вы, служите друг другу. Заботьтесь друг о друге. Правильно я говорю, святой отец?

Наш святой отец недовольно символизировал рядом, даже не кивнул, зараза. Но символизации хватило. Молодые люди притихли. Что бы я делал, если бы не было религии?

Люди, стоявшие вокруг, зашептали:

— Молодой господин такой набожный, так гладко говорит...

Совсем меня засмутили.

На обратном пути святой отец неожиданно обратился ко мне из своей повозки:

— Прежний барон никогда не брал меня в село. Я обращался к людям в церкви в замке, когда они приходили на службу, но барон считал, что эти люди живут на уровне животных и в любом случае ничего не поймут, кроме обрядов. А вы считаете, что можно учить их закону и благодати?

Я с удивлением посмотрел на пожилого человека. В каком ящике он вырос, чтобы настолько ничего не знать о жизни?

— Нужно. Они по разумности от нас ничем не отличаются. Они только в бою тормозят, либо действуют слишком жесточённо, либо каменеют, да и то не все. Вон, наши стражники после обучения более-менее шевелятся. А по жизни и в торговых делах они иногда куда как шустрее.

* * *

Доход от продажи наших пиленых досок оказался неожиданно большим. В отличие от обычных досок, которые получали методом раскалывания брёвен, наши доски были ровными. К моменту, когда надо было сеять, мы скопили в несколько раз больше денег, чем было нужно для того, чтобы купить семян на всё село.

И тут громом с ясного неба пришло известие о том, что наш граф ага Аркнейн не утвердил переход владения Пфальфен в собственность нашего отца. Он признал победу нашего отца, признал правильность действий и переход детей в приёмные дети, но владение Пфальфен передавал одному из своих безземельных баронов. Отцу в качестве отступного граф предложил земли за рекой, огромное владение, превышающее баронство Пфальфен в несколько раз... Но это были совершенно пустые земли, открытые со стороны Дикого Поля. Людей для них надо было покупать где-то на стороне, с большой вероятностью того, что их вырубят и съедят кочевники в самом ближайшем времени.

Новости об этом вместе с письмом от отца привёз сам новый барон ага Пфальфен. Толстый пожилой мужик, из благородных, он получил это владение за долгую преданную службу графу в походах и в делах управления. Мы с Консансом предложили ему показать всё хозяйство. Этот заносчивый дурачок обругал нас, заявил, что сам во всём разберётся, что он не нуждается в том, чтобы его учили какие-то щенки!

Я спросил у него, разбирается ли он в ветряных лесопилках. Дядька не поверил, что такие бывают. После того, как мы показали ему все наши придумки, село и поля, дядька поверил, что мы тут действительно хозяйствовали с любовью и показываем ему то, что сами любим. Дядька расчувствовался и на прощальном пиру выпил много тостов в нашу честь. Поутру, когда провожал, даже обнял нас. Наверное, он действительно был неплохим дядькой.

Но все деньги, которые остались после того, как мы купили семян для сева, мы увезли с собой.

* * *

Перед отъездом мне приснился сон, в котором я убегал от чудовищ по узким ходам между высоких скал. Чудовища были какие-то странные, они выглядели как маленькие меховые шарики с иглками. Они прыгали людям на шею и высасывали из головы всё сознание. В начале сна я ехал по степи с большим отрядом, и почти все мои товарищи были съедены этими шариками. Лишь мне и немногим счастливицам удалось убежать в скалы. В скалах мы бегали долго, по нескольким уровням. Повернув в очередной раз за угол, я обнаружил строй волколюдей, целившийся в меня из луков. Начальник волколюдей с лицом нового барона ага Пфальфен прорычал команду, и волколюди спустили стрелы. Я понял, что я умер.

Как это ни удивительно, проснулся я совсем без страха, где-то даже с радостным ощущением. Вот шарики с иглами действительно наводили ужас, а умирать было не страшно.

* * *

На пути в Долиган нас попытались закидать камнями гарпии. Да, голодными зимами они могут от отчаяния залетать так далеко от родных гор. Мы спокойно подняли щиты, успокоили лошадей и уже думали, что на этом всё закончилось, как гарпии пошли на посадку. Вскоре весь наш маленький отряд был окружён хихикающими гарпиями.

— Маленькие, сладенькие, недолго вам осталось! — повторяли раз за разом гарпии.

Эти грязные твари ещё и умеют говорить, но понять их почти никогда невозможно, и не потому, что у них язык отличается, а потому, что они, как правило, не знают, что хотят сказать.

Пока гарпии собирались вокруг отряда, мы достали луки и надели доспехи, кто ещё был без доспехов. Мы были готовы перестрелять любое количество гарпий, в бою на земле они очень слабы. Идти на посадку — очень большая ошибка с их стороны.

Гарпии хихикали и не нападали. Дядька Иркинор наконец потерял терпение и рывкнул:

— Да что вам надо, глупые твари? Либо идите и попробуйте наших ножей, либо дайте проехать.

Гарпии в ответ дружно развеселились:

— Идёт на вас волна от светила, всех вас затопит, все ваши косточки оближем!

А потом взяли и улетели, оставив нас в состоянии абсолютного изумления. Чего хотели? Надеялись, что у кого-нибудь нервы не выдержат и он от группы убежит?

* * *

Отец встретил нас упрёками в том, что мы построили слишком хорошую лесопилку для Пфальфена, и теперь наше хозяйство не сможет поставлять пиломатериалы для города. Я ответил, что ничто не мешает нам построить более крупную лесопилку, а лесов у нас больше, чем у соседа. Мы сможем поставлять больше леса, он не сможет. Если он переведёт все свои леса на деньги, то хуже будет только ему.

Консанс показал деньги, которые мы привезли из Пфальфена. Отец оттаял, сказал, что это неплохо, но очень мало по сравнению с тем, сколько надо вложить во вновь полученные земли. Я предложил высадить там ценные породы деревьев, создать искусственный лес для защиты от Дикого Поля. Отец замахал на меня руками — когда он ещё вырастет...

Мамочка при встрече меня обняла, чего не происходило уже много лет, спросила, нашёл ли я в Пфальфене себе девушку — забаву. Я ответил, что было не до того, что девушкой — забавой была лесопилка.

— О, сын мой! Я слышала про разные извращения, но такое впервые. Экий ты вырос фантазёр. Надеюсь, ты всё-таки обратишь внимание на человеческих девушек. Жду от тебя имя через три дня, — с улыбкой сказала мама.

— Святой отец говорил, что блуд — это смертный грех.

— И ты говори, если селяне спросят. Для них это правда и грех, и смерть. Если хоть немного выпустить их из строгих запретов, начнётся ужас что. Сплошное перекрёстное опыление всех со всеми, болезни, грибки и окаменение души. Дети невест от кого, беременные двенадцатилетние девочки. Но благородные люди другое дело. Благородные люди умеют сдерживаться, умеют достигать совершенства в любом искусстве. Благородные люди не живут чувствами и привязанностями, они живут долгом и размышлениями о последствиях дел. Вот и изучай искусство приносить удовольствие женщине и получать удовольствие от неё. Без беременности у девушки. Для тебя это должно быть как еда, главное не переесть. Жду имя через три дня.

— Сигуру можно?

— Вы с ней забавлялись в Пфальфене?

— Нет.

— Зачем она тебе? Она же сильно старше?

— В этом и дело. Я смогу относиться к ней как к инструменту, она не сможет стать моей женой и тоже будет относиться ко мне как к инструменту. У меня есть к ней некоторое уважение. Мы сражались вместе. Она отважная.

— Неожиданно... Надо посоветоваться с отцом и с Сигурой.

Вот и советуйтесь. Чем дольше, тем лучше. Только меня не трогайте...

На следующий день отец передумал. За завтраком он неожиданно сказал, что у него есть важное объявление. А затем торжественно объявил, что назначает меня временным наместником на новых землях за рекой при советнике дяде Иркиноре. (Дядька Иркинор вернулся вместе с нами).

Нам вменялось в обязанность исследовать новые земли и определить, где стоит сажать леса с ценными породами деревьев. Для охраны нам были приданы одиннадцать стражников. Оказалось, что за последнее время отец натренировал ещё некоторое количество селян и сделал их воинами. Это пополнение и должно было идти с нами. Ещё с нами должны были идти для усиления дети барона ага Пфальфен — Сигурн, Самата и Сигура. Отличный клубочек единомышленников получается. Все кабысдохи в одной упаковке, не считая стражников.

Дети из Пфальфена выразили согласие и покорность воле приёмного родителя. Моего согласия никто не спрашивал и не ждал.

После завтрака меня отловила Сигура и спросила, правда ли я просил у родителей разрешения сделать её своей забавой. Я сказал, что они ко мне пристали с требованием назвать имя, а я назвал такое, на которое они не согласятся, просто для того, чтобы отстали.

— А я не против. Я люблю доходить до оргазма. Будешь доводить меня? — неожиданно согласилась Сигура.

Как просто в этом мире впасть в смертный грех! Убийство и блуд, дело благородных.

Я использовал познания, недавно почерпнутые от Консанса:

— А ты как больше любишь, руками или языком?

— Договорились! — чиркнула Сигура и упорхнула.

Ближе к обеду меня нашёл отец и сообщил, что Самата и Сигура с нами не пойдут. Он решил, что для молодых девушек такая дорога может быть слишком опасной.

Всё ясно. Решили, что мы с Сигурой можем действительно слишком сойтись, что впоследствии может помешать им выгодно выдать Сигуру и женить меня. Заодно и Самату прижали.

Выехать сразу, как хотел отец, не получилось. Даже приблизительные подсчёты показывали, что для такого путешествия потребуется много запасов. Отец вслух проклинал тот день, когда решил научить меня арифметике, но признал мои расчёты. Выезд отложили на три дня.

* * *

— А мой отец говорит, что бесы — это всё сказки, которые жрецы придумали для того, чтобы запугивать селян, — сказал Визго.

Перед отъездом мне удалось улизнуть в деревню, поболтать с друзьями. Конечно, я не

мог не рассказать им про девчонку, что спуталась с нечистыми.

— Не сказки, поверь. И через сны пытаются воздействовать, и наяву. Уж кому бы не сомневаться в существовании нечисти, так тебе. Помнишь то чудовище, которое мы на хуторе завалили?

— Так оно вполне себе настоящее, его потрогать можно было.

— А если бесов нельзя потрогать, но можно увидеть и получить какую-то информацию, они что, не настоящие?

Визго задумался.

— Если бы на меня так девчонки вешались, я бы не устоял. Взял бы самую первую, — мечтательно протянул Маркел.

Про приказ мамы я им тоже пожаловался.

— Это издалека только так кажется. Вот представь, если бы твоя мама приказала тебе выбрать забаву из Симатки, Дранки и Тушкаки, ты бы кого выбрал?

Симатка была глупой и некрасивой девушкой, Дранка получила такое прозвище за то, что всё время дразнилась и дралась на пустом месте, Тушкака была просто дурой, причём дурой навязчивой.

— Да, есть проблема, — согласился Маркел.

— А я вот вспоминаю одну историю, и думаю, что тут дело сложнее. Помните историю про серую семью? — спросил Геригор.

— А при чём тут серая семья? — удивился Серен.

— Помните, они от голода связались с нечистыми, а те из них за каждую услугу и за каждый кусочек кажущейся еды понемногу забирали жизненную силу, так что они стали совсем прозрачными, и только казались окружающим обычными людьми. До тех пор, пока не приехал Рыцарь Без Страха и Упрёка и не открыл всем глаза на то, что они серые совсем. Вот наш Полисаний пока с девками не путался и может видеть суть дела как она есть, может видеть все серые семьи. А если спутается, то станет как все, и ничего видеть не сможет. Поэтому они ему эту деваху и пытались подложить, — предположил Геригор.

— Эти сказки про серые семьи и неуспокоенные души бабки десятками выдумывают, чтобы было, что рассказывать во время зимних рукодельных посиделок. Полисаний чётко сказал же, что девка осталась вполне обычной, только некрасивой стала, — недовольно рыкнул Серен.

— А, ну, да, не сходится. Но Полик, ты это, оставайся как был, сможешь тогда бесам противостоять и серые семьи видеть, — не отказывался от своей идеи Геригор.

Сочувствие друзей меня тронуло. Захотелось ещё пожаловаться на жизнь:

— Чего они вообще ко мне пристали? Я обычный мальчик, без суперспособностей.

— Так я ж говорю, ты серые семьи сможешь видеть, — напомнил Геригор.

— Скорее, у Полика есть суперспособность бесов в шарик скатывать и из людей выгонять, как у святого Исусания, только у того суперспособность в старости проявилась, когда он монахом стал, а у Полика может быть с детства. Поэтому бесы и хотя его обычным хозяйчиком сделать, любителем женщин, — высказал свою версию Серен.

Я уже хотел сказать, что святой приобрёл эту способность только благодаря подвигам во имя Бога, а не получил её по рождению, как наши благородные, но внезапно понял, что товарищи просто хотят, чтобы и у их друга из числа благородных тоже была какая-нибудь суперспособность. Поэтому я просто засмеялся. Друзья присоединились.

Остальное время я рассказывал, как мы строили лесопилку с приводом от ветра. Эта

тема вызвала живейший интерес.

Глава 5

Дикое Поле

Переправлялись через Реку не у нас, а намного ниже по течению. Вообще-то река, отделяющая нас от Дикого Поля, называется Арпезиана, но все давно называют её просто Река. Мосты, которые принадлежат моему отцу, перекинуты через небольшие реки и ручьи — притоки Арпезианы. Я даже не представляю, у кого может хватить средств и умений, чтобы построить мост через Реку. Она не самая широкая, зато очень глубокая и очень быстрая. В былые времена, когда по реке шли на юг баржи с зерном, назад их поднимали исключительно вручную. Одна группа заводила и крепила трос, а вторая группа дюжих мужиков — бурлаков шла по палубе баржи и тянула трос. Грести вёслами не было никакой возможности — любой корабль просто сносило. Даже самые быстрые лодки продвигались против течения едва — едва. Для барж на дне были установлены специальные грузы и якоря, а на поверхности болтались поплавки с креплениями для буксировочного троса. Те группы, которые заводили трос, обычно бежали по берегу с лёгкой лодочкой в руках, а потом спускались по течению к поплавку, крепили трос и с ним спускались до баржи. Потом они брали использованный трос, гребли к берегу, и всё повторялось снова и снова.

В наше время поплавок почти не осталось. Тропы вдоль реки заросли лесом. Прибрежные бароны не видят смысла тратить силы на то, чем никто не пользуется. Там, где мы переправлялись, поплавки поддерживались в исправном состоянии. Их использовали для судна типа парома. Паромщики взяли с нас целое состояние, но и работали полдня.

Сигурн заметил, что если будем осваивать земли за рекой, то надо будет наладить свою паромную переправу, иначе разоримся на паромщиках.

Мне несколько не хватало беспричинной и наивной жизнерадостности Сигуры, поэтому я ответил не очень доброжелательно:

— А тебе-то какое дело до наших успехов?

Сигурн улыбнулся:

— Если на том берегу реки появятся селения, то кто их будет защищать? Скорее всего, я с родственниками. А от ответственного за защиту до собственного вассального владения — один шаг. В лучшем случае я буду вашим вассальным дворянином. Собственный замок, свои люди... За это стоит работать, не так ли? Ты не против?

Сукин сын очевидно посмеивался надо мной, но мне было не обидно. Я пошутил в ответ:

— Как стану бароном ага Долиган, считай, эти земли в твоём кармане. Но только у нас гораздо больший шанс быть съеденными в первом походе. По Дикому Полю кто только не бродит...

— Насколько я знаю, у кочевников нет благородных людей со Способностями.

— А там не только кочевники бродят. Кочевники — это самый лёгкий вариант. От них мы от любого количества отобьёмся. Наши люди в полных рыцарских доспехах для них почти неуязвимы. Но там ещё есть и мятежные бароны, которые сбежали от Государя, и вообще всякая нечисть. Я вот слышал историю про отряд типа нашего, от Государя на разведку были посланы, все в полных доспехах, с лучниками и арбалетчиками. Ушёл отряд и не вернулся. А потом их нашли, сидели в шатрах, как живые, с котелками в руках, но все мёртвые.

— А я слышал, сборщики мёда один раз тут наткнулись на некоторых людей из соседнего села, дружелюбных и приветливых. А когда обратно вернулись, выяснилось, что эти люди умерли незадолго до их встречи, — припомнил историю Сигурн.

Я рассказал ещё одну историю, и Сигурн вспомнил ещё. Так мы с ним пугали друг друга до тех пор, пока не переправился весь отряд. К вечеру я пришёл к выводу, что Сигурн, по сути, неплохой парень. Третий ребёнок в семье с двумя старшими братьями, превосходящими его в способностях, и с буйным отцом, помешанном на гордости... У него детство было не легче, чем у меня.

Поутру мы двинулись в степь. По моему настоянию нам построили облегчённые повозки с лёгкими колёсами большого диаметра. Эти повозки среди всего прочего везли большое количество щитов. При необходимости можно было связать эти повозки в круг и уставить щитами. Получалась передвижная крепость. Сейчас эти повозки шли с достаточно большой скоростью, ничуть не задерживая конников. Я вычитал эту идею в книге про походы древних завоевателей.

Дикое Поле не просто ровное поле. Здесь бывают и рощицы, и небольшие лесочки, и озёра, и даже болота. А ещё оно всё изрезано оврагами от существующих или пересохших ручейков. Большую часть времени нам удавалось успешно находить проезжий путь между различными оврагами и расщелинами. Но ближе ко второй половине дня мы уткнулись в глубокую промоину, на дне которой журчало что-то среднее между ручейком и маленькой речкой. Стало очевидно, что без строительства мостков нам через это препятствие не перейти.

Дядька Иркинор скомандовал привал на обед. Часть людей послали в ближайшую рощу, заготовливать брёвна для мостков. И тут начался дерьмоштурм.

Сначала Така устроила истерику, облаивая лес. Потом на первого воина, ступившего под ветви деревьев, свалилось что-то серое, комок меха небольшого размера, который устроился у него на плечах и не собирался их покидать. Воин сначала замер, а затем развернулся и нетвёрдой походкой направился вглубь рощи. Мой кошмарный сон оживал на глазах.

Мы уже были в сёдлах и помчались к границе деревьев. Я остановил Звёздочку, не доезжая до ветвей, и достал лук. Выстрел оказался удачным, стрела пробила серую массу на плечах стражника. Раздался писк, стражник упал. Его товарищи собрались идти вытаскивать тело.

Я огляделся и заметил на ветвях ещё несколько серых существ с острыми ушками.

— Под деревья не заходить! Держитесь подальше! — завопил я в панике.

Мы немного отошли и стали думать, что делать. О таких существах никто даже не слышал. Пока мы думали о том, что делать с остроухими, остроухие решили, что делать с нами. Они посыпались с веток и кинулись к нам. Така сбежала.

Я успел подстрелить шестерых до того, как у меня закончились стрелы. Выяснилось, что бегаем мы быстрее, чем остроухие. Только одного стражника догнал комок серого меха, но тот просто отбил его рукой в железной броне. Как хорошо, что мы решили всегда быть в доспехах!

Один из стражников, до этого готовивший обед, привёз запас стрел. Мы перешли в наступление. Короткая весенняя трава не давала укрытия даже небольшим тушкам серых, и они это поняли раньше нас. Они обратились в бегство до нашего наступления.

Что удивительно, все мои стрелы лежали на траве, даже те, которые попали в цель и

были перемазаны кровью.

До нашего первого товарища, лежавшего в роще, мы доскакали, держа щиты над головами. Тщательный осмотр не позволил разглядеть остроухих на деревьях, но на всякий случай мы всё-таки прикрылись щитами. Никто упасть на нас сверху не пытался.

Мы вытащили тело подальше от деревьев и приступили к осмотру. Маленькое серое чудовище присосалось к шее стражника и опускаться не собиралось, несмотря на две тяжёлые раны. Похоже, оно питалось его кровью.

Мы зажали мелкую пакость железом и принялись отрезать по кусочку. Сначала отрезали то, что приняли за голову. Существо не отлипло. Выяснилось, что оно прикикло к коже нашего товарища всей своей поверхностью, снимать его пришлось вместе с человеческой кожей. Что удивительно, кровь ниоткуда не текла, кроме тех мест, которых мы сами порезали.

Снятые кусочки мы сожгли. Наш товарищ умер через три часа, не приходя в сознание. Первая потеря.

Мы переправились через овраг и поскакали побыстрее от проклятого места. Ночью мы поставили повозки в круг и запалили костёр поярче. Почти никто не спал.

Ночью мне приснился сон, что надо ехать на восток. Уговорить всех остальных повернуть вглубь Дикого Поля было непросто, но в конце концов мне решили поверить просто из любопытства.

Ближе к полудню мы нагнали довольно большое племя страшных кочевников Дикого Поля. Страшные кочевники устало брели пешим порядком, понутив головы, и не очень обратили на нас внимание. У них были и лошади, и другой скот, но немного. Все тяговые и вьючные животные были сильно перегружены. В целом племя производило очень потрёпанное впечатление. Я подъехал и спросил, где вождь. Что удивительно, никто не достал оружия, а что ещё более удивительно, меня поняли и замахали руками, направляя в голову колонны. Похоже, у этих людей усталость от потерь уже переросла в апатию.

Вождь и правда нашёлся в голове колонны. Он ехал на осле, в то время как рядом на коне ехали две женщины. Достаточно красноречивая картина. Увидев нашу громыхающую кавалькаду, он скомандовал привал.

Представились, разговорились. Предводителя кочевников звали Артаксалом. Вождь говорил на нашем языке почти чисто. Сказал, что научился в молодости от пленных, которых они захватывали ранее в набегах и обращали в рабов. Я спросил, почему они сейчас не совершают набегов. Зимой Река замерзает, заходи не хочу. Артаксал в ответ принял жаловаться на жизнь:

— А зачем? Ранее мы совершали набеги в отместку за то, что ваши работорговцы захватывали наших людей и продавали на юг. Теперь работорговцев нет, а пленных надо кормить. А нам самим есть нечего. Жизнь стала намного тяжелее. Люди-волки, гарпии, джуны, систи, граны... И все убивают людей. Плюс другие племена давят, угрожают уничтожить полностью. Мы устали убегать. Хотим перейти Реку и попросить защиты у кого-нибудь из баронов Государя.

Я подумал о том, что не только бесы могут вмешиваться в сны людей. Похоже, Бог или кто-то, кого он приставил присматривать за этой местностью, послал мне сон сегодня, чтобы мы встретили этих людей.

— А у меня как раз задача обустроить новые земли для моего отца — барона ага Долиган на этой стороне реки. Ещё у нас проблема, где бы найти людей для того, чтобы они

подняли эти земли, — признался я.

— Кто? Вы? На этой стороне реки? Сможете защитить нас? Очень смешно, — вождь засмеялся. Вместе с ним засмеялись все присутствующие воины и женщины. Это было немного обидно.

— Нас мало, но вы зря недооцениваете нас, — сказал Сигурн, — у нас у многих благородных людей очень мощные способности. Один наш человек может уничтожить несколько десятков, а некоторые и несколько сотен врагов. Поэтому у нас простые люди совсем не сражаются, сражаются только благородные. Просто нет смысл привлекать к боям людей без способностей. Как думаете, почему этим разведывательным походом командуют дети — я и Полисаний?

— Потому, что вы дети вождя? — предположил вождь кочевников.

— И это тоже. Но в первую очередь из-за способностей. Я, например, могу одним касанием убить и человека, и лошадь. Никто не выживает.

— Принесите курицу, — распорядился вождь, — тем, что останется, пообедаем.

— Вообще-то я не говорил, что буду выступать на потеху публике, — прошипел Сигурн.

— Впечатлишь их — будут тебе селяне в село, — попытался я сгладить шероховатость.

Сигурн хитро улыбнулся:

— Смотри, сейчас смешно будет.

Я не заметил, чтобы у кочевников была передвижная птицеферма, но курицу принесли. Сигурн одной рукой подкинул её в воздух между собой и вождём с его женщинами, а второй нанёс удар. Раздался гром, как от молнии, во все стороны полетели пух, перо и кусочки мяса. На землю упали только обожжённые косточки.

Вождь и все окружающие, включая Сигурна, покрылись тонким слоем кусочков куриных перьев.

— Кажется, обедать будет нечем, — признал вождь, отряхивая с себя пух, — Но на этой стороне реки опасностью являются не только люди.

— Волколюди? — подсказал я.

Вождь посмотрел на меня, как на маленького ребёнка:

— Если бы! Это простая задача, хотя они тоже съели несколько наших племён. Я говорю о том, что таится в ночи. Твари, которых невозможно убить, так как у них порезы зарастают на глазах. Даже удар копьём насквозь их не убивает. А ещё есть такие, которые могут устраивать вам внушения так, что вы сами побежите им навстречу, как к лучшему другу... Там ваша жизнь и закончится.

— И как вы с ними боретесь? — заинтересовался я.

— Даём им взять то, что они хотят, а потом всем племенем быстро бежим в другую землю. Они обычно много не берут, одного — двух человек. Поэтому мы хотели бы перейти на вашу сторону реки.

— Это возможно, но для вас это ничего не изменит, — кивнул я, — зимой, когда реки встают, эти существа совершенно спокойно переходят на нашу сторону реки и там хулиганят. Мы этой зимой двух таких убили, одного мальчика и одну мамашку с двумя щенками.

— Да? И кто этот великий воин? Я бы пожал ему руку, — с недоверием произнёс вождь.

Я задумался, как бы получше описать процесс уничтожения чудовищ, когда краем глаза заметил, что Сигурн интенсивно двигает рукой. Я присмотрелся и понял, что это Сигурн указывает пальцем на меня, так, чтобы я не видел.

Вождь округлил глаза.

— Я был не один, — поспешно сказал я.

— Есть и ещё один момент. Вы слишком поздно решили двигаться к нам. Весенний сев уже заканчивается. Вы не успеете собрать урожай, чтобы дотянуть до следующего года. А у баронов может не хватить еды, чтобы кормить вас. Поэтому, возможно, вам лучше оставаться на этой стороне реки, на наших землях, кормиться как вы обычно кормитесь. Ближе к осени распашете степь, посеете озимые. А на следующий год уже будете полностью обеспечивать себя продовольствием со своих полей, — дядька Иркинор впервые за всё время принял участие в беседе.

— Двинулись в путь, как дороги просохли. Ковыряться в земле — работа женщин, — не очень уверенно заявил вождь.

— Это очень тяжёлая мужская работа. И она даёт намного больше продовольствия, чем ваша кочевая жизнь, — с поклоном ответил дядька Иркинор.

— С каких это пор эта земля стала вашей? — припомнил вождь слова дядьки.

— С тех пор, как наш граф пожаловал нам часть земли, которую ему пожаловал наш Государь. Если вы захотите оставаться на этой земле, вам придётся приносить клятву верности моему отцу, который станет вашим бароном, придётся участвовать в совместных войнах и отрабатывать барщину, — ответил я.

— Мы не рабы и никогда не будем рабами, мы свободные люди! — вскинулся вождь.

— Это не рабство. Мы отказались от рабства тысячу четыреста лет назад. Да и до этого у нас рабами были только военнопленные. Просто их некуда больше было девать. Так что работа наших селян на их феодалов — это не рабство. Это взаимная забота. Селяне работают, благородные защищают их от грабителей и от других благородных. А чаще от них самих, — повторил я мысль, которую регулярно внушал нам всем наш святой отец.

Меня прервал дядька Иркинор:

— Формы взаимодействия могут обсуждаться. Думаю, в нашем случае уважаемым кочевникам лучше предложить в качестве взаимной заботы отнюдь не барщину, а защиту новых земель. Земледельцы они пока неопытные, а вот патрулирование новых земель и защиту наших селян они вполне могли бы осуществлять. Мы дадим им броню и новое оружие, и это сделает их намного сильнее. В будущем, если угроз не будет, можно вместо барщины назначить определённый налог деньгами или частью урожая.

— То есть вместо барщины мы будем защищать сами себя и те сёла из ваших людей, которые со временем появятся на этой земле? — сообразил вождь.

Я порадовался, что отец послал с нами такого мудрого человека, как дядька Иркинор, и радостно подтвердил:

— Да, это хорошая идея.

— А вот про то, что оружие у вас лучше, вы зря. Мы очень хорошие кузнецы, — похвастался вождь.

— В таком случае надо найти хорошее место для укрепленного посёлка, и вы можете располагаться, строить укрепления, распахать поля. Некоторые злаки ещё можно успеть посеять, овощи многие тоже успеют вырасти, — обрадовался я. Перспектива построить новый замок меня почему-то увлекла.

— Мы хотели бы переправиться через реку. За рекой можем отрабатывать даже барщину, — гнул своё вождь.

Мы посмотрели на вождя удивлённо. То «не-хочу-не-буду», то вдруг согласен на всё.

Потом я сложил в уме два и два и догадался:

— Вас разгромило большое племя и теперь оно идёт по вашим следам.

Вождь развёл руками и ничего не сказал. Так вот почему у них вид такой потрёпанный и так мало скота. Я продолжил размышлять вслух:

— Большое племя после битвы быстро подняться не сможет. Вы шли первое время по не просохшим землям, они пойдут позже, когда всё подсохнет. Идти они будут медленнее из-за большого обоза. Так когда ожидается их приход?

— Недели через три — четыре.

— В этом случае река вас не спасёт. Если племя достаточно большое, они смогут пройти достаточно глубоко на нашу территорию, пока графы не соберут всех баронов в войско. Лучше построить укрепления на этой стороне реки и дать им бой здесь. Подойдёт мой отец, а если племя очень большое, то и другие бароны. Насколько большое племя нам ждать?

— Двести раз по тьме. Они ваших рыцарей — колдунов просто телами завалят.

Тьма — это тысяча на языке кочевников. Двести тысяч?

— Таких больших племён не бывает.

Вождь кивнул:

— Раньше не было. Но в поле появился лидер, который оказался настолько ловким и находчивым, что сумел объединить разные племена. Он щедр к тем, кто переходит на его сторону, он прекратил все набеги и взаимные грабежи между племенами... Но к врагам он беспощаден. Будет их преследовать даже там, где это не имеет никакого смысла, там, где от природы погибнет больше его воинов, чем в преследуемом племени всего людей. К нашему сожалению, мы не сможем с ним помириться. Наши предки обидели его отца.

— При таком большом количестве людей будет сложно снабжать их едой. Может, ударить по этому?

Вождь замахал руками:

— Наш враг умный. Ему еду издалека везут, каждое союзное племя. Он только четверть людей на войну забирает, остальные продовольствие и корма заготовливают.

Двести тысяч воинов! Получается, мы стоим на пороге грандиозного нашествия из Дикого Поля! Такое бывало и раньше, но не в таких масштабах. Десять тысяч воинов, пять тысяч... Но не двести!

Вождь продолжил:

— Потому мы и хотим уйти за реку. Если они потеряют наш след, то могут просто побрезговать лезть в реку ради неизвестных целей.

— При таком количестве народа они вынуждены будут ползть за реку хотя бы для того, чтобы разорить приграничные баронства и дать воинам хоть какую-то добычу, — подумал вслух Сигурн.

Вождь содрогнулся. Похоже, он действительно боялся преследователей.

— Тогда нам очень повезло, что мы с вами встретились. Надо срочно посылать гонцов к Государю, чтобы мы успели собрать достойную армию.

— Вам повезло, что мы навели на вас такую армию? — засмеялся вождь Артаксал.

— Она пришла бы рано или поздно в любом случае. Такие лидеры не могут править, не расширяясь. Через несколько лет армия станет больше. Я читал про похожих вождей прошлых времён. Всегда одно и то же. Сначала какой-нибудь хитрец спланирует доселе враждовавшие племена или земли, а потом сталкивается с тем, что им надо либо давать

источники для грабежа, либо кормить их вождей из своих ресурсов, либо просто надо убрать всех умеющих воевать людей куда-нибудь подальше. А конец всегда один — хитрец умирает, а все племена и земли возвращаются к прежней вражде, — сказал я.

— Ты умеешь читать? — удивился вождь.

— Заставили... У меня есть ещё один вопрос. Мы на днях столкнулись с неизвестными существами, серенькие такие, с острыми ушками, падают с веток деревьев и присасываются к шее человека так, что не отдерёшь. У нас один человек так погиб. Это что такое, не знаете?

— Сиркуны! — в ужасе воскликнул вождь. Остальные присутствующие дружно ахнули.

— Как с ними бороться?

— Да никак. Эти существа прилипают к человеку, чтобы выкачать из него память о его жизни. Они даже могут потом его голос и речь имитировать. Когда насосутся, отваливаются и убегают.

— А мы его на кусочки порубили. И наш человек при этом погиб. Зря погиб?

— Не зря. Эти существа не просто так все знания выкачивают. Они потом, если удастся убежать, рождают таких существ, которые могут самым лучшим образом уничтожать тех, из кого они память получили. Если источником был человек, то рождается большой мохнатый человек, который больше всего любит охотиться на людей. Если бер, то вырастает огромный бер, который обычных беров только так на мясо пускает. Впрочем, людей он тоже любит. Если мышь, то вырастает небольшое, но очень быстрое существо типа крысы. И очень плодовитое. Преследует мышей до полного истребления. А потом сами вымирают... У них у всех отличительная особенность — если их ранить, то раны почти сразу зарастают. А если отрезать голову, то голова понемногу ползёт к телу и прирастает обратно. Можно остановить, только если сжечь.

— О! Значит, мы зимой именно этих существ уничтожили. Они были чуть крупнее человека, с мехом, и раны сами зарастали.

— Удивительно! Нам ни разу не удавалось завалить ни одно из этих существ. А сейчас по нашему следу идут два таких. Одно как человек, второе как бер. Если хотите провести ночь спокойно, лучше поезжайте вперёд нашего каравана на час — два.

— Мы предпочтём убить одно из этих существ, а лучше двух.

Вождь перевёл слова окружающим. Столпившиеся вокруг воины сдержанно захмыкали.

А у кочевников очень забавные глаза, когда они улыбаются. В среднем у них глаза меньше, чем у нас, и немного уже. Но когда они улыбаются, у них верхняя часть века изгибается высокой дугой, а нижняя становится почти прямой. Очень забавно.

Я вернул их к основной теме:

— Что мы решили с размещением вашего племени? Будете строить укрепления на этой стороне реки и ждать армию Государя? Будете присягать моему отцу? Будете распахивать и засеивать поля?

— А через реку никак нельзя? — не оставлял своей мечты вождь.

— Сражаться всё равно придётся. Удобнее это делать здесь, в заранее подготовленном месте. Ничто не мешает построить укрепления и засеять поля, а потом при приближении вражеской армии переправить за реку женщин и детей. Для это надо будет наладить паромную переправу. Тоже довольно трудоёмкая задача.

— Ладно. Посылайте гонцов к вашему отцу, пусть готовит договор. И гонцов к Государю, чтобы собирал армию, — сдался вождь.

— Сегодня ночью охотимся на чудовищ. Завтра несколько человек отправятся гонцами.

У нас есть ещё одна задача — надо наметить, где высаживать леса на границе нашей земли. Поэтому тем из наших, кто останется с вами, придётся иногда отъезжать для составления планов. Буду просить у вас добавить к нашим людям своих сопровождающих. Пусть расскажут, как избегать разных опасностей Поля.

— Конечно. Разведку в любом случае надо вести, — согласился Артаксал, — Только у меня одна просьба. Когда во время охоты на чудовищ некоторые ваши люди погибнут, оставьте их чудовищам и уходите. Возможно, они займутся едой и отпустят всех остальных.

С таким жизнерадостным напутствием мы с Сигурном пошли к своим стражникам. Наши уже поставили повозки в круг, растянули шатры и всю жарили барашка. Оказалось, барашка презентовали кочевники. Щедро.

— Кочевники желают поступить в подчинение и под защиту к моему отцу. За караваном идут два чудовища. Одно типа человека, второе типа бера, нападают ночью, — «обрадовал» я своих.

Стражники обрадовались:

— О, здорово, сейчас пообедаем и успеем подальше до ночи уехать!

— Ночью идём защищать новых подданных от чудовищ. Придётся с факелами ездить вокруг стойбища. Как увидите чудовище, не геройствуйте, скачите к нам с Сигурном. Дальше Сигурн бьёт чудовище своим ударом, если не срабатывает, я прыгаю в пасть чудовищу и не даю ему сомкнуть челюсти. Вы в это время отрубаете голову. И не думайте пугаться и убегать. Самое безопасное место в этом раскладе — ближе к чудовищу, точнее, к тому моменту, когда отрубим ему голову. Попробуете убежать — догонит и съест, — огорошил я мужиков. Ну и вытянулись же у них лица!

Один из стражников засомневался:

— Вашблгродие, может, не стоит вам в пасть прыгать? Мы никак побольше вас будем.

Я засмеялся:

— Хорошо подумал? У вас на руках только латы, любой зверь их легко прокусит. А на мне полная броня, не считая лицевого щитка, в десять раз дороже вашей стоит. Я волкам в пасть уже руки засовывал, ничего, жив до сих пор. Никакая скотина не сможет сомкнуть челюсти, если в них меч торчит. Главное его туда вовремя засунуть. Самое опасное в этом деле — если это те звери, о которых я думаю, то у них на лапах огромные и очень острые когти. Вот это действительно опасно, так что близко не подходите и прыгать на себя не позволяйте. Моего брата только деревянная шкура в таком случае спасла. Кстати, вам стоит замотать горло какими-нибудь тряпками потолще, у вас горло у всех совсем открытое. И сделайте себе длинные ручки к боевым топорам. Вам будет лучше, если сможете рубить головы с лошадей. Если с лошади не достаёте, делайте так: прыгнул, рубанул, откатился в сторону, чтобы товарищ мог рубануть.

С этими словами я отправился в шатёр спать, сказал только оставить мне мяса, как сготовится. Сигурн заполз в шатёр и улёгся рядом. Пришлось отложить сон:

— Боишься, что нас достанут чудовища?

— Боюсь. В боях был в разных. Отец нас куда только не водил подраться. Но это... Они же сильнее во много раз!

— А мы умнее. Не бойся, они умирают так же, как и мы. Надо только голову снести.

Разбудили меня, когда уже темнело. Мою долю мяса даже подогрели. Пока ел, так извозился в бараньем жире, что потом еле влез в броню.

Когда мы нестройной толпой собрались на объезд стойбища, народ высыпал из своих

шатров, чтобы в последний раз посмотреть на идиотов. Мы помахали им пока ещё незажжёнными факелами. В ответ не было ни одного движения и ни одного слова. Не очень хорошо они о нас думают, однако...

Первые же шаги дозора показали, что дело лёгким не будет. Кочевники поставили шатры на большом расстоянии друг от друга, где кому вздумается. При этом всё проходы были перекрыты барахлом и привязанными животными. Как их защищать, если они на таком большом расстоянии друг от друга и ночью тут будет ни проехать, ни пройти?

Пару часов мы прохлаждались и травили разные глупые истории. Потом пришлось зажечь факелы. Толку от них было чуть, они больше слепили нас, чем освещали окрестности. Даже Така с её острым нюхом не чувствовала ничего подозрительного.

А потом что-то произошло. В небе зажглась звезда и начала медленно падать на землю. Звезда падала долго, при этом ярко горела, заливая всё вокруг светом почти дневной силы. Мы проводили звезду взглядами до падения. Она упала где-то очень далеко от нас, но мы всё равно увидели яркое зарево над местом падения. И в этом свете, немного опустив взгляды, мы увидели обоих чудовищ. Чудовища находились в небольшой пологой долинке, чуть ниже нас.

Обе твари занимались тем же, что и мы. Они смотрели на звезду, куда она упадёт, и повернулись к нам спинами. Они действительно были такими, как их описывали — высокая мужеподобная фигура и огромный бер. И как они стакнулись?

Я махнул рукой, призывая к атаке. Очевидно, что твари нас видели до того, как начала падать звезда — не заметить нас с факелами на фоне чёрного неба было просто невозможно. Поэтому важно было набрать скорость до того, как они спохватятся.

Мы набрали скорость. Чудовища обернулись. Я усомнился в реальности нашей миссии. Почему никто не сказал мне, что бер высотой с небольшую лошадь? И мужеподобная фигура рядом была ненамного хуже. Но отступать было поздно, мы неслись под уклон и остановиться не могли.

Сигурн нацелился на человекообразного волосатика. Хорошо, это по плану.

Я метнул бесполезное копьё в бера и вытащил меч. Как и ожидалось, копьё его даже не оцарапало. Я высвободил ноги из стремян, привстал на седле и прыгнул на бера. И тут произошло самое страшное: бер вместо того, чтобы кинуться на обидчиков, как я ожидал, испугался и отскочил в сторону. А я уже летел на его старое место и остановиться не мог.

Раздался характерный грохот. Это Сигурн приложил первую тварь. Следом раздался ещё более характерный грохот — это я свалился на землю и покатился под уклон. Как хорошо, что в своё время мы с друзьями случайно обнаружили на одном очень крутом травянистом склоне, что если лечь поперёк и расслабиться, то потом можно катиться под уклон почти с любой скоростью и по любой поверхности! Главное — это расслабляться. Мы катались так просто ради удовольствия. Вот и сейчас я катился под уклон, громяхая бронёй, и расслаблялся всеми возможными способами. В броне это было не так просто...

Бер развернулся в мою сторону, чтобы понюхать, что это такое решил его атаковать, но один из ближайших стражников рубанул его по шее и тем отвлек внимание. Бер развернулся на месте молниеносно. Ну и быстрый же зверь! При таких размерах в это вообще не верилось.

Я наконец-то перестал катиться под уклон, подхватился и побежал на бера. Охотники кружили вокруг бера, но приближаться опасались. Бер крутился на месте, кидаясь на того, кто был ближе остальных, и тут же разворачивался к следующему. Таким образом ему

удавалось держать на приличном отдалении всех. Двое стражников рубили голову первой твари. Сигурн бежал к беру.

Я пробежал выше по склону, чуть не попав под ноги лошади, и опять помчался на бера. Бер после первой атаки решил, что если я так нагло нападаю, то я тут самое опасное существо, и отскочил в сторону. Играючи отскочил, и так, что чуть на задавил одного из стражников. Довольно далеко отскочил, зараза. Сигурн тоже не смог уменьшить расстояние до цели. Бер отступал. Стало ясно, что пешком мы можем бегать за ним до морковкиного заговения.

Я засвистел, подзывая свою лошадку. Умница Звёздочка решила, что на сегодня её лимит храбрости исчерпан и что сражаться с берами ростом с неё саму она не договаривалась. Пришлось жестами посылать двух стражников за лошадьми — за моей Звёздочкой и за конём Сигурна, который оказался не менее умным.

Бер в это время отошёл и встал, приняв себя к странным существам, которых он привык рассматривать в качестве пищи. Какие-то чудовищные мысли крутились в его чудовищной башке. Сигурн наконец-то дохромал до меня. Я стоял, тяжело дыша. Бегать в полной броне вверх по склону — ещё то развлечение.

— А что будет, если он убежит? — спросил Сигурн.

— Украдём у кочевников барашка, снимем шкуру, а мясо порубим и отдадим, скажем, что это от бера осталось, — попытался пошутить я.

Но бер не собирался спасаться бегством. Только что он стоял совершенно неподвижно, а в следующую секунду он уже мчался на нашу группу и покрыл половину расстояния. Мы с Сигурном дружно побежали ему навстречу.

Этот бер не собирался вставать на дыбы, как его нормальные лесные прототипы. Он просто нёсся вперёд, намереваясь своей тушей снести нашу группу из двух мальчишек и нескольких конников. И ему это почти удалось.

Я успел прыгнуть, надеясь перелететь у него над головой. Настолько высоко мне подпрыгнуть не удалось, и туша ударила меня снизу. Но вторая часть плана удалась — я уцепился рукой за верхнюю часть раскрытой пасти твари, прижав заодно и нос. Резкий рывок, и бер помчал меня на себе. Я схватился свободной рукой за шерсть, чтобы не упасть.

Этот чудовищный охотник на беров оказался такой же глупой скотиной, как волки и нормальные беры. Вместо того, чтобы пытаться откусить мне руку, он принялся вертеть головой, чтобы скинуть руку с зубов. Я, наоборот, ещё сильнее вцепился в пасть и в нос. Судя по всему, беру стало больно из-за прижатого носа, и он решил, что будет хорошей идеей раздавить меня своим весом, перекатившись на спину.

Это была для него плохая идея. Да, меня-то он прижал так, что не вздохнуть, но тут подскакали стражники и принялись рубить ему голову. В агонии чудовище так махало лапами, что стало даже опаснее, чем в разумном состоянии. Я порадовался, что лежу под тушей и что мне не надо пытаться приближаться к этому комку лап и когтей снаружи. А потом небо упало, и прямо на мою голову.

Когда я смог открыть глаза, уже пылал костёр, на котором горели туши обоих чудовищ. Нашим стражникам помогали невесть откуда взявшиеся мужики из числа кочевников. Они тут под землёй прятались или я так долго валялся?

Подошёл Сигурн:

— Ты извини, я бера приложил, а передалось и тебе. Судя по всему, моя сила на всё мясо распространяется, которое в контакте. Я этого не знал.

— Так и помереть недолго, — прошептал я. На большее сил не хватило.

Костёр горел долго. Я отлёживался столько же. Только через два часа мы решили, что все ткани тел сгорели, и загасили пламя. С собой мы взяли только черепа чудовищ, остальное кое-как забросали землёй. Для очистки совести объехали стойбище по кругу и завалились спать.

Проснулись, когда кочевники уже ушли. Неспешно позавтракали. По ходу дела выяснилось, что у меня жутко распухло и болело запястье. То ли бер вчера сломал, то ли сильно ударился, когда прыгал со Звёздочки на полном ходу. Я не мог даже надеть броню! На первый случай мне туго забинтовали руку и погрузили на лошадь, как мешок. Самому запрыгивать в седло не дали. Кочевников мы догнали через три часа. Они уже встали на постоянную стоянку. Место и правда было лучше некуда — с одной стороны река, с другой стороны глубокий овраг с ручьём. А ещё это место находилось точно напротив песчаного пляжа, на котором мы с друзьями купались летом, если нам давали повозку и сопровождающего. Это было совсем недалеко от нашего селения...

Стали думать, кто останется составлять планы лесопосадок, а кто пойдёт с вестями к отцу. По очевидным причинам меня как раненного решили сплавить в замок. Я сопротивлялся, но не очень сильно.

По договорённости с отцом, мы должны были запалить дымный костёр напротив этого пляжа, после чего нас должны были перевезти на лодках. Тут должны были сидеть наблюдатели на такой случай. Но это предполагалось только через неделю. Костёр мы, конечно, запалили, но надежд на него было мало.

Кочевники с интересом смотрели на огромные черепа чудовищ, которые мы привязали на одну из повозок, и цокали языками. Мы проехали к вождю. Вождь затребовал подробного описания ночного приключения. Мы рассказали, вождь переводил окружающим и притворно ужасался. Все остальное демонстрировали чувства вслед за вождём. Меня больше интересовало, что это такое упало с неба. Вождь сказал, что никто из них не видел ничего подобного. Старики говорили, что с неба иногда падают камни, но чтобы такие большие и с таким светом... Такого никто не помнил.

Стали решать, как переправляться через реку. Летом я бы переплыл её за время десятка молитв. Но сейчас вода была слишком холодной, а рука у меня болела всё сильнее. Решили строить плот.

Плот построили наполовину, когда перевозчики всё-таки появились. Они были несколько удивлены нашим сотрудничеством с кочевниками, настолько, что первое время даже боялись приставать к берегу. Мне пришлось несколько раз повторить, кто я такой, и долго уверять их, что всё хорошо и что их не съедят.

Только после этого мы с одним стражником смогли переправиться на другой берег. Вместе с нами шли двое кочевников, они должны были обучать нас их языку и учиться нашему. Лошадям плавание в холодной воде совсем не понравилось, но после того, как мы их растёрли, они нас простили.

Моё появление в замке отец решил обставить по всем правилам королевского приёма. Меня не стали расспрашивать прямо во дворе, сказали идти на кухню и слегка поесть. Во дворе меня встретила только Сигурна, приветствовала легкомысленным подколом: «Привет, отрадник мой, братец названный!». Я не остался в долгу и приветствовал её титулом «Приветствую Вас, отрада моя, пониженная в должности до уровня симпатии». Сигурна не обиделась и даже слегка обняла меня, помогая свалиться с лошади. Рука болела, сам я

спускался с трудом.

Тем временем отец созвал большинство стражников и самых уважаемых мужиков из села. Только после этого меня пригласили в пиршественный зал.

Отец сидел на возвышении, в мантии из медвежьих шкур. Мама стояла за его креслом, тоже в роскошном платье и меховой накидке. Я никогда не видел её в этом платье. Похоже, для них это просто повод приодеться.

Я по всем правилам вошёл в зал, чеканя шаг, преклонил колено и попросил разрешения доложить результаты разведки. Отец позволил. Меня начинал разбирать смех от всей этой комедии, но я сумел сдержаться и принялся рассказывать основные новости по степени убывания важности: на нас движется огромная орда, надо посылать гонцов к Государю, мы встретили племя кочевников, которое просится стать новыми селянами и воинами на землях за рекой, мы потеряли одного стражника из-за нападения неведомых чудищ, чудища уничтожены в неизвестном количестве, уничтожено несколько крупных чудовищ, черепа доставлены в виде трофеев. На этой точке сюжета стражник, который меня сопровождал, вместе с кочевниками внесли черепа двух чудовищ — бера и человекоподобного.

Череп двух человекоподобных чудищ, которых мы уничтожили зимой, уже висели на стенах пиршественной залы рядом с головами медведей, лосей и волков. Мне казалось, что отец ими гордился. Но эти черепа... Они произвели на отца впечатление. Он даже привстал.

При известии об орде охнули все, кто были в зале. При новости о потере стражники тихо занял его отец, которого тоже пригласили на приём. При виде черепов все охнули ещё раз.

— Сын мой, почему у тебя на руке повязка? — спросил отец.

— Неудачно приземлился, когда прыгал на него. Он оказался очень быстрым, увернулся, зараза, пришлось приземляться на землю, — я кивнул на череп бера.

— А зачем на него прыгать? — удивился папочка.

— У этого чудища раны зарастают сразу после появления. Его бесполезно бить копьем, когда он встаёт на дыбы, как обычных беров. Единственный шанс был прыгнуть ему в рот и держаться до тех пор, пока товарищи не отрубят голову.

— Никогда не слышал о таком способе охоты, — выдохнул отец.

— Мы так на волков охотились в Пфальфене. Меня этому наши охотники научили, — признался я.

Отец только покачал головой и начал держать ответную речь:

— Услышь, сын мой, важные новости...

Смысл отцовской речи сводился к тому, что Государь знает о наступлении кочевников и уже объявил общий сбор всего войска государства. Наше племя было не единственным, кто бежал от нового лидера кочевников. Некоторые прибежали ещё по весенним водам и рухнули к ногам Государя с просьбой о защите. Но наши данные были тоже очень ценными, так как теперь становилось ясно, где именно пойдёт войско вторжения. Ещё отец поблагодарил нас с Сигурном за то, что мы нашли селян для земель за рекой, подтвердил наши обещания кочевникам, и сказал, что отрядит гонца к вождю кочевников с соответствующими приветствиями. (Сигурну благодарность, разумеется, должны были передать письменно). Под конец мне велено было сдать мятые доспехи кузнецу на восстановление, и на этом официальный приём был закончен.

Я уже начал лелеять надежду повстречаться с кроватью, но не тут-то было. Меня взяла в оборот мамочка. Для начала меня оттащили в баню, где содрали доспехи и исподнее.

Подсчёт синяков и ссадин дал число в несколько десятков. Святой отец потыкал мою руку, помял опухоль и пришёл к выводу, что перелома нет (было больно). Но руку после мытья всё равно закатали в лубки. Бабки — целительницы из села смазали ушибы и ссадины по всему телу подозрительно пахнувшими мазями, после чего только мне было разрешено лечь.

Но и тут спать не пришлось, так как отец погибшего стражника ждал меня, чтобы услышать подробности. Я пересказал, как мог, про встречу с остроухими и то, что рассказал про них вождь кочевников. Рассказал, как тяжело давалась охота на их выродков — убийцы беров и человекоподобного, как боялись их кочевники. Припомнил, что у нас хуторяне тоже не пережили встречи с ними. Кажется, его жажда подробностей была удовлетворена.

Через пару часов я пожалел, что не с кем поговорить. Рука разболелась так, что спать было невозможно. Оказалось, что мамочка ожидала чего-то подобного и упростила одну из целительниц остаться присматривать за мной. Бабка намешала мне каких-то трав в подогретое вино, и только после этого я смог заснуть.

Глава 6

Первый тур Козьего балета

Отец меня обратно на ту сторону реки не пустил, сказал выздоравливать и строить лесопилку с приводом от ветряка. Таковую же, как наша первая, но больше. Вместо меня поехал старший брат, Алесаний, повёз письма вождю и Сигурну.

Сельские мужики активно готовились к войне, все бегали, как ужаленные, и заготавливали разные припасы. Многие участвовали в постройке трёх огромных паромов. Нужно было быть готовыми не только переправлять гражданских кочевников сюда, но и войска Государя туда. Кроме всего прочего, надо было и выращиванием продовольствия заниматься. Откуда в таких условиях можно было взять свободных людей для постройки ветряка, я не представлял. Поначалу мы строили лесопилку вообще вшестером — мои друзья, один однорукий ветеран из числа бывших стражников и только один нормальный мужик из села. Я как инвалид вообще не считался.

Потом строители нашлись. Государь прислал очень умелых мастеровых, которые помогли нашим мужикам и с паромами, и с постройкой ветряка.

Мастеровые меня похвалили, сказали, что видели подобное на северных границах, но всем остальным как-то не хватило упорства построить нечто подобное. Это были какие-то странные мастеровые, вроде бы мужики, но они считались воинами и подчинялись офицерам из числа благородных. Себя они называли «розмыслами» и очень собой гордились, говорили, что без них никакая война невозможна, так как если они мосты или склады в нужных местах не построят, то никакое войско благородных ничего не сделает. Ещё они клялись, что умеют строить укрепления и ломать стены вражеских укреплений, даже каменные. С их помощью я даже смог понять те страницы из книги про военные машины, которые до этого были совсем непонятны. Над книгой розмыслы посмеялись, сказали, что она устарела лет так восемьсот назад.

Я прикинулся дурачком и начал тянуть из них информацию — что именно устарело и что теперь делают иначе. Мужики смеялись и говорили, что теперь всё рассчитывают по математике, даже мосты. Ещё говорили, что раз я такой умный и любопытный, то мне надо идти на службу Государю и проситься в части розмыслов, из меня хороший офицер и мастер получится. Один из офицеров — розмыслов, побывавший в замке у моего отца, как-то раз решил посмеяться над рядовыми и сказал, что я завалил чудовище — истребителя Хозяев Леса. После этого мужики не называли меня иначе, как «вашблагородь», но смеяться и давать объяснения перестали. И кто этого офицера за язык тянул!

Началось лето, а это значило, что начались тренировки по танцам. Все благородные люди государства должны уметь танцевать все танцы всех трёх балетов — Асмирского, Мирминского и Джужского. А в каждом балете, между прочим, шесть отделений. По этой причине все бароны государства, у кого есть дети, охотно приглашают молодых дворян и академистов из столицы учить детей балетам. Для молодых дворян и студентов это неплохой способ заработать, а заодно присмотреть себе супругу. Все знают, что вторая часть дела не менее важна, чем первая, но старательно делают вид, что речь идёт только о балете. А кто страдает больше всех? Конечно, младшие дети! Пока старшие строят глазки и болтают о жизни в столице, младших заставляют выделывать разные извращённые па под палящем солнцем на каменных плитах двора замка.

Надо заметить, что между официальными балетами и танцами общего очень мало. Наши балеты — это, скорее, упражнения в духе строевого смотра. Там необходимо всем танцующим одновременно поворачиваться, делать шаги туда или сюда и одинаково взмахивать руками. Сбить строй или ритм считается величайшим невежеством. Дамы должны определённым образом одновременно изгибать руки, считается, что это красиво. Кавалеры должны одновременно притоптывать и кружиться вокруг дам, считается, что дамам это должно быть приятно. Что-то красивое есть только в четвёртом и пятом отделениях Джужского балета, там полагается кружиться друг вокруг друга — в четвёртом отделении взявшись за руки, в пятом лишь иногда касаясь руками. Это действительно смотрится со стороны красиво. Всё остальное — не более, чем упражнения по строевому шагу.

Я ненавидел балеты с детства.

На время обучения танцам в наш замок приезжают дети вассалов отца. От сударя Агрумения прибыли трое дочерей — Иссина, Ранина и Тимения. От сударя Микания прибыл сын Иктан и дочь Милоня. У третьего нашего вассала, сударя Полисания, моего тёзки, дети были ещё маленькими.

Дочери Агрумения получили способности их матери — они могли плевать ядом, для чего у них под длинным языком есть специальная косточка — трубочка. Мне было жалко дядьку Агрумения. Он хороший дядька, только не очень богатый, поэтому ему и сосватали жену с такой слабой способностью. Как по мне, чем иметь ядовитую способность, лучше не иметь никакой. В бою от них толку чуть. Да, они могут плевать смертельным ядом на восемь — десять шагов. Но наши благородные сражаются, в основном, в конном строю, а при этих скоростях просто не успеешь плюнуть. Да и попасть в лицо закрытого латами воина не очень просто. А если у него и шлем закрытый, тогда остаётся плевать только в коня, которые, как правило, тоже очень неплохо защищены. Зато в быту очень много ограничений. Все люди с ядовитыми способностями обязаны носить маски с вышитыми символами змей, а при разговоре с другими благородными обязаны низко опускать голову. Несмотря на то, что яд у них появляется только годам к десяти, всё равно довольно часто они в гневе могут случайно брызнуть слюной и убить кого-нибудь из своих селян или домашних. Среди благородных ядовитых ласково зовут «гадюки». Среди селян, впрочем, тоже, только за глаза.

Иссина уже почти взрослая, она ровесница моей старшей сестре. Ранина чуть старше меня. При нашей первой встрече (нам было лет по шесть — семь) она первым делом спросила, какие способности будут у ребёнка, если у неё будет ребёнок от меня. Я жёстко ответил, что никаких, так как у меня нет. Это не было полной правдой, среди благородных известны случаи, когда у благородных людей без способностей рождались дети с очень сильными способностями. Но эта расчётливость меня покорила, поэтому я ответил жёстко.

— Какой же ты бесполезный, — сказала тогда Ранина.

Я пожал плечами — бесполезный так бесполезный. А гадюка — она и есть гадюка. И сестра у неё старшая такая же. А вот младшая Тимения — тихая очаровашка.

Иктан Миканий сын был умничкой. Несмотря на то, что он был здорово младше меня, с ним было интересно играть. У него была обычная для благородных способность сверхсилы, он мог, например, прыгнуть на одной руке вверх на рост человека. Но он никогда не задавался и не использовал свою сверхсилу в играх против других детей. А вот его сестра,

Милоня, иногда злоупотребляла своей способностью становиться невидимой в играх. Но ей всё прощалось, так как во всём остальном она была доброй душкой.

Ради танцев вытаскивали даже Сигурна, оторвали от строительства укреплений для кочевников. Вместо него как раз и послали отдуваться Алесания.

Поскольку нас, детей благородных, на минимальный набор количества пар не хватает, для комплекта из села привлекают молодых девушек и девочек. Считается, что они любят танцевать и что им это будет полезно. В реальности они любят это дело не больше нашего. Скажем прямо, они эти танцы просто ненавидят. Если бы не танцы, они могли бы сделать тысячу полезных дел — от поиска ягод в лесу до ухода за скотиной. Вместо этого приходится вышагивать вместе с господскими детьми в странных позах.

В отместку сельские придумали пародийный вариант господских танцев — коровий, ослиный и козий балеты. В каждом тоже по шесть отделений, но в целом они намного короче. Я познакомился с ними в раннем детстве, когда меня ещё даже не думали учить балету для благородных, те времена, когда ночевал у друзей в селе. Надо сказать, что сельский вариант намного веселее, задорнее и смешнее. Участники с совершенно серьёзными выражениями на лице старательно подражают движениям соответствующих животных, крутят задницами, взбрыкивают, изображают бодания и неприличные жесты. Вся остальная часть села при этом корчится от смеха, смотреть на это без смеха невозможно. Пародийные балеты танцуют по вечерам и только летом, перед началом обычных танцулек.

Насколько я понимаю, коровий балет танцует намного больше людей, чем балет благородных.

Варианты пародийных балетов отличаются от села к селу, но они есть везде, где людей из села привлекают для обучения господских детей.

Иногда во время бесчисленных повторов проходов благородных балетов в замке сельские девчонки «забываются» и начинают танцевать их пародийные варианты. Как правило, это происходит тогда, когда преподаватель не смотрит. Если преподаватели замечают эти вольности, то они считают это ошибкой и требуют повторной отработки танца. И только знающие люди тихо улыбаются милой шутке. Не все из моих братьев и сестёр знают про коровий балет.

Мне в силу близкого знакомства с селом пришлось с детства плотно изучать и танцевать оба вида балетов. Сельские не простили мне их мучений и вытаскивали танцевать коровий балет на каждые танцы. Мне в детстве даже нравилось...

Сейчас мне в пару досталась Аркуня, дочь кузнеца. Надо сказать, это произошло не без некоторых стараний с моей стороны. Танцевала она плохо, раньше её не привлекали к танцам. Замковую прислугу обычно не учат танцевать по причине занятости другими делами. Если бы она не участвовала в коровьем балете в селе, то всё было бы ещё хуже, а так она почти справлялась. Зато между делом я успел шепнуть ей пару слов и предложил станцевать коровий балет на сеновале. Не вдвоём, вместе с другими посвящёнными. И без одежды. Аркуня удивилась, но согласилась.

После танцевальной тренировки ноги почти не двигались, но я всё-таки дополз до Консанса и Сигурна и зазвал их на сеновал, сказал приходить ночью с фаворитками. Предупредил, что будем танцевать коровий балет без одежды.

После этого все пошли отдыхать, а я поехал достраивать лесопилку. Иктан Миканий сын увязался за мной. Меня это только порадовало, с ним было веселее.

Братья ночью пришли и даже девчонок с собой привели, но сказали, что не понимают,

зачем ночью танцевать какие-то балеты, которые надоели ещё днём. И тем более непонятно, почему девчонки будут без одежды, а воспользоваться ими будет невозможно.

А вот сельские девчонки поняли. Они как раз первыми скинули одежду и начали кружиться на полу, едва присыпанным тонким слоем свежего сена. Братья посмущались, но разделись, после чего подруги начали учить их коровьему балету. По первому разу это очень смешно, и у парней случился культурный удар. Отсмеявшись нашим с Аркуней ужимкам (действие в парах показывали мы), они всё-таки смогли встать в строй и немного приняли участие в веселье. Потом они утасили своих девчонок в разные углы сеновала, откуда вскоре слышались охи и чмоки.

Мы с Аркуней тоже немного повалялись на сене, где слой был потолще, поболтали. Аркуня использовала мою грудь в качестве подушки. Через некоторое время она спросила, почему я не беру её или кого-нибудь ещё из девушек в качестве отрады. Я ответил, что сейчас она мне кажется прекрасным созданием, восхитительной женщиной. А если я её использую, то она будет мне казаться просто инструментом, как ложка. Сказал, что в качестве инструмента я готов видеть Сигуру, так как та мне симпатична, но я осознаю, что она никогда не будет мне женой. Но не Аркуню. А Сигуру мне запретили брать.

— А я не против, чтобы меня использовали как инструмент. Я и есть инструмент для выпечки хлеба и шитья одежды. Кроме того, такого, как ты, и бесплатно в радость обработать, — сказала Аркуня и весьма умело довела меня до оргазма руками. Собственно, там доводить — только три раза пришлось притронуться. Аркуня только один раз успела меня в грудь поцеловать.

Я обнял и погладил девушку по голове. Почему-то было очень грустно, хотя я был ей благодарен.

— Завтра назову твоё имя моей матери. Тебе будут доплачивать, — пообещал я.

Аркуня заметно обрадовалась.

Братья на обратном пути похлопали меня по плечам, сказали, что ночь была что надо, с выдумкой. Мне было всё так же грустно, но я знал, что пойду к Аркуне и завтра, и послезавтра. Права мама, скоты мы всё-таки, и в первую очередь надо учитывать скотские желания. А ещё необходимо держать и направлять их стальной рукой, как держат наши родители.

* * *

Через наше селение всё чаще стали проходить войска к парому. Моя лесопилка, достроенная самыми срочными методами, просто дымилась днём и ночью, распиливая стволы деревьев на брусья и в меньшей степени на доски. Брус везли отнюдь не в город, а за реку, что-то строили.

Через две недели нам сказали, что приезжает Государь. Поутру нас вымыли и построили перед воротами замка. Потом вышла мама, посмотрела на нас, навешала оплеух слугам и потребовала помыть повторно. Якобы плохо помыли.

Весь день мы жарились на солнцепёке. Государь, очень пожилой мужик с огромным брюхом прибыл сильно после обеда в огромной карете и сразу прошёл в замок, едва удостоив нас кивком. На секунду задержался только около Иксуни, попробовал потрепать её по щёчке, но ткани тела сестры просто утекли у него из руки. Иксуня не смогла или не

захотела сдерживать свою сверхгибкость. Государь махнул рукой и прошёл к отцу.

Нас в пиршественную залу позвали только через час, отец представил нас, как детей хозяина замка. Государь, обедавший на обычном месте отца, был окружён свитой людей с очень большими орденами на одежде. Отец стоял за много шагов от государя. Государь вежливо махнул рукой, сказал: «Как мило», и потерял к нам интерес. Зато он углядел на стене череп чудовища — охотника на бера и попросил себе в подарок. Отец тут же подарил череп Государю, сказал, что это честь для него.

Мы уже обрадовались тому, что показуха закончилось, но после обеда меня опять позвали к отцу во всём параде. К счастью, я ещё не раздевался.

Пришлось сопровождать отца, государя и всю свиту к нашей лесопилке. Докладывал начальник розмыслов, сказал, что такой ветряк заменяет в среднем десять мужиков. Мне не дали и слова сказать. Государь похвалил командующего розмыслами. Было обидно, что про меня ничего не сказали.

После доклада на моё плечо опустилась тяжёлая рука отца. Он нагнулся и прошептал мне на ухо:

— Знаешь, какая главная способность позволяет роду Государя держаться у власти восемьсот лет? Они умеют читать мысли окружающих. Им докладывают только для свиты. Так что не кипятись и не обижайся. Государь не любит гневливых.

Я посмотрел на отца. Он подмигнул. Я против воли улыбнулся.

После приезда Государя войска пошла сплошным потоком. Всех стражников и всех детей благородных привлекли для охраны села. Войска устали после переходов, им были нужны разные хозяйственные мелочи, чтобы починить одежду или разные инструменты, и все благородные и простые солдаты думали, что отобрать их у селян — самый простой путь. Приходилось убеждать их в обратном. Отец распорядился открыть рядом с замком три лавки — с одеждой, спиртным и кузнечными изделиями. Рядом с ними пристроились обычные маркитантки, с ними договорились о разумном проценте. Мы процвели на этом так, что доходы превысили все доходы за два последних года. Кузнецов не хватало так, что пришлось поставить три дополнительных горна — на них работали те, кто сами что-то понимал в деле, мы только дрова и угли подвозили. Как это ни удивительно, таковых нашлось довольно много, молотки стучали день и ночь.

В итоге наша жизнь превратилась в пять перетекающих друг в друга дела: обучение танцам, еду, патрулирование села, изучение языка кочевников и сон. Мне ещё приходилось инспектировать лесопилку. На лесопилке плотно сели в качестве специалистов мои друзья, сменяясь через семь часов. Они смотрели, чтобы всё работало как надо и постоянно чередующиеся мужики и розмыслы что-нибудь не сломали. Отец даже учёл их работу наравне с обычной мужицкой работой, как будто они взрослые мужики. Я им доверял, но присматривать всё равно надо было, как только я пропускал визит, обязательно что-нибудь случалось.

Я уставал так, что не оставалось сил даже на Аркуню.

Отец в виду предстоящих сражений решил, что стоит пересадить меня на настоящего боевого коня. Вообще-то он всегда считал, что я бесполезен и для боя не гожусь ни в каком виде, поэтому мне ещё в детстве дали тихую кобылку, Звёздочку. Но последние события и приближение кочевников привели отца к мысли, что я не совсем бесполезен и меня можно использовать в разведке. Я просил оставить мне Звёздочку, говорил, что пока я относительно лёгкий, она сможет скакать со мной не хуже, чем кони старших, что она умная и доверяет

мне. Отец грохнул кулаком по столу и приказал не спорить.

Скотина мне досталась самого противного характера. Во-первых, этот жеребец по имени Трач прошёл обычную школу всех отцовских боевых лошадей и был обучен бить копытом в голову противника. Именно это умение он и попытался продемонстрировать при первом знакомстве. Я тоже кое-чему обучен с детства и успел присесть. Несмотря на то, что Трач получил нахлобучку за такое поведение от конюха, могу поклясться, что он остался доволен выкинутой шуткой.

Во-вторых, скотина решила, что если я меньшего роста, чем знакомые ему взрослые мужчины, то меня можно не слушаться. Пришлось наказывать, что его отношения ко мне не улучшило. После этого он стал как бы случайно делать шаг в сторону, когда я пытался забраться на его высоченную спину. Я перетаскал ему целую корзину морковки с кухни. Морковку он с удовольствием съел, но пакостить не перестал.

В-третьих, скотина оказалась подлой по натуре. Если он обнаруживал, что кто-то неосторожно расположился в пределах досягаемости, то первое время делал вид, что его это совершенно не интересует. С преувеличенным вниманием он начинал что-то нюхать на земле, смотреть по сторонам, а сам шажочком — приступочкой понемногу поворачивался в сторону цели. Когда жертва оказывалась под прицелом, следовал взбрык и удар сразу двумя задними ногами. Только за первую неделю он так отправил в полёт трёх солдат и двух благородных из числа проходивших мимо войск. После этого я понял, что если скотина начинает что-то нюхать и изображать невинный вид, надо срочно обернуться и посмотреть, кто за спиной и на кого он прицелился. Если там обнаруживался кто-нибудь из людей, я начинал истошно орать, чтобы отошли подальше, и лупил скотину каблуками в бока. После этого количество жертв уменьшилось, но не исчезло насовсем. Некоторые особо горделивые благородные мне не верили и отказывались двигаться с места. Хуже всего было то, что после полёта они предъявляли претензии мне, как будто это я заставил коня пошутить. Несколько раз пришлось спасаться бегством. А вот убежать Трач любил. Он вообще был очень трусливым и пугался всего, а испугавшись, спасался бегством так, что его было тяжело остановить.

А через две недели Государь призвал и нас на поле боя. В замке остались только мама, Аксел, Ирис и два стражника.

Меня порадовало то, что с нами в качестве слуг и строителей шли отцы Серена и Визго, а вместе с ними и мои друзья!

На переправе я с огромным удивлением обнаружил наплавной мост. Четыре десятка крупных лодок служили опорами для настила из хорошо знакомых мне брусьев. Я хорошо знал, что ни у кого в округе таких крупных лодок не было. Среди тех, кто поддерживали мост в рабочем состоянии, обнаружили знакомые из числа розмыслов, помогавших мне строить лесопилку. Они сказали, что на лодках приплыла большая часть войска. Ещё они жутко ругали эту переправу, говорили, что лодки всё время текут и их надо бесконечно ремонтировать.

По мосту мне ехать понравилось. Это гораздо лучше, чем плыть через речку, держась за хвост коня.

В военном лагере на той стороне обнаружилось огромное количество войск. При этом если конные отряды были выставлены на всеобщее обозрение, то вся пехота находилась под укрытием тонких щитов, установленных под наклоном и замаскированных ветвями деревьев. Уже с небольшого расстояния казалось, что это просто холмы. При ближайшем

рассмотрении оказалось, что щиты ещё и могут быть поставлены на колёса одним движением рычага. Гуляй-город! Да, у наших начальников есть некоторые знания. Я о таком читал, но передвижные укрепления использовались очень давно, больше тысячи лет назад. С тех пор мы как-то справлялись без них, хватало бронированных благородных людей со способностями.

Становилась понятной стратегия наших руководителей. Основная ударная сила кочевников — кавалерия. При таком количестве войск кочевников одним благородным господам будет не справиться, их просто завалят телами. Поэтому государь объявил всеобщую мобилизацию, собрали всех, всех стражников всех замков. Сейчас пехоту загонят в эти подвижные крепости, замаскируют, и атакующим кочевникам останется только проскакать между этих «холмов» к приманке — конному войску благородных на холме. После чего их выкосят лучники и копейщики из укреплений. Хитро придумано...

Значительная часть гуляй-городов была сделана из досок и брусьев, напиленных на нашей лесопилке. Но большинство брусьев было привезено откуда-то ещё. Размах строительных операций изумлял.

Мы как ближайшие знакомые «наших» кочевников были приглашены в замок, который кочевники начали строить ещё до моего отъезда. Замок это можно было назвать только с очень большой натяжкой, скорее, это было полевое укрепление на скорую руку. Но здесь были бревенчатые здания с крышами, в которых можно было укрыться от дождя. Одно из них занимал Алесаний.

Проезжая через город, я подумал, что старший брат совсем забросил работу. Везде высились кучи навоза самого разного происхождения, в том числе человеческого, канализационных канав не было, колодцы были выкопаны в неудачных местах и неглубоко, из-за чего вода в них смешивалась со стоками.

Старший брат к нам не вышел, он поднялся к нам только после того, как отец вышиб дверь и ввалился в его избушку.

Большую часть избушки занимало лежбище, на котором обнаружили две не очень одетые девицы. Алесаний поприветствовал отца, как положено, но сразу после этого начал жаловаться на всё вокруг — на кочевников, на главнокомандующего Государя, который выдвигал невысказанные требования и к нему, и к кочевникам, жаловался на дожди и на трудности с заготовками... Отец прервал его взмахом руки и приказал приспособить избушку к ночёвке как можно большего числа людей. Потом он потребовал отвести его к вождю кочевников. Мне и Сигурну было приказано сопровождать отца.

По пути я обратил внимание отца на крайне неудовлетворительное положение с грязью в лагере. Отец кивнул.

У вождя кочевников нас приняли приветливо. Вождь Артаксал впервые видел своего нового сюзерена и произнёс все положенные приветствия. Отец тоже приветствовал вождя и приказал принести подарки. Я и не знал, что мы везли с собой так много подарков — мечи, луки, стрелы, плуги... Стражники устали носить.

Вождь расцвёл, но тоже стал жаловаться. Из-за соседства большой армии племя оказалось практически на осадном положении. Они не могли выпасать скот, не могли охотиться, на их женщин постоянно покушались подвыпившие солдаты. В итоге они выживали только благодаря тому, что выполняли всякие вспомогательные работы для армии. Расплачивались с ними едой, и то не очень щедро. Потом вождь, наверное, решил сделать отцу приятное и начал хвалить нас с Сигурном — де как хорошо мы справлялись с

организацией, как быстро победили нечисть, которая у них дюжину человек утащила... Того, что мы с Сигурном находились у отца на положении «глаза б мои вас не видели», вождь не знал. Я заметил, что отец морщится, и втихаря сделал вождю знак закругляться. Тот удивился, но понял мои жесты правильно и замолк. Отец взял слово:

— Кстати о детях. Мне вот младший всю плешь проел по пути сюда, что нужны канализационные канавы и глубокие колодцы, иначе мы вымерем от плохой воды. Надо будет завтра первым делом расчистить городок.

Вождь покачал головой:

— Нереально. Все брёвна на переправе перехватывают строители Государя, направляют на строительство дальних укреплений. А без брёвен колодец — это просто яма, глубокой не сделаешь.

Отец не сдался:

— Ничего, значит, пошлём мужиков выше по течению, пусть брёвна рубят и плотами сюда гонят. Там мои земли. А на этом берегу я их будут встречать, пусть только попробуют отобрать. И не пора бы отправить всех женщин и прочих невоинов за реку?

— Очень давно пора! — обрадовался вождь.

Дальше пошли скучные взрослые переговоры и планы — сколько мужиков отпустить с женщинами для строительства жилья, сколько женщин останется для помощи воинам, сколько каких припасов необходимо, каких людей выделить для обучения на переводчиков, сколько уже обучено. Через час переговоры прервал гонец от главнокомандующего. Отца требовали в ставку. Пришлось всем составом тащиться к главнокомандующему.

Беспорядка за стенами укрепления кочевников было намного больше. Навоз тут никто даже не думал убирать, колодцев не было, шатры были расставлены хоть и в линию, но между ними творился суший беспредел с кое-как сваленными вещами и привязанными конями. Мы еле нашли ставку.

Генерал Дрог ага Раголини был недоволен. Отец прибыл с отрядом уже несколько часов назад, но до сих пор не доложил. Отец принялся просить прощения, сказал, что думал, что его отряд слишком мелок для такого высокого внимания.

— Оправдания оставьте для жён! — оборвал его главнокомандующий, — Впредь знайте, что я должен знать о каждом дуновении ветерка в лагере! Как кочевники, не ударят нам в спину при первой возможности?

— Виноват, господин. А про кочевников могу уверить, что они на нашей стороне. Завтра отправляем их женщин и прочий лишний груз за реку, в наши поселения. Ещё я организовал их на строительство колодцев и в укреплении, и здесь, в лагере.

Отец врал, врал отчаянно и на голубом глазу. О строительстве колодцев в лагере не было сказано ни слова. Похоже, с этим буйным начальством иначе было невозможно.

— А где брёвна возьмёте? — удивился ага Раголини.

— С той сторон реки плотами пригоним.

— Хоть один умный человек в лагере нашёлся! — воздел руки к небу генерал, — А то всё войско пьёт воду из реки, а мне потом рассказывают, что им нужно спиртное, чтобы остановить неизбежное расстройство брюха. Ладно, порадовал, барон ага Долиган. Ваши мужики сейчас важнее, чем половина этой бестолковой армии. Работайте скорее, пока мы все не вымерли от плохой воды. Но это не избавляет ваших благородных детей от участия в разведывательных разъездах. Ваши дети умеют скакать быстро? Смогут они уйти от кочевников, если встретят?

— У меня прекрасные кони, отлично обучены и дети, и стражники. Мы все почтём за честь участвовать в разведке.

— Все, кроме вас. Вы будете встречать плоты с брёвнами, иначе их отберут другие благородные. Если что, ссылайтесь на меня. Стройте колодцы. Остальные с утра найдите начальника разведки, генерала ага Симеони. Он укажет вам задачу.

Мы отсалютовали и вымелись из шатра командующего.

Взрослая жизнь началась.

Серен и Визго, услышав, что я завтра ухожу в дальнюю разведку, ужаснулись.

— Ты же совсем ещё маленький, как тебя в бой посылать? Если вас кочевники перехватят, как ты будешь сражаться со взрослыми, у тебя не веса, ни суперспособностей? — дружно ужаснулись товарищи.

— Предполагается, что я как благородный должен участвовать в благородных делах. Про способности никто не спрашивал. Ещё предполагается, что мы сражаться не будем, только разведаем и ускачем. Так что особо за меня не волнуйтесь. А ещё со мной будет Така. Она дура и трусиха, но неприятности за версту чует.

— А если засада? Уйти может не быть возможности, — разумно предположил Визго.

— Я лёгкий, конь мощный. Я уйду, даже когда все остальные не уйдут.

Тут отец заорал, что был приказ отдыхать и начинать службу с наказания не стоит. Пошёл отдыхать.

Утром выяснилось, что друзья почистили, подшили и отполировали мои доспехи.

Глава 7

Второй тур Козьего балета

В первый разезд мы выехали уменьшенным составом. Алесания отец оставил для организационной работы в лагере. Это было больше похоже на то, как будто его оставили на перевоспитание. В итоге мы выехали «детским» составом: Иксуня, Консанс, Сигурн, Самата, Сигура, дочери сударя Агрумения Исина и Ранина, а также двое стражников. Стражников звали Ирах и Струня. Отец прилюдно заметил, что их главная задача — притащить обратно мою задницу в целости и не давать мне прыгать в пасть разным чудовищам. Шутку оценили даже присутствовавшие при сборах кочевники.

Серен и Визго провожали нас с такими испуганными лицами, что даже мне стало тоскливо. Чтобы подбодрить их, я поднял вверх палец. Они неуверенно помахали в ответ.

Генерал Дорти ага Симеони оказался длинноусым весёлым шутником. Он поставил нам такую задачу, про которую ещё месяц назад я бы подумал, что это путешествие на край света. Мы должны были пройти двести вёрст на восток, потом столько же на юг и только потом повернуть обратно на запад и на север. Видя, как мы загрустили, дядька решил нас подбодрить:

— Веселее, мальчики и девочки. Двести вёрст можно проехать за одни сутки. За два дня дойдёте до крайней точки, день залечить разбитую жопу, и ещё два дня до дома. Жду вас через шесть дней. Вперёд, вам есть, что делать.

За первый выезд мы не нашли никого, кроме одного совершенно дикого племени кочевников. Мы не могли понять ни одного их слова, они не могли понять нас. Их инструменты вызвали у нас тяжёлую грусть — ножи из кости, топоры из камня. Много женщин, мало мужчин. Отпустили их без всякого вреда. Они не смогли бы стать угрозой при всём их желании.

* * *

По возвращении отдохнуть не получилось, так как Серен принёс восхитительную новость. Он подсмотрел, как соседние благородные играют в игру типа шашек, но не шашки. В шашках все фигуры одинаковые, а тут фигуры отличались. Были короли, главнокомандующие, офицеры и кавалерия. Даже гуляй-город был. И солдаты, конечно. Игру называли «шахматы».

Серен узнал правила, и мы попробовали играть в игру. Игра оказалась намного более длительной и затягивающей. К вечеру первого дня я вспомнил нашу старую детскую забаву и предложил:

— А почему бы нам не нарисовать карты и не сделать шахматный вариант «Наступления драконов»?

В детстве мы играли шашками в штурм замка на самодельной рисованной карте. Там были рвы, мостки и прочие узости. Со временем мы переделали эту идею в набор карт, надо было пройти карты до конца, кто первым выигрывал все карты и доходил до конца — считалось, что он побеждал владыку драконов. Вместо драконов использовалось несколько «дамок» с набором обычных шашек, на каждой карте набор был разный. Играли вдвоём, за

драконов играл соперник. Нам эта забава быстро надоела, так как шашки были одинаковые, а мы всё время забывали, кто сколько карт прошёл. Здесь же вариантов было намного больше...

Серен идею горячо одобрил. Я поручил ему нарисовать карты, пока мы будем в следующем выезде. Затея закончилась тем, что пришёл папочка и наступал нам по ушам, мне за то, что не отдыхаю после отбоя, а Серену за то, что котёл не мыт.

* * *

Второй выезд был намного результативнее, мы подстрелили одну косулю и десять кроликов. На этот раз мы взяли с собой переводчика от кочевников, который трясся всю дорогу от страха. Но из противников мы не встретили никого, так что его страхи оказались напрасными.

* * *

Проверив карты, нарисованные Сереном для игры в драконов, я обнаружил, что в ряде случаев офицеры и кавалерия даже теоретически не смогут пройти из конца в конец карты. Слишком узкие проходы. Пришлось перерисовывать.

Попробовав игру, мы сразу поняли, что забываем правила для каждой карты. Пришлось написать небольшую книжечку — сборник правил и количества фигур для каждой отдельной карты.

* * *

Третья разведка была наиболее результативной. Мы значительно улучшили охотничьи умения и настреляли кучу дичи, что позволило почти не притрагиваться к запасам продовольствия. Ещё отец всё-таки послал с нами Алесания и даже назначил его главой отряда. При возвращении мы столкнулись с таким же разведывательным разездом кочевников. Они погнались за нами, мы не приняли боя и ушли. Стоило ежедневно тренироваться с детства, чтобы в боевом столкновении просто удрать! Понятно, что у нашего «детского патруля» был приказ не ввязываться ни в какие схватки, и Алесаний выполнил его. Но те, кто гнались за нами, проигрывали нам в боевых качествах, на мой взгляд, втрое, хотя их и было вдвое больше.

Впрочем, маленький момент для гордости был. Ушли мы от них довольно легко. Всё-таки наши кони намного лучше. И крупнее, и быстрее.

Через день после встречи с разведкой кочевников нас догнала жрица богини Васты. Я как раз заканчивал жарить кроликов, когда из темноты показался крупный вороной конь и женский голос требовательным тоном спросил, являемся ли мы воинами Государа империи Иделия. На нашем языке спросил, не на языке кочевников. Братья и сёстры, валявшиеся кто где седло под голову глаза в звёзды, подскочили и схватили оружие. Никто не слышал, как подъехала эта дама, а уж слух и внимание у нас у всех последнее время на уровне

психического заболевания, треснувшую ветку за версту слышим. Даже Така, устав после целого дня бега, не почувствовала чужака. Мало того, она ещё и хвостом вильнула, как своей.

Я выронил кроликов в костёр и вежливо ответил, что да, мы служим Государю. При этом я почти успел достать меч.

— Это очень хорошо. Я давно вас искала. У меня есть важные сведения для вашего командующего, — с огромного коня спрыгнула совсем маленькая девушка. Одета она была очень своеобразно: босиком, поверх рваного и грязного платья яркая красная жилетка, на голове чудная белая треугольная шапочка с треугольными же отворотами. Начнись дождь, за эти отвороты столько воды натечёт...

Я вытащил кроликов из углей, отряхнул и попытался сказать как можно более милым тоном:

— В таком случае вы очень вовремя. Добро пожаловать к столу.

Братья, сёстры и стражники подтянулись к огоньку и недобро уставились на пришелицу. Та как ни в чём ни бывало уселась на бревно у костра и протянула руку. Я раздал всем по мытому листу лопуха вместо салфетки и по тушке, кому кролика, кому птицы (родня сегодня погорячилась и набила дичи намного больше, чем нам было нужно).

— Мясо без трав вызовет плохое пищеварение, — заявила девушка, дую на тушку кролика.

— Можешь съесть вместе с лопухом, — предложил Консанс.

— Не стоит держать руки на мечях. Я жрица богини Васты. Вы вряд ли про неё слышали, поэтому рассказываю подробно. Моя госпожа — богиня чистоты, целомудрия и защиты семейного очага. Ещё она покровительница женщин и женского здоровья. Нас с детства учат лечить людей, в первую очередь женщин. Иногда мы можем даже исцелять, но эти способности пропадают, если мы займёмся любовью как при зачатии детей. Поэтому нам запрещена любовь и зачатие. Так что парни, если кто задумал прелюбодеяние, то обломитесь. До недавнего времени ни один из самых злых кочевников самых злых племён не посмел бы тронуть жрицу Васты, так как его порвали бы собственные женщины. Мы были желанными гостями в любом племени и в любом стойбище. Жриц не убивали и не насиловали даже во время самых ожесточённых войн между кланами.

— Что-то изменилось? — подсказал Консанс.

— Этот злодей, новый верховный вождь... Он пришёл к власти за счёт поддержки жрецов Чернобога, которые поклоняются мучительству и жестокости. Они убивают просто для того, чтобы убивать. Их бог любит убийства, особенно когда убивают для забавы, убивают слабого просто потому, что могут. Под давлением жрецов Чернобога наши святилища и учебные центры были уничтожены. Возможно, я единственная уцелевшая жрица. Поэтому я хочу просить защиты у вашего Государя. Та система, то государство, которое возникает у кочевников — это антикультура, она должна быть уничтожена как для блага ваших людей, так и для блага всех людей Поля.

— Ты знаешь слово «антикультура» на нашем языке? Даже я его впервые услышал только от тебя, — удивился я.

— Я ещё много каких слов знаю, которые вашей примитивной цивилизации не известны. Например, «феодализм», «борьбы торговцев за корпоративную власть», «допустимый уровень коррупции»...

— Есть только один Бог. Это Бог из огня, как он явил нам себя, — прервал жрицу Алесаний.

— Ничуть не спорю. Это верховный бог. Но до того, как он явил нам себя, люди называли разные типовые явления именами и привязывали их к образу того или иного бога. Забудете имена этих богов — разучитесь понимать и суть явлений. И потом, почему ты считаешь, что верховный Бог не мог назначить слуг, ответственных за определённое направление, например, за женское здоровье? Вот такую слугу Бога мы и зовём госпожой Вастой. Ваши люди, кстати, пошли по этому же пути, только вместо точных древних имён теперь молятся о том или ином деле разным богоугодным праведникам.

— Бог един и нет никаких других богов, — уже не так уверенно сказал Алесаний.

— Я говорила о слугах, а не о том, что Васта равна верховному богу. Вот из-за этого тупого непонимания ваших церковников мы и жили на пространствах Дикого Поля, а ваша цивилизация деградировала до того, что вы даже со вшами разучились бороться. Вы вон сейчас все во вшах и руки изъедены чесоткой. Одно из моих дел — наладить чистоту в вашем войске, пока вы от чумы и отравлений не перемерли.

— Мы прекрасно умеем бороться со вшами. Сходить в баню, попариться, прогладить одежду утюжками — и не будет никаких паразитов. В походе просто не до бани...

— С паразитами можно не только баней бороться, — усмехнулась жрица.

Что-то она слишком гладко говорит. Скорее всего, она лазутчица кочевников.

— Есть ещё одно дело. Мне нужен будет господин, кто-то из вас.

— Чего? Ты вроде говорила, что тебе запрещена связь с мужчинами?

— Поэтому мне нужен господин, а не мужчина.

— И ты думаешь, что кто-то из парней удержится, если у тебя всё при себе так, что выпирает настолько, что невозможно не заметить? — Алесаний несколько грубовато озвучил очевидную проблему, но её невозможно было не озвучить. Девушка действительно была очень красивой и всё было при ней в превосходной степени. Даже характерные для кочевников глаза дужкой вверх её не портили, а вносили свою долю очарования.

— Именно поэтому мне и нужен господин. А удовлетворять мужское желание я умею тысячью разных способов, не беременея при этом.

— Это как? Я знаю только один способ, — удивился Алесаний.

— Как будто родители не подкладывают вам с детства девчонок, которые умеют удовлетворять, не беременея, чтобы ваше драгоценное семя благородных не создавало полукровок, — хихикнула жрица.

— Ты очень много про нас знаешь, — наконец-то насторожился Алесаний.

— Про вас и ещё про пять разных цивилизаций, про которые вы даже не слышали. И подробности жизни, и языки, и способы подкупа, и уязвимые точки в политической организации. Меня хорошо учили с детства, и не только лечить женщин. Пять языков свободно и ещё три болтовни.

— Скажи мне твое имя, продажная женщина, дочь свиньи, — сказал Алесаний на языке северного королевства, еле выговаривая гортанные звуки северного народа.

— Сам свинопас. Моё благородное имя Вастарабыня шесть миллионов двести пятая, — гордо ответила жрица на том же языке.

Алесаний кивнул:

— Мы будем звать тебя Вастараба. Сколько тебе лет?

— Семнадцать. Я не закончила обучение, а так бы ещё три языка знала.

— Бери в господина Полисания. Он у нас тоже умник, любит колодцы налаживать. Пуся, сегодня она спит с тобой, и завтра дальше двадцати шагов её не отпускай, — решил

Алесаний.

Жрица встала и поклонилась мне:

— Приветствую тебя, мой новый господин. Пожалуйста, защищай меня и позаботься обо мне. Обязуюсь быть верной до тех пор, пока ваш главный не решит освободить меня от этой клятвы, если решит.

Проклятие, я чуть не описался от такого поворота.

После ужина братья, сёстры и стражники разбрелись кто куда, не забывая косить глазом на пришлицу. Вастараба расседлала своё чудовище, растёрла его травой и подседа ко мне:

— А ты правда любишь колодцы устраивать?

— Да. В старой книжке прочитал, что большая часть войска на любой войне гибнет не от оружия противника, а от болезней, в основном от плохой воды. Мы когда в лагерь приехали, так колодцы никудышные были, неглубокие, а многие вообще из реки пили. В туалет ходили кто куда, стоки от этого в колодцы стекали. Мы немного эту ситуацию исправили.

— Ты любишь книги читать? Редкое занятие для благородных.

— А я и не совсем благородный. У всех моих родных есть способности, а у меня нет.

— Тяжёлое у тебя детство, наверное, было. Кстати, если речную воду долго кипятить, то можно и речную пить, — заметила жрица.

— Так они не кипятят. В лучшем случае самогоном разбавляют.

— Хороший способ выморить войско, — кивнула жрица.

Я указал на место рядом с собой и выделил девушке немного сена, собранного до наступления темноты:

— Ложись рядом, отдыхай. Нам завтра долго ехать.

— Ага. Обязательно. Только сначала мне нужно изучить молодого господина и получить немного твоей мужской силы.

Я испугался:

— Чего?

— Не бойся. Раздевайся. Совсем.

Первым делом Вастараба простучала всё моё тело, помассировала какие-то органы в животе и явно осталась довольна собой. Затем скомандовала перевернуться на живот и начала простукивать позвоночник. В некоторых местах она на него нажимала очень сильно. Потом она начала оттягивать мои плечи назад. Иногда было больно, но после этого почему-то стало намного легче, как будто тяжкий груз свалился с плеч.

— Как же у вас много окаменевших зажимов! Больше не горбись, иначе энергия из позвоночника до головы не доходит, — выдохнула наконец жрица и скомандовала лечь на спину. После чего принялась обрабатывать мой мужской орган самым ласковым и нежным образом. Я попытался отвести её руку:

— У меня есть девушка для таких утех.

— Пожалуйста, дай мне мужскую силу. Девушки здесь нет, а я есть, и мне это надо. Тебе будет приятно, а я впитаю твою силу и завтра использую её для исцелений. Завтра надо будет произвести большое впечатление на начальство...

— А что, из нас выходит мужская сила?

— Конечно, из мужчин мужская, из женщин женская. В нормальном варианте при любви мужчина и женщина обмениваются силами. Женщина получает активную мужскую и потом поэтому долго не может заснуть. Это даёт женщине силы двигаться и быть активной в

следующие дни. Мужчина получает женскую расслабляющую силу и поэтому становится спокойным, в следующие дни не мучается разрывающими противоречивыми желаниями. И засыпает после любви. Мы учим женщин, что не стоит обижаться на мужчин, если они засыпают сразу после случки. Это потому, что они получили женскую силу. Ты извини, сейчас женскую силу я тебе не дам, она мне нужна на завтра. Зато после исцелений получишь вдвое больше.

— А что, это большая сила?

— Очень большая. Без неё исцелить можно разве что порез на пальце, а с ней можно исцелить большие трещины в кишечнике или даже восстановить печень, или другой орган. Иногда Богиня даёт свою силу, если помолиться, но очень редко и только очень важным людям. Но с силой Богини можно восстановить почти умершего человека.

— Ведьма ты, а не жрица.

— Это не магия, это знание. Просто заметили со временем, что это работает. Поэтому очень жалко, если это знание пропадёт. Буду просить у вашего Государя разрешения создать школу целительниц...

— Наши церковники тебе не дадут.

— А я с ними спорить не буду. Иногда Богиня приходит и исцеляет тогда, когда молились вашему Богу-из-Огня. На небесах куда больше взаимопонимания, чем у людей. Так что буду учить ваших целительниц молиться вашему Богу.

Когда из меня полилось семя, Вастараба не смогла сдержаться, глаза у неё закатились, она тяжело задыхалась и начала двигать тазом взад — вперёд. Та ещё горячая штучка. Через несколько минут она отдышалась и сказала:

— А ты силён. Я поглотила столько силы, что смогу даже рак лечить.

— А что такое рак?

— Тебе лучше не знать.

На следующий день мы до лагеря не доехали. Немного заблудились, обходя глубокий овраг, нам не хватило нескольких часов. Васараба опять гладила меня до изливания семени. Сказала, что энергия переполняет её и что если завтра мы не доедем до лагеря, то мне придётся гладить её, иначе она заболеет. Но мы доехали.

При въезде в лагерь Вастараба сказала, что должна ехать на полкорпуса сзади меня, что для кочевников это кое-что значит. Я согласился, но сказал стражникам следовать за нами. Если она вздумает улизнуть, то будет, кому остановить.

Первым делом мы проехали в укрепление кочевников, оно же наша фамильная база. Отец послал гонца к Государю и главнокомандующему, попросил приёма. Мы пока наскоро перекусили.

Было забавно смотреть, как кочевники отреагировали на прибытие жрицы. Мужчины улыбались и кланялись. Женщины, увидев её, бежали следом и спрашивали, когда она сможет их принять. Большинство женщин, всех стариков и детей уже давно отправили за реку, в горелую деревню, здесь остались только те, которые обеспечивали хозяйство или готовились сражаться. И все они бежали за жрицей к нашему дому!

Даже вождь кочевников пришёл посмотреть на причину шума, а когда увидел жрицу, то разулыбался и принялся кланяться и благодарить за то, что она посетила их лагерь. Потом вождь Артаксал отозвал меня в сторонку и отдельно поблагодарил за то, что я взял жрицу и стал её господином, сказал, что это очень тяжёлая и почётная работа. Меня эта благодарность изумила.

Вастараба наклонялась с коня к каждой женщине, ласково гладила и говорила, что вернётся очень скоро, сразу после доклада начальству. Похоже, она не врала, когда говорила про авторитет жриц Васты.

Вскоре прибыл гонец из ставки, сказал, что всё начальство собирается и нас требуют к Государю.

В ставке Алесаний кратко доложил о маршруте патрулирования, о стычке с разездом противника и о встрече с дамой, именующей себя жрицей Васты. Никто про жриц ничего не знал, поэтому дальше пришлось докладывать мне. Я кратко рассказал о культе богини, о том, что жрица считает богиню слугой Бога. Сказал, что жрицы могут не только лечить, но и исцелять, и что у кочевников они пользуются очень большим почтением, что мы наблюдали лично в нашем лагере.

Начальник разведки спросил у жрицы, что она знает о войсках противника. И тут Вастарабу прорвало. Она рассказала не только об истории уничтожения её культа, но и о политическом устройстве нарождающегося государства кочевников, о его слабостях и точках нестойкости к подкупу. Потом описала наступающее войско так, будто была его главнокомандующим — силы, порядок движения колонн, способности к строительству переправ и изготовлению военных машин. Начальник разведки только успевал записывать.

Когда Вастараба замолчала, Государь посмотрел на неё долгим пронзающим взглядом и сказал:

— А ведь у тебя есть способности.

— Да, господин. Я могу видеть человека насквозь, могу видеть все его болезни. Других девочек в жрицы Вастарабы не принимают. Ещё я могу плевать ядом.

— Немедленно опусти голову! Ядовитым положено говорить с начальством, опустив голову! — рявкнул отец, а стража Государя молниеносно закрыла его большими щитами.

— Простите, я не знала, — сказала жрица, опуская голову.

— Благодарю вас, барон. Думаю, это излишне. Если бы она хотела, она уже давно убила бы нас, — медленно проговорил Государь. Потом выждал паузу и добавил:

— В нашем мире люди с твоими способностями считались бы благородными. По всем правилам я должен предоставить тебе землю и людей для кормления и принять в число благородных людей государства. Правда, при этом у тебя появилась бы обязанность выйти замуж и родить благородных детей. Естественно, после того, как ты присягнёшь мне на верность. Тебя такое привлекает?

— Если я займусь любовью, то потеряю способность к целительству. Такое возможно, но только через десять — двадцать лет. А до тех пор я хотела бы остаться в прежнем качестве, лечить людей и готовить новых целителей. Прошу у Вас разрешения открыть школу целителей и собирать для неё подходящих девочек. Как правило, просвечивающее зрение имеют все девочки, способные вырабатывать яд.

— Просвечивающее зрение? А почему мы про него не слышали? — удивился Государь.

— Да. Такие люди видят органы насквозь. А почему они об этом не говорят? Возможно, потому, что считают, что все остальные видят так же. Или потому, что по правилам должны всегда ходить с опущенной головой. У некоторых такие способности появляются только после того, как их попросят заглянуть внутрь человека.

— Будет интересно проверить твои способности на главнокомандующем. Чем он болен? — спросил Государь, показывая на генерала Дрога ага Раголини.

— С вашего позволения, я бы сначала исцелила вас. У вас очень больная печень, почти

не работает поджелудочная и смещены позвонки, из-за чего у вас должны быть сильные боли в спине и сильнейшие неприятные ощущения в животе после потребления мяса. Если не исцелить, вам осталось три — четыре года. И не стоит принимать лекарства на основе ртути, которыми вас кормят. Они не дают ничего полезного, но зато являются сильнейшей отравой. Ваш лекарь не хотел вас отравить, он просто не понимает, что происходит.

— Это похоже на правду. Но сначала всё-таки поработай с главнокомандующим, — попросил Государь.

Вастараба повернулась к генералу.

— Долгий геморрой перешёл в рак кишки, плюс ещё верхнее воспаление лёгких. Вы всё время кашляете и кровь из заднего прохода?

— Она права, — неохотно признал генерал и откашлялся.

— Почему вы мне не говорили? — возмутился Государь.

— Не считал возможным беспокоить ваше величество каким-то геморроем, а про рак я не знал. А кашель... думал, это просто кашель. Приходит и уходит.

— Можешь исцелить? — спросил Государь, показывая на главнокомандующего.

— Только воспаление лёгких. Рак — это уже от Бога. Его время закончится через год.

— Исцели хотя бы воспаление, мне нужен генерал, способный держаться в седле...

Вастараба потребовала от генерала обнажить грудь, а затем начала сильно бить по груди кулачками. Настолько сильно, что бедный дед не мог дышать, а из уголка рта потекла слюна. Охрана было дёрнулась на помощь командующему, но Государь остановил их взмахом руки. Через минуту экзекуции жрица удовлетворилась результатом и предупредила:

— Ближайшие двое суток ему лучше лежать. Он будет много откашливать, с кровью, но потом всё пройдёт. Ещё я хотела бы поговорить про борьбу с паразитами и про чистоту в лагере. Это уменьшит потери в армии от болезней в десять раз.

— Будем надеяться, что так и будет. Трое суток из лагеря не пытайся выезжать. Про школу целительниц подумаем. Про чистоту поговори с командующим, когда он сможет вставать. А пока расскажи мне, как много людей со способностями среди кочевников?

— Как у ваших благородных? Очень мало, почти нет. Существуют некоторые люди с выдающимися качествами — очень сильные или способные очень точно стрелять из лука, но это обычная для людей изменчивость. Кто-то больше, кто-то ниже. Даже девочек со сквозным зрением как у меня очень тяжело найти, единицами считают.

— Ладно, благодарю вас за разведку и такую ценную находку. И оденьте её как можно лучше, — эти слова Государя относились уже к нашему отцу.

Отец поклонился, мы вслед за ним.

Государь кивнул и отпустил нас мановением руки.

Вастараба устала настолько, что шаталась на ходу. Из шатра её пришлось почти выносить. На коня она тоже не смогла забраться, и братья её погрузили ко мне на седло, по-дамски. Не ожидал, что она потеряет столько сил от одного исцеления. Ва приникла ко мне и обняла, якобы чтобы не упасть. Та ещё актриса.

Но стоило нам приехать «домой», стоило жрице увидеть очередь страждущих, как она тут же ожила и заявила, что будет консультировать, не сходя с коня. Опираясь на меня, Вастараба смотрела на подходящих людей и с ходу называла диагноз. Некоторым она просто говорила, что с ними происходит, некоторым называла диагноз и советовала лечение, а в тяжёлых случаях говорила приходить на осмотр и лечение назавтра.

Добрый час мне пришлось торчать в седле и работать креслом для этой трудоголички.

Но что вызывало уважение, так это её стремление помочь всем, кому только можно. Только поговорив с последним человеком в очереди, жрица позволила себе сползти с седла и быть отнесённой в дом. Еду ей пришлось носить в постель. Мне пришлось. Кажется, я начинаю понимать, почему вождь назвал работу господина жрицы тяжёлой.

Вастараба потребовала, чтобы на ночь нас устроили спать вместе. Старшие поулыбались, но выделили нам закуток за шторкой. Не успел я устроиться на ночь, как Вастараба заявила, что теперь её необходимо довести до оргазма, до такого состояния, чтобы она полностью пропотела, иначе переполняющая её женская энергия разорвёт сознание пополам. И уснула. Я попытался отнестись к словам «разорвёт пополам» серьёзно и начал гладить девушку, но легче было разбудить чувства в деревянном полене. Мне спать хотелось ничуть не меньше, и я с облечением уснул. Ближе к рассвету Вастараба вспомнила, что дело не сделано, и принялась терзать меня за мужской орган. Я спросонья забыл, что теперь у меня есть походная отрада, решил, что мы ещё в выезде и что это напали волки. Чуть не прирезал бедную. Когда недоразумение разрешилась, таки пришлось её гладить и целовать в разные части тела. Как же её било от любовного исступления! И ещё она не могла жить, не держа мой мужской орган плотной хваткой. Но после этого дела я действительно отключился. Вастараба тоже отключилась, не снимая руки с любимой игрушки. Не скрою, засыпать, держа в объятиях девушку, которой можно доверять оставлять руку на ночь на мужском органе, было приятно. Моя Аруня не была такой горячей, она честно выполняла всё, что положено, но чувствовалось, что больше всего ей хочется поскорее уйти.

После тяжёлой разведки нам дали поспать подольше. Не успели мы закончить завтрак, как перед домом нарисовался главнокомандующий. Он больше не кашлял и горел желанием обсудить со жрицей мероприятия по снижению количества заболеваний. Оказывается, мы теряли по двадцать — сорок человек в день только от отравлений. Пришлось доедать завтрак, уступив свое место за столом командующему и его порученцу — секретарю. Для освобождения второго места согнали Сигуру.

Между делом жрица потребовала себе отдельный дом или шатёр для медицинских целей, а также много спирта или вина для обработки ран. Генерал обсудил эту проблему с отцом, решили поставить шатёр у нас во дворе, из отцовских запасов. Спирт генерал обещал прислать.

Пока Вастараба рассказывала командующему, как кипятить воду и какие травы и припасы надо заготовить для борьбы с насекомыми и наиболее частыми болезнями, я вышел подышать воздухом.

Лучше бы не выходил. От нашего порога тянулась длинная очередь, было такое ощущение, что в неё выстроились все кочевники. Они стояли тихо, терпеливо и, похоже, очень давно. Мне захотелось сказать им что-нибудь ободряющее, и я сказал, что сейчас поставим для жрицы отдельный шатёр. По очереди понеслось: «Шатёр ставят, знать скоро принимать будет». Проклятие! Пришлось самому идти и выполнять обещание. Братья, которым тоже хотелось улизнуть из поля зрения начальства, охотно вызвались помогать мне в этом деле. Не успели мы закончить, как появилась жрица и потребовала себе стол для операций, а также много кипячёной воды. Пришлось городить ей стол из неприкосновенного запаса досок. Воду ей пообещали обеспечить кочевники.

Только после этих трудов появилась возможность найти местечко покомфортнее и, прислонясь к брёвнам дома, дать отдых телу. Рядом устроились все братья и сёстры. Пришли дети вассалов, уселись рядом. Никто ничего не говорил, все наслаждались ощущением

утихания сладкой ломоты в мышцах. Ломота, ставшая такой привычной за время разведки, постепенно уходила...

— Если кто заговорит о военных планах — прибыю, — пообещал Алесаний.

— Точно! Правильно! Да! — откликнулись все присутствующие.

Через некоторое время Алесаний сам нарушил молчание:

— Пуся, как думаешь, она реально целитель или лазутчик кочевников?

— Если она и лазутчик, то для усиления нашей армии она уже сделала больше, чем весь возможный урон, который она могла бы нанести. Мне показалось, она действительно любит лечить людей. Любых.

— И кочевников?

— И кочевников. Они ей ближе, чем мы.

— Что-то у меня такое ощущение, что она ещё принесёт нам беспокойств. Что она там говорила про положение войск кочевников? Далеко они? Ты был ближе к карте.

— Уже недалеко. Думаю, сейчас командование начнёт из кавалерии благородных формировать отряды для нападений на походные колонны. Они идут без доспехов, щиты на повозках, обозы, кавалерия разных видов и пехота вперемешку. Если удачно напасть, можно нанести большой урон, не потеряв никого из своих. Нас не возьмут, а вот Консанса и тебя с отцом попросят.

— А я думаю, наоборот, нам скажут завтра выступить к южным бродам. Южные броды надо прикрыть, там кочевники смогут переправиться без всяких мостов, — не согласился старший брат.

— Так от южных бродов сколько идти! Там целая страна раньше была! — не удержался Консанс.

— Вот именно. С остатками жилья и дорог, — не сдавался Алесаний.

Мы ещё немного потрепались, додумывая за начальство разные гениальные идеи. Сидеть в теньке ясным тёплым днём и нести всякую чушь было так хорошо...

Отдых прервал мальчишка, которого жрица послала позвать меня. Пришлось подниматься, преодолевая боль в мышцах. Родня и дети вассалов дружно посмеялись надо мной в духе «любишь обнимать девку на ночь, люби и сани возить». Им бы только поржать...

В шатре на столе обнаружилась совершенно голая тётенька, которой Ва засунула руку в женский орган чуть не по локоть. Увидев такую картину, я попытался улизнуть, но меня остановил жёсткий приказ жрицы:

— Проходи и раздевайся!

Не успел я приблизиться, как она схватила меня за мужской орган и умоляюще произнесла:

— Полисаний, господин, эта женщина мучается кровотечениями уже полгода после родов. Я её почти исцелила, но мне нужно хоть немного мужской энергии. Дашь мне её?

Произнося эту фразу, Ва просяще заглядывала мне в глаза снизу вверх. Не дожидаясь разрешения, она уже всю гладила меня свободной рукой.

Мышцы болели, без одежды я чувствовал себя неловко, и ничего не получалось. Я обнял девушку. Её губы были так близко... Мне вдруг невероятно сильно захотелось поцеловать их. Я коснулся её губ и вдруг почувствовал, что меня охватывает сильнейшее желание.

— Да, то, что нужно! — прошептала Вастараба и ответила на поцелуй. Целоваться она была мастерица. Её губы были такими мягкими, такими нежными! Я обнял её и по-хозяйски

крепко ухватил за груди. И вдруг мы слились. Я чувствовал, как энергия текла от меня к девушке, преломлялась через неё, становясь из силы жизнью, и через руку перетекала больной женщине.

— Да! Да! Я закрыла все разрывы! Господин, ты великолепен! — шептала Ва. От её губ и от её шёпота я кончил на месте. Только после этого я вспомнил, что Ва может плевать рядом и что коснись она меня трубочкой под языком, я уже был бы трупом. Вастараба взвизгнула от восторга, сделала ещё несколько движений в утробе, а потом вытащила руку из женщины и потребовала полить ей на руки. Пришлось поливать.

Мне было неудобно стоять раздетым перед голой женщиной. Я украдкой посмотрел на неё и увидел, что она улыбается. Она что-то сказала на языке кочевников. Я не смог перевести и посмотрел на Ва. Та перевела:

— Она говорит, что быть господином жрицы — тяжёлая работа. И ещё что мы очень красиво смотримся рядом друг с другом.

Я так и не понял, издевается она или говорит серьёзно.

Ва привалилась к столбу, державшему шатёр, и отключилась. Женщина оделась и собралась уходить.

— А ну стоять! Куда собралась без заключительного слова? — не открывая глаз, неожиданно рывкнула Ва, да так, что даже я испугался.

Женщина испугалась ещё больше моего. Ва продолжила:

— Кровотечения начнутся снова, если ты не начнёшь себя уважать. Твой муж говорит, что ты дрянь и лентяйка, всё забываешь и ничего не делаешь вовремя. Ты ему веришь и всё зло обращаешь против себя, поэтому одни части твоего тела начинают воевать против других частей. Поэтому разрывы после родов и не закрываются. Им просто не хватает сил, которые уходят на эту ненужную войну. Так вот, твой муж врёт.

— Как можно не уважать мужчину? — испуганно прошептала женщина.

— Уважай. Но затаптывать себя не позволяй. Создатель создал всех людей для того, чтобы они были счастливыми. Извиняйся, признавай вину, даже когда не виновата, но при этом ты должна чувствовать себя восхитительной дееспособной женщиной, которой следует гордиться тем, что она может быть созидательной, заботливой и держащей весь дом. Кто у вас большую часть работы делает, мужчина, что ли? Ты делаешь. И готовишь, и стираешь, и за скотиной ухаживаешь. Значит, ты основа жизни, и гордись этим. Голова высоко поднята, настроение жизнерадостное. Кстати, господин, к тебе это тоже относится. Опять ходишь сгорбившись. Как бы тебя в детстве ни унижали братья и родня, гордись тем, что можешь быть созидательным и заботливым. Голову носи высоко поднятой. А то я замучаю тебе горб на шею распрямлять.

— Тяжело быть господином жрицы, — повторила женщина с хорошо заметным юмором в голосе и выскользнула из шатра. На этот раз я смог разобрать слова.

— Зови следующего, — не открывая глаз, попросила жрица.

Я позвал. В шатёр скользнул невысокий мужичок с замотанной рукой.

— А ничего, что ты по пояс голая?

— Я подумаю об этом вечером, когда после отдыха появятся силы думать, — не открывая глаз, пообещала Ва.

— Почему ты не используешь других мужчин, чтобы получить мужскую силу? Тут много энтузиастов найдётся.

— Не сомневаюсь. Но, во-первых, мне не пропустить через себя столько силы. Я должна

к твоему количеству мужской силы присоединить такое же количество женской силы, чтобы получилась сила жизни. Но у женской силы есть такое свойство: когда она встречается с мужской, её становится больше, и она переполняет меня. Чтобы она перешла частично к тебе и в другое качество, нужен оргазм. Много оргазмов. Во-вторых, мой организм настраивается только на одного мужчину. Господин может быть только один. Чувствовал сейчас, как мы слились? Ты наверняка чувствовал и меня, и женщину.

— Да.

— А я чувствовала, как твоё сердце бьётся, будто моё, и все твои ощущения от жизни. После длительного перерыва я могу настроиться на другого господина, но это больно и долго. Так что ты и только ты.

— Я ещё нужен? Мне уйти?

Ва кинула взгляд на мужика:

— Если не жаждешь научиться сшивать рваные раны, можешь идти.

Не успел я отойти, как из шатра донеслись вопли сильной боли и ласковый, уговаривающий голос Вастарабы. Нет, не хочу я быть целителем...

На обед жрица не явилась, несмотря на то, что за ней посылали. Отец вслух высказал недовольство таким неуважением и поручил мне отнести Ва миску с похлёбкой.

Когда я зашёл в шатёр, Ва как раз начинала бинтовать глубокую рану на ноге одному парню. Жрица обрадовалась:

— О, ты очень вовремя! Подержи бинт вот здесь... нет, не так. Надо вот так...

Следующие полчаса меня учили обрабатывать бальзамами и бинтовать глубокие раны. Когда я смог вклиниться в непрерывный поток срочных указаний, похлёбка давно остыла.

Вастараба пообещала поесть и позвала следующую пациентку. Я выгнал пациентку и сказал, что пока жрица не поест, никого не пушу.

— Да, господин, — неожиданно кротко отозвалась Ва и за три глотка проглотила похлёбку через край миски. А ведь там были куски мяса!

Наши люди ценят тех, кто умеет есть много и быстро. Среди селян считается, что это признак хорошего работника. Среди благородных считается, что деловой воин не будет терять время на долгое рассусоливание. Но такого быстрого поглощения пищи я не видел никогда!

— Господин настоящий, заботливый, — услышал я переговоры кочевников. Они даже не обиделись?

— Следующий! — скомандовала Ва.

Следующей была Сигура. Отец устроил детям маленькую тренировку, и по неосторожности деревянный меч довольно глубоко пробил ей икру. Я и не представлял, что деревяшка может пробить кожу так глубоко. Сигуру принёс отец, прямо на руках. Ва с первого взгляда оценила ситуацию:

— Будет больно. Полик, тащи кипяченую воду и спирт.

Обращение явно относилось ко мне. Я уже медсестра?

Ва промыла рану и начала вытаскивать мельчайшие кусочки дерева. А я обычным зрением их даже не заметил бы... Да, полезно иметь проникающее зрение.

Рана кровила, пришлось промывать и накладывать временный бальзам несколько раз. Сигура стонала и иногда вопила.

Провозились довольно долго. А потом Ва начала зашивать рану обычной иглой, только в спирту подержала её немного. Когда мы закончили, Вастараба решила меня

похвалить:

— Благодарю, господин. Без тебя мне было бы намного сложнее.

Отец посмотрел на меня и просиял:

— Пуся! Да это же здорово! Поскольку ты в остальных делах бесполезен, научись у девки всему, что она знает о лечении ран. Будешь помогать ей каждый день, прямо сейчас и начинай. Потом на поле боя будешь ценнейшим человеком!

Я чуть не остыл на месте. Вот не мечтал в крови возиться!

Вастараба обрадовалась:

— Господин, это такая хорошая новость! И исцелять вместе сможем!

Ага, и раба получила, и дойную скотину. Ещё бы ей не радоваться. Но вслух пришлось согласиться:

— Да, отец. Только доспех сниму. А женские болезни мне тоже изучать?

Отец задумался.

— Изучай, голова не треснет.

Хождение в броне стало уже привычкой, а броня — второй кожей. Кочевники были ещё далеко, но после волков и чудовищ Дикого Поля снимать доспехи не хотелось никому. Только шлемы и поножи не надевали.

За следующие четыре часа жрица вылила на меня столько информации, сколько я получил, наверное, за всю предыдущую жизнь.

У этого человека кожа жёлтая потому, что у него одна железа не работает, а у этого глаза расширены и реакции судорожные, поскольку другая. Люди приходили к ней с порезами и опрелостями, а она их начинала ремонтировать. Кому-то массировала внутренние органы, а потом смотрела удовлетворённым взглядом и говорила, что всё начало работать. Некоторых ругала за неправильный образ мышления, из-за которого не работают некоторые железы. Некоторым запрещала спиртное из-за проблем с печенью, некоторым назначала диету.

А кто промывал опрелости и наносил бальзамы на порезы? Разумеется, новый раб госпожи жрицы. Но если честно, то мне начинало становиться интересно. Человек устроен очень сложно, но если знать, как починить...

Через четыре часа я заметил, что Ва начинает шататься и путаться в словах.

— Всё, заканчивай. Ты больше не можешь работать.

— Ну, господин, мы только половину очереди обработали! Можно ещё немного? — принялась умолять Ва самым умильным образом.

— Нет.

— Слушаюсь, господин, — неожиданно быстро согласилась жрица.

Я вышел к людям, чтобы сообщить им, что остальных примем завтра, но они и так всё слышали.

Убравшись, Ва заявила:

— Это хорошо, что мы закончили пораньше. Будет время проверить ваших ядовитых благородных на сквозное зрение.

— Это называется «пораньше»? Ты уже вскоре ничего не смогла бы видеть. И вообще, мы идём на ужин.

— Ужин — это хорошо.

Пока собирались стражники и отец читал молитву, Ва ухитрилась уснуть на моём плече. Не проснулась, даже когда я начал есть. Поев, я растолкал жрицу и принялся запихивать в

неё еду ложкой. Эта зараза даже глаза не открыла. Мои братья и сёстры наслаждались каждой секундой этого представления, даже перемотанная Сигура в юбке (до этого она ходила в лосинах). И где ей только юбку нашли? Серен, который подавал еду, тоже веселился изо всех сил.

Вождь кочевников зачем-то зашёл к отцу после ужина и углядел всю эту картину маслом в лучшем виде. Все уже поели, слуги убрали стол, а я всё засовывал в Вастарабу ложку за ложкой. Ва глотала, не открывая глаз.

Когда Ва соизволила проснуться и заявила, что она готова идти тестировать благородных, вождь улучил момент и сделал мне знак поговорить. Убедившись, что жрица вышла и нас не слышит, вождь с широкой улыбкой спросил:

— Знаешь, зачем жрицам нужен господин?

— Для защиты от мужиков. Для выдаивания мужской энергии для исцелений.

— Да, конечно. Но в первую очередь господин нужен жрицам для защиты от переутомления. Они не могут остановиться, без господина они будут пытаться вылечить даже тех, кого невозможно или нет смысла лечить. Так что привыкай её останавливать. Чтобы она не пыталась исцелять тех, кто получил смертельную рану, и чтобы не перерабатывала. Ты хороший господин, ты ей помогаешь. Обычно господа жриц — ленивые скоты, ходят с плёточкой и подношения собирают. Но у нас всё равно их очень уважают.

— Благодарю вас...

Слова вождя ошеломили меня. Так вот какого господина просила себе жрица! Уточнить его обязанности она, разумеется, не подумала. Впрочем, с чего бы это? Она выросла в мире, где все знали, для чего жрицам нужен господин.

Первых ядовитых женщин долго искать не пришлось. Две из трёх ядовитых дочерей наших вассалов жили рядом. Ва поставила рядом меня и ещё одного парня — слугу, заставила раздеться до пояса и потребовала у гадюк ответить на вопрос, у кого из нас сердце странное.

Младшая не поняла вопроса, зато старшая чётко указала на парня и сказала, что у него обратный клапан не до конца закрывается. Младшая удивилась:

— Ты что, его насквозь видишь?

Старшая удивилась не меньше:

— А ты что, не видишь?

Следующим была моя очередь удивляться:

— А что не так с сердцем парня?

— Ничего страшного. Просто он будет немного слабее ровесников, — ответила жрица.

А ведь правду сказала, парнишка с детства был слабеньким и вечно ныл. Поэтому его на кухню и приставили, из милости.

За вечер Ва проверила двадцать одну даму и нашла ещё пять девушек с пронзающим зрением. Довольная, она вознамерилась завтра просить отца послать к главнокомандующему или Государю просьбу о встрече. А пока заявила:

— Пошли собирать опарышей мясных мух!

Вот к опарышам я был не готов.

— Зачем?

— Как зачем? Впереди битвы. А это значит, что у людей будут ранения. А вокруг раны появляется омертвевшая ткань, из-за которой начинается заражение. Выпускаешь на них опарышей — и они все омертвевшие ткани съедают! Остаётся чистое мясо, которое хорошо

заживает.

Ага. Я должен был догадаться.

— Никуда ты больше не пойдёшь. Спать пора. Отец сердиться будет. Завтра соберём.

— Завтра так завтра...

Войдя в наш «дом» с нарами в два этажа, Вастараба тут же полезла в драку:

— Так, а почему сапоги не снимаем? А ну быстро сапоги скинули! Все!

— Уйди, сил нет, лениво. И вдруг враги нападут? — пробормотал сквозь сон Консанс.

— А мне потом вас от опрелостей и грибок лечить? Сапоги долой!

Отец решил возмутиться и зарычал из своей берлоги в углу:

— Ты чего это раскомандовалась?

Вастараба посмотрела на него, как бык на волчонка:

— Господин моего господина, если вы прикажете мне умереть, я умру на месте. Но в том, что касается здоровья, команду я. Если не будете снимать сапоги на ночь и просушивать ткани, начнётся очень много нехорошего. Летом опрелости и грибки, зимой гниение подмороженных тканей. Так что лучше снимайте.

Отец неожиданно согласился:

— Мне мой дед тоже говорил, что на ночь надо обувь снимать и все носки и портянки просушивать. Она дело говорит, скидавайте обувку, лентяи.

Народ принялся стаскивать сапоги. Ва потянула носом и безошибочно вышла на стражника с потемневшими тканями на подошве:

— Болит? С тех пор, как весной по холодной водичке побегал?

— Да... Сапоги текли, на посту стоял. Болит сильно, на пятках хожу. А с чего это вдруг? Мороза уже не было.

— Эта болезнь развивается даже без мороза, при небольшой прохладе, если обувь сырая. Завтра ко мне на приём. Без очереди. Мазь дам, мазать будешь. Иначе можешь ног лишиться.

— Ох, ни хрена себе, — удивился Алесаний.

В эту ночь Ва заявила, что у неё скопилось слишком много женской энергии, поэтому меня гладить не будем, а её надо довести до любовного исступления, а лучше два раза. Пришлось работать.

Поутру оказалось, что я был прав в предсказаниях будущего. Пришёл посланец от графа ага Аркнейн, сказал, что его отряду поручено выйти для осуществления набегов на кочевников. Ещё меня с жрицей требовали к Государю. Похоже, до начальство дошли слухи о том, что мы нашли девушек со сквозным зрением.

Вастараба надела платье, подаренное отцом, и преобразилась. Была дикарка — кочевница, стала благородная дама. Платье помогали надевать мы с Визго. Визго был очень удивлён тем, что жрица совершенно спокойно разделась при нас до нижнего белья, пока мы готовили платье. Ему такое дома не очень показывали... Я мрачно сказал, что это моя самая маленькая проблема.

Единственное, что жрица отказалась надевать до ставки, это обувь. Пришлось мне выделенные для неё сапоги нести в руках.

По пути я спросил, почему она так не любит ходить в обуви. Ответ был, как всегда, выносящим мозг:

— Потому, что Создатель сделал нам очень хорошие ноги. Смотри, если не зажиматься, а расслаблять ножки, то они мягко облегают почти любое препятствие. Пять мягких рычагов распределяют нагрузку по всей поверхности, а при отрыве стопы пальчики выстреливают

запасённую силу.

Я опустил взгляд и обнаружил, что Ва совершенно безболезненно встала на очень острый камень. Её нога и правда обтекла камень, как мокрая тряпка.

— Так можно ходить даже по очень острым камням и не повреждаться. Люди повреждаются только потому, что зажимаются и делают ногу твёрдой. Вот на юге я бы не дала вам ходить без обуви. Там есть такие мухи, которые откладывают в помёт животных личинки, которые вырастают в червей, и если эти черви попадают на ноги, то пробивают кожу и свивают себе гнездо в голове. Человек умирает от сильной боли в голове. А здесь можно получать удовольствие и гладить ногами мягкую землю. И ходить намного быстрее, чем вы в сапогах.

— Здесь навоза уже больше, чем земли.

— Смотри под ноги. К тому же навоз в ближайшие дни уберут, главнокомандующий обещал распорядиться. И ещё. Когда мы наедине, обращай ко мне не «Вастараба», а «двести пятая».

— Долго. «Ва» короче.

— Тогда «Ва двести пятая».

— Чего это тебе под номером больше понравилось жить?

— Во-первых, так меня в лечебке звали. С детства. Во-вторых, это должно напоминать нам, что мы не более, чем маленький кусочек Богини. У нас нет имени и судьбы, мы — это наша работа. Мы не более, чем номер.

— А по-моему, тебе просто мозги промыли.

Ва удивилась:

— Не слышала про такую операцию. А чем промывают мозги? Это какое-то тайное лечение?

— Нет, это в переносном смысле.

— Обманул, проказник.

Сапоги на упрямку удалось натянуть только перед входом в шатёр ставки. Охрана ставки получила искреннее удовольствие, глядя на то, как Ва стояла, подняв ногу, как лошадь на перековке, а я натягивал на неё сапог. Охранники ещё и подшучивали, заразы, говорили, что я забыл гвозди в подкову забить.

Надо сказать, что красные сапоги, расшитые бисером, ей очень шли к белому платью. Форменную маску — повязку со змеями, положенную для всех ядовитых существ при встрече с начальством, ей тоже сделали красного цвета, змеи золотые. Получилось просто восхитительно.

Мы доложились по всем правилам адъютанту Государя. Вскоре нас пригласили.

— Полисаний ага Долиган и жрица Вастараба. По вашему приказанию прибыли, — поклонился я Государю.

Двести пятая послушно наклонила голову и не поднимала.

— А одетая она намного лучше смотрится, — не преминул отметить Государь.

— Благодарю Вас, — прошептала Ва.

— Я позвал вас потому, что нам прислал вызов на переговоры командующий войском вторжения кочевников. Оказалось, что в войске нет их лидера, как там его... Мурсия ни Никитита. Войско ведёт генерал Ихо Хутабб. Что ты про него знаешь, жрица?

— Самый умный и достойный человек среди всех генералов. Он не любит поклонников культа Чернобога и в его войсках нет их представителей. Войска ему верят и охотно идут за

ним.

Государь помрачнел. Постучав рукой по ручке походного трона, он принял решение:

— В любом случае я согласился на переговоры. На встречу поедет главнокомандующий. Ньюанс в том, что генерал Хутабб требует на встречу тебя, жрица. А значит, должен будет поехать и твой господин.

— И что ему от меня надо? — не смогла сдержать удивления Ва. Потом спохватилась: — Простите, господин. Когда выезжать?

— Мы берём на встречу тысячу рыцарей. Генерал сказал, что мы можем взять с собой столько войск для безопасности, сколько считаем нужным. Возьмём тысячу благородных с самыми сильными способностями. Такое количество сразу не соберёшь. Так что послезавтра, ранним утром. Рыцари останутся на отдалении, а к месту встречи пройдёте только вы трое. Командующий и вы двое. Вы без оружия. Тебе нужна повозка?

— Нет, господин. Предпочитаю коня.

— Быстрого коня дать?

— Есть.

— У тебя ещё что-то на уме.

— Да, господин. Я проверила ядовитых девушек и нашла пять с разной степенью сквозного зрения. Прошу разрешения обучить их и моего господина, чтобы девушки потом работали в лечебнице хотя бы как определители степени тяжести ран. Кто не хочет, пусть хирургом не работает, но пусть хотя бы говорят обычным лекарям, что делать. Это поднимет успешность лечения в разы.

— А девушки захотят? Они из благородных, обучены сражаться, — усомнился Государь.

— Это надо их спрашивать. Но я сейчас о другом. Мне нужно разрешения вскрывать тела умерших от разных болезней, чтобы показывать, что не так в теле. И просто для изучения тела.

— Образ человеческий — образ Божий, кромсать его — не дело, — сразу среагировал стоящий рядом святой отец — исповедник Государя.

— Был образ Божий, пока был живой. А когда из-за отравления человек сгнивает изнутри, никакого там образа не остаётся. Вы теряете в некоторые дни по сорок человек, наверняка среди них найдётся один, которого не жалко. Или умерший кочевник, который вообще другой религии. И мы не портим образ человека, я только поднимаю кожу, показываю, что внутри, а потом мы зашьём как было. Зато это спасёт много жизней потом, — уговаривала Ва.

— Даже кочевники — люди и образ Божий, хотя и грешники, — не сдавался святой отец.

— Кочевников можешь вскрывать, — разрешил Государь, — У нас лекарей учат на макетах костей и органов из дерева. Но тут их делать некому и некогда. Так что учи. А девушек я попрошу учиться. Только зачем ты решила учить парня — твоего господина?

— У него нет явных способностей благородного, поэтому ему отец приказал изучать лекарское дело.

Государь покачал головой:

— Нет способностей? Это не он убил четырёх чудовищ и построил лесопилку? Видел я черепа этих чудовищ в Долигане. Даже смотреть страшно. Похоже на то, что ваш отец чего-то не видит. Но в целом это мудро. Одобряю. Послезавтра на восходе светила здесь.

Вот так. Начальство всё видит зорким глазом, оказывается.

Мы откланялись.

По пути домой увидели отвратительную сцену. Поперёк дороги лежал вдрызг пьяный, один из благородных, в доспехах и с оружием. Услышав наше приближение, он поднялся и обвёл всё вокруг мутным взглядом. Чуть в стороне из шатра вышла группа из одного благородного господина и нескольких стражников. Они готовились к походу, рассматривали оружие и вполголоса что-то обсуждали. Пьяница посмотрел на меня и заревел:

— Эй, недомерок, ты позорище благородного сословия! Я вызываю тебя на бой!

— Меня нельзя вызывать, я ещё маленький. Шестнадцати нет. Немедленный трибунал и казнь по приказу Государя, — спокойно ответил я.

Стражники засмеялись.

Тогда пьяница перевёл взгляд на соседнюю группу и заревел уже им:

— Эй, вы, мужичье! Вам смешно? Вы решили, что благородный человек — это вам потеха? А ну давайте сюда вашего хозяина! Сейчас я ему голову в плечи вобью, будет знать, как воспитывать своих мужиков!

— Если хочешь закончить свои дни бесславно, забитый, как пьяная скотина, то иди сюда и умрешь. Но лучше иди домой и проспись, сейчас ты ничего не понимаешь, тобой спирт управляет, — с достоинством ответил ему благородный господин, начальник стражников.

Из соседних палаток и шатров выглядывали другие благородные господа. Некоторые тоже попробовали увещевать пьяницу.

Пьяница заревел и бросился на благородного господина. Тот вытащил оружие, сделал несколько шагов ему навстречу... и споткнулся! Пьяница с удовольствием воспользовался моментом и опустил кулак на голову упавшего соперника. Тот попытался откатиться в сторону, но не успел, и его голова раскололась на десяток кусков.

— Во как я могу! С одного удара — и в лепёшку! — довольно похвалился собой пьяница, достал бутылку, отхлебнул и отключился.

Стражники погибшего благородного связали пропойцу верёвками и понесли в ставку. Сразу несколько благородных пошли с ними свидетелями.

— Вот так. А то нам воевать было не с кем, сами себя уничтожаем, — горько произнёс я.

— Спирт — ужасное дело. В некоторых культурах он запрещён. Но люди там для того, чтобы обойти запрет, стали потреблять ещё более мощные опьяняющие вещества. Вообще разум теряют, — сказала Ва. На всё у неё есть ответ.

* * *

В доме все носились и орали друг на друга. Срочные сборы на боевой выход были ожидаемыми, но застали врасплох. Новость о том, что мы с Ва идём с главнокомандующим, отца не впечатлила. Идёте — так идите. Запас продуктов не забудьте взять. Генерал за вами, наверное, присмотрит.

Двести пятую такой ответ более, чем устроил. Она вильнула хвостом и отправилась обрабатывать вторую часть кочевников. За нами увязалась Сигура. Сказала, что лучше будет сидеть рядом и помогать хоть чем-нибудь, чем лежать в одиночестве в доме и страдать от боли в ноге.

На этот день Ва отложила самых тяжёлых больных и больных с хроническими болезнями. Одному дяденьке пришлось ломать неправильно сросшуюся ногу. Угадайте, кто изготавливал для этого приспособление из лома и пяти досок с лубками? Правильно, мы с Визго. Всё остальное время я резал, наносил бальзам, бинтовал и слушал теорию. Ва переставала учить меня только для того, чтобы отругать больных за то, что они сами себя убивают неправильным мышлением.

Сигура сидела в сторонке, ей поручили резать бинты и точить ножи. Несколько раз она перехватывала мой взгляд, при этом каждый раз закатывала глаза и качала головой. Ей было меня откровенно жалко. Ва ничего не замечала и продолжала грузить мои несчастные мозги теорией.

В этот день мы пропустили всех больных до того, как Ва начала качаться. Я воспользовался этим временем для того, чтобы спросить, почему жрица так много внимания уделяет тому, что люди думают сами о себе. Двести пятая задумалась надолго. Потом спросила:

— Как думаешь, чего люди боятся больше всего?

— Голода?

— Только в голодные времена.

— Смерти?

— Не совсем. Позорной смерти. Точнее, позорного исчезновения. А если ещё точнее, то тут очень замороченная последовательность страхов и мотивов поведения. Каждый человек стремится к высокой оценке стаей, к главенству в стае. При этом все знают, что они несовершенны и потому не достойны главенства. И все чувствуют, что это стремление к главенству при знании о несовершенстве — это глубокий порок, который надо скрывать, и все боятся, что другие увидят этот порок. И вот этот страх за то, что другие увидят страх за несовершенство, и убивает.

Для того, чтобы замаскировать этот порок, люди принимают самые разные защитные позы. Кто-то ходит сгорбившись, типа отстаньте от меня, на меня и так внешние тяжести давят. Получите горб и боль в позвоночнике. Кто-то наоборот, смотрит вызывающе, типа: «Только скажите мне что-нибудь о несовершенстве, всех порублю в капусту». Соответственно, такие люди ввязываются в лишние драки и действуют в семье очень деспотично. Третьи отказываются принимать этот мир, живут в выдуманном мире, у таких людей живот получает приказ не переваривать этот мир — и перестаёт переваривать пищу. Получите разного рода расстройства и язвы. Это, кстати, твой случай. Ты когда в выдуманный мир уходишь, отдаёшь животу приказ прекратить переваривание. Четвёртые заедают неприятности едой, становятся жирными и сердце портится, вместе со всем остальными органами. Пятые все волнения принимают на сердце, посылая на него все сигналы от неправильности. Но неправильным сердце становится, перестаёт биться нормально, начинает дёргаться некстати, а потом совсем отказывает. Шестые держатся заискивающе, типа: «Я такой, как все, я свойский, ребята». У этих чувство вечной неуверенности в себе и подавленности приводит к обидчивости и внутреннему отравлению желчью.

У женщин все эти проблемы ещё сложнее воспринимаются. Если муж будет постоянно давить женщину, то женщина может воспринять это как сигнал о том, что она неправильная, будет наказывать сама себя настолько, что у неё система защиты от болезней начнёт здоровые ткани тела есть.

— У нас вчера такая женщина была?

— Нет, это был лёгкий вариант. Это я ей для общего развития мозга вставила. У тяжёлых вариантов язвы по всему телу. Но это самый верхний уровень проблем. Самые большие проблемы начинаются, когда недобрые отношения идут в семью. А они всегда идут. Если отец ведёт себя недобро, некстати наказывает детей и жену, то мальчики вырастают дёргаными, болезненно самолюбивыми и пытаются побить всех остальных детей. Девочки вырастают безрадостными, склонными к ненависти к себе самой, вот у таких как раз организм защиты и начинает здоровые ткани есть. Но чаще они просто хандрят и ничего не делают по дому, даже детей вовремя не накормят. Мужья их за это бьют, а они ещё больше погружаются в отчаяние и апатию. Дети в таких семьях вырастают нелюбопытными, жизнерадостности там в помине не бывает, поэтому они быстро спиваются. Так что зло, если люди его не останавливают, убивает за четыре — пять поколений полностью.

— Ты говоришь, как святой отец Бога-из-Огня, что надо жить любовью и прощением.

— Ага. Только они просто болтают, а я знаю, как именно зло убивает и как любовь оживляет. Если в роду появляется кто-то, кто принимает обет быть беззлобным, то у него дети становятся жизнерадостными и любопытными. Если эти дети принимают папины правила, то их дети становятся очень зажиточными мастерами своего дела. Ещё два — три поколения, и в таком роде появляется ребёнок со сверхспособностями. Ты знал, что у каждого вашего рода благородных в прошлом был предок, который старался быть Божьим угодником?

— У нас об этом не говорят. Я не знала, — сказала Сигура, — Так что, получается, что любовь — это очень даже физическое явление?

— Это духовное явление, которое переходит на физический уровень. Как, впрочем, любое духовное явление. Но и это тоже ещё достаточно поверхностный уровень. Есть глубже. Для целительства необходимо смотреть на то, как человек принуждает своё тело к делу. Хи-хи. Тело к делу... Дело к телу... Да! Какие забавные слова на вашем языке! Ладно, суть проблемы в том, что в детском и подростковом возрасте почти все люди отключают способности думать на самых высших уровнях тонких чувств. Помните, какими сильными были чувства и страхи в детстве? А сейчас они в разы слабее. Но это не значит, что те, первые чувства ослабли. Никуда они не делись. Просто во время высокой температуры, или из-за обид, или просто для экономии сил ради срочной деятельности люди отключают самые высокие, самые тонкие чувства. А потом не могут их включить и не могут из-за этого чувствовать полную радость, радость от чистой правды или искреннее сочувствие, или сорадование. Короче, главные радости жизни становятся недоступны. А жить-то надо! Чем заменить главные радости? Подсластителями! И люди на уровне мотивации жизни начинают стремиться к мелким удовольствиям, как правило, животного происхождения, или живут азартом. Но тоже самое происходит и на уровне самопринуждения.

Как принудить к работе ленивое тело, когда болят все мышцы и двигаться не хочется? Пригрозить ему памятью о какой-то прошлой боли. А как заглушить разные неприятные ощущения, возникающие при работе? Прокручивать в себе какие-нибудь приятные чувства, которые при этом выбиваются из какого-нибудь не очень подходящего для этого органа. Что будет с государством, в котором все недовольства заглушаются с помощью чтецов сказок? Таких, которые громко читают сказки на работе и в общественных местах?

— Разрушится государство? — предположил я.

— Хм... Я думала, ты скажешь: «Чтецы перетрутятся и потеряют голос». Вот наше дело

и заключается в основном в том, чтобы найти, какой именно орган человек сделал таким «чтецом сказок».

— А как его найти?

— Да очень просто. У человека все чувства в образе движения отражаются. Представь, какими чувствами тебе пришлось бы организовать тело, чтобы двигаться, как человек перед тобой. И там всё сразу станет ясно. Точнее, у каждого человека сотни этих противоречий и внутренних противостояний, от уровня мотивации жизни и до уровня самопринуждения. Сразу их не снять никогда. Но понять, какой орган будет болеть первым, можно.

— А как обратно высшие, самые сильные чувства включить?

— Снять воспоминание о боли или обиде, которые заглушили этот уровень мышления.

— Это как это?

— Обиду простить и отпустить, боль вспомнить и перевести в разряд осознанного опыта. Но если честно, я только начала эту тему изучать. Нам только общие основы успели рассказать. А потом пришли эти уроды и убили всех сестёр... Я успела изучить только как самые простые поражения снимать. Кстати о суровых отцах. У кого тут глаза полуопущенные всегда?

Сигура заметно испугалась. Она действительно всегда ходила так, будто проснулась только наполовину, подняла веки до середины и так и уснула дальше. Вастараба не собиралась отпускать такую близкую жертву:

— Что там отец с вами делал, что ты навсегда отключила все мечты о счастье в пользу усиления логических уровней?

— Трахал каждый раз как напьётся, хотел сына с определёнными способностями. А в остальное время гонял плетью по всему замку. Впрочем, он не только нас с сестрой гонял. Всем доставалось, даже маме.

Ва издала торжествующий вопль:

— Ага! Вот классический пример, который приводит к расстройству системы борьбы с болезнями. Уверена, ты хотела бы забыть всё былое. А секретик в том, что надо заставить себя вспомнить всё, что можешь вспомнить, причём три раза. Тогда ужас превратится просто в память. Но этого мало. К этому необходимо добавить ещё кое-что. Необходимо сказать себе, что Богиня... отставить. Что Бог любит тебя и хотел бы тебе самого лучшего, чтобы ты всегда жила в любви и заботе, но для этого нужно, чтобы ты сама дарила окружающим только любовь и заботу. А пока это не так, живём среди ужасных жертв ужасных жертв и дарим окружающим ужас и раздражение. Необходимо сказать себе, что обижавшие тебя люди не могли быть иными, и перестать держать обиду и месть по отношению к ним. И идти вперёд, к счастью.

Сигура на несколько секунд ушла в себя, затем вынырнула и заметила:

— Больно это. Знаешь, вторая часть про Бога мне больше понравилась. Ты ещё можешь про Бога говорить?

— Это к святым отцам. Я не говорю. Я исцеляю. Поскольку тело болит из-за того, что люди неправильно им управляют из-за неправильных чувств, я могу что-то сказать про настройку правильных чувств. Но говорить про Бога — это к святым отцам.

У меня уже давно зрела идея, которую я никак не мог сформулировать. Она торчала из головы, как гвоздь из заплечного мешка, но я никак не мог её поймать. Наконец мне это удалось:

— Стоп! Ва... Двести пятая. У меня вот какой вопрос. У нас в учении Бога-из-огня

самым сложным моментом для понимания является требование полного беззлобия. Там Бог требует настолько бескрайнего беззлобия, чтобы даже когда тебя ударили по правой щеке, надо подставить левую. Никто не может объяснить это требование. А если послушать тебя, то получается, что тот, кто не откажется полностью от мести и от гордости... тот будет постепенно набирать боли и поражения систем самопринуждения, вплоть до полного разрушения своей жизни и жизни семьи. А кто будет прощать и отпускать боли и обиды, у того здоровье будет улучшаться и способность чувствовать глубокие тонкие чувства будет увеличиваться. То есть это понимание... это умение делать из обозлённого животного разумного человека?

Ва задумалась. Потом очень забавным жестом задумчиво поднесла пальчик к губам:

— Не знаю. Наверное, об этом можно подумать и так. Мужчины так любят думать о разных отвлечённых проблемах типа устройства Вселенной. А мне больше интересно как людей лечить.

— Ничего себе отвлечённая идея! Да у нас абсолютное большинство благородных понятия не имеют, зачем нужна эта религия, видят в ней лишь способ принуждать к порядку селян. А это, оказывается, то, что превращает рода людей в живые рода...

— Может быть. Опарышей пойдём собирать?

— Зачем вам опарыши? — удивилась Сигура.

— Лучше не спрашивай, — посоветовал я сестрёнке по закону. А двести пятой сказал:

— Какие опарыши? Нам послезавтра в далёкое путешествие. Выспаться надо и все вещи подготовить. В том числе и лекарства.

— А что, ожидается драка? Я слышала про переговоры, — удивилась жрица.

Ой, детство голубое!

— Мы на войне! Одно другого не исключает. Вдруг засада или командующие после переговоров решать мышцы размять, натравить охрану друг на друга, ради интереса, кто сильнее.

— Тогда мне три дня надо собираться... Столько трав надо высушить! Столько цинка растереть!

— Какого цинка?

— Металл такой. Командующий обещал доставить. Из него мазь надо сделать. Правда, у нас масла нужного нет, так что будем делать присыпку.

Весь следующий день мы с Сигурой пилили и растирали цинк в порошок. Двести пятая паковала травы и бинты. И когда она только успела эти травы собрать и засушить?

Ближе к вечеру выяснилось, что Ва травы не собирала. Травы ей приносили наши кочевники, она с них, оказывается, вместо оплаты травы требовала. Вот проныра!

* * *

Когда отряд отца ушёл, в доме стало пусто. Я улучил момент и пересказал друзьям сцену с пьяницей.

— Во удивил! Да у нас мужики как напьются, каждый раз такие сцены, — буркнул Серен.

— Ну, как-то нелогично убивать своих, когда чужие войска на подходе, — не сдавался я.

— А когда человек пьян, им не разум управляет. У меня батя как примет, может съесть

всё, что на всю семью приготовлено, или по десять раз одно и то же повторять, и не помнит, что говорил, — сказал Визго.

— А если не разум, то что тогда человеком управляет? — задался я вопросом.

— Привычки, как привык, то и делает, — предположил Серен.

— Не, не привычки. Некоторые мужики как примут, начинают на всех бросаться, в обычное время так себя не ведут, — не согласился Визго.

— Так что, получается, в человеке есть второй разум, который может управлять, когда отключён основной? И состоит он из привычек и такого поведения, которое было бы у человека, будь он животным? — сделал я вывод.

— Ага. И иногда точно наоборот этот второй разум управляет. У нас вот этой зимой семья Иргунов угорела, угли на ночь оставили при закрытой трубе. Так все просто шатались по избе, пока соседи не набежали, а старший сын решил в подполе спрятаться. Все выжили, старшой угорел. Скажи, Серен, ты тоже видел, — припомнил Визго. Серен подтвердил.

— То есть второй разум не разумен, а делает то, что больше похоже на полезное на выживание. В нашем случае с пьяницей он решил, что главное — это победить противника. А противниками казались все вокруг. Так, что ли? — сделал я второй вывод.

— Ты что-то перед боевым выходом прямо ума палата, — поддразнил Серен.

— Без отца и братьев страшно идти. А там засада может быть, якобы встреча двух главнокомандующих. А что на самом деле ждёт — кто знает. Главнокомандующий — хороший приз.

— Слух, ну а как девка-то? Кочевница? Сладко с ней спать? — не удержался Визго от любопытства.

— Она меня доит, но заниматься с ней любовью по-взрослому нельзя. Целительские силы потеряет. Задоила она меня уже, не знаю, куда от неё деваться. А так... обнять на ночь, конечно, приятно. Но стерва она, хуже наших благородных. Никакой радости и сочувствия, одна работа на уме.

— Кто бы меня задоил, — помечтал Визго.

— Ничего хорошего.

Друзья засмеялись.

— Когда хоть раз в «Драконов» поиграем? — напомнил Серен.

— Похоже, когда война закончится, — предположил я.

Глава 8

Третий тур Козьего балета

Главнокомандующий прикрепил нас к пятой сотне, которой командовал граф Марш ага Грануин. Граф приветствовал меня весело:

— А, молодой ага Долиган? Помню, помню вашего парочку! Мы с ним такое устраивали! Помнится, как-то раз, недавно, во время войны с волколюдьми наши мужики сцепились с вашими за украденных коров. Я вашего папочку копьём из седла вынес, а он как ни в чём ни бывало на землю бряк, меч достал и снова в бой! Потрясающие способности! Очень его с тех пор уважаю!

Я не знал, как реагировать на такую историю, поэтому просто сказал:

— Благодарю вас, сударь.

Граф оглушительно захохотал. Вслед за ним оскалили зубы все его вассалы.

А не съедят ли они нас по пути?

Слуги графа попытались повесить нам на коней перемётные сумы с овсом для лошадей. Я взял вдобавок ко своим, а у Ва висели такие огромные сумки, что вешать было некуда. Слуги поворчали, что если её конь будет голодать, то это её проблема, и отстали.

Оказалось, что тысяча рыцарей — это очень много. Пока мы стояли на общем построении, это не очень чувствовалось. Но когда двинулись, по четыре в ряд, то с учётом повозок с продовольствием колонна растянулась так, что начала не было видно. Мы шли в самом конце и глотали пыль от всей армии.

Начальники взяли такой темп, который раньше нам отец запрещал как опасный. Теперь приходилось скакать в таком темпе в колонне по четыре. Как я не вылетел из седла, не знаю. Жрице, похоже, тоже было непросто. Удивительно, что у повозок не поломались все оси при таких полётах по колдобинам.

Через четверть часа объявили перерыв для мелкого ремонта. Предупредили, что дальше будем идти таким темпом до вечера.

Первое время всё внимание было сконцентрировано только на том, чтобы не упасть. Потом я привык и начал посматривать по сторонам. Вокруг меня шли лучшие бойцы армии, не дети, а отцы семейств и старшие сыновья. Главнокомандующий собрал лучших, самых опытных и самых быстрых, с самыми сильными способностями. Цвет нашего мира. Я даже начал немного гордиться нахождением в такой компании.

Привал для приготовления еды нам позволили только через семь часов движения. Еле сполз с Трача, я предупредил всех окружающих, что эта скотина любит шутить, и пошёл за дровами. Деревья здесь росли в небольшом распадочке, в низинке. Ва увязалась за мной, что привести себя в порядок подальше от мужских глаз. Не успел я срубить второе сухостойное деревце, как услышал высокий визг жрицы. Нет, это был не визг. Она просто очень высоким голосом кричала: «Засада!».

Смысл слов не успел дойти до сознания, когда на меня из высокой травы выскочил мужик с мечом. Кочевник. Пожилой, невысокий, ненамного выше меня, но в полтора раза шире. И явно очень опытный. А я только с топором в руке, лук и копьё на стоянке! И меч там же...

Следом за первым разведчиком бежал и второй, заноса меч.

По всем правилам науки, которой меня учила мамочка, я кинулся к врагу, подкатился

под его меч и подставил под его руку с мечом свой локоть. Другой рукой я рубанул топором ему по животу. Кочевник удивлённо подхватил свободной рукой выпавшие из живота кишки и начал их разглядывать.

Разведчики, для лёгкости не взяли ни кольчуг, ни щитов. Наверное, думали легко захватить пару далеко забредших слуг. Скорее всего, они лежали в заранее выкопанных ямках, среди высокой травы, подальше от деревьев, поэтому наши дозорные их и не заметили. А трава здесь действительно роскошная, мне по грудь, а кое-где и выше.

Мимо меня просвистела Ва, петляя и пригибаясь. Я сделал шаг в сторону, чтобы оставить раненного между собой и вторым врагом, и понял, почему Ва так странно бежала. В неё целился лучник. Из травы вставали ещё пятеро воинов, они все были утыканы травинками.

В следующий момент произошло нечто волшебное. Я вдруг увидел всё происходящее как будто сверху и в замедленном темпе. Ранее у меня такое было, только если разыграть в шашки. Первые партии при игре в шашки я всегда проигрываю. А потом, стоит мне разыграть, приходит видение, что за короткое время партии можно сделать и чего нельзя. В таком состоянии я всегда выигрываю. Я поддаю свои шашки под бой, делаю безумные с точки зрения противников ходы, но завоёвываю пространство и зажимаю противника в безвыходное положение. Все жители замка и все мои друзья знают, что в таком состоянии со мной лучше не играть.

Пятеро новых воинов были с мечами, один из них только доставал лук. Значит, они не опасны. Ближайший к нам лучник спустил стрелу, целясь в жрицу. Я точно мог видеть, куда она полетит, и поставил на её пути топор. Стрела стукнулась о железо и отлетела, никому не причинив вреда. Лучник уже доставал следующую. Быстро стреляет, почти так, как нас папа учил.

Я понял, что у меня есть всего несколько мгновений, чтобы разобраться со вторым мечником. Я пнул раненого кочевника, чтобы тот упал под ноги второму мечнику, а сам побежал так, чтобы оставить врага между собой и лучником. Надеюсь, Ва хватит ума упасть в высокую траву и отползти, чтобы лучник её не видел. Оборачиваться, чтобы проверить эту догадку, времени не было.

Фокус сработал. Второй враг споткнулся и потерял на этом несколько мгновений. Мне этого хватило, чтобы поставить его между собой и стрелком. Я сделал вид, что пытаюсь повернуть тот же фокус, что и с первым воином — подкатиться под руку. Кочевник отреагировал и опустил меч, из-за чего просмотрел, как я занёс ногу за ногу для обхода. В следующую секунду я просто обошёл врага, удерживая меч на отдалении топориком. Правда, и ударить его не смог — топор это не нож, надо замахиваться, хоть немножко. Враг, оказавшийся ко мне спиной, начал разворачиваться. В панцирь стукнулась стрела и застряла в плаще. Как хорошо, что я не стал снимать доспехи! И как хорошо, что поверх доспехов у нас принято носить плащи с узлами, чтобы не перегреться на солнце! Иначе второй лучник выстрелил бы в мне в голову.

Я кинул взгляд на первого лучника и понял, что этот идиот сейчас выстрелит! Пришлось зацепиться топором за руку и дёрнуть на себя кочевника, а за счёт этой силы ещё раз прокрутиться вокруг врага. Лучник выстрелил и попал аккурат в грудь товарищу. Совсем никакого умения предсказывать действия противника!

Только тут до сознания дошел смысл рёва, который я слышал уже некоторое время. Смысл сводился к слову «ложись», причём произнесенному множеством луженых глоток.

Что за дурацкий приказ? Зачем ложиться перед противником? Поколебавшись несколько мгновений, я решил всё-таки упасть в траву и перекатиться в сторону, чтобы лучники не попали.

В следующее мгновение надо мной просвистела туча стрел. Мечника утыкали стрелами, как ёжика. Ещё через несколько мгновений мимо промчались десятки наших благородных. Без седел и без сапог, но с копьями и с мечами. Мечника какой-то крупный рыцарь поддел на копьё, поднял, протащил несколько шагов, а затем скинул на землю и вырвал копьё из плоти. На ходу вырвал! Чтоб я был таким здоровым! У меня даже в волках копьё застревали намертво, приходилось бросать.

Я понял, что лучше встать, иначе затопчут. Это было очень правильное решение, так как приближалась сотня рыцарей. Эти были ещё без седел. За ними разворачивались в лаву ещё две сотни рыцарей. Эти уже были с сёдлами. Да, похоже, что если наши благородные что-то хорошо понимают, так это сигнал «к оружию».

Вастараба обнаружилась совсем недалеко от меня, её голова вынырнула из травы в трёх шагах. Кажется, она не была ранена.

Сотня рыцарей проскакала рядом с нами. Это было страшно. Я как-то живо представил, какие чувства испытывают пехотинцы в виду конной лавы.

— Когда это ты стал любимцем Богини? — спросила подошедшая Ва.

— Чего?

— Я почувствовала знакомое присутствие, а потом ты играючи увернулся от двух взрослых воинов и отбил стрелы двух лучников. У тебя случаем не было ощущения, что ты видишь всё происходящее как будто сверху, замедленно, и можешь предсказать каждое движение противника? Богиня не сражается, но своим детям она передаёт своё видение происходящего.

Я не успел ответить, так как с первой сотней подъехал граф ага Грануин. Граф поставил коня между нами и лесочком, спросил, не ранены ли мы. Я поклонился:

— Благодарю, ваша милость. Нет, все целы.

— Вытащи стрелу из плаща.

Я обернулся и обнаружил, что стрела второго лучника до сих пор болтается в моём плаще. Вытащил.

Граф продолжил:

— Интересно, как им удалось укрыться от глаз дозорных? Кому-то из дозорных сегодня не поздоровится.

Ответила Ва:

— Они выкопали ямки и воткнули в свою одежду много травы. Я их обнаружила только потому, что чуть не наступила на одного из них. А так бы они до ночи лежали.

Граф покачал головой:

— Опытные какие. Но всё равно их лошади должны быть где-то рядом, иначе им не уйти и пленного не увезти. Удивительно, как вам удалось от них отбиться. Впервые в жизни вижу такое, чтобы стрелы в полёте топором отбивали.

— А он просто близко был. Видно, куда он целился.

Мимо просвистели ещё две сотни рыцарей, они направились на зачистку лесочка. Когда земля перестала трястись, подъехал главнокомандующий, обратился к графу:

— Что-то серьёзное или просто лазутчики?

— Смею доложить, похоже, обычные разведчики, причём которые очень давно в

разведке. Пытались взять двоих пленных из наших подростков. Похоже, они не знали про переговоры, иначе просто не стали бы нападать.

— Раненые есть?

— Нет, мальчишка сам отбился. Двоих сам положил топором, остальных мы из луков расстреляли.

— Топором? Мечников? Двоих? — удивился командующий.

— И ещё при этом он стрелы тем же топором отбивал, стрелы, которые в его жрицу летели. Кажется, нам для победы над кочевниками достаточно на них детей выпустить, — хохотнул граф.

— Н-да. Детей выпустим, — улыбнулся командующий. А затем обернулся к группе важных всадников за ним:

— А чьи это люди сегодня осуществляли разведку стоянки так, что детям потом пришлось стрелы топором отбивать?

— Мои, господин, — признался командир первой сотни. Я уже не помнил, как зовут этого графа.

— Сами объясните своим разведчикам, как производить осмотр места стоянки, или мне зайти объяснить?

— Не извольте беспокоиться, выпорем по всем правилам.

— Только не увлекайтесь. Нам завтра ещё целый день скакать, а потом, возможно, сражаться послезавтра.

Командующий развернулся и убыл продолжать прерванный отдых. Я продолжил рубить дрова.

Через некоторое время всадники торжественно протащили в сторону шатра командующего несколько пленников.

Следующий день был копией первого, за исключением того, что на нас никто не напал, а мышцы болели намного сильнее. Расседлав коня, я был рад, что не моя очередь идти за дровами и что можно просто свалиться в высокую траву. Всё было бы хорошо, если бы не Ва. Ей, видите ли, надо зарядиться мужской энергией перед возможным боем завтрашним днём и выпустить женскую энергию. Я спросил, а не проще ли было просто сказать, что хочется любовных утех. Ва не стала спорить, признала, что можно сказать и так.

К полудню следующего дня мы прибыли на место переговоров. Главнокомандующий потребовал меня и жрицу к себе. Выехав в первые ряды, мы увидели, что весь наш отряд стоит на краю небольшой долинки. На противоположном краю стояли кочевники. До чего же их много!

К нам возвращался досмотровый отряд из десяти рыцарей. По направлению к своим скакал такой же отряд кочевников.

От строя противника отделился генерал. За ним ехала телега с двумя седоками.

— Вы двое. Отдайте оружие моим ординарцам. Поедете со мной, — приказал генерал нам с Ва.

Нам отдавать было нечего, так как я своё оружие оставил в повозке моей сотни, а у Ва его просто не было.

Подошли наши рыцари, доложили, что засады не обнаружили. Вражеский генерал доехал до середины долины и сел на приготовленный для него стул. Телега остановилась на большом расстоянии от него. Ординарцы командующего сунули мне в руки табуреточку. Я теперь почётный стулоноситель командующего?

Мы двинулись. Я даже ухитрился доехать первым и поставить табуреточку до того, как командующий спустился с коня.

Оба генерала злобно уставились друг на друга. Первым нарушил молчание генерал кочевников:

— Приветствую Вас от имени моего повелителя, владыки всей Вселенной, короля королей, повелителя императоров, повелителя Мурсия ни Никитита. Мне, недостойному, поручено командовать малой частью войск Повелителя, чтобы привести к покорности вашу маленькую страну на краю земли. Наш Повелитель мудр и человеколюбив, и он милостив к тем, кто сам отдаёт себя под его мудрое управление. Поэтому я обязан предложить вам добровольно признать власть Повелителя. В этом случае страна избежит разорения, все благородные останутся править на своих местах, правда, придётся платить налог государству Повелителя и посылать часть войск для усиления его армии. Но это только кажется убытком, на деле дополнительные налоги почти все возвращаются в вашу страну в виде строительства дорог и прочих общественных сооружений, а укрепление армии делает наше общее государство непобедимым.

Вражеский генерал говорил на нашем языке на удивление хорошо. У кочевников что, все учат по два иностранных?

Наш командующий выдержал паузу, затем ответил:

— Мы благодарим за столь щедрое предложение нам, немытым недостойным варварам, но мы всё-таки откажемся. Мы очень ценим нашу свободу.

— Что же, я должен был предложить. В таком случае буду иметь честь сразиться с вами на поле боя, — генерал кочевников поклонился с глумливой улыбкой и продолжил:

— У меня есть второе предложение. У вас нашла убежище одна из наших жриц, жрица Васты. У меня приказ предложить ей вернуться обратно и возглавить новый центр подготовки жриц. Она будет в безопасности и будет очень богатой дамой.

— После того, как вы вырезали всех моих сестёр и чуть не убили меня? — зашипела Ва.

— Эта трагическая ошибка уже нашла свою оценку в глазах Повелителя. Все виновные в этом самоуправстве найдены и наказаны, злонамеренная секта поклонников злодейства больше не существует. Они разоблачены как враги всего человечества, таким нет места в мире Повелителя. В нашем войске есть несколько жриц Васты, они занимаются лечением людей и пользуются глубочайшим уважением, — генерал поклонился Ва с такой же хитрой улыбкой.

— Не верю ни одному слову, — уже громко заявила Ва.

— Это вполне ожидаемо, уважаемая. Надеюсь, мы ещё сможем заслужить ваше доверие. Но мой приказ заключается не в том, чтобы предложить ей вернуться, а в том, чтобы договориться с вами, уважаемый командующий, чтобы на поле боя не убивали никого, кто одет в форму лекарей. Ваша жрица в белом платье? Прекрасно. Давайте сделаем так, что все лекари будут носить белые одежды с символом вашей религии? У вас таким символом является восьмиконечный крест с изогнутыми лучами? Пусть он будет красным. В нашем войске все будут знать, что за нападение на человека в такой форме полагается смертная казнь. Прошу вас отдать такой приказ и вашим людям. Прошу также согласиться на то, что лекари должны обслуживать солдат противника... После своих, разумеется, и не в ущерб им, но всё-таки лечить, а не убивать.

— Вообще-то мы не собирались оставлять в живых никого из ваших воинов, — удивился наш командующий.

— Немного подумайте, уважаемый. Такие условия может предлагать только тот, кто уверен в своей победе, а не тот, кто допускает мысль сбежать обратно в степь. Вы же считаете себя намного более развитой страной, в отличие от нас, кочевников? Вот и давайте вести дела, как положено у развитых человеколюбивых народов.

Наш главнокомандующий немного опешил, затем помолчал и сказал:

— Хорошо, я отдам такой приказ. Ваши люди получают помощь лекарей... После наших. Вражеский генерал опять поклонился с хитрой улыбкой и посмотрел на Ва.

— Теперь у меня будет вопрос к жрице. Вам, командующий, лучше отъехать подальше.

Наш генерал почуял подвох:

— Я лучше останусь.

Вражеский командир махнул ладошкой. Возница из телеги встал и потащил за собой на верёвке, привязанной к копыю, второго человека из повозки. Остановившись в десяти шагах сбоку от командира, возница откинул мешковину, закрывавшую верхнюю часть тела второго человека.

Ва подпрыгнула и непроизвольно сделала шаг назад:

— Зачем вы притащили эту гадость? Командующий, вам и правда лучше уехать.

— А что это, молодая госпожа? У нас уже несколько случаев, и болезнь распространяется. Мои люди говорят, что это не чума, но они не знают, что это. Заболевшие умирают очень быстро.

— А перед этим заражают сотню — другую соседей? За вами идут мертвожоры. Они же свихты, они же гхули. Обычно охотятся парами. Они располагаются недалеко от лагеря, дают себя покусать комарам, а потом если этот же комар укусит вашего человека, он заболевает вот этим. Плоть превращается в кисель, который любят потреблять мертвожоры. Поэтому умерших обязательно сжигать. Могилы они раскапывают любой глубины.

— Мы просто закапывали, — признался генерал.

— Это для них лакомство. И это заболевание очень заразно. Лекарства нет. Всех соседей заболевшего в отдельное жильё на неделю. Если кто заболевает, то выпускать выживших через три недели. Еду в шатёр вносить на палке. На вашем месте я бы этих двоих — и больного, и его стражника сожгла прямо здесь. Мертвожоров можно найти, если прочесать пространство вокруг лагеря на расстоянии до версты. Но их очень тяжело заметить, у них шкура полосатая и они закапываются под траву. Выглядят как большая собака с человеческим лицом или, если хотите, как мальчик с руками и ногами одинаковой длины. У них руки похожи на человеческие, с пальчиками, — с этими словами Ва показала руку и согнула пальцы. Потом подумала и добавила:

— Эти существа свежее мясо тоже любят. Так что всем охотникам скажите, чтобы были в доспехах или обмотали тряпками все части тела так, чтобы нельзя было прокусить. Кого укусит, тот заболеет.

— Благодарю вас, молодая госпожа. Моё предложение возглавить учебный центр остаётся в силе. Помните про белое платье с красным восьмиконечным крестом и не дайте себя убить в следующей битве. А это ваш нынешний господин?

Жрица немного помедлила, ища подвоха, но потом не нашла и призналась:

— Да.

— Вы тоже носите белую одежду с красным крестом. Я прикажу вас не убивать.

— А если я буду пытаться убить ваших людей? — не смог я сдержать удивления.

— Дурак. Есть тысяча способов стащить тебя с коня и упаковать для плена, иногда это

легче, чем убить, — подал голос уже наш командующий.

Командующий кочевников поклонился нашему генералу и добавил:

— Кстати, а она тебя предупредила, что ни один господин жриц Васты не живёт больше семи лет? Они их выдаивают ради целительной силы. До смерти. За сим до встречи!

— Враньё! — подпрыгнула Ва.

Командующий кочевников уже был в седле и скакал к своим. Наш тоже уже был на полпути к линии воинов. До чего же шустрые эти генералы!

Мы догнали командующего только у нашего войска.

— Жрица, ага Долиган, поедете рядом со мной.

Следующий час мы скакали изо всех сил, никто не сказал ни слова. Только поравнявшись с лагерем, командующий снизил темп, чтобы дать возможность повозкам влиться в строй своих сотен, и обратился к Ва:

— Жрица, что там за ерунда с этой чумой с красными нарывами?

— Они в отчаянии. Думаю, они затеяли эти переговоры только для того, чтобы получить мою консультацию. Скорее всего, они теряют народ тысячами. Распространители этой чумы — очень противные создания. Методы борьбы вы слышали.

— Хорошо. Скажи мне, насколько хорошо кочевники приспособлены к холоду?

— Зимой в некоторых районах Поля намного холоднее, чем здесь. Жить при холоде они умеют.

— А воевать? Наши люди умеют бегать на лыжах и выживать даже под снегом. А кочевники так смогут?

— Лыжами они пользоваться умеют. Но воевать... Их главное преимущество — огромное количество конницы. Зимой они выживают только благодаря тому, что живут на зимних стойбищах, где закопаны с осени запасы зерна. Очень немногие племена откочевывают южнее, где нет снега. Не думаю, что они смогут привезти сюда столько зерна. Так что либо им придётся всех лошадей угнать и превратить всадников в пехоту, либо строить город и ждать весны. А что, они строят город?

— Что-то строят. И я вот думаю, что лучше делать — заставить их перейти к обороне и остаться на зиму или пытаться разгромить сразу.

— Если затянуть дело, то ближе к осени благородные разбегутся по домам, присматривать, чтобы соседи урожай у мужиков не отобрали. Армия станет меньше. Тогда они из города смогут множеством отрядов нападать на нас, откуда захотят, а у нас не будет сил отразить все нападения, — подумала вслух Ва.

— Если сейчас дать им бой, как думаешь, много человек заразится этой чумой?

— Чумой они вас в любом случае постараются заразить. Подсунуть труп с набитыми золотом карманами или дорогую одежду умершего — это обычный трюк в таких случаях. Слышала об этом много раз.

— А что молодой ага Долиган нам скажет по этому поводу? — лукаво обратился ко мне главнокомандующий.

Я удивлённо взглянул на генерала. Мне? Советовать генералу? Но раз спрашивают, надо отвечать.

— Я учился по тем книгам, по которым вы учили. Что тут придумать? Вырезать обозы, уничтожать поставки зерна. Пусть съедят своих лошадей. А если построят город, даже я умею делать катапульты. Сломаем стены, а без еды и без лошадей они зимой будут лёгкой целью для наших кавалеристов. Но осенью... Осенью будет тяжело.

— Уже умеешь делать катапульты? У нас никто давно не строил катапульты. Целей для них не было. Как научился? — удивился генерал.

— Книжку прочитал, — засмеялась Ва.

— Соседи притащили на штурм, а я потом книгу купил и по книге переделал, — признался я.

— Хм! А катапульта рабочая?

— Да, две штуки разных типов. У отца в обозе, в лагере остались. Я из одной уложил одного из соседних баронов, который хотел наш замок захватить, а отец меня за это потом отругал. Он хотел этого барона живым отпустить, а теперь ему приходится приёмных детей воспитывать.

— Человек без способности уложил благородного барона? Ох уж мне эти соседские нападения баронов! Это просто бедствие. Покажешь мне потом катапульты. Очень любопытно.

— Разрешите дополнить? Нам теперь придётся проверять всех, кто возвращается из разведки и набегов на предмет краснотуберкулезной чумы. Эти отряды должны встречать либо я, либо те девушки, которых я обучаю, — внезапно проявилась Ва.

— Как полезно поговорить с молодёжью! Так много решений по ходу дела появляется, — промурлыкал генерал.

Опять шутить изволит.

Весь день генерал задавал мне самые разные вопросы — какие я книги читал, как на чудовищ охотился. Периодически он переключался на Ва и спрашивал, как защищаться от самых опасных для армии болезней и какие танцы их учили танцевать. Вопрос про танцы жрицу удивил. Она ответила, что она помогала проводить осмотры и делать сложные операции с пяти лет, танцевать некогда было. Генерал опять хитро похихикал и заявил, что Государь наверняка захочет увидеть её на балу перед главным сражением, и надо изучить все три балета.

Надо было видеть то отчаяние, с которым Ва посмотрела на меня. Я ей подмигнул.

Вечером при устройстве на ночлег командующий нас с Ва не отпустил, приказал ночевать рядом. Я попросил разрешения сходить и забрать свой меч и другое оружие. Ехать безоружным мне совсем не хотелось. Но мне запретили даже это.

Ещё командующий сразу после сигнала на привал подозвал дежурную тройку связных и отправил их в наш базовый лагерь. Когда топот копыт немного затих, генерал повернулся к Васте и с улыбкой сказал:

— Эти ребята везут приказ никого в лагерь не впускать, пока ты не осмотришь их на предмет чумы. Так что к нашему приходу послезавтра тебя будет ждать много работы.

Ва перспектива осматривать несколько тысяч человек вместо того, чтобы рухнуть с лошади в постель, не понравилось.

Кормили в сотне генерала намного лучше, чем в нашей.

Ночью я спросил у Ва, что там вражина нёс про то, что господа жриц долго не живут.

— Это правда, пока не было замечено ни одного случая, чтобы кто-то продержался больше семи лет. Но это было у кочевников. Господ жриц убивали кочевники, за то, что они запрещали жрицам тратить силы на тех, кого уже было не вылечить, или за то, что неправильно с их точки зрения лечили. Просто при грабежах убивали. Некоторые сами по себе умирали, от несчастных случаев. В дороге рисков много. Злые языки говорят, что это потому, что Васта не любит мужчин и ревнует их к жрицам. Это неправда, Васта любит всех.

Думаю, тебе это не грозит. Ты не кочевник, ты под защитой своего государства.

В эту ночь я почувствовал, что дыхание спящей двести пятой подстроилось под моё, в животе появилось такое ощущение, будто из меня вытягивают жизненную силу. Неприятное ощущение. Надо будет спросить у кого-нибудь об этом.

На следующий день мы ехали в пятом ряду от командующего, а он весь день советовался с разными людьми, которых подзывал из всех десяти сотен. Зачем ему понадобились мы, было совершенно непонятно.

После дикой скачки увидеть укрепления основного лагеря на третий день было приятно. Но вместо того, чтобы пройти в лагерь, мне для начала пришлось стоять вместе с Ва и ждать, пока она осмотрит весь наш отряд, а потом ещё пять ударных отрядов. Заняло добрый час. Ва углядела десять больных, но не красной бубонной чумой, а другими опасными заболеваниями.

Что забавно, вторым отрядом был отряд моего отца. Папочка вместо приветствия погрозил мне кулаком.

После прохода в лагерь я отправился искать своё оружие у мужика из обоза, которому оставил его перед переговорами.

Мужика я нашёл быстро, он уже был немного пьян. Нахальная морда принялась утверждать, что лук и копьё забрал граф, а меч потерялся. Пошел к графу, жаловаться. Граф ага Грануин, услышав мою жалобу, молча взглянул на своего старшего сына. Тот кивнул, выдал мне оставшееся снаряжение и потащил обратно к вознице. Увидев мужика, молодой ага Грануин достал свой меч и стал без лишних слов лупить возницу плоской стороной меча.

После некоторой порции воплей, божбы и жалоб на жизнь возница всё-таки признался, что продал меч маркитантке.

— Стыдно перед другими людьми нашему дому из-за тебя, — рыкнул молодой ага Грануин.

Отправились к маркитантке. Молодая разбитная особа, увидев нас, с порога зачастила:

— А вы небось за мечом, красавчики? Я сразу поняла, что этому пьянице верить нельзя. Дала ему как аванс бутылку, сказала за остальным завтра приходить. Заплатите несчастной девушке за бутылку, молодой господин? А меч мы по гербу опознали, отправили ага Долигану в укрепления кочевников. Я правильно сделала, молодые господа?

Я застонал. Потерять меч — это верная порка. Отец даже объяснений слушать не будет. Оружие потеряно — получи за бесчестье.

— Ты всё верно сделала, я заплачу тебе за бутылку, — нехотя сказал мой спаситель и протянул маркитантке несколько монет.

Пришлось мне тащиться домой без меча. По пути наткнулся на Ва, которая уже успела собрать своих гадюк и тащила их на вскрытие тел убитых в ходе рейдов кочевников. Оказалось, что разведывательные отряды притащили ей несколько тел, и они уже несколько подпортились, поэтому вскрывать надо было немедленно. Ва пыталась увлечь за собой и меня, но мне надо было позаботиться о коне и просто разобрать вещи после похода.

Как это ни удивительно, дома меня не выпороли. Отец был в прекрасном настроении, так как их отряд очень удачно разгромил огромный обоз кочевников и взял неплохую добычу в виде скота, оружия и разных железных изделий. Настроение моей семье повышалось и то, что они наконец-то добрались до запасов пива.

Мой меч посыльный маркитантки передал нашим слугам, и Серен успел сунуть мне его перед тем, как я попался на глаза отцу. Папочка мимоходом поинтересовался, куда это нас

носило с командующим. Оказалось, что в прошлый раз он пропустил мимо ушей весть о переговорах. Он считал, что командующий просто выезжал на разведку, жрицу брал в качестве лекаря от его старческих болезней, а меня брал только ради жрицы.

История о том, как мы вели переговоры с главой кочевников втроем с командующим и жрицей, изрядно повеселила мою семью. Меня обозвали «высоко залетевший птицей» и другими странными словами. Но информацию про чуму и про возможное продление военных действий на зиму намотали на ус очень внимательно.

После общего рассказа папочка посадил меня рядом и подробно выпросил обо всём, что спрашивал главнокомандующий. После этого он некоторое время сидел и хмыкал, что-то интенсивно обдумывая. Потом рыкнул и сказал, что надо готовить катапульту и баллисту к показу, раз уж похвастались. Я не смог удержаться от вопроса:

— Пап, а почему командующий задавал мне вопросы о стратегии? Что я могу знать больше него?

— Да ничего. Просто старый лис хочет, чтобы молодёжь заранее высказала все глупости, а заодно озвучила все неожиданные идеи, которые он мог бы потом приписать себе.

* * *

Машины в полной исправности стояли на заднем дворе, среди других повозок нашего обоза, и готовить их не было никакой необходимости. Мы с братьями только освободили проход и вытащили их в первый ряд.

Между делом папочка вспомнил, что по пути они встретили отбившееся племя кочевников, которое ненавидело самозваного лидера и хотело перейти на нашу сторону. Это племя должно было придти завтра. Граф ага Аркнейн передавал нам с жрицей просьбу встретить это племя, осмотреть и понюхать, чем они дышат.

Я спросил, предупреждали ли главнокомандующего и дозоры. Папочка задумался и сказал, что, наверное, нет, так как граф ага Аркнейн был занят.

От такой новости у меня чуть не сорвало крышу, и я помчался к Артаксалу, вождю «наших» кочевников, того племени, которое пришло первым и построило этот город. Вождь по названию племени ничего сказать не смог, припомнил только, что когда-то слышал такое название. Пообещал выделить пару переводчиков назавтра для встречи.

Следующим я помчался к главнокомандующему. Ради того, чтобы принять меня, генерал Дрог ага Раголини даже подвинул в очереди одного графа, пришедшего с докладом по хозяйственным делам.

— Хо-хо, молодой ага Долиган, уверен, что такой человек не стал бы тревожить меня по пустякам, — со смешком встретил меня генерал.

— Завтра приходит ещё одно племя, желающее перейти на нашу сторону. Подозреваю, что среди них могут быть специально заражённые люди. Прошу распорядиться, чтобы их встретил достаточно мощный конвой и чтобы у жрицы была возможность их осмотреть. И, конечно, чтобы их не вырезали ночью наши патрули.

— Хо-хо, вот так новость! Странно, что граф ага Аркнейн не сообщил мне её первым. Хорошо, о патрулях и конвое я распоряджусь, а жрице твоей ты господин.

Я отсалютовал и выполз из шатра ставки. Следом за мной вышел порученец генерала, и

десятку гонцов сразу нашлась работа.

Ва двести пятая учила своих гадюк и при известии о прибывающем племени пришла в восторг:

— Дамы, у нас завтра будет прекрасная возможность провести диагностику в полевых условиях! Обычно долго путешествовавшие племена больны дизентерией, глистами, а иногда и холерой! У нас будет отличная возможность отточить ваши умения на нескольких сотнях человек, а если не пустим в лагерь краснотуберкулезную чуму, то спасём весь лагерь!

Гадюки при известии о том, что им завтра ни свет, ни заря придётся тащиться осматривать кучу запаршивевших кочевников, посмотрели на меня так, что я сразу стал прикидывать, нахожусь ли в зоне поражения их яда.

Ва ничего не заметила и вернулась к описанию болезней печени, о которых она рассказывала на примере распотрошённого трупа. Сказать, что труп пах, значит ничего не сказать.

— Кстати, господин, ты тоже присоединяйся, я тебе потом расскажу то, что ты пропустил, — вспомнила про меня Ва.

Наверное, у меня было очень страдальческое лицо, если все гадюки вдруг радостно заулыбались, глядя на меня. Воистину самая искренняя радость — это злорадство.

Вечером я отомстил жрице, заставив её учиться балету. Долго мучить совесть не позволила, поэтому вскоре я сказал Ва:

— Просто держись рядом, а когда я буду тянуть тебя за руку, кружись вокруг. Для иностранки это будет сочтено допустимым.

Отец встретил меня вопросом, с какой радости главнокомандующий требует завтра ранним утром весь отряд графа ага Аркнейн выезжать в поход на осмотр какого-то племени? Известие о том, что это встреча найденного ими племени перебежчиков, его немного удивило.

А чему удивляться? Сами же притащили их сюда.

В этот день мне удалось посидеть с друзьями и поболтать. Вечно занятые тысячей дел Визго и Серен тоже смогли выкроить по минутке. Рассказал, как Ва чуть не наступила на вражеского разведчика, а меня чуть не подстрелили во время выезда... Друзья смеялись, но в конце концов меня пожалели.

Поутру мы с донельзя злыми недоспавшими гадюками и огромным отрядом нашего графа ага Аркнейн выехали навстречу новому кочевому племени. Мы с Ва ехали среди моей семьи. Это было куда приятнее, чем посреди чужих злых мужиков. Ехать пришлось совсем недолго.

Племя оказалось каким-то странным. Очень мало женщин, буквально несколько человек, совсем нет детей. Одни мужики разных возрастов, от подростков до пожилых. Но в основном это были мужики средних лет. Как выяснилось позже, это племя сделало вид, что мужчины идут на войну вместе с армией кочевников, а все женщины и дети откочевали в неожиданном направлении. Именно этих мужчин мы и встретили. Они надеялись, что после разгрома армии генерала Ихо Хутабба им удастся вытащить из Поля своих женщин с детьми. Как на мой взгляд, так довольно призрачная надежда.

Но это всё выяснилось потом. Для начала кочевники здорово струхнули, обнаружив, что их окружает превосходящий отряд. Расслабились они, только увидев жрицу Васты.

Двести пятая ухитрилась организовать своим гадюкам такие же дурацкие треугольные шапочки с отворотами, как и у неё. Ва попыталась надеть такую же шапочку и на меня, но

вот тут у неё дело не задалось. Ну не мог я надеть ТАКОЕ! Ездить по полю боя в белом плаще и в белом шлеме с красной восьмиконечной звездой — это я ещё мог понять. Но в треугольной шапочке... Увольте.

Вот увидев эти белые шапочки, кочевники и заулыбались. Ва устроила движение кочевников по одному и выстроила своих учениц для проверки. Дело двигалось медленно. Ученицы уже более-менее овладели умением смотреть насквозь и находили у кочевников множество хронических и обычных заболеваний. Ва терпеливо объясняла, какое как называется и насколько оно опасно. На каждого человека уходило по минуте, а то и больше... А кочевников-то было пять сотен!

Через некоторое время Ва спохватилась и пустила поток побыстрее. Они отсеяли двух человек с холерой в начальной стадии и пять малярийных больных. Источником холеры были остатки копчёной рыбы, которую кочевники уже доели, так что даже уничтожать продовольствие не пришлось. Больных чумой не было.

Самое удивительное было в том, что гадюки увлеклись и осадили двести пятую с вопросами о том, как лечить ту или иную болезнь, которую они углядели. Кочевники смиренно ждали, пока они поговорят, а вслед за ними на это всё зрелище удивлённо взирали несколько сотен наших рыцарей. Мне пришлось воспользоваться правом господина жрицы и скомандовать им закругляться. Гадюки на меня обиделись. Я им сказал, что они могут продолжить обсуждение по дороге. Девушки скривили губы: «По дороге уже не то!».

Пока собирались, Ва успела шепнуть, что мне может быть интересно поговорить с определённым кочевником. Я удивился. Ва сказала, что это, скорее всего, жрец бога правды.

Я подъехал к указанному человеку и спросил на языке кочевников, правда ли, что он является жрецом богов кочевников, и что я хочу больше узнать о них. Человек принялся отнекиваться.

Внешне он действительно не очень отличался от других кочевников. Но потом глаз начал замечать подробности, незаметные с первого взгляда. Более аккуратная одежда. Концы штанов не болтаются, а подобраны ремешками. Сапоги не просто кусок кожи, обмотанный вокруг ног и сшитый как придётся, а остроносые сапожки с каблуком. По воротнику кожаной куртки затейливая вышивка. Подкладка из красной ткани, в то время как у кочевников никакой подкладки в помине нет, только кожа. А главное — живые глаза.

— У вас живые глаза. Все кочевники смотрят либо свысока, как будто для них важнее всего, чтобы все окружающие признали их огромное внутреннее достоинство, либо агрессивно — исподлобья, через старые обиды. А у вас глаза живые, вы смотрите прямо и способны переводить точку концентрации и вблизи, и вдаль. У обычных людей точка концентрации, как правило, навсегда застыла на определённом расстоянии от носа, — выдал я последние наблюдения, почерпнутые из откровений Ва.

Вот тут человек удивился и начал что-то быстро говорить. Моих знаний языка кочевников не хватило. Пришлось признаться:

— Я только начал изучать язык. Не понял ни слова.

— Извини. Ты начал говорить на наш язык, моя думать ты знать, — не очень чисто заговорил кочевник.

— Ваши знания нашего языка много лучше моих вашего.

— Я говорить, ты угадать молодой имперец. Я жрец бог Радо, бог правда, честный договор и справедливость.

— Светило называется на вашем языке «Радосвет» не просто так?

— Связь между солнцем правды и светилом давать жизнь очевидно. Но только глупый люди думать светило есть бог.

— Расскажи мне, что требует твой бог и какие у него правила.

В этот момент подали сигнал к началу движения. Весь народ полез в сёдла. Я пристроился рядом со жрецом, четвёртым в колонне по четыре. Жрец понял, что я от него не отстану, и принялся говорить:

— Тебя не радовать то, что я скажу про Радо. Плохой сравнение с ваш бог. Что ты скажешь про ваш бог главное?

Я немного испугался. Жрец явно не собирался просто описывать своё учение, а сразу перешёл в наступление. Ладно, примем этот вызов. Хотя я бы не отказался от присутствия какого-нибудь святого отца рядом...

— Главное? Наш бог требует от людей жить любовью и заботой друг о друге. Требует измениться и перестать быть горделивыми и заносчивыми. Требует отказаться от многобожия и помнить о том, что есть только один Бог.

Было видно, что жрец невероятно удивлён. Он выдержал паузу, прежде чем ответить:

— Другие ваши люди, которые быть наш плен, говорить другое. Они говорить, что главное ваш бог — это наказывать тех, кто вести себя неправильно и убивать или красть или любить других чужих людей.

Тут уже я удивился:

— Ну, наверное, некоторые люди могут и так понять то, что говорят наши святые отцы. Но в основе там другие требования.

— Этим и отличаться учение Радо. Наш бог учить, что он помогать людям, чтобы люди знать правда и жить счастливо. Радо учить, что правда в том, чтобы жить помощью и заботой другим людям, как он жить. Радо не наказывать, Радо скорбеть, когда люди не видеть правда и делать то, что делать хуже весь мир и личный судьба человека хуже. Мы верить, что всё сделанное человек записывать богини судьба и потом возвращать человек всё, что он сделать другой люди. Кто делать другой добро и заботу, тому Радо вернуть их много. Кто делать другим грабёж или обида, жить всю жизнь с потерями и с обидами, и с несчастьем в семье. Поэтому мы думать, что наша вера лучше быть. Ваша вера только делать, что делать людей бояться и попрошайничать бог простить их, но ваши люди никогда лучше не делать. Наша вера делать людей желать делать добро. Не ради страха и не ради похвалы от люди или бог, а потому, что это есть счастье и правда. Наша вера быть мягкая, но жизненная. Ваша вера жёсткая, делать большие империя, очень жёсткий, который все люди плакать, никто счастья не знать. И даже не думать счастье. Только долг и страх.

Получив такую плюху, я задумался надолго. Не придумал ничего лучше, чем нахамить:

— А почему тогда вы едете под нашу защиту, а не мы прячемся у вас?

Эту фразу я сказал на языке кочевников.

Кочевники, ехавшие первым и вторым в нашем ряду, громко заржали. Похоже, это была их обычная дразнилка, которой они дразнили жреца задолго до меня.

Жрец понурился и ответил на своём языке:

— В мире осталось мало людей, стремящихся к правде и добру. Грабить и возлежать с каждой первой даёт больше удовольствий, которым никто не хочет противостоят. А человек становится человеком только тогда, когда противостоит хотениям. Но никто не хочет становиться человеком. Все хотят быть только самым сильным животным с большим количеством удовольствий. Нет людей, желающих жить по правде — нет культа Радо. Нет

культы — нет влияния на вождей. Знаешь, сколько человек спросило меня за последний год о словах Радо? Ты первый. Все остальные звали меня только для того, чтобы привлечь внимание Радо к сделкам и договорам.

Кочевники сразу перестали ржать. Я спросил:

— Вы поэтому не хотели признаваться, когда я вас спрашивал?

Кочевники опять заржали и ответили за жреца:

— Тут причина в другом, молодой господин. Прошлые набеги на ваше государство случались потому, что жрецы Радо призывали уничтожить злую империю, в которой про бога правды говорят злые слова, а ещё воруют наших людей для продажи в рабство. Это они набеги вдохновляли и шли впереди. Ваши люди их раньше в плен не брали.

— Похоже, что зря. Думаю, что религии очень похожи и если бы вы поговорили с нашими святыми отцами, то нашли бы некоторое понимание.

Тут уже засмеялись все окружавшие нас кочевники. И жрец, и ряды впереди и сзади. Оказывается, они нас слышали несмотря на довольно быструю езду.

Ладно, сменим тему:

— Я за последнее время часто слышал, что наши люди воровали кочевников для продажи в рабство. Но у нас рабство запрещено, нам рабы не нужны. Куда они их продавали? Я не слышал про такие истории. Моя земля на границе, но я никогда не видел караванов невольников. Откуда брались эти работоторговцы, может быть, они вообще не из нашей страны?

Кочевники засмеялись, жрец лишь слегка улыбнулся:

— Не слышал и не мог слышать. Ваша страна вся построена на деньгах. Без денег невозможно ничего. Поэтому ваши люди за деньги готовы на что угодно. Разные разорившиеся из-за пьянства или азартных игр благородные, младшие сыновья без наследства... Они объединяются в шайки, которые угоняют людей на юг, там их грузят на большие корабли и увозят в Сият Снамого. Мы не могли оставить это без наказания.

— Я не понял слов «Сият Снамого».

— Считай, что это название. Все эти пограничные войны — это всё на самом деле за деньги. И с вашей стороны, и с нашей. Поэтому я никогда не участвовал в таких набегах. А сейчас дело пошло совсем плохо. Новый лидер, повелитель Мурсия ни Никитита, это концентрация всего плохого, он убьёт душу всех народов Поля. Да, он разгромил помогавших ему первое время жрецов Чернобога. Но это только потому, что он уже набрал в слуги толпу злодеев похуже, которые преданы только ему. Ему эти жрецы больше не нужны, зато портят вид. А по сути его государство ещё хуже, чем жрецы. Там будет только поклонение ему, как образу силы и жестокости. Тьма и зло. Мы будем просить ваши власти, чтобы они не останавливались на разгроме первой армии, а шли вглубь Поля, до полного уничтожения ни Никититы. Иначе плохо будет всем. Его надо уничтожить!

— Смерть Никитите! — дружно заревели окружающие кочевники. Их вопль повторили другие ряды, потом кто-то запел боевой гимн. Его подхватил весь строй. Наши рыцари, шедшие параллельной колонной, заметно встревожились. Я выехал из строя, чтобы помахать им и дать знак не беспокоиться. Кажется, получилось. Я вернулся в строй. Впрочем, из-за песни разговаривать стало невозможно. Кочевники так и пели до лагеря.

При подъезде к лагерю кочевники вознамерились в него въехать. Я сообразил, что наши могут это принять за вторжение, поэтому помчался в голову колонны, предупредить вождя, чтобы они построились перед границей лагеря и ждали командующего.

Но где посыльный от графа? Почему я вынужден командовать? Наши рыцари встали в четыре коробочки чуть в стороне и никого не выслали. Только Ва и её гадюки проехали в лагерь.

Кочевники и правда построились. Это племя умело строиться. Встали они так, будто готовились к лобовой атаке, ровной прямой линией. Я почувал неладное и спросил у соседей, как зовут вождя. Его звали Мартаксал.

С этим знанием я пришпорил Трача и выехал перед строем, встал посередине, рядом с вождём. Я надеялся, что это несколько смягчит впечатление, будто племя построилось для атаки. Пока ждали, немного поболтали с вождём Мартаксалом о том, как устроились ранее перешедшие на нашу сторону племена.

Через некоторое время появился главнокомандующий с телохранителями и направились к нам. С ними ехал также вождь Артаксал и несколько воинов из его племени. Вождь нового племени поклонился командующему, не сходя с коня, и произнёс приветствие с просьбой принять его племя в число союзников. Только тут я сообразил, что этот вождь не говорит на нашем языке. Я что, ещё и переводчиком буду работать?

В отчаянии я оглянулся на коробочки наших рыцарей. Скучающие воины играли в «ложечки»! Выслать мне переводчиков никто не догадался.

Генерал ага Раголини прочувствовал весь юмор ситуации в полной мере:

— Судя по тому, что я вижу, молодой ага Долиган привёл мне целое племя союзников? А где же граф и его переводчики?

— Видимо, допрашивает какого-нибудь пленного, — соврал я.

Это была полная чушь, никаких пленных тут не было и найти было невозможно.

— Ладно, переводи ты.

Пришлось переводить. На моё счастье, начальники использовали простые слова, и я смог перевести почти всё, а что не смог, то додумал. Судя по тому, что Артаксал кивал головой, я не сильно соврал.

После первых приветствий генерал ага Раголини дал поговорить вождям кочевников. Те перемолвились парой фраз и договорились встретиться попозже. Кажется, они были рады друг другу.

Кочевников разместили вне ограды общего лагеря, чему они были только рады. Им привезли подводы с едой и зерном для лошадей, чему они были рады ещё больше.

Генерал отпустил отряд графа, и все наши ускакали домой. А я остался один, чтобы переводить все вопросы кочевников к нашим возницам и распорядителям! Немного помог только жрец Радо. К счастью, вождь Артаксал сообразил прислать своих воинов, которые немного знали наш язык. Через два часа я наконец-то смог освободиться и добраться до дома и до обеда.

Отец спросил, какого нечистого я вылез вперёд всех и делал вид, будто это я привёл новое племя. Сказал, что граф ага Аркнейн изволил гневаться на меня за это.

Я взбесился:

— А почему граф сам не подъехал и переводчиков с собой не привёз? Все кочевники — переводчики, которых нам Артаксал утром прислал, у него остались. Я там чуть не помер переводить начальству то, что не знал да забыл!

— А чего ты так злишься? Мог бы попросить вождя Артаксала помочь, — тоном «сам дурак» заявил отец.

— Так и сделал. Только наш командующий верить только мне будет.

— Логично. Ладно, иди обедай, мы тебе оставили, — признал отец.

Не успел я проглотить обед, как явился посыльный от командующего с известием, что если я вместе с жрицей отправлюсь в самоволку за ограду лагеря на пир по случаю знакомства двух вождей кочевников, например, для того, чтобы поработать переводчиками для новых друзей, то я не буду сильно наказан, и даже наоборот.

Ну, вот, в лазутчики попал. Пришлось поднимать мослы и отправляться на охоту за жрицей. Ва нашлась на площадке, где они вскрывали очередного умершего от отравления кочевника. Я уже примерно представлял, как надо разговаривать с жрицей, и сказал, что есть возможность сходить в новое племя и посмотреть их больных вблизи. Ва тут же преисполнилось энтузиазма. Что удивительно, её гадюки тоже выразили желание пойти посмотреть. Похоже, азарт лекарей — это заразное. Скоро всем гадюкам придётся своего господина искать...

Некоторые из девушек сказали, что их без братьев за ограду не выпускают. Мы сходили за братьями и таким увеличенным составом отправились к кочевникам.

Вожди уже встретились и уселись в большом шатре для совместного пира. Ва заглянула в шатёр, чтобы спросить, где устроили холерных, и попала в самую гущу заваривающегося супа из интриг. Мартаксал самолично вышел из шатра, чтобы приветствовать жрицу Васты, а также её учениц. Следом за ним вышел и Артаксал, чтобы отозваться о Ва в самых превосходных выражениях. Вождь Мартаксал взял жрицу за обе руки, ласково снял с неё красную повязку со змеями и повёл на почётное место, угощать из своих рук. Остальных гадюк тоже усадили на почётные места. Меня с братьями гадюк очень вежливо и с улыбками задвинули куда подальше.

Гадюки с братьями с удовольствием накинулись на мясное угощение, которого здесь было много. Обычно нас мясом не очень-то балуют.

Ва изрядно удивила всех присутствующих, когда рассказала о причине подробного осмотра при встрече в степи, о том, что армию противника терзает болезнь типа чумы. Народ принялся удивляться и ужасаться. Похоже, эти люди знали, насколько опасна эта зараза.

Я не стал терять времени, нашёл жреца Радо и наконец-то узнал его имя. Его звали Ирма. Ирма Радораб, без всяких номеров. Как это ни удивительно, он обрадовался мне. Я с ходу взял быка за рога:

— Ирма, а ты будешь подговаривать кочевников на бунт против нас, пока мы союзники?

Ирма искренне удивился:

— Зачем? У нас общий враг.

Я перешёл ко второму вопросу:

— Слушай, а насколько крепко ты связан с этим племенем?

— Нисколько. Но я им признателен за то, что они меня слушать, в то время как остальные струсить. Я любить этих людей.

— А как тебе идея, если мы тебя назначим управляющим по делам кочевых племён? Я ещё не говорил с отцом, но необходимость в этом есть. Сейчас городком кочевников от нас формально управляет дядька Иркинор, но он не знает языка и не контактирует с людьми. Они в итоге напрямую к моим братьям обращались, а это не очень хорошо. А давай тебя предложим? Ты читать и считать умеешь?

— Мы как раз только и сохраняем эти знания и учим всех людей Поля. Но ты правда

готов так рисковать, назначать бывшего врага на такое важное место? — жрец задал этот вопрос на языке кочевников. Я просто почувствовал, как сидевшие вокруг кочевники обоих племён развернули своё внимание на нас. Дальше беседа шла на языке кочевников:

— Так ты больше вроде не враг.

— Не враг, — кивнул Ирма.

— Знаешь, у нас говорят, что самое постоянное — это временное.

— У нас тоже так говорят.

— Если эта война затянется и все пришедшие к нам племена не смогут уйти в поле...

Это место станет очень населённым городом. Кочевникам придётся жить городской жизнью, заниматься обработкой полей. Многие из них не готовы к такой жизни.

— Совсем не готовы, — подтвердил жрец.

— В этом случае наличие собственного начальства и возможность жить по своим законам, с привычной религией может сильно уменьшить количество ненужных столкновений.

Жрец задумался:

— Ты хочешь сказать, что ваше руководство может пойти на создание союзного царства кочевников у себя под боком?

— Это лучше, чем получить кучу проблем с непослушными рабами.

— А в дальнем времени этот опыт может позволить распространить власть государства по этому образцу на значительную часть Большого Поля? — улыбнулся Ирма.

— Уважаемый жрец смотрит в будущее глубже меня, — я уже научился льстить в духе кочевников.

Жрец довольно откинулся. Несколько минут он слушал разглагольствования Вастарабы о том, как обеспечить выживание кочевников в условиях перехода с мясной пищи на преимущественно зерновую. Не он один, двести пятую внимательно слушали все присутствующие. Оказалось, что кочевникам, привыкшим питаться мясом, будет очень трудно переходить на наши каши, ожидалась большая сложность.

Потом Ирма наклонился ко мне:

— Если я сейчас расскажу вождям об этом как об идее, они тебя с рук закормят. Они о таком и помечтать не могли. Но я думаю, что лучше это обсудить сначала с вашим начальством.

Я кивнул и огляделся. Все окружающие кочевники сидели с деланно равнодушным видом. Я не я буду, если все они после пира не рванут наперегонки к начальству докладывать о подслушанном.

— Наше начальство, скорее всего, согласится. У нас уже есть такой опыт государственного строительства. Мы же не зря называемся империей, а не царством. У нас на северных границах одно время были большие проблемы с набегами морских племён. А сейчас они осели по берегам, платят дань Государю и живут по своим обычаям. Так что нам это не впервой. А можно узнать побольше о вашем учении?

— Если у тебя намечается договор и ты хочешь, чтобы партнёр обязательно его выполнил, позови жреца Радо для освящения соглашения, и никто не осмелится нарушить такой договор. Если во время суда у судьи возникают сомнения в том, кто из спорящих прав, он может позвать жреца Радо. Жрец Радо раскалит камни или железо и даст подержать их спорящим. А затем по размеру и форме ожога скажет, кто из них больше соврал. Жрецы много чего ещё могут. Что тебе интересно? — жрец Радо смотрел на меня и улыбался.

Издевается, гад. Пришлось поулыбаться в ответ:

— Ага, очень смешно. А как насчёт правды и справедливости? Или ваш бог только для договоров?

— Если тебе по сути интересно, тогда придется говорить дольше. Сказанное зависит от того, кто спрашивает. Поэтому я сначала спрошу. Ты зачем живёшь?

— Чтобы служить своим людям организатором и защитой. Чтобы простые люди были изобильны и счастливы, и чтобы всем вокруг становилось лучше. Так учат жить в церквях нашего Бога-из-Огня.

— Всех учат. Но не все принимают решение жить именно так. Большинство ваших благородных живёт ради славы самого сильного или ради жадности.

Я подумал и вынужден был признать:

— Да, не все живут, как учат. Но я так живу.

— А если ты ввяжешься в бой за правду и справедливость, а силы врага окажутся больше и тебя убьют?

— Значит, на то воля Божья. Благородные должны гибнуть за правду... И даже за мелкие конфликты между селянами, сражаясь с хозяином чужих селян, которые обидели твоих людей.

Жрец засмеялся моему ответу, как редкой шутке. И чего он такой насмешливый?

— Тогда слушай, молодой человек. Радо родился в пещере, но он быстрее, чем ветер. После рождения он принес быка в жертву Создателю Вселенной и с тех пор его путь — правда, справедливость и совершенство. Что-нибудь понял?

— Всё понял. Детские загадки. Лежит в пещере, летит как мысль — это ум. Принести быка в жертву Создателю — значит отказаться от служения животным желаниям ради того, чтобы быть разумным существом. В учебниках по письму таких загадок полно...

— Многие взрослые этого не понимают. Ладно, поехали дальше. Как думаешь, что значит: «Мягкое и гибкое жизненные твёрдого и жёсткого»?

— Таких загадок у нас не было. Но я думаю, что это значит, что всё время давить силой на окружающих нет смысла и что иногда лучше поддаться и просить, а не приказывать.

— А что значит: «Мир стоит на трёх опорах: любви, разуме и воле»?

Тут я задумался надолго. Потом сдался:

— Не знаю. Единственное, что я могу из этого понять — это что люди могут жить только до тех пор, пока у них есть любовь друг к другу, они не отказываются от разума и благодаря этому имеют волю делать то, что считают благотворным, умным и правильным.

— Это совершенно правильный ответ, но с некоторыми дополнениями. Воля и разум не приходят сразу. Сначала человек живёт только страхами и чувством стаи своего племени. Потом, если он откажется от страхов и решит жить только любовью, ему придется пережить очень тяжёлые времена. Кажется, что все окружающие тебя возненавидят за то, что ты теперь не такой, как они. Как правило, это только кажется, но некоторых действительно изгоняют из племени. Потом, когда проходит некоторое время, люди убеждаются, что жить любовью и отказом от мести, от ожесточения намного полезнее для всех, чем когда ты живёшь по правилам вечно обиженного задиры. Так появляется разум. Люди начинают действовать не потому, что им захотелось что-то сделать, а обдумывают последствия, чтобы всё было ради любви и созидания. А когда с опытом приходит понимание того, что так жить намного лучше для всех, и что до этого ты был просто перепуганным животным, появляется и правильная цель в жизни, и сила действовать,

появляется воля. Вот такое положение дел. Отдай страх — получи свободу и радость.

— Красиво! — признал я.

Это было действительно красиво. Жрец говорил тихо и радостно. Его слова так отличались от громких и угрожающих проповедей нашего святого отца!

— К сожалению, очень немногие соглашаются видеть эту красоту. Большинство предпочитает жить страхами да старыми чувствами. В былые времена к нам приходило намного больше людей, чем сейчас. Я не знаю, почему так происходит. Не может быть, чтобы люди перестали стремиться к счастью и правильности. Наверное, мы что-то не то говорим. Возможно, прав этот ваш Бог-из-Огня и людей надо просто запугивать, порабощая их фантазию страхом посмертных мучений, как принято в вашей религии.

Я предпочёл не отвечать на этот наезд, и жрец продолжил:

— Вот так мы и жили столетиями. Рассказывали людям, что надо жить не для своей гордости, а ради служения людям. Что не надо дожимать всех домашних и подчинённых до полного разрушения их воли, до полного подчинения, иначе можно просто сломать и получить ровно обратный результат. Говорили, что путь к счастью, силе и воле лежит только через любовь и разум. Говорили, что себя нужно тренировать. Не позволять своему телу управлять разумом через разные хотения. Наоборот, разум должен управлять телом, как упрямым животным. Не ломать, не приказывать, а уговаривать и постепенно завоёвывать доверие и послушание. Для этого у нас были специальные упражнения — заставить себя не пить на жаре определённое время, заставить себя поголодать несколько дней. Одно из главных упражнений было в споре заставить себя не выдвигать очередных возражений, а попытаться победить через поражение, вместо очередного возражения спросить: «И какой вывод следует из ваших слов?», или сказать: «Простите пожалуйста» даже тогда, когда чувствуешь себя правым.

— У нас святые отцы тоже учат так отвечать. Просить прощения, даже когда не виноват.

— Просто потому, что это правильно. Любые оправдания воспринимаются как встречное нападение, поэтому лучше просто извиняться. С возрастом это становится очевидно всем людям с хорошей чувствительностью.

— И что, люди вас слушали?

— Некоторые не слушали, смеялись. Некоторые не слушали, но потом исполняли то, что мы говорили, и домашним так же говорили себя вести. Некоторые становились жрецами Радо. У нас, чтобы стать жрецом Радо, не нужно получать специальное обучение или жить без семьи. Если признанный мастер — жрец Радо видит, что у человека появилось нужное понимание, что он по сути впитал то, чему учил Радо, то он может назначить такого человека жрецом. При этом человек мог оставаться воином, главой семьи, генералом или проституткой.

— Что, и проститутки были жрецами Радо?

— Очень редко. И они, как правило, сразу переставали быть проститутками. Находили себе более доходные работы.

— А были на просторах Поля племени или государства, в которых учение Радо было главным?

— Были. Неплохо существовали, но недолго. Как правило, они быстро превращались в обычные хищные государства. А потом... Большие пространства, большие скорости передвижения. Чаще всего они гибли из-за наплыва очередного переселяющегося народа.

Давай-ка лучше проверим, как ты понял. Если один мальчик из числа кочевников бьёт другого ради того, чтобы отобрать дорогую для того игрушку, что бы ты сказал им от имени Радо?

— Что наличие игрушки даёт радости намного меньше, чем дружба с другими людьми, и что Радо не любит грабителей.

— А если один мальчик бьёт другого ради того, чтобы позабавиться его страданиями?

— Что жить ради самовозвышения и унижения других — верный путь к большим страданиям и неуспеху в жизни, и что лучше жить любовью и служением людям, как это делал Радо... Или наш Бог-из-Огня.

— А что бы ты сказал, если в некотором государстве правитель назначил множество чиновников, чтобы каждое неправильное поведение граждан было наказано, а у кого за год некоторое количества нарушений, тех казнят?

— Что твердое и жёсткое трескается быстрее мягкого и гибкого, и что принуждать к добру силой невозможно. Будет только хуже, люди всегда найдут, как обмануть. А что, есть такие глупые государства и такие глупые люди, которые этого не понимают?

Жрец смеялся долго, потом сказал:

— Да каждое первое государство так и пытается жить. Ты мне скажи, тебе приходилось кого-нибудь защищать?

— Много раз. От волков и от волколюдей два села защищали. Во втором селе мужики должны были село патрулировать, а мы только помогать, а они как волков увидели, так сразу и разбежались. Пришлось нам втроём, трое детей, стаю волков разгонять. А они потом так умильно объясняли: «Они же могли нас укусить, а вас не могли, вы в доспехах».

Жрец сделал удивлённые глаза, потом опять спросил:

— А управлять кем-нибудь приходилось?

— Вот вторым селом мы с братом и правили. Это было целое баронство. Правда, недолго. Граф баронство другим отдал. Зато мы пока правили, придумали, как селян от голодной смерти спасти, как зерно для сева купить.

Жрец задал ещё несколько «детских» вопросов. Кажется, ему понравилось, как я отвечал.

— Праведный правитель и защитник, задающий вопросы про пути мудрости. Знаешь, малыш, а я должен подарить тебе знак Радо, — задумчиво произнёс жрец.

Я был многословен и остроумен в ответе:

— Чего?

Жрец достал из внутреннего кармана такой же значок, который был приколот у него на левой стороне куртки. Человек, взлетающий вверх из расколотого камня. Или раскалывающий собой камень. Красивый значок, тонкая резная работа по дереву. Мне он сразу понравился, поэтому я был очень рад, получив такой же.

Я приколот значок себе на курточку.

— А что он значит?

— Он значит, что ты задаёшь про Радо правильные вопросы.

Вся беседа велась на языке кочевников. То ли жрец говорил медленнее и более простыми словами, то ли я лучше изучил язык, но я понял почти всё из его речей. Минус был в том, что кочевники, сидевшие вокруг, тоже понимали каждое слово. А может быть, и не минус.

Пока мы душевно общались с жрецом, вожди решили закончить праздник. Я встал,

чтобы вытащить двести пятую из лап начальства. Сидевшие за нами кочевники только сейчас увидел значок «человека из камня» на моей курточке. Какие же круглые у них были глаза! Интересно, чему они так удивились?

Я прошел к вождям и положил руку на плечо двести пятой, которую всё никак не отпускали вожди разными комплиментами. Похоже, это был для них способ найти что-то общее друг с другом. И тут они оба замолчали, уставившись на мой значок.

Ва обернулась и дёрнулась, будто увидела змею.

— Полисаний, скажи мне, душа моя, где ты взял этот значок? — спросил вождь Артаксал.

— Жрец Радо дал, сказал, за то, что я задаю правильные вопросы.

— У вас был жрец Радо? — спросил Артаксал Мартаксала.

— Приблудился по дороге, — отвёл глаза вождь второго племени.

— А как имперцы, когда узнают? Не начнут резать направо и налево?

— Имперцы планируют назначить Ирму Радораба на место управляющего Иркинора. Будет имперским офицером по связям со всеми племенами Большого Поля, — выдал я свои последние идеи за общее решение.

Вожди бешено заспорили о чём-то, я не понял ни слова. Ва собрала своих девушек и их братьев, и мы всё-таки дошли до карантина холерных и малярийных больных. Ва убедилась, что для них выкопаны и засыпаны известью туалеты, строго наказала страже кормить холерных больных только кашами, без всякого мяса и масла, после чего сочла свою миссию выполненной.

Стоило ей развернуться на обратную дорогу, тут же спросила:

— Ты знаешь смысл значка, который дал тебе жрец?

— Нет. Он сказал, что это за правильные вопросы.

— Это символ жреца Радо, причём второй ступени. Такого, который может быть временным правителем, если вождь племени или правитель области погиб.

— Похоже, жрец пошутил.

— Они такими значками на разбрасываются. Дают только тем, с кем долго говорили и убедились в его преданности заповедям Радо. Кстати, ты знал, что Васта и Радо не ладят? И их жрецы и жрицы на земле тоже, как правило, в некотором противостоянии?

— Нет, конечно. Недавно я вообще таких имён не знал. А с чего это им не ладить?

— Жрицы Васты исцеляют и лечат исходя из безусловной любви к людям. А жрецы Радо — жестокие люди, они некоторых запрещают исцелять, а некоторых, про которых решают, что они являются опасностью для людей, и вовсе требуют убивать.

— Звучит логично.

— В их списке опасных явлений ваша религия Бога-из-Огня и все имперские офицеры. Ваши благородные их вообще в плен не брали.

— Теперь они будут союзниками. Причём лучшими союзниками.

— С чего это ты взял?

— Поговорил.

Я проводил Ва до нашего дома и отправился к главнокомандующему, докладывать о встрече вождей.

Оказалось, что генерал оставил относительно меня некоторые распоряжения, так что меня проводили к нему сразу, как я представился охране. Меня проводили на личную территорию генерала, туда, где был его «дом».

Генерал принимал ванну. Большая железная лохань стояла на подставке из грубо сложенных камней. Под ней горел огонь, который тщательно поддерживали слуги. Это выглядело очень смешно, как будто слуги решили сварить генерала.

— Проходи, мальш, проходи. Не завидуй моей ванной, когда будешь старым и займешь тысячу болячек, тоже не сможешь обходиться без тёплых ванн. Это твоя жрица присоветовала, кстати, — весело загудел генерал, завидев меня.

Я отсалютовал и кратко доложил результаты пира: вожди подружились, горят желанием вместе с нами сокрушить злого лидера кочевников. Дружно облизывали мою Вастарабу, через неё и подружились.

— А после победы? — кратко спросил генерал.

— Напрямую не обсуждалось. Но я нашёл среди кочевников человека, который умеет читать и писать и имеет понятие об управляющей деятельности. Поговорил с ним о предположительной возможности сделать из него имперского офицера по взаимодействию со всеми союзными кочевыми племенами, а все племена понемногу осадить в этом районе и сделать из них автономию — государственный протекторат по типу северного народа. Разрешить на территории протектора их религии при условии знания нашей. Он заинтересовался, сказал, что о таком они даже и не мечтали.

— И где этот человек, это изобилие достоинств?

— Я его не взял с собой, подумал, что вы можете нас не принять по причине позднего времени.

— Надо было взять. Такие вопросы надо обсуждать по горячему. Было что-то ещё?

— Да. Кочевники будут вас умолять не останавливаться на разгроме приближающейся армии, а идти глубоко в земли Дикого Поля до полного уничтожения власти злодея.

— Хи! Мечтатели! Нам бы с этой справиться! Ещё?

— Я поболтал со жрецом Радо о философии, а он взял и дал мне вот этот значок. Я не знал, что он значит, но жрица говорит, что это отличительный знак жреца Радо не последнего уровня. Они вроде бы как в большом авторитете у кочевников. Мне его носить?

— Носи. Насчёт автономии — протектората завтра бери своего грамотея и пойдём к Государю.

Пришлось тащиться обратно к кочевникам, искать жреца и предупреждать о том, что завтра у него есть дела.

Даже после этого длинный день не закончился. Ва решила выдоить своих учениц и тщательно собрала их яд, сколько они смогли наплевать. Когда я пришёл, она увлечённо смешивала яды от разных девушек и подписывала горшочки с разными смесями. Сказала, что малыми дозами смесей яда, наверное, можно лечить холеру и боли в спине. Я удивился, на что двести пятая заявила мне, что всё есть яд и всё есть лекарство, зависит только от дозы и концентрации. Оказывается, если выпить девять литров воды, то отравишься насмерть. Вот чего не ожидал.

* * *

Отец спросил, как прошёл день.

— Хочу предложить сделать жреца Радо офицером по связям с народами Дикого Поля.

— После того, как твоя жрица заявила, что будет лечить холеру ядом гадюк, я думал,

что уже ничему не удивлюсь. Но ты удивил. Раньше было положено их резать без расспросов.

— Раньше они думали, что наша вера — принуждение к добру страхом посмертного наказания.

— А что, это не так? — искренне удивился отец.

— В детстве ты говорил мне, что Господь — это путь для тех, кто ищет правды и созидания.

— Ну, так тоже можно сказать.

— Это вообще-то разные религии с разным смыслом. Я жрецу объяснил, что мы видим в нашей религии, он тоже удивился, сказал, что раньше про такое понимание не слышал. И такой подход ему нравится.

— В этих религиях мозг сломать можно. Пусть святые отцы разбираются. Моё дело — мечом махать. Хотя как по моему, так одно другого не исключает.

— Пап, а проводишь меня завтра на прием к Государю? А то я жутко боюсь туда идти.

Ночью Ва уснула, уткнувшись мне в щеку носиком и плотно сжав любимую игрушку. Я погладил и потискал её грудь, она даже не подумала проснуться. Умоталась. Умильная она всё-таки.

Утро началось с того, что Ва громко извинилась за то, что слишком крепко держала любимую игрушку и не давала мне поворочаться. Братья чуть не повесились от зависти. Пустячок, а приятно.

День продлился отчаянными поисками Ирмы. Его не могли найти ни у кочевников, ни в нашем лагере. Потом его всё-таки нашли под пологом какого-то шатра, который ранее не додумались поднять. Жрец просто спал.

Приёма у Государя пришлось ждать долго. Поскольку ждали мы вместе с главнокомандующим, было не обидно. Я так ожидания вообще не заметил, так как пришлось работать переводчиком между генералом и Ирмой. При этом штатный переводчик генерала из числа офицеров разведки стоял рядом и постоянно делал мне замечания за неправильный перевод. Спрашивается, зачем было меня заставлять переводить? Офицеры разведки всю жизнь по несколько языков изучают. Так нет же, работай, получай пинки, если ты молодой.

Когда нас наконец позвали к Государю, я вздохнул с облегчением.

Государь принялся задавать Ирме разные несвязанные вопросы. Ирма удивлялся, но старался отвечать честно. Похоже, он не знал о способности Государя, а я стоял рядом и наслаждался зрелищем того, как Государь проверял будущего важного человека на реакции по всем возможным направлениям.

Выслушав представление генерала, Государь повелел: отдельной области кочевников быть. С земель моего отца им предлагалось уйти, чтобы основать город и жилую зону чуть дальше в Поле, на небольшой реке. Естественно, после победы. А пока они считались союзными племенами, а Ирма был назначен ответственным лицом по связям со всеми кочевниками и народами Дикого Поля. Государь потребовал его принести клятву верности, но не полную, как нас, а упрощённую. Как по мне, так слишком упрощённую.

Ирма поклялся. Из шатра Государя он вышел государственным чиновником с очень неплохим жалованием. Теперь он должен будет носить над головой специальный полукруг с надписью его должности, а ещё его должны будут сопровождать двое наших солдат — охранников. Ещё Государь повелел поставить ему большой шатёр за границей лагеря имперских войск, в котором Ирма должен был принимать кочевников и решать все вопросы.

Нас с отцом тоже наградили. Отца наградили больше, дали денег. Мне выдали грамоту с благодарностью за услуги, оказанные короне.

Я бы предпочёл деньги, но деньги дали только отцу.

Ирма был в шоке. Он не ожидал, что на него свалится столько дел и ответственности. Первым делом, что он у меня спросил по выходу из шатра, это как бы ему улучшить знания нашего языка. Даже когда вожди обоих племен, каким-то чудом узнавшие о происходящем и пригласившие сами себя в ставку, кинулись его поздравлять, он не сразу понял, что происходит, и продолжил говорить со мной. Потом, конечно, спохватился. Мужик заметно «плыл».

Папа сказал, что зря я не радуюсь грамоте, что для молодых людей такая похвала может стоить намного дороже всяких денег.

Прискакала Ва, позвала меня проверять два пришедших из набегов отряда. Пришлось срочно сниматься с места.

На карантинной площадке уже распоряжались ученицы двести пятой, бинтовали раненых. Раненых было много, оба отряда провели ряд тяжёлых боёв. Им тоже удалось вырезать несколько продовольственных караванов и взять большую добычу, но кочевники спохватились и стали высылать большие отряды кавалерии на перехват. Больных чумой не было, трое были больны дизентерией, что можно было считать обычным делом.

Ва выпросила предназначенных для казни пленных кочевников, охрану для них и отвела пленных к холерным больным. Там она специально заразила их холерой. Сказала, что будет пробовать на них лекарства из яда девушек. Да, лечить людей она любит, но жалости у неё, похоже, как у змеи.

В ответ на моё удивление Ва отмахнулась:

— Их всё равно бы казнили, а так они умрут с благословением Богини.

После обеда пришлось перевозить шатёр Ва на лечебную площадку, к остальным лекарям. Ва сразу смертельно поцапалась с главным врачом. Строго говоря, он начал первым, принялся кричать, что не потерпит в своей лечебнице необразованных дикарок. Ва заявила, что с таким дураком, как он, вообще должен разговаривать палач, так как он в долгое время травил руководство армии и государства разными очень ядовитыми, но совершенно бесполезными веществами типа мышьяка и ртути. Одна из гадюк ехидно спросила, знает ли господин главный врач, что у него рак лёгкого и жить ему осталось пару лет.

На этой точке сюжета врач стал хватать ртом воздух от ненависти, а смеющиеся гадюки проехали дальше и начали ставить свои шатры (главнокомандующий выделил им дополнительно несколько шатров для лечения раненых, коих ожидалось очень много).

В этих шатрах Ва принялась учить нас основам полевой хирургии на материале прибывших утром раненых. Остальные работники лечебниц оказались не такими заносчивыми, как главный врач, и прибежали смотреть, как лечат девушки, умеющие смотреть насквозь. Их присутствие оказалось очень полезным, они поделились запасами некоторых бальзамов и мазей. Да и как было не поделиться? Работали свои благородные девушки, лечили своих благородных сударей. Работающая благородная девушка вообще-то была редкостью и отдельным зрелищем для нашего мира. Обычные санитарки и лекари были из простых людей. Тем более им было забавно посмотреть, как Ва материт капризуль, а благородные пищат и хнычут, но работают по локоть в крови.

Сошлись очень быстро, врачи договорились с девушками, что грязную работу они

оставят санитарками, а сами будут работать на диагностировании. Обе стороны были счастливы. Ва рычала и говорила, что сначала они сами должны научиться всё делать руками, а то так и останутся недоумками. Врачи и гадюки улыбались до ушей и строили Ва весёлые глазки. Меня от грязной работы никто освобождать не собирался.

В обед я смог ненадолго слинять к Ирме. Тот метался по своему трёхкомнатному шатру и пытался создать какую-то структуру из невесть откуда взявшихся помощников и распорядителей, среди которых я заметил несколько самых бестолковых и ленивых пропойц. Увидев меня, Ирма сразу поручил мне поставить стол и вести записи по учёту продовольствия, а ещё через пару минут — поставить стол и вести записи по учёту металлических руд и кузнечных изделий. Я поймал его за руку, заставил сесть и успокоиться. Сказал не торопиться, выгнать всех самозванных помощников, особенно известных мне пропойц, и назначать людей только по совету вождей племён.

— Вожди племён! — облегчённо воскликнул Ирма.

Не знаю, кем он и когда управлял, но тут дядька явно растерялся. Ничего, вожди — хитрющие бестии, они его наставят на пусть истинный.

Вечером мы показывали главнокомандующему катапульту и баллисту, стреляли камнями по реке. Генерал спросил у меня, сколько таких машин мы сможем сделать в ближайшее время. Я сказал, что занят в лечебнице и не могу ответить на этот вопрос, могу только консультировать кузнецов и рабочих, которые будут их делать. Генерал пошевелил своими длинными усами и сказал, что нам пригодились бы пара десятков катапульт.

Потянулись похожие дни. С утра до вечера нас тренировала двести пятая, заставляла учить устройство человека и разные болезни. Постоянно приходили отряды из набегов, их надо было проверять и лечить раненых. Каким-то чудом от кочевников смогло уйти ещё одно племя, их тоже пришлось проверять.

Ва выпросила себе ещё несколько приговоренных к смерти и принялась изучать действие ядов разных девушек — гадюк. Через несколько дней она обнаружила концентрацию, при которой люди не умирали от яда, а ещё через несколько дней с удивлением рассказала мне, что у разных девушек яд действует по-разному. У одних он парализует все нервы, сердце даже перестает биться, а у других он убивает все клетки. Мне пришлось сначала выяснить, что такое нервы. Ва объяснила — это такие нитки внутри тела, по которым идут все приказы от сознания к конечностям и все ощущения от органов.

Я предположил, что холеру стоит лечить теми ядами, которые отравливают всё и вся. Возможно, и холеру отравят, а нервов у неё всё равно нет. А вот теми, которые на нервы действуют, можно и спину от болей растирать.

Иногда удавалось вырваться, зайти к Ирме. Тот понемногу вошёл в роль, завёл строгого секретаря и штат министров. Ребята у него оказались толковые и действительно работали. Дел на них свалилось немало: и обеспечить снабжение существующих трёх племен, и разместить пять племен, которые перебежали ранее и теперь шли к нам с севера, и спроектировать город, который предстояло построить после победы. При этом начала сказываться политика, разные вожди хотели разного, и надо было учитывать их интересы.

Ирма со смехом рассказывал, как Артаксал и Мартаксал один раз полдня спорили, кто займет лучшее место в городе, и только через несколько часов выяснилось, что один считал наилучшим местом то, которое другой считал наихудшим.

Я для Ирмы был чем-то вроде товарища и отдушины. Мне он тоже был нужен как наставник. Из-за нового статуса жреца Радо я постоянно влипал в разные глупые ситуации.

Однажды я шёл по улочке нашего городка и увидел, как двое мальчишек из числа кочевников дерутся. Один из них, побольше и посильнее, с удовольствием избивал младшего, целя куда побольнее. Что характерно, оба они были старше меня, а старший ещё и крупнее.

Просто так пройти мимо я не мог и приказать перестать драться, как сын их господина, я тоже теперь не мог. Пришлось говорить, как положено жрецу Радо, то, что могли понять кочевники — что Радо не будет рад тому, кто намеренно приносит страдания другому человеку, чтобы поразвлечься его страданиями. Мальчишка покрупнее попытался меня послать. Я ему сказал, что так ему не стать достойным человеком и уважаемым членом племени, причём я специально позабочусь, чтобы именно так оно и произошло. Тогда задира сказал, что терять ему нечего и в таком случае он поколотит и меня. Я уже стал думать, что ему говорить после того, как я его вырублю, но тут на горизонте нарисовался его отец, скрутил паршивца и принялся слёзно умолять меня простить негодяя за нападение на сына их господина. Обещал устроить ему небо в овчинку. Я поклонился пожилому человеку и уверил его, что я всё забыл, но ушёл с ощущением неудовлетворённости. Мне казалось, что надо было действовать как-то иначе и говорить что-то другое.

В другой раз меня позвали освятить договор. Я выслушал условия и понял, что один из кочевников пытается надуть другого, пользуясь тем, что тот не умеет вычислять дроби. Я даже не мог объяснить потерпевшему, в чём его обманули, объяснил на пальцах с большой потерей времени.

Второй мужик обиделся и сказал, что меня звали подтвердить договор, а не изменять его. Ва, которая присутствовала при сценке, посмеялась и сказала, что в таком случае не стоило звать жреца Радо, так как у них повышенная правдивость и они такое не пропускают. Кочевник разорался и пригрозил мне мезтью. Я тоже не знал, что ему ответить.

В третий раз одна девушка из кочевников заявила, что у жрецов Радо обычно несколько жён, что они стараются вырастить побольше религиозных людей в своей семье, поэтому я должен взять её в жены, так как она именно такая девушка, любящая Радо, и будет мне хорошей женой.

Со всеми этими вопросами я приходил к Ирме, тот смеялся в голос, но давал неплохие советы.

В один из дней я заметил, что в лечебке Ва облизывает мужской орган одного из раненных. Вечером я перед ужином при всех спросил у неё, с чего это вдруг ей вздумалось целовать других людей в причинное место. Ва как само собой разумеющееся ответила, что у него мужской орган был повреждён, а она его исцелила. Надо же было проверить!

— Но почему именно ртом? Руками не могла? — возопил я.

— У него от рук не работал. Сильный шок у парня. А от поцелуев сработало! И не бойся, он не был ничем заражён, только чуть-чуть лёгких грибков на поверхности, они почти у всех есть, я ему орган мёдом помазала, так что ничем заразиться не могла!

— Избавь меня от таких подробностей! И запомни на будущее: никаких контактов с другими людьми! Можешь платную женщину позвать, их тут в лагере хоть отбавляй!

— Деспот! Не смей мною командовать!

Я взял плётку (обычную, без грузиков), выволок Ва на середину дворика и несколько раз прошёлся по попке.

— Деспот! Жестокий! — вопила Ва.

— Бьёт — значит, любит, — говорили бабоньки — кухарки, выползшие посмотреть на забаву.

— Бей бабу молотом, будет баба золотом, — сказал отец, глядя на веселье.

Одним словом, был ужасный, пошлый скандал в духе тех, которые все с удовольствием обсуждают один день и забывают на следующий.

В эту ночь Ва была очень нежной и ласковой, гладила и целовала меня с большим воодушевлением. А мне было очень, очень плохо. Моё тело привыкло к ней больше, чем я ожидал. Контакт Ва с чужим человеком напомнил мне, что она не моя женщина, что я для неё не более, чем дойная скотина и что я по-прежнему совершенно одинок в этом огромном безжалостном мире.

Так прошло восемь дней. Отряды возвращались из набегов все чаще, в них было все больше раненых. Чувствовалось, что противник приближается.

Ва зафиксировала первый случай излечения от холеры благодаря яду. Впрочем, могло быть и так, что парень был просто очень здоровый. А вот растирания из ядов другого типа действительно очень неплохо снимали боли в спине пожилым людям.

Я научился неплохо бинтовать и зашивать раны, начал немного держать скальпель.

Глава 9

Первый тур Асмирского балета

На девятый день нам объявили, что приближается главное сражение и что место для него выбрано. Всей армии было приказано сняться с места и совершить марш к месту битвы.

Мне пришлось ехать отдельно от родных, вместе с повозками лечебной команды.

Зато прямо перед боем командующий приказал, чтобы весь отряд Ва стоял за боевыми порядками на лошадях и оказывал первую помощь тем, кто выползет из боя.

Делать нечего, нацепили дурацкие белые наряды с треугольными шапочками и красными звёздами и встали за линией наших благородных рыцарей. За нами в гуляй-городах стояли только копейщики из числа обычных людей, которых вообще никто за войска не считал.

Главнокомандующий расположил войско большой выгнутой в сторону врага дугой, которая обоими флангами упиралась в повороты реки, непроходимой для конницы. Генерал специально довел до всех знание о том, что удрать не получится, можно только победить. Ударные отряды благородных покусали вражескую армию, из-за чего она вынуждена была слиться в одну колонну и придти именно сюда.

В остальном я замысла генерала не понимал. Я бы поставил копейщиков впереди, пусть кавалерия кочевников пообломает об них зубы, а потом уже можно и нашу кавалерию выпускать. Нет, наша кавалерия стояла впереди. Причём самые сильные бойцы в середине, а люди со слабыми способностями типа гадюк — на флангах. Тоже удивительно. Когда хотят устроить окружение, слабых ставят в центре.

Первые пару часов мы бездельничали. Кочевники накатывали на первые ряды, засыпали их стрелами. Бронированным рыцарям это было как дождь. Отец заставил Ва надеть простой доспех, который мог спасти её от случайной стрелы. И это оказалось очень полезным, некоторые стрелы долетали и до нас.

Мы перевязали несколько человек, кому не повезло получить стрелы в самые уязвимые места.

Потом кочевники выпустили тяжёлую кавалерию. Тяжёлая кавалерия ударилась о центр наших благородных и откатилась. Мы стояли сзади и скучали.

Где-то через час тяжёлая кавалерия кочевников собралась с духом, её усилили лёгкой, и вся эта масса рванула в атаку.

Раздался какой-то странный сигнал, и вся наша линия рыцарей сломалась посередине. Часть ушла налево, часть направо, как будто перед наступающими ворота открылись. А мы остались строго посередине, и вся кавалерия противника покатила на нас. Остальные девушки — лекари, стоявшие слева и справа, успели удрать вслед за рыцарями. Мы из-за неожиданности даже не успели начать решать, куда скакать, а уже оказались среди кочевников.

Было жутко и забавно смотреть, как конники кочевников направляли на нас свое оружие, их глаза зажигались злобным торжеством... А потом они вспоминали приказ и отворачивали в сторону. Так мимо нас промчалось несколько волн, одна за другой. Я понял, что рано или поздно один из кочевников не вспомнит приказ, и тронул коня.

— Ва, поехали в тыл кочевникам.

— Ты что, решил перейти на их сторону?

— Нет. Просто там сейчас безопаснее.

Мы проехали совсем немного мимо несущихся в атаку отрядов кочевников и поровнялись с линией таких же белых всадников с красными звёздами. Вражеские лекари. Они смотрели на битву и скучали так же, как и мы.

Я развернул коня. Теперь становился ясным замысел генерала. Разошедшиеся крылья центра образовали коридор, по которому масса кочевников могла скакать только вперёд, к стенам гуляй-городов, к нашим лучникам и копейщикам. Стены этого коридора упирались в копейщиков, а впереди прикрывались фланговыми отрядами. Я не я буду, если сейчас фланговые отряды не захлопнут окружение.

Вместо фланговых отрядов откуда-то из-под земли возникла целая армия тяжёлой кавалерии и помчалась к разрыву в строю, чтобы захлопнуть ловушку. Некоторые из кочевников заметили угрозу и поспешили обратно. Но большинство продолжали наступать вперёд, на гуляй-города с копейщиками и лучниками. Ох, что сейчас будет...

Но как главнокомандующий смог спрятать под землёй целую армию? И только тут я понял, что это не земля и не холмики. Это замаскированные гуляй-города с наклонными стенами, укрытые дёрном и травой, из-за чего они казались похожими на холмики.

Тем временем Ва быстро тарахтела о чём-то с лекарями кочевников. Через некоторое время она пришла к выводу и озвучила его мне на нашем языке:

— Халтурщики они. Собрали кого попало, коновалов и сельских повитух.

Кто-то из лекарей кочевников знал наш язык и перевёл слова двести пятой остальным. Белые фигуры заворчали с хорошо просматриваемым желанием покрошить нас на салат. В этот момент к нам подъехал всадник с почти отрубленной рукой, кочевник. Одна из лекарей кочевников начала его бинтовать. Ва подъехала поближе, чтобы проконтролировать, и обругала даму за неправильные действия, а затем отобрала дело и начала показывать, как надо. Передав вены, Ва отрубила руку внезапным взмахом невесть откуда взявшегося острого ножа. Воин даже не успел вскрикнуть.

Остальные лекари сгрудились посмотреть. В этот момент мимо нас пролетела целая толпа удирающих кочевников.

Я крикнул Ва, что самое время вернуться. Мы поскакали к нашим. Далеко уехать не получилось, к Ва направился один из воинов кочевников со сквозным ранением руки. Ва перевязала его тремя движениями, и мы пришпорили коней. Теперь мы неслись навстречу лавине наших рыцарей, а они неслись навстречу нам с желанием порубить всё, что встретят на пути. Я задумался о том, так ли у нас хорошо с дисциплиной, как в войске кочевников. Наверное, нет, наши боятся начальства намного меньше. Ох, порубят нас сейчас просто для проверки остроты оружия...

Но наши благородные решили, что если кто-то без оружия в руках сам скачет в наше расположение, то кто-нибудь его в тылу поймает, и не стали обращать на нас внимания. Так мы второй раз пересекли линию фронта и попали как раз к жесточайшей сече, в которой уничтожали окруженных кочевников.

Наши благородные в деле — страшное зрелище. От их ударов враги улетали за много шагов, или им просто отрывали головы в один удар. Некоторым достаточно было коснуться врага пальчиком, чтобы человек взорвался кровавым пузырем. Но большинство просто очень ловко и без промаха раз за разом били в самые уязвимые места и не промахивались.

Среди наших людей было много раненых. Они просто вываливались из битвы, а некоторых вывозили кони. Поскольку с этой стороны из лекарей оказались только мы с Ва,

работы оказалось выше крыши. Больше я битвы не видел. Только разорванная кожа, пробитые руки и ноги, стрелы в лёгких и проломы в черепахах.

Через некоторое время я каким-то непостижимым образом оказался в палатке лекарей, на улице уже была ночь. Возможно, это произошло потому, что палатку поставили надо мной, пока я работал, стоя на коленях. Я смог осознать этот факт только потому, что Сигурн вручил мне бадью с водой и заставил выпить. Я как раз закончил отпиливать руку одному дядьке, которому её почти отсекли боевым топором, и очень хотел пить.

Откуда-то издалека пришла мысль о том, что надо спросить:

— Как отец и все наши?

Вместо ответа Сигурн сказал, что меня зовёт жрица, и потащил к ней.

Ва выглядела хуже, чем я себя чувствовал.

— Мне нужна твоя мужская сила, — без долгих вступлений заявила Ва.

Я хотел возмутиться и сказать, что у меня сил дышать уже нет, не то что мужских сил, но перевёл взгляд на операционный стол и обнаружил там отца. Его левая нога была вспорота от паха до колена. Интересно, кто и чем смог пропороть такое количество стали?

Я открыл завязки юбки доспеха, и Ва принялась доить меня прямо посреди операционной, среди всего народа, суетящегося у других трёх столов. Я прильнул к Ва и заснул у неё на плече.

— Так, а ну не спать! — рявкнула жрица и начала меня нежно целовать. Это сработало. Насытившись мужской силой, Ва провела пальчиком по ране отца. Там, где она вела пальчиком, рана зарастала самым волшебным образом.

— Рану я исцелила, но образ раны остался в теле. Он будет зарастать неделю. За это время всё будет болеть так, будто порезанное. Никакой скачки, никаких физических усилий. Лежать и ждать, когда пройдёт, — заявила Ва моим братьям и переключилась на следующего раненого так, будто закончила ковать один меч и занялась другим.

Я немного вышел из шока и поболтал с братьями, спросил, где они были и как папочка ухитрился получить такую рану. Оказалось, они были в самом горячем месте, куда их намеренно поставили за мощные боевые способности.

Оказалось, что Сигура тоже сильно ранена, они с сестрой попытались воспользоваться своими способностями и обстреливать врага с высоты. Пять раз им это сошло с рук, а на шестой раз выяснилось, что кочевники очень хорошо стреляют и могут попасть в щели между доспехами и наручами даже у летящей фигуры. Сигура получила сразу три стрелы в левую руку, Самата отделалась пробитыми доспехами и слегка поцарапанной кожей. Лекари отрезали Сигуре руку.

Я нашёл сводную сестрёнку в одном из наших шатров. Она ещё была в сознании, но сильно пьяна. Её умышленно напоили вином, чтобы не было так больно.

Увидев меня, Сигура улыбнулась:

— Кажется, мои планы выйти замуж за мелкого вассала теперь не сбудутся. Буду паразитировать на вашем доме.

— Как знать. Может, и сбудутся. Я бы на тебе женился прямо сейчас, если бы не знал по предыдущей жизни, что мы с тобой можем быть только друзьями. Ты добрая и умная.

— Фу... Младший сын многодетного барона, без способности, не пойду-у, — протянула Сигура, пародируя наших гадюк.

— Если смеёшься, значит, жить будешь. Я буду к тебе заходить, приносить что повкуснее.

— Заходи, младший братец.

Стоило мне выйти из шатра для оперированных, как мне тут же замахали санитарки из моего шатра. Опять работа...

К середине ночи я уже хотел рухнуть, но тут кочевники предприняли новое наступление. Ещё ранним вечером они обстреляли наши ряды и попытались выманить наши войска на преследование. Когда это не удалось, они сменили тактику. Они дождались ночи и ползли целых две версты, чтобы внезапно кинуться на спящие войска.

Наш генерал ожидал чего-то подобного и выслал лазутчиков. Наше охранение с умилением пронаблюдало, как кочевники ползут по полю боя, а перед самым нападением тихо подняло отдохавшие войска. Атака кочевников пришлась на полностью готовые и ждавшие их в полном молчании войска в гуляй-городах, а когда они побежали, их тут же атаковали железные ряды конных рыцарей.

Кочевники понесли огромные потери, но и у нас было несколько раненых. Пришлось работать до рассвета.

Пока мы завтракали, тяжёлая кавалерия строилась для преследования. Мы слышали, как войскам объявляли приказ — враг организованно отходит, надо его догнать и превратить организованный отход в неорганизованный, а затем и в тотальное истребление.

Я упал с намерением проспать часов двадцать, или пока не начнут поступать раненые из числа преследующих.

Вместо этого меня через два часа подняли и пригласили на суд чести. Гонца сопровождало двое бойцов из числа окружения графа ага Аркнейна. Нашего графа. Так что это приглашение было принудительным. Пришлось соскребать себя с лежбища и тащиться в шатёр графа.

Двести пятая уже была там, спала сидя на небольшой скамеечке. Все рыцари в шатре — пожилые дядьки, главы домов — были перевязаны, как и сам граф. Так вот почему они не участвуют в преследовании, время поговорить появилось.

Я представился по всей форме. Ва проснулась, но со скамеечки не встала.

Обвинение выдвигал барон ага Лессинал. Насколько я знал, у отца были с ним какие-то большие трения во время войны с волколюдьми. Что-то про стадо скота.

Барон заявил, что существует много свидетельств, что мы на поле боя перешли к противнику и помогали вражеским воинам.

— Как вы объясните ваше поведение, молодой ага Долиган? — меланхолично протянул граф.

Я начал объяснять:

— Мы стояли посередине строя, готовились оказывать медицинскую помощь, неожиданно для нас строй разошёлся, и мы оказались посреди кочевников.

— Это неправда. Накануне всем боевым подразделениям довели приказ о том, что может быть применён такой маневр по условному сигналу, — перебил меня граф.

— Я был в лекарских палатках, учился оказывать помощь. Нам такие сведения не доводили. Когда мы оказались посреди кочевников, решили ехать вперёд, иначе нас просто затоптали бы в схватке. Выехали в тыл кочевников, увидели лекарей кочевников. Жрица решили проверить их квалификацию. Проверили, оказалось, что вражеские лекари почти ничего не умеют и не могут. Они на нас за такие слова обиделись и хотели убить, но тут приехал один кочевник и под угрозой применения оружия потребовал его подлечить. Вастараба двести пятая отрезала ему руку. Потом мы вынуждены были перевязать ещё

одного кочевника, тоже под угрозой оружия. Когда началась наша ответная атака, мы уехали оказывать помощь тем, кто был ранен при окружении противника.

— А кто знает, лекарям сигнал о ловушке сообщали или нет? — спросил граф.

Никто из почтенных мужей не знал.

— Жрица Васты двести пятая, почему ты оказывала помощь противнику? — обратился граф к Ва.

— Потому, что это соответствует соглашению, заключённому между нашим главнокомандующим и командующим армией кочевников. Лекарю должны оказывать помощь раненым воинам противника, если рядом нет своих воинов и это не в ущерб своим. Моего согласия не спрашивали. Я должна это делать. Что касается лекарей кочевников, то их надо вытащить сюда на обучение. Они понятия не имеют, как бороться с инфекционными болезнями. Сейчас эта горе — армия заразит всех наших людей холерой, красной чумой, волчанкой и зайчанкой. Потеряем половину армии или больше.

— Я про такую болезнь, как зайчанка, даже не слышал, — удивился граф.

— Это когда у вас сначала все зубы расшатываются и выпадают, потом вся слизистая в горле исчезает, а потом сквозные дырки в носоглотке появляются. Заразная болезнь. Очень.

— Мы будем учить кочевников за свои деньги? — выкрикнул барон ага Лессинал.

— Если это спасет наши задницы, то стоит.

Удивлённые главы семейств замолчали.

Граф захихикал:

— Если каждые наши двое детей будут лишать одного воина противника руки, то я не против такой арифметики.

В этот момент появился офицер от главнокомандующего. Насколько я понимаю, офицер разведки. Один из тех, перед кем несмотря на отсутствие богатства и громкого титула все стелются, как трава перед ветром. Внутренняя разведка. Пожилой дядька слегка забегался:

— Фух, еле вас нашёл. Господин генерал просит передать благодарность всем лекарям первой линии, благодаря которым вчера было спасено много жизней и конечностей. Особо приказано отметить молодого ага Долигана и жрицу Васты, которые в одиночестве оказывали помощь на внешнем кольце окружения. Генерал также просит жрицу избегать таких ситуаций, при которых её могли бы захватить в плен кочевники. Она является очень ценным специалистом. А что это у вас какая-то напряжённость чувствуется?

Граф развеселился совсем:

— Мы планируем, как будем обмывать успехи молодого ага Долигана. Сначала благодарность от Государя, теперь официальная благодарность от командующего.

— Ага. Сильно только не напивайтесь. Генерал лелеет мечту добить отступающего противника по частям, а кочевники огрызаются крупными отрядами, нападающими из засад. Несколько наших отрядов уже пострадали. Так что даже раненых могут поднять в седло. А вам, молодые люди, лучше пройти в лечебницу. Пострадавших уже везут, и их очень много.

Граф спросил офицера об обстановке, тому очевидно хотелось посплетничать, и старшие увлеклись разговором. Мы с Васторабой не стали ждать второго приглашения и вымелись из шатра.

Этот день оказался ещё тяжелее предыдущего. Надо было не только принимать новых раненых, но и перевязывать вчерашних и ночных. Несколько облегчило ситуацию то, что руководство прислало часть ненужных теперь копейщиков для бытового ухода за ранеными.

В этот день Ва сожгла одного барона, подцепившего краснотуберкулезную чуму. Несмотря на огромную занятость, она находила время встречать возвращающиеся отряды за оградой лагеря. Там одна из гадюк и заметила чумного. Ва тут же организовала костёр. Даже потребовала кинуть в костёр копье, которым бедного рыцаря пронзили перед огнём. Родственники барона неистовали, говорили, что барон не болен, а Ва просто сводит счёты, грозились отомстить. Правда, какие счёты, сказать не смогли, Ва и барон не были знакомы. Ва натравила на них специально выделенную для таких целей стражу командующего, и ребята тут же потухли.

Отец пришёл в себя к вечеру, он не понимал, что произошло. Сигура, наоборот, отключилась с высокой температурой. Я обтёр ей лоб холодной водой.

В эти сутки я смог поспать целых четыре часа.

Опарыши мясных мух, которых Ва всё-таки заставила нас собрать ещё в старом лагере с ран скота и женских органов коз, показали себя прекрасно. Мы высаживали их на подгнившее мясо раненых, и они очищали раны.

Целых семь дней мы выхаживали тяжелораненых и принимали новых, которых было подозрительно много. Только через неделю руководство объявило планы на кампанию.

Кочевники, получив отпор, потеряли почти половину армии. Оставшаяся половина организовано отступила и заложила город в двухстах верстах к востоку. Кочевники сумели обмануть наши преследующие отряды. Обоз и часть воинов ушли строить город, а кавалерия завлекала наших преследователей в другом направлении. Потом они даже попытались окружить эти отряды, но наши сумели унести ноги. Вот из этих-то стычек к нам и шёл вал раненых.

Теперь кочевники построили укрепления и пытались распахать земли к востоку от этого городка. Они явно собирались остаться здесь на зиму, чтобы весной вернуться с ещё большими силами. Из этого городка они смогут посылать крупные отряды для набегов на наши незащищённые баронства. Их армия даже с учётом потерь все равно превышала по количеству нашу. Руководство решало, что лучше делать — штурмовать укрепленный город кочевников или уйти обратно, ограничившись пограничными схватками.

В ходе боевых действий жрец Радо смог переубедить ещё пять племён перейти на нашу сторону. Могло бы перейти и больше, но люди побоялись за судьбу своих близких, оставшихся в заложниках у кочевников.

Мы прослушали новости молча. Как бы ни повернулись события, нам, лекарям, светило только увеличение работы.

Сигура и отец постепенно поправлялись. Отец лечился в основном лёгкой выпивкой. Сигура с интересом выслушивала моё нытьё о том, как много работы на меня свалилось и как меня пинают со всех сторон за то, что я всё делаю неправильно, и смеялась над моими приключениями.

В эти дни я узнавал очень много и про разные разделы медицины, и про поведение людей перед лицом смерти, и про себя тоже. Было, что рассказать новой сестрёнке. Мои сёстры мне не сочувствовали никогда.

Через пару дней главнокомандующий вызвал меня с Ва, чтобы задать ряд вопросов. Васту он спросил, через какое время смогут встать в строй раненые в первых схватках рыцари. Васта назвала цифру в двадцать дней. Меня командующий просил посетить жреца Радо, а ныне офицера по связям с протекторатом свободных кочевников, и попытаться узнать, какое количество племён мы ещё сможем перетянуть на свою сторону в разных

условиях.

Я удивился — он же вам подчиняется, запросите официальный доклад. Генерал объяснил мне, глупому, что доклад, несомненно, будет тут же предоставлен, и даже относительно честный, но в нём будет только та цифра, в которой Ирма будет уверен. А нужно проявить фантазию и отработать все возможности. Мне даже было предложено сходить в разведывательные выходы с «нашим» первым племенем, чтобы поразнюхать обстановку на месте. Ещё генерал просил сходить на кузнечный двор и посмотреть на новые катапульти.

На кузнечный двор я ходил первым делом. Катапульти со страшной скоростью изготавливали дядьки — розмыслы, которым я в подмётки не годился. Я так и не понял, что я должен был увидеть. Подсмотрев несколько приемов быстрой работы, я отправился к господину Ирме. Охрана начальника отдела по работе с кочевниками не хотела меня пускать, сказала, что господин сильно занят. Нашу перебранку услышал в своём шатре секретарь и пообещал спросить, может ли меня принять его высокопревосходительство. Ирма принял меня через несколько секунд.

Мы немного поговорили о последних событиях, жрец откуда-то знал о тяжёлом ранении моего отца. Я поздравил его с успешным переманиванием новых племён. Ирма покачал головой, сказал, что да, лазутчики сработали очень хорошо. Спросил, как даётся освоение лекарского дела. Я описал, насколько тяжёлая эта работа. Ирма мне посочувствовал. Только после этого я осторожно заметил, что командующий лелеет надежду переманить побольше племён и потому просил меня сходить с кочевниками в разведывательные выходы. Ирма с жаром ухватился за эту идею, сказал, что кочевники будут рады иметь рядом жреца. В случае смерти будет, кому прочесть молитву Радо. Следующий час мы учили погребальные молитвы.

На лечебном дворе я застал забавную сцену. Главный врач лечебницы решил в очередной раз наехать на Ва. Он где-то нашёл женщину, всё тело которой было покрыто кровотокающими прыщами. Он торжествующе спросил двести пятую, чем бы она стала лечить такую женщину? Ва сказала, что хотела бы услышать сначала его вариант лечения. Врач показал цинковую мазь, сказал, что сам придумал и очень гордится ею.

На этой точке сюжета мы с гадюками, сбжавшимися посмотреть на представление, дружно засмеялись. В то время, в которое Ва не учила, она заставляла нас готовить лекарства. Растирание цинка в ступке было одним из главных мучений.

— Цинковая мазь лишь слегка подсушит её раны. Причина её ран — хроническое отравление организма из-за плохого переваривания мяса и жирной пищи. Которое в свою очередь произошло из-за того, что у неё плохо работает поджелудочная железа и ещё кое-что по мелочи. Ей не стоит есть жирную пищу и мясо, и вскоре отравление и раны пройдут. Есть мясо можно раз в три — четыре дня и только в том случае, если она сможет потреблять вместе с ним высушенную бычью желчь.

— А где я смогу её найти тут? — удивилась женщина.

— Вот и не ешь мясо.

Потом Ва обратилась к врачу:

— Это нечестно, меряться силами нам с тобой. Я просто вижу её насквозь, все органы, которые не работают, а ты нет.

Гадюки захихикали и разбежались кто работать, кто спать. Ва пошла по своим делам, а врач так и остался хлопать ртом. Ох, затаит он на нас зло...

Тем временем Ва выявила нужные концентрации, при которых можно было вылечить не только холеру, но и чуму. Последнюю, правда, только в шести случаях из десяти.

* * *

Выезд на разведку с кочевниками привел нас на поле Страшной Брани. Мы столкнулись почти лоб в лоб с таким же отрядом кочевников.

Наш старшой назвал их сынами собаки, они его называли недоеденным окорочком свиньи. Понятие «окорочок свиньи» на языке кочевников выражалось одним словом, оный окорочок на празднике полагалось передавать по кругу, чтобы все могли укусить от вкусенького. То есть нашего старшого называли чем-то вроде «надкусанного пирожка».

Старшой сказал, что не стоит служить самозваному злему правителю. С той стороны ответили, что сами знают, но боятся переходить на сторону Государя, так как дома остались бабы и дети. На этом страшная брань закончилась, и обе стороны разъехались, вполне довольные собой и противником. А я ещё удивлялся, почему у нас так мало раненых из числа союзников.

Мы находились очень далеко в тылу противника. Обратно за один день не дошли, пришлось заночевать. Кочевники легли особым образом, даже лошадей положили, чтобы можно было сразу сесть в седло, подпрыгнуть вместе с лошадьёю и понестись. Я своего Трача так и не смог положить, пришлось его привязывать и ложиться на отдалении. Кочевники здорово повесились, глядя на мои усилия. Их маленькие, но очень выносливые лошадки были куда вышколеннее.

Ночью меня подбросил сигнал тревоги. Кочевники уже были в сёдлах и куда-то неслись, даже между мной и конем. Пока я бежал до коня, пока прыгал в седло, все ускакали. Некоторое время я ещё пытался нагнать едва различимых в темноте всадников, но вскоре понял, что никого не вижу. Ладно, сориентировался по звёздам и осторожно поехал на запад, стараясь держаться низин. Никого не было видно. От кого же кочевники удирали в такой панике?

В очередной ложбинке я услышал тихое: «Пст!». Из камышей выглянул кочевник, спросил на моём языке:

— Ты никого не видел? Где все?

— А ты что, отстал?

— Нет. Я наблюдал за группой, а потом появился Гримоор.

Я положил руку на меч:

— Ты что, из людей Хутабба?

Поначалу я решил, что это один из наших кочевников — переводчиков, уж больно чисто он говорил. Но если это противник... Я начал прикидывать, что лучше сделать — напасть сразу или попытаться удрать. Ночная скачка во весь опор не очень полезна для здоровья, так что есть шанс, что следующая встреча с ним будет в положении «я на земле, нога сломана». Лучше напасть сразу.

— Нет! Молодой господин, спускайтесь скорее, прячьтесь! Даже если бы я был из войск Хуттаба, мы сейчас с вами вместе вдвоем против страшного ужаса! Скорее спускайтесь, пока он не заметил!

Дядька явно был в панике. Ладно, поверим. Мои кочевники тоже мчались, как от

смерти. Я спустился с коня, поставил коня между собой и кочевником.

— Что такое этот Гримоор?

— Как вы счастливы, что никогда не слышали о нем! Нечисть потусторонняя, огромная змея, проглатывает человека вместе с лошастью, а потом исчезает, уходит в своё нечистое логово до следующего раза!

Я заметил движение на холме, который только что объехал. Присмотрелся. Огромная змея, толщина больше моего роста, длина как у колонны в двадцать всадников. Но она ещё была и полупрозрачной! Почему никто не сказал мне, что она полупрозрачная?

Чудовищу что-то не понравилось, оно остановилось, подняло голову и принялось. Проклятие, у него за головой были ещё и маленькие крылышки! Чудище взмахнуло крылышками, поводило головой влево — вправо.

— Ты что это делаешь? — заскулил кочевник, увидев, что я вытаскиваю меч.

— Если кинется, я вставлю меч ему между челюстями, а ты руби голову!

— С ума сошел, молодой господин? Это же туман, прозрачная она! Смертельный туман!

— Но надо же что-то делать?

В этот момент чудовище повернуло к нам голову. Я увидел два красных горящих глаза. Проклятие, я обоссрался.

Змея опустила голову и невероятно быстро поползла дальше на запад.

— Я обоссрался, — сказал я.

— Я тоже, — сказал кочевник, — тут недалеко есть ручеёк.

— Если ты не из людей Хутабба, то кто ты?

— Я сам по себе, Одрамас меня зовут. Где-то весть доставлю, где-то песню спою. Так и живу, волка ноги кормят. Вот еду я песни петь армии, и вижу, что куда-то весело скачет отряд кочевников под знамёнами империи, да ещё с парнем из империи в одежде жреца Васты, да ещё со значком жреца Радо. Как было проехать мимо? Из такой истории может получиться хорошая песня, которую с удовольствием послушают и с той стороны фронта, и с этой. Вот я и начал следить. И тут является этот проклятый Гримоор, и все разбегаются. Я уже думал, что не получится никакой песни, как вижу, едет молодой господин, а по его следу идёт нечистый. Как было тебя не спрятать? Мы с тобой поболтаем, получится даже ещё более интересная песня.

— Как ты узнал значок Радо?

— Ну, я имею некоторое отношения к Радо. Иногда приходится с ними общаться.

— Собираешь сведения для жрецов?

— Можно и так сказать, молодой господин. А как вы стали жрецом?

— Моего желания не спрашивали. Мы поболтали с Ирмой, он дал мне значок. Потом выяснилось, что это значок жреца Радо.

— А-а, мечтатель и идеалист Ирма... Встречался с ним. Как он поживает?

— Жив пока. Руководит всеми кочевниками, перешедшими на сторону империи.

— О-о, сделал карьеру?

— Скорее, это мы его сделали.

— А вот и ручей.

Продолжили путь мы только через несколько часов, когда подсохла одежда и стало чуть светлее. Всё время, пока сушились, дядька донимал меня расспросами про то, как мыслится дальнейшая жизнь кочевников в империи, про Вастарабу и про то, что я знаю про учение Радо. Я, как мог, отвечал.

У дядьки была очень забавная шляпа, как будто два длинных рога торчали в стороны. При этом эти рога были скручены из ткани.

В дороге я по-прежнему держал руку на мече. Одрамас заметил это и улыбнулся:

— Молодому господину нечего меня бояться. Я доставлю молодого господина прямо к воротам лагеря и спою много песен вашим союзникам, заработаю много денег.

У дядьки был на удивление красивый голос. Если он начинал говорить, его хотелось слушать и слушать. Я решил спросить:

— Одра, как тебе удаётся так красиво говорить?

— О, это очень простой секретик, молодой господин. Обычно люди говорят только начало слова, чтобы было можно его разобрать, и не обращают внимание на окончание. А оно тоже важно. Если делать связку перед первым словом и последующим, то и получается такой красивый эффект. Вот скажи: «Я вас люблю, молодая дама».

Я засмеялся, но произнёс требуемое.

— Очень грубо, молодой господин. Получилось «А васс лублйу молодой да». А ты не выгавкивай звуки, ты пой: «Йа-а ва-ас люблю-у-у-младайа-а дама-мяу». Логическое ударение фразы на «вас».

Получилось очень смешно. Я засмеялся.

— Ну, про мяу, я конечно, шучу, но смысл примерно такой. Пока ты думаешь, как закончить слово и где поставить логическое ударение, ты не думаешь о том, как понравится собеседнику. А это иногда важно.

— Почему?

— Люди всегда передают информацию не только словами, но и жестами, и положениями тела. Пока ты делаешь это неосознанно, ты передаёшь то, что можешь передать в твоём возрасте: что ты маленький мальчик, который хочет ласки от старшего. Некоторые люди, становясь постарше, из-за той же неуверенности в чувствах окружающих, всегда стараются передать телом угрозу и возможность нападения. Они кажутся себе очень крутыми, но с такими неприятно общаться. Кроме того, видно, что в основе лежит страх, а страх — это слабость. А если ты думаешь, как передать красоту, то и тело твоё будет выражать спокойствие, уверенность и красоту.

— А ты правда много общался с жрецами Радо, — признал я, — никогда не думал, что у общения может быть столько нюансов.

— Каждое дело приходит к совершенству через подробности. Моё дело — владеть звуком и впечатлением. Если говорить про тебя, то ты вообще говоришь ужасно. Трепишь, как доска по забору, торопишься выплюнуть максимум слов. А люди такое не слышат. Надо говорить с выражением.

Одрамас вытянулся, принял нарочито важный вид и произнёс с паузами, страшно вращая глазами:

— Вы хотите... войны-ы? — (Пауза) — Вы получите войну-у!

Я опять не смог удержаться от смеха. Ему удалось произвести впечатление жуткое и страшное, но надутый вид и вращающиеся глаза напомнили, что это комедия.

Тут я вспомнил, что давно хотел спросить кое-что важное:

— Одрамас, а у тебя женщины были?

— Тебе в каком смысле интересуется?

— Вастараба когда спит рядом, у неё дыхание подлаживается под моё. В животе неприятное ощущение возникает, будто жизнь вытягивают.

— А-а, на эту тему можешь не беспокоиться. Так делают все женщины. Это обмен мужской и женской силой между супругами. Когда дыхание совпадает, женщина вытягивает из мужчины активность и жесткость, а взамен наполняет его мягкостью и нежностью. Неприятные ощущения возникают только потому, что ты глупый и ожесточенный. Если расслабиться и дать природе волю, то почувствуешь, как она вытягивает на всех уровнях, вплоть до головы и сознания, а потом отдаёт... Но отдаёт другое, нежное и ласковое. Женщины после этого становятся активными и подвижными, а мужчины спокойными и рассудительными. Можете даже этим заняться в явном виде, пусть она сядет на колени лицом к тебе, и дышите одновременно. Тогда энергообмен пройдет как положено, без задержек.

— А почему говорят, что господа жриц Васты долго не живут?

— Врут. Никакой связи с Вастой или жречеством. Кроме того, что жриц приходится часто защищать.

— А что значит «ожесточенный»?

— Ожесточение в общем случае — это когда страх перед чем-то плохим приводит к таким установкам и такому поведению, при котором вреда от страха перед вредом больше, чем от вреда. Такое явление может быть и в масштабах государства, и отдельно для человека. В масштабах государства — это когда внутренняя слежка и наказания за малейшую неправильность становятся такими частыми и всеобщими, что ничего сделать невозможно, а все жители мечтают, чтобы этого государства не было. По отношению к человеку... Это когда во всех приближающихся людях видишь тех, кто пришёл тебя унижать, и готовишься отвечать пообиднее. Когда во всяком слове, даже не обидном, видишь обиду и подначку, даже если их там нет. Беда в том, что это информационное ожесточение переходит на физический уровень, люди начинают зажимать мышцы и позвоночник как перед дракой, а потом так их никогда и не расслабляют. Лёгкими дышат поверхностно, а не глубоко, как при ощущении глубокого счастья. В итоге энергия течет не туда, нет свободного дыхания, в лёгких начинается застой, а в застое — воспаление лёгких.

— Мне Вастараба что-то такое говорила...

— Да, эти девочки это видят каждый день на каждом первом. Представь, как им тяжело жить, видеть, как все себя убивают из-за страхов несуществующей угрозы.

Мне захотелось глубоко вздохнуть, и я вздохнул. Это было здорово.

— Получается, что надо отказываться от всех страхов и всех заготовок по отбиванию от окружающих когтями и клыками?

Одрамас засмеялся:

— Хорошо сказано, малыш, хорошо сказано. Теперь я вижу, что Ирма не зря тебе значок вручил. Ты способен вместить то, что многие взрослые не способны.

— А почему жрецы Радо воевали против нашей религии?

— Дураки потому что. Думали, что ваша религия — это упрощение. В таком духе, что какой-то религиозный авантюрист решил их понимание о том, что надо изучать мотивацию поведения человека и что надо отказываться от гордости, от всех запасённых страхов и ожесточений превратить в своё учение, где будут требовать того же под страхом посмертного наказания за неисполнения этого требования. Потом его сожгли, он якобы воскрес, и появилась ваша религия. Жрецы Радо считали, что эта религия годится только для нагнетания паники и вымогания денег из паствы, и что из-за неё люди, которые действительно желают созидательной деятельности, никогда не смогут найти друг друга в

толпе скотов, которые могут говорить только о том, кто из них больше любит Господа и кто больше просил у него прощения.

— А в действительности это не так?

— Видимо, не так. Сам посмотри. Эта религия создала огромные устойчивые империи, в которых каждому человеку рассказывают, что надо отказываться от гордости и переходить на полное беззлобие. Это тоже многого стоит, даже если никто по этому пути и не идёт. В мире кочевников такого не было никогда. А закончилось всё вообще приходом этого злодея...

— А в мире кочевников возникали государства с религией Радо?

— Да, много раз. Начни про них рассказывать, трёх суток не хватит. Как правило, в первом поколении всё было прекрасно. Порядок на пастбищах, никто никого не грабит, никто скот не угоняет. Во третьем — четвёртом поколении жадные и развращённые роскошью потомки героических правителей первого поколения начинали заниматься интригами и грабежом народа. Начиналось противостояние кланов. Простые люди начинали припрятывать добро от повышенных налогов. В ответ на это власти вводили сложную систему бумажного учёта всего и вся. Появлялась армия чиновников, которой тоже хотелось взять побольше с народа. Народ начинал протестовать и восставать, против него применяли армию. Вводили телесные наказания за каждый неправильный чих. Получалось, что по городу было не пройти, чтобы два — три раза не быть выпоротым за мелкие прегрешения. Народ разбежался, государство гибло. Было много вариантов, но в основе всегда происходило одно и то же. Но было и много хорошего, в самом первом государстве была такая архитектура, такие школы музыки и танца... Плюс выборная система властей. Это было больше тысячи лет назад, но его очарование до сих пор заставляет горячие головы из числа жителей Великого Поля мечтать о его восстановлении. Жаль, что жрецы Радо ничему не научились на этом примере.

— Это как?

— Они до сих пор не знают, когда надо остановиться. Знаешь, что бывает, когда в племя приходит жрец Радо? Сначала все радуются, жрецы знают много неожиданного про внутреннее совершенство и мягкое управление людьми. А потом жрецы всех доводят до полного неприятия своими требованиями вести себя по правде, мыть руки перед едой и прочими невыполнимыми законами. Так что племя потихоньку ночью снимается, пока жрец спит, и удирает куда подальше. Были случаи, когда некоторые города принимали жрецов Радо для управления городом, а потом выгоняли их с большими обидами. Некоторые города, правда, через некоторое время просили вернуться обратно.

Я представил себе картину, как племя кочевников удирает изо всех сил от жреца Радо, который бежит за ними и кричит: «Я всё равно научу вас мыть руки перед едой!». Картина была настолько впечатляющая, что я не смог удержаться от смеха.

— Тебе вот смешно, а вскоре Ирма как жрец Радо неизбежно вляпается в ту же ошибку, и все ваши союзники пожелают оказаться где-нибудь подальше.

— А почему тогда наша империя не распадается по той же схеме?

— Первое время казалось, что так и будет. Но потом оказалось, что ваша религия позволяет родителям убирать от наследства и от власти особо бестолковых наследников. Плюс постоянная угроза со стороны Большого Поля и других народов, живущими набегами. Не будь угрозы, вам было бы тяжелее.

Следующую мысль я обдумывал долго:

— А есть шанс, что жрецы Радо признают нашу религию?

— Кто-то, может быть, и перейдет. На границе всегда идёт обмен в обе стороны. Но очень немногие. Остальные, скорее всего, сами исчезнут со временем.

— О! Вспомнил ещё хороший вопрос. Мы несколько недель назад наблюдали падение чего-то большого и светящегося, упало в стороне кочевников. Грохота и света было очень много, земля тряслась. Не знаете, что это могло быть?

— Знаю. Это богиня Нума — заботница скинула с небес Рума, одного из своих давних товарищей. Он сам виноват, лез куда не надо, самовозносился и грубил другим работникам небес. Когда-то, когда Нума была ещё земной женщиной, он был её ближайшим спутником... Примерно как ты с двести пятой. Но потом Нума сильно выросла, а он так и остался мелким задирой.

— Я плохо знаю богов кочевников. Каково описание Нумы?

— Богиня — заботница. К ней обращаются с мольбами тогда, когда больше просить некого. Ей до всего есть дело, она приходит к людям и помогает советами и организацией. Говорят, злаки она научила людей выращивать. К ней очень просто обратиться, надо задать вопрос и заснуть. Ответ придет во сне. Правда, эти ответы приходят в логике образов и не все умеют их толковать. Но иногда она приходит во снах к правителям и даёт очень конкретные указания. Например, высадить побольше определённого злака. А потом приходит какое-нибудь бедствие, и погибают все злаки, кроме указанного.

— Она была земной женщиной?

— Все боги были земными людьми. Те из них, кто исполнился любви к людям, после смерти получили от Создателя такую работу. Она не вечная, и со временем боги уходят на другое дело, их культ забывается, а вместо них приходит какой-нибудь похожий бог.

— А бесы? Враги Бога?

— Многие были людьми. А некоторые настолько древние, что никто не знает, откуда они. И давай уже заканчивай мяться, спрашивай про вашего бога.

— А наш бог?

— У него другая природа. Его никто не видел среди наших богов после сожжения, но при этом он активно вмешивается в дела своих верующих. И не только в их дела.

— Чем нам грозит падение Рума?

— Это хуже, чем лидер ни Никитита. Во много раз хуже. Этот много чего умеет, научился, пока был на небесах. Вплоть до прямого воздействия мыслью на материю. И он очень любит гордиться собой, восхваления любит и похвалы. Так что наверняка попытается занять место ни Никититы. Или своё царство организует и пойдёт всех завоёвывать.

— Да, ты силён песни петь... Заслушаешься.

— А что ещё делать в дальней дороге? Это ты меня ещё в лирическом варианте не видел.

Одрамас набрал воздуха и начал громко петь, подыгрывая себе на маленьком барабанчике:

— Вот как едут по полю, по полю широкому, как едут по полю три сотни мечтателей...

Пел он красиво, но уж больно громко.

— Эй, мы как бы прячемся от противника.

— Извини, забылся. Впрочем, мы уже близко к вашим войскам. Тут кочевников не встретишь.

Но громкость он слегка снизил и допевал балладу вполголоса. Она оказалось смешной,

хотя и рассказывала о набеге на нашу империю. Потом Одрамас спел ещё одну песню, больше похожую на лекцию по истории, а потом ещё одну. Потом неожиданно сказал:

— А хочешь, научу петь дорожные песни так, что никогда скучно не будет?

— Интересно.

— Сначала выбираешь мотив. Потом начинаешь перечислять на этот мотив всё, что видишь. Пример: «Вот стремительный орёл в небесах летит, вот прекрасная трава на земле шумит...». Секретик в том, что надо всё упоминать в хвалебных или возвеличивающих тонах. Это важно вот почему. Обычно в процессе жизни всё, что видишь, воспринимаешь с раздражением. От усталости все кажется глупым и противным. Если озвучить мысли обычного человека, они будут звучать как: «Вот долбаный орёл за каким-то хреном болтается перед глазами, хорошо ему там наверху, а я тут в долбаной траве вязну». Если поддаться этому чувству, то будешь накручивать в себе зло и боль, которые потом неизбежно выльются на окружающих. Поэтому надо называть вещи только в хвалебном стиле.

— А как так быстро рифму подбирать?

— Рифмующихся слов не так уж и много, со временем типовые рифмы просто запоминаешь. Но тут есть одна проблема. Если все время петь, то отложенные для осмысления идеи и просто воспоминания не смогут прорваться к переосмыслению, и голова начнёт болеть. Поэтому надо следить за фантазией и мыслями, если вдруг появляются воспоминания или разные мысли, их нельзя прогонять, а надо обдумать. Можно прямо в песне. То есть если вспомнился какой-то человек, то после восхваления травы поёшь: «А в лагере военном, на завалинке думает отец о сыне в походе дальнем, в руке у него кружечка с ястребом, в голове мысли тревожные». Это если об отце подумалось. И опять же — отзываться о людях только в уважительном или хвалебном тоне. Никогда не оскорблять и унижительно не отзываться, иначе песня к тебе вернётся и будешь со всеми говорить оскорбительно даже тогда, когда не хочешь.

— А если всё время возвращаются мысли об обидах от некоторого человека, и не хотят прекращаться, как их ни подавляй?

— А это уже явление другого порядка. Это твоя животная часть нашла в памяти момент, когда ты был недоволен своими действиями, и требует изменить настройки так, чтобы ты выработал такой образ поведения, при котором и выживание обеспечивалось бы наилучшим образом, и ты был доволен правильностью своего поведения. Этот образ поведения она запишет в твою память так, что ты будешь его воспроизводить в похожих обстоятельствах ещё до того, как успеешь подумать.

— Так он же может не подходить к новым обстоятельствам.

— А животное поведение такое. Оно очень часто заставляет человека делать то, что не соответствует обстоятельствам. Гнев, оскорбления... А потом думаешь: «И зачем я говорил все это?». Но тебе пока рано осваивать эту теорию. Попробуй лучше спеть дорожную песню.

Я неумело затынул:

— Вот высокий холм, вид прекрасный с нём, небо голубое над холмом висит, с холма далеко прекрасно я видит...

— Так, ты ещё и вопить не умеешь. Это ты свои возможности на одну десятую используешь. Попробуй выпускать воздух и поиграть связками. Добивайся такого эффекта, чтобы они вибрировали как можно сильнее. Начни со звука «и».

Я принялся тянуть «и-и». Одрамас не выдержал и показал, как находится наиболее громкое звучание. Я попробовал, и теперь получилось и у меня. После этого он тут же

потребовал пропеть все остальные гласные звуки.

— А теперь будем учить песню на языке Западного Поля на звук «и».

— А что, в Поле много языков?

— Больше сотни, если считать только распространенные. А теперь песня...

В этой песне звуков «и» действительно было много. Потом мы учили песню на звук «а» и «э».

Поднявшись на очередной холм, Одрамас поднёс ладонь к глазам. Присмотревшись, он сказал:

— Это твои боевые товарищи... Они сейчас будут сильно извиняться, что бросили тебя, для них это большое бесчестье. Пресеки в корне и скажи, что прощаешь. Я вижу тех, кто будет мне не рад. Так что я тебя ненадолго покину. Встретимся позже. Не говори им обо мне. Ирме можешь сказать.

С этими словами Одрамас исчез в траве, как будто его и не было. Удивительный человек.

Я столбел на холме довольно долго, кочевники — союзники ехали медленно, понуриив головы. Заметив меня, они ускорились и развернулись. Надо заметить, конная лава в триста человек, несущаяся на тебя одного — то ещё зрелище.

А вот к чему я не был готов, так это к тому, что они свалятся у моих ног с той же поспешностью, с какой мчались, и начнут кланяться.

— Не надо кланяться! Я вас прощаю, поехали дальше! — в панике закричал я.

Сработало. Кочевники взлетели в сёдла и поехали дальше с куда более весёлым настроением. Меня устроили на место рядом со старшим отряда.

Оказывается, они после ночной паники обнаружили, что меня нет, и вернулись искать. Не найдя никого, они уже представляли, как будут объяснять моё отсутствие моему отцу, господину Ирме и командующему. Они им всем клялись, что в первую очередь будут заботиться обо мне и обязательно вернут хотя бы тело.

Про чудовище они сказали, что такое известно им только по легендам, что это темный туман в виде огромной змеи с красными глазами, в котором исчезают все, кого он обволакивает.

Я подтвердил — да, именно это я и видел, чем вызвал новую волну расспросов. Большинство из отряда чудовище не видели, его рассмотрели только часовые. На вопрос: «Как же ты остался жив?» я ответил просто — спрятался в камышах у ручья и обосрался. Наверное, это и помогло.

Никто из кочевников не засмеялся, только посочувствовали.

Через некоторое время разговоры затихли. Народ устал. Я начал напевать, как учил Одрамас. Чтобы кочевникам не было обидно, старался петь на их языке. Поскольку я его знал очень плохо, получалось так себе: «Зелёная трава, прекрасная птица летит». Потом я обнаружил, что слова «зелёная трава» можно повторять много раз с разными интонациями, а если потом добавить «какое восхитительное одеяло зелёной травы, и птица над ним», то даже получается что-то похожее на сюжет.

Старший некоторое время терпел мои упражнения молча, потом спросил:

— Это кто это научил тебя радостным песням?

— Почему радостным?

— Потому, что их могут петь только те, у кого есть дар от Радо. Похоже, бог благословил нас песенником. Это редкое умение.

— Ну, я же жрец Радо. Но я язык знаю плохо, будет лучше, если ваши люди споют, а я поучусь языку через песни. У вас есть походные песни?

Старший сказал только одно слово:

— Запевалы!

В следующее мгновение за спиной раздался жуткий свист такой силы, что мой Трач чуть было не решил ехать к лагерю своей дорогой. Оказалось, что это у них запев такой: сначала долгий свист, потом песня. А песня ничего, красивая оказалась.

Кочевники приободрились и поехали быстрее. Вот кто меня просил организовывать их петь? Я и так шёл на пределе. Следующую часть дня я был сконцентрирован на том, чтобы не вылететь из седла. Трясаясь в седле, я вспомнил, что хотел всегда разговаривать так красиво, как Одрамас, но забыл и говорил с союзниками как обычно.

В лагерь пришли уже ближе к вечеру. На входе нас встречала одна из гадюк с патрулем из благородных. Заставили всех проходить по одному, осматривали очень внимательно. Гадюка сделала мне замечание, что у коня на спине опрелость.

Кочевники отправились к своим котлам, а мы со старшим на доклад к главнокомандующему. Хорошо, что работники в штабе были с понятием. Пока мы ждали аудиенции, нам успели сунуть по колбаске, булочке и кувшину с водой. Я и не знал, что могу выпить за один раз так много.

Старшой доложил генералу свои наблюдения о войсках противника. Я доложил, что на обратном пути пришлось спасаться бегством от полупрозрачного чудовища. Сказал, что некоторые кочевники считают жрецов Радо угрозой в том смысле, что у них есть недостаток — они со временем из стремления к идеальности проводят слишком строгие законы, из-за чего люди разбегаются. Возможно, нам придётся сдерживать в этом смысле господина Ирму.

Генерал благожелательно кивнул при этих словах, старшой нашего разъезда удивлённо вылупил на меня глаза. Но подтвердил: да, есть такой момент.

После этого и старшой отправился к котлам, а я почерепашил на второй доклад, к господину Ирме. Только отойдя на значительное расстояние от штаба, я вспомнил, что и в это раз говорил обычной речью, без красивых связок. Прав был странный попутчик, стремление выглядеть как положено выключает всё соображение. Решил, что уж с Ирмой я точно буду говорить как собирался.

Ирма меня принял сразу, ждать не пришлось. Я ему рассказал про встречу на поле страшной брани, про «надкусанный пирожок». Говорил с красивыми связкам, на этот раз не забыл. Ирма смотрел на меня круглыми глазами, потом спросил, кто научил меня связной речи. Я признался, что странный попутчик, и перешёл к рассказу о полупрозрачной твари и спасшем меня кочевнике. Ирма отреагировал очень необычно, прижал кулачки к глазам и заныл:

— Ой-ой-ой!

Потом схватил кусочек бересты и быстро нарисовал змею с крылышками у головы, точь-в-точь виденную мною:

— Такая?

— Она.

Опять кулачки к глазам:

— Ой-ой-ой!

— А шапка у него случаем не с рогами такая была?

— Да, рога большие, но из ткани.

— Ой-ой-ой! А что ещё он рассказывал?

— Про ожесточение поговорили... Говорил, Нума скинула с неба Рума. Вроде как он из её старых друзей, но не вырос и загордился. Это вот если видели, недавно с небес свет катился и грохот большой был.

— Видел. Ой-ой-ой!

— Говорил, Нума и многие боги раньше были людьми. Ещё выпрашивал меня, что я знаю про учение Радо, как империя думает поступать с союзными кочевниками. Сказал про вас, что вы неизбежно вляпаетесь в типовую ошибку жрецов Радо и замучаете всех кочевников слишком строгими законами и сплошной системой подсматривания и контроля. Потом учил песни петь, звуки правильные пропевать.

— Какие песни?

Я перечислил.

— Это учебные песни для прочистки энергетических каналов. Мы их даём жрецам примерно на шестом году обучения. А ну-ка спой.

Я затянул песню на «и». Получилось неожиданно чисто. Не дождавшись второго куплета, Ирма прервал:

— Так он тебе ещё и каналы энергетике прочистил. А ещё какие песни пел?

— Длинные былины про историю.

— Какую историю?

Я кратко припомнил содержание.

— Он тебе пересказал самые драматичные и поучительные истории развития государств с религией Радо. Он не сказал, как его зовут?

— Одрамас.

— Ой-ой-ой!

— А чем плохо имя?

— Не будь ты таким лопухом, сам мог бы понять, — проговорил Ирма сквозь слёзы, не отнимая кулачков от глаз.

— Объясните лопуху? Не понимаю.

— Буквы переставь.

Я начал переставлять и запутался, в чем и признался.

— Сам Радо.

— Чего? А зачем ему брать имя бога?

— Да не брал он ничего. Это и был Радо. Гримоор — его ручная зверушка. Правда, она в этом мире раньше не появлялась. Кочевники её с другим чудищем спутали, вполне реальным и очень опасным. Считается, что Гримоор может определить любую ложь человека, и если на посмертном суде человек врёт, то его душа не выдерживает взгляда её красных глаз и превращается в камень, после чего падает на землю, в новую жизнь в теле.

— А зачем тогда плакать? Радоваться надо, если ваш бог с вами.

— Ранее Радо замечали на земле только в тех случаях, когда людям светили очень большие неприятности. Типа переселения всех народов. Или массовый голод.

— Так это что, получается, он спугнул всех кочевников, чтобы передать вам через меня некоторые слова?

— Скорее, для того, чтобы загрузить тебя почти полным курсом обучения жреца Радо. Мы людям в течение пяти — шести лет рассказывали то, что он в тебя за один день втиснул.

А информация для меня — это так, по случаю.

— Зачем? Я маленький мальчик, младший сын, без способностей. Ни наследства, ни шансов на женитьбу.

— А вот это ему виднее, зачем.

— А-а... Да, он сказал, что помнит вас. Назвал мечтателем и идеалистом.

И вот тут Ирма заплакал глубоко и счастливо.

Я понял, что дальше никакого разговора не будет, отсалютовал и вышел. Сказал секретарю, что его господину нужна питьевая вода.

Стоянку моего отряда еле нашел, за время нашего путешествия произвели некоторые перестановки. Наши уже поели, мне ужина не оставили. Ва была в своей лечебнице, я встретил только отца, сидевшего на бревне перед шатром.

Отец печально смотрел куда-то вдаль, в левой руке у него была новая кружка с летящим ястребом.

— Здравствуйте, папочка.

— О, Пуся вернулся! Как разведка?

— Да ничего, съездили. Бога кочевников встретил. Одного из.

— Как бог?

— Крутой. Я обосрался.

— Сие грех. Бояться надо только нашего бога. Исповедайся и покайся перед святым отцом.

— Обязательно. А у тебя давно эта кружка?

— Да взялась откуда-то. Моя потерялась, эта откуда-то выплыла. Сам знаешь, кружки, ложки и ножи в большом лагере живут своей жизнью. А с чего особое внимание к кружкам?

— Бог про тебя песню пел, там эта кружка фигурировала.

— Он тебе песни пел?

— Я же говорю, он крутой. Можно спросить, как твоя нога?

— Твоя ведьма вроде как её заштопала. Но она не ходит и болит, как будто порезанная. Уже меньше. Почти не болит. Но и не ходит. Ведьма говорит, скоро заживёт.

— А как кочевники ухитрились пробить сталь, расскажете?

— Если ты в режиме брони, то не можешь двигаться. А если двигаешься, то нет брони. Алесаний там ухитрился подставить голову под удар... Чтобы его прикрыть, пришлось снять броню. Снял только на ноги, чтобы коня повернуть, а тут копьё прилетело. Не повезло... Что начальство говорит?

— Говорят, что этот бог кочевников появляется только тогда, когда грозят Большие Неприятности.

— То есть это нашествие — это мелкие неприятности?

— Да.

— Тут пока тебя не было, генерал велел переписать всех кочевников и выдать им пропуска. Твоя ведьма отказалась быть приписанной к какому-нибудь племени, так что её записали твоей рабыней. Поздравляю, у тебя теперь есть рабыня.

— У нас же вроде отменили рабство тысячу лет назад?

— Для своих отменили. Но по отношению к военнопленным допускается на срок до десяти лет. Через десять лет ты либо должен будешь освободить её, либо жениться.

— Ясно.

— Это по закону ты можешь жениться. Если попробуешь привести в род дикарку,

прибью обоих. Так своей ведьме и скажи, пусть планы не строит.

— Да, сударь батюшка.

— Знаешь, я думал, что из тебя никакого толка не выйдет. А теперь ты болтаешь с главнокомандующим чаще, чем я его вижу. И лазутчик, и лекарь, и переводчик... И всем нужен. Это честь для нашей семьи. Ладно, иди мыться... Я распорядюсь, чтобы тебе что-нибудь сообразили из еды.

Я ушёл, слегка оглушенный тем, что отец меня похвалил. Впервые в жизни, насколько я помню.

Через час, накормленный и умытый, я заявился в лечебницу, вытаскивать Ва из работы. Ва с визгом кинулась мне на шею. Обнять её и прижать было маленьким счастьем. Не то чтобы очень большим, но счастьем. Я всё-таки привязался к ней.

Предложение закончить работу двести пятая встретила с удивлением. Какое заканчивай, ещё даже не полночь, а раненых много? Даже гадюки посмотрели на меня, как на безумного. Как они изменились! Ранее они и часа не могли проработать, а теперь мотают винты до позднего вечера.

Мне тоже нашили дело, точить инструмент. Больше всего мне хотелось упасть и отключиться, но надо было рассказать Ва о встрече с Радо.

Ва так удивилась, задала так много вопросов, что рассказ занял чуть ли не больше времени, чем сама встреча. Напоследок Ва сказала, что два жреца рядом — такого в истории кочевников никогда не было. Будет интересно, что из этого получится. По идее, должны полететь искры.

Этим вечером Ва была особенно ласковой. У меня зародились подозрения, что не только потому, что ей не хватало мужской силы.

Ночью я проснулся оттого, что Ва тянула меня за мужской орган к себе. Я погладил её по голове, потом по руке, потом ласково взял руку и положил её подальше. Ва не просыпалась, зато её рука опять поползла к моему мужскому органу, нащупала и потянула к себе. Я хотел спать и опять убрал руку. На третий раз мне стало интересно, что будет дальше. Я стал двигаться туда, куда она меня тянула. Тянула она меня к тому месту, которое приводило к зачатию детей.

Я отвесил жрице лёгкую пощечину. Она наконец-то проснулась.

— Ты уверена? — спросил я.

Ва испугалась:

— Эй, ты что делаешь?

Тут она осознала, что это она тянет, а я не двигаюсь.

— Ой! А почему я тяну тебя к себе?

— Это я хотел тебя спросить!

— Кажется, Богиня хотела подарить мне непорочное зачатие. Когда ребёнок зачинается таким образом, без похоти людей, то жрица не теряет силу Богини и может исцелять дальше.

— А по-моему, твоё тело просто мужика хочет.

— Может быть.

Через несколько минут Вастараба сказала:

— Господин, не спишь? Знаешь, если увидишь, что я сплю и тяну тебя к себе... Не останавливайся. Я люблю исцелять, но детей мне тоже хотелось бы понянчить. Если богиня дарует мне такое зачатие, я смогу исполнить обе мечты.

— Отец сказал, что если попытаюсь жениться на тебе, прибьёт обоих.

— Да, мне тоже говорил. Но это просто решается. Не признавай ребёнка. Будет твоей собственностью, твоим рабом.

— Тебе что, совсем безразлично, кем быть и кем будут твои дети?

— Я имею честь быть рабыней Васты, а кем меня считают люди, мне безразлично. Рабыня Васты идёт туда, куда её ведёт господин. А ребенок... Жизнь себе поле найдёт, а достойный человек всегда займёт достойное место.

Поутру меня привлекли к работе переводчиком, главнокомандующий планировал какую-то большую заварушку с участием кочевников и послал к господину Ирме целую толпу офицеров. Двести пятую я увидел только после обеда. Она по этому случаю устроила очередное занятие по анатомии и полевой хирургии.

* * *

Ближе к вечеру Ва отпустила гадюк и сказала мне с заговорщическим видом:

— Пошли, мне есть, что тебе показать!

Недолгая прогулка привела нас к шатрам семейства графа ага Дреяни. Во внутреннем дворике, образованном шестью шатрами, мы нашли детей графа — трёх дочерей в возрасте от двенадцати до двадцати лет и крупного парня лет девятнадцати в полном доспехе, только без шлема. Судя по большому количеству пустых скамеечек — невиданная роскошь в походе — в семействе графа было намного больше людей.

Девушки посмотрели на меня с интересом, парень недоброжелательно.

— Я нашла тебе жену! — радостно возгласила Ва, показывая на младшую сестру, ту, которой было не более двенадцати, — Мы будем спать втроём! Вы будете заниматься любовью, а я буду впитывать мужскую силу!

Я хотел разорваться в стиле «дура чё удумала», но неожиданно вспомнил про красивую речь Радо и изобрел целое произведение искусства:

— Ваши слова вызывают удивление. Молодая сударыня уже красавица и, несомненно, вырастет ещё большей красавицей. Моему роду было бы очень лестно породниться с родом графа. Но всё это как-то очень неожиданно. Любовь и супружество предполагают родство душ и долгое знакомство, такие дела не решаются так внезапно. Может, это шутка?

Все это я произносил с красивыми связками, с поклонами и смысловыми паузами. И когда я научился такой театральности? Самому на себя смотреть смешно.

Сёстры моей «невесты» зачарованно кивали каждому слову, парень, подписавший столб для флага отряда, взглянул удивлённо.

— Ты что, не хочешь брать меня в жены? — на глаза малышки очень заметно навернулись слезы.

Пришлось признать очевидный факт:

— Я вижу, что это не шутка.

— А он правда такой, как ты говорила, — сказала старшая сестра.

Я грозно взглянул на двести пятую с намерением строго спросить, что она там рассказывает за моей спиной, но дело взяла в свои руки младшая ага Дреяни:

— Я знаю, что ты думаешь. Что ты не первый сын мелкого барона без способности и без наследства. Что я ребёнок целого графа, и, вероятно, со способностями. Что тебе до меня как до звёзды. Так вот, ты так не думай. Я девятый ребенок без каких-либо надежд на

хорошее приданое. У меня есть способность, но такая ничтожная, что можешь о ней не думать. Так что мы в совершенно одинаковом положении. И если хотя бы половина того, что о тебе рассказывают, правда, мне было бы очень интересно познакомиться с тобой поближе.

Я настолько удивился, что не смог удержаться от вопроса:

— Откуда столько расчётливости в маленькой девочке?

— Мою младшую сестру сговорили за старика тридцати пяти лет! При таких исходных станешь расчётливой.

— А почему ты думаешь, что твой отец согласится?

— Мой отец согласится. Он всегда соглашается с тем, что я прошу.

— Он соглашался, пока баловал маленького любимого ребенка. А как речь пойдет о том, чтобы продать тебя повыгоднее, услышишь «покорись отцовской воле, папа лучше знает, что для тебя лучше».

— Отец согласится. Все мои сёстры и все мои ровесницы уже сговорены, а я одна без жениха.

Тут я разозлился:

— Так тебе просто обидно, что всем сёстрам досталась игрушка, а на тебя никто не польстился? А о другом человеке ты подумала? Ты хотела в жениха и невесту поиграть, а каково это будет другому человеку, который будет планировать самый важный шаг в жизни, привяжется к тебе, каково ему будет через несколько лет услышать «извини, я тобой наигралась, это было детская игра, а теперь я люблю другого»? В такие игры не играют.

Тут я вспомнил, что у нас в селе в такие игры очень даже играли, с раннего детства. Мальчик и девочка в присутствии компании детей повязывали себе нитку одного цвета, и с этого момента считались мужем и женой. Родители даже иногда разрешали таким парочкам ночевать вместе на сеновале, до одиннадцати лет. Некоторые так держались довольно долго, до двух недель, а то и до полугода.

Сёстры ага Дреяни захихикали. Я посмотрел на них удивлённо.

— Ты повторил мои слова, говорил ей недавно, — пояснил брат малышки.

— А ты правда считаешь женитьбу самым важным шагом в жизни? — удивила меня «жёнушка».

— Ну... Да. Конечно это самый важный шаг... После Бога. Жить с кем-то в любви или без любви? Без любви это вообще не жизнь.

Девочка удивлённо рассматривала меня несколько секунд:

— Ух ты! Твоя рабыня была права. Ты настоящий, как положено. Все мужчины, которых я знала, о женитьбе судят как о покупке лошади, а о жёнах вспоминают только когда напьются. Я хотела бы быть твоей женой.

На этом повороте сюжета я вообще потерял дар речи.

— Вот наехала на человека, как телега на лягушку. Дайте ему хотя бы подумать, — подал голос хмурый брат. А он хороший парень, оказывается. Я поблагодарил его взглядом. После его поддержки ко мне вернулся дар речи:

— Хочешь поиграть в жениха и невесту? Не проблема. Можешь всем сказать, что мы помолвлены. Я подтвержу. Будешь приходить в дом моего отца и выполнять домашнюю работу, как моя жена. Ночевать будешь возвращаться к своему отцу. Начинаем прямо сейчас. Довольна такими условиями?

Девочка запрыгала от радости:

— Я попрошу отца, чтобы он отпустил меня жить в дом твоего отца в качестве

воспитанницы. У твоего отца хватит еды прокормить маленькую девочку? У тебя же есть сёстры? Вот с ними в шатре и буду спать.

— Сёстры у меня есть. Кстати, а какая у тебя способность, если тебя взяли на войну?

— Вообще-то моя основная способность — работа с растениями. Если я глажу растение и разговариваю с ним, оно растёт намного быстрее и вырастает намного крупнее.

— А военная?

— Если положить передо мной карту, то я вижу на ней отряды врага... Как размытые пятна.

— При этом путает север с югом, — ехидно прокомментировал брат.

— Уже не путаю! Кто бы говорил, сам даже скобки открыть не можешь!

— Математика — не для тех, кто работает мечом, — безмятежно отбрил парень.

Девушка продолжила:

— У меня очень слабая способность. Маленький отряд мне может показаться большим пятном, а большой — горошинкой. Я почти бесполезна. Но ещё я хорошо учу языки. Знаю язык кочевников, северной страны и южных царств.

— А как тебя зовут, ангелочек?

Родственники девушки опять захихикали. Даже парень усмехнулся.

— Ангел. Можно Ангела.

Я пожал плечами:

— Если так хочешь, собирай вещи и пошли. Вечером вернёшься.

Девушка убежала. Вернулась она с куклой огромного размера и служанкой самого торжественного вида.

— Ангела пойдёт с правиной, — сказал брат.

— Это кто? Служанка?

— Если бы я хотел сказать про служанку, я бы сказал про служанку. Правина — это та, кто исправляет и направляет. И служанка тоже.

По пути к нашему шатру мне пришла интересная идея:

— Ангела, а те растения, которые ты выращивала... Из их семян выростали обычные растения или такие же большие, как у тебя?

— А какая разница? — удивилась девушка.

— Если ты сможешь сделать так, чтобы злаки были больше и давали больше урожая... Или чтобы некоторые морозостойкие сорта злаков были устойчивее к холодам в холодные годы... Или чтобы яблоки были слаще... Или чтобы лесная земляника была больше... Да тебе цены не будет!

— Ух ты! Какая интересная идея! И почему я раньше не додумалась? Надо будет попробовать с озимыми! Завтра же начну выращивать колоски! — загорелась малышка.

— Так они же не успеют до сева?

— У меня за три недели поспеют.

— Н-да. Ну, ты сильна.

Отец и все родственники отсутствовали. Похоже, отец опять придумал какую-то костоломную и мышцесводительную тренировку.

На нашем дворике я показал девушке, где кто живёт, познакомил со слугами. Слуги улыбались во всю ширину лиц. Сигура, ожидавшая отправки домой, с интересом осмотрела мою названную супругу. Как только закончилось это представление, началось новое.

В проезде между шатрами появилась повозка, на которой теперь возили отца, и все

наши родственники с вассалами. Мы вышли встречать.

— А я теперь могу ногой двигать! — похвалился отец, поднимая исцеленную ногу.

Если честно, то двигал он ею совсем немного, но я послушно восхитился. Отец продолжил:

— А кто это рядом с тобой, сын мой?

— Отец, разреши тебе представить... Ангела ага Дреяни. Эта девушка считает, что пути наших судеб могут дальше идти вместе. Я думаю, что называться нареченным женихом этой красавицы будет честью для меня. Пожалуйста, разрешите нам иногда встречаться и называться нареченными женихом и невестой. А это её правина — служанка Ириен.

— Здравствуйте, сударь батюшка, — поклонилась по всем правилам малышка. Вышкола она была прекрасно.

— Здравствуйте, сударь, — поклонилась следом правина.

— Тебе одной женщины уже мало? — захихикал папочка.

Я показал кивком на Вастарабу и закатил глазки.

Все родственники и знакомые наслаждались спектаклем.

— Она не его любовь, она рабыня — лекарь, — пояснила Ангела.

— Быть женой, даже названной, это большая работа. Тебе придётся ухаживать за своей половинкой, жить его делами. Не служанке, а тебе, — попытался запугать девочку папочка.

— Да, я знаю. Стирать белье и выгребать дерьмо, если муж ранен и без сознания несколько суток. Я готова. Сударь батюшка, а можно вас попросить взять меня как воспитанницу в ваш дом? Тогда мы сможем видеться чаще.

Отец на некоторое время потерял дар речи от такого напора. Я состроил ему улыбочку: знай наших.

— Граф ага Дреяни сказал, что если Полисаний хочет, то может тебя забирать. Он заезжал к нам. В обмен я попросил его взять в воспитанники одного моего пленника. Он согласился. Так что с этого момента ты воспитанница моего дома. Попробуешь хоть в чём-нибудь противоречить — выпорю. Спать будешь с моими дочерьми до свадьбы, если она случится. Если раздумаешь, вернёшься в дом к отцу. Можешь переехать завтра.

Тут уже я потерял дар речи. Так отец знал? Он обменял мою свободу на возможность избавиться от пленника? Хотя здесь речь, скорее, о милосердии. У графа парень сможет вести почти нормальную жизнь, а у нас он так и сгниёт под охраной.

Девочка радостно захлопала в ладошки. Отец заметно умилился этому чуду с куклой.

Как только мы остались наедине, Ва решила пояснить своё решение:

— Не сердись на моё своеволие. Я лечила графа ага Дреяни. Пришлось пользоваться исцелением. Граф остался мне очень благодарен. Но всё время, пока выздоравливал, жаловался на одну из младших дочерей — что никакого сладу, сплошное непослушание и дерзость в глаза. Я подумала, что будет интересно посмотреть на пример крайнего отклонения. Оказалось, что всё наоборот. Что умная и тонко чувствующая девушка задыхается в обществе глупых и недобрых родственников, которые её никогда не слышат и частенько обижают издевательскими комментариями и недобрыми шутками, задёргали до нежелания жить. Мать там постоянно на неё нападает на пустом месте. Если не вырвать из этой семьи, её там просто затравят. Так что пусть лучше в вашем доме живёт, хоть живая будет.

— А тебе какая польза? Ты что-то сильно радуешься.

— Ну, теперь я рабыня, а ты будешь танцевать ваши строевые танцы с Ангелочком. Я

смогу спокойно лечить людей..

— Ах ты же хитрюга! — я ущипнул Ва за задницу.

Ва взвизгнула, но даже не подумала отстраниться, наоборот, придвинулась поближе.

Ангелочек переехала на следующее утро. Слушаться она никого не собиралась и выполнять никакую работу её заставить было невозможно. Зато претензий было огромное количество: чашки недостаточно мытые, на столе не та скатерть (это в походных-то условиях!), почему ты стоишь там, где я иду, я об тебя споткнулась, и вообще вы должны двигаться умнее, чтобы мне было легче пройти. Самое удивительное, что её все любили даже при таком поведении. Что-то в ней было такое от детского и искреннего жизнелюбия, которое хотелось холить и лелеять.

Поскольку собственных обязанностей у Ангелочка не было, она ходила либо за мной, либо за Ва. Когда меня привлекали к работе переводчиком, ей было неинтересно, хотя язык кочевников она знала не хуже меня. В такие дни она предпочитала проводить время с двести пятой. Та мигом нашла ей работу по составлению лекарств из растений, и это было то, в чём Ангелочек действительно разбиралась. Лекарства из трав, выходявшие из-под рук Ангелочка, были намного действеннее. Ва даже пришлось уменьшать дозы.

На третий день после переезда моей «жёнущки» Ва заявила, что у нас два случая краснотуберкулезной чумы в лагере. Это значит, что мертвозоры, они же свихты, они же гхули добрались до наших войск, и нужно прочесать все пространство вокруг лагеря на три версты. Главнокомандующий снизошёл к словам жрицы и поднял всю кавалерию. Мы с Ва как конные тоже должны были идти. Я положил перед Ангелочком втихаря срисованную в штабе карту, попросил найти чудовищ. Ангелочек нарисовала шесть точек.

Мы выехали семейным патрулём: я, все мои родственники, кроме Ангелочка, и дети вассалов с родителями. В первой точке мы нашли волка, который прилачился воровать с лагерьной свалки. Мы даже не стали его преследовать. Во второй точке мы не нашли никого. В третьей точке мы подняли одного гхуля. Иксуня сразила его стрелой на втором прыжке. Мы забросали тело сухой травой, используя длинные палки, и подожгли.

Четвёртая точка находилась посреди почти «съеденной» лагерем рощицы. Деревья были спилены неровно, не под корень, а как было удобнее пилить заготовителям дров. После заготовки дров поверх высоких пеньков выросла высокая трава. Продвигаться по этому на конях было очень опасно. В поисках относительно проходимых тропинок наша группа была вынуждена разбиться. Старшие братья и вассалы — отцы семейств поехали осматривать остатки несрубленных деревьев, мы с сёстрами, Ва и детьми вассалов взяли на себя срубленную часть. В некоторый момент мы с Ва вообще остались в одиночестве. Остальные члены группы оказались за небольшим холмиком, поросшим высокой травой.

И вот тут-то мы и нашли чудовище. И почему я не попросил Ангелу отметить только гхулей, зачем я сказал слово «чудовища»? Поначалу я подумал, что это человек в серой куртке, и даже хотел спросить, не плохо ли ему. А потом он обернулся, и я увидел большие зубы хищника и острые ушки. Его спину покрывала не куртка! Это был короткий серый мех. И жевал он совсем не свеклу, а вполне человеческую руку. Мерхал, ночной охотник, любитель мертвечины и одиноких прохожих. К тому же ещё способный превращаться в плоское пятно для маскировки. Частично разумное существо, они могут использовать палки в качестве оружия. И очень, очень крупное существо. Я потянул меч, заорал «К бою!» и пришпорил коня. На этот раз Трач послушался. И тут за спиной мерхала возник бес, точно такой, как рисуют бесов в церквях и какого я уже один раз видел. Этот ещё был и в красных

сапожках. Бес что-то сделал, и нас с Ва окутала тьма. Я видел только жрицу, которая в нескольких шагах от меня отчаянно тёрла глаза. Всё, хана, сейчас нас мерхал порвёт на куски.

На всякий случай я продолжил махать мечом перед собой, но главным делом принялся читать отходную молитву:

— Господин наш, помилуй меня и прими дух мой, да не заплутаю я в путях зла...

Тьма раздалась, чтобы пропустить сверху через два сияющих невыносимой голубизной отверстия престранных существ. Одним был очень пузатый мужик, второй — тоненькая девушка. При попытке понять, во что они были одеты, глаза просто уплывали в сторону. Оставалось только ощущение, что они одеты в какие-то строгие черные костюмы.

После появления странных существ тьма сразу рассеялась.

Мерхал, который уже набирал скорость по пути ко мне, испуганно затормозил, увидев двух новых противников. Но эти ребята проигнорировали чудище, просто обойдя его с двух сторон, и кинулись к чертяке.

Обрадованный мерхал решил, что это его шанс, и попытался напасть на меня. У него была не просто палка, у него была огромная дубина. Я встретил его удар щитом и попытался уколоть мечом.

Удар дубины был очень силён, рука почти отключилась. От укола мечом чудище увернулось, я лишь слегка порезал шкуру. И тут мерхал затормозил и начал шататься. Я кинул взгляд на Ва. Она убирала ядовитую трубку за щёку.

Странные люди в чёрном вязали демона в узлы, в очень тугой узел из множества мелких узлов.

Я наконец-то достиг тела мерхала и проткнул его мечом. Хлынула черная кровь. Чудище упало и испустило дух.

Я проехал к людям в черном и спрыгнул на землю. Остропузый мужик держал упакованного беса в руках, как сумку с арбузом. Девушка отряхивалась. Над ними уже начали зажигаться голубые круги.

— Постойте! Вы кто? Ангелы?

Мужик посмотрел на девушку, пожал плечами и неуверенно кивнул. Девушка тоже пожалала плечами.

— Научите меня? Чему-нибудь!

Парочка бойцов опять переглянулись, круги потухли. Девушка подошла ко мне и изобразила прямой удар от пояса в грудь. Я не знал, как на это реагировать, и девушка вынуждена была сердито развернуть меня за плечо второй рукой так, чтобы демонстративный удар прошел в нескольких сантиметрах от моего тела. Потом она изобразила рубящий удар сверху и аналогично развернула мое тело очень компактным движением вокруг позвоночника.

После этого парочка, не говоря ни слова, сложила ладони домиком и медленно поднялась в зажегшиеся над ними круги голубого света.

— Это кто вообще? Посланцы какого бога? — спросила потрясённая двести пятая.

— Кажется, наши ангелы.

Наши товарищи услышали сигнал к бою. Над холмом взлетела Самата с луком наготове, но никого не увидела и снизилась. Вскоре вся группа примчались на помощь. Туша мерхала произвела на них должное впечатление.

Иксуня поднесла к губам сигнальный рог, призывая остальной отряд.

Самата удивлённо спросила:

— Это ты его смог убить?

Я посмотрел на Ва:

— Мы. По большей части.

— Как это «по большей части»?

Меня била сильная нервная дрожь. Самата это заметила и не стала расспрашивать. Меня трясло не от страха. Шок вызвало понимание того, что все слышанные в детстве рассказы про Бога и бесов подтвердились. Особенно меня впечатлил образ беса. На этот раз я рассмотрел его очень хорошо. Было в нём нечто настолько гордо красивое и притягательно порочное, что хотелось бежать к нему, чтобы окунуться в его грязь с головой. И, что самое главное, теперь бесы пытаются меня уничтожить.

Тело мерхала забросали сухой травой, остатками веток и подожгли.

Прибывшие братья выкатили из огня и отрезали голову чудовища. Ещё один жуткий сувенир для замка.

В пятой точке мы прибыли к шапочному разбору — регулярные отряды уже подняли гхуля, и получилось так, что они гнали его на нас. Девчонки нашилиговали чудовище стрелами. При обсуждении добычи с благородной компанией мы сразу согласились, что честь уничтожения чудовища принадлежит им.

Шестая точка уже была проверена патрулями нашей армии и кочевников, ловить там было некого.

После нашего возвращения мы попросили Ангелу повторно отметить чудовищ на карте. Та нарисовала ещё три точки. Но мы уже никуда не поехали по причине позднего вечера.

Ангела отличилась повышенной чуткостью. Только она заметила после нашего возвращения, что меня трясёт. Пришлось признаться, что я очень испугался чудовища. Ангела меня пожалела. Меня её сочувствие неожиданно тронуло.

Охота на чудовищ продолжалась ещё несколько дней. Вастараба добилась того, чтобы всех заболевших краснобубонной чумой (а их уже было десять человек) отвели в удалённый карантинный лагерь. Там она испробовала на них свои новые лекарства из ядов. Половина людей умерла от чумы, треть от яда, когда Ва увеличила концентрацию. Когда стало ясно, что они не поправятся, Ва настояла, чтобы их расстреляли из луков и сожгли на больших кострах. Ва была обязана присутствовать при расстреле, я как её господин тоже. Зрелище того, как наши стреляли в своих ради общего выживания, потом долго стояло у меня в глазах. Я потом почти всю ночь не мог уснуть, двести пятая меня до утра обнимала и целовала. Казалось бы, с чего это? После месива большой битвы должен был бы привыкнуть.

Мы на охоту уже не ходили, только передавали в штаб рисунки Ангелы.

Случаев краснобубонной чумы в лагере больше не было.

* * *

В одно прекрасное утро Ангела спалилась. Мы в очередной раз поспорили с малышкой, кому идти за вещами перед выездом на очередную боевую тренировку. Я говорил, что она в этом случае как якобы жена является моей помощницей и должна готовить своего рыцаря к бою, Ангела говорила, что она по статусу такой же боец ударной кавалерии и не уступает мне в статусе ни в чём. Через несколько десятков секунд я обнаружил себя вне шатра с

твёрдой уверенностью в том, что я должен сходить и принести вещи. Я проанализировал чувства и понял, что я ни на секунду не соглашался с идеей того, что я должен идти. Почему же я здесь? Память услужливо подкинула ряд случаев, когда я точно так же выполнял желания Ангелы, ничуть с ними не соглашаясь. Вывод был достаточно очевидным: основной способностью Ангелы было умение внушать окружающим свои приказы. Так вот почему граф так легко избавился от неё... Похоже на то, что даже если я использую её как любовницу и буду бить каждый день, они сделают вид, что ничего не происходит, лишь бы обратно её не вернули.

Я вернулся в шатёр и напрямую спросил об этом Ангелу. Девушка сникла и отвернулась:

— А ты думаешь, как я выживала со своими пакостными родственниками? Они надо мной издевались каждый день, не слушали никогда, даже тогда, когда я говорила, что мне смертельно больно или обидно. Так я стала раздавать им приказы, а они слушались. Против своей воли. Ты теперь меня выгонишь?

По голосу Ангелы я понял, что она плачет.

— Наоборот. Теперь я как раз готов на тебе жениться. Хоть сейчас. Потому, что теперь ты искренняя и уязвимая. Теперь мне хочется тебя защищать. Только не применяй больше внушения. Мы должны быть честными друг с другом.

Я подошёл к Ангеле и обнял. Проклятие, я просто хотел утешить ребёнка. Кто же ожидал, что она меня обнимет и поцелует? И будет целовать долго и сладко. Руки, привычные к ублажению Ва, сами пошли к шее и бёдрам, ухватили её между ногами. Девушка даже не подумала сопротивляться, только плотнее прижалась. Тут в шатёр вошла Ва, которая по идее уже должна была подходить к лечебнице.

— О, какие вы молодцы! Двигаетесь в правильном направлении! — обрадовалась Ва.

— Ва, ты не к месту.

— Очень даже к месту, — сказала Ва и сдёрнула с меня штаны.

Я прижал к себе Ангелу, поцеловал её в щёчку:

— Не обращай внимания на этого мастера плотских дел.

Ангела погладила меня по мужскому органу и вернула руку на плечо.

— Не останавливайся, малышка, вперёд, в атаку! — воодушевилась Ва, схватила руку Ангелы и положила мне на попу. И только тут она заметила слёзы на глазах у девушки.

— Ой, кажется, я правда не к месту, — допёрла наконец жрица.

— К месту, к месту, не извиняйся, — сказала Ангела, опустилась на колени и с интересом рассмотрела мужской орган, погладила его ещё раз. После чего отвернулась и пошла собираться на тренировку.

Глава 10

Второй тур Асмирского балета

Две недели шла напряжённая учёба. Тренировалась только кавалерия, учились по условным сигналам быстро наступать и быстро отступать. Потом нам объявили приказ: вся кавалерия уходит на перехват огромного обоза, который идёт на усиление городка противника. От успешности этого набега зависит, будет ли зимой этот городок кочевников проблемой или нет. Вся пехота оставалась в лагере, под прикрытием гуляй-городов и постоянных укреплений.

Государь распорядился танцевать полный балет перед выходом на битву. Ва радовалась тому, что может не танцевать и спокойно заниматься подготовкой лекарств, пока ей лично не принесли из штаба приглашение присутствовать в ложе для почетных гостей. Пришлось одеваться по красивее.

Оказалось, что Ангела очень неплохо знала все па всех отделений балетов. Мы с ней всё время ошибались, но окружающие взрослые ошибались ещё больше, при этом они искренне веселились. Было даже завидно, что мы, сосредоточенные на фигурах балета, так веселиться не могли. Ва торчала за загородкой для уважаемых кочевников и развлекала их светской беседой, от чего устала намного больше, чем мы.

Сигура в числе других раненых тоже участвовала в балете. Кто не мог ходить, тех положили или посадили рядом, кто мог ходить, тем выделили отдельную колонну. Для возвращения раненых домой командование сформировало большой обоз с конвоем, их должны были отвезти назавтра, сразу после ухода боевых отрядов. Но для начала они должны были принять участие в балете.

В поход выступила действительно вся кавалерия, все, кто держался в седле, даже Ангела пошла. Как выяснилось позже, у мамы Ангелы была более сильная способность в области ясновидения и положение противника на карте она указывала точнее. Но талантами Ангелы главнокомандующий тоже не пренебрегал. Каждое утро до сигнала к движению к нам являлся посыльный из штаба и клал перед девушкой копию карты.

Вышла не только кавалерия, за войском двигалось огромное количество лёгких повозок, приспособленных для быстрого движения по бездорожью. У них были огромные колеса, почти в мой рост, и всего одна ось. Только половина из них везли продовольствие, остальные шли пустыми. Генерал зачем-то взял с собой даже десяток лёгких катапульти.

На мой удивленный вопрос, зачем тащить пустые повозки, отец со смехом ответил, что это для таких дураков, как я, кто любит врагу в пасть прыгать, и обратно поедет сильно порезанным. Отец тоже пошел, несмотря на то, что нога гнулась ещё не очень хорошо.

Двигались мы очень быстро, проходя за день огромное расстояние. Про такое передвижение говорят «обгоняя вести о самих себе». Даже еду старались не готовить, генерал заранее всех предупредил, что первые три дня придётся есть только хлеб, сушеное мясо и копчения. Насколько я понимаю, мы забрались в тыл кочевникам вёрст на шестьсот — семьсот. В уме не помещались расстояния, на которых велась эта война.

Ещё в первый день я обнаружил, что песни Радо могут веселить не только кочевников. Когда к концу первого дня я устал пытаться удерживаться на болтающемся седле и начал оглядываться, то обнаружил, что все окружающие меня люди хмуро трясутся на своих лошадях и уже почти дошли до предела.

Я начал напевать один из наших маршей, весело и радостно. Народ начал просыпаться, включать сознание. Кое-кто начал подпевать. Все сразу приободрились, подтянулись. А я понял, что теперь никогда не смогу забыть о том, что можно следить за эмоциональным состоянием окружающих и подправлять его. Похоже, Радо учил меня песням именно для того, чтобы я научился именно этому умению контроля своего состояния и состояния окружающих.

Во время очередного перехода наш отряд под командованием отца был назначен в дозор. Мы должны были двигаться слева и чуть впереди от основного потока. Дорог тут не было нигде, но путь слева от намеченного для движения армии был сущим наказанием. Сплошные промоины, высокая трава, заросли каких-то растений типа камыша, которые не брал ни меч, ни топор — мы двигались совсем не так быстро, как предполагалось, и понемногу отставали от основных войск. Отец нервничал и подгонял, но толку от этого было мало. Все чаще приходилось слезать с коня и прорубать путь топором. Обычно мы с братьями делали это цепочкой — один рубил путь перед лошадьми, а остальные продирались сквозь заросли вперёд и рубили дорогу дальше. Перейдя в очередной раз вперёд, я раздвинул камышеподобную траву и обнаружил перед собой бера — да не обычного, а охотника на беров, то самое чудовище, которое вырастает из серых мозгоедов. Мне показалось, бер удивился не меньше моего.

На этот раз я решил отступить, громко предупреждая братьев. Наверное, это была ошибка. Чудовище решило, что я испугался и убегаю. Бер кинулся вперёд и мигом подмял меня под себя. Меня спасло только то, что он увидел работающего за мной Консанса и попытался свалить того ударом гигантской лапы. Консанс успел включить защиту, дальше я ничего не видел, так как на меня легло огромное брюхо зверя. Я попытался достать кинжал и воткнуть его в брюхо зверя поглубже. По-моему, зверь этого не заметил. Неожиданно туша куда-то умчалась. Я откатился в сторону, поднял глаза... И увидел демона, который водил в воздухе руками. Я сразу начал молиться. Демон со страшными ругательствами превратился в дым и исчез.

Судя по звукам, битва продолжалась где-то в стороне. Когда я нашёл своих, все мужчины отряда стояли вокруг зверя с отрубленной головой и задумчиво обзревали чудовище. Все сильно помятые, но вроде бы целые.

— Надо сжечь, — напомнил я.

— Не нуди, дай отдохнуть. Сам как, цел? — спросил отец.

Я опросил внутренние ощущения:

— Вроде да.

— Как же мы тебя вечером будем из лат доставать? Похоже, придётся по частям выковыривать, — пошутил отец.

Я опустил взгляд и обнаружил, что латы сильно помяты, особенно нагрудный пояс.

Вся компания весело засмеялась нехитрой шутке. Вот счастье-то, Пусю подколошь. Впрочем, всем нужна разрядка, так что пусть смеются.

А потом мы целый час пытались собрать траву для костра и поджечь. Трава гореть не хотела.

— Как думаешь, почему бесы ко мне прицепились? — спросил я двести пятую, обняв на ночь.

— Какие бесы? — заинтересовалась Ангела, обнимавшая меня с другой стороны.

Поскольку мы спали одетыми, сняв только верхнюю часть доспехов, никто не стал

возражать, когда Ангела на первой же стоянке улеглась рядом со мной и Ва. Пришлось мне и её целовать на ночь.

— Не знаю. Я их никогда не видела. Вот о наших тёмных персоналиях слышала много, они даже на наших сестёр иногда нападали. Возможно, хотят уничтожить того, кто говорил с Радо и может сказать кочевникам что-то полезное.

— А кто такой Радо? — спросила Ангела.

Пришлось вкратце рассказать малышке о богах кочевников и о том, как я познакомился со странным бродягой.

Долго рассказывать не получилось, так как отец прикрикнул на нас, что отбой уже был и отдыхать — это приказ.

* * *

Колонна противника обнаружилась именно там, где ожидалась по донесениям разведчиков и ясновидящих. Мы обрушились на них ранним утром, когда воины ещё не облачались в доспехи. Если посчитать количество воинов, то их было, наверное, не меньше, чем нас. Большинство из них были пехотинцами.

Битвы не получилось, получилось избиение. Большинство воинов просто сразу сдались. Тех немногих воинов, которые успели надеть доспехи и построиться в коробочки, расстреляли из катапульта.

Мы с Ва, Ангелой и гадюками торчали во второй линии, оказывали помощь раненым, так что всего избиения не видели. Раненых было немного, но всё-таки были. Нам хватило.

Ближе к вечеру прибыл посыльный от генерала, сказал, что среди пленных обнаружили какую-то жрицу. Ва приглашали посмотреть.

Мы вскочили в сёдла и поехали. Жрица обнаружилась среди длинных рядов пленных, сидевших на земле со связанными руками. У неё на голове тоже была треугольная шапочка, похожая на шапочку Ва, но эта шапочка очень сильно отличалась. Да и вся одежда у неё сильно отличалась. Она была предназначена скорее для того, чтобы подчёркивать женские прелести, чем скрывать.

При взгляде на эту пышную полураздетую деваху во мне возникли очень сильные противоречивые ощущения. С одной стороны, хотелось кинуться на неё, как на жирную землю, чтобы посеять, посеять, и посеять. С другой стороны, хотелось бежать от неё, завывая от ужаса и от того, насколько грязные и животные глубины она поднимает в твоей душе.

— Расстрелять из луков, стрелы из тела не доставать, дать прогореть вместе с телом, наконечники достать только через пять минут, — сказала Ва графу ага Аркнейн, на которого генерал свалил все дела с пленными. Потом Ва осмотрела соседних кочевников и начала указывать: — А ещё так же расстрелять и сжечь вот этого, этого, этого и этого. Этих троих в каратин, они не так больны, их ещё можно вылечить.

Пока Ва с графом ехали вдоль ряда пленных, неведомая жрица мне подмигнула:

— Я люблю удовлетворять мужчин. Если хочешь, стану твоей рабыней. Не пожалеешь.

Соседние кочевники захихикали:

— Да, эта умеет. Не пожалеешь, красавчик.

— От тебя за сто шагов несёт пороком духа. Вот ещё с грязью мне связываться очень

хотелось...

Наши благородные, стоявшие в охране, весело заржали. И чего они так ржут? Ва с графом вернулись.

— Мы обычно не расстреливаем пленных. Тем более таких, которые сдались сами, добровольно перешли на нашу сторону, — говорил граф.

Ва развернулась и осмотрела наших солдат:

— А ещё расстрелять и сжечь вот этого и вот этого. Нечего было трахать жрицу Родиты. Их набирают среди тех девочек, которых ещё в детстве продали в платные женщины. Кто не распался морально к пятнадцати годам, тех делают жрицами Родиты, учат петь и танцевать, а также художественно удовлетворять мужчин. Родита — богиня зачатия и удовольствий. В её честь положено заниматься любовью со всеми... с полями, растениями, животными и любимыми людьми. Глупые кочевники считают за счастье поиметь такую жрицу. Только они уже к четырнадцати больны всеми половыми заболеваниями, которые только существуют. Если не грохните указанных людей, у вас эти болезни по всему лагерю пойдут. А некоторые из них очень злые. За полгода у вас нос провалится, а затем и сердце в студень превратится.

— А лекарство?

— Нет. Можно было бы не расстреливать своих, если была бы уверенность в том, что они ни с кем целоваться и заниматься любовью не будут. Но это невозможно, от этой болезни очень сильно хочется трахаться.

Граф распорядился привести священника, а затем приказал расстрелять всех кочевников, на кого указала Ва. Даже тех, кого можно было вылечить.

Жрица Родиты начала выкрикивать проклятие Васте и всем её жрицам. Кричала она недолго.

Глядя на утыканных стрелами людей, потрясенная Ва сказала:

— Но троих же можно было вылечить?

— А по пути они заразили бы ещё несколько десятков. Я не уверен, что доведу до нужного места остальных пленных. Возможно, их всех придётся пустить под нож. Так что делаем что можем.

Пришёл святой отец, принял исповедь у блудников. Их расстреляли и положили на костер вместе с кочевниками. Ва бегала вокруг и следила, чтобы никто не касался тел руками.

А она умеет быть безжалостной.

На обратном пути я спросил:

— Ва, а что это за богиня такая? Если у неё жрицы такие? Я по описаниям считал, что это просто богиня плотской любви.

— Богиня плотской любви, семьи и здоровья детей — это Здравалания. Ей молятся о послании супруга, о крепости семьи и здравии детей. Но людям этого мало... Им хочется удовольствий без ответственности. Вот для таких людей и есть Родита. У вас же в богах есть тёмные личности? Дьявол, бесы?

— Это не боги. Это просто враги Бога.

— Не важно. У нас их аналоги — тёмные боги. Чернобог, Родита, там их ещё много, больших и малых, несколько сотен. Даже я их всех не знаю.

В лечебницу наших раненых больше не приводили. Начали приводить пленных раненых кочевников, тех, кто ещё мог идти. Этих было намного больше.

Ва переговорила с некоторыми и выяснила, почему победа досталась нам так легко. Эти

люди были из недавно завоёванного государства. Их поставили перед выбором — воевать против нашей империи или смерть. Они ненавидели захватчиков не меньше нашего. Их гнали в городок скорее не как воинов, а как рабочую силу и пахарей — они должны были подготовить площадку для наступления в следующем году.

Вместе с огромным количеством пленных мы захватили и обоз с продовольствием и оружием. Теперь кочевникам в городке точно придётся съесть всех лошадей.

Обратно мы почему-то возвращались другой дорогой. Мало того, генерал приказал не ждать медленно идущий обоз и колонну пленных, а двигаться к цели на максимальной скорости.

Последнее решение вызывало много пересудов. Если кочевники не совсем дураки, то они постараются отбить обоз, и наша малочисленная охрана не сможет их сдержать. Разведчиков противника видели многие, они часто крутились вокруг армии. Догнать их было невозможно — на своих маленьких лошадках они скакали очень быстро, к тому же их не было видно в высокой траве. Было очевидно, что противник знает если не об основной армии, то об обозе почти всё. Но потом начальники отрядов приказали всем заткнуться и довериться начальству.

Двигались мы как-то странно и совсем не в сторону лагеря. Сначала мы шли к городку кочевников, потом повернули на юг, потом опять на запад. А потом вообще три дня прятались, стирались и сушились.

Вечером третьего дня объявили приказ: генерал надеялся, что кочевники купятся на приманку в виде обоза и пошлют часть сил для его захвата. Это позволило бы уничтожить силы противника по частям. Но кочевники не купились. Поэтому мы идём на соединение с нашей пехотной армией, которая в настоящий момент начинает осаду городка кочевников.

Ещё два дня дикой скачки, и мы увидели город противника, коробочки наших гуляй-городов и скачущих вокруг них кочевников. Правильнее было сказать, что не наша пехота осаждала городок, а конные кочевники осаждали нашу пехоту. Передовые отряды с ходу пошли на помощь пехоте и врубались в отряды кочевников. Противник удара не ожидал. Часть подразделений погибла, раздавленные нашей тяжёлой кавалерией, но большинство кочевников успело удрать за укрепления через дальние ворота. Началась планомерная осада.

Глава 11

Третий тур Асмирского балета

За прошедшее время кочевники успели построить довольно неплохие укрепления. Ничего особо хитрого, рвы и стены из брёвен, но даже издалека было видно, что их внутри много. Обычная армия могла завязнуть в таких укреплениях надолго.

Но у нас были катапульты. И они заработали сразу, как только наши отряды разогнали последних конников противника с этой стороны стен.

Нам дали два дня отдыха, сказали, что строителям и катапультам нужно время, чтобы расчистить дороги для удара. Вечером второго дня объявили приказ: нападать будем в полдень третьего дня.

Поздним вечером мы с Ва и Ангелой были в лечебнице, заканчивали дела, чтобы хорошенько отдохнуть перед завтрашней битвой, когда в шатёр зашёл Одрамас. Я опешил, Ва рывкнула, что сегодня больше приёма нет.

— Поехали, устроим победу вашей армии, — сказал аватар Радо.

— Вастараба двести пятая, Ангела, я еду одерживать победу для нашей армии.

— Вы с двести пятой едете одерживать победу. Вражеская армия сейчас с темнотой пойдёт в наступление, а мы ей устроим удивление.

— Вастараба двести пятая, форма одежда для боя. Едем одерживать победу.

Ва удивилась до потери речи, но послушно влезла в свои лёгкие доспехи.

Часовые не обратили на нас никакого внимания, когда мы выехали за границы охраняемой зоны и помчались к холму за городом. Кто бы удивился.

За холмом обнаружилась построенная для боя конная армия кочевников. Откуда она тут взялась? Мы проспали приход целой армии?

— Подземный ход, — пояснил Одрамас, — они прорыли его на случай осады, для доставки продовольствия, а потом решили, что ударить вам в тыл в момент, когда все подразделения будут штурмовать укрепления, будет хорошей идеей. А потом они посчитали количество противников и решили, что ударить сегодня ночью будет ещё лучшей идеей. У них может получиться. Поэтому сейчас мы немного добавим тебе силы, а ты пожелай кочевникам чего-нибудь такого, чтобы они не смогли напасть.

— Мы?

— Я и эти двое.

Мы подъехали к вершине холма, на котором стояли две фигуры в чёрном. Толстый мужик и тоненькая девушка.

— Вы тоже участвуете? — удивился я.

— Нет, это ты тоже участвуешь, — неожиданно весёлым голосом ответил мужчина.

— А что я должен пожелать? — обратился я к Одрамасу. Ответил опять мужчина:

— Включи фантазию. Только учти, что это божественная энергия. Она не любит, когда её заставляют убивать. Так что всё, что угодно, кроме приказа умереть или нанести себе повреждения.

— А почему вы не можете этого сделать? Я не знаю, что говорить.

— Мы не живём в плотских телах, нам не страшно и мы не умираем от меча. Поэтому мы не можем требовать того, чем живут люди, — ответила девушка красивым голосом.

— Могли бы хоть намекнуть, — обиженным тоном подала голос Ва.

— Молчи, рабыня другой богини. Тебя взяли только на тот случай, если твой господин не выдержит такого количества энергии и его надо будет исцелять, — сказал Одрамас.

Ва спохватилась:

— Простите, господин.

Я чувствовал какой-то подвох во всём этом деле.

— А почему именно я должен желать? У нас в лагере полно людей с даром внушения. Даже моя Ангела или её мама...

— Видишь ли, малыш, у тебя есть некоторые суперспособности, но они немного не от мира сего. Но по мелочи кое-что пожелать ты можешь, и оно сбудется. Пока твои способности ещё в зачаточном состоянии, поэтому мы тебе добавим свои силы, а лет через тридцать — сорок будешь сам вторить, что пожелаешь, — ласково объяснил мужчина в чёрном.

У меня есть суперспособности? Но они не от мира сего? Вот так новость. Что бы ещё это значило?

Я задумался. Пока я думал, Одрамас и люди в чёрном шептали какие-то слова и размахивали руками. Потом они заявили, что надо ждать до темноты, иначе не сработает.

Тем временем суэта в строю противника понемногу прекращалась. Воины заняли свои места, слуги разнесли все необходимые запасы. Конники принялись жевать в сёдлах свои лепёшки.

Пока ждали, Одрамас посмотрел на компанию и сказал, что нам сейчас, возможно, придётся очень быстро передвигаться, поэтому лучше будет вызвать каких-нибудь скакунов. Люди в чёрном действительно вызвали себе скакунов. Мужчина — маленькую лошадку, как у кочевников. Девушка вызвала себе нечто огромное и клыкасто — когтистое. Настолько огромное и клыкастое, что наши с Ва кони даже не подумали убежать, они только замерли и попытались притвориться камешками. Правда, крупная дрожь их выдавала.

Я наконец решил, что буду говорить.

— Я придумал, давайте вашу энергию.

Одрамас и мужчина потребовали от меня полностью раздеться, а затем направили на меня руки. Я ничего особо не почувствовал, только лёгкое покалывание и мужской орган вдруг подскочил в рабочую стойку. Потом я заметил, что тело немного светится.

Я заставил Трача сделать шаг вперёд, протянул руку к кочевникам и начал декларировать:

— Обращаюсь ко всем добрым силам моей земли, к живости ручейков и силе рек, к жажде жизни травы и могучести деревьев! К любви всех матерей и заботе всех отцов! Принимаю вашу силу, направляю вашу силу на силы злые, вражеские: да не посмеют они поднять меч или стрелу на людей нашего государства! Да не откроются их глаза, пока не захотят они увидеть правду и добро, да останются их мысли, направленные на разрушение!

Мне показалось или вокруг нас на холме разлился свет и устремился к врагам?

— Хорошо сказано, малыш. Одна из лучших защитных речей, которые я слышал, — сказал Одрамас.

— У нас беда. Что-то пошло не так, — сказал мужчина в чёрном.

Я его слова отметил только краем сознания, так как мой взгляд упал на двести пятую. Я как-то вдруг заметил, какая она красивая и жизненная. Широкий таз для рождения детей, тонкая талия, мощные мышцы для прыжков и бега, большие красивые груди, красивый лик... До чего же она восхитительная и как женщина, и как человек! Добрая, самоотверженная!

Я подъехал к Ва и поднял её из седла одной рукой. Быть такому телу в одежде было просто оскорблением для её красоты, поэтому я слегка встряхнул девушку. Доспехи и одежда осыпалась с неё, как шелуха.

Я приблизил девушку, чтобы прижать к сердцу и передать ей всё моё восхищение. Ва принялась отбиваться острыми коленками и локтями:

— Только не в меня! Только не в меня!

Я попытался утешить её:

— Не бойся, я не собираюсь тебя насиловать! Я хотел только к сердцу прижать!

Почему мой голос звучит так низко, будто земля резонирует?

— Только не в сердце, только не к сердцу!

Было очень обидно, что Ва отказалась от моей ласки, но я послушно отвёл руку в сторону. Потом я как-то вдруг сообразил, что держу девушку на вытянутой руке за волосы, и устыдился этого. Я разжал руку, и Ва грохнулась на землю. Упала она неожиданно жёстко. Упала, свернувшись в калачик и заплакала. Неужели что-нибудь сломала?

Тут я заставил себя прислушаться к тому, о чём заговорили люди в чёрном и Одрамас.

— Похоже, мы дали ему силу исполнения желания, а он пожелал себе силу всех природных сил своей земли... И получил. Это почти божественная сила, — говорил мужчина.

— Надо было ему бабу захватить, — предположил Одрамас.

— Что ты, такая сила ни в одну женщину не поместится. Жрица права, что отбивалась до последнего.

— И что будем делать?

— Будем его уговаривать сдерживать силу, пока она сама понемногу не рассеется.

— Плохой план, — подала голос девушка.

— Другого нет, — сказал Одрамас и обратился ко мне:

— Полисаний, радость моя. Успокойся, всё хорошо. Ты успокоил кочевников надолго.

Ты зачерпнул слишком много силы, из-за чего ты можешь быть опасным для окружающих. Почти каждое твоё желание будет стремиться исполниться, поэтому ни на кого не позволяй себе сердиться, даже в ответ на прямые обиды молись, чтобы у человека стало всё хорошо и Бог просветил его всякой мудростью. Ничего не желай в ближайшие дни, даже в шутку. И даже мысленно ничего не желай.

— А как же с ближними разговаривать?

— Самыми простыми словами, без слова «хочу».

Я сообразил, что Ва до сих пор плачет на земле, совершенно голая, и поскорее соскочил с коня, чтобы помочь ей.

От одежды и доспехов остались только мелкие обрывки. Пришлось её закутать в мой белый плащ лекаря. Я как мог, утешил девушку, нашептал ей на ушко, что желаю ей только добра и никак её не обижу.

— Ты сказал слово «желаю», — сделал замечание как бы ангел в чёрном.

— Извините.

Я посадил Ва на коня, оделся и залез сам. Кочевники были плохо видны в темноте, но кажется, их армия не шевелилась.

Пока я одевался, люди в чёрном исчезли. Выяснилось, что Ва настолько в расстроенных чувствах, что не может управлять конем. Пришлось её пересадить в седло перед собой, боком, а её коня вести в поводу.

Одрамас повёл нас обратно. Недалеко от городка кочевников исчез и он. Огибать осаждённый город пришлось вдвоём, что совсем не добавило мне настроения. Где все пикеты, все засады?

Сразу за первой линией заграждения обнаружился полностью готовый к битве передовой отряд нашей армии, а за ним среди проходов аккуратно расставленных гуляй-городов виднелась вся наша армия. Откуда они узнали? Ах да, Ангела.

Оная Ангела обнаружилась на коне перед отрядом, рядом с отцом, графом ага Дреяни. Я совсем забыл, в приказе говорилось, что он командует передовым отрядом.

По мере нашего приближения улыбки на лицах благородных кавалеров становились всё шире.

— Зятёк, ты пугал кочевников этой девчонкой или тем, что с ней делал? — пошутил названный папочка.

Здоровый хохот сотен плоток был ему ответом. Но в следующую секунду всем стало не до смеха, так как Ангела заявила нечеловеческим голосом:

— Я хочу то, что есть у него.

Она направила ко мне лошадь, а затем встала в седле и ПОЛЕТЕЛА, полетела прямо ко мне. Увидев эту картину, Ва стремительно соскользнула с коня и отбежала на несколько шагов. Ангела встряхнулась, и одежда слетела с неё шелухой точно так же, как недавно она слетела с двести пятой, когда я этого пожелал.

Раньше, чем я успел что-нибудь сообразить, Ангела плюхнулись на седло лицом ко мне, обняла и прижалась с нечеловеческой силой. Глаза у неё были закрыты. Потом она начала меня целовать и глубоко дышать. За первый вдох она высосала большую часть силы, которая до этого переполняла меня. Я почувствовал, что стало намного легче, как будто до этого был переполненным водой сосудом, а теперь стал нормальным человеком. С каждым вдохом Ангела росла, становясь всё более взрослой девушкой.

Ангела сделала всего десять вдохов, и я понял, что совершенно пуст. Передо мной в седле сидела взрослая тётенька самых аппетитных форм. Потом Ангела взлетела на высоту в три роста человека, раскинула руки и начала кружиться. Через пяток оборотов она ещё и танцевать начала.

Пока мы изумлённо пялились на танцующую в воздухе девушку, откуда-то незаметно появился Одрамас. Увидев его, я испугался, что благородные увидят в нём кочевника и нашигуют стрелами. Я поклонился ему и закричал:

— Это свои, не стрелять!

Я был проигнорирован всеми. Стрелять никто и не думал. Одрамас подъехал напрямую к графу ага Дреяни. Тот удостоил кочевника только одного взгляда, а затем опять перевёл глаза на танцующую дочь:

— Привет, песенник.

— Ваша светлость, надо отвести людей и всё, что можно, на пятьдесят шагов. Сейчас тут вырастут очень большие деревья, и очень быстро.

Граф отдал несколько приказов, горнист отыграл нужные сигналы, и весь отряд развернулся и отъехал. Стоявший перед ним в гуляй-городе отряд тоже передвинул свое укрепление.

Я посмотрел вниз. Одрамас был прав. Трава под нами кинулась в буйный рост. До сих пор это была вытоптанная трава лагерных тропинок. Теперь она почти достигла роста коня. Кое-где пробивались тоненькие стволы деревьев.

Трач обрадовался такой дармовщине и принялся жевать то, что само лезло в рот.

Одрамас подъехал ко мне:

— Я сейчас попробую уговорить её стать богиней всех растений. Если не получится, то у нас Большие Проблемы.

И он обратился к Ангеле, тихо, так, чтобы слышала только девушка и я:

— Госпожа растений, прекрасная дева! Пойдем со мной, в царство небесное, там множество зелёных полянок, на которых ты сможешь танцевать, сколько угодно, под прекрасную музыку!

Ему ответил совсем не человеческий голос:

— Мой земной путь ещё не завершён. Я ещё не узнала всех интересов и страданий, которыми живут смертные. Я хочу попробовать любить таких милых мальчиков, как вот этот. Мне рано на полянки. А музыка... Да! Музыка!

Девушка начала напевать, и весьма красиво.

Пока я паялся вверх, под нами с конём вырос дубок и чуть не пропорол животине брюхо. Пришлось срочно отъехать в сторону. Из зарослей не без труда выбрался Одрамас и с заметной досадой прошипел:

— И вот такая ерунда постоянно.

— Она кто? — спросил я, просто чтобы что-нибудь спросить.

— Человек, на грани того, чтобы стать богиней заботы о растительности. Или ангелом, по-вашему. Слышал теорию про то, что человеческие души живут вечно, переходя из тело в тело, пока не станут чем-то большим?

— Это не наше учение. У нас считается, что одна жизнь и к Богу на суд.

— Врут. Сам посмотри, все люди на разных ступенях, кто-то на уровне животного, а кого-то от богини отделяет совсем немного... Вот как эта. Когда увидела у тебя лишнюю силу, почуяла своё, высосала и теперь наслаждается новым качеством.

— У меня было ощущение, что это не она.

— Да, это её душа плюс сверхсознание. Что бы теперь ещё с ней сделать? Ты это, когда мы тебе в следующий раз дадим силу желаний, больше не желай получить силу всех трав, рек и ручейков. Это слишком большая сила, — Одрамас почесал в затылке, не переставая смотреть вверх.

Но ничего делать не пришлось. Ангела устала танцевать и тихо опустилась на ветви высокого дуба, который вырос под действием её силы, где и повисла без сознания. Высокие ветви. Как теперь её снимать? Вот бы сюда Самату, она высоко прыгать умеет.

Я развернулся и поскакал к строю благородных:

— Благородные судари! У кого-нибудь есть способность прыгать на высоту?

Все кавалеры стояли и как зачарованные смотрели на внезапно появившуюся рощу. От звука моего голоса они встряхнулись и пришли в себя.

— У кого-нибудь есть способность летать или лазить по деревьям?

— А тебе зачем?

— Девушку снять с дерева.

— О, так барон ага Дельни имеет способности кошки, — вспомнили сразу несколько человек.

Упомянутый барон выехал из строя. В сопровождении отца Ангелы мы подъехали к границе рощи, привязали коней и начали проламываться к дубу через высокую плотную траву и кустарник. Это было нелегко.

Лазил по деревьям ага Дельни и правда как кошка. Вжух, вжух — и он уже на вершине. Со спуском было сложнее, держать девушку одной рукой и спускаться было трудно.

Но вот тело наконец-то коснулось земли. Девушка потеряла формы взрослой женщины, но была гораздо крупнее своего прежнего двенадцатилетнего роста. Одрамас приложил к её лбу два пальчика и вынес вердикт:

— Сила её покинула. Она будет обычной девушкой.

Отец Ангелы торопливо завернул малышку в свой красный плащ. Из ниоткуда возникла Ва, ведя в поводу моего Трача, и помогла водрузить Ангелу в седло. Сама села за ней, по-мужски, не очень смущаясь тем, что короткий белый плащ, под которым ничего не было, взметнулся почти до груди. Так, понятно, кому идти пешком и вести буйного коня в поводу. Точнее, двух коней.

Мы спешно покинули волшебную рощу.

За границей высоких деревьев я восстановил способность соображать:

— Господин граф, необходимо срочно атаковать. Армия кочевников должна находиться за холмом в недееспособном состоянии.

— Откуда ты знаешь?

— Они прогневали своих богов. Песенник меня водил показать это. Краем досталось жрице Васты, а кусочек и вашей дочери. Видели, что творилось? Кочевникам пришлось хуже. Пошлите гонца командующему и разведчиков вперёд.

— Без указаний безусых обойдёмся. Вези девчонок в тыл.

Я хотел спросить у ага Дреяни, откуда он знает песенника, но тот уже был занят командованием. Пришлось тащить двух полураздетых девчонок на виду у всей армии.

И надо же было так случиться, что второй коробочкой чуть сбоку стоял отряд графа ага Аркнейн, а правофланговым наш папочка со всей командой родственников и вассалов!

— Доброго вечера, родные. Сейчас вас пошлют вязать кочевников. Они там немного в недееспособном виде находятся, так что готовьтесь, — сказал я первое, что пришло в голову.

— А рощу твоя ведьма вырастила? — спросил папочка.

— Нет, девчонка. Ангелочек. Кстати, она стала намного крупнее. Ва, покажи, а то родные не узнают потом.

Двести пятая продемонстрировала спящую в её объятиях Ангелу.

— Ага, — только и смог сказать папа.

Мы добрались до нашего шатра и легли спать как были, девчонки без одежды, я как был. Пребывая в шоке от всего произошедшего, я даже забыл, что Ангелу надо класть отдельно.

Проснулся я далеко за полдень, проснулся оттого, что Ангела потёрлась носиком о щёку. Было очень жарко. Быстрый осмотр показал, что жарко было оттого, что совершенно нагие Ва и Ангела спали на мне, закинув ноги, а летние лучи нагрели шатёр до невыносимого состояния. Какая-то добрая душа немного откинула входной полог. Если бы не это, мы бы уже умерли от перегрева, наверное. А ещё мне было жарко оттого, что я спал в полной одежде, только доспехи снял. И почему Ангела больше, чем Ва?

События прошлого дня начали понемногу всплывать в памяти. Танцующая на дубами Ангела, Ва висит в моей руке... Что там сказал Одрамас? «В следующий раз не зачерпывая столько силы»? То есть будет ещё и следующий раз? И за что мне это? И почему именно я?

Я осторожно высвободил руку из-под двести пятой и погладил Ангелу по голове:

— Малышка, что помнишь про вчера?

— Поли такой противный, убежал в поле и меня не взял... Потом мы с отцом ждали

сигнала к атаке, потом Поли приехал с лекаршей. А потом... Не помню, — пробормотала девушка сквозь сон.

Ангела явно силилась вспомнить, что произошло, но не могла. От таких усилий она окончательно проснулась, но открывать глаза не стала. Вместо этого она принялась целовать меня в щёки и глаза. Во почувствовала поток знакомой силы, и её рука начала шарить по штанам, ища мужской орган. Не найдя его сверху, она всё-таки ухитрилась сунуть руку под пояс. А у неё поведение во сне почти разумное. Ох, помогите мне все ангелы и боги кочевников не нагрубить им обоим из-за жары!

Я поцеловал Ангелу в ответ и слегка оттянул её голову за волосы:

— Малышка, ты должны кое-что узнать.

Ангела наконец-то открыла глаза и осмотрела себя:

— А почему я голая? И почему я такая большая?

Не успел.

— Ангела, ты должна кое-что узнать про себя. Вчера по тебе ударил кусочек божественной силы, боги кочевников порезвились. Из-за этого ты очень долго танцевала без сознания и растила деревья, выросла целая роща. Деревья в ответ дали тебе много силы, и ты немного выросла.

— Да? А я не помню. А ты меня уже сделал женой?

— Как? Я в полном комплекте под доспехи. Вчера мы как приехали, так и рухнули.

— А что это рабыня делает?

— Любимую игрушку ищет. Надо скорее выйти из шатра... И поесть.

И тут Ва нашла то, что искала. Ухватила так крепко, что чуть не оторвала, и потащила к себе. Не за ствол ухватила, за шарики. Я чуть не заорал от боли.

У Ангелы закатились глаза. Знакомый мне нечеловеческий голос произнёс:

— Осемени рабыню!

С этими словами Ангела с нечеловеческой ловкостью сорвала с меня штаны. Похоже, не вся сила дикой природы ушла из девчонки. Я им теперь не парень, а пахарь — осеменитель!

Ладно, если сразу две богини хотят беременности для жрицы...

Но ничего не получилось. От одной мысли о настоящем мужском деле, а может быть, и из-за жары труба сыграла «отбой», и пришлось вытирать грязь пучками травы из матрасика.

Ангела обмякла и рухнула на пол, Ва задышала спокойно и разжала руку.

Очухались они обе через минуту, одна пришла в сознание, другая проснулась.

Вопрос «Где наша одежда?» требовал решения снаружи. Я наконец-то смог выбраться на ветерок. Как же там было хорошо! Первое время я просто стоял, согнувшись, и дышал.

В лагере было неожиданно тихо и малоллюдно. У очага сидел только отец и грел нам котелок с чем-то съестным. Интересно, где правина Ангелы? Обычно она всегда торчит рядом с недовольным видом.

— Девчонкам нужна одежда, — не с первого раза смог сказать я.

Отец протянул руку к лежавшему рядом свёртку и подал мне два малоразмерных комплекта запасной одежды для воинов. Такие обычно называют «засранки», их надевают те, кто обосрался в одной атаке и кому важно переодеться не важно во что. Отец сказал:

— Командующий просил вас троих скорее приехать. Там какие-то странные пленные, без вас не могут разобраться.

Я сгрёб одежду и потащил девчонкам. Ва сидела и зевала, Ангела кружилась в танце и рассматривала свое новое тело. Никто прикрыться даже не подумал. У Ва по всему телу

были видны синяки. Неужели это когда она вчера упала с моей руки?

Пока мы завтракали, отец рассказывал последние новости. За холмом наша армия обнаружила стоявшую в полной неподвижности армию кочевников. Многие из них плакали. Наши забрали у них оружие, посадили на землю, связали, и только после этого обнаружили, что почти все кочевники потеряли зрение. Хорошо видели только лекари и рабы. Вся армия почему-то решила, что потерю зрения наколдовала Ангела своим растительным танцем. Сейчас войска зачищают город. Его действительно приходится зачищать. Кочевники вышли из города почти все, кроме немногих отрядов прикрытия, которые зрение не потеряли. Зато после себя они оставили много ловушек в виде заражённых краснотуберкулезной чумой людей и известных нам сереньких существ — мозгоедов в клетках.

Выяснилось, что кочевники собирались уходить в любом случае из-за слишком большого количества заболевших чумой. Обученные Ва гадюки уже всю работу находят среди пленных. Заражённых много. Костры пылают непрерывно.

Государь с главнокомандующим уже сломали всю голову, думая, что им делать с внезапно доставшимся городом и таким количеством пленных. Продовольствия у них мало, а людей и лошадей много. Подумывают этот город сжечь, а поближе к нам основать другой, для всех союзных кочевников. Этих пленных осадить там в качестве пахарей.

Среди кочевников нашелся очень странный отряд, они говорят на странном языке и вообще ведут себя странно. Никто не понял, кто это такие, даже наши союзные кочевники. Поэтому ждут Ва, чтобы решить, что с ними делать.

Мы быстренько поели. На Ангелину пришлось наорать, чтобы она помыла свой котелок. По своей старой привычке она хотела бросить его, где ела.

— Смотрю я на вас и умиляюсь, — похихикал отец.

Девчонки доспехи надевать не стали по причине полного исчезновения оных, так и поехали, в «засранках». При этом обе выглядели в них потрясающе. Одежда оказалась слегка обтягивающей.

Меня отец заставил натянуть всё, что полагалось, только шлем разрешил взять с собой. Сказал, что война ещё не закончилась.

Скакали мы быстро. При виде рожи, которую она вырастила, Ангелина ужаснулась. Такой силы она от себя не ожидала.

Пленные сидели на земле за холмом, примерно там, где я видел вчера войско. Длинные ряды мужиков, руки связаны за спиной какими-то легкомысленными ленточками. Похоже, в армии просто не было нужного количества веревок. Многие тих ныли и плакали. Печальное зрелище.

Наш путь лежал к дальней части войска, насколько я понял, это был резерв армии. Здесь охраной пленных занимался отряд нашего графа ага Аркнейн. Я поздоровался со своей роднёй и знакомыми.

Люди в этом подразделении вражеской армии заметно отличались. Они были чуть выше обычных кочевников, заметно толще и у них были очень узкие глаза навывкате. Впрочем, сейчас они ничего не видели этими глазами, как и все остальные воины.

Ва спросила у них на языке кочевников, кто они и откуда. Воины знали язык кочевников очень плохо и отвечали очень неловко. После некоторого обмена фразами она попыталась поговорить на их языке, но дело шло с заметным трудом. Многие слова Ва пришлось переводить, многократно уточняя смысл на языке кочевников.

Подъехали граф с главнокомандующим, за ними подтянулся господин Ирма. Ирма завёл

себе личную охрану из пяти кочевников огромного размера и самого свирепого вида. И где он только таких нашёл? Генерал игриво спросил:

— Что нам скажет наша молодежь?

— Эти люди из страны, которая находится чуть ли не на другом конце света, Тата называется. Очень далеко отсюда. Так далеко, что меня даже не начинали учить их языку, так, несколько занятий для общего ознакомления. Войска ни Никитина завоевали их страну относительно недавно. Это очень большая и древняя страна со своеобразным политическим устройством. Этим людям предложили выбор: смерть или участие в захватнических войнах. Но они все бывшие городские жители, толку от них как от воинов почти ноль. Кочевники их год учили ездить на лошадях и стрелять из луков, но всё равно они на конях как собака на заборе. Это их выражение. Говорят, что вернуться обратно через империю кочевников у них нет никаких шансов, поэтому у них большие надежды на нашу империю.

— А что они могут, если они осядут тут на земле? — спросил главнокомандующий.

— Они горожане.

— Да, они нам тоже так отвечали. Но мы не поняли, что это значит.

— Это не значит, что они жители города. Это значит, что они избиратели, которым государство обязано регулярно выдавать продовольствие. Я говорила, что у них своеобразное политическое устройство. У них царя выбирают каждые четыре года. И не только царя, но и судей, и многих местных начальников. Тот из богатых людей, кто хочет стать царём или начальником, раздаёт продовольствие и устраивает всякие зрелища. Кто раздаёт больше и устраивает праздники пышнее, того и избирают. Чаще всего это лидеры разных спортивных фанатских объединений, типа вокруг гонок колесниц. А простые избиратели могут в итоге не работать и жить на том продовольствии, которое выдаёт государство и раздают богатые люди. Поэтому они в жизни нигде не работали и ничего не умеют.

Граф и генерал удивлённо захлопали глазами, Консанс, стоявший в оцеплении и слышавший каждое слово, не сдержался:

— Экая гавнина!

— Разговорчики в строю! — рявкнул отец.

— А работал кто? — отмер через несколько секунд генерал.

— Рабы. Войска этой страны захватывали рабов в племенах кочевников. Так что у татайцев и кочевников долгая взаимная любовь.

— И что мне с ними делать? — вконец изумился генерал.

— Они могут быть очень полезны. Во-первых, они умеют компактно жить в городе. В отличие от кочевников, которые без поножовщины даже говядину не пожарят, этих можно предоставить самим себе. Они выберут себе судей и будет бегать к ним по каждому чиху. Во-вторых, их можно принять в империю как людей империи. Деваться им некуда, кочевников они ненавидят, так что они будут верными империи людьми. В-третьих, по той же причине из них получится прекрасная полиция, чтобы держать под контролем город из пленных кочевников. С вашего разрешения, я спрошу, кто из них готов согласиться на такое предложение.

— Спроси, — одобрил генерал.

Ва говорила с людьми неожиданно долго, но в итоге все пленные подняли руку.

— Вижу, — удивлённо подтвердил командующий.

— Ещё они просят найти им женщин. Домой у них нет даже надежды вернуться.

— Где мы им женщин найдем, у нас и так людей для освоения земель не хватает? —

удивился граф ага Аркнейн.

Командующий осмотрелся и заметил моего отца:

— Барон ага Долиган, а сколько у вас вдов в сёлах, которые могли бы создать новую семью и у которых нет никакого шанса сделать это на старом месте?

— Человек пять найдётся, ваше превосходительство, — ответил папочка.

— А сколько у нас баронств?

Граф ага Аркнейн кивнул:

— Да, на этих ребят хватит.

— Господин Ирма, принимайте этих людей под командование. Говорят, из них получатся хорошие полицейские. А лет через пять и воины.

— Да, ваше превосходительство. Но они пока почти ничего не видят, как и остальные.

Я подошёл к Ва:

— Слушай, как на их языке будет «служить империи хорошее дело, вы можете прозреть»?

Двести пятой пришлось консультироваться с людьми странного народа. Эту фразу я разучивал довольно долго, а затем прошёлся по ряду пленных, повторяя её людям. Если у Ангелы остались какие-то силы, может, и у меня несколько капель задержалось?

Видимого эффекта не было, и я вернулся к Ва. И тут по ряду пронёсся шепот. Люди плакали и что-то повторяли.

— Чего они говорят?

— «Я вижу».

Я подошёл к начальству:

— Разрешите обратиться!

Генерал посмотрел на меня недовольно, но разрешил:

— Обращайтесь.

— На них подействовала магия их богов. Как жрец Радо, я могу уговорить их в том, что им можно разрешить себе вернуть зрение, тем, кто присягнёт империи, так как это хорошее дело. Если их сейчас построить и принять присягу, они станут дееспособными и их не надо будет кормить с ложечки.

Начальство взглянуло на меня заинтересованно:

— Давай попробуем.

С помощью Ва мы кое-как объяснили странному народу, что они сейчас будут присягать на верность и что это хорошее дело, после которого они, скорее всего, прозреют. Кто не хочет, может не присягать, останется военнопленным, будет работать шесть лет как раб, потом будет отпущен.

Отказалось присягать только трое человек, все из офицеров. Видимо, их хорошо купили. А может, заложники дома остались... Отказников отвели к остальным кочевникам.

Процесс перевода текста присяги и оглашения его тридцати тысячам человек занял некоторое время. Потом они присягали перед командующим, и только потом я пошёл по рядам и стал говорить им, что они совершили хорошее дело и теперь могут прозреть. Начали нормально видеть примерно семьдесят процентов, ещё двадцать стали различать светлые пятна.

Провозились до вечера.

Командующий тут же припахал новых подчинённых кормить с ложечки остальных пленных, многие из которых продолжали оставаться связанными.

В следующие дни у нас было много забот: мы помогали отбирать среди кочевников тех, кто готов перейти на сторону Империи, принимали присягу, уговаривали их в том, что это хорошее дело и что теперь можно прозреть. Практика показала, что даже среди татайцев, стоило им повздорить, тут же у людей пропадало зрение. У обычных кочевников зрение возвращалось в первую очередь к самым кротким и доброжелательным людям. Потом, услышав об исцелении, начинали что-то видеть и все остальные, перешедшие на сторону Империи. Те, кто мыслили себя нашими врагами, так и оставались слепыми. Возни с ними было огромное количество. И почему я не пожелал им чего-нибудь попроще? Например, провалиться в землю по пояс. Мы бы их быстренько потом откопали...

Оказалось, что сто тысяч людей — это очень, очень много. И с каждым отрядом надо поговорить, уговорить... Эксперимента ради я предложил Ангеле поработать за меня, поугаваривать кочевников в том, что теперь они могут прозреть. Как ни странно, у неё получилось. Не так эффективно, как у меня, но получилось. Мы продолжили эксперименты. Оказалось, что возвращать зрение может любой начальник, которого кочевники считают авторитетным. У господина Ирмы получилось даже лучше, чем у меня, но у него не было времени этим заниматься. Неплохо получилось у нашего главнокомандующего, но у него времени было ещё меньше. Ва неплохо воздействовала. Мы использовали даже несколько офицеров из числа кочевников, перешедших на нашу сторону. Их успехи были ещё меньше, чем у Ангелы, но при таком количестве народа и их помощь была неоценимой.

С одним из отрядов, принимавшим присягу, возникла проблема. Зрение им возвращала Ангела, и у неё ничего не получилось. Прозрело всего трое. Кочевники были в полном недоумении. Их племя никогда не было врагом нам и тихо мечтало удрать из армии при первом удобном случае. Кочевники предположили, что они неправильно думают о том, что такое хорошее и доброе дело, поэтому зрение и не возвращается. Попросили Ангелу объяснить, что мы имеем в виду. Ангела впала в панику и послала за мной гонца.

Когда я приехал, обнаружилось, что кочевники уговорили Ангелу на всякий случай послать гонца и за каким-нибудь из наших святых отцов, на случай, если моё понятие жреца Радо о добре отличается от понятия религии Империи. Оный святой отец уже подъезжал к площадке для принятия присяги. Так и получилось, что Ангела сбивчиво объясняла суть проблемы нам обоим одновременно. Святой отец сначала подумал, что над ним смеются. Объяснять пленным, что такое доброе дело?

Но потом он понял, что никто смеяться не собирался, и начал рассказывать основы нашей религии от самых основ. Переводила Ангела. Кочевники не могли понять, к чему им история древней империи, в которой сожгли Бога-из-Огня, и заметно заскучали. И как взрослые могут быть такими непонимающими, зачем святой отец им всё это рассказывает? Тут надо как с маленькими детьми, только простые предложения. Когда святой отец рассказал историю сожжения и уехал, я спросил:

— Ну что, всё понятно?

Пленные захихикали.

— Ладно, слушаем меня сюда. Жить для гордости, для того, чтобы отобрать у всех всё, что можно отобрать, и побить всех, до кого можно дотянуться — это плохо. Жить ради того, чтобы создавать у всех людей вокруг радость и изобилие — это хорошо. Жить ради гордости, ради того, чтобы все замолкали при первых звуках твоего голоса, ради того, чтобы все принимали только ваши оценки и боялись возразить — это плохо. Жить для того, чтобы научиться выслушать и понять каждого человека — это хорошо. Издеваться над другими

людьми ради собственной забавы — плохо. Благотворить даже тем, кто напрямую к тебе не относится, чтобы все жили счастливо — это хорошо. Жить только ради жадности — плохо. Вести дела так, чтобы все были сыты и довольны — это хорошо.

Я почесал тыковку. Что бы ещё им сказать про плохо и хорошо?

Кочевники облегчили мне задачу. Один из них возмутился:

— Если тебя послушать, так ты заберёшь у мужчины всё то, ради чего стоит жить. Если ты побил другого человека — значит, ты лучше. Ты доволен, есть, ради чего жить. Ограбил другое племя — можно купить много женщин, или привести домой и заставить работать их женщин, и жить в довольстве. Если в твоём племени к тебе прислушиваются, ты уважаемый человек. Если ты говоришь, а тебя никто не слушает, значит, ты в племени никто.

Ангела удивилась и испугалась настолько, что прижала ладошку ко рту. А потом неожиданно разразилась пламенной речью:

— Ну, это и есть плохо. Отбирать, издеваться, подавлять других людей, делать их несчастными — это и есть плохо. Да, тебе может быть лучше от этого ненадолго, но общее количество горя в мире растёт. И грабёж неизбежно вернётся к тебе. Мы живём иначе. Мы живём, чтобы служить. Наши селяне служат нам, они пахут землю и собирают злаки, чтобы служить нам, чтобы кормить наших коней и ковать нам оружие. Мы сражаемся за них с врагами государства и разбойниками. Но мы не унижаем и не издеваемся над ними. Мы служим им.

— Ха, такого не может быть, — засмеялось пленный, а с ним довольно много других кочевников.

Ангела удивлённо уставилась на зловредного собеседника. Тут её внимание отвлёк другой пленный, который обратился к товарищам:

— А чего вы удивляетесь? Жрецы Радо говорили то же самое всегда. Мы их не слушали и рубились племя на племя, вырезали друг друга без остатка. Так у них выросло огромное государство, имперцы едины и не воюют друг с другом. Рано или поздно они всё равно Великое Поле покорили бы благодаря этому.

Н-да. Знали бы они, как мы внутри друг с другом собачимся...

И тут первый кочевник, смеявшийся над Ангелой, захрипел. Мы кинулись к нему развязывать и укладывать на землю поудобнее.

— Я вижу! Голубые глаза! Голубые глаза! — прохрипел кочевник, указывая на Ангелу, и умер.

Все остальные кочевники сразу прозрели, чтобы посмотреть, действительно ли у Ангелы голубые глаза. Ангела удивлённо распрямилась и обвела окружающих взглядом своих восхитительных голубых глаз. Всё племя сразу закрыло глаза и уткнулось в землю. То есть буквально воткнули носы в землю. Пришлось каждого из них уговаривать проверить зрение под обещанием, что голубых глаз рядом нет. Позже выяснилось, что в некоторых племёнах бытовало поверие, что у некоторых демонов глаза голубого цвета. Среди кочевников очень мало голубоглазых, и они думали, что таких не бывает. Похоже, первый парень решил проверить, что будет, если он будет хорошим, прозрел и увидел Ангелу, а дальше слабое сердце не выдержало. Или он был раненым, кто его знает...

Ангела после этого предупредила всех, кому возвращала зрение, что у неё голубые глаза и что она не демон.

Жизнь превратилась в сплошную работу и сон. Вечером мы рушились без последних сил, а утром быстренько ели и отправлялись наводить порядок. Никто уже не удивлялся

тому, что Ва и Ангела спят на мне, как на подушке. Сил на какие-либо любовные приключения просто не было.

У остальных состояние было не лучше. Необходимо было организовывать охрану пленных, которые ещё не перешли на нашу сторону или отказались переходить. Необходимо было организовывать силовое подавление стычек в городе, где разные не любящие друг друга племена кочевников принимались выяснять отношения и припоминать старые обиды. Попытка татайцев навести порядок в качестве полиции вызвала чуть ли не общее восстание всех кочевников. Пришлось уговаривать племена подчиниться полиции и выбранным ими самими судам. Уговаривала кавалерия благородных, почти никого не убили.

На том, чтобы суды были выборными, настояли татайцы. Остальные кочевники сначала просили судей из числа имперских офицеров, но потом согласились с татайцами.

Господин Ирма метался между разными племенами, заключёнными военнопленными и татайцами, пытался организовать мир, еду и порядок. Наши кочевники — союзники оказали неоценимую помощь, уговаривая своих диких собратьев не буянить лишнего.

Одним словом, армия застряла в этом городе. Слепые военнопленные, вздорные бунты и склоки между племенами — мы не могли покинуть город даже для того, чтобы основать новый город для кочевников в более удобном месте! А основывать его надо было срочно — надо было посадить хоть какие-то поля, чтобы по весне вся эта толпа не умерла с голода.

Государь с командующим поняли, что никаких дальних походов в этом году больше не будет. Перешедшим на нашу сторону кочевникам объявили, что будет ещё несколько больших выходов для того, чтобы они могли вытащить свои семьи, кто сможет. Наша кавалерия тоже будет участвовать. На этом боевые действия предполагалось свернуть и заняться земледелием. С этим тоже были проблемы, некоторые племена вообще никогда не занимались пахотой. Плюс был один: все мысли кочевников теперь были заняты идеями о том, где у них будут участки и какое племя с кем будет соседствовать. Стычки сразу прекратились, точнее, перешли на уровень интриг.

На третий день пришла почти из дома. Сигура нашла жениха, даже не доехав до границы империи. Помогая Ва, Сигура кое-что запомнила, и устроила на переходе скандал сопровождающим за то, что те очень плохо заботились о раненых. Большую часть работы по перевязке тех, кому они были срочно необходимы, пришлось выполнять ей самой с немногими помощниками из легкораненых. Это однорукой-то! Одним из её помощников был парень с ампутированными ногами. Сигура просто переносила его на те повозки, где были лежачие. Парнишка посмотрел на то, что Сигура добрая и заботливая, и сделал ей предложение, даже на спрашивая о способностях. Потом выяснилось, что он был первым сыном одного очень богатого барона, настолько богатого, что многим графам было до него далеко. Одним словом, Сигуру сразу увезли в его замок и прислали письмо с просьбой разрешить свадьбу. Отец парня в шутку приписал, что он в таком восторге от Сигуры, что женит её на сыне, даже если ему придётся сражаться с моим отцом за похищение девушки.

Мы дружно смеялись, слушая, как отец читал письма Сигуры, её жениха и его отца. Написали в ответ самые лучшие пожелания. Отец сходил к нашему графу и заверил у него своё письмо с официальным разрешением на свадьбу. Эту почту отправили со специальным гонцом из числа наших стражников. В багаж ему положили всё, что у нас осталось от походных денег и от того, что удалось награбить у покорённых кочевников. В основном это были лучшие образцы оружия.

Через неделю после завоевания города Государь отбыл в столицу, так и не получив

исцеления от Ва. Главным остался генерал Дрог ага Раголини. При этом реальным начальником города оказался господин Ирма. Наши благородные как-то дружно самоустранились от проблем города и кочевников, ибо дохода с них не было никакого. Все проблемы свалили на бывшего жреца Радо.

Для нас эти новости были очень далёкой, внешней информацией. Поутру мы кое-как влезали в наши доспехи и ехали исцелять и принимать присягу. Наверное, мы смотрелись очень театрально. В середине скакал я на огромном сером Траче, справа — тёмненькая Ва на вороном коне, слева — блондинка Ангела на белой лошади.

Ангеле и Ва сделали новые доспехи вместо исчезнувших из лат малорослых воинов, только Ангеле шлема не нашли. В итоге вместо шлема ей соорудили очень причудливую конструкцию с гребнем, даже без забрала. Ангела долго плакала, что с этим гребнем выглядит ужасно, но потом решила, что раз это уродство невозможно замаскировать, то надо его подчеркнуть. Воткнула в него перья от степной птицы, которые выпросила у кочевников — охотников. Получилось неплохо. Во всяком случае, все её в этом уверяли. Видеть её с этими агрессивно торчащими перьями было лучше, чем слушать нытьё.

Все наши, глядя на нас, смеялись и говорили, что мы похожи на всадников смерти Последних Времён. В Писании и правда было упомянуто, что перед тем, как кончится время, приедут три всадника и сожрут всю материю. Они там и правда описывались как дяденька на бледном коне и две тётеньки, на полупрозрачной лошади и чёрном жеребце. Я обижался и просил нас так не называть, Ва была выше любых смешков, а Ангела просто говорила: «Дураки».

Как нас называли среди кочевников, я не знал, но разбегались они с нашего пути как-то подозрительно быстро. Однажды я полюбопытствовал у знакомых «наших» кочевников, что говорят перешедшие на сторону Империи кочевники о нашей троице. Мне рассказали столько и такого, что я потом пришёл к девчонкам, пересказал все эти истории и долго смеялся. Сказал, что если хотя бы половина того, что говорят об Ангеле, правда, то я должен на ней жениться просто немедленно. Ангела тоже смеялась, говорила, что в рассказах о ней нет правды ни насколько, но при этом они не дотягивают до реальности.

Среди кочевников утвердилось понимание, что я — жрец Радо даже большей силы, чем господин Ирма, что я одним словом останавливаю облака и дарую зрение. Говорили, что я уничтожаю чудищ, прыгая им в пасть, после чего они меня глотают, и их разрывает силой правды и истины, они гибнут, но душа их отправляется на Обильные Поля, так как если в чудище попало что-то хорошее, то это очищает всё чудище сразу. (Похоже, это наши союзные племена постарались, несколько приукрасив мои подвиги). Про моего коня говорили, что это пленный демон, которого я победил, пленил и превратил в коня (очевидно, такое мнение установилось после того, как Трач отправил в полёт несколько кочевников). Про Ва говорили, что она сама жизнь и может даровать здоровье или даже вернуть умирающего. Что, строго говоря, было правдой хотя бы отчасти. Про Ангелу говорили, что она сама смерть, что она может воздвигать леса на пути врагов и умертвлять тех, кого коснётся. Что её голубые глаза гарантированно приносят смерть тому, кто посмотрит на неё более пяти секунд. Что от каждой съеденной души она немного растёт и уже выросла от двенадцатилетней девушки до почти взрослой за неделю.

Ещё говорили, что я могу одновременно оплодотворять обеих девушек, и что в ходе этого процесса я могу соединять жизнь со смертью и насыпать проклятия на вражеские армии, лишая их зрения.

И возразить было нечего: вот армия, лишённая зрения, а вот лес, выросший за одну ночь.

Мы смеялись очень долго.

В один прекрасный день, приехав во дворик, организованный для принятия присяги, мы обнаружили, что возвращать зрение больше некому. Желающих перейти на сторону империи больше не было. Тех, кто не хотел переходить на нашу сторону, ещё ранее заняли работой для слепых — дали им вязать, ткать и точить разные инструменты.

Поскольку было раннее утро, я решил, что стоит навеститься к господину Ирме и предложить ему наши услуги. Мы развернулись и поскакали к центральному укреплению, которое господин Ирме занял под городскую администрацию.

Перед воротами стояла огромная толпа народа из представителей разных племён и даже наших офицеров. Очевидно, у всех были срочные дела. Все терпеливо ждали. В администрацию пускали по одному через маленькую дверь во входных воротах. Я удивлённо замер, колеблясь между вариантами поехать в лагерь и отоспаться или всё-таки стоять в очереди.

При появлении нашей троицы вся толпа разошлась, оставив широкую дорогу прямо к воротам.

— Вы что-нибудь понимаете, что происходит? — удивился я.

— Не-а. Но люди ждут, надо ехать, — сказала потрясённая не менее моего Ва.

И мы поскакали. Что удивительно, стража замка открыла ворота, и мы влетели внутрь, даже не замедлив хода. Ворота за нами закрыли, и перед калиткой тут же вспыхнули громкие споры, кто за кем стоял. На приём к господину Ирме нас тоже проводили почти без задержки.

Вокруг стола градоначальника шумели сразу шестеро, Ирме пытался решать вопросы с каждым. И это несмотря на мощные преграды на входе и секретаря перед дверью. Отвлёкшись сразу от шестерых, господин Ирме приказал:

— Вастараба, принимай на себя всех городских лекарей. Тебе придётся создать эту службу с нуля. Полисаний, будешь временно главным жрецом Радо. В твоей ответственности поиск ребят с повышенным чувством справедливости, будем из них делать жрецов Радо. Ещё система образования тоже на тебе. Пока будете учить кочевников и татайцев языку империи, а татайцев ещё и языку кочевников. Набирай учителей, которые потом будут учить детей всем предметам. И храм Радо начинай строить.

— Как? — удивился я.

— Как сделаешь, так и будет. Нет ни секунды на объяснения. У меня люди от голода умирают. Ангела, сможешь вырастить ещё несколько лесов?

При этих словах шестеро посетителей закаменили и уставились на Ангелу.

— Смогу, — сказала моя «жёнущка».

— А ещё проследи за всеми запасами зерна для посева, сколько есть и сколько ещё нужно.

— Ей двенадцать лет, — напомнил я.

— Я не сказал «организуй». Я сказал «проследи». Там начальников больше нужно, только они зерно для посева своим друзьям из родным племён тащат. Вот и проследи, чтобы не растаскивали. Войска для этого возмём у генерала, он обещал. И за здоровьем зерна проследи. Ты же умеешь отличать больные зёрна от здоровых?

— Умею.

— У вас есть, чем заняться. Получите у секретаря пайцзы и контакты. Выполняйте.

Шестеро посетителей накинулись на Ирму с другими вопросами, а мы вышли из приёмной большими начальниками. Вот дёрнуло же меня поехать не в лагерь... Лучше бы отоспались.

Пайцзы оказались палочками с круглыми знаками сверху, их полагалось крепить за спиной. У меня был самый простой знак — солнышко с лучами на голубом фоне. У Ва была нарисована подкова, а над ней красная восьмиконечная звезда, всё это на золотом фоне. У Ангелы зелёное дерево на коричневом фоне росло над золотыми колосьями. Похоже, эти знаки для нас заготовили заранее, и от моего решения ехать в лагерь или к господину Ирме ничего не зависело.

Ещё нам выдали предписания — с кем войти контакт, кем командовать, откуда брать ресурсы... Всё это выдал нам секретарь, для чего ему пришлось на десять минут остановить очередь других желающих обратиться к нему.

Знаки мы прилаживали к плечам друг друга уже в коридоре.

Первое знакомство с новыми людьми состоялось сразу при выходе из здания. Нас ждали три группы самых устрашающих убийц, две группы женщин и одна группа мужчин. В каждой группе было по шесть человек. Это была наша охрана, а также одновременно порученцы по мелким вопросам и консультанты по общению с кочевниками. Но на убийц они были похожи намного больше. Они меня реально пугали. Несколько скрасило впечатление лишь то, что при нашем появлении они после представления упали на колени, кланялись и клялись защищать нас не жалея жизни.

После этого наши пути разошлись. Девчонки отправились по своим делам, я поехал по присягнувшим отрядам, искать людей, из которых можно было бы сделать жрецов Радо. Я предполагал обратиться к людям и просто вызвать добровольцев, тех, у кого повышенная тяга к справедливости. Перед своей охраной я поставил хитрую задачу: пока один из них будет торчать у меня за спиной для представительских целей, другие должны будут обойти народ и собирать отзывы о человеке. Охрана довольно заулыбалась.

В первом же отряде случилось полное фиаско. Не вызвался никто. Во втором ситуация повторилась. Моя охрана была удивлена не меньше моего.

В третьем отряде я изменил тактику. Долго рассказывал, почему новому городу нужны жрецы Радо. Описал задачи, которые надо будет решать — обучение детей, изучение языков, образование взрослых — надо же всем рассказать, что гордость и несдержанность — это смерть от самых худших проявлений скотства, а жизнь ради общего блага — это путь к счастью.

Последняя сентенция вызвала удивление. Пришлось объяснять, по сути дела заниматься проповедью. Здесь вызвались хотя бы три добровольца. Охрана спросила меня взглядами, собирать ли отзывы? Я махнул рукой: нет, не надо, по ходу дела разберёмся.

Этим делом пришлось заниматься три дня. В первых двух отрядах, где вообще не было добровольцев, пришлось поступать ещё хитрее. Мы опросили людей, кто пользуется авторитетом человека справедливого и рассудительного, а затем пришлось лично разговаривать с названными людьми. Кое-кто согласился.

С постройкой храма было ещё сложнее. В рабочей силе недостатка не было, начальство было готово пригнать любое количество бездельничающих пленных воинов. А вот стройматериалов не было. С деревьями в Поле вообще было плохо, а тут ещё кочевники до нас вырубали все вокруг для постройки стен и бараков. Я было предложил разобрать

городские стены, хотя бы внутреннюю часть, но кочевники дружно сказали, что это плохая идея и что люди в Поле на самая большая угроза. Пусть лучше стены будут. Идея срубить деревья из рощи Ангелы вызвала у кочевников панику и умерла, даже не родившись.

В итоге мы из того небольшого количества, которое смогло нам выделить городское начальство, построили входную арку и навес над возвышением для жреца. Забор складывали из камней. Камней в округе было в избытке, а вот скрепляющий раствор делать было не из чего. Так что сложили практически насухую, слепили кое-как глиной.

СиEMON из моей охраны предложил внутри ограды построить «танцующие камни». Он видел такие в некоторых землях, где они воевали. Суть постройки заключалась в том, что достаточно большие камни ставили друг на друга, используя для крепления неровности в самих камнях и мелкие расклинивающие камешки. В итоге получалась довольно высокая колонна, держащаяся практически ни на чём. Считалось, что тому, кто обрушит такую колонну, гарантированы три месяца неудач, а кто сможет поставить сверху хоть один камешек, или водрузить на место упавший, тому гарантирована большая удача. СиEMON сказал, что это в духе дела жрецов Радо — строить сложные неустойчивые конструкции из людей.

Я нашёл это прекрасной идеей. В следующие несколько дней прохожие с удивлением наблюдали, как взрослые дяди в количестве двадцати человек играют в камушки.

Провозились долго из-за того, что колонны постоянно обрушивались. Я понял, что надо искать специалиста. Среди кочевников такового не нашлось. Армия сильно смеялась, когда я говорил, что мы не можем найти того, кто устойчиво поставит камни. Но когда я предлагал придти и построить, поджимали хвосты и переставали смеяться. Только один человек припомнил, что умение строить такие колонны было особой способностью выдающихся жрецов Радо, так что мне надо улучшить свои навыки.

Ну, вот как всегда. Хочешь сделать дело хорошо, делай его сам.

Эти слова пробудили во мне некоторые идеи. Я обратился за помощью к розмыслам. Те и так были перегружены, они строили разные срочно необходимые сооружения и учили кочевников основам строительства и изготовления инструментов. Услышав, что мне нужны люди для игры в камешки, офицеры розмыслов долго смеялись. Моя охрана даже успела обидеться. Но потом троих мастеров — каменотёсов мне всё-таки прислали.

Мастера, услышав задачу, долго смеялись, потом сказали, что всего лишь навсего надо учитывать правило рычага, то есть камень в любом направлении должен опираться на две точки при достаточно большом расстоянии между точками. Сказали, что найти такой природный камень практически невозможно и что без изготовления лунок и упоров не обойтись.

А потом они увлеклись и начали строить разные столбы, у кого какой выше. Выглядело это устрашающе. К вечеру мне пришлось бегать вокруг строителей, розмыслов и помогавших им кочевников, и вопить:

— Только не выше полутора человеческих ростов! Только не выше полутора!

Строители хихикали и добавляли ещё один камень. Я уже как наяву видел, как эти камни три локтя на пять рушатся от ветра на головы посетителей...

Но камни не упали. Под действием моих воплей строители перешли на создание маленьких колонн из большого количества маленьких камней. Заставили мне всё пространство храма этими пирамидками, людям стоять негде. Еле выгнал вечером. Девчонки, заехавшие за мной, померли со смеху, глядя на мои старания.

Главкомандующий, получив от господина Ирмы запрос на нас троих и ещё на целый ряд специалистов от кузнецов до агрономов, распорядился выделить всем охрану из числа имперских воинов. Поэтому после второго дня назначения за нами стали таскаться ещё и благородные из числа нашего войска. Это оказалось очень кстати, так как кочевников из охраны постоянно приходилось посылать по разным вопросам, а эти всегда были рядом и навели должное почтение на разных буянов. А таковых тоже хватало, особенно у Ангелы, которая хватала расхитителей зерна просто пачками.

По вечерам мы соблюдали конспирацию. Мы собирались вместе, доезжали до имперского лагеря, отпускали охрану и снимали пайцзы. Отцу мы сказали, что нас привлекли для гражданских работ в городе, поэтому будем там пропадать все время. Отец от нас отмахнулся, он участвовал в подготовке набегов на Дикое Поле и ему было не до нас. Как ему не разболтали о нашей работе благородные из охраны, неизвестно. Но нас это вполне устраивало. Узнай отец, что я восстанавливаю дикарскую религию, мог и выпороть. Он к нашей религии относился очень почтительно.

У Ва проблем было ещё больше, чем у меня. Она одновременно обучала гадюк из благородных, средний медперсонал из кочевников, строила госпиталь и создавала систему санитарии для всего города, включая имперский лагерь. Её охране приходилось применять силу не реже, чем Ангелы. Многие люди не хотели соглашаться с ограничениями санитарии или требовали немедленного излечения родственников лично Васторабой под угрозой применения силы. Последних охрана Ва особенно любила.

Ангела вырастила несколько небольших рощ и поработала с привезенным из империи зерном. Сказала, что зерно очень заражено, вытребовала у Ирмы и посадила несколько сотен человек на переборку. Ещё она вырастила до почти полной зрелости несколько полей со злаками увеличенного размера. Эти поля обнесли забором, их круглосуточно охраняла стража из числа имперцев.

* * *

Через неделю мой храм был готов, точнее, оградка с помостом. Господин Ирма всю неделю мечтал, как произнесёт проповедь на первом богослужении. Даже написал её, переписывал три раза. Народу на открытие храма пришло в три раза больше, чем могла вместить площадь внутри нашего заборчика. Даже командующий для обеспечения порядка прислал две роты имперской кавалерии. Вот только их нам и не хватало! И почему это были две роты под командованием именно графа ага Аркнейн, нашего сюзерена? Отец меня убьёт.

Наши новообращённые жрецы стояли у арки, всех приветствовали и просили не рушить колонны, иначе удачи не будет. Их слушались с удовольствием.

И вот, когда Ирма явился перед благостно настроенной публикой, из ниоткуда возник гонец с вестью о том, что где-то там что-то случилось, поцапалась два племени и дело дошло до оружия.

— Прочитай быстренько речь, выучи и расскажи прихожанам. Я постараюсь успеть вернуться, — приказал господин Ирма.

Ага. А то я на языке кочевников быстро читаю... И запоминаю с первого раза вот всё-всё.

Хорошо ещё, что он вышел перед публикой и предупредил, что из-за конфликта

вынужден убыть, и что открытие буду вести я.

Отец меня убьёт.

Первые приветственные слова говорил заместитель господина Ирмы по строительству. Я был безумно рад, что всю эту официальную чушь в духе «строили мы строили и наконец построили» пришлось говорить не мне. Терпеть не могу таких речей. Я во время выступления пытался доучить речь господина Ирмы. Но потом меня представили как «единственного на сегодня жреца Радо, первого ученика господина Ирмы», и пришлось выходить на помост.

Толпа глянула на меня тысячеглазым чудовищем. Все слова тут же испарились из головы.

Кое-как, бекая и мелкая, я смог выговорить несколько фраз на тему того, что создание храма — это очень важно для будущего города и нарождающегося государства бывших кочевников. Пока я нёс эту чушь, в голову пришла хорошая мысль. А почему бы не повторить то, что я рассказывал кочевникам при снятии слепоты и вербовке жрецов? Я уже примерно знал, какие слова пользуются спросом. И тут меня понесло. Я повторил то, что рассказывал кочевникам при снятии слепоты, пересказал кое-что из того, что рассказывал Одрамас, припомнил мудрости Ва про семейные настроения от зла и ожесточения. Потом я пересказал несколько притч о смирении из числа тех, которые мне понравились в проповедях отца Михидо. При этом я надеялся, что Радо меня не слышал, в исходном наборе убеждений этой религии смирения не было. Под конец я всё-таки припомнил основную мысль господина Ирмы и начал расписывать картины светлого будущего про новое государство народов Поля, в котором больше никто не будет жить для гордости и все будут жить ради созидания и заботы друг о друге, где никто не будет угонять друг у друга скот и вырезать соседнее племя до последнего человека из-за мелких конфликтов.

Моё внимание привлекли рыдания:

— Как это волнительно и мило! — утирал слёзы человек с большим струнным инструментом за плечами во втором ряду. Присмотревшись, я узнал в нем Одрамаса. Вот проныра! Кажется, меня сегодня убьёт не только отец.

Дальше по плану было распевание гимнов в честь Радо. Если попробую славить Радо при графе Аркнейне, меня точно отлучат от церкви. Поэтому я сказал, что петь будет брат Сикар, один из лучших новых учеников господина Ирмы, так как он лучше поёт. Он и правда пел лучше меня. Никакого обмана. Так здорово, когда флюгер ветра со свинофермы поворачивается на другого человека...

Брат Сикар вышел на помост, очень польщённый оказанной честью. Тут мне захотелось устроить подлянку Одрамасу, и я сказал, что вижу среди прихожан прекрасного песенника, который может помочь брату Сикару. Одрамас радостно начал пробиваться к боковой лесенке на помост, будто только этого и ждал.

Я почерепашил с возвышения, еле переставляя ноги. Не ожидал, что я настолько устану. Ноги сильно дрожали.

Мы встретились с Одрамасом у помоста. Он схватил мои руки в свои:

— Прекрасная речь! Я узнал так много нового и полезного про свою религию! Прими мою благодарность!

После этих слов Одрамас умчался на помост. Толпа взревела, увидев его. Похоже, Одрамас действительно широко известен как певец.

У лесенки стояли Ва и Ангела, приглашённые по случаю праздника. Ва видела вск

сцену с рукопожатием и посмотрела на меня широко открытыми глазами:

— Это правда он?

— Да. Зашёл на огонёк.

— И чего теперь ждать?

— Думаю, ничего. Он просто веселится. Не каждый день ему храм открывают.

— Вы это про кого? — заинтересовалась Ангела.

— Помнишь, как тебя затронула божественная сила, из-за чего ты потом летала и лес вырастила? Это вот от него.

Ангела перевела непонимающий взгляд на помост и пожалала плечами:

— Вы меня разыгрываете.

Ва коснулась моей руки и поняла, что я до сих пор дрожу от волнения. Она успокаивающе обняла меня. В тот момент я был ей очень благодарен. Мы с Ва молча и мрачно наблюдали, как Радо пел гимны самому себе. После первого спели второй, потом третий, пятый... После этого господин Ирма должен был закрыть праздник. Но он так и не вернулся. Я вышел за него, объявил, что официальная часть закрыта.

— А не против, если я радостные песни попою? — попросил Одрамас.

Отказывают ли богу? Я объявил, что после официальной части будут просто песни, передал слово песеннику и облегчённо слинял с помоста.

Одрамас принялся горланить песни, не гимны, а обычные песни под коня, длинные и заунывные, для езды по бесконечной степи. Некоторые песни народ знал и с удовольствием подпевал.

Общение с Ирмой и Радо приучило меня к паранойе, я уже в каждом вопросе и в каждой песне видел попытку затронуть какие-то глубокие основы. Но здесь их даже не надо было искать. После первой простенькой песни, состоящей из одних восклицаний и междометий, Одрамас принялся открыто переписывать людям реакции на мир. Вторая песня была про то, как едет человек по степи и радуется свету и зелёным волнам на траве. На самом деле песня внедряла образ человека, который радуется жизни, не ищет лишней гордости и умеет радоваться тому великому малому, которое состоит из жизни и красоты природы. Третья песня была про, как человек едет по степи и думает о семье. Песня создавала образ человека, который помнит, что должен создавать родным атмосферу любви и заботы, а не тратить все силы на жадность или эгоизм. Потом песня про радость заботы о своих товарищах и племени... Очень хорошая государствообразующая песня. Потом песня про человека, который вспоминает любимую девушку. Откровенное внедрение образа чистого отношения к женщине... И так десять песен. Одрамас просто кузнечным молотом забивал в общественное сознание образцы правильного поведения в правильном государстве.

Мы с Ва и Ангелой стали развлекаться, начали спорить, какую ещё сторону человеческой жизни выберет Одрамас для того, чтобы забить в неё штамп. Иногда удавалось угадать.

Что-то во всём этом начинало меня беспокоить, но я не мог сказать, что именно.

Ангела поверила, что перед ней настоящий бог, поверила только после того, как поняла, что он сейчас занимается не пением песен, а массовыми внушениями.

Потом всё-таки настал момент, когда Одрамас закончил петь. Народ покричал здравицы и начал расходиться. Ангела неожиданно подскочила к спускающемуся с помосту Одрамасу, схватила его за обе руки и восхищённо зачирикала:

— Я так рада с вами познакомиться, с настоящим богом! У вас такие восхитительные

песни!

Одрамас спародировал Ангелу, поклонившись тем же самым образом, далеко отставив назад попу, и пожал её руки:

— И я рад познакомиться с настоящим ангелочком!

— Я не ангелочек, меня только зовут Ангела! — засмеялась девушка.

— А почему же выглядишь как ангелочек? — наигранно удивился Одрамас.

Ангела опять засмеялась.

Приехал господин Ирма, быстрым шагом прошёл ко мне:

— Как всё прошло?

— Пересказал по памяти вашу речь, с сокращениями. Народу вроде понравилось. Чуть не обосрался от волнения. Ноги до сих пор дрожат.

— Ничего, привыкай. Теперь тебе придётся часто меня замещать в храме.

Чего? Это я теперь храмовый жрец?

Одрамас оставил Ангелу, попытался обратиться к Ирме:

— Уважаемый!..

— Держись на расстоянии, имей уважение, когда начальство говорит! — рявкнул на него Ирма.

Гиганты из охраны градоначальника зашевелились, протянули руки к песеннику.

— Прости, большой человек, — отошёл Одра, непрерывно кланяясь.

Всё произошло так быстро, что я успел только протянуть руку и сказать:

— Э-э...

— Я уезжаю, закрой храм и выставь охрану, — приказал Ирма и убыл.

Пока я планировал закрыть пасть, из толпы вышел паренёк ненамного старше меня. За ним двигалась группа хихикающих ровесников. Кажется, будут проблемы. Я посмотрел на свою охрану. Охрана мой взгляд восприняла правильно и положила руки на мечи. Я взглянул на группу парней несколько смелее.

— Слышь, махо, а можно спросить? — обратился ко мне первый парень.

«Махо» на языке кочевников было сленговым словом, обозначало что-то среднее между «придурок» и «любимый братец». Так обращались только к самым близким друзьям.

— Да, братан?

— Ты это всерьёз про отказ от гордости или потому, что взрослые сказали?

Я посмотрел на парня. Это такой способ поиздеваться или он правда интересуется? Я перевёл взгляд на Одрамаса, стоявшего в двух шагах. Может, он лучше ответит? Тот показал мне язык. «Сам отдувайся». Эти взрослые такие противные иногда!

— Всерьёз. Пока живёшь ради гордости, ради крутости, боишься того, что кто-то окажется ещё более крутым, и твоя гордость пострадает. Когда отказываешься от гордости и принимаешь решение жить ради любви к другим людям, ради созидания, то страх уходит. Всегда есть, для чего жить. Жизнь ради крутости и гордости — это кошмар и ужас, жизнь ради любви и служения — это счастье. А что, для тебя это новость?

— Я раньше такого не слышал, махо!.

— Мне легче, нам это с детства каждый день в наших церквях говорят. Правда, не до всех это доходит. Большинство живёт ради крутости. До меня дошло, за это меня к этой работе и припахали. Теперь меня свои подвешат за яйца, за то, что я на чужого бога работал.

— Продолжай... продолжай говорить. Пожалуйста, продолжай.

— Чего?

— Продолжай говорить другим людям, что жизнь ради гордости — это плохо для них. Знаешь, я был самым крутым среди наших парней. Никто не смел бросить мне вызов. Сколько я людей побил... Многих очень жестоко, они потом работать не могли. А теперь я думаю, зачем? В этом ни красоты, ни пользы. Но только скажи, если не жить ради гордости... то чем жить?

— Созиданием. Заботой. Организацией жизни. Большинство людей равнодушны к общим делам. Они и о себе-то позаботиться не могут, выливают ночные горшки рядом с домом. А в большом городе на улицу у дома. А потом все болеют от заражения города. Нужны организованные группы, которые будут осознанно собирать идеи о том, что надо улучшить, находить источники средств для улучшений и проводить улучшения. Я привёл пример про очистку города, а проблем в жизни намного больше. Особенно в большом городе. От грабительских групп, подкупающих местные власти, до организации обучения танцам для девочек. Надо поддерживать тех людей, которые временно остались без работы и которых надо тупо накормить. Таки задач очень много, на разных уровнях. Власти этого делать не будут, у них других задач полно, они обычно карманы только набивают.

— А откуда ты знаешь про жизнь больших городов?

— Читал книги про историю. В древности были империи, которые погибли из-за того, что не смогли разрешить проблемы больших городов.

Компания парня засмеялась, как будто я сказал какую-то очень смешную шутку. Я обернулся. Моя охрана и Ва с Ангелой тоже скалилась. Оказалось, это Одрамас пританцовывал за моей спиной, подчёркивая жестами смысл каждого моего слова, воздевал руки и грозил пальцем.

Я непроизвольно нахмурился, Одрамас изобразил испуг и начал униженно кланяться. Парни засмеялись ещё раз.

А Одрамас тот ещё клоун.

Меня отвлекли вопросом ученики Ирмы, а когда я повернулся, парень уже уходил, обнимаясь со своей компанией. Через пару минут я сообразил, что его надо было бы пригласить на обучение, сделать жрецом Радо. Кажется, он говорил искренне. Вот таких и надо брать! А я не спросил ни племени, ни имени. Ну и тормоз же я!

Я прошёл к графу ага Аркнейн, поблагодарил за охрану, уточнил время ухода. Граф сказал, что они дождутся меня с девушками. Одрамас за это время исчез.

Пока прощались с последними прихожанами и закрывали храм, я понял, какие опасения терзали меня всё это время. На обратном пути я попросился ехать рядом с графом и первым завёл разговор:

— Господин граф, я вот смотрю, во что всё превращается, и у меня возникают некоторые опасения. Сейчас мы своими руками создаём новое государство, в котором все люди будут лично свободными. У них нет благородных и нет принадлежащих им крепостных. Уже видно, что с этим учением Радо у них будет очень мощная идеология, и очень чистая. Выборные суды, искренне заряженные на борьбу с воровством люди. Я сам сейчас организовываю школы, в которых будут учить грамоте всех детей. Всех! Ещё несколько таких побед, ещё несколько перешедших на сторону этого государства областей, и они будут и многочисленнее, и богаче нас. А когда Вастараба введёт свою систему в строй, у них и медицина будет лучше. Наши будут ездить туда лечиться и отвозить за исцеления большие деньги. А потом они стряхнут нас, как репей, и наши селяне будут завидовать свободе и богатству их людей. Так не останется ни нашего государства, ни нашей религии.

— Так не делай этого.

— Вместо меня просто поставят другого человека.

— То есть ты всё-таки преданный верующий Бога-из-Огня, а не жрец Радо?

— Меня назначили не по моей воле. Я никогда не переставал быть верующим. Кстати, бог Радо был на празднике.

Граф посмотрел на меня удивлённо:

— Твоя вера в Радо меня удивляет.

— У людей Поля боги такие, заходят в гости когда вздумается.

— Да, он был там, — подтвердила Ва. (Девчонкам разрешили ехать сразу за нами).

Граф был крайне удивлён. Несколько секунд он молчал, потом сказал:

— Пожалуй, это стоит обсудить с командующим.

* * *

Ночью меня разбудили щелчки перед нашим шатром. Нам с девчонками выделили отдельный шатёр, возражать не стал даже зашедший как-то раз в гости граф ага Дреяни. Девчонки совсем распустились и по причине жары спали совсем без одежды. С меня они тоже срывали любую одежду. Ангела каждый раз с удовольствием наблюдала, как Ва меня доила или доводила до экстаза поцелуями в мужской орган, но сама не участвовала. Могла иногда поцеловать в щёчку. На этом мы и остановились.

Как был, я схватил меч и выглянул из-под приподнятого полога. Перед шатром сидела жрица Родиты, которую мы недавно спалили, и ломала сухие веточки. У неё на голове пробивались весьма заметные рожки.

Така спала у порога, никак не реагируя на незваную гостью. Та ещё сторожевая собака.

— Не надо молиться. Пожалуйста, не надо. Нам нужна твоя помощь, — шёпотом сказала деваха.

Несколько секунд я пытался справиться с прыгающим сердцем и режью в животе. Но потом всё-таки спросил:

— Как тебя зовут?

— Если захочешь меня позвать, зови меня «раба ада восемьсот миллионов триста шестьдесят первая». Или кратко ВМТШП. Или Вамташпа.

— Вамташпа гораздо лучше. И чем ты хочешь меня обмануть?

— Наш господин попал в беду. Выручить его может только человек, там стоит очень сильная защита от таких, как мы. Никаких обманов. Его завлёт в западню человек, который является врагом и вам тоже.

— А почему я?

— Ты один из немногих, кто при виде потусторонних существ не превращается в слизня.

— И что мне делать?

— Держи, — Вамташпа сунула мне в руки какой-то башмак.

Я сдуру коснулся его... и оказался в богато украшенном большом шатре. Как был, нагим и с мечом.

Посреди шатра было установлено кресло, в котором обмяк огромный обнажённый бес с большими рогами и огромным мужским органом. Ранее несомненно красивое лицо было

искажено болью, глаза закрыты. При взгляде на его мужской орган мне захотелось бежать к нему и целовать, целовать. И это при том, что я никогда не был любителем мужчин. Вот же бесовское наваждение... Совсем я развратился со своими девчонками, надо будет покаяться и пост устроить.

Вокруг кресла были насыпаны дорожки из мела... или соли? Они образовывали заковыристую фигуру из нескольких пятиконечных звёзд с символами стихий над ними. Некоторые символы я не знал и зарисовал себе на коже лёгкими царапинами мечом.

Вамташпа возникла рядом:

— Клади обувь сюда, вот так. Это обувь хозяина шатра. Скоро он сам придёт. А ты пока прячься и готовься слушать. Сам всё поймёшь. Потом, если захочешь выпустить хозяина, сотри вот эти полоски из мела. Небольшого отверстия достаточно. Прячься сюда, под ковры.

Вамташпа проконтролировала, чтобы меня не было видно, и исчезла.

Лежать под коврами было очень жарко, хотелось чихать. Небольшую вечность спустя в шатёр вбежал невысокий человечек. Я знал его, он появился в городе недавно, назвался Зиждрой, жрецом Зиждеца — главного бога кочевников, создателя всего сущего. Приверженцев у него было немного, никто из кочевников не знал, в чём заключаются функции Зиждеца, а жрец не торопился объяснять. Так что власти города на него просто не обратили внимания, как и большинство кочевников.

Значит, дело происходит у нас в городе? Как интересно.

Человечек без долгих раздумий плеснул на демона воды, демон задымился и начал корчиться.

— Что, не нравится? Тогда заключим договор. Ты мне десяток легионов демонов, а я перестану тебя уговаривать. Соглашайся, это большая война, тебе будет много крови, — неожиданно низким голосом гаркнул человечек.

— Зачем тебе столько демонов? — прорычал демон.

— Мы же это уже обсуждали. Память отшибло? С тех пор, как госпожа Нума выгнала меня с небес, мне надо как-то жить те триста или четыреста лет, которые мне придётся тут крутиться, пока у меня не закончится небесная сила и я наконец не смогу сдохнуть. И мне больше нравится жить в качестве правителя собственного хреновенького царства, чем рабом для сексуальных утех. Я хочу взять этот город как стартовый капитал и приумножить его новыми завоеваниями, пока не останется тех, кто сможет мне угрожать.

— Рум, ты обманул меня. Ты позвал меня на переговоры, а сам заключил в этот круг. Я не заключаю договор с теми, кто мне угрожает.

— Тогда попробуй ещё заряженной водички, — человечек опять плеснул на демона воды, демон задымился.

— Зайду через четверть часа, повторим, — бросил Рум и убежал.

Я выполз из-под ковров и проделал проходы в бороздках с белым порошком. Демон обрадованно встрепенулся. Мне пришла в голову идея:

— Подождите! А может, сделать вид, что вы согласились?

— Зачем тебе это, Полисаний ага Долиган? — удивился демон.

— Он хочет маленькое царство? Пусть получит. Так мы сможем знать, где он, и контролировать его. А ему придётся сражаться за своё царство, и он не сможет строить других пакостей.

— В этом городе? — удивился демон.

— Нет, отсюда мы его выгоним. Пусть создаёт свой город между нами и империей ни

Никититы.

— Хм... Стратегия «дать тело бесплотному, чтобы удерживать его страхом за тело». Да ещё подушку создать между собой и врагом. Неплохая стратегия, малыш. Но почему я должен терпеть лишнюю боль ради твоих желаний? Заплати.

— Я уже заплатил. Освободил. Никакой другой платы не будет.

— Я без платы не работаю.

— Какую плату вы хотите? — спросил я просто для того, чтобы узнать пределы наглости.

— В качестве платы я попрошу у тебя согласия на то, что мы будем иногда просить тебя помочь вот так, как сейчас... И небесплатно.

— И всё? Я согласен.

— Договор полагается скрепить поцелуем.

Я против воли в очередной раз посмотрел на мужской орган беса.

— Если хочешь поцеловать его, я пойму. А я тогда в ответ поцелую твой, — сочувствующим тоном прошептал чертяка.

— Не нужен никакой поцелуй. Это просто обещание. Сможете его обмануть?

— Как хочешь. Но тогда договор не будет обязательным ни для одной из сторон. А насчёт обмана... Как думаешь, умеет ли обманывать Владыка Обмана?

Я залез под ковры. Бесяра не стал убегать и остался на месте. Значит, ему всё-таки нужен этот договор.

Через некоторое время появился Рум. Они торговались с бесом чуть ли не до утра. Из их споров я узнал многое о том, каких чиновников и как именно Рум собирался переманивать на свою сторону, а каких убивать. Похоже, бес работал на меня.

Потом Рум всё-таки отпустил беса. Тот исчез, оставив хвост тонкого зловония. Рум куда-то вышел, появилась Вамташпа, протянула мне нижнюю юбочку Ва. Коснувшись её, я оказался у входа в наш шатёр. Снаружи, прямо перед глазами Консанса, выползшего отлить.

— Полик, а чего это ты ранним утром бродишь с мечом, с юбкой и без одежды? — удивился Консанс.

— Вшей решил порубить, — сказал я, постучал мечом по юбке и юркнул в шатёр, прямо перед широко открытые глаза Ва и Ангелы. Девчонки не спали и смотрели на меня очень испуганно.

— Вы чего не спите?

— Тебя не было три часа, господин, — шёпотом сказала Ва, — мы хотели поднять тревогу, но решили подождать.

— Правильно не подняли. Ва, осмотри, на мне могут быть адские болезни.

Ва встала, обнюхала меня с разных сторон.

— От тебя слабый запах, который я чувствовала от очень плохих людей на грани смерти. Но болезней нет. А что, должны быть именно адские болезни?

— Типа плесень из ада.

— Всё настолько круто?

— Владыка преисподней.

— О, тебя повышают каждый день.

— Ты не поверишь, кто гонцом был. Помнишь ту жрицу Родиты, которую ты недавно спалила? У неё теперь рога.

Вастараба заметно занервничала.

— Не бойся. Они тут ограничены правилами богов, вели себя очень вежливо.

Я улёгся досыпать. Теперь самое главное — не поцеловать кого-то из них первой. Иначе вторая будет дуться весь следующий день. Девчонки прильнули ко мне с двух сторон, Ва поцеловала в грудь, а Ангела в глаза. Я поцеловал их в ответ. В ответ можно в любом порядке, на это они не обижаются. До чего же жарко!

Ранним утром я почувствовал, что меня тянут за мужской орган направо. Справа спит Ва. Похоже, она всё-так получила благословение своей богини. Я последовал за рукой, не открывая глаза. Я почувствовал, что мой мужской орган вставляют в тёплое отверстие. Но вот только под каким-то очень странным углом. Я открыл глаза и обнаружил прелюбопытную картину. Между мной и Ва спала Ангела, и рука Ва направляла мой мужской орган прямо в Ангелу. Как Ангела оказалась между нами? Она же всегда спала слева. Ангела протянула ко мне руки и обняла. Обе девчонки спали и не собирались просыпаться.

Что это за шутки? Васта договорилась с Радо, или Ангела, схватившись за Радо получила лишнюю силу?

Ва перестала меня тянуть и убрала руку, зато Ангела перенесла руки и с силой надавила на задницу. Я чуть не влетел в малышку против своего желания. Девчонки продолжали спать.

Что бы это всё значило? И что делать? Граф ага Дреяни меня убьёт. Тут мне в голову пришла интересная идея. Может, помолиться?

Я начал молиться Богу, просил послать мне совет или ангелов. В воздухе надо мной открылось круглое отверстие с невыносимой синевой, и ко мне спустился мужчина в чёрном.

— Что это значит? — спросил я шёпотом.

— По-моему, это значит, что ты собираешься изнасиловать девчонку, — не без юмора ответил дяденька.

Я обиделся и уже готов был доказывать обратное, как дядька улыбнулся:

— Не плач, вижу я, что девки помороченные. Древние боги постарались. Кстати, а почему бы и не оплодотворить? Будет весьма неплохой ребёнок. И вторую тоже. У той дочка будет, целительница.

— Меня её отец зарежет.

— Н-да. Неприятно. А ведь и правда зарежет. А может, и нет. Может, замуж выдаст. И даже не за тебя.

Губы Ангелы потянулись к моему рту. Они были мягкими и ласковыми, зато её язык был твёрдым и напористым. Он влетел в мой рот и принялся гладить меня изнутри. Ангела целовала меня так ласково и напористо!

— Вижу. Да, сложная ситуация. Проблема в том, что Ангеле подсыпали много дополнительной силы для этого дела. Не стоило ей хватать за руки бога. Если сила сейчас не уйдёт в ребёнка, она куролесить начнёт. Ладно, сейчас я отключу тебе обеих. Но Ангелу придётся хватать и везти лес выращивать.

— Принял. Вы в курсе, что ночью Рум пытался выбить из владыки преисподней договор об услужении демонов?

— А что, пытался? Получилось?

Я кратко пересказал ночные события.

— Ты бесам лучше не верь. Они три раза тебя привезут куда обещали, а на четвёртый в

ад прямым. Нам всегда молись тайной молитвой, мы присмотрим незаметно.

— Хорошо.

Дяденька по очереди коснулся лбов девчонок двумя пальцами, сложил ручки, и его утянуло в дыру с синевой. Мои подруги задышали спокойно. Вскоре проснулась Ва, пережила удивление по поводу недавних событий, а ещё через пару минут проснулась и Ангела. Мы попытались ей рассказать о том, как она чуть меня не изнасиловала.

— Хочу вырастить рощу, и прямо сейчас, — капризно сказала девушка, не обратив на новость никакого внимания. А потом взлетела в воздух.

— Только не здесь! — дружно завопили мы с Ва и, кое-как одевшись и быстренько завернув Ангелу в плащ, уложили её на коня. Ангела ни на что не обращала внимания и напевала песни.

Мы успели отвезти её к ручью, туда, где новый лес будет наиболее уместным. Ангела взлетела на высоту двух ростов и принялась танцевать, весело напевая. Деревья и кустарники полезли отовсюду даже быстрее, чем в первый раз. Мы с Ва еле успели отвести коней. Вырастив рощу за какие-нибудь полчаса, Ангела дала усадить себя в седло, и мы успели вернуться в лагерь к завтраку. Ну и ночка!

После завтрака мы всей троицей отправились в городок, к господину Ирме. На этот раз секретарь сказал, что не пропустит, что пора наводить порядок с толпами срочных посетителей и что весь список встреч распisan на три дня вперёд. Предложил записаться на четвёртый день. Я спросил, кто имеет право входа в любой момент. В списке оказался начальник разведки. К нему мы и отправились.

Начальником разведки служил один кочевник, который перешёл на сторону Империи давным — давно, задолго до этой заварухи. Он ничего не знал о явлении богов в телесном виде и выслушал нас с большим удивлением. Однако, когда он понял, что речь идёт не о религиозных преследованиях, а о создании группы заговорщиков и попытке захвата власти, сразу просветлел. Это было ему понятно. Вместе с ним мы всё-таки попали к господину Ирме и даже выгнали всех посетителей в лице группы по обеспечению продовольствием во главе с самим министром продовольствия.

Повторив историю про Рума, я предъявил список чиновников, на которых в ближайшее время будет оказано давление, и предложил дать Руме возможность набрать небольшое количество сторонников, а затем выгнать из города в сторону Дикого Поля. Пусть набирает сторонников в Поле.

— А убить его просто нельзя? — спросил начальник разведки.

— Нет, у него несколько сотен лет бессмертия, он бывший небожитель, это проклятие такое, — ответил я.

— А ты откуда знаешь? — удивился господин Ирма. Я не рассказывал ни ему, ни начальнику разведки про историю с бесом, сказал только, что объявился Рум под видом жреца Зиждеца.

— Знаю. На празднике Радо появлялся, у нас ещё из-за него Ангела опять летала и ещё одну рощу вырастила.

— А я его видел? — оживился Ирма.

Я задумался, как бы ответить помягче.

— Вам не удалось с ним пообщаться.

— Жаль! Ну, может в другой раз. А что будем делать с Румом?

— Сначала следить, потом схватим за подготовку переворота и выгоним, вместе со

сторонниками и оружием, — предложил начальник разведки.

Ирма кивнул в знак согласия, и мы вернули в комнату продовольственных людей. Министр продовольствия забрал с собой Ангелу. Закрывая дверь, я слышал, как Ангела несла некоторых из присутствующих за разграбление запасов семян для посева. Начинался очередной сумасшедший день.

В этот день я должен был подбирать школьных учителей, а Ва проверять новые колодцы и учить сразу пять разных потоков лекарей и младшего персонала. Вечером отец спросил, каким образом мне удалось пробраться в самую верхушку руководства кочевников и стать чем-то типа их главного идеолога. Я рассказал ему упрощённую версию про то, как Ирма хотел сделать имперца членом своего культа, а затем был вынужден использовать его в качестве жреца в городе кочевников. Повторил, что говорил графу ага Аркнейн про то, что это государство ещё может обогнать наше. Отец сказал, что это, наверное, очень смешная история, но только смеяться совсем не хочется и что всё поворачивается очень серьезно. Мне надо быть очень осторожным, чтобы оставаться у власти и влиять на идеологию новых союзников.

Я удивился. С такой стороны я о происходящем не думал.

Рума взяли через неделю, после того, как он с помощью бесов попытался запугать несколько чиновников городских властей. На защиту к нему кинулось несколько сотен последователей. Их ждал неприятный сюрприз в виде спрятанной в переулках кавалерии благородных в количестве несколько тысяч человек. Рума и его сторонников проводили за двести вёрст от городских ворот и сказали не возвращаться. Сторонникам на прощание намекнули, что Рум — совсем не жрец Зиждеца, а демоническая личность, которая якшается с тёмными силами.

За время пребывания в городе Рум ухитрился построить небольшой храм. Теперь этот храм пустовал. Господин Ирма нашел дяденьку, который помнил некоторые гимны в честь бога — создателя, и уговорил его стать жрецом Зиждеца. Я как один из жрецов Радо ещё потом вынужден был присутствовать на первой службе, в знак уважения культа Радо к более старшему культу бога — создателя.

Четыре экспедиции на земли кочевников позволили привести чуть ли не половину семей оказавшихся в городе кочевников. За семьями ездили, в основном, наши благородные небольшими отрядами по несколько тысяч человек. Кочевники ни разу не смогли противопоставить им сравнимой силы и предпочли уклоняться от стычек. Меня в выезды не брали, я считался особо важной фигурой гражданской администрации.

Наши кочевники за своими семьями не ездили потому, что были заняты распахиванием земель и драками за лучшие куски. Татайская полиция сбилась с копыт, гася конфликты между племенами и отдельными мужиками.

Ангела говорила, что при заложенных площадях, скорее всего, удастся избежать голода и даже сохранить большинство лошадей. Её ускоренно выращенные увеличенные семена посеяли на отдельных отмеченных камнями делянках. Было очень интересно, что из них вырастет.

* * *

В один из сумасшедших дней я сообразил, что уже начинает холодать, а мы до сих пор

ни разу не купались ни в одной речке или озере. Поэтому я попросил отца организовать нам поездку на расположенное невдалеке небольшое озеро, в котором, как говорили, можно купаться. Отец ходил к графу, граф спросил у генерала, и тот разрешил ездить на озеро группами не менее, чем по сто человек.

На следующий день нам повезло, была прекрасная солнечная погода. Мы попрыгали на лошадях и отправились купаться. Таку тоже взяли с собой. Ехали около часа. По прибытии первым делом объехали озеро по периметру, поискали врагов. Враги не обнаружили.

Мои девушки погружаться в длинных платьях не захотели, попросили отойти в сторону, за камыши, чтобы купаться без одежды. Искомый заливчик нашёлся совсем недалеко от общего места купания. Не успели мы раздеться, как из воды показалась зелёная рука с мечом и стремительно двинулась к берегу. Така поджала хвост и исчезла в ближайших зарослях. Мы кинулись к оружию.

Вслед за рукой появилось и лицо. Прекрасное девичье лицо, только очень зелёное.

— Герой, прими волшебный меч! Этот меч даётся только великим героям для великих подвигов! — произнесло зелёное лицо.

— Нашла дурака! Я не герой, а твой меч — скорее всего, изделие Подземного Владыки, для контроля поведения, во вред человеческому роду.

Такого рода историй я наслушался в детстве очень много, их любили рассказывать в селе по вечерам, перед сном. Там часто молодым доверчивым дурачкам подземные жители дарили разные как бы полезные волшебные предметы, а в итоге оказывалось, что люди теряли в своей жизни всё, а затем попадали в рабство подземному злодею.

— Нет, нет! Это по-настоящему хороший меч, специально для тебя среди лучших мечей подобрали, без подвоха! — плачущим тоном принялась уговаривать зелёная нечисть.

— А честную сталь по голове не хочешь? — я наконец достал свой меч.

— Молодой господин, можешь резать меня, но Подземный Владыка сказал, что я должна передать тебе этот меч, и без выполнения задачи я не должна возвращаться, — девушка сделала ещё несколько шагов вперёд, и стало ясно, что у неё не только лицо прекрасное, но и груди.

— Полисаний, посмотри на меня! — приказала Ва.

Я обернулся и увидел, что жрица показывает мне свои оголённые груди.

— Это ты к чему?

— Она пытается тебя зачаровать женской привлекательностью!

Я заглянул в себя. Зачарованности не чувствовалось.

— Девушка, передавай Владыке наилучшие приветы и нижайшие поклоны, но я не буду брать меч, так как опасаясь злой магии. Пусть поймёт, что это нормально, и не наказывает тебя.

— Господин, объяснения не принимаются. Меня накажут!

Зелёная девушка сделала ещё несколько шагов вперёд. Стало очевидно, что у неё не только груди прекрасные, но и всё, что ниже.

Мы стремительно отошли на несколько шагов назад.

— Ангела, ты тоже раздевайся! Поли, смотри на нас с Ангелочком! — гнула свою линию Ва.

— Да не зачарован я! Можете не раздеваться! Девушка, если для вас это так важно, объясни, почему именно этот меч должен взять именно я и для каких таких подвигов?

— Только ты смог победить мерхала, бера — уничтожителя и гхулей без больших

потерь. Но вы не представляете, сколько нечисти сейчас расплодилось под землёй! Мы опасаемся за свою судьбу! Вскоре эта нечисть полезет наверх, и с вашей простой сталью вы не сможете с ними справиться. А ещё мы могли бы попросить тебя уничтожить нечисть у нас, за щедрую оплату, когда она станет слишком сильно наседать. Поэтому Подземный Владыка сказал мне уговорить тебя любой ценой, чтобы ты принял меч. Хочешь, убей меня. Хочешь, удовлетвори своё мужское желание столько раз, сколько хочешь, я могу приходить к тебе везде, где есть вода. Только возьми меч!

— Поли, смотри на мои груди! И на всё, что ниже! — завопила Ва, а затем забежала и встала между мной и зелёной девушкой, совершенно нагая.

Я сделал шаг вперёд и обнял Ва. Но обратился к девушке:

— А что такого особого в этом мече?

— Он наносит нечести особо тяжёлые повреждения. Считай, его сталь для них как отравка.

— А почему ты не выходишь на берег?

— Людей обычно пугает вид моих когтей.

— Будет интересно посмотреть.

Девушка немного потопталась на месте и сделала шаг вперёд. Я с интересом изучил её плавательные устройства.

— И чего там люди пугаются? Это не когти. Длинные и тонкие. Заканчиваются остриём, но очевидно, что это не более, чем растяжки для плавников. Таким когтем невозможно нанести повреждения. Это для того, чтобы держаться за что-то на дне, я угадал?

— Да...

— У тебя очень красивые ножки и очень мощные плавники. Это очень мило.

— Правда? Ты первый из людей, кто так сказал, — удивлённо протянула девушка, рассматривая свои ноги.

В этот момент на сцене появился мой папочка:

— О, Пуся, у тебя уже три девочки? И все такие миленькие! Шучу. Привет, Морелина. Что пытаешься впарить моему сыну?

— Здравствуйте, барон ага Долиган. Ничего не продаю. Чистый подарок. Меч против нечести. Настоящий, без подвоха.

— Отец, ты знаешь эту зелёную?

— Да, та ещё мошенница. Продает разные магические игрушки якобы от Подземного Владыки, только они через несколько дней портятся.

— Они не якобы, они настоящие. Просто это тонкие вещи, их надо хранить бережно, а вы их ломаете в ваших мягких заплечных сумках, — обиделась зелёная девушка.

Я вообще не знал, что думать. Из зарослей камыша выскочила Така, посмотрела на отца и зарычала. Ва глянула на отца, чтобы получше спрятать свое голое тело, и удивлённо пробормотала:

— Странно, а где след от раны на ноге?

Отец прошел к девушке, протянул руку к мечу:

— Можно?

— Беги! — рявкнула Ва.

Девушка исполнила удивительнейший кульбит и попыталась нырнуть в воду, но шлёпнулась на мелководье. Отец догнал и схватил её за ногу. Така залилась истеричным лаем.

— К оружию! Это не твой отец! — скомандовала Ва.

Только после этой команды я проснулся и помчался к кучке оружия и доспехов. Ангела уже достала лук и натягивала тетиву.

Завладев мечом, я обернулся. Неведомое чудище тянуло зелёную девушку из воды. Та отчаянно и очень неумело отбивалась, размахивая мечом, как веником. Там, где кожа чудища коснулась воды, показалось красное мясо, будто кожа растворилась.

Ангела влепила названному гостю первую стрелу в лёгкое. Тот даже не повернулся.

Я ринулся на врага, тихо подозревая, что это моя последняя в жизни глупость. Если это чудище умеет подражать боевым навыкам так же, как и речи...

Ва угостила врага порцией своего яда. Яд зашипел, коснувшись кожи, чудище покачнулось, но не упало. Я полоснул его по спине, от шеи до пояса. По идее, такой удар должен развалить человека напополам... Если, конечно, он выполнен не ребёнком чуть старше четырнадцати. Но даже мне удалось нанести довольно глубокую рану. Для обычного человека она была бы смертельной. И эта рана заросла у меня на глазах!

Зелёная девушка размахнулась мечом, но вместо того, чтобы ударить врага, кинула его мне. Чудище попыталось перехватить, но не поймало. Я поймал меч в полете и с ходу рубанул чудище по шее. На этот раз голова отлетела в сторону, дымясь на разрезе, и это была не человеческая голова. Оборотень? Я про таких и не слышал.

— О, нет! Как они узнали? Почему они так быстро встали на след? — застонала девушка, даже не пытаясь подняться из воды.

— Как тебя зовут на самом деле? Морелина?

— Да...

— А мой отец правда тебя знает?

— Мы иногда торговали. Но он никогда в этом не признается, такие контакты не одобряются вашей церковью.

— Почему?

— А я откуда знаю? Некоторые наши вещи имеют, скажем так, дополнительные свойства. Как этот твой меч. Так и что в этом такого? У вас каждый второй если не летает, то в сталь превращается. Но твоему отцу мы только продовольствие продавали. Ну, и так, кое-что по мелочи. Компас, указывающий на источники воды, амулет для продления любовных утех...

— Что это за чудище? Кто такие эти «они», которые встали на мой след? И почему именно я?

— Оборотни-пуры заключили союз с волколлюдьми с целью уничтожить тех, кто может научиться с ними сражаться.

— Пуры?

— Да, оборотни бывают трёх видов. Обычные, Пури и дувы.

— А волколюди тут при чем? Наши и так с ними успешно сражались.

— А вы хоть одно помещение волколлюдей нашли? Откуда волколлюди берутся, знаете?

— Какие поселения, они же как волки живут?

— А ты бы стал жить под кустом, имея руки и разум? И кстати, не забывай вытирать меч от крови.

Я спохватился и начал стирать чёрную кровь травой. Решил пошутить:

— А что, он от крови заржавеет?

— Нет, но ему может захотеться больше. Могут пострадать невинные. И вообще, мне

пора.

— Так что нам делать с пурами и чем они опасны?

— Обычные оборотни говорят как люди, чуть хуже. Пуры могут залезать в ваши воспоминания, если находятся на небольшом расстоянии, до двадцати шагов. А ещё они умные и могут планировать. Были случаи, когда они захватывали власть в племени кочевников и потом пасли его, как скот, несколько десятилетий, пока всех не съедали.

— А зачем всех съесть? Так бы и пасли вечно.

— Так они жадные и остановиться не могут. Сначала на место вождя племени садится один оборотень, потом к нему дружки прибегают. Так их и становится больше, чем людей. Ладно, мне пора. Если захотите что-нибудь купить, встаньте над любой крупной водой и позовите меня по имени. Если за сутки я не приду, кто-нибудь из моего рода придёт.

— Как определить оборотня?

— Меч к нему прислони. Задымится — оборотень.

— А чем ты торгуешь?

Но ответа я так и не получил, девушка исчезла в воде. Я остался с волшебным мечом в руке и без одежды над зеркалом озера.

— Кто-нибудь хочет искупаться?

Мои девчонки замотали головами. Мы накинули первый слой одежд и почерепашили к своим. Выйдя из-за деревьев, отделявших нас от основной группы, мы увидели отца, который объезжал озеро и смотрел в сторону степи. Папочка подъехал к нам:

— Всё хорошо?

— Теперь да. Оборотня грохнули, теперь всё хорошо, — ответила Ва.

— Оборотня?

— Пап, а ты с Морелиной когда-нибудь имел дело?

— Морелина — это персонаж из сказок про подземный народ.

— А почему вы мне эти сказки не рассказывали?

— Рассказывали. Но не все. Она очень мужчин любит, так что детям про Морелину не рассказывают. Что там про оборотня?

— Лежит. Больше не двигается. А ты что-нибудь покупал у подземного народа?

Отец помолчал, но потом всё-таки признался:

— Один раз. Компас для указания воды. Мы в одном походе умирали без воды, пришлось купить.

— Долго проработал?

— До конца похода хватило.

— Ладно, мы к остальным пойдём.

Отец отправился проверять оборотня, а мы пошли на пляж, искать тень. К воде подходить было страшно. Хотя, казалось бы, с чего? Оттуда пришла наша вроде бы как союзница.

* * *

Незаметно подобралась осень.

Главнокомандующий объявил, что наша армия, кроме небольшого отряда, возвращается по домам. Это было очень мудрое решение, иначе благородные главы семейств всё равно

разбежались бы охранять урожай.

Освободившихся от пахоты и сева озимых мужиков согнали строить новый город, тот, который предполагалось построить изначально. В городке кочевников оставили только слепых и охрану. Слепых почти всех перевели на ткачество. Получилось смешно: для того, чтобы обеспечить такое количество народа работой, пришлось везти материалы со всей империи, а затем везти обратно готовую ткань. Но самое смешное выяснилось позже: оказалось, что за счёт дешёвого труда и узкой специализации эти ткани оказались дешевле и качественнее, чем то, что изготавливались нашими селянами.

Было забавно смотреть на опустевший город, в котором ещё недавно бурлила жизнь тысяч людей. Господин Ирма переехал в новый город ещё до ухода имперского войска. В один прекрасный день и я погладил наши «танцующие камни», передал храм ученику Ирмы, сложил вещи и уехал домой вместе с отцом и родственниками.

Глава 12

Возвращение в детство

Самое страшное в любовных утехах — это когда они происходят по расписанию. Вот и в это утро Ва принялась уговаривать меня:

— Господин, ну пожалуйста, ну дай мне мужской силы, я знаю, ты сильный и любишь ласку!

На пару с Ангелой они выдоили меня до такого состояния, что я просто не мог дойти до высшей точки, сколько ни гладь и ни ласкай. Ва эта сила была нужна для исцелений в её клинике. Больных людей к ней приходило очень много, десятки, и целительной силы всегда не хватало. Ангела вошла в её положение и стала помогать в доведении меня до излияния семени. Сначала они доили меня по три раза в день. Потом я устал, и что-то стало получаться только утром, после отдыха. Потом тело вообще перестало реагировать на Ва, и система размножения стала просыпаться только тогда, когда нагая Ангела гладила меня грудями, а потом сладко целовала. Потом оно перестало реагировать и на Ангелу...

* * *

Наше возвращение с войны выглядело очень смешно. Мама уже знала вчерне про все наши приключения, отец ей писал. Но всё равно, завидев меня с двумя девушками, мамочка не преминула похихикать:

— Я знаю, часто бывает так, что мужчины привозят с войны женщин, а иногда и детей. Но сразу двоих... Полисаний, сын мой, то ты забавляешься с лесопилкой, то сразу с двумя девушками! Ты превзошёл все рекорды!

Мы с девушками, как положено в таком случае, сошли с коней, встали на колени и просили матушку принять нас под своё руководство и заботу. Мама удивлялась очень долго, особенно тому, что Ва спит не в помещении для слуг, а со мной и Ангелой.

Ва сразу попросила себе шатёр за пределами замка для приёма больных. В первые дни она была занята нашим селом, лечила бабонек и внедряла санитарию. Мужики слушать её не хотели, Ва была настойчива, и пришлось посылать ей на помощь стражников. После того, как Ва вылечила многих от порезов и хронических болезней, её авторитет в селе вырос до невообразимых величин. Но потом слава жрицы догнала её, и в Долиган потянулись тяжело больные люди со всей округи, а кое-кто и из дальних мест. Ва брала за лечение дорого и большинство денег отдавал отцу. Себе оставляла только на лекарства и бытовые расходы. Отец с некоторым удивлением обнаружил, что доходы от одной жрицы были сравнимы со всеми нашими доходами от сельского хозяйства в прежние времена. По его распоряжению начали возводить здание клиники для Ва за пределами крепостных стен, рядом с таверной для путешественников, которые теперь в большом количестве ехали в землю кочевников и обратно.

А вот мне стало тяжело. Ва хотела много мужской силы, и именно от меня. А у меня сил больше не было. Даже сладкий поцелуй Ангелы не заставил меня ожить в это утро. Ва в отчаянии начала меня просто уговаривать. Потом применила крайнее средство, начала гладить мой мужской орган своим женским органом, слегка рискуя забеременеть. Опять без

эффекта. И тут Ангела придумала новое средство. Она взяла мою руку и начала гладить ею свой женский орган, самое причинное место. Вскоре она начала постанывать. Это меня завело, и Ва получила свою энергию. А вот Ангела останавливаться не захотела даже тогда, когда Ва оделась и убежала завтракать. Пришлось гладить её до конца. Ангела оказалась очень горячей женщиной.

Интересно, сколько сейчас её телу по возрасту обычного развития? Если по виду, так уже лет 18. Она уже чуть выше меня. Похоже, она росла каждый раз, когда танцевала новую роцу.

В этот день у меня было много дел. Надо было починить ветряную мельницу, которая разболталась от непрерывного использования, надо было организовать производство баллист, которые нам заказал командующий, и ещё небольшая тысяча задач. Но сначала пришлось тащиться на сеновал, поскольку и Ва, и Ангела хотели найти там некоторые травы, а ворошить тяжёлые кипы мог только я.

В какой-то момент, наблюдая за девчонками, перебирающими траву, я почувствовал, что кто-то хватает меня за ногу. Привычка к постоянной опасности заставила сразу извернуться и выхватить меч. В следующем миг я оказался подвешенным в воздухе, а меч был выбитым из руки. Алесаний, чтоб его. Он часто проделывал такую шутку в детстве, подвешивал меня на вытянутой стальной руке и измывался, пока я хныкал и просил отпустить. Никто из братьев и сестёр никогда за меня не заступался, Консанс только хихикал и потом шёл с ним гулять дальше. А все остальные только подзадоривали. Вот и сейчас я по привычке завыл:

— Алесаний, братец, пожалуйста, не делай мне больно!

Старший брат, как всегда, только развеселился от чужой боли:

— Ой, наш Пуся — герой ножку бо-бо! А ты сделай так, как при победе над всеми теми чудящими, которых ты якобы убил! Победи меня, врушка! Победи, засранец!

И тут я подумал, что стоит последовать этому совету. Чего я тут ною, как маленький? Вспомнились умения жреца Радо. Я подтянулся и сел верхом на ставшую твердой железную руку. Было больно и неудобно, но я хотя бы не висел. Алесаний попытался ударить меня стальным кулаком, но я мягко встретил его руку своими двумя, и получился просто толчок, от которого я перегнулся на другую сторону руки.

— Тебе доставляет удовольствие издеваться над другими людьми? Твоя душа там внутри твоего подлого тела сейчас ликует от радости? Так тебе никогда не стать достойным человеком.

Алесаний попытался ударить меня снова, но я опять мягко отвёл его руку.

— Если ты распространяешь вокруг себя ненависть, то ничего, кроме ненависти, к тебе не вернётся, недоумок. Бог не любит тех, кто издевается над людьми. Так что и Бог тебе рад не будет.

— Ага, боженьке пожалуйста, засранец! — прошипел Алесаний, ожесточённо пытаюсь попасть в мою голову.

— Ты зря думаешь, что я не могу ответить. Сейчас моя вторая нога упирается в твой локоть, а когда ты снимешь окаменение, я сломаю твою руку. А окаменение ты вынужден будешь снять не больше, чем через пять минут, иначе без крови ткани отомрут.

— Да я тебе всю бошку разобью!

— А ещё можно обосраться. Я же засранец, мне легко. А потом намазать твою железную голову с железными мозгами тем, что достану из штанов.

— Да? А как ты будешь это делать со сломанными руками, засранец?

— А ещё у меня есть доступ к ядам. Один укол маленькой иголкой, который ты даже не заметишь, а потом следующие трое суток ты будешь умолять Бога забрать твою душу из этого очень болезненного тела.

На лице тупицы отразилось тяжёлое размышление. Потом он решил пойти на крайности:

— Ты ещё поугрожай мне, мелкий трус! Забью в котлету!

— Лучше отпусти его. Мне даже не надо плевать в тебя ядом. Я просто не буду в следующий раз лечить тебя, когда ты в очередной раз подцепишь что-нибудь нехорошее, — прозвучал голос Вастарабы.

— Молчи, рабыня, как только стану бароном, тебя заперют на конюшне до полусмерти!

С этими словами Алесаний закрутился и попытался стукнуть меня головой о стену. Я успел вовремя согнуться, и мы из-за потери равновесия упали на пол.

— Достаточно, — прозвучал сверху отцовский голос.

Откуда тут взялся отец? Я удивлённо взглянул наверх. Отец стоял наверху, на балках крыши, рядом с ним стоял один из стражников.

Алесаний отпустил мою ногу, и я откатился в сторону. Нога болела невероятно. Похоже, в ближайшие дни я ходить не смогу. Отец тем временем продолжал:

— Алесаний, я давал тебе много шансов исправиться. Ты провалил их все. Ты полностью провалил всё управление в городке кочевников. Ты трусливо воевал в битве и не смог поразить ни одного противника. Ты издеваешься над людьми ради удовольствия. Ты продолжил это делать с Пусей даже после того, как он напомнил тебе про Бога милосердного. В тебе нет ничего, что требуется правителю. Ни заботливости, ни сострадания к людям. Ты опасен. Ты мой первый сын, у тебя отличные способности, я вложил в тебя огромное количество времени и старался передать тебе все свои умения. Но ты полностью развалишь мое хозяйство, когда получишь наследство. Поэтому я лишаю тебя права наследования. Теперь первым наследником будет Консанс. Ты должен собраться и покинуть границы моей земли до заката. Отправляйся к Государю, попросись на офицерскую службу. У тебя неплохие способности, тебя возьмут на хорошее жалование. Надеюсь, ты изменишься с возрастом.

Губы у Алесания затряслись, он заныл:

— Отец, прости меня, пожалуйста...

— Деньги возьмёшь у ключника, сотню возьми. Разрешаю взять все доспехи и оружие. Возьми коня для битвы и лошадку для поклажи. Больше ничего не брать. Уходи.

Алесаний ушёл, хныча. Ва и Ангела подбежали, помогли мне подняться. Стоять я не мог, пришлось опираться на стену.

Подошёл отец, не глядя на меня сказал:

— Из-за твоей слабости я вынужден был выгнать старшего сына. Мы сильно ослабли. Окружающие бароны могут решить, что мы лёгкая добыча.

Я думал, что можно ответить, но так и не придумал. Похоже, ничего говорить и не стоило.

Отец ушёл.

— А меня сёстры щипали с разных сторон, сразу все. У них руки на несколько шагов могут удлиняться, невозможно предсказать, с какой стороны ущипнут. А когда я плакала, смеялись и говорили, что это они просто играют со мной, — поделилась детским

воспоминанием Ангела.

— Дай я посмотрю твою ногу, — потребовала Ва.

На ветряную мельницу ехать пришлось на ослике.

* * *

Только через две недели после приезда мне удалось выбраться в село, к друзьям. Серен к этому времени наврал про наши приключения на войне столько, что даже мне было интересно послушать. А вот прибавить сверху было нечего.

Друзья сильно изменились. Теперь нам было не до игр, у них у всех было много обязанностей, и довольно серьезных. В свободное время, кое наступало только поздно вечером, молодежь собиралась за околицей, чтобы петь песни и танцевать. После танцев обязательно следовала драка за то, что не тот пригласил не ту девушку. У девушек были свои разборки, кто кого собирался увести.

Хуже всего было то, что в разных концах села образовалось три группы подростков, смертельно враждовавших друг с другом. Попадание в чужую часть села грозило как минимум тяжёлым избиением. И мои друзья попали в разные группы! При этом все были уверены в своей правоте и полной демоничности другой стороны. Они прожужжали мне все уши о том, какие сволочи их противники и как они беспричинно и жестоко обижают парней из их группы. Увещевания друзей в том, что они мои друзья и совсем недавно были друзьями друг другу, не помогли. Они согласились, что никогда не нанесут вред бывшим друзьям, но остальные члены группы — абсолютные злодеи.

В качестве злодейств назывались события от отнимания игрушек до изнасилований парней парнями, включая избиения людей и отнимания домашней скотины с последующим срочным съеданием оной.

Уже во второй мой визит мне «повезло» попасть в массовую драку между двумя группами. Сошлись группы, в одну из которых входил Серен и Геригор, а в другой моих друзей не было. Я попытался встать между ними и заявить, что все недовольства надо представлять на суд их господина, сиречь моего отца или старосты села. Вожак противостоящей моим друзьям группировки, здоровенный шестнадцатилетний парень, выше меня больше чем на голову, навис надо мной и угрожающе произнёс:

— Мелкий, мы к тебе и к господину со всем уважением, но лучше бы вам не лезть в наши мелкие междусобойные дела.

— Ничего себе мелкие! Изнасилование парня парнем — это смертный грех, за это сначала покаяние у святого отца, а потом порка у господина положена!

— Да, и это сделали они с нашим другом!

— И ты думаешь, что это ты здесь будешь выносить наказания? Здесь только одна власть, мой отец!

— Отвали, мелкий! — детина попытался с размаха стукнуть меня в нос. А может быть, просто хотел оттолкнуть с пути. Сначала я просто провернулся, как учила девушка в чёрном. Это оказалось хорошей идеей, рука противника просвистела совсем рядом, но меня не затронула. Я даже удивился тому, насколько хорошей идеей это было. А ещё у меня уже были реакции человека, побывавшего на войне. Я без долгих раздумий одним движением вытащил меч и проехался остриём по мышцам ног противника. Хлынула кровь. Товарищи

детины кинулись на меня с кольями и палками. Они затоптали бы меня, но группа Серена отбила. Больше всего старался парень, который участвовал в изнасиловании и которого я уже мысленно приговорил к очень большой порке. И как я теперь буду об этом рассказывать?

А рассказывать пришлось. Отец внимательно выслушал мой доклад о том, что в селе завелась буйная молодежь. Мама сказала, что староста жаловался на них, говорил, что совсем не слушают увещаний. Отец с усмешкой посмотрел на Консанса:

— А вот и твое первое самостоятельное дело. Проведи следствие и наказание. Вообще эта проблема возникает каждые три — четыре года. И как бы ей не возникать, если их отцы и деды поколениями дрались за украденные вещи и тайные покосы? Но приучать к тому, что серьёзные дела должен судить только их господин, надо с детства. За три года вырастает поколение, которое забывает, как и за что пороли их предшественников. Так что суди без пристрастия и все сомнения толкуй в пользу наказываемых, но с наказанием не задерживайся. Иначе перестанут власть чувствовать.

Мы наехали на село с братьями и стражниками. Следствие было проведено быстро и жестоко. Тех, кто просто дрался, выпороли прямо на центральной площади, причём собственные отцы. Организаторов групп и участников изнасилований забрали в замок, на покаяние к святому отцу.

Пока пороли мелких задир, ко мне пробрались Серен и Визго:

— Слушай, ты зачем отцу рассказал? Мы к тебе как к своему, а ты всех сдал.

— Наверное, я больше не ваш. В селе должна быть только одна власть. Пока это были детские драки за игрушку, можно было не замечать. Но если пошли тяжёлые избиения, мы не можем не вмешаться. Надо было старосту слушать, когда он вас уговаривал остыть.

Серен замолчал, Визго сказал:

— Да, молодой господин.

Я понял, что друзей детства у меня больше нет, а есть только подчинённые мужики.

В один из дней я проснулся и обнаружил, что мой мужской орган находится глубоко в Ва. Из него текло семя, текло и не переставало течь. Некоторое время спустя я понял, что это течет не семя, а сила. Я обнял Ва покрепче. Ва дышала часто и необычно. Сначала она дышала так, что у меня появилось обычное неприятное ощущение в животе. Вытягивала мужскую силу из живота. Потом она изменила дыхание, оно подстроилось под моё, и я почувствовал, что Ва наполняется на уровне дыхания, на уровне сердца. Потом она опять сделала перерыв и начала дышать так, что я почувствовал единство с ней на уровне глаз, а потом на уровне верхней части головы. Стало ясно, что происходит. Ва полностью считывала мой образ управления телом, ощущениями и мыслями. Похоже, именно его она передаст ребенку. Интересно как человек устроен...

Ангела спала слева, как обычно, и не просыпалась.

Загрузившись по самую макушку, Ва проснулась. Не открывая глаз, она спросила:

— Это произошло?

— И не только это. Ты с меня считала все образы управления телом. Высосала дыханием.

— Никогда не слышала о таком.

— Просто ваши жрицы не жили долго с мужчинами. Радо говорил, что это обычное дело между супругами.

Ва обняла меня и прижала покрепче, несколько раз махнула взад — вперёд тазом,

покрутила им по кругу, играя моим мужским органом в себе.

— Господин... Я так рада, что мне повезло встретить тебя. И что ребенок будет от тебя. Уверена, что это будет девочка. Великая целительница.

— Или боги захотели, чтобы у тебя был такой образ мышления и чувствования, как у меня.

Ва заметно испугалась:

— Думаешь, я могу не забеременеть?

— А ты знаешь планы богов?

Ва немного подумала:

— Надо будет проверить, остались ли у меня способности к исцелению.

Такая возможность у Ва появилась уже ранним утром. Моя мама пришла в лечебницу и сказала, что хочет научить Ва, как не беременеть. Я вертелся в лечебнице, помогал с переноской тяжёлых вещей. Ва посмотрела на мою маму насквозь и сказала, что у неё опущение матки, инфекция от потёртостей и что это надо срочно лечить, иначе ребёнок, который уже, похоже, на третьем месяце, может не родиться и убьёт её. Мама сделала несколько шагов назад, будто хотела спрятаться за дверью. Чего это она так реагирует? Ах да, мы с отцом вернулись совсем недавно.

Мама попыталась протестовать, но Ва тут же описала ей все симптомы, и мама сдалась. Ва уложила её на операционный стол и наложила руки, начала массировать.

— Может, дождешься, пока я выйду? — возмутился я.

— Не надо, мне даже раздевать её не придётся.

Помассировав минутку, Ва удовлетворённо осмотрела дело рук своих и сказала, что исцеление удалось. Мама плакала от боли. Ва сказала, что скоро всё пройдёт.

Ва была счастлива. Способность к исцелению у неё сохранилась!

Мне пришлось провожать маму до спальни. На полпути, остановившись отдохнуть, мама сказала:

— Теперь я понимаю, почему сельские бабоньки считают её святой. Мне все говорили, что это не лечится. Но беременеть ей от тебя всё равно нельзя. Она же не благородная!

— Благородная. Гадюка. Только у гадюк есть способность к зрению насквозь.

Мама была изумлена:

— Благородная и рабыня?

— Она считает себя жрицей языческой богини. У них в правилах, чтобы у неё был господин, а она была рабой господина.

— Не зря их называют язычниками. Какие дикие обычаи!

— Ей Государь предлагал статус благородной, но при условии выхода замуж и рождения детей. Она отказалась ради возможности быть целительницей. Если она пустит внутрь мужчину по своему решению, она потеряет способность к исцелениям. Если я смогу оплодотворить её во сне, она не потеряет способности к исцелению. Она мечтает об этом. Иногда я просыпаюсь от того, что она во сне тянет меня к себе. Ва говорит, что это не она, а её Богиня управляет ею.

— Даже не знаю. Ещё одна такая целительница была бы полезна всем. Оплодотворяй её. Пусть рождает.

— Ну, вы скажете, мамочка...

Ночью было слышно, как отец бушует и крушит мебель. Ва доложила ему о маминой беременности. Не имела права не доложить.

Наутро отец предупредил всех, что у мамы будет ребенок — отрада от нашего бывшего пленника, что у этого ребенка, скорее всего, будут оба свойства родителей — и большая сила, и сверхгибкость, и что это большое усиление нашего рода.

Ребёнком-отрадой назывались дети, которых зачинали вне брака, в тех случаях, когда будущие родители решали, что объединение способностей приведёт к созданию выдающегося человека.

Мама в обеденную залу не выходила и пряталась ещё три дня. Когда вышла, были видны следы от синяков.

На следующий день я проснулся и почувствовал, что глубоко внутри Ва. Я довёл дело до конца и только потом понял, что это была Ангела. Она даже не проснулась. Через день это повторилось с Ва, а ещё через день с Ангелой. Девчонки не просыпалась. На пятый день и я не проснулся. О том, что произошло, мы с Ва догадались только по тому, что она проснулась на мне и у неё в чреве было полно семени. У меня зародилось подозрение, что языческие боги просто решили устроить мне сладкую жизнь.

Ва сказала, что целительские силы у неё утроились. Ещё она осмотрела Ангелу и сказала, что та до сих пор девственница. Совсем удивительно, Ангела получала своё на полную глубину.

Ангела про свои силы ничего сказать не могла. Но однажды, подскользнувшись на первом снежке, она вместо того, чтобы упасть в грязь, тихо взлетела в воздух и медленно опустилась в стороне от опасного места. Похоже, что и она сильно изменилась.

В тот же день, а точнее, на утро, выяснилось, что у Ангелы усилилась способность к удлинению конечностей. Способность удлинять конечности была семейным умением фамилии ага Дреяни, но у Ангелы ранее практически не наблюдалась. А тут я проснулся и потянулся поцеловать Ва, лежавшую справа, а поцеловал Ангелу. Выяснилось, что Ангела во сне растянула шею так, что лёжа на животе слева от меня, она касалась правой щекой моей правой щеки. То ещё зрелище, надо сказать. После подъёма мы проверили все способности девушки. Выяснилось, что она может удлинять только шею и позвоночник в нижней части, в частности может удлинять копчик так, что он, как хвостик, доставал до колен. Беспольные умения. И даже опасные, так и шею свернуть можно...

Ангела тут же принялась злоупотреблять новой способностью. На виду у всех родственников она подходила ко мне сбоку, обнимала за плечи и тёрлась щёчкой о щёчку, ласкалась. О дальнюю от себя щёчку. Все родственники и слуги широко распахивали глаза и замирали в том положении, как и были. Ангела наслаждалась эффектом.

А ночью выяснилось, что у неё научились удлиняться не только позвонки. Я проснулся оттого, что кто-то щекотал меня за мужской орган. Я уже был готов ко всякому, поэтому аккуратно приподнял наше общее огромное одеяло на троих и увидел забавную картину. Растолкал Ва, показал ей:

— Смотри! У Ангелы теперь женский орган сам по себе живёт!

И это было правдой. Женский орган у малышки удлинился так, что стал длиннее любого мужского, как минимум до колена. Теперь это была большая толстая змея, и она отчаянно искала мужской орган. Вслепую она не могла ничего найти, приняла в себя мое яичко, решила, что не то, выплюнула и начала искать снова. Она не могла найти потому, что во сне мужской орган был в нерабочем состоянии, и она принимала его за кусок кожи.

Ва восхитилась:

— Потрясающе! У неё не просто кожа удлинилась. У неё вся система растянулась,

начиная от матки. Похоже, она и раньше это умела, поэтому во время ночного соития ты и не мог дотянуться до девственности. Она просто оттягивала эту точку подальше. А ещё у неё труба влагалища сжата так, что никакое семя не пройдёт. Если она не захочет забеременеть, то её можно хоть сто лет оплодотворять, ничего не получится. Так что можете с ней забавляться сколько хотите. А ещё при такой способности к растяжению она может родить хоть слонёнка, и ничего ей не будет.

Мужской орган от поглаживаний пришёл в рабочее состояние. Труба нащупала его, стремительно накинулась сверху и начала пульсировать. Ва почувствовала, как пошла мужская сила, и начала постанывать. А когда пошло семя, она открыла глаза и с интересом проследила за процессом.

— Как я и говорила. Эта труба не пускает семя дальше. Она забирает из тебя мужскую силу, как и я, а семя потом просто сбрасывает.

На следующее утро я проснулся в объятиях Ангелы, в процессе соития и летая под потолком. Ва бегала внизу и требовала опуститься, иначе ей моя мужская сила не достается. Ангела спала. Я с удивлением обнаружил, что могу находиться в воздухе, даже не держась за плечи Ангелы. Я не мог понять, как я летаю. Казалось, каждая клеточка моего тела просто создавала подъемную силу.

Попытка вытащить мужской орган из тела Ангелы успехом не увенчались: её орган просто удлинился, а потом притянул меня обратно. Пришлось доводить её до оргазма. После стонов и охов Ангела проснулась, но опускаться на пол не собиралась. Она обняла меня руками и ногами, положила голову на плечо и сказала:

— Как хорошо... Знаешь, я теперь могу чувствовать твоё семя, как я раньше чувствовала растения. Я могу пропустить его внутрь или не пропустить. Может, пропустить? Как думаешь, я буду хорошей мамой?

— Тебе тринадцать будет скоро, но ещё не тринадцать. И ещё меня твой папа убьёт.

— Фу, какой ты скучный. Мог бы сказать, что будешь любить моего ребенка.

— Я буду любить твоего ребенка.

Ва бегала вокруг и протягивал нам одеяло:

— Эй, молодые господа, у вас у обоих начинается переохлаждение. Завернитесь в одеяло хотя бы!

— Рабыня, не мешай. У меня минута счастья.

Удивительно, но на меня тоже опустилось какое-то удивительно радостное состояние тихого и тонкого счастья.

Ва схватила за ногу Ангелу и попыталась подтянуть её вниз. Вместо этого она воспарила на наш уровень и в панике обняла сзади Ангелу. Через секунду она перестала ожесточённо цепляться и отстранилась, касаясь девушки только пальчиком:

— Ух ты, Ангела, а ты можешь передавать способность летать всем, кто тебя касается! А можно я с вами?

Ва переместилась мне за спину и обняла нас обоих:

— Такое тихое и радостное чувство... Теперь я понимаю, почему вы не хотели опускаться. Интересно, а танцевать вы так можете?

Открылась дверь, в проёме показалась мама:

— Отец послал меня сказать вам, что ваши вопли и шум мешают спать всему замку... О! Только не здесь! Не надо, чтобы лес разрушил весь наш замок! Летите на улицу! Идите на улицу! Прекратите немедленно!

Похоже, легенды о том, как Ангела вырастила целую рощу, летая над ней, дошла и до мамы.

Ангела не удержалась и засмеялась. Подъёмная сила её покинула, и мы потихоньку опустились на пол. Вот только женский орган Ангелы отпускать меня совсем не хотел. Пришлось отнести малышку в кровать, где Ва наконец-то смогла догнать нас с одеялом.

— Предполагалось, что чести Ангелы не будет нанесён вред, — сказала мама, углядев моё затруднение, — что в переводе на нормальный язык означает, что никакого супружеского сожития с ней не будет.

— А его и нет. Она даже девственницей остаётся. И вообще, это не я за ней охочусь, а она за мной. Если хочешь, попробуй вытащить, — я скинул одеяло и отошёл на шаг. Женский орган Ангелы растянулся и последовал за мной.

Ангела засмеялась.

— Какая прелесть! И почему я так не делала? Так тоже можно было? Может, холодной водой полить? — восхитилась мама.

У мамы есть свойство сверхпластичности. Наверное, она тоже так может.

Ангела развеселилась:

— Я не могу её контролировать. Пока она сама не решит, что хватит, так и будет его держать. А находит она его во сне, сама, без меня. А ещё я могу чувствовать его семя, могу пропускать его внутрь или не пропускать. Как думаете, мамочка, может, забеременеть?

Девушка начала массировать мой орган своей трубой, с очень заметными сокращениями. Уверен, что вот это-то она сделала вполне осознанно.

Мама задумалась надолго. Потом сказала совершенно серьёзно:

— Пока не беременей. Но идея хорошая. У тебя явно выдающиеся способности, будет очень хорошо, если хотя бы часть достанется ребёнку. Я срочно напишу твоему отцу, чтобы он согласился на ребёнка — отраду, — сказала мама и стремительно вышла. Я заподозрил, что мама пошутила над Ангелой ровно настолько, насколько та пыталась шутить над мамой. Стрела явно достигла цели, так как труба неожиданно расслабилась и отпустила меня.

Ангела встала и начала задумчиво ходить по комнате, помахивая свой трубой налево — направо. Убирать её обратно она не торопилась. Потом она остановилась и начала изучать свои новые возможности, начала писать в воздухе буквы. Мы с Ва зачарованно наблюдали за этим зрелищем. Я решил пошутить:

— Мне завидно. Даже я так не умею.

Ангела повернулась ко мне, убрала трубу, а затем выстрелила ею в мою сторону. Она удлинилась на два шага и попала точно мне на орган!

— Если приделать стальной наконечник, можно в бою использовать, — предложила Ва.

Ангела взлетела в воздух и потянула меня за собой. Я взлетел следом, к большому своему удивлению. Ангела зацепила меня за ногу и притянула, обняла и поцеловала:

— Жаль, что у тебя больше мужских сил нет. А то я бы с тобой ещё пару часиков полетала.

— Я так без мужской силы останусь! Ангела, имей совесть! Я так исцелять не смогу! — Ва была в отчаянии.

— Сможешь. Мы тебя будем с собой брать. Ты будешь полезной. Ты будешь его целовать, так можно будет его сильнее и чаще заводить, — Ангела убрала трубу с моей ноги, коснулась ею Ва, и та тоже взлетела. Значит, взлететь может каждый, кто коснется Ангелы?

Девчонки обняли меня с двух сторон. Я поцеловал Ангелу. Та ответила. Закончилось

это ещё одной большой любовью.

Поостыв, Ангела приняла решение:

— Нам лучше это делать подальше от людей, среди растений. Растения дадут много сил мужчине, он сможет продержаться дольше, и воспримут энергию нашей любви, растения от этого растут лучше. Рабыня, придумай тёплую одежду, чтобы можно было часами летать и не мёрзнуть.

Ва сделала несколько вдохов, но потом кротко ответила:

— Да, молодая госпожа.

За завтраком отец отругал нас за то, что мы вышли очень поздно. Мы искренне каялись и просили прощения.

Ещё нас выселили в лекарский домик Ва, чтобы восторженные вопли Ангелы не будили весь замок. А заодно чтобы лес в замке не вырос. Так, на всякий случай.

Повод выбраться в лес выдался уже в ближайшие дни. С выпадением снега к дорогам опять начали выходить волки. Отец поручил нам с братьями и сёстрами патрулировать дорогу до городка. Ангела с Ва тут же собрались и назначили сами себя в группу усиления. Немного отъехав от замка, мы сказали братьям и стражникам, что поищем волков в лесу, и отошли в сторону самого тёмного леса. Консанс удивился и сказал, что боится за нас, и что только троих не отпустит. Сигурн оказался сообразительнее:

— Пусть едут. Волки не достанут, если они на высоте сосны будут летать.

Консанс сообразил, о чём он, выругался и поехал дальше.

Ангела еле дождалась, пока сосны скроют от неё дорогу, скинула всю одежду и взлетела. Ва схватила меховые балахоны и кинулась за ней с криком: «Госпожа, простудитесь!».

Какое там! Ангела весело кружилась между соснами, раскинув руки и закинув голову, и не собиралась замерзнуть. Это было красиво. Я даже прекратил раздеваться, чтобы полюбоваться. Ангела узрила заминку и кинулась на меня с воплем:

— А ну не останавливайся! Нам ещё дозор догонять!

Двумя руками она уронила меня на снег, стянула с меня штаны, а её женский орган удлинился и поймал мой мужской, который от картины летающей нагой девушки принял необходимое рабочее положение.

— Ва, иди сюда! — Ангела поместила двести пятую между собой и мной, лицом ко мне, и подняла нас в воздух. Её труба заработала интенсивными пульсациями. Девушки принялись меня интенсивно целовать, Ва в грудь, Ангела в губы. Я подумал, что день начинается неплохо. И тут я увидел, что на ветке дерева, совсем недалеко, сидит бес и задумчиво смотрит на нас. Бес поднёс палец к губам: молчи, мол. Ага, размечтался. Я тут же начал молиться, молча, про себя.

Земля под нами раскрылась, вверх ударил невысокий фонтан чёрной земли и снега. Под ним в открывшемся отверстии виднелось фиолетовое сияние.

Ангела всю работала тазом, закрыв глаза, и ничего не заметила. Ва держала глаза открытыми, она прервалась и взглянула на меня с большим испугом. Беса она не заметила.

Кони решили, что им лучше быть где-нибудь подальше, оборвали веточки, к которым мы их легкомысленно второпях привязали, и дали дёру. Ангела услышала их панику и тоже открыла глаза.

— Держи нас повыше и в стороне, — попросил я. Но Ангела так испугалась, что мы начали быстро снижаться, прямо в дыру. Бес спрыгнул на землю, схватил наше оружие и

скинул в провал, после чего спрыгнул туда сам. Фиолетовое сияние потухло, стало видно, что под отверстием идёт какой-то ход. И мы быстро в него опускались.

— Ангела! Хоть немного отведи нас в сторону!

— Не могу! Вообще ничего не могу!

Мы опустились на пол хода. Демон куда-то исчез, зато на полу лежало наше оружие. Чуть в стороне, в уютной земляной нише, обрамлённой разным корнями, обнаружилась спящая маленькая девочка. Лет семь, может восемь. Нагая.

Стоять на шершавом земляном полу босыми ногами было непривычно. Но здесь было намного теплее, чем в лесу, на удивление тепло.

Девочка потянулась и проснулась. Её тело засветилось, неяркий свет с синим оттенком. В этом свете стали видны магические символы, которыми были усеяны доски, расположенные по периметру ниши.

— Ой, а вы кто? Я вам так рада! Тут никого не было, не с кем было играть. А спать надоело! — радостно сказала девочка.

Ва оказалась самой сообразительной:

— Мы тоже тебе рады! Ты такая миленькая! А во что ты любишь играть?

Я рассмотрел среди символов на досках некоторые знакомые. Они были на полу ловушки, в которую Рум поймал демона. Только здесь их было намного больше. Судя по всему, пещера должна была сдерживать какую-то очень большую силу. А кто тогда эта девочка? Ребёнок того существа, что живёт здесь? Говорит она чисто, кто-то её языку научил. Тем временем девочка рассказывала:

— А это смотря с кем играть. Если приходят кроты или мыши сверху, на них интересно охотиться. Они вкусные. Если приходят люди из подземного народа, с ними можно играть в прятки или в догонялки. Только они очень редко приходят. Если приходят люди в чёрном, они меня учат говорить, писать и читать, книжки с картинками приносят. Только с ними скучно, и приходят они редко. А с людьми сверху я никогда не играла.

— А как ты по пещерам ходишь? Где свет берёшь? — продолжала общаться Ва.

— А зачем? Мне моего хватает. А у вас свет какого цвета?

— Мы не светимся.

— Это так неудобно. А у меня может быть свет разного цвета: зелёный, белый, синий. Но когда начинается фиолетовый, это опасно. Надо сразу бежать и спать ложиться. А скажите, что меня разбудило? Я почувствовала, что меня что-то тянет к жизни, что хочется сделать что-то такое, что больше жизни.

Девчонки переглянулись.

— Мы танцевали наверху. Наверное, ты почувствовала нашу радость, — соврал я. Если у неё такая чувствительность, что она может почувствовать силу любви за много шагов, сквозь сон...

У меня появилось ощущение, что кто-то смотрит мне в спину. Я обернулся. Из-за поворота пещеры мне махал рукой бесьяра. Девчонки продолжили болтать, я подошёл к нечистому.

— Тебе придётся её убить. Она слишком опасна, — прошептал бес.

— С каких пор вы беспокоитесь за нашу безопасность? По-моему, вы до сих пор хотели только нашей крови.

— Не преувеличивай! Еда — это еда, а дела — это дела. Эта девчонка со сверхсилами опасна для всех. Она их не контролирует. Тебе это подтвердят кто угодно, позови своих

знакомых, ангелов или древних богов, кто угодно. А пока заведите её поглубже. Я тут вообще случайно оказался, хотел на вашу оргию полюбоваться, это редкостное зрелище. Вам повезло, что есть кому объяснить, что происходит.

Не поворачиваясь спиной к нечистому, я вернулся к дамам.

— А почему вы говорили, что не светитесь? Вот он очень даже светится, — возмутилась девочка.

Я посмотрел на своё тело. И правда, еле заметный розоватый свет. Значит, не всю силу Ангела из меня тогда высосала.

— Её зовут Ипрень. И она зовёт нас вниз, туда, где она обычно играет с подземным народом, говорит, там мест для игр побольше, — поставила меня в известность Ва.

— Идём вниз, — решил я.

Надеюсь, ангелы услышали мою безмолвную молитву.

Ангелы слышали. Правда, это выяснилось не сразу. Сначала мы углубились до уровня, где земляные ходы переходили в высокие карстовые пещеры. Я и не знал, что такие возможны. В некоторых залах вполне мог уместиться наш замок целиком. Ипрень предупредила, что по полу лучше не ходить, там воды много и грязь сильно засасывает, до колена. Сама она скакала по стенам, как белка. Мы так быстро не могли. Что-то видно было только в отблесках света её тела, от меня света было совсем мало, хватало только мне. Так что когда она убежала вперёд, моим подругам приходилось двигаться на ощупь.

По пути мы миновали несколько скелетов самого странного вида. Один из скелетов был похож на ту зеленокожую девушку, которую я встретил недавно. Все скелеты были заботливо уложены в вытянутом положении, ручки сложены. Рядом много красивых камешков.

— Мы с ними играли в догонялки, и тут у меня началось фиолетовое сияние. Я не успела убежать, а они не знали и догоняли. Но я им приношу самые красивые камни, какие нахожу, — весело пояснила девочка.

Через час бега и лазанья по стенам малышка объявила:

— Пришли! Здесь начинается жизнь подземного народа!

Ход, на который она показывала, был перекрыт мощной стеной со стальными пиками и крючьями. Маленькая дверка в половину человеческого роста была выполнена из цельного камня.

— Эй! Подземные! Выходите поиграть! Смотрите, кого я вам привела поиграть! Таких никогда не было, они с поверхности!

Стена безмолвствовала.

— Они редко отзываются, но иногда выходят поиграть, — пояснила Ипрень.

И тут вдруг камень дрогнул, и из щели с трудом вылезла Морелина.

— Не с тобой ли я встречался недавно? — удивился я.

— Да, со мной. И меня правда зовут Морелиной, и у нас многих так зовут, как у вас многих зовут Полисаньей.

— Ух ты, какая большая! Раньше со мной приходили поиграть только маленькие, — обрадовалась Ипрень.

— Можешь считать, что я теперь всегда буду рядом, что я твой персональный торговый представитель. А ещё я должна забрать меч, если ты погибнешь. Я забыла сказать в прошлый раз, всё из-за проклятого оборотня. Сударыни, если он погибнет, принесите меч к любой большой воде. Иначе будет большая беда.

Морелина повернулась к девочке:

— Да, малышка, сегодня я играю с тобой. Я покажу тебе, как кататься в подземных озёрах и какие из них опасны.

— К озёрам нельзя подходить. Могут засосать с головой в грязь ещё до того, как подойдёшь к воде, — убеждённо ответила девочка.

— Со мной не опасно. Я как раз покажу, как сделать так, чтобы было не опасно. Пойдёмте, хорошие озёра несколько выше.

Оказалось, что у Морелины очень красивая и очень быстрая походка. Из-за длинных пальцев — крючьев ласт она вынуждена была на каждом шаге высоко поднимать стопу, из-за чего получался красивый шаг. Я ей так и сказал. Ангела сразу заинтересовались, получится ли так у неё. Оказалось, что если идти таким образом, то скорость передвижения значительно возрастает, и идти намного приятнее.

— А я вам об этом говорила, когда мы встретились, так вы и на меня сапоги напялили, — напомнила Ва.

— И валенки напялим. Когда ещё похолодает. Если не хочешь, можешь босиком по снегу побегать.

Бегать босиком по снегу Ва не хотела.

Перед очередным поворотом я почувствовал, что меня кто-то тянет назад. Оказалось, что это мужчина в чёрном, один из наших как бы ангелов. Я сделал знак своим дамам отстать. Морелина повела девочку дальше, старательно заговаривая её по дороге. Похоже, она была в курсе затеи.

Мы с девчонками уставились на как бы ангела, ожидая распоряжений. Из темноты вышла тонкая девушка — напарник мужчины в чёрном. Дождавшись, пока Морелина и девочка уйдут, мужчина начал инструктаж:

— У вас большие проблемы. Вам вздумалось заняться любовью прямо над логовом одного очень опасного существа, которое мы старательно держали в спячке долгое время. Она поглотила часть вашей силы и проснулась.

Я удивлённо показал в сторону ушедшей девочки. Как бы ангел кивнул:

— Ей триста лет. Она сестра твоей пра-пра-прабабушки. У неё очень большие способности к манипулированию энергией. Она может выжечь пространство площадью верста на версту просто в качестве развлечения. Мы её не убивали, иногда даже будили и учили, как положено учить ребёнка. Была надежда, что она повзрослеет и научится контролировать свои силы. Подземный народ по нашей просьбе присылал ей людей поиграть, из числа тех, кто сильно провинился. Многие из них погибли. Для того, чтобы уложить её спать, требуются усилия минимум двух древних богов и наша помощь. Ждём, пока прибудет подкрепление. Если не удастся её усыпить, придётся убивать. Держи меч Морелины наготове. А пока идите и попытайтесь повеселить ребёнка, только не сердите ничем. Увидите фиолетовый свет — бегите.

— Почему я свечусь?

— Потому, что ты набрал слишком много силы. Часть этих сил малышка Ангела забрала, но не всё. Эта сила по капле перетекает в девушек, когда вы занимаетесь любовью по-взрослому. Поэтому мы устроили вам так, чтобы вы любились во сне, не просыпаясь и не беременея.

— А можно мне забеременеть? — попросила Ва.

— Попроси твою богиню. Это она вами во сне распоряжается.

Мы пошли к озеру, веселить чудовище.

— Теперь буду с тобой любовью по три раза на дню заниматься, — пообещала Ангела.

— Без меня его не трогай, мне его сила для исцелений нужна, — грустно отозвалась двести пятая.

— Да помню я...

Морелина с девочкой катались на полах с глинистого холмика в озеро.

— Идите к нам! Это очень весело! Главное — смачивать глину перед тем, как кататься! — завопила Ипрень.

Мы послушно попрыгали в озеро и обнаружили, что оно очень тёплое. В пещере не было мороза, но была стылая влажная холодина того сорта, которая постепенно проникает насквозь и захватывает тебя полностью. Отогреться в озере было очень приятно.

— А откуда в озере горячая вода? — удивилась Ва.

— В подземном мире очень много диковин, если хотите, как-нибудь покажу, — пригласила Морелина.

— Раньше я бы отказался сразу, а теперь... даже не знаю, — признался я.

— Ну и зря. Если люди живут под землёй, то это не значит, что они не люди.

— Это правда! Они весёлые! Я так люблю играть с подземными людьми! — подтвердила Ипрень.

— Наверное. А что вы едите?

— Много чего. Мясо, рыбу, растения.

— У вас же тут света нет, как растения растут?

— Во-первых, кое-где есть. Да такой, что ваш на поверхности ни в какое сравнение не идёт. Во-вторых, не всем растениям нужен свет. Многие растения едят тот газ, что идёт из глубин земли. В нём много энергии. Дышат и растут так. Рыбы в основном питаются теми самыми маленькими растениями, которые этот газ из воды вылавливают.

— Неужели площади этих маленьких озёр хватает?

— Под землёй воды намного больше, чем на поверхности. Озёра, реки. Некоторые подземные пустоты тянутся на тысячу вёрст и по длине, и в глубину. Там, где воды нет, растут растения. Где есть, живут рыбы. В целом площади, конечно, меньше, чем на поверхности, но нам хватает.

— А у вас тут что, реки есть?

— И намного мощнее, чем на поверхности.

Я попытался представить себе эти огромные пустоты под землёй, населённые странным народом, и стало жутко.

— А почему тут ничего не растёт?

— Здесь слишком близко к поверхности и слишком холодно. Если опуститься хотя бы на сотню вёрст вглубь, там будет так жарко, что даже жить невозможно.

— А мне можно погулять туда? — спросила Ипрень.

— Представь, что ты с фиолетовым светом войдёшь в город, где живёт много людей. Что будет? Лучше мы будем приходить к тебе поиграть, когда ты не спишь, — спокойно ответила Морелина.

— О, да, мне жалко тех людей, которые будут в городе, если я туда войду. Буду лучше жить здесь, — пообещала малышка.

Я заметил, что мне из хода пещеры машет Одрамас. Ух ты, даже его вытащили? Я извинился перед девочкой, сказал, что нам с подругами надо пройтись, и выполз на берег.

После тёплой воды даже сырая холодная пещера не казалась такой холодной.

За углом обнаружилась компания из уже известных нам Одрамаса и как бы ангелов, рядом с ними стоял ещё один невысокий пожилой человек в шапочке с полудугой сверху. Увидев Ва и Ангелу, он стремительно кинулся к ним. Ближайшей к нему была Ангела. Дед присел перед ней и принялся восхищаться, протягивая руки:

— Ух, ты! Тонкая талия, широкие бёдра! Мягкая спинка, круглые щёчки! А мышцы какие тренированные, полная растяжка и при этом огромная сила!

Ангела засмушалась и стремительно ретировалась мне за спину. Дед перевёл взгляд на Ва. Ва улыбнулась. Тут в пещере появилось ещё одно действующее лицо, молодая женщина потрясающей красоты в белой тонкой ткани. Было такое ощущение, что это именно ткань, а не платье. Она была бы красивее, если бы её облик не портили огромные, карикатурно большие груди.

— Восхитительная! — воскликнул дед и кинулся к даме. Дама взвизгнула и быстро удрала по ходу пещеры, отталкиваясь от стен так, что ей даже не приходилось касаться пола. Дед кинулся за ней тем же образом.

— Вот и попробуй развивать цивилизацию при такой компании, — выдохнул Одрамас. Через несколько секунд визги и хихиканье стали приближаться, и дама оказалась за спиной Одрамаса, оставив между собой и дедом меня и Ва. Ангела переместилась туда же.

— Дуры, чего вы его боитесь? Защитник не обидит деву, — сказала Ва и прыгнула на руки приближающегося со страшной скоростью деда. Тот поймал её в полёте и увеличился в два раза, сложив из рук подобие удобного кресла.

Дед растянул ноги Ва в разные стороны и принялся восхищаться:

— Какие бёдра! Какие мышцы! Какая растяжка!

— А ты на мои груди посмотри! — потребовала Ва, закидывая руку за шею деда, а ногу на плечо, чтобы дать ему возможность освободить руки.

Дед очень нежно взял груди Ва в горсточки, погладил и оценил:

— У тебя самые лучшие сисечки из всем маленьких дам, которые я видел.

— А на носик мой посмотри! — потребовала Ва, глядя деда по его носику.

— Ой, какой восхитительный точёный носик! — послушно восхитился дед.

— Скажешь моему господину своё имя, уважаемый? — попросила деда Ва, поглаживая его по голове, по лёгкой лысинке.

— Уважаемый господин этого сокровища, моё имя Арамас, — представился дед.

— Бог войны Ара? — не смог я сдержать удивления.

— Как ты догадался, я вроде буквы переставил? Последнюю «а» вперёд, а переднюю назад, — удивился дед.

— Он у меня очень догадливый, — пояснила Ва, не переставая гладить деда.

— О! Понимаю. Надеюсь, ты хорошо обслуживаешь своего господина? При таком мощном теле ты можешь быть изрядной отрадой. Твой господин великолепен. Мощные бёдра, отличная выносливость. Редкостно хорошо тренирован. Я бы хотел посмотреть его в деле.

— Я стараюсь изо всех сил, — призналась Ва самым проникновенным шёпотом.

Дед подкинул Ва, поставил её на ладони и развёл руки, чтобы проверить, сможет ли Ва сесть на шпагат. Ва легко выдержала шпагат (а как ей не выдержать после мышцеломных тренировок у моего отца?) и поцеловала деда в нос.

— Малышка, ты великолепна! — сказал дед Ва, а затем обратился ко мне:

— Вообще-то я люблю женщин, хотел бы заботиться о женском здоровье, но это место занято Вастой и вот этой занудой, — дед махнул на даму за спиной Одрамаса, — так что пришлось заняться войной и логикой. Ты вот знаешь, кто самый великий воин?

— Тот, кто смог получить от противника всё необходимое без сражения. Детский вопрос, — ответил я.

— Молодец. Хвалю, — несколько удивлённо оценил дед, после чего передал мне Ва и обратился к неизвестной мне богине:

— Восхитительная!

Он уже двинулся к богине, та собралась убежать, но тут Ва рывкнула:

— А ну замерли все! У нас тут небольшая война.

Дед и богиня замерли в том положении, в котором их застал вопль Ва. Богиня уже подпрыгнула, и она так и осталась в этом положении, зависнув в воздухе, руки поджаты для бега. Ара тоже завис в воздухе в положении стартовавшего бегуна. Инерция несла их дальше, к стенам пещеры. Богиня стукнулась о стенку, отскочила и полетела к противоположной. А я ещё Радо считал клоуном.

— Насколько я понимаю, вот эта девочка — это та ещё задачка. И только вы можете подсказать нам, что делать, — продолжила Ва.

— Скажи, чтобы они отмерли. Боги не могут нарушить просьбу чистого приверженца, — сказала Одрамас.

— Чего? — удивилась двести пятая.

Одрамас поиграл бровками и улыбнулся.

— Отомрите уже, весельчаки, — разрешила Ва.

Боги рухнули на пол, потирая ушибленные места и жалуясь на жизнь.

— Дама — это Здравалания? — спросила Ва у Одрамаса. Тот утвердительно кивнул.

— У нас тут девочка со сверхсилами. И есть мнение, что с минуты на минуту они могут проснуться. Прошу вас помочь нам с этой задачкой, — продолжила Ва.

— Малышке надо помочь, надо помочь, — сказал Ара, обращаясь к Здравалании.

— Если такая умница, любимица Васты просит, надо помочь, — согласилась богиня.

Вся компания выдвинулась из закутка и направилась к девочке. Мы почерепашили следом.

— Ура! Сегодня так много людей пришли поиграть. Присоединяйтесь! — завопила Ипрень. Но потом она присмотрелась и заныла:

— Я вас знаю. Не хочу ни учиться, ни спать. Вы скучные, уходите.

В свете, излучаемом девочкой, появились фиолетовые лучи.

Мужчина в чёрном стремительно переместился к Морелине, схватил её и через миг поставил за моей спиной.

— Люди, закройте глаза. Зелёные люди тоже, — скомандовал Ара.

Мы послушно зажмурились.

— Малышка, время учёбы закончилось. Мы учили тебя, чем могли, читали книжки и присылали людей поиграть. Но теперь твоё время жить на этой прекрасной земле закончилось. Пойдём с нами, в небесные чертоги. Там ты сможешь научиться многим забавным вещам, ты сможешь танцевать и играть с огромным количеством людей. Ты сможешь узнать правду про то, как сделать так, чтобы всё было так, как надо, в лучшем виде. Ты сможешь помогать людям, оставшимся на земле, чтобы они не болели и чтобы им было весело. Ты сможешь носить им вести или лечить одним взглядом, — заговорил Радо.

Не знаю, что он показывал девочке, но в его голосе было что-то такое, из-за чего очень сильно захотелось постичь все правила и секреты, как сделать всё так, как надо.

Низкий нечеловеческий голос с капризными детскими интонациями ответил:

— Не хочу на небеса. Меня обижали в детстве. Я помню, я им не вернула. Хочу быть большой, чтобы все боялись. Я задавлю всех, кто не поклонится мне!

Заговорила Здравалания:

— Представь любовь мужчины, который каждый день трудится и заботится, чтобы принести любимой женщине и детям всё, что их радует. Представь любовь женщины, которая живёт заботой о своём мужчине. Сердца их стучат вместе, в любви и заботе создают они дом и изобилие. Ты можешь быть семьёй, в заботе и любви провести несчётное количество лет, в тихой радости не глядя на их поток, протекающий от будущего к прошлому.

Слова богини семьи и чистоты произвели ещё большее впечатление, в сердце потеплело, захотелось иметь чистую большую семью, служить ей и радоваться её успехам. На моих девчонок, похоже, тоже подействовало, так как они полезли обниматься и целоваться.

— Не будут рабыней! Не хочу никому служить! Хочу играть! Пусть ко мне чаще приходят поиграть!

Заговорил Ара:

— Ты можешь решать сложные задачи. Ты бы видела, как часто начальники из самых лучших побуждений принимают такие решения, которые приводят к прямо противоположным результатам. Ты можешь надоумить их на правильное решение. Ты можешь быть защитницей. В мире так много людей, которые неспособны создавать изобилие, но любят отнимать чужое и прерывать здоровые жизни. Ты можешь приносить удачу праведным воинам и отнимать её у грабителей.

— Сражаться за всех этих грязных недоумков? Мужики пусть сами решения принимают, всё равно у них ничего, кроме грязи, не получится, — зарычала девочка нечеловеческим голосом.

— Люди, можете открыть глаза, — разрешил Ара, — она отказалась от любви, от разума, от совершенства. Её больше нет с нами.

Свет девочки всё больше становился фиолетовым.

Мужчина в чёрном зашептал мне в ухо:

— Как только поставлю за девчонкой, руби голову мечом Морелины. Нет, не этим, это обычный. Этим! Готов? Пошли!

Мы перенеслись, и я рубанул по тонкой девичьей шейке, ужасаясь тому, что я делаю. Голова упала и покатилась. Хлынула кровь, свет от девочки погас. Руки обезглавленного тела схватили голову и попытались приделать её на место. Я поставил ногу, чтобы помешать этому. Как бы ангел щёлкнул пальцами, и пещеру залил неяркий свет.

Тело продолжало попытки поставить голову на плечи. Я в отчаянии посмотрел на мужчину в чёрном.

— Забирай её, — сказал он, глядя в сторону.

Появился бес и принялся высасывать из тела девочки длинную полупрозрачную змею фиолетового цвета. Закончив дело, он поклонился как бы ангелу, компании богов и исчез. Мужчина в чёрном вернул меня к компании на другой берег озера. Девушка в чёрном стояла с каким-то странным длинным устройством в руке и целилась в девочку. При нашем

появлении она расслабилась и закинула устройство за плечи.

— И что это было? — спросил я просто для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Она при жизни набрала слишком много силы. Её душа почти полностью переместилась из тела в эту силу. Но она не захотела очищать свою душу от гнева, от властолюбия, от животных желаний. По сути дела, превратилась в говорящее животное с огромной магической силой. Кстати говоря, Вастарабе двести пятой это не грозит, а вот ты и Ангела можете закончить так же, если не будете контролировать эгоизм и гнев, — ответила девушка в чёрном.

Её компаньон забрал устройство и исчез. Я как-то вдруг понял, что никого из богов вокруг больше нет.

— А выбраться на поверхность поможете?

— Нет, бросим тут, в темноте, погибать от голода, — съязвила как бы ангел и обратилась к Морелине: — Дорогу домой найдёшь?

— Я же дома, — ответила плачущая зеленокожая и двинулась своим красивым шагом вглубь земли. Оказывается, она умеет плакать.

Чёрная девушка щёлкнула пальцами. Свет в пещере погас, зато перед нами по ходам пещеры полетел светящийся шарик. Девушка повела нас к выходу.

— А бесьяра что, душу из неё высосал? — спросила Ангела.

— Да. Сейчас он её переварит, лишнюю силу в себя впитает, а душу выкинет где-нибудь в преисподней, — ответила чёрная девушка.

— Как выкинет?

— Как — как? Каким и выкинет.

Сцена того, как я перерубаю тонкую шею девочки, всё время возвращалась и висла перед глазами. Чтобы отвлечься, я решил поболтать:

— А можно спросить? Вы ещё чему-нибудь будете меня учить? А то только один приём показали.

— Нет. Ты ещё прежние уроки не выучил.

— Почему не выучил? Я этот приём часто на тренировках у отца применяю, очень помогает.

— Что значит «Сила Божия в немощи совершается»?

— Э-э... Не знаю.

— А это и есть твой урок. Сколько раз получалось уйти от чужого удара с помощью мягкости и сколько раз не получалось?

— Ну, плохо получалось. Сначала зажимаешься и отбиваешь жёстко, и только потом вспоминаешь, что надо было мягко отклоняться.

— Если бы ты не был таким тупым, ты бы сделал вывод, что тебе не хватает смирения и что стремление переделать весь окружающий мир силой заставляет тебя перебивать других людей, не дослушав важных слов, заставляет отбивать удары, от которых надо было мягко уклониться. Ещё не стоило защищать те уколы гордости, которые ты ожесточённо защищал.

— Нет, это я знаю, это я сам в храме Радо говорил во время службы, что мягкое и гибкое жизненное твёрдого и жёсткого.

— Да, это просто другая формулировка идеи «Сила Божия в немощи совершается». Не только говорить — это одно, а уметь — это другое. Идею надо перевести на уровень поведения. Никакой гордости, никакого ожесточения, никакой злобы. Вот когда научишься любое оскорбление, любой удар встречать мягко, без ожесточения и без озлобления, тогда и

поговорим.

— Так это на десятки лет...

— А ты куда-то торопишься? Я так уже умерла, никуда не тороплюсь. Как будешь готов, поговорим ещё. Есть ещё вопросы?

— Слишком много. Сразу не спросишь.

— А почему не спрашиваешь, как избавиться от картины перерубания тонкой детской шеи перед глазами?

— Ты что, мысли читаешь?

— Только когда очень надо. В данном случае нет. Я просто знаю, как человек устроен. Ну, что, рассказывать, как эти навязчивые видения убирать?

— Буду очень благодарен.

— Человек устроен так, чтобы убегать от неприятного и стремиться к приятному. Это с одной стороны. А с другой стороны, кроме явного разума есть животная часть, которая управляет в те моменты, когда не управляет явный разум. И это именно эта животная часть после каждого конфликта, после каждого ужасного события заставляет возвращаться к произошедшему раз за разом, пока не придумаешь такой способ поведения, который будет обеспечивать наилучшее выживание и наилучшую правильность с точки зрения души и духа. Этот способ животная часть записывает в память как образ поведения в следующем похожем конфликте.

— Мне Радо что-то говорил об этом.

— Так используй. Заставь себя три раза вернуться в ту ситуацию, когда произошло что-то ужасное, и придумай правильный беззлобный способ поведения. Только в этом нашем случае нет никакого беззлобного пути. Тут была простая ситуация — если не уничтожишь опасное явление, оно уничтожит тебя. Без зла, без ожесточения, с болью и состраданием. Но уничтожаешь. Так и скажи своему животному сознанию, что не было мирного варианта. Тогда оно перестанет тебя мучить напрасными сомнениями. А то некоторые так и сходят с ума от постоянно повторяющихся картин схватки.

Впереди замелькали сполохи факелов. Наша провожатая погасила шарик и сделалась полупрозрачной. Через несколько десятков шагов мы увидели отца во главе целой команды братьев, сестёр и стражников. Даже Консанс был тут. Как он успел так быстро вернуться из городка?

— Где вы были? — удивлённо спросил отец.

— В подземном озере купались, — мрачно ответила Ангела.

Я посмотрел на дуру испепеляющим взглядом. А если они тоже сейчас решат искупнуться? А там труп плавает и кровища по всему берегу...

— Нечисть из подземелий обратно загоняли, — соврал я более правдоподобную версию.

— Ага, — только и смог сказать отец.

Консанс подал нам плохо отчищенную от земли одежду:

— А в нагом виде это делать обязательно?

— Оружие было нужнее. Тем более, что одежда вообще была не видна после того, как землю вверх выбросило.

— Нам следует опасаться чего-то из пещер? — голова у Консанса работала лучше всех.

— Только чересчур любвеобильных женщин подземного народа, — ответила Ва.

Я толкнул её локтем. Ва возмутилась:

— Чего толкаешься? Ты не видел, я видела. У неё в женском органе столько заболеваний, что они тебе мочеполовую систему в дырку превратят за неделю. Замучилась ей лекарства перечислять.

Братья и сёстры начали хихикать. Я пожал плечами и сосредоточился на одежде. Пока шли, спросил у Консанса, как он смог так быстро обернуться до города и обратно. Брат посмотрел на меня как-то странно и сказал, что они неторопливо доехали до города, посидели за столом у графа, который не хотел их отпускать без угощения, и только потом вернулись обратно. На дороге они встретили отца со вторым отрядом и только после этого пошли по нашим следам. Отец понял, что нас надо искать, когда кони вернулись в замок. Ещё они после этого долго бродили по разным ответвлениям пещеры, пока не встретили нас.

— Как думаешь, сколько времени прошло с момента нашего расставания? — спросил в итоге старший брат.

— По ощущениям часа четыре.

— На улице раннее утро.

На улице действительно было утро, и уже не совсем раннее. Удивительно, усталости почти не чувствовалось.

— Сейчас возвращаемся в замок и отдыхаем, вечером жду тебя с полным докладом, — приказал отец и вскочил на своего чудовищного жеребца. Мы потянулись следом. Стражники остались закапывать яму.

Только рухнув в нашу общую кровать в лечебном домике Ва, я почувствовал, что устал.

— В прежние времена я бы накинулась на тебя и принялась доить, а теперь после общения с богами хочется только мечтать о чистом доме и муже — друге сердечном, — призналась Ва.

— У меня такая же ерунда, — призналась Ангела.

— А тебе зачем мечтать? Вот тебе считай муж, — поддела Ва.

— У меня нет за него боли, как за настоящего сердечного друга. Наверное, моим мужем будет кто-то другой, — призналась Ангела и положила свою прекрасную головку мне на грудь.

— А зачем нужна боль? — удивилась Ва и тоже положила на меня прекрасную голову.

— Мама говорила, что ей мама говорила, что когда кого-то любишь, то чувствуешь за него боль. А когда только приятные ощущения — это не любовь.

— Это чудовище что-то знало про любовь?

— Её против воли выдали. Она никого не любила, даже детей, она нам вслух это говорила. Но ещё говорила, что хотела бы кого-нибудь полюбить, а главное — чтобы мы кого-нибудь полюбили. Вы бы видели, как она с отцом собачилась, когда тот сестёр за нелюбимых сговаривал.

Голоса девчонок отдавались в моей груди. Я задумался о том, кого из них я взял бы в жёны, если бы была возможность. Они обе такие забавные... и хорошие. В глубине души. С этой мыслью я уснул. Проснулся, разумеется, с трубой Ангелы и рукой Ва на мужском органе. Всё нормально. Девчонки должны высосать из меня магическую силу. Пусть высасывают. Разбудил их поцелуями. Они даже согласились проснуться.

Мы успели как раз вовремя к вечернему докладу. Отец оставил в большой трапезной только тех, кто участвовал в нашем спасении, всех слуг выгнали. Он начал первым:

— Ну, и что это было? На нас нападает подземный народ?

— Нет. Наоборот, они были союзниками. Ангеле было нужно полетать, а прямо под

землёй спала... Спало одно древнее чудовище. Наш смех разбудил его, и оно выкинуло ту землю, сделало то отверстие, которое вы видели. Ангела со страху потеряла способность к полету. Нам удалось убежать по подземельям, там мы встретились с подземным народом, который кое-что знал про это чудовище. Совместными усилиями мы его одолели. Про любвеобильных женщин рабыня пошутила, хотя среди них были женщины.

— Как выглядело чудовище?

— Чудище с головой как у девочки, вот такого роста. У него опасность была не в размерах и не в яде, а в умении манипулировать магической силой, которое оно не контролировало. Как увидел фиолетовый свет — считай, труп. Хорошо, подземный народ предупредил. Там много скелетов их людей нам на пути встретилось. А так оно милое поначалу было... Даже жаль было ему голову отрубить, — врал я, стараясь не врать.

Увидев, какого роста я показал чудище, народ мысленно пририсовал ему длинное змеиное тело и округлил глаза. А ведь я ничего не говорил о его длине...

— Вы будете наказаны за то, что бросили важную задачу — патрулирование дороги от волков, — решил отец.

— Я виноват и приму любое наказание, — склонил я голову.

Ангела повторила мой жест. Вастараба как рабыня вообще не рассматривалась. В итоге нас с Ангелой и Консансом послали на один день чистить овощи на кухню. Консансу досталось за то, что он как главный не настоял на выполнении задачи.

Через две недели ежедневного выдаивания меня досуха выяснилось, что ни одна из моих подруг не беременна. Ва была в трауре до середины дня.

В полдень прискакал посыльный от главнокомандующего и привёз приказ. Приказ был оформлен в виде ласковой просьбы, но это был приказ. Генерал просил отца отпустить нас троих как важных специалистов в город кочевников, к господину Ирме. За горячкой сборов Ва забыла о печали.

Отец подошёл к делу основательно и дал нам с собой двух слуг и одну служанку, гору снаряжения, продовольствия, оружия и доспехов. В качестве одного из слуг с нами пошёл Серен, чему лично я был очень рад. Отец также дал нам для усиления одного стражника — дядьку Ираха, что меня тоже порадовало. Мы с ним много каш выхлебали из одного котла за время последней войны...

В итоге для небольшого в общем-то путешествия потребовалось три повозки и два дня сборов. И это при том, что на наших чудовищных конях мы могли доехать до города кочевников максимум за два дня.

Потом ещё сутки пришлось ждать караван с другими путешественниками к городу. В приказе было достаточно чётко прописано, что для безопасности мы должны двигаться по территории за рекой только в составе крупных групп или с торговыми караванами.

Пока ждали, наблюдали, как мужики переделывали лечебницу Ва в продолжение таверны. Поток путешественников через наши земли значительно уменьшился из-за того, что войска разобрали наплавной мост, но паром продолжал работать, и таверна приносила доход. Её даже пришлось расширять. Сейчас, когда река замёрзла, поток путешественников увеличился.

Ва повесила у входа объявление, что теперь всем ищущим исцеления следует искать её в городке кочевников, чем вызвала отчаяние у тех, кто приехал в последние дни и не мог ехать дальше. Некоторых из самых тяжёлых она приняла на сеновале.

Я смотрел на замок, в котором прошло моё детство, и осознавал, что детства больше не

будет. Попытка вернуться в него оказалась неудачной. Меня все время выкидывало на взрослые проблемы. Не стоило и пытаться.

Глава 13

Первый тур Коровьего балета

Состав каравана оказался на удивление приятным. Всего двое торговцев, каждый с десятком слуг и огромными возами с шерстью. Все остальные были благородными людьми с детьми и стражниками. Они, как и мы, шли по приказу Государя, на замену дежурившим в городе кочевников войскам, или для государственной деятельности. Мы с девчонками сразу сошлись с детьми барона ага Миран. Старший брат по имени Долиан мог заливать огнём пространство на двадцать шагов перед собой, у его сестры, Миры, была более тонкая способность — она могла управлять отдельными струйками огня, и на намного большем расстоянии. В частности, она могла выжечь всё внутри боевого шлема за сорок шагов от себя. При этом она любила танцевать и смеяться. Что она творила во время танца! Струйки огня ползали по ней, как шаловливые котята, а когда она выпускала их из рук, они складывались в воздухе в причудливые фигуры. Впрочем, об этом мы узнали позже, а для начала мы сошлись с ней потому, что на каждую незамысловатую шутку она реагировала искренним и весёлым смехом. Её брат тоже оказался весёлым и открытым парнем.

Дети ага Миран ехали в действующую армию впервые. Когда мы рассказали им историю, как возник этот город кочевников, они поначалу не могли нам поверить. И это мы ещё рассказали им упрощённую версию, без описания роли богов и нашего с Ангелой участия.

Ещё мы сошлись с парнишкой по имени Джен ага Трамбуфтин. У него была очень простая и очень прямая способность — огромная сила. Он как совершеннолетний младший сын малоземельного вассала мелкого барона ехал один. Он ехал в городок в надежде найти господина — сюзерена или денежную службу. Он неплохо знал язык кочевников и уверенно владел мечом. Я ему уверенно обещал, что без дела он точно не останется.

Было ещё несколько человек жизнерадостной молодёжи разных возрастов, которые с удовольствием составили нам компанию в распевании глупых песен и придуривании.

Ехали весело, с песнями и болтовнёй. Старшие сразу махнули на нас рукой, и мы тащились в арьергарде, после фур с шерстью, чтобы никого не доставать громким смехом.

На переправе, пока ждали парома, Серен пристал ко мне:

— Полик, а ты правда думаешь, что край кочевников опередит нас и станет более мощным?

Я пораскинул мозгами. Вроде бы Серена не было рядом, когда я обсуждал это с графом или отцом.

— А откуда ты знаешь?

— Благородные обсуждали, которые слышали твой разговор с графом.

— У них слишком длинные уши и языки. Но если по сути, то да, кочевники лично свободные люди, куда хотят едут и чем хотят торгуют. У них выборные суды и городская администрация. Сейчас им это не даёт ничего, только лишние ссоры, но два поколения спустя, когда они все будут грамотными... Никакой благородный тогда ничего не сможет у них ничего отобрать. Они станут торговцами, ремесленниками, знатоками всего и вся, они будут получать за свой труд намного больше, чем наши. А наши люди останутся землепашцами, никаких умений, вся жизнь от навоза до пахоты. Наши будут им завидовать, а потом и бежать к ним.

— А я хотел бы стать свободным! — мечтательно протянул Серен.

— Зачем? В нашем мире это опасно. Тут же ограбит кто-нибудь из благородных. Или просто для забавы убьёт, среди них пропойц огромное количество, они как стакан накатят, ничего не соображают. Так хоть мой отец вас защищает, он справедливый.

— Ты не понимаешь. Ты господин, тебе хорошо. А когда ты несвободен, это совсем другое. Ты хотел бы делать одно, а тебе приходится делать что прикажут...

Подбежала Ангела, сообщила, что у неё замёрзли рук, расстегнула мне куртку и сунула ледяные руки под спину. Открытая нараспашку куртка тоже не особо грела. Я обнял Ангелу, чтобы греться об неё, и сказал:

— Благородным почти всегда приходится делать совсем не то, что хочется.

— Твой отец справедливый... Большую часть времени. А другие благородные? Знаешь, сколько девчонок утопилось из-за нашего соседа с юго-востока? Или сколько селян забил насмерть барон ага Пфальфен до того, как вы его грохнули? Сколько ты праведных благородных знаешь?

— А ты думаешь, среди вольных кочевников отношения мягче будут? Я как жрец Радо уже сталкивался, разрешая их споры и разбирая договоры. Да они за монетку кого угодно удавят и удавятся. Богаче — да, за счёт некоторой свободы действий. Но всё равно там будет действовать только право сильного, и ещё больше, чем у нас.

— Нет, быть свободным — это совсем другая жизнь, — стоял на своём Серен.

— Убьётесь вы об эту свободу, — отреагировала Ангела.

— Господа-а — благородны-я, — с досадой протянул Серен.

Пришла наша очередь грузиться на паром. Пока мы плыли, я думал о том, что могут сделать мужики, если реально увидят призрак близкой свободы. И мысли эти были невеселыми.

Проехав едва тридцать вёрст, встали на ночёвку. Ехать по наезженной замёрзшей дороге было куда легче, чем по высокой траве весной. Правда, дров для костра почти не осталось, их вырубил проходившая армия и прочие путешественники. Пришлось собирать сухую траву. Работы много, толку мало — она прогорела молниеносно. Но еду кое-как удалось сварить. Вот тут Долиан с Мирой и зажгли, и станцевали, и спели, и огненное представление устроили. Мы активно участвовали.

В разгар веселья прибежал насмерть перепуганный господин Дулгариан, один из торговцев, и попросил помощи. У него пропал один из возничих. Мышцы после перехода болели, лезть на коней не хотелось, но пришлось седлать лошадок и отправляться на поиски. Я набросал Ангеле карту, насколько мог видеть окрестности. Ангела отметила восемь враждебных точек.

Взрослые сказали, что им лениво седлать коней и что они лучше будут охранять лагерь. Ладно, поехали молодежным составом.

Искали концентричными кругами. Дети ага Миран, Джен и прочая молодёжь не знали, как производится поиск, пришлось показывать. Для них было открытием, что поиск — это не просто едешь и смотришь, а чётко определённая математикой и геометрией последовательность действий.

В первой точке мы спугнули пару гарпий. Они сидели на маленьком деревце и высматривали, что бы стянуть. Во второй и третьей точках обнаружили волк и лиса, мы на них даже внимания обращать не стали. А вот в четвертой точке нашлось тело слуги. Его жадно рвали на мясо трое гарпий. Завидев нас, гарпии уважительно отскочили на

положенное расстояние и принялись наперебой кричать, что это не они его убили и что они только потребляют мясо, чтобы ценная вещь не пропадала. Ещё они кричали, что у человека совсем крови не было, мясо им, понимаешь, невкусное досталось.

Ва посмотрела на труп и подтвердила, что в теле совсем нет крови. Мы быстренько осмотрели тело и обнаружили три пары дырочек. Упырь. Нечисть, которая может притворяться человеком.

Гарпии расшумелись до невозможности, пришлось крикнуть им, что мы им верим и что они могут добирать все мясо, только кости пусть оставят для похорон.

К лагерю мы неслись на максимальной скорости. Было подозрение, что пока мы искали тело, мог погибнуть ещё кто-нибудь. Но в лагере все было тихо. Расслабленные взрослые даже не думали смотреть по сторонам, выпивали и травили байки. Ва подтвердила, что все люди перед нами — люди с обычными болезнями.

Пришлось их взбодрить пониманием того, что рядом бродит смертельная угроза.

Короткий зимний день давно закончился. Но если до этого момента что-то было видно, то теперь опустилась полная темнота. Обстановочка только с нечистью бороться.

Перепуганные купцы и слуги набились в походный шатёр и выставили во все стороны оружие. Очень хороший способ потерять всех коней и стать лёгкой жертвой.

Благородные оказались поумнее, надели доспехи и вооружились. Я сказал, что надо ходить группами минимум по шесть человек. На это барон ага Сарахат заявил, что я тут не самый старший и что не мне командовать, а ему как старшему в этом конвое. Я вежливо извинился.

Барон тут же потребовал, чтобы мы спешили и шли охранять лошадей торговцев. Недоумок. До всадника ещё допрыгнуть надо, и скорость у всадника намного больше. Спорить не стали, мы зашли за шатры, и я нарисовал несколько более уточненных карт местности. Одну дал Ангеле сразу, вторую с некоторой задержкой. Ангела оказалась очень точной провидицей. На карте чётко читались гарпии, доедающие слугу, волк, который шёл от лагеря. А одна точка двигалась к лагерю, и как раз со стороны взрослых. Я предупредил детей ага Миран, чтобы держали свой огонь наготове, и скомандовал атаку. Мы помчались туда, где должно было оказаться то нечто, что приближалось к лагерю. И оно там было.

Молодёжь боялась гнева взрослых и потому поотстала. Получилось так, что мы с девчонками немного вырвались вперёд и нарвались на чудовище первыми.

Это не был упырь. Это вообще не было похоже ни на какое животное. Если и можно было сравнить это чудовище с чем-то, то только с гусеницей — переростком. И ещё оно передвигалось под землёй. Впрочем, возможно, мне так показалось, а на самом деле оно скользило под сухой травой и снегом. Мы могли бы проехать мимо, но это чудо решило напасть и совершенно неожиданно выросло передо мной во весь свой гигантский рост. А рост у него был где-то под три шага, выше человека.

Трач в кои-то веки вспомнил, что он боевой конь, встал на дыбы и попытался стукнуть чудовище копытами. Чудовище как будто обтекло копыта. Пытаясь удержаться, я достал меч против нечести с запозданием. Не успел я толком размахнуться, как чудовище открыло пасть и ринулось ко мне. Во рту виднелись два огромных зуба, и я очень красочно представил себе, что будет, если они воткнутся в меня и начнут высасывать кровь. И ещё два больших красных глаза... Так вот с кем спутали тогда кочевники зверюшку Радо.

Я начал опускать руку, и тут выяснилось, что у этой твари были не только зубы, но и язык. Или выдвигающая челюсть. Или ещё какая-то выстреливаемая гадость. Что бы это ни

было, оно выскочило изо рта и стукнуло меня по руке так, что меч вылетел, а рука чуть не отвалилась. Я срочно увёл Трача с линии атаки. Чудище перенесло внимание на Миру, которая скакала следом.

Мира замерла. Я спрыгнул с коня, чтобы подобрать меч. Мира стояла.

— Жги! — завопил я, вскакивая обратно в седло.

Мира стояла.

Я удивился, почему её брат не зальёт все огнём? И только после этого понял, что он боится за меня — я был на линии поражения. Чудище уже наклонилось к шее девушки.

— Долиан, жги! — завопил я и упал в снег, свернувшись калачиком.

Долиан не подвёл и залил все вокруг на удивление горячим пламенем. Меня спасла толстая меховая одежда. Стальные доспехи раскалились, обжигая открытую кожу, но в целом я выжил.

Как только стало чуть прохладнее, я подскочил, чтобы оценить обстановку. Мой прекрасный меховой плащ рассыпался мелким пеплом.

Чудище ещё было живо, оно извивалось на земле и пыталось кого-нибудь вслепую укусить. Я добавил ему огорчений, пару раз рубанув по телу, после чего отскочил в сторону. Удары волшебным мечом чудовищу не понравились, оно повалилось на снег и прекратило дёргаться. И только тут ожила Мира. Она начала посылать в тело гусеницы одну струю пламени за другой, пока на прожгла все тело и не разделила его на несколько кусков.

Подъехала Ва:

— Оно не среагировало даже на мой яд. Как ты? Сильные ожоги? Дай посмотрю.

Во главе остальных благородных приехал старший ага Миран, посмотрел на плачущую Миру и начал на меня орать. Впрочем, я его не особенно слышал, так как Ва была ближе и тоже не молчала:

— Так, глубокий ожог на шее... И поверхность шеи и лица обожжены... На руках глубокий ожог от доспеха... Руки сильно обожжены. Хоть бы внутрь их спрятал! Господин, ты меня что, разорить решил? Мне только на тебя придётся потратить половину запасов масла с взваром из рогов оленя, а это знаешь, какая редкость? Ох, как же это все будет болеть в ближайшие дни... А ещё я потратила все силы. В ближайшие дни тебе не будет хотеться любви, придётся тебя доить против воли. Иначе не хватит сил тебя же исцелять.

Ва наконец замолчала, исцеляя наиболее глубокие раны. Я смог услышать, что орёт барон:

— Ты нарушил приказ, ты не имел права бросать лошадей и вести детей к чудовищу!

Понятно. Дяденька за детей сильно испугался.

— Простите, отец. Но мы могли не успеть вам всё объяснить. Наша провидица...

— Не смей перебивать меня, мелочь с раздутым самомнением! Ты должен выполнять приказы старших! — и в таком духе ещё пять минут.

Когда через пять минут дядька выдохся и спросил меня, почему я молчу, я кротко сказал:

— Простите, уважаемый.

Дядька обрадовался:

— Не смей перебивать меня! Ты должен слушаться старших командиров! Армия без подчинения не армия! — и ещё на пять минут.

Хорошо, что дети у барона были гораздо умнее, они за это время насобирали сухой травы и подожгли тело чудовища. И как этому шумливому дурачку повезло иметь таких

хороших детей? Челюсть гусеницы барон забрал себе. Я не возражал, формально смертельный удар нанёс Долиан с его мощным огнём.

Пока ещё были силы двигаться, я осмотрел след чудовища. Оно действительно перемещалось под землёй, причём по очень узкому ходу, диаметром меньше стопы. И как ему потом удалось раздуться до диаметра в сажень? Удивительное существо. Да, если на подземный народ нападает такое, то им не позавидуешь.

В холодном походном шатре Ва меня раздела и принялась смазывать пораженные места. Раздался голос Миры:

— Полик, можно?

Не дожидаясь ответа, девушка вломилась в шатёр и обнаружила меня без одежды. Хорошо ещё, что я лежал на животе.

— Ой... Прости. Я пришла извиняться. Я такая дура... Все из-за меня чуть не погибли. Я думала, я ловкая. На тренировках так хорошо всё получалось. А как дошло до дела, я замерла и не могла ничего сделать. Ты сильно на меня сердисься? — Мира плакала.

— Это нормально. В первом бою все тормозят. Это ещё надо уметь быстро переходить от состояния обычной жизни к битве на выживание. Потом привыкаешь. Вы в детстве на волков охотились?

— Какие волки? Я в городе выросла.

— А я с детства дороги вокруг замка зимой патрулировал. Волки пытались меня загрызть, а я их бил и резал. Поэтому у меня в первый раз не было замирения. Но другие воины говорили, что после первого раза сильно мутит. Так что не огорчайся. Всё нормально. Ты ещё прославишься как гроза всех врагов.

— Благодарю... Ты такой добрый.

— На спину, — скомандовала Ва.

— Мира, если не любишь разглядывать голых мужиков, то тебе лучше уйти.

— Ничего, пусть целительница тебя лечит.

Я перевернулся на спину. Ва продолжила размазывать свою чудо — мазь по шее. Кожа начинала сильно болеть.

— Мира, а что за пламя у твоего брата такое? Я на весенних праздниках многократно прыгал через огонь, и ничего. А тут чуть вообще не сгорел.

— У моего брата очень мощное пламя с высокой температурой. Даже железо в нём горит, — гордо сказала Мира.

— Теперь понятно...

И тут Ва пришла в голову очередная сумасбродная идея:

— Кстати, Мира, ты можешь помочь лечению этого прохвоста. Мне для исцеления необходимо поглотить мужскую силу, а его тело на меня больше не реагирует. Тем более сейчас ему больно, и у него даже такой мысли не возникнет. А вот на тебя этот извращенец среагирует. Достаточно просто погладить.

— Ва, отстань от бедной девушки. Кожа сама выздоровеет. Просто дольше болеть будет. Мира, не слушай эту больную на голову.

— Нет, ты из-за меня пострадал, я должна помочь тебе выздороветь, — купилась Мира на провокацию двести пятой. Она подошла и схватила мой мужской орган, схватила неумело, до боли жёстко.

Ва засмеялась и начала учить девушку делать дело правильно. Самое обидное, что мой организм действительно среагировал на новенькую даже сквозь боль. В самый интересный

момент вошла Ангела.

— Развлекаетесь без меня? Не прощу! — шутливо — обиженно заявила «жёнущка».

В этот момент я заметил, что у Миры закатились глаза. Запоздало всплыло воспоминание о том, как дяденька в чёрном говорил о том, что от меня к девчонкам течет струйка божественной энергии. А вдруг Мира тоже сейчас порцию получила? А она, похоже, получила.

— Интересно, а какая у Миры основная способность? Ангела у нас летать начала, когда силу получила, — задался я вслух интересным вопросом. Ва перевела взгляд с Ангелы на Миру, проследила мои мысли и сказала:

— Ой!

— Огонь? — предположила Ангела, скидывая верхнюю одежду.

— Тогда лучше надень одежду обратно.

Ангела подошла поближе, посмотрела на закатившиеся глаза Миры и придумала умно:

— Схожу к её отцу спрошу.

Но идти не пришлось, так как Мира начала спешно срывать с себя одежду. Вскоре она осталась совсем нагой сверху, после чего выпрыгнула и из лосин снизу. Её живот раздулся в разы, казалось, что в нём пихаются сразу пять малышей. А главное — её женский орган удлинился и увеличился. Где-то я уже это видел.

Я подпрыгнул и потянулся за одеждой. Мира запустила предупредительную струйку огня и толкнула меня обратно на лежанку. Её женский орган вертелся влево — вправо, как нос собаки, почуявшей вкусненькое.

Я подкатился под её рукой и кинулся наутёк как был, нагишом по морозу. Ослепшая Мира каким-то образом почуяла моё бегство и метнулась следом. Даже с закатившимися глазами она бежала не медленнее меня.

— Стой, а то поджарю! — услышал я потусторонний голос. Я только прибавил ходу. В снег ударил заряд огня. Предупредительный.

Навстречу вышел папа Миры, барон ага Миран. Увидев кавалькаду из меня, Миры, Ангелы, Ва и решившей поучаствовать в общих играх Таки он потянулся за мечом:

— Стой! Что ты делаешь с моей дочерью?

— Ложись! — закричал я и ткнулся в снег рядом с дядькой. К счастью, долгие годы почтения к приказам заставили его предположить, что приказы отдаются не просто так. Дядька неторопливо лёг на снег, и это было очень вовремя, так как Мира бабахнула в полную силу. Над нами пронеслась волна жара и растопила сугроб чуть впереди. Я подскочил и ускорился. Барон ага Миран был не таким быстрым, и Мира его догнала. Она повалила его в снег, я услышал низкий голос:

— Ты тоже мужчина! Я буду исполнять своё главное назначение!

Мира начала стаскивать с отца штаны. Тут её догнала Ва и плеснула что-то в лицо. Мира отключилась. Я подбежал и взял девушку на руки.

— Дыши в сторону, это сильное снотворное, — предупредила Ва.

— Главное дело в жизни. Делаю главное дело в жизни, — прогудел голос из Миры.

— Обязательно. Только отдохни сначала, малышка, а потом сразу за дело, — пообещал я, неся девушку в шатёр.

— Отдохнуть... Это хорошо, — последние слова уже были произнесены обычным голосом.

— Что это было? — спросил семенивший за нами барон, отчаянно пытаюсь застегнуть

на ходу пряжку ремня штанов.

— Она получила силу, которую не должна была получить. Схватилась не за ту вещь не в то время, — объяснил я и посмотрел на Ва. Ва отвернулась.

— Но что это с ней?

— Барон, какая у Миры основная способность?

Папочка Миры замолк надолго, потом нехотя признался:

— Деторождение. Нам сказали, что она сможет при каждой беременности приносить по трое — пятеро совершенно здоровых детей. И что она будет очень любить это дело, не остановит.

— И вы девчонку с такой способностью потащили на войну?

Барон вспыхнул:

-. А что ещё с ней делать? Держать в запертой башне? Не удержишь. Тут хоть будет надежда, что её где-нибудь ранят и она потеряет часть способностей. Или все.

— Или вместе с жизнью, — дополнила мысль Ва.

— Вместе с жизнью тоже можно, — признался папочка, — надежд выдать её замуж никаких. Все боятся её способностей. У нас хозяйство и так еле сводит концы с концами, куда нам ещё четырнадцать — двадцать детей? Пока удавалось удерживать её с помощью угроз и естественного девичьего страха. Но как только она попробует хоть один раз...

Я ещё раз посмотрел на Ва. Ва срочно заинтересовалась облаками на ночном небе.

Мы дошли до шатра, собрали разбросанную одежду. Подруги одели Миру. Я только сейчас почувствовал, что замёрз, и залез в меховой спальник. Надевать одежду не хотелось, кожа горела.

— Если вы её пробудили, то вы её себе и забирайте. Следите, чтобы она не беременела. Я пришлю вам денег на содержание, — неожиданно сказал папочка.

— Как? Что? — удивились Ва и Ангела.

— Пусть ночует у вас, — повторил барон.

— Плохая идея. Её лучше держать от меня подальше, если она вытянет из меня ещё немного силы, то сегодняшней день нам за шутку покажется.

— Да? Ладно. Тогда помогите мне её к нам донести.

Пришлось вылезать из мешка, надевать одежду и нести Миру на руках. Как-то неожиданно я понял, что теперь я выше Ангелы на голову, а разница с Ва ещё больше. И я легко нёс девушку на руках.

После таких приключений никакой любви больше не хотелось. Но Ва была полна решимости выдать из меня хоть немного мужской силы, и ради этого они вместе с Ангелой принялись меня целовать — Ангела в губы и грудь, Ва в мужской орган. И они всё-таки добились своего. Ва тут же потратила эту силу на исцеление моих ран на шее. Я даже смог крутить головой после этого.

Мира поутру ничего не помнила. Помнила, что пришла к нам извиняться, а дальше как уснула. Мы весело болтали весь день, пока не доехали до новой столицы, славного города кочевников Ургуй-дано, что переводилось как «Река с чёрным дном».

Барон ага Миран весь день изумлённо смотрел на нас и на дочь. Я немного поболтал с ним, рассказал, как колбасило первое время Ангелу. Дядька не участвовал в недавней войне с кочевниками, он дежурил на северной границе, где всё ещё ожидалось набеги волколюдей. Поэтому он не знал, как нам достались эта армия пленных и первый городок. Кажется, он немного успокоился на тему дочери.

Вернувшись в молодёжную компанию, я поехал за Мирой и Ангелой. Они не подозревали, что я их немного слышу, и болтали без стеснения.

— Ты такая молодая и уже живёшь с Полисанием, как женщина? — удивлялась Мира.

— Я особый случай. У меня такие способности, что я могу беременеть или не беременеть по собственному желанию. Кроме того, нам с рабыней боги поручили понемногу высасывать из парня божественную силу. Вот так она и выходит. Кусочек вчера тебе достался... Но это ты уже знаешь.

— Какие боги? Есть только один Бог, и нет никаких богов, кроме него, — удивилась Мира.

— Это так. Бог один. Но старые боги тоже не пропали совсем, они, считай, на посылках у настоящего Бога, помогают людям как могут. Они, кстати, в прошлом были людьми.

— И как это... Жить с женщиной?

— Удовольствия в день — пять минут, остальное время бегаешь, как собака, либо на цепи, либо за подстреленной птицей. Шаг влево, шаг вправо — сразу рёв, как будто ты мировую ось случайно сдвинула.

Я удивился. Это у Ангелы такое впечатление? Да её вообще никто не трогает, за неё приходится всю бытовую работу делать другим людям. Всё, с этого дня всё сама будет делать!

— А удовольствие того стоит?

— Удовольствие — нет. А вот возможность иметь рядом живого, жизнерадостного человека, такого, который рад тебе и о котором можно заботиться — это да.

А я и не ожидал, что Ангела настолько мудрая девушка.

— А супружеское сожитие — это сложно?

— А чего там сложного? Берёшь ствол и вставляешь в себя. Лучше, если ты сверху. А то когда на тебе валяется туша, то и вздохнуть не вздохнёшь, — все это Ангела излагала с таким серьезным видом, будто когда-то была снизу.

Дальше у Ангелы пошли такие эротические фантазии, что мне пришлось отстать.

После прибытия в городок мы разъехались по разным тавернам.

На следующий день мы пошли на приём к господину Ирме. Взяли с собой и молодого господина ага Трамбуфтин, я хотел представить Джена руководству и найти ему работу.

Вся городская администрация стояла на ушах. Господин Ирма на ходу бросил нам приказ одеваться в парадную жреческую одежду и бежать к храму. Секретарь был не менее занят, но успел выдать нам обратно наши пайцзы и объяснить, что происходит. В город приехали случайно уцелевшие жрецы Радо и привезли тщательно сохранённые древние артефакты: туфельку Радо, которую тот оборонил, уходя на тот свет в своё прежнее явление на поверхность, и пояс парадной одежды из тех же времён.

В город съехалось огромное количество желающих поклониться святыням. Порядок в городке и до этого не очень-то был устойчивым, а при таком наплыве всё вообще пошло прахом.

Нам поставили задачу отправиться к храму, в котором происходило поклонение святыням, и постараться сделать так, чтобы толпы не подавили друг друга. На месте мы должны были также найти тех людей, которые были назначены к нам в охрану.

Список нашей охраны впечатлял, там было огромное количество воинов. Я задумался о том, что при таком количестве всадников нам придется очень тщательно планировать перемещение по городу, иначе мы парализуем движение.

Воткнули за спины палки с пайцзы, отправились выполнять задачу. Храм оказался увеличенной копией того безобразия, которое я строил в первом захваченном городе. Ему до сих пор не удосужились дать название, все называли его просто «Первый город».

В новом храме я увидел те же танцующие камни и тот же помост с навесом. Он, конечно, был намного более богато украшен, но по сути это была точная копия.

Войти внутрь было невозможно, огромное количество людей заполнило все подходы. Пока мы с девочками и Дженом скакали вдоль длиннющей очереди, за нами тянулся испуганный шепоток. Похоже, наша репутация не забылась, а только разрослась. Но люди не злились, люди улыбались. Что не могло не радовать.

Работа групп охраны меня не порадовала. Они не направляли очередь, а только реагировали на особо опасные ситуации. Пришлось искать руководителей, ответственных лиц. Таковых не нашлось. Здесь работали несколько отрядов разного подчинения, даже наши благородные из числа имперских войск. Между собой они не взаимодействовали, единого плана действий не было. Все командиры отрядов пожимали плечами и говорили, что никаких указаний не получали и действуют по собственному разумению.

Я предложил сформировать очередь, разделить отряды по назначению — часть в оцепление, часть в патрули, искать возможных зачинщиков беспорядков. Очередь необходимо сделать намного тоньше, чтобы толпы у входа в храм не отжимали друг друга от ворот. Народ обрадовался, что хоть кто-то имеет хоть какой-то план. Они все были не против прислушиваться к моим идеям, поскольку я был своим для имперцев и жрецом Радо для кочевников.

Народ забегал, толпу от входа в храм отжали, пьяных и драчунов из очереди выдернули. Пороть не стали, после небольшого внушения вернули обратно. Это было воспринято паломниками с уважением. Хулиганы больше не буянили.

После первых минут неразберихи дело наладилось. Очередь начала продвигаться быстрее. Стало скучно, и я решил проехать вдоль очереди. Позвал с собой девочек, для красоты. Те с радостью согласилась. Джена тоже взяли, просто чтобы не потерялся.

Ва ехала с профессиональным интересом, проверить, насколько много в очереди тяжёлых болезней и каких эпидемий ждать. Судя по её довольному виду, ничего страшного не было. Неожиданно Ва сказала:

— Почти у всех хроническое отравление. Видимо, что-то с водой. Пейте только кипячёную.

Так мы и ехали шагом вдоль очереди. Иногда нас узнавали, окликивали и приветствовали. Я чинно кланялся в ответ.

Моё внимание привлек один дяденька, который шумно объяснял что-то пожилым тётенькам рядом и махал руками. Подъехав поближе, я прислушался.

— А я вам говорю, что люди часто забывают самое важное. Люди забывают, что жить можно только любовью, что люди живут только до тех пор, пока могут что-то сделать вместе и более — менее честно поделить результаты. А как жил народ в прежние десятки лет? Взаимные набеги, уничтожение племен до последнего человека. Никакой любви, никакого уважения к людям. Вот как хорошо, что здесь жрецы Радо начали напоминать людям эти простые основы. Но главное — это вспомнить про любовь и взаимную заботу, а не поцеловать старый башмак Радо.

— Ты болтаешь, как жрец, а я вот пришла, чтобы попросить у Радо здоровья внукам. Старший совсем испортился, запил... Что нам твоя любовь и забота? Зачем вообще в

очереди стоишь, место занимаешь, если ничего просить не собираешься? — смеялась над дяденькой бойкая бабуля.

Я присмотрелся. В очереди махал руками Одрамас. Он наклеил себе бороду и выбрил лысину, чтобы в нём не узнали певца. Я постоял ещё немного, послушал.

Радо кинулся объяснять, что здоровья без правильной жизненной цели не бывает, а между делом подмигнул мне.

Ва поначалу не врубалась и начала что-то понимать только тогда, когда проверила здоровье всех стоящих в очереди и наткнулась взглядом на совершенно здорового человека в лице Радо. Только после этого она взглянула меня с испугом во взгляде, безмолвно спросила, кто это. Я утвердительно кивнул. Ва покачала головой. Ангела вообще всё просмотрела.

Зато через несколько десятков шагов именно Ангела узнала в очереди Здраваланию. Та тоже стояла в очереди и что-то рассказывала тётенькам о здоровье.

Арамас торчал ближе к концу очереди, изображал из себя нищенствующего певца. Я чуть не наехал на него конем, еле заметил.

Ара пел древнюю балладу про историю одного из государств, в котором на некоторое время получили власть жрецы Радо. Когда-то я слышал эту балладу от самого Радо, а потом ещё несколько раз от бродячих певцов. Ара дополнил балладу вставками с различными философскими мудростями, весьма остроумными, надо сказать. Широкие и самые доходчивые внушения на потоке массам народа.

Я с удовольствием послушал божественно доработанную балладу. Девчонки на этот раз сразу узнали старого любителя женщин и поклонились издали.

Допев очередной куплет, Арамас обратился к нам:

— Подайте монетку бедному старику, такие красивые молодые господа!

— А можно, я лучше вас обниму и поцелую? — подколола Ва.

— Это гораздо лучше! — купился Ара.

Вся очередь с огромным удивлением уставилась на то, как вся в белом жрица Васты спрыгивает с коня и идёт обнимать и целовать грязного старика. В среде кочевников странствующих певцов уважали, но издалека. Даже кочевники понимали, что от них можно много чем заразиться.

Я тоже слез с коня и подошёл к Аре, поклониться.

— Ладно, держи и ты второе благословение бога войны, — коснулся моего лба Ара.

А что, у меня уже есть первое? А я и не заметил.

Ангела тоже подошла погладить дедушку по голове. Ара с удовольствием потрепал её по заднице, Ангела за это обняла его и погладила.

Народ в очереди тихо плавился и не знал, что думать.

В разгар нежностей появился господин Ирма. С гордым видом он проскакал прямо к нам, потребовал отчёта.

Я вытянулся в струнку, доложил, что беспорядки предотвращены, очередь упорядочена, все работают и знают свою задачу, тяжёлых происшествий нет. Внутри храма не был, не смог войти.

— А чего это вы с бродягой обнимаетесь? — презрительно заметил начальник.

— Он так хорошо и интересно поет, — соврала Ангела.

— Это не по вашему профилю, — честно ответила Ва.

— Я в храм, — бросил господин Ирма и поскакал, увлекая за собой поток охраны.

— У бедолаги так много забот, — посочувствовал ему Ара и завёл следующую тему

баллады.

Меня нашёл гонец от одного из командиров отрядов с мелким вопросом. Девчонки прилипли в Арамасу и никуда ехать не хотели. Они изобрели мешочек и иногда обходили очередь, собирали мелочь для старика.

— Давайте я оставлю вам Джена для охраны? — подумал я вслух.

— Оставляй, со мной он будет в безопасности, — разрешил Ара, на секунду прервав песню.

Я поскакал решать вопросы. Вопросов уже накопилось некоторое количество, людям надо было обеспечить передвижные туалеты и питьевую воду.

В какой-то момент появился господин Ирма, спросил, не хочу ли я поцеловать туфельку Радо вне очереди, он может меня провести. Я сказал, что могу поцеловать туфельку Радо и в очереди. Ирма сделал озадаченное лицо, потом махнул рукой и ушёл.

Когда мелкие вопросы закончились, я нашёл Радо в очереди. Он по-прежнему махал руками и рассказывал, что надо развивать детей с раннего возраста, начиная с массажа ладошек и большого количества объятий и поглаживаний. Он немного переместился в хвост очереди, якобы для удобства говорить с теми, кто с ним спорил.

Я извинился и спросил на ушко, есть ли в очереди Васта и можно ли её показать двести пятой.

— Захочет, покажется. И вообще, не мешай, — кратко ответил Радо.

Я вернулся к девчонкам. Ара разошёлся и уже громыхал, как сошедший с ума пророк. Он переходил от тихих лиричных напевов к мощному реву, к максимально сильным чувствам. Рисовался перед девчонками самым явным образом. Подруги действительно были под впечатлением.

Я подошёл к Ва.

— Нравится?

— Потрясающе. Никогда не могла представить, что можно так глубоко затрагивать чувства.

Через копьё стражника оцепления протянулась женская рука и подёргала платье двести пятой:

— Молодая госпожа, а можно спросить?

— Прием начиная с завтра, с полудня до пяти, сегодня не консультирую, — не поворачивая головы, ответила двести пятая.

— На твоём месте я бы проконсультировал, — посоветовал я двести пятой.

— У меня всё равно никаких сил к исцелению не осталось, всё на тебя, героя, потратила вчера, — буркнула жрица, глядя влюблёнными глазами на завывающего Ару.

— Молодая госпожа, очень прошу, — повторила пожилая женщина.

Я почувствовал что-то знакомое, будто оказался в детстве, рядом с тёплой мамой и ласковой старшей сестрой, во временах, когда они любили таскать меня на руках, а я уже не любил. И ещё такое ощущение ясности и точного внимания, которое посетило меня во время нападения кочевников из засады на пути к переговорам. Я посмотрел на просительницу повнимательнее. Одежда старая, латанная. Поза сгорбленная. Но глаза... Голубые, глубокие, с очень развитой мимикой. У кого ещё были такие живые глаза? Ах да, у Радо. Тот тоже, прищурившись, мог передать гору информации — от подначки до ободрения. Васта?

— Я люблю исцелять и лечить, но иногда я вынуждена отказывать. Иногда я отдыхаю или занята. Приходите завтра, приму без очереди. Скажите тайное слово «Васта двести

десять», — пообещала двести пятая, всё так же не поворачивая головы.

— Вообще-то она очень добрая и старается помогать людям так, что её приходится силой оттаскивать, — попытался я сгладить жёсткий ответ жрицы.

— Простите, молодая госпожа, в другой раз поговорим, — женщина отошла.

Я хотел что-нибудь сказать, но слова застряли в том месте, где они рождались. А боги суровы к своим жрецам. Как Радо притравливает Ирму, или как Васта щёлкнула сейчас по носу двести пятую, или как Ара веселится в образе нищего, получая пинки от воинов, у каждого из которого на шее его амулет... Интересно, а как наш Бог? Он тоже будет посылать мне такие испытания? Являться в виде нищего или надоедливой тётки?

Буду всегда вежливым и внимательным ко всем.

За следующие четверть часа Ва отказала ещё десяти просительницам, и во всех десяти случаях не повернула голову. Ближе к вечеру я набрался храбрости и посоветовал двести пятой:

— Ты лучше оборачивайся, когда отказываешь.

— Ты забыл, с кем имеешь дело? Я же вижу их насквозь. Увижу причину, начну советовать. Потом захочется поправить кое-что. А закончится это тем, что я до позднего вечера буду полостные операции в соседнем дворе на сене делать.

— Некоторые из них могут быть абсолютно здоровыми, — осторожно намекнул я.

— А зачем они меня за платье дёргают тогда? — сердито рыкнула Ва.

Храм прикрылся после наступления полной темноты. Ара закупил на подаяние разных булочек и пошел по улицам раздавать их детям. Мы ради забавы проводили его до момента исчерпания запасов и даже прикрыли момент исчезновения, чтобы никто не заметил факта растворения человека в воздухе. На прощание Ара поблагодарил нас за помощь, обнял девчонок на дорожку. Как по мне, так долговато он их обнимал.

Подъезжая к нашему временному пристанищу, мы уже предвкушали скорый отдых, как в ноги кинулась служанка барона ага Миран и слёзно просила помочь. Мира активировалась и заявила, что ей нужен мужик. Отец с братом и слугами заперлись в комнате таверны, вторая служанка закрыла Миру в коридоре, а эта служанка побежала за помощью. Барон сказал ей бежать к нам.

Пришлось поворачивать коней.

Мира к нашему прибытию уже выломала окно в коридорчике и попала на конюшню. Мы застали её рядом с жеребцом. Мира задумчиво гладила его орган и явно прикидывала, как использовать штуку в деле. Увидев нас, она разразилась слезами:

— Наконец-то! Почему вы так долго? Почему я не могу противиться своему желанию? Я стала опасной для родственников! Можно, я буду жить у вас? Я буду тихой и послушной!

Я посмотрел на девушку. Глаза на месте, состояния транса нет. Уже хорошо.

— Ва, поговори с ней. Я попробую богов позвать.

Я помолился всем богам, которых знал, начал с нашего Бога. На помощь никто не прибыл. Видимо, у богов были более важные дела или они сочли девушку слишком мелкой для заботы. Зато появилась Вамташпа:

— Привет, сладкий ты мой. Могу помочь с проблемкой. Но это будет стоить кое-чего... Недорого.

Мои девчонки при виде демонессы чуть не остыли. Чертовка им обольстительно улыбнулась. Неожиданное воздействие это явление произвело на Миру. Мира сдала назад и залепетала:

— Так вот оно что? Вы знаете с демонами? Вы меня специально накрутили, чтобы ей сдать? Ой!

С этими словами Мира художественно хлопнулась в обморок прямо под копыта жеребцу. Мы дружно кинулись её спасать, все, даже демонесса. Жеребец испугался незнакомых людей и решил, что мы по его душу, приготовился отбиваться всеми силами. Мы затормозили.

Демонесса переместилась в стойло, выдернула тело из-под копыт и положила его на сено в пустом стойле. Мы столпились рядом.

— И какая цена? Что ты можешь сделать?

— Господин, с тёмными не стоит дого..., - начала Ва.

— Знаю. Подожди.

— Между прочим, перемещение тела тоже много сил стоит. Но я вам скину, если договоримся.

Я промолчал.

— Ладно, дело в том, что у неё всё нормально со способностью, но слишком высокий уровень определенных веществ в крови, из-за чего включается слишком сильное желание. Её перекормили дома некоторым деликатесом. Месяцок диеты на кашках и овощах — и никаких проблем.

— И почему ты даром рассказала решение проблемы?

— Это не решение. За этот месяц она всю армию изнасилует, включая жеребцов. Я могу вытянуть эти вещества из её крови, но для этого мне потребуется выпить всю её кровь, очистить и вернуть обратно.

— И чего это стоит мне?

— Тебе ничего. Я верну не всю кровь.

— Ты нас совсем за безмозглых держишь? В тебе несколько тяжелейших болезней лишь чуть слабее чумы, хочешь чтобы мы тебе малышку отдали, а потом она ходячей фермой смерти будет? Пошла вон отсюда! — рявкнула Ва.

— Хи-хи... Ну, была такая идея. Только я не уйду, пока не заплатите мне за спасение из-под копыт коня и за информацию о лечении.

— Платить ТЕБЕ? — завелась Ва.

— Что ты хочешь в оплату? — спросил я.

— стакан крови хватит.

— А золотом возьмёшь?

— Зачем мне твое золото? Знаешь, сколько дурачков закопали золотые сбережения за всю жизнь, а потом не смогли за ними вернуться? Мы знаем про все такие.

— Только их надо выкапывать, а моё золото здесь.

— Ладно, давай золото.

Я достал монету, в подлинности которой у меня были сомнения. Сбоку у неё было отверстие... Было у меня подозрение, что через него монету высверлили изнутри, а затем залили что-то менее ценное. Я бы пожал руку тому, кто может сделать ТАКОЕ. Очень тонкая работа.

— Сладенький, да ты обманщик не хуже меня. Монета-то с подвохом. Но это даже хорошо. С её помощью я такое дельце проверну! — обрадовалась Вамташпа и исчезла.

— Ну у тебя и знакомства, — выдохнула Ангела.

— Это не у него. Это я её сожгла в одном из выходов, вот поэтому преисподняя и

присылает именно её нас кошмарить, — призналась Ва.

— Надо отнести её к отцу. Пусть увидит знакомые лица, когда придёт в себя, — предложил я.

Кому пришлось нести девушку на второй этаж? Мне, конечно.

Барон и его команда не сразу поверили, что дверь можно открыть.

Я занёс девушку и положил её на кровать. Ва поднесла к носу малышки одну из трав, которые она всегда таскала с собой в сумках на поясе.

Мира дёрнулась и начала приходить в себя.

— И какой у нас план? — спросил я.

— Забираем к нам. Будем держать на снотворных, — предложила Ва.

Мира схватилась за папину руку:

— Папа, они знаются с бесами!

— Наоборот. Она приходила, чтобы соблазнить нас и заразить тебя. Мы её прогнали. Правда, пришлось ей заплатить за информацию о том, как тебя лечить, — начала уговаривать Ангела.

— Как заплатить? Душу чью-то продали? Мою? — продолжала истерить Мира.

— Нужны им наши души! Золотом она взяла.

— Вы общаетесь с бесами? — дошло до барона.

— Бесы пытаются на нас нападать. Иногда обмануть. Но если помолиться, то Господь присылает ангелов, и нет проблемы.

Барон посмотрел на меня. Я посмотрел на барона.

— А-а, — сказал барон.

— Мы её забираем к себе. Будем держать на снотворных, приковывать. Через месяц при правильной диете она должна придти в норму. Но я нестоек к огню. Если она догонит меня, то вернётся беременной. Не обижайтесь в этом случае.

— Сделайте что можете. Сколько с вас демон взяла золотом?

— Одну монету.

— Держите одну и ещё пять на прокорм, служанку я свою пришлю.

— Каким таким деликатесом вы её кормили? Есть мнение, что это она от него поехала крышей.

— Рахат-лукум из лепестков особенных цветов. Она его очень любила.

Я кивнул, подхватил Миру и потащил её вниз.

Мира обхватила мою шею и с надеждой спросила:

— Вы правда забираете меня для того, чтобы излечить, а не для того, чтобы обидеть?

— Правда, прекрасная дама.

Мира прижалась ко мне самым нежным образом. Как хорошо, что Ва с Ангелой не оставили во мне ни капли мужского желания...

По пути пришлось сделать долгую остановку и ждать, пока Ва организует лубки одной женщине, которая попала под лошадь, прямо на улице. Мира ещё не видела Ва в деле и с интересом спросила, как часто нам приходится делать остановки, чтобы спасти людей. Я признал, что часто.

В нашей таверне свободных комнат не было, поэтому после ужина привязали Миру к койке в нашем номере. Попросили прощения за то, что приходится её вязать.

— Да, я понимаю, — сказала Мира. Как только я лёг, она пережгла верёвки струйками огня, залезла ко мне в постель, нагло отодвинув Ангелу, и отрубилась. Снотворное Ва

сработало.

— Вот тоже умная нашлась, разбежалась одна такая, — посмеялась Ангела, просунула свою трубу между ног Миры, захапала мой мужской орган и уснула, обняв Миру со спины.

Ва заняла своё место справа, обняла, задумчиво спросила:

— Слушай, а когда ты говорил, что стоит оборачиваться и что сзади могут оказаться люди с абсолютным здоровьем... Ты что имел в виду?

— Ну, например, что сзади может оказаться Здравалания.

Ва выдержала паузу.

— Васта приходила?

Я не смог соврать:

— Приходила.

— И ты не сказал?

— Пытался. Но горло перехватило так, что ни слова сказать не мог.

Двести пятая заплакала.

— Да не огорчайся ты так. Вспомни, как Радо Ирму на расстоянии держит. Похоже, боги намеренно держат своих лучших подальше, чтобы тем было, куда стремиться.

— Нет. Госпожа приходила ко мне, а я её оттолкнула! Я плохая рабыня!

— Ага. И её, и ещё десяток просительниц. И объяснила, почему невозможно было сделать иначе.

— Ты не понимаешь! Госпожа добра и великолепна. Цель моей жизни — приблизиться к ней, к её образу совершенной любви. Теперь она меня на версту к себе не подпустит!

— А может, она специально так сделала? С одной стороны, она через меня показала тебе, что она рядом. С другой стороны, она специально подошла тогда, когда знала, что ты откажешь. Это говорит о заботе со стороны твоей богини. Она показала тебе, что надо быть мягче и вежливее, но заодно и передала ободрение. И кстати, когда твой господин говорит тебе, что стоит обернуться, стоит обернуться. А ты этого не сделала, упрямка. Тоже по-своему урок.

— Я оттолкнула Госпожу! — двести пятая была безутешна.

— Если хочешь плакать, то плачь в другую сторону, а то всё плечо уже мокрое. Я сплю.

Долго поспать не удалось. Через несколько часов действие лекарства закончилось, и Мира захотела мужика. Снять трубу Ангелы она не смогла, поэтому просто распахала меня и потребовала дела.

Ангела с Вастарабой тоже проснулись. Мне пришла в голову одна идея:

— А тебе обязательно беременеть? Давай мы тебя просто в поцелуями доведём до нужного состояния, и желание станет меньше.

Мира задумалась, а потом удивила:

— Но в Священном Писании написано, что это грех.

— Беременеть нежеланной беременностью не грех, а снять напряжение — грех? — эта логика была мне непонятна.

— Я мужика хочу так, что не могу противостоять желанию. А гладить то, что используют для зачатия — этого я могу избежать.

— Уговорила, беру этот грех на себя. Считай себя изнасилованной языком.

— Я целую в губы, Ва — в грудь! — распределила роли Ангела.

Мне, стало быть, оставили самое чувствительное место. Ну, надо так надо...

— Какая чудная оргия! Вы не против, я буду держать магический глаз? Кое-кто хочет

посмотреть на вашу чудную групповушку, — прозвучал голос у меня за спиной.

Вамташпа! Они висела у стены и держала в руках большой шарик в форме глаза, с мышцами и зрачком. Взгляд устройства перебежал с одной девушки на другую.

Остыли все, даже Мира. Девчонки накрылись разными тряпками и мехами, у кого что было ближе.

— Ты что здесь делаешь, дерьмо летающее? — рывкнула Вастараба.

— Мне приказали поставить здесь магическое устройство. Оно передает картинку нужным лицам. Между прочим, я могла и не показываться. Но я честно попросила разрешения.

— Нельзя. Иди в ад, — недолго думая запретил я.

— Не могу идти, я уже в преисподней, здесь только моя проекция, — хихикнула чертовка.

— Сейчас молиться начну. Ангелов позову. Спасайся бегством.

— Никто не придёт. У них большая заварушка на другом краю света.

Я помолился. Никто не пришел. Хотелось спать.

— Девчонки, а мы что, кого-то стесняемся, чувствуем себя виноватыми? Мира, что ты готова сделать для того, чтобы больше ни к кому не приставать?

— Что угодно! — бодро ответила Мира.

— Ва, Ангела, а вы сильно боитесь признаться в том, что помогаете бедной девушке?

— Помощь — моё второе имя, — начала понимать Ва.

— Я так вообще это готов делать на площади, это не похоть, а помощь. Так давайте заласкаем это тело до восторженных судорог!

— Сделаем это! — весело откликнулись девушки, скинули одежду и накинулись на Миру. Через десять минут Мира уже стонала, а через двадцать пыталась оттолкнуть нас. Мы были безжалостными и отстали только тогда, когда она расслабилась без последних сил. По ходу дела Ангела тоже завелась и выдоила меня своей трубой. Ва довольно промурлыкала, поглотив очередную порцию мужской силы.

— Какая чудная оргия! Великолепно! — подливала масла в огонь Вамташпа, летая сверху. Мира ей подмигивала, Ангела показывала разные обидные жесты, Ва игнорировала.

— Ну как, хочется на жеребцов нападать? — спросил я через пару минут.

— Вообще ничего не хочется... Противно даже подумать, что хотелось, — призналась Мира.

— Так вот и всё решение проблемы. Двадцать минут работы, и все дела. Будем тебя ласкать ближайший месяц, а потом кровь очистится, и ты в норму придёшь.

— А если на улице накатит? — испугалась Мира.

— Значит, зайдём в переулок и погладим в переулке.

— Обязательно дождитесь меня, без меня не начинайте, — промурлыкала Вамташпа и исчезла.

— Быть рабой своего тела так унижительно, — сказала Мира через некоторое время.

— Относись к этому легче. Богу нужно было, чтобы люди выжили в любых условиях, даже если потеряют все знания. Поэтому он заложил в устройство желание случки, и такое сильное, что почти нет сил сопротивляться. А твоё дело как разумного человека — сделать так, чтобы желания тела не приводили к плохим последствиям, — поделился я последними размышлениями.

— Ты что такое говоришь? Бог не мог в человека заложить желание греха, — испугалась

Мира.

Ва засмеялась. Я терпеливо объяснил:

— Это не грех. Это животное желание. Грехом оно становится, если люди превращают его в удовольствие и заменяют этим удовольствием правильную цель жизни. Грехом может стать любое другое животное желание — азарт, гнев, переедание...

— Откуда ты это всё знаешь? — удивилась Мира.

— Я же жрец Радо. Я рассказывал.

— Ах, да. Ладно, давайте спать... Я ушла на свою кровать.

Поутру Мира обнаружилась рядом с Ангелой.

Глава 14

Второй тур Коровьего балета

Кое-как продрав глаза, мы отправились к господину Ирме. В этот день продолжалось поклонение реликвиям Радо, но всё шло по накатанной колее, и в администрации было несколько спокойнее. Нас даже пропустили к начальнику.

Господин Ирма нам обрадовался. Он самолично выдал нам новые знаки — пайцзы. Первые полчаса он непрерывно хныкал, что город растёт как на дрожжах, из вроде бы пустынной степи каждый день прибывают толпы народа, продовольствия не хватает, главы племен и начальники на местах безумствуют, империя постоянно требует каких-то дурацких отчётов о повышении боеспособности, а он даже не знает, где у него и сколько людей живёт.

Я опять был назначен жрецом Радо, но на этот раз не в храме, а на выезде. Ангеле, как и прежде, поручили разбираться с запасами зерна. Задач для Ва было в разы больше, чем в прежнее время.

Работы было очень много. В первую очередь нас просили разобраться с огромным количеством болезней в городе. В основном люди болели кишечными заболеваниями, но было много и инфекционных. Во-вторых, в южных поселениях пошла волна каких-то странных эпидемий с массовыми галлюцинациями. В-третьих, во многих административных центрах, по сути крупных селениях выборные судьи совсем потеряли берега и занялись грубейшим произволом. Все эти задачи, кроме судей, нас просили решить втроём. Судьи были моей задачей. Ещё нас с Ва просили разобраться с самозванными жрецами других богов. «На сладкое» нас попросили съездить в Первый Город и разобраться с теми пленными, которые отказались переходить на сторону Империи. Они там массово начали прозревать, из-за чего у них возникли какие-то странные религиозные вопросы. Они просили прислать жреца.

Я спросил, нет ли хорошей работы для Джена.

— Хочешь получить его в качестве начальника собственной охраны? Придётся командовать двумя сотнями кочевников и тайцев. Оплата очень хорошая.

Джен согласился, я удивился:

— А зачем мне так много?

— Ещё может не хватить. Особенно когда с судьями будете разбираться, — мрачно произнёс господин Ирма. Потом он что-то припомнил:

— У вас третья девчонка вроде появилась. У неё никаких жреческих возможностей случаем нет?

Откуда он узнал? Мира с нами только со вчерашнего вечера, мы её даже в кабинет не взяли. Ах да, у него окошко на двор выходит.

— Нет, сиятельный господин.

— Ладно, забирайте охрану и двигайте наводить порядок у храма Радо.

Мы отсалютовали и отправились получать пайцзу для Джена.

Выйдя из приёмной, Джен удивился:

— Это я что, сразу через две должности прыгнул? Через начальника группы и через сотника сразу к командиру отряда? А что, взрослые люди станут такому молодому подчиняться?

— Только тебе они и будут подчиняться. Охрана состоит частично из тайцев, частично

из кочевников. Если назначить командиром одного из них, вторая часть будет кривить губы. Если назначить командиром пожилого имперца, то это будет воспринято как давление империи, а они эту страну где-то своей считают. А так ты получаешься в роли моего старшего кореша, дурачка — распорядителя. Тебе и посоветовать лестно, и выполнять пожелания незасорно. Так что как можно больше спрашивай и советуйся с дядьками. Они знают много, у них поучиться не грех, хоть они и кажутся абсолютными дикарями.

Джен помотал головой:

— Большая политика, чтоб её. И чего я простым воином в имперскую армию не пошёл?

— Привыкай. И язык учи.

Для начальника моей охраны была заготовлена пайцза с небольшим солнышком, под которым красовались перекрещенные мечи. Весьма наглядно и доходчиво. Я — большое солнышко, Джен — маленькое солнышко с мечами.

У выхода нас ждала группа страшных убийц, наша охрана, которая работала с нами летом. Как они узнали? По идее, они все должны быть около храма.

Старые знакомые широко улыбались, радовались, что придётся поработать вместе снова. Я попытался их огорчить, сказал, что нам поставлена задача объехать всю страну и навести порядок. Они обрадовались ещё больше! Сказали, что сидеть в городе им невероятно надоело.

Представил им Джена. Его тоже радостно приветствовали. Джен сумел сохранить нейтральное выражение лица, но потом признался, что таких людей он до сих пор представлял только в мечтах о героической гибели, причём в роли врагов.

От резиденции правителя пришлось двигаться к имперскому гарнизону. Мы должны были представиться командиру имперских войск и встать на довольствие. По идее, мы должны были это сделать в первый день, но всё так закрутилось...

Нам повезло и мы попали на приём почти сразу. Генерал Дорн ага Третьвик принял нас со смешком, ему уже донесли, что мы вчера организовывали массовые мероприятия у храма Радо и чуть не разгромили гостиницу. Мы дружно посмеялись. Миру и Джена у нас попытались отобрать для несения ежедневной боевой службы, но мы не отдали. Сказали, что нам нужны благородные для сопровождения в Диком Поле, для проверки порученных нам дальних поселений. Генерал заинтересовался. Пришлось перечислять все названные нам сёла и проблемы. Генерал заинтересовался ещё больше и вызвал начальника разведки. Пришлось повторить задание ещё раз. Начальник разведки тоже заинтересовался, в итоге нам придали ещё шесть человек имперских шпионов под видом охраны, а Миру и Джена поставили на довольствие по боевому нормативу, то есть в два раза больше обычного жалования.

Мне ничего не начислили, сказали, что я считаюсь гражданским специалистом на службе у администрации города кочевников. Ну и ладно, всё равно Ирма платил в пять раз больше.

Генерал уже знал про битву с чудовищем по пути сюда, что объяснялось очень просто: отец Миры и все наши компаньоны по каравану заходили регистрироваться ещё вчера, как нормальные имперские подданные, в отличие от нас, разгильдяев. Пришлось рассказывать в подробностях, как убивать чудовищ типа подземных гусениц. Собственно, рассказ был очень коротким: без огневержцев мы бы погибли, и все дела.

— Не понял, я теперь что, двух тёлок сосу, что ли? — удивился Джен по выходу из гарнизона.

— Да, считай себя втайне шпионом имперской разведки, а официально на службе у автономии кочевников. У нас тут всё такое.

— Большая политика, чтоб её, — ругался Джен.

После визита в имперский лагерь навестили первую в списке самозваную жрицу, это была как бы жрица Здравалании. У неё не было собственного храма, храмом служила небольшая плетёная избушка типа тех, что кочевники строили на скорую руку за один день из веток и глины.

Ва напустилась на самозванку и начала задавать вопросы на понимание. Пожилая женщина в шестиугольной шапочке с отворотами пыталась отвечать вежливо и с достоинством, но правильно ответить не смогла.

— Какая из тебя жрица? Ты даже основ не знаешь. Снимай шапочку и иди работать, чтоб я тебя в роли жрицы больше не видела, — рассердилась Ва.

Женщина уцепилась за шапочку двумя руками, как будто дело было только в ней:

— Не ты мне её дала, не тебе её и отбирать! Я не хотела этой работы. Меня люди попросили. Я одна из немногих, кто помнит молитвы Здравалании. Все, что я делаю — это зажигаю свечи и сжигаю на них свитки с молитвами о здравии детей. Ещё повторяю людям, что надо жить любовью друг к другу и преданностью, а не самолюбованием и удовольствиями. Вот и скажи, что из этого вредное и что мне перестать делать?

Получив такую отповедь, Ва задумалась. Потом сказала:

— Ладно, можешь продолжать. Но только обещай, что когда придёт настоящая жрица, уступишь ей место без споров.

— Да с огромным удовольствием и большим облегчением.

— И ещё даже не думай что-нибудь говорить о политике властей. Хоть имперских, хоть городских. Зарежем, — добавил я.

— Обещаю, — намного тише сказала женщина.

На этом работу с первой жрицей мы закончили. Выполняя своё вчерашнее обещание, Ва отправилась принимать больных в местную лечебницу. Мы проводили жрицу и проехали к храму.

Этот день дался легче, чем прошлый. Толпа на поклонение была пожиже, туалеты и кипячёная вода были на месте, охрана знала, как предотвращать столпотворение. Богов не было или они тщательно скрывались.

Мы катались вдоль очереди и весело обсуждали, какой бы костюм позабавнее придумать для Миры, чтобы она казалась кочевникам продолжением нашей сверхчеловеческой компании. В конце концов решили, что раз конь у неё рыжей масти и сама она работает с огнём, то быть ей в образе огня с красной накидкой и красной шапкой. Мира ругалась и протестовала, но мы были непреклонны: в её серенькой одежде из волчьих шкур она в компанию не вписывается. В продолжение веселья после закрытия храма мы выдернули Ва из толпы больных и поехали в торговые ряды, посмотреть предложения.

В торговых рядах уже почти никого не было, но несколько портных ещё работали. Один из них предложил Мире плащ из невероятно красивой, блестящей алой ткани. Я такой и не видел никогда. Он ещё ухитрился при помощи простейших заколок придать плащу такую форму, что Мира превратилась в блестящую даму невероятной красоты. Ва с Ангелой начали завидовать вслух. Мира сломалась и согласилась принять накидку в дар. Портной тут же заломил цену втридорога, но я счёл, что это оправдано. С кого ещё работягам снимать деньги, как не с молодых работников руководства? Оставив задаток, мы двинулись в

гостиницу. По-хорошему надо было уже побеспокоиться о собственном жилье, в таверне брали слишком много, но в виду близкого отъезда я решил отложить эту задачу.

После ужина я случайно подслушал, как правина Ангелы и служанка Миры за делами вспоминали разные забавные случаи из детства своих подопечных. Они искренне веселились и говорили о девчонках с любовью. Я впервые задумался о том, что рядом со мной не просто сверхопасные львицы с женскими органами, но ещё и девочки, которых с детства кто-то любил и желал им счастливой жизни...

Мира заявила, что желания у неё нет и что она будет спать на своей кровати.

— Не верю ни одному слову, — прошептала Ангела и надела трубу на мой орган. Так и уснула. Ночью я проснулся от того, что Вастараба, не просыпаясь, стукалась тазом о мою ногу. Пришлось будить Ангелу поцелуем и просить снять трубу. Что забавно, Мира обнаружилась за спиной у Ва. И она тоже проснулась. Ангела вошла в положение жрицы и как-то смогла уговорить свою трубу отдать игрушку. Ва тут же стремительно засунула мой орган в свой и расслабилась со счастливой улыбкой на лице.

— Искренне желаю ей забеременеть, — сказала Ангела. Потом немного посмотрела, как Ва радостно раскачивается на мне, и заявила:

— Я тоже хочу.

Пришлось её целовать и гладить. Как только Ва получила свою порцию семени, Ангела завладела органом и сказала, что не отдаст, пока не получит своей порции любви и семени.

— А я не хочу. Хочу только целоваться, — заявила Мира.

Так и поделились: Ангела прыгала на мне сверху, Мира целовала в губы и принимала поцелуи.

Встали рано утром. Ва ещё накануне предупредила и нас, и охрану, что надо будет выехать с рассветом. Она хотела осмотреть одно очень странное болото, которое не замерзало и пузырилось даже в самые сильные морозы, после чего надеялась успеть в свою лечебницу. В городке осталась всего одна гадюка из числа тех девушек, которых Ва учила летом, поэтому прибытию Ва были очень рады.

Глядя на то, как Ва затягивает ремни доспеха, я вдруг ощутил прилив восхищения. Нет, не мужского желания, а чистого восхищения, смешанного с нежностью к маленькой девушке и уважения к её любовной заботе совершенно чужих ей людей. И фигура у неё была такая крепенькая, мощная... Львица в деле. Я прошёл к Ва:

— У меня приступ нежности. Очень хочется тебя обнять.

Ва неожиданно испугалась, выставила вперёд острые локотки:

— Нет! Никаких обнимашек!

Я удивился:

— Как доить меня по три раза за ночь, так это можно, а как сердечное тепло от восхищения вами появляется, так это нельзя? Я всего лишь хочу тебя обнять!

— Нет! Нет! Никакого сердца!

Я пожал плечами и повернулся к Ангеле:

— Дай я хоть тебя обниму, а то ходите тут такие все красивые, а обнять никого невозможно.

Ангела уже сидела на коне, и слезать ей не хотелось:

— Ну вот, конечно, буду я по первому взмаху руки прыгать, как собачка!

Мира только выходила из двери с тяжёлым колчаном стрел и луком, она услышала конец разговора:

— Если хочешь, можешь меня обнять.

— Ты прекрасна, но уже не хочется.

— Если бы у моего отца женщины так себя вели, он бы их выпорол, — отреагировал

Джен, который ждал нас верхом.

Девушки подарили ему по взгляду, от каждого из которых он должен был сгореть заживо. Джен даже не задымился.

— Строго говоря, они не мои женщины. Я только их защитник, так что они могут вести себя совершенно свободно, — сказал я, хотя где-то глубоко внутри было очень обидно.

Громко стуча копытами, явилась наша охрана, восемнадцать верховых, по шесть человек на каждого, не считая Миры. Двенадцать дам, шесть мужиков. Мы подхватились и отправились на болото.

Болото и правда вызывало подозрения. Оно активно булькало, выделяло плохо пахнущие пары и вообще имело отвратительный вид. Несмотря на заметный морозец, снег лежал только на немногих островках. А ещё оно было очень большим. У нас ушёл добрый час только на то, чтобы немного проехать по его западному берегу.

Когда я увидел на одном из камней терпеливо ожидающую нас Морелину, то даже не очень удивился. Я торопливо поднял вверх руку:

— Не стрелять!

Это было очень вовремя, так как наша охрана уже подняла луки. У кочевников были очень нехорошие предубеждения насчёт подземного народа.

Мы с девчонками проехали к зелёной, кочевники предпочли остаться подальше.

— Ваши люди решили организовать город на самом неудачном месте. Приглашаю вас на обзорную прогулку, чтобы вы всё сами увидели, — вместо приветствия сказала Морелина.

Я посмотрел на Ва.

— А присутствие жрицы обязательно?

— Нет. Потом ей перескажешь то, что увидишь, она поймет.

— Ва, тогда мы пойдём вниз, а ты отправляйся лечить людей.

— Да, господин, — неожиданно тихим голосом сказала Ва.

— Морелина, через сколько мы вернёмся и где выйдем на поверхность?

— Ближе к вечеру, здесь и выйдете.

— А я тоже пойду к подземному народу? — в ужасе спросила Мира.

— Если не хочешь, можешь не ходить. Иди тогда помогать Ва. Но мне может потребоваться огневая мощь. Подземники говорят, на них часто разные чудовища нападают.

— Я пойду с тобой, — решила девушка.

— Оставьте всю одежду охране, оружие возьмите, — потребовала Морелина.

— Мы будем бродить по зимним пещерам голышом? — даже я счёл это предложение достойным удивления.

— Нет. Тут придётся проходить через несколько водных замков, защита от всяких любопытных романтиков. Так что ваша одежда намокнет. На той стороне вас ждёт сухая одежда.

Я отъехал сообщить охране последние вводные. Кочевники смотрели на меня такими глазами, будто я отправляюсь за эликсиром смерти на тот свет.

Ва и её шесть девушек охраны уехали.

Ангела и Мира ждали меня у камня, уже раздетые. Три нагие девушки — две белые и одна зелёная — очень забавно смотрелись на фоне снега. Морелина сделала неувловимое

движение, и камень поднялся, обнаруживая невысокий ход вглубь земли. Мы вошли. Камень вернулся на место. Оказалось, что моё тело всё ещё не потеряло способности светиться в темноте. Мира тихо вскрикнула, увидев это свечение.

— Да, Полик тот ещё фрукт, — гордо сказала Ангела.

Морелина зажгла небольшой камешек в руке и повела нас вниз. Вскоре мы оказались перед гладью совсем небольшого подземного озера. Ход уходил вниз.

— Задержите дыхание и посчитайте, до скольких вы можете держаться.

Я продержался до пятидесяти, Мира и Ангела до сорока.

— Здесь нужно продержаться всего до двадцати. Нырём под камень, поворачиваем направо, я буду провожать каждого из вас. Руками — ногами особо не двигайте, а то дыхание потеряете, я вас буду тянуть. Кто первый?

Понятно, что первым был я.

Вода обожгла холодом. Было такое ощущение, что душа сжалась и оттянулась от кожи куда-то ближе к сердцу. Через совсем небольшое время Морелина вытащила меня на воздух.

— Морелина, зараза, ты чего не предупредила, что вода такая холодная? У меня ногу судорогой свело!

— А ты какую воду ожидал зимой? Горячую? Потерпи, впереди ещё два водных замка. К тому же это для меня обычная вода.

— Девчонок предупреди, что холодно.

— Они тогда в воду не полезут.

— Полезут. Но будут знать, что их ждёт. Так легче.

Морелина отдала мне ещё один светящийся шарик и исчезла. Через минуту над водой появилась голова Миры. Мира ругалась ещё хуже, чем я. Я начал растирать ей кожу, чтобы согреть.

Ещё через минуту появилась Ангела. Ангелу мы растирали вдвоем. Морелина сказала, что лучше побыстрее пройти ещё два замка, а потом уже греться.

Второй замок действительно оказался недалеко, добежали за несколько десятков секунд. Вода опять повергла в шок своим холодом. А мне казалось, что я уже привык.

Третий подводный ход оказался самым длинным. Мы еле выдержали до момента, когда появилась возможность дышать.

— Вот теперь можете сушиться и растираться. Когда подсушитесь, на стенах волокно. Снимаете его и обматываетесь, пока не станет тепло, — скомандовала Морелина.

Я присмотрелся к стенам. На них действительно висела какая-то паутина. Я стряхнул капли воды и потянул волокна. Они оказались достаточно прочными и немного липкими, оборачивать ими тело было просто.

— Морелина, а что это такое? На паутину похоже.

— Это тут такие насекомые живут, они свои личинки к стенам этим крепят. Да, в некотором смысле паутина. Но хорошо держится и тепло даёт.

— А нам не опасно с этими насекомыми встречаться?

— Нет. Если ты, конечно, здесь спать не собирался.

Девчонки в тонкой неопределённой оболочке выглядели потрясающе, очень женственно и мягко. Я им так и сказал. Они в ответ посмеялись над моим органом, его спрятать под паутиной не удалось, он так и выдавался вперёд. Вот и говори им что-нибудь приятное.

Мы побежали под горку. Бежать босиком и без одежды было неожиданно легко. Вскоре

мы дошли до сторожевого поста. Мы никого не видели, просто Морелина кому-то помахала рукой, и камень на нашем пути вдруг отъехал в сторону. Мы прошли там, где до этого был тупик.

Потянулись рабочие пещеры. В них небольшие люди, в половину обычного роста, непрерывно что-то выколачивали, паяли, шлифовали, сверлили или делали что-то совсем непонятное. Некоторые ковали металлы огромными молотами, я не мог представить, кто мог бы поднять такой молот. Но здесь эти молоты взлетали и падали с очень большой скоростью. Пещеры освещались шариками типа того, который освещал нам путь. Через некоторое время наша провожатая решила предоставить комментарий:

— Мы живём под землёй. Для жизни нам нужно намного больше устройств и техники, чем вам, наверху. Молоты и топоры, чтобы проделывать новые подземные ходы, крепления и растворы, чтобы укреплять стены и потолки больших пещер. Устройства для освещения и для быстрых путешествий под землёй. Для всех этих изделий нужна сила. Не везде можно построить такой город, как этот. Обычно мы в качестве источника силы используем силу падающей воды. Здесь очень удачное место, здесь одна река течёт почти на пятьдесят саженей выше другой перед тем, как они соединяются. За счёт этого мы можем получать из этой воды много силы. Мы не можем перенести этот город, других таких мест очень мало. Пойдёмте, я покажу вам эти устройства, которые дают нам силу.

Мы спустились по какой-то очень непараллельной лестнице и вышли к гигантским водяным колесам. Правда, это были очень странные колеса, они стояли не параллельно, а перпендикулярно потоку. Их лопасти были под углом относительно падающей воды. Но это несомненно были водяные колеса. Вода падала на них сверху, со страшным ревом. Валы от колес уходили вверх, к рабочим пещерам.

— Мы берём небольшую часть верхней реки, иначе нарушится вся система рек в этой области. Отработанная вода уходит в реку после слияния.

— А куда уходят все отходы города?

— А вот это и есть самое интересное. Когда строили город, вывод всей канализации и всех отходов от разных ядовитых веществ сделали в болото, у которого мы встретились. Так было проще. За столетия там накопилось множество опасных веществ, плюс всё то, что обитает в пищевых отходах и кале животных и людей. Хуже всего то, что это болото немного сообщается с нижней рекой, Рекой Черного Дна, как её поэтично называют ваши кочевники. Нам это было безразлично, мы берём воду из верхней. А ваши люди пьют отраву. И это ещё не лето. Летом на болоте плодятся такие насекомые, что даже мы туда не выходим. Вам надо срочно покинуть город. Можно оставить те строения и сёла, которые расположены вдоль верхней реки. Всё, что ниже болота и в непосредственной близости, всё равно вымрет. Пойдём, я вам ещё жилые пещеры покажу, и у нас чуть позже встреча с начальником города.

Жилые пещеры делились на дома и общественные места. Дома были небольшими пещерками, они очень сильно отличались в зависимости от расы. Подземный народ состоял из многих рас — сухопутные люди небольшого роста, сухопутные люди — кентавры ростом чуть выше собаки, водные люди типа нашей Морелины, водные люди, которые никогда не выходили на сушу (мы их не видели), сухопутные люди огромного роста и массы. Дома водных существ располагались по периметру пещер с озёрами, чтобы можно было сразу из дома скатиться в воду.

Дома низкорослых широкоплечих людей были небольшими пещерками в несколько уровней, в каждый дом были проведены трубы с горячей и холодной водой, даже трубы для

какашек! Всё это приводилось в действие огромными водяными колёсами вниз. Дома были украшены настолько причудливым образом, что нам стало завидно. Цветная плитка, мозаика, природные самоцветы и редкие минералы... Здесь их считали мусором, загрязняющим руды с полезными ресурсами.

Общественные пещеры были огромными. Настолько большими, что другая стена пещеры могла быть не видна из-за плавающих в воздухе облаков. В этих пещерах люди разных рас тренировались, играли с детьми или просто гуляли. Большое количество пустых площадок с разными характерными приспособлениями говорило о том, что в нерабочее время здесь играют в разные спортивные игры.

В одном райончике города жили люди. У них была очень бледная кожа, они были ненамного выше полуросликов, но в целом они были вполне здоровыми. Мне предложили оплодотворить несколько десятков девушек. Я сказал, что нам как благородным людям запрещено заводить детей от людей без сверхспособностей, кроме того, без проверки их здоровья моей жрицей Васты я не рискнул бы ни в каких случаях.

Я спросил, где выращивают продовольствие. Морелина сказала, что это секретная информация, но часть продовольствия выращивается здесь, в больших пещерах типа общественных. Свет поступает либо от искусственных источников света, либо от отражателей с поверхности, от светила.

Я подумал, что часть человеческого населения города вполне может втихаря растить продовольствие где-нибудь в малонаселенных местах Большого Поля. До недавних времён здесь тоже никто не жил, только банды работорговцев с обеих сторон скакали.

При попытке представить трудоёмкость постройки всего этого города разум просто отказывался работать.

Начальником города оказался выдающийся представитель гигантских сухопутных людей. Выглядел он как огромная человекоподобная гора мышц, на которую сверху была поставлена львиная голова с широченный носом. А вот с быстротой мышления у него было туго. Морелине, которая выполняла функции переводчика, приходилось по два раза повторять все предложения, а кроме того, ещё и подсказывать нужные слова. Язык, на котором говорил начальник города подземного народа, был похож на язык кочевников, но только похож. Корни слов были явно заимствованными, но в целом язык очень сильно отличался. Тем не менее, глава города сумел донести до нашего сознания несколько важных пониманий:

— Подземный народ живёт под землёй потому, что не выдерживает прямых конфликтов с людьми и другими существами на поверхности, подземный народ не враг народам на поверхности и предпочитает торговать;

— Подземный народ не может перенести этот город в другое место и предлагает перенести человеческий город в другое место, так как здесь не только загрязнены реки, но и очень опасны окружающие болота, причём не из-за подземного народа, а сами по себе, болезнетворными насекомыми;

— Подземный народ недавно потерял несколько северных городов, откуда был вытеснен волколлюдьми и оборотнями, и в этом городе много беженцев;

— Человеческая часть города нуждается в новой крови, городу нужны визиты мужчин с поверхности. Женщины тоже пригодятся, если таковые желающие найдутся.

Я поблагодарил главу города за заботу, сказал, что постараюсь донести до руководства наверху всю сложность ситуации. Сказал, что для визитов мужчин надо сначала проверить

здоровье местных женщин, для чего потребуется несколько визитов моей рабыни — жрицы Васты. Мира подсказала, что мужчины кочевников помрут от страха, если услышат о женщинах из Подземного Народа. Сказала, что лучше создать публичный дом, в который потихоньку водить женщин города, а деньги поделить — половину мамочкам, половину нам за хлопоты. Начальник города нашёл этот план жизнеспособным, но потребовал изменить проценты семьдесят на тридцать.

Я сказал, что точные цифры обсуждать невозможно, так как неизвестны расходы на помещение и перевозку. Предложил обсудить это позже.

Начальник заметно огорчился, он явно хотел поторговаться и был недоволен тем, что ему не дали заняться любимым делом. Глава города отпустил нас восвояси.

Пока ползли наверх, я спросил у Морелины, почему начальник говорил о том, что потеряно несколько северных городов. Морелина подтвердила: да, не так давно люди — волки каким-то образом договорились с нечистью, в частности, с оборотнями, и вытеснили население трёх городов. Оборотни убивали тех, кто выходил наружу, проникали в города под их видом и открывали секретные входы. Потом врывались люди — волки и устраивали резню. Подземный народ потерял не только обустроенные города, но и доступ к ряду очень хороших рудных жил.

Я попросил нарисовать на карте, где были эти города. Набросал на полу карту нашей страны и ближайших земель, насколько я её помнил. Морелина сказала, что слабо узнаёт земли и что она помнит карту по-другому, но кое-как отметила три города к востоку и северу от нашей границы. Один город лежал вообще на другой стороне моря, в земле северных народов.

Я задумался о том, как этому народу удаётся так быстро перемещаться на такие большие расстояния.

Перед тем, как лезть в водяные замки, пришлось отдыхать. Морелина сказала, что надо отдохнуть после быстрого подъёма. Отдохнули, поболтали. Я спросил, почему начальник города обращался к Морелине «чужая госпожа». Девушка удивилась:

— Ты понял? Да, это действительно так. Просто я не из этого города. У нас союз городов, мы живём единым народом, помогаем друг другу. Но начальство в каждом городе отдельное. А я... Я как бы ваш персональный торговый агент. Если вам будет что-то нужно, продам.

— А что нам может быть нужно?

— Например, специальное оружие против особенных чудовищ.

— О, чуть не забыл. На нас тут по пути напала какая-то гусеница с красными глазами, кровь выпила у одного человека. Это что такое?

Морелина заметно испугалась:

— Перемещалась под землёй? Красные глаза? Раздувалась шире человека? Раньше их тут не было. Либо на севере, либо далеко на востоке. Очень опасное животное, но они кровь не пьют. Кровь пьют оборотни, их хозяева. Это значит, что скоро их тут станет много. Они перешли в наступление, видимо, скоро сюда придёт и армия людей — волков. У вас и у нас будет весёленькая зима.

— И как нам готовиться?

— Стены повыше. Всех людей из сёл собрать под защиту стен. По отдельным домам пусть не живут.

— А у нас нет ни леса, ни кирпича, ни цемента, — вспомнила Ангела.

Вода замков опять обожгла кожу. Морелина разрешила оставить мотки паутины на теле, сказала, что она устойчива к воде, только замедляет движение. После первого замка мы сами сняли эту «одежду». Уж слишком она замедляла движение.

Перед выходом Морелина выдала нам по пять восковых шариков:

— Съешьте их на ужин, на завтрак и на обед. Не забудьте. В воде замков живут некоторые существа, которые вас съедят изнутри за несколько дней. Это лекарство от них. Достаточно одного шарика, но лучше съесть три. Два запасных.

На улице действительно стоял поздний вечер. Охрана терпеливо грелась у огня и даже как-то ухитрилась сделать нашу одежду теплой. Ох, какими же круглыми глазами они на нас смотрели! Я не стал держать их в неведении и сказал, что город надо переносить, так как это болото отравляет город и вообще место гиблое, что нам очень убедительно продемонстрировали.

Охранники меня удивили тем, что дружно поддержали, сказали, что здесь они действительно постоянно болеют животами и даже никакое кипячение воды не помогает.

Ва уже была дома. Увидев нас, она принялась ругаться последними словами, сказала, что мы больны тремя кишечными инфекциями и ещё паразитов понабрали. Я показал ей шарики, которые дала нам Морелина. Ва повертела один, понюхала, сказала, что ничего не может сказать без дополнительного изучения у себя в лечебнице. А пока посадила нас на диету из каши и запретила с кем-либо целоваться, даже друг с другом. После того, как мы приняли по лечебному шарик, Ва осмотрела нас ещё раз и сказала, что инфекции шарик правда снял, но паразиты остались. Похоже, Морелина сама о них не знала.

Я «обрадовал» жрицу тем, что ей придётся осматривать женщин подземного народа на предмет женского здоровья перед работой в публичном доме. Ва идея публичного дома не понравилась настолько, что следующие полчаса она несла нас самым художественным образом, рассказала, куда нам идти с этой идеей, какую форму ей придать и в какое место засунуть, и сколько раз. Ва бушевала и не хотела останавливаться, кричала, что этих бедных женщин заразят таким и в таком количестве, что их потом вообще будет не отчистить никогда. Ангеле это надоело:

— Ну, и как им сделать ребенка, предложи свою идею? Кочевники вниз точно никогда не сунутся. У них предание, что подземный народ у них детей ворует и женщин тоже.

— А ведь это может быть правдой. Те люди, которых мы видели, выглядели свободными и весёлыми. Но кто знает, может быть и так, что их предки были рабами и украденными детьми, — предположил я.

Ва подумала, ничего не придумала и предложила укладываться спать.

Я сказал, что я на них сегодня обижен и сплю отдельно, на полу. Раз вы не хотите позволить себя обнять, то я хоть один день хочу выспаться. Так и улеглись: Ва с Ангелой на большой кровати, Мира на маленькой, а я на полу.

Ух, как же я хорошо выспался! Никто не бил меня коленками в живот, можно было вертеться с боку на бок, сколько хочешь, а главное — никто не будил меня ночью никакими соитиями. Поутру я почувствовал, что кто-то целует и лижет меня в щёку. Не открывая глаз, я потянулся поцеловать в ответ... И набрал полный рот собачьей шерсти. Така, чтоб её, псина моя драгоценная! До этого она обычно спала на коврик у порога, а тут решила, что если я сплю на полу, то можно поделиться со мной своей жизнерадостностью.

Раздалось тихое хихиканье. Ва и Ангела с интересом наблюдали за этой сценой. Мира ещё спала.

Я зарычал и скомандовал подъем. Перед выездом Ва, вышедшая первой, не стала садиться в седло и дождалась меня.

— Господин... Подойди, пожалуйста. Прости меня. Если хочешь обнять меня и что-нибудь сказать, я всегда к твоим услугам.

Я не стал заставлять себя упрашивать дважды, ласково сграбастал двести пятую и завопил ей в ухо шёпотом:

— Ва, восхитительная, умница, ладная красавица, заботливая и добрая, отрада глазу и восхищение сердцу! Ты такая крепенькая, такая ладная, такая львица с блестящей шкурой! И при этом сокровище лучших человеческих качеств! Вот как посмотрю на тебя, так в сердце теплеет! Вот и всё, что я хотел сказать. Просто у меня был приступ нежности. Простой искренний приступ радости деревенского мальчишки.

Ва молчала. Я немного отодвинулся, чтобы посмотреть на лицо. Глаза у девушки были закрыты.

— Ещё, — сказала Вастараба.

— У меня больше слов нет. Я все сказал, что знал, могу повторить только.

— Повтори.

Я повторил, только назвал её «черной львицей». Ва плотно прижалась и не отпускала.

— Знаешь, ты вот сейчас несколько мужской силы не излучал, но я получила столько целительской энергии, сколько за три раза не получаю. Какое-то тепло через сердце прошло.

— Ну, вот и у меня при взгляде на тебя тоже тепло в сердце появилось, так приступ нежности и случился. Если тебе это помогает, могу тебя обнимать и говорить разные слова много раз на дню.

Вастараба потёрлась о мою щёку и взлетела на коня. Я обернулся. Оказывается, все уже были в сёдлах и, позевывая, ждали нас. Неужели мы так долго обнимались?

* * *

Господин Ирма был в шоке:

— Как переносить город? Вы знаете, чего нам стоило построить все эти здания?

— Представляю. Но обстановка вокруг города очень нездоровая. А с появлением насекомых и открытием окружающих болот здесь жить станет совсем невозможно. Можно оставить те селения, которые находятся выше по течению верхней реки. Всех остальных придётся срочно убирать в Первый Город. Здания разобрать на брёвна, перевезти в первый город. Все селения придётся собрать в укреплённые городки со стенами. Ни одного дома поодиночке остаться не должно. И надо готовиться к вторжению волколюдей. Мало того, путь им прокладывают оборотни. Они могут придти в город днём, а ночью вырезать стражу и открыть ворота.

— Так... Придержи коней. Давай разбирать проблемы по очереди. Город точно надо переносить?

— Да.

— Вторжение волколюдей — это точная информация?

— Источник достоин недоверия. Но то, что он поделился этим секретиком, хотя мог бы не делиться, следует считать особой милостью с его стороны.

— Не расскажешь поподробнее об источнике?

— Подземный народ.

Ирма подпрыгнул на месте, члены руководства и администрация города, сидевшие по периметру зала государственного совета, зашевелились, переспрашивая друг у друга, то ли я сказал, что они слышали.

— Здесь есть подземный народ?

— Подземный народ есть везде. И они, кстати, настроены торговать. А ещё они потеряли несколько обширных подземных селений от совместных действий волколюдей и оборотней.

— У молодого жреца Радо голова перегрелась от подвигов, — не удержался заместитель Ирмы по кузнечному делу, а по совместительству глава одного из крупных племен кочевников.

— Простите, уважаемый, но весь мой отряд и я лично видели, как молодой господин встречался с представительницей подземного народа и ходил под землю на целый день, — сказал веское слово старший из кочевников моей охраны. Что-то меня толкнуло взять с собой не только Ва с Ангелой, но и Джена, и старшего из охраны. Оказалось, не зря.

— Ты общаешься с подземным народом? — грозно спросил господин Ирма.

— Это была их инициатива. Скажем так, я спас одну из их торговых от оборотня.

— Оборотень? Здесь? Похоже, я слышал не о всех твоих приключениях.

— Не здесь. На озёрах к востоку от Первого Города. Ещё летом.

Господин Ирма плюхнулся на стул и налил себе стаканчик воды.

— Час от часу не легче. Имперцы в курсе?

— Ещё нет. Я к вам к первому.

— Что предлагают подземники для торговли?

— Металлы. Любые. В том числе стали. Бриллианты, драгоценные камни. Золото тоже предлагали... Но золото они меняют только на человеческих женщин.

— Как на женщин?

— Им свежая кровь нужна. У них живёт некоторое количество людей.

— С женщинами перебьются. Об остальном подумаем. Ладно, можешь идти. И помни, вас ждут в южных сёлах. Готовьтесь к выходу, но до послезавтра не уезжайте. И про женщин никому не слова, а то у нас тут много любителей золота найдётся.

Мы отсалютовали и покинули заседание городского совета, на который вторглись самым наглым образом. Мира ждала нас в коридорчике:

— Как прошло?

— Им понадобится время, чтобы привыкнуть к этой мысли. Поехали, завезём Ва в лечебницу.

В лечебнице Ва выдала нам какие-то злые травы, сказала, что их надо жевать перед каждой едой для излечения от паразитов, которых мы набрали в водяных замках пещер. Оставив Ва, двинулись в имперский лагерь. Лагерь жил обычной жизнью, тренировками и попытками отойти после вчерашнего. Начальство скучало и приняло нас сразу. Наш рассказ их развеселил. Переносить город? Волколюди? Ну, хоть какое-то разнообразие.

Я заехал в храм Радо, спросил, не нужна ли какая помощь. Новые жрецы Радо меня вежливо отправили восвояси.

Пришла весть о том, что генерал Дрог ага Раголини, наш бывший главнокомандующий, умер от рака кишечника. Он отпросился со службы у Государя ещё осенью, а теперь умер, точно, как предсказывала Ва. С почтой пришло также письмо из дома. Отец писал, что дела

идут как прежде. Пенял мне, что я редко пишу. Я задумался, что из наших приключений можно доверять бумаге.

Остаток дня мы тренировались. В последние дни мы пропустили много тренировок, так и способность садиться на шпагат можно потерять. Девчонки хныкали и ругались, но честно отработали всю программу, которую мой папочка требовал от нас повторять каждый день. Вечером я заставил немного потренироваться и Ва. Та ныла и кричала, что смертельно устала, обзывала деспотом и самодуром. Но упражнения на растяжку и силу сделала. От учебных боёв я её освободил, пожалел.

Что удивительно, в эту ночь ко мне никто не приставал. С утра Ва умчалась в свою лечебницу, а у нас случился неожиданный выходной. Позавтракали, поупражнялись, посражались деревянными мечами, постреляли из лука. Потом потребовали деревянную лохань с горячей водой в комнату, поплескались в лохани. Не одеваясь, рухнули в кровать. Лежать и чувствовать, как ноют отдыхающие мышцы, было очень приятно. Мира, использовавшая мою грудь в качестве подушки, неожиданно сказала:

— Забавно осознавать, что я лежу совсем без одежды и все вокруг это одобряют.

— А что, были варианты, что кому-то это не нравится?

— Нет. Я про другое. С детства нам внушали, что если кто-то увидит тебя без одежды — это ужас — ужас. Внушали, что возлежание с чужим мужчиной — это чуть ли не смертный грех. А теперь я лежу рядом с нагим парнем, и никто меня не насилует, и мне без одежды так хорошо... И у тебя даже не стоит. А ещё радуется то, что я могу радовать других своим красивым видом. Полик, скажи, у меня красивый вид?

— Ещё как красивый. И ещё как радуется. А насчёт насиловать — зачем мне тебя насиловать? Зачем обижать милых людей? Гораздо больше радуется то, что рядом может находиться доброжелательное разумное существо, с которым можно вместе веселиться и делать разные дела. Не важно, какого пола.

— Доброжелательное разумное существо..., - медленно повторила Мира. Потом подумала и спросила:

— Обидно, что мы ограничены только любовью мужчины и женщины. А если подумать, любовь ко всем людям вообще возможна?

— У вас что, церкви в замке не было? Нам святой отец все уши прожужжал про то, что Бог любит тех, у кого есть любовь ко всем людям.

— А это что, про это? — удивилась Мира.

— А про что ещё?

Мира ещё немного подумала и призналась:

— А мне хотелось бы жить так, чтобы любовью ко всем людям. А то вечно выгадываешь, как сделать так, чтобы тебе было выгоднее, чем другим, и чтобы ты обидел других больше, чем они тебя.

Я не удержался и погладил Миру по головке:

— Ты такая добрая девушка. Если хочешь жить любовью к людям, начинай заниматься благотворительностью. А ещё я хотел бы иметь таких добрых людей в друзьях.

— Правда? Друзья навеки, даже если мы вдруг поженимся и будем ругаться за каждое семейное решение, и даже если переспим и не поженимся? — обрадовалась Мира.

Меня такая реакция рассмешила, но я согласился:

— Идёт, друзья навеки.

В сердце как-то потеплело.

— Полик, осторожно. У тебя тело светится и у Миры глаза засветились, — предупредила Ангела.

Мира неожиданно вскочила и уселась на меня сверху. Глаза у неё попытались закатиться, но она их удержала каким-то невероятным усилием воли.

— Тепло... Тепло поднимается из живота к сердцу. Сердце... В сердце так тепло, — через силу сказала Мира. Живот у неё раздулся в три раза, а женский орган удлинился почти до колена.

— О-о, а она скоро будет почти как я, — уважительно оценила Ангела.

— У меня прошло усиление основной способности. Теперь я могу делить матку на несколько отделений. До шести. В одном будет расти малыш от одного отца, а в другом — от другого. И разного возраста. Могу заниматься благотворительностью. Вынашивать детей тем благородным, которые хотели бы детей и у кого жёны неплодные. За это можно много денег брать, — сказала Мира неестественно низким голосом.

— Откуда знаешь? — не поверила Ангела.

— Просто знаю.

Живот и орган у Миры пришли в обычное, очень милое состояние.

— А ещё жажда мужика больше не управляет моим поведением. Теперь сила любви поднялась на уровень сердца. Я хочу заниматься благотворительностью! — уже обычным и очень весёлым голосом сообщила Мира.

— Надеюсь, не методом вынашивания вместо всех неплодных? — уточнил я.

— Нет. Честно говоря, я точно не знаю, что делать. Ангела, какое доброе дело можно организовать?

Ангела была застигнута врасплох и ответила не сразу:

— Ну, обычно под благотворительностью понимают жертвы нищим или помощь старикам. — Ангела, давай съездим в лагерь, в женский отряд, и посоветуемся? А потом к храму Радо, там поговорим с женщинами кочевников?

Я понял, что этот фонтан энергии не остановить, и начал одеваться.

— Полисаний, ты не едешь. Рядом с тобой женщины откровенничать не будут.

— Ага. Вот придумала. Как минимум до казарм охраны я вас доведу. Отпускать двух девушек в город, полный голодных мужчин...

— Их что, не кормят? — удивилась Мира.

— Женщинами нет. Большинство кочевников без женщин.

Женская часть охраны не очень обрадовалась тому, что за день до большого похода надо куда-то тащиться за двумя вздорными пигалицами, но дисциплинированно собрались.

Я тоже не смог вернуться домой, меня нашёл посыльный из управления образования. У них возникли вопросы по поводу принятых ещё летом решений.

Через два часа прибежала девушка из охраны Ангелы:

— Молодой Радо, беда! Молодая госпожа Мира совсем сошла с ума, вещает у храма Радо и останавливаться не хочет.

С ребятами из управления образования мы уже заканчивали, так что я помахал им ручкой и отправился к храму Радо. Мы спешили заранее, чтобы Мира нас не видела, и подошли сбоку.

Перед воротами храма уже собралась небольшая толпа женщин кочевников, народ с интересом слушал то, что несла Мира. Я прислушался. Ничего особенного Мира не говорила, смысл её речей сводился к тому, что не стоит жить жадностью и гордостью, и что надо

объединяться для того, чтобы вместе любовно благотворить своему миру. Поскольку Мира говорила на языке кочевников плохо, переводила Ангела. Она смотрела то на небо, то на землю и очевидно желала то ли взлететь, то ли провалиться.

Я спросил у одной пожилой тётеньки, что происходит.

— А-а, одна из имперских девок с ума сошла, очень смешно, — весело ответила тётенька.

Одна из женщин в первых рядах подняла руку и спросила, что именно надо делать в качестве любовной заботы. Я узнал знакомый голос и начал высматривать спрашивавшую. Спрашивала Здравалания. Она тщательно пряталась от Ангелы за другими женщинами, чтобы та её не узнала. Впрочем, смотревшая в землю Ангела сейчас и быка не заметила бы. Ситуация становилась всё интереснее и интереснее.

Мира заглотила наживку и начала думать вслух, что женщинам стоит объединяться для разных дел. Например, одиноким женщинам или тем, кто долго обходится без мужа, стоит объединяться для того, чтобы одна могла делать дела, а другая смотреть за детьми. Ещё женщинам стоит объединяться для организационной работы, следить за наличием и исправностью тех заведений и устройств, за которыми никто другой смотреть не будет, от колодцев до табличек с названиями улиц. Ещё женщинам стоит организовываться для того, чтобы одна учила детей шить, другая — вязать, третья — лечить, кто что лучше умеет. Ещё стоит организовываться для того, чтобы приходиться к тем людям, которые ведут себя неправильно или оскорбительно, и ласково уговаривать их вести себя правильно.

Здравалания спросила, что значит вести себя правильно и кто будет определять, что правильно и что нет.

— О том, что такое правильно, пусть жрецы Радо рассуждают. Мы с вами на бытовом уровне и так знаем, что такое правильно: когда в семье супруги друг другу верны и заботятся друг о друге, а не соревнуются, кто кого затопчет и кто кому больше раз изменит. Когда дети вовремя накормлены и обучены всему, что нужно. Когда средств для жизни достаточно, потому что их не тратят на красивые вещи для гордости. Ну, а кто будет определять... Как соберёмся, так и придумаем. Главное, чтобы не спать умом, не разбежаться трусливо по углам и собраться в единую созидающую силу!

— Так она просто жрица Здравалании! — громко произнесла та самая тётенька, которая до этого наблюдала за представлением, чтобы посмеяться над сошедшей с ума имперской девушкой.

— Да, да, приветствуем жрицу Здравалании! — зазвучали многочисленные голоса.

Ангела засмеялась и перевела, Мира удивлённо замолкла.

Тётеньки прокричали Мире приветствие ещё раз и разошлись. Здравалания исчезла первой. На площади остались только мы с уставшими девчонками и охрана с круглыми глазами.

— Что это было? — только и смогла сказать Мира.

— Они поместили тебя в известное им название. Но вообще-то это я хотел спросить, что это было и с чего это ты решила проводить массовые собрания без разрешения городских властей.

— А почему никто не остался, чтобы поучаствовать в работе?

— Так быстро это не делается. А потом, по их мнению, раз ты жрица Здравалании, значит, тебя можно будет вскоре найти в храме Здравалании.

— А почему это я должна туда идти?

— Ты не должна. Но они об этом не знают и думают, что должна.

В этот момент на площади нарисовалась пожилая тётенька, которую мы совсем недавно пугали и требовали отказаться от статуса жрицы. Она быстрым шагом выскочила на площадь, огорчённо оглядела пустое пространство и направилась к нам.

— Сейчас будет ещё одно представление, — вслух подумал я.

— А что, было какое-то до этого? — удивилась Мира.

— Молодые господа, простите, что обращаюсь, мне сказали, что сейчас здесь было явление настоящей жрицы Здравалании. Вы не подскажите, что тут произошло и где её искать?

Я показал на Миру:

— Вот новая жрица Здравалании.

— Имперская молодуха? — искренне удивилась тётенька.

— Я? — удивилась Мира.

— А ты что, сама не знала? — опять удивилась тётенька, поняв Миру без перевода.

— Я — жрица Здравалании? А кто это вообще такая? — продолжала спрашивать Мира.

Ангела перевела.

— Здравалания — богиня семейного очага, верности, заботы и любви, в том числе семейного сожития, женского здоровья и детского здоровья, — пояснила самозваная жрица.

— Но я совсем не жрица. Я всего лишь призывала людей не замыкаться в своем углу и совместно заниматься благотворительностью.

— А что именно делать?

Мира повторила кусочек своей духоподъемной речи.

— И почему я до этого сама не додумалась? — подсадовала жрица.

Мира неожиданно зажглась какой-то идеей:

— Жрица, к тебе вот какое дело. А давай я тебе оставлю часть задач. Будешь говорить о том, что надо объединяться и создавать несколько благотворительных обществ: женское, общественной самоорганизации и дополнительного образования для детей.

— Что вы, молодая госпожа, я женщина простая, меня никто слушать не будет, меня едва женщины уговорили молитвы читать о здравии детей. Вот если бы такая блестящая и красивая молодая госпожа, как вы, то другое дело, — смертельно перепугались бедная тётенька.

Мира приняла грозный вид и разразилась ещё одной духоподъемной речью:

— Так, это что ещё такое? Ты слуга богини или листочек на ветру? Ты думаешь, богам легко служить? Назвалась жрицей — будь готова к тому, что богиня потребует от тебя и тело, и кровь. Ангела, переводит.

Мира была настолько великолепна в своем праведном гневе, что даже в переводе Ангелы речь звучала так же грозно. Мира продолжила:

— От тебя даже никто не требует крови. Просто повторяй. Можешь говорить, что ты это делаешь по моему приказу. Когда я вернусь, тут должны быть готовые списки желающих. Пусть для начала будет хотя бы десять добровольцев.

Жрица несколько секунд смотрела на Миру даже после того, как Ангела закончила переводить. А потом сказала:

— Ты настоящая жрица Здравалании.

Мира несколько раз открыла и закрыла рот, но ничего не смогла сказать.

— Чего они все меня жрицей обзывают? Я всего лишь предложила им идею общественной организации с благотворительностью, а они меня чуть ли не в боги записали! — бушевала Мира за ужином.

Мы покатывались со смеху. Ва, которая вернулась из лечебницы раньше нас, в конце концов сказала:

— У тебя ещё не самый плохой вариант. Ангелу вон вообще в ходячую смерть записали.

Ангела вспомнила летние приключения и засмеялась:

— Да, было дело.

Мира подумала и предложила:

— Я вроде научилась сдерживаться и контролировать животную часть. Может, мне остаться в лагере с отцом?

— Думаю, тебе лучше поехать с нами. Никто не знает, что с тобой будет через несколько дней. Вдруг у тебя опять крышу сорвёт, — посоветовала Ва.

В эту ночь ко мне опять никто не приставал, что было вдвойне удивительно.

Глава 15

Третий тур Коровьего балета

Выход сопровождался обычной суматохой, кто-то что-то забыл, кого-то потеряли, у одной из повозок для фуража что-там сломалось. Когда выходят сразу двести человек, всегда что-нибудь случается. Мы справились довольно быстро, в течение часа имперские шпионы нашлись, повозку починили, иглы и котелки на рынке подкупили.

Застоявшиеся и подзамёрзшие лошади взяли с места весьма резво, и мы пронеслись через город, привлекая общее внимание. Да и как было не привлекать, если впереди ехала такая черно — бело — красная тройца, как Ва, Ангела и Мира, а за ними две сотни татайцев в форменных красных накидках. Красный плащ пошёл Мире прекрасно.

Вскоре выяснилось, что ехать зимой по сильному морозному ветру было совсем не то же самое, что кататься летом. Несмотря на то, что дорога была неплохо разъезжена, приятного было мало. Лошади подскользывались на заледеневших неровностях, рука, державшая поводья, сильно мёрзла. Вскоре мы превратились в длинную цепочку понурых привидений в капюшонах, кое-как выбирающих путь на обледенелой заснеженной дороге.

Вечером нам поставили отдельный шатёр. Зимние шатры у кочевников круглые, у них есть деревянный каркас и гибкая решётка по периметру. Обычные зимние шатры имеют покрытие из кожи. В таких можно жить всю зиму, что многие и делают. Наш вариант для недалёких поездок был сделан из ткани, так что было весьма прохладно, несмотря на маленькую жаровню посередине.

Раздеваться никому не пришлось в голову, но даже через одежду Ва углядела изменения в организме Ангелы:

— А ты знаешь, что ты беременна?

Потом Ва изогнулась самым удивительным образом, осмотрела свой животик и сказала:

— И я тоже! Ура, Богиня благословила меня!

— Папа меня убьёт, — сказала Ангела и спокойно устроилась спать.

— А я? — встревожилась Мира.

— Ты не беременна, — успокоила её Ва.

— Может, вернётесь в город? — встревожился я.

— Зачем? Просто завтра поедем на санях. Нам больше нельзя трястись, — отказалась Ва.

— Неизвестно, где больше трясёт. И вообще, это странно, я вроде не разрешала себе беременеть, — пробормотала сквозь сон Ангела и уснула.

Ночью меня разбудил сильный тычок под ребра. Ва и Ангела сидели на коленях, раздетые ниже пояса, и тупо смотрели на два яйца. Одно, стоявшее ближе к Ангеле, было побольше, ярко-коричневого цвета. Второе, стоявшее ближе к Ва, поменьше, было жёлтым. Яйца крупные, размером с кулак.

— Ты не поверишь, что сейчас было, — весело начала Мира, которая тоже не спала. Мира было вполне себе одетая.

— Откуда яйца? — спросил я.

— Мы их родили, — глухо сказала Ва.

— Только что мы родили два яйца. Я побольше, Ва поменьше, — так же глухо сказала Ангела.

Яйца стояли прямо на мёрзлой земле, девчонки отодвинули коврики, которые нам постелили под спину, в сторону, чтобы все жидкости ушли в землю.

Я взял жёлтое яйцо в руки. Оно было мягким, кожистым.

— Насколько я помню, яйца положено держать в тепле и высиживать.

— А я тебе говорила, что не зря хочется его обратно засунуть, — обиженно сказала Ангела и стремительно засунула свое яйцо глубоко в женский орган. Ничего себе она у неё растягивается! Ангела даже кулак не разжимала, так прямо с кулаком и засунула.

— Ва, у тебя молоко случаем не течет? — пришла ко мне следующая идея.

Ва сунула руку за пазуху, пощупала:

— Что-то течет.

— Ангела, а у тебя?

— Течёт! — радостно возгласила Ангела.

Ва мутно посмотрела на яйцо, потом так же мутно на Ангелу:

— Ангела, а ты сможешь моё яйцо у себя внутри хранить?

— А тебе не хочется его к себе внутрь вернуть?

— Очень хочется. Но больно. Рожать больно было, а обратно страшно.

— А давай, — легко согласилась Ангела и столь же стремительно вырвала у меня яйцо и засунула к себе.

— Завидую, — честно призналась Ва.

— У меня тоже хорошо растягивается, можно ко мне положить, — предложила Мира.

— Не отдам. Мне и так хорошо, — не согласилась Ангела.

— А зачем молоко? И куда его теперь девать? — задалась вопросом Ва.

— Наверное, организм сработал как с человеческим ребёнком. Раз роды прошли — значит, надо подавать молоко, — поумничал я.

Ва и Ангела посмотрели на меня как-то подозрительно пристально.

— Что?

— Знаешь, Полик, сцеживать молоко — та ещё задача. Иногда у женщин бывают такие проблемы, что приходится сцеживать... И это не очень просто, я с таким сталкивалась. Есть способ попроще, — сказала Ва.

— Да? И какой?

Ангела оголила грудь и сунула левую сиську мне в рот:

— Пей!

— Вот придумали! Нашли молокососа!

— Я первая должна быть. У меня грудь давит, — сказала Ва.

— У меня тоже давит. Полик, помоги нам с этой проблемой. Мы же не балуемся и не издеваемся. Просто помоги нам.

— Ладно, давай сюда...

— Тогда давай по очереди! Сначала ты левую, потом я левую, потом правые, — попросила Ва.

— Мира тоже может потреблять молоко, — намекнула Ангела.

— У меня на молоко очень плохая реакция, — призналась Мира.

Обе мои девчонки были большегрудые и очень изобильные. Я понял, что это надолго, и на секунду оторвался:

— Пока я работаю, вы подумайте. Какое чудище и когда могло пробраться к вам и отложить яйца?

Эта идея девчонок увлекла. Однако, сколько они не рассуждали, получалось, что не было ни у какого чудища никакой возможности сотворить такую пакость. Спали мы все, кроме Миры, достаточно чутко, сказывалось пребывание на войне.

— Так что папочка, вероятнее всего, ты, — резюмировала Ва.

Пока я высасывал у Ва левую грудь, Ангела вытащила свою трубу и надела её на мой орган.

— Ангела, тебе всё мало?

— Извини, очень хочется. А потом, чем плохо? Ты кормишь нас белым снизу, мы кормим тебя белым сверху. Просто смирись с тем, что ты являешься такой частью природы.

— С вами можно потерять последние остатки нравственности. Но мне нравится на вас смотреть, — сказала Мира.

Я обратился к Ангеле:

— Что твой папа написал про рождение ребенка — отрады?

— Ничего.

— Он что, совсем не пишет?

— Пишет, три письма прислал. Но про ребёнка — отраду ничего.

— Так, не отвлекайся, — легонько хлопнула меня по голове Ва.

Ангела получила свою порцию любовной истомы и убрала трубу. А когда все утихомирились и уснули, Ва опять пришла ко мне, не просыпаясь, за своей долей семени. Да что такое вообще происходит? Я молился всем богам, но никто не ответил.

Поутру опять пришлось высасывать молоко.

Ангела решила ехать на коне. Её правина — служанка заметила, что живот у неё намного больше, чем обычно, и спросила, как она смогла забеременеть за один день.

— Это не беременность, — весело ответила Ангела.

Мы подсаживали боевую подругу на коня вдвоем с Ва. Ангела взлетела в седло без нашей помощи. Правина Ангелы посмотрела на нас с большим подозрением.

К вечеру мы приехали в большое село, которое было нашей первой целью. Все устали так, что рухнули отдыхать. Опять молоко, опять Ва во сне пришла меня насиловать.

С утра я принялся опрашивать потерпевших и свидетелей. Картина происходящего выявилась сразу: судья тупо решил, что если его избрали судьёй, то можно отнимать у людей всё, что ему нравится, а дальше хоть трава не расти. Все дела этот умник разбирал по двум очень простым правилам: прав у него всегда был тот человек, который принадлежал к его племени, а из своих побеждал тот, кто давал больше денег. Об этом говорили даже те, кто выиграл дела.

Я заявил, что судья доигрался и надо выбирать нового. Судья созвал своё племя и заявил, что будет защищать место силой. Вот тут я совсем изумился.

Стоя между двумя рядами кавалерии с обнаженным оружием — с одной стороны двести тайцев, с другой стороны четыре сотни местных — я обратился к судьбе и попытался достучаться до его разума, сказал, что главное в его жизни — не набрать как можно больше денег. Главное — это завоевать доверие людей и создать здоровое государство, в котором все дела идут и жизнь процветает потому, что все выполняют законы. Тогда и его многократно переизберут судьёй, и он в конечном итоге заработает больше денег, чем если будет грабить и отнимать, и все его будут любить и радоваться, что живут в таком хорошем государстве. А при таком поведении, как сейчас, он разрушает государство, и теперь придётся выделять его племя в отдельное поселение, причём с внешним контролем.

Судья заявил, что у него больше людей, что его люди более ловкие, и что они порубят нас без труда. Я спросил, действительно ли он готов отказаться выполнять решение государственного чиновника и поднимать восстание против всего государства? Нас-то он порубит, но потом придут сотни благородных и тысячи кочевников.

Судья совсем потерял берега и принялся кричать, что я никакой не чиновник, а мальчишка — прислужник в храме Радо и что он таких, как я, в походах вместо женщин использовал.

Я улыбнулся и сказал, что действую по личному поручению господина Ирмы, а значит, я чрезвычайный чиновник, а если он хочет подтверждающие документы, то вот за моей спиной двести восемь документов, и каждый может подтвердить мои слова самым доходчивым образом.

Татайцы, которые несколько напряглись, пока бывший судья кричал оскорбления, дружно заржали. Похоже, моя незатейливая шутка про объяснения доходчивым образом им понравилась. Тут члены племени поняли, что дело оборачивается для них самым нехорошим образом. Сразу несколько человек подъехали к судье, чтобы нашептать ему на ушко правильное решение. Потом вперёд выехал вождь этого племени:

— Мы принимаем твоё решение, жрец Радо. Наше племя уйдёт из этого села и встанет на отдалении.

— И сразу стройте стены. Возможно вторжение разной нечисти. Эта зима будет тяжёлой.

Вождь поклонился, я поклонился в ответ, и мой отряд убыл к следующей цели.

Ехали трое суток. За эти трое суток девчонки так раздоились, что я уже не мог потреблять всё их молоко. А они просили выпивать все, до капли. И ещё они каждую ночь приходили за своей порцией любовных утех. Ангела — осознанно, Ва — во сне. Мира каждый раз просыпалась и с интересом наблюдала за процессом.

Второе село было ещё больше, а местный судья ещё глупее. Он просто брал деньги и не смотрел на суть дела нисколько. Когда я объявил перевыборы, он тоже разорался и стал обещать вооруженное сопротивление своих людей. Впрочем, до построения армий дело не дошло, я просто сказал ему, что бунт будет наказан самым суровым образом.

На это судья, уже сдавшись, начал орать, что я нос Ирмы, мальчишка, который ничего не понимает в жизни.

Я долго думал, каким образом слова «Нос Ирмы» могут быть обидными. Ничего не придумал и решил спросить у судьи, почему он меня так назвал.

— Потому, что все берут деньги, а Ирма посылает тебя только к тем, кто ему не нравится. Ты — его длинный нос, который он сует туда, куда не надо!

— А ты деньги не бери, и никто тогда не сможет тебя сместить, — ответил за меня Джен, который везде сопровождал меня с тремя охранниками.

На следующий день мы задержались, чтобы удостовериться, что выборы нового судьи всё-таки начнутся. Мы приехали на главную площадь пораньше, расположились подальше от середины площади, чтобы не мешать селянам. Внезапно моё внимание привлёк шум множества голосов, доносившийся от северных ворот. Нехороший шум, голоса были встревоженными. Мы помчались к воротам. За нами следовали татайцы.

Ближе к воротам выяснилось, что шум доносился не от самих ворот, а чуть сбоку. Толпа местных стояла на подмостках боевого хода стен селения и яростно за кого-то болела. В этом селе были и стены в виде деревянного частокола, и даже подмости для хождения

вдоль стен. Большое село могло себе это позволить.

Кое-как растолкав кочевников, я забрался на стены. Перед моими глазами предстала душераздирающая картина: белесая гусеница типа той, что напала нас по пути сюда из империи, гонялась за женщиной с ребенком. Женщина действовала тактически грамотно, и когда гусеница ныряла под снег или под землю, она изменяла направление движения и ухитрялась держать гусеницу на отдалении. Невдалеке виднелась разбитая повозка, рядом тело мужчины. Животного, которое тянуло повозку, видно не было.

Вся толпа махала руками и подсказывала, куда бежать, но разобрать в этом гуле что-либо было невозможно.

Я оглянулся. Мира и Ангела были рядом. Джен тоже проталкивался сквозь толпу.

— Мира, давай зарежем гусеницу? У меня соответствующий меч, у тебя огонь. Сможешь?

— Да! — Мира горела желанием поквитаться за прошлый провал.

— Ангела, сможешь нас мягко опустить со стены? Потом вернёшься.

— Давайте руки!

Мы схватили с двух сторон Ангелу, и она мягко перенесла нас через стену, даже подпрыгивать не пришлось. Кочевники дружно замолкли.

Мы с Мирой рванули к женщине и гусенице. Ангела, зараза, не стала возвращаться на стены и увязалась за нами.

— Ангела, назад, на стены, это приказ!

— А вдруг я вам пригожусь?

— Выпорю за отказ от приказа!

— Тогда буду доить тебя по три раза на день, свет станет не мил.

Над стенами разлился звук боевой тревоги. Рожок Джена. Зря он это затеял, сейчас у гусеницы будет двести целей на выбор.

Бежать по снегу было не очень удобно, но мегагусеница облегчила нам задачу. Она бросила женщину и повернулась к нам. Когда она вынырнула перед Мирой, та была готова и запустила чудовищу огонь прямо в голову. Огонь сработал превосходно, внутренности вскипели, и верхняя часть гусеницы взорвалась.

Огонь сработал даже слишком хорошо, внутренности взорвались так, что нас с Мирой целиком залепило серой слизью, и одежду, и лица. Я кое-как смахнул гадость с бровей, чтобы посмотреть, нет ли рядом другого чудовища. Лицо начало щипать. Чудовища вроде не было.

Я повернулся к городу:

— Принесите долбаный тазик долбаной горячей воды! Эта штука щипется!

На стенах горомыхнуло массовое ржание. Ладно, если это смех облегчения, то пусть смеются. Послышался звук открываемых ворот и топот множества копыт. Джен и кавалерия.

И тут мир повернулся и опрокинулся на меня.

Очнулся я в каком-то помещении с потолком из совсем тонких стволов деревьев. Голос Ва надо мной кому-то объяснял:

— Видимо, у гусеницы в передних зубах находится парализующий яд, и когда плоть взорвалась, на них попали небольшие капли этого вещества. Поэтому они отключились, но это ненадолго. Думаю, скоро придут в себя.

— Я уже пришёл, — сказал я.

Получилось: «Ня жу шул».

Появилось лицо Ва:

— Не дергайся. Эта слизь была немного кислая, тебе лицо обожгло. Будет щипать ближайшие дни. Я тебя мазью намазала.

— Мира? Ангела?

— Мира отключилась, и лицо как у тебя, обожжено. Ангела цела. Всё село стоит на ухах, никто раньше не бросал вызов таким гусеницам. Они считались неуязвимыми. Ваш забег обсуждают на каждом перекрёстке.

— Выборы?

— Всё нормально. Там Джен, не беспокойся. Тут другая проблема образовалась. Женщина с ребенком. По обычаям кочевников, если ты в поле отобрал у другого мужчины женщину, а он убежал или погиб, то ты должен заботиться о женщине и её детях. Все присутствующие уверены, что эта женщина принадлежит тебе. И она тоже. Так что реши, что ты с ней будешь делать — жениться, превращать в рабыню или выдашь замуж за другого за умеренную или неумеренную плату. Все вокруг советуют отвезти её в город, там цену дадут побольше. Она тут рядом, могу позвать, поговори.

Я повернулся набок и застонал. Ва засмеялась. Я попросил позвать спасённую.

Молодая дама бросилась на колени и слёзно благодарила за спасение. Совсем молодая девочка, наверное, ровесница Миры, а уже ребенок на руках... Я спросил, есть ли у неё другие родственники, кроме погибшего мужа. Оказалось, что нет — в живых была только мама, но она осталась далеко на территории кочевников, с другой стороны от империи нашего врага, и эту девочку там в многодетной семье не ждали. Я предложил ей самой выбирать себе мужа, пообещал, что много денег за выкуп не запрошу, так что она легко выйдет замуж. Дама опять разразилась слезами, просила запросить побольше, ведь она молодая, красивая и достойна большего, а что дешёво достаётся, то не ценят.

Ох, чтоб вас всех...

В этом городке было много одиноких мужчин, так что несмотря на высокую цену, которую мы заломили, муж для молодой мамашки всё-таки нашёлся.

Я спросил у Ва, можно ли возвращать новобрачным весь выкуп. Ва сказала, что это в традиции, нельзя возвращать только баранов. Так и сделали, коров, овец и зерно подарили молодым, а двух баранов съели.

Выехали только через два дня после битвы. Ва сказала, что нам с Мирой надо отлежаться. После свадьбы пришлось отлеживаться повторно. Ва использовала это время, чтобы подлечить местных бабонек, за что ей насовали столько еды, что всему отряду потом хватило на два перехода.

Следующие четыре адреса были повторением первых двух. Продажные судьи и главы поселений визжали, проклинали меня и обещали восстание. Потом сдувались, и я организовывал народ на перевыборы. Только в пятом случае я ограничился тем, что пригрозил потерей места. Человек прилюдно покаялся и сказал, что раньше жил так, как они жили всегда, но теперь понял, что надо жить по новым правилам. Собравшийся на площади народ плакал, умилялся и говорил, что пойдет за таким правильным и душевным главой города на что угодно. Проявления чувств здесь любили. Мне показалось, что глава города не ожидал такой реакции и очень удивился.

Татайцы на следующем переходе послали ко мне делегата передать, что они очень довольны мудрым решением не снимать последнего главу, что только такой мягкостью и мудростью можно растить большие дела. Привели меня в полнейшее смятение чувств.

Следующий адрес был делом Ва и Ангелы. Это было село, в котором у людей часто случались галлюцинации вплоть до смерти в судорогах. Эта проблема была характерна не только для этого села, болел весь район. Девчонки разобрались за два часа. Оказалось, что у местных была дурацкая традиция подсыпать в зерно семена одного растения, которое при потреблении давало сильнейшее отравление. Осевшие здесь племена почему-то думали, что это растение полезно для сохранности зерна. Девчонки ругали их несколько часов, заставили пообещать перебрать всё зерно.

В соседних сёлах была та же картина. Мы сообщили властям района, в чем дело. Те обещали распространить новые правила по всему району. Мы засобиралась обратно. Но природа не очень была расположена учитывать наши желания, и за ночь дороги завалило снегом. А на следующий день ударил мороз. Все взрослые дружно сошлись во мнении, что выезжать в такую погоду — самоубийство. Пришлось устроить маленькую фехтовальную тренировку и разбежаться по шатрам. Тренировка оказалась совсем маленькой, все очень быстро замёрзли.

Зайдя в наш жарко натопленный шатёр, я обнаружил, что Ангела сидит почти раздетая, в одной верхней накидке. Ва не было. Я напустился на девушку:

— Ты чего раздетая? Замёрзнешь!

— У меня яйца внутри... Шевелятся!

— Так вынимай.

— А вдруг... Вдруг это чудовища?

— Там видно будет.

— Теперь, когда ты здесь, не страшно.

Ангела вытащила меньшее, жёлтое яйцо, и положила мне его на руки, пока тянулась за вторым.

Яйцо разошлось посередине, как будто его расстегнули, и мне на руки скользнуло длинное змеевидное тело. Длинная шея, четыре лапки, длинный хвост. Человеческие глаза! Большие голубые глаза. На спинке виднелись бугорки. Малыш пошевелился, и стало видно, что это крылышки!

Малыш начал извиваться. Я испугался, что он сейчас упадет, и присел, положил руки на землю. Холод от земли малышу не понравился, и он перебрался повыше. Немного покрутившись, он попытался встать. С третьего раза у него получилось.

Малыш довольно пискнул.

— Потрясающе, — сказала Ангела.

— Да, достойно удивления, — еле выдавил из себя я и поднёс новорожденного к груди Ангелы в надежде покормить. Но малыш отказался отдаляться от меня, пискнул ещё раз и взобрался мне на шею.

— Кажется, он принял тебя за маму, — хихикнула Ангела, — но я про другое говорила «потрясающе». В день их зачатия я размечталась о том, как летаю по небу и танцую с двумя крылатыми детьми. Я помню этот день. И вот, пожалуйста — два крылатых ребёнка. Похоже, в этот момент я и разрешила себе зачатие.

— А откуда тогда яйцо у Ва?

— Видимо, я как-то повлияла и на неё.

— Вот повезло жить с двумя полубогинями...

Я накатал на палец немного молока и дал его слизнуть малышу. Молоко длинный оценил. Со второго раза его всё-таки удалось поднести к груди Ангелы.

Кто-то затопал в прихожей шатра. Я решил, что это Ва.

— Ва, заходи быстрее, тут тебя ждут...

Но это была не Ва, а Васта. Посмотрев на малыша и яйцо, она горько вздохнула:

— Ох, только не это опять...

Я поклонился богине.

Ангела спросила меня взглядом, кто это.

— Ангела, разреши тебе представить, её милость Васта. Богиня Васта.

— Моё почтение, великая госпожа, — вежливо поклонилась Ангела.

— И тебе привет, подательница разнообразных жизней.

— А что не так с этим малышом? Кто это? Что с нами происходит?

— Летающие люди. Мы уже надеялись, что их больше не увидим. С ними очень много проблем. Они очень сильные, но быстро деградируют. Они в небе неуязвимы, очень хорошо охотятся. Но разум слабее, чем у людей. Рано перестают слушаться родителей, а управу на них в небе не найдешь, так что каждое поколение ещё более дикое, чем прежде. Быстро становятся эгоистичными, безжалостными. И очень много едят. Мяса. Их выживание очень дорого стоит поэтому. На горохе их не продержишь. Кстати, девочка, кажется, наелась.

— Девочка? — удивилась Ангела.

— Девочка. А мальчик, похоже, сейчас явится ей в компанию.

Васта взяла малышку в руки и ласково погладила по спинке. Это чудо довольно заурчало!

Коричневое яйцо затряслось, раскрылось, и оттуда выглянула вторая длинная шея. Мальчика сразу взяла на руки Ангела и поднесла к груди. Парень сразу разобрался, что делать с молоком.

Васта передала жёлтую девочку мне. Крылатик свернулась на руках и прижалась тельцем к животу. А она умильная.

— Поскольку она запомнила тебя первым, несколько дней придётся носить её на руках. Иначе она будет плакать и звать тебя, как маму. Потом понемногу привыкнет к настоящей кормящей маме, к двести пятой, — сказала Васта.

В шатёр влетела Ва:

— Почему чужие в шатре?

Пока Васта разговаривала с нами, её лицо было похоже на наше. С появлением Ва оно начало стремительно изменяться, появились признаки лиц кочевников, прорезались морщины. Двести пятая смотрела на гостью со спины и не могла видеть изменения. Васта заговорила на ломаном языке кочевников:

— Там стоять и ругать — нет! Сюда ходить и на свой дочка смотреть — да!

— Она знает про ваши яйца... Про ваших детей, — соврал я первое, что пришло в голову.

— Детей? — изумилась двести пятая.

Я показал на длинного дракончика, сладко спящего у меня на руках:

— Это твоя девочка. Только что вылупилась. Придумай имя.

Ва посмотрела на жёлтую девочку, на коричневого мальчика, сосущего грудь у Ангелы, и тихо опустила на ковры шатра.

— И кто это? — еле смогла выговорить жрица.

— Человек, летать небо, есть много мяса. Два месяц кормить молоко, потом давать мясо мало — мало, ещё три месяц кормить молоко и мясо. Потом только мясо. Они быть не

очень умный. Как ребенок семь лет. Очень непослушный. Сильно не наказывать, а то улетать и остаться совсем глупый, — с улыбкой рассказывала Васта, поглаживая жёлтую девочку за ушком. Девочка удовлетворённо мурчала.

Я попытался переложить дракончика на руки двести пятой. Малышка тут же проснулась и удрала обратно ко мне на шею.

— Ничего, за три дня привыкать, кто тут мама, — захихикал Васта противным каркающим смехом. Двести пятая смогла встать и попыталась погладить жёлтую по шее, как гладила Васта. Жёлтая обвилась вокруг моей шеи и замурчала.

— Я назову тебя Летящая Весна, — решила двести пятая.

— А я назову своего Драко, — не стала заморачиваться Ангела. Её малыш тоже наелся, разлёгся на руках и замурчал, помахивая хвостиком.

— Наконец-то закончилась моя молочная диета, — с облегчением произнёс я.

Васта шлёпнула меня по голове (довольно больно, между прочим):

— Ай, нехороший, весь жир у мамочек высосал!

Чего? Я ещё и крайний?

— И как мы объясним окружающим, что это и откуда? — вернул я мамашек к реальности.

— В город вниз к нечистому народу ходить? Ходить. Теперь говорить, яйца там подарок, — подсказала Васта.

Двести пятая подозрительно посмотрела на пожилую женщину:

— А ты откуда знаешь?

— Э-э, молодой глупый, я много чего знать.

— У тебя довольно сильное опущение матки. Вылечить?

— Нет, береги силы для молодых, заботливая красивая, им нужно больше. Мне не долго мучиться с этим.

Я с трудом скрыл улыбку. Ну, да, недолго. Три шага до двери, я полагаю. А Васта неплохо подготовилась к спектаклю.

Двести пятая продолжала подозрительно смотреть на женщину:

— Откуда я тебя знаю? Такое ощущение, что ты какая-то своя, как мама.

— Может быть, ты лечишь меня несколько лет назад? — улыбнулась Васта, погладила двести пятую по голове так быстро, что та не успела отклониться, и вышла из шатра.

— Во жуть! — восхитилась Ангела, глядя вслед богине.

— Забыли спросить, в каком возрасте они становятся взрослыми и могут рожать детей, — сообразила двести пятая.

— В двадцать лет, молодая красивая, — донеслось из-за шатра.

Для малышей пришлось сделать специальную корзину с одеялами и матрасиками. Так их там и везли. Правда, по большей части они сидели за пазухой у девчонок, к молоку поближе. В корзину их клали только спать. Завернуть малышей в пеленки было невозможно, они тут же их раскидывали. Приходилось их всё время укрывать, чтобы не замёрзли.

По возвращении в город мы нашли жуткую суету. Народ паковал вещи и даже разбирали здания. Начальство объявило о возвращении в Первый город.

Мира сказала, что теперь попробует жить сама, и уехала к папочке. Забрала с собой череп убитой гусеницы, заботливо сохранённый для неё татайцами.

Господин Ирма принял нас только на третий день. Выслушав наши доклады, Ирма похихикал:

— А я говорил тебе, что даже такого количества всадников может не хватить.

В целом мои решения были одобрены. За нами оставалась только задача в Первом Городе. Поскольку она не требовала большой охраны, никакое усиление нам не придавалось, кроме нашей обычной охраны.

Перед отъездом решили выделить один день на отдых, а между делами заехать к Мире в храм Здравалании.

Оказалось, что Мира вполне себе освоилась. За время нашего отсутствия жрица богини, пожилая женщина, которую мы пытались запугать и заставить отказаться от жреческого статуса, набрала множество добровольцев в благотворительные организации Миры.

Мира порхала между группами разной направленности и решала организационные вопросы. Увидев нас, она подбежала и защебетала о том, что в городе вскоре будет множество групп разных хобби, в которых в том числе будут учить детей, множество благотворительных групп по уходу за одинокими больными людьми и стариками, ещё множество организаций...

Мы не особо удивились, увидев в роли помощницы Миры Здраваланию. Та притворялась пожилой сторбленной женщиной. Она украдкой показала нам кулак, когда мы её заметили.

Здравалания получала указания одновременно и от жрицы, и от Миры. Один раз жрица даже её выругала за то, что та, по её мнению, что-то напутала. Было очевидно, что напутала сама жрица. Здравалания кланялась и просила её душевно простить. Мы с интересом понаблюдали, как Здравалания управляет Мирой, задавая на первый взгляд глупые вопросы о том, как сделать то или иное дело или где люди возьмут ресурсы. Мира, порхая по верхам, не уделяла внимания разным подробностям, а некоторые из них были ключевыми. Здравалания незаметно наставляла Миру на путь истинный и делала все дела жизнеспособными.

Один крупный парень сдавал задом и задел богиню. Вместо того, чтобы извиниться, он обругал пожилую женщину. Богиня поклонилась и попросила прощения за неловкость. Мы с Ва потихоньку отозвали парня на улицу и посоветовали ему извиниться перед женщиной. Дурачок решил, что мы пытаемся его унижить, и полез в бутылку. Мы уверили парня, что никак не хотели его обижать, и что для его здоровья и здоровья его семьи действительно лучше пойти к женщине и попросить прощения. Парень тупо смотрел на нас несколько секунд, мы улыбались и кланялись. Потом он решил, что если полоумные имперцы со значками жрецов Васты и Радо просят, то наверное лучше им угодить, пошёл и поговорил с Здраваланией. Богиня погладила его по голове. Парень отошёл в сторонку, рухнул на скамейку и отключился. Кажется, богиня вправила ему что-то в мозгах.

Мы поулыбались Мире и распрощались.

Не успели мы на следующий день отъехать от города, как встретили на дороге Морелину. На этот раз она была очень даже неплохо одета, в многослойные меха. Она просто стояла на дороге и ждала нас. Я подъехал поближе:

— Что на этот раз?

— У нас город атакован армией волколюдей и оборотней. Просим помочь.

— Кого просите?

— Тебя. Только тебя. Целительница может быть полезной, но не в бою.

— И чем вам поможет один мальчик?

— Мечом. У тебя почти волшебный меч.

— А себе вы такие сделать не можете?

— Можем. Только сражаться не сможем. Для нас он так же опасен, как и для нечисти. Для выживания под землёй и владения мощной магией мы вынуждены были ввести в состав своей крови кое-какие вещества, которые делают нас жизнеспособнее... Но есть и плата за это. Мы потеряли ряд свойств, которые есть у вас.

— И как я один буду бороться с целой армией?

— Не один. Тебя будет поддерживать вся наша армия. Но в тесноте коридоров ты для них почти неуязвим и очень опасен.

Я впал в ступор. С одной стороны, ввязаться в такую войну — это верное самоубийство. С другой стороны, хоть один человек с поверхности будет понимать, что происходит под землёй, если я уцелею. Что бы такое сказать, чтобы отвертеться?

— Мои услуги дорого стоят.

— Награда будет любой, по твоему выбору.

Значит, таким способом не отвертишься. Я обернулся к Ва:

— Пойдешь со мной?

— В подземелье, к нечистому народу, с абсолютной вероятностью погибнуть? Конечно, пойду.

Я повернулся к Морелине:

— Кого-нибудь из охраны можно взять?

— Нет, не поместятся.

— И где им меня ждать? На какой город напали? На тот, что внизу?

— Нет, это глубокий тыл. Нам придётся ехать очень далеко. Я потом верну тебя в Первый Город. Так что пусть охрана едет куда ехала.

Я пересказал стоявшей в стороне охране суть переговоров, попрощался с Ангелой и отдал им коня. Трач не хотел со мной расставаться. Что было удивительно.

Морелина дождалась, пока охрана скроется из видимости. После этого она повела нас вверх по холму, к скальным породам. Вход оказался просто вертикальной дырой, трещиной между скалами. Ни верёвки, ни лестницы не наблюдалось.

— И как туда спускаться? — удивился я.

— Очень просто. Упирается в одну стену спиной, в другую стену ногами. Если хочешь, можешь упираться в противоположные стены ногами и руками. Спиной надёжнее, руками и ногами быстрее.

Это действительно оказалось очень просто. Ва поначалу жутко боялась, сказала, что пойдёт выше меня, чтобы при падении не ей одной было обидно. А уже через десять минут покрикивала, что мне стоит побыстрее шевелить руками — ногами, а то я её задерживаю.

Целью нашего движения оказалась небольшая пещерка, в которой стояла небольшая платформа на небольших деревянных колесах. Колёса были совсем небольшие, без спиц, оббитые железом, с уступами. Эти уступы упирались в деревянные рельсы, верх которых был покрыт железным листом. Рельсы уходили в темноту резко уходящей вниз невысокой пещеры.

— Забирайтесь, привязывайтесь, — скомандовала зелёная девушка.

Не успели мы привязаться, как Морелина дёрнула один из двух рычагов, и платформа понеслась под уклон. Ва взвизгнула. Морелина потрясла небольшой шарик, и он загорелся ровным светом.

Уклон уменьшился, но повозка продолжала двигаться достаточно быстро. А уж грохотала она... Так вот как они ухитряются так быстро перемещаться под землёй!

Через несколько минут повозка начала замедляться. Морелина затормозила её около мощной двери в полукруглой стене из кирпича. За дверью обнаружилась вертикальная круглая шахта. Мы втащили повозку на подозрительно покачивающийся пол шахты, Морелина закрыла дверь и прижала её к косяку шестью мощными рычагами. Затем она дёрнула за рычаг на стене шахты и быстро запрыгнула с приступочки перед дверью на пол шахты. Послышался шум падающей воды. Пол начал подниматься. Оказывается, это была плавающая платформа, под которой была вода!

— А откуда вода? — спросил я.

— Река наверху.

— А если нет реки?

— Мы прокладываем пути там, где есть реки. Либо надземные, либо подземные. Но есть и такие места, где нет ничего. Там приходится тащить повозку вверх на двести саженей вручную.

Поднимались менее двух минут. Потом вытащили повозку в новую пещеру. Морелина дёрнула ещё один рычаг, и платформа начала стремительно уходить вниз. Мы погрузились на повозку и опять помчались по нисходящему коридору с рельсами. Пока ехали, я прикинул среднюю скорость перемещения. Получалось, что в два раза быстрее, чем на лошадях. И руки не мёрзнут от того, что приходится держать поводья...

— А когда всё население города надо переместить, тоже так перевозите?

— Пешком идут. И по чуть-чуть, а то воздуха не хватит. Тут вентиляция очень слабая. Пропускная способность этих пещер очень маленькая. Кто не успеет убежать, того съедят. Поэтому даже небольшая задержка врагов позволит убежать тысячам. По этим причинам мы и просим разных героев принять наши волшебные мечи. Только героев в мире очень мало. Почти никто не принимает, все боятся.

Ехали недолго, версты три или четыре. Затем снова шахта, снова вода, снова подъём, снова скоростной спуск... И ещё много, много раз так. Ехали часов девять. Только в двух местах пришлось тащить платформу вверх вручную. Мне долгий крутой подъём с грузом не понравился. Ещё в трёх местах пришлось ехать относительно медленно, отталкиваясь от пола длинными шестами, которые входили в стандартный набор платформы. Толкали мы с зелёной девушкой, Ва бездельничала.

Морелина сказала, что здесь очень высоко стоят грунтовые воды, сделать глубокую шахту невозможно, приходится вести дорогу почти у поверхности.

Вступить в бой пришлось, ещё не доезжая до города. Мы мчались на большой скорости, когда из дыры в стене выскочила гигантская гусеница и раздулась до своего обычного огромного вида. Мы в неё практически врезались. Я с ходу рубанул её волшебным мечом, когда она ещё не успела даже принять агрессивную позу. Оказалось, что меч действительно очень эффективен против нечисти. Даже от относительно неглубокого разреза (я не прорубил её даже до середины) гусеница задымилась и принялась корчиться на полу. Я соскочил с платформы и отрубил ей ещё и голову.

— Невероятно. Ты настоящий герой! Такое чудовище с двух ударов!

— Ты говорила, что они управляются оборотнями. Это значит, что оборотень где-то рядом?

— Да. В городе. Притворяется одним из наших людей. К сожалению.

Дальше пришлось ехать с намного меньше скоростью, отталкиваясь шестами.

В город вела огромная дверь с красивой резьбой. За дверью нас ждал отряд до зубов

вооруженных и очень мрачных кентавров. Морелина зачирикала с ними так быстро, что я ничего не мог понять. Главное, что кентавры её поняли. Они забрали у нас повозку, а нас проводили к штабу. В штабе наше знакомство с местными началось с того, что Вастараба опознала в одном из высших офицеров оборотня. Для начала она просто удивилась, почему у одного из гигантских людей внутренние органы сильно отличаются от остальных. Оборотень не выдержал и кинулся на Ва. Я выхватил меч, но не успел ничего сделать. Местные воевали уже несколько дней, проигрывали битву и были на взводе. Оборотня порубили ещё то того, как он добрался до нас с Ва.

Рулил городом невысокий даже по меркам кентавров дяденька — кентавр. Он неплохо говорил на языке кочевников. Он принялся рассказывать мне ситуацию так, как будто я командовал целой армией.

Суть дела сводилась к тому, что город атаковали толпы волколюдей, усиленных кровососами и сильно дегенерировавшими людьми, которых волколюди ухитрились вырастить в неведомых местах. Волколюди были крупнее кентавров и низкорослых жителей города. Дегенерировавшие люди, которых волколюди выдрессировали, как животных, были быстрее и ловчее гигантов города и легко их побеждали.

Я спросил, каким оружием сражаются жители города. Глава города с гордостью описал достижения подземного народа. Оружие в городе было очень хорошим, воины сражались в полностью закрытых доспехах. Только поэтому город ещё как-то держался. Но разница в физической силе была слишком велика, волкочеловек мог убить низкорослого воина города просто сильным ударом по голове, при этом ломался позвоночник. При этом у врага было большое преимущество в выборе места атаки. Если жители города просто ждали, какую очередную дверь взломают и повалит толпа врагов, то волколюди научились каким-то хитрым образом быстро прокладывать пещеры и могли ворваться в жилые пещеры в самом неожиданном месте.

Я попросил отряд низкорослых людей с длинными копьями и отряд кентавров для спасения раненых, сказал, что хочу произвести разведку на территории противника. Оные отряды тут же мне были обещаны. Пока шли до места вылазки, я пытался выучить команды на местном языке — вперёд, стоять, щиты поднять и так далее. Морелина старалась изо всех сил. Наш провожатый, кентавр, выполнявший функции офицера — порученца штаба, дополнил список команд от себя.

Было забавно посмотреть на Морелину в защитном снаряжении — ей выдали блестящие, прямо-таки сияющие доспехи, которые она надела прямо на свои меха.

При попытке построить низкоросликов я столкнулся с неожиданным предубеждением. Эти коротышки заявили, что копья — оружие кентавров, а они сражаются только мечами. Я разорался, что при стычке с волколюдьми они ломают им шеи одним ударом, а копья удержат их на расстоянии. Немного потренировались в построении «черепахи» — построения, при котором наш строй перекрывал всю площадь пещеры щитами, а вперёд торчали только копья. Низкорослики удивили меня тем, что боковые ряды взобрались на плечи товарищей, упираясь одной ногой им в плечо, а второй в стену пещеры, и таким образом действительно перекрыли весь проход!

Я попросил одного из них провести со мной учебный бой, просто для того, чтобы оценить, что они умеют. Оказалось, что считать их маленькими и слабыми было большой ошибкой. Да, они были сильно ниже людей, но намного шире и плотнее, а по силе, наверное, не уступали взрослому мужчине.

К этому моменту прибыл отряд кентавров, и мы пошли. Стражи открыли нам ворота, из-за ворот полетели стрелы. Немного, очевидно, противник тут выставил только дозор. Как только наши воины начали просачиваться в коридор, противник отступил, громко вереща. Побежали сообщать о прорыве своим.

Глава города поставил перед нами задачу разведать обстановку вокруг верхних уровней города, где находились затворы, управляющие поступлением воды на рабочие колеса. Если бы противнику удалось перекрыть затворы, это поставило бы город в тяжёлое положение — колеса не только обеспечивали вентиляцию, но выполняли ряд другой необходимой работы. Пока вода поступала, но войска города были отжаты на верхних уровнях к самым затворам. Мы вышли чуть в стороне от затворов, но на той же высоте.

Первый противник обнаружился около баррикады, воздвигнутой защитниками города недалеко от затворов. Группа волколюдей управляла какими-то чудными гигантскими червями. Черви прогрызали породу, создавая проход к затворам в обход основного хода.

У волколюдей не было ни единого шанса, их было слишком мало. Ощетинившаяся копытами черепаха низкоросликов приколола их к стенам хода без единой потери. Червей даже атаковать никто не стал, лишившись управления, они просто уползли в глубины пещер. Низкорослики сказали, что они знают этих животных и что они неопасны и неуправляемы. То есть до сих пор считалось, что неуправляемы.

Прибежали кентавры, доложили, что снизу поднимается большой отряд. Мы отошли подальше, туда, где по утверждениям низкоросликов находился запасной выход на поверхность. Я никаких дверей не видел, но, по-видимому, так и было задумано.

Мы устроили засаду за поворотом хода пещеры. Войско неприятеля бежало на нас в беспорядке, волколюди торопились догнать ускользающую добычу. Сразу стало ясно, почему они до сих пор побеждали. Первые особи, увидев шеренгу низкоросликов, не стали останавливаться, а попытались проскользнуть в тыл, прыгая как можно выше на стены пещеры и отталкиваясь от них. Будь низкие вооружены только мечами, волколюди оказались бы посреди их строя или даже сзади. Сегодня они оказались на копьях. Заговорили самострелы низкоросликов, выкашивая вторую волну нападавших.

У местных были очень забавные самострелы из нескольких брусков с пружиной внутри. Достаточно было дернуть за скобу, чтобы взвести устройство, и можно было нажимать на спусковой крючок. При этом следующая стрела уже падала из хранилища в подающий лоток. Два движения вперёд и назад — и самострел снова был готов к работе. Убойная сила у этих устройств была намного ниже, чем у наших длинных луков и тем более больших самострелов, но зато скорость работы была потрясающая.

Волколюди начали обстреливать строй из луков из-за угла хода. Несколько стрел с каменными наконечниками отскочили от моих доспехов. Я скомандовал поднять щиты.

Некоторое время мы перестреливались. Наши силы были в явно лучшей позиции. Мы не несли потерь, зато у врага периодически стрелы находили цель.

Я уже подумывал скомандовать бросок, как противник подтянул козыри. На строй щитов обрушился удар огромной силы. Наши убрали щиты, и я с удивлением увидел, что перед нами находится один из гигантов — обитателей города подземного народа. У него в руках была огромная дубина с примотанным к ней огромным камнем, именно им он и отбил руки нескольким воинам.

За гигантом появились странные люди: невысокие, нечёсанные, нестриженные и кое-как укутанные в разные шкуры, с простейшими дубинами и ножами в руках.

— Это оборотень, принявший вид гиганта, — сообразила Морелина.

Вот как? Странно, а чего он тогда не принял вид какого-нибудь ещё более гигантского существа?

Я решил, что это мой выход, и достал волшебный меч.

— Разойдись! — я ринулся на гиганта. Он поднял дубину, намереваясь меня расплющить. Что, серьезно? Ты настолько тупой? Пока ты её поднимаешь, я тебя три раза могу зарезать. И я ткнул меч в живот врагу. Тот начал оседать, превращаясь в серую слизь. Н-да, боевым искусствам тебя явно не учили. На меня кинулся мужик из числа диких людей. Я приготовился отбить его дубину мечом, но проклятые низкорослики, как выяснилось, втихаря привязали шнурок к моему поясу сзади. Целая толпа кентавров потянула за верёвку, и я мигом оказался далеко за линией щитов низкоросликов, под ногами у Морелины.

— Простите, молодой господин, мы не можем рисковать самым ценным ресурсом по пустякам, — примирительно сказала зелёная зараза. За её спиной скалилась она толпа кентавров с канатом в руках. Похоже, Морелина шнурочек и привязала.

— Какая хорошая идея, надо будет в битвах наверху применить, — заметила Ва.

— Мотай лучше раненых, — буркнул я.

А раненые среди наших воинов и правда начали появляться. Ва занялась своим обычным делом.

«Черепеха» низкоросликов покрошила диких людей и волколюдей неожиданно легко. После нескольких минут резни я скомандовал бросок, и мы всей черепахой врезались в толпу готовящихся к бою пополнений волколюдей и раненых. Они не ожидали от судьбы такого удара, и резня здесь прошла даже легче. На пытавшихся удрать раненых выпустили кентавров.

Я решил, что для первой разведки достаточно, и мы вернулись к баррикаде. Работая с двух сторон, её разобрали довольно быстро, и рабочие из города восстановили целых две двери — крепости на пути к затворам. Пока они ставили укрепления, мы их охраняли.

Ва осмотрела погибших диких людей, сопровождавших оборотней. Сказала, что эти люди, скорее всего, никогда не были родственниками живущих наверху людей: намного меньше мозг, уже лоб, другое строение зубов. Это не результат деградации обычных людей, а какая-то боковая ветвь или последствия действия магии. Например, божественного проклятия.

После целого дня таскания платформы и боевых стычек очень хотелось спать. Посыльный из штаба сказал, что нам с Ва выделена для отдыха отдельная пещера. Я бы предпочел упасть где стоял, но он настаивал. Пришлось тащиться на нижние уровни, на переход ушла небольшая вечность.

Я так и не понял, почему пещера для уставшего мальчишки должна быть выше двухэтажного дома и шире двора нашего замка. Посреди этого чуда природы возвышалась кровать — опочивальня, по размерам чуть больше обычного домика наших селян, с шатром из кружев и ткани с золочёными прожилками сверху. Боковины тоже закрывались кружевами.

Ва пришлось кормить меня насильно, запихивая еду в рот и утрамбовывая пальцем. Ну очень спать хотелось. Мужскую силу она из меня выдаивала уже во сне.

Долго нам спать не дали. Если верить капельным часам, установленным в нашем «дворце», прошло всего шесть часов.

Морелина обнаружилась спящей на коврике у двери.

Как бы утро началось с того, что мне предложили оплодотворить несколько местных девушек. Я отказался, сказал, что благородным запрещено дарить свои способности без разрешения Государя. Посыльный из штаба многозначительно посмотрел на Ва, которая даже не подумала одеться при его появлении, и сказал, что противник усилил натиск и нас ждут на войне.

— А я бы пожила в такой обстановочке некоторое время, — сказала Ва, поглаживая кружева.

— Замучаешься пол мыть в таком доме. А пыль со стен вытирать так вообще выше человеческих сил. А главное, выше человеческого роста.

После короткого завтрака мы двинулись к новому проблемному месту. И почему я согласился увести себя так далеко вниз? Путь наверх отнял все силы.

Нас привели на второй уровень большой пещеры, на входе в которую кипел бой. Защитники города успели навалить у входа камни, которые работали как небольшая крепость. Нападающие постоянно пытались прорваться за эти камни, иногда им это удавалось, но их отбрасывала обратно очередная волна подкреплений из города. На полу пещеры сидели воины города и ждали своей очереди. Они все у входа не помещались.

— Это очень важная для нас пещера. Отсюда идут ходы в пять разных районов города. До сих пор нам удавалось удерживать врагов на уровнях внешних ходов города, но если они войдут в эту пещеру, то окажутся внутри города, — пояснил кентавр — порученец.

Я посмотрел на эту картину и сразу увидел одну из игровых ситуаций моих полей для фантастических шахмат.

— Надо построить укрепление побольше вокруг входа, посадить туда лучников и дать им войти. Они будут заходить, гнать наших людей до укрепления, за это время их перестреляют лучники, а пехота вернётся ко входу для встречи следующей партии, — сказал я парню — кентавру из штаба.

Парень оказался достаточно влиятельным, чтобы достучаться до того, кто командовал этой битвой. Народ забегал, начал таскать камни за спиной сражающейся пехоты.

Волколюди выпустили ещё одного оборотня в виде гигантского медведя. Мне пришлось выскочить ему на встречу. Он оказался очень быстрым и чуть было не достал меня. Пришлось прыгать сальто через его спину и втыкать меч сверху.

Оборотень превратился в мокрое пятно, но я оказался в одиночестве против целой толпы диких людей и волколюдей. И тут случилось что-то удивительное, как в первую встречу с разведчиками. Я как-то вдруг увидел всю обстановку и сверху, и изнутри. Я вдруг понял, что если проскользну вперёд и ткну волка мечом снизу, то он не успеет меня достать, а потом надо прикрыться телом его соседа и поразить дикого воина слева. Я выполнил эти задумки и увидел ещё три возможности. Я крутился, распрямляться и сворачивался в калачик, чтобы достать дальних врагов и позволить ближним поразить своих товарищей вместо меня. Я прыгал между воинами, отталкиваясь от них, как от столбов, и поражал тех, кто даже не подозревал, что он в моей зоне поражения. Когда рядом со мной почти не осталось врагов, вал низкоросликов наконец-то выкатился передо мной и закрыл вход в пещеру.

Я устал так, что не мог поднять руку, и позорно бежал под защиту возводимого укрепления. Мне протянули ковш с водой. Я выдул его почти весь, чем удивил даже самого себя. Вроде бы ел недавно...

— Ну ты и зажёг, — сказала Ва, неведомо как оказавшаяся рядом.

Я вылил остатки воды на руку и промыл глаза, залитые потом.

— Ва, а ты не знаешь, что это было? Я никогда не знал, что могу так. А тут видел все возможности всех, кто находился рядом.

— Думаю, это было благословение Ары. У тебя было два, одно ты сейчас потратил. А у меня их три, так что бойся меня. Ладно, жди следующего оборотня, а я пошла лечить маленьких.

Волколюди оттеснили пехоту от входа, пехота бросилась к укреплению. Крепость ещё не была готова до конца, но лучники уже были на возвышении. Немногие из волколюдей добежали до нового укрепления.

Дальше мне оставалось только наблюдать за приливами и отливами волн. Волколюди и дикари прибывали, их отстреливали, потом прибывала следующая волна. Низкоросликам только оставалось меняться, кто будет бегать от входа в пещеру до укрепления и обратно.

Прибежал кентавр из штаба, сказал, что двумя уровнями выше оборотни пытаются прорваться к одному из важных центров города. Пришлось забирать Ва и бежать вверх. Как же меня утомили все эти перепады высот!

В указанном месте я застал патовую ситуацию. Оборотням в виде гигантских людей при поддержке диких человекообразных удалось выломать двери и захватить укрепление у входа, но затем они столкнулись с моими вчерашними знакомыми — отрядом низкоросликов, вставшим в построение «черепаша с копьями». К моменту моего прибытия «черепаша» перекрыла ход вниз, а оборотни оттянулись в укрепление у входа и думали, что делать.

Сразу после моего прибытия оборотни и их подручные начали разрушать укрепление. Все низкорослики с удивлением смотрели на это самоубийственное действие. У меня зародились нехорошие подозрения. Я спросил у командира отряда:

— Мы можем здесь где-нибудь спрятаться от обстрела, например, за каким-нибудь поворотом?

Спрятаться было негде, сразу за нами находился центр, в который так стремились оборотни.

— Тогда надо атаковать. Иначе оборотни нас закидают камнями от укрепления.

Командир немного поколебался, но потом всё-таки отдал приказ на наступление.

Я побежал впереди, чтобы достать оборотней. Мне же достался первый камень. Он был не очень большой, но зато оборотень кинул его со всей силы. Я принял камень щитом. Щит разлетелся в щепки, а моя левая рука повисла без движения. Кое-как я ухитрился вложить в неё обычный меч, а правой взял волшебный.

Петляя, как заяц, я кое-как добежал до укрепления, получив по пути три стрелы от диких. К счастью, они не смогли меня сильно повредить. Ворвавшись в укрепление, я обнаружил, что сразу два оборотня держат надо мной огромные камни, а третий замахивается большой дубиной. Пришлось крутиться очень быстро. Я успел поцарапать двух чудовищ, но третий оборотень всё-таки ухитрился меня ударить, из-за чего я вылетел из укрепления через входную дверь. Шмякнувшись на мостовую, я понял, что в эту кампанию я отвоевался. Строй низкоросликов меня обтёк и зашёл в укрепление. Там началась суровая битва. А я ничем не мог им помочь...

Подбежала Ва, начала исцелять. Через пару минут я даже смог дышать.

— Как хорошо, что я тебя вчера смогла изнасиловать! — порадовалась Ва.

Подошла санитарная команда кентавров, отволокла меня в нашу огромную пещеру. Ва задержалась, чтобы подарить надежду на жизнь низкоросликам. Мной она занялась только

ближе к вечеру. При помощи нескольких местных женщин из расы Морелины она крутила меня туда-сюда и туго бинтовала. На следующее утро я смог встать, к своему большому удивлению. В штабе сказали, что благодаря моей помощи достигнут перелом в битве. Волколуды пытаются убежать через подземные туннели или через выходы на поверхность, оборотней добивают. Несколько оборотней ускользнули на поверхность. Мне предложили отлежаться сколько хочу и забрать из хранилища всё, что мы вдвоём с Ва сможем унести.

Я нашёл в себе силы пройти в сокровищницу прямо сейчас. Морелина сама себя назначила консультантом. Мы с Ва ходили по ряду невысоких, но длинных пещер, и любовались сокровищами. Драгоценные камни, золото в самородках, золотой песок в мешочках... В отдельных пещерах хранились волшебные изделия подземного народа. Моё внимание привлёк огромный красный камень в золотой оправе.

— Не рекомендую. Полезная вещь, но все его владельцы быстро умерли по разным причинам. Мы решили, что это не случайно.

А вот компас, всегда указывающий на ближайшую воду, и чашу, которая темнела при попадании в неё яда, Морелина очень даже рекомендовала.

— Только в мягкой таре не храни, разобьются, — посоветовала зелёная девушка и подобрала мне несколько коробочек.

В хозяйство пошли ножны, в которых никогда не ржавеют мечи, и вставные челюсти, благодаря которым никогда не болят зубы. Ва сказала, что ничего волшебного в этой штуке нет, что это свойство вставленных в неё определённых полудрагоценных камней, и заставила меня взять это устройство. И себе тоже взяла.

Остальной лимит по весу мы, не мудрствуя лукаво, взяли золотом и драгоценными камнями. Глава города похвалил нас за мудрый выбор.

Ночью Ва опять попыталась во сне лечь на меня, из-за чего все мои раны и ушибы запротестовали самым громким образом. Пришлось звать Морелину, ночевавшую у входа на коврик, и осеменить боевую подругу в вертикальном положении с помощью зелёной. По ходу дела я подумал, что это, наверное, первый раз, когда я оплодотворяю девушку в вертикальном положении по собственной воле, а не девушка получает свое от меня.

— А почему она не просыпается? — удивилась Морелина, глядя на то, как стонет и вопит Ва и как я долго и безуспешно размахиваю тазом.

— Это божественная сила. Она обречена во сне заниматься со мной любовью до тех пор, пока не забеременеет. Только у меня всё болит, никакой возможности возбудиться.

— Бедная девушка, — пожалела Морелина и погладила меня по яичкам. Вот тут дело пошло.

Ва откинулась с довольной улыбкой.

— У неё молоко течет, — заметила Морелина.

— Это долгая история и ещё более волшебная.

Морелина посмотрела на Ва и заявила:

— Я тоже хочу.

— Чего?

— Стонать, как она. Женщины моего вида очень легко заводится. Я не смогу успокоиться, пока не доведёшь меня до стонов. Прошу тебя, сделай это хотя бы руками.

Пришлось работать, несмотря на боль во всех костях.

Поутру Ва осмотрела меня и заявила, что я не готов к дороге. Пришлось валяться ещё один день.

На следующий день пришлось признать, что Ва была права. Морелина повезла нас в Первый Город по такой же системе дорог, по какой мы прибыли сюда. Даже перетаскивать совсем лёгкую повозку было нестерпимо больно. Каждая неровность дороги тоже отдавалась в костях тяжёлой болью.

Мы добрались до Первого Города меньше, чем за день. Морелина извинилась, что её народ ещё не прокопал рельсовые пещеры до самого города, и высадила нас за десять вёрст от города. Пришлось два с лишним часа торить путь по снегу. Но мы даже успели до темноты.

Наша охрана уже была в городе и с ходу огорошила известием о том, что у местных татайцев уже двое товарищей найдены в полностью обескровленной виде. Очевидно, в городе орудовали оборотни. Я отказался от каких-либо телодвижений и завалился отдыхать. От провала в бессонницу меня удержала только картина, как Ва кормит сразу двух малышек. Ангела немного устала одна кормить сразу двоих, а Ва была переполнена молоком.

Посмотрев на мои повреждения, Ангела отказалась от давно лелеемого желания получить меня сразу, как увидит.

Охрана меня без одежды не видела, но они были опытными людьми и всё поняли по следам на доспехах. На следующий день они пристали с расспросами. Пришлось рассказывать о том, как подземный народ покосил тех, кто иначе стал бы нападать на наши города.

После не очень роскошного завтрака мы отправились искать оборотня (или оборотней). Ехали очень медленно, чтобы Ва могла просмотреть каждого встречного. Заметив наши пристальные взгляды, народ начал разбегаться. Похоже, к вечеру по городу будут гулять самые нелепые слухи.

В казарму татайцев нас пустили не сразу. Без начальственного присмотра они тут чувствовали себя хозяевами положения и немного распустились. Начальник местного имперского гарнизона в дела города не лез, и они остались практически единственной реальной властью. Только когда они узнали во мне и Вастарабе тех, кто вернул им зрение, отношение изменилось. А когда мы сказали, что приехали расследовать нападение оборотня, народ преисполнился к нам глубочайшего уважения. Ради нас даже построили всех, кого нашли. Ва осмотрела всех, но ни одного оборотня не нашла. Мы решили осмотреть казармы и было двинулись к ним, но тут Ва осознала оборотня в собаке отряда. Татайцы были в шоке, когда их любимый пёсик превратился в чудовище и кинулся на Ва. Джен отбросил его на десяток шагов, а я угостил волшебным мечом. После этого ни у кого не осталось сомнений, что мы умеем разбираться с оборотнями.

Второго оборотня мы нашли в казармах, он притворялся одним из солдат на посту. Этот попытался сбежать, и ему это почти удалось. Его поймали татайцы, которые дежурили у всех выходов из казарм.

Заглянув во все закутки для очистки совести, мы отправились к пленным кочевникам, которые до сих пор не перешли на сторону города и трудились слепыми ткачами. Именно эти ребята требовали жреца Радо.

— Я ничего не мог видеть, работал вслепую. Научился определять качество ткани на ощупь. А потом стал думать о том, как сделать ткань лучше, представил, как перебираю её руками... И стал видеть! А когда перестал думать о ткани, зрение опять пропало. Я прошу вас объяснить, что происходит! — просил один кочевник.

— Я великий воин. Я никому никогда не уступал в драке, даже в детстве, когда меня

били. Но теперь я чувствую радость от того, что хорошо получается дело, и когда я радуюсь, я начинаю видеть. Я что, перестал быть великим воином? — этот кочевник был очень испуган.

— Я просто паковал рулоны и связывал их. С некоторого момента мне стало все равно, что будет в будущем и кого я буду побеждать. Я хотел только одного: вернуться на фабрику, чтобы чувствовать мягкость шерсти и радоваться тому, как один рулон ткани ложится в ряд к другим. И так я стал видеть и теперь вижу почти всегда, — широко улыбаясь, говорил третий кочевник.

На соседней фабрике, где производили льняные ткани, мы услышали примерно то же. Если честно, то жизнь этих людей была ужасной. Они жили и работали в длинных бараках, спали и ели рядом со своими станками. Половина работающих крутила приводные колёса ручных ткацких станков, половина управляла станками. Из тех, кто крутили колёса, не прозрел почти никто. Из ткачей прозрели очень многие. После ряда похожих разговоров у меня сложилась стройная теория. Я попросил остановить работу и собрать людей чуть раньше обеденного перерыва, чтобы обратиться к ним.

— Уважаемые, многие из вас прозрели за последнее время. Это не удивительно. Так и должно быть. Проклятие потери зрения изначально действовало только в том случае, если люди хотели принести зло подданным Империи. У тех людей, которые научились делать что-то с любовью, безмятежно, это проклятие отключается. Если вы будете любить своё дело и не будете думать о мести кому-либо, то вы прозреете все. Я знаю, что вы мыслите себя великими воинами и до сих пор с презрением относились к мирному труду. Но это самообман. Воин по определению мыслит о решении всех проблем как о ломании препятствий. Но для человека важнее научиться видеть все подробности дела, а для этого надо любить своё дело и не ломать, а изучать его. Только так можно стать мастером. Стать мастером сложнее, чем стать воином. А стать мастером — воином ещё сложнее. Для этого надо действовать не для гордости воина, а ради любви к своему народу и для его защиты.

— Ты говоришь, как типичный жрец Радо, — хихикнул дядька в первых рядах.

— Меня учили этому в детстве, когда рассказывали о Боге-из-огня. Наши люди сражаются не для гордости и не для захвата, а для защиты. Поэтому наши люди такие стойкие. Потом то же самое сказал мне Радо. Если вы примете решение защищать новое государство кочевников, союзное Империи, которое мы строим здесь, вы прозреете все и ваша жизнь станет наполненной новым смыслом.

— С тобой говорил Радо?

— Радо говорит со всеми, кто захочет его слушать.

Аналогичные речи я произнёс во всех других трудовых лагерях кочевников, после чего мы с Ва разъехались. Ва поехала восстанавливать свою больницу, мы с Ангелой отправились на поклон к имперскому наместнику.

В городе оставался небольшой имперский отряд для просмотра за пленными и за городом в целом. Как благородные люди, мы обязаны были явиться и зарегистрироваться.

Скучающий офицер — начальник имперских сил не поверил ни одному моему слову о битве под землёй и о том, что по округе могут бегать отряды волколюдей и оборотней. Он полностью отверг все мои идеи о том, что надо патрулировать город и дорогу, по которой будут двигаться сюда переселенцы. Сама идея о том, что скоро здесь станет намного больше людей, вызвала в нём большое раздражение. Ему было хорошо и так.

Я попросил разрешения поставить наши шатры вместе с жильём нашей охраны внутри

ограды лагеря, поскольку в городе жилье вскоре станет очень дорогим. Начальнику лагеря присутствие кочевников внутри лагеря не понравилось, но после некоторого размышления он разрешил.

Я сдал в имперский банк наши запасы золота и полученные от Ирмы деньги за работу, после чего наконец-то можно было отправляться обустривать наши собственные шатры. Мы съехали из препохабнейшей гостиницы, в которой остановилась Ангела в ожидании нашего прибытия, и с удовольствием поставили уже привычные разборные шатры. Похоже, я становлюсь кочевником. В собственном шатре из кож мне уже нравится жить больше, чем в деревянной гостинице.

Наши маленькие дракончики тоже оценили большое пространство, устланное коврами, и принялись весело бегать друг за другом. А они забавные. Игривые, жизнерадостные.

Наблюдение за детьми прервал визит официального жреца Радо. В городе оставался один жрец из числа тех старых жрецов, которые приехали в город уже после войны. В лагерь его не пустили, пришлось выходить к ограде.

Жрец устроил мне истерику с воплями о том, почему я посмел что-то говорить пленным без его разрешения. Я долго слушал, потом спросил, сколько людей прозрело после общения с ним. Жрец запнулся, потому опять разорался. Мне стало интересно, и я спросил, что самое главное в учении Радо. Жрец обиделся и сказал, что не такому мальчишке, как я, учить его. Мне пришлось говорить в уходящую спину. Я сказал, что он, похоже, один из тех мерзавцев, которые натравливали кочевников на Империю с помощью внешнего фанатизма, но не говорили ничего про правду и любовь как основу жизни. Жрец передёрнул плечами и ничего не ответил.

Это событие заставило меня задуматься. Похоже, впереди нас ждут непростые времена.

Вечером я взял охрану и забрал Ва из лечебницы, чтобы она не пошла в гостиницу. Ва сразу почуяла, что я что-то напряжённо обдумываю, и пристала с расспросами. Я поделился с ней дневными расстройствами — как имперский начальник отказался от патрулирования дороги и как на меня наехал местный жрец. Ва посочувствовала, сказала, что да, со старыми жрецами Радо могут быть проблемы. Какая же она всё-таки душка! Вот вроде ничего не сказала, только посочувствовала, а жизнь сразу становится совсем другой.

Начальник города со стороны кочевников тоже отказался выделять татайцев для патрулирования дороги на Ургуй-дано. Посоветовал мне как относящемуся к ведомству жрецов Радо заняться системой образования, в частности школами для детей и обучением языкам татайцев, кочевников и желающих имперцев. Я запросил ресурсы. С этого момента разговор пошел очень деловой.

Я посоветовался с охраной, сказал, что если никто не занимается патрулированием дороги, то вполне могли бы проехать хотя бы мы восьмером. Охрана восторга не высказала, последний месяц зимы славился сильными метелями. Но сказали, что если я поведу, то они пойдут. Так на следующий день мы выехали в сторону Ургуй-дано с намерением доехать до середины дороги и вернуться обратно. Волколуди нам по пути не встретились, зато мы спугнули три банды разбойников. Причем банды были самого нищего свойства, они пытались отбирать у путешественников продукты. И откуда они взялись, такие голодные? Похоже, это были какие-то племена, которые не участвовали в войне и явились поискать еды уже после. Несмотря на кратное численное превосходство, эти банды снимались с места при одном виде нашего маленького отряда с флагом Империи.

Удивлённые переселенцы и перевозчики спрашивали у нас, откуда взялись эти люди и

почему они спрашивали не деньги, а еду. Мы в ответ могли только художественно пожать плечами.

По возвращению в Первый Город я устроил Большой Плач и имперскому начальнику, и главе города о том, как грабят наших людей на магистральной дороге. Имперский начальник отказался выделять людей для патрулирования, зато начальник города согласился организовать отряд патрульных татайцев, а главное — послать весточку господину Ирме о том, чтобы выделил патрули из своих, намного больших войск.

К радости моей охраны я занялся образованием, Ангела — зернохранилищами, а Ва продолжила заниматься тем, чем всегда занималась.

Город стремительно наполнялся людьми. Каждый день прибывали люди, стройматериалы и запасы разных видов.

Глава 16

Последний балет

Безумие и хаос множились и углублялись. Все ждали прибытия в город начальства во главе с господином Ирмой, но когда они прибыли, проблем стало только больше. Начальство решило все переделать. Город одновременно и строился, и изменялся. Старые здания сносились, дороги выпрямлялись, новые здания появлялись с непредставимой быстротой. Никто не знал, как куда пройти, старые знания становились бесполезными за какую-нибудь неделю. Похоже, что планировщики города во главе с господином Ирмой сами не очень представляли, что они хотят получить.

Всё было временным и неустойчивым. Не хватало продовольствия, два переезда не очень хорошо отразились на запасах. Не хватало строительных материалов и топлива для отопления. Не хватало чистой воды. Не хватало даже площади для расселения всех желающих. Многие переселенцы презрели опасности открытого поля и поставили свои шатры за пределами стен. Скоро оказалось, что даже этой площади не хватает, мешали холмы, с которых я не так давно проклинал всю эту армию. Люди были вынуждены селиться на другом берегу небольшой речушки, на берегах которой было основано первое укрепление.

Насмотревшись на рельсовую дорогу подземного народа, я предложил господину Ирме построить нечто подобное с лошадиной тягой от нашего города до Империи. Городской совет поднял меня на смех, сказали, что всё железо народ разберёт на ножи и плуги, что зимой дорогу не отчистить от сугробов и что никто не будет по ней ездить, так как надо платить деньги. Все поедут либо на лошадях, либо пойдут пешком с попутным караваном. Тогда я предложил проложить дорогу хотя бы по городу, иначе уже при первых оттепелях пройти будет невозможно. Меня засмеяли повторно.

А потом грянула первая оттепель. Из-под снега показались горы навоза, лежавшего ещё с осени. Грунтовые дороги раскисли, ноги при ходьбе проваливались почти по колено. Городские власти поняли, что необходимо срочно класть мостовые из драгоценного дерева и камня. А их не было. Господин Ирма вызвал меня и поручил построить для начала пробную дорогу в форме кольца. Рельсы решили сделать из дерева, железа пожалели.

Дорогу проложили за три недели, мастерские приладили к одной из крупных повозок специальные колеса с ребордами, а на саму повозку водрузили сиденья на двенадцать человек, по шесть в ряд, спина к спине. Сверху даже сделали навес.

Испытывали устройство при полном собрании городского совета. Две лошадки уверенно тащили эту повозку с любой скоростью. Одна лошадка тянула повозку с некоторыми затруднениями, но вполне успешно.

Члены городского совета идею осмеяли за цветные флажки. Дело было в том, что ещё до официальных испытаний этот круг стал любимым развлечением детворы. Они любили, когда их возили по кругу. Дядька Ирхи-харо, возничий, украсил повозку для детей разноцветными флажками. Вот глядя на эти флажки начальство и сказало, что единственное, на что годится затея — это возить по кругу детей для забавы. Несколько недель мы возили по кругу не только детей, но и взрослых. Как это ни удивительно, люди даже были готовы платить за это деньги.

Потом я разозлился и поговорил со всеми знакомыми, предложил построить дорогу через городок вскладчину. Господин Ирма отговаривал меня от затеи, говорил, что я

потеряю все заработанные с риском для жизни деньги, но запрещать не стал.

Дорога длиной всего в четыре версты была построена за месяц и оказалась суперпопулярной. Люди стояли на остановках и ждали экипаж даже в том случае, если идти было совсем недалеко. И дело было не только в том, что в грязи дорог можно было утонуть. Им просто нравилось, что их везут.

Мы заложили совсем небольшую цену проезда, чтобы дорога окупилась за год. Но оказалось, что дорога окупилась за два месяца и начала приносить очень ощутимую прибыль. Закончилось всё тем, что нас попросили продлить пути до полей, на которые вывозили весь навоз и содержимое выгребных ям из города. Город задыхался от навоза, и простых повозок не хватало. Потом городское начальство подумало ещё немного и дорогу у нас отобрало с выплатой её стоимости. Народ погудел, но поскольку все остались при своих с прибылью, сильно возмущаться не стали.

Не прошло и двух месяцев с ухода главнокомандующего ага Раголини, как пришло известие о смерти Государя. Всех имперцев созвали на принятие клятвы новому Государю. Нас построили на плацу в лагере перед портретом нового монарха, мы пропели «Государь умер, да здравствует новый Государь», и на этом церемония была завершена. Новым Государём стал племянник прежнего. Про него говорили, что он унаследовал способность проникать в мысли окружающих даже в большей степени, чем прежний Государь.

Новым главнокомандующим на восточном направлении стал граф ага Грануин. Это именно в его отряде мы ехали на переговоры прошлым летом.

Граф сразу развил кипучую деятельность и начал готовиться к летней кампании. В город начали прибывать имперские розмыслы, продовольственные караваны и пехота. Пехоты было неожиданно много.

Нам от нового продовольствия не досталось ничего. К зерну подпустили только Ангелу, для проверки качества. Всех остальных, даже имперцев, держала на расстоянии специальная охрана. В городе нехватка продовольствия ощущалась очень остро. Малыши начали понемногу потреблять мясо, и найти его для них становилось всё труднее. Мы сами сидели на кашах и немногих подгнивших овощах.

Несколько раз жрецы Радо требовали от меня, чтобы я участвовал вместе с ними в богослужениях. У них было какое-то странное представление о богослужениях. Когда я вёл храм, я большую часть времени посвящал тому, чтобы растолковать людям, чем скотская жизнь отличается от того, что предлагает людям Радо. Эти с людьми не говорили совсем, только пели песни. Этой ерундой я заниматься не собирался и обычно общался с людьми, которые хотели задать вопрос или освятить договор. В конце концов я не выдержал, сказал, что так они потеряют весь народ, если не будут поддерживать высокий моральный уровень. Жрецы ничего изменять не хотели. Господин Ирма, узнав о конфликте, распорядился предоставлять мне один час в начале службы в выходной день для того, чтобы я мог сказать все, что считаю нужным. Жрецы возмутились тем, что какой-то мальчишка будет получать народ, в то время как это их дело. Ирма на это сказал: «Зато с ним Радо говорит, а с вами нет», и на этом обсуждение закончилось.

Вскоре после Ирмы прибыла Мира с добрым десятком благотворительных организаций, и каждая из них горела решимостью нанести городу улучшение. Они достали даже меня, когда потребовали место в школах для всяких хобби-кружков. Мы к этому времени еле-еле смогли расписать всех детей по трём сменам. Детей было мало, но школ было ещё меньше. Никакой возможности потесниться не было совсем.

Сама Мира заявила ко мне в первый день и потребовала ласки. Сказала, что может удерживаться от зачатия, но без объятий и поцелуйчиков уже не может. Ангела, которая присутствовала при разговоре и сидела в стороне с отрешённым видом, сказала, что Мира может не удерживаться от зачатия. Ангела в последние дни часто так сидела и смотрела куда-то в себя. На вопрос о здоровье отвечала, что всё хорошо.

В ответ на удивление Миры Ангела пояснила:

— У меня прошло углубление способности. Теперь я могу зачинать не только людей и крылатых людей, но и любых живых существ, которых когда-либо придумал Господь. Даже растения. И могу передавать это другим. Я решила зачать такой сорт деревьев, у которых на ветвях созревают плоды размером с каравай хлеба, причём они и внутри как хлеб, очень сытные. И хранятся они по шесть месяцев. Очень полезное дерево будет. Во мне сейчас зреет плод мужского дерева, а давай, ты вырастишь женское? Думаю, твой отец не будет против посадить у себя такие деревья.

— А плоды большие рожать?

— Нет, первые плоды меньше ореха.

— И что мне делать?

— Возьми семя у Полика, через пару дней, если произойдет зачатие, я хлопну тебя по животику, и плод изменится на растение. В природе плоды будут зреть всё лето, но в тебе поспеет за три недели.

— Ты помнишь, я теперь могу растить сразу шесть разных детей. Может, ещё пять полезных растений сразу устроим?

Ангела преисполнились энтузиазма. Пока Мира выбивала из меня семя, весело танцую сверху, они обе обсуждали, какие бы ещё растения подарить этому миру. Остановились на одном техническом растении с очень хорошими волокнами для тканей и на кустарнике, на ветвях которого должны были зреть плоды длиной с локоть, с мягкой и сладкой сердцевинкой, богатой питательными веществами почти на уровне мяса. У этих плодов должна была быть очень прочная, хотя и мягкая кожура. Эти плоды хранились не очень долго, зато кустарник обладал потрясающей урожайностью.

Зашла Ва. Ангела посмотрела на жрицу и радостно завопила:

— Ура, ты тоже беременна!

— Как ты узнала? — удивилась Ва.

— Теперь я много чего могу! Ты тоже будешь выращивать женское дерево с хлебными плодами! — радостно возгласила Ангела, подбежала и хлопнула Ва по животику.

— Я тоже через три недели рожу семя нового дерева, — похвастались Мира.

Ва согнулась, как будто её ударили в живот со всей силы.

— Ты... Превратила мою дочку, великую целительницу... В дерево? — прошептала Ва.

Ангела осознала, что сейчас может огрести по полной, и торопливо заговорила:

— Ва, это дерево даст возможность выжить огромному количеству людей. Хлеб прямо на дереве. Через три недели, даже меньше ты свободна. И можешь снова заниматься любовью с Поликом сколько хочешь.

— А если Богиня больше не пошлёт мне любовь во сне?

— А я... Я помолюсь твоей Васте, чтобы послала. Или чтобы разрешила заниматься любовью даже без сна. И даже нашему Богу помолюсь.

Помертвевшая Ва прошла к койке и рухнула, не раздеваясь. Даже кормить крылатиков не стала.

Уже на следующий день Мира заявила, чтобы провериться на беременность. Ангела сказала, что зачатие произошло, и хлопнула Миру по животу. Мира тут же затребовала новое оплодотворение, а на следующий день получила от Ангелы изменение второго зародыша в кустарник. Так повторялось ещё четыре дня. Заполнив все отделы своего чрева, довольная Мира приходила только для того, чтобы получить свою порцию любви. Учитывая то, что Ангела и Ва меня не хотели, это было не так тяжело, как прежде.

Через три недели девчонки действительно родили по семечку, а Мира — сразу три. Мира приносила по семени ещё пять дней. Ангела была счастлива и сразу засунула семена в кадки. По утрам она выносила их на солнышко, а по вечерам уносила в тепло. Было забавно смотреть, как она кормит грудью крылатых малышек, а сама сосредоточенно растит деревья, травы и кустарники. Благодаря её усилиям деревья уже через неделю вытянулись на сажень с лишним.

Ва на следующий день с большим облегчением услышала, что Богиня её не покинула и что она всю ночь неосознанно насиловала меня в своё удовольствие, до тяжёлой истомы. Ангела ей больше вынашивать семена не предлагала.

Едва сошёл снег, взошли семена, с которыми Ангела работала осенью. Все сколько-нибудь опытные земледельцы, коими были практически все имперцы — и бароны, и пехота — все при виде этих посевов дружно заявляли, что урожай у них будет как минимум вдвое больше. Ангела похвасталась своими новыми умениями и успехами в письме папе. Через две недели в лагерь заявила свадебная процессия, которую в другое время называли бы армией. Её начальник вызвал меня из шатра на улицу, даже не предупредив о появлении. Я вышел с крыланами на руках (я их кормил мясом) и обнаружил, что вокруг наших шатров стоит целая армия, а ко мне обращается рыцарь в тяжёлых доспехах. Я так удивился, что даже не сразу понял, что он говорит. Наша охрана тоже повылазила из шатров и спросила меня, стоит ли с этими людьми воевать или приветствовать. Я приказал им не торопиться и только после этого смог вслушаться в то, что говорил посланец.

А дядька говорил интересные вещи. Причём декларировал он их самым торжественным тоном. Отец Ангелы решил выдать дочь герцогу с титулами длиннее, чем мои портянки, в качестве дамы-отрады. Как сказал посланец, «Учитывая особо важные способности Ангелы ага Дреяни, принято решение передать её под опеку герцогства ага Тиялаши в качестве дамы — отрады на вечные времена».

Дама — отрада. Очень редкое явление в нашем мире. Такими становятся только такие благородные женщины, которые обладают особо важными способностями. Им разрешено иметь несколько осеменителей, для них даже Церковь делает исключение. Таких женщин передают на обеспечение очень богатым родам, и это считается очень большой честью для рода. Плюс этот род получает большинство детей со сверхважными способностями. Большинство, но не всех. Часть получают те рода, отцы из которых зачинают детей с женщиной — отрадой. Считается, что это большая честь для данной женщины.

Посланец продемонстрировал мне письмо отца Ангелы с подписями графа ага Дреяни, герцога ага Тиялаши и даже Государя. Оперативненько они сработали.

Я поклонился подписи Государя, как положено.

— Не рекомендую противиться, — посоветовал посланник.

— Даже не думал, — ответил я и посмотрел на Ва:

— Что будем делать с крылатой девочкой?

— Им уже не нужно молоко. Ангела это затеяла, Ангела пусть их и забирает. Всё равно

мы здесь для них мяса не найдем. Думаю, у герцога хватит мяса для крылатых.

— У герцога хватит мяса на этих двух проглотов? — спросил я у посланника с некоторым юмором.

— Мы не можем доесть то, чем кормит нас отец, так что им точно хватит, — ответил молодой человек в дорогих доспехах рядом с посланником.

— А что это? — поинтересовался посланник.

— Не что, а кто. Это люди. Летающие. Дети Ангелы. Она может создавать не только растения, — удивил я посланников и насладился их долгой потерей речи.

Ангелу собирали долго, целый день. Её вещи, её кадки с растениями. Оказалось, что Ангела втихаря накупила очень много роскошных платьев. Ей платили неплохие деньги у господина Ирмы, на эти деньги она покупала платья, но нам не рассказывала. Стеснялась, боялась, что мы будем её ругать за напрасно потраченные деньги. Платья она хранила в шатре у её охраны.

Ангела собиралась радостно и весело. С её точки зрения, она сделала хорошую карьеру и обеспечила свою будущую жизнь.

На середине сборов возникла проблема Миры. Ангела вспомнила, что Мира не успела выносить ей последнюю партию из шести семян. На этот раз это были особо урожайные корнеплоды. Мира каждые три недели приносила Ангеле по шесть семян растений новых видов. Последнюю партию она не успевала выносить. Мира жила отдельно, пришлось мне ехать за девушкой. Мира примчалась вся в слезах, с вопросом: «А как же животные?».

Мира с Ангелой решили осчастливить мир ещё и улучшенными породами животных. Первым они решили создать такой вид, который был чем-то средним между козами и коровами, достоинство у него было в том, что молоко этих животных было ближе всего к человеческому. Можно было кормить детей маломолочных мам без дополнительной обработки. Проблема была в том, что телёнок этих животных был почти втрое больше человеческого ребёнка. Девчонки решили, что они смогут освоить такое дело. Остановить их удалось только тем аргументом, что у них не хватит молока выкормить сразу двух телят, а молочных животных в городке почти не осталось.

Девчонки побежали к посланнику и спросили, а не согласится ли герцог обеспечивать ещё и Миру в течение года, чтобы вывести устойчивую молочную породу? Пообещали, что герцог сможет получить большие деньги, продавая телят на породу. Послушав моих девчонок, посланник слегка окосел. Потом он послушал их ещё немного и слегка онемел. Я посмеялся:

— Такое у нас каждый день. Привыкайте.

Отсохнув, посланник вызвал сына герцога и обсудил с ним идею. На пару они решили, что Миру стоит взять с собой. Угадайте, кого послали вместе с Мирой к начальнику имперского гарнизона?

Начальник гарнизона, услышав о сути проблемы, изволил смеяться:

— Про огнедышащих драконов я в детстве в сказках слышал. Теперь эти телята наследуют способность Миры к управлению огнем, и у нас будут огнедышащие коровы? Мира, а ты осознаешь, что ты там навсегда останешься в качестве второй женщины — отрады?

— Не останусь. Я на животных только разомнусь, а потом я хочу заниматься благотворительностью. Рожать бездетным парам с неплодными благородными дамами детей. Я могу одновременно вынашивать до шести младенцев.

— Особо не увлекайся. Знаешь поговорку: «Каждый ребенок стоит матери зуба?» — хихикнул начальник гарнизона. Но разрешение Мире покинуть действующую армию на полтора года подписал.

Помахав вслед свадебному поезду, я почувствовал, что кусочек моей жизни уехал. Не то чтобы я сильно огорчился, с первой секунды я знал, что Ангела с нами временно. Мира и вовсе была случайной знакомой, хотя и перешла в разряд названных друзей. Но я успел привязаться к Ангеле, к этой циничной, но жизнерадостной девчонке. Было немного грустно.

— Что, больше осеменить некого? — подколола Ва, увидев мою грусть. Сама она уже три недели спала спокойно и ко мне не приставала. Скорее всего, беременна.

— Ага. Бойся меня, буду тебя по ночам пользоваться от любовного голода.

Ва приняла шутку за правду и с этого дня спала отдельно. Но доить меня не переставала.

В пику Ва я стал ходить на те танцы, которые устраивали для молодых людей в гарнизоне. Я там не пользовался популярностью, в действующую армию ехали только совершеннолетние молодые люди, а я был сильно младше этого возраста. Но я научился неплохо танцевать, и девушки гарнизона широко использовали меня тогда, когда им хотелось потанцевать, а никто больше не приглашал. Как выяснилось позже, многие из них любили, когда их целовали и гладили под одеждой. Многие даже нижнее бельё на танцы не надевали.

Вскоре эти глупые и развратные бабы мне надоели, а нормальные девушки были сильно старше и на меня не реагировали. К началу лета я перестал ходить на танцы.

Как выяснилось, жрецы Радо затаили зло и на большом празднике Начала Лета не дали мне спуститься с помоста, потребовали, чтобы я дальше был запевалой при славословии Радо. Я сказал, что уважаю Радо, как наставника, но мой бог — Бог-из-огня, и они прекрасно это знают. Сказал, что не буду петь гимны Радо, в которых того называют создателем мира, так как это будет изменой моему Богу. Торжествующие жрецы тут же огласили мои тихо сказанные слова всем присутствующим. Когда я возмутился, они предложили прилюдно опровергнуть их слова и спеть гимн. Я этого сделать не мог и был изгнан из храма при удивлённом молчании толпы и злобных воплях жрецов.

Ва в этот вечер была безутешной. Она бегала по шатру и вопила:

— Почему ты не мог сделать такой простой вещи! Всё шло так хорошо! Мы почти восстановили самое лучшее государство моего народа, которое только можно было придумать! И тут ты включил упрямство!

На пятом или шестом повторении этих воплей я не выдержал:

— Ты извини, но я живу ради своего народа и ради своего Бога. Делать кочевников ведущим народом не входило в мои планы. Вся ваша конструкция держится только на подпорке в виде имперских войск за стенами. Без неё вы бы уже давно пересобачились. Ты выбрала не того господина. Если хочешь, иди выбери себе другого.

— Хотела бы, но не могу. Моё тело срослось с твоим. Я теперь даже дышать по утрам не могу, если не услышу, как ты рядом дышишь. Так что буду просить у тебя давать мне мужскую силу и дальше. Но только хватит твоего нытья, когда ты жалуешься мне на каждое событие в жизни. Переживай свои огорчения сам.

А вот это было больно. Я думал, что Ва добрая и сочувствует мне. Оказывается, мои жалобы её раздражали. Ладно, ничего от меня больше не услышишь.

— Почему ты за целый год не смог выучить простейшие гимны Радо? — недовольно сказал господин Ирма на разборе.

— Я знаю все гимны. Но я не буду петь их прилюдно, так как это измена моему Богу.

— С тобой говорил сам Радо! Мог бы и проявить уважение.

— А я и проявлял. Но только он не требовал от меня измены.

— Какой из тебя жрец Радо? Ты не готов пожертвовать ничем!

— Это я не готов? Я вам весь народ доучил основам человечности. Я заставил ваше деградировавшее общество вспомнить то, о чём вам Радо говорил и что вы забыли. Я говорил о правде каждую неделю. Но вы встали на сторону идиотов, погрязших в ненависти и обрядоверии. Я не просил делать меня жрецом, но делал все, что необходимо, чтобы восстановить вашу религию и сделать её живой, — сказал я и положил значок перед Ирмой.

— Ну, и иди отсюда, — пробурчал Ирма.

Я отсалютовал имперским салютом и вышел.

Начальник гарнизона, услышав новость о том, что я уволен с государственной службы автономии кочевников, заявил, что очень хорошо, что это произошло именно сегодня. Как несовершеннолетний, при отказе от моих услуг как специалиста я должен вернуться к родителям для продолжения воспитания. А как раз сегодня уходит большой отряд благородных людей и пехоты, отслуживших здесь положенное время. Мне было предписано уходить вместе с ними.

Пока собирались и прощались с нашей охраной, отряд ушёл. Охрана нас отпускать не хотела, кочевники плакали и просили попроситься на какую-нибудь другую работу, например, в армию или разведку, или на связи с подземным народом. Пришлось напоминать, что я несовершеннолетний и должен слушаться родителей.

Выехали в итоге очень поздно, когда уже темнело. Лил дождь, было темно и мрачно. Очень подходило к моему настроению.

Мы догнали медленно едущего всадника. Глянув на эту понурую фигуру и на лицо под огромным капюшоном, я узнал Одрамаса. Я замедлил ход. Ва, которая за весь день не сказала со мной ни одного слова, тащилась сзади и тоже послушно замедлилась. Повозки со слугами и так ехали еле-еле.

Некоторое время я просто ехал рядом. Одрамас молчал. Я уже начал подозревать, что он послал мне только своё привидение для укора. Я спросил:

— Я разочаровал вас?

— Разочаровал? Нет, малыш. Я знаю, что культ бога Радо вскоре исчезнет. Ещё пару сотен лет покрутимся и закроем лавочку. Останется только культ Бога-из-огня. Хотел извиниться перед тобой за моих людей. Но вот только не знаю, что сказать. Так что... Просто прими моё приветствие. И лучше не спи этой ночью.

Одрамас стал отклоняться от дороги и постепенно исчез в темноте. Я пришпорил Трача. Надо было догонять отряд.

Оказалось, что отряд встал на ночёвку, едва отъехав от города. Причина выяснилась сразу. У всех было с собой то, что они торопились выпить. Мужики и парни, освобождённые от воинской дисциплины, от нарядов и тренировок, спешили расслабиться. Начальник отряда, ненадолго отвлёкшись от очередного тоста, сразу послал меня в дозор. Молодой? Непьющий? Иди сторожи.

Я предупредил своих, чтобы поставили один шатёр, но были готовы к немедленному движению. Немного подумав, взял с собой Серена. Заставил его надеть запасной доспех,

после чего мы уехали искать других дозорных.

В дозор выставили всего двоих человек, мы с Сереном были третьим и четвертым. Эти благородные господа оба были непьющими. Увидев «усиление» в нашем лице, они посмеялись:

— Присоединяйтесь, мальцы, будете на правах защищаемых детей.

Смеялись они не зря: они были ровесниками моему отцу, у них дочери были старше меня. У них были мощные боевые способности, а у нас с Сереном не было ничего.

Мы душевненько проболтали и покатались вокруг лагеря до глубокой ночи. Мужики рассказали множество историй из прошлых военных кампаний. Нам оставалось только слушать, удивляться и мотать на ус. Народ на стоянке за это время упился до поросычьего визга.

Пьяные крики и визги служанок затихли только глубоко ночью. Дождь прекратился. И тут начался дерьмошгорм.

Поначалу я заметил острые уши волкочеловека и сразу закричал:

— К бою!

Благородные господа сразу надели шлемы, которые до этого легкомысленно везли снятыми. Тут же на нас обрушилась туча стрел, а за ними — лавина волколюдей.

Нам с Сереном повезло. Волколюди разумно предположили, что главную угрозу здесь представляем не мы, и атаковали благородных господ. Я достал рог и задул, поднимая тревогу в лагере. Волколюди переключили внимание на меня. Но у меня в руке уже был меч против нечисти, и первых двух я срубил, лишь слегка поцарапав. На волколюдей меч действовал не так, как на оборотней, но столь же фатально. Они падали на землю, визжали и умирали даже от небольшой раны.

Трач вспомнил свои умения боевого коня и вместо того, чтобы удрать, встал на дыбы и принялся долбить наступавших волколюдей копытами. Учитывая наличие луков у противника, это было плохой идеей, и я послал его в атаку. Сразу двое волчар повисли на моём щите. Пришлось его выпустить и выхватить второй меч, обычный. Двух волков я полоснул волшебным мечом, одного пронзил обычным мечом. После обычного меча волкочеловек ещё крутился и визжал, а после волшебного они падали навсегда.

Волколюди сразу разбежались, чтобы сомкнуться у меня за спиной вокруг Серена. Пришлось разворачиваться и спасать друга. Серен получил несколько неглубоких ран в открытые ляжки, от остального спас доспех. Но самым худшим было то, что несколько волчар кинулись к лагерю, в котором мертвецким сном спали сотни люди. Мой рог никого не разбудил! Пьяницы проклятые...

Я кинулся к лагерю, чтобы предотвратить резню. Коня Серена пришлось вести в поводу, Серен зажимал раны руками и едва держался в седле. Пусть благородные дозорные выпутываются, как знают. Я ухожу защищать лагерь.

По пути я вопил, призывая народ к оружию. Бесполезно! Выскочили только немногие служанки и совсем немного слуг, вооружённые чем попало. Впрочем, этого хватило, чтобы волколюди передумали резать лагерь и вернулись к товарищам. Сдав Серена на руки Ва, я поскакал по лагерю, чтобы собрать хоть кого-нибудь для контратаки. Набралось одиннадцать человек, еле державшихся в седле. Впрочем, каждый из них стоил сотни. Мы вернулись к тому месту, где я оставил патрульных. Волколюди подозрительно суетились около них, при нашем приближении они отошли, не приняв боя.

Около погибших благородных лежали горы врагов. Интересно, что заставило волчар

пойти на такие жертвы? Они их даже не съели и оружие не забрали, кроме стрел. Необычным было то, что одежда была аккуратно разрезана, и на животе у мужчин тоже были аккуратные разрезы. Почему-то у обоих были разрезаны яички.

Протрезвевшая компания отправилась осматривать окрестности, а я подобрал щит и поскакал за Ва. Жрица кинула только один взгляд и сразу вынесла приговор:

— Они выгребли всё семя у благородных.

— Зачем? — изумился я.

— Очевидно, у них где-то есть женщина, в которую они могут его поместить. Хотят получить своих людей со сверхспособностями и потом использовать против нас. И она должна быть где-то недалеко.

Мы глянули друг на друга и дружно повернули к лагерю. Из числа постепенно приходивших в себя благородных удалось сформировать более-менее дееспособный отряд преследования. Моя Така в кои-то веки не стала дурить и взяла след.

Несмотря на большое отставание, мы успели вовремя. Девчонка лет пятнадцати со связанными руками и завязанным ртом ухитрялась отбиваться от пытавшихся изнасиловать её маленьким мехом с семенем волколюдей ногами. Волколюди боялись повредить мех и никак не могли прижать к земле буйную. Нашей атаки они не ожидали.

Нас девчонка за своих не приняла. Несмотря на то, что ей перерезали и повязку на рту, и освободили руки, она только рычала на нас и пятилась. Одета она была совсем плохо, одно невероятно грязное и рваное платье, и всё. Ни обуви, ни нижнего белья. Потом она сказала несколько слов, и я сообразил:

— Она из подземного народа. Скорее всего, украдена уже давно. Тащите её в лагерь, я потом передам её своим у ближайшей реки.

— Ты знаешь с Подземным Народом? — удивился один из баронов.

Я с некоторым запозданием сообразил, что начальник имперцев не поверил моим рассказам о битве в подземном городе и что поэтому никто из имперцев об этом не знает.

— Сражался вместе с ними против волколюдей.

На пути до лагеря пришлось рассказывать историю в подробностях. Рассказу несколько мешало то, что парни, которые тащили девчонку, с трудом справлялись с её желанием их покусать, и всё время ругались.

В лагере Ва сообразила показать девчонке безделушку и компас из подземного города. В окружении женщин девчонка перестала пытаться вырваться и всех покусать, села на землю и заплакала. Ну, уже прогресс.

Упившаяся компания начала просыпаться ближе к полудню. Товарищам было, что им рассказать.

Серен дальше ехал в повозке.

Навстречу нам шли войска. Огромное количество войск. Было на удивление много пехоты. Летняя кампания обещала быть очень бурной.

Мы предупреждали всех, что волколюди могут попробовать похитить кого-нибудь из благородных людей, говорили выставлять ночью усиленные караулы и не отходить от лагеря.

Дикарку пришлось везти аж до нашей реки. Перед переправой я отошёл в сторону и принялся звать Морелину. Пришлось ждать долго. Мы пришли к реке утром, а она появилась только к вечеру. Зато она пришла не одна. Как только девчонка увидела двух женщин рядом с Морелиной, кинулась им на шею. Ладно, это дело можно считать закрытым.

Размыслы восстановили наплавной мост, и по нему тёк непрерывный ручеёк войск.

— Почему слуга ранен, а ты нет? — грозно спросил отец при встрече.

— Потому, что я его спас, — немного невпопад ответил я. Но отец согласился с тем, что это исчерпывающее объяснение.

Рассказывать о своих приключениях пришлось долго. Дома тоже было много новостей. Сигура и её семья отбили несколько приступов особо глупых соседей, которые решили, что инвалидность старшего сына может дать им некоторые шансы. Сигурн командовал большим селом из кочевников на той стороне реки, успешно командовал. На пару с вождём Артаксалом они развили село почти до состояния небольшого города. Иксуню сговорили за сына одного из хороших знакомых, свадьбу назначили на осень. На руку Саматы претендовали сразу трое, но девушка просила отца взять её на войну, на летнюю кампанию. Она надеялась там найти кого-нибудь более милого сердцу. Консанс рулил Погорелым селом. Его отстроили, теперь там жили и кочевники, и наши селяне из числа особо буйных. Перспектива оказаться в Погорелом была серьезной угрозой для мужиков, они побаивались туда ехать. По случаю нашего прибытия Консанса вызвали в замок, так что он слышал всю историю.

У меня появился маленький брат. Он уже умел улыбаться.

Посмотрев на расписки имперского банка, на сумму, которую я заработал за это время, отец сказал, что за такие деньги надо будет и на следующий год сдать меня в аренду куда-нибудь, если возьмут.

На следующий день отец взял меня в село. Консанс решил составить нам компанию. Ва тоже решила поехать, полечить сельских бабонек. По пути отец решил выпросить, чем закончилась эпопея с Ангелой. История о том, что там была ещё и Мира, развеселила его донельзя. Новость о том, что теперь он дедушка двух крылатых людей, деревьев, трав, кустарников и корнеплодов, развеселила его ещё больше. На пару со старшим братом они веселились до тех пор, пока мы не приехали в село, и ещё час после.

Пока отец решал разные хозяйственные вопросы, ко мне подъехал отец Серена. У него появилась задумка поставлять в город не просто брус и доски, которые производила наша лесопилка, а целые повозки. У него были и деньги, и инструменты, он просил только разрешения. Отец запретил, сказал, что тогда он не успеет обработать своё поле. Отец Серена настаивал, говорил, что на повозках заработает гораздо больше, но отец всё равно запретил. Другой мужик просил разрешение рубить лес и сплавать его к мосту, а оттуда уже везти на лесопилку. Объяснялась эта затея тем, что около нашего села лес уже значительно вырубил, и его стоило оставить на крайний случай. Отец запретил его рубить, и мужикам приходилось ездить за брёвнами очень далеко. Сплавать лес из наших владений по реке было ближе и проще. Сухопутной дороги туда не было, мешали невысокие скалы. Отец опять запретил.

Я попытался сказать свое слово, заявил, что у мужиков очень жизнеспособные идеи. Сказал, что если сдерживать активность мужиков, то наши доходы со временем сильно уменьшатся. Отец приказал мне заткнуться в самой грубой форме.

По пути в замок отец разорался, что если его люди будут оспаривать его слова в присутствии других людей, а тем более мужиков, то никакого уважения к нему не будет и никто уважать власть не станет. Никогда не видел его в таком состоянии.

Я припомнил ему историю, как мы с кочевниками за ничтожное время проложили линию конки. Никакого приказа не ждали и ни у кого идей не просили. Сбросились и проложили. Сказал, что если так пойдёт и дальше, то кочевники обгонят нас в развитии и их государство будет и богаче, и великолепнее. Им не мешают работать всякие местные самодуры, у которых надо спрашивать разрешение на каждый чих. И тогда все наши мужики будут смотреть на них с завистью, что закончится вилами в бок лично нам. Отец сказал, что я перешёл все границы и что он больше не хочет слышать ни одного слова от меня.

Ночью Ва плакала. Сказала, что у неё организм сбросил всё, что растил. Наверное, ей всё-таки стоило ездить в повозке, а не скакать на лихом коне. Обнять и утешить себя не дала, пришлось ограничиться устным выражением сочувствия.

На следующее утро отец вызвал меня к себе. Он просто сиял. Эта его сияющая радость напугала меня больше всего.

— Я принял решение. Государь требует от благородного сословия, чтобы хотя бы несколько человек из графства выбирали путь духовного служения. Ты идеально подходишь на эту роль. Боевых способностей нет, зато учишься отца уже в пятнадцать лет. Поедешь завтра в Огненную Лавру. Заедешь к графу, скажешь, что одного человека мы Государю в этом году обеспечили. Граф будет счастлив, а то у него каждый год головная боль, кого бы сплавить.

— Отец, я не хочу быть монахом! Строить лесопилки и рельсовые дороги, решать конфликты между людьми — это да. Я из благородных, моё дело — решать проблемы силой.

Отец взорвался:

— А я хотел выгонять старшего сына из-за тебя, бестолкового? Я хотел тебя вчера избить при мужиках за противоречие отцу! Но не всегда наши желания совпадают с нашими возможностями. Так что завтра едешь учиться на святого отца. Если будешь хорошо учиться, получишь приход и право жениться. Может, твои дети и наследуют хоть какую-нибудь плохенькую боевую способность через поколение, такое бывает. А пока ты бесполезен среди благородных. К тому же ездить по ушам кочевникам в роли жреца у тебя получалось очень хорошо. Так что это твоё. Завтра... Нет. Не завтра. Даю вам с ведьмой две недели. Пусть ходит в церковь к отцу Мехидо каждый день и выучит все молитвы и все обычаи. Иначе святые отцы сожгут её сразу, как вы там появитесь. Коня сдай на конюшню. Дам вам с собой повозку. Доспехи тоже все в замке оставь. Один меч возьми. В слуги бери... Как там его? Серен? Мальчишка, с которым вы крайний раз ездили? Ему тоже придётся стать монахом, чтобы служить тебе в Лавре. Я буду высылать вам деньги. Немного, так что лишнего не трать. Свои заработанные деньги сохрани и не трать. Они пригодятся тебе, когда закончишь обучение в Лавре. Постарайся закончить обучение и сдать экзамен на святого отца. Иначе останетесь простыми монахами. И постарайся эти две недели не попадаться мне на глаза.

Я хотел умолять отца дальше, но тут у меня появилась Мечта. Большая Мечта. Я представил, как приеду в Первый Город и перетяну всех кочевников в веру Бога-из-Огня. Назло Ирме и тупым жрецам Радо. Слезы сразу высохли. Я поблагодарил отца за заботу и откланялся. Кажется, папочка удивился.

Эту идею я озвучил и Серену. Другу перспектива стать монахом совсем не понравилась. Ему хотелось женщину, и сильно. Идея насолить Ирме и осчастливить кочевников его тоже мало радовала. Но он подчинился приказу, предварительно поворчав про самоуправство и деспотизм «хозяев людей».

Ночью меня разбудила Васта. Она показала на спящую рядом Ва и попросила:

— Сделай ей ребенка. У меня уходит очень много внимания и времени управлять ею издалека. Я прослежу, чтобы она не проснулась.

Я начал готовиться, Васта жадно смотрела на приготовления. Этот жадный взгляд навёл меня на мысль прочитать молитву. Как только я мысленно упомянул Бога, иллюзия рассеялась, и выяснилось, что над двести пятой висит совсем не Васта, а ВАМТАШПА. Я чуть не остыл от осознания того, что моя драгоценная жрица сейчас чуть не потеряла способность к целительству.

Появилась настоящая Васта, отвесила демонице щелбан. Та разлетелась мелкой пылью. Васта обратилась ко мне:

— Зря ты не довёл дело до конца. Паршивка говорила правду. На расстоянии заставлять малышку любить тебя действительно тяжело, занимает много времени и внимания. С этого дня если проснешься ночью ни с того, ни с того, делай ей ребёнка. Знай, что это я тебя разбудила, а её усыпила. Это гораздо легче.

— А ну-ка прочитай молитву Господу, — попросил я.

Васта прочитала несколько молитв и даже бровью не повела, когда я прочитал свои. Похоже, настоящая Васта.

-. А она точно не потеряет дар целительства, если вдруг проснется?

— Во-первых, не проснётся. Во-вторых, не потеряет, даже если проснётся. Это не я лишаю их дара целительства после любви. Это их дурацкое воспитание. Им в детстве внушают, что они должны служить только своей богине. И если они займутся любовью, то сами себе запрещают исцелять, неосознанно, за то, что считают себя запятнанными.

— Так что, запрета нет?

— Ещё как есть. Но только в её сознании. Можно сделать так: я буду её будить, когда она будет приближаться к точке удовольствия. А то боль от родов будет, а удовольствия никакого. Это несправедливо по отношению к этим преданным девочкам. К этой особенно. Сделай ей ребёнка.

Я вошёл в двести пятую и начал пахать. Васта ласково гладила голову малышки, при этом смотрела на неё с большой любовью. Только тут я поверил, что это настоящая Васта. Никто не смог бы изобразить на лице ТАКУЮ любовь.

Я задумался о том, кто мы для богов. Как они о нас думают, что чувствуют? Наверное, если бы у меня была любимая олениха и я бы хотел, чтобы у неё был телёнок, я бы тоже держал её с таким выражением на лице. Я люблю оленей, они красивые. Как-то раз охотники притащили из леса маленькую олениху, она ходила по двору замка, а мы подкармливали её травкой. Я тогда совсем маленьким был...

Когда двести пятая начала постанывать, Васта исчезла. Жрица проснулась.

— Что ты делаешь? — в ужасе воскликнула Вастараба.

Я сделал вид, что сплю, прижал девушку крепче и продолжил дело. Похоже, Васта поработала и над моим телом тоже, так как я продержался нереально долго. Двести пятая изстоналась, обрыдалась и под конец потеряла сознание.

На следующий день картина повторилась, а потом ещё и ещё.

* * *

Ва к приказу изучить все нюансы нашей религии отнеслась очень серьезно.

Выяснилось, что если говорила она на нашем языке очень хорошо, то читала и писала так себе. Пришлось читать ей все основные тексты вслух и проверять написанные под диктовку тексты, по три ошибки в каждом слове.

Через две недели мы отбыли. Мамочка на дорожку всплакнула. Сказала, что грустно терять одного сына за другим. Отец провожать не вышел.

Нам предоставили огромную крытую повозку. С такой повозкой можно было сэкономить кучу денег на постоянных дворах, что мы потом и сделали, ночуя в повозке.

Выезжать из замка без доспехов было непривычно. Прямо как голый.

Граф ага Аркнейн и правда был счастлив, узнав, что я отправляюсь в Лавру. Он подробнейшим образом выпросил меня обо всех событиях в мире кочевников, записал мои отзывы о каждом из жрецов Радо. Потом спросил, что я знаю о назревающем конфликте между Государём и герцогом ага Фригалди. Поскольку я не знал ничего, граф подробно рассказал мне о всех нюансах торговых и экономических противоречий между краем, которым рулил герцог, и нашими центральными властями. Сказал, что война между Империей и герцогством практически неизбежна. На некотором этапе я понял, что граф разговаривает со мной, как со взрослым союзником, и удивился этому.

— Не удивляйся. Пройдёт пять — шесть лет, и станешь одним из тех, кто входит в любые дома. От того, что ты будешь говорить об этой войне, будет зависеть очень многое, — ещё больше удивил меня граф.

Слово за слово, день закончился. Графиня отказалась нас отпускать в дальнюю дорогу, пришлось оставаться на ночёвку. За ужином граф продолжил рассказывать о внутренней политике. Я в ответ решил развлечь благородную компанию историей про то, как подземный народ воюет с волколюдьми и союзными с ними чудовищами.

— Оборотни вошли в союз с волколюдьми? — пришёл в ужас граф.

— Они даже пытаются размножить у себя благородных людей с помощью пленных девушек, — подала голос Ва, которая весь вечер сидела молча за столом для слуг.

Граф заинтересовался ещё больше. Закончилось это тем, что мне пришлось до глубокой ночи диктовать графу обзор ситуации в подземном мире.

Граф отдал документ секретарю на размножение, а утром вручил мне копию с приказом передать её определённому человеку в столице.

Путь до столицы занял пятнадцать дней. Мы не особо торопились. Было интересно посмотреть города по дороге.

Серен быстро привык к тому, что по ночам у нас с Ва большая любовь. Один раз я проснулся и обнаружил, что Ва во сне насилует Серена. Парень был счастлив. Ва ничего не заметила. Похоже, Васта тоже любит пошутить.

Один раз нас попытались ограбить по дороге. Как только Ва выглянула из повозки в своей маске гадюки, разбойники тут же ретировались. Даже обидно было. Эту ошибку вообще делали все, кто встречался нам по дороге. Все почему-то думали, что мы с Сереном — слуги благородной дамы, которую куда-то везём по её приказу.

В столице меня удивило огромное количество очень высоких каменных зданий. Я и не знал, что такие высокие здания бывают. Дяденька, которому я должен был отдать послание графа, работал на самом верху одной из восьми башен огромного правительственного комплекса. Я запыхался, пока один из работников охраны комплекса вёл меня по винтовой лестницы. И как это пожилой человек добирается до работы поутру? Как ему зимой дрова несут? Что за удовольствие сидеть так высоко? Ну, да, город с этой высоты виден далеко. И

что в этом хорошего?

Выбраться из столицы до ночи не успели. Пришлось ночевать на постоялом дворе, где с нас содрали просто огромную сумму. И как они тут живут с такими ценами?

До монастыря ехали ещё три дня.

Лавра была огромным религиозным центром, вокруг которого раскинулся довольно большой город. В Лавру входил большой монастырь для тех монахов, которые приходили сюда изучать письменное наследие. Были и такие, которые жили здесь всегда. Большую часть площади занимали кельи и учебные корпуса университета, в котором из подростков готовили будущих святых отцов для почти трети страны. Вокруг ограды Лавры располагались таверны и публичные дома для тех школяров и монахов, которые сбегали в самоволку расслабиться. Судя по их количеству и ухоженному виду, желающих расслабиться было предостаточно. Чуть подальше находились постоялые дворы для паломников и мастерские тех ремесленников, которые изготавливали разные предметы культа и амулеты. Первоначально город рос вокруг монастыря, но теперь за лавками для паломников и мастерскими по изготовлению религиозных вещей тянулись кузницы и столярные мастерские, работавшие на армию. Город был среди всего прочего промышленным центром.

Отец-настоятель университета посмотрел записку моего отца, благодарность главнокомандующего и сказал:

— Обычно мы принимаем молодых людей постарше, около семнадцати лет. Но это хорошо, что вы здесь. У вас как раз будет год для подготовки к экзаменам. Очень рекомендую подготовиться получше. Мы не делаем различия между благородными и простыми людьми, а те обычно учатся изо всех сил. Благородные, наоборот, учатся абы как. Будет обидно, если вас обойдёт какой-нибудь сын хлебопашца. Сейчас наши школяры разъезжаются на каникулы. Как правило, все благородные идут в действующую армию, на войну с кочевниками. Ваш отец пишет, что вы пробыли там в сумме больше девяти месяцев? Похвально, это двойная норма. Это значит, что вы призыву не подлежите, можете спокойно учиться. Ваш слуга будет зачислен в монастырь простым монахом, если не хочет поступить в университет.

— Я хочу, — неожиданно сказал Серен.

— Одумайся, это надо огромное количество текстов наизусть знать, — попытался я оградить друга от адской жизни.

— Я вот послушал, как ты с кочевниками общался, и хочу уметь не хуже, — упёрся Серен.

— Безумный, сюда дети священников не все поступить могут!

— Я упорный.

— Это похвально. Ваш слуга будет сдавать экзамены наряду с остальными претендентами! — решил настоятель и перевел взгляд на Ва, — А это что за девушка кочевников с повязкой благородной? Женщинам нет доступа в монастырь.

— Это моя рабыня. Она гадюка и целительница. Может видеть все болезни человека насквозь, знает, как их лечить. Иногда может исцелять, просто проведя рукой над тяжелейшими ранами.

— Ведьмы подлежат сожжению, — меланхолично отреагировал настоятель.

— У вас геморрой в тяжёлой стадии. Вам тяжело даже выпустить газы, рубцы перекрыли весь задний проход. Могу вылечить за несколько минут, — сказала Ва.

— Если позволить ей открыть клинику за монастырской оградой, то она будет

приносить монастырю большие деньги. Проверено. Даже в нашем медвежьем углу к ней люди за исцелением отовсюду ехали, — намекнул я.

— А с другой стороны, исцеление силой молитвы послужит к вящей славе Господа. Ты же читаешь молитву Господу во время исцелений, дитя?

— Обязательно, без этого ничего не получится, святой отец, — поклонилась Ва. Поклон позволил скрыть усмешку.

Как и обещала, Ва исцелила пожилого человека за минуту. При этом ухитрилась декламировать молитву и не сбиться. Настоятель с большим облегчением пропукался и признал:

— Да, за такое исцеление могут заплатить много денег. Я подумаю, что можно сделать с помещением. Вы знали, что в университете есть факультет медицины? Второй по величине после столичного.

Мы не знали.

— Думаю, нашим профессорам будет интересно ознакомиться со способностями благородной кочевницы, — предположил настоятель.

— Я год назад в полевых условиях обучила многих девушек империи сквозному зрению и основам медицины. Суть дела в том, что многие гадюки имеют способность к сквозному зрению, но не знают об этом. Если проверить способности и собрать желающих, можно открыть отделение для женщин — врачей. Когда можешь заглянуть внутрь, лечение происходит намного успешнее. Так что ваш медицинский факультет может очень сильно вырасти.

— По нашим обычаям, женщина не может быть врачом.

— Прошлым летом они лечили людей намного успешнее, чем ваши официальные врачи. Так что либо изменяйте обычаи, либо назовите их как-нибудь по-другому. Например, «лекари, зрящие насквозь». А учите как врачей. Время всё расставит на свои места.

— А исцелять они смогут?

Ва запнулась и посмотрела на меня вопросительно. Потом решила признаться:

— Смогут. Но для этого им нужен господин. Сила для исцеления создаётся из тяги к жизни, которую излучает женщина во время любви, и мужской силы, которая излучается при извержении семени. В обычных условиях из этих сил создаётся тело чувств ребёнка. Целительница должна научиться соединять их в себе и превращать в силу для исцеления. Не уверена, что ваши девушки согласятся на такое обучение и такую жизнь. Тела чувств целительницы и господина срастаются, потом без господина жить невозможно. Необходимо с ним спать каждый день, причём без полноценной любви, без той, от которой беременеют. Как только переспешь по-настоящему, способность к целительству теряется. Это значит, что у господина будет другая жена, а ты спишь в постели третьей и поглощаешь мужскую силу во время их любви. Поэтому я решила на статус рабыни, хотя Государь предлагал мне статус благородной при условии выхода замуж.

— То есть Полисаний — твой господин?

— Да, профессор. И ещё одна трудность. Учить исцелениям нужно девственниц. А ваши дамы очень несдержанные, все мои ученицы прошлым летом уже знали мужчин.

— Ты напрасно так плохо думаешь про наших женщин. Некоторые демонстрируют просто чудеса человеколюбия и преданности. Думаю, мы сможем решить эти проблемы. Так что будь готова обучать девушек — целительниц.

— Это моя мечта, господин настоятель.

— Я так понимаю, парня придётся отпускать к тебе каждый день для...

— Дойки, — подсказал я.

— Каждый день, когда необходимо исцеление. Для просмотра и выдачи рекомендаций по лечению он не нужен, — уточнила Ва.

— Исцеление стоит дороже. Так что будем отпускать. Сие прелюбодеяние, но я думаю, что мы сможем решить проблему очень легко. Будешь исповедоваться за каждый раз, — решил настоятель.

Мы поблагодарили настоятеля и отправились к новому месту жительства.

Вот теперь детство закончилось насовсем.

Глава 17

Я влип

Всё лето мы с Сереном учили священные тексты, мели и мыли помещения университета и храмов Лавры. Нам выдали серые плащи послушников. Было смешно смотреть, как многочисленные робеющие паломники принимали нас за местных и задавали разные вопросы. Мы старались отвечать с максимальным почтением.

Ва выделили часть домика рядом со стеной монастыря. Раньше там находилась пивная, которую держали вскладчину несколько преподавателей университета, включая настоятеля. Пивную перенесли в другое место, чуть подальше. Ва приносила денег больше.

После того, как Ва исцелила от разных старческих болезней всех святых отцов — преподавателей, имевших долю в домике, они стали отпускать мне грех прелюбодеяния с большим удовольствием.

С началом второго месяца лета обнаружилась Морелина. Она прислала мне безделушку с характерными для Подземного Народа украшениями. Передала через одного из паломников. Я понял, что это вызов, и во время очередного визита к Ва сделал крюк, зашёл к речке.

Морелина притворялась мальчиком, удящим рыбу с камня. Это позволяло спрятать необычные ноги.

— Что случилось с Подземным Городом? — спросил я вместо приветствия.

— С нашим городом всё хорошо. А вот с этим городом... Под каждым большим городом много дерьма. А здесь недалеко находится наш город. И ваше дерьмо понемногу стекает в наше поселение.

— В чём конкретно всё не слава Богу?

— Помнишь серых гусениц, способных перемещаться под землёй?

— В одиночку с такими не играю.

— Не писайся таким фонтаном, тут речка мелкая, столько не утечёт. Речь идёт о маленькой разновидности. Слышал про тигров?

— Слышал.

— А кошку дома не боишься? По сути тот же тигр.

— Не боюсь.

— Так и здесь. Эти маленькие, как кошки. Одна банда у вас сбрасывала трупы жертв в подземелья. Длинных подземелий тут много, город строился из камня, который под землёй добывали. Так вот, эти твари расплодились на дармовом мясе и со временем начали проникать в наш город. Загрызли несколько детей.

— Награда будет?

— Маленькая. Три золотых.

— Ты извини, что спрашиваю. Мне жизнью рисковать.

— Вполне одобряю. Я тоже за деньги работаю.

— А чего ваши люди с ними сами не разберутся?

— Их надо волшебным мечом рубить, а ты знаешь наши отношения с этим оружием. Обычным тоже можно, но долго и рискованно. Эти твари тоже могут парализующим ядом пользоваться, как и большие.

— То есть в подземелья в одиночку лучше не соваться?

— С тобой будем я и пару мужчин из города. Если цапнут, вынесем наверх.

— До завтра терпит? Сейчас мне уже надо возвращаться. А завтра скажу, что пошёл к Ва, а сам пойду к тебе. Мы тут под жёстким контролем.

— Договорились.

На следующий день Морелина в очередной раз поразила меня способностью проникать под землю в самых неожиданных местах. Ход в их подземелья открывался прямо в каменной стене монастыря. По большей части ограда монастыря представляла из себя невысокую кирпичную стеночку, через которую любители пива и женщин перепрыгивали с разбега. Но в самой древней части это были настоящие каменные стены из известняка. Вот в них и был обустроен тайный ход. Я задумался о том, сколько столетий подземный народ обтяпывал здесь свои дела.

Под землёй меня и правда ждала пара низкорослых мужичков. По виду — обычные люди, но явно выросшие без дневного света. Я развернул волшебный меч, который утаил от святых отцов и носил под одеждой, завёрнутый в разное тряпье.

Шли долго. Я уже думал, как буду оправдываться за долгое отсутствие и понял, что не оправдаюсь никак. Придётся врать, что Ва сегодня была особенно мила. Хотя на самом деле Ва превратилась в абсолютную ледышку, ни слова лишнего не скажет. От её ледяной холодности я даже возбудиться не мог. Ва придумала новый способ обмана моего тела, она теперь работала не с головой, а с нижней частью тела, гладила и целовала. На это предательский организм ещё реагировал.

От мыслей о Ва меня отвлекло зрелище сотен скелетов, раскиданных по извилистому ходу. Судя по виду костей, сюда они попали не сразу, их принесли откуда-то, где их стало слишком много. Сколько же лет тут работает эта банда?

— Паломники. Засыпали в гостинице, а оказывались здесь. Фамильное дело, много поколений, — прокомментировала Морелина.

Через несколько десятков шагов обнаружился и источник изобилия — вверх уходила вырубленная в камне шахта, под которой на груди скелетов лежало ещё кровоточащее тело. Точнее, скелет с остатками мяса.

По скелету ползали небольшие серые гусеницы. Действительно, как кошки. Увидев новое мясо, они поползли навстречу. Очевидно, чтобы закусить ещё и нами. Непуганые. Я принялся рубить их мечом. Они даже не сразу поняли, что надо убегать. Паре штук удалось удрать. Пока я добивал оставшихся, беглецы подняли тревогу. Начался дерьмошторм. Из всех щелей хлынули полчища этих чудовищ.

— Мы не знали, что их так много! Отходим! — закричала Морелина.

Она очень быстро выполнила свой приказ, убегая сама и унося светящийся шарик. И оставляя меня без света! Я отступал медленно, надо было отбивать тех тварей, что пытались прыгать со стен и потолка.

И тут наверху открылся люк, на побоище упал луч света. На груди скелетов свалились трое мужиков в доспехах самого странного вида, с факелами в руках. Я подумал, что если это хозяева гостиницы, то у меня совершенно нет времени разбираться ещё и с ними. И даже нет времени подумать, что с ними делать.

Но вновь прибывшие мужики принялись довольно ловко пластовать гусениц. Потом один из них запустил из руки поток пламени, который сжёг большинство гусениц и выжег весь воздух в пещере. Огневержец, как Мира. Я закашлялся и вынужден был упасть на колени. Выжившие гусеницы сбежали.

Мужики тоже начали кхекать. Продышались мы нескоро. А потом я был схвачен, связан и поднят на верёвке наверх, в гостиницу. Я не сопротивлялся. Идти обратно без света мне не улыбалось.

В гостинице всё было залито кровью. Тела хозяев лежали на полу в очень живописных позах, к стенам жались постояльцы под охраной двух легковооружённых пехотинцев и одного офицера. Форма гвардии первосвященника. Ну, хоть не бандиты.

Боевые мужики поднялись по верёвке много позже, ругаясь и кашляя. Доложили офицеру, что в пещере ещё сотни скелетов, в том числе давности в десятки и сотни лет. Офицер кивнул и увёл постояльцев в обеденную залу, снимать показания. Мужики окружили меня с недобрим видом. Я только сейчас рассмотрел, что на них тоже значки гвардии первосвященника. Бойцы из этой гвардии охраняли внешние стены монастыря. На проходной стояли работники университета, а вот внешние стены охраняла гвардия. У нас не было шанса с ними пообщаться, мы их видели только издали.

— Ну, начинай врать. Что ты делал в полной темноте в пещере, полной смертельных тварей? — наконец сказал огневержец.

— Резал их. Шёл я по улице, смотрю, ползёт маленькая гусеница типа тех, которых я на востоке резал. Решил посмотреть, куда ползёт. Залез сюда, а тут такой дерьмошторм. Факел выронил, он погас.

— Ты резал таких больших гусениц на востоке? И сколько зарезал? — удивился гигант рядом с огневержцем.

Я сообразил, что про подземных жителей этим людям лучше пока не рассказывать, могут и спалить за контакт с «нечистью».

— Ну, если честно, их огневержцы добили. Но я тоже их пару раз рубанул.

Вся троица громоподобно заржала.

— А как в подземелье попал?

— За гусеницей пошёл.

Гигант поднял мой меч, повертел его в руках.

— Откуда у тебя такой меч?

— У кочевников отобрал. Боевой трофеей.

— Ты слишком молодой для боевых действий. Ты участвовал в восточной кампании?

— В качестве младшего лекаря и гражданского специалиста. Девять месяцев. Имею письменную благодарность от главнокомандующего.

— Почему не сдал меч? Ты в одежде послушника университета. У вас всё должны забирать.

— Утаил. В городе вечером может быть опасно.

— Вам нельзя выходить в город вечером.

— Ну, так выходим же... Иногда.

— Врёт как дышит. Надо везти его к главе ордена, — вынес вердикт третий, самый молчаливый боевик.

Некоторое время я давил доски пола гостиной, носом к доскам. За это время отпустили всех бывших постояльцев. Затем подъехала крытая повозка, и меня куда-то повезли. По дороге я соображал, как бы объяснить своё появление в пещере. Трудность была в том, что я не знал других входов, кроме монастырского.

А ещё через совсем небольшое время я был поставлен посреди роскошного кабинета настоятеля всей Лавры. Не нашего начальника, настоятеля университета, а ВСЕЙ Лавры

Епископ, его преосвященство брат Стеофан, он же господин Стеофан ага Ференго. Родственник Государя. Насколько я понимаю, государственный деятель на уровне третьего или четвертого человека в государстве.

Хозяин кабинета не заставил себя долго ждать. Невысокий стройный старик быстрым шагом прошёл к своему креслу и деловым тоном спросил:

— Ну, что у нас тут такое интересненькое?

До сих пор я видел его только издалека, во главе процессии на воскресных богослужениях. Не ожидал, что он такой подвижный. Вид у него был деловой и строгий, но глаза лучились улыбкой. Мне даже захотелось улыбнуться в ответ.

Низко кланяясь, гигант начал объяснять:

— Мы проверяли сигнал о том, что одна гостиница убивает постояльцев. Обнаружили потайной люк, открыли, а там вот этот молодец пластует склизней, как сорняки в огороде. Причём в полной темноте. И оружие у него любопытное. Позволите?

Священник кивнул, и огневержец осторожно положил на стол мой меч. Настоятель нагнулся, оглядел оружие, не касаясь, и задумчиво сказал:

— Меч подземного народа, с эффектом вытягивания жизненной силы и яда против всех живых существ, использующих магию продления жизни. Молодой человек, вы знали, что этот меч за каждую минуту, которую вы держите его в руках, вытягивает из вас примерно день жизни?

— Нет, мне только сказали, что его надо сразу вытирать от крови, иначе он может больше захотеть.

— Не знал, что у него есть и такое действие. И где вы его взяли?

— Подземный Народ уговорил принять. Я не хотел брать, но на нас оборотень напал, только этим мечом его и положили.

— Ещё он говорил, что мрручей резал, — добавил огневержец.

— И сколько ты чудовищ зарезал? — удивился настоятель.

— Мрручи — это большие гусеницы?

— Да. Склизни — маленькие, — пояснил огневержец.

Я начал считать вслух:

— Мрручей... Двух с товарищами, под землёй ещё одну сам, оборотней на поверхности — трое, под землёй — много, волколудей — много, хищников — пожирателей людей двоих, хищников — пожирателей беров двоих в компании с родственниками, диких людей под землёй — несколько. Кочевников двое. А, ещё одного мертвожора забыл. Участвовал в охоте на гхулей. Только их наши девчонки стрелами положили, я только загонял.

— Кто может подтвердить слова? — промурлыкал священник.

— Про тех, кого я грохнул под землёй — только подземные жители. Про тех, кто на поверхности — много людей.

Я начал перечислять тех благородных людей и кочевников, которые были свидетелями наших приключений. Список оказался настолько длинным, что настоятель прервал меня лёгким движением руки:

— Понятно. А как ты находил оборотней?

— Не я. Моя рабыня находила. Целительница. У неё сквозное зрение.

— А где она сейчас?

— Здесь. Людей лечит. Недалеко от входа в университет.

— Ты притащил сюда жрицу Васты? Сюда? — с угрозой сказал святой отец.

— Вы знаете про жриц Васты? — удивился я.

— Моё дело — знать про всех чудовищ во всех обликах, хоть человеческом, хоть животном.

— Она лечит людей. Некоторых исцеляет. И читает при этом молитвы Богу-из-Огня. Что в этом плохого?

— То, что она исцеляет их силой демонической Васты! Это исцеление потом превращается в яд!

Я удивился и начал думать вслух:

— У моего отца была разрезана нога от колена до паха. Жрица исцелила ногу, папочка бегаёт и болеть не собирается. Как и все, кого жрица лечила во время летней кампании. У вас какие-то повреждённые данные. Кстати, Васта, Радо и другие языческие боги — хорошие ребята, они делают, что могут, помогают людям. Дружно говорят, что их культы постепенно сойдут на нет, уступая место Богу-из-Огня, коего они называют настоящим Богом. Себя они считают не более, чем помощниками. Жрица Васты учила наших гадюк сквозному зрению и лечению травами. Что там может быть демонического? Если делать лекарство и не планировать сделать яд, то это будет лечение травами и не более того. Мало того, она даже научилась лечить холеру и чуму ядом некоторых из гадюк. При мне на пленных экспериментировала. Теперь мы можем лечить даже такие болезни.

Священник надолго застыл. Потом спросил:

— Ты говорил с Вастой?

— Совсем мало. Чаще с Радо или Здраваланией. Эти там часто появлялись, когда город кочевников окучивали.

— В смысле окучивали?

— На путь истинный наставляли незаметно. Религию очищали. Обычаи новые вводили. Вплоть до того, что благотворительные общества помогали организовать.

— Все языческие боги — демоны.

— Не, демоны при молитве исчезали, а эти могли имя Божье совершенно спокойно произносить и молитвы тоже.

— Так, а что ты делал в пещерах под гостиницей, и как туда попал? — перевёл разговор святой отец.

— Меня Подземный Народ нанял. Как и в первом случае, тогда наняли защищать город от нападения волколудей и оборотней. А сейчас только вырезать склизней, они размножились на жертвах гостиницы и начали нападать на город подземников. Только этих тварей оказалось очень много, подземники сбежали и оставили меня без света, как раз когда ваши люди люк открыли.

— Сколько платят?

— В первый раз золота сколько унесёшь, сейчас только три золотых.

— Продешевил, — хихикнул огневержец.

— Предполагалось, что их там немного.

— Здесь есть город подземников? — прервал настоятель строгим голосом хихиканье.

— Насколько я понял, город подземников есть рядом с каждым большим городом. Они пытаются торговать или как-то паразитировать. Возможно, детей воруют и женщин. Я видел под землёй много людей нашего вида. Выглядят весёлыми, вроде как не поработаны. Подземники, кстати, женщин готовы за золото покупать.

— И сколько платят?

— По весу женщины.

— Откуда знаешь?

— Сам торговые предложения передавал. Они кочевникам торговлю предлагали, металлы и всякие изделия. А на обмен — еду, лечебные травы, женщин, мужчин на время, на расплод.

Настоятель взглянул на своё воинство:

— Преступность будет счастлива озолотиться.

— Придётся тщательнее учитывать всех пропавших женщин, — сказал третий, самый молчаливый воин.

— Почему ты сказал, что бесы при молитве исчезали? Ты и с бесами знаком?

Я рассказал про историю с Нумой, Румом и пленением владыки преисподней. Народ слегка окосел и надолго замолчал. Молчание нарушил святой отец:

— Как весело жить на восточных рубежах. Почему это всё не было описано в докладе и не было послано Государю?

— Начальник гарнизона мне не поверил.

— А кто там начальник гарнизона? Ах да, это один мой родственник. Дурак полный. Мы устроили его подальше за большие деньги, чтобы не наносил ущерб здесь. Тогда понятно...

— Всё это записано моим сюзереном, графом ага Аркнейн, и послано господину Варгису. Сам отвозил.

Настоятель вздрогнул:

— Ты знаком с господином Варгисом?

— Нас не представляли. Я только письмо привёз и ушёл.

— Ладно, если господин Варгис знает, можно не беспокоиться. Ты знал, что Подземный Народ почти двести лет никому не показывался? Только иногда всякую мелочь на границах нашим воинам продавал? Почему они вдруг обратились к тебе и так открыто всё показали?

— Не знаю. Думаю, они были в отчаянии. Они теряли один город за другим. Теперь благодаря им уничтожено много волколюдей. Думаю, что в этом году нашествия волколюдей не будет.

— Ладно, малыш, — настоятель хлопнул по столу рукой, — ты принят в самый боевой и самый опасный орден борьбы с нечистью. Орден принадлежит к гвардии первосвященника, но является отдельной организацией. Ещё недавно нас тут было двенадцать человек, теперь только четверо, считая мужика — возницу. Это мы встретились с одним кровососом. Так что не удивляйся, что у тебя будет такое большое жалование. Есть очень большой шанс, что оно так и останется в банке Государя. Нас очень немного, дюжина здесь, тридцать человек в столице, по несколько человек в разных городах. Члены ордена должны знать всё о разных чудовищах. Тебе придётся прочитать много книг.

Я пошевелил связанными руками. Кто-то сзади мне их развязал.

— Благодарю за приглашение, обещаю служить верно и не щадя живота. Но я человек подневольный, надо будет договориться с начальством университета, чтобы меня отпускали. Чтобы простили сегодняшнюю отлучку.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Когда тебя должны принять в университет?

— Через год. Пока я считаюсь воспитанником, на подготовительном отделении.

— Я поговорю с настоятелем, чтобы тебя приняли в этом году. Заканчивай эту бурсу побыстрее, она тебе не очень нужна. Будешь работать в ордене. Дел у нас, как ты мог заметить, выше крыши.

— Благодарю вас, ваше преосвященство.

— Обращайся ко мне «господин магистр». Теперь я для тебя начальник рыцарского ордена.

— Слушаюсь, господин магистр.

— Представляю тебе боевых товарищей. Гиганта зовут Фригас ага Тиранк. Можешь обращаться к нему, если нужна большая сила. Господин Арейн ага Малико владеет способностью огня. Господин Полисаний ага Терено-Фран владеет очень редкой способностью замораживания. Возницу зовут Тодо, он простой работник. Познакомишься с ним позже.

Я поворачивался к каждому названному благородному господину, кланялся и щёлкал каблуками. Точно, как меня учили представляться год назад в военном лагере.

— Армейская выучка. Приятно посмотреть, — прокомментировал господин магистр, — насколько я понял, у тебя нет особой способности? Будем считать, что твоей способностью является потрясающе везучая задница. За это мы тебя и взяли в орден. И ещё за твою рабыню. Сообщи ей, что она тоже будет участвовать в наших операциях.

Я поклонился. Господин ага Малико отвёз меня в университет и протащил напрямую к настоятелю, прямо в грязной окровавленной накидке. Там он сообщил, что я принят в орден и что меня надо поскорее освободить от университета, для чего принять на обучение в этом году.

Настоятель обещал всё устроить наилучшим образом, передавал глубочайшие поклоны его преосвященству.

* * *

— И почему я должна участвовать в ваших операциях? — сердито отреагировала Ва на новость о нашем вступлении в орден.

— Потому, что иначе тебя чудовища съедят. Или того, кого ты только что исцелила. Или гвардия первосвященника спалит тебя, — я не стал говорить, что нам за это платят, это было очевидно и так. Просто Ва хотелось показать, что она не имеет ко мне отношения. Надо было надавить на нечто большее, чем отношения «хозяин — слуга». Фокус удался. Ва поджала губы, но спорить не стала.

Операция против чудовищ случилась уже через день. За нами заехал Тодо, привёз в район проживания армейских кузнецов. Тодо оказался тем ещё буквой. В ответ на моё представление он только промычал: «Угу», и решил, что на этом всё общение исчерпано.

Как выяснилось, орден так и не смог уничтожить кровососа, убившего большую часть отряда. Секрет оказался в том, что упырей было два. Ва выявила обоих среди прохожих по необычной работе внутренних органов, после чего брат ага Терено-Фран отморозил им конечности. Страшное дело, надо сказать. Эти существа лежали и вопили, а их руки и ноги, превращённые в лёд, неподвижно покоились на мостовой. Старшему упырю отбили руку, пока он пытался дёрнуться. Рука рассыпалась на маленькие розовые льдинки, а он даже не

почувствовал.

Довольные братья повезли тела упырей на допрос, а мы пошли домой. Я — мыть полы в храмах, Ва — принимать мамочек с малышами. Сегодня у неё был детский день.

До начала учебных занятий нас вызывали ещё на десять операций. Шесть из них были пустыми. В двух случаях мы взяли оборотней, в одном случае упыря. Ещё одним чудовищем был очень редкий вариант — кровожадное чудовище, которое превращалось в пожирателя людей только после тридцати лет. Ва выходила только на пять операций.

Потом в орден завербовали гадюку Мирку ага Делянги. Изначально она появилась в университете как претендент на обучение целительскому мастерству. Настоятель монастыря выполнил обещание и всё-таки провёл поиск ядовитых девушек в ближайших областях. Быстро выяснилось, что у ага Делянги сочувствия людям и стремления помогать нет абсолютно, зато боевые способности очень хорошие. Уже на первых пробах она научилась сквозному зрению. Ещё она была очень задиристой и недисциплинированной. Когда выяснилось, что она не может прожить без мужика и трёх дней, Ва высказалась в духе «Уберите эту шалаву, или я сама её уберу».

Мирку взяли на пробу на очередную миссию в ордене борьбы с нечистью, и она показала себя прекрасно. Она не только выявила кровососа, но и переломала ему все конечности. Кроме способностей гадюки, у неё ещё была и способность к сверхсиле. Магистр запугивал её в течение трёх часов, чтобы принудить хоть к какой-то дисциплине, но всё-таки взял в орден. Мирке ага Делянги служить в ордене очень понравилось. Поначалу она пыталась меня затравить, но когда увидела, как я кидаюсь на оборотня, притихла. Кроме ага Делянги, в орден набрали ещё девять человек из числа небогатых благородных людей с самыми сильными боевыми способностями.

Глава 18

Бурса

Первый раз слово «бурса» я услышал от магистра ордена борьбы с нечистью. Потом выяснилось, что так называют университет все студенты. Эта традиция шла ещё с тех времён, когда Лавра была небольшой семинарией при провинциальном монастыре.

Мы с Сереном сдавали экзамены, как и все остальные поступающие. Мне просто объявили, что я поступил, даже оценки не озвучили. Как это ни удивительно, Серен поступил тоже. Он набрал не очень много баллов, но хватило, чтобы поступить. Так мы оказались самыми молодыми студентами на курсе.

Таких, как Серен, выходцев из пахарей, было около трети курса. Это была самая запуганная, самая трудолюбивая и самая тихая часть курса. Самыми противными были дети святых отцов. Эти пришли только для того, чтобы получить право занимать денежное место и бездельничать всю жизнь. Все их разговоры сводились к тому, где бы получить богатый приход или сделать карьеру, или как стать настоятелем большого храма в большом городе. Про Бога или про праведность они слышать не хотели.

Половину оставшейся трети составляли дети благородных, которых, как меня, засунули получать профессию святого отца за разные прегрешения или из-за слишком слабых боевых качеств. Среди этой категории были очень разные люди. Были весельчаки, были философы, были пьяницы, абсолютные тупицы встречались тоже. Оставшуюся часть составляли младшие дети чиновников из числа благородных и обычных людей. Эти знали много такого, чего не знали все остальные, из-за чего считали себя немного высшей кастой. Но ребята из этой группы, как правило, не заносились и не демонстрировали своего превосходства, свободно общались с детьми благородных и с пахарями. Дети священников жили отдельно и не общались ни с кем. Дети селян тоже, как правило, общались только среди своих. Дети благородных легко общались с чиновниками, но игнорировали всех остальных.

Я как друг Серена легко завёл множество хороших знакомых среди селян. Многие из них были очень выдающимися людьми, многие могли запомнить большой текст с первого прочтения. Своим знакомым из числа детей благородных и чиновников я говорил, что они зря игнорируют селян и что среди них много очень умных людей. Благодаря мне многие перезнакомились и очень уважали друг друга.

В один из золотистых дней первого месяца осени я засмотрелся на красоту и не очень ловко увернулся от шагавшего во всю ширину дорожки третьекурсника. Это была дорожка вдоль стены с лестницей, я шел ближе к стене и никуда деться не мог.

Парнишка разорался, несмотря на то, что я извинился за касание. Я извинился повторно. Тогда он прижал меня за шею к стене и стал орать, что он великий воин и обладатель больших боевых способностей, и не потерпит никакого неуважения от каких-то там первокурсников. Потом он отвесил мне две пощёчины. Бить ему было не очень удобно, так что большого ущерба я не понёс.

Я смотрел на это чудо, превышавшее меня в росте на голову, и удивлялся, думал, как можно быть таким дураком. Парнишка в это время продолжал орать и угрожать.

— Ты действительно так любишь издеваться над людьми? Я же извинился, — спросил я в итоге.

— Ты ещё и наглеешь, мелочь? Знаешь, что я могу с тобой сделать? — парнишка открыл

рот и растянул его в огромную пасть, зубы вылезли из дёсен и превратились в маленькие кинжалы.

— Пеекушу налопапам, — с трудом сказала чудовище.

Длинный розовый язычок болтался между зубами. Клянусь, я не хотел его брать. Сработала привычка, выработанная с волками и берами — видишь язык, хватай и тяни. Парень, в отличие от собак, волков и беров, продемонстрировал сообразительность и не стал открывать пасть ещё шире. Как только я ухватил его за язык, он попытался откусить мою руку. Но я уже успел вытащить руку и вытянуть язык. К нашему общему счастью, парень успел остановить челюсти до того, как откусил себе язык. Вид у него был настолько озадаченный, что я засмеялся и тут же начал извиняться:

— Извини, я не хотел, привычка после волков.

Парень пришёл в бешенство и попытался меня избить. Тут он обнаружил, что если у него две руки и две ноги, и у противника две руки и две ноги, то противник может мягко остановить все его удары противоположной конечностью. В конце концов преимущество в росте на голову и в весе на полцентнера дало себя знать, ему удалось меня повалить, и он принялся в бешенстве пинать меня ногами. Я свернулся в калачик и подставлял те части, которые тяжело пробить.

Когда он устал меня пинать, я спросил, не убирая рук с головы:

— Как тебя зовут, о великий воин?

— Сейчас будешь вылизывать всю дорожку языком, иначе буду тебя бить до вечера! И никто мне не помешает! Все убегают с моей дороги, и так будет всегда! — завопил мерзавец. Однако, в нарушение своей угрозы куда-то быстренько засобирался.

Я решил, что раз я уже лежу, то можно полежать ещё немножко, пока боль пройдёт.

Оказывается, по лесенке спускались двое преподавателей. На вопрос, что произошло, я ответил, что меня избил старшекурсник. Мне помогли подняться. Я прошёл к настоятелю университета и спросил, что делать в случае избиения со стороны старшекурсников, можно ли применять оружие.

Оружие мне запретили насовсем, сказали, что святые отцы оружие в руки не берут, кроме как против нечисти.

Когда я описал нападавшего, настоятель погрузился в размышления:

— Широкой пастью обладает только Ширак ага Коллеан. Мерзавец, которого сплавляли нам только потому, что его никто не хотел видеть в армии или на государственной службе. Его родственники знают, что он полное дерьмо, но если его повредить, то они отомстят в сильно непропорциональном количестве. Они там не сильно лучше этого отпрыска. Так что просто убегай с его дороги. Я поговорю с ним. Я уже обещал ему, что он будет наказан за попытку избить кого-либо. Сходи к твоей целительнице. Освобождаю тебя на сегодня от занятий.

Пока Ва меня обрабатывала, я спросил, нельзя ли создать такой яд на кончике иглы, чтобы человеку было очень долго и очень сильно больно, но он не умер. Ва долго думала и отказала. Сказала, что я свои мальчишеские драки должен сам разруливать, а иначе в конце концов на неё выйдут и помешают лечить людей.

Второй раз я столкнулся с придурком Шираком через три дня. Точнее, это он налетел на меня со спины, когда мы стояли в парке с одноклассниками и болтали. Он толкнул меня на землю и пнул пару раз с воплем:

— Ты, бесчестная ябеда, чихать я хотел на все угрозы и проповеди настоятеля!

После чего убежал, жутко довольный собой.

Позже выяснилось, что он бил всех, кто попадался ему на пути. В итоге первокурсники организовали систему оповещения, чтобы предупредить всех о местоположении Ширака. Трусы проклятые. Я их подговаривал собраться и завязать дурачка в узелок, но они испугались последствий и вместо этого организовали систему взаимных предупреждений.

Когда я вынужден был рассказать в ордене, откуда синяки, старшие товарищи посмеялись и вспомнили времена молодости. Оказалось, что пятеро из них учились в университете и активно бегали в самоволки за пивом или за женщинами. Но эти младшекурсников не избивали...

Ещё позже выяснилось, что Ширак был такой не один. Некоторые из старшекурсников любили бить младших, или посылали их в самоволку в город за запрещёнными вещами типа алкоголя, а в случае отказа избивали.

Со временем организовались устойчивые группы, состоящие одновременно из старшекурсников и младшекурсников. Младшие бегали за запрещёнкой, переписывали скучные конспекты за старших, а старшие их за это защищали. Больше всего на такое сотрудничество шли дети священников. Отцы их, оказывается, предупредили о том, что в университете тяжело жить без старшего покровителя, и они сами искали таких покровителей среди детей благородных с сильными боевыми качествами.

Боевые качества в университете имели значение не меньшее, чем в армии. Если у тебя нет боевых способностей, то тебя будут бить и посылать за ограду все, кому не лень. Поскольку у меня был боевой опыт, да ещё и как бы ангелы подучили, я решил не сдаваться и не позволять себя бить никому. Парочка желающих заставить меня сбегать за запрещёнкой получили кистенём по мягким частям тела. Да, острое оружие нам носить запретили, но кто докажет, что стальная гирька на верёвочке — это оружие? Мы старались везде ходить вместе с Сереном и его приятелями. В случае наезда Серен вис на руках нападавшего, а я охаживал его гирькой с размаха. Так же я защищал и приятелей Серена. Вскоре все поняли, что с нашей группой детей селян лучше не связываться, и перестали пытаться издеваться. Нашу группу пытались дразнить простым происхождением, и как только ни изгалялись! И «дерьмокоматели», и «деревянные туфли». Мы в ответ смеялись. Название «деревянные башмаки» стало официальным названием нашей неофициальной группы. Со временем нас дразнить перестали.

* * *

Во время лекций по основам богословия я спросил, что такое святость. Преподаватель удивился. Я пояснил: все говорят, что цель жизни добролюбивого человека — это достичь святости и спастись. А что такое святость?

Профессор сказал, что святость — это то, что Бог даёт боголюбивому человеку, и что даже признанные впоследствии святыми люди при жизни говорили, что считают себя людьми грешными и недостойными. Но мы можем быть твердо уверены, что они святые, поскольку множество людей видели, как эти святые после смерти появлялись в неожиданных местах и помогали людям.

Я подумал, что знаю несколько таких, которые появлялись въяе после смерти, но нашими святыми совсем не были, но вслух этого говорить не стал. Уточнил только:

— Так что, точного описания святости не существует?

Профессор изобразил истерику с обвинениями, что я не желаю слышать сказанного и вообще желаю странного.

— А почему бы не описать все качества, которые были свойственны святым, в отличие от обычных людей? Иначе тяжело общаться с простыми людьми, надо их к чему-то призывать, а к чему конкретно, сказать невозможно. А так будет хоть какой-то список целей, которых стоит достичь, — предложил я.

Профессор не стал отвечать и продолжил лекцию, а меня вскоре вызвали к начальнику курса. Святой отец предупредил меня, что я говорю вещи, близкие к еретическим, и что мне стоит учиться, а не поучать. Я попросил прощения, сказал, что сделал выводы и более не буду напрягать профессоров.

— Вот уроды, — отреагировал Серен, — ты же логичные вещи спрашивал.

— Всё нормально. Вспомни, как было у кочевников. Приходилось всё объяснять, и не всегда удачно. Я говорил одно, а люди слышали совсем другое. Выработать то, что будет выглядеть более-менее стройной теорией, и чтобы все святые отцы могли повторять одно и то же — это очень сложно. Обязательно кто-нибудь потянет в свою сторону. Поэтому они на каждое сопротивление реагируют так параноидально. Хотят единомыслия. Упрямец, которые не готовы дудеть в общую трубу, надо отфильтровать на первых курсах. Так что главное в нашей жизни теперь — это вовремя замолчать.

На другом занятии, на патристике — истории о святых отцах и святых древности — я спросил, что хорошего окружающие видели в святых людях. Профессор задумался и сказал, что многие из них получили способность исцелять молитвой и наложением рук. Я спросил, действительно ли стоит призывать людей становиться святыми для того, чтобы они могли исцелять наложением рук?

— Ну, среди прочего, да. А что, этого мало? — спросил профессор.

— Благодарю вас, — сказал я.

Серен и ещё несколько человек, которые были в курсе моих отношений с Ва, захихикали. Профессор потребовал объяснений хихиканью. Пришлось признаться, что у меня есть рабыня, которая лечит наложением рук, и что на святую она ничуть не похожа: стерва, грубиянка и убирать за ней регулярно надо. Профессор не входил в число тех, которые получали долю от заработков Ва, и удивился.

* * *

Вастараба двести пятая тоже была беспросветно занята учебой, но она учила. Ей удалось организовать группу девушек — гадюк, и их интенсивно учили и профессора медицинского факультета, и сама Ва. Студенты университета поначалу с удивлением смотрели на женские фигуры в университете, потом привыкли. В общежития студентов входим был запрещён, да и связываться с гадюками никто особенно не рвался, так что появление женщин в монастыре прошло спокойнее, чем ожидало начальство.

Больных Вастараба принимала теперь по вечерам. Мне приходилось приходить к ней на дойку поздно вечером. Зачастую приходилось выполнять обязанности господина и заставлять её прекращать работать, чтобы она совсем не переутомилась.

Двести пятая до сих пор не разговаривала со мной. Ни слова сверх того, что требовалось

для организации дел. Поскольку меня обязали ночевать в монастырском общежитии, а Ва спала в своём домике, даже затея с зачатием целительницы отложились на неопределённый срок.

* * *

Летняя кампания наших войск закончилась тем, что войска империи зашли глубоко в Дикое Поле и основали там ещё три города из числа местных племен. Многие кочевники нашли свои семьи, многие сошлись с овдовевшими. Нехватка женщин закончилась.

Для снабжения новых городов было нужно много зерна, кочевники пока пахать не умели, поэтому руководство выгрело все запасы из Империи. Даже мы в университете это почувствовали.

* * *

В Ордене мне выдали стопку толстенных книг про чудовищ разных видов. Сказали срочно изучить. Книги были нужны другим новобранцам. Пришлось кроме древних языков, математики, патристики и каллиграфии изучать ещё и эту науку.

Каким-то чудом мы с Сереном ухитрились ещё и играть в сказочные шахматы. Однокурсники посмотрели на нашу забаву и тоже захотели поиграть. Вместо того, чтобы нарисовать свои карты и свои сюжеты, они принялись переписывать мою книгу и перерисовывать мои карты. Сначала этим увлеклись ребята из нашей группы «деревянных башмаков», а затем и все остальные.

* * *

Выходить на операции против чудовищ приходилось довольно часто. Настоящие чудовища встречались редко, чаще всего за разного рода кровавыми делами стояли уголовники.

Запомнилась операция против одной лании. Довольно редкое чудовище, до 35 лет они выглядят как женщины и думают, что они женщины. Потом они начинают испытывать дикое раздражение от всего, что их окружает. Потом они в приступе гнева убивают своего супруга, а затем в наказание за то, что он их рассердил, съедают. А потом начинают раз в месяц есть мужчин. Мы прибыли как раз тогда, когда женщина пыталась убить своего мужа. Дяденьку удалось спасти, а вот женщину и её дочку пришлось убить. А девочка хорошенькая такая была, беленькая. Срубили голову полностью.

Оказалось, что Орден следил за женщиной с тех пор, как её мама убила супруга. В тот раз девочку пожалели, понадеялись, что она с возрастом после строгого воспитания в женском монастыре изменится. Не изменилась. На этот раз зачистили всех.

Удивительно, но город как магнитом притягивал к себе оборотней. Причём всех видов. Приходили оборотни — людоеды, которые умели только прикидываться людьми и есть всех, кого удалось догнать. Эти не могли контролировать свои превращения и свой голод.

Заносило оборотней, которые в обычном состоянии вели себя как люди, и только при определенных условиях превращались в людоедов. Некоторые превращались в волков, некоторые так и оставались людьми. Но были и оборотни, которые очень хорошо контролировали свои особые умения. Они могли годами не есть человечину, могли овладевать разными человеческими умениями и науками. Некоторые из таких пытались жить тихо, изображать из себя обычных граждан и лишь иногда кушать тех бродяг, которых никто не хватится. А некоторые пытались пробиться в руководство. Один даже попытался занять место магистра Ордена. Мы очень смеялись.

Было жутко и удивительно видеть в реальной жизни чудовищ, о которых только-только прочитал в книге.

* * *

Морелина нарисовалась через неделю после позорного бегства. В качестве извинения принесла пять золотых монет. Сказала, что город очень доволен тем, что мелкие чудища больше не появляются. Я не стал ей рассказывать про Орден.

Морелина сказала, что город заинтересован в том, чтобы Ва посетила город и изучила его с точки зрения борьбы с паразитами и инфекциями. Я попросил неделю на уговоры.

Магистр пришёл в восторг и операцию по проникновению в подземный город одобрил. Ва долго отказывалась, говорила, что занята на медицинском факультете и вообще больше предпочитает лечить людей. Согласилась через две недели, когда у нас из-за религиозных праздников случилось несколько выходных.

Морелина проводила в подземный город через длинные подземелья. Даже через водяные замки плыть не пришлось. Вход в город закрывали только замаскированные под тупики каменные плиты. По-своему замечательные сооружения, они представляли из себя огромные камни, которые бесшумно отъезжали в сторону при совсем небольших усилиях. Но не думаю, что они долго простоят против ударов стальных молотов...

Местный подземный город оказался очень маленьким, даже не городок, а так, посёлок. Больших перепадов высот здесь не было, уровень грунтовых вод был очень близко. Сказывалось не столь далёкое положение океана, город находился не так высоко над уровнем океанской воды. Водяные колёса поставить было негде, энергию брать было неоткуда. Пещеры были невысокие, больших общественных пещер не было. Однако, городок жил весьма богато. Низкорослый народ занимался кузнечным делом и продавал изделия через своих кузнецов — людей, выходцев из подземного народа, людям на поверхности.

Некоторые из водных людей изготавливали всякие волшебные средства и амулеты и продавали их наверху за большие деньги через подставных лиц.

Многие из местных женщин человеческого вида занимались проституцией в городе и зарабатывали очень большие деньги. Это были элитные проститутки. В отличие от обычных спившихся шлюх, они были весёлыми и жизнерадостными. Для них это было очень почётным делом с точки зрения подземного народа, они не предохранялись и таким образом приносили свежую кровь народу. Иногда им удавалось даже получить детей от благородных, со способностями благородных людей. Понятно, что таких женщин очень уважали.

Но основным доходом города было добывание золота и немного серебра. Золотая жила здесь была мощная и глубокая, и на это золото подземный народ в других городах покупал

продовольствие.

Оборотни городу вроде бы пока не угрожали.

Всё это я узнал, пока Ва работала с местными. Особых проблем в городе не было, кроме обычных проблем с паразитами и типовых проблем у проституток. Мы провели в городе двое суток.

Магистру я потом подробно доложил, кто и как продаёт изделия подземного народа в городе, как работают проститутки. Просил их пока не трогать. Магистр покивал головой, сказал, что информация полезная, но изменять ситуацию пока не стоит. Потом добавил, что единственное, что стоит сделать — это ещё раз предупредить всех благородных, чтобы семья никому не оставляли.

* * *

Город вокруг Лавры был не очень многолюдным, но очень протяженным. Кузнецы, кожевники и ткачи занимали под свои мастерские много места, в итоге городок разросся на весьма значительные расстояния. Когда улеглись первые учебные тревоги, я попросил аудиенцию у настоятеля монастыря и спросил, к кому можно обратиться с идеей провести конную рельсовую дорогу. Настоятель удивился и принялся придумывать доводы о нежизнеспособности такой идеи. Один в один те же глупости, что и у кочевников. И сугробы зимой она не преодолеет, и ездить на ней никто не будет. Я терпеливо дослушал до конца и сказал, что у кочевников такая дорога работает очень даже неплохо.

Настоятель подумал и порекомендовал обратиться к местному графу, которому принадлежала часть земель города.

Граф ага Дундарил принял меня только с третьего раза. Первые два раза, когда я приходил в назначенное время, привратник говорил мне, что граф слишком долго играл в карты ночью и изволит почивать.

Граф выслушал меня без особого интереса и оживился только тогда, когда я сказал, что готов участвовать в деле своими деньгами. Это произвело на него впечатление, и он решил, что в доходное дело меня пускать не стоит, что он может и сам профинансировать стройку.

Я показал рисунки пути и повозки, граф их заграбастал и сказал, что организует знакомых кузнецов и преподавателей с кафедры натурфилософии университета, чтобы они улучшили проект. Обещал, что меня не обидят и заплатят за идею.

Пробную повозку даже начали строить, но потом дело застопорилось. Другие благородные семьи, владевшие городской землёй и должностями в городском совете, захотели долю. Переговоры с первого раза не задались, и дело «зависло».

Потом кузнецы предложили сделать деревянные колёса оббитыми стальными полосами, а рельсы сделать из камня, а где это не получится — отлить из цемента.

Сколько я не плакал вслух и не говорил, что стальные колеса разобьют камень очень быстро и что что-то одно должно быть мягким — либо колёса, либо рельсы — никто меня не послушал. Я предложил построить опытный круг, в качестве развлечения на городской площади. Эта идея была принята. Как это ни удивительно, колёса со стальным покрытием ездили по камню достаточно уверенно и не очень его разбивали.

Дело было частично в том, что кузнецы придумали делать колёса и рельсы очень широкими, в полную ладонь шириной. Криволинейные рельсы из цемента делали с замесом

кусочков гранита, в виде трубы. Прямолинейные рельсы делали чуть уже, вытесывали из камня. Я думал, что они будут иметь жуткую трудоёмкость, но каменщики оказались на редкость умелыми. Они кололи гранитные глыбы, как полешки, и делали их не очень длинным, в сажень длиной или даже меньше. Это позволяло, во-первых, уменьшить отходы, во-вторых, выложить из этих кусочков даже криволинейные пути.

С повозкой благородные надурили по полной. Вместо дешёвой и простой повозки с посадкой двенадцати человек в ряд, спиной к спине, они придумали целый дом на колёсах, и только на десять человек. Увидев этот дом, я чуть не помер от огорчения. Во-первых, он должен был быть очень тяжёлым. Во-вторых, даже десяти людям войти и выйти через узкую дверь было затруднительно долго. В-третьих, зачем было покрывать сиденья красным бархатом? Их же вытрут моментально те тысячи, которые будут на них сидеть! В-четвёртых, каретники, которым заказали это недоразумение, ещё и украсили его резьбой и отполировали. О себестоимости этого домика и о стоимости проезда, очевидно, никто не думал.

Как и в случае с городом кочевников, в качестве аттракциона люди катались на этом недоразумении с большим удовольствием, несмотря на высокую стоимость билета. Эта затея даже принесла прибыль! И что ещё удивительнее, прибылью со мной поделились. Моя доля составила аж два золотых. Ну, и за то спасибо.

* * *

К началу зимы приехал Консанс с сестрёнкой Ирис, привезли деньги от отца. Ирис из малышки выросла в девушку. Маленькую пока, но уже девушку. Брат взял её посмотреть столицу и Лавру.

Я описал отцу последние приключения, написал, что деньги можно не присылать, так как я тут нашёл подработку. Поручил письмо Консансу, сказал, что оно ни в коем случае не должно попасть в чужие руки.

К началу весны отец прислал ещё денег, просил писать почаще.

* * *

За учебными заботами и орденскими операциями незаметно пролетело восемь месяцев.

В последний месяц весны началась великая замятня. Государь долго пытался договориться с герцогом ага Фригалди, но тот совсем потерял берега и начал вести себя так, будто является независимым правителем независимой страны, причём враждебной. Он присвоил все грузы, которые шли от побережья в столицу, и арестовал всех чиновников, которые сохранили верность государю. Государь объявил войну герцогу и всем, кто поднимет за него оружие. Все благородные северных областей империи были призваны в армию для войны против ага Фригалди. Благородные южных и восточных областей были призваны для операций на востоке. В этом году из-за внутренней войны наступательных операций против кочевников не предполагалось.

Нам, студентам, дали сдать экзамены и только после этого призвали в армию на должности писарей и организаторов перевозок. Ва традиционно пошла в госпиталь при

армии. Я попросил, чтобы меня пристроили поближе к госпиталю, и просьбу удовлетворили. Появилась возможность каждую ночь пробовать зачать ребенка. Ва каждый раз просыпалась только тогда, когда я уже был внутри. И каждый раз шутница — богиня давала мне продление силы. Ва первое время доходила до высшей точки удовольствия, иногда даже теряла сознание. Потом она устала и просто ждала, когда я закончу, ещё и тихо шипела что-нибудь в духе «когда же ты наконец закончишь!». Потом я перестал притворяться, что сплю. Поскольку Ва не теряла способности к исцелению, она решила, что это к лучшему, и полюбила позу, при которой она была сверху. Танцевала на мне самым причудливым образом, извивалась и гладила себя. Это хоть немного возбуждало. Так получалось отстреляться чуть быстрее. К началу третьего месяца она наконец-то забеременела, и это вечное переутомление с недосыпанием наконец-то закончилось. Я мог наконец-то спать спокойно! Как же меня утомило это супружеское сожитие!

Кампания против герцога ага Фригалди оказалась успешной. Война к первому осеннему месяцу не закончилась, но всех студентов и профессоров отпустили из армии учиться.

Глава 19

Слом

На втором курсе начались серьёзное богословие, философия, натурфилософия, химия и аскетика. Поначалу всё шло как обычно, как на первом курсе. Я учился, Ва учила и лечила. Способности к целительству у неё не пропали, коим фактом она была очень довольна. Иногда меня выдёргивал Орден на боевые операции. Несколько раз выдернули прямо посреди занятий. Для соблюдения тайны за мной приходил посыльный от начальника университета.

Ребята — дети хлебопашцев из числа «Деревянных башмаков» нашли земляков среди первокурсников. Поначалу они просто предупредили их, что нельзя прогибаться под наездами разных деспотов — старшекурсников, а потом и вовсе решили принять их в группу. Поскольку я был единственным из благородных в группе, пришлось знакомиться со всеми первокурсниками.

Некоторые из моих однокурсников — детей благородного сословия, которых я до сих пор считал приличными людьми, попытались поработить первокурсников. Вместо подчинения они получили по башке и попытались собраться в кодлу, чтобы побить первокурсников. Они были неприятно удивлены, встретив среди противостоящих сил своих однокурсников — селян. Поскольку я был из числа благородных, пришлось участвовать во всех этих стычках.

Дети благородных ушли несолоно хлебавши, даже до драки дело не дошло. Нас было сильно больше. Потом эти дурачки пришли ко мне и заявили, что я предатель благородного сословия. Я им сказал, что это они предатели человечности и что если они не могут без порабощения и выбивания боли из других людей, то им не место в духовном сословии. И даже среди благородных не место, их место только среди бандитов и грабителей. Они перестали со мной общаться. Я с ними тоже.

На занятиях по богословию моё внимание привлекла лекция на базе утверждения из Священного Писания о том, что вера без дел мертва. Профессор долго рассуждал о том, что одно только решение быть с Богом и жить по Божьим заповедям недостаточно и надо не только признавать Бога, но и делать всё, что заповедано. Увидев, что время занятия идёт к концу и профессор не собирается ничего уточнять, я спросил, так какие же дела предлагается делать.

— Как какие? Я же всё занятие об этом говорил, — удивился преподаватель.

— Я внимательно слушал. Но вы не назвали ни одного дела. Ни одного примера.

— Все дела назвать невозможно. Должно делать дела благотворительные, со смирением и сокрушением сердца, с заботой обо всём окружающем мире.

— А примеры можно?

Профессор ощутимо начал злиться:

— Я должен перечислить все дела, начиная с милостыни нищим?

Прозвенел звонок на перемену. Однокурсники тоже начали ворчать:

— Чего пристал? Всё очевидно, сам думай!

Я тоже рассердился и рявкнул:

— Уважаемые, вы завтра приедете на места, и ехидные селяне у вас спросят, какие богоугодные дела стоит делать в соответствии с заповедью «вера без дел мертва». А вы и

поплывёте, как топор по течению. Как сейчас плывёт преподаватель, который явно пытается что-то придумать на ходу. И становится очевидно, что никто до сих пор об этом не думал.

Мой вопль наполовину пропал втуне, так как студенты начали вставать и выходить из аудитории. Это была большая перемена на обед.

В другой раз профессор рассказывал о том, что человеку стоит делать для того, чтобы заслужить спасение. В его список обязательных дел входило посещение церкви и причастие не реже раза в три недели, сокрушение сердца, покаяние, память о смерти и отказ от гордости. Я не удержался и спросил, а не входит ли случаем в список необходимых для спасения дел правильное поведение, и какие дела стоит делать? Профессор обрадовался возможности произнести стандартную фразу из учебника и торжественно продекламировал:

— Каждый год задают этот вопрос. Делами заслужить спасение невозможно, спасение подаёт только Бог за сердце сокрушённое, и за покаяние.

— А как насчёт «вера без дел мертва»?

— Вот вашими делами и должны быть сокрушение сердца и покаяние.

Это жонглирование словами меня разозлило, и я рубанул:

— А если мне не нужно спасение? Если я хочу, чтобы все мои дела были правильными и чтобы в результате моих действий радость от жизни всего остального мира стала больше?

Преподаватель опять обрадовался:

— Говорит Господь: «Что толку человеку, если он собрал всё золото мира, или все зерна, или осчастливил весь мир, если душа его в потёмках осталась?».

— Толк тут очевидный. Удовлетворение от того, что всё сделал так, как надо. А что насчёт души, то на месте Господа я бы скорее взял в команду человека, который активно ищет правду и улучшает окружающий мир, чем того, который не делает ничего и только попрошайничает спасения. Правильное решение тоже не так просто найти. Но зато его можно проверить на практике при таком подходе.

— Если тебе не нужно спасение, то ты просто отвергаешь Господа нашего. Иди подумай об этом в коридор. Нет смысла рассказывать о богословии людям, которые отвергают Господа.

Я сложил вещи и вышел. Практически сразу сторож зазвенел, объявляя перемену. Так что я даже ничего не потерял.

Уже на другом уроке, на аскетике, профессор рассказывал нам, что человек состоит из трёх различных составляющих: из духа, души и тела, которые у грешных людей находятся в некотором противостоянии друг другу. Тело, например, всегда хочет того, что хотят животные: еды, покоя, размножения, а ещё удовлетворения любопытства. Дух является кусочком от Бога, и именно он является той силой, которая приводит в действие всё остальное. Но дух не может управлять напрямую, так как для совместного существования духа, души и тела необходимо, чтобы побуждения от духа передавались телу через определенные чувства и типовые способы поведения, которые находятся в душе.

Дальше профессор принялся рассказывать о том, что грешная человеческая натура была повреждена во всех трёх составных частях, но после жертвы Господа дух теперь искуплён жертвой.

Я заинтересовался и спросил, где можно почитать о том, через какие типовые ступени развития проходит человек при развитии от животного до разумного существа. Профессор удивился и не понял, про что я. Сказал почитать книгу «Лестница на небо». К его несчастью, я читал эту книгу ещё на первом курсе, мне её посоветовал почитать преподаватель по

основам богословия в ответ на вопрос о том, где можно почитать основную книгу о том, как стать богоугодным.

Так я и ответил профессору: сказал, что это книга про ступени восхождения монаха, который может стяжать отказ от гордости, страх смерти, смирение, отказ от чревоугодие, смиренномудрие. А я спрашиваю про типовые ступени роста от животного состояния до состояния разумного человека, у которого дух решил все проблемы души и тела.

Профессор удивился ещё больше, сказал, что такую книгу никто не стал бы писать, поскольку она никому не нужна. И тут же спросил у меня, кому может быть нужно такое понимание?

Я ответил, что всем: от святых отцов до государственных чиновников. Ведь люди на разных ступенях развития отличаются больше, чем разные виды животных друг от друга и от людей. У них совершенно разные и мотивация поведения, и образы поведения. Люди с низким уровнем будут падки на блестящие предметы роскоши и сделают для их получения что угодно, люди высокого развития будут стараться поднять совершенство всех систем. Как отличить человека на уровне животного от такого, который близок к совершенству? Ведь таким людям на исповеди надо говорить разное, и на государственные посты надо ставить в зависимости от уровня сознания. Соответственно, должен быть какой-то типовой список вопросов, чтобы по типовым ответам можно было понять, что за человек перед тобой.

— Вот вы и займитесь созданием такой книги, — засмеялся профессор.

Серен вечером спросил, почему я считаю эту теорию такой важной, что осмелился прилюдно позорить профессора. Меня прорвало:

— Никого я не хотел позорить. Я просто спросил. Думал, такая книга уже есть. Ведь есть же у них понятие о том, что дух находится в контрах с душой, а душа в контрах с телом. Было логично предположить, что есть и теория о том, как ведут себя люди, которые уже поняли, что нельзя быть скотиной, но ещё не отказались от гордости, какие типовые вопросы задают, какими проблемами мучаются и какими болезнями от этого болеют. И все остальные ступени... Без такого понимания соответствующего чиновника на нужную должность не подберёшь.

Серен в кои-то веки со мной не согласился:

— Ой, я над тобой смеюсь. У нас большинство должностей, например, в армии покупается, а ты говоришь о разумном подборе на должности? Это бесполезно, пока у власти будут угнетающие группы. Только когда к власти придёт народное государство, эта теория и будет востребована. Только тогда церковь и зашевелится. А до этого никак.

Я насторожился:

— Какие такие угнетающие группы? Какое народное государство? Ты какой такой чухни начитался? Ты что, «Государство» Бунтарячки прочитал?

— Ну, прочитал. И Бунтарячку, и Валу Милоса.

Я застонал. Бунтарячку мне под большим секретом подсунул один парень из числа благородных на первом курсе. Я её прочитал и нашёл чушью, Серену даже не стал показывать. Валу Милос вообще был сумасшедшим, который требовал отмены государства, раздачу всей земли помещиков селянам и отказ от последующего создания государства.

— Серен, это же чушь полная!

— Почему чушь? «Государство» — это великое произведение! Ты смотри, он же сумел подняться над частностями и увидеть закономерность! Если система организации общества несовершенна, то неизбежно появляются угнетающие группы! И это не зависит от качества

людей! Ты можешь быть очень хорошим человеком, но если ты находишься на месте организатора производства в несовершенной системе, ты просто вынужден будешь занижать людям потребление до минимума, чтобы они только с голода не умерли, только для того, чтобы сделать свою организацию более жизнеспособной! И ты вынужден будешь объединяться с другими такими угнетателями для того, чтобы угнетённый народ не сбросил вас силой!

— Серен, ну включи разум! Это не наука, это наукообразие! Продли мысль, представь, как в реальном мире можно иначе?

— Народное государство!

— Это бессмысленные слова! В народном государстве тоже нужны организаторы и начальники, и как, по-твоему, они будут действовать в условиях нехватки ресурсов? Тоже будут понижать потребление и давить силой любые бунты. И скажу страшное: они и взятки будут брать. Как, по-твоему, люди будут в начальники попадать в народном государстве?

— Выборная система!

— Ага. Уж кто не должен был купиться на это враньё, так это ты. Ты же видел, во что превратилась выборная система судей у кочевников? Ты же рядом со мной с оружием против них стоял, когда они за своё право грабить даже воевать были готовы?

— Ну, видел. Но это ни о чем не говорит!

— Как раз это реальность, которая говорит громче всего. Ты можешь организовывать государство как выборное, можешь организовывать как аристократию, как у нас. Но в любом случае будут проблемы с грабежом, произволом и обманом. Только у нас аристократов воспитывают в духе преданности своему народу, говорят, что их жизнь должна быть служением простым людям. А твои выборные люди — выходцы из простых людей — первое время будут стремиться только набить карманы, чтобы удовлетворить животные желания — жадность, заносчивость, роскошь, любовниц пачку заведут... Мы с детства привычны к тому, что у нас это есть и что главное не в этом. А у них этого не будет.

— Ты не хочешь признавать это наукой, поскольку ты сам из аристократов, — обиделся Серен.

— Нереальная чушь это, а не наука. А потом, вспомни государство кочевников. Ты обратил внимание, что у них на выборных постах — там, где были реальные выборы — везде оказывались люди низкого роста? Ты можешь представить себе психологию того, кто в выборной системе будет лезть в начальство? Для этого надо быть человеком, который внешне всем мил, всем доказал, что он такой, как они, а внутри всех презирает, гордится тем, что всех обманул. Ты вот полезешь, чтобы надмеваться, с упоением командовать ради того, чтобы чувствовать себя начальником, и удовлетворять все пожелания вышестоящего начальства? Как правило, очень глупые?

— Нет, не хочу быть начальником, я бы лучше что-нибудь производил, — признался Серен.

— Вот видишь! При такой организации общества наверх нормальный человек не всплывёт, начальником станет самый хитрый, самый эгоистичный, самый честолюбивый человек, который для своего тщеславия готов сделать что угодно! Последствия будут ужасающими! Поэтому наша аристократическая система гораздо лучше. Наши аристократы могут быть воровитыми, могут быть тупыми, но они нормальные люди. И действуют в среднем как нормальные люди с нормальной логикой, явную чушь делать не будут. А твои выборные начальники сделают что угодно ради власти.

— Ты так говоришь потому, что сам из благородных, — повторил Серен и затих.

* * *

В очередной раз я «заелся» с преподавателем богословия, когда он рассказывал про то, как отвечать на вопрос о том, чем религия Бога-из-огня полезна для выживания. Он долго рассуждал о том, что разум простых людей погружен в материальное, что они думают только о выживании тела и пытаются думать о религии только как о средстве выживания тела: если заболел ребёнок, то надо заказать молебен, если одолевают тяжёлые мысли, то надо посыпать в разные углы хатки песочек с могилы праведницы, чтобы отогнать нечистую силу, а если всё сыпется из рук, надо сходить поклониться мощам или какому-нибудь артефакту типа пояса Богородицы.

Профессор говорил, что если поддаться этому давлению, то религия превратится в бытовой магизм, что недопустимо, что одна из самых важных частей нашей деятельности — это нести в тёмные массы идею о том, что человеку не должно жить только материальным и что выживание возможно как раз только в том случае, если люди становятся духовными людьми. Профессор советовал нам говорить, что для боголюбивого человека важнее умереть добрым праведником, чем заботиться о выживании.

Я спросил, так а есть где-нибудь список, чем религия полезна для выживания? Профессор сказал, что я плохо слушал лекцию и что никто из добрых религиозных людей не будет думать на эту тему. Я слушал лекцию очень внимательно, и эти слова меня обидели:

— Добрые религиозные люди как раз должны осознавать все последствия действия своей религии. В мире существует не только наша религия. И не всегда получается подавить чужих силой оружия. Приходится рассказывать чужим людям о том, в чём преимущество нашей религии. Без готового списка преимуществ работать очень сложно. А ещё мы не сможем объяснить своим воинам, за что они должны умирать, если у нас нет готового списка достоинств нашей религии. И чиновникам не сможем объяснить, ради чего им наживать проблемы с воровитым начальством и бороться с хищениями. Так наше государство и сгниёт, а армия развалится и разбежится.

— Очень жаль, что вы не были в армии. Наши благородные люди имеют честь и знают, за что воюют! — засмеялся профессор.

— Благородные воюют за свои земли и доходы. А когда большинство армии будет состоять из пехоты, из селян, которые спят и видят, как бы все господа провалились в преисподнюю, как вы им это объясните?

— Вот ваше дело как будущих святых отцов и состоит как раз в том, чтобы рассказать всем, в том числе селянам, почему лучше умереть с честью ради Бога, чем жить только ради жадности, — вывернулся профессор.

— Такой ответ — это, по большому счету, запрет на разумность. Если нельзя думать о последствиях действия своей религии, то получается, что люди не смогут думать ни о чём. Ни о том, чем поведение духовного человека лучше поведения скотины, ни о том, сколько ступеней развития между скотиной и совершенным человеком, ни о том, как выстраивать совершенное государство.

Профессор опять впал в истерику и начал орать:

— Вот очень характерно, что вы думаете о других людях как о скотине! А мы думаем о

людях как о Сынах Божьих! И мы ожидаем, что люди будут стремиться к высшему, а не биться за каждое зёрнышко!

Сказанное настолько оскорбительно перевернуло мои слова, что я даже не знал, что сказать, и замолк.

Неожиданно раздался голос из первых рядов:

— Полисаний как раз был в армии и работал министром образования нового государственного образования кочевников. Он работал пропагандистом религии Радо и рассказывал кочевникам, почему необходимо жить ради любви и справедливости. По сути дела, под видом жреца Радо распространял нашу религию. Потом, когда он стал говорить о том, что у нашей религии больше преимуществ, его выкинули с доходного государственного поста. Так что он как раз мученик религии Бога-из-огня. В некотором смысле. И его вопросы определяются тем, что они вызваны практической деятельностью. Я видел это лично, я был в охране. И иногда я даже не мог себе представить, как он выворачивался.

Я вытянул шею, посмотреть, кто так нагло прессует нашего профессора. Во втором ряду сидел Одрамас в сильно помолодевшим варианте и изображал из себя студента. Похоже, я сильно накосячил, если прикрывать меня прибыл Сам.

— Жрец языческого Радо. Тогда понятно, почему его так корёжит при словах Истинной Религии, — торжествующе продекламировал профессор. А потом ещё сорок минут говорил о том, что если люди начинают приспособлять религию к вопросам выживания, то это конец для религии.

Я дал себе обещание больше ничего не спрашивать у этого преподавателя. Человек очевидно не хотел ничего слышать.

Радо тихо исчез раньше, чем я успел его поблагодарить за поддержку. Или это не было поддержкой? В университете о моей работе жрецом Радо до сих пор не знали.

Вечером меня вызвал настоятель университета и спросил про мою деятельность в религии Радо. Я рассказал всю историю. Настоятель прикинул, на какое количество людей я воздействовал, и задумчиво произнёс:

— Епископ. В пятнадцать лет. Забавно. А как так получилось?

— Меня назначил жрец Радо, когда у нас было всего два союзных племени, в которых никто не умел писать, кроме вождей. У него просто не было других кандидатов и он не ожидал, что всё так разрастётся. Когда подготовили новых жрецов, меня выкинули.

— Понятно. Иди.

* * *

На зимних экзаменах Вастараба вышибла из университета одну деваху, которая совсем не училась, а вдобавок потеряла девственность и способность к целительству. Девка оказалась вредная, причём из влиятельной аристократической семьи. Она напела песен Священной Инквизиции о том, что Ва — ведьма и колдунья, которая не лечит, а ворует у людей силы и жизнь. А её семья продавала быстрое разворачивание дела.

Магистр Ордена успел вовремя предупредить меня, что против Ва начато дело. Он сказал, что Ва придётся исчезнуть. Мы изобраили арест жрицы силами ордена. Инквизиторы и допрашивали её в тюрьме ордена. Но для сожжения им выдали оборотня, которого до этого запытали так, что он был рад умереть хоть как-нибудь. Оборотень принял

вид жрицы. Его сожгли в первый день весны. Во время сожжения оборотень потерял над собой контроль и принял естественную форму, к восторгу всей толпы и инквизиторов. Вскоре в Ордене появилась новая возница, всегда носившую закрытую маску так, что были видны только глаза. Значок гвардии первосвященника отбивал желание у кого-либо задавать вопросы, что находится под маской. Вастарабе выписали новые документы союзной кочевницы одного из крупных племен. С силами Ордена такие проблемы решались легко...

Ва не сильно огорчилась. У неё уже был большой живот, ей было тяжело ходить. Она готовилась стать мамой и не хотела думать ни о чём другом. Хранившиеся в банке деньги жрицы были переданы инквизицией мне как господину ведьмы, а я передал их Ва. За это время она заработала огромные деньги даже несмотря на то, что львиную долю отдавала настоятелю университета. При желании она могла не работать ещё много лет. Ва решила, что после родов поедет в государство кочевников. Там её никто пытаться жечь не будет.

* * *

К середине зимы благородные начальники города договорились и решили строить рельсовую дорогу. Три версты рельсов уложили довольно быстро, но когда пустили повозки, выяснилось, что на них почти никто не ездит. Сама по себе дорога оказалась очень дорогой из-за каменных рельсов и закрытых повозок с сиденьями красного бархата, а вдобавок к этому благородные господа решили, что чем выше задерут цену на билет, тем больше денег получают. Билет стал недоступным для обычных людей, а благородные, как правило, ездили на своих лошадях или в каретах. В городе кочевников людей заставляло пользоваться рельсовой дорогой отсутствие обычных дорог. В этом городе почти все мостовые были покрыты камнем. В итоге повозки ездили пустыми.

Я попытался уговорить благородных идиотов создать упрощённые повозки для простых людей, по шесть сидений в ряд, спиной к спине, без крыши, с простым навесом от дождя, и брать за поездку недорого. Они вроде бы как согласились, но вскоре это стало неактуально. На богомолье приехал Государь. Ему показали рельсовую дорогу, он пришёл в восторг и приказал переместить дорогу к себе в резиденцию. У него был очень большой и красивый парк во дворце, гостям и слугам было тяжело ходить по парку ножками. Поэтому Государь решил, что с такой дорогой парк будет намного удобнее, заодно и он сам сможет чаще бывать в любимых уголках.

Строители заикнулись, что дорога строила дорого. Государь сказал, что зачтёт стоимость дороги им в будущие налоги. Благородные господа обрадовались, что легко отделались от этого убыточного проекта. Повторно строить дорогу не стали.

* * *

Как-то раз, идя по коридору университета и будучи погруженный в свои мысли, я обнаружил, что какая-то девушка двигается мне наперерез. Я сделал шаг в сторону, чтобы избежать столкновения, но и девушка изменила направление движения. Я поднял глаза и увидел, что мне навстречу идёт та самая гадюка, из-за которой сожгли оборотня вместо Ва. И она уже сняла маску. Я понял, что сейчас она будет плевать ядом с целью меня убить, и

выставил папку с тетрадками перед собой.

Яд попал точно в папку. Я не стал ждать второго выстрела, стукнул мерзавку в живот, а потом по голове. Когда она упала, я навалился на неё сверху и прижал голову к полу. Только после этого я сообразил, что надо было сначала оглянуться и поискать свидетелей. Теперь все ученики в коридоре удивлённо смотрели на меня и явно задавались вопросом о том, зачем я избиваю девушку. Я громко заговорил:

— Я иду к настоятелю и веду к нему эту убийцу. Мне нужны свидетели, что она на меня напала.

Весь народ вокруг начал пожимать плечами и отводить глаза. Они не видели начала схватки. Неожиданно за мной раздался знакомый голос:

— Я буду свидетелем.

Это был Ширак ага Коллеан. Я бы с большей готовностью поверил, что он будет свидетельствует против меня, но он вроде не врал. Я поднял гадюку, Ширак нацепил ей маску, и мы потащили дурёху к начальству. На полпути девчонку отобрали у нас стражники.

Как это ни удивительно, на разбирательстве ага Коллеан действительно свидетельствовал за меня. Девчонка заявила, что я напал на неё и пытался убить потому, что хотел отомстить за свою ведьму — любовницу, но ей никто не поверил. Применение яда гадюкой против благородного было запрещено даже в условиях смертельной опасности, благородные совсем не хотели террора ядовитых членов благородного сообщества. Яд можно было применять только против врагов государства, даже против селян было нельзя. Это было главным пунктом обвинения. Отношения между нами и повод нападения никого не интересовали. То есть нас выслушали, но как только Ширак заявил, что видел, как гадюка сама напала на меня, разбирательство закончилось.

Что удивительно, на суд явились и другие ученицы Ва. Они заявили, что эта дама после сожжения Ва восстановилась в университете, но совсем сошла с ума. Она всё время говорила, что я хочу её убить из мести, и ни о чём другом говорить не могла. И даже учиться не могла.

Приговор суд вынес быстро и без сомнений: казнь через отрубание головы.

На выходе из зала Ширак посмотрел на мои широко открытые глаза и захихикал:

— Чего удивляешься? Ты продемонстрировал уважение, на дороге мне больше не попадался. Я это уважаю. А как она на тебя напала, я вправду видел. Вот ещё я буду позволять гадюкам нападать на благородных, даже на самых ничтожных! Кстати, если ты уже знаешь, что такое уважение, я готов взять тебя под опеку. Мои родственники подсуетились, мне предоставят очень перспективное место. Главный священник в новом государстве кочевников, сначала рядовой святой отец, но уже через год большое повышение. Могу и тебя высоко поднять. Это будет очень богатая кафедра, там людей много, большие доходы. Опасно, конечно, кочевники дикие, зато какие перспективы! Очень большие деньги и очень большие храмы!

— Очень люблю большие деньги, а ещё больше честь приводить к Господу целые народы, — смог выдавить я.

Дурачок Ширак разулыбался:

— Вот так и рождается большая дружба! Уверен, мы ещё натворим великих дел!

Моя Большая Мечта умерла и тихо растворилась прахом в сером облаке тотального отчаяния. С такими начальниками, конечно, только учение Смиренного Бога проповедовать. Особенно среди кочевников.

В этот день я пришёл в общежитие с ощущением, что жизнь закончилась. Только-только я пережил огорчение от того, что благородные сделали из моей идеи рельсовой дороги ком грязи, и вот новый удар — главным Святым Отцом в стане кочевников будет идиот Ширак. Я как наяву увидел гибель своей родной страны и возвышение государства кочевников. У кочевников много дикарей и грабителей, но у них всегда можно решить дела силой или подкупом. Построили же мы дорогу, просто сбросившись... А здесь, с благородными идиотами, ничего сделать будет невозможно. А если и сделаешь что-нибудь жизнеспособное, тут же отберут вышестоящие держиморды. Хуже всего было то, что я не видел никаких выходов из положения. Никаких образов для достойной жизни не просматривалось, а просто существовать ради доходов или комфорта я не хотел..

Единственным выходом было двигаться к Богу.

В Писании одним из самых непонятных и страшных требований было требование отказа от гордости и гнева ко всем настолько, что даже ударившему по правой щеке надо было подставить левую. До сих пор я относился к этому требованию достаточно легкомысленно. Мне было достаточно того, что моя религия требовала жить любовью ко всем людям и отказываться от гордости.

Это были очевидные требования. Как люди гибнут от гордости, я видел неоднократно. Сколько благородных погибло в военном лагере из-за глупой гордости, когда они задирались и начинали смертный бой из-за сущей ерунды! Идея жить любовью мне тоже нравилось гораздо больше, чем жизнь жадностью или ради захвата власти.

Но чтобы так, до полного беззlobия... Это было страшно. Но теперь я перестал бояться. Чего мне бояться? Всё самое худшее уже произошло. Я решил: пусть приходят и бьют по щекам, никому не отвечу!

Первые секунды было страшно, казалось, сейчас стены раскроются, и из них ползут желающие бить и унижать. А потом тренированное на поиск философских формулировок сознание зацепилось за этот факт и доложило, что до сих пор всем моим поведением управлял этот страх внезапного унижения. Я со стыдом вспомнил, что каждого встречного человека рассматривал исключительно с точки зрения оценки угрозы внезапного унижения и заранее готовил сокрушительный ответ. И так с каждым встречным прохожим...

Я понял, что до сих пор жил между страхом унижения и нежеланием быть одним из тех, кто наслаждается чужим унижением. По этой причине я боялся конфликтных ситуаций, боялся, что с одной стороны я буду действовать недостаточно круто, а с другой стороны могу превратиться в подобие мучителей — издевщиков. Я понял, что я больше не боюсь. Я могу теперь жить полной любовью и никогда не обижать других людей! Можно не придумывать язвительных отповедей разного рода нахам и не бояться, что меня сочтут слишком слабым! Это и есть сила, это и есть счастье — больше никаких противоречий, никаких сомнений, только полная любовь!

Накатила глубокая радость. Началась эйфория. Я вспоминал свои прошлые конфликты и стычки и увидел, как неловко я действовал без этого понимания. А Бог-из-Огня непрост. Он, оказывается, принёс не только поклонение Единому Богу. Он принёс возможность глубочайшего изменения.

Я вышел погулять и встретил новый шок. Никто из встречных не торопился меня бить

по щекам, никто не бежал унижать и осмеивать. Люди расступались передо мной, относились уважительно, некоторые улыбались при встрече или изображали полупоклон. Я с удовольствием кланялся в ответ. Я понял, что у меня появилась способность осознавать, что другие люди тоже могут стремиться к счастью, желать жить в мире, где их все любят, и что они тоже видят во мне того, кто может быть источником внезапного унижения. А ещё я подумал, какая это хорошая традиция — кланяться при встрече. Вместо надмения и гордости самоумаляться и получать от этого радость, и получать ответный поклон от других людей!

Захотелось сделать так, чтобы никто меня не боялся. Теперь я изображал полупоклон всем, с кем встречался взглядом. Ответная реакция меня удивила. Люди моментально отводили взгляды в сторону и изображали внимание к чему-то там вдалеке. Чуть позже я понял, что люди боятся того, кто находится в осознании ситуации, а не пребывает в вечном внутреннем переругивании или сладких мечтах, как они.

* * *

Ночью мне приснилось, что я стою перед огромной скалой, через которую надо было пройти на другую сторону, а всё, что в ней было — это только маленькая щель в палец толщиной. Я начал молиться и неожиданно легко пролетел сквозь скалу. Проснулся я от ощущения большого восторга.

* * *

Эйфория продолжалась несколько дней. Потом я обратил внимание, что в голове всё время вертятся мечты — сцены, как я убиваю всяких злодеев и врагов религии. На аскетике нам говорили, что святые отцы древности учили, что зла и убийства нельзя допускать даже в мыслях. Попробовал молиться. Никакого облегчения. Мечты об уничтожении злодеев удвоились.

Потом пришла мысль о том, что мне как благородному и как члену ордена борьбы с нечистью, наверное, нужно будет применять силу. Я задумался о том, как вести себя в разных конфликтах. Сразу понял, что теперь я в любых конфликтах не буду унижать противника. В детских стычках первым делом было обосрать противника словами. Как-то вдруг стало ясно, что при доброжелательном образе общения, когда говоришь только по делу, выглядишь гораздо красивее. Тут я понял, что это был именно тот образ поведения, о котором я мечтал с детства! Ранее я понял, что можно не придумывать язвительных отповедей разного рода нахам и не бояться, что меня сочтут слишком слабым. Но как конкретно вести себя во время конфликта и что именно говорить перед применением силы, оставалось непонятным.

Из-за того, что я допустил мысль о битвах, картины поражения врагов стали появляться перед глазами всё чаще и чаще. Сходил в основной монастырь, попросился к отцу Антикрату. Про него говорили, что он самый продвинутый монах. Пожаловался ему, что после отказа от гордости преследуют мечты об убийстве. Отец Антикрат долго мне рассказывал, что надо доверять Богу и что надо много молиться, и тогда Бог всё устроит.

Главное — бороться с гордостью и почаще плакать о своей грешности. У меня зародились некоторые сомнения, и я спросил, как он относится к правилу правой и левой щеки. Святой отец принялся мне рассказывать, что в одной ситуации надо сражаться, а в другой подставить щёку. Стало очевидно, что он через этот страх не перешагнул и не имеет понятия о сути дела. Единственное полезное понимание, которое я от него получил — это когда он сказал, что тело будет сопротивляться отказу от страстей и будет требовать повторения любимых дурных навыков.

Через несколько дней я понял, что меня больше всего покорило при общении с отцом Антикратом. Для него Бог был не богом-любовью, не наставником, а Всесокрушающей Силой. Именно в таком восторженном тоне он говорил о боге, как будто тот может сокрушить любое препятствие, и самое главное — это вымолить место рядом с тем, кто будет ради тебя сокрушать все препятствия. Провёл маленький опрос среди однокурсников, кем они считают бога, другом — наставником или Всесокрушающей Силой. Выяснилось, что абсолютное большинство считает бога той самой Всесокрушающей Силой и иначе думать о нём не желают. Забавно. Люди говорят, что поклоняются богу-любви, а на самом деле поклоняются его противоположности, образу уничтожения любых препятствий. Получается, внутри одной религии может существовать несколько совершенно разных религий с совершенно разным воздействием на людей? Как интересно.

Идею о том, что тело — это не только мясо, но и привычки, и навыки, я обдумывал несколько дней. Потом вспомнил драки собак в селе и подумал, что животное поведение определяется теми образами реакций, которые заложены в тело людей и животных Богом и которые должны обеспечить выживание особи и вида даже в отсутствие разума и морали. Именно эти образы поведения и должны требовать от мужчины забить в подростковом возрасте всех остальных парней, а кого не забить, тех сделать послушными орудиями, но без права размножения. Для того, чтобы потом размножился самый сильный и жизнеспособный. Теперь понятно, что толкало парней в селе сбиваться в стаи и воевать друг с другом самым жестоким образом. Получается, что единственный способ выхода из-под контроля этих животных способов поведения — это принятие правила правой и левой щеки? Забавно.

Вскоре проявилось ещё одно следствие изменения. Стало тяжело дышать и делать широкие движения. Раньше при затруднении дыхания можно было подавить неприятные ощущения и продышаться, а при тяжёлой работе можно было разозлиться и работать на злости. Теперь образ убийства врага сформировать было невозможно, поэтому послать его органам дыхания не получалось, и разозлиться было нельзя. Это стало проблемой. Конечно, я не умер, я дышал и двигался, преодолевая неловкости традиционным образом, но я чувствовал этот конфликт и то, что управляю телом самым деспотичным и недолжным образом. Даже плакать о грехах не пришлось. Я и так чувствовал, что всё делаю неправильно.

Через некоторое время я понял, что можно получить некоторое облегчение, если при затруднении дыхания или обнаружении противоречий сказать себе, что нужно жить, как Спаситель: не ожесточением, а любовью, милосердием, мягкостью, созиданием, вниманием ко всем подробностям дела, вниманием ко всем мнениям и противоречиям соседних систем. Если послать этот образ тем болевым узлам, которые обнаруживались при невозможности дышать или делать широкий шаг, то они расслаблялись и уходили. А через некоторое время на их месте обнаруживались новые, более глубокие...

А ещё стало жалко тех людей, которые не принимали полное беззлобие. Они жили ради

уподобления образу Всесокрушающей Силой, и именно этот образ они транслировали внутрь, когда внутренние органы докладывали им о болях или противоречиях систем. Самое глупое и деспотическое поведение по отношению ко внутренним органам. Теперь понятно, почему им постоянно так хочется расслабиться, хотя бы алкоголем. Необходим временный переход в полную бесконтрольность, чтобы компенсировать полный деспотизм в остальное время. А мне это, получается, не нужно. Забавно.

* * *

На одном из очередных занятий по богословию профессор решил по мне проехаться. Клянусь, я не собирался его трогать. Профессор делал обзор других религий, причём очень глупо, по принципу «если в религии нет образа единого бога, значит, это плохая религия и не религия вообще». Я молчал. Под конец профессор решил меня добить и спросил:

— Ну, что нам скажет жрец Радо? Что вы сможете сказать против Истинной Религии?

Я удивился, выдержал паузу и ответил:

— Жрец Радо сказал бы, что при такой пропаганде вы неизбежно проиграете. После моей деятельности жрецы Радо могут внятно и чётко сказать, что цель жизни — это борьба за справедливость, жизнь любовью и внутреннее изменение в более совершенное существо. Вы же можете только болтать про то, что человек что-то должен Богу, который годен только на то, чтобы наказывать людей. Жрец Радо скажет, что его бог заботится о людях и любит людей. Вы выставляете Бога деспотом, надсмотрщиком — наказывателем. Жрец Радо скажет, что духовный путь — это путь совершенства, и приведёт примеры. Вы же про совершенство не можете сказать ничего, у вас даже запрещено думать о том, к каким последствиям приводит исполнение заповедей и чем религия полезна для выживания или совершенства. Лично меня удивляет, что никто не говорит о том, что наша религия — это то, что глубочайше изменяет человека. Изменяется и цель жизни, и образ поведения. А главное — после принятия правила правой и левой щеки человек перестаёт подчиняться животным образам поведения и становится совершенным разумным существом. Главная полезность нашей религии для выживания — это то, что человек перестаёт разрушаться, перестаёт быть скотиной, и становится благотворным разумным существом. Этого нет в религии Радо. Это есть в религии Бога-из-Огня. Но в нашей пропаганде об этом никогда не упоминается.

— У нас нет пропаганды. У нас только проповедь и миссионерство, — торжествующе возгласил профессор.

— Проповедь можно рассказывать тому, кто уже согласился вас слушать. А для того, чтобы человек начал вас слушать, надо сначала привлечь его внимание какими-то идеями о том, что у вас есть нечто полезное. Полезное хоть в каком-то смысле. Это и есть пропаганда. Но у вас нет таких идей. Если бы наша религия и религия кочевников соревновались в равных условиях, то наша была бы очень быстро вытеснена. Хотя по глубине и правильности наша сильно превосходит. Вот это и есть цена отсутствия пропаганды. Господь пошёл на сожжение для того, чтобы принести людям учение о том, что можно измениться и превратиться из животного в разумное существо. Но это учение превратили во внешнее поклонение, в способ запугивания людей и парализовывать их сознание страхом. А про главную суть не говорят ничего.

— Если вам так нравится религия Радо, может быть, отправитесь её проповедовать? —

ехидно произнёс профессор. Следующие двадцать минут он рассуждал о том, что я еретик и отступник от истин религии. Говорил, что суть нашего учения — это углубление в смиренномудрие, что только покаявшихся людей спасет Господь, а не тех, кто пал в гордость и доверяют только своим умственным построениям.

Я сразу понял, что человек глубоко обиделся, и даже не реагировал. То, что он не слышит смысл моих слов, я понял уже давно. Я достал учебник по иностранному языку и принялся учить домашнее задание. Ближе к перемене профессор спросил:

— Ну, что, вам ясна ваша ошибка, брат Полисаний?

Я уже давно его не слушал, поэтому пришлось срочно переключать внимание и спрашивать соседей, о чём речь. Соседи подсказали, что профессор говорил о спасении через смирение.

— Спасение — это ложь. Это способ манипулировать людьми. Никто не знает, что такое спасение, как его достичь и как понять, получил ты уже спасение или нет. Господь принёс нам учение для того, чтобы люди могли понять правду, чтобы могли действовать правильно и возрастать в совершенстве на основе собственного опыта. В нашей религии надо говорить людям о том, что только через боголюбие и смирение можно понять правду и действовать так, чтобы действия не были во вред и не приводили к прямо противоположному результату. Что только опытных и праведных деятелей, любящих созидание, Бог возьмёт в свою команду.

— Вас бы в первые века огненного учения, когда праведников убивали, — хихикнул профессор.

— Понятно, почему люди первых веков говорили только о спасении. Религию преследовали, людей убивали за принадлежность к Богу-из-Огня. Для них важнее было быть на стороне правильного Бога. Идеи о том, как быть совершенным в благодеяниях, была неактуальна. Но мы-то сейчас живём в совсем других условиях. Церковь стала духовным лидером общества, частью тела народа. Народ от неё ждёт, что ей будет до всего дело, что она как духовный лидер будет бороться за совершенство всех устройств общества. А Церковь в принципе отказывается от разумности и от осмысления последствий действий как человека, так и всей церкви. Это не может не привести к катастрофе. Когда народ поймет, что никто не будет работать на совершенство в обществе, то обидится на сломанную игрушку. А сломанные игрушки выкидывают. Так что если будем болтать о спасении, а не о совершенстве, то потеряем и религию, и государство.

— А вот отказ от спасения — это отказ от Бога. Выйдите вон! Сегодня не желаю вас видеть, — опять впал в истерику профессор. Эти слова он истошно проорал.

— Как будто хоть кто-то из вас может точно объяснить, что такое спасение, — пробурчал я, выходя.

Вечером Серен осуждающе сказал, что не стоило дразнить дурака. Сказал, что я слишком явно превосхожу преподавателей по умению формулировать мысли и не скрываю этого, а пожилым людям обидно.

— Ты прошёл через великий перелом, ты принимал полное беззлобия, а они нет. Ты знаешь, а они верят. Так что ты их дергаешь за хвост? Люди ходят на работу, чтобы каждый год рассказывать тупым студентам одно и то же. А тут ты заявляешь такие вещи, которые невозможно опровергнуть. Естественно, они злятся. Смотри, ещё и в Бюро Защиты Чистоты Веры на тебя заявят. Или из университета выгонят. А эффект какой? Все остальные студенты мечтают только о храме побольше и приходе побогаче. Они даже не поняли, о чём речь

была, в чём разница. Специально проверил, поспрашивал, кто понял разницу. Никто не понял.

— Это совсем другая философия... И совсем другая религия. Тут есть, за что бороться. В этом варианте мы считаем, что человек — разумное существо, которое сначала принимает решение жить не для эгоизма, а для любовного служения своему миру. Потом на основе практической деятельности понимает, что в исходном состоянии невозможно быть благотворным существом, гнев и стремление экономить на качестве не дают. И другие животные чувства и страсти. Потом он принимает полное беззлобия, выходит из-под управления животных желаний. Потом на основе опыта практической деятельности становится мудрым, учится делать так, чтобы все дела получались качественными, такими, как задумывалось, а не наоборот. Такого человека может Бог себе взять и поручить ему самостоятельную работу, чтобы человек сам принимал решения по собственному разумению, только иногда политику корректировать. Это то, чем становится человек, если он прочитает Священное Писание и буквально выполнит все требования. А если посмотреть на то, что они навязывают нам... Человек должен только плакать и молиться. Думать о последствиях своих действий нельзя. Что-то менять в себе нельзя, только Бог может в тебе что-то менять. Если хочешь принять решение, надо помолиться, чтобы Бог тебе решение послал. И что, вот ЭТО на месте бога ты бы стал брать себе в помощники? Стал бы доверять ему самостоятельное дело? Оно же каждую минуту будет к тебе за решением бегать! Ни опыта, ни умения самостоятельно мыслить. Это совсем другая религия, религия убийства в человеке разумного существа!

— И это ты меня называл крайним беспредельщиком? Ты на себя посмотри, тебя выпусти к обычным людям, ты религиозную войну организуешь! — засмеялся Серен.

— Ничего я не организую, даже если захочу. Всем параллельно. Никто не хочет слышать о том, что происходит с человеком после принятия правила правой и левой щеки. Все хотят жить животной жизнью и отделяться пожертвованиями денег на церковь. Даже ты.

— Ну, да. Страшно, — признался Серен.

На следующих занятиях профессор не пытался меня ни о чем спрашивать.

* * *

Как-то раз я сидел в общежитии на койке, привалясь к стенке, и пытался понять, о чём мне теперь помечтать. В последнее время это было моим единственным способом проведения времени, кроме учёбы. Серен чуть не плакал, глядя на меня. А мне не было скучно. Если сидеть и ни о чём не думать, то сами собой всплывали разные интересные мысли. А ещё очень интересно было наблюдать за собственным устройством, как оно работало и переваривало информацию.

Внезапно стена напротив раздалась, и из неё вывалилась Вамташпа. Это было так похоже на ощущения, которые меня посетили после решения жить беззлобно, что я даже успел испугаться.

— Не бойся. У нас есть к тебе просьба, во исполнение старого соглашения о том, что ты будешь помогать нам иногда.

Я начал одеваться, а между делом стал незаметно молиться. Чертовка почувствовала

молитву:

— Ангелов можешь не звать, они в курсе. Кстати, поздравляю с качественным переходом на новую ступень развития.

Я удивился:

— Поздравляешь? Я думал, ваше дело состоит в том, чтобы предотвратить такое изменение любой ценой, что такие люди для вас враги!

— Смеёшься? Мы реально рады. В мире очень много скотов, которых даже совращать неинтересно, их можно только резать, когда надо. А вот людей, которые способны что-то понять и организовать, очень мало. А если удастся тебя совратить, ты станешь владыкой демонов. Как минимум сотником. Ух, тогда мы с тобой поразвлечёмся! А пока нас есть общий враг — хаос. Мы хоть и плохие, паразиты и развратники, но мы организованная материя. Мы удовольствия любим. Хотя бы в качестве издевательств над теми, кто может страдать. А хаос — это разрушение всего, в том числе жизней тех, кто может страдать. И никаких удовольствий. Кстати о хаосе. Бери свой меч, там у одного придурка злая магия из-под контроля вышла.

— А что я знаю о магии?

— Ничего тебе не надо знать. Мечом рубанёшь, и дело с концом.

— Деньги будут?

— Какие деньги? Ты идёшь спасать мир!

Я пристально посмотрел на чертовку. Я подсмотрел этот пристальный взгляд у одного сборщика недоимок в государстве кочевников.

— Ну ладно, скажу, где один маленький клад лежит.

— Идём.

Вамташпа протянула мне округлую деревяшку, я её коснулся и оказался в небольшой пещерке. Посреди помещения стояли Рум и владыка преисподней и чесали тыковки. Перед ними в столбе зелёного света кружилось нечто, превращающееся из потоков жёлтой жидкости в светящуюся змею с женским лицом, а затем обратно в разноцветные потоки.

— А может, магией сдвига атомов её долбануть? — сказал владыка преисподней.

— Нет, она может только сильнее стать, — засомневался Рум.

С моим появлением оба уставились на меня.

— Что это за форма? Гвардия первосвященника? — удивился Рум.

— Орден по борьбе с нечистью! Всем преисполниться светом святости и покаяться во грехах! — как можно более грозно зарычал я из-под шлема.

— А-а, малыш Полисаний прибыл, — удовлетворённо сказал начальник преисподней, — давай руби уже её.

— А меня внутрь не затянет? — засомневался я.

— Не должно бы. Скорее всего, нет, — неуверенно предположил бесьяра, — Но даже если затянет, это будет лучше, чем если эта штука вырвется. Она может разложить на составляющие весь мир.

— И откуда она взялась?

— Как тебя ещё не выгнали из бурсы? Ты задаёшь слишком много вопросов, — зарычал демон и кивнул на Рума, — Вот, этот великий властитель хотел создать себе волшебного воина. Хорошо, что он знал, как меня позвать.

— Пожалуйста, руби скорее. Этот барьер держится на магии моей крови, а у меня крови не так уж и много, — попросил Рум.

Я размахнулся и рубанул по столбу света. Раздался беззвучный визг на уровне чувств, настолько сильный, что я осел на пол. Свет исчез. Рум тоже упал, демон исчез. Я осмотрел меч. Меч был слегка обожжён.

Появилась Вамташпа и протянула мне камень из мостовой. Коснувшись камня, я оказался в городке Лавры перед двухэтажным домиком. Очевидно, что первоначально домик был построен как роскошное жильё какого-то купца, но потом район стал промышленным, а домик превратился в кабак.

— За картиной над первым пролётом лестницы на второй этаж, за шпукатуркой, резная деревянная шкатулка, в ней двадцать золотых. Картина изображает яблони в цвету. Зайди, посмотри, — сказала демонесса.

Я зашёл в кабак, прошёл к стойке. Посетителей почти не было. Обстановка была очень унылой, помещение явно давно не обновляли. Обещанная картина висела на месте. Я нагнулся к пожилому мужику за стойкой:

— Надо поговорить с владельцем здания. Это вы?

— Да, это мой дом, — грустно промямлил мужчина.

— У меня есть дар. Я могу видеть замурованные в стенах сокровища. У вас есть такое в здании. Предлагаю поделить сокровище. Мне семьдесят монет на сотню, вам тридцать.

— Мне шестьдесят, вам сорок, — моментально отреагировал кабачник.

— Попролам?

— Идёт!

— Где сокровище?

— За картиной с яблонями.

— Ты действительно можешь видеть сокровища. Проблема в том, что это я её туда замуровал на чёрный день.

Я попытался принять грозный вид:

— Так можно сказать про любое место. Что в тайнике и как выглядит?

— Деревянная шкатулка, резная, в ней двадцать монет.

Я сдался:

— Ты прав, браток. Снимаю все претензии. Перепрячь. Я больше не зайду в твой дом. Кстати, ты случаем не пытался обмануть одну рогатую чертовку на двадцать монет?

Я никогда не видел, чтобы человек так пугался. Дяденька реально посерел до полной потери цвета лица.

Я вышел из кабака и поискал глазами чертовку. Вамташпа стояла в конце квартала.

— Подстава. Деньги давай, — потребовал я, подходя к демонессе.

— Ну, почему подстава? Надо было как нормальные люди, ночью зайти, или когда хозяин на кухню уйдет.

— И стать грабителем? Не дождётесь. Обещала деньги — плати.

— Ладно — ладно. Сейчас тут один дяденька поедет, поговори с ним, он тебе пять монет даст.

Я открыл рот, чтобы заругаться, но чертовка исчезла. А из-за угла действительно показалась повозка для дальних странствий. Не карета, но серьёзное устройство.

— Не подскажите, как проехать к Лавре? — обратился ко мне молодой, но солидно выглядевший человек с козлов.

— Тудадвигаюсь. Если подвезёте, то доведу до ворот.

— А садись, — подвинулся возница. Я запрыгнул на скамеечку.

— Судя по одежде, значку и оружию, вы одновременно и студент — монах, и военный? — спросил дяденька, когда мы двинулись.

— Студент. А потом приняли в орден... Помогаю обеспечивать безопасность города иногда. Знаете, сколько людей на большие праздники прибывает? Малейшая ошибка — и задавят друг друга толпа на толпу, без всякого на то желанья.

— О-о, большое дело, — послушно восхитился дяденька.

— А вы зачем едете? За кем-то из учащихя или гостиницу ищите? Могу подсказать приличную и недорогую.

— Буду благодарен, если сначала покажешь вход в Лавру, где на исповедь людей принимают, а потом гостиницу. Я тут впервые.

— Едем! Я с удовольствием. А если вы на исповедь, то лучше приходите пораньше, часов в пять или шесть. Очередь очень большая, все стремятся здесь исповедаться и причаститься.

— Ну... Мне не столько исповедаться, сколько поговорить... О жизненных проблемах.

— Нет, тут говорить просто так не будут. Только после исповеди можете что-нибудь спросить. Да и то вряд ли ответят, людей очень много ждёт исповеди и причастия. Если про серьёзные жизненные проблемы поговорить, прямо как если жить или не жить, то люди к монахам ходят, но там тоже на поток всё поставлено — грешен, каюсь, бог тебя простит, следующий заходи. И очередь к ним такая, что несколько недель надо ждать.

Дядька приуныл:

— У меня нет столько времени. Послушай, вас же учат на священников, может, ты мне ответишь. Вопрос простой и частый. Можно сказать, типовой. Меня родители в детстве сильно давили, оскорбляли так, чтобы сбежал в самостоятельную жизнь сразу, как только появилась возможность. А теперь они стали ветхими, жить сами не могут, пришлось взять их в дом. А они остались какими были, командуют в оскорбительной форме, жену обижают и вообще жить рядом невозможно. Иногда хочется их прибить. Я нашего святого отца спрашивал, а он только одно может твердить: «Почитай родителей твоих, и тебя Бог вознаградит!».

— А вы знаете, что происходит с человеком после того, как он принимает правило полного беззлобия, правой и левой щеки?

— Про то, что такое правило есть, слышал, о том, что надо жить любовью и других людей не обижать, знаю, но такого правила не принимал.

— А происходит то, что ничего не получается. Что-то пересиливает и в каждом конфликте действуешь так, как привык ранее — оскорблениями и грубостью. В житиях святых отцов полно историй про то, как у них первое время ничего не получалось. Да и к концу жизни они тоже себя ещё больше грешными считали. Жития святых читали?

— Да, я люблю почитать. Есть такое дело, встречал в житиях.

— О чём это говорит? Что управление человеком осуществляет чаще всего не сам человек, а животная часть. А там только гнев, гордость и подражание ранее виденному поведению. Даже после отказа от гордости очень тяжело выйти из-под этого давления. Вот к чему я рассказываю вам про правило правой щеки. Так что если ваших родителей в детстве шпыняли их родители и гоняли ровесники, то и они себя по отношению к вам будут вести деспотично и безжалостно. Даже если в детстве обещали себе быть хорошими. У них просто неоткуда было взять идею о том, что не стоит добиваться дома абсолютного послушания способами крайней жестокости. Ужасные жертвы ужасных жертв — так о них пишут в

нашей литературе. А потом такие дети, униженные и оскорблённые в детстве, болеют от того, что заедают горе вкусами или запрещают себе все радости из-за обиды на весь мир. Единственный способ это остановить — любовь и прощение, как Господь учил. Не забивать собственных детей, как бы не бесили, не выбивать из всех вокруг абсолютного послушания. А со временем и вовсе отказаться от гнева и любых унижений, начать жить только полной любовью.

Я посмотрел на дядьку и увидел, что он плачет.

— Ужасные жертвы ужасных жертв. Это значит, что их можно простить, но не слушаться. Молодой человек, вы сказали всё, что мне было нужно. Цель моей поездки достигнута. Вас всё-таки неплохо учат. Я предполагал потратить десять монет на жертву монастырю и ещё двадцать святому отцу за общение, но теперь я могу десятку отдать вам. Берите, вы их честно заработали. Я знаю, что у студентов тяжело с деньгами. Так что берите.

Мы как раз приехали к гостинице, в которой Орден недавно уничтожил хозяев — убийц, к гостинице, где я познакомился с Орденом. Гостиницу после этого передали паре, которая была очень обязана магистру, и которая сильно бедствовала. Предполагалось, что они подкормятся, содержа эту гостиницу, но паломников отпугивала плохая слава. Я провёл дядьку к хозяевам. Те были невероятно рады неожиданному постояльцу. Гостей у них было мало.

Я взял деньги, пожелал всем всего хорошего и пошёл домой пешком. На выходе из гостиницы возникла Вамташпа, потребовала пять монет, так как она обещала мне только пять, а я получил десять. Послал её ко всем чертям, сказал, что это было непредсказуемо и что мы ни на какую конкретную сумму не договаривались. Чертовка ездил по ушам и попрошайничала аж до ограды Лавры.

* * *

На следующий день сразу после выполнения домашнего задания я заполз на койку в надежде, что уж сегодня точно смогу додумать мысли, так жестоко прерванные вчерашним вторжением. Ничто не предвещало неприятностей. Серен готовился зажечь свечку, чтобы заглотив очередную порцию философской литературы, все домашние задания были сделаны...

Не тут-то было! Стена опять начала раскрываться. Я подумал, что это опять Вамташпа, и недовольно пробурчал:

— Ну, что ещё опять?

— Как всегда, спасение мира, — весело ответил Одрамас.

— Ой, простите, примите моё глубочайшее...

— Скидывай всю одежду и пошли, времени нет.

Я послушно разделся. Одрамас взял меня за руку, и мы перенеслись. Я успел заметить только круглые глаза Серена.

Это было очень странное помещение. Самое странное из всех, которые я когда-нибудь видел или увижу. Стены помещения создавала некая пелена, больше всего похожая на грозные облака. При этом они ещё текли, как настоящие облака, границы помещения из-за них всё время менялись. Пол состоял из массы того же цвета, но плотной. Ноги в ней утонули на палец, как в ковре. Потолка не было, вверху можно было увидеть звёздное небо.

Очень длинный стол находился между хаотично поставленных колонн, на которых лежали мощные каменные балки. Похоже, именно этот периметр из колонн и балок считался здесь стенами. За столом стояли и сидели мужчины и женщины разной степени одетости и раздетости. Я узнал Васту и Здраваланию.

Одрамас посадил меня на стульчик на узкой части стола, напротив главного места. Сказал сидеть и молчать. Я успел спросить, почему именно я. Одрамас шепнул:

— Ты один из немногих, кто не умрёт от восторга и не обрыдается.

Стульчик оказался очень неудобным, ноги не доставали до пола, а никакой перекладки для ног не было. Чтобы ноги не затекли, пришлось ими болтать.

Появился Ара. При виде Здравалании он традиционно восхитился и кинулся на сближение:

— Великолепная!

Здравалания взвизнула и спряталась за Васту. Васта схватила Ару и швырнула в сторону стола. Одной рукой! Ара перевернулся в полёте, приземлился точно на стул недалеко от меня, достал длинное перо и начал писать прямо на столе. Золотые буквы из-под пера бога войны взлетали и выстраивались над столом во фразу «Безжалостная, неспособная снизойти к простым восторгам простого мужчины, источник всех мамизмов и нелогичностей, ...».

Тут рядом со мной появилась ещё одна женщина. Эта дама была крайней степени раздетости. Она не просто была раздета, на ней были кое-какие кусочки ткани и украшения, но они были сделаны так, чтобы не скрывать, а подчёркивать все интересные места. В результате она казалась даже более раздетой, чем самая нагая женщина.

Дама сразу направилась ко мне и запустила в волосы руку, стала гладить по голове:

— Ой, какой красавчик! Беленький, кудрявенький! Откуда у нас тут смертный? Такой миленький!

Ара сразу перестал писать, насторожился и с угрозой проговорил:

— Нума, а ну-ка отойди быстро от малого!

Женщина даже не подумала его послушаться, она положила мне на плечи огромные груди слева и справа от моей головы, так, что они свесились аж до моей груди, и прижала мою голову к своей груди. Получилось, что я лежал на ней, как на кресле с подголовником. Теперь женщина гладила меня по голове уже двумя руками. Насколько я мог понять, не просто гладила, а очень быстро нажимала на какие-то особые точки, делала массаж.

Я понял, что молчать в таком случае будет непочтительно, и спросил:

— У вас великолепные груди. Можно погладить?

— Тебе? Конечно, можно.

Я возможно более нежно провёл руками по огромным сиськам. Они были мягкими и нежными, но под кожей чувствовалась огромная энергия. У меня было такое ощущение, будто я погладил реку. Реку энергии. Нума в это время закончила с головой и начала массировать плечи и шею. Ара занервничал ещё больше:

— Нума, пошла вон от мальчишки! Ишь, распустила руки! Как он потом жить будет, с таким количеством энергии? Он и так получил больше, чем может выдержать смертный. Из него троё боевых девчонок силу год сосали, так и не высосали.

Нума отвела мне назад плечи и упёрлась коленом в позвоночник, так, что в спине что-то хрустнуло. Почти как моя двести пятая в первую встречу, но посильнее. Пока я вертел головой, пытаясь привыкнуть к новому чувству лёгкости и свободы, Нума схватилась за мужской орган.

— Нума, я сейчас на тебя войной пойду, — предупредил Ара.

— Не беспокойся, старый охальник. Я только поблагодарю парнишку за ласковое поглаживание. Давно не встречала такой мужской нежности. И вообще, радуйся, что я не тобой сегодня занимаюсь.

Нума отошла, а я с ужасом обнаружил, что после её ласки мой мужской орган стал длиннее чуть ли не вдвое! Ужасаться времени не было, так как в помещении появился Главный. Высокий мужчина, совсем без одежды, но с такой властностью и устремлённостью, что нагота была не заметна.

— Начинаем, — сказал Главный и завис в воздухе над местом во главе стола.

Боги и богини моментально заняли свои места за столом.

Как там называли кочевники своего главного? Зиждец? Или кто-то другой?

Поначалу речь шла о каких-то скучных вещах, о запасах продовольствия у разных народов. Насколько я понял, что эта команда работала не только с кочевниками, а со всеми государствами нашего мира. После работы в городе кочевников я знал, насколько важны запасы еды, но боги общались настолько быстро, что я не успевал уловить суть дела. Оставалось только сидеть и болтать ногами. Потом темы с продовольствием и оперативными вопросами закончились, и Главный перевёл взгляд на меня. Я посмотрел на Главного. Это было ошибкой.

В лице этого мужчины было всё. Мудрость, глубочайшее понимание, глубокая боль от сочувствия всем человеческим бедам, но при этом и весёлая жизнерадостность. Он был таким хорошим, что хотелось упасть ему на грудь и плакать от того, что такое бывает. Проклятие, я начал плакать.

— Почему смертный только один? — удивлённо спросил Главный.

— Это единственный, кто в эту эпоху прошёл через барьер Преображения, — ответил Радо.

— Чего? Плохо работаем! Устройте им встряску. Трагические впечатления, глубокие прозрения. Иллюзий подбросьте, вдохновения добавьте. У нас хотя бы есть по три праведника на город? А то сами знаете, Господин не поддерживает города, в которых нет хотя бы троих праведников.

— Праведников хватает. А вот таких, которые перешли через барьер, нет. Сделали всё, что могли, — оправдывался Радо, как мальчишка.

— Ладно, работаем с тем, что есть. Полисаний, скажи своему слуге, чтобы не шумел, а то отвлекает внимание.

Слева от меня в пространстве возникло круглое окно, за которым стало видно, как Серен кладет поклоны и просит Господа спасти меня. Он находился совсем близко, на расстоянии вытянутой руки.

Я сунул голову в отверстие и позвал друга:

— Серен, эй! Хорош шуметь. Мы тут серьёзные вещи обсуждаем, отвлекаешь. У меня всё хорошо.

— Ага, — обалдело пообещал Серен.

Я вытащил голову.

— Лучше не переходи границу окна, оно может неожиданно закрыться, и голова будет дальше жить отдельно от тела, — посоветовал Ара.

— Что там у нас с климатом? — спросил Главный.

Встал докладывать дедок с такой длинной бородой, что еёхватило, чтобы завернуться в

неё целиком.

— Помедленнее, чтобы смертный понял, — предупредил Главный.

Из того, что сказал дед, я понял, что с климатом вскоре будет совсем плохо. Из-за небольшого общего похолодания на севере начнет расти шапка полярного льда, лёд будет отражать тепло, из-за чего станет ещё холоднее. Через три сотни лет с севера поползёт ледник в версту толщиной, ледник закроет все наши страны и дойдёт до тех мест, где сейчас только жаркая песчаная пустыня. Там тоже будет холодно, но безо льда.

— Как будем спасать культуру и учение Бога-из-огня? — спросил Главный.

Боги начали обсуждать идею присоединить ещё один мир. Я ничего не понял, но по этому поводу можно было не огорчаться, так как боги решили, что это плохая идея. Слишком большие глобальные повреждения типа волн в версту высотой, землетрясений и извержений вулканов.

— Значит, придётся эвакуировать людей в соседние миры. Но не факт, что они потом оттуда вернутся. А в этом мире как будем культуру сохранять? — опять спросил Главный.

— Есть большой остров... Мир, который мы присоединили много лет назад. Там будет относительно тепло, можно будет пахать и выращивать злаки. Эта культура про него не знает. Там живут люди — кошки. Проблема в том, что корабли этой цивилизации по техническим возможностям не очень могут до него доплыть, — доложил Радо.

— Значит, нужно, чтобы присутствующий здесь смертный открыл этот остров и запустил процесс совершенствования техники и кораблей. А ещё надо основать там колонию под любым предлогом, с полным запасом книг и истории, — решил Главный.

Все боги посмотрели на меня. Я и одного-то взгляда боялся, а тут сразу все... Я чуть не помер.

— Задачу понял? — спросил Главный.

— Только в общих чертах, — признался я.

— В подробностях её пока вообще никто не знает. Как придумаем, доведём. Кто с тобой чаще работает? Радо? Вот его и попросим. Пока учи язык южного народа.

Главный перевёл взгляд пониже, после чего посмотрел на Нуму:

— Я тебя сколько раз просил так с парнями не делать?

— Так хочется хорошее сделать выдающимся, — хихикнула Нума.

— Радо, верни маленького на место.

Одрамас встал и нарисовал рукой проём в стене из облаков. За отверстием обнаружились ступени, уходящие вниз. Я соскользнул с опостылевшего стульчика и поспешил за провожатым.

Проём за нами закрылся. Одрамас заговорил:

— Я умышленно веду тебя длинным путём. Надо обсудить кое-что о твоих последних изменениях. Сейчас после принятия полного беззлбия у тебя должны были возникнуть проблемы с параличом дыхания и стеснённой в движениях.

— Откуда вы знаете?

— Суть проблем в том, что твой организм — это тоже сложная многоуровневая система, не менее сложная, чем государство. Тебе потребуется много смирения и терпения, чтобы научиться управлять этой системой мягко. Надо будет разрешить все противоречия между разными уровнями. Я даже не смогу тебе за один раз рассказать всё, что надо сказать. По-хорошему тебе должны были это всё рассказать более опытные люди, но среди ваших монахов много алкоголиков, много молитвенников, много постников... Но принявших

правило правой и левой щеки нет. Смотри, после принятия правила полного беззлобия нарушается привычный строй управления телом. Обычно высшие уровни духа и души принуждают низшие уровни к действию, используя запомненные с детства страхи и боли. Когда низшие уровни хотят лениться или им больно двигаться, высшие уровни вытаскивают воспоминание о какой-то старой боли или стыде и говорят тем самым: «Надо двигаться, иначе будет больно, как вот тогда». Получив такой пинок, низшие уровни бегут куда сказано, но при этом высшим уровням тоже больно осознавать это старое воспоминание. Как его подавить? Создать образ себя — великого убийцы препятствия. Поэтому для, того, чтобы работать, людям надо разозлиться, если не вспомнить, то придумать врага, чтобы потом гневом и агрессией подавлять все неприятные впечатления. А ты себе гнев запретил, соответственно, образа «великого убийцы препятствий» нет. Вот и полезли все старые ожесточения и страхи, которые нечем преодолевать.

— И как их удалять?

— Никак не удалишь. Это память плюс действие встроенных в тебя животных систем обработки информации. Тут придётся действовать сразу по трём направлениям. Во-первых, не доводить себя до такого перенапряжения, чтобы организму приходилось включать героизм ради преодоления боли. Но это не всегда возможно. Поэтому необходимо продвигаться и по второму пути. По пути мягкого властителя. Ты сейчас думаешь, что можешь плохие чувства выключить или запретить, а хорошие мысли и чувства установить. Это не так. Считай, что твой разум — это слабый властитель государства, в котором действует множество сил... типа кланов разных буйных баронов. Ты можешь властвовать только до тех пор, пока принимаешь сторону одного клана против другого.

Вот и перестань считать своё сознание активным игроком. Будь правителем, который всех слушает и ничего не предпринимает. Только так ты сможешь увидеть действия разных систем и использовать их в своих интересах. Даже когда чувствуешь, что не можешь вздохнуть, просто не дыши. Не используй старый способ дышать. Возникновение такого ощущения означает, что животные системы обработки информации нашли этот способ очень грубым, использующим слишком сильную боль. Не бойся, не задохнёшься. Через некоторое время организм сам продышится.

— А третий путь?

— Третий путь — надо перевести неприятное ощущение из разряда страха и боли в разряд осознанных воспоминаний. Так, чтобы животные системы не могли больше использовать это воспоминание в качестве пугала. Для этого существует много способов, поскольку эти боли разные бывают. Некоторые можно вспомнить, а некоторые бывают настолько сильными, что к ним даже мыслью больно приблизиться. Как правило, это болезненные ощущения, полученные при родах или на грани выживания. С ними в любом случае придётся работать, так как именно их используют животные системы, чтобы перехватить контроль над поведением во время конфликта, чтобы включить гнев, или чтобы включить панику. Об этих методах поговорим в другой раз, а пока вот тебе самый простой способ: если чувствуешь, что какой-то кусок боли мешает дышать, спроси себя, к какой такой большой боли запрещено приближаться мыслью. А потом представь, что каждая клеточка тела заполняется тихой радостью от того, что всё может быть таким, каким оно должно быть, как у Бога, и три раза повтори «Я отпускаю боль и ожесточение и заменяю их тихой радостью от того, что всё может быть таким, каким оно должно быть». Для болей, которые мешают дышать или действовать, пока хватит.

— Про какие другие миры говорили...

— Я тебе потом расскажу.

— Когда?

— Когда вырастешь. Всё, мы пришли.

Одрамас нарисовал дверь в тупике перед ним, и мы вышли из стены в мою комнату. Серен до сих пор обалдело смотрел на то место, где была круглая дыра в пространстве. Одрамас исчез.

Серен повернулся ко мне с запозданием:

— Господин, где вы были?

— Всё хорошо. Мне поставили новые задачи... Ты извини, но голова пухнет. Надо проверить новые впечатления. Я чуть посижу молча...

— Господин... А что они сделали с вашим мужским органом?

— А-а, это... Не обращай внимания. Это некоторые богини так шутят.

— Я вовсе не шучу, это серьёзное улучшение системы, — раздался голос Нумы в комнате.

Серен подскочил, я меланхолично сказал:

— Ага. Серьёзное улучшение.

Сейчас меня ничто не могло удивить.

На меня напало такое состояние, будто внутри пытались говорить сразу много людей. Только вместо людей были мысли. У меня бывало нечто похожее, когда после серьёзной драки в голову лезли варианты поведения, которые никак было не укротить. Но такого не было никогда! Мыслей на разные темы было так много, и все они были такими срочными... Как там говорил Радо? «Будь неактивным правителем»?

Я попробовал сесть, успокоиться и не думать ни о чём. Сразу ринулись отложенные мысли: Я единственный, кто принял правило правой щеки? Все наши усилия по защите нашего государства и обустройстве мирка кочевников бессмысленны, так как на дальний остров удастся эвакуировать лишь немногих? Про какие другие миры говорили боги? Как будет работать мой новый длинный мужской орган, не сломается ли? Неужели мне теперь придётся годами разбираться с противоречиями внутренних систем, а всё это время страдать от задержек дыхания и неспособности сдерживать гнев? Почему древние боги спасают учение Бога-из-огня? Почему молитвы Богу, которые читал Серен, слышал главный среди древних богов? И почему я не спросил его имя у Радо? Как построить корабль, который будет способен перевезти сотни человек?

Я дал всем мыслям поочередно заявить о себе, а затем поблагодарил их и сказал, что подумаю о них позже. Тяжелее всего было с мыслью о корабле, фантазия сразу разбуянилась так, что еле остановил.

А неплохая идея о том, чтобы относиться к организму со смирением. Не знал бы, сейчас начал бы обдумывать каждую идею до таких пор, пока не довёл себя до истерики...

Только после этого я смог поболтать с Сереном. Он всё это время изнывал от любопытства.

Новость о том, что приближается ледяная эпоха, парня впечатлила. А новость о том, что придётся глубже учить язык империи Джа, повергла в уныние. У нас был маленький курс языка южной страны, но очень поверхностный.

Ночью мне снилось, что я шёл по городу совсем раздетым. После моих девчонок и войны я уже не очень боялся показаться хоть кому хоть в каком виде, но тут мне почему-то было очень стыдно. А потом возникло такое ощущение, будто меня поднимает большая рука и ласково обнимает, как котёнка, а затем мягко передаёт в другую руку. Я чувствовал, как мягкие и тёплые подушечки ладони и пальцев касаются моей кожи, как я соскальзываю с одной ласковой руки на другую, а потом на следующую. Поначалу было страшно, и я пытался принять защитную позу. Потом стало ясно, что никто на меня нападать не собирается, наоборот. Меня мягко гнули и гладили одновременно, что-то вроде того, как Ва делала мне массаж, чтобы отучить от сутулости. Я расслабился и принялся гнуться так, как подсказывали большие руки. Руки тут же перешли от лёгких изгибов к завязыванию меня в разные узлы. Я продолжал оставаться мягким и не сопротивлялся, выдержал все сгибы и изгибы. В итоге появилось забавное такое ощущение, будто мне ничего не страшно, если я буду мягким.

Проснувшись, я начал размышлять, что это было: то ли бесы хотят приучить меня к мужской ласке и грешной любви, то ли Бог послал мне некоторое новое умение. Решил прочитать пару молитв и не волноваться.

При первой возможности я пошёл за учебником языка империи Джа. Путь в библиотеку мне преградили двое старшекурсников, которые хотели пива и не хотели быть наказанными за самоволку. Они предложили сбегать за пивом мне. Я удивлённо спросил, неужели они такие тупые, что до сих пор не слышали обо мне и нашей группе поддержки. Честно предупредил их, что при попытке меня обидеть обижены будут они, и очень сильно. Пнеголовые не поверили. Когда я попытался протиснуться в библиотеку, один из них применил сверхсилу и ударил меня в живот. Ударил сильно, так, что я пролетел шагов двадцать и только после этого врезался в дерево. Как спастись от ударов, меня научили ещё в детстве надо просто набрать воздуха и задержать дыхание. Тогда пробить живот почти невозможно, он работает, как надутый мех с пробкой. Если бы я не знал этой хитрости, это был бы смертельный для меня удар.

А вот дальность полёта и удар о дерево были за пределами человеческих возможностей. Если бы меня во сне не научили мягкости, я бы умер на месте. А там меня закрутило о дерево, я мягко обтёк его и отлетел ещё на пять шагов, прямо под ноги начальника отдела порядка. Он вышел из-за угла как раз вовремя для того, как увидеть довольную улыбку на лице ударившего меня студента. Не говоря ни слова, начальник показал на драчуна двоим «гончим». «Гончими» называли двух сопровождавших начальника отдела поддержания порядка, это были очень быстрые и сильные благородные господа. Обычно они ловили только тех, кто бегал в самоволку, и силу им не приходилось использовать, все студенты знали, на что они способны.

Нарушителя взяли под белые ручки раньше, чем он успел снять с лица улыбку. Его исключили из университета моментально, все свидетели показали, что это была попытка убийства с использованием сверхсилы. Сверхсилы теоретически применять в университете запрещалось.

Ва молча ругалась, восстанавливая меня в течение доброго часа. Я читал каждое её ругательство на лице.

Обдумывая произошедшее, я понял, что меня действительно ночью кое-чему научили. Но каждая такая учёба всегда требует оплаты. Как минимум в виде практического закрепления знаний на следующий день.

* * *

Раньше я молился очень мало, вычитывал только утреннее и вечернее правило, как было положено по уставу университета. Теперь молиться приходилось почти постоянно, чтобы хоть как-то притушить те картины борьбы с «абсолютными агрессорами», которые навязывала мне животная часть. Вскоре я заметил, что молитва уходит куда-то на второй план, а явный разум в это время обдумывал какую-нибудь мечту, навязанную произвольным отвлечением внимания. Понаблюдав за явлением, я понял, что в человеке может одновременно идти как минимум три информационных процесса: повторение молитвы, обдумывание произвольно возникшей идеи и ещё плюс работа моего явного сознания, которое наблюдало за всем этим дурдомом.

Поначалу я испугался и подумал, что Бог рассердится на такую невнимательную молитву. Потом я понял, что произвольные отвлечения внимания — это тоже не просто так, что это действие встроенной системы переосмысления опыта. Увидев, что явный разум не занят чем-то жизненно важным, эта система отодвигает молитву на второй план, а на первый план выводит какие-то свои неразрешённые вопросы. И постоянные повторения картин конфликтных ситуаций — это тоже действие этой системы. Она пытается добиться от явного разума, как вести себя в похожих ситуациях, чтобы и выживание организма и общества обеспечивалось, и явное сознание посчитало этой правдой и согласилось. Забавно, опять всё сводится к тому, что надо не давить сомнения силой, а проявлять мягкость и понимание. А я их молитвами пытался заглушить... Похоже, заглушить не получится.

Чуть позже я обнаружил, что молитва вызывает противоречия между разными отделами головы. В обычном состоянии сознание как-то укладывалось и действовало относительно гармонично. Но стоило начать молиться, как обнаруживались тысячи противоречий. Левая часть головы угнеталась, правая теряла берега. Образ бога — деспота сталкивался с убеждением в том, что Бог — это любовь, это вызвало новую волну противоречий, и глазки уползали в сторону и вставали на жёсткий упор. Приходилось опять напоминать себе о мягкости и смирении. Жизнь становилась весьма непростой...

* * *

Вастараба родила чуть позже, чем было положено по сроку. Она уже начала бояться, что Ангела как-то заставила её вынашивать слонёнка или ещё кого побольше. Увидев, что родился мальчик, Ва потеряла сознание. Она ожидала Великую Целительницу, а тут непонятно зачем родился мальчишка. Шок был таким сильным, что в первые дни Ва даже не кормила его. Приходилось класть малыша ей на грудь. Потом удалось достучаться до разума и донести идею о том, что если Васта послала ей мальчика, то это даже лучше, чем целительница. Иначе богиня просто не стала бы ей помогать понести. После этого всё нормализовалось, Ва полюбила малыша так, как любят малышей молодые мамы.

А малыш оказался непростой. Бабка — повитуха, приглашённая с дальнего конца города, показала мне малыша и слегка хлопнула его по попе. Кожа малыша в этом месте сразу затвердела. Мало того, она ещё и гнулась, оставаясь твёрдой и прочной! Совмещённые способности моих родителей. Потом Ва разглядела у него во рту трубочку ядовитой железы. Он ещё и будет владеть ядом. Для парня вообще уникальная способность.

Я написал отцу, что он теперь дедушка, описал способности ребенка. Отец ответил, что они всегда будут рады принять в замке внука и сделать его официально приёмным ребенком. И, конечно, будут рады принять в замке его маму. Я всерьёз задумался о таком повороте событий. До сих пор Ва жила в подземной тюрьме ордена, рядом с пленными чудовищами, в статусе свободной кочевницы. Но ребёнку статус благородного в этом варианте не полагался. Только статус свободного кочевника со способностями. Моё отцовство в принципе никак упоминаться не могло.

По существующим законам ребёнка кочевницы со способностями должны были в шестнадцать лет принудительно мобилизовать в армию без каких-либо надежд на карьеру. Таких детей ещё не было, но закон уже был. У приёмного ребёнка благородных было намного больше возможностей.

На пятый день Ва, покормив ребенка, отложила его в сторону и потребовала дать ей дочку. Я соскучился по любовным забавам и выполнил просьбу с удовольствием. Оказалось, что Нума не просто удлинила мне орган. Я мог управлять им, когда он находился внутри чрева. Гнуть влево — вправо и вверх — вниз, ощупывать стенки чрева. Я мог делать его толще или тоньше по своему желанию. Последнее обстоятельство Ва особенно порадовало. После ребёнка её родовые пути ещё не пришли в обычное состояние. В целом Ва оценила подарок Нумы как полезное улучшение.

* * *

Серен во время очередных боёв со старшекурсниками ради защиты селян — первокурсников влип в большие неприятности. Одного особо глупого и жестокого парня они избили так, что тот получил тяжёлые повреждения. Дело дошло до начальства. Все участвовавшие дружно назвали Серена как ведущего человека. Несмотря на то, что факт нападения со стороны старшекурсника был установлен, против Серена открыли уголовное дело. Пока ему разрешили ходить на занятия, но впереди маячил суд.

* * *

Прямо перед экзаменами меня вызвал настоятель монастыря и заявил, что из меня не получится святой отец.

— Думаю, вам лучше продолжать карьеру на военной или гражданской службе. Для того, чтобы быть святым отцом, необходимо некоторое количество особых качеств. Мягкость, терпение. У вас их нет. Вы слишком торопитесь исправлять мир силой. Это именно те качества, которые нужны в армии или на государственной службе. Я напишу вам прекрасные рекомендации, вас с удовольствием примут в администрации Государя. Для небогатого благородного человека без боевых способностей это прекрасная карьера. Я

слышал, у вашего сына выдающиеся способности?

— Да, святой отец.

— Это прекрасно. Ваш отец будет рад усыновить его. Имея отца в администрации Государя, у молодого человека будут прекрасные возможности. Так что рекомендую вам написать заявление об исключении из университета. Есть и ещё один момент. Ваш слуга. Мы не против, когда ученики читают разную наивную утопическую литературу. Это развивает способность противостоять упрощённым умственным построениям. Но ваш слуга, похоже, очень увлёкся идеей народного государства. Они даже увлек за собой ряд нестойких студентов из числа самых простых хлебопашцев. Думаю, будет лучше для всего нашего народа, если он на протяжении жизни будет вашим слугой. Не позволяйте ему становиться общественным деятелем ни в каком виде. Он слишком легко увлекается. Если вы заберёте его с собой, я остановлю уголовное дело.

— Я напишу заявления. Но мы не сдали экзамены.

— Не стоит беспокоиться. У вас обоих очень неплохая успеваемость. Думаю, мы можем выдать вам диплом об окончании двух курсов университета с отличными оценками по всем предметам.

— Вы очень добры, ваше преосвященство, — еле смог я выдавить из себя.

— Я вижу, что не ошибся насчёт вас, — улыбнулся настоятель.

Вечером я сообщил Серену, что мы едем в столицу, где я буду работать чиновником, а он будет моим слугой.

— Фу-ух, а я так боялся экзамена по натурфилософии, — с облегчением выдохнул Серен и пошёл покупать лошадку.

На следующий день магистр нашего Ордена борьбы с нечистью выписал мне рекомендации для столичного Ордена. После ритуала освобождения от обета монашества мы вытащили со стоянки университета нашу огромную повозку и покатали в столицу.

Глава 20

Коррупция

— Настоятель Университета пишет, что ты искренне веришь в Бога и соблюдаешь заповеди? — начальник бюро подбора слуг министерства сельского хозяйства посмотрел на меня так, будто я был невиданным чудовищем.

— Да, господин, — удивился я такому вопросу.

— И даже заповедь «Не укради»?

— Бог рядом, господин. Никакие заповеди лучше не нарушать. С Богом лучше, чем с жадностью.

— И при этом ты ещё закончил два курса, то есть весь курс математики для не специалистов?

— Да, господин.

— И при этом ты думаешь, что ты малоценный сотрудник, так как у тебя нет боевых способностей?

— Так мне говорили с детства, господин.

Начальник бюро засмеялся. Вид и звук был такой, будто раскололся старый сухой дуб. Я совсем засмутился.

— Я дам тебе мелкую должность. Противную. Ты будешь учитывать неуплаченные налоги, общаться с должниками. Ничего сложного. Нужна только точность, кто сколько недоплатил, и ещё надо посылать письма должникам. Графам, герцогам, баронам. Сможешь?

— Нас очень хорошо учили каллиграфии в университете, господин. Написать письмо смогу.

Начальник бюро ещё раз изобразил расколовшийся дуб. И чего он ржёт?

* * *

Помещение нашей конторки было под стать работе — мелкое, противное и некрасивое. Первый этаж, почти полуподвал кирпичного здания. Приемная для посетителей была больше нашей рабочей комнаты, в которой сидело десять человек, к тому же большую часть площади занимали шкафы с документами. В комнате всегда было душно, при попытке открыть окно кто-нибудь сразу начинал кричать, что ему дует.

Коллеги тоже были мелкими и противными. Кинуть муху в чернильницу или налить чернила на стул они считали классной шуткой. При этом все из благородных... Я был с ними всегда вежлив и молчалив.

Если бы я понимал, что проведу здесь всю жизнь, то просто сдох бы от тоски. А так... Впереди маячило путешествие на неведомый остров, обещанное богами, так что можно было и потерпеть.

* * *

Поначалу жалование в министерстве показалось мне великоватым. Но когда я сравнил его с тем, сколько стоит маленькая двухкомнатная квартирка и стоянка для лошади с повозкой, понял, что денег на еду слуге, женщине и ребенку не хватит. Повозку и лошадку пришлось продать. Даже в университете мне хватало денег, чтобы их содержать. Теперь пришлось ходить на работу пешком, больше часа в одну сторону.

Выживали мы только благодаря тому, что мне подкидывали деньжат из местного ордена по борьбе с нечистью. Других гадюк со сквозным зрением здесь пока не было, так что Ва оказалась очень полезной. Да и я с моим волшебным мечом был не совсем бесполезным.

Как-то раз я спросил коллег на работе, как они жили в молодые годы, если жалования на выживание не хватает. Те почему-то начали хихикать, потом сказали: «Хочешь жить — умей вертеться».

* * *

К концу второй недели моей работы начали прибывать те хозяева, которые жили ближе всего к столице и которые первыми получили мои письма о взыскании недоимок. Почему-то каждый первый из них горел желанием угостить меня обедом. Поначалу я удивлялся, потом понял, что за обедом они всегда предлагают взятку, чтобы я списал им долг или хотя бы его часть. Я пожимал плечами и говорил, что дорожу своим местом и что налоги надо платить.

В один не очень прекрасный день я наткнулся на центральной улице на старшего брата, на Алесания. Я хотел удрать, но брат неожиданно обрадовался встрече, разулыбался и стал звать перекусить за его счёт. Пришлось идти налаживать отношения с роднёй.

Алесаний и правда был весел, жизнерадостен и полон желаний составить мне протекцию. Он устроился в полк охраны дворца и чувствовал себя превосходно. Я спросил, как он выживает при небольшом жаловании. Брат засмеялся:

— Дамы. Я люблю дам, они любят меня. В основном, потому, что у меня некоторая часть тела может долго быть твёрдой... Ты понял, какая.

Я не удержался и хихикнул.

— А когда я ухожу, я обнаруживаю в кармане несколько больше денег, чем там было до этого. Ты не представляешь, насколько развратные эти суки. Они передают меня с рук на руки и рекомендуют друг другу. Некоторые даже не предохраняются. Они не против иметь ребёнка с моими способностями. Думаешь, почему я здесь, а не в действующей армии?

— Кому-то нужно охранять дворец? — издевательски предположил я.

— Кое-какая семья хочет получить ребенка с хорошими боевыми способностями. Непопулярный муж, но с большим влиянием. Он попросил, чтобы меня оставили тут. А ты где и кем?

— Министерство сельского хозяйства. Бюро учёта недоимок.

— Ничего себе! Так ты, наверное, деньги лопатой гребёшь?

— Чего? Жалования хватает только на оплату жилья.

— Так ты что, живёшь только на жалование?

— А как ещё?

Алесаний смотрел на меня несколько долгих секунд, после чего простонал:

— Братец, ну ты и тупой. Братец, ты старшего брата Алесания послушай. Алесаний

дурной, но тебе плохого не скажет. Некоторые очень богатые семьи готовы убивать, чтобы получить это место. Почему, по-твоему, многие герцогства и графства не выплачивают все налоги? Или баронства? Да потому, что не могут. Наводнение, набеги дикарей, наша армия через земли прошла и весь скот съела... Если они выплатят всё, что должны, у них просто все селяне помрут с голода. А теперь представь, сколько они готовы тебе заплатить, чтобы ты сделал запись, что они ничего не должны? Или хотя бы разрешил отложить платежи? Даже одна сотая с недоимок герцогства сделает тебя богатым на всю жизнь. Одного герцогства. А теперь подумай о своём начальстве. Они привыкли получать примерно половину от того, что рядовые чиновники бюро недоимок получают с баронств и графств. А тут приходишь ты, такой весь честный, ничего не платишь. Ты, конечно, полезный дурак. С твоей помощью можно призвать к порядку тех зарвавшихся господ, которые решили, что можно вообще не платить налогов. Но потом, года через два, тебя обвинят в вымогании взяток. Свидетелей будет много, всё твоё бюро и многие господа из числа тех, кому ты прищемил хвост. Укоротят тебя на голову, а на твое место посадят члена какого-нибудь очень влиятельного клана, который в курсе. Сначала, правда, будет небольшая драка за это место между кланами, несколько человек, вероятно, погибнет. Но потом всё устаканится.

Я посмотрел на брата и понял, что он прав. В каждом слове.

— А как же Государь? Как государство, как армию кормить? У него дар чтения мыслей.

— Полик, здесь всё так делается! Здесь только так всё и делается! И Государь в курсе!

Он только так и правит. Он даёт представителям того или другого влиятельного клана сесть на то или иное доходное место, разбирает и улаживает их вечные недовольства, что особо доходное место досталось не им. Но не более того. Он прекрасно понимает, что не он здесь правит, а влиятельные кланы, а он только их ставленник. Если он попробует быть активным правителем, то его не станет. Государь может быть только неактивным, слушающим. Вон, вспомни ага Фригалди. Был лучшей опорой Государя. А потом его клану не дали несколько доходных мест, и получили войну. Если не хочешь купаться в этом дерьме, начинай обслуживать дам, как я. А если ты влип, то вертись по их правилам. Ради интереса поинтересуйся судьбой своих предшественников. Кто сколько на твоём месте просидел и кто как жизнь закончил. Ты скольким людям уже отказал?

— Многим.

— Либо сам, либо пошли слугу. Со всех копыт, срочно объехать всех, кто не может платить, скажи, что ты готов взять деньги за разрешение заплатить с отсрочкой. Изучи, у кого какие причины недоплат. Тех, кто просто не хотел платить, тех дави. А у кого наводнение или дожди, тех спасай. Спасай, братец. Ты на этом месте не просто мёртвый закон, ты мозгой крути. Не допускай разорения хозяйств.

— Знаешь, Алесаний, я верю каждому твоему слову. Ты прав. Спасибо, что наставил на путь истинный.

— Обращайся. Ты как вообще выживал, на одно жалование?

— Подрабатывал. Гвардия первосвященника, — я отогнул внешнюю накидку и показал знак гвардии на внутренней поверхности.

— Гвардейцы? Хм! Наши любимые учителя. Мы учимся, набивая их тела. А они учатся, набивая нас. Если мои однополчане узнают, что я пил с гвардейцем, могут и не понять.

— Мы не имеем с гвардией ничего общего, кроме официальной принадлежности. Орден по борьбе с нечистью.

Алесаний замолк ещё на несколько секунд. Потом через силу спросил:

— А что, этот орден правда существует? Ходили легенды, но не все в них верят.

— Конечно, существует. А кто будет выносить из города кровопийц, оборотней, людоедов, полнолунных убийц и прочую нечисть? Помнишь чудовище, которое нас чуть на хуторе не грохнуло? Думаешь, тут таких нет? Да полно! Просто мы не афишируем нашу деятельность.

Алесаний захихикал с истеричными нотками:

— Братец, ты сегодня сделал мне день. Вынес мозг полностью. Самое крутое место чиновника, самое крутое место воина. И у тебя даже нет боевых способностей! Или появились?

— Нет, не появились.

— А как ты вообще в орден попал тогда?

— Был опыт борьбы с нечистью на землях кочевников. Сказали, что взяли за удачливую задницу.

Алесаний опять захихикал.

— А как у тебя с женщинами? Жрица ещё с тобой?

Я рассказал, как стал отцом благородного мальчика, летающих людей, кустов и деревьев.

К концу рассказа старший брат рыдал, давился и всхлипывал.

Отсмеявшись, Алесаний попросил:

— Слух, брат. Когда поедешь в Долиган, поговори с отцом. Скажи, я хотел бы приехать и попросить прощения. Я не хочу никакого наследства, меня всё устраивает в жизни и так. Просто хочется помириться со стариком. Поблагодарить за то, что выгнал. Мне от этого стало лучше.

— С радостью, брат. Это я могу обещать тебе с радостью. И надо бы ещё встретиться, самые смешные истории я тебе ещё не рассказал.

— Да, мне тоже есть, что рассказать.

* * *

Я изучил историю тех неплательщиков, которым было отказано, и понял, что половину из них действительно надо спасать. Поскольку они уже разъехались по домам, пришлось посылать к ним Серена. Чтобы не оставлять Ва без прислуги, пришлось нанять ей няню — служанку. Через неделю я положил на стол начальнику мешочек с огромной суммой золотом и сказал:

— Некоторые хозяйства пришлось спасать.

— Я рад, что вы успешно влились в наш коллектив, — сказал начальник, небрежно смахивая мешок в верхний ящик стола.

* * *

К концу лета Ва достигла столь желанной цели. Она понесла второй раз. Серен по этому поводу поднял восстание, сказал, что летом ещё как-то можно было купать ребёнка в нашей маленькой квартирке, а в холод он не возьмётся. Надо везти мамочку в Долиган, где есть всё необходимое.

Я попросил на работе отпуск, который мне был тут же предоставлен. Мы купили простенькую повозку со смирной лошадкой и покатали домой.

* * *

Отец с матерью на нас даже не посмотрели, сразу кинулись к ребёнку. Малыш не подкачал, протёк между рук, шлёпнулся на землю, оставив в камнях замкового двора выщерблину, и пополз в сторону лошади. Мы просто не успели предупредить родителей, что это чудо обожает вытекать что из детской кроватки, что из рук через малейшие щелочки, после чего падает на пол в режиме стальной кожи и ползёт за приключениями туда, где опаснее.

Как Ва с Сереном измучилась с этим пройдохой! Обычную детскую кроватку с вертикальными стойками пришлось заменить на прочный деревянный ящик с досками в два слоя. Когда Ва с Сереном хотели искупать малыша, они просто переливали его из кроватки в лохань, как жидкость. Другого способа не было, из рук он просто вытекал. Ползать он любил, с любопытством там было всё нормально. И если ударов и падений с ним можно было не бояться, он быстро научился упрочнять тело в нужных местах, то с проглатыванием чего не надо была полная беда. И это он только-только научился ползать! Было страшно подумать, что с ним будет, когда он начнёт ходить.

А пока удерживать его на руках можно было, лишь плотно ухватив за голеностоп. Ещё недавно можно было держать за кисти рук, но он уже научился превращать их в тонкие палочки и выскользывать. Складывать голеностоп он ещё не научился.

Бабушка с дедушкой дружно умилились и помчались вытаскивать изо рта малыша достигнутый кусочек козьего навоза. Что же, за эту часть отношений можно было не беспокоиться.

Во время приветственного ужина я рассказал отцу про все последние события, даже про наступление ледового периода и вторую беременность Ва. Сказал, что, возможно, придётся заняться морским делом и плыть искать обещанный остров — континент, поэтому прошу приютить на время моего отсутствия жрицу. Отец выслушал, сказал, что мир, похоже, изменится настолько сильно, что все прежние правила не работают, кроме Божьих Заповедей.

Я передал просьбу Алесания и впервые увидел, как отец капает слезами.

— Я ему напишу, — пообещал папочка.

* * *

Летняя кампания этого года против Дикого Поля была не менее успешной, чем в прошлом году. Наши войска зашли так далеко, что даже новости об успехах успевали протухнуть, пока их везли. Наши основали в Диком Поле ещё десять городов.

Десять городов! Количество бывших кочевников в империи вскоре должно было превысить количество основного народа империи. А может быть, уже превысило.

Ни Никитита не был ещё разгромлен и пленён только потому, что Дикое Поле было слишком большим и ему было, где прятаться. Государство Рума наши войска обошли по дуге.

Руме удалось создать своё хреновенькое царство, империя его признала и не трогала. Тем более, что оно находилось чуть севернее основных путей Дикого Поля. Все считали, что один городок Рума не является проблемой. У меня было другое мнение, но его никто слышать не хотел.

* * *

Во второй месяц осени я влюбился. Я увидел Мелисанию на одном из праздников Государя, где всех чиновников заставляли танцевать три балета. Она показалась мне неземным созданием, совершенной великолепной женщиной. Её красоту подчёркивало белое платье. Ангел, да и только. Поначалу она показалась мне настолько великолепной, что я даже застеснялся к ней подойти. Потом нас познакомили, это было формальное представление друг другу молодых людей, участвовавших в балете от нашего министерства. Участвовали молодые люди — служащие и дамы из семей. Мелисания была дочерью одного мелкого чиновника. Слово за слово, сошлись. Я был влюблён без памяти. Любовь длилась месяца три.

Однажды в министерстве мы разбирались в большом архиве. Мелисания заскочила в архив в поисках отца. Она не знала, что я в помещении. Серен, который помогал мне с разборкой, решил спровоцировать девушку:

— Молодая госпожа, можно вашему будущему слуге спросить? Почему вы хотите выйти за моего господина? Он небогат и непрактичен, у него нет боевых способностей, что с него взять? Если у детей не будет боевых способностей, то фамилию вообще могут лишить статуса благородных.

Я замер.

— Хочешь всё знать, слуга? — спросила девушка с нескрываемым презрением.

— Как человек, который собирает для Полисания все взятки с приятными процентами для себя самого, я хочу быть уверенным, что вы успешно войдёте в нашу маленькую компанию злоумышленников, — врал Серен.

— А-а, так это заговор? Обожаю заговоры. Полисаний мне нужен потому, что с его помощью можно возвыситься. С его глупостью, честностью и идеализмом его вскоре уберут с этого места, много денег не получите. Но люди, которым можно что-то доверить, иногда бывают нужны. Поэтому иногда его будут убирать на полку, а иногда доставать и ставить на по-настоящему важные дела. Вот тут очень многим людям будет нужно получить доступ к мужу через меня. А это и деньги, и связи. Ну как, я похожа на госпожу с пониманием?

— Вы великолепна, госпожа. Если вам будет нужен лишний оргазм, а мужа не будет, то я всегда к вашим услугам.

Послышался шлепок и тихий смех. Серена явно хлопнула папкой по голове.

— А ты проныра. Люблю таких. Может быть, может быть. А может и не быть, слуга.

— Преданный слуга вашей великолепности, — Серен шаркнул ножкой.

После этого разговора любовь как-то сошла на нет. Пару дней я ещё изображал очарованность, чтобы не подставлять Серена, а потом стал появляться всё реже и реже. Потом послал письмо, что встретил другую.

В один прекрасный зимний день Серен поднял очередной бунт и сказал, что у нас слишком много книг по географии и строительству кораблей. Я оглядел коллекцию и вынужден был признать, что я действительно увлекся.

С первого дня в городе я охотился за книгами по морскому делу, кораблестроению и географии. Выяснилось, что наличие южного континента не было таким уж секретом. Моряки, которых заносило штормом далеко на юго-запад, иногда встречали странных сухопутных животных, плывших по океану на обломках ветвей, видели сухопутных птиц. Случайно встретив эти упоминания, я стал охотиться за всеми жизнеописаниями моряков и прочими морскими книгами. Теперь их стало слишком много. Погоревав немного, я сдал почти все книги в государственную библиотеку. Они там чуть не померли от удивления, увидев такое дорогое собрание. Я и правда потратил на него слишком много денег...

После такого подарка глава библиотеки меня запомнил и сообщал каждый раз, когда к ним попадала какая-нибудь морская книга. Это было очень полезно.

Меня перевели на другую работу ровно через год. Работа была именно того типа, про которую моя неудавшаяся любовь сказала «храниться на полке». Я должен был наблюдать за исправностью и чистотой писсуаров в дворцовом парке и дворце.

За чистотой следили слуги, которые и без меня были вышколены до невероятного уровня. Исправность доверенных мне устройств проверялась за первый час работы. Остальное время можно было бездельничать. Теоретически, я относился к охране парка, я считался ответственным охранником с дополнительными обязанностями. Последнее означало оный присмотр за писсуарами, а также готовность к выполнению специальных поручений Государя. Например, меня можно было попросить сбегать за какой-нибудь хозяйственной мелочью, срочно понадобившейся Его Величеству. Правда, такого задания я ни разу не получил. Никто подпускать меня к телу Государя не собирался, для этого там была своя толпа услужливых прихлебателей.

От нечего делать я восстановил карты специальных шахмат, которые мы с Сереном нарисовали ещё в первую военную кампанию, и принялся рубиться в них с другими благородными охранниками. Первое время мы играли в шашки, но вскоре все поняли, что после первых пяти партий играть со мной бесполезно, всё равно выиграю, и соглашались играть только в шахматы.

Почти четыре месяца я просто бездельничал.

Вскоре после возвращения Государя с летней кампании против кочевников в помещение караула явились четверо бойцов из числа личной гвардии Государя. Я был взят за все мягкие места и поставлен перед Его Величеством.

Государь начал с того, что слышал, что обо мне отзываются с места предыдущей работы как о кристально честном человеке. «Кристально честный по меркам данной работы, я полагаю», — добавил Государь после некоторой паузы. Я испугался, но хихикнул.

— Ещё я слышал, что вас невозможно победить в шашки. Попрошу Вас сыграть с

господином ага Тепельдан, — попросил Государь.

Я обрадовано поклонился и сел играть с одним из моих похитителей. Первые пять партий я проиграл. Ага Тепельдан играл очень хорошо и очень умно. Потом включилось Видение, и я стал выигрывать. Когда включается шашечное видение, я не думаю. Я просто вижу все возможные развития событий и выбираю наилучшее. Ещё через четыре партии Государь сказал:

— Достаточно! Я благодарю вас обоих. Молодой ага Долиган, простите меня за это беспокойство. Дело в том, что я люблю знакомиться с необычными способностями. Мне донесли, что вы никогда не проигрываете в шашки. Я думал, что это у вас такая боевая способность к глубокому мышлению. Но, насколько я мог заметить, вы вообще не думаете во время игры. Вы только выбираете варианты. Как вам это удастся?

— Так точно, ваше величество. Я просто вижу все возможные варианты, куда может пройти данная шашка и чем она может быть опасна.

— А в шахматах?

— Ничего похожего. Там слишком много вариантов.

— Ещё мне донесли, что вы изобрели какие-то особые шахматы.

— Это не совсем так. Это, скорее, книга с описанием приключений и разным развитием событий в зависимости от результата каждой партии. И доски для игры не 8*8, а намного больше, разные. С горами и реками на досках. Или с крепостями и морями. Зависит от сюжета. Книга требует очень много времени на прохождение.

Государь заинтересовался, в результате чего двое из моих похитителей побежали за игрой.

Мне было стыдно за наши криво нарисованные самыми простыми красками карты, но Государь действительно заинтересовался. Книгу и карты у меня, разумеется, отобрали, зато пообещали наградить. Я попросил в качестве награды послать меня на юго-запад искать новый континент.

Государь удивился. Я рассказал, что прочитал в ряде книг свидетельства о том, что моряки встречали признаки недалёкой земли в юго-западном направлении. Правда, для этого необходимы специальные корабли. Не скоростные гребные, как у нас, а медленные парусные, но зато с небольшим количеством команды и большими запасами еды и воды. Такими, чтобы могли плавать хоть год.

Государь сказал, что за забаву он наградит меня деньгами, а об экспедиции подумает. Пока у него и так полно забот с восточными областями...

Домой в этот день я пришёл очень поздно. Серен сквозь сон спросил, чем я занимался. Я сказал, что играл с Государём в нашу книгу.

— А я уже обрадовался, думал, по бабам пошёл, — пробормотал сквозь сон Серен.

Государь не забыл о премии. Вскоре мне вручили небольшой мешочек с золотом. Тоже неплохо за набор бумаги и красок...

* * *

История с шашками на этом не закончилась. Через три дня меня предупредили быть в форме на следующий день к полудню. В полдень меня пригласили к Государю. В приемной у Государя сидел толстый дядька в пышных одеждах. Он сидел за шахматным столиком с

Государём.

Я доложил о прибытии. Государь встал из-за столика:

— Полисаний, друг мой! Мы поспорили с уважаемым послом империи Джа на спорную южную провинцию. Мы решили, что провинцию получит тот, кто выиграет три раза в шашки. Господин посол играет очень хорошо. Сыграешь за меня? Я не могу играть, так как могу читать мысли. Это будет нечестно.

Посол улыбнулся и показал на стул напротив. Я поклонился Государю и сел за столик.

Посол и правда играл хорошо. Не боялся жертвовать свои шашки для того, чтобы завоевать выгодную позицию. Подолгу обдумывал каждый ход. Но я без особого затруднения выиграл три партии подряд. Посол был очень удивлен.

— Благодарю вас, друг Полисаний, — сказал Государь и кивнул на дверь.

За эту игру мне подкатили ещё один мешочек с золотыми, побольше.

* * *

Вастараба получила воплощение своей мечты в виде дочки — гадючки. Мне сообщили об этом письмом. Я задумался о том, что за судьбу приготовил мне Бог. У меня уже четверо детей, не считая растительности, двое из них с крыльями, и ни одного из своих детей я не могу увидеть. С другой стороны, обижаться на Бога или на ту толпу клоунов, что вертела здесь делами из Облачного Замка от его имени, тоже было неправильно. Уже в весьма молодом возрасте я получил столько, как никто в нашем мире... И даже за игру в шашки мне золото на дом приносят.

Глава 21

Поиск

Через месяц Государю понадобилось убрать куда-нибудь подальше одного господина высокого ранга. Причём, желательно, так, чтобы он не вернулся оттуда никогда. Похоже, только по этой причине Государь вспомнил о моём проекте. Меня вызвали к Государю и представили графу Пиерту ага Телфелон. Граф, очень пожилой человек, сидел в углу приёмной и явно желал провалиться куда-нибудь под землю, только чтобы не слышать про это задание. Судя по его взглядам, мне он желал провалиться туда в первую очередь.

Государь сиял и с удовольствием ездил нам обоим по ушам идеей о том, как нашему народу будет полезна южная земля. Ведь там можно будет выращивать свежую зелень и овощи и привозить сюда в разгар зимы! Это значительно улучшит здоровье население, которое болеет и голодает к началу весны!

Я смотрел на Государя и восхищался. Такую чушь даже я не мог бы придумать. Когда я задумывался о том, как уговорить людей переезжать на другой континент, то максимум, что мог придумать — это распространить легенду об источнике вечной молодости или полях, на которых растут золотые колосья с семенами из чистого золота. Что касается голода населения, то он определялся, в основном, тем, что мужики переводили зерно на спирт, кроме тех лет, когда голод определялся недородом. А тут всё просто — выньте и подайте мне новый континент, я на нём буду экзотические фрукты и овощи выращивать, и продавать здесь втридорога.

А ведь это даже может оказаться выгодным.

Государь прочитал в моих мыслях восхищение планом и заметно обрадовался этому. Ага Телфелон пытался выдвигать всякие сомнения в плане, но всё равно был назначен губернатором новой провинции и получил приказ отплыть через три месяца. Я назначался организатором экспедиции, мне было предписано немедленно отбыть в Глантон, наш самый крупный южный порт, и подготовить три парусных корабля по моему проекту. То, что проекта у меня не было, никого не интересовало. Проблемы было сказано решать на месте. Губернатор с сотней благородной пехоты должен был прибыть в порт через оные три месяца и найти готовые корабли. В помощь на время строительства придавалась сотня местных размыслов с тремя офицерами, плюс я мог задействовать в любом объёме местные верфи.

Вечером я доложил главе столичного ордена борьбы с нечистью, тот пожелал мне всяческих успехов. На следующий день я получил все предписания и выехал на юг в сопровождении Серена. Мы ехали на карете. В карете лежали только книги и документы, я предпочёл ехать на козлах. Карету нам выдали из личного парка Государя. Сказали, что мне как личному представителю Государя положено, не отвертись.

Я немного искривил путь и заехал сначала к Ангеле, а потом домой.

Ангела с восторгом показывала мне свои поля и рощи, дивные растения с ещё более дивными качествами. Летающие малыши уже уверенно летали и неплохо говорили. Весёлые, доверчивые, ласковые. Сразу подошли ко мне погладиться. Было понятно, что тут все в восторге от них. Я высказал Ангеле опасение, что их разбалуют. Ангела посмеялась: я им разбалую, держу в ежовых рукавицах и выпускать не собираюсь.

С собой Ангела дала мне несколько саженцев, сказала, что дерево с хлебными плодами показало очень полезные качества, но оказалось очень теплолюбивым. Оно не будет расти у

нас, кроме как в теплице. Ангела просила посадить саженцы в тёплых краях.

После этого мне пришлось ехать в карете, держа в руках саженцы.

В Долигане Ва представила меня сыну. Он уже пытался что-то говорить. Дочку Вастараба назвала Вастараба Шесть Миллионов Двести Шестая.

Когда я рассказал, куда еду, Ва загорелась поехать со мной. Пришлось ей жёстко отказать — двум маленьким детям не место на корабле, на котором могут умирать от голода и жажды десятки мужиков.

— Вы из этих новых стран столько всякой заразы привезёте! Я должна встречать вас в порту! — бушевала Вастараба.

— Ты случаем не забыла, что тебя сожгли? Время нашего прибытия непредсказуемо. Ты можешь там проторчать много месяцев. Но ты навела меня на мысль. Я напишу Государю, попрошу, чтобы нас в порту встречала одна из твоих ядовитых учениц.

— Ты на прямой связи с Государём? — удивился отец, присутствовавший при разговоре.

— Прямой и ответственный посланник.

— И как тебе это удалось?

— В сказочные шахматы играл.

Отец очень долго смеялся, узнав всю историю.

Розмыслы Глантона оказались набором сброда, который местный начальник розмыслов набрал только для того, чтобы не обрезали финансирование отряда. К его чести, он пытался найти по-настоящему дееспособных людей и обучить тех, кто был хоть сколько-то обучаемым из числа сброда. Но в целом эта часть пока была недееспособна.

Зато специалисты верфей были суперпрофессионалами. И судостроители, и рабочие. Вам нужен парусный корабль с большой дальностью плавания и маленькой командой? Легко! Берём небольшую торговую галеру, выкидывает все лавки гребцов, наращиваем борта, ставим двойной набор парусов — и прямых, и косых — и вот, пожалуйста.

Я предъявил на верфи и в банке указы Государя и платежные поручения, и дело закипело.

На второй день моего пребывания в городе ко мне заявился один полусумашедший капитан по имени Агараний Долгин и стал убеждать в том, что континент на Юго-Западе можно найти. Говорил, что идея найти эту землю является главной идеей его жизни, что он всю жизнь собирал разные свидетельства и технологии. Меня! Убеждать! Закончилось всё тем, что я назначил его капитаном одного из кораблей.

Мне казалось, что все дела делаются как-то сами, все складывалось так удачно! Вот как выглядят дела, когда боги помогают!

А вот с другими капитанами было туго. Как, впрочем, и со всей остальной командой. Никто в дальнее плавание на запад идти не хотел. Цель экспедиции я не называл, но сама идея плыть далеко на запад и что-то там искать отталкивала всех опытных моряков.

К моменту прибытия графа Пиерту ага Телфелон корабли были готовы, но моряков набралось едва с дюжину. Граф удвоил жалование, и дело пошло. Я не имел права так легко распоряжаться деньгами, а вот граф мог.

Отплыли мы ещё через три недели. Пока грузили припасы, пока их перебирали и выкидывали подпорченные и заменяли хорошими, пока тренировали команды, пока учили благородную сотню морскому делу и бою в условиях качающейся палубы...

Две недели мы шли на юго-запад с очень неплохой скоростью. Настолько хорошей, что

капитан доложил, что точка начала поиска достигнута на неделю раньше расчётного срока. И тут упал штиль. Первую неделю мы просто изнывали.

* * *

В одну из бесщётных минут жары и безделья ко мне подошёл Серен:

— Слух, Полик. Я вот думаю. Если бы я не был твоим слугой, а был простым мужиком. Сейчас бы меня женили, хозяйство, барщина и всё такое. А жить ради чего? Что бы Богу понравилось?

Я не сразу понял вопроса:

— А какие варианты? Жить безгрешной жизнью, добиваться внутреннего совершенства. Ты же рядом со мной сидел, когда святые отцы лекции читали.

— А вдруг Богу не понравится? Вдруг он думает, что я должен что-нибудь сделать такое, что в корне меняет всю жизнь. Ну, не знаю, народное государство организовать или новый религиозный орден. Или начать овощи зимой выращивать. Это я к примеру. Вдруг Бог потом скажет, что я всё делал неправильно, с людьми говорил оскорбительно и благотворительностью мало занимался?

— А-а... Теперь понятно. Это страх и отсутствие смирения. Ты есть тот, кто ты есть, и Бог знает о том, что ты рождён в определённой семье с определённой традицией воспитания, с определёнными знаниями и умениями, с определёнными финансовыми и организационными возможностями. Не факт, что ты с этого уровня вообще сможешь достичь идеального состояния. То есть ты, думаю, сможешь, но мы про вообще, про общий подход, так я понимаю?

— Ага.

— То есть каждому конкретному человеку желательно принять решение жить не ради гордости и самовозношения, а ради любви и благотворения, ради Бога. Это то, что в воле человека. А дальше от твоей воли может не особо что-то зависеть. Та ступень, до которой ты можешь дорасти за эту жизнь, сильно зависит от стартовых условий и окружения. Поэтому включаешь смирение и молишься о том, чтобы Бог научил тебя всему, что тебе необходимо. Смирненно получаешь плюхи, которые определяются твоим несовершенством и несовершенствами окружающего мира. Надеешься на то, что Бог даст тебе новую жизнь, в которой можно будет дойти до идеального состояния.

— То есть Бог не накажет за то, что не дошёл до самого лучшего состояния?

— Можно и так сказать. Но я вообще не думаю, что Бог наказывает, мы сами себя наказываем. Сам видел, люди жестокие и самодурские все дела разваливают. А мы такие все и есть, в разной степени, сами себе враги. Думаю, Бог готов нам дать всё, чтобы мы стали умными и счастливыми, но в нас просто не помещается.

Серен засмеялся.

* * *

Через неделю я стал беспокоиться, что боги забыли о нас. Всё складывалось так удачно, я думал, что всё организовано высшими силами. Но тут у меня зародились сомнения...

Потом кто-то понял, что вода достаточно тёплая для купания. Народ решил поплавать. В первый день ничего не произошло, все, кто мог, барахтались в тёплой воде и наслаждались развлечением.

Ещё до похода Серен спросил меня, как я буду купаться при толпе народа. Я сообразил, что после хулиганства Нумы придётся отвечать на тяжёлые вопросы. Мне сшили на заказ специальные облегчающие трусы для плавания. В этих трусах я и плавал в первый день, вызывая насмешки матросов и благородных воинов. Во второй день купаний эти трусы лопнули в самый неподходящий момент.

Как и в первый день, народ через час после завтрака попрыгал в воду и принялся резвиться. Веселье нарушило появление водяных людей. Когда передо мной вынырнула зелёная голова, я поначалу решил, что это Морелина. Сходство было очень сильное. Девушка приплыла не одна. Наши люди не были готовы к такому повороту событий и с воплями ужаса бросились к спущенному с корабля трапу. Я не испугался.

— Морелина? Что ты здесь делаешь? — вырвался у меня удивленный возглас.

— Морелина? Нот Морелина, Аселина. Морелина, нук куту иля, — позвала девушка подругу.

Подплыла другая зеленокожая девушка. Эта Морелина совсем не была похожа на мою знакомую.

— Полисаний, — представился я, стуча себя в грудь.

— Секанси, — представился парень водного народа, выныривая рядом со мной.

Я сделал резкое движение, чтобы волна не попала в рот, и тут предательские трусы лопнули. Пришлось держать их одной рукой.

Я попытался заговорить с водными людьми на языке кочевников. Бесплезно, их язык был ещё дальше от языка кочевников, чем язык Подземного Народа. Угадывались только отдельные корни, да и то не сразу.

Болтовня ненадолго отвлекла девушек. Он нырнули, чтобы посмотреть, чего ради я таскал на себе глупую вещь, которая так замедляла скорость плавания. Увиденное их впечатлило настолько, что они тут же всплыли и, хихикая, стали показывать пальцами вниз. А потом недвусмысленно предложили попробовать устройство в действии. Ну, да, нормальное любопытство разумных существ. Я попытался спросить жестами, где находится суша. Подводные люди дружно показали на восток. Я показал на юго-запад. Троица замахала руками — нет, не знаем. А потом опять вернулись к любимой теме.

Я развернулся и поплыл к кораблю. Водные люди поднырнули и оказались между мной и кораблем. Я просто раздвинул их руками и двинулся к трапу. Они не стали препятствовать, но на прощание показали вполне понятный жест — на одной руке пальцы колечком, в колечко указательный палец другой руки. А пальчики длинные, с длинными когтями, с перепонками.

— Ты что, можешь говорить с рыбами? — спросили моряки сразу, как только моя голова показалась над планширем фальшборта. Но тут я вылез целиком, и внимание благородной и не очень публики привлёк другой объект.

— О-о, ты такой могучий и никому не говорил?

— Перестаньте пялиться! Это последствия травмы на войне. Точнее, неудачного действия божественных энергий.

— Это после него девчонка в Первом Городе летала и лес вырастила за полчаса? — спросил один из благородных.

— Да, — признался я, не особо соврав.

— Я её понимаю, — сказал другой благородный.

— Полисаний! — донеслось из-за борта.

Я выглянул. Осталась только одна водяная дама, и она опять показывала мне жест с недвусмысленным предложением.

— А может, тебе не отказываться? — предложил моряк по имени Стик.

— А ты знаешь, как они тут живут без понятия о медицине? Чем они могут быть больны?

— Я бы не заморачивался такими мелочами.

— Полисаний! — опять призывно позвала дама, томно растягивая гласные.

— А они рыбы и хотят нас съесть? — спросил другой моряк, совсем молодой парнишка по имени Друи.

— Какие рыбы! Люди, как мы. Только приспособлены для того, чтобы жить в воде. Ласты на ногах, когти и перепонки на руках. На ногах тоже большие когти, чтобы держаться за всякие предметы на дне, пока спишь или ешь.

Рядом с морской дамой появилась стайка дельфинов. Дельфины принялись прыгать вокруг девушки и ласкаться. Девушка гладила их по гладким спинам. Дельфины всячески выражали восторг от ласки.

— Их ты, прямо как собаки ластятся, — восхищённо прокомментировали матросы.

Я прошёл к капитану:

— Когда мы двинемся с места? А то меня изнасилует целая толпа водного народа.

Капитан Агараний Долгин оторвался от подзорной трубы, в которую он смотрел последние двое суток, и покачал головой:

— Меня больше беспокоит то, что южнее нас уже несколько суток бушует шторм, его даже видно, а у нас ни одного движения ветерка. Так не бывает. Это что-то запредельное. Боюсь, как бы нам не влипнуть в такую бурю. Или ещё более мощную.

— Полисаний! — донеслось из-за борта.

Я прошёл к другому борту и выглянул. Вторая дама вернулась, она держала на кончике копья большую рыбу. Я схватился за голову и отошёл. Девчонки в море захихикали.

— А хорошая рыба. Человек на пять хватило бы, — оценил Стик.

Я привалился к фальшборту и начал молиться. Но все мелкие боги, видимо, были в этот момент заняты, а главный был не против происходящего.

Через несколько минут я открыл глаза и обнаружил, что вокруг меня стоит весь экипаж и все наши благородные.

— Что?

— Ты отправляешься за борт, — сказал губернатор.

Меня без долгих проволочек подхватили за руки — за ноги и выкинули за борт. Причина стала ясна, пока я летел до воды. Девушки позвали всех друзей, а друзья принесли по рыбине, а некоторые и по две. Последнее время мы питались только кашами и солониной. А тут было предложено так много свежей рыбы! Понятно, почему наши мужики не выдержали.

Кое-как вынырнув и отплевавшись, я спросил:

— Ну, кто первая?

Если мы так долго стояли на месте и случайно встретились с подводным народом, то это, вероятно, входило в план богов. Значит, придётся немного добавить их девушкам

божественной энергии...

К чести водяных людей, они не заставили меня барахтаться в воде. Подложили какую-то плавающую подушку под голову. И изнасилования не было, сразу три девушки ласково гладили меня, пока я доходил до готовности. Первую водяную даму я обработал со всем старанием, с ласками изнутри. Девушка оказалась горячей, извивалась, пищала и стонала так, что завидовали все три наших корабля.

Обрабатывая зелёную, я молился Васте и надеялся, что её шесть миллионов двести пятая рабыня найдёт, как вылечить меня от всех тех паразитов и болезней, которые я сейчас получаю. Вторую девушку я выбрал сам. Это была малышка, которая особо ласково целовала меня в грудь, пока я был занят первой.

Выяснился забавный факт: зелёный цвет тела у них определялся тонким слоем шерсти, в которой жили водоросли. Сама по себе шерсть была белой и совершенно прозрачной. А уж какая приятная на ощупь, как приятно было её гладить! Девушка начала постанывать ещё до того, как я восстановил способность к делу. Пришлось её гладить по женскому органу, чтобы не охлаждалась. Остальные дамы и парни жутко удивились при этом. Похоже, они не знали, что так тоже можно было. В перерыве между второй и третьей дамами меня зацеловали и покормили мясом большой рыбы, которую разделали прямо тут же. Пришлось глотать свежее мясо. Ну, ничего, почти как селёдка, только несолёная.

— Полисаний, мы благодарим тебя за отличное угощение рыбой! — дружно проревели мужики, когда я без последних сил перевалил через борт.

— Если завтра не задует ветер, от меня ничего не останется, — прохныкал я и уполз к себе в гамак.

— Полисаний! Полисаний! Полисаний! — разбудили меня ночью негромкие призывы из-за борта. Как это ни удивительно, мой организм хотел женщину. Вахтенные на палубе понимающе заулыбались и стали показывать на воду.

Я перевалил через борт и застыл на трапе. Девушки звали меня не для любви. Они хотели показать мне, как они танцуют. Нюанс был в том, что океанская вода в этом месте немного светилась там, где её что-то касалось. Девушки танцевали в воде, сразу пятеро, одновременно погружаясь и выныривая, вода руками по воде и пуская брызги. И всё это светилось, подсвечивая их фигуры! Это было очень красиво. Меняхватило ещё на двух девушек.

Первая девушка после получения семени взлетела над водой и принялась кружиться, застыв в изогнутой позе. И где я это видел?

Вторая девушка испугалась и хотела скрыться, но я ласково привлек её к себе и начал нежно гладить. Через положенное время и она получила свою долю божественной энергии. Первая девушка всё ещё кружилась над волнами. Я задумался над тем, что может вырасти на море, если у летающей девушки появятся возможности Ангелы. Водоросли? А бывают большие водоросли? Ещё я подумал о том, какие способности получили те девушки, которые любили меня днём. Надо бы их найти, посмотреть...

Ожидая посадки первой девушки, я начал напевать. Простенькая песенка из числа тех, которым учил меня Радо.

Вторая девушка по-прежнему нежилась в моих объятиях. Мне нравилось её гладить по мягкой шерсти, а ей, похоже, нравилось, когда её гладили. Через некоторое время она начала мне подпевать, не понимая слов. У неё оказался очень красивый голос. Слушать её было куда приятнее, чем меня. Остальные три девушки попытались петь вместе с ней, но у них

песня получалась заметно хуже, и они замолкли. Через некоторое время я понял, что дело не в голосе. Похоже, это было проявление той энергии, которую девушки получили от меня. Когда мы попросили девушку принять вертикальное положение и спеть как положено, стало ясно, что у неё получаются абсолютно чарующие песни. Их хотелось слушать бесконечно. Даже когда она пела свои песни, в которых я не понимал ни слова, оторваться было невозможно.

Под действием этой песни очнулась даже летающая дама. Она опустилась на воду и встала на ней, как на земле. Ноги у неё углубились в воду едва по щиколотку. Дама засмеялась, показывая подругам на то, что теперь может ходить по воде. Я подплыл к даме, прикоснулся к её ноге и понял, что теперь могу опираться на воду, как на землю. Тот же эффект, как полёт с Ангелой. Я взобрался на поверхность воды, и мы немного постояли, качаясь на волнах. Посмеялись, все шестеро. Потом я отпустил руку и провалился в воду, тоже ко всеобщему веселью.

Летающе-ходящая по воде девушка попыталась заползти под воду и не смогла. Максимум, что она могла — это засунуть в воду руку по плечо или ногу до бедра. Всё остальное вода выталкивала.

Вот тут девушка испугалась и начала причитать. Я подумал, что нехорошо получилось — как ей теперь добывать пищу? Да и замерзнёт тупо.

Мы стали тянуть её под воду впятером, за руки — за ноги. Никакого эффекта, кроме того, что все, кто её касался, получали возможность вылезти на воду как на землю. Девушка впала в панику с громкими воплями. Я задумался. Потом решил, что можно немного потренировать малышку. Научилась же Ангела летать по своему желанию...

Не отрывая руки от девушки, я взобрался на поверхность воды, обнял малышку и показал ей поднять нас в воздух. Девушка впала в панику ещё больше. Пришлось её ласкать и гладить, шептать, что она всё сможет. Остальные девушки затихли и с интересом смотрели, чем продлится дело. Ходящая по волнам успокоилась и попробовала взлететь. Надулась, напрягла мышцы. Ничего не получилось.

Я похлопал её по мышцам, показал расслабить и улыбаться. А потом стал целовать. Нет, не в рот, рот с острыми зубками и запахом рыбы меня отталкивал. В глазки, в бровки, в щёчки, покрытые мягкой шерсткой. Девушка расслабилась и начала гладить меня в ответ. Через несколько минут мы взлетели. Там, на высоте, я решил добавить ей энергии. Мой орган сам нашёл её отверстие. Девушка ответила, страстно размахивая тазом. Через некоторое время она сумела опустить нас ниже уровня воды, не переставая работать бедрами, и опять подняла на высоту. На большую высоту, я даже испугался и попросил снижаться. Девушка засмеялась и опустила нас сильно ниже уровня воды, пока я не начал задыхаться. Тут она развеселилась ещё больше и подняла нас на поверхность. Я не смог выжать из себя оргазм и просто прекратил действие. Освобождённая девушка несколько раз продемонстрировала подругам способность взлетать в воздух, ходить по воде и нырять по своему желанию.

Я чуть не утонул за это время, так как моя подушка уплыла невесть куда. Дозваться подруг удалось не сразу, потом они ещё некоторое время искали оную подушку. Думал, правда утону.

Всучив мне подушку, морские девушки принялись веселиться — летающая по очереди брала подруг в воздух или танцевать по волнам, вторая девушка весело пела. Потом они решили попробовать поднять на поверхность воды всех пятерых, и у них получилось!

Красота со всех сторон. Я качался на своей подушке — плотике и отдыхал. Не верилось, что совсем недавно я был в столице у Государя, где снег и холод, а теперь болтаюсь на тёплых волнах и смотрю на танцующих водных девушек.

После буйного веселья меня позвали вниз. Я показал, что быстро задыхаюсь. Но они всё равно махали уроками вниз. Ладно, посмотрим.

Мы нырнули, и морские люди быстро потащили меня вниз. Я отсчитывал, сколько секундочек у меня ещё осталось.

На совсем небольшой глубине находился корабль. Размером, наверное, чуть меньше нашего, но сделан как плавающая раковина с множеством входов и выходов. Он был освещён изнутри колбочками с мягким сиянием внутри. Похоже, им как-то удалось сконцентрировать тот свет, который сейчас разлит по поверхности воды. Корабль не тонул благодаря тому, что на его стенах изнутри было прикреплено огромное количество кожаных мешков с воздухом. В доме было много морских людей разных возрастов.

На бортах этого плавучего дома было что-то нарисовано. Я присмотрелся и обнаружил картины. На одной морские люди плыли и тянули за собой этот дом. На другой картине морских людей атаковало зубастое чудовище, видом как рыба, но огромных размеров и с большой пастью. Я показал на чудовище, и одна из девушек тут же заскочила в домик и показала, как она будет отбиваться от чудовища копьём. Так вот зачем им дом, вот как они выживают...

Я пощупал материал дома и понял, что это не дерево и не камень. Что-то лёгкое и пористое, как известняк, но плотнее и поры больше.

Тут у меня счёт дошёл до половины цифры, которую я мог выдержать без воздуха, и я показал «наверх». Девушки меня тут же вытащили. Я попытался спросить жестами, как часто появляются хищники, которых я видел на картинке. Увидев, как я показываю большую пасть, девушка схватила за голову и изобразила ужас. Я провёл рукой, показывая вокруг себя. Девушки замахали ладошками и озабоченно заговорили, показывая, что хищник может быть где угодно. Похоже, зря мужики так легкомысленно купались, не глядя на то, что под водой.

Забираясь на борт корабля, я обнаружил, что вся команда не спит. Причём на всех трёх кораблях. Они смотрели на то место, где танцевали девушки.

— А завтра можно будет попросить девушку ещё спеть? — спросил кто-то.

— Попробуй, — я устал и не был расположен к долгим объяснениям.

Рано утром задул ветер, и только это спасло меня от полного истощения. Мы наконец-то сдвинулись с места. К вечеру выяснилось, что пока девушки подводного народа отвлекали наше внимание у первого корабля, их парни повытаскивали гвозди из третьего корабля. Причём не какие-то бытовые гвозди диаметром в мизинчик ребенка, а судовые четырёхгранные гвозди в два пальца. Выяснилось это по тому, что в трюме корабля стало поступать много воды. Когда корабельный плотник нырнул и увидел эту картину, то пришёл в ужас: доски обшивки торчали в разные стороны! А они ещё удивлялись, что третий корабль всё время отставал.

Пришлось ложиться в дрейф и совместными усилиями ремонтировать третий корабль. По моему настоянию кроме плотников, под воду послали и охрану с копьями. Никакие чудовища на ремонтников не напали, только ближе к ночи рядом с нами появилось нечто огромное. Неведомый зверь просто проплыл рядом, лишь слегка показав спину. Длина этого зверя была почти как у нашего меньшего корабля! А плавник у него какой-то странный, не

вертикальный, а горизонтальный.

Глава 22

Геноцид

Две недели мы ходили «змейкой», ища континент. Нашли в конце второй недели. На горизонте показалась земля. Мы направились к берегу и на небольшом расстоянии обнаружили большую спасательную лодку, а в ней трёх жителей империи Джа. Четвёртым был Одрамас в одежде империи. Все выглядели очень истощёнными.

Я показал капитану на лодку:

— Я должен оказаться там первым!

Когда корабль подошёл поближе, я свесился за борт и завопил:

— Одра, ради всего святого, что ты тут делаешь?

Одрамас ответил намного более сердитым воплем:

— Что я тут делаю? Что ты тут делаешь? Ты должен сидеть в столице и упорно учиться!

Матросы скинули трап, потерпевшие кораблекрушение начали забираться на борт. Несколько матросов попрыгали в лодку, чтобы поднять её на борт. Пока губернатор пытался поговорить с другими людьми на языке империи Джа, я оттащил в сторону Одрамаса:

— Так мой успех с кораблями — это не ваша помощь?

— Нет! Тебя вообще тут не должно быть! Ты не представляешь, что творится на этой земле! Мы организовали такое чудное кораблекрушение, такой чудный шторм! Шторм занёс шлюпку куда надо, чтобы эти люди вернулись с новостями о континенте в империю Джа. Вашей империи тут вообще не должно было быть ещё лет десять!

— А девушки подводного народа по пути сюда — это тоже не ваше дело?

Глаза у Одрамаса на секунду остекленели, потом он с ужасом произнёс:

— Ты взял пятерых девушек морского народа? И все получили много энергии? А ты получил их микрофлору? Это катастрофа!

— А почему катастрофа?

— Потом поймёшь. Скажи капитану приставать на пятьдесят миль западнее. Я «погибну» в первой же вылазке, отдувайся тут сам как хочешь.

Я потащился передавать капитану новые указания. Капитан удивился, но поверил.

* * *

На этом куске суши и правда жили люди с кошачьими головами. На вид они были полностью как люди, только головы были с такими миленькими ушками и плоскими носиками. Тело у людей-кошек было покрыто короткой шерстью, что вкуче с тёплым климатом позволяло им не пользоваться одеждой. Жилья у них, впрочем, тоже не было.

Жители континента ели друг друга поедом. Жизнь на острове состояла из сбора плодов с разнообразных кустов и боёв с соседними племенами. Погибших съедали, как своих, так и чужих. Речь была очень примитивной, по сути, это были сигналы, а не слова.

Наше общение с аборигенами началось с того, что они попытались нас съесть. Одрамас, как и обещал, сразу «погиб». Пятеро свидетелей видели, как его тело утаскивали в кусты.

К счастью, губернатор начал высадку с полной сотни благородной пехоты. Аборигены попытались на них напасть тремя сотнями воинов. Закованные в броню благородные их

просто уничтожили. Те, кто выжили, пригласили нас на праздничный обед. Им самим было столько не съесть, и было жалко, что пропадёт столько мяса.

Человечину мы есть не стали, но зато договорились, что заберём в нашу страну двух молодых людей и двух девушек для изучения местной речи. Ещё договорились, что на острове останется святой отец с охраной их пяти благородных людей, и что они не будут его есть.

Спросили, где деревья, из которых сделаны копья воинов. Мы ни одного дерева по пути так и не увидели. Нам показали жестами, что деревьев больше нет. Все переделали на копья и рыбацкие лодки, больше деревьев нет. И лодок нет, и рыбы нет.

Аналогичные переговоры мы вели и в остальных частях континента. Деревьев не было, войны были. Я высадил деревья от Ангелы в самом безлюдном месте континента с надеждой, что люди-кошки не доберутся до деревьев до тех пор, пока они не начнут давать плоды. Обходили континент целых два месяца. Жили на плодах с кустарников, которые собирали после боёв с аборигенами, и на рыбе. Рыбы здесь было много.

Вернувшись на первое место высадки, мы нашли нашего святого отца и его охрану живыми. Один из охранников был ранен, его заменили на другого пехотинца с корабля. Святой отец уже немного говорил на языке аборигенов. Сказал, что развивать кошколодей бесполезно. Большинство из них являются плодами близкородственного скрещивания и очень нездоровы из-за этого, в первую очередь на голову. Ещё сказал, что если мы хотим их оставить до следующей экспедиции, то надо добавить ещё пяток человек пехоты. Племя кошколодей поняло, что такое благородные в бою, и благодаря нашим благородным расширило подконтрольную территорию вдвое. Если мы хотим основать тут город, то надо больше людей, чтобы с помощью этого племени отодвинуть границы.

В тот же день на флагманском корабле состоялся совет. Присутствовали все капитаны, губернатор, я и святой отец. Морской порядок требовал, чтобы первым говорил самый младший. Самым младшим был я.

Я сказал, что кошколодей изменить невозможно. И жить рядом с ними невозможно. Они будут устраивать набеги и грабить. Их надо уничтожать. Всех. Небольшое количество можно оставить просто как диковинку. У нас слишком мало людей, чтобы провести такую операцию на всём острове. Кроме того, такое дело ляжет тяжёлым грехом на историю нашей империи и рано или поздно приведет к порабощению наших людей другими народами в силу воздаяния и божественной справедливости. Поэтому я предлагаю устроить спасённым людям из империи Джа побег. А ещё лучше — позволить им взбунтовать одно судно и увести с собой. У нас много среди матросов последних подонков, которых набрали по принципу «тюрьма или дальний поход». Вот их и надо собрать на самый худший третий корабль. Люди из империи Джа напоют им песен про большое богатство, и они не устоят.

Рабовладельческая империя Джа всегда нуждается в новых рабах. Ещё мы видели золотые жилы и показывали их спасённым. Услышав такие новости, люди из Джа и пираты южных морей побегут сюда наперегонки и уничтожат всё население. Нам тем временем надо будет строить мощный дальний флот и высаживаться на северо-западной части континента, где прохладно, пустыни и где никто не живёт. Но прохладно там только с точки зрения голых кошколодей. С нашей точки зрения, даже самый холодный зимний день здесь по погоде как наш прохладный летний день. Прохлада здесь — это тоже преимущество. Надо сразу привозить туда селян и выращивать фрукты и овощи для продажи в нашей империи. Корабли с овощами грабить невыгодно, так что это ещё и своеобразная защита от пиратов.

Когда в западной колонии наберётся достаточно сил, можно начинать завоёвывать весь остальной остров в образе защитников и освободителей от набегов империи Джа.

Я думаю, это срок следует планировать на 15–18 лет после основания колонии. Это время нужно для того, чтобы выросли деревья. Уже на первых кораблях, которые будут основывать колонии, нужно везти саженцы деревьев. С помощью этих деревьев можно будет ремонтировать наши корабли. Иначе битву за море не выиграть. Плюс надо выращивать те хлебные деревья, которые я высадил на западе. Они дадут первые семена уже через год.

— А враги тем временем понастроят колонии и укрепления на восточном побережье, и нам придётся штурмовать крепости? — спросил губернатор.

— Не придётся. Пусть сидят в своих крепостях. Долго ли они в них просидят, если они не смогут из них и носа высунуть? Вокруг будут наши конные дозорные группы и обозлённые кошколюди. Потери есть, доходов нет. К тому же наши корабли к тому времени будут большими, мы сможем высаживать десанты любого размера. А они останутся как сейчас. Так что в итоге они соберутся и уплывут. Но наш флот должен быть мощнее. Для этого и нужна западная колония. На востоке деревьев нет.

— Я согласен с младшим. Здесь, на юго-востоке, очень жарко и лютуют тропические болезни, — высказался вне очереди святой отец.

Завязалась оживлённая дискуссия, в итоге которой мой план был принят. Всех людей с берега забрали на корабли. Всех благородных забрали на два первых судна, часть добытого золота и спасённых людей из Джа переместили на третье судно. Туда же отправили всех буянов, которых до этих пор держали под присмотром на двух первых кораблях.

Небольшой штормик дал нам повод уйти сильно к югу, к империи Джа. Когда шторм стал утихать, третье судно тихо отстало и исчезло. Мы помолились за здоровье капитана. Ему было приказано сразу переходить на сторону бунтарей, но его могли убить, и не спрашивая.

* * *

В порту Глантона наши суда сразу загнали на карантинный остров. На первой же шлюпке вместе с едой и водой прибыла Вастараба. Для неё построили всех участвовавших, даже лежащих вынесли. Осматривая наши выстроенные буквой «П» команды, Ва только качала головой и приговаривала: «Красавцы, красавцы». Потом произнесла следующую речь:

— Тем из вас, кто заболел малярией и прочими тропическими болезнями, повезло. Вы будете болеть тяжело, но выздоровеете. Против ваших болезней даже есть лекарства. Кто поимел кошколюдей, вам хуже. Вы заболели сразу тремя очень опасными болезнями, которые передаются через соитие. Они уже у вас в крови и сжирают вас изнутри. Небось кровью уже писаетесь, не так ли?

Команда дружно подтвердила. Ва продолжила:

— Одну из них можно вылечить, заразив вас малярией. Но для лечения двух других необходимо, чтобы вы были здоровы. Так что ближайшие полгода никакой любви ни с кем. Сначала будем заражать вас малярией, потом лечить от малярии, потом лечить от двух других болезней. Раньше мы их никак не могли лечить, теперь они лечатся ядом некоторых ядовитых людей. Если не лечить, через пять месяцев у вас начнёт проваливаться нос и

отваливаться руки и ноги. Кости сохранятся, но все соединения будут съедены.

Ва остановилась передо мной:

— Господин, где ты ухитрился подцепить сразу пять самых злых болезней?

Вся остальная команда принялась злобно хихикать. Кто-то сдал меня с потрохами:

— Подводные люди. Пять девушек.

— О-о, я горжусь тобой, господин. Тебя лечить придётся вдвое дольше.

— Это они меня на рыбу променяли, — припомнил я команде их предательство.

Команда опять захихикала, на этот раз довольно. Некоторым для счастья нужно так мало.

Когда Ва перестала раздавать команды и удалось переговорить наедине, я спросил:

— Как ты здесь оказалась?

— Васта.

— Дети?

— На берегу. В безопасном месте, — на слове «безопасное» Ва сделала особое ударение.

— Как сама?

— Хорошо. Если бы не ваша экспедиция, уже жила бы в Первом Городе.

— Не хочешь пойти главным лекарем колонии на новом континенте? Там целый континент больных людей и неведомых болезней.

— Нет.

— Здесь вскоре будет лёд в версту толщину.

— Это когда? Через триста лет? Внукам скажу, чтобы передали правнукам уезжать. А я не хочу.

На этом общение закончилось. Ва уехала, меня следующие два месяца лечили местные лекари. Я регулярно проваливался в беспамятство от высокой температуры, от малярии, которой меня заразили намеренно. Губернатор, которому повезло и который подхватил меньше болезней, уехал на доклад Государю за месяц до того, как меня выпустили из лечебницы. Кошколюдей он увез с собой.

Ещё в первый день мы с губернатором задумались, а что же теперь будет с империей Джа. При таком количестве заразных болезней они благодаря нашему третьему кораблю получают массовые эпидемии. Санитарии у них и в помине нет, остановить их будет некому. А когда их люди прибудут на новый континент и начнут пользоваться кошкодевушек... Похоже, скоро империя Джа перестанет быть угрозой для нашей страны. Она была угрозой почти тысячу лет, с тех пор, как Великая Империя разделилась на две части — северную, в которой приняли религию Бога-из-Огня, и южную, в которой осталось рабовладение и язычество. Губернатор решил, что стоит уговорить Государя объявить карантин всей южной стране и выслать в южные порты девушек — гадюк из университета, как только закончат учиться.

Ухаживал за мной Серен, который всего лишь перенёс тропическую лихорадку, пока мы плыли обратно.

Выйдя из лечебницы, я попал в небытие. Губернатор оставил приказ находиться в порту и ждать распоряжений. Денег он оставил совсем немного. От нечего дела мы с Сереном учили язык империи Джа и тренировались. Местный орден борьбы с нечистью был очень слабеньким, в нём не было ни одной девушки со сквозным зрением. Нечисть они вычисляли по убийствам, которые удавалось отличить от уголовных.

Глантон был богатым торговым городом. Вокруг порта поколениями существовали группы, которые зарабатывали контрабандой и грабежом торговых судов. Даже уголовные преступления распутывать было очень сложно. Зачастую люди просто исчезали. Понять, из-за чего они исчезли, было невозможно. Соответственно, и успешных операций у ордена было очень мало. Меня приняли, но без особых восторгов. Тем не менее, мы отловили пару оборотней и одного кровососа. Денег за это я получил совсем немного.

Через месяц после выхода из карантина в городе объявили, что по приказу Государя всем людям из Джа контакты с нашими людьми запрещены. Всем нашим купцам и моряками, посещающим Джа, запретили любые телесные контакты с их людьми. Все люди Джа были объявлены нечистыми, все, кто их касался, должны были быть высланы в их земли. Для кораблей из Джа даже выделили отдельные причалы, огороженные заборами с охраной. Похоже, идея о заражении империи Джа впечатлила наше начальство.

Период затишья закончился ещё через два месяца. Пришло письмо из управления слугами Государя. Мне было предписано срочно явиться в столицу.

Как только я явился для доклада в управление слуг, меня тут же отправили на приём к Государю. Секретарь Государя назначил мне приём через три дня. Денег мне, к слову, никто на съём жилья не дал. Еле хватило своих. Я уже отвык от того, что в столице всё дорого.

Явившись на приём, я был встречен Государем самым радушным образом. Государь высказал глубочайшее удовлетворение от того, что дала разведка нового континента. Ещё он обозначил, что прекрасно понимает, кому принадлежала идея плана, который доложил ему губернатор. Поэтому когда встал вопрос о том, кому поручить очень сложное и деликатное дело, он вспомнил обо мне.

Я осторожно сказал, что это большая честь для меня. Государь махнул слуге, безмолвно стоявшему у двери, и тот впустил ещё двух посетительниц. Первая была одной из наших типичных благородных дам. Даже роскошное платье не скрывало, что под ним находится совершенная машина убийства с раскачанными мышцами. Такие дамы могут отжиматься на одной руке, стоя вверх ногами. Это не считая такой растяжки, при которой они могут почесать себе большим пальцем ноги за ухом. Вторая дама была настолько похожа на Ангелу в молодости, что я не удержался и удивлённо воскликнул:

— Ангела?

— Нет, дорогой мой ага Долиган. Эта девушка тоже из рода ага Дреяни, но не Ангела. Её зовут Херувима, — посмеялся Государь.

Да, конечно. Она не могла быть Ангелой. Я же видел не так давно Ангелу, та от постоянного вынашивания и родов стала поперёк себя шире.

— Херувима? — повторил я.

Девушка несмело улыбнулась и сделала книксен.

— Херувима является дамой — отрадой на моем воспитании. У неё очень особенный дар, если она что-то просит, то все вокруг кидаются наперегонки выполнять то, что она попросила. По этой причине ей запрещено открывать рот в моём присутствии под страхом немедленного отрубания головы. Так что лучше пока не задавайте ей вопросов. Ей можно отвечать только письменно, а это долго. Поговорите потом. Познакомьтесь с вашей второй компаньонкой. Представляем вам Мирку ага Женера. У неё есть способность к сверхсиле и сверхточности.

Я повернулся к девушкам, поклонился и щёлкнул каблуками. Государь продолжил:

— Я хочу вам поручить одну очень необычную и сложную миссию. Вероятно, вы

помните астролога, господина Ширжака. Так вот, он не совсем астролог. Где-то он учёный, а где-то маг. Мы придумали с ним несколько очень интересных проектов... Очень интересных. Но он позволил себе уйти, не попрощавшись. А главное — не доделав проекты. Следы ведут в империю Джа. Я очень, очень прошу вас. Не прошу. Умоляю. Верните мне господина Ширжака. Для этого с вами Херувима ага Дреяни. Она должна его уговорит пойти с вами. Можете применять силу в любых количествах. Самое главное — не допустите его попадание к руководству империи Джа.

— Приложу все силы, мой господин. Но у меня возникает очевидный вопрос. Не следует ли усилить группу? У меня никаких боевых способностей. Херувима, насколько я понимаю, тоже не очень сильна. В империи Джа законов нет, каждый первый будет пытаться отобрать у меня женщин и продать их как рабынь.

— Не следует. В отчёте о лечении моряков после похода фигурировала некая целительница с почти волшебными способностями, не так ли? Вот её и возьмите. Будете представляться как группа сопровождения целительницы — кочевницы, которая прибыла зарабатывать деньги. Как раз большая группа привлечёт намного больше внимания. Вы пройдёте незамеченными. А если начнутся проблемы, малышка Херувима может попросить всех нападающих убиться. И они убьются.

— Простите, ваше величество. У целительницы два маленьких ребёнка. Один грудной.

— Уверен, что ваши родители, вырастив столько успешных детей, прекрасно знают, как растить детей. Даже грудных. Участие этой целительницы в миссии заставит бюро сохранения чистоты веры забыть о подлом доносе, в котором утверждается, что в Лавре пару лет назад сожгли не колдунью, а подменного оборотня. Для вашей поддержки будет использован целый флот, чтобы незаметно вас высадить и так же незаметно подобрать. О подробностях договоритесь с адмиралом Южного Флота. Необходимые указания ему уже высланы. Выезжайте немедленно. Прямо сейчас. Одежду, всё остальное купите по дороге. Денег не жалейте, только выполните задачу. Честь девушек не должна быть подвергнута угрозе, но если захотят, можешь любить их, сколько хочешь. Но только если захотят.

— За слугой можно заехать?

— Нет. Роль слуги будет исполнять сударыня Мирка. Так вас будет слишком много, это будет привлекать внимание.

— Он хорошо обучен, в том числе языку Джа.

— Ладно, бери. Но если местные начнут коситься, избавься от него.

Так и получилось, что нас прямо со ступеней дворца посадили в карету и отправили на юг.

Глава 23

Слом линии жизни

Ва приказу участвовать в миссии с похищением обрадовалась не больше, чем собака плётке. Но буйнить не стала, покорилась приказу. Всю дорогу до порта просидела молча. Я развлекался тем, что рассказывал наши приключения Херувиме и Мирке. Мирка ржала, как лошадь, Херувима только несмело улыбалась. И никогда ничего не говорила, только кивала на предложение рассказать что-нибудь ещё. Похоже, её последние годы били по голове за каждое сказанное слово. Когда я поворачивался к ней, она прижимала голову так, будто ожидала удара. Интересно, это у папочки её так воспитывали или уже у Государя?

Ва в Глантоне накупила ткани с позолотой и накрутила себе такое пышное платье, что стала шире втрое. Стоило это платье целое состояние. В ответ на моё удивление сказала, что если будет выглядеть дешевле, то ней никто с ней разговаривать в Джа не будет.

Адмирал сказал, что для нашей высадки они имитируют кораблекрушение. Для нас подобрали старое корыто, которое едва держалось на воде. В качестве капитана я попросил пригласить старого знакомого — господина Агарания Долгина, капитана флагмана в последней экспедиции. Его несколько обидели по деньгам, и это был способ слегка поправить его дела. Адмирал согласился, господин Долгин тоже.

До побережья нас сопровождали три военных корабля. Они довели нас до нужной точки и исчезли в тумане. Старое корыто послушно развалилась, налетев на небольшую скалу у входа в порт маленького рыбацкого городишки. Побарахтавшись в прибое, мы через полчаса выбрались на берег прямо к ногам жителей городка, собравшихся поискать сокровища на затонувшем корабле. Поиск сокровищ они начали с нас.

Когда мы пообсохли, нас отвели к главе города. Это невероятно жирное чудище в стоптанных шлепанцах на троне с протёртой обивкой приняло наш рассказ с доверием. Ему показали монеты, поднятые с корабля и отобранные у матросов и капитана — монеты Первого Города господина Ирмы.

Вастараба исполнила свою арию идеально: она бедная несчастная целительница из кочевников, её преследуют святые отцы империи Иделия, она прибыла в империю Джа для того, чтобы лечить людей и заработать денег. Она просит не обижать её слуг и её господина, которые и так пострадали от несправедливости в северной империи. Исцеление от импотенции привело главу города в состояние полного восторга, и нам было даровано разрешение заниматься лекарской деятельностью, вкуче со всеми въездными документами.

Шесть дней Ва честно лечила местных тётенок и иногда даже дяденок, а потом мы на полученные деньги купили лошадей и были таковы.

Агенты Государя видели Ширжака на пути к столице Джа. В столице его уже не было. За неделю лечебной деятельности в столице Ва заработала кучу денег, а мы выяснили, что астролог побывал на приёме у руководства и выехал на восток. Мы свернули лавочку и помчались в указанном направлении.

Было такое ощущение, что маг делал всё, чтобы оставить как можно более широкий след. Он выступал на всех деревенских праздниках с фокусами, навещал руководство каждого более-менее крупного города, чтобы очаровать гигантскими, но несбыточными проектами. След привёл нас на самый край пустыни, в небольшое и очень бедное селение, за которым не было ничего, кроме пустыни. Местные говорили, что маг направился строго на

восток, в Дой-Улгур, и сплёвывали при этом. Это место пользовалось здесь плохой славой. Ехать до него было недалеко, всего три дня, но местные говорили, что некоторые туда ехали три дня, а обратно неделю. А некоторые уехали и так и не вернулись.

Через три дня тяжелейших переходов по пустыне мы нашли мага за попытками сотворить какое-то колдовство. У него не получалось, он ругался и пробовал снова и снова.

Дой-Улгур был развалинами древнего города, занесённого пустыней. Это была очень древняя культура, ещё тех времён, когда на месте южной империи было несколько стран, в которых по-разному поклонялись страху и ужасу. Теперь как напоминание о тех временах из-под песка торчали статуи разных чудовищ с раскрытыми зубастыми пастьями. Забавное дело: люди исчезли, а их страх остался.

Мы следили за астрологом, лёжа на крыше здания, почти полностью занесенного песком. Мы решали, как лучше брать человека. Слово «маг» мне очень не нравилось. Чтобы так назвали человека в нашем мире благородных, некоторые из которых могли вызывать молнии, надо было очень постараться. Решили, что Мирка его отвлечет, а пока он будет к ней поворачиваться, мы подбежим с другой стороны, и Херувима вступит в дело. Для выполнения этого плана пришлось разойтись в разные стороны.

План почти сработал. Мирка вышла из-за угла здания и приказала магу сдаваться как раз тогда, когда у мага получилось его колдовство. Перед магом зажглось сияющее зеркало высотой в два человеческих роста. Маг посмотрел на Мирку, на нас, бегущих с другой стороны, и шагнул в зеркало. Не раздумывая, я кинулся за магом, следом за мной влетели Херувима, Серен и Ва.

Мы оказались в очень красивом месте. Здесь было прохладно, вокруг устремлялись в небо высокие сосны. Прохлада после жары пустыни была такой приятной!

Маг стоял в трёх шагах и смотрел на нас с насмешкой.

— Ширжак, я хочу..., - начала Херувима.

Маг махнул рукой, и во рту у девушки появилось яблоко. Херувима выплюнула яблоко и открыла рот, но на этот раз у неё во рту появился огромный жук с шевелящимися лапами.

Херувима беззвучно завопила, замычала.

— Это мой мир. Я могу здесь сделать всё, что подумаю. Так что лучше не дёргайтесь. Если будешь молчать, я заменю жука на яблоко, — предложил маг.

Херувима кивнула. Жук исчез, яблоко появилось.

— Нам надо поговорить. Я устал вас ждать. В этой пустыне так жарко! Я вижу, Государь купился на мои сказки и послал именно вас? Это именно то, что мне нужно. Малышка Херувима сейчас вернётся к молодой госпоже Мирке. Вы можете сообщить Государю о том, что я больше не появлюсь в вашем мире. Ему не следует беспокоиться о тех проектах, которые я обещал. Все они будут выполнены. Вместо меня будет работать Полисаний. Да-да, именно этот. Уважаемая госпожа двести пятая, пожалуйста, отдайте херувимчику все запасы денег. Они вам не понадобятся, а им ещё через всю империю ехать. Херувима, не забывай обращаться ко всем встречным на языке империи Джа. Господа Вастараба, Серен и Полисаний, вы уходите на шесть лет. Вам предоставлено дополнительное обучение.

Ва заторможенно сняла платье, вытащила пояс с деньгами и надела его на Херувиму, для чего той тоже пришлось снять платье.

— Точки встречи с флотом, где вас должны забрать, помнишь? — я проверил города и время, в которое нас должны были ждать. Некоторые места Херувима забыла.

— Ты готова. Иди. Полисаний и компания вернутся через три — четыре года, потом уйдут ещё на три.

— Мои дети, — заплакала Ва.

Маг нарисовал рукой в пространстве прямоугольник, в нём замерцало зеркало. Херувимчик сделала в него шаг и пропала.

— Мои дети, — плакала Ва.

— А мы с вами уходим в другой мир, — весело сказал Ширжак, закрыл первое зеркало и открыл новое в нескольких шагах от старого.

— Перед тем, как мы пройдем в новый мир, вас придётся немного почистить. Поднимите руки и откройте рты.

Мы послушно выполнили приказанное. Из руки мага вырвалось облако и окутало нас троих. Это была какая-то ужасная гадость. Она душила лёгкие и колола кожу. Я откашливался несколько минут. Когда мы смогли подняться с колен, маг пояснил:

— В новом мире нет той заразы, которой очень много в вашем мире. Я использовал лёгкий вариант очищения, те болезнетворные организмы, которые находятся у вас под кожей и в крови, оно не уничтожит. Так что в новом мире ничего не трогать и на землю не плевать.

Ширжак прошёл в новое зеркало, затем вернулся из него и позвал нас:

— Вперёд, молодые господа! Всё прекрасно работает.

Мы прошли через портал и оказались в таком же мире с соснами.

— Как вы думаете, Полисаний, откуда берутся пространства, в которых живут люди? Вас не удивляло, что они сбалансированы? Что хищники бегут не слишком быстро, чтобы съесть всех травоядных? Что трава не слишком жёсткая для того, чтобы её могли есть травоядные? — хитро спросил маг.

— Не думал, — признался я, — я знал только один мир, в котором верили, что его создал Господь Бог.

— Бог действительно создал Вселенную. Но миры, в которых живут люди, создают сами люди, когда мечтают о собственном мире.

Я засмеялся:

— Ну, тогда таких миров будет столько, сколько людей. Все дети мечтают о своём мире.

Маг покивал головой:

— Ну, да. Все мечтают о своём мире понарошку. Но чуть-чуть и сами не верят в свой мир. А вот некоторые мечтают очень глубоко, очень точно, видят свой мир во всех подробностях. Как только такие люди придумывают свои растения, своих животных и своих богов, такой мир появляется в реальности. А после гибели такого человека в его родной реальности он становится богом этого нового мира. Ну, не совсем богом, а, скажем так, главным устройтеlem дел с неограниченными возможностями. Это твой мир, Полисаний. Я вот только что-то не вижу комитета по встрече. Проспали, лентяи. Ну, ничего, сейчас появятся вас приветствовать.

Я похолодел, но сквозь панику смог спросить:

— Кого мы ждём? Кто должен меня встречать?

— Как кто? Служилые боги этого мира. Подчиненные тебе боги, те, которые будут служить тебе и этому миру. Те, которых ты придумал. Если ты когда-нибудь перерастёшь этот мир и уйдёшь из него, они будут продолжать заботиться о нём. Возможно, что и они будут со временем перерастать эту работу и уходить на более сложную. На их место

придётся ставить кого-то из достаточно развившихся людей. Но до этого ещё далеко. Пока служилые боги собираются, пойдёмте, посмотрим животных. Ваш мир ещё не сформировался до конца, не созрел. Стандартные животные — млекопитающие, насекомые — эти все уже живут здесь. А вот те, которых придумали вы, ещё формируются. Вот, взгляните.

В огромных кусках стекла или хрусталя застыли разные существа — лошадь с крыльями, волколюди, люди с дельфиньим хвостом, лоси с огромными рогами, слоны с шерстью... Их было невероятно много.

— А зачем ты волколюдей сделал? — удивилась Ва.

— В разработку попадает всё, что участвовало в мечтах хотя бы три раза. Если Полисаний мечтал, как побеждает волколюдей, они появятся в этой реальности, — пояснил Ширжак.

Я ужасно испугался:

— Ой-ой! А размечтать их можно? А то там и оборотни могут появиться.

— Да, мы здесь для этого. Займёшься чуть позже. У тебя сегодня длинный день.

В этот момент на лужайке перед лесом и животными в хрустале появилась пёстрая компания. Бог воды, бог Океана, бог войны, богиня семьи, богиня любви и здоровья... Эта богиня была как две капли похожа на двести пятую.

Ва удивлённо уставилась на копию, богиня столь же удивлённо уставилась на Ва.

Бог правды был похож на Радо.

Здесь была даже девушка — облако, та самая, которую я придумал в детстве перед нападением волколюдей.

— Поздравляем! — дружно возгласили боги и начали подходить представляться. Они говорили мне, что ждут своего господина и будут рады вместе заботиться об этом мире. Я кланялся и пытался запомнить имена. Я придумывал не всех из них.

— Ширжак, а почему я не всех из них знаю? Откуда они вообще все взялись?

— Из твоей души. Можешь считать, что движущая сила каждого бога — это дух от Бога, как у обычных людей, а вот способ приводить тело в действие — это копия твоей души, но не всей, а определенного раздела, например, если бы ты решил заботиться только о здоровье людей. А почему не всех знаешь... Те, кого ты не знаешь, входят в стандартную поставку. Каждый мир имеет определенные начальные установки, и если ты их специально не обдумываешь, они поставляются в исходном варианте. Но боги идут как копия твоей души.

— Сколько же тогда во Вселенной таких миров? Если в каждом мире появится несколько мечтателей, то появится несколько миров на каждый существующий, это же постоянно растущая бесконечность! Так все ресурсы во Вселенной закончатся!

— Ты не о ресурсах беспокойся. Наоборот, постарайся вырастить в своём мире хотя бы тройку — четвёрку мечтателей.

— Зачем?

— А куда ты будешь людей своего мира переводить, когда у тебя катастрофа случится? Климатическая или люди всю природу уничтожат? Они это любят делать. Знаешь, куда мы будем переводить людей, когда в твоём мире лёд всё закроет?

Я опять похолодел:

— Сюда?

— Ну, ты догадлив не по возрасту! Подготовь мир к приему миллионов эгоистичных и агрессивных хищников в виде твоих земляков.

— Чтобы они мне всех крылатых лошадей съели?

— Все вы, локальные боги, так говорите. Ну, если хочешь, можешь отказаться от беженцев. Пусть твои правнуки замерзают и убивают друг друга в битве за последнюю еду.

— А какой размер у этого мира?

— Какой придумаешь. Обычный стартовый — две тысячи верст. Сейчас твой мир выглядит, как замкнутая сфера с длиной по диаметру две тысячи. Всё живое находится на внутренней поверхности сферы. Когда твой мир созреет, он увеличится до трёх тысяч за счёт океанов вокруг суши, и станет плоским. Если соединишь свой мир с несколькими другими мирами, и этих миров станет больше шести, то твой мир примет форму сферы, у которой все живут на наружной поверхности. Когда миров станет более десяти, этот мир появится как планета в общей Вселенной. Можно будет долететь на космическом корабле от твоего мира до мира, в котором ты родился. Помнишь континент с кошколюдьми? Мы его присоединили к твоему родному миру совсем недавно, ста лет не прошло.

— То есть его раньше в моём мире не было?

— Не было. Только с увеличением мира не увлекайся. Мир можно увеличивать по собственному желанию, просто добавляя земли и океаны, или присоединяя миры дружественных богов, или миры тех богов, которые перестали заботиться о своих мирах. Но если земель станет слишком много, планета станет слишком тяжёлой и всем организмам придётся мельчать, и двигаться им будет тяжелее. Так что не увлекайся.

— А что, бывают боги, которые перестают заботиться...?

— Редкий случай, но бывает. Боги локальных миров — те же люди. Они тоже могут допустить саморазрушение личности, впасть в отчаяние и апатию. Вон, видел, что с кошколюдьми стало? Это прямое следствие отсутствия заботы о религии и морали подопечных людей. Там человек — бог этого мира совсем морально разложился... Теперь все эти люди под нож пойдут из-за вырождения, а земли мы к вам прирезали.

— И зачем Создатель устроил такой дурдом?

— Вероятно, это приспособляемость миров. Слышал о приспособляемости животных? В хорошие времена животные большие, потом приходит ледниковая эпоха, и животные становятся маленькими. Потом возвращается эпоха с хорошим кормом, и животные опять становятся большими.

— Слышал такую теорию... В университете.

— А здесь приспособляемость миров. Не нравится мир, который сделал Создатель? Сделай свой, с деревьями, на которых растут готовые пироги, а в травах по капиллярам течёт шербет. А потом посмотри, как это всё выживает. И покажи следующему создателю нового мира, как сделать лучше. Только все ваши придумки должны работать реально. С учётом всех законов физики. Naturфилософии, по-вашему. Ты пока её не знаешь.

— У меня была в университете.

— Это детский лепет. Сейчас мы собираем группу таких же, как ты, фантазёров, создателей миров, а потом отправим вас учиться в университет, в один мир, в котором с натурфилософией всё нормально.

— И я три года не увижу своих детей? — заплакала Вастараба.

Из глаз у Ширжака посыпались искры:

— Бестолковая рабыня! Ты что, не поняла, что происходит? Твой господин становится богом! Теперь имя тебе не Вастараба, а Полираба Нулевая! Ты будешь учить всех новых слуг и рабов Господина, будешь показывать, как ему служить. От его промысла и заботы зависит

выживание целого мира. Целого мира, Полираба. Ты меня хорошо услышала? Быть богом очень сложно и очень больно иногда. Твоему господину потребуется вся твоя любовь, вся твоя забота. При чём тут какие-то два комочка жизни невесть где? У них есть своя судьба, и они пойдут по ней. Господин может дать тебе сотни детей, так, что ты будешь рожать непрерывно в течение сотен лет, или запретить рожать совсем. Господин может дать тебе способность летать по воздуху или плавать под водой. Господин может дать тебе любую судьбу. Ты что, не поняла, как тебе повезло? Ты сможешь наблюдать, как мальчик становится богом. Очень немногим людям доступна такая мудрость и такое знание. Будь готова служить своему господину телом, разумом и душой.

Пока Ширжак говорил, у меня перед внутренним взором проносились знания, как сделать всё то, о чём он упоминал. Точнее, открывались. Я действительно мог почти всё из перечисленного. Только судьбу изменить не мог. У Ва в судьбе было записано некоторое количество событий, которые ей следовало пережить в том или ином виде.

Пробы ради я соорудил крылатые сандалии, которые давали Ва возможность летать. Но Ва пока была занята, она в ужасе смотрела, как из глаз у мага сыпятся искры. Потом у неё в разуме произошла сдвижка, и она рухнула передо мной на колени:

— Господин, будь моим господином, позволь мне служить тебе и быть твоей рабой! Я буду верной рабой и сделаю всё, что прикажешь!

Ширжак тихим шёпотом недовольно сказал, глядя на Ва:

— Бестолковая рабыня. Не пытайся ничего с ней обсуждать и не проси у неё совета. Эта может только выполнять приказы. Для того, чтобы вырастить свободных сотрудников, с которыми можно советоваться и спорить, тебе придётся сильно постараться. Постарайся.

Я был уверен, что Ва слышала каждое слово. Ширжак не особо старался говорить тихо.

— А мне тоже надо просить взять в рабы? — спросил Серен.

— Нет, мальщ, ты будешь первым свободным сотрудником Полисания. Только пока ты дурной — дурной. Учиться много придётся. Кстати, моё настоящее имя — Александр Долгомиров.

— Я буду много-много учиться, — пообещал Серен.

— Долгомиров — это название твоего замка? — спросил я.

— Нет, это фамилия моего рода по отцу. Мой отец и мой дедушка, и их отцы были Долгомировы.

Я подал Ва крылатые сандалии:

— Примерь.

Ва скинула свои сапоги для верховой езды и надела сандалии. После этого она сделала несколько шагов и взлетела. Сделав для пробы круг, она опустилась на колени передо мной:

— Благодарю вас, господин.

Строй служилых богов захлопал.

— У нас много работы. Отпусти богов и давай разберёмся с новыми живыми существами.

Я поклонился богам, и они исчезли.

Потом мы до вечера ходили вдоль рядов хрустальных глыб и корректировали набор живых существ. В набор как-то пробрались даже зомби. Чудовищ и нереальных живых существ я отменил.

Александр посоветовал отменить крылатых лошадей. Я упёрся.

— Полёт требует очень много энергии. Им для частых полётов надо будет либо только

злаками питаться, либо мясом, иначе энергии не хватит. Зерна они в нужном количестве не найдут из-за конкуренции с людьми и другими живыми существами. Если они будут есть мясо, то сначала они съедят всех живых, а потом умрут от голода.

— Пусть едят зерно.

— Как хочешь, но тогда они просто быстро вымрут. Наиболее жизнеспособными являются такие существа, которые небольшие, могут запасать на себе много энергии и приспосабливаться к разным условиям. Большие и красивые живут недолго.

Я предложил перевести сюда наиболее симпатичных мне людей из моего мира. Александр воспротивился:

— Не стоит. Люди, которые сейчас зреют в кристаллах, имеют правильное устройство. Первые тысячи лет они вообще болеть не будут. Люди в давно живущих мирах имеют много повреждённой наследственности, кроме того, у них много паразитной микрофлоры, да и просто паразитов. Вам это не нужно. Пусть хоть несколько сотен лет проживут здоровыми. Ты людей не изменял, это хорошо. Потом проблем не будет, когда мы переселенцев пригоним. А то некоторые коровьи рога приспособливают или кошачьи головы. Кстати, может, и людей с дельфиньим хвостом отменишь? Они смогут жить в этом мире только на животном уровне. При их скорости они смогут ловить рыбу руками, но не более того. Их выловят сетями и съедят обычные люди. Для того, чтобы они смогли стать хоть сколько-то разумными, им нужно много мелководий и деревья, которые могли бы жить укоренёнными на мелководье, но расти над водой. Водяные люди смогут из них инструменты делать, может быть, даже жить на них.

Я немного подумал.

— А почему бы не сделать плавающие деревья? Это вроде бы возможно. Как водоросли, только с толстыми стволами, гибкими и длинными, и чтобы над водой поднимались?

— Потому, что о последствиях надо думать. Почему бы не сделать такие растения, которые будут плавать по воде, собирая питательные вещества в оболочку, как у бананов? Потому, что у тебя вся жизнь людей сведётся к тому, что они будут стоять по берегам океанов и драться за каждый метр побережья, где можно вылавливать дармовую еду. И никакого развития. То же самое с деревьями. Что им помешает зарости по всем океанам? Полностью? Да ничто не помешает. С континента на континент пешком можно будет ходить.

Я представил себе такой мир и решил, что океанам лучше быть свободными.

— Хорошо, я добавлю побольше островов и мелководий.

Когда изменение набора было закончено, Александр сказал:

— Теперь возвращаемся к portalу. Я перенесу вас на планету, где вас ждут остальные участники программы обучения.

— Александр, а перемещаться между мирами можно только через порталы? Вы говорили о космических кораблях.

— Между локальными мирами — незрелыми, типа твоего, — только порталы. Причём их нельзя открыть куда попало. Они расположены в строго определенных местах, и если надо куда-то попасть, где нет портала, приходится перемещаться традиционными способами. В твоём родном мире, например, порталы находятся там, где были центры тех локальных миров, из которых создана твоя планета. Один расположен в царстве Рума, а я с ним в плохих отношениях. Пришлось вот тащиться в пустыню, в Дой-Улгур. Когда-то это было такое цветущее место... Климат изменился после объединения миров. На острове

кошколюдей тоже есть портал. И ещё десять в разных местах. Но они ещё дальше. А когда несколько миров объединяются и возникает планета, можно путешествовать на космическом корабле и прилетать точно туда, куда надо. Это быстрее и удобнее. Управление космическими кораблями входит в ваше обучение.

— А что, они парусные, в космосе дует ветер?

* * *

Учебная база располагалась на очень странной планете, рядом с порталом. Когда-то это был живой мир, но его уничтожили сами жители во время войны. Они применяли настолько мощное оружие, что планета стала непригодной для жизни. С тех пор прошло много времени, все опасные излучения и яды исчезли, но нам всё равно запрещали выходить за пределы зданий базы.

Здесь всё было внове для нас. И если с водопроводом и канализацией мы как-то были знакомы, то всё остальное... Обучающие компьютеры по две штуки на каждого, свет, который включался простым нажатием на кнопку, стиранные вещи нельзя сушить в жилье, а надо класть в специальный сушильный шкаф с горячим воздухом. После душа надо зайти в обеззараживающий электрический душ, который уничтожит всех паразитов. На ночь включи специальную музыку, которая улучшает сон, и специальное электрополевое устройство, которая нормализует волны в мозгу. Если захочешь любовных утех, то вот тебе шкаф, в котором множество разных устройств будут тебя ласкать и обрабатывать со всех сторон и во все отверстия под управлением компьютера. Ещё и изображение на стенах шкафа соответствующее покажут.

В мою группу входило десять человек, не считая меня и моих спутников. Некоторые ученики — новые боги локальных миров — были из миров, ещё более диких, чем мой. Некоторые были из более развитых миров. Были люди из миров, в которых люди жили в комнатах, никогда не выходя из них, а общались и работали только через компьютеры. Шкафы для любовных утех были оттуда.

Парни Джош, Вик, Каран и Лян были из диких миров. У них уровень жизни был примерно на уровне кочевников в моём мире, тех, у которых ножи были из камня. Несмотря на простоту их миров, ребята в свои молодые года прошли через глубокую внутреннюю ломку. Джош и Лян приняли полное беззлобие, сами до него додумались после того, как ушли от своего племени в отшельники. Девушки Тана и Дерена вон Аргалая были из миров, примерно равного моему по развитию. Дерена была из благородных, выросла в замке, только боевых способностей в их мире никто не имел. Разбитная девчонка по имени Ириселла была из мира, в котором были развиты компьютеры и промышленность с мощной металлообработкой. Одевалась она так, что постоянно шокировала всех парней, даже тех, кто был из более развитых миров. Она всегда носила облегающую одежду... Сильно облегающую, так, что даже соски были видны. Благородные дамы в моём мире тоже часто ходили в облегающих лосинах, иначе на лошадях быстро не поскачешь. Так что к виду женских ног в облегающей одежде я был привычен. Но когда ещё и верх полностью облегал... Залюбуешься. Ещё она зачем-то красила волосы в яркие цвета, половину головы в один цвет, половину в другой.

Парни Кран, Диррик и Люйяоан были из более развитых миров. Родило их то, что е

этих мирах закончились легкодоступные металлы и прочие ресурсы. Поэтому материально они жили на уровне ручной работы и использования мускульной силы домашних животных, сил ветра и светила. Зато всякие компьютерные технологии и способы связи были развиты настолько, что люди там жили скорее в искусственном мире, чем в реальном.

Большинство учеников в группе были темнокожими. Преподаватели сказали, что тёмная кожа — это более нормально, чем светлая. Сказали, что светлая кожа сохранилась только у тех народов, которые долго жили в условиях ледниковых эпох и недостатка световой радиации. Светлокожими были мои люди, Кран, Джош, Лян и вон Аргалая.

Далеко не все ученики принимали полное беззлобие и вообще интересовались религией. Некоторые стали богами придуманных миров только потому, что обладали буйной фантазией.

Я близко сошёлся с Джошем, Дирриком, Ириселлой и Ляном. Ириселла даже упростила наших преподавателей сводить нас четверых в её придуманный мир. Мир у девчонки был таким же экзотическим, как и она сама. По розово-фиолетовому небу плыло зелёное светило, в воздухе парили огромные скалы. Ириска сказала, что это не просто камни, а закаменевшие пузыри с метаном внутри. Их создают микроскопические существа, и метаном наполняют они же. На этих «скалах» даже кое-где росли растения. Забавный мир. Мне даже стало стыдно за свою простенькую фантазию.

На базе нас в основном учили языку и бытовым умениям, необходимым в том мире, где находится наш университет. Это был мир с начальным уровнем промышленного развития, но уже с компьютерами. Ребят из диких миров учили считать и писать. Некоторые не умели, поэтому сидели здесь уже год.

Учили нас очень жёстко, разговоры на родном языке были запрещены. Всем выдали наладонные переводчики, с помощью которых можно было перевести почти все слова. Можно было переводить слова и набирая текст, и просто говоря слова в машинку. Но чаще нас учили языку в шоковой обстановке. Например, надо было подобрать все красные шары на время. Схватишься за шар другого цвета — получишь разряд тока. Не успеешь собрать шары к заданному времени — разряд тока. А эти шары ещё и разбегались сами в разные стороны. Приходилось координировать действия. То же самое было и на компьютерах. Там тоже всё изучение новых слов происходило в стрессовой игровой обстановке.

Диррик как-то раз спросил, почему бы не учить нас в более развитом мире, например, в его. Преподаватель со смехом спросил, как он себе представляет взлом их полицейских программ распознавания людей по лицам, ДНК и походке. Диррик признал, что погорячился.

Ва больше интересовалась своим, откуда берутся болезни. Преподаватели ей пообещали, что её будут этому учить следующие пять лет. Сказали, что у болезней три основных источника происхождения. Во-первых, их создают такие цивилизации, которые думают их использовать как оружие. Во-вторых, болезни зарождаются из полезной микрофлоры порочных людей, которые долго живут в состоянии сильно ослабленного организма. Когда защитные силы ослабевают, микробам становится проще и удобнее есть мясо носителя, а не их обычную пищу в системах пищеварения. В — третьих, их создают бесы. Про бесов нам сказали, что первое время их в наших мирах не будет, но потом они обязательно найдут, как пролезть.

Ва была в шоке, всё спрашивала, действительно ли люди могут быть настолько глупыми, что сами создают болезни.

Ещё до нашего ухода начали прибывать ребята следующей группы. Некоторые из них выглядели очень экзотично, как кентавры или улитки с верхней частью от человека. Преподаватели говорили, что эту группу будут готовить здесь около года, а затем отправят для дальнейшего образования в один из новых миров, где сейчас для них строят школу. Замаскировать такую сборную солянку ни в одном из существующих миров будет невозможно.

* * *

Как-то раз в столовой я осознал, что каждый раз во время еды в голове вертятся мысли о сражениях и уничтожении разных злодеев. Сюжет показался интересным. Я задумался и после некоторого изучения проблемы понял, что это происходит потому, что тяжёлая работа мышц системы пищеварения требует подавления неприятных ощущений мечтами о героических победах. Тот самый образ преодоления боли, о котором мне рассказывал Радо. Но в немного другом виде. Вывод оказался очень простой — при появлении такой мечты надо расслабиться, перестать торопиться и насиловать свои внутренние системы, надо дать время пищеварению разобраться с поступлениями и предать ей образ любви, созидания и внимания к каждой подробности дела.

Всё это время, пока обдумывал проблему, я сидел, замерев с ложкой на полпути ко рту. Выйдя из режима изучения внутреннего пространства и оглядев окружающую реальность, я обнаружил, что все уже поели и ушли. Только Джош и Лян сидели напротив и улыбались.

— Что, очередное прозрение? — подколот Лян.

— Так приятно смотреть, что кто-то имеет быть хуже, чем ты, — похихикал Джош.

Они хоть и приняли полное беззлобие, но юмористы те ещё. Самое удивительное, что я могу им позволить смеяться над собой, сколько угодно. Я знаю, что они никогда не будут делать ничего, что может меня оскорбить или сделать мне больно.

— Заметил, что во время еды приходят мысли об уничтожении врагов самыми жестокими методами.

— Есть такой дело, — кивнул Джош.

— Да? А я не замечал, хотя... Наверное, да, сейчас вспоминаю, часто так бывает. А что, это что-то значит? — удивился Лян.

Лян немного отстаёт от нас с Джошем. Он совсем недавно додумался до идеи о том, что надо быть добрым ко всем, как вода, и не надо жить исключительно сражениями за то, кто будет главным держимордой в племени. Он пока ещё в эйфории от первой радости, думает, что на этом всё проблемы закончились. А вот Джош меня часто удивляет. Похоже, с ним боги его мира работали даже больше, чем со мной.

— Это много чего значить. Как ты думать во время такой мечты, так ты и действовать в следующий раз. Так что ни один злой мысли нельзя допускать. Иначе душа портится, — удивил меня в очередной раз Джош.

— А как их подавить, если они не подавляются? — Лян заинтересовался.

— Не подавляются. И вот поэтому Полик так долго и думать. Я бы сам очень интересно узнать, что Полик имеет придумать.

— Ничего особого я не придумал. Просто говорю себе, что надо жить любовью, созиданием и вниманием к каждой подробности дела.

— О-о, интересно. Я только про любовь думать... Думал. А вот про внимание к каждой подробности дела — это сильно. Я так понимаю, это для того, чтобы остановить образ решения любой проблемы способом ломания проблемы?

— Мне эту идею подсказали. Наверное, да.

— Я называю это «буря перемен». Когда идёшь — идёшь, и вдруг осознаёшь, что хвост вертит собакой. Приходится останавливаться и думать, где здесь разум, а где дурной навик и животные желания, — признался Джош.

— Хорошее название, — восхитился Лян.

— А ведь обычные люди никогда не замечают таких изменений. Они просто подавляют все сомнения и неприятные ощущения. Они не изменяются, — запечалился я.

— Обычных людей жалко. Даже тех, которые богами становятся, — согласился Джош, глядя на наших коллег.

— И как они будут работать богами? Они же ничего не понимают о мотивации поведения людей, — задумался Лян.

— Ну, вот так и появляются миры, покинутые их богами. Я вам рассказывал про наш континент с кошколюдьми.

— Думаю, распад личности грозит не всем. Они работать, как обычные фермеры. Заботиться, ухаживать. Фермеры же работать. А когда людей становится много и надо религия, давать людям простой глупый религия. Потом, когда у них появиться свой люди с полный беззлобие, они им объяснить. Времени много, понемногу дозреть, — предположил Джош.

— А вы уже думали, какую религию будете в своих мирах людям давать? — спросил я.

— У-у, — загудел Джош.

— Преподаватели говорили, что в том мире, где мы будем учиться, можно найти много опыта. Там посмотрим, — предложил Лян.

* * *

Через три месяца обучения за нами пришёл корабль. Плоская чёрная вытянутая тарелка, образованная ломанными гранями. Нам дали дыхательные аппараты с баллонами сжатого воздуха, чтобы мы могли дойти до шлюза корабля. На корабле их забрали и отнесли обратно.

На борту нас встретил Александр Долгомиров. Сказал, что мы идём в его родной мир.

Из пассажирской каюты видно было очень мало, за счёт чего корабль взлетел над планетой, было непонятно. Скучно, хоть книгу читай. По внутренней связи передали быть готовыми к прыжку. Мы не успели спросить, что это значит, как звёзды за иллюминаторами вытянулись в линии. Через несколько часов такого движения мы вышли к целевой планете.

В пассажирскую каюту зашёл господин Долгомиров:

— Учиться вы будете в столице одного из местных государств, в разных высших учебных заведениях. Целительница будет учиться в медицинском, она единственная, кто пойдёт по медицине. Остальные будут раскиданы по разным технологическим университетам. Вы будете считаться иностранными студентами, мы сделали для вас соответствующие документы и будем платить за вас золотом. Одновременно будете получать образование менеджера. Постарайтесь, чтобы вас не исключили. Мы осознаём, что многим из вас программу не освоить, поэтому мы вам выдадим устройства, с которых можно

подсматривать правильные ответы. Местной техникой их обнаружить невозможно. Но правильные ответы вам придётся готовить заранее самим. Через три года возьмёте отпуск на год, мы отвезём вас в родные миры, повидаться с родными. Фотографии этого мира и своего нового мира показывать родным можно. У местных неплохая система защиты от воздушного нападения, поэтому мы высадимся в районе Липецка, а до столицы, до Москвы, поедем на маленьком автобусе. Ехать долго, рекомендую в пути поспать. В Москве для вас снят дом в пригороде. Слуги будут только готовить еду, стирать и убирать общие помещения. Личные помещения убирайте сами. Никаких любовных контактов с местными. Терпите до своего мира, там хоть гарем заведите. Девчонки, не беременейте. Проход через порталы может плохо отразиться на ребёнке. Учтите, что ваши способности богов здесь частично разрешены. Не пользуйтесь ими. Местные боги сделали много, чтобы помочь обучить молодых богов, но уровень терпения у них нулевой. Только в случае, если вас будут пытаться убить бандиты, можете заморочить им голову. Целительница, можешь устроить себе дополнительный заработок после первых трёх месяцев обучения. Найди по объявлениям «исцеляю наложением рук» какую-нибудь мошенницу, их тут много, и сделай её дело не мошенническим. Болезни у людей здесь примерно такие же, разберёшься. Желаю успеха. Я буду заходить иногда, но не часто. У меня много дел и в других мирах, и в своём собственном. Да, учтите, что бесы здесь очень сильны, и их очень много. Настолько, что могут даже незаметно отвлекать внимание во время приготовления пищи, чтобы вы обожглась и произнесли богохульство. Контролируйте каждое слово и каждое движение.

Александр проводил нас до дороги, позвонил по телефону. Сказал, что автобус уже выехал, и распрощался.

Двигаться ночью по полю было не очень удобно. Дойдя до дороги, мы впервые увидели асфальт и дружно присели его изучать. Как по мне, слабоватое покрытие, камень прочнее.

Как ушёл корабль, мы даже не заметили. Он просто растворился в ночи.

Машина с провожатым должна была придти рано утром. Она пришла с запозданием на два часа. Мы извелись за это время, уже не знали, что и думать. Телефоны нам выдали, но все забыли, как по ним звонить.

Поспать в автобусе не получилось. К слишком быстрой скорости движения я привык довольно быстро. Скакать на Траче по ночной степи с максимальной скоростью было страшнее. Но было интересно посмотреть, что происходит снаружи. Огромные машины, люди в странных и открытых нарядах. Пожалуй, у нас женщины не рискнули бы ходить в таких открытых и женственных нарядах. Кроме благородных, конечно, те стоят целой армии и никого не боятся. Огромные сёла, больше, чем наши города. Высокие здания в городах, и много высоких зданий! Москва убила меня своей огромностью ещё до того, как мы в неё заехали. Мне хватило пригородов.

* * *

Ходить с Ва по Москве было ещё труднее, чем по нашим городам. Даже во время обзорной экскурсии она ухитрилась найти на Красной Площади человека, которого в язык укусила пчела. Человек задыхался из-за распухшего языка, и Ва отобрала у одних прохожих стеклянную бутылку, у других прохожих злой спиртовой напиток, разбила бутылку, продезинфицировала её спиртом и разрешила горло несчастному, чтобы тот мог дышать.

Незаметная и очень умелая охрана правительства уже хотела взять двести пятую под белы ручки, но тут приехала Скорая Помощь и сказала, что она всё сделала правильно.

Про сломанные или подвёрнутые ноги я и не говорю. Было такое ощущение, что все эти несчастные только Вастарабу и ждали.

Глава 24

Опять студент

Нас с Сереном засунули в Политехнический институт, на специальность «автомобили и автомобильное хозяйство». Сказали, что она даёт наибольший кругозор, умение видеть прохождение энергии и привычку мыслить математически. Ребят, у кого было тяжелее с учёбой, распределили по другим ВУЗам, определили на разные менеджерские курсы.

Занятия должны были начаться только через месяц. На это время нам выдали огромное количество литературы и карту мест, в которых мы должны были побывать.

Нам с Ва и Сереном выдали документы граждан Казахстана. Сказали, что Ва похожа на людей из этой страны, а мы и за местных сойдём, пока рот не откроем. Сказали изучить всё, что найдём, про Казахстан.

Кроме обязательного списка, я закачал в электронную книгу кучу произведений по военной, технической и религиозной истории. Серен зафанател историей революций и углубился с головой в чтение книг и просмотр фильмов по теме. Приходилось его регулярно вытаскивать за уши, чтобы он не забывал учиться по обязательным темам.

Чтобы мы быстрее осваивали язык и чтобы вообще жизнь не казалось мёдом, нас заставляли ходить в магазины за всеми продуктами и расходными материалами, а также заставили пройти по всем доступным музеям.

Строгий распорядок монастыря, в котором находился мой первый университет, вьелся в меня навсегда. Просыпались мы намного раньше наших товарищей, разминали мышцы и немного занимались фехтованием. Занимались втроём, я, Ва и Серен. Некоторые из наших товарищей со временем тоже стали вставать пораньше, но только для того, чтобы посмотреть на «совершенно нереальный боевой балет». Ещё позже присоединилась Дерена вон Аргалая. Сказала, что ей как благородной даме тоже положено заниматься фехтованием. Поначалу она сильно проигрывала, даже Ва укладывала её со второго движения. Потом подтянулась.

Ва что-то умела ещё в те времена, когда мы впервые встретились. Потом после совершенно безжалостных тренировок моего папочки она сильно выросла. Мы тренировались все последние годы. Ва приходилось тренироваться со мной после того, как меня учили чёрные ангелы. Неудивительно, что Дерене пришлось туго.

Месяц подготовки пролетел незаметно, вскоре начались занятия. Учёба давалась очень тяжело. Даже нам с Сереном с нашим курсом университетской математики было очень непросто. Наши знания закончились примерно через неделю занятий.

Первые пять месяцев мы были заняты только тем, что пытались удержаться на плаву. Только потом жизнь как-то устоялась, и я смог приняться за отложенные книги. Загрузившись историей христианства, я нашёл много знакомого. Но и отличалось тут очень многое. Я попытался обсудить прочитанное с другими кандидатами в боги и неожиданно выяснил, что в их мирах тоже были аналоги христианства. Отличия были только в деталях. У кого-то Спаситель (или некто, кто выдавал себя за него) приходил больше тысячи лет назад, как в моём мире, у кого-то всего двести — триста лет назад. Больше полутора тысяч лет не было ни у кого.

Любопытно, что здесь, как и в моём мире, священники не могли ничего ответить на вопрос о том, зачем в учение введено требование правой и левой щеки, и несли в ответ на

прямой вопрос всякий вздор. Они делали ту же ошибку, что и наши святые отцы — пытались думать об этом требовании как о правиле поведения, а не как об отношении к жизни. Не понимая того, что это способ превращения человека в более совершенное существо, они делали основной упор не на умении находить правильные решения, а на обещании спасения. Народу эти обещания давно надоели, им уже никто не верил, но священники упорно продолжали дудеть в ту же трубу.

Один раз они уже потеряли государство той земли, в которой мы находились, оно называлось Россия. Государство было потеряно из-за этого, что никто из граждан не знал, зачем им царская власть и христианская религия. Это было через 1917 лет от рождения Спасителя. К власти тогда пришли сторонники народного государства с весьма поверхностной наукообразной идеологией. Закончилось это тем, чем и должно было закончиться — долгой кровавой замятнёй с полной потерей самоорганизации общества. Государство восстановили в последний момент в виде того же царизма с небольшими декоративными элементами народного государства. Методы при этом были использованы самые силовые и безжалостные. Теперь на дворе стоял 2017 год, и события развивались по тому же сценарию. Страну держала привычка граждан к защите народного государства, хотя государство давно перестало быть народным. Было очевидно, что без осознанной идеологии эта конструкция долго не простоит.

По этому поводу у меня возникли жёсткие перебранки с Сереном и Джошем.

Серен утверждал, что революцию 1917 года совершили сторонники народного государства. Я над ним посмеялся, спросил, что бы сделали его революционеры, если бы весь остальной народ не был полностью деморализован и если бы церковь могла хоть что-нибудь сказать о том, зачем она нужна и как достигается совершенство. Посоветовал Серену посмотреть количество членов черносотенных организаций, сравнить их с численностью большевиков и БУНДа, основных деятелей революции. Серен полез в сеть и быстро выяснил, что первых были миллионы, большевиков — 60 тысяч, а БУНДа — 300 тысяч, причём члены БУНДа были другой национальности.

— Церковь просто предала своё государство, оставив его без идеологии. Они запретили себе думать о том, чем христианство полезно для выживания. А когда пришли тяжёлые времена и надо было что-то отвечать на наивные наукообразные построения социалистов, они не смогли ничего сказать. Философии не было, идеологии не было, пропаганды не было, и создать их было не из чего. А хуже всего то, что наш мир неизбежно пойдёт по тому же пути, — я был в этот день категоричен до предела.

Серен не сдался:

— Ты не понимаешь! Классовая теория — научная теория! Она подтверждается всей историей обоих известных нам с тобой миров!

— Как описание классов — могу согласиться. Но как теория социализма — туфта полная. Они там что придумали? Единую вертикальную иерархическую организацию на всё государство, а лучше на весь мир? А кто сказал, что люди в руководстве этой организации будут идеальными? В 1917 году церкви достаточно было спросить у социалистов, кто в их системе имеет преимущество — подлый эгоистичный карьерист или честный человек, служащий обществу. И сразу становится очевидно, что подлец проникнет в начальство, так как у него возможностей больше. Когда тебе сверху спускают нереальный план, ты как честный человек пойдешь говорить, что план нереальный. А подлец украдёт, припишет, заставит подчинённых работать лишнего бесплатно, но начальству угодит. И никак ты его не

проконтролируешь. А когда всё руководство состоит из подлецов и карьеристов, то они неизбежно захотят выделить себе любимому маленькое собственное царство. И крупная структура неизбежно рассыплется на отдельные куски, которые тут же начнут конфликтовать. Пример СССР — ярчайшее подтверждение.

— Тебя послушать, никаких возможностей построить народное государство нет. Это в тебе помещик говорит, — буркнул Серен.

— Есть возможность построить человеческое общество с совершенной системой управления. Но для этого для начала надо признать, что люди находятся на разных ступенях пути от животного к совершенному разумному существу. Для того, чтобы общество могло действовать как единый организм и решать общие задачи, для того, чтобы создать совершенную систему управления, нужно соблюдение целого ряда условий. Во-первых, должно быть учение о том, что необходимо любовно заботиться о своём мире. Иначе люди, способные вести управляющую деятельность ради общего блага, просто не появятся. В наших мирах это христианство и учение Бога-из-огня. Не будет их — все люди превратятся в эгоистичных скотов. СССР тебе в пример.

Во-вторых, общество должно быть достаточно мягким, чтобы страдающие от определённой проблемы или от определённого чиновника люди могли собраться и добиться решения проблемы. У нас это можно сделать на уровне собраний аристократов, в случае возникновения больших проблем несколько благородных людей собираются и убирают проблему либо челобитной Государю, либо чисто физически. У нас не идеальная система, слишком жёсткая, без решения Государя что-то сделать нереально, а его очень долго ждать. Но вот здесь якобы демократия, но сделать ничего невозможно совсем, так как люди просто не могут собраться. Недостаточно самостоятельных людей с деньгами, чтобы быть организаторами. Все места заняли крупные фирмы, которые интересуются только мошенничеством на уровне государства. Нужно придумывать что-то ещё.

В-третьих, нужно использовать понимание того, что людей с животным развитием нельзя пускать на решающие посты. А для этого нужна какая-то система оценки людей, кто на какой ступени развития находится. Причём она должна работать не по опросам, а следить за человеком в разных ситуациях. О таких системах я даже не слышал.

Ну, и если хочешь, в-четвёртых. Учение, которое требует любовного служения обществу, должно быть достаточно глубоким и позволять человеку понять, что он может стать более совершенным разумным существом. Учение должно быть религией. На одних призывах к морали или служению обществу долго не продержишься.

Тут Джош не выдержал:

— А я не могу согласиться с идеей, что религию надо приспособлять к выживанию. Ты говорил, что христианские священники должны были упираться на то, чем христианство полезно для выживания. Это путь в смерть. Этак религию для выживания быстро изменят так, что там не останется никакой правды. Останется только то, что приятно животной эгоистичной натуре. Это потеря религии! Если ты доверяешь Богу и хочешь идти к Богу, то тебе не важно, как улучшается выживание. Главное — это на момент смерти стать как можно более богоугодным.

— Ага. «Главное не жить правильно, главное умереть богоугодным». Джош, ты бы знал, сколько раз я это слышал. Чушь это. А ещё ты полностью изменил смысл моих слов. Я не говорил о том, чтобы приспособить религию к нуждам приятной жизни эгоистичных людей. Я говорил о том, чтобы всего лишь описать последствия действия религии. Что сложного в

том, чтобы перечислить, чем христианство или наши религии полезны для выживания? Они что, совсем не полезны? Чем-то же они полезны? Хоть кто-нибудь из вас об этом думал? А ведь если вам запрещают думать об этом, то это означает, что вам запрещают разумность. Вас заставляют становиться из разумного существа запрограммированным существом, которое способно действовать только по программе. Вы согласны с тем, что вас, живых, хотят превратить в компьютер? Джош, я забыл, у тебя Спаситель как погиб? Сожжён или повешен?

— В моём мире не было учения Спасителя. Я на беззлобие вышел сам, когда в отшельники ушёл. Я об учении Спасителя узнал только на учебной базе, когда нас с культурами будущей планеты знакомили. Я же год в учебке сидел. А когда узнал, понял, что это правда до последнего слова, и что я всю жизнь его искал. Пока ты не представляешь себя перед добрым Богом, от остатков гордости избавиться невозможно.

Я задумался. Похоже, парень простоват. Если что-то полюбил, то целиком, и сомнения недопустимы. А может быть, это последствия конфликта с его племенем. Из-за чего-то же он ушёл из своего племени, чтобы жить в одиночестве. Причём в очень молодом возрасте. Это при том, что мир у него очень дикий. В диких мирах одинокого человека без поддержки племени и съестть могут. Я решил обратиться ко всем членам группы (беседа происходила в столовой, где собрались почти все участники нашей божественной компании):

— Хорошо! Коллеги, а кто сможет перечислить, чем ваши религии полезны для выживания?

— У нас положено на ночь много поклонов класть. У тех, кто выполняет правило, спина в старости не болит, — пошутил Диррик.

Я подарил товарищу укоризненный взгляд. Девчонки засмеялись.

— Давай колись сам, нам думать лениво, — озвучил общую мысль Люйяоан.

— Колюсь. Во-первых, изменяется мотивация жизни. Если до изменения главной мотивацией были только животные желания и стремление к доминированию в стае в том или ином виде, то после главным становится желание любовно благотворить окружающему миру. Это предотвращает распад личности. До такого изменения любая неудача могла привести к отказу от жизни: любимая женщина отказала, карьера не заладилась — и всё, жить незачем. После изменения распад личности крайне маловероятен: благотворить окружающим и заниматься совершенством можно в любых условиях. В обществе распадающихся людей становится сильно меньше.

Во-вторых, изменяется поведение в напряжённых ситуациях. До этого человек в любых ситуациях противостояния в первую очередь думал не о сути дела, а отстаивал свой образ очень крутого и никогда не ошибающегося уважаемого человека. После изменения человек получает способность обсуждать суть дела и спокойно обдумывать последствия разных вариантов поведения, не поддаваясь на попытки уязвить гордость. Люди в обществе легко договариваются и могут делать общие дела без драки перед оными делами.

В-третьих, становится меньше самодурства и дурного упрямства. Начальник в диком обществе не потерпит рядом с собой никого, кто будет ему возражать, даже специалисты не смогут ему ничего сказать о том, что он неудачными решениями уничтожает своё дело. Если человек знает, что надо отказываться от гордости, то он будет способен услышать своих специалистов или просто хорошие идеи снизу. Нужно объяснять, как это улучшает общество?

Четвёртое. После принятия правила правой и левой щеки человек может выйти из

состояния запрограммированного существа. Не сразу, после долгой ломки, но может. До принятия такого правила люди могут пытаться вести себя вежливо, но как только дело доходит до повышенных тонов, включаются автоматические системы животного выживания и заставляют делать то, что с их точки зрения полезнее для выживания организма или одобряемо стаей. А поскольку почти все жизненно важные решения принимаются в напряжённых ситуациях, получается, что вместо вас живёте не вы, а автомат. После принятия правила левой и правой щеки это очень остро чувствуется. А кто такого правила не принимал, кто на Преображение не выходил, тот навеки животным и останется.

В-пятых. Обычно люди живут, только реагируя на уколы внешнего мира. Между страхом и надеждой получить удовольствия. После выхода на Преображение человек начинает думать, как благотворить окружающему миру. Он может создать в сознании модель окружающего мира, обдумать, как её улучшить, а потом придумать такие действия, которые приводят к нужным изменениям. И, соответственно, произвести заранее такие действия. То есть реактивное поведение превращается в активное. И это не просто хитрости в несколько шагов. Это полное изменение качества жизни.

Ну, и по мелочи в-шестых. До отказа от гордости очень тяжело заставлять себя видеть подробности дела. Хочется решить всё проблемы одним волевым решением. Невозможно удержаться от экономии на качестве, от экономии на глубине проработки проектов. Очень больно признавать, что ты ограничен какими-то границами. Отсюда низкая надёжность всего, что делается в государстве, неуважение к специалистам и мастерам, отсутствие хороших инструментов.

Если хотите, можно ещё про семью. До прохождения Преображения человек, действуя в семье, неизбежно будет действовать либо слишком сильно, либо недостаточно сильно. Как правило, люди копируют своих родителей, даже против своей воли. В итоге в семьях, где принято с детьми обращаться деспотично, от поколения к поколению дети всё больше и больше деградируют, ссорятся с родителями, уходят из семьи раньше, чем нужно, теряют поддержку семьи и в итоге получают жизненный крах. А главное, в своей семье потом выбивают абсолютное послушание из домашних любой ценой. В семьях, где детей не принято ласкать и любить, дети чувствуют себя нежеланными, отчего больше болеют и потом ведут себя в жизни либо неуверенно, либо слишком захватнически, из-за чего получают отторжение общества. И это можно остановить только с помощью религии, когда люди решают жить любовью и заботой вопреки всему.

Джош, вот скажи, где здесь приспособление религии к нуждам выживания? Основные полезности религии для выживания заключаются в том, что она частично разумное существо, у которого все его подвиги во вред ему, делает совершенным разумным существом, благотворным и эффективным. Что, очень тяжело было эти качества перечислить?

Джош хихикнул:

— Я вижу, ты много об этом думал. Но где здесь Бог? Без Бога ничего не получится.

— Джош, опять передёргиваешь. Мы не про суть религии говорили, а про последствия её внедрения в обществе.

— У тебя никто не сможет избавиться от гордости, если не будет представлять себя перед Богом. Пока помнишь, что все события посылает Бог, пока все надежды на выживание возлагаешь только на него, ты можешь избавляться от страхов и гордости. А как только представляешь, что можно выживать с применением силы или с помощью каких-то умственных построений, сразу попадаешь в рабство страхам и начинаешь тратить силы на

придумывание стен, систем принуждения и брони.

Я застонал и спросил:

— Джош, а человек вообще имеет право думать о последствиях своих действий?

— Имеет. Но только те мысли, которые ему Бог послал.

— Полик, ты лучше скажи мне, почему наши религии похожи в основе, но сильно отличаются в описании? У всех есть правило правой и левой щеки, но всё остальное отличается очень сильно. У кого-то Спасителя вешают, у кого-то сжигают. В этом мире вообще к кресту прибили. Где-то считается, что человек живёт много жизней, а где-то считается, что только одну жизнь. Почему такие большие отличия? — спросила Ириселла.

— А вот это я бы сам спросил у кого-нибудь.

На следующий день к нам заявился господин Долгомиров. Он собрал всех в столовой и, весело оглядев всю компанию, спросил:

— Слуги говорят, что благородное общество дозрело до вопросов первой ступени. Признаю, мы поступили с вами немного нечестно, мы заставили вас учить языки и технологии, но не рассказали, зачем это всё нужно. Предвосхищая ваши вопросы, опишу общую картину. Через пять лет после обучения в этом мире мы вернём вас на учебную базу и обучим нашему пониманию физики и сути происходящего. Это недолго, полугодика хватит. Потом мы вернём вас в ваши родные миры. Некоторых, у кого дома совсем плохо, переместим в их придуманные миры. После смерти вашего тела по любым причинам вы окажетесь в своём придуманном мире в роли бога. Первое время вы будете играть с ним и его людьми, как с фермой. Но потом, когда людей станет много, люди начнут играть в свои любимые игры. А именно война племени против племени до полного вырезания с последующим поеданием плюс война внутри племени за статус самого главного. Вам придётся внедрять в общество некоторую идеологию или религию. Кто из вас думал о своей религии в подробностях?

Поднялось пять рук, я тоже поднял.

— Вы могли видеть по мирам, из которых создана эта планета, как выглядят религии первого уровня. Кстати, кто предположит, из каких миров создана эта Земля?

— Греция, Вавилон, Италия, Испания, Индия, Гиперборея, Япония, Северная Америка Южная Америка, Африка — вероятно, из трёх миров, и ещё по мелочи, — сказал Джош.

— Скандинавия. Очень удивительный мир. Там очень странная религия. Как она вообще могла появиться? Кавказ, Памир, Австралия. Очень странный мир Антарктида, — добавил я.

— О! Вот про Скандинавию интересно. Просто создатель этого мира считал, что высшее счастье, которое может быть для человека — это придумать, как победить в сражении. Поэтому и лучший мир у него выглядит как днём всё сражаются, потом все умирают, потом все оживают и сражаются снова. Кто подсел на компьютерные игры, может узнать эту мечту об идеальном мире. Правда, когда ряду самых лучших людей в его мире этого стало мало, из-за чего стабильность мира стала разрушаться, он прибежал к тем, кто держат Землю, и попросил разрешения присоединить его мир.

— Антарктида? — напомнил я.

— Три отдельных мира, после присоединения жили очень благополучно, потом из-за присоединения Америк прошло похолодание, люди оттуда переселились севернее.

— Почему Восточная Сибирь залита солёной водой, одни болота?

— Когда Камчатку и Сахалин присоединяли, не рассчитали с физикой. Поэтому Сибирь

залило. Молодёжь работала. Неопытные. А Тавриду вы не заметили? Её создатель создал людей с рогами, как у крупного рогатого скота. Где они сейчас? Вырезали. Так что экзотических людей лучше не делайте. Но мы отклонились от основной темы. О религии. Первые религии обычно очень простые и состоят из ряда правил, которые дали некие боги, которые обучили людей разным способам выживания. Как долго живут эти религии?

— Недолго, — грустно сказала Дерена вон Аргалая.

— Вот именно. Просто выживание надоедает очень быстро. Могу сказать заранее, что и любая мораль с призывами к чистоте и преданности надоедает тоже очень быстро. Необходимо что-то такое, что будет говорить о том, что человек может выйти на более высокую ступень развития.

Но тут возникает проблема. Одним людям это нужно, они радостно ищут чистоту и сложность, а другим людям это мешает. Этим вторым хочется простых удовольствий и большой гордости, а тут какие-то странные люди говорят, что они лучше и чище, и мешают собой гордиться. Поэтому эту чистую религию очень хочется как-нибудь сделать как можно более пустой, сконцентрированной только на внешних обрядах, чтобы она забыла про внутреннее изменение. Как правило, эти вторые люди со временем получают власть, и у них получается уничтожить понимание сути в религии.

Как правило, каждую тысячу лет человечество теряет понимание того, что принятие полного беззlobия выводит на новый качественный уровень развития, а потом придумывает его снова. Кто ознакомился с историей, те видели это на примере Земли. Ведическая система превратилась в Индии в свою противоположность, в кастовую деспотию — как следствие появились джайны, которые придумали идею полного беззlobия заново, а потом и буддисты. Греция потеряла понимание того, что за огонь принёс Прометей — появился Пифагор с его учением, а следом стоики с той же идеей смирения и беззlobия. Древние евреи начались с понимания того, что гордость — это смерть, что выражено в мифе о Запретном Плоде, но вскоре забыли, и внутри еврейского мира появились ессеи, которые констатировали, что все остальные евреи испортились окончательно. Хотите получить в своих мирах такую же чехарду идеологий и религиозных войн?

— Не-ет, — замычал народ.

— Тогда вам придётся вводить религию типа христианства. Первое время это не получится, первое время будет работать религия с простыми правилами про то, что надо быть хорошим. А когда она перестанет работать, вам придётся создать на поверхности аватар — разместить свою душу в ребенке и расти вместе с ним. Вам придётся говорить соответствующие слова, умереть и воскреснуть. Без воскресения люди не впечатляются настолько, чтобы запомнить религию. Про то, что главное в этой религии — это выход на новый уровень развития, они начнут думать потом. Насколько я понял, Полисаный уже объяснил вам, почему принятие полного беззlobия с отказом от гордости приводит к выходу на новый уровень?

Коллеги начали кивать головами, опутив глаза, но вслух никто ничего не сказал. Я вспомнил всех наших мучеников за веру и спросил:

— Так что, все явления Спасителя во всех мирах — это аватары локальных богов?

— Нет. Здесь, на Земле, работал сам Спаситель. Мы точно знаем, что это не дело никого из локальных богов, у них были другие планы. А потом в других мирах — да, во многих мирах мы повторяли эту историю. Если что-то хорошо работает, то зачем менять хорошую идею? И вам лучше взять готовую идею. Но не везде нам удавалось организовать

такие дела. Иногда Спаситель появляется раньше нас и внедряет своё учение, немного отличающееся от земного. Например, в мире Полисания он создал учение, в котором считается, что человек живёт много жизней перед тем, как человек сможет стать достойным Господа. На Земле считается, что человек может жить только одну жизнь, а затем ждёт общего суда. В других мирах внедряются другие отличия. Зачем он это делает? Мы можем только предполагать. Возможно, он экспериментирует, смотрит, какой вариант лучше сработает. Но с той же вероятностью может быть и так, что он это делает для того, чтобы мы, локальные боги, учились на примерах. Например, земная версия христианства вызвала большое количество религиозных войн и ересей, а потом и возникновение коммунизма. В мире Полисания намного меньше войн и ересей, но и темпы развития намного ниже. Мир застыл на уровне феодального общества, и сдвинуть его с этой точки невозможно. Люди решили, что главное — это слушаться своих господ или сражаться за своих селян, а больше ничего не надо. Страха нет, бунтарства нет, все думают, что за много жизней всё уляжется само. Так, Полисаний? Были мысли о переустройстве мира?

— У Серена были. У меня нет. Я как понял, что происходит, просто в апатию и отчаяние выпал, а потом вышел на Преображение. Вообще никакой мечты не осталось.

— А можно религию не вводить? — спросил Кран.

— Можно. Но тогда вам придётся править, исправляя в ручном режиме все закидоны ваших людей. Это будет такое детство навечно: бог сказал не делать, бог накажет.

— Но так можно сделать? — уточнил Кран.

— Вам это быстро надоест. Лучше научите их самостоятельности и самоорганизации.

— А нам какую религию внедрять, в которой люди будут жить много жизней или только одну жизнь и потом суд? — спросила красавица Тана.

— Как хотите. Можете и так, и так. У обоих способов есть свои достоинства и недостатки. Миры с частым концом времён позволяют оперативно разобрать с людьми сделанные ошибки, зачистить мир от нечисти и бесов, а затем начать всё сначала. Кто читал «Хроники Нарнии» — это вот типичный мир с одинарной жизнью.

Миры с многочисленными перевоплощениями позволяют людям расти от жизни к жизни в области духовного совершенства, позволяют иметь историю ошибочных способов построения общества, что само по себе очень сильный развивающий фактор. Но приходится тратить много сил на противодействие бесам. Проблема в том, что люди не успевают за одну жизнь получить столько опыта, сколько необходимо, чтобы вырасти от животного состояния до уровня совершенного разумного существа. Поэтому так или иначе приходится обеспечивать людям возможность несколько раз начинать всё сначала, но с опытом из прошлой жизни. Главное — не думайте, что ваши проблемы закончатся с внедрением религии. Ваши проблемы при этом только начнутся. Процесс выработки понимания, как выстраивать общество в соответствии с идеалами правды и совершенства, занимает несколько тысяч лет. Он требует, чтобы были построены и отринуты разные упрощённые общественные системы. И на каждом таком этапе цивилизация может загнуться и построить такую систему, которая приведёт к необратимой деградации и ваше человечество, и всю экологию. Поэтому лучше это делать в составе таких больших миров, как Земля. Здесь если одно государство загнётся, то другое выживет. А теперь угадайте, Земля к какому типу религий относится? Одной жизни или множества перевоплощений?

— Если судить по Индии, то мир с перевоплощениями. Они там иногда даже язык прошлой жизни помнят, — предположил я.

— Смешанный мир. Люди из христианских стран после смерти не возвращаются на поверхность, а после предварительного отбора либо уходят в адские локальные миры, либо хранятся в локальном мире для праведных, где живут с использованием самых простых технологий, всё вручную. А люди из других стран возвращаются обратно. Когда число праведных станет достаточным, планету зачистят от обычных людей и нечисти, а праведных через порталы выведут на поверхность и сразу возникнет мощная промышленная и научная цивилизация, но без бесов. У нас с вами будут специальные занятия, как создавать локальные миры рядом с основным миром для защиты от бесов.

— А почему мы не помним прошлые жизни? — спросила вон Аргалая.

— Помните. Опыт помните. У вас он проявляется с детства как страх жить животной жизнью, побуждающий на разные героические дела. А события лучше не помнить, такая память может быть угнетающей. Хотя некоторые помнят.

— И с чего это Бог решил нас так наградить, подарить по собственному миру? — продолжала Дерена.

— А с чего вы решили, что это награда? Это может быть и наказанием. Это тяжёлая и скучная работа на миллионы лет. А если брать такую планету, как Земля, то на миллиарды. Ваши знакомые детства давно перерастут вас и уйдут заниматься намного более интересными делами, а вы так и будете заниматься всякой скукотищей — продовольствие, политические заварухи, иногда стабилизация планеты. С некоторой точки зрения, это наказание для особо тупых и ретивых. Так сказать, обучение на конкретном примере. Не нравится мой мир — попробуй сделать свой, с полной ответственностью. А когда не получится, научись молиться. Да не плачьте вы так, все запечалились, головы повесили. Это не более, чем предположение.

— А зачем это вообще всё надо? Зачем Богу вся эта затея? — спросил я.

Александр задумчиво и медленно проговорил:

— Зачем Бог создал людей? Полисаний, тебе легко было выходить на Преображение, осваивать полное беззлобие?

— Нет. Было очень страшно и организм постоянно не слушался.

— Но это того стоило?

— Да. Ушёл страх, я стал более разумным существом. Получил возможность думать о последствиях своих действий.

— Это вы ещё не столкнулись с тем, что с течением времени человек получает возможность прямого воздействия мыслью на материю. Кроме того, все явления в вашем организме начинают управляться явным разумом. Вы готовы к тому, что такие возможности будут у вас? К полному управлению всеми вашими системами тела и разума из ума?

Я вспомнил о том, какая каша из обрывков мыслей и воспоминаний обычно творится в моей голове, и вынужден был признать:

— Если всё, о чём я думаю, будет отражаться на материи, то это будет сплошной хаос.

Народ понимающе засмеялся. Очевидно, проблема была известна всем.

— А в длительно живущих цивилизациях даже обычные люди на поверхности частично получают такие возможности. Те самые простые люди, которые гнев не сдерживают и которые самоконтроль даже теоретически не принимают. И разбираться с этим вам. Но это я отклонился от темы. Но отсюда следует объяснение, зачем Бог создал людей. Ему зачем-то нужны разумные существа. Причём не желудки с соображалкой о том, как получше поесть, а действительно разумные существа, с абсолютным самоконтролем и способностями прямого

воздействия мыслью на материю. Такие, которые осознали, что разумным существом можно быть, только благотворя окружающему миру. Такие, которым можно поручить самостоятельное дело и лишь иногда корректировать политику. И то, что вам дали по целому миру, говорит о том, что вы где-то в первых рядах в обучении на совершенное разумное существо. Так что не стоит плакать о том, что локальный бог — это наказание. Возможно, это наоборот, ускоренное обучение.

— А откуда берутся души люди? И какой процент из них ближе к животным? — Дерена показала, что умеет зрить в корень.

— В ваши миры души приходят из центральных районов Вселенной. Из миров, которые прекратили существование. У них уже есть какой-то опыт, но небольшой и, как правило, отрицательный. У нас будет цикл занятий, на которых мы будем обсуждать проблему процентов души и допустимых границ процентов людей с разными уровнями развития. Вашей первой задачей будет ускоренное создание таких людей, которые могли бы быть вашими помощниками. Пусть и не святыми, но такими, которые хотели бы благотворить миру, хотя бы теоретически. Иначе вы не сможете управлять своим миром. Мало того, более-менее развитых людей мы у вас регулярно будем забирать в критические точки. Нехватка людей, которые могут хоть что-нибудь, это большая проблема для всех.

— То есть нам будут сваливать всякую грязь, с которой невозможно ничего организовать, а всех дееспособных людей будут забирать? — уточнила Дерена.

— Сами предложите и сами отдадите. Если это будет, например, единственный способ поддержать стабильность вашего родного мира. Завтра и послезавтра у нас будут занятия по умению открывать порталы. Можете вспомнить ещё какие-то вопросы, — ответил Александр.

* * *

На следующий день я спросил, каково это — жить и умирать аватаром. Александр сказал, что это полноценная жизнь, только ты одновременно помнишь и опыт локального бога, и живёшь жизнью и реакциями ребенка на поверхности. И умирать так же больно, как в реальной жизни. После чего Александр спросил:

— Ты там сколько человек зарезал, пока жил жизнью воина?

— Много.

— Закон воздаяния одинаков для всех. Сколько раз убил, столько раз умрёшь. Так что у тебя будет много работы — умереть в роли Спасителя, плюс несколько раз в роли религиозного мученика потом, для восстановления религии. Умереть в виде аватара гораздо лучше, чем в виде локального бога. Так что избывай карму таким образом.

— Ага. Очень воодушевляюще.

— Наслаждайся чувством остроты жизни.

* * *

Был поздний вечер. Ва ворвалась на занятие, прекрасная в своем сиянии восторга от хорошо сделанной работы, и принялась рассказывать, как она исцелила очень сложный

случай.

— Какая ты умница, — сказал я и погладил жрицу Васты, точнее, жрицу самого себя. Ва упала на пол и начала корёжиться в конвульсиях от восторга, захлебываясь от слёз радости.

Подбежал Александр, коснулся лба девушки двумя пальцами:

— А вот про это я вам забыл сказать. Будьте очень осторожными с похвалами. Сейчас она бы трое суток плакала от восторга со спазмами всех мышц. Если скажете человеку, что полученное ему дело сделано, он будет абсолютно счастлив несколько суток. Если скажете, что дело сделано хорошо, он первые сутки будет плакать от восторга, потом будет счастлив то же время. Если ещё и погладите по головке, получите вот это. А про порицания вообще забудьте. В крайнем случае можете признать факт, что порученное дело не сделано. Но даже такое простое признание очевидного может погрузить человека в депрессию на несколько месяцев, из которой человек может и не выйти. Может так и впасть в ощущение, что он ни на что не годен и отказаться от попыток быть дееспособным человеком на несколько жизней. Сплошной алкоголизм и уныние. Так что даже после такого простого признания надо провести обсуждение с анализом ошибок, поговорить о том, как надо было поступать правильно. Чтобы человек чувствовал, что его бог за него. А если обругаете любыми словами, человек может и умереть. Причём не только на уровне тела, но и на уровне души. Откажется воспринимать внешнюю информацию, несколько жизней будет слепоглухим или безумным.

Ва дернулась ещё несколько раз и затихла.

— К утру проспится и придёт в себя, — оценил Долгомиров.

Я посмотрел на Серена:

— Слух, а ты как жив до сих пор? Я же тебя по три дня за день «недоумком» ругаю.

— Очень хочется умереть, но я держусь благодаря уверенности в том, что я последний человек, думающий о народном государстве.

— Прохвост — это тоже энергия, — засмеялся Диррик. Вслед за ним засмеялись остальные кандидаты в локальные боги.

— Если я подойду к нему, обниму и скажу ему, что он молодец и я хочу, чтобы он и дальше думал самостоятельно и искренне, он не умрёт от восторга? — спросил я у Александра.

— Не умрёт. Но будет плакать от счастья пару суток. О, уже заплакал.

— Господин понимает меня! Господин уважает меня! — счастливо всхлипывал Серен.

— Ничего, к утру проспится. Только больше ничего ему сегодня не говори, — предупредил господин Долгомиров.

* * *

Джош несколько раз сходил в церковь, поговорил со священником и пришел ко мне:

— Ты неправ, когда говорил о том, что человек может вырасти только когда сам себя переделывает. Для спасения достаточно, чтобы человек отказался от гордости и принял Бога, а потом, после конца времён, Господь изменит человеку сердце и человек не будет делать злое и будет делать только хорошее. Главное — отказаться от себя!

Я смотрел на Джоша долго. И это он говорит после того, как Долгомиров объяснил, как

устраивать конец времён и начало новых? Джош смотрел на меня и сиял от найденной истины.

— Джош, возможности Создателя ограничены и заканчиваются там, где он хочет создать разумное существо. Ты можешь создать существо с разумом, но ты не сможешь заложить в него правила поведения на все случаи жизни. Разумное существо должно быть способно к самостоятельному анализу обстановки и принятию решений. Вот тебе первая ступень: чтобы люди могли выживать, им в устройство придётся вставлять желание есть и размножаться, подкреплять эти желания положительными ощущениями.

А дальше ты не можешь никак повлиять на решение разумного существа, как жить: только удовлетворением животных желаний или всё-таки иногда задумываться об общей картине и делать то, что необходимо для общего блага. Для того, чтобы хоть кто-то из людей поднимался над животным уровнем, необходимо встроить в устройство человека способность к эмпатии — сострадание, сочувствие, плюс стремление к совершенству. Но человек может прислушаться к чувству сострадания, а может и подавить его. И ты никак со стороны не сможешь повлиять на это решение.

Ты не сможешь заставить человека ходить, если ему нравится ползать. Это личное решение. И всё развитие человека состоит из таких решений. Не жить только животными желаниями. Стремиться не только к чести и престижу, но и к заботе об общем благе. Отказаться от всегдашнего давления силой и научиться смирению, мягкости и податливости. Отказаться от гордости. Принять полное беззлобие. Перестать подавлять все сомнения и начать анализировать, откуда берётся каждое из них. Это всё личные решения. Со стороны можно их подсказать или спровоцировать, но всё равно это личные решения. Кто их примет, станет хоть сколько-то разумным существом, способным к самостоятельной активной созидательной работе. Остальные останутся на уровне животных. Как ты изменишь эту картину, изменив сердце? Даже изменив мотивацию и реакции человека, подкорректировав программы животной части человека, ты не научишь его быть разумным существом. Священник просто не понимает, что несёт. Это тот случай, когда ему надо уговорить паству, что всё будет хорошо, если они будут верить и платить в Церковь. Ну, пусть верят. Но ты-то должен понимать суть дела и не надеяться, что всё как-то уляжется само. Не покупайся на пустые бессмысленные лозунги.

— Ты просто в Бога не веришь! — разозлился Джош.

— Джош, святость и внутреннее совершенство — это реальность. Она состоит из конкретных решений и изменений. Изучи их, а не надейся на чудо. Человек состоит из животной части, души и духа. Животная часть — это тело и программы поведения. Простые, как в компьютере. Просто программы. Пока дух слаб и не переделал душу, всей системой управляют программы. Потом дух в стремлении к любви, созиданию и совершенству переделывает душу так, чтобы в ней появились более правильные программы поведения, а в нужных местах она передавала контроль духу напрямую, не позволяя животной части принимать решения под действием паники и гнева. Это дело самого человека, от которого зависит вся судьба человека. Ты хочешь, чтобы твою судьбу улучшали со стороны? Никто тебе ничего со стороны давать не должен. Получай воздаяние как последствия собственных решений, расти на основе собственного опыта.

— Ты просто в Бога не веришь! — повторил Джош и убежал.

Верю, Джош, верю. Только для вас бог — это всесокрушающая сила, а для меня — любящий наставник.

Под конец занятий Александр спросил, что мы думаем о будущем Земли. Народ растерялся. Джош сказал, что в ближайшее время можно ожидать деградацию цивилизации из-за того, что люди не хотят слышать о Боге и о внутреннем совершенстве. Диррик сказал, что сам господин Долгомиров говорил о плане через некоторое время заменить обычных людей на тех более праведных людей, которые пока в локальном пространстве.

— Земля — очень необычная планета. Отчасти по этой причине мы вас и учим здесь. Здесь дали развиваться всем вариантам религий, всем мыслимым отклонениям и фантазиям. Но конечная цель создания на Земле большой промышленной цивилизации — это создание планеты — образца, которую можно было бы вывести в космос. Предполагается, что люди с Земли пойдут по всей Вселенной, чтобы распространять этот опыт и гуманитарные технологии. Пока они только развиваются. Но частично вы эти наработки можете использовать уже сейчас.

Я поднял руку:

— Господин Долгомиров, вы нас учите всему, что только можно в нас втиснуть, и мы, конечно, благодарны. Но кто вы? Кто финансирует весь этот праздник жизни? Какова цель этой организации? Мы прекрасно осознаём, что всё это очень дорого стоит.

Александр заулыбался:

— Кто мы? Мы — это вы. Где-то когда-то локальные боги встретились и договорились о взаимодействии. Так получилась наша организация. Вы не сможете не помогать соседям, и лучше это делать организованно. Если хотите, можете называть свою организацию «Стражи волшебных миров». Название не хуже других, хотя официального названия нет. Откуда финансирование? Локальные боги знают, где у них лежат залежи золота или других востребованных веществ. Иногда мы зарабатываем деньги продажей патентов на изобретения, которые переносим из одних миров в другие. Но миров с патентным правом мало. Чаще приходится использовать золото или серебро, или ещё какие-нибудь материалы. Некоторые миры очень любят уран-235. Не скрою, не все локальные боги остаются локальными богами навсегда. Когда они решают, что в их мире всё хорошо и можно заменить себя кем-нибудь из выросших в этом мире людей, они уходят в аналитики организации, занимаются изучением разных наук и религий. Как вы видели, религии очень отличаются по воздействию, и разные религии лучше применять для разных условий. А какие именно — вот это они и изучают. Или ещё более сложные закономерности. Я не аналитик, я не могу сказать точно, что именно они исследуют, точнее, мне не хватает способностей к абстрактному мышлению, чтобы понять, что именно является проблемой. Некоторые уходят на ещё более сложную деятельность, о которой я даже понятия не имею. Некоторые бывшие локальные боги занимаются противостоянием бесам. Так что если в ваш мир явится более сотни бесов, не пытайтесь противостоять им в одиночку, бегите за помощью ко мне, а я вызову этих ребят.

Слова господина Долгомировы внушали некоторую надежду на то, что совсем одинокими мы не будем. Это радовало.

Глава 25

Немного тишины

Летом нам проплатили обучение на пилота-частника. Сказали, что это облегчит в дальнейшем обучение управлению космическими кораблями. В последний месяц лета нас отправили посмотреть, как отдыхают местные люди на море. Оплатили пансионат с полностью оплаченной едой. Я не понял, в чём прелесть этого отдыха. Жарко, скучно, надо таскаться по жаре на море и плавать в строго ограниченном квадратике. Единственное, что порадовало душу — мы купили несколько дней с дальними походами на лошадях. Лошади здесь внешне отличались от наших, но характер был точно тем же.

Свободного времени было много, и мы начали общаться с местными. Слово за слово, заразились компьютерными играми. Нам выдали хорошие ноутбуки для учёбы, так что с «железом» проблем не было.

Стрелялки я отфильтровал, немного полетал на авиационных симуляторах. А потом углубился в стратегии. И вот тут я понял, что такое зависимость. Когда мой первый город построил храм, я понял, что этот город можно любить и заботиться о его совершенстве. Стало интересно развить всю цивилизацию. Для начала меня разгромили. Я лёг спать, но через час придумал способ, как избежать разгрома. Я вскочил и стал пробовать. В следующие дни я почти не спал, пробовал разные способы. Потом, когда началась учеба, эта проблема сохранилась. Я сиделся поиграть чуть-чуть, а обнаруживал себя играющим в два — три ночи. Я пытался даже отменить утренние тренировки, но тут моя компания не согласилась и продолжила вытаскивать меня заниматься. Недосып стал большой проблемой. Через некоторое время я уже просил окружающих проверять меня поздно вечером и выгонять из игрушки.

Я попытался посмотреть разные игры-стратегии и с удивлением понял, что большинство игр сделано без всякой фантазии, в подражание первым успешным образцам. Сюжеты были крайне простыми, тактические хитрости применять было почти невозможно. Да наша книга с рисованными картами для фантазийных шахмат и то была интереснее! Поделился этим горем с Сереном. Серен со мной согласился.

Второй год обучения был таким же тяжёлым, как и первый. А с учётом игровой наркомании вдвое тяжелее. Летом на каникулах после второго курса нас вывезли на мёртвую планету, учили пилотировать космические корабли. Для образца нам дали один очень устаревший корабль уже исчезнувшей цивилизации. Навигация там сводилась к вводу курса после ориентирования по наблюдаемым звёздам. Дальше надо было только нажать кнопку запуска. В заключение нам сказали, что такие корабли больше не применяются и что на других кораблях другие системы управления. Сказали, что мы сможем разобраться по аналогии с этим. Красота!

После третьего курса нам разрешили отправиться домой. Нас перенесли в тот портал, который выводил в царство Рума. Мы вышли в образе жрицы Васты, её господина и слуги. Меня и Серена раздели в традиционную одежду кочевников. Говорили мы неплохо, никто не заподозрил ничего опасного.

Первое время было сложно без лошадей. Потом мы нашли кочевое племя. Ва его подлечила. Мы купили лошадей на те деньги, которые нам выдали с собой, и которые заработала Ва. На лошадях передвигаться было куда быстрее. За несколько дней мы дошли

до границ империи Иделия, а дальше всё пошло совсем легко. За прошедшее время основанные империей города уже окрепли, между ними провели дороги. Правда, дороги были грунтовые и ехать по ним иногда было тяжелее, чем по степи, но хотя бы направление не терялось.

Ва переделалась, чтобы не привлекать внимания, чтобы не приходилось останавливаться для лечения всех встречных и поперечных. Поначалу это помогало, но ближе к Первому Городу её начали узнавать. Пришлось в паре сёл останавливаться для лечения людей.

Империя оставила всех обученных Ва гадюк себе. Те лекари, которых Ва учила в Первом Городе, сквозным зрением не обладали. Они кое-как наладили санитарию в городах и сёлах автономии кочевников, но с инфекциями бороться не умели. Ва была в ужасе от того, как распространились половые болезни и прочие инфекции.

На развилке у Первого Города нас ждала неслабая группа всадников, среди которых мы узнали в том числе наших бывших охранников. Они очень широко улыбались и передавали приглашение от господина Ирмы, просили в гости. Судя по числу всадников, это не было приглашением.

Господин Ирма за прошедшее время оброс жирком и золотом. Он долго жаловался нам, что Империя настолько успешно действует на востоке, что даже он не знает, что там происходит и сколько у него новых городов. Благородные из центральных областей уже два года как не участвовали в восточных походах в ролях воинов, кочевники справлялись сами, из империи участвовали только офицеры. Новые жрецы Радо оказались настолько успешными в пропаганде, что области на востоке присоединялись быстрее, чем в Первом Городе успевали рисовать карты.

Ещё господин Ирма жаловался на то, что слишком широко распространились инфекционные заболевания, а Империя зажала всех обученных гадюк. При этом он многозначительно посматривал на Ва.

Ва, в свою очередь, ужасалась тому уровню заболеваний, который мы наблюдали по дороге, и советовала разные способы улучшения ситуации.

Я отмалчивался.

Господин Ирма не обошёл вниманием и Серена: каково быть слугой такого неординарного человека, как я? Серен понял, что именно у него спрашивают, и пересказал нить нашей жизни: как мы учились в университете и были изгнаны за то, что слишком много взяли из учения Радо, как мы гонялись за монстрами по разным клоакам больших городов, как нас послали искать остров, а мы нашли континент и морских людей, как нас послали схватить мага в южную империю, а вместо этого маг схватил нас и предоставил нам... дополнительное обучение. Теперь нас отпустили, чтобы мы могли продвинуть проекты, которые маг начал у Государя. Надо успеть дойти до Государя, решить проблемы и вернуться, а то стипендии лишат.

Слово «стипендия» Серен не переводил, так что прозвучало угрожающе. Типа нас души лишат или чего-то подобного.

Господин Ирма посмотрел на меня и спросил напрямую:

— А Молодой Радо молчит потому, что всё плохо?

«Молодой Радо». Так меня любовно дразнили кочевники, в том числе собственная охрана в те времена, когда я строил первый храм Радо.

— Всё плохо. Гораздо хуже, чем плохо.

— Мне стоит об этом знать?

— Купите у южной империи пустыни и начните их поливать и озеленять. Хотя бы прибрежную зону. А лучше и все оазисы, какие найдёте. Своему народу и южной империи расскажете, что это для того, чтобы зимой и весной поставлять на голодающий север свежую зелень для улучшения здоровья.

— А на самом деле зачем?

— Через две — три сотни лет здесь будет лёд толщиной в версту. Жить можно будет на новом континенте и в южной империи, и то тяжелее, чем сейчас у нас на севере. Кочевой скот сохранить не удастся, но хоть людей сохраните. Похолодание начнётся уже при жизни этого поколения, которое только родилось.

— А как озеленять пустыни? Там воды нет.

— Очень простое устройство. Опреснитель морской воды. Полированный лист бронзы на деревянном основании в форме параболы, в фокусе железная труба. Плюс несколько хитростей в виде обратного теплообменника для конденсированной воды и водяного насоса с приводом от ветра. Насос не столько для нагнетания воды для опреснения, сколько для охлаждения конденсатора. Главная проблема — окружающее население будет расхищать металлы. Нужна вооружённая охрана. Вот в основном с этими предложениями я к Государю и еду.

— Откуда эта новость, о похолодании?

— Зиждец совещание проводил, как народы спасать. Меня взяли как свидетеля, для мебели.

— Зиждец, — повторил Ирма и постучал пальцами по столу. Потом подумал ещё немного и спросил:

— Получается, не зря я тебя жрецом Радо сделал?

— Помните певца, с которым мы песни пели на открытии первого храма?

— Он ещё болтал с тобой, когда я приехал? — припомнил Ирма.

— Радо.

Господин Ирма опять постучал пальцами по столу.

— То есть они всегда были здесь? А кто ещё?

— Здравалания, Васта, Ара. Те, кого мы видели.

— А Ара что здесь делал? — заметно испугался Ирма.

— Баллады пел, под нищего придурился.

— Знаешь, Полисаний, с тобой как встретишься, так жизнь сразу делится на две части, до этого момента и после. И так каждый раз. Я дам вам почётное сопровождение до реки. Моя баня тоже в вашем распоряжении.

Вот баня нас порадовала.

* * *

Долиган почти не изменился. Основная дорога в империю прошла в стороне от нашего замка, к большому облегчению нашего рода. На дороге к нашему замку действовал только дохленький паром, поток путешественников был совсем небольшим.

Семья знала, что мы приедем. Мирка и Херувима заезжали в замок по дороге в столицу и рассказали, что произошло.

Сын узнал Ва, дочка маму не узнала. Что и не удивительно. Ва первые два часа плакала

и тискала детей, а затем активировала у дочери сквозное зрение и начала учить её медицине. Парень оказался забыт насовсем, пришлось мне его взять на себя, чтобы не грустил.

Отец назвал нашего с Ва сына Делисаний. Парень показывал чудеса ловкости и отлично учился боевым искусствам, чем заслужил огромную любовь бабушки. А ещё он любил птиц.

Дочка получила имя Гюрза. Она уже ходила в маске. Она была очень серьёзной и не стеснялась призывать к порядку братьев, когда те начинали шалить.

Моего младшего брата назвали Горсаний. Он уже ходил в доспехах, был серьёзным и важным. Я в детстве носил эти доспехи.

— Значит, лёд в версту толщиной? Это уже определённо? — уточнил отец, выслушав все новости.

— Части нашего народа придётся заново учиться жить на льду, строя жильё из шкур и костей животных. На юге и на новом континенте все не поместятся. Пустыни южной империи столько народа не примут, будет большая мясорубка. Имеет смысл часть родственников послать на новый континент, осваивать там местные пустыни в северных местах. Там конкуренция будет меньше и хорошо будут расти хлебные деревья от Ангелы, наши северные растения тоже там хорошо примутся. Для них те полупустынные земли как самые лучшие наши здесь. Часть народа в мой мир переведут, но не факт, что они потом вернутся. Так что лучше здесь все способы выживания попробовать.

— Мой сын — бог маленького мира, — отец растягивал слова, смакуя каждое слово.

— Пап, а ты правда бог? — удивился Делисаний, который всё время вертелся рядом с нами.

Забавно. В мире есть кто-то, кто называет меня «папа».

Я призвал для сына голубя. Внушил голубю привязанность к этому конкретному человеку. Голубь сел прямо на руку парню. Мальчишка был в восторге. Я попробовал отменить призыв, но что-то пошло не так. Голубь так и остался сидеть на руке. Как теперь сын от него избежит? Негоже, если он всё время будет с ним ходить. Ладно, завтра ещё раз попробую.

Надо было ответить отцу:

— Да какой бог... Одно название. Просто управленец небольшого замкнутого хозяйства. Как твой замок, только чуть больше. Просто ещё один кусочек живого мира со всеми обычными проблемами живых.

— Может, он и прав, этот ваш маг, и это не награда, а наказание. Я вот уже давно мечтаю ничего этого не видеть и не слышать. Так надоело молодых лоботрясов и старых пропойц на конюшне пороть. А приходится, иначе вообще всё хозяйство по камешку разнесут. Может, попроситься в твоё божественное хозяйство, к богу за пазуху?

— Попросись. Там будет намного больше лоботрясов и пропойц. Всех тебе поручу.

— Да пошёл ты, сынок.

Мы посмеялись. Делисаний удивился.

Оставлять сына было грустно. Мы с ним успели подружиться за несколько дней. Голубь так и остался жить у него на плече, к соблазну всех замковых кошек.

Я оставил Ва в замке, с детьми, намереваясь забрать её на обратном пути. Серена взял с собой.

Серен по пути устроил маленький бунт, начал ныть, что у меня было множество женщин, а него ни одной, только порнуху на Земле можно было по видео посмотреть. Я предложил ему покупать по шлюхе в каждом городе, который мы проезжаем. Серен немного

подумал и решил, что здоровье дороже, сказал, что он вообще о другом. Я посмеялся, сказал, что в моём мире устрою ему целый гарем.

— Да, а вдруг ты умрёшь в глубокой старости, и уже после меня? Тогда я вообще в твой мир не попаду!

— Тогда подожди, пока вернёмся с обучения. Нас же обещали вернуть в родные миры. Сразу тебя и женим.

— Да уж, рядом с тобой женишься. Скорее копыта лошади до собственной задницы сотрёшь, спасая мир, — поныл слуга вдогонку.

* * *

Государь не очень удивился, когда я заявил, что маг Ширжак прислал меня продолжать проекты. Мирка и Херувима понесли наказание за провал задания, но не очень сильное. Оказалось, что из реальных проектов Александр предложил Государю систему каналов для больших кораблей между самыми глубоководными реками. Посмотрев на схему каналов, я сразу понял, что Александр нарисовал схему каналов для того, чтобы можно было быстро вывезти массу людей. Но первым проектом, которым Долгомиров привлек внимание Государя, было превращение свинца в золото. Александр действительно во время демонстрации превратил свинец в золото, воспользовавшись своими способностями бога локального мира. Мне было поручено огорчить монарха известием о том, что это невозможно, а вместо этого предложить Государю энергетическую теорию денег.

— Значит, увеличить количество золотых монет невозможно, но вам поручено объяснить мне, как сделать так, чтобы денег в государстве стало больше? Смешно. Но вот объясните мне, молодой Долиган, что за мысль о грядущем похолодании промелькнула в вашем сознании, пока вы смотрели схему каналов? — насмешливо сказал Государь, когда я озвучил порученное послание.

Род Государя имел наследственную способность читать мысли собеседников. Долгомиров сказал мне, что от чтения можно защититься, если всё время повторять слова, они заглушают более глубокие мысли. Мы с ним даже тренировались немного в этом деле. Видимо, я где-то дал слабину, и Государь смог прочесть меня.

— Похолодание будет. Почти весь континент будет непригоден для жизни. Поэтому так важно как можно больше людей переселить на новый континент и освоить пустыни южной страны. Для всего этого нужны большие дальние корабли и каналы для подвозки дерева и людей.

— Откуда это известно? — недоверчиво спросил Государь.

Я против воли вспомнил совещание богов и себя голого на высоком стуле. Государь прочитал картинку и дёрнулся:

— Так вы с самого начала играли со мной?

— А что я мог сделать? Прийти к вашему секретарю и заявить, что мне нужна аудиенция, так как мне было видение, что боги думают, как спасти нашу религию и культуру от замерзания? Я про Ширжака понятия не имел до тех пор, пока не прыгнул за ним в его колдовскую яму.

— Я бы вас прочитал и поверил, — заявил Государь.

— А ваш секретарь?

— Секретарь не поверил бы, — согласился правитель, — Ладно, что там было про увеличение количества денег?

— Деньги — это не монеты. Деньги — это вера. Носителями денег могут быть любые вещи: дерево, бумага, сплавы из дешёвых металлов, лишь бы их было сложно подделать. Можно и вовсе обходиться без телесного носителя, деньги для накопления могут быть записью в банке, как ваш государственный банк и действует. Многократно сдавал туда золото и получал только запись в делах. Но в деньги в любом виде, даже в виде золотых монет, будут верить только до тех пор, пока в них будут верить все и пока на них можно будет что-то купить по примерно одинаковым ценам.

— А что, цены можно менять? Я борюсь с ростом цен всеми силами, — удивился Государь.

— Пока вы рассчитываетесь золотыми монетами, это очень правильно, ваше величество. Но как только мы имеем дело с записью в банке или бумажными деньгами, начинается обесценивание денег. Капиталы стареют, как стареют люди, сделавшие эти вклады. Их имущество стареет и их весомость в обществе стареют. Поэтому старые вклады могут стареть и изменять свою стоимость относительно золота. Это называется «инфляция». Но я не об этом. Я о вере.

Представьте, что пять мужиков сговорились построить лодку, чтобы ловить рыбу в море. Один из них плотник, другой лесоруб, третий кузнец, пятый делает паруса. Если труд каждого из них примерно одинаков, то они смогут построить лодку без конфликтов и потом поровну поделить рыбу. Если вклад каждого из них разный, начнутся споры о дележе. Поэтому лучше сделать так, чтобы каждый из них получил некоторые условные деньги, которые станут платёжеспособными только тогда, когда будет готова лодка. В таком случае они смогут получить рыбу в зависимости от количества заработанных денег. В этом случае это уже реальные деньги, а до этого момента это не более, чем вера.

— Вижу некоторую здоровую часть в этом рассуждении, — согласился Государь.

— Деньги — это энергия. Это сила желания человека, которая заставляет его проделать некоторый путь. Сила умножить на путь...

— Это энергия. Это единственное, что я запомнил из натурфилософии, — хихикнул Государь.

— Этого достаточно, ваше величество. Получается, что вы можете создавать эту энергию из ничего, пока у вас есть вера вашего народа в ваши решения и в ваши деньги. Нарушите веру — деньги превратятся в пыль. Сохраните веру — получите возможность пользоваться таким трудом людей, сколько они могут трудиться по ограничениям усталости.

— Хм... Хм..., - Государь взволнованно заходил туда — сюда по помещению приёмной палаты. Потом остановился и взглянул на меня в упор:

— Да, это даёт некоторые дополнительные возможности. Но в любом случае остаётся проблема первичного капитала. В вашем примере это вопрос, где строители лодки возьмут дерево, железо и ткань.

Мне пришлось согласиться:

— Да, проблема первичного капитала есть. Но в любом случае все предметы делают люди. В примере с лодкой первичным капиталом был бы авторитет инициатора строительства. В случае нашего государства первичным капиталом является ваш авторитет, Государь.

Государь долго ходил по приёмному покою, потом остановился и подвёл итог:

— Значит, стоит ввести бумажные деньги? Или можно и не вводить, можно их оставить на уровне банковских счетов, но в любом случае они ничего не стоят, кроме веры, которую не стоит нарушать?

Я поклонился. Государь продолжил:

— Ещё я надеюсь, что вы расскажете моим розмыслам, как строить каналы, плотины и крупные корабли.

Я поклонился ещё раз и дал сигнал Серену нести папку с чертежами. Государь проекты крупных кораблей изучил с большим интересом. Ох, сколько времени мы с Сереном потратили, пока рисовали эти чертежи по земным учебникам XIX века...

Обсуждение проектов с верхушкой розмыслов заняло почти месяц. Между делом я зашёл к старым знакомым, в орден борьбы с нечистью. Зашёл к брату Алесанию, даже мерзавцев из налоговой конторы угостил. Встреча с последними оказалась особенно полезной. Они порассказали мне всяких сплетен и анекдотов из реальной жизни, по которым я понял, что империя в результате войны и массовых поставок оружия автономии кочевников становится мощной промышленной империей. Казённые заводы и кузни понемногу выгребали у феодалов народ. Дело шло к тому, что население городов и городков вскоре сравняется с сельским.

После этого мы засобирались на учебу. Оторвать Ва от детей было непросто, но она всё-таки взяла себя в руки. Ехали мы очень быстро, безлюдными местами, из-за чего чуть не нарвались на мозгоедов. Спасла старая привычка опасаться всего и вся.

По пути я вызвал Морелину и отдал ей мертвящий меч. Сказал, что не уверен, что смогу вернуться в этот мир. Морелина не знала, что бывают другие миры. Сразу стала интересоваться, можно ли перевести её народ в какой-нибудь пустой мир. Я ответил, что маловероятно.

Четвертый и пятый курсы пролетели ещё быстрее, чем первые годы. В каникулы после четвёртого курса нас учили умениям локальных богов: мы могли сделать почти всё, что можно было вообразить, только не знали об этом. Вот этому нас и учили. Ещё нас доучили той физике, которую развивали среди «Стражей». От того, что нам преподавали в институте, она отличалась очень сильно. Совпадали только основы.

Чтобы Ва и Серен не скучали, после четвёртого курса их отвезли на каникулы в Долиган. Отвезли без меня, я только письмо написал отцу с просьбой разрешить Серену жениться. За прошедшее время Серен рядом со мной заработал столько золота, что когда мы с Ва подарили ему к свадьбе очень щедрые суммы, он их даже не очень заметил. С таким количеством золота он женился молниеносно, на одной девушке, с которой они симпатизировали друг другу с раннего детства.

После каникул Серен прибыл тихим и задумчивым. Всё золото он оставил жене, чем сделал её счастливой на всю жизнь. Сказал, что женитьба у него была очень счастливая, но совсем не такая, как он себе представлял.

* * *

Джош за прошедшие годы сильно вырос. Он много думал, много говорил с местными. Один раз даже затесался в православный летний лагерь для детей. Из лагеря он вернулся с большими круглыми глазами. Сказал, что дети дружно говорят, что уроки православия в

школе ничего не дают, скучны, бессмысленны и приводят только к обратному результату. Опросив своих сокурсников в институте, Джош понял, что это типовая картина. Большинство относилось к религии как к системе обмана ради денег, а те, которые относились с почтением, не имели никакого понятия о смысле действий. После этого он прибежал ко мне:

— Надо что-то делать! Единственная страна на планете, у которой в религии хоть что-то говорится о Преображении, а священники несут такое, что только отталкивает людей от Церкви! Никакой системы пропаганды, люди понятия не имеют, что можно стать разумным существом, а не оставаться на животном уровне, одно обрядоверие!

Я был не в настроении и потому пошутил жёстко:

— Ну, давай напишем президенту о том, что надо вводить систему обучения, как превращать людей в разумных существ. А копию Патриарху пошлём. Распишем всё по ступеням, в каком возрасте что именно надо говорить.

Джош загорелся:

— Да! И военным тоже напишем! Им надо информационную войну вести ради перетягивания Украины обратно, а без христианства это никак!

Я закатил глазки. Джош стал лучше понимать суть дела, но остался наивным парнишкой из пещеры. Я был абсолютно уверен, что наши письма выкинут и пришлют отписку. Но раз я предложил, то мне и придётся воплощать идею.

Для начала я написал запрос нашему начальству из стражи миров, попросил разрешения отправить такие письма. Долгомиров в ответном письме горячо одобрил затею, написал, что нам будет полезно увидеть, какие именно отписки пришлют чиновники. К письму была приложена легенда — от чьего имени писать и какие адреса для обратной связи давать.

Пришлось садиться вместе с Джошем и писать письмо президенту о необходимости духовного образования. Расписали, что в первых классах школы надо говорить, что человек — информационное существо и живёт в информационном мире, а значит, нельзя допускать информационного переполнения и заставлять себя периодически отдыхать без поступления дополнительной информации, без гаджетов и игр. Там было много ещё хороших слов про то, что мотивацией поведения должна быть благотворение всему и борьба за общее благо. Старшеклассникам предлагалось говорить о том, что надо брать под контроль животную часть сознания, а молодым людям сообщать, что принятие полного беззлобия и выход на Преображение превращает человека из запрограммированного существа с реактивным поведением в совершенное разумное существо с активным поведением. Приписали о том, что принятием полного беззлобия развитие не заканчивается, а только начинается, так как надо перепрограммировать все внутренние реакции и разрешить противоречия между внутренними системами разных уровней.

В конце подчеркнули, что отсутствие такой системы приведёт к тому, что народ потеряет понимание необходимости своего государства, вследствие чего государство будет уничтожено своим же народом. Особо указали на то, что ни одно из существующих министерств и ведомств решать эту проблему не будет, так как это не их профиль, и что надо создавать новую структуру.

В копии письма Патриарху добавили, что необходимо срочно создавать систему пропаганды, которая сможет доходчиво объяснить всем, даже детям, что христианство очень даже полезно для выживания, иначе не миновать новой Октябрьской революции с гонениями на церковь в том или ином виде.

Прочитав написанное, Джош вздохнул и сказал:

— Не нужно это никому. Выкинут и нам пустышку в ответ пришлют.

А он умнее, чем кажется.

Тем не менее, мы написали и ещё и военным о том, что украинцы считают себя вышестоящим народом потому, что разрешили себе гнать и грабить русских, и что информационную войну с ними можно вести только с помощью христианства, упираться на то, что только у нас есть понятие о Преображении, а ни у кого больше в мире нет. Необходимо пробуждать здоровые силы общества и агитировать их в том, что продавленный из США соблазн национальной исключительности и превосходства над русскими, соблазн изобилия через взаимное ограбление и конкуренцию уничтожит народ изнутри при любых условиях.

Военные ответили быстро и чётко. Написали, что приняли к сведению. Последующее вторжение на Украину в феврале 2022 показало, что в области пропаганды и оперирования смыслами они смысляют меньше, чем дети малые. Информационные сводки, которые они выдавали, вызывали только недоумение и ощущение, что в системе пропаганды у военных сидят исключительно умственно отсталые.

Из администрации Президента письмо переслали в министерство образования. Из министерства образования ответили, что у них введены часы для преподавания основ православия и с духовным образованием всё нормально.

В патриархии передали обращение в отдел образования священников, там поручили ответить человеку, который курировал семинарии. Начальник от семинарий ответил, что у них с обучением всё лучше и лучше, так как они почти избавились от заочных курсов и отопление теперь проведено почти во все общежития студентов.

Джош вошёл во вкус и повторно написал в администрацию Президента, написал, что в министерство образования письмо передавать нет смысла, так как письмо имеет больше отношения к информационной войне и речь вообще-то идёт об уничтожении государства, о чём министерство образования думать не может. На этот раз ему ответил сам начальник отдела по работе с обращениями граждан, написал, что образование граждан осуществляется в соответствии с законами о религии и образовании, что в стране множество развивающих программ и работает система WorldSkills.

Вот над последним пунктом мы смеялись особенно долго. Система WorldSkills неплохо работала при присвоении разрядов пекарям или токарям, но уже при работе с детьми продемонстрировала абсолютное безумие. Так, например, трёхмерную графику было непросто освоить даже профессиональным инженерам. При этом в системе WorldSkills соревнования по трёхмерной графике заканчивались... в 9 лет, ещё до того, как дети по школьной программе осваивали понятие градусной меры.

* * *

Диплом после пятого курса нам писать не дали. Сказали, что достаточно с нас теоретических знаний, пора либо доживать свои жизни в развитых мирах, либо обустроить свои миры и привыкать к обязанностям богов. На этот раз нас решили не везти на корабле, а раскидывали по нашим мирам через порталы.

Ближайший к нам портал находился на Донбассе. Там как раз началась война. Нам

сказали, что попасть под обстрел маловероятно, и повезли на автобусе.

Пока Александр провожал ребят по их мирам, я отпросился в Донецк, хотел купить ноутбук с любимой стратегической игрушкой. Ва сказала, что заработала здесь кучу денег на исцелениях и хочет сделать мне подарок на будущее. Я выбрал ноутбук и несколько солнечных панелей к нему для подзарядки.

Я просто стоял на остановке, ожидая автобуса. Кто же ожидал, что оборзевшие наркоманы из вооруженных сил Украины в бешенстве из-за полного поражения начнут стрелять крупным калибром по городу? Снаряд взорвался рядом с остановкой и порвал моё тело в клочья.

Глава 26

БЫТЬ БОГОМ

Я очнулся, недоумевая, почему передо мной стоит строй моих служебных богов. Последнее, что я помнил — это как я подносил к глазам ноутбук с большой дырой ровно посередине. До этого я держал его прижатым к груди.

Так, кажется, я умер и попал в свой мир на должность бога. Но почему я не падаю и почему я не могу дышать? Я шевельнулся, и во все стороны полетели кусочки стекловидной массы. Ага, понятно. Моё тело зрело в этих кристаллах так же, как и тела всех остальных людей и животных.

Я почувствовал, что задыхаюсь, и поскорее сорвал кристальную оболочку с лица. Попытка сделать шаг оказалась неудачной. Я бы упал, ели бы меня с двух сторон не подхватили Ва и Александр. Нетренированные мышцы не очень работали.

Строй служилых богов запел. Александр говорил, что души богов берутся как копия моей души, и все способы управления телом у них как у меня. Очевидно, что и умение петь у них как у меня. А я никогда не был силён в точных нотах.

Песня была бы красивой, очень красивой, если бы они не фальшивили ещё больше, чем я.

Я осмотрел своё тело. Видимых отличий от моего последнего не было, даже мужской орган был таким же, каким его нахулиганила Нума.

— Господин, я так скучала без тебя, — сказала Ва, низко кланяясь.

Долгомиров сразу перешёл к делу:

— Ты способен сложные вещи слышать? Если да, то стоит сказать, что плохо, что ты умер раньше времени. Твой мир ещё не созрел. Но это ничего. Боги соседних миров найдут для тебя много работы. Зато чуть позже сможешь увидеть, как твои люди делают первые шаги. Обычно о первых людях только подчинённые боги заботятся, главные боги — создатели присоединяются позже.

Александр улыбался. Служилые боги к этому моменту совсем разошлись. Многоголосый распев был очень красивым, и они веселились в своё удовольствие, ещё и пританцовывали. Ну да, с их точки зрения праздник жизни начался, следует радоваться.

Я начал знакомится с ситуацией. Очень забавно было совещаться со служилыми богами. Каждый из них был личностью, у каждого были свои идеи и мнения. Но когда кто-то из них высказывал предложения, все слышали не только предложения, но и всю мотивацию, которая лежала в основе идеи. Возможность видеть и понимать другого человека настолько глубоко... Это было так великолепно! И почему-то очень эротично. Отчего-то сразу возникало огромное сексуальное желание.

Обменявшись мнениями, мы быстро приходили к общему решению, и это действительно было общее решение — все остальные разделяли его так же, как и я. Быть ведущим в такой группе единомышленников было невероятно восхитительно.

Увидев моё затруднение с эрекцией, Александр сказал, что так всегда происходит при общении со своими богами. Сказал, что я вскоре привыкну. Сказал, что не стоит сдерживать желания тела, тем более, что они будут очень сильными из-за того, что все вокруг нагие и жизнерадостные. Для решения проблемы есть богиня любви, она всегда будет счастлива получить от меня мужскую энергию.

Богиня любви тут же выполнила свои обязанности. Все остальные боги стояли рядом, смотрели и радовались. Было тяжело привыкнуть, что теперь все мои функции — не интимное дело, а предмет восхищения ряда личностей. Я попытался встретить богиню любви активно и радостно и потерпел неудачу: она была намного более ловкой и намного более жизнерадостной. По сравнению с ней я был комком ожесточения и зажатости. Богиня любви летала вокруг меня и ласкала с разных сторон. Я и не знал, что так можно. А вот зачем светиться во время моего оргазма, я не понял.

После первого общения с командой я перешёл к строительству. Первым делом я создал для себя и богов «облачный замок» — резиденцию вне этого мира. Оказывается, я мог создавать из окружающего хаоса пространства и мира любого размера. Поскольку стенами этого пространства была неопределенная материя, она так и выглядела, как постоянно меняющиеся цвет и форму серые облака. В этом пространстве у каждого служилого бога была своя резиденция, у всех одинаковые, стандартные. Для Ва я создал огромный замок с этажами, лестницами, перилами, несколькими садиками и тремя бассейнами, один из них с водяными горками. Малышка много потеряла из-за меня, захотелось ей польстить. Правда, садики были пока пустыми, растения и даже землю надо было доставлять из обычного мира. Потом я подумал ещё немного и создал похожие замки, чуть меньше, ещё для трёх сотен моих возможных помощников — людей. Я сделал так, что из окон этих замков были видны и слышны почти все ключевые места основного мира.

Про Серена Александр Долгомиров сказал, что пока временно отпустил его к жене. Сказал, что я могу вызвать его в любой момент, правда, придётся скакать по моему родному миру верхом на лошади сколько положено от портала до Долигана и обратно. Оказалось, что моё тело дозревало в кристаллах целый год после моей гибели на Донбассе. Ва всё это время жила здесь, организовала служилых богов на создание огромной фермы, приручила множество животных, в том числе молочных.

Надавав на прощание кучу советов, Александр ушёл через портал.

Добрый месяц ушёл на то, чтобы наладить экологию и технические системы, которые до сих пор были не нужны — системы связи между богами и людьми, системы фильтрации информации, системы перемотки и слежения за нитями судьбы, архив, приёмник и хранилище душ, и многое другое. Через месяц Долгомиров вернулся, чтобы проводить меня в соседние миры.

Когда Александр в первый раз сказал, что я буду работать на богов соседних миров, у меня это вызвало некоторое отторжение. С чего это я должен прислуживать каким-то лентяям? Но когда я увидел этих богов, сердце защемило, треснуло и пролилось бальзамом и мёдом.

Первой была маленькая девочка Вира, происходившая из мира, в котором люди жили, как кочевники, за счёт своих животных. Никаких других технологий она не знала. Она придумала вполне стандартный мир, в котором было много забавных и ласковых животных. Вира погибла в своём мире во время набега соседнего племени кочевников, когда вырезали всё её племя. Ей было около двенадцати лет на тот момент.

В управляемом ею мире люди жили почти на животном уровне, единственное, чему она могла их научить — это ухаживать за животными. Люди в её мире уже размножились, сбились в кочевые племена и увлечённо нападали друг на друга с весёлым поеданием тех, кто погиб во время конфликтов, и своих, и чужих. Девочка была в отчаянии, но что делать, она понятия не имела. Про религии она не слышала.

Александр сказал, что тащить её учить чему-то на Землю бесполезно, начальный уровень очень низкий. По сути дела, это мой второй мир. Никто больше им заниматься не будет. Дружно подумали и решили, что этот мир — ближайший кандидат на присоединение к моему миру. Присоединим, как только люди в моём мире размножатся и разовьются настолько, чтобы не дать себя съесть. А пока решили устроить им явление бога с проповедью хоть какой-то религии.

Ради явления Виру научили принимать торжественный облик. Но даже так, стоя на облаке, она смотрелось не очень солидно. Мы с Александром стояли у неё за спиной с угрожающим видом и в неизвестном качестве. Такой троицей мы прошлись по ряду племён, попытались их научить не только основам праведности, но и немного земледелию.

Девочка не хотела меня отпускать, висла на шее, просила остаться. И это бог этого мира!

В следующем мире бог выглядел как полностью седой дедушка. Но свой мир он придумал, когда был маленьким мальчиком. Его звали Хакана Сарахал.

В этом мире единой земли не было. В бесконечном пространстве летали маленькие скалы — планетки неправильной формы, вокруг которых была атмосфера на двадцать — тридцать метров. Эти скалы регулярно приближались на расстояние несколько метров, так, что можно было перепрыгнуть с одной скалы на другую, что и делали и люди, и животные. Ближе планеты не сходились, их отталкивала какая-то сила. При этом на скалах росли и деревья, и другие растения.

Хакана происходил из мира, где люди жили на почти животном уровне. Всю жизнь он занимался охотой и собирательством и ничего не узнал, кроме как отбиваться от соседних племён дубиной.

Переместившись в этот мир, я поначалу упал и долго не мог отдышаться. У Александра возникли аналогичные проблемы.

— Другая физика. Когда обратно пойдём, тоже организм будет долго перестраиваться. Людей сюда не бери, они не смогут перестроиться, только боги могут, — пояснил Александр, когда смог говорить.

Этот безобразие даже было невозможно присоединить к моему миру из-за отличающейся физики.

Дедушка был добрым, он как-то смог объяснить своим людям основы праведности и человечности. Люди у него не дошли до такого озверения, как у Виры, но всё равно пребывали на уровне животной жизни. Было понятно, что промышленную цивилизацию здесь не разовьёшь, до высоких степеней разумности человечество не доведёшь, и что после небольшой истории в несколько сотен тысяч лет этот мир придётся просто закрывать. Дедушка был не против. Он ожидал после смерти возможность отдохнуть, а вместо этого вынужден был бегать и прыгать по тысячам планеток.

Третий мир был миром обычной физики. Это значило, что нам опять пришлось долго кашлять и ждать, пока организм подстроится под новые условия.

Этот мир был очень холодным. Вот все стороны тянулась тундра. Светило почти не грело.

— В этом мире нам так и не удалось отыскать его бога. Но при этом тут много и животных, и разумных существ типа говорящих животных. И все жутко мёрзнут. Первым делом увеличь мощность светила, — прокомментировал Александр.

— Как не нашли? Как можно не найти локального бога? — удивился я.

— Да мы вообще этот мир случайно обнаружили. А бога мы особо настойчиво и не искали. Возможно, не там искали. Здесь есть несколько видов разумных животных, возможно, бог этого мира из числа разумных животных. Мы их не осматривали. Посмотри, может, найдёшь. Про этот мир мы знаем только то, что он есть.

Я запустил поиск среди всех разумных видов на поверхности... И никого не нашёл.

Несколько часов мы с Александром разбирались с тем, как сделать светило помощнее. В отсутствие локального бога оно перешло на режим безопасного существования с уменьшенным энергопроизводством. Мы запрограммировали светило на постепенный выход на номинальную мощность. Через пятьдесят лет здесь должно стать намного теплее.

— Ну, что, теперь понимаешь, насколько ты редкая птица и насколько ты ценен? — посмеялся Александр после того, как мы закончили первоочередные дела.

— А эти боги локальных миров... Происходящие из диких обществ... Они со временем поумнеют?

— Не то чтобы поумнеют. Станут мудрее. Да, со временем они станут способными воспринимать сложные умственные концепции и построения. Но только после того, как столкнутся на практике с примерами, показывающими, что простые методы не работают. Это лет пятьсот.

Четвёртый мир удивил меня своей развитостью. Люди здесь строили высокие здания, большие государства содержали огромные армии.

В предыдущих мирах нас встречали у порталов хозяева — девушка Вира и дедушка Хакана, после чего всё общение происходило в их аналоге облачного замка. В мире без бога мы хулиганили из облачного замка сами, он был открыт для всех, кто обладал силой локального бога. В этом мире Александр задержал меня после выхода из портала и принялся рассказывать историю этого мира. После первого знакомства я удивлённо спросил у Александра:

— И чем я могу помочь этому миру? Тут всё развито.

— Локальным богом этого мира стал один парнишка, который получил обучение типа вашего, но религиями и внутренним совершенством не интересовался. Здесь де-факто установились три культа: культ силы, культ обманщика, культ тяги к жизни. В последнем смешались тяга к размножению и разврату всех видов. Здесь у человека есть только два пути: либо становишься рабом, которого грабят и бьют все, кому не лень, либо становишься воином и постоянно сражаешься со всеми вокруг. Женщин вообще ни о чём не спрашивают. Их покупают на одну ночь. И это ещё бесы сюда не дошли. Они будут в восторге от этого мира. А хуже всего то, что имеет место закономерность падения: в такие тяжёлые безвыходные миры окружающие боги сплавляют самые порочные души, чтобы они пожили в атмосфере постоянного зла и насилия, прочувствовали на своей шкуре, что такое жить в мире без светлых религий. В итоге получается, что здесь и условия плохие, и людей, которые способны бороться за улучшение, нет. Если бесы найдут этот мир, они быстренько установят тут антикультуру с демонической религией. Устойчивую, с наукой, с богатыми порочными высшими сословиями и с вечно ограбляемыми низшими классами. А потом они уговорят локального бога присоединить десяток пустых миров, выйдут в пространство Вселенной, понастроят космических кораблей и пойдут создавать проблемы окружающим мирам. Твоя задача на ближайшие эпохи — подсказать этому богу, как внедрять разные светлые учения... А теперь можно постучаться в двери дома хозяина.

Александр нарисовал в пространстве треугольный портал и что-то прошептал. В других

мирах такие порталы вели в пространства, в которых находились либо облачные замки, либо идеализированные пространства для обитания богов. На этот раз портал не открылся. Александру пришлось проситься три раза. На четвертый раз портал всё-таки открылся.

Локальный бог этого мира по имени Тильда арахан Друнн был в истерике. Он сидел в удобном кресле на берегу прекрасного озера, усеянного цветами, в котором плескались прекрасные нагие девушки, и истерил.

— Мои люди занимаются всякой ерундой, убивают друг друга, не хотят слышать ни о чём другом, и я не знаю, что с этим делать, — резко сказал он нам вместо приветствия.

— Зато вот этот товарищ знает. Он теперь твой ближайший сосед, будет к тебе заходить частенько, — сказал Александр, показывая на меня. Тильда посмотрел на меня с подозрением, но и с надеждой тоже.

Мы мило пообщались, разработали стратегию на ближайшее время, на тысячу лет. Для начала решили внедрить в разных концах мира, у незнакомых друг с другом народов три разные учения. В одном учении сделали ставку на противопоставлении «благородных людей» и «людей — животных», якобы благородные люди могут понять, почему мягкое и гибкое жизненное твердого и детского, а животные нет. В этом учении предполагалось внедрять стили боевых единоборств, основанных на мягкости.

Во втором учении сделали ставку на противопоставлении рабочих людей и паразитической верхушки. Предполагалось собрать людей под идею о том, что жадная и захватническая верхушка племён постоянно заставляет людей сражаться друг с другом и что если убрать верхушку, то рабочие люди могут жить большим государством, не воюя все против всех. Главное — регулярно менять начальство и отправлять их обратно в работающие люди. Новое начальство выбирать из числа людей, зарекомендовавших себя как способные заботиться об общем благе.

Эту упрощённую систему я прочитал в истории Древнего Рима на Земле и решил, что здесь она окажется кстати, сможет просуществовать до начала индустриальной эпохи.

Третьим людям предполагалось напеть, что они избранные люди от Бога, что они должны будут на протяжении тысячелетий нести информацию о том, что надо отказываться от гордости и жить любовью и заботой о всём человечестве.

Господин Долгомиров подчёркнуто игнорировал наши задумки, но зато с хорошо заметным удовольствием принял участие во внедрении идей. Мы сели на облако и полетели к первому племени производить впечатление. Веселились, как дети, явились в сиянии и принялись вещать.

К третьему племени мы явились во вторую очередь, тоже на облаке и в сиянии. Тут обошлось личными беседами с десятком ключевых людей.

Тяжелее всего было внедрять учение во втором племени, там пришлось шептаться на ушко всем, кто был способен задумываться хоть о чём-нибудь. Мы заходили в дома этих людей в сиянии, говорили, что человек избран богами его племени для великого дела, и начинали ездить по ушам. Промучались двое суток.

— Ты говорил, что они будут изживать недостатки этих учений лет триста. А потом что? — спросил Тильда, когда мы закончили.

— А потом они построят большие империи и встретятся. И поймут, что у каждой противостоящей империи есть то, что было бы полезно и им. Ещё они полностью забудут или извратят всё, что мы им говорили, зато преисполнятся абсолютной уверенности в собственной исключительности и праве уничтожать всех остальных. И вот тогда тебе

придётся становиться Спасителем и внедрять что-то типа христианства. Умирать ради них в виде аватара. Если, конечно, настоящий Спаситель тебя не опередит. Новое учение будет диковинной для них, для всех троих, но все увидят в нём что-то знакомое. Мы сейчас внедряли то, что очевидно полезно для выживания, поэтому они так легко эти упрощённые учения и приняли. Религию типа христианства они бы сразу не поняли. После сотен лет политической нестабильности и шовинизма они задумаются.

— Я не понял христианства, когда нас учили. Не думаю, что пойму его полностью до момента, когда его надо будет внедрять. Как я смогу сказать людям то, что не понимаю сам?

— Думаю, за три сотни лет ты дозреешь. Мы там одну религию внедрили, в которой требуется отказываться от гордости, постепенно начнут появляться люди, которые пройдут этим путём, они тебе объяснят, почему это так здорово. Я буду заходить в твой мир иногда.

— Полисаний... Заходи почаще, — сказал на прощание Тильда.

Господин Долгомиров покивал головой.

Пятый мир был небольшим и отлично обустроенным. Правда, все обитатели этого мира были жуками, насекомыми и прочими беспозвоночными. Даже разумные существа. Богиней этого мира была Пшижуша, тоже большой жук. Никакой паразитической жизни тут не было, богиня смотрела за этим очень строго.

Пшижуша (не уверен, что правильно разобрал её имя) правила тут уже четыре сотни лет. Она происходила из мира, где жили только беспозвоночные, и создавала свой мир по аналогии. Уже после начала правления она создала несколько травоядных, хищных и разумных организмов с лёгкими вместо трахей. Она осознавала, что при объединении с любым другим миром не получится удержать такое высокое давление воздуха, как в её мире, из-за чего вымрут все крупные виды, в том числе тот разумный вид, который был здесь людьми. А объединить свой мир с другими она очень даже хотела, ей было здесь скучно и одиноко. Ей хотелось выхода в космос Вселенной. По этой причине она активно развивала новый разумный вид с лёгкими, пока на другом континенте, отдельно от своих первых людей. Предполагалось со временем понижать давление и температуру воздуха, чтобы новый вид выжил, а первый постепенно вымер.

Богиня очень эмоционально рассказала, как она наставляет своих людей на путь истинный, как она за них переживает и сочувствует. Я был в полном шоке. Было очень удивительно видеть жука, который рассуждает, как самый милый человек. Под конец Пшижуша спросила, есть ли у меня богиня присоединенного мира — партнёр по сексу. Я признался, что нет. Пшижуша обрадовалась и сразу спросила, возьму ли я её женой после объединения миров. Я впал в ещё более глубокий шок и попытался отговориться тем, что мы вряд ли подходим физически.

— На этот счёт можешь не беспокоиться, вы подходите. У неё половые органы такие же, — «обрадовал» Александр.

— Заниматься сексом с обычными людьми негоже для бога. Это может повредить человеку, дать ему слишком быстрое развитие, к которому он не готов. Ты во время оргазма выделяешь слишком много радости и счастья, это воспринимается обычными людьми, из-за чего они получают возможности, с которыми не могут совладать. Лучше занимайся сексом только с богами. Даже если для этого придётся ходить в другой мир раз в месяц, — пояснила буйная жучиха.

Александр поддержал:

— Она права. Когда бог занимается сексом с человеком, происходит частичное слияние

не только тел, но и разума, и души. Обычный человек вдруг получает такие глубокие чувства, которые до этого не чувствовал, и видит способность мыслить на такой глубине, о каковой не догадывался. Плюс ты вкладываешь в человека столько энергии, что появляются возможность использовать такие утонченные системы анализа и управления, к которым человек не готов. Некоторые могут и с ума сойти. Твоя дурочка — жрица спасается только тем, что говорит себе, что она очень глупая, примитивная и может не смотреть ни в какие глубины. Но ты с ней заканчивай, иначе ей будет плохо. Пусть обнимает тебя во время секса, сколько хочет. Но всю силу и энергию вкладывай в какую-нибудь богиню. Я тебя познакомил с двумя. Надо будет подкатить к тебе ещё с десятков.

— Жуков? — не смог не пошутить я.

— Жуков, осьминогов, улиток, ящеров... Их много разных бывает. Таких, которые с тобой по половым органам совпадают. А таких, которые не совпадают, но могут быть использованы и смогут поглотить твою энергию, ещё больше. У меня у самого десять жён — богинь человекоподобных, и семь таких, которые вообще ничего общего с людьми не имеют. У тебя тоже будет много жён. Те боги — мужчины, которые умирают в преклонном возрасте, секса не хотят. Они при необходимости могут зачать ребёнка, но для этого им сначала надо перенаправить силы и оживить мужской орган. А вот из тебя сила жизни хлещет во все стороны, если не будешь помещать её в женщин — богинь, твой мир может взорваться. Женщин — богинь в относительно молодом возрасте погибает довольно много, больше, чем мужчин. Делайте это как в её мире, так и в твоём. Когда вы доходите до оргазма, это чувствуют все живые существа в мире как дополнительную тягу к жизни. Они становятся жизнеспособнее благодаря этому.

— А почему пожилым богам не омолодиться и не вернуть себе половые функции? Даже я умею людей омолаживать до любого возраста.

— Я же сказал, что омолодиться и зачать они могут. Но желание секса они просто не станут возвращать. Ты ещё не понял, но желание размножения вызывается в твоём теле тем, что часть жизненной энергии идёт не на высшие творческие способности, а уходит в сторону, на возбуждение приятных ощущений от перевозбуждения энергетических узлов низших уровней. А зачем пожилым богам снижать свои божественные способности, терять энергию на глупый фонтан утекающей энергии? Поэтому они с удовольствием спихивают эту задачу на тех, кому не повезло погибнуть в молодом возрасте. Относятся с большим сочувствием к тому, что у тебя будет много удовольствий, но сами в этом участвовать не хотят.

Я задумался о том, что происходит с Ва. Она получила от меня очень много ещё до того, как я стал богом, и ещё больше после.

— Я хочу секса. И с тобой. У тебя явно выдающиеся способности, — заявила жучиха.

Пришлось её насиловать. Александр вслух восхищался нами обоими. Жучиха весело благодарила его за восхищения и всячески юморила.

Получив желаемое, Пшижуша оценила эффект и заявила:

— Ты выделяешь в три раза больше энергии, чем обычно. Проверь своих людей, с которыми спал до этого. У них могло появиться множество возможностей, о которых ни ты, ни они не подозревают. И заходи почаще. Мне понравилось.

В шестом мире полового размножения у животных не было. Здесь все животные и люди были самцами. Размножались они, втыкая твердый половой орган — иглу в другое существо и подсаживая туда сформированный зародыш. Причём другим существом могло быть

существо любого другого вида, главное, чтобы размер позволял. Люди использовали животных, крупные животные использовали животных поменьше или особей своего вида послабее, маленькие летающие кровососы использовали людей и животных. Люди считали высшим шиком получить детей не из животных, а из других людей послабее. Сначала их надо было победить, сломать руки и ноги, потом кормить известное время и получить таким образом детей. Иногда в качестве таких носителей использовали своих собственных детей. Этим руки и ноги не ломали, только запугивали. Любви в этом мире было мало.

Посмотрев на такое извращение, я решил, что этот мир к своему точно присоединять не буду и бога этого мира видеть не хочу. Оказалось, что бог этого мира не такой уж плохой парень. Точнее, белобородый дедушка по имени Апфосорей.

— Я был молод, я любил мужчин, это была эротическая мечта молодого ожесточённого дурака. Потом я изменился, много занимался благотворительностью, жертвовал на церковь. Совсем не фантазировал и не мечтал. А когда умер, попал вот сюда. Думал, это мне лично наказание такое. Я планирую уничтожить все живые существа и пустить на это пространство нормальных людей. Беженцев каких-нибудь, безземельных..., - говорил Апфосорей, встретив нас. Дед был рад, повстречав других богов.

Слегка отойдя от первого шока, я начал задавать вопросы. Сообща мы решили, как будем зачищать этот мир от паталогической жизни. Решили устроить как бы взрыв местного светила с большой температурой и жёсткой радиацией по всей поверхности в течение длительного времени.

В промежутке между выходом из портала подпространства Апфосорея и открытием портала в мой мир я сказал:

— Сейчас мне показалось, что Бог дал нам эти миры только для того, чтобы обучить нас на конкретном примере, а не для того, чтобы люди могли вырасти в наших мирах.

— И так может быть. Но вообще-то это можно совмещать, — подмигнул господин Долгомиров.

* * *

В моём мире я нашёл Ва в состоянии крайней паники. Не от чего-то конкретно, а просто так. Получилось так, что она оказалась той, к кому все служилые боги обращались как к конечной инстанции, как к старшей. К тому, что она окажется главной на хозяйстве, Ва была не готова. А тут ещё созрел первый человек, и Ва пришлось принимать парня на руки и кормить, учить всему, как младенца.

* * *

Я проверил Ва на предмет скрытых возможностей. Оказалось, что она получила так много, что практически сравнялась по возможностям со служилыми богами. Я понял, что надо прекращать насыщать её силой. Заниматься сексом с богиней любви было скучно, это было как секс с землёй. То есть она умела быть и страстной, и художественной, но меня не покидало ощущение, что это автомат, запрограммированный мной самим. Сходил к Вире, спросил, поможет ли она мне в удовлетворении любовной страсти. Вира повела себя как

типичная маленькая девочка, сказала, что потом может быть, но пока боится. Пришлось ходить к Пшижуше и водить её в свой мир.

Пшижуша оказалось очень умной, способной и к сочувствию, и к сопереживанию. Вскоре я забыл, что она жук. Где-то её вид даже стал мне нравится. У неё было довольно совершенное тело, мощные мышцы, стремительный вид.

Жизнеспособность. Способность быть эффективным. Вот, наверное, то, что нам нравится, когда мы с удовольствием смотрим на животных или даже на автомобили с самолётами. И на людей другого пола.

Я задумался о том, способен ли я буду к сексу с самолётом, если Долгомиров в следующий раз притащит мне девушку в форме живого самолёта. Наверное, да.

* * *

По странной установке придуманных миров живые существа в них выходили из кристаллов почти взрослыми. Парень вышел возрастом около 13 лет, и по росту он был почти как Ва. Конечно, боги помогали Ва, но воспитывать людей они не очень-то умели. Выращивать, беречь от травм, кормить — это да. Но воспитывать не умели.

Наличие в моём лице более крупного существа очень помогло воспитанию. Иногда возможность дать по башке важнее всего остального. А стучать приходилось часто: парень был как младенец, мог схватить Ва за руку и давить со всей силы просто для того, чтобы посмотреть, что будет дальше. Он не только Ва, он и коров, и коз пытался так тянуть за разные болезненные места. Приходилось его спасать...

Через две недели вышла первая девушка. С ней возни было не меньше. Её пришлось держать отдельно, у парня уже работали инстинкты размножения.

К счастью, вскоре эти ребята начали говорить, и полгода не прошло. Теперь им можно было хоть что-то объяснить.

Легче не стало, так как из кристаллов начали выходить другие люди, целая сотня. Что забавно, в наборе были люди, приспособленные для разных климатических условий — у одних были курчавые волосы, широкие носы и тёмная — темная кожа, у других кожа была чуть светлее, носы длинные и узкие, и ряд дополнительных устройств для быстрого набора жира и выживания в холоде.

Вслед за ними стали выходить водные люди, а также всякие экзотические звери типа моих крылатых лошадей. Способность служилых богов быстро переноситься с места на место очень пригодилась. Первая пара малышей тоже помогали. Было очень забавно наблюдать, как сухопутные малыши барахтались с малышами водных людей в озере рядом с порталом. (На первое время водных людей мы растили не в море, а в озере). Возни с малышами было много, но это была забавная возня.

* * *

В один прекрасный день в моём облачном замке раздался сигнал от портала. Сигнал говорил о том, что в наш мир явился кто-то из локальных богов. Я вышел приветствовать гостя и обнаружил пожилого господина самого благообразного вида. Дедушка не стал тянуть

резину и сразу перешёл к делу:

— Александр Долгомиров сказал, что надо тебе помочь с одним пустым миром и тройкой союзных миров. Может, сходим? Меня зовут Архат Арахат. Засмеёшься над именем — проклянута на три дня. Моё имя имеет очень хороший смысл.

Я уверил нового знакомого, что даже не думал смеяться над именами и очень рад новому знакомому. И вероятно, старшему товарищу.

Мы немного познакомились. У Архата был мир ненамного старше моего, всего на три сотни лет. У него люди ещё даже не распространились по всему миру. Долгомиров попросил Архата взять надо мной шефство и навещать иногда. Арахата учили не на Земле, а на другой планете, где были многолюдные университеты. Но сама планета была не очень многолюдной, и Архату было интересно послушать про то, чему нас учили.

В пустынном мире за прошедший год стало заметно теплее. Тундровые карликовые растения это почувствовали и вытянулись на несколько саженей.

Мы ещё раз поискали локального бога и нашли его под землёй в виде одного из разумных животных, гигантского змея из числа тех, которые большую часть жизни жили под землёй и лишь иногда выходили на поверхность для спаривания. Парень был в вечной депрессии. В обычной жизни он был обитателем одного из тех миров, где существовали подземные народы. Его племя было им недовольно, его осудили и долго держали в подземной тюрьме. Когда он умер и попал в свой придуманный мир, то оказался в теле самого мощного из тех разумных существ, которых он придумал. Стандартных людей в его мире не было. Змеи — самки были очень неразвитыми и насмехались над ним. Парень решил, что это наказание от богов, что теперь ему положено долго пресмыкаться под землёй и ждать прощения за порочную жизнь. О том, что у него есть божественные способности, он даже не подозревал. Нам потребовалось некоторое время, чтобы объяснить ему суть дела. Он даже имени своего не знал. Пришлось нам совместно придумывать ему имя. Думали долго и придумали круто: Владыка Подземного Сияния. Парень мог смотреть сквозь камень, и разные металлы и породы виделись ему сияющими разным светом.

Парень был настолько неразвитым и испуганным, что мы без долгих раздумий решили присоединить этот мир к моему. Сказано — сделано! Присоединение миров прошло почти гладко, возникло только небольшое цунами в пятьдесят метров высотой. Наши дети и животные росли на плато, которое было в среднем на двести метров над океаном, так что мы по большому счету этого даже не заметили.

Я создал парню огромный замок в божественном пространстве, где он мог ползать в своё удовольствие. Но он там бывал редко, больше любил торчать на поверхности, качать сухопутных детей на своих кольцах или носиться по озеру с водными детьми. Иногда приходилось проявлять настойчивость, чтобы уговорить его прекратить игры и позаниматься со мной математикой.

* * *

Из-за возни с присоединением мира Владыки Подземного Сияния мы почти забыли об остальных мирах. Всего пару раз зашли к Вире, разок к дедушке Хакану. К Тильде пришлось ходить три раза за год. У него людей было много, все вооружённые, и внедрение религий и учений там сопровождалось очень бурными событиями.

Александр Долгомиров про нас с Владыкой тоже не забывал. Он регулярно заходил и задавал разные неожиданные вопросы. Он давал нам потормозить, а затем рассказывал, откуда взялся вопрос. Как правило, это были вопросы развития разных культур, причём ключевые вопросы, из-за которых существование цивилизаций ставилось на грань уничтожения. Вопросы были настолько неожиданными и необычными, что каждый раз изумляли меня полностью. Александр каждый раз грустно смотрел на нас с Владыкой, потом говорил, что нам вот смешно, а ему эти культуры от самоуничтожения спасать.

Через три года я слегка расслабился. Мы научили новорожденных детей справляться с самообслуживанием, они уже знали, что нужно мыть задницу на ночь, умели сделать топор из камня и зарезать корову на мясо.

Выяснилось удивительное явление. Наши дети довольно прохладно относились ко всем богам и очень любили Ва. И это при том, что боги были гораздо ловчее и лечили любые ссадины и переломы намного быстрее. Ва же могла разораться из-за пустяка, отшлёпать всех правых и виноватых оптом, пожалеть наказанного и задразнить самого успешного. Но при этом её любили и бежали к ней наперегонки, чтобы она их погладила по головке и прижала к груди. А богов дети считали чем-то вроде автоматических устройств.

* * *

Только я решил, что мир вошёл в колею, как появился Александр и потребовал моего участия на неделю. На неделю! Тут каждый день был как океанская волна, а он хотел выдернуть меня на неделю! Ва привычно впала в истерику, страшась остаться одной на хозяйстве. Утешали её вдвоём и кое-как уговорили тем аргументом, что главной будет не она, а бог правды.

Александр провёл меня через портал в большой мир, из которого нас забрал космический корабль. Долгомиров посадил меня на управление и заставил вести корабль. Пилоты и Долгомиров долго хихикали, глядя на то, как я пытаюсь угробить корабль в процессе вспоминания курса пилотирования четырёхлетней давности.

Несмотря на их чудовищное поведение, мы всё-таки дошли до места назначения за сутки. Местом назначения был один очень развитый мир, в котором были и компьютеры, и космические корабли, и даже космопорты. В одном из этих космопортов мы вполне официально и сели.

Официально мы считались группой психологов и политологов, прибывших по приглашению местных властей. Пришлось надевать одежду и изучать собственный паспорт. А я уже так привык ходить без одежды и спать на чём-нибудь теплом, например, на каком-нибудь животном, укрываясь какой-нибудь богиней или Ва. Или на ароматном сене, если жарко...

Власти планеты пригласили специалистов с разных планет для решения жизненно важных социогуманитарных проблем планеты. Суть проблем сводилась к тому, что у людей практически пропало желание жить и работать. Большинство людей предпочитало сидеть по домам, жить на пособие и проводить время в компьютерных мирах. Учитывая то, что планета была относительно молодой и жила, в основном, за счёт экспорта промышленных изделий в другие звёздные системы, такое положение было смерти подобно. Кроме того, люди здесь ещё и жениться не хотели. Им хватало секса в виртуальных мирах.

Пришлось загружать в память два модуля языка — местного и той планеты, с которой мы якобы происходили. Как хорошо быть богом: если надо, просто загружаешь в память умение пользоваться языком, и не надо ничего долго учить.

Два дня мне дали на изучение компьютерных миров. Виртуальные миры здесь были восхитительными. Планета была относительно молодым промышленным миром, и все игры с виртуальными забавами она получила с других планет, где те развивались в течение сотен лет. Местные программисты их переосмыслили, улучшили и получили такую систему, оторваться от которой было невозможно.

Кресло для игры здесь было изделием высоких промышленных технологий. Кроме того, что оно считывало все движения пользователя, оно обладало ещё и набором всех возможных устройств для секса со всеми отверстиями и выступами человеческого тела. Секса в виртуальных мирах вообще было много. Кроме всех мыслимых вариантов секса по сети в самых фантастических телах, сексом надо было заниматься даже в моих любимых стратегических играх. Например, надо было посещать гарем правителя для того, чтобы рождённых виртуальных детей распределять по должностям начальников городов и армий. Эти «родные» дети не изменяли и не грабили собственное население, в отличие от обычных генералов и начальников.

Игры были очень азартными и увлекательными. Многие из них были намеренно сделаны так, что работали только в режиме реального времени. Даже против воли хотелось посмотреть, что произошло за последние минуты. А произойти могло многое, от нападения врагов до интриги в высших слоях управления со свержением правителя, то есть меня. Эти двое суток я почти не спал. А тело так требовало отдыха для переработки полученной информации...

Значительной частью жизни народа были эротические трансляции. Строго говоря, выйти замуж имели шанс только те девушки, которые долго и художественно показывали умение быть сексуальными и горячими с большим количеством оргазмов. Парни тоже размещали в сети свои трансляции, их смотрели те девушки, которые уже потеряли надежду выйти замуж или никогда его не имели. Всё это было завязано ещё и на деньги в разных вариантах.

Пока я играл, завёл некоторое количество знакомых. На вопрос, почему они не женятся и не выходят замуж, люди отвечали почти одинаково. Мужики говорили, что все законы приняты против мужчин: при малейшем скандале полиция арестовывает только мужчин. Женщин наказать невозможно, как бы оскорбительно и агрессивно они себя не вели. Сразу после выхода на пенсию женщины разводились с мужиками, при этом квартиры и дома суды, как правило, оставляли женщинам и детям, а мужики оказывались на улице.

Женщины говорили, что выходить замуж опасно: пока сидишь с детьми, теряешь карьеру и квалификацию, на работу неквалифицированных не берут, а мужики работать не хотят и проводят всё время только в играх.

На вопрос о том, почему не хотят работать, люди отвечали просто: власти для того, чтобы сделать товары конкурентоспособными, снизили зарплату почти до уровня простого выживания. При этом пособие, которое платят тем, кто не работают, почти равно зарплате, поскольку иначе не хватит на еду. При этом сидишь дома и занимаешься приятным делом.

Немаловажным фактором было и то, что люди с детства приучались получать быстрое лёгкое удовольствие, зарабатывали зависимость от компьютерных игр и лёгких удовольствий и не могли освоить никакие умения и никакое мастерство, требующее

терпения и внимания к мелочам. Нетерпение не давало. Многие дети скандалили и дрались с родителями из-за принуждения к учебе и ограничения времени игры, и в итоге службы защиты детства забирали их из семей и помещали в детдома.

Когда приходило время учиться рабочим и инженерным специальностям, на этих детей с разболтанным вниманием и неспособностью к самопринуждению начинали орать, что они всё делают криво. Люди обижались, ломались и уходили на привычные удовольствия, не получив профессию.

Как результат, на планете наблюдалось стремительное вымирание и нехватка дееспособных людей в промышленности. Когда власти столкнулись с этой проблемой ещё шесть десятков лет назад, они ввели право отца и обязательную работу.

Право отца подразумевало, что тех детей, которые не хотели учиться и не могли закончить школу, которые заработали зависимость от искусственных удовольствий, таких детей родители должны были убить. Гражданам предлагалось рожать побольше детей, чтобы хотя бы двое из десяти могли вырасти и стать дееспособными членами общества.

Обязательная работа предполагала, что человек после окончания школы и получения профессии должен был отработать десять лет по профессии.

Со временем производительность роботизированных заводов увеличилась, людей стало нужно меньше, из-за чего сначала отменили обязательную работу, а потом и право отца. Теперь пожилые специалисты вымерли, а новых взять было неоткуда.

Александр Долгомиров с интересом ждал, когда я выскажу свои рекомендации властям этого мира. После двух суток непрерывного общения, после того, как кресло многократно изнасилоvalo меня во все отверстия, я был готов сказать своё слово.

Рекомендации тут были вполне очевидными. До властей надо было донести мысль о том, что привычка детей к компьютерным играм и общение по сети, даже без секса — это не просто забава, а зависимость не меньшей силы, чем алкоголизм или наркомания. А с сексом это вообще выше любой человеческой воли. Дети своей волей с такими сильными зависимостями справиться не могут, да и взрослые тоже. Семьи с ней сами не справятся. Поэтому необходимо запретить детям какие-либо легкодоступные искусственные удовольствия на самом высшем уровне. Разрешить только разные спортивные или военные игры с роботизированными комплексами в полном масштабе, чтобы за ними надо было бегать или с ними надо было сражаться. Компьютерные игры и прочие забавы, особенно с сексом, разрешить только после 20 лет.

Ещё я предложил широко распространить традицию выкладывать разные сцены ласкового и художественного супружеского секса в сеть для достижения наибольшего рейтинга. Чемпионов награждать. Такие трансляции уже существовали, но их было очень мало. Большинство эротической продукции ориентировалось на подростковые представления, когда женщину брали и имели во все дырки по принципу «как можно больше сношений в минуту». Смотреть на это было просто неприятно. Строго говоря, нечто подобное я видел и на Земле, но там были хоть какие-то варианты. Здесь же была сплошная индустриальная удовлетворялка.

Я предложил выкладывать ласковый супружеский секс хотя бы для того, чтобы люди женились ради трансляций и высоких рейтингов... А там, может быть, и подружатся по-настоящему. Плюс это должно было сломать традицию подросткового жестокого отношения к сексу как к наибольшему числу удовольствий тела в единицу времени. Пусть увидят, что любовь — это не только удовольствие тела, но и ласка, и нежность...

Александр долго смеялся, но предложения принял.

Ещё мы записали в предложения резко увеличить зарплату тем, кто работает, и снизить пособие тем, кто не работает. Для тех, кому не хватит работы на производстве, создать разные работы по украшению жилья или по взаимным услугам.

На конгрессе гуманитарных специалистов, где представители государства слушали выступления разных групп аналитиков, господин Долгомиров зачитал предложения нашей группы. Из этих предложений было принято только предложение о традиции трансляций супружеского секса. Из предложений групп с других планет власти планеты приняли только идею платить за каждого следующего ребёнка в возрастающем объёме и идею демонтировать со всех личных компьютерных кресел устройства для орального и анального секса. Предполагалось, что это заставит людей чаще встречаться в реальности.

Уже сидя в корабле, я начал удивляться, почему власти не предприняли ничего для того, чтобы мотивировать людей к работе.

— Ведь у них люди как не видели смысла в учебе и работе, так и не увидят! — возмутился я.

Долгомиров смеялся:

— А где ты видел человечество, которое способно предпринимать осознанные целенаправленные усилия для собственного выживания? Я думал, история, как вы писали письма руководству России, вас чему-нибудь научит. Мы поучаствовали в этом цирке по просьбе локальных богов этого мира, но не для того, чтобы произвести какие-то изменения, а для того, чтобы озвучить очевидные вещи, которые никто заведомо принимать не собирался. Это, как говорится, слово пророка, отринутое властями, в осуждение этим властям. А тебя я притащил сюда для того, чтобы ты запомнил три взаимосвязанные факта: роботизированные производства, зависимость от искусственных легкодоступных удовольствий, массовое безумие и деградация. Это этап, через который должен пройти каждый мир. И далеко не каждый проходит. У многих богов люди на этом этапе деградируют настолько, что их мир, изгаженный и обезлюдивший, потом приходится присоединять к другому миру. Так что не торопись развивать промышленную и компьютерную цивилизацию. Пока у тебя не будет достаточно мудрых помощников, чтобы ходить за каждым интернет — наркоманом, даже не суйся.

— Александр, а сколько планет в этом мире, сколько связано космическими перевозками в единую систему?

— Около пяти тысяч. Все на очень разных этапах развития. Многие не отошли от феодализма и натурального хозяйства. Это не очень хороший мир, не советую входить в эту систему. У них тут лидирующих планет с мощными религиями почти нет. Технологические планеты всю грабят менее развитые миры и никак их не развивают. Зато болезни и эпидемии перелетают с планеты на планету очень легко.

— Александр, мне необходим Серен. Можно кого-нибудь попросить съездить за ним?

— О! А ведь он действительно тебе нужен. Давай-ка за ним заедем.

Александр прошёл к пилотам, и мы изменили курс.

К родной планете мы пришли только через три дня. Было забавно посмотреть на родной мир из космоса. До чего же маленьким был тот кусочек, на котором я успел побывать! Даже южный континент, который мы искали с таким трудом, оказался небольшим островом по сравнению с теми землями, которые лежали далеко за ним к западу и к югу. А мне казалось, что я проехал полмира...

Меня высадили ночью, над лесом, недалеко от Долигана. Пришлось почти час перебирать ногами. Я прошёл мимо отцовского замка и с трудом отыскал дом друга детства. Немного ошибся, разбудил не тех людей, они чуть не кинулись на меня с оружием.

Жена Серена отстроила на его деньги очень приличный по местным меркам особнячок в три окошка. Я постучал в колотушку у ворот. Дворовая собака решила, что я представляю угрозу, и никак не хотела разрешить убедить себя в обратном, даже после того, как я устроил внушение ей прямо в сознание. Серен выскочил в доспехе и с оружием, но сразу узнал меня и убрал оружие:

— Господин... Уже? Так быстро. Я сейчас соберусь.

Я прошёл в дом.

— Ты пришёл забрать нас? — спросила Гуада, жена Серена. Молодая, совсем девочка по виду. Я помнил её по детству, это она заставляла меня танцевать «козий балет» и строила с нами замки из песка, когда мы были маленькими. Как-то раз мы с Сереном, ещё мальчишками, шутки ради засунули её в мешок и завязали. Я тогда сбежал, а Серен остался её освобождать. А теперь у неё трое детей. И когда успели?

— Забираю.

— Мы когда-нибудь вернёмся?

— Скорее всего, нет. Хотя лет через триста — четыреста смогу отпустить, наверное. Когда свои люди вырастут.

— Я буду жить четыреста лет?

— Нет. Больше. Если не будешь прекословить. А вот твои дети нет. Они будут жить обычное для людей время.

Гу удивлённо посмотрела на мужа. Серен соорудил ей весёлую рожицу.

— Что делать со скотиной?

— Напишите записку соседям. Оставьте завещание, кому кого. С собой нельзя брать.

— Понимаю, — сказал Серен, после чего подхватил узелок с вещами и оружие.

— Ничего не бери.

— А как же в новом мире...?

— Всё на месте.

Тащить троих маленьких детей было непросто. Пока шли до корабля, я описал Серену последние новости. Серен сделал правильный вывод:

— То есть мне придётся тащить на себе весь новорожденный мир, пока вы с локальными богами будете развлекаться на других планетах, решая вселенские проблемы.

— Как-то так, — согласился я и улыбнулся перед тем, как укрыть нагого Серена и его домашних очень колючим очищающим полем. Их надо было отчистить от паразитов и болезней ещё до входа в корабль.

Люди завизжали от боли.

В корабль я притащил семью друга полностью очищенными, даже изнутри. После очищения всех пришлось нести.

Из этой поездки я вернулся глубоко опечаленным. Ва увидела моё состояние и даже не стала жаловаться на свои трудности. Пришлось её расспрашивать. Выяснилось, что дети начали задавать разные философские вопросы, а боги и Ва отвечали очень упрощённо, в духе «всё такое потому, что Бог-Создатель таким всё сделал». Где бы мне взять человека, который сможет отвечать на вопросы детей?

Глава 27

Опять козий балет

Через три дня после возвращения Серена от портала донёлся сигнал о проходе. Я перенёлся к portalу и обнаружил удивительную картину. Перед порталом стояла девушка лет двадцати. Белая, в джинсовом костюме и кепочке со стразами в форме начальных букв фирмы Хьюго Босса. Землянка. И откуда её бесы принесли?

Около девушки уже собрались трое наших ребят и с интересом разглядывали пришлицу. Надо заметить, что нашим малышам по три года, но учитывая то, что они выходили из кристаллов тринадцатилетним, им физически по шестнадцать — семнадцать. Ребята они крупные и с физическим развитием у них всё нормально. Все они чернокожие, даже те, кто оптимизирован для проживания в условиях холодов.

И вот эти три лба столпились вокруг девушки и принялись задаваться вопросом, вся ли она белая под одеждой или только пятнами, и не стоит ли её раздеть, чтобы проверить.

Мы с Ва были белыми, когда пришли в этот мир, но с момента прихода мы не носили одежду, поэтому загорели не хуже наших чернокожих малышей. Дети уже не помнят нас белыми.

Девушка переводила взгляд с одного лба на другого и явно была в панике. Экзотики добавляло то, что у одного парня в руках была курица, выглядевшая для землянки как маленький хищный динозавр, а другой вёл на верёвочке животное, заменявшее в этом мире козу. Коза в этом мире выглядела как маленький жираф с большими ветвистыми рогами.

— А ты ещё кто? — зарычал я на девушку на русском.

— Сори плиз хелп ми, — сбивчиво забормотала девушка.

Я подгрузил давно забытый навык английского языка. В своё время я освоил его, чтобы смотреть разные фильмы в оригинале.

— Ху аре ю? Ват кантри а ю фром?

— О, а'йм со глэд..., - обрадовалась девушка.

Я переключил зрение на осмотр болезнетворной обстановки. Так, от девушки уже потянулись к малышам вирусы и ряд микробов. Я организовал малышам очищающее поле. Оно немного болезненное, поэтому ребяташки взвизгнули и разбежались. Я взял девушку за руку и утянул её в божественное подпространство. Там потребовал раздеться и обработал очищающим полем и внутри, и снаружи. Пришла Ва, добавила от себя.

Девушка пыталась сопротивляться, но при общении с локальным богом это не очень помогает. Подвесил её на небольшой высоте над полом и обрабатывал в таком состоянии.

Одежду уничтожать не стал, просто пару раз полностью обработал полем. После этого разрешил девушке одеться.

Встать она смогла не сразу, а говорить начала только через час. Чтобы она быстрее пришла в себя, сбегал на поверхность и принёс ей ключевой воды и свежих фруктов.

Я загрузил девушке в память модуль умения говорить на местном языке. Местный язык был моей гордостью — он был смесью языка моего родного мира и русского, с упрощениями и улучшениями. Поскольку многие корни слов совпадали, это был почти мой родной язык.

Пережив первое удивление от того, что она может говорить на неизвестном ей языке, девушка рассказала следующее:

Её звали Линдси. Она была подругой внучки Грэхема, одного из приемных сыновей

Клайва Стейплз Льюиса. Они с внучкой Грэхема смогли разобрать записи прадедушки о том, как путешествовать по мирам. Играя в магию, они решили попробовать. Линдси попробовала первой. Первое место, в которое она попала, испугало её до предела. Оно выглядело, как огромный храм с большим количеством переходов, куполов и колонн. Небо там было коричнево — серое. Там было невероятно тихо и пусто. В панике девушка прыгнула в следующий мир и попала ко мне.

Я смотрел на девушку и думал, и мысли мои были мрачными и тяжёлыми. Клайв Стейплз Льюис. Автор книги «Хроники Нарнии», человек, который после увлечения атеизмом начала XX века вернул христианство Великобритании... Да и США, по большому счёту. Бог локального мира, которого водили в его мир, как меня, в раннем возрасте. Его мир ещё был подключён к системе порталов в Мире-Между-Мирами. Нам на обучении говорили, что все миры, подключённые к этой системе, изолированы. Выяснилось, что эта система очень уязвима. Бесы научились ходить через Мир-Между-Мирами самостоятельно, что позволяло им создавать подавляющее преимущество в нужных точках в нужное время. По этой причине систему от новых миров отключили, все перемещения из Мира-Между-Мирами заблокировали. Теперь можно перемещаться между мирами только прямыми порталами и на космических кораблях. Только по этой причине нам в Нарнию на экскурсию и не дали сходить.

Клайв Стейплз Льюис был очень талантливым человеком, но очень одиноким. Сатанисты аккуратно подвели к нему одну еврейку, бывшую коммунистку, сбежавшую из США от преследований «охоты на ведьм» сенатора Маккарти. Девочка оказалась умной и талантливой, она очень натурально изображала переход в христианство и во всём поддакивала Мастеру. Второй из её сыновей, тем не менее, стал ярким религиозным евреем, что вполне чётко говорило о маме. Первый сын формально остался христианином и получил права на весь архив Льюиса. Именно с его внучкой как бы дружила Линдси.

Евреи! Народ, который бесы дважды пытались использовать против божественных сил. Первый раз, когда создали этот народ. Тогда бывшему кочевому племени скормили эгоистичный шовинизм в духе «только ваш народ избран Богом», а в качестве глубокой философии дали понимание о том, что от гордости надо отказываться. При этом о том, что отказываться от гордости можно только вместе с освоением любви и мягкости, не сказали. Наоборот, запретили всё, от чего невозможно удержаться, чтобы внедрить в человека панику и страх, что он глубоко виноват перед богом. Получили крайне агрессивный и ожесточенный народ, который принялся захватывать все ведущие места в окружающих странах. Этот ресурс потом виртуозно использовал Спаситель, который создал христианство как противоположность этому антикультурному безобразию.

Второй раз евреев использовали в ходе промышленной революции, когда их организовали на захват всех инвестиционных капиталов и банков, а затем и политической власти во всех значимых государствах на планете с последующей отменой христианства везде, где им удалось прорваться к власти. И ведь почти получилось у сатанистов, споткнулись только о Россию, причём два раза.

Теперь мне предстояло понять, кто именно передо мной. Одно из двух. Либо хитрая девочка из числа, вероятно, сатанистов, завлекла Линдси играми в магию и использовала «подружку» в качестве подопытной мышки, отправив в другой мир. Либо две дурочки действительно решили разобрать записи и поиграть в Нарнию, а получили что получили.

Когда девушка закончила рассказывать, я спросил, что она знает о религии.

Выяснилось, что она закончила целых два курса по специальности «История культур» со специализацией на египетской культуре. О религиях она знала только внешние признаки. О том, почему люди всем сердцем любили то, что любили, и на что они надеялись, она даже не задумывалась.

Я спросил, что говорила её подруга о религиях. Судя по тому, что рассказала Линдси, там было такое же поверхностное отношение. Впрочем, вторая девушка могла утаить своё мнение.

Я задал ещё несколько вопросов с подвохами, чтобы выяснить, что девушка знает о сатанизме и чёрной магии. Линдси либо ничего не знала, либо тщательно скрывала.

— Ты отпустишь меня домой? — робко спросила девушка в конце.

— Лет через триста — четыреста может быть. Когда сюда приведут беженцев из другого мира. Тогда хранить в тайне расположение этого мира станет бессмысленно.

Паника, страх и удивление последовательно промелькнули на лице у симпатяшки.

— Триста — четыреста лет?

— Да. Будешь работать. Мне тут дармоеды не нужны. А если ты будешь полезной, то терять тебя и отвлекаться на разные перерождения тоже не очень рационально. Если хочешь, можешь расти здесь хоть тысячи, хоть миллионы лет.

— Расти?

— Расти. Развиваться. Становиться по-настоящему разумным существом. Сейчас ты являешься частично разумным запрограммированным существом, у которого явное сознание контролирует лишь очень небольшую часть поведения. Здесь это развитие пойдёт быстрее, чем на Земле. Здесь задач больше и они сложнее.

— Так это правда типа Нарния?

Я задумался.

— Думаешь, ты в сказку попала? Это так, только это страшная сказка. Триллер.

— Судя по размеру твоего мужского органа, реально триллер, — хихикнула девушка.

— Это не моя фантазия. Считай, что меня заколдовала ведьма. Правда, не злая, а добрая... Слишком добрая.

— А от кого надо держать в тайне положение этого мира?

— От бесов. Чертей. Дьявольской силы.

— А они существуют? — Линдси реально испугалась.

— На Земле особенно сильны. Поскольку ты контролировать поток мыслей не умеешь, они мигом из тебя всю информацию вытянут.

— А что они хотят?

— Как всегда. Крови, боли, порабощения. Вы даже не замечаете, как они вам разные мысли и поступки подсказывают, из-за которых ваша жизнь становится сильно печальнее. Многие люди идут в услужение дьявольским силам после смерти, они потом могут обычным людям являться и разные нехорошие дела предлагать. Так что многие из чертяк в прошлом людьми были.

— А здесь дьявольские силы есть?

— Пока нет. Но будут рано или поздно. Поэтому тут пока ни болезней, ни войн.

— Так ты что, теперь типа мой работодатель?

— Типа. Но на самом деле я твой бог. Локальный бог.

— Если ты работодатель, то сколько мне будут платить? Сколько часов в день работать?

Я хочу контракт с чёткими правилами!

— Платить я тебе не буду ничего, но дам всё, что необходимо, с моей точки зрения. Если не хватит, можно просить дополнительно. Работа у тебя всё время суток семь дней в неделю по семь дней в неделе. То есть спать ты можешь сколько хочешь, но я могу разбудить в любой момент и потребовать сделать срочное дело. Малейшее непослушание — и отправишься жить на поверхность, к обычным людям. Им уже по три года, они научились разводить огонь и мыть задницу на ночь. Это достаточно чёткие условия? Кстати, лучше скинь одежду и научись жить без неё. Нам регулярно приходится прыгать к водным людям, а там в одежде так себе.

— А не холодно?

— Водным людям не холодно. У них в теле есть устройства, позволяющие жить им даже подо льдами. А тебе я дам специальное поле, которое будет в нужное время согревать и охлаждать. Пошли, я покажу тебе твоё жильё.

— Ещё один вопрос... Я люблю секс. До сих пор у меня было в среднем три парня в неделю. Кого я могу использовать здесь?

Я задумался. Потом принял решение:

— У тебя ухудшенный генофонд английской девушки. Тонкие кости, которые выработались у средние века из-за недоедания, вызванного грабежом ваших помещиков. В генах закрепились подростковая конституция костей. Плюс ряд нарушений из-за близкородственного скрещивания. Тоже последствия несвободной жизни под помещиками. Так что рожать детей от моих ребят с поверхности я тебе не запрещаю, но рожай поменьше. Двух — трёх в столетие, не больше. Дети отправятся на поверхность, к отцам. Можешь использовать моего товарища, Серена, или любого из служилых богов. Если кто-нибудь из них захочет.

— А какие противозачаточные у вас тут есть?

— Никаких. Но я могу запретить твоему организму выделять яйцеклетки.

— Запрети.

— На сколько лет?

— Ну... Давай для начала лет на пять.

Я запустил процедуру омоложения Линдси так, что тело откатилось на тот уровень, когда она была ещё девочкой. Лет одиннадцать — двенадцать приблизительно. Когда Линдси вышла из состояния экстаза (эта операция сопровождается состоянием непрерывного оргазма), она удивлённо посмотрела на плечи:

— А почему мне одежда стала вдруг велика?

Потом она оглядела себя полностью и поняла, почему она не сможет забеременеть.

— А как же я буду сексом заниматься?

— С удовольствием, я полагаю. Плюс женский орган будет поменьше, мужчине интереснее. Я зафиксировал это состояние на пять лет, расти не будешь. А ещё я придумал, какую работу тебе дать. Назначаю тебя богиней разврата, блуда и развлечений. Будешь показывать нашим малышам разные позы в сексе. Танцевать умеешь?

— Танцевать? Ну, на уровне дискотеки в кампусе неплохо...

— Отлично. А то у нас никто танцевать не умеет. Кроме козьего балета. Кроме танцев, будешь проводить всякие праздники, соревнования и прочие развлечения.

— Козий балет? — удивилась Линдси.

Пока она снимала одежду и пока мы шли до её замка, я пересказал историю, как нас учили официальному балету и во что его превратили сельские девчонки. Линдси впервые за

всё время улыбнулась.

Замок ей понравился, но он был абсолютно пуст. Линдси поинтересовалась, где можно взять ткань для новой одежды и мебель.

— С одеждой очень просто. Надо вырастить технические культуры, размочить их волокна, спрясть из них нитки и соткать ткань. Можешь использовать шкуры животных для одежды, дети съедают мяса больше, чем им нужно шкур. Но их надо будет продубить в моче, перебродившей сорок дней, и размять руками, чтобы кожа была мягкой и не царапала. Потом ещё желательно обработать уксусом, для чего собрать виноград, сделать вино и скислить его в уксус.

— Кажется, ближайшее время я буду ходить без одежды, — сделала вывод Линдси.

В этот момент нас нашёл Серен, который хотел спросить, что делать с двумя любопытными энтузиастами из числа водных людей, которые ухитрились перебраться через каменный завал и отправились вниз по реке, вытекающей из озера.

Увидев его, Линдси тут же заявила:

— Мне нужно три парня в неделю!

— Привет, меня зовут Серен, — только и смог сказать старый друг. Он заметно испугался.

— Новая богиня блуда и развлечений, Линдси, и ей на самом деле двадцать лет, — представил я девушку.

— Ага, — выдавил Серен.

— А теперь мы идём к порталу. Покажешь, как ты сюда попала, — сказал я и перенёс девушку к порталу. Серен появился только через минуту, он ещё тяжело ориентировался с переносами.

Линдси начала показывать заклинание и жесты, благодаря которым она попала сюда. В сказанном было много лишних слов и лишних движений, но это была стандартная форма открытия портала. Разница была в том, что в конце стандартной формы открытия портала называется мир, в который хочешь попасть, а Линдси произнесла нечто в духе «место которого нет».

И о чём думал Льюис, зарисовывая форму перемещения между порталами?

В происходящем было ещё несколько удивительных моментов. Открыть обычный портал можно было только в точке, где онный портал существовал. Но, по словам девушки, они «колдовали» в квартире. Кроме того, открыть портал мог только локальный бог, такой, как я. Но в результате действий девушки портал действительно открылся.

Я закрыл портал. Это надо было обдумать. Если Линдси настолько сильный локальный бог, который может открывать порталы откуда угодно... Она будет очень популярной. И где её мир? Надо будет ещё расспросить девушку.

За это время вокруг нас собралась небольшая группа малышей, девочек и парней. Они любили, когда я появлялся среди них. Первое время я веселил их разными фокусами, потом они зауважали меня за то, что я мог кратко и ясно отвечать на сложные вопросы. Как только они увидели, что я отвлёкся от срочных дел, тут же кинулись обниматься и ласкаться. Я обнял всех по очереди и представил Линдси, сказал, что она будет теперь устраивать им всякие развлечения.

Потом мы спустились и дружно набрали кучу сена для замка Линдси. Малыши притащили сразу трёх коз и четверых собак на выбор.

— Зачем мне сено, коза и собака? — удивилась Линдси.

— На сене спать. Козу во время сна кладёшь с одной стороны, собаку с другой. Тепло и есть, кого погладить по утрам. И кого подоить тоже есть. Точнее, пососать. Не всё же одну воду пить. Я имею в виду козу. Или ты хочешь корову? У нас есть другие небольшие молочные животные, можешь их взять. Но козы какают сухими катышками, убирать просто, а те какают иногда жидко.

— Козы достаточно, — поспешно сказала Линдси.

Двое парней начали толкаться, сначала в шутку, потом один из них ударился, разозлился и попытался стукнуть второго по-серьёзному.

— Так, а ну прекратили ссориться! — рявкнула на них Линдси.

Ух ты! А у неё, оказывается, есть и сострадание, и стремление к наведению порядка.

Парни развернулись и двинулись к девушке. Учитывая то, что они были почти вдвое больше, это смотрелось очень впечатляюще. Линдси заметно испугалась, но не сдвинулась с места.

— А ты правда тоже будешь о нас заботиться? — с надеждой спросил один из драчунов.

— Ну... Да, — удивилась такой реакции Линдси.

— Ура! У нас будет вторая мама! — обрадовался парень и обнял девушку, прильнув к груди, для чего ему пришлось встать на колени.

Линдси погладила парня по голове.

Я задумался о том, кого малыши считают первой мамой. Вероятно, Ва. Но надо уточнить.

Остальная компания тоже бросила все дела и побежала обниматься. Линдси ласково погладила малышей по головам и вопросительно посмотрела на меня.

— Им по три года, — напомнил я.

На обратном пути Линдси сообразила, что это всё всерьёз и надолго, и начала плакать. Я отвёл её домой и оставил отходить, а сам перенёсся к порталу и пробежался по всем локальным богам, кого знал. Попросил всех направить ко мне Александра Долгомирова сразу, как они его увидят. Александр нам координат своего мира не оставил.

На следующий день я призвал Линдси ранним утром:

— Слушай, все заняты, только на тебя надежда. Там двое малышей собрались позабавиться охотой на слона. Объясни им, что это будет забава для слона. Ещё пять парней решили собраться в кружок и дружно заняться онанизмом. Напомни, что мы запретили им удовлетворять себя, можно только мальчик девочку и девочка мальчика.

— Второе задание против моих убеждений. Я и у себя в мире боролась за то, чтобы гомосексуалисты разных видов могли любить друг друга и чтобы их никто за это не обижал.

— Во-первых, эти ребята не гомосексуалисты. Для них это просто нештатное использование штатных систем. Это надо не то чтобы пресекать, а напоминать людям о том, что не похоти тела должны управлять разумом, а разум должен управлять телом. Пусть привыкают, что сексуальное удовлетворение связано с дружбой и взаимной заботой с другим полом. Во-вторых, гомосексуалистами в моём мире будут только те люди, у которых генетика станет настолько плохой, что им не будет смысла иметь потомства. Таким людям я кое-что подправлю в сознании и дарую тягу к своему полу. Обижать их за это не стоит, но и превозносить их не надо. Это заведомо ослабленные люди, к тому же с отклонениями в поведении из-за ослабленности. Но пока у нас таких людей нет. В-третьих, ты моя рабыня. Если я что-то приказываю, ты выполняешь. Никакого противоречия. Иначе окажешься на поверхности и без вечной жизни. Напоминаю, я сын сурового феодала, первого врага убил в

четырнадцать в бою лицом к лицу, холодным оружием. Нисколько не дитя демократии. И от вас жду послушания. Не безусловного, глупого исполнения всех прихотей, а осознанного сотворчества. Но оспаривания моих решений не потерплю. Все три пункта дошли до сознания?

— Да, командир, — проскрипела зубами Линдси.

— Не «да, командир», а «да, мой бог». Можно ещё «да, мой господин». И кстати, этим любителям онанизма можешь показать, как заниматься с тобой любовью по-взрослому.

— Как я могу? Они же дети. Они меня за маму считают...

— Ну, ты сама хотела много секса. А ребятам нужно знать, что делать с женщинами. У них нет сейчас никаких общественных инстинктов. Их в детстве не прижимали к груди, их не гладила мама. Они не видели, как папа обнимает маму или как занимаются сексом старшие товарищи. Это не помешает им во взрослом состоянии заняться сексом, но семью они не создадут. Для них это просто минутное удовольствие. Ты можешь решить эту проблему. Ты можешь приучить их к тому, что женщина может быть заботливой, ласковой и нежной, и дарить секс. Стремясь вернуться в хорошие времена, они будут вспоминать тебя, и стремиться занять свою женщину. Вымогай у них то, что требует физической силы. Пусть в обмен на секс собирают тебе траву, делятся мясом. Пусть привыкают, что женщину надо снабжать. Я тебя не просто так на должность богини блуда назначил. Это сейчас действительно необходимо. Следующему поколению это уже не будет нужно. Будешь с детьми следующего поколения только танцы танцевать.

— А девушек вы тоже так учить будете?

— Нет. У девушек роль пассивная. Их будут любить, их будут захватывать. А вот мамы из них будут плохие. Они будут бросать детей, они не приучены на примере своей мамы, как заботиться о ребенке. Но этому никак не научишь...

— Да, господин. Только я переноситься на дальние расстояния не умею. И я не завтракала.

— А вот это решаемо. Сейчас я загружу в тебя умения переноситься в пространстве, дышать под водой, согреваться и охлаждаться в любом окружении, восстанавливать своё тело и исцелять другие тела, прикладывать силу на расстоянии к любым другим телам и предметам. А насчёт завтрака, это очень просто. Идёшь на поверхность, берёшь какие хочешь фрукты и плоды хлебных деревьев. Молоко из козы сосала? Вижу, что молоко сосала. Так что все необходимое для жизни у тебя есть. Днём малыши будут корову резать и несколько овец. Заявись к разделу, получишь кусок мяса.

Линдси охнула, когда все обещанные умения рванулась к ней в сознание. Я немного поучил её правильно перемещаться. Мы попрыгали туда — сюда, а потом прыгнули к детям, которые уже успели ткнуть слона копьём. Я оставил её наедине с разъярённым слоном и отправился по более важным делам.

Линдси я увидел только во время раздела мяса. Девушка стояла с куском мяса в руке и смотрела на него очень задумчиво. Увидев меня, она обрадовалась:

— И что мне с ним делать?

— Есть. Откусывать, жевать.

— Сырое мясо?

— Да. А ты чего боишься? Глистов? Их тут ещё нет. А вот если мясо пролежит хотя бы три часа, его есть уже будет нельзя. Бактерии, перерабатывающие мясо в простые вещества, тут есть. И их выделения отравят тебя почти до смерти. Как секс с малышами, получилось их

чему-нибудь научить?

— Нет. Сначала испугались, потом все перевозбудились и спустили семя до того, как что-то получилось.

— Привыкай. У нас всё так. Что с ними ни делай, всё получается косо и криво.

— А почему ты не спрашиваешь, как прошло со слоном?

— Если ты жива, значит, что-то придумала. И как прошло со слоном?

— Подвесила его в воздухе, дала детям убежать, потом опустила слона, — погордилась девушка.

— Неплохо. Но можно было просто внушить ему спокойствие и миролюбие.

— А так тоже можно было?

— Да, у тебя как у полубогини сильные способности к внушению. Кстати, если не хочешь есть мясо, сходи к водным людям, они сейчас рыбу едят. Твоя следующая задача — водным людям скоро будет не хватать рыбы в озере. Возьми богиню охоты и рыбалки, сходите на океан, принесите рыбы водным людям. Кстати, водных людей тоже надо сексу учить. И не забывай всем напоминать, что им запрещено заниматься сексом по-взрослому до специального разрешения. Можно только с тобой.

— И как я рыбу принесу?

— А я откуда знаю? Придумай. Я тебе задачу поручил. Можешь попробовать организовать водных малышей на плетение мешков или корзин. С богиней охоты посоветуйся.

— А можешь мне груди побольше сделать? А то я совсем как мальчик. Они во мне женщину не видят. И женский орган побольше, а то они вставить не могут, перевозбуждаются и оргазм. Никакого удовольствия.

Я осмотрел фигуру Линдси. Да, действительно, мальчик мальчиком. Добавил ей женских гормонов и включил режим роста тела. Линдси подросла на вид лет до шестнадцати.

— Такие большие груди делать было необязательно! — воскликнула Линдси, осматривая результат.

— Меньше не мог. Это минимум.

— Ладно, сойдёт и так, — сказала Линдси и вонзила зубы в мясо. Кровь потекла у неё по подбородку.

Я залюбовался этой девочкой. Она продемонстрировала высочайшую приспособляемость и большую мужественность. Нагая, обгоревшая под жёсткими лучами нашего светила, она жуёт сырое мясо и не жалуется.

— Знаешь, я люблюсь тобой. Ты действительно становишься одной из нас. Никто из нас не ожидал такой работы. Она упала на нас неожиданно, а мы просто стараемся быть хорошими людьми в меру наших сил. Давай, малышка, сиськи вперёд и разбивай ими все препятствия, заботься об этих людях. Они ждут твоей заботы.

Линдси упала на колени, дыхание у неё стало тяжёлым.

— Почему... Почему у меня такое ощущение, что у меня оргазм не только на уровне женского органа, но и живота, и груди, и глаз, и на макушке?

— Потому, что твой бог похвалил тебя.

— Что угодно сделаю для того, чтобы повторить такое ощущение, — честно призналась Линдси.

— Мою благодарность тяжело заслужить. Но это ещё не благодарность. Это так, лёгкая

похвала. От благодарности люди несколько суток лежат, плачут от счастья и переполняющего их удовольствия.

* * *

Между делами попытался аккуратно выпросить у Линдси, о чём она мечтала в детстве и не придумывала ли она случаем своих миров с забавными богами. Линдси продемонстрировала почти полное отсутствие фантазии. Если она не локальный бог, то кто она?

* * *

От знакомства с Владыкой Подземного Сияния Линдси поначалу впала в шок. Там было, чего испугаться — у Владыки диаметр тела почти до моего живота. Потом они подружились так, что Линдси всегда игнорировала все лежанки, кресла и стулья, она предпочитала лежать на Владыке, причём на спине, задрав ноги, нога на ногу, в разных вариантах. Это шокировало Ва и Серена, которые считали, что в моём присутствии можно только стоять или сидеть по стойке «смирно».

Ва привыкла к наготe довольно быстро, ей как медику это было несложно. Она ещё в первые дни нашего знакомства частенько бегала не очень одетая во время операций. Серен привыкал несколько дольше. Но валяться вот так, ногами кверху, как кот или собака на жарe — до такой степени открытости они ещё не дошли. А Линдси как-то быстро дошла до такого понимания, что она должна быть мягкой и ласковой игрушкой, заботливой и быстрой, и что ею за это восхищаются со всех сторон. Поэтому это чудо позволяло себе валяться где угодно в любых позах. Серен её откровенно боялся, Ва на девушку смотрела только нахмутив брови.

Ещё Линдси с Владыкой полюбили носиться с максимальной скоростью по равнинам и по замкам, Линдси верхом на змее. Учитывая то, что Владыка мог встать вертикально до второго этажа, даже многоэтажные замки они преодолевали за несколько секунд, обвиваясь вокруг колонн и башенок. Линдси визжала и держалась за змея руками и ногами, но от таких опасных забав не отказывалась. Мне приходилось втайне присматривать за ними, чтобы поймать Линдси, когда она наконец-то свалится, и запретить этот беспредел. Но она не падала...

* * *

Первая попытка Линдси устроить танцевальный праздник потерпела полный провал. Для того, чтобы организовать хоть какую-то музыку, Линдси сделала барабан из выдолбленной тыквы и отобранной у малышей кожи буйвола. Она думала, что посадит одного из парней выстукивать ритм, а сама будет показывать танцевальные движения. Не тут-то было. Малыши столпились около барабана и зачарованно смотрели на это волшебное устройство, издающее звуки. Линдси со всеми её воплями была проигнорирована полностью. Потом малыши стали по очереди пытаться выстукивать ритмы на барабане,

потом подрались за палочки, потом порвали и сломали барабан.

Это стало некоторым сюрпризом даже для нас. Всякие свистульки и погремушки наши дети видели с детства, служилые боги делали их из глины и дерева. Барабанов мы не делали, но все желающие могли постучать по дереву. Такая реакция жадности и неуступчивости говорила о ряде недоработок.

Я приказал Линдси не огорчаться и сделать перерыв на недельку. За эту неделю малыши понаделали себе барабаны и настучались в них вволю. Причём барабаны они делали из тыкв той же формы, того же цвета и того же размера, как образцовая. Попытки Линдси донести до них понимание, что цвет, сорт и форма тыквы не важны были приняты с благодарностью, но проигнорированы.

Через неделю Линдси посадила в рядок шестёрку самых успешных барабанщиков и стала показывать танцевальные движения. Толпа с интересом посмотрела на её кривляния, высказала одобрение, но повторить не рискнул никто.

— Что за идиоты, тупицы непроходимые, я не могу больше! — вопила Линдси на вечерней планёрке.

Служилые боги искренне сочувствовали.

— Ты бы видела, как мы их учили охотиться или шкуры выделывать, вот где веселье было, — сказала богиня охоты.

Я сделал знак богине искусства, и та зашла со спины, незаметно коснулась Линдси. Та сразу задумалась, а потом загорелась энтузиазмом:

— Я знаю, я выберу самых шустрых девушек и скажу им, что надо сделать приятное парням, станцевать для них! Надо подготовить танец втайне!

Служилые боги поулыбались и всячески одобрили план.

Всё-таки Линдси была человеком, а не богиней.

План удался. Линдси надавила на тщеславие девушек, на стремление нравиться, и нашла семь танцовщиц. Парней — барабанщиков она учила ритмам отдельно. В очередной седьмой день они устроили выступление. Парни играли, девушки танцевали. Танец был проще, чем козий балет, но публике понравился.

После этого дело внедрения традиции массовых танцевальных праздников сдвинулось с места.

* * *

По моей просьбе служилые боги наносили множество земли в клумбы замков Ва и Линдси. Теперь там цвели цветы и росли особо любимые ими ягоды.

* * *

Приход Александра Долгомирова возвестил обычный сигнал портала. Александр успел переместиться ко мне ещё до того, как я собрался его встречать. Он, как всегда, был стремительным:

— Говорят, тут к тебе прибило приливом что-то не то.

— Ещё как «не то». А от кого узнали?

— Слухом Вселенная полнится.

Я открыл окно на Линдси. Девушка была на поверхности, она утешала плачущего парня. Парень лежал, Линдси сидела. Голова парня была у неё на ногах, Линдси обнимала парнишку и гладила его по голове. Судя по разговору, у парня что-то отнял один недоумок по имени Нолеф, а парню было страшно идти его бить. Линдси уговаривала, что мужчине необходимо уметь защищаться и защищать тех, кого он любит.

Наши дети живут в идеальных условиях, у них не было никакого плохого примера, но при этом они все очень разные. Одни тихие, другие агрессивные. Есть и такие, которые никогда ничего не делают сами, и только отбирают у других. Даже в тех случаях, когда достаточно протянуть руку и снять плоды с ветки, они предпочитают отобрать плод у соседа. Нолеф был одним из таких.

— Она неправильно с ним работает. Парень плачет не от того, что боится драться, а от того, что боится стать злобным и эгоистичным, таким же, как агрессор, — с ходу определил Александр.

— Она обычная девушка. Нисколько не святая и чувствительность у неё никакая.

— И при этом ты взял её в команду?

— Она довольно полезна. Самое удивительное то, что она смогла открыть портал из обычного места.

— Сама открыла портал? — брови у Александра полезли вверх.

— Говорит, что они с внучкой Льюиса расшифровали его записи и попробовали, не глядя.

— Льюис не оставлял таких архивов. Мы проверяли. Наверное, придётся брать её на Землю и устраивать следствие на месте, — решил Долгомиров.

— А бесы адрес моего мира из её памяти не вытащат?

— Даже если и получают, это не так страшно, как толпы произвольно гуляющих по разным мирам невменяемых магов.

Мы перенеслись к Линдси. Я представил Александра как своего учителя. Девушке быстренько закончила с парнем, и мы перенеслись к порталу. По просьбе Александра Линдси открыла портал своим способом. Мы и на этот раз не стали проходить в неведомый мир. Вместо этого Александр показал мне адрес портала в Англии и ушёл туда первым, покупать нам с Линдси одежду. Мы переместились на Землю двумя сутками позже. Александр встречал нас на лесной полянке, на которой находился портал, с двумя наборами одежды. За это время он купил не только одежду, но и автомобиль. Вместе с Александром нас встречали два мрачных господина в чёрном. Они не сказали ни слова и исчезли сразу, как только мы прошли к машине. Местные ангелы, или кто-то в этом духе. Жуткие ребята.

Водил Александр намного хуже, чем думал об этом, но несмотря на его постоянные попытки ехать по правой стороне дороги мы спустя сутки всё-таки прибыли к бывшей съёмной квартирке Линдси. Её квартиру уже сдали другим людям, вещи выкинули. Несмотря на это, Александр вломился в жильё и попытался разнюхать что-то у стен. Ничего не получилось. Следов магии не было.

Следующим адресом был университет. Как бы родственница Льюиса училась курсом старше. Линдси говорила, что неоднократно видела её в университете. Но никаких данных о такой студентке нам найти не удалось. Было удивительно, что с нами вообще согласились разговаривать, помогло только то, что Линдси представилась собственной сестрой, сказала, что ищет старшую. Поскольку её ещё помнили и она была похожа на саму себя, нам

частично поверили.

В квартире, из которой Линдси отправилась в путешествие, закончившееся в моём мире, мы нашли тихую испуганную черноволосую девушку с большими глазами. В помещение было неожиданно много книг, некоторые из них были очень древними, с деревянными переплетами, оббитыми кожей. Насколько я понимаю, очень дорогие и редкие изделия.

Дверь в квартирку открывали не мы, а господа в чёрном, которые возникли из ниоткуда перед входом. Они просто выставили дверь внутрь квартиры, причём металл петель и замка растянулся, как резина. Ребята в черном вытащили эту «резину» замка из отверстия просто руками, после чего аккуратно закрыли дверь.

Линдси кинулась к девушке с криком: «Марго! Как я рада, что ты жива!». Она Марго от такого зрелища чуть не остыла.

Выяснилось, что мы искали девушку не на том факультете. Линдси напутала. Люди как они есть.

Александр встал на след и принялся трепать Марго на тему, откуда и что именно она узнала. Девушка действительно оказалась родственницей приёмного сына Льюиса, но все знания о других мирах и порталах она почерпнула из других книг. Основным источником знаний была средневековая книга, переписанная с древнеегипетского источника. Единственное, что девушка получила от прадедушки (неродного) — это сохраняющаяся в роду память о том, что другие миры существуют.

На вопрос, откуда она взяла древние книги стоимостью в бюджет средней жизни, ответила просто: наследство. Под их действием и пошла изучать древние культуры. Сколько мы с Александром ни пытались вытрясти из Марго какие-то знания о магии или о контактах с демоническими силами, ничего не получилось. Похоже, Линдси с Марго действительно попадали под определение «дурочки, которые напрасно сунулись в магию».

Книгу с описанием, как открывать порталы, Александр у девушки изъясил. Сказал, что это очень опасно для землян.

Мы предложили девушкам два варианта: либо они остаются на Земле, либо уходят с нами.

— Как я останусь тут в таком теле? — завопила Линдси.

— Тело я тебе легко верну. Только груди всё равно останутся увеличенными, — сообщил я.

Девушки принялись обсуждать варианты. Мы с Александром в это время изучали книги, которые были у Марго. Все остальные книги были полнейшим мусором. Некоторые были очень опасными тем, что их смысл сводился к идее «вызывайте демонов и давайте им поручения, они будут их выполнять». Чего это будет стоить впоследствии, описано не было. Эту книгу нашёл и протянул мне один из парней в чёрном, даже открыл на нужном месте. Я задался вопросом, следовала ли Марго этим советам и не бесы ли подсказали ей египетскую книгу.

Когда девушки закончили обсуждение, я показал Марго бесовские книги и предупредил, что любые соглашения с бесами приводят не к счастью, а к многотысячелетнему рабству, которое хуже, чем смерть, и в ходе которого придётся жить исключительно нанесением боли другим людям. Марго искренне удивилась тому, что бесов действительно можно вызывать в явном виде. Я проверил её искренность с использованием божественных возможностей. Она не врала.

Марго решила остаться на Земле. Линдси решила вернуться к малышам, которых она

полюбила. Забавно.

Стали думать, как уходить домой. Никакого портала в округе не наблюдалось.

Мы предложили Линдси открыть портал, и она с лёгкостью его открыла. На пустом месте! С первого раза! У меня не всегда с первого раза получалось порталы открывать, там, где они были! Мы закрыли портал и предложили открыть Марго. Если бы она его открыла, мы бы её забрали. Но она не смогла, хотя всё делала точно так же. Значит, дело в Линдси.

Линдси ещё раз открыла портал, и мы с ней прошли в неведомый мир. Ох, как мне этот мир не понравился....

С Александром договорились, что мы попытаемся закрыть портал, а затем попробуем вернуться. На случай, если не вернёмся, договорились о ряде действий. Но Линдси легко открыла портал обратно, мне только пришлось ей подсказать, как правильно вызвать адрес. Через минуту мы шагнули обратно в квартиру Марго.

Пригрозив Марго разными неприятностями, если не будет молчать о произошедшем, мы отбыли в неведомый мир.

Мир, в который попала Линдси и который так мне не понравился, представлял из себя бесконечный набор зданий с куполами, колоннами, дворики со стеллами и прочих архитектурных изобретений. Бредовый сон религиозного архитектора. Открытые пространства здесь тоже были, но без единой травинки. Песок и камень, а над ними — серое небо клубящегося хаоса. Никакой жизни, никакой биосферы, могильная тишина. С каждым следующим шагом меня всё глубже заполняло чувство страха. Этот мир опровергал любую логику. Такое строительство требовало огромных трудов и ресурсов, но здесь некому было это всё строить. А если это всё выросло из камня или из первобытного хаоса... Об этом не хотелось даже думать.

Александр, наоборот, с большим интересом быстрым шагом двигался от помещения к помещению. Мы с девушкой еле поспевали за ним.

— Мне страшно, — сказала Линдси.

— Ты не представляешь, как мне страшно, — признался я.

Под очередным куполом Александр остановился и подождал нас:

— Этот мир является сборником храмов самых разных миров. Я видел некоторые из них в тех мирах, где бывал. Это очень интересно!

Я посмотрел на пол и только теперь заметил закономерность, которую раньше не видел.

— Александр, вы стоите на символе моего мира.

— Что? Где? — подпрыгнул Долгомиров.

— Мы смотрели наверх, а главным является пол. На полу нарисована схема, какой мир из какого происходит с нашей, локальных богов точки зрения. Я узнаю изображение планеты, на которой родился, а от неё идёт линия к моему божественному миру. Это не жилой мир. Это схема мирового древа локальных миров.

— А откуда ты знаешь, что это твоя бывшая планета и твой нынешний мир?

— Планету я видел из космоса, так она тут и изображена, континенты узнать можно. А мой мир изображён только символом, но если на него долго смотреть...

Александр отошёл и вперился взглядом в значок моего мира, к которому вели две линии — от моего родного мира и ещё одна, уходившая куда-то далеко — далеко. Значок изображал парня с огромным мужским органом и змея рядом с ним. Если долго смотреть на него, открывались картины моего подопечного мира.

— Мир, которого нет, так он описывался в книге, — задумчиво проговорил

Александр, — скорее всего, это неправильный перевод. Это мир, который не мир. Схема мирового дерева всех миров.

— Записная книжка Бога — Создателя? — предположила Линдси.

— Создателю записная книжка не нужна. Он и так нас всех помнит. Это не дело рук Создателя, — уверенно сказал Долгомиров.

— Тогда чья? — холодея от нехорошего предположения, озвучил я вопрос с очевидным ответом.

— Не локальных богов точно. На памяти тех, с кем я общался, такой постройки не было. А у тех ребят память о-очень длинная была. Про демонические силы тоже не думай. Нет у них таких сил.

Слабое жужжание на грани слышимости заставило меня поставить вокруг нас барьер из уплотненного воздуха. Это оказалось очень своевременно, так как в следующую секунду в барьер уткнулись неведомые мне создания. Крылья как у жуков, но гораздо больше. Вместо головы и брюшка — мешок с зубами, и сейчас этот желудок — мешок открылся и скрёб по уплотненному воздуху. Этих созданий было очень, очень много. Обычных людей они бы уже разобрали на кусочки с горошину величиной.

Александр Долгомиров с интересом осмотрел созданий через уплотнённый воздух и вынес вердикт:

— Это не местные. Кто-то совсем недавно притащил, скоро вымрут от голода. Пойдёмте, что ли, отсюда.

Я отбросил существ подальше и попытался открыть портал к себе в мир. Как это ни странно, портал открылся, и мы втроём вывалились на зелёную травку.

— Спрошу у старших товарищей, что бы это могло быть, — пообещал Долгомиров и исчез. Перенёсся к порталу, надо полагать. И даже санацию не прошёл.

Я вызвал Ва и попросил обработать меня и Линдси. Наконец-то можно было сбросить эту душную и натирающую во всех местах одежду!

— Линдси, ты умница. Хвалю тебя, — сказал я перед тем, как Ва начала очистку. Девушка вырубилась от восторга. Надеюсь, она не почувствует боли на этот раз. А очищающее поле и правда болезненное.

* * *

Мы вернулись очень вовремя, так как начали выходить из кристаллов хищники. До сих пор из хищников у нас были только собаки и стандартные птицы. Травоядных животных было относительно немного, хищники были не нужны. Когда в какой-то местности травоядных становилось слишком много, мы с богами просто переносили их в новое место, где не было ничего, кроме растений. Но долго так продолжаться не могло, и хищники вышли очень вовремя. Крупные травоядные начали становиться проблемой. Они объедали и разрушали деревья просто так, ради забавы.

Хищники выходили совсем маленькими щенками. Мы их принимали и отдавали на воспитание детям, а точнее, их собакам. Собаки призывали к порядку щенков очень быстро. Детям тоже нравилось таскать на руках разных тигрят и медвежат.

Ох, как же мы их к дикой жизни приучать будем? И как бы они выжили, если бы не мы с детьми? Хотя, наверное, выжили бы, на каких-нибудь мышках.

У нас был очень тяжёлый месяц распределения щенков хищников. Не успел я вздохнуть, как появилась локальная богиня Вира, принялась плакать, что у неё ничего не получается. Служилые боги не слушаются, люди на поверхности едят друг друга поедом. Весть о том, что служилые боги могут не слушаться, меня заинтересовала. Я сходил с Вирой в её мир и посмотрел, как у неё происходит обсуждение дел.

Выяснилось, что служилые боги Виру очень даже слушаются. У них, как и у меня, была полная связь мыслей и аргументов. Просто когда боги Виры подавали идеи, они подавали их в том же стиле, как говорила сама Вира. То есть рассерженным капризным тоном. Вира воспринимала это как противостояние и непослушание, впадала в панику и прекращала обсуждение. Пришлось провести с ней небольшую работу, объяснить, что если люди подают предложения, то это совсем не значит, что они враги. Со служилыми богами тоже пришлось поговорить, отрепетировать уважительные обращения, такие, которые не пугали бы маленькую девочку.

Вира сказанное восприняла, но из паники не вышла и настойчиво просила меня срочно присоединить её мир и взять руководство на себя. Я отпихивался руками и ногами, говорил, что совсем не хочу, чтобы её люди и животные съели моих, что моих ещё очень мало. Вира спросила, сколько времени ей ждать. Мы стали считать, за какое время численность моего народа сможет вырасти хотя бы до нескольких десятков миллионов, и получили десять поколений семей. То есть около пятисот лет.

— Я столько не выдержу! Я каждый день плачу от отчаяния! Возьми мой мир! Возьми меня, если хочешь! Мы сделаем мой мир далёким — далёким островом в твоём мире и будем топить все корабли пятьсот лет, только не оставляй меня одну! — с этими словами Вира кинулась ко мне на шею и залилась слезами. А потом опустила руку и попыталась изнасиловать сама себя моим мужским органом, не переставая плакать.

Мужской орган я у неё отобрал и попытался утешать, как мог. Мы с ней вместе сходили к Архату.

Архат Арахат сразу признал, что дело плохо. Мы вместе сходили в мир Виры, потом ко мне в мир. Решили, что действительно можно сделать мир девушки далёким континентом. Для того, чтобы не вызвать цунами и землетрясений, надо было провести филигранную стыковку — мне надо было расширять мой мир на много тысяч километров так, чтобы он как бы остановился там, где начнётся мир Виры.

Заодно решили присоединить мир Апфосорея. Он уже закончил зачистку, и это был хороший случай присоединить мир, не вызывая цунами.

Стыковку провели через десять дней. Прошло почти безболезненно, только уровень океана на время понизился на десяток саженей.

Все эти десять дней Вира ходила за мной хвостиком и держала за руку. Ночью спала рядом, плотно прижавшись. Мне пришлось гладить её по голове, хвалить и обнимать. Постепенно Вира расслабилась и поверила в то, что можно жить спокойно и радостно, воспринимать любовь и заботу других людей. Даже сексом не пришлось заниматься. Из забитой отчаявшейся девочки Вира на глазах стала дееспособной богиней, начала строить планы и проявлять любопытство.

Как только миры слились и Вира стала способной к работе, мы взяли за её людей. Тех, кто принципиально не слушал новых законов, грохнули молниями. Самых буйных людоедов собрали и перевезли на континент, бывший в прошлом миром Владыки Подземного Сияния. Там буйные увидели, что им придётся жить в окружении огромных

разумных змей, разумных хищников типа медведей и прочих зверей того же масштаба. Посмотрев на такое окружение, даже самые отороженные решили, что друг с другом лучше не ссориться. Чуть позже подкинули им и особо блудливых женщин, тех, которые особо громко отказывались от требования иметь только одного мужа. Остальные сразу притихли и как-то сразу поняли, что если боги дают закон, то его лучше выполнять. Как же всё-таки просто работать, если не нужно прятаться от людей и оставлять решение верить в богов или не верить их совести!

Служилые боги Виры после памятного разговора тоже поджали хвосты и принялись работать быстро и слаженно. Это позволило намного быстрее научить людей земледелию. Занявшись новым делом, племена прервали набеги друг на друга. Поскольку континент расположили в зоне субтропиков, посадки быстро дали результат, продовольствия стало много, необходимость в набегах отпала. С моего континента им завезли немного домашних животных, сказали пока не есть, размножать. В перспективе это должно было сделать их жизнь вполне изобильной.

После присоединения двух миров и террора на континенте Виры у нас образовался излишек душ в хранилище. Им надо было срочно давать новую жизнь на поверхности. С телами проблем не было, люди на континенте Виры поняли, что продовольствия будет много, и взялись за размножение. Но с казнёнными душами перед воплощением надо было поговорить. Вытащил из хранилища тех, кого мы грохнули молниями, построил в рядочек и спросил, почему они решили, что можно не слушать законы богов. Народ принялся оправдываться разными способами. Я их прервал и сказал, что если мы что-то говорим, то это потому, что хотим, чтобы их жизнь стала лучше. Или просто возможной. Что наша цель — это чтобы они научились быть счастливыми. Народ заплакал. До сих пор они думали, что единственный способ получить удовольствие — это не слушаться. Обещали быть хорошими. Я им сказал, что хорошими они быть не смогут, поскольку пока не знают, как это делать, и что мы поговорим об этом позже, на основе опыта их пяти — шести жизней. А пока предложил им стремиться жить заботой о своем племени, стремлением к справедливости и совершенству. Народ обещал. Я не поверил ни одному слову, но всех поставил в очередь на воплощение.

Ва взяла шефство на Вирой. Поначалу она смотрела на столетнюю девочку очень хмуро, боялась, что та полностью завладеет моим вниманием. Потом увидела, что Вира находится в состоянии детской истерики, и пожалела малышку. Выхаживали мы её вдвоём. Ва успокоилась, а когда появилась необходимость внедрять медицину и санитарию, спелась с Вирой очень плотно и пропадала на её континенте даже больше, чем на моём или Владыки Подземного Сияния. Именно по настоянию Ва девчонка устроила большое избиение тех, кто отказывался соблюдать требования санитарии. Под её опекой Вира стала активной, уверенной, жизнерадостной.

Богини. Упорные, умные, опасные. Красивые.

Из Виры получилась отличная и очень заботливая советчица. Вскоре после объединения миров она научилась очень внимательно относиться ко всем делам. В отличие от Ва, она была богиней и могла создавать из хаоса всё, что угодно. Для начала она создала систему напоминаний, привязанных к разным делам. Напоминалики выглядели как сеть в специальном выделенном пространстве. Получилась весьма эффективная база данных, очень наглядная и живая. Очень часто получалось так, что в ходе общих обсуждений она подсказывала мне идеи и дела, которые я выдвигал, но затем забывал обдумать и

реализовать из-за перегрузки. Она понимала меня так, как будто была продолжением моего разума, почти как мои служилые боги. С Ва или с Линдси у меня такого контакта не было.

* * *

В очередной свой заход Александр привёл мне восхитительную девчонку — богиню. Высокую, стройную, нежную, скромную и пугливую. Её звали Лагана. От человека она отличалась только огромными рогами на голове, которые ей очень шли. Несмотря на то, что она стала богиней в достаточно пожилом возрасте (на момент смерти у неё было трое детей), она так и осталась в душе робкой и нежной девочкой.

Ещё она идеально решила проблему одежды и торжественного вида. Она была нагой, но вся увешана золотыми браслетами, ожерельями и цепочками. Везде, на поясе, на шее, на руках на всех возможных местах, на ногах... Плюс какие-то загадочные бутылочки с разноцветными жидкостями на толстых кожаных подвесках и золотых цепях.

Мир Лаганы только начал развиваться, и она ухитрилась справляться с ним в одиночку, только с помощью служилых богов. Правда, служилых богов она себе напридумывала несколько сотен. Люди в её мире тоже были рогатыми, с милыми такими рожками.

Каким-то чудом Александру удалось оттащить нас друг от друга и показать мне мёртвый мир. Сказал, что раньше здесь была мощная цивилизация, но погибла из-за ядерной войны, и локальный бог отсюда ушёл. Из прежней команды тут осталось только два служилых бога, да и те из бывших людей. Они жили во вспомогательном пространстве, в «облачном замке». Александр сказал мне присоединить этот мир, а служилых богов взять в команду. Сказал, что из этого мира выйдет отличный полярный континент для стабилизации будущей планеты.

Как только он ушёл, мы с Лаганой кинулись в объятия друг друга и не отпускали трое суток. По ходу дела мы как-то ухитрилась присоединить пустой мир и несколько раз сходить в мир Лаганы и обратно. Она показала мне своих любимых малышей, я показал ей наших гигантских разумных змей и водных людей. В своём мире Лагана была очень заботливой и строгой богиней. Потом срочные заботы развели нас по собственным мирам. В следующие дни мне было очень тяжело. Стоило мне вспомнить эту даму, как тело тут же отыгрывало готовность к большой любви, что было очень неудобно, особенно когда я находился на поверхности среди малышей. Попробуй, объясни им что-нибудь, когда наступает возбуждение... Стало ясно, что этот мир надо присоединять одним из первых. А главное, присоединить его хозяйку.

Глава 28

Строительство

Пришло время строить первый город на континенте Виры. Пока что племена там временно прекратили набеги друг на друга потому, что занялись земледелием и строительством жилья. Но было совершенно очевидно, что вскоре количество населения увеличится и они снова займутся любимым делом. Надо было создавать города со стенами, а в них развивать арифметику, философию и религию. Когда я сказал об этом Вире, та привычно впала в панику и выключилась.

Я созвал мозговой штурм. Ради такого дела решили поприсутствовать и Лагана с Пшижушей. Я посадил Виру в уголке, подпёр её Владыкой, чтобы не сползала на пол, и предложил высказывать предложения.

— Мы должны рассказать им, как строить народное государство, — сказал Серен.

— Мы должны рассказать им о преимуществе выборной власти и о том, чем хороша демократия, — сказала Линдси.

— Надо начать строительство общества с формирования культа бога Полисания Оптимизатора, — сказал мой бог правды.

— Надо начать строительство общества с формирования культа Виры — Матери, — сказал бог правды Виры.

— Надо научить их арифметике, только так можно построить высокие стены, — сказал мой бог-кузнец.

«Надо где-нибудь взять умных слуг», — подумал я. А вслух сказал:

— Мы можем использовать только тех людей и те общества, которые уже сложились. До сих пор они жили племенем против другого племени, какое племя проиграло, такое и съели. Подчинение внутри племени было полное, никакой собственности, кроме скотины, на которой ездили, не было. В настоящий момент они все расползлись по небольшим сёлам, подчинение внутри племени нарушено. Даже если глава племени скажет свозить зерно в город и строить стены, его просто никто не слушает. Единственный способ их организовать — это деспотическая, военная власть с религиозной поддержкой. Слушаю предложения о конкретных кандидатурах.

— Я думаю, что надо сразу вводить народное государство, с выборной верховной властью с регулярной сменой всех властителей, которые должны отправляться обратно на поля, — гнул своё Серен. Он читал те же книги про Римскую Империю, что и я. Но сделал несколько иные выводы, похоже.

— Надо сказать людям, что здоровые власти в городе получатся только в том случае, если будут работать три независимые ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная. И если все власти будут выборными, — не сдавалась Линдси.

Служебные боги смотрели на это всё и хлопали глазами. Лагана, лежавшая у меня на коленях, удивилась настолько, что даже перестала целовать мой животик и подняла голову.

— Так и сделаем! Я буду организовывать деспотическое государство на юго — восточном побережье континента Виры. Линдси поручается создать демократическое государство на западе. Серен будет создавать город с народной властью в северо-восточной части континента. Линдси получает в помощь моих богов правды, охоты и кузнеца. Вира и её боги будут помогать Серену организовывать город. Помните, что вы должны построить

полноценный город с амбарами, судом, канализацией и — главное — городскими стенами. Иначе его разграбят окружающие племена, — решил я.

— А почему ты решаешь за меня, что я должна делать? Это мои люди, — возмутилась Вира.

— Не хочешь — не помогай Серену. Но вообще-то из вас двоих только он видел, как живёт большой город и только ты являешься богиней со служилыми богами.

Вира поджала губки:

— Я буду помогать.

— Я не знаю, как организовывать город, — сказал Серен.

— В любом случае ты знаешь об этом больше, чем все люди в твоей области. Твой бог дал тебе задание. Выполняй. Теперь жизнь этих людей зависит только от тебя.

Линдси тоже хотела что-то сказать, но, увидев, как я ответил Серену, закрыла рот. Она немного пошептала с подчинёнными ей богами и исчезли.

Серен и Вира принялись яростно спорить.

Я тоже взялся за дело. Лагана из любопытства пошла со мной.

Первым делом я зашёл к вождю племени, который теперь почти потерял своё влияние, он жил только со своей семьёй и несколькими семьями близких помощников. Я сказал вождю, что хочу сделать его главой города, что необходимы амбары и стены, иначе скоро это племя задавят соседние племена. Сказал, что под идею строительства города со стенами людей не собрать, не поверят. Каждое селенье будет думать, что само отобьётся. Поэтому начать надо со строительства храма и дорог. А когда совет племени примет решение, что все должны тратить определенное время на общественные работы и когда люди привыкнут к таким работам, можно будет строить и стены. К тому времени у кого-нибудь из соседних племён обязательно случится неурожай, из-за чего они устроят набег на селения этого племени, что сделает решение очевидным. Хорошо бы ещё подтянуть к строительству города несколько союзных племён.

Вождь обрадовано блеснул глазами. Жить в забвении и без власти ему не очень нравилось. Здесь же появлялась возможность стать уважаемым лидером не только этого племени, но и нескольких соседних. Но вслух он спросил только, о каком храме я говорю.

— До сих пор у вас память о тех законах, которые мы вам дали, сохраняли шаманы. Они же являются наставниками молодого поколения в боевых умениях. Сейчас их влияние резко упадет, народ больше интересуется пахотой. Но знания и законы не должны быть потеряны. Поэтому ты должен наложить налог на всех земледельцев, чтобы они отдавали определённую часть выращенного настоятелям храмов. Для начала одну сотую на первый храм. Я буду давать урожай и обращать внимание на молитвы только тех людей, которые будут приходить в храм кланяться верховному Богу — Создателю хотя бы шесть раз в год.

— А ты не верховный бог здесь? — удивился вождь.

— Здесь верховный. Но весь этот мир поручен мне лишь на время Богом — Создателем всей Вселенной, чтобы я мог создать возможности людям вырасти из животных в кого-нибудь получше.

— Это в кого же получше?

— Не знаю. В кого вырастите, в того вырастите. Некоторые идеи об этом есть, но я не могу сказать, что постиг полный идеал. Как видишь, я тоже могу говорить «Не знаю». Наше дело — заботиться о вашем выживании и правде в жизни.

Вождь посмотрел на обнажённую рогатую Лагану (женщины этого племени ходили

завёрнутыми в шкуры, чтобы чужие удовольствия не получали). Лагана стояла, широко расставив ноги, руки упёрты в бока, подбородок высоко вскинут, рога назад, вся увешана золотом. Надо будет ей что-нибудь сказать о языке тела, о том, что это агрессивная поза. Но вождь сделал правильный вывод:

— То есть вы те, кто заботятся о нас?

Я удивился, но подтвердил:

— Да, стараемся в меру ограниченных сил и собственной глупости.

Вождь повалился на колени и припал к земле:

— Пожалуйста, позаботьтесь о нас!

Странная реакция. А я тут вообще зачем? Но вслух я сказал только:

— Ты можешь помочь мне тем, что укажешь человека, который по натуре стремится к заботе об общих делах.

— Есть тут один, только вчера мне рассказывал, что надо дороги провести. Я его послал. Я ошибся?

— Это была обычная реакция для мира, в котором нет бога. Теперь дороги проводить будем. Ещё я пришлю вам одну полубогиню, она научит вас танцевать и устраивать праздники. Где человек, способный думать об общих делах?

С указанным членом племени мы беседовали намного дольше. Я рассказывал, какую религию Всевышнего Бога — Создателя мы будем внедрять и через какие ступени развития она должна пройти. Рассказал о Преображении, о том, сколько сотен лет после прихода Спасителя обычно продолжается хаос. Человек в итоге заплакал от осознания величия и красоты задач. Я потрепал его по голове и сказал, что надеюсь на него, что мне нравится его настрой. Человек вырубился от счастья. Суток на двое, я полагаю. С удовольствием посмотрев на достигнутый эффект, я взял под руку Лагану, взошёл на облако, на котором мы прилетели, и убыл.

Лагана начала смеяться сразу, как только решила, что люди её не слышат. Я удивился и спросил, что её так рассмешило.

— Ты был таким серьёзным, таким великолепным. «Я тоже могу говорить «Не знаю»», охо-хо-хо. Я вообще-то считала, что людям нельзя так в лоб ничего говорить и являться. Они должны только догадываться, что о них кто-то заботится. Иначе на голову сядут и замучают попрошайничеством.

— Да, нас на обучении тоже так предупреждали. Но пока этот мир молод, можно. Через два — три поколения они забудут о нашем явлении, будут считать это легендой. Вот тогда да, тогда можно будет говорить только с избранными. С теми, кто и так верят.

— Знаешь, мне на секунду показалось, что я вижу настоящего Бога. Того, который Создатель. У тебя было так много и торжественности, и заботы. Я даже позавидовала немного. Я бы тоже хотела являться своим людям в таком уязвимом, но торжественном виде.

Я хихикнул:

— Ты тоже умница. Мне нравится, что в тебе есть и любовь, и забота, и юмор.

Лагана вырубилась, захлёбываясь стонами удовольствия. Чуть с облака не упала, еле успел подхватить. И это на виду у людей, мы отлетели совсем недалеко! Странная реакция. Она же богиня. У неё должен быть полный иммунитет ко всем моим похвалам или недовольствам. Едва мы отошли достаточно далеко, я перенёсся в облачный замок и попытался оставить Лагану на нашем обычном месте — на широкой лежанке со спинкой, на которой я обычно сидел, проводя совещания, в то время, как Лагана лежала у меня на ногах.

Лагана не переставала стонать, как от оргазма. Как только она почувствовала, что я ухожу, то заплакала и схватила за руку. Вот дела, теперь и не уйдёшь. А у меня работы полно...

Пришлось сажать даму себе на пояс. Лагана, не переставая стонать, начала покрывать моё лицо поцелуями, а потом засунула мужской орган себе в чрево. Только так она немного успокоилась. В таком виде пришлось переноситься к океану и рассаживать водные деревья вместе с пятью служилыми богами. Очень неудобно.

Я всё-таки создал деревья для водных людей, чтобы им было, где вить гнёзда от морских хищников и из чего делать инструменты. Чтобы не заросли все океаны, сделал так, чтобы они могли расти только на мелководье. Специально для водных людей сделал много протяжённых отмелей. И вот эти деревья что-то очень неохотно росли, не хотели идти на глубину больше трёх саженей. Это при том, что они могли жить на глубине до тридцати. Мало того, надо было их распространить на все новые континенты. Сделать это можно было только вручную. Так и работали, божественной командой.

Следующим делом было посещение богослужения у моих малышей. Я кое-как уговорил Лагану прекратить праздник секса. Лагана с меня сползла, но отпускать не хотела. Так и двинулись дальше, близко обнимаясь.

С момента, когда детям исполнилось три года, мы обязали их посещать раз в неделю богослужения. Богослужения заключались в том, что наш первый ребенок по имени Первый около двадцати минут читал по памяти славословия в адрес Бога — Создателя Вселенной. Мы сразу стали внушать детям, что мы — не главные боги, что мы только заботники этого мира, что нам настоящий Бог поручил основать в этом мире колонию, в которой люди могли бы прожить множество жизней и вырасти в жизненном опыте и мудрости. Пока дети не могли понимать сложные концепции, мы сказали им, что Бог любит тех, кто ведёт себя хорошо и не любит тех, кто ведёт себя плохо. На этом глубокая теория заканчивалась. Ещё детям было сказано, что каждую неделю надо ходить на богослужения и петь хвалу Богу, чтобы он чувствовал любовь своих людей и продолжал их любить.

Во время богослужения детям было запрещено вертеться, ковыряться в носу и переговариваться. Естественно, всё это они делали, но зато можно было обоснованно призвать их к порядку. Это была хоть какая-то школа сдержанности. Даже не знаю, что бы мы делали без такой тренировки самоконтроля.

Вот на это собрание я и явился с подругой. Мы всегда на богослужении стояли либо рядом с детьми, либо позади, пели славословия Богу вместе с ними. Вот и сейчас я отстоял всю службу позади строя детей. Лагана постанывала от восторга, прижималась и целовалась. Дети косились на нас и хихикали.

И что ты будешь делать!

В таком состоянии Лагана пребывала двое суток. Ничего не ела и только стонала. Даже поить пришлось её насильно, с помощью меха, под давлением.

Мне пришлось пройти вместе с Лаганой в её мир, чтобы проверить, всё ли хорошо в мире в отсутствие хозяйки. Естественно, где тонко, там и рвётся. Среди её подопечных произошло первое убийство, боги были в панике, не знали, кто должен явиться к людям и как наказать убийцу. И вот в момент самого тяжёлого обсуждения Лагана начала покрывать моё тело поцелуями. Богиня любви из мира Лаганы подключилась к её чувствам и сказала, что её госпожа испытывает гораздо более глубокие чувства, чем от любви к мужчине.

К исходу вторых суток Лагана пришла в сознание. Она отвалилась без последних сил и попросила прощения за то, что активно приставала. Сказала, что для неё это был

единственный способ удержаться от распада сознания — думать о том, что она должна сделать что-то хорошее для господина, который делает её настолько счастливой.

Я погладил рогатую и оставил отдыхать. Через дюжину часов я зашёл к ней обсудить проблему.

— Почему я восприняла твою похвалу, как обычный человек? Не знаю. На тот момент я видела, как сквозь тебя просвечивает настоящий Бог. Который добрый, хороший и заботится о людях с любовью. Наверное, поэтому обычное одобрение и вызвало такую реакцию, — предположила Лагана в ответ на мои удивлённые вопросы.

У меня зародилась интересная версия, и я решил её проверить.

— Лагана, а попробуй меня похвалить. Может, у нас взаимная реакция такая друг на друга?

Лагана распахнула глаза и выпалила:

— Ты такой хороший, такой добрый, я так тебя люблю!

Её слова стукнули меня по сердцу, но совсем не так, как я предполагал. Я погладил симпатяшку и признался:

— Я тоже тебя... Носил бы на руках..., - тут я наступил себе на язык, поскольку осознал, что сейчас Лагана вырубится где-нибудь так на недельку. А она и так двое суток не ела. Но глаза сказали всё остальное. «Я тоже тебя люблю. Я носил бы тебя на руках всегда». Лагана восприняла всё, что сказали глаза. Она через силу приподнялась и обняла меня.

— В жизни на поверхности, до смерти, у меня был муж и трое детей. Но у меня никогда не было таких глубоких чувств, как к тебе.

Следующие два часа мы обнимались и целовались. Служилые боги мира Лаганы весело танцевали вокруг. А потом как-то сразу стало очевидно, что наши миры можно совершенно безболезненно состыковать, и даже так, чтобы было сухопутное соединение, а не как отдельный континент. Люди в мире Лаганы были примерно того же роста, что и в моём, по количеству они не сильно превосходили моих ребят, поэтому миры можно было состыковать без особых опасений, что одна раса съест другую.

* * *

Вернувшись в свой мир, я обнаружил Александра Долгомирова. Он выполнил своё дурацкое обещание и привел ещё двух девочек — улитку и ящерицу. Ещё он сказал, что я ему буду нужен на две недели, придётся лететь на космическом корабле. Пообещал придти через шесть часов, после того, как я освобожу девочек от избыточного количества женской энергии.

После только что пережитых высоких чувств с Лаганой смотреть на этих дам совсем не хотелось.

Александр по моим взглядам понял, что я думаю и чувствую, и начал уговаривать. Сказал, что они обе очень долго варились в собственном соку и что им очень не хватает общения и простого человеческого сочувствия. Улитка просидела в одиночестве, только со своими малышами полторы сотни лет, ящерица по имени Линна семьдесят. И без мужского общения тоже. Никаких возможностей познакомить их с кем-нибудь ещё нет.

Я представил себе полторы сотни лет с общением только со служилыми богами, и мне стало дурно. Сердце дрогнуло.

Александр сказал, что миры этих девочек надо будет присоединять в самое ближайшее время. Я испугался. Если мой мир начнет расти настолько быстрыми темпами, то планета появится в космосе перед бесами намного раньше, чем мы будем готовы.

Начали знакомиться. Выяснилось, что улитка даже не могла говорить. Она общалась другим способом. Она смотрела глаза в глаза и передавал чувства и мысли напрямую. И в этих мыслях был такой накал страсти и женского желания, что я двинулся к ней почти против своего желания. Александру пришлось взять меня за руку и повернуть к ящерице Линне.

— Может, я не вовремя и мне стоит уйти? — ящерица продемонстрировала, что обладает и некоторой чуткостью, и некоторой деликатностью. Я уверил её, что на тему помощи другим людям я готов общаться в любое время.

— У меня не клоака. У меня отдельные половые органы, как у вас, — поспешила заверить меня Линна.

— Это очень радует, благородная дама. Но для начала давайте поговорим о том, что вы думаете о своих мирах и как вы думаете их развивать.

Улитка передала мне свои мысли о том, что после соединения миров всех её разумных улиток и прочих крупных животных съедят наши люди, в результате чего души разумных существ будут жить в следующих жизнях в более совершенных телах. После знакомства с позвоночными она возненавидела своё тело. В её мире все люди и животные были как улитки или слизни, даже крупные животные были слизнями.

— А ещё я хотела бы пожертвовать собой там, где это потребуется, чтобы в следующей жизни выйти из кристалла человеком, с позвоночником и руками, как у тебя, — передала мне сокровенную мысль улитка.

У них даже не было имён! При общении друг с другом они передавали вместо имени визуальный облик собеседника. Отличительным признаком был узор на панцире, который у всех был разным. У этой улитки были хорошо видны три кольца с большим количеством более мелких орнаментов, и мы решили звать её между собой и в письменных документах Три Кольца. После того, как мы объяснили, что такое чтение и письмо, улитка согласилась.

Линна была более развитой. Она выросла в мире, где было и чтение, и письмо, и арифметика. Она даже знала, почему мягкое и гибкое более жизненное, чем твёрдое и жёсткое. Но религии как таковой в её мире не было, знания о внутреннем совершенстве в её мире передавались как магия.

Я позвал Ва, попросил проверить девочек на пригодность к сексу. Ва удивилась, долго ходила вокруг, потом сказала, что я, скорее всего, останусь в живых. Сказала, что хочет посмотреть, как будет заниматься сексом улитка. Это действительно оказалось непросто, но мы справились. Три Кольца оказалось настолько страстной, у неё накопилось настолько много женской энергии, что после её оргазма уже я чуть не потерял сознание от восторга. Пришлось сидеть и отходить добрый час.

Три Кольца испугалась, решила, что мне плохо и что меня надо спасать. Ва похихикала, сказала, что наконец-то и я понял, как тяжело приходится со мной им, девочкам.

Линна упомянула, что хорошо плавает. Мы с ней прыгнули в одно теплое озеро и вволю набултыхались. Я смог возбудиться только после того, как представил, что передо мной Лагана.

Потом мы сходили в миры этих девочек. По сути ничего удивительного в них не было. Люди там жили практически на животном уровне.

Обе богини просили меня заходить почаще. Я обещал.

Вернулся в свой мир как раз вовремя для того, чтобы обсудить со своими служилыми богами срочные текущие вопросы. Надавал им множество поручений о том, как готовить людей к развитию моего города на континенте Виры. Еле успели всё обговорить до прихода Долгомирова. За всей беготнёй чуть не забыл поручить Линдси обучить людей «моего» города танцам и традиции массовых праздников.

На этот раз космический корабль был совсем другим и летели мы намного дольше. Корабль был со специальными устройствами для обеспечения невидимости во всех возможных физических полях.

Кроме меня, на борту было ещё три начинающих локальных бога. Все трое не были людьми. Я даже не понял, к каким существам отнести двух из них. Третий был ближе всего к ящерам. У всех троих были те же проблемы, что и у меня с избытком женщин — богинь.

Выйдя к целевой планете, мы замедлились. Долгомиров снизошёл до объяснений:

— Сейчас мы идём на одну планету, у которой очень большая история борьбы с бесами. Посмотрите, как это делается. А для начала посмотрите, как уходит в подпространство грузовой корабль. Полисаний, эта группа планет никак не связана с той группой, в которой мы были раньше. Они ничего не знают друг о друге.

От планеты начал отходить грузовой корабль. Наши пилоты подошли поближе. Грузовой корабль начал разгоняться. И тут возникло такое ощущение, будто меня выворачивает наизнанку. Оно росло до тех пор, пока грузовой корабль не прыгнул в подпространство. Мне было настолько плохо, что пришлось применить кое-какие божественные умения, чтобы вернуть теплоту жизни. У остальных членов экипажа возникли такие же проблемы.

Долгомиров прошёл к пилотам, вернул их к жизни и грустно сказал:

— Ну что, поняли, что такое ВАРП — поле? Характерный пример неправильных технологий. Они так даже пассажиров возят. А отказаться от него они уже не могут. Одна планета монополизировала производство двигателей, другая электроники, третья программного обеспечения, четвёртая производство нанороботов для производства электроники.

— И как у них пассажиры выживают?

— В жидкости, под защитной оболочкой, под наркотиками. Защитная оболочка почти полностью снимает вред для тела, а вот способность к высшим функциям — сочувствию, состраданию, стремлению к правде — пропадают почти полностью. Учитывая то, что из одной звёздной системы в другую летает только начальство высшего уровня, можете представить, как у них тут политика делается. Через некоторое время придётся стирать эту цивилизацию полностью. А учитывая то, что без космических перевозок у них способность получать энергию и выращивать продовольствие на планетах уменьшится раза в три, может представить, что там начнется, когда они потеряют возможность летать по космосу.

— Хаос и почти полное вымирание населения? — предположил один из молодых богов.

— Хаос, войны за остатки продовольствие, деградация образования и человечности, уничтожение кочующими бандами всех оседлых поселений, потеря способности владеть инструментами, полное вымирание.

— И как скоро?

— Через несколько десятков тысяч лет. За это время здесь появится много святых и несколько сотен локальных богов. Это много. А пока мы участвуем в создании очередной

линии обороны от бесов на этой планете. Но линию обороны будем строить только через неделю. А пока изучаем различные способы борьбы с бесами.

Основным способом борьбы с демоническими силами сводилась к тому, что для них создавался локальный мир, неотличимо похожий на основной. В него поселялись нормальные люди, а через некоторое время в этом мире начинали рождаться те порочные души, которых надо было убрать из основного мира. Когда бесы обнаруживали это локальное пространство, им разрешали его осваивать, а потом закрывали на долгое время так, чтобы они не могли выйти в основной мир. Через некоторое время бесы прорывались, но им разрешали прорваться в строго определенном направлении, в загодя созданный другой локальный мир с порочными душами.

Таких полностью испоганенных миров с испорченной экологией и доведенными до полнейшего скотства обитателями тут было несколько сотен. Мало того, было несколько десятков миров, которые имитировали божественный мир, то, что у нас ограничивалось облачным замком. На этой планете в этих пространствах жили не только локальные боги и их помощники, но и миллионы людей из числа тех, которых сочли подходящими для ускоренного развития. Каждый из таких миров был фильтром и очередной ступенью по пути в основной божественный мир.

Местные локальные боги, из миров которых была составлена эта планета, настолько привыкли к экскурсиям, что не обращали на нас никакого внимания. Как и их служилые боги, впрочем. Заметили они нас только через неделю, когда все собрались, чтобы закрыть ряд локальных миров с бесами внутри.

На войну прибыло триста два локальных бога со слугами и подругами. Существа были настолько разнообразными, что я дал себе слово по возвращении поклониться улитке и ящерке и сказать им, что они самые нормальные и живые существа из тех, что бывают в космосе.

Совместными усилиями мы смогли загнать всех бесов в отведенные им локальные миры и закрыть их прочной стеной. Более опытные боги загоняли бесов, молодежь типа нас строила стену. В стену вплетались волокна, пропитанные стремлением к правде и чистоте — такой материал поддавался усилиям бесов в самой слабой степени.

Смотреть на то, как боги загоняют бесов, было страшно. Это была битва воли и уверенности в своей правоте. Обычно наши боги гнали бесов и перешедших на их сторону людей пачками, подгоняя их пропитанными уверенностью возгласами. Но бывало и так, что наши уставали, им начинало хотеться послать всё подальше, и тогда их воля ослабевала. Бесам редко удавалось прогнать или повалить богов, наших вовремя заменяли и отводили отдыхать. Немного вздремнув и получив утешение от боевых подруг, боги восстанавливали силы и бросались в бой с новыми силами. Уж каких видов секса я не насмотрелся за это время...

Нам на обучении рассказывали, как бороться с бесами. Но увидеть это лично было совсем другое. Бесы делали ставку на запугивание, на подавление своей гордостью и великолепием. У них в организме всё было настолько не так, настолько мерзко, что было больно даже просто смотреть на них. Хотелось заплакать и убежать, чтобы не видеть, что бывает настолько плохо.

Нам как строителям отдых не полагался, поэтому через три дня, когда закончилась битва, я рухнул в корабле спать и проспал до конца полета. На прощание успел только спросить у Александра, что стало известно про Линдси. Александр ответил, что выяснилось

много чего интересного, но пока неизвестно, что это за явление. Больше ничего говорить не стал.

По возвращении домой хотел сбегать к Лагане, но пришлось решать срочную проблему. Один из наших детей убил другого. Забил камнем, не поделив подругу. Это случилось прямо перед моим возвращением.

Я перенёсся к месту происшествия и узрел парня по имени Лено, которого держали за руки служилые боги. Девочка тоже стояла здесь и глупо хихикала.

Посмотрев на убийцу, я спросил:

— Мы говорили вам, что вы ни в коем случае не должны убивать друг друга, так как от каждого из вас должно произойти по миллиону человек?

— А чего он просил Тахо его погладить? Мог другую девчонку найти, я его предупреждал.

Наши дети почти сразу обнаружили, что если погладить в определенном месте, то будет приятно. Мы сразу запретили им гладить самих себя и заниматься сексом по-взрослому, но разрешили и рекомендовали дружить с противоположным полом, чтобы мальчик гладил девочку, а девочка гладила мальчика. Количество не ограничивалось.

— Я разрешил вам гладить противоположный пол в любом количестве, пока не станете мужем и женой.

— Мне очень нравится Тахо. Она только моя.

Я обратился к Тахо:

— Если видела, что назревает конфликт, могла бы выбрать одного, а второму сказать, чтобы искал себе другую. Тогда бы не было убийства.

— А мне они оба нравились, — с вызовом сказала девчонка.

Ага. Инстинкты суки. Вызвать конфликт среди кобелей, чтобы дать потомства от того, который сильнее. Группа поддержки парня — убийцы разразилась воплями:

— Да, Лено предупреждал дурачка, чтобы не подходил!

— Он слабак был, чего лез!

— И вообще он охотился там, где мы охотился, а мы ему говорили сюда не ходить!

В группу входило около полутора десятков парней и девушек. Все они с удовольствием помогали Лено бить тех, кто ему не нравились. Парень пользовался авторитетом, но это был плохой авторитет. И группа плохая.

Парень — убийца принадлежал к той разновидности, которая была оптимизирована для проживания в условиях высокой температуры. Девчонка тоже была с широким носом, но не с такими ярко выраженными приспособлениями к жаре. Их группа поддержки тоже в основном принадлежала к теплолюбивым разновидностям. Решение созрело само:

— По-хорошему тебя надо было бы убить в пример остальным. Но у меня нет такой роскоши. Поэтому я просто перемещу тебя и твоих друзей туда, где тепло и много еды. Ты никогда больше не увидишь ни меня, ни других воспитателей. Возможно, к вашим потомкам иногда будут заходить служилые боги, чтобы научить чему-то полезному. Но в целом вам дальше придётся жить одним. Никаких исцелений и никаких просьб к нам. Это все твои друзья?

— Нет, ещё три человека на рыбалке! — зашумела группа поддержки.

Я спросил имена и послал служилых богов за рыбаками.

— Ну, проживём отдельно, зато никаких дурацких поклонов в седьмой день. Нужен ты нам, дурацкий бог, как высраная какашка, — нагло заявил парнишка.

Его друзья глумливо захихикали. Насколько я их знаю, вся сволочь нашего маленького общества. Лентяи, драчуны, те, кто любят отнимать и избивать ради забавы... И девки им под стать. Интриганши, которые могли организовать бойкот какой-нибудь девочке только для того, чтобы посмотреть, как она будет дёргаться. Тахо была ещё лучшей из них, но тоже с заносчивостью и непослушанием всё нормально.

— Ага. Высраная какашка. Сейчас я перенесу тебя и твоих друзей туда, где всегда тепло, где много еды и где не нужно ничего уметь. Достаточно протянуть руку и снять с ветки всё, что надо для жизни. Твоим детям и правнукам не понадобится думать, им не надо будет придумывать ни одежду, ни инструменты. Вы размножитесь так, что заполните все земли, и вам начнёт не хватать еды. Вы будете заниматься тем, что будете убивать друг друга камнями и палками, и так будет в течение тысячелетий. Вы никогда не уйдёте с этого уровня. А я позабочусь, чтобы каждая твоя следующая жизнь проходила только в этом обществе. И в каждой жизни ты будешь призывать соотечественников к самоорганизации и к общим делам, и в каждой жизни тебя будут игнорировать, а потом тебя будут убивать ударом камня по голове. А потом с севера придут дети хороших людей, у них будут и инструменты, и одежда, и они расстреляют твоих потомков с большого расстояния. Оставшихся возьмут в рабы и будут использовать, как животных. Да будет так. И не смейте убивать друг друга как минимум три поколения. Убийц сожгу на медленном огне. А теперь идите отсюда.

Я махнул рукой, и служилые боги перенесли всю компанию с причитающимися им домашними животными в самое жаркое место моего мира. Там действительно было много растительности, с голода не пропадут.

Первое, что сделал Лено на новом месте, это овладел Тахо. Тахо пыталась отбиваться и звала на помощь, но ей никто не помог. Остальные парни тоже не стали отставать и выстроились в очередь к подругам (девушек среди них было меньшинство). Ага. Вперёд, ребята. Ухаживать за детьми вы научитесь лет через шесть — семь, а до этого будете наблюдать, как ваши дети умирают от голода и плохого ухода.

Я перенёсся в облачный замок и поговорил с душой убитого парня. Оказалось, что он нежно любил Тахо, поэтому и не удалялся от неё. При этом он очень боялся Лено, который славился любовью к избиениям по поводу и без. Но любовь была сильнее. Я предложил парню следующую жизнь в роли ребёнка в роду вождя моего первого города. Вероятность того, что он станет начальником города, была почти полной. Парень обещал быть справедливым главой города. Что и требовалось.

Только после этого я смог сходить поплакаться к Лагане.

* * *

Лагана очень соскучилась без меня и встретила шутливыми упрёками, сказала, что чуть не испортила весь мир избытком женской энергии. Только ощутив женское тепло, я немного отошёл от того ужаса, который наблюдал во время битвы. Лагана ужаснулась даже части того, что я видел, ей хватило одних пересказов. Сказала, что хочет скорее присоединиться, что одна она такого противостояния с бесами не выдержит.

Когда я поплакался про Лено и Тихо, Лагана засомневалась:

— А не слишком сурово? Им под четыре года только. Пороть неделю — это да, но сразу целую группу на отдельное выживание...

— Я всё равно собирался расселять наше общество. Во-первых, они уже подыели окрестности, во-вторых, начали конкурировать за лидерство и территорию. Если не расселить, будут новые столкновения. А так пусть живут группами по три — четыре рода, конкурируют с буйволами, носорогами и слонами. Это заставит их держаться друг друга. А через несколько поколений мы перестанем им являться, чтобы они сами выстраивали своё общество. Они при этом всё равно забудут и счёт, и письмо, с дальнейшим падением на животный уровень. Все. Так что нет особой разницы, кто-то раньше, кто-то позже.

— Полисаний, а откуда берутся наши миры? У нас толстый слой почвы, который создавался тысячелетиями. Растения, которые покрывают всю сушу. Не те, которые мы придумали, а стандартные. Насекомые, без которых растения не смогли бы жить. Мы получаем это всё готовым. Наши фантазии — это маленькие надстройки.

— Эти миры зреют на мировом дереве. Александр рассказывал. А я их видел даже в этом странном мире — записной книжке бога. Отдельные кружочки, присоединённые к основному дереву, без символов и без связей. А на каком-то этапе устанавливается связь между человеком и определенном миром. Нас стражи миров так и находят для обучения. Можешь считать, что Бог организовал эти миры для нашего ускоренного развития. Он учит нас любить и думать на примере наших миров.

— Мы как бы счастливчики?

— Или особо тупые, которым требуется наглядный пример и долгое время для созревания, в отличие от обычных святых.

Лагана прильнула ко мне и обняла крепко — крепко, прошептала:

— Мне страшно.

— Мне тоже. С другой стороны, кто ещё не умница, как ты? У тебя отличный мир, люди обучены и ухожены. Не тебе бояться будущего...

Лагана начала стонать. Я дёрнулся. Какой же я глупый!

Лагана открыла глаза и засмеялась:

— Я пошутила! Похоже, я привыкла к твоим похвалам.

Я восхищённо целовал Лагану весь следующий час. Лагана весело смеялась и целовала меня в ответ.

* * *

Линдси пожаловалась, что её в «моём» городе на континенте Виры забросали тухлыми помидорами. Она пыталась обучить людей танцевальным движениям, а местные женщины решили, что она хочет соблазнить их мужчин, и применили помидоры. Пришлось брать Линдси и Виру за руки и идти разбираться.

Женщины племени сказали, что все эти нелепые пляски они не допустят ни в коем случае. Сказали, что человеку должно ходить прямо и говорить прямо, а честной женщине, которая верна своим мужчинам, не должно снимать одежду нигде, кроме как в своём доме.

Я сказал, что женщинам во все времена нравилось танцевать, а мужчинам всегда нравилось смотреть на нагих танцующих женщин. Если разорвать эту связь, то обе стороны будут получать меньше удовольствий от жизни. Это заставит людей прибегать к заменителям удовольствий — азарту, гордости и жадности. Или просто драться за звание самого крутого. Сказал, что мне как заботливому богу этого мира очень важно, чтобы люди

получали не только наказания, но и приятные ощущения, и чтобы приятных ощущений было больше, чем неприятных, иначе люди просто откажутся жить. Сказал, что они своим дурным упрямством мешают мне делать свое дело.

После долгих прений договорились, что танцевать они будут только четыре раза в год, на специальных фестивалях, в строго вертикальном положении, в одежде, строем, и двигать только руками.

Парень, который должен был стать религиозным лидером этого народа, во время этого обсуждения тихо прятался в уголке. Позже выяснилось, что он чуть не помер со смеху. Когда мы отошли подальше, он спросил, правда ли, что быть богом настолько трудно.

— Это ещё не самый худший вариант дурацких проблем, — призналась Вира.

За моей спиной Вира упростила Линдси научить людей традиции фестивалей и в её городе. Линдси согласилась. В город Виры и Серена она прибыла одетой, с кучей замысловатых золотых подвесок. Бог — кузнец постарался. Про танцы ради удовольствия и про фестивали она даже не заикалась. Она заявила, что прибыла рассказать людям, как с помощью танца вызывать дождь или сушь, или холод, или тепло. Потом она организовала одного дяденьку выбивать ритмы и стала изображать разные резкие экстатические движения, ездила местным по ушам, что круговые движения руками влияют на влагу, а вертикальные — на огонь. Свои движения были и для земли, и для воздуха.

Линдси заявила, что эти танцы должны танцевать только невинные девушки числом в шесть девушек. Потом она показала связки из разобранных ранее движений, которые должны были соответственно влиять на погоду. Сказала, что вернётся через неделю, чтобы продолжить обучение, и попросила к этому времени найти соответствующих девушек.

Вира чуть не лопнула со злости, сказала, что хотела праздники, а не магию. Линдси ответила, что ей надоело, когда в неё кидают помидорами, и что она дала людям то, что те хотели услышать. Предупредила, что в следующий раз Вире придётся вызывать дождь или прекращение дождя, смотря по тому, что попросят.

Вира обиделась и побежала ко мне жаловаться. Я изволил долго и весело смеяться, потом сказал, что это будет неплохая традиция, в которой больше культуры, чем в хаотичных танцах. Вира подумала и признала, что это не так уж и плохо.

Через неделю мы уже втроём навестили город Виры и наблюдали, как Линдси учит девушек магическим движениям на глазах у всего племени. Ради пробы они станцевали танец дождя. Вира с удовольствием вызвала дождь.

А Линдси с фантазией дама.

* * *

Появление Линдси с её магическими танцами удивило народ до крайности. Люди никак не ожидали, что новоявленные боги выйдут за грани простой жизни в духе «какое племя кого съест» и начнут приносить им разные развлечения и весёлый образ жизни. Народ принялся фантазировать на тему весёлой жизни и придумал очень много такого, чего ранее не было. Фестивали, потешные сражения и кукольный театр появились в самое короткое время.

Создание своего города Вира с Сереном начали с явления своим людям на облаке. Вира заявила, что это племя избрано ею, богиней этого мира, для того, чтобы покорить все окружающие народы и принести им правильную религию. Религия эта должна быть посвящена ей, Вире. Тем, кто будет ей правильно поклоняться, Вира пошлёт вовремя дожди, урожай и прочее изобилие. Ещё она потребовала, чтобы все слушались Серена, который будет говорить о том, как устанавливать в государстве правильные порядки. Члены племени спросили, можно ли есть людей других племён. Вира сказала, что есть людей теперь нельзя и что именно поэтому это племя будет считаться самым лучшим.

Религия Виры в этом народе существовала и ранее. Ещё до того, как мы с Александром возили Виру на облаке, она иногда являлась своим людям и пыталась их уговорить на что-нибудь хорошее. Иногда спасала симпатичные ей племена от внезапных нападений разных грабительских племён методом предоставления разведывательной информации. Так что про богиню Виру в этом мире хоть и слабо, но помнили. Эта часть религии была встречена без сопротивления. Но когда Серен начал говорить о том, что богатая верхушка всегда является опасностью и поэтому должна быть регулярно заменена, люди призадумались. Верхушка племён и их ближайшие людоеды — поделщики верили только в силу и сменяться на многократно забитых ими простых членов племён совсем не торопились. Они приняли приказ начать строить город со стенами, но крепко задумались о том, чтобы передавать власть только своим людям. Серен прекрасно понимал, что именно постарается сделать племенная верхушка, поэтому начал потихоньку беседовать с теми из простых людей, которые были способны о чём-то думать и как-то сопротивляться.

Жена Серена, Гу, первое время после появления в этом мире только удивлялась. Тому, что её старый знакомый Полисаний может сделать почти всё, что угодно, силой мысли. Тому, что надо жить самой простой жизнью и ходить без одежды. Тому, что всегда тепло, но за едой надо ходить в основное пространство, на поверхность. Гу потребовала создать ей поля и леса здесь, в облачном пространстве, и устроила огромную ферму. В этом мы её всячески поддерживали, нам нужна была в этом облачном пространстве полноценная биосфера с изобилием еды и животных.

Потом Гу освоилась, ферма ей поднадоела, и она принялась капать на мозги Серену. Для начала она попыталась зайти с той стороны, что он умнее наивного Полисания и должен править этим миром вместо наивного нереального мальчика, а мальчика надо отодвинуть от власти и кормить только радостными вестями. Серен её засмеял и сказал, что как бы наивный мальчик умеет намного больше него, и что он обещал ему верно служить.

Гу на время замолкла, но когда Серена назначили ответственным за развитие маленькой цивилизации, активировалась снова. Мечту Серена о народном государстве Гу не очень-то приняла. Она всё-таки была простой крепостной девочкой из Долигана и считала, что каждому простолюдину положен господин, иначе никто работать не будет. Но зато она размечталась сделать государство Серена ведущим на континенте, так, чтобы его таланты и ведущая роль стала очевидной всем. В этом духе она принялась уговаривать Серена.

И вот тут её слова упали на благодатную почву. Серен и сам мечтал о развитии народного государства. Под влиянием пропаганды Гу он потребовал, чтобы в их городе поклонялись ему как богу оптимальности и заботы о правде. Вира поначалу удивилась и

возмутилась, но её собственные служилые боги сказали, что религия без мужского образа будет слабой. Дымя и ругаясь, Вира согласилась.

Серен стал мечтать о победе своего государства и получил на этой почве страх неудачи. Под действием этого страха он уничтожил несколько человек с критическим умом, которые имели неосторожность скептически высказываться о перспективах народного государства. Это были именно те люди, которым предстояло стать лучшими и самыми умными общественными деятелями и генералами этого государства.

Гу потребовала, чтобы Серен позволил ей ходить на поверхность, в опекаемое ими государство, и следить за ситуацией на земле. Серен как один из моих помощников имел возможность передавать другим людям некоторые возможности, исцелять и передавать информацию и умения. Он позволил жене ходить на поверхность и шпионить ради него. Первое время Гу действительно была полезной, поскольку могла говорить с людьми и собирать искренние впечатления людей. Но потом Гу заимела своих любимчиков и тех, кто ей не нравился. При этом ориентировалась она только на свои чувства. Любимчиков она продвигала во власть и в богатые люди. Серен ей доверял и не проверял сказанное, что отразилось на деле самым пагубным образом.

Вира вскоре поняла, кто вертит её напарником, и стала подвергать решения Серена, навязанные Гу, большим сомнениям. Серен был настроен на сотрудничество и обсуждал эти идеи, иногда соглашался с Витой и отменял решения, которые пыталась провалить Гу. Гу обижалась и в итоге стала считать Виру врагом и соперницей. Она начала настраивать Серена против Виры.

Я ничего не сказал Серену. Своим страхом он так связал себя со своим государством, что далее ему придётся расти и переосмысливать свои подходы к жизни на основе истории этого государства. К его счастью, у него будет для этого время.

* * *

Я поручил Ва присматривать за группой Лено. Лишившись целительства Ва и лечения богов, ребяташки обнаружили, что ссадины и царапины заживают намного дольше и имеют свойство болеть. Поразвлёкшись с девчонками, они заскучали. Никто их больше ничему не учил. А когда во время очередной охоты буйвол сломал ногу Лено, они совсем загрустили. Уже через пять дней они плакали и читали молитвы Создателю, просили вернуться. Никто к ним не пришёл. Только Ва по ночам, когда они спали, немного их подлечивала, и то вопреки моему запрету.

По утрам парни насильовали девчонок и били тех, которые пытались отказываться. Потом весь день они подлизывались к девчонкам, снимая для них самые спелые фрукты и принося им самые сочные кусочки мяса. А по утрам снова били и снова насильовали.

Я поручил богу войны и богу правды брать по одному из остальных детей и показывать издали, как живёт это племя, желательно, во время избиений. Особое впечатление это производило на девочек.

Через две недели одна парочка из этой группы решила сбежать. Побег удался. Стоило им отойти на сотню шагов, как перед ними возник бог правды и увел их от стоянки очень далеко, на сотни вёрст, но в том же климатическом поясе. Лено рвал и метал, требовал догнать и наказать изменников, но, конечно, никого они не догнали.

Бог правды спросил у сбежавших, согласны ли они учиться, как становиться настоящими людьми. Предупредил, что придется учиться по много часов в день. Но можно не учиться, можно есть и пить, и родить много детей. Парочка больше хотела бы вернуться в общую компанию, но им твёрдо ответили, что это невозможно, так как компания сейчас будет расселена. Тогда они сказали, что очень хотят учиться. Это порадовало. Это позволяло надеяться, что удастся вырастить род физически и морально здоровых людей, приспособленных к выживанию в условиях высоких температур. Почти все дети с такими качествами остались в группе Лено...

Парочке устроили прекрасные пещеры с множеством ответвлений для скота и запасов и даже с горячим источником, вода от которого стекала в небольшой бассейн. Парню оставалось только устроить несколько дверей.

* * *

Мы расселили всех сухопутных и водных людей по пяти разным точкам. Сухопутных поселили рядом с озёрами, в которых плавали водные. Здесь было больше зверья для охоты и не было возможности ссориться с другими группами.

Было много слёз и соплей, когда некоторым людям пришлось выбирать, в какую группу идти. Некоторые дружили сразу со всеми.

Людей с признаком приспособительных устройств к холоду мы предупредили, что через двадцать — тридцать лет переселим их семьи туда, где бывают холодные зимы и где нужно уметь строить тёплые дома и делать зимнюю одежду.

* * *

Следующим присоединенным миром оказался мир улитки Три Кольца. Сушу улиток по просьбе Три Кольца решили соединить на большом протяжении. При стыковке накосячили не по-детски. Континенты врезались друг в друга так, что возникли горы высотой в семь вёрст, по всей площади континентов открылись вулканы. Людей нам удалось убрать из зоны поражения, но растительность потерпела значительный ущерб.

Три Кольца настаивала, чтобы её мир присоединили побыстрее, хотела, чтобы всех её улиток съели и она могла уйти на получение нового тела. По этой причине мы объединили миры так, чтобы у них была обширная сухопутная связь. Предполагалось лёгкое касание с небольшим поднятием коры. Потом мы что-то не рассчитали, и получили горы и вулканы.

После объединения миров каждое моё утро стало начинаться с того, что жаждущая Три Кольца приходила меня обласкать, не без оргазма для себя.

Ва хихикала и говорила, что не знала, что я любитель улиток. Но обнимала меня и впитывала мужскую энергию с удовольствием, пока я фаршировал Три Кольца семенем.

Лагана оказалась щедрой и делилась мною с Три Кольца, Линной и Пшижушей через день, причём не уходила, а участвовала третьей — целовала меня в то время, как другие девочки получали мужскую энергию. А если считать Ва, то четвёртой.

Как-то раз я сказал Ва:

— Знаешь, а пожалуй, ты была мне настоящей хорошей женой в прежней жизни.

Ва захлебнулась восторгом, но на всякий случай спросила:

— Господин хочет похвалить меня?

— Нет. Просто анализирую свою небожественную жизнь.

Ва с облегчением выдохнула и пришла в нормальное состояние. Я продолжил:

— Наверное, у меня была счастливая жизнь, если сравнивать с обычной человеческой жизнью. У меня были ответственные задачи, требующие размышлений и развития, мою жизнь скрашивали лаской восхитительные дамы. И одна из них была мне реальной заботливой женой.

Ва опять захлебнулась восторгом. В это день я был безжалостным:

— Я доволен тобой как женой.

Ва начала громко стонать, повалилась на бок и стала биться в конвульсиях. В религии кочевников считалось, что женщина становится богоугодной тогда, когда мужчина говорит ей, что доволен ею, как женой.

— Но меня беспокоит то, что ты не получаешь женского счастья. Ты получаешь слишком много божественной энергии, когда ласкаешь меня во время соитий с другими богинями. Но у тебя нет твоей личной женской жизни.

Ва испугалась так, что сразу забыла про все конвульсии. Она приподнялась и со страхом спросила:

— Господин хочет избавиться от меня?

— Нет. Просто задумался о том, что у тебя должен быть муж.

Ва испугалась ещё больше:

— Господин, пожалуйста, не прогоняй меня, позволь мне служить тебе и только тебе!

— У тебя должны быть свои дети и свои оргазмы от твоего мужа.

— У меня и так двое детей.

— Не считается. Они в другом мире и в другой жизни. Живи полной жизнью здесь. Ты будешь служить мне и дальше. Я разрешу тебе присутствовать при наших оргиях и получать силу для целительства. Но прошу тебя присмотреть себе мужа. Просто прошу.

— Людей с поверхности можно брать?

— Можно.

— На них будет распространяться продление жизни?

— По твоему желанию.

— Там пока нет таких, которые могли бы находиться здесь и выполнять какую-то часть нашей обычной работы. А просто самца ты здесь не потерпишь. Да и я тоже долго его не выдержу, скандалить начну.

— Да. Пока таких людей нет. Но когда появится, сострой ему глазки.

— Значит, я могу пока служить только тебе? Благодарю тебя, господин!

Ва кинулась целовать меня в мужской орган. Я оттащил её за волосы:

— Даже не надейся. Мой оргазм только для тебя даст такие силы, с которыми ты не справишься.

Ва хитро улыбнулась. Ага. Девочка хочет получить возможности богини. Просто

целительства ей уже не хватает. Придётся за ней присматривать.

* * *

В один из очередных прекрасных дней, устав разбирать детские драки наших подопечных, я сбежал в облачное пространство и проверил, что творится в биосфере нашего маленького божественного пространства. Оказалось, что Гу очень хорошо распорядилась предоставленным временем и насадила повсюду все необходимые растения, а также развела нужных зверей. Даже хищников. Я похвалил Гу за то, как хорошо она обустроила жизнь в нашем мире.

После того, как Гу через трое суток вышла из состояния полного физического и мысленного счастья, Ва навестила её ещё раз и намекнула, что Серену стоит служить хотя бы потому, что он имеет честь служить такому великолепному господину, как я, что он очень устаёт от этой работы и требует заботы и ухода. Гу прониклась. Малышка не могла не спросить, при каких условиях она сможет получить ещё одну благодарность от меня. Ва сказала, что если она будет служить Серену и заботиться о растениях, то неизбежно будет получать благодарности раз в три месяца. Мне пришлось занести эту обязанность в своё расписание.

Вскоре Гу снова забеременела и ей стало не до интриг.

* * *

Тем временем ситуация на континенте Виры развивалась своим чередом. Серену и Вире удалось сделать своё государство жизнеспособным. Серен рассказывал всем, кто был готов слушать, сказки о том, как в другие времена в других мирах племена превратилась в грабительские государства. Говорил, что племена не должны ссориться и должны дружно строить единое государство. Говорил, что надо строить города со стенами, чтобы вражеские племена не могли внезапным набегом вырезать весь народ. Когда в одном селении ему попытались нагрубить и сказали, что он говорит нереальные вещи, в небе появилась Вира и погрозила пальчиком тем, кто не слушался. Это произвело своё впечатление.

Племенная верхушка послушала Серена и сделала вид, что принимает его планы. Они даже договорились с не очень враждебными и не самыми соседними племенами, что те объединятся с ними и помогут построить город. При этом ведущие люди между собой рассуждали, что парень говорит что-то нереальное о равенстве людей и что имеет смысл построить город и государство, а потом стать его наследственными правителями. Ведущим людям присоединяемых племён пообещали долю во власти. Те согласились. Серен к этому времени уже сформировал ударные отряды своих сторонников из числа простых людей.

* * *

Линдси подговорила Владыку Подземного Сияния поучаствовать в забаве и приехала к своим племенам на змее. Племена не сразу поняли, чего она от них хочет. Выборы и

коллегиальные решения? У нас и так все решения принимаются всем племенем, и вождя мы выбираем. Линдси чуть язык не сломала, объясняя, что надо вводить явную выборную власть, так как когда людей станет много, то тогда решения всем племенем станут невозможны. Ей предложили зайти, когда людей станет хотя бы раз в двести больше. В конце концов к ней прислушались только ради идеи построить стены, и только ради того, чтобы можно было оставлять за стенами женщин и скот во время набегов на другие племена.

* * *

После печального опыта Линдси внедрение развлечений в своём городе начала с музыки. Музыка пошла хорошо. Во время репетиций людей Линдси пританцовывала просто ради собственного удовольствия. Потом змей Владыка, который любил навещать в город вместе с Линдси, стал качать в такт головой. А потом люди города просто стали подражать Линдси. Танцевальные праздники здесь люди придумали сами.

* * *

В моём подопечном племени вождь и религиозный лидер начали с того, что призвали народ строить дороги. Эта идея прошла легко, без дорог в данной местности жить было очень тяжело. Сразу начали строить и амбар. Вот тут народ призадумался. Всем стало ясно, что если хранить всё зерно в амбаре только одного селения, то чужое племя может захватить этот амбар, вывезти еду и лишит племя еды на полгода (в этой местности можно было выращивать два урожая в год). Идея стен начала проникать в умы.

Три Кольца из любопытства сунула длинный мягкий нос в развитие моего города. Со своими людьми ей было скучновато, они ползали группами, болтали о всякой ерунде и почти не развивались. По этой причине строительство города вызвало у страстной дамы самое жгучее любопытство.

Для начала Три Кольца раскритиковала меня за то, что я не научил людей использовать навоз для удобрений. На самом деле мы всё это говорили, но люди, как им это свойственно, просто забыли самые важные правила. Напоминание пришлось очень кстати. В следующий визит я взял Три Кольца с собой в город. Вождь чуть не остыл, увидев рядом со мной такую разумную зверушку. А когда Три Кольца принялась грузить его прямо в глаза разными технологиями и полезняшками, вождь совсем изумился.

В следующие месяцы Три Кольца предупреждала меня о всех случаях, когда в окружающих племенах начинали зреть опасные для затеи процессы — о появлении противостоящих вождю политиканствующих групп, об ошибках в строительстве и даже о том, что у определенных людей из-за лени возможна потеря части урожая. Я восхищался тем, насколько заботливой и предусмотрительной она может быть. Один раз я ей так и сказал. Идиот. Почему-то я решил, что на улитку моя похвала не подействует так, как на Лагану. Подействовало.

Три Кольца валялась в состоянии оргазма больше суток, потом приползла и попросила похвалить её ещё за что-нибудь. Я ей сказал, что наркомании не будет и что моя похвала — это очень редкое явление.

Закончилось всё тем, что Три Кольца чуть ли не половину времени проводила в будущем городе и помогала людям, чем могла. Как у любой богини, у неё были способности к целительству. Способность исцелять любые повреждения была оценена народом союзных племён очень высоко.

Присутствие улитки в городе имело и отрицательные последствия. Люди со временем начали задавать ей разные вопросы об устройстве мира и моей роли. У улитки было чёткое и ясное представление о сути дела, которое она не колеблясь транслировала всем окружающим: Полисаний вам бог и папа, слушайте его во всём, и будет вам счастье. А кто не будет слушаться, тому будет плохо. Во всех остальных случаях смотри пункт первый.

Такое поведение было опасным для нарождающейся религии этого народа. Парень, которого я избрал для роли верховного жреца религии имени самого себя, знал, что никакого фанатизма мы допускать не собирались. Но сказать что-либо против Трёх Колец не мог, та обладала несомненными божественными способностями, а если что не по её, то могла и подвесить в воздухе на сутки — другие, проветрить мысли. Мне приходилось почаще приходить к людям, чтобы отвечать на их разные наивные вопросы об устройстве мира. А когда они спрашивали про Три Кольца, я был вынужден врать и говорить, что бывают боги разных уровней и что некоторым не стоит задавать вопросов. Не говорить же им напрямую, что она прямолинейная дура с очень маленьким жизненным опытом.

Как бы там ни было, все три города начали строить стены.

Глава 29

Годы полетели

За следующие два года мы научили «моих» детей буквам, умению ездить на животных и выращивать злаки (до этого они сажали только овощи, ягоды и прочие бананы). Потихоньку присоединили мир Линны так, чтобы её ящеры первыми столкнулись с улитками и слизнями.

Александр пять раз выдёргивал меня на разные миссии. Я узнал много нового. Нескольким мирам удалось ощутимо помочь. Но в основном эти миссии дали мне понимание того, что вокруг моего мира творится невесть что, сплошной хаос и страдания, и что после выхода в космос общей Вселенной основные опасности будут исходить не от бесов, а от окружающих обитаемых миров.

Особенно запомнился один очень древний мир, в котором люди жили уже миллионы лет. Это был именно тот случай, когда даже простые люди уже могли напрямую воздействовать мыслью на материю. А те, которые были хоть немного тренированы, могли двигать мыслью материю как угодно. Нас позвали потому, что народ затеял войну, в которой широко применялись магические приёмы. Местные боги по некоторым причинам не считали нужным остановить войну. Магию народ применял очень грубо, с большими побочными эффектами в виде разорванного пространства и острых осколков времени. Мы подчищали за людьми, чтобы земли оставались пригодными для жизни.

Между делом я спросил у одного из местных, как им удаётся справляться с таким дурдомом. Дяденька засмеялся и сказал, что среди людей удалось внедрить убеждение в том, что всю магию вызывают заклинания. Им учат в специальных школах или передают знания по наследству. Поскольку заклинаний конечное количество, местным богам и тем, кто присматривает за людьми, более — менее понятно, кто что сотворил и как убирать последствия. Если бы люди управляли магией напрямую фантазией, было бы намного тяжелее.

Неужели мой мир тоже превратится в такой ужас? Помножу всех на ноль, на уровне кочевых племён жить будут, но никакой магии не будет.

* * *

В группе Лено две девушки родили детей, Тахо и ещё одна. Ва явилась к ним в видимом образе, показала, как перевязывать пуповину и как купать детей. Обоих детей группа потеряла из-за того, что плохо кормила мамочек. Парни съедали всё, что удавалось достать. И это при том, что вокруг было изобилие еды. Мало того, парни повадились высасывать молоко у молодых мамочек, из-за чего новорожденные и умерли.

Тахо оказалась боевой девушкой. Ей надоело, что её бьют, насилуют и не кормят, и она подговорила других девушек основать отдельное селение. В одну прекрасную ночь они сбежали и стали жить недалеко от парней. В условиях изобилия легкодоступной еды они выжили легко, но вскоре им захотелось секса. Они разрешили парням приходить раз в месяц, но ненадолго, и обязательно с большими дарами в виде продовольствия и шкур. Парни попытались взять своё силой, но были побиты камнями. Девушки очень долго

тренировались работать камнями в плотном строю, и парням не удалось разбить строй. Убивать девушек они не планировали и согласились на раз в месяц.

Так они и стали жить, отдельно. Девушки без парней сумели вырастить детей. Мальчиков отдавали отцам после трёх лет воспитания.

* * *

Хищников мы постепенно приучили к самостоятельной жизни. Там, где они появились, сразу пропали проблемы с вымиранием растительности. Травоядные больше не тратили время на то, чтобы выдирать растения ради забавы. Число травоядных тоже увеличилось, они перестали драться друг с другом и сбились в стада — те, которые были способны сбиваться в стада. Носороги, те остались как были, семейными одиночками.

Хищники ещё помнили, как дружили с людьми. Иногда они заходили в селения и ласкались. Дети не видели в этом ничего необычного и каждый раз искренне радовались. Со стороны было очень забавно смотреть, как тигр в несколько сот килограмм ставил лапы на плечи выращившему его парнишке и облизывал лицо, а тот гладил его по морде.

Мы начали понемногу переселять водных людей на мелководья морей. Ненадолго, потом возвращали в озёра (они у нас уже жили в пяти озёрах). Самым сложным было научить их пользоваться инструментами. Сухопутные люди могли найти множество камней и расколоть их для создания инструментов. Водным людям было сложнее, у них все камни были занесены илом.

Мы учили водных людей откалывать прибрежные скалы и делать инструменты из раковин крупных моллюсков. Вместо этого они приспособились втайне от нас менять готовые каменные инструменты на рыбу, выменивали их у сухопутных людей.

Меняли они не только рыбу. С самого начала, когда дети обнаружили, что половые органы могут давать приятные ощущения, мы разрешили мальчикам и девочкам гладить друг друга, но только противоположный пол. Разделения на водных и сухопутных людей не было, и обе стороны активно удовлетворяли друг друга. На определённом этапе дети заинтересовались, совместимы ли сухопутные и водные люди. Мы, не очень подумав, признались, что нет. Молодежь тут же начала заниматься сексом по-взрослому, сухопутные с водными. Я собрал совещание, думали — рядили, запрещать или нет. В итоге решили, что если водные люди и сухопутные будут контактировать таким образом и благодаря этому поддерживать доброжелательные отношения, то это будет полезно для выживания обеих сторон.

Со временем водные люди стали брать за секс оплату в виде дерева и камней, пригодных для изготовления инструментов. Поход сухопутных людей к водным людям стал чем-то вроде похода в баню. Обе стороны оставались в глубоком удовлетворении друг от друга. До появления болезней бороться с этим явлением не было никаких объективных причин, поэтому мы временно махнули рукой на эти забавы.

Водных людей приучали пользоваться домашними животными. Специально для них ещё до превращения в бога я создал ряд морских молочных животных разных размеров. Питались они рыбой и плодами росших на мелководье морских деревьев. Теперь морских молочных животных надо было приручить. Для этой цели мы и носили водных людей к морям, чтобы там постоянно жила небольшая община, охотящаяся на рыбу вместе с животными.

В океане, в отличие от суши, хищники появились сразу, иначе биосфера была бы неустойчивой. Водным людям пришлось нелегко, необходимо было сразу учиться отбиваться от быстрых и крупных хищников. Водяные деревья пока ещё не разрослись настолько, чтобы среди них можно было прятаться. Но зато домашние животные даже не думали удирать из-под их охраны.

* * *

— Цветы у тебя получились гораздо лучше, чем люди, — сказала одна девочка, вырезая из дерева модель парусной лодки.

Мы проводили двухдневный мастер-класс по вырезанию моделей парусных кораблей из дерева. Это был совместный мастер-класс для сухопутных и водных людей. Во второй день предполагались соревнования по точности хода построенных кораблей: надо было запустить лодочку так, чтобы она попала в одни из шести ворот, расположенных за сто шагов от старта. Целью затеи было намекнуть людям, что можно строить парусные корабли, и рассказать об основах управления и балансировки. Умение работать стальными инструментами и точить их тоже входило в программу.

Несколько минут назад дети спросили меня, правда ли я являюсь тем, кто создал весь этот мир и всех живых существ. Я ответил, что Бог — Создатель Вселенной создал всё живое, все души и все основные устройства, а я только придумал, какие именно тела будут нужны для конкретно нашего мира. Вот тут я и получил плюху про цветы.

— А чем люди хуже цветов? — тут же спросили другие дети.

— Люди всё время дразнятся и доказывают, что они лучше, а ты неловкая, — без долгих сомнений ответила девочка.

Этот ответ вызвал новую порцию веселья. Девочке тут же припомнили, как она за последние сутки четыре раза дразнила парней и жестоко насмехалась над одной девочкой, которая уронила блюдо со вкусняшками. Малышка удивилась. Она этого уже не помнила.

— Тебя дразнят, но и ты можешь в ответ задразниться. Главное — не расстраиваться, — сказал один мальчик.

— Если это повторяется слишком часто, то надоедает, — печалилась девушка.

— А как вы думаете, что заставляет человека дразнить других людей и доказывать, что они хуже тебя? — спросил я.

— Повеселиться можно. Другой человек за тобой погонится, а ты от него убежишь или поборешься, уже не скучно, — предположил тот же мальчик.

Им всего четыре года. Наверное, не стоит распространяться про смертельную опасность самолюбивой гордости. Поэтому я сказал просто:

— Издеваться над другими людьми — это совсем не весело. Кто примет решение жить только ради того, чтобы доказывать своё превосходство и издеваться над другими — тот погибнет сначала душой, а потом и телом. Кто откажется от гордости и будет жить ради того, чтобы создавать совершенство и помогать другим людям — тот станет счастливым.

— Я хочу жить, помогая другим людям, — сказал мальчик.

— Ты? Не может быть. Тебе лишь бы других обижать, — первая девочка не поверила.

— Нет, я правда хочу. Я просто весёлый, я не обижаю, я играю. А будешь про меня говорить, что я плохой — поколочу, — обиделся мальчик.

На следующий день мы запускали лодочки. Я устроил сильный равномерный ветер. Дети подпрыгивали и радостно визжали, когда их парусная лодочка попадала хоть в одни из ворот. Водные люди почти выпрыгивали из воды и крутили колёса в воде.

Больше всего очков давали центральные ворота, но соседние тоже давали некоторые очки.

Водные люди наперегонки носились за лодочками, прошедшими свою дистанцию, и радостно вручали их сухопутным людям.

Смотреть на радующихся детей было так приятно! Иногда они упрямые и занудные настолько, что их прибить хочется. Но потом мы видим, как они радуются успехам, и это даёт вознаграждение за все огорчения и труды...

* * *

Ещё через год мы разрешили нашим людям жениться и рекомендовали рожать детей. Психически им было по пять — шесть лет, но физически уже под двадцать. Ва сказала, что если девушки сейчас не растянут себе чрево, то потом могут быть проблемы. С этого момента мы начали играть свадьбы. В религии сделали упор на запрет какого-либо секса вне брака.

Когда через год молодые мамашки начали рожать, оказалось, что из них получились очень хорошие мамочки. Они по-детски восторженно относились к любой жизни, а получив в личное распоряжение такую куклу, невероятно радовались. Впрочем, а почему бы им было не радоваться? Сухопутные жили около озёр, в тёплом климате, спали на траве, собранной около озера, и прыгали в озеро вместе с детьми при малейшей необходимости. Молочные и мясные домашние животные к этому времени расплодились так, что не каждый из парней мог сосчитать, сколько у него скота.

Водные люди в озёрах тоже жили в условиях изобилия еды, при отсутствии хищников и конкурентов. Им выращивать детей было ещё проще. Морским было чуть сложнее из-за крупных хищников, но ненамного. А после того, как разрослись подводные деревья и водные люди научились делать в них убежища, жизнь стала совсем беззаботной.

Парни в основной группе, а также парни водных людей тоже попытались высасывать молоко у молодых мамочек. Но в этом случае хватило одного нашего визита. Пятерых недоумков, которые попытались заниматься таким делом, прилюдно наказали электрическими разрядами, а всем остальным объяснили, что жить только для себя — это очень плохо, и что надо жить, заботясь об общих интересах, в первую очередь об интересах детей. И все сразу в это поверили. Больше таких попыток не было.

* * *

Пришло время учить детей читать и писать. Было забавно смотреть, как молодые мамочки клали детей на колени, чтобы те могли сосать молоко как им вздумается, а сами в это время старательно выводили буквы на дощечках, покрытых мягкой глиной.

За следующие десять лет население значительно увеличилось. Все пары обзавелись шестью — семью детьми. Это добавило забот и богам, и первому поколению.

Водных людей почти всех переселили в море, лишь небольшое количество оставили в крупных озёрах.

Я посмотрел на то, какие забавные дети растут у Серена, и позавидовал. Предложил Лагане родить детей. Лагана подумала и сказала, что боится, что у такого ребенка будут такие возможности, с которыми мы не справимся, и что душа у него будет такая же, как у наших ребят на поверхности — то есть озлобленная перепуганная душа полуживотного уровня развития, пришедшая к нам из центральных миров Вселенной. Сказала, что лучше давать такими душам жить на поверхности. Вот когда у нас появятся светлые души, которые будут стремиться к правде и справедливости по своей сути, тогда можно попробовать...

Пару дней спустя я находился ночью в состоянии глубокой бури перемен, а заодно ещё и анализировал происходящее на поверхности. Когда я почувствовал, что кто-то использует мой мужской орган для зачатия ребёнка, я решил, что это Лагана, и из состояния глубокого осмысления не стал выходить. Ближе к утру выяснилось, что это была Ва. Я испугался за малышку и сказал, что это может быть опасно для неё.

— Ты хотел ребенка, я тоже хочу ребенка и твоей любви, твоей силы. У нас неплохо получалось раньше, почему бы не повторить? — посмеялась Ва.

— Потому, что у тебя может психика треснуть. Мои силы растут. Будем надеяться, что ты уже привычная и тебя пронесёт, — не стал сердиться я.

Но не пронесло. Ва получила от меня такое количество силы, что вылетела сознанием на осознание глубочайших чувств. Как и у обычных людей, у неё самые глубокие чувства были заблокированы болями и страхами, полученными ещё при рождении. Кроме способности ощущать глубочайшее вдохновение и тончайшую радость существования Ва стала чувствовать также и все те самые сильные страхи. Несмотря на долгое общение со мной и нашу постоянную болтовню о необходимости принимать полное беззлобие, Ва правило левой и правой щеки не принимала и, соответственно, с осознанием глубоких страхов не сталкивалась. А теперь они на неё обрушились, все те, от которых люди теряют голову при панике или не спят по ночам от абстрактного страха...

Несколько дней Ва плакала от восторга освоения открывшихся глубочайших чувств, потом несколько суток плакала от страха и невозможности уснуть. Потом сознание решило, что пора защищаться, и Ва заявила, что она кошка. Перестала говорить, только мурлыкала, ластилась ко мне и шипела на всех остальных. Она всюду ходила за мной, лежала у моих ног, когда я проводил приемы и совещания, и иногда ласково целовала щиколотки. Когда меня не было, Ва уходила в мою комнату и спала там на коврик.

А ещё она забеременела.

Серен очень заботливо ухаживал за Ва, когда мог.

Мне пришлось тратить много времени на жену — подругу. Её удавалось ненадолго

вывести из состояния притворства кошкой, для этого приходилось долго гладить, держа на коленях, и ласково хвалить в самом детском варианте. Достучавшись до сознания, надо было заставить Ва быстренько переосмыслить несколько глубоких страхов и согласиться с тем, что всё не так уж и страшно, а она жизнерадостная умница, которая любит идти на страх и изучать его причины и подробности. Ва быстро уставала и соскальзывала обратно в несознанку.

Лагана была в шоке. Она иногда использовала мужчин из своего мира для любовных забав, при этом даже не предполагала, что это может повлиять на них таким образом. Она тоже очень трогательно заботилась о Ва, тем более, что идею забеременеть жрице подала именно она.

* * *

Ящеры из мира Линны столкнулись с улитками. Мы ожидали, что они начнут конкурировать за еду и после ряда конфликтов улитки будут уничтожены. В реальности всё пошло иначе. Ящеры обнаружили, что улитки очень сексуальны, совместимы по половым органам и несовместимы по потомству. Улитки обнаружили, что наличие у ящеров рук позволяет им делать целый ряд забавных изделий, которые улиткам были недоступны. У разумных улиток были конечности, позволявшие им манипулировать предметами и даже делать инструменты, но в них не было костей.

Закончилось всё тем, что ящеры стали брать в дома улиток в качестве любовников и любовниц, сторожей, гувернанток для присмотра за детьми, иногда пастухов. Наличие разумных существ, не претендующих на конкуренцию с тобой, оказалось очень полезным. Чтобы подростки не занимались мастурбацией, их с самого начала полового развития направляли к улиткам, даже девочек, к большой радости последних. Вскоре семьи ящеров, не имевшие своей улитки или пары улиток, стали считаться неполноценными и неспособными к заботливому созиданию. Улитки искренне любили своих ящеров, а особенно их детей, играли с ними и обучали, чему могли.

Три Кольца, мечтавшая о том, что с гибелью последней разумной улитки сможет разорвать свои связи с миром и сменить тело на человеческое, лопалась от злости. Но при этом вынуждена была выполнять обязанности богини. Пришлось ей являться к своим людям и что-то рассказывать про праведность. После долгого обсуждения мы с ней решили, что стоит построить религию для улиток на противопоставлении человека — животного и человека — разумного существа.

В этом духе она и вещала улиткам, которые стали по сути домашними животными у ящеров: Что животное существо живёт только для своей жадности и гнева, и никогда не думает о последствиях. А разумным существам должно жить любовным служением всему миру, в частности, роду принявших их ящеров, не за награду, а ради чести служить, даже когда за это ругают и обижают. Должно всегда думать о последствиях своих действий и выбирать те, которые приведут к самым лучшим последствиям, например, никогда не давать волю гневу.

Собрать улиток вместе было достаточно сложно, так как они жили в семьях ящеров и считали их своими семьями. Вместе улитки собирались редко, только для того, чтобы поболтать о новостях, или для продолжения рода. По этой причине богине приходилось

являться в очередное селение на облаке и долго звонить в колокольчик, чтобы привлечь внимание улиток. Звуками улитки не общались, но слышали неплохо.

Самое смешное началось потом. Ящеры заинтересовались, что такое вещает странная улитка, летающая по небу на облаке. Первое время улитки отговаривались тем, что это только для улиток. Потом ящеры осознали, что улитки ведут себя гораздо сдержаннее и умнее, чем они, и пристали с расспросами. Улитки раскололись и кое-как пересказали им то, чему учила Три Кольца. Многие ящеры решили, что это красиво, приняли учение и стали почитать богиню Три Кольца!

Линна решила обидеться. До сих пор мы все считали, что ящеры Линны находятся на этапе распространения, когда живут только общинами, и что никакую серьезную религию создать невозможно. По этой причине Линна ничего глубокого не внедряла. А тут оказалось, что её ящеры стали поклоняться улиткам!

Три Кольца предложила Линне самой покататься на облаке и поговорить и с улитками, и с ящерами. Линна оценила трудоемкость этого дела и решила, что работа по спасению людей от разных глупых несчастных случаев и так отнимает слишком много драгоценного времени, чтобы тратить его на внедрение религии, которую ящеры всё равно забудут, столкнувшись с моими людьми.

* * *

«Мой» город на континенте Виры обзавёлся стенами, амбарами и канализацией. Парнишка, которого я выбрал для развития религии, оказался шустрым малым и отстроил отличный храм.

Стены городу пригодились очень скоро. Несколько лет этот народ увлечённо занимался земледелием, забыв про прежние распри. Потом началась обычная история — споры за то, кто где пасёт скот, угоны скота, похищение урожая, воровство женщин... Несколько племён решили вырезать «моё» племя и его союзников. Мой бог войны предупредил племя, и агрессоры были неприятно удивлены, столкнувшись с необходимостью штурмовать городские стены, за которыми были спрятаны весь скот и все женщины с детьми. На стенах стояли решительно настроенные воины нескольких племён.

На вид казалось, что это все воины племён, но на самом деле стены защищали не более трети общего числа. Остальные воины тихо спрятались в окружающих лесах, пропустили воинов захватчиков и ушли разорять их селения.

Пока нападающие скакали вокруг стен и пробовали их на прочность, прошло несколько суток. За это время рейдовая партия разгромила селения противников, угнала женщин и взрослых детей и вырезала всех, кто не мог быстро бегать. Оставив захваченных под небольшой охраной, этот отряд напал ночью на отдыхавших после штурма агрессоров. Разгром был полный.

Выживших расселили небольшими группами по дальним хуторам, часть женщин и детей включили в свои племена.

Через пять лет, когда подросло новое поколение мужчин, были приведены под послушание ещё десять окружающих племён. С их помощью было заложено ещё три города. Вслед за воинами, а иногда и впереди них шла религия. Обученные моим первым последователем жрецы рассказывали, что бог любит только тех, кто ведёт себя правильно.

Несколько племён после проповеди присоединились добровольно.

* * *

У Серена с Вирой руководство племенного объединения тоже оценило наличие стен. Когда соседние племена начали на них набеги, ущерб от них был совсем небольшой. Тогда ведущие люди поняли, что можно безопасно захватывать соседние племена. Но если в моём городе захваченным людям и присоединённым племенам придавались все те же права, которые были у основного населения, то у Серена захваченных обращали в рабство, а присоединённые племена обкладывались огромными поборами. Сколько Серен ни бился, сколько ни говорил, что надо строить народное государство, никакие идеи до ведущих людей нового государства не доходили. Издеваясь, они говорили, что строят народное государство, что всё захваченное честно делится внутри их народа. А чужие народы — они враждебные люди, зачем о них заботиться? Их надо истощать и использовать.

Для контроля за завоёванными областями государство народа Серена решило строить маленькие крепости рядом с каждым крупным селением. В эти крепости сели дети племенной верхушки с небольшими отрядами ближайших дружков. Чтобы не скучать, они стали заниматься грабительскими набегами на тех, кого должны были только контролировать.

Аналогичные процессы шли и в государстве Линдси. Ей удалось уговорить ведущих людей племени, что выборная система — это полезно. Но дальше ведущие люди решили, что раз у них есть такая штука и раз божественные силы на их стороне, то они должны властвовать над всеми на континенте. Завоёвывая очередное племя, они вводили там выборное правление по собственному образцу, но своими их не считали и облагали огромными налогами. Впрочем, даже такое поведение было значительным шагом вперёд по сравнению с тем, что тут творилось ранее: они не вырезали завоёванные племена, не давали племенам ссориться и разбирали все конфликты в суде. Для разбора конфликтов, в которых участвовали члены первого племени, существовал особый суд из членов первого племени, для всех остальных судьи избирались из покоренных племён.

Линдси смеялась над первым племенем, говорила, что им не хватит людей, чтобы контролировать всех, и что надо объединять все суды и все племена.

— Хватит, — отвечали ей члены племени и пытались размножиться опережающими темпами с использованием тех продуктов и скота, которые получали от завоёванных племён.

Все три государства распространялись. Было нетрудно посчитать, что где-нибудь через сто лет они встретятся.

* * *

На семнадцатом году наших подвигов в очередной раз зашёл Александр Долгомиров и позвал в приключение. Он был очень возбуждён, сказал, что это очень редкая возможность. Это была не миссия и не работа, нас пригласили посмотреть очень древний мир где-то ближе к центру Вселенной. Ради такого случая Александр собрал три десятка локальных богов.

Этот мир находился так далеко от нас, что на корабле было не долететь. Нам пришлось переходить через сорок порталов.

Планета, на которую нас пригласили, была очень древней, она включала больше сотни локальных миров. При этом большинство локальных богов этих миров уже выросли и ушли, на их месте работали люди, выросшие на планете.

У меня этот мир вызвал ощущение, близкое к тошноте. Людям здесь во время первых сорока лет жизни было запрещено изменять свои тела. Поскольку мир был старый и ресурсов было немного, большинство людей жили глубоко под землёй, на минимуме потребления, а все радости жизни получали из искусственных реальностей, из компьютерных моделей жизни. Всю еду и необходимые для жизни товары производили не более трёх процентов населения с помощью очень развитых роботов.

Компьютерные сети здесь строились на основе живых организмов, сервера были созданы на основе мозгов крупных животных, персональные компьютеры были созданы на основе мозгов небольших животных. При этом информация передавалась по оптоволокну и радиоволнам, большие объёмы информации хранились также на механических устройствах, в кристаллах.

До сорока лет люди были обязаны поддерживать своё тело в дееспособном состоянии, поэтому они играли в компьютерные игры и общались с помощью устройств, позволяющих двигаться всем конечностям человека и заниматься сексом, не сходя с устройства.

После сорока лет можно было делать со своим телом почти всё, что угодно, но всё стоило очень дорого. Можно было продлевать жизнь почти до бесконечности, можно было регулярно переосмысливать все воспоминания и скидывать не очень нужные воспоминания на искусственные хранилища (что тоже стоило денег). Можно было менять пол, можно было иметь два пола (второй половой орган пришивали рядом и выводили соответствующие нервы в нужные места). Можно было почти полностью перенести личность на сервера. У планеты была технология, при которой от прежнего человека оставалась только часть мозга, которая являлась той частью, которая чего-то хочет и от которой сигналы от души передавались мозгу. К мозгу прикладывались лёгкие, сердце и кое-какие системы, а всё остальное отрезалось. Все мыслящие части мозга отрезалось, вместо них человек мог пользоваться искусственными системами мышления и мощностями серверов. В таком состоянии люди могли жить сотни лет, продолжая играть в разные игры и общаться по сети. Поскольку денег таким «обрезкам» не хватало, они вынуждены были регулярно стирать старые воспоминания, и уже через каких-нибудь сотню лет от человека оставался только орган реагирования без памяти и почти без чувств.

Существовала возможность полностью переместить всё сознание на сервер, при этом от остатков органики избавлялись. Связь с душой при этом терялась, душа с духом уходили на суд и в новую жизнь, но люди на планете думали, что человек продолжает жить в электронном виде, так как переписанная на сервер личность на большинство раздражителей реагировала так же, как человек до этого. Учитывая то, что многие к этому этапу подходили без памяти и без всех тех систем чувств и анализа, без которых можно было обойтись во время игр, заметить разницу было почти невозможно.

Такая «вечная жизнь» стоила настолько дорого, что позволить её себе могли только те люди, которые работали на производстве еды или товаров. Те, кто сидели на бесплатном снабжении, пытались заработать деньги искусством, проституцией, в том числе по сети, и спекуляциями. Планета входила в систему двадцати тысяч обитаемых планет с

межзвёздными перевозками, поэтому многие пытались в молодости заработать на межпланетной торговле. Эти люди были абсолютно безжалостными в желании заработать, ведь от их успеха зависела длительность проживания в «искусственном» состоянии.

За время существования это человечество набрало настолько много «личностей в электронной форме», что на их поддержание тратилось огромное количество энергии. Планета хронически нуждалась в энергии и ресурсах, из-за чего вела себя во внешних отношениях очень агрессивно.

Чем больше нам рассказывали о том, как развивалась мораль и образ жизни этого мира, тем дурнее мне становилось. И это вот в такой мир должна была превратиться моя цивилизация? Перспектива не радовала.

Обратно я вернулся мрачнее тучи. Долго мрачнеть было некогда, так как Ва родила мальчика. Мальчик имел характерные свойства — твердеющую кожу там, где его касались, и способность гнуть суставы в любом направлении на любой угол. Лагана, увидев такие способности, впала в панику, решила, что у ребёнка патология кожи и суставов. Я её успокоил — это наследие моих родителей.

Ва ненадолго пришла в себя, назвала ребенка «мой котёнок» и опять стала кошкой. Ребёнка она всё время таскала на руках, кормила, когда надо и не надо, и постоянно называла котёнком. Больше она ничего не говорила. На ласки и похвалы она больше не реагировала, сразу хватала на руки ребенка и начинала с ним ласкаться. Возможность работать с её паникой пропала.

Я поручил Гу, жене Серена, присматривать за Ва и быть нянькой для ребёнка. Гу взялась за дело с радостью. К этому моменту она уже насажала множество садов и полей, развела домашних животных и родила пятерых детей, так что она знала, что делала.

* * *

— Великое событие! Нас зовут на научный конгресс, — Долгомиров, как всегда, ворвался в мой мир подобно стихийному бедствию, с дюжиной учеников и последователей за спиной.

Я попытался отговориться:

— У меня война у некоторых племён.

— Война есть всегда. А исследователи снисходят до простых локальных богов очень редко. Когда раз в столетие, а когда и реже. Это те самые мыслители и исследователи, которыми становятся локальные боги после того, как перерастают уровень простого локального бога. После того, как миллионами лет развивают собственные миры и планеты. Тебе будет полезно послушать. Да, и надень что-нибудь, там положено быть одетыми.

Пришлось влезать в джинсовый костюм, который я надевал крайний раз ещё в Великобритании, и становиться тринадцатым. Потом я подумал, что Три Кольца мечтает о космических полётах, и попросил разрешения взять её с собой. Долгомиров не обрадовался, но разрешил. Три Кольца была счастлива. Одежды у неё не было в принципе, решили, что раковину на горбу можно считать одеждой.

После нескольких переходов по порталам мы попали на посадочную площадку необитаемого мира, откуда нас забрал космический корабль. Три Кольца сразу проползла к пилотскую кабину и сидела там до конца полёта.

Последний отрезок пути пришлось проделать через портал — конгресс проводился в только что рождённом мире, у которого ещё даже его бог не пришёл в мир. Техническая команда установила простые деревянные скамьи на склонах небольшой горной расщелины, вот вам и амфитеатр.

Локальных богов было очень много, наверное, несколько сотен тысяч. Изображение со сцены — тоже деревянного помоста в центре — транслировалось на специально созданное облако над расщелиной. Всех рассадили в соответствии с расположением миров на древе миров. Неожиданно выяснилось, что те тридцать ребят, которых привёл Долгомиров, были моими относительно близкими соседями, а сам Александр (точнее, его мир) располагался очень далеко. Александр пересел к нам поближе, чтобы комментировать происходящее.

Начались выступления. Я почти сразу перестал понимать, что происходит. Несколько утешало то, то остальные тридцать начинающих богов тоже ничего не понимали.

Некоторые докладчики были откровенно скучными. Например, один из первых докладов был посвящён тому, как рассчитывать индекс уровня счастья в феодальных обществах преиндустриального уровня. Я не предполагал, зачем нужен онный индекс и кому вообще нужно что-то рассчитывать в этом духе. Долгомиров сказал, что этот индекс рассчитывают, чтобы понять, бунтанёт общество или некоторое время ещё подержится в условиях голода и произвола феодалов. Я о таких технологиях не слышал и воздержался от дальнейших расспросов.

Интересное началось ближе к полудню. Я наострил уши, когда услышал имя «Линдси». Оказалось, что докладчик говорил именно о моей Линдси и о её странной связи со странным миром, моделирующим дерево миров. Благородная компания до сих пор не поняла, что это такое и кто такая Линдси. Пока им удалось выяснить только то, что загадочный мир архитектурного бреда моделировал лишь небольшую ветвь мирового дерева миров, ту, которая началась около миллиона лет назад. Но моделировал очень точно и отображал все изменения достаточно быстро. Про Линдси сказали, что она, скорее всего, является сбежавшим локальным богом этого мира. Она почему-то испугалась того, что произошло, и запустила свою душу по обычному пути кармического блуждания из жизни в жизнь на дальней населённой планете, коей оказалась Земля. Точнее, Линдси и была этим миром. Весь этот мир был её построенной из хаоса фантазией, её телом, и только душа находилась на удалении, в теле земного человека.

От таких откровений крыша у меня заметно поехала. А я уже думал, что видел всё... Долгомиров был удивлён не меньше моего.

Следующий человек, привлёкший моё внимание, выступал во время обеда. Начало я прослушал, будучи занят поглощением дармового угощения. Решил, что доклад с названием «анализ интеграции случайных процессов» всё равно не пойму. Начало я действительно не понял. Прислушиваться начал тогда, когда человек заговорил о том, что установившееся в среде локальных богов мнение об однотипности развития общества разумных существ является ошибочным, точнее, является одной из возможных реализаций, что превращает все известные нам миры и всё общество локальных богов и исследователей в замкнутую ограниченную капсулу.

Докладчик — благообразный пожилой дяденька с бородкой — увлечённо даже не говорил, а вещал:

— Нам известны вышедшие в космос цивилизации, которые иногда объединяют тысячи миров. Каждая из них думает, что можно жить и развиваться только так, как это

происходило у них. Но мы с вами знаем, что они ошибаются и могут быть совсем другие пути. Так же и мы. Мы решили, что разумные существа могут развиваться в обществе только по одному пути. Это делает нас уязвимыми. Проведенные расчеты показывают, что нарастание случайных отклонений от того пути, к которому мы хотим склонить каждую планету, при применении к миллионам миров приводит к полной нестабильности и к огромным изменениям под воздействием малейших участвующих факторов. То есть либо построенная нами математическая модель некорректна, либо модель отражает реальность, а реальность с точки зрения нашей группы такова: мы не знаем, что мы делаем, и все наши усилия приведут только к возрастанию хаоса. Поэтому даже небольшие изменения на старте приводят к изменениям с точностью до наоборот на выходе. Суть проблемы в том, что каждую новую планету мы пытаемся развить так, чтобы она могла стать образцом для остальных планет, отстающих в развитии, и экспортировать мораль и историю. Ну, и что, хоть раз получилось? Каждый раз с большими оговорками даже для тех миров, которые добрались до космических перелётов. Необходимо что-то исправить в начальной подготовке локальных богов и отказаться от привычных точек зрения на то, как должны развиваться миры разумных существ.

Ведущий прервал докладчика:

— Многие из присутствующих здесь начинающих локальных богов не проходили обучения и не слышали про стандартный цикл развития. Пожалуйста, озвучьте тот типовой путь, против которого вы протестуете.

— Маленькая оговорка. Я не протестую. Я говорю о том, что это не единственный путь, а один из многих. А теперь о типовом пути. Все начинают с простой дикости, когда локальным богам и их служилым богам приходится заботиться о своих людях, как о детях. Учить их всем жизненно важным умениям, воспитывать, разбирать ссоры. Люди размножаются, занимают весь мир, и не ищут ничего, кроме простого выживания. На этом этапе никто из людей не сомневается в существовании богов. А вот дальше мы учим внедрять первое правило, которое теперь вызывает сомнение. Мы говорили, что к концу эпохи дикости боги должны перестать являться своим людям и подтверждать своё существование только тем людям, которые ищут духовного развития.

Теоретически это нужно для того, чтобы люди забыли о богах и начали сами думать об устройстве своего общества и способах достижения справедливости. Но это совсем не обязательно. Возможен, например, вариант, когда бог данного мира и его служилые боги постоянно являются людям, но в ответ на вопросы об устройстве общества смеются и говорят, что люди должны сами научиться организовывать свою жизнь и правильно бороться за справедливость.

Считается, что после эпохи дикости должна начаться эпоха ожесточения, когда племена воюют друг с другом насмерть, когда одни люди порабащают других и выстраивают крупные рабовладельческие империи. Как правило, в это время на планету приходят бесовские силы.

В конце эпохи ожесточения либо приходит Спаситель, либо эту операцию проводят локальные боги. Люди получают религию, в которой требуется жить ради любви и созидания, а также технологию Преображения. Под действием призывов к любви и взаимной заботе бывшие рабовладельческие государства исчезают, владельцы земли переходят на сдачу земли в аренду. Начинается эпоха феодальных отношений.

Первые сотни лет после освоения учения полного беззлобия и Преображения люди воюют за разные формы фанатизма, связанные с религией единобожия.

Потом через полторы — две тысячи лет благодаря массовому стремлению к справедливости и законности, вызванному религией, создаются большие государства, в которых становится востребованными наука и техника. Считается, что благодаря зачаткам массового производства и научного изучения всех сторон жизни люди становятся умнее и способнее к самоанализу. После ужасных массовых войн с использованием сложной техники наступает следующая эпоха, компьютерных технологий.

Эпоха компьютерных технологий характеризуется массовыми заболеваниями людей зависимостью от искусственных удовольствий, от компьютерных игр и прочих удовольствий, а также войнами с использованием самоуправляемой и дистанционно управляемой техники. Люди начинают думать о себе по аналогии компьютерами и начинают осознавать, чем они отличаются от компьютера. Во-первых, тем, что к компьютеру невозможно приделать аналог духа и души, которые у человека от Бога — Создателя. Компьютер невозможно научить стремиться к справедливости или совершенству. Во-вторых, тем, что компьютер всегда работает по программе, а человек может выйти за программу ради любви к людям и ради наилучших последствий поступков благодаря действию духа. В-третьих, на уровне общества люди начинают осознавать, что невозможно думать об обществе и о поведении людей как о единой массе. Приходит понимание, что люди очень сильно отличаются по мотивации поведения и по алгоритмам поведения в зависимости от того, на какой ступени развития от животного к человеку находится человек.

На этом этапе, как правило, истощаются легко доступные ресурсы, а людей благодаря достижениям медицины становится больше. В эти времена появляется значительная прослойка людей, которые никогда не работают и которым средства для жизни выделяются обществом. На них просто не хватает работы, и средств для активной жизни для них тоже нет. Поэтому всё, что им остаётся, это играть на компьютерах. Считается, что правильно организованные массовые онлайн — игры и соревнования позволяют людям проявить все свои стремления, получить коррекцию общества и таким образом прожить такое количество событий, пережить такое количество ситуаций, которое ранее удавалось получить только за несколько жизней. Считается, что это несколько ускоряет развитие людей.

На следующем этапе неработающие люди становятся абсолютным большинством. Компьютеры и электричество становятся очень дорогими. Быт и технологии сильно упрощаются, почти до уровня эпохи дикости. Массово производятся только компьютеры и медицинская техника. Люди понемногу начинают соображать, что с соседями можно играть и общаться точно так же, как и с онлайн — собеседниками. Вырабатывается особая культура, в которой детей с ранних лет учат играть на компьютере, а затем переучивают играть с реальными людьми так же, как с друзьями по сети. Первое время для взрослых игр используются компьютеры и управляемые компьютерами устройства. Потом люди придумывают, как обходиться с минимумом компьютерных технологий. Это позволяет, во-первых, прожить несколько жизней за одну жизнь, как на прежнем этапе. Во-вторых, люди перестают видеть друг в друге агрессоров и конкурентов и начинают видеть необходимых партнёров для создания забавной жизни.

Через несколько сотен лет массовой игромании дети, глядя на родителей, начинают задаваться вопросом, как можно жить одной игрой и зачем это всё, ради чего стоит жить и в чём собственно состоит забавность игр, а по большому счету — и радость всей жизни. Как следствие, происходит углубление религии, начинают пользоваться спросом учения, которые утверждают о том, что нет смысла жить только ради азарта и побед, только ради

овладения ловкостью, так как это служение низменным системам тела. Предлагается жить ради развития высших умений, ради освоения умения контролировать все животные желания и стремление к гордости, ради благотворения всему живому на всех уровнях.

Появляется заметное количество людей, которые считают, что это понимание стоит распространить по всей Вселенной. Начинается освоение космического пространства. За первыми идеалистами следуют циничные и жадные захватчики, начинается строительство космических империй. Это и считалось желаемым итогом, чтобы одна планета, достигшая дееспособности и осознанного понимания необходимости религии и Преображения, чтобы эта планета распространяла свою историю и мораль на те планеты, которые отстают в развитии. Предполагалось, что в такой космической империи множество людей быстрее пройдет по пути Преображения и станут по-настоящему разумными существами на радость Создателю и нам.

Считается, что по этому пути с первого раза пройти было нереально и что возможно многократное падение в дикость как с этапа феодальных государств, так и с этапа промышленных империй.

Именно к такому развитию событий мы старались вести наши планеты, именно этому учили начинающих богов. Считалось, что государства всегда идут по пути наименьшего сопротивления, по пути применения тех решений и технологий, которые дают самый быстрый и лёгкий эффект, и что именно этот путь приводит государства к такому результату. Но получилось ли хоть раз довести планеты по такому пути до конца? Нет, не получилось. Да, некоторые планеты вышли в космос, но вышли для грабежа или для деспотического доминирования. А какие другие варианты возможны? А мы даже не знаем, какие варианты возможны. И всё то, что мы видим в реальности, подтверждается математическими расчетами. Если построить модель общества как некоторого количества людей с разнонаправленными желаниями, то она далеко не всегда приводит к описанному выше результату. В зависимости от малейшего изменения исходных данных получается всё, что угодно, но только не описанный выше путь. Чаще всего получается хаос. И списывать это результат на действие враждебных бесовских сил не стоит, они являются только незначительным фактором паразитической жизни.

Докладчика прервал другой благообразный старец:

— Это некорректные расчеты! Мы проводили их вслед за вами. У нас получаются совершенно другие результаты.

— Так я об этом и говорю. В зависимости от методов подсчёта и расчетных упрощений получаются прямо противоположные результаты. И это не неправильный расчет, это математическая модель правильно отражает суть происходящего.

Учёные мужи углубились в обсуждение тонкостей математических расчетов. Абсолютное большинство присутствовавших явно ничего не понимало. Через некоторое время ведущий прервал математиков:

— Какие выводы предлагает уважаемый докладчик?

— Мы должны заблокировать одну из новых веток и посмотреть, как пойдут в ней процессы, если молодые боги не будут идти по той колее, по которой все шли до сих пор.

Поднялся шум. Народ принялся изумлённо обсуждать решение.

Александр Долгомиров быстро заговорил:

— Если они решатся на изоляцию, это может быть очень тяжело. Ваша ветка самая молодая, скорее всего, вас и отрежут. Такое уже бывало, помните Нарнию и Мир-Между-

Мирами? Вот большинство миров этой ветки и заблокировали, из-за чего больше в них попасть таким образом невозможно. Мой мир в другой ветке, я больше к вам приходить не смогу. Если такое произойдёт, пусть старшим будет Беренол Дафринити. Слушайте, как найти его мир...

Учёные принялись рассуждать, стоит ли пробовать создавать изолированную Вселенную и пришли к выводу, что расчеты докладчика не очень понятны, но стоит поставить эксперимент. Начали обсуждать, какую ветвь мирового дерева отрезать, и решили, что именно нашу. Как только решение было принято, мы обнаружили, что вокруг нас возникли матовые мерцающие голубые стены. Из стен вышли десять богов из числа организаторов. Нам сказали, что мы можем не соблюдать те указания по правилам развития миров, которым нас учили, и что мы не должны учить им новых богов. После этого нас попросили удалиться.

Александра Долгомирова мы больше не видели.

Прямо в амфитеатре мы устроили совещание и первым делом избрали начальника нашей маленькой группы. Начальником попросили быть Мика Мираконда, он рулил своим миром уже восемьсот лет, в отличие от всех остальных начинающих богов. Потом мы дружно решили сходить к Беренолу Дафринити. Это оказалось непросто.

* * *

Малыш Дак Каартан считал, что у него очень счастливая жизнь. У их семьи был свой крупный астероид, внутри которого успешно помещались и его родители, и бабушка с дедушкой. Это имело свои достоинства, так как бабушка с дедушкой могли каждый вечер приходить и читать на ночь сказки, пока родители заканчивали домашние дела. У многих других детей такой роскоши не было, внутри их астероидов помещались только их собственные квартиры, а к бабушкам — дедушкам приходилось летать на корабле, что было очень долго и сложно: шлюзы, скафандры и всё, что с этим связано.

Хотя, с другой стороны, слетать к кому-нибудь на корабле тоже было здорово. Учиться дома было забавно, но иногда хотелось побывать в компании других детей. Такую возможность взрослые предоставляли детям не очень часто, раз в месяц, не чаще, их собирали на столичном астероиде. Столичный астероид был огромным, там даже было своё тяготение! Можно было танцевать, или играть в догонялки, или метать дротики — праздничное время пролетало так быстро! А ещё можно было разговаривать с друзьями сколько хочешь, и никакой зависимости от прямой видимости.

А вот болтать по радиосвязи с друзьями было запрещено. По всему поселению «Потаённая Надежда» радиосвязь была строжайше запрещена. Как и свет окон, свободно уходящий в космос. Только через поглощающие отражатели, чтобы никто из космоса не мог найти поселение. По этой же причине вся техника, которая давала электрические искры, тоже была строжайше запрещена.

Поговорить с друзьями можно было только по лазерному лучу, но эта связь имела большие ограничения. То астероиды не тем боком повернутся, то какой-нибудь глупый камень закроет линию связи. Поэтому родители предпочитали возить детей к друзьям на маленьких космических челноках. Каждый раз это было таким восхитительным приключением!

Мальш Каартан с удовольствием учился, он мечтал, как вскоре станет умелым специалистом, как его отец. И тогда они наконец-то достроят флот боевых кораблей, вернуться в свой мир и победят железных людей, которые уничтожили их цивилизацию на планетах. Это из-за этих чудовищ нельзя было пользоваться радиосвязью и необходимо было сохранять все меры жесточайшей маскировки. Но вскоре это закончится. И тогда люди будут жить на планетах, как ранее, и не надо будет укладываться на ночь в центрифугу, чтобы сердце не отвыкало от силы тяжести. Не надо будет по сигналу учебной тревоги нестись в тайное убежище и отсиживаться там до тех пор, пока не дадут отбой. Эти учебные тревоги случались так часто и так невовремя...

Вот и сейчас тревога загремела так некстати! Дак смотрел обучающий фильм про животных на планетах. Фильм был рисованным, создан уже здесь, на астероидах, старики нарисовали по памяти разных животных и перекладывали картинки, чтобы получилась мультипликация. Несмотря на примитивность, фильм был интересным. Дак любил про животных. И тут гром этой тревоги!

Дак сначала забрался в тайное убежище, небольшой отсек за центрифугой, и только потом сообразил, что сирена состояла не из двойного сигнала, а из тройного. Это не учебная тревога! Боевая! Железные люди нашли астероидное поселение! Дак забился в дальний угол и лишь краем глаза поглядывал в оконце. Родители говорили, что это окошко сделано так, чтобы он мог через него видеть железных людей, а они его увидеть не могли. Железные люди описывались как высокие похожие на людей фигуры, поверхность у них стальная, а на голове горит красный огонёк, точнее, коммуникационный лазер.

Именно такие железные люди вломились в их дом через четверть часа и утащили маму с кухни. Мама что-то кричала. Датчик вакуума показал, что после этого снаружи камеры убежища установился вакуум. Железные люди открыли шлюз. Дак надеялся, что маму увели до этого, но надеяться не смел.

Потянулись часы ожидания. Дак сидел и плакал, но даже не подумал открыть убежище. На всех занятиях по безопасности им внушали: железные люди могут найти колонию, но это не конец. Обязательно останутся те, кого они не найдут, и эти люди придут и вытащат вас. Или придут люди из другой колонии, из соседней звёздной системы, и у вас будет новый дом и новые родители.

Спасатели пришли только через пять часов, и выглядели они совсем не так, как люди народа Дака.

* * *

Мы только начали восьмой час обсуждения того, как нам теперь жить без поддержки центральных структур службы охраны миров, как раздался сигнал тревоги. Корабль вышел из подпространства и попал в какое-то астероидное поле. Пилоты успели крикнуть, чтобы мы прошли на свои места, пристегнулись и закрыли скафандры. После этого они изолировали все отсеки. Через несколько минут они справились с неуправляемым движением корабля, прицепились к какому-то астероиду и разблокировали двери.

Выглянул старший пилот, совсем молодой парнишка:

— Уважаемые, у нас тут случилось такое, чего никогда не случалось. Наш корабль не просто так выскочил из быстрого полёта. Его выдернули. Кто там из божественных

величеств проспал создание технологии, позволяющей препятствовать межзвёздным перелётам, не знаете?

Парень был зол и не скрывал этого.

Мы дружно изобразили незнание.

— Вывод такой. Наш корабль в хлам. Только на списание. Спасательный корабль за нами не придёт, так как его никто не заказывал. Не было смысла, так как Долгомиров мог вырастить такой корабль из окружающих камней силой мысли. Кто-нибудь из вас так умеет?

— Наверное, сможем. Основы мы знаем. Первую сотню лет мы будем разбираться в конструкции и испытывать двигатель, — сказал Мика Мираконда.

Старший пилот кивнул, как будто именно это и ожидал услышать:

— В таком случае у меня предложение собраться и пойти дать по шапке тем, кто это безобразие устроил, а потом на их кораблях дойти до нашей базы. Я тут мимоходом заметил несколько, они весьма крупные. ЭТО вы можете?

Господин Мираконда и ещё несколько локальных богов прошли в пилотскую кабину. Оказалось, что корабли противника уже улетели.

— А что они вообще тут делали? — услышал я громкий голос пилота. Потом из кабины послышались удивлённые восклицания.

Господин Мираконда выглянул из кабины, чтобы сообщить новость:

— Это было какое-то тайное поселение на астероидах. Судя по тому, что был бой и наблюдается много подбитых кораблей, противник забрал отсюда почти всех людей против их воли. Но не всех. С помощью своих возможностей я нашёл несколько искр жизни. Есть добровольцы посмотреть, кто уцелел?

Я поднял руку. Вызвались ещё трое локальных богов, их звали Жаракос, Пшижушава и Малок. Пшижушава был жуком, Малок пернатой птицей, но с руками.

— Отлично, займитесь спасательной операцией, а мы пока посмотрим, что можно снять с подбитых кораблей обеих сторон.

Пришлось влезать в скафандры, брать разъездной корабль и объезжать астероидное поселение. Для надёжности я наколдовал голубенькое поле, удерживающее воздух вокруг моего скафандра. Остальные боги поступили так же.

Поселение оказалось неожиданно большим, по протяжённости, наверное, больше тысячи километров. В пике здесь жило, наверное, до тридцати тысяч человек. Сейчас не осталось никого, кроме немногих детей, тщательно упрятанных в потайных хранилищах. Поскольку шлюзы в жилые помещения были открыты, приходилось сначала разбираться с системой жизнеобеспечения, и только потом вытаскивать детей. Когда вытаскивали третьего ребёнка, на одном из подбитых кораблей вторгнувшейся стороны замелькали вспышки. Похоже, наши боги нашли кого-то совсем глупо упрямого.

Со спасательной операцией провозились очень долго, почти двадцать часов. Собрали двадцать восемь детей. Пшижушава и Малок решили, что раз я ближе к этим детям по устройству, то мне с ними и общаться. Первые двое детей были совсем маленькими, пять лет и шесть лет, а вот с третьим по имени Дак мне пришлось остаться в нашем корабле. Парнишка оказался тяжёлым собеседником, при встрече попытался меня подстрелить из лазерного излучателя.

Мальш Дак Каартан невероятно испугался, когда увидел тех, кто пришёл после железных людей. У них были скафандры совсем другого типа, мало того, двое из них вообще не были людьми! Тем не менее, они оказались достаточно умелыми и восстановили давление воздуха в доме. А потом крышка тайного убежища отлетела в сторону, хотя Дак её не открывал.

Дак решил, что это люди враги и что это они напустили на его дом железных людей. Из оружия у него был небольшой лазерный излучатель, который лежал в тайном убежище, чтобы защищаться от железных людей. Дак направил его на первого вошедшего, но излучатель вылетел из рук и полетел ко второму человеку с головой птицы. А потом и сам Дак взлетел и полетел из убежища в большую комнату.

Пришельцы попытались задавать какие-то вопросы, но Дак их не понял. Тогда они упаковали его в запасной скафандр отца и отвезли, как мешок, на свой корабль. С Даком остался тот из пришельцев, который был похож на человека. Зато на корабле обнаружилось ещё дюжина преудивительных существ. Дак даже не знал, с кем их сравнивать. Некоторые были похожи на жуков, а некоторые... на говорящие камни. Периодически приходили и уходили ещё какие-то люди, но Дак их не видел, так как человекоподобный пришелец увёл его в каюту, в которой обнаружилось ещё двое малышей из поселения.

Пришелец подал Даку обучающий планшет и попросил активировать. На планшете он стал показывать на разные картинки и жестами просил называть их. Некоторое время Дак не мог ничего сказать, так как плакал, но потом стал называть то, что видел. А потом произошло чудо. Незнакомец вдруг стал говорить на языке Дака, и почти чисто. Сказал, что его зовут Полисаний и что он не враг людям Дака. Сказал, что их команда учёных из разных миров не по своей воле оказалась здесь, что их корабль был остановлен, судя по всему, теми же существами, которые напали на их поселение.

Дак спросил, как у птицеподобного получилось отобрать у него излучатель дистанционно. Полисаний улыбнулся и сказал, что у некоторых из них есть дополнительные возможности.

* * *

Парнишка Дак Каартан девяти лет от роду оказался крепким орешком. Плакал и ныл так, что не мог говорить, а сам втихаря смотрел, как открывается дверь каюты и как бы слинять. Даже после того, как я определил его язык и загрузил умение разговаривать на этом языке, разговор шёл очень тяжело. Про размеры колонии и число поселенцев врал непрерывно, задавал тяжёлые вопросы про наше происхождение и вообще смотрел волком. Мне пришлось наврать, что мы — команда учёных, попавших в беду точно так же, как и они. Только после этого он пошёл на контакт. Несмотря на юный возраст, мальчишка был очень хорошо обучен. Знал устройство и принципы работы многих технических устройств, мог сам собрать лазер.

Парнишка рассказал потрясающую историю. Из его слов выходило, что роботы на родных планетах этой цивилизации взбунтовались, и людям пришлось удирать куда глаза глядят. Некоторым ушедшим кораблям удалось основать колонии в других звёздных системах, но роботы их нашли и вывезли людей. Объединённому флоту людей удалось отбить часть кораблей, после чего было основано несколько колоний в астероидных поясах

нескольких звёздных систем, в которых не было пригодных для проживания планет. Считалось, что здесь роботы даже искать не будут. Идея в целом сработала. Сотню лет поселенцы развивали колонии и строили военный флот. Но потом роботы их всё-таки нашли.

Я спросил, может ли парень показать верфь, на которой строили боевые корабли. Мальчишка сказал, что может, ходил к папе на работу.

На этом пункте сюжета я устроил перерыв и пошёл к своим, спрашивать, кто что-нибудь слушал про способную выходить в космос цивилизацию, которую уничтожили поднявшие восстание роботы. Такой жести не слышал никто.

Я вызвал техническую команду, спросил, как продвигаются дела с поиском дееспособного корабля. Ребята ответили, что изученные корабли сильно повреждены системами обороны поселения, но можно будет восстановить один в течение так полугода. Сказали, что двигатели и все системы очень неплохо сконструированы, можно будет пользоваться этими технологиями без ограничений даже для наших надобностей. Я их в ответ обрадовал, что есть вероятность, что где-то здесь хранится целый флот исправных кораблей.

После этого вся команда вернулась, Дака взяли под белые ручки и повели искать верфь. Дак поначалу по-детски немного потерял ориентировку, но потом верфь нашёл. Мы не могли найти корабли потому, что они располагались внутри огромного астероида и на них не было ни одной живой души. Судя по всему, экипажи должны были прибыть из других колоний. Здесь эти корабли только строили. Роботам очень повезло, что они напали на эту колонию внезапно и люди не успели воспользоваться своими кораблями. Корабли людей были мощнее.

Наши пилоты с большим интересом ознакомились с этим чудом техники. На таких больших кораблях им редко приходилось летать, организация предпочитала небольшие незаметные кораблики.

Возникла идея оставить детей и кого-нибудь из наших в поселении, попробовать подождать появления спасательной команды из других колоний. Со временем вернуться и привезти сюда нянь из числа людей, богов освободить. Для этой цели мы восстановили жизнеспособность столичного астероида и ещё нескольких крупных кварталов. Но когда закончилась спасательная операция, выяснилось, что все дети были очень маленькими. Дак был одним из самых старших. В небольших тайных убежищах прятали только маленьких детей. Оставлять их тут в одиночестве, даже с няньками было нереально.

Пришлось писать огромные записки — плакаты с описанием произошедшего и оставлять их на всех видных местах. На плакатах мы указали время, в которое будем иногда сюда приходить для связи.

Погрузили детей и на двух боевых кораблях двинулись искать планету господина Беренола Дафринити. Благодаря навигационным устройствам, снятым с нашего корабля, нашли всего за три дня. На поверхность я взял с собой Дака. Парень начал что-то подозревать, когда около шаттла открылся портал и из него вышел совершенно голый дядька, а потом мы все вместе шагнули в портал и оказались в немного другом мире.

— Так они решили нас отрезать? Я теперь что, ведущий общества богов нашей ветки? — мрачно удивился его величество Дафринити.

Мы подтвердили.

Дядька помрачнел ещё больше. У него был очень древняя, очень развитая планета. Не очень многолюдная, без технологии межзвездных перелётов, но с развитой наукой и множеством проблем. Несмотря на большое количество богов локальных миров, присоединённых к этой планете, они все были очень перегружены. Организовывать систему обучения новых богов и плести интриги на других планетах дядьке было явно некогда.

Про планету с бунтующими роботами он тоже ничего не слышал.

Стали думать, кого из наших союзных богов можно выделить для общественной деятельности. У собранных Долгомировым богов, моих соседей по конгрессу, было уже по несколько присоединённых миров, но про своих богов они дружно отзывались как о недостаточно развитых для такой деятельности. В итоге решили работать по очереди, а для разведки и вспомогательной деятельности выделить по одному локальному богу. Мне пришлось пообещать отдать Виру.

К нашему счастью, Беренол был в курсе всех дел по подготовке новых богов. Он знал, кто где учится на развитых планетах и где живут те будущие боги, которые ещё не погибли в родных мирах и ещё не стали локальными богами. Александр Долгомиров держал его и ещё десять богов в курсе на всякий случай. Первой нашей задачей стала поддержка этих людей деньгами для продолжения обучения. Этим и должны были заняться наши выделенные локальные боги.

С детьми уничтоженного поселения товарищи решили просто: «У тебя хороший контакт с детьми, ты разговорил Дака, себе в мир их и забирай».

Когда я объявил детям эту новость, у них возник законный вопрос: «А когда я увижу свою маму?». Пришлось пообещать, что мы приложим все силы для того, чтобы найти планету роботов и закончить всё это безобразие. А первым делом вернём мам.

Только после этого я сообразил, что стал главным в решении задачи проблемной цивилизации. Пока не улетели, пошёл просить у Беренола выделения космических кораблей для поиска истоков несчастной цивилизации. Господин Дафринити уже создал канцелярию по делам окружающей Вселенной, в канцелярии мою заявку на космические корабли поставили на очередь. Сказали, что ближайший свободный корабль будет через шесть месяцев.

Пришлось перевозить детей на безлюдную планету, с которой мы не так давно стартовали, бежать на свою планету, брать всех помощников, кого можно, и переносить детей на руках через порталы в наш облачный замок. В условиях постоянной силы тяжести стоять они не могли, оказалось то, что они выросли в состоянии невесомости. Даже ночной сон в центрифугах не помог.

В нашем пространстве дети немного пришли в себя, сила тяжести в моём мире была не такой уж большой. Но всё равно пока они могли только ползать. Нанял им десяток нянек с поверхности.

* * *

Три Кольца после приключения впала в лёгкую грусть. Я поинтересовался, в чём дело.

Три Кольца сказала, что мечтала сменить тело на позвоночное для того, чтобы можно было ловко двигать руками, создавать разные забавные вещи и управлять разной техникой, в том числе космическими кораблями. А теперь она полетала на космических кораблях и поняла, что нет в них ничего забавного, что это просто время ожидания, которое проводишь в ящике с не очень надёжной техникой, которая может и убить тебя. Сказала, что в полёте есть нечто красивое и романтическое, пока летишь куда-то с важной целью. А куда она может пойти с важной целью? Только к своим людям. А к ним она может слетать и без космического корабля. Эти понимания и довели её до грусти. Теперь стремиться не к чему. Можно даже тело не менять. На планете она может сделать всё, что угодно, просто подумав об этом.

Мы с улиткой немного погрустили о том, что всегда получаешь немного не то, о чём мечталось. Потом я высказал предположение, что раз у нас есть наши люди, о которых можно заботиться, то это всегда может быть источником и любви, и радости, и разных забавных событий.

Три Кольца сразу оживилась и пересказала три анекдотичные ситуации, случившиеся за последние сутки с её подопечными.

* * *

— Чего? Я? Летать на космических кораблях, развозить разных студитов по мирам, о которых я даже не слышала? Меня никто летать на кораблях не учил. Нехочунебуду, — отреагировала Вира на новость.

За прошедшие годы Вира подросла и выглядела уже не двенадцатилетней девушкой, а почти на пятнадцать. Она, как и остальные локальные боги присоединённых миров, многому научились за эти годы. Я устроил им всем плановое обучение на основе тех знаний и той истории, которые изучил на Земле. Некоторому системному мышлению их удалось научить. Но о том, что происходит с человеком после принятия полного беззlobия, они по-прежнему знали только теоретически.

— Да. Никто не учил пилотировать. Это проблема, — согласился я, — Но небольшая. Тебя пилоты довезут куда надо. Твоя задача — находить людей на планетах, объяснять им, что они боги, и собирать для обучения. Или просто отвозить деньги тем, кто уже учатся.

— Меня учили, — напомнил Серен.

— Тебе что, тут делать нечего?

Серен вспомнил, как последние годы бегал по всем подопечным по восемнадцать часов в сутки, и опустил голову.

— Без Серена не пойду, — заявила Вира.

Я посмотрел на эту парочку. Они организовали хоть сколько-то жизнеспособный город. Как-то сжились.

— Ладно, будете работать напару.

Где бы мне ещё взять слуг, которым можно хоть что-нибудь доверить?

— А это правда, что если я займусь с тобой любовью, то стану единой с этим странным миром и превращусь в локального бога? — не утерпела Линдси. Бедняга держалась и так очень долго с того момента, как я собрал всех богов и слуг для объявления новостей.

— Возможно, но не обязательно. Как это сработает, неизвестно. Ты можешь получить способности локального бога, но не восстановить связь с миром. А может быть и наоборот,

ты восстановишь всю связь, все знания, но возможности не получишь.

Линдси поежилась:

— Как хорошо, что я с тобой не спала.

Я погладил Ва за ушком. Ва замурыкала и лизнула меня в ногу, после чего стала качать ребёнка.

— Да, это чревато, — согласился я.

* * *

Подумалось, что надо срочно создавать вспомогательные миры, параллельные пространства. Поручил это дело Владыке Подземного Сияния. Парень принялся за дело с большим энтузиазмом. Он создал два мира для нас, в качестве запасных миров для богов и светлых личностей, а также три мира — обманки для бесов, если появятся. В этих мирах надо было создать полноценную биосферу, переселить животных и людей.

Одноклеточные и мхи создали нам грунт очень быстро, но с травами и деревьями дело должно было растянуться на десятилетия. Я порадовался, что мы начали это дело заранее.

* * *

Старшие товарищи по нашей ветке миров подумали и решили, что надо бы сходить в мир Линдси и посмотреть, нет ли случаев неучтённых миров. До сих пор Александр и его команда находили кандидатов в новые локальные боги по достаточно упрощённым технологиям. Они просто ездили по существующим мирам и смотрели, нет ли подростков с характерными признаками. Один локальный бог всегда может узнать другого.

Какой-то гений решил, что некоторые миры могли оказаться незамеченными, и что надо проверить по той схеме, которой является мир Линдси. Крайними оказались мы с Линдси.

Леди достаточно легко открыла портал в свой мир, и мы принялись за изучение. Что любопытно, наша ветка была отделена от других миров небольшим заборчиком. Мир — схема отразил ту границу, которую выстроили локальные боги после достопамятного конгресса исследователей.

Возникла проблема, как отличать учтённые миры от неучтённых? Нам, конечно, выдали всю базу данных по известным мирам, но сопоставить их со значками не всегда получалось. Их было настолько много, что сравнивать с базой данных было очень трудоёмко. Несколько раз мы выходили в локальные миры, считая их неведомыми мирами, и встречали локальных богов, которые были включены в общую систему обучения и взаимопомощи.

Первый неучтённый мир нашелся через три часа поисков. Локальным богом был мальчик лет четырнадцати, который умер и стал богом раньше, чем его успели заметить поисковые отряды. Его служилые боги имели вид взрослых людей, но умели и знали ещё меньше, чем он. Парень погиб в родном мире и оказался в роли локального бога, без понятия о своих возможностях и с необходимостью заботиться о новорожденных людях. К моменту нашего появления он уже пять лет пребывал в постоянной истерике. Ему приходилось жить вместе с взрослеющими детьми, а у него самого тело не менялось!

Как же он плакал, встретившись с нами! Вис не шее, не хотел отпускать. Мы кое-как научили его первым необходимым умениям — бить непослушных людей разрядами, переноситься с места на место, царствовать в облачном замке и заглядывать в любое место своего мира. Пообещали вскоре вернуться, после чего вернулись в мир — схему и продолжили поиск. За следующий час мы нашли ещё пять неучтённых миров. Везде была одна и та же картина — молодые ребята, мальчики и девочки от двенадцати до шестнадцати, погибшие в родных мирах до того, как их успели заметить поисковые команды. Все они плакали и просили забрать их ко взрослым людям, а миры присоединить. Я понял, что к моему миру их лучше не присоединять, а то мы станем планетой задолго до того, как будем к этому реально готовы. Кинул клич по ветке, кто готов присоединить к себе эти миры? Желающих нашлось очень мало. Все были в моём положении. Ушли на присоединение только три мира. Одного парня по имени Тран взял я. Его сушу мы расположили в виде континента, недалеко от континента Виры, а всех его людей перекинули в селения моих людей. Распределили по несколько человек на селение. У нас было изобилие продовольствия, и их приняли не то чтобы с радостью, но с состраданием, как сироток. Трану и ещё двоим малолетним локальным богам пришлось устраивать обучение с самых основ, начиная с арифметики.

Тран был несколько удивлен тем, что его желание секса востребовано настолько, что предложение сильно отставало от спроса. Три Кольца и Линна были счастливы получить его в любовники. А я был рад, что они наконец-то отстали от меня.

* * *

Вире с Сереном поручили искать новых локальных богов в мирах нашей ветки. Они объездили множество миров, изображая отца с дочкой. Посмотрев множество культур, они значительно расширили свой кругозор и стали несколько мудрее. О «своём» городе они тоже не забывали, регулярно навещались и наводили порядок. По крайней мере, пытались наводить порядок. Племенная верхушка их заботу принимала, но как только они уходили, продолжала совершенно грабительскую политику.

Как-то раз Серен воспользовался служебным положением и заглянул на нашу родную планету, в Долиган. Прилетел на космическом корабле. Это было не очень далеко от поселения космических беглецов с планеты роботов, по космическим меркам недалеко. Серен и Вира должны были проверять в условленное время, не появлялись ли другие люди из этой цивилизации, или роботы на худой конец. Пока никто не появлялся.

Отец уже был совсем старым, вместо него правил Консанс. В качестве привета от меня Серен передал моим родственникам несколько особо крупных изумрудов. Своей семье и родителям он привёз золото. Вира позабавилась, посмотрев на места моего детства. Наши с Ва дети и семья Серена позабавились, сделав круг над Долиганом на летающем корабле. Наши дети уже стали взрослыми людьми, у каждого была своя история...

* * *

Обещанный космический корабль для поисков планеты роботов нам предоставили

через четыре месяца. Это была награда за то, что мы со своей стороны предоставили некоторое количество людей для обучения на пилотов космических кораблей и необходимые для этого ресурсы.

Корабль, который нам предоставили, был не просто транспортным кораблём. Это был корабль — разведчик, способный обшарить целую планету за очень небольшое время и найти заданное тело или заданную душу, в том числе бесовскую.

Интереса ради я взял с собой Дака. В космосе он заметно повеселел. В нашем пространстве эти ребята уже научились не только сидеть, но и иногда делать несколько шагов, но невесомость была ему явно ближе.

Специалисты разведборта взяли след ушедших кораблей роботов сразу, как только мы пришли к бывшей колонии. Тонкий ионный след вёл в соседнюю звёздную систему. Там роботы свернули и сменили направление, пришлось некоторое время поискать точку поворота. Но и тут характерный тонкий ионный след был найден очень быстро. Мenee, чем за пять часов мы вышли в родную систему парнишки.

Выяснилось, что роботы в своё время бунтанули потому, что люди решили в очередной раз повоевать. В программное обеспечение роботов обеих враждующих сторон входило убеждение в том, что робот не может нанести вред человеку и не может бездействовать, если человеку грозит опасность. Ещё какой-то гений от программирования сделал этим роботам очень хороший самообучающийся искусственный интеллект, а другой гений от красивой жизни заложил в программный код и в убеждение роботов, что надо стремиться к красоте. Что такое красота, роботы не понимали, но в рамках своего программного кода потребовали, чтобы их красили по-разному и одевали в разные причудливые одежды. С этим люди в своё время как-то согласились, но потом роботы стали требовать, чтобы люди определённым образом украшали свои города и квартиры. Люди им в этом отказали. Роботы решили, что люди ведут себя нерационально, а когда люди ещё и убивать друг друга начали, роботы обеих сторон спелись и решили, что под их управлением люди будут жить более счастливо. А главное, не будут наносить друг другу вред. Люди с таким мнением не согласились, началась война.

Часть человеческого населения села на корабли и отправились основывать колонии где подальше. Роботы войну выиграли, выживших людей загнали в концлагеря дозированного счастья и отправились искать удравших. Часть нашли и привезли обратно, но не всех.

Бесы не управляли роботами напрямую, им было достаточно, что роботы были орудием хаоса и рано или поздно должны были обрушиться на окружающие миры.

Я попытался достучаться до богов этого мира и обнаружил, что первый божественный мир — тот, что у нас по инерции назывался облачным замком, — этот мир был занят бесами. Боги этого мира были оторваны от того, что происходило на поверхности. Пришлось созывать множество богов разных миров для того, чтобы пробить проход. На этот раз космический корабль не понадобился, я восстановил действующий портал этого мира.

По моему призыву за пару часов сбежалось несколько десятков тяжеловесов, и бесов выкинули из облачного замка. Я поблагодарил всех участвовавших, отпустил их и пошёл разбираться с местными начальниками.

Локальные боги этого мира были какими-то вялеными, они забрались в дальнейшее изолированное пространство, собрали там несколько миллионов душ и ждали, когда те превратятся в нечто более совершенное. Пробить блокаду бесов они даже не пробовали. То, что их планета стала опасной для окружающих миров, их не волновало.

И как они её только до технического уровня довели? При таком отношении она у них должна была вечно дикой оставаться.

На все эти мероприятия я брал с собой Дака и его ближайшего друга по имени Гек, семи лет от роду. Даже дети удивились тому, как можно быть настолько равнодушными.

С роботами разобрались быстро, дописали и внедрили им маленький вирус в программное обеспечение, который обязывал их выполнять все приказы людей. К счастью, в мире нашего нового лидера Беренола Дафринити нашлись программисты, которые смогли разобраться в коде и заглушить все программы, которые позволяли роботам действовать своей волей. Вирус я внедрял, используя божественные возможности, роботы даже не почувствовали, что у них новая программа.

Бесы попытались вернуть исходный код. Бесов мы подавили чисто физически. Больше они не пробовали.

Сразу возникла проблема, что делать с людьми, которые находились в концлагерях и сильно ослабли. Многие из них выросли в неволе и ничего не умели. Роботы их кормили и показывали старые фильмы, других развлечений не было. Обучения тоже никакого не было. Теперь организовывать производство продовольствия должны были сами люди. Я решил, что это хорошая задача для местных богов, и не стал ею загружаться.

Мы нашли родителей спасённых детей и других бывших обитателей астероидной колонии в лагере на одной из лун. Почти все они выросли в невесомости и даже слабое тяготение спутника планеты было им в тягость. Я предложил Даку и ещё нескольким шустрым ребятам забрать родителей и переехать ко мне в облачный замок. Почти все согласились.

На этой планете было много народов с разными языками, и названий у планеты было соответственно много. После некоторых препирательств с людьми и богами этого мира решили называть её Аскериаллия, что на языке одного из самых крупных в прошлом народов означало «Место изобилия». Это название чаще всего применялась в уцелевших независимых человеческих колониях. А вот колонизированные этой планетой в былые времена спутники и другие планеты имели устоявшиеся одинаковые названия у разных народов.

* * *

Ва носилась с ребенком на руках и никого к себе не подпускала до тех пор, пока ребёнок не начал пытаться ходить. Первое время она его не отпускала и не давала учиться. Ползать разрешала, но как только он пытался подняться, хватала и прижимала к груди. Потом её удалось уговорить, что если ребёнок ходит — это хорошо. После этого она начала оттаивать. Вернулась возможность ненадолго приводить её в сознание с помощью ласк и похвал. Я начал интенсивно выводить её на осознание глубоких страхов, и вскоре время пребывания в сознании значительно увеличилось. Через пять лет после родов Ва почти вернулась в норму. Она стала очень тихой, робкой и всё время пряталась за ребёнка или за меня.

А вот ребенок рос полной оторвой. Носился, везде лез, падал и стучался, что ему ничуть не вредило, и лез снова и снова. Я пытался воспитывать его в строгости.

Мы регулярно отправляли детей на поверхность, в одно селение, где их приставляли к

делу. Они должны были делать всё, что делают дети племени — охотиться, работать и собирать плоды. Детям было сказано, что когда они вырастут, то будут отправлены на поверхность и создадут свое селение. В этом мы их обманули, отправлять их на поверхность после окончания обучения никто не собирался. Но так они серьёзнее относились к жизни.

* * *

Из моего родного мира пришёл посыльный и привёл за руки души моих отца и мамы. После смерти они выразили желание остаться вместе и перейти в мой мир. Папочка сказал, что в этом мире скоро будет много наших людей и что мне может потребоваться помощь с управлением этими людьми. Мама была против перехода в другой мир, но пошла за отцом.

Удивили.

Для начала я дал папочке жизнь в теле ребёнка одного северного племени на «моём» континенте. Этот ребёнок должен был стать вождём с ключевой ролью, от успешности выполнения которой зависело очень многое. Мамочку отправил в девочку, которая должна была стать женой этого вождя.

* * *

Ещё через некоторое время в наш мир привели душу Ангелы. Ангела сказала, что любила меня в детстве чистой детской любовью, была рада быть мне женой и хотела бы повторить, быть где-нибудь рядом. Мы с ней напару взгрустнули, вспомнив старые безответственные времена. Я сказал, что теперь быть рядом со мной просто человеком невозможно, требуется глубочайшее изменение — либо ты умеешь противостоять бесам, либо нет, либо полностью знаешь своё устройство и контролируешь все хотелки, либо они из тебя тут же сделают слизь. Ангела выразила желание дойти до конца и стать максимально полезной.

Договорились, что для того, чтобы стать по-настоящему светлой душой и моей помощницей с вечной жизнью, ей необходимо пройти через некоторый опыт среди людей на поверхности. Поместил её душу в мальчика — ящера, в семью, где наиболее радостно восприняли учение, которое Три Кольца распространяла среди улиток. Мальчику предстояло стать подвижником и распространителем этого учения среди ящеров, что должно было дать ему много мудрости. Ангела была сильной и мечтала о жизни благотворением ещё в крайнюю жизнь, эта предстоящая жизнь подвижника должна была вывести её на качественно новый уровень развития.

Глава 30

Столетия полетели

Люди моего мира благополучно размножались. Пока их удавалось разводить по свободным землям до того, как они успевали поссориться. Людей с узкими лицами и длинными носами, с приспособительными признаками для жизни в холодных условиях мы научили жить в северных землях, где некоторую часть года занимала зима с отрицательными температурами. Это позволило начать осваивать большие пахотные земли, которые впоследствии должны были стать основным источником зерна для моего континента.

Водные люди освоили побережья родного континента и научились делать инструменты из растущих в воде деревьев. Мало того, они научились менять рыбу на дерево с сухопутными людьми. Из этого дерева они стали строить парусные лодки. Устраивать дальние походы даже на самых небольших лодках им было не страшно. Лодки им были нужны не для спасения от воды, а для увеличения средней скорости передвижения. Благодаря походам они освоили дальние острова с обширными мелководьями и основали там новые колонии. Они даже завезли на эти острова сухопутных людей, чтобы было с кем заниматься безопасным сексом.

Некоторые из особо любопытных водных людей добрались на своих лодках до континента Виры. Они оказались мудрыми людьми и не стали сразу высаживаться на берег, решили сначала понаблюдать издалека. Посмотрев на то, какие войны шли на континенте и насколько жестокие там были отношения, водные люди пришли к правильному выводу и решили сохранить своё существование в тайне. Мало того, они предупредили своих сухопутных людей на островах и знакомых на континенте, что надо быть готовыми к вооружённому вторжению.

Мы рассказывали детям кое-что об истории других миров, в том числе о том, что среди людей бывают войны. По этой причине наши люди отнеслись к информации серьёзно и стали готовить молодёжь, учить боевым искусствам. Поскольку вторжения не случалось на протяжении десятков лет, регулярные военные сборы со временем превратились в нечто типа фестиваля. Люди на них собирались, чтобы поесть, побить друг друга учебным оружием и весело отпраздновать это дело. (Настоящее металлическое оружие у них было, но на фестивалях использовалось только деревянное).

Пока вторжения можно было не бояться, даже при том, что наших людей пока было значительно меньше, чем на континенте Виры. Мы учили наших людей выделке стали. У наших людей были совершенные доспехи, мечи, луки, щиты, арбалеты. Люди Виры умели делать только копья с каменными наконечниками и дубины. У наших людей было много крупных домашних животных типа слонов, даже у тех, кто жили на севере. При необходимости они обвешивались броней и превращались в натуральные танки. Кроме того, каждое селение продолжало держать союзных крупных хищников, животных типа тигров или медведей. Несколько семей в каждом селении, промышлявших пастушеством, жили за оградой селения и подкармливали этих хищников, а зачастую и жили с ними. С этими хищниками детей отпускали в лес за ягодами, считалось, что под их защитой детям ничего не угрожает. Вторглись завоеватели прямо сейчас, им бы не поздоровилось.

А ещё были водные люди, которые пообещали разбирать все корабли прямо в океане и получили для этого от сухопутных людей соответствующие инструменты и кое-что ещё по

* * *

Особо любопытные из рогатых людей Лаганы ухитрились добраться до моих людей и войти с ними в контакт. Обе стороны весело изумилась тому, как можно жить без рогов / с рогами. Рогатые люди были в шоке, увидев водных людей и отношения сухопутных людей с водными. По этому поводу устроили пир и эксперимент на половую совместимость всех трёх рас. Зачать ребенка не удалось, но все три стороны согласились, что это, возможно, из-за краткости контактов. Разведчиков пригласили заходить ещё и отпустили восвояси с подарками. Рогатые люди пригласили водных людей осваивать побережья их земель. Водные люди обещали передать приглашение своим океанским братьям (дело происходило около озера).

Морские водные люди приглашение восприняли всерьёз и появились у побережья континенты Лаганы уже через год. Здесь они обнаружили огромные заросли водных деревьев, которых не было на моём континенте. Ещё они вытребовали у рогатых такие условия торговли, которых ни за что не достигли бы в обмене с «моими» людьми. Те знали их с самого начала и все их увёртки и хитрости тоже. Одним словом, на континенте рогатых людей водные люди устроились с удовольствием.

* * *

Через шестьдесят лет на огонек заглянула Ириселла, локальная богиня, с которой мы вместе учились на Земле. Она прожила долгую жизнь, умерла в преклонном возрасте и только начинала хозяйствовать в своём мире. Мы поделились с ней некоторыми находками в области того, как развивать миры. Потом немного подумали и наняли на континенте Виры несколько семей для ухода за малышами в её мире. Ириселла была удивлена новостью о том, что существует много миров, локальные боги которых мечтают присоединиться к ней на любых условиях. Она лелеяла тайную надежду присоединить свой мир к моему и свалить на меня большую часть забот. Оказалось, что вместо этого ей придётся очень долго быть лидером множества миров, а потом и отдельной планеты.

Через небольшое время зашли другие старые знакомые по учебе — Джош, Диррик, Лян. Они начинали развивать свои миры. Остальных сокурсников я нашел сам. Все только осваивали обязанности локального бога. Дела у всех шли неважно, неразвитая биосфера и постоянно норовящие убиться дети не давали расслабиться ни на секунду. Новость о том, что теперь мы отрезаны от основной системы обучения и поддержки, коллег не обрадовала. Мы договорились о взаимной помощи.

* * *

Из «домашних» улиток появилась первая светлая душа, которая после смерти на собеседовании сказала, что хотела бы служить богу и идеалам праведности. Остальные в

ответ на вопрос: «Как бы хотел жить в следующей жизни?» начинали перечислять, сколько скота, еды и друзей им хотелось бы иметь.

Род ящеров, в котором жила эта улитка, был не очень добрым, и её часто обижали. По этой причине у неё было много шансов обдумать, как она хочет жить — обидами и гордостью или только любовной заботой. Она выбрала любовную заботу. Потом она решила, что любовная забота не исключает жёсткого отстаивания своих интересов и выгрызла себе удобный домик с улучшенным питанием. К нам она пришла почти сформировавшейся идеальной личностью, с решением жить любовью, но при этом и с уверенностью в том, что необходимо смотреть по сторонам и активно преобразовывать окружающий мир к лучшему. Я дал ей имя «Четыре ромба в круге» и повесил на неё обязанности летать на облаке и рассказывать улиткам основы учения праведности, обязанности, которые раньше выполняла Три Кольца. Ради неё я даже запустил хрустальный восстановитель тел, чтобы получить её в работницы как можно быстрее. Из восстановителя она вышла с тем же телом, как в прежней жизни, и с полной памятью.

Три Кольца была невероятно счастлива, что эта трудоёмкая задача была с неё снята. За прошедшее время у неё появилось множество намного более важных задач.

Четыре Ромба в Круге её имя не понравилось, она заявила, что её узор сложнее. Но имя она приняла. Возложение обязанностей быть лицом божественного мира для улиток и частично для ящеров повергло простую улитку в панику. Она попыталась отказаться. Я сказал, что если она найдёт другого кандидата, то я освобожу от этой задачи.

Четыре Ромба поползала пару дней по нашему божественному миру, посмотрела, насколько плотно заняты служебные боги и немногие люди, и поняла, что вариантов нет. Я научил её летать и имитировать облако вокруг себя, научил переноситься по миру. Ещё я дал ей возможность телепатировать звуковую речь — умение, которое совсем недавно получила Три Кольца.

Три Кольца сделала так, чтобы все молитвы улиток приходили к Четыре Ромба.

Ящеры и улитки испытали новые для себя чувства, увидев в роли посланницы богов улитку, которую совсем недавно видели в качестве соседки.

С появлением Четыре Ромба возникла ещё одна проблема: сексуальность у неё после перехода в наш мир выросла, а свободных парней или улиток для неё не было. В итоге она взяла на себя функцию, которую выполняла на поверхности — ублажала подростков.

* * *

На континенте Виры «моё» государство распространялось медленно, но верно. Окружающие племена, плохо управляемые и голодные, имели глупость нападать на богатые и зажиточные селения на границе. Вследствие этого войска «моего» государства даже из числа недавно присоединённых племён сражались упорно и самоотверженно, присоединяли новые и новые племена. Единая государственная власть распространялась на всё новые племена, всем давались единые права и внедрялась единая религия. Проводились дороги, открывались рынки. Обработку металлов мы на этом континенте не внедряли, но разного рода изделия из глины, ткани, украшения и инструменты пользовались большим спросом. Единые суды прекратили грызню между племенами, а жрецы опосредованно присматривали за судьями и заметно сдерживали коррупцию. Уже во втором поколении люди и подумать не

могли о том, чтобы жить без государства, особенно учитывая то, что окружающие дикие племена иногда объединялись и прорывались достаточно глубоко.

* * *

В государстве Серена и Виры возникла другая закономерность: посаженные на удалённые места сынки племенной верхушки через некоторое время соображали, что при наличии крепости и военной силы они и сами могут быть правителями собственного маленького царства, и тогда не придётся отсылать значительную долю урожая родителям. Покорённые племена поддерживали сынков в их в сепаратизме. В итоге через пятьдесят лет после начала строительства государства возникло большое количество сражающихся маленьких царств. Несмотря на общий беспорядок, это безобразие тоже распространялось, распространялось ради захвата рабов и новых земель.

Серен и Вира делали вид, что соглашались с таким положением дел, консультировали правителей, подсказывали, как завоевать другие племена. Но при этом организовывали будущее восстание, искали людей, способных к организационной деятельности ради общего блага. Основным аргументом против действующей власти было то, что царьки губят людей, заставляя их сражаться другим другом, в то время, как простым людям эти войны совсем не нужны.

В один прекрасный день грабительские начальники обнаружили, что все как бы покорённые народы их больше не слушаются. Организованные Сереном люди выбрали своих начальников при условии, что они будут каждые пять лет сменяться и становиться простыми работниками. Хорошо вооружённые и привыкшие к непрерывным сражениям царьки попытались восстановить свою власть. Кое-где им это удалось. Такие царства объединились ради борьбы против единого как бы народного государства.

Если бы не было Серена и Виры, у них был бы шанс. Но при той организационной силе и при тех разведанных, которыми поддерживали своих Серен с Вирой, у них шансов не было. Так возникло обширное как бы народное государство. Серен был счастлив.

В ходе боёв погибло довольно много людей, и это государство расширялось намного медленнее, чем моё.

* * *

Государство Линдси тоже распространялось. Как и предупреждала Линдси, людей первого племени, которое стояло у истоков государства, для всех правящих постов не хватило. Люди первого племени вышли из ситуации элегантно просто: себя они сделали людьми первого сорта, оставив себе все главные должности. Для выполнения остальных государственных задач они подтянули несколько племен из числа тех, которые были завоёваны первыми, и сделали их людьми второго сорта, позволили им быть правителями и чиновниками в дальних городах или на исполнительных должностях. Все остальные были людьми третьего сорта, им оставили возможность быть рабами или простыми работниками. Жесточайшее принуждение силой, ограбление, все отрицательные свойства рабства и закабаления были в ходу в этом государстве. Однако, благодаря выборной системе высшей

власти и судов им удавалось удерживать достаточно дееспособную власть.

Как мы и ожидали, через девяносто пять лет государства встретились. Сначала встретились моё государство и люди Линдси. Люди из моего государства были шокированы тем, насколько злые порядки были заведены в соседнем государстве с как бы выборной властью. В «моей» империи тоже порядки мягкостью не отличались, если какое-то селение отказывалось выставлять мужчин на войну, то селение могли и вырезать наполовину. Но то, что наши люди увидели в стране выборной власти, их шокировало. У нас люди были лично свободными, обращать их в рабство было запрещено. Они все считались равными гражданами. У противника они увидели многоуровневую систему унижения и разделения на более бесправных и менее бесправных, подкреплённую заносчивой уверенностью в том, что именно это безобразие должно царить во всех землях.

Поначалу с государством Линдси встретились окраинные племена, совсем недавно приведенные в подданство. Их докладам о том, что рядом появилось другое государство, в центре поначалу не поверили. Потом начальник пограничной провинции государства Линдси решил прославиться и попытался завоевать соседнюю провинцию «моего» государства. Он имел глупость думать, что это и есть всё противостоящее государство, а заслать разведчиков под видом купцов даже не подумал.

Вторгнувшуюся армию ждал неприятный сюрприз. Войск в пограничной провинции было немного, после проведения её к подданству почти все войска были выведены. Но те, что остались, были хорошо обученными профессиональными воинами. По моему настоянию уважение к хорошему обучению в любой области человеческой деятельности было введено в традицию на всех уровнях государства.

Воинов поддерживало ополчение вновь присоединённых племён, не столь обученное, но зато очень хорошо мотивированное. Эти люди уже знали, какое рабство несёт им соседнее государство. Значительно превосходившая их численностью армия вторжения понесла такие потери, что от неё почти ничего не осталось. Защитники организованно отошли в соседнюю провинцию вместе с гражданскими. Тогда в центре поняли, что дело повернулось всерьёз и пора думать о выживании.

Через полгода собранная со всех племён хорошо обученная армия разнесла все армии и укрепления государства Линдси по кирпичику. Линдси пыталась помогать своим, подбрасывала им информацию о перемещении войск. Я ей не мешал, но таким же образом помогали и давал советы своим. Дело решило то, что в «моём» государстве было больше людей и они были лучше обучены и мотивированы. Та сплошная система застарелой ненависти и грабежа, которой было «выборное» государство Линдси, рухнула при первом же толчке. Многие племена перебежали к моим людям при первой же возможности.

«Народное» государство столкнулось с «моим» немного позже и первое время жило в мире. У обеих сторон не было никаких интересов на другой стороне. Даже торговли не было. «Народное» государство не могло предложить ничего, кроме простых продуктов. Торговцы из «моего» государства могли предложить только красивые вещи, продукты престижа, а на них спроса не было. У людей противоположной стороны просто не было достаточно денег, даже у тех, кто правил. Несколько раз при неурожае государства по очереди продавали друг другу продовольствие за золото. Потом это же золото возвращалось обратно при неурожае в другом государстве.

Потом в государстве Серена начала разворачиваться деградация. Родители начали передавать власть детям, а дети родителям. Простые работники попасть во власть не могли,

так как правящие семьи за время правления обзаводились вооруженными сторонниками, запасами разных ресурсов, благодаря которым во время смены властей просто не допускали к выборам новых властей никого, кроме своих родственников. Иногда даже убивали тех, кто пытался выдвинуть кого-нибудь другого.

Народ ответил тем, что перестал работать. Собрав кое-как урожай, достаточный для выживания на минимуме, люди теряли интерес к производству, так как знали, что всё остальное всё равно присвоит себе правящая верхушка. В некоторых областях из-за этого случился голод. Люди побежали в соседнее государство, где благодаря действующей судебной системе и стабильному государству стали жить намного богаче. Это вызвало новые волны эмиграции.

Правители «народного» государства не придумали ничего лучше, как попытаться вернуть своих людей силой и захватить новых. Это государство было разгромлено ещё быстрее. Власти «моего» государства ожидали чего-то подобного и втайне держали крупные армии рядом с границей. Успеху способствовало ещё и то, что граждане «народного» государства вообще не хотели защищать свою страну.

Серен тоже пытался помогать своим войскам советами и даже добился некоторых тактических успехов. Но это вызвало только лишнее кровопролитие. Тяжело воевать, когда половина войска при виде противника переходит на его сторону или просто разбегается...

Таким образом на континенте Виры появилось одно, довольно мощное государство. Его торжественно называли «Империя ПСИС», что расшифровывалось как «правосудие, свобода, изобилие, справедливость». И вот это означало, что Большие Проблемы начались. Во-первых, было очевидно, что теперь это государство начнет рассылать экспедиции во все стороны просто из любопытства. А на соседних континентах жили намного менее многочисленные народы, только начинающие жить, к тому же других видов. Во-вторых, в условиях отсутствия конкуренции можно было ожидать быстрого роста коррупции внутри государства и связанных с нею проблем.

Ожидания реализовались гораздо быстрее, чем мы надеялись. Пятое — шестое поколения «мальчиков из хороших семей», сынки самых богатых и влиятельных чиновников государства, деградировали слишком быстро. Привыкшие к безнаказанности, к богатству и роскоши, они уже не могли подумать о том, что что-то может пойти плохо. Получив влиятельные и доходные места почти без усилий, они образовали непробиваемую массу коррумпированных и незаконных грабителей. После победы над вражескими государствами у них исчезли какие-либо причины чего-либо опасаться, и они кинулись во все тяжкие. И если в столичных землях они как-то сдерживались, то в дальних провинциях и в недавно завоёванных землях они грабили так, что не оставили народу никаких шансов на выживание. На западе континента управляющая верхушка долго терпела, так как многие управленцы были выходцами из покорённых народов и не хотели предавать оказанное доверие. К тому же ещё была свежа память о недавнем военном разгроме. Но когда восстала провинция, изначально принадлежавшая империи ПСИС, все недавно завоёванные провинции полыхнули вслед за ней. Восставшие провинции быстро спелись и организовали единое управление. Но теперь это были не аморфные «народные государства», а полноценное государство, копирующее устройство империи ПСИС и её религию. Основой высокого боевого духа нового государства было убеждение в том, что нельзя допускать коррупцию и паразитизм. Кое-какие традиции были взяты и из народного государства, люди ещё помнили, как начальники каждые пять лет возвращались в работники.

Империя ПСИС начала собирать армию. Руководителя для неё выбрали по законам коррупции. Поскольку победителю должны были достаться большие доходы и слава, военачальником назначили сынка одной из самых богатых и влиятельных семей, полного дурака. Все об этом знали, но в победе не сомневались, так как предыдущие победы уверили в непобедимости войск империи.

Дурачок показал, что можно проиграть войну даже при кратном превосходстве в количестве войск. Восставшие сражались отчаянно и с выдумкой, сочетали партизанские действия с большими сражениями. Я помогал им советами и тактической информацией. Империи не помогал никто. В итоге империя вынуждена была запросить мира и признать новое государство из числа восставших провинций. Восставшие приняли самоназвание «Государство Свободных Людей», что на их языке звучало как «Самоначи».

Империя ПСИС на появление конкурента отреагировало очень болезненно. В верхах провели чистку, выгнали наиболее разложившихся персон и ввели кое-какие законы против роскоши. Но воевать снова не рискнули, решили приискать новые земли где-нибудь ещё, и начали строить океанские корабли.

* * *

Ангела прожила жизнь религиозного подвижника. Сначала она, точнее, он (в этой жизни Ангела была мальчиком Энжи) был просто одним из хранителей традиций и реликвий племени. В том числе того учения, что распространялось среди улиток и ящеров. Потом Энжи столкнулся с неконтролируемостью страстей, с невозможностью удержаться от гнева, и сообразил, что надо отказываться от себя полностью.

Около тридцати Энжи вышел на Преображение. Он пытался рассказать своими словами всем окружающим, насколько это прекрасно, но ему не хватило словаря понятий, и люди слышали только «добрым быть хорошо, злым быть плохо». И тут Энжи не удержался. Не хватило смирения и мудрости. Вместо того, чтобы просто быть образцом и авторитетом, Энжи решил создать теократическое государство и приводить всех к правильному пониманию силой. Эта затея была с восторгом принята многими его последователями, они создали весьма активную секту и попытались организовать город — государство со своей религией. Агрессивность их подвела, окружающие племена ящеров объединились и разогнали зарождавшийся город. Энжи и его секта ещё три раза пытались создать свой теократическое город — государство. Энжи умер в старости во время третьей попытки.

После смерти я показал Энжи, как сильно и глубоко распространилась бы религия, если бы она осталась просто авторитетом, как много людей — ящеров перестало бы жить скотской жизнью и значительно провинулись. Энжи понял, что из-за его торопливости и ожесточения потерял много хорошего, и сильно плакал. Попросил дать такую жизнь, в которой можно было бы освоить смирение, хотя бы самую позорную и нищую жизнь.

Между делом, пока обсуждали варианты и философию, ещё до того, как к Энжи вернулась память Ангелы, он спросил меня, можно ли считать, что жизнь на поверхности — это не реальная жизнь, а только игра, симуляция, и что настоящая жизнь здесь. Спросил, может ли быть ещё более настоящая реальная жизнь при встрече с Создателем Вселенной?

Я удивился и сказал, что все жизни одинаково реальны. И на поверхности, и здесь. Откуда вопрос про реальную или нереальную жизнь?

Энди пояснил, что у них обсуждалась такая версия, что мир на поверхности — это подобие сна, имитация реальности, чтобы на простых примерах дать людям вырасти, не причиняя вреда сути Вселенной. Я посмеялся и сказал, что в любом случае в любой реальности человеческой душе, которую приводит в действие дух, что от Бога — Создателя, душе всегда требуется тело. Хотя бы информационное тело, которое будет преобразовывать идеи в действия с информацией и воздействия на материю.

В конечном итоге да, действительно стоит задача получить таких разумных существ, которые могли бы воздействовать мыслью на материю. Частично у меня есть такие возможности. Но простым людям такие возможности дать невозможно, поскольку они не контролируют свои мысли и желания и создадут вокруг себя сплошной хаос, даже не замечая этого. Поэтому пусть работают руками. Для этого им требуется тело с физическими манипуляторами. Если человек может работать и задаваться вопросами о том, как управлять своим сложным телом и какова конечная цель деятельности, то это пространство, в котором он находится, будет для него ничем не хуже и не лучше любого другого пространства. Не будет никакого более настоящего пространства. Возможно, что будет пространство, в котором будет больше возможностей и которое будет больше, как отличаются наша Вселенная или наши локальные миры. Но они все одинаково настоящие.

Энжи спросил, а могу ли я дать человеку счастье, чтобы он сразу стал счастливым?

Я выдержал паузу и спросил, как он себе это представляет? Энжи подумал и сказал, что как минимум должны быть еда, тепло и удовольствия. Я сказал, что нет никаких проблем создать такое растение, от которого будет тянуться к человеку труба, через которую будут идти питательные вещества, и оргазмы будут каждые десять минут. Правда, придётся всё время лежать в ветвях деревьев или ходить не далее трёх шагов. Пойдёт такое счастье?

Энжи признал, что нет, захочется действий, общения... Я подсказал, что захочется и одобрения общества, и совершенства, и умения понимать суть происходящего, а на определённом этапе и превосходства над другими людьми. Придётся бороться с этим желанием, находить ему пределы и методы контроля. А счастье появляется только тогда, когда чувствуешь, что всё сделал так, как надо.

Энжи успел удивиться тому, неужели я никак не смогу изменить суть человека снаружи, но тут у него всплыли воспоминания Ангелы, и личности стали объединяться. Стали не до философии...

Через некоторое время Ангела переварила опыт Энжи и снова стала Ангелой. Очень интересно каждый раз наблюдать, как у человека объединяются личности. У обычных людей обычно последняя личность самая опытная и как испытывавшая самые сильные чувства становится доминирующей, а все прежние жизни воспринимает как подготовительный опыт. У тех, кто уходит на поверхность по собственной воле, очень часто остаётся та личность, в состоянии которой они поставили себе цели кем-то стать или достигнуть определённых успехов. Сохраняются и привязанности, и чувства по отношению к любимым людям. А опыт новой жизни воспринимается только как дополнительная информация, как курсы повышения мастерства.

После того, как Ангела наобнималась и наплакалась уже из-за радости встречи, я вернулся к разговору о счастье. Сказал, что даже в нашем божественном пространстве слуги из числа людей имеют всё, чтобы быть счастливыми, но они не могут. У нас избыток еды, у нас тепло и не нужна одежда, можно спать под любым кустом. У нас нет половых болезней и можно устраивать любовь с кем хочешь когда хочешь, ограничивают только проблемы

недопущения близкородственных браков.

При этом наши люди всё равно постоянно ссорятся. Кто-то кому-то что-то слишком сурово сказал по работе, и обиды на неделю. У кого-то курица забрела в соседний двор, и давай делить кур. Кто-то из родителей решает сделать из детей идеальных людей, чтобы служить почитаемым ими богам, и начинает их прессовать так, что доводят детей до полного нежелания жить. Некоторые родители, наоборот, позволяют детям всё и получают несдержанных эгоистов с абсолютно оскорбительным поведением по отношению ко всем окружающим. Я каждый раз поражаюсь, какие удивительные и непредсказуемые причины наши люди изобретают для того, чтобы поссориться или нагнать друг на друга печали.

Так что в среднем наши люди хорошие и хотят всего наилучшего, но вот как только дело доходит до дела, так жить рядом с ними невозможно. Почему? Бесконтрольность животной природы плюс тяга к животному доминированию плюс гордость за своё «я». И этому никак не научишь, это отрабатывается только на собственном опыте в течение сотен лет.

— Но давать людям жить в течение сотен лет невозможно, так как велика вероятность прерывания жизни из-за малого количества детей, если установить короткий срок размножения, или возникнет угроза перенаселения, если возраст размножения увеличить, поэтому приходится устанавливать продолжительность жизни до ста лет, а размножение тридцать лет, с многочисленными перевоплощениями, правильно я математику поняла? — продолжила мысль Ангела.

Я согласился.

Я не хотел отпускать Ангелу на поверхность, просил остаться в роли помощницы на посылках, так как нам очень не хватало тех, кому можно было хоть что-нибудь поручить. Ангела рыдала и просила дать возможность исправиться. Это было непросто, её душа уже настолько истончилась, что она могла освоить ряд сверхспособностей сама по себе, просто пожелав этого. В итоге решили её послать в семью одного из последователей Энжи, но при этом сделать девочкой и лишить зрения.

В честь любимого недавно почившего пророка родители назвали девочку Энжидуховина. Несмотря на слепоту, её любили за жизнерадостность и покладистый нрав. Однако, сама Энжи очень страдала, что она никак не может помочь своей семье прокормиться, да и старшие члены семьи не очень сдерживались, называя её «наша бестолковая захребетница».

Начиная с восьми лет слепая девочка начала удивлять родителей и всех окружающих, рассказывая о событиях, происходивших на большом расстоянии. А потом она начала рассказывать истории из прошлого и будущего встречных людей, что понравилось далеко не всем. Иногда она могла увидеть, что происходит в мире богов, в нашем облачном замке, и это не всегда нравилось нам. А ещё она никогда не ошибалась.

Больше всего на неё обиделись последователи Энжи. Она не только предрекла им перерождение в свою противоположность, в злой культ после прихода к власти, но и указала, когда конкретно это произойдёт и кто именно будет в этом участвовать. Были названы имена ведущих людей секты. В итоге родителям девочки пришлось бежать всей семьёй в другую землю, из-за чего они долго голодали. Секта последователей Энжи после этого распалась.

Со временем Энжи начала сообщать, какую информацию лучше утаить или сказать иносказательно, и стала широко известной и весьма богатой провидицей. Ближе к двадцати годам она углубила свои способности и получила возможность заглядывать на соседние

континенты. Посмотрев на то, что творилось на континенте Виры, Энжи стала очень религиозной и начала углубляться в аскетику. Послушать её рассказы о том, что на самом деле творится в мире, приходили самые уважаемые люди. Благодаря Энжи — провидице авторитет религии, было пошатнувшийся после смуты, вызванной Энжи — мужчиной, вырос весьма значительно.

Энжи не успела пройти полностью Преображение так, чтобы переписать все образы поведения, но продвинулась достаточно. Я дал ей возможность дозреть в облачном замке, богиня смерти перенесла душу и память из разрушенного тела в копию тела в хрустальном камне, на этот раз со зрением. Через пять десятков лет Энжи превратилась в нашего первого человека, прошедшего полный путь преобразования. Её возможности оказались выше, чем у служилых богов. Как выяснилось в ближайших выходах на помощь соседним планетам, она легко справлялась даже с бесами. Обычные люди с бесами не могут сражаться вообще, бесы в первые мгновения внушают иллюзии, после чего могут сделать с людьми что угодно. Энжи научилась полностью контролировать и страсти, и иллюзии, расстроить её оскорблениями или продавить волей было невозможно. При встрече с бесами она могла завязать их в узел даже лучше, чем я.

Не очень довольной осталась только Лагана, так как Ангела — Энжи могла в любой момент заявиться ко мне пообниматься. Ей было одиноко, и когда становилось совсем тяжело, она шла ко мне, чтобы получить любовь своего давнего друга. Поласкавшись, Энжи восстанавливала жизнерадостность и шла работать дальше. Вообще-то Лагана была щедрой и не возражала против того, что другие дамы могут иногда ласкаться со мной или даже устраивать соития. Но все остальные признавали, что Лагана — моя первая и настоящая любовь, жена и симпатия, а Ангела как заявила, что была мне женой намного раньше, чем все остальные, так и держалась этого мнения. Лагана шипела, что она даже не богиня и не сможет удовлетворить своего господина настоящим соитием, а всё туда же, первенство утверждать.

Я отмалчивался. Энжи после полного прохождения Преображения секс был не нужен, она приходила для взаимодействия на намного более высоком уровне — коснуться дружелюбной души, которая никогда не будет врагом, и почувствовать, что ты не одна во Вселенной. Лагана, которая Преображение не проходила и по мотивации поведения оставалась обычной женщиной, хотя и очень развитой, чувствовала её преимущество, поэтому и шипела.

* * *

Понемногу подросли дети, рождённые в облачном замке. Лагана передумала и родила двух прекрасных малышей, девочку назвали Така, мальчика Тик. Малыши получили простые души, такие же, как у людей на поверхности, неведомые нам случайные души из хранилища, куда они попадали из центра Вселенной. Удивительно, но при этом они оказались очень тихими и беспроблемными малышами. Даже подростковый этап освоения способностей отстаивать свои желания прошёл почти безболезненно.

Наш с Ва сын по имени Котёнок (как Ва его назвала, так он и остался) оказался шустрим, с претензиями на лидерство. Остальные дети его недолюбливали из-за некоторой заносчивости и чрезмерной гордости его папой и собственными способностями. Когда он

был подростком, я поручал ему участвовать в экспедициях людей на поверхности по изучению новых земель. Путешествия организовывались летом, когда были каникулы. Он побывал во множестве новых мест, научился выживать в разных условиях, что позволяло ему гордиться собой без подавления других детей.

Дети Серена и Гу были самыми старшими и самыми серьезными. Во многом именно на них легла забота о других детях. Кроме них, было ещё три десятка детей разных слуг из числа людей, которых со временем становилось всё больше и больше, и у них тоже появлялись дети.

Мы учили детей выживать на поверхности, но после пятнадцати лет обучения их отправили в отдельное пространство, созданное в качестве резервного для светлых душ. Там детям была поставлена задача создать все образцы техники, которые мы затем будем внедрять на поверхности, а в перспективе компьютеры и программы. Необходимо было также развить математику, физику и другие науки.

Детей учили мы с Сереном, а затем и Ва. Учили по памяти, на основании того, что узнали в молодости на Земле и на курсах молодых богов. Как неожиданно выяснилось, мы почти забыли теоретические науки, помнили только основы. С помощью божественных способностей мы могли вспомнить любую страницу текста, которую видели, но в этом ещё надо было разобраться...

Надеяться на помощь со стороны не приходилось. После того, как нас отрезали, все те, кто хорошо знал теорию, оказались очень заняты. Пришлось учить детей так, чтобы они могли быть учёными.

Перед тем, как отправить детей развивать науку, мы перед каждым из них поставили выбор — либо отправляешься на поверхность и живёшь обычную человеческую жизнь с последующим быстрым развитием из жизни в жизнь по законам кармы, либо работаешь учёным сотни лет с искусственным продлением жизни. Все выбрали быть учёными.

Мы разрешили детям искать супругов из числа друг друга или на поверхности, всем, кроме Котёнка и детей Лаганы. Они унаследовали часть божественных сил и были опасными для обычных людей. Я подумывал сделать Котёнка со временем кем-то вроде служилого бога, для особых поручений. А пока его силу с удовольствием поглощала Линдси.

В научном деле Котенок оказался один на один с теоретическими проблемами, что позволило избежать проблем с его попытками лидировать среди других молодых людей.

* * *

Рогатые люди Лаганы продолжили исследовать сушу и дошли до ящеров Линны. Обе стороны были невероятно удивлены, что такие живые существа тоже бывают. Потом они сравнили свои религии и осознали, что они практически идентичны. Из этого факта они сделали вполне логичный вывод, что о них заботится одна и та же команда богов. С собой рогатые люди унесли малышей улиток, чтобы сделать их такими же домашними разумными существами, как у ящеров. Очень им понравилось, как улитки жили в родах ящеров.

Ящеры попробовали рогатых людей на половую совместимость и поняли, что от них, как и от улиток, забеременеть невозможно. Они предложили рогатым людям жить в их мире в роли сексуальной забавы. Рогатые люди предложили мужчинам и женщинам ящеров пойти с ними, чтобы улаживать неудовлетворённых людей их мира. Обе стороны подумали и

отказались. Решили, что когда людей станет больше и они станут жить ближе, к обсуждению этой идеи стоит вернуться.

Ещё рогатые рассказали ящерам о водных людях. Ящеры тоже захотели, чтобы рядом с ними жили водные люди. Рогатые люди обещали передать водным людям, что их приглашают ещё и на эту землю.

* * *

Ва после того, как Котёнок подрос и ушёл в отдельное пространство, ходила совсем потерянная. Мы давали ей разные задачи, вызывающие умиление — уход за малыми детьми, обучение санитарии дальних поселений, распространение животных. Ва их выполняла, но совершенно отстранённо. Выполнив задание, она возвращалась и садилась у моих ног, если могла меня найти. А если не могла, потерянно ходила туда — сюда по облачному замку. Смотреть на неё было больно. Я предложил ей уйти на новое воплощение. Ва немного поколебалась. Она боялась потерять целительские способности. Я пообещал ей, что она получит намного большие целительские способности после возвращения.

Когда Ва узнала, что я предлагаю ей жизнь мальчика — религиозного жреца в государстве на континенте Виры, она засомневалась ещё больше. Потребовала жизнь в женском теле. Я сказал, что у неё душа высокого уровня и в женском теле ей будет тесно, ей будет хотеться общественной или религиозной деятельности, а во всех наших землях идёт взрывной рост населения, из-за чего жизнь женщин ограничена вполне определённой деятельностью.

В конце концов договорились, что Ва будет женщиной — религиозным подвижником у водных людей.

Я послал к Ва богиню смерти. Та перенесла душу старой подруги в тело девочки водного народа, которая должна была родиться через два дня. Роды прошли успешно.

Я спустился к родителям лично и попросил их назвать девочку «Васта». Водный народ немного иначе произносил звуки, поэтому получилось нечто типа «Уайста», но в целом было похоже.

* * *

Рогатые люди в стране Лаганы размножились настолько, что соседние сёла начали конфликтовать. Встал вопрос о создании государства.

В каждом селении рогатых людей был свой жрец, к которому приходили наши служебные боги и передавали разные советы. Все эти жрецы начали говорить людям, что они должны выбрать глав провинций, начальников судов, начальников полиции и главного правителя. Народ почесался и сделал как сказано. Идея третейских судов им была известна давно, а конфликты между сёлами действительно стали проблемой для всех. Суд в виде государственного выборного суда показался всем хорошей идеей. Государство возникло почти без конфликтов, силу пришлось применить в самом небольшом количестве, когда идею государства принесли в особо удалённые сёла.

Рогатые люди задумались, как их государству распространиться на водных людей.

Водные люди их обсмеяли. Рогатые подумали обидеться. Водные люди сказали, что не стоит обижаться, что они рады жить рядом и поддерживать доброжелательные отношения. Государственные люди подумали и решили, что ничего тут не поделаешь, разрешили водным людям жить по своим законам.

Водные люди развеселились и для того, чтобы рогатым было приятно, нарисовали себе на лбах символ государства рогатых. Рогатые успокоились и стали относиться к водным людям очень доброжелательно.

Эта операция потребовала от всех богов — и локальных, и служилых — очень больших трудов. Поселений рогатых людей было много, а ещё надо было присматривать и за государствами на континенте Виры, и за всеми остальными обществами.

* * *

Водные люди поплыли искать землю ящероловлюдей и приплыли на пустующий континент. Это были остатки того мира, в котором все вымерли после ядерной войны. За прошедшее время мы восстановили на континенте растительность и заселили некоторых животных, в том числе хищников. Обнаружив такой безлюдный заповедник, водные люди удивились и решили, что не стоит такому богатству пропадать без дела. Для начала они изучили все реки и озёра континента. Потом решили, что площадь озёр стоит увеличить, и принялись за обширные земляные работы. Копать им не понравилось. Тогда они решили нанять для земляных работ людей из числа самых страдающих племён континента Виры. Мы еле успели их поймать на полпути и объяснить, что это приведёт только к тому, что сухопутные люди заселят континент, а их выгонят или съедят. Водные люди не поверили в такое коварство. Я посоветовал им изучить историю, как эти люди радостно резали друг друга при создании своего государства. Разрешил расселить на пустом континенте тех из моих людей, которых они утащили на острова для сексуальных забав. Сухопутным людям на островах ещё долго не должно было стать тесно. Но новые земли осваивать тоже полезно.

При этом я честно предупредил водных людей, что надеяться оставить континент за собой не стоит и что сухопутные люди их с суши таки или иначе вытеснят. Мне не поверили ни водные люди, ни их любовники на островах, которые вскоре стали обитателями нового континента.

До ящероловлюдей водный люд доплыл на тридцать лет позже, чем собирались. Ящероловлюди уже забыли, что приглашали водных людей, и решили, что это такие рыбы и новый объект для охоты. Им бы посмотреть на лодки, в которых приплыли водные люди, и сообразить, что они гораздо совершеннее их рыбацких однодревок! Но самодовольство и гордость не способствуют внимательному изучению чужих достижений.

Водные люди утопили посланные на их поимку рыбацкие лодки. У водных людей были металлические инструменты и умение топить корабли — они регулярно тренировались после того, как обнаружили людей на континенте Виры. Ящерам набили морду прямо в воде и выгнали на берег, но объяснить, что приплыли для дружбы и секса, не смогли — языковой барьер не позволил. После этого ящеры долго боялись подходить к воде, а водные люди уплыли на пустующий континент.

Ящеры остались без рыбы, что создало значительные проблемы прибрежным селениям. Линна пришла ко мне жаловаться. Я послал её и богиню охоты к водным людям, попросить

их начать торговать рыбой с ящерами. Водные люди поломались, но через пару лет вернулись и предложили ящерам рыбу за дерево. Бывшим ящерам — рыбакам пришлось сделаться лесорубами, но это был взаимовыгодный обмен — водные люди ловили рыбу куда лучше, чем сухопутные ящеры. Постепенно обе стороны выучили язык друг друга и наладили взаимопонимание. Когда ящеры поняли, что никто на них нападать не будет и что водные люди пришли сюда только для того, чтобы снабдить их рыбой, они начали рыбачить снова. Большинство водных людей после этого вернулись на свой пустующий континент, кроме тех, которые завели любовников среди ящеров.

Следствием этого контакта было то, что ящеры поняли, что можно создавать инструменты из металла. Подробностей они не знали, поэтому им пришлось долго изобретать все технологии самим, но кое-что у них получилось. Это не входило в наши планы, считалось, что человекоящеры должны постепенно уступить земли более жизнеспособным млекопитающим людям. С металлическим оружием это было более проблематично...

* * *

Ва-Уайста вышла на воплощение без памяти о прошлом опыте. Но в душе осталось стремление служить чему-то большему, чем простое выживание. Она стала жрицей потому, что ей было больно смотреть на своих товарищей, живущих исключительно скотскими удовольствиями и дерущихся за звание самого крутого по самой пустяковой причине. Собственно говоря, обязанностей у жрецов водных людей было немного: повторять, что близкородственное скрещивание недопустимо, что надо помнить о том, что люди живут ради обретения совершенства и доброты, и что Бог любит добрых. Со временем появилась ещё одна заповедь — что при битвах за звание самого крутого нельзя применять инструменты.

Уайсту не хотели делать жрицей. Считалось, что жрецом должен быть пожилой мужчина, обладающий авторитетом и победивший во множестве драк. Но Уайста была спокойной, жизнерадостной и не уставала повторять окружающим, что они калечат друг друга на пустом месте. Чтобы не бить каждый раз за то, что лезет в дела мужчин, её всё-таки признали жрицей и поручили учить детей петь гимны во славу бога. Вот этим Уайста и занималась до самой смерти. Когда всё её буйное племя успокаивалось и засыпало в своих полуподводных домиках, Уайста уплывала подальше в океан, смотрела на звёзды и пела гимны собственного сочинения. Мечтала о том, как когда-нибудь полетит к звёздам.

Ещё когда Уайста была подростком, я как-то раз послал к ней Линдси, чтобы та обучила русалочку нескольким музыкальным ходам, а то гимны были очень уж однообразные. Линдси приняла облик водной девушки и как бы случайно встретилась с Уайстой, когда та отплыла ночью попеть песни. Линдси задание выполнила, подружилась с Уайстой, научила её и джазу, и рэпу, и пению акапелла, и ещё много чему.

Уайста продемонстрировала, что даже в состоянии доверчивого подростка дикого племени была не душой, и через некоторое время спросила у Линдси напрямую, откуда она. Линдси была вынуждена признаться, что послана богами. Вот тут-то Уайста и расколола её и на знания о множестве миров, и о том, что это за мир.

После этого Уайста, отплывая в на ночь в море, не только пела, но и смотрела на звёзды

и мечтала.

Именно Уайста уговорила водных людей простить ящеров и вернуться к ним на континент торговать рыбой. Она же уговорила их уплыть обратно, чтобы ящеры сами учились строительству рыбацких лодок и рыбной ловле. Водные люди уплыть не хотели — ящеры снабжали их прекрасной древесиной, из которой получались отличные лодки. Это было куда удобнее, чем обрабатывать подводные деревья.

Уайста был любопытной. Она напрашивалась в каждое дальнейшее путешествие на парусных лодках, которое устраивали водные люди. Благодаря этому она обошла почти все места, где жил её народ, а заодно выучила несколько языков сухопутных людей. Было забавно смотреть, как она сидит на носу, на коленях, вывалив хвост за борт лодки, и мечтательно смотрит вперёд. К управлению лодками женщин не допускали, поэтому ей оставалось только сидеть на носу.

Ах, Уайста, не мечтай о том, что будет о том, когда ты уйдёшь к звёздам... Твоё самое счастливое время сейчас, когда ты сидишь на носу лодки и мчишься к дальним континентам.

Умерла Уайста в глубокой старости, в окружении внуков, любимых учеников и друзей. Я сразу дал ей тело в нашем облачном замке, тело выросло в хрустальном восстановителе. Богиня смерти перенесла её душу из человеческого тела в новое, прямо перед её старым замком. Внешний облик нового тела копировал старую Ва из мира кочевников, только она была выше на голову.

Ва-Уайсту встречали все, кто знал её по прежней жизни. Даже Котёнок выполз из своего дальнего угла. Первой Ва узнала Линдси. Я устроил так, что вся память прошлой жизни вернулась к Ва сразу после того, как она научилась владеть новым телом.

Получив старую память, Ва-Уайста рухнула на колени и осваивала знания добрый час. Мы терпеливо ждали, потом дружно спели ей приветственную песню.

Ва-Уайста не очень поняла, что происходит. Первое, что она спросила, было:

— Господин, отсылание меня на поверхность — это было наказание?

— Нет, драгоценная моя малышка. Ты была больна, душа была повреждена слишком большой божественной силой. Поэтому пришлось дать тебе новое тело, чтобы ты могла начать с начала. Мы все будем через это проходить.

— А почему я помню, что смотрела на тебя снизу, а теперь смотрю не очень снизу?

— Потому, что мне надоело, что ты на две головы ниже меня, и я дал тебе новое тело, в котором ты ненамного ниже меня. Что, мало? Хочешь, могу дать такое тело, что будешь в два раза выше?

Ва испугалась:

— Нет. Не надо, так хорошо. Без хвоста непривычно. Я буду теперь ходить, как сухопутные черепахи?

(«Сухопутными черепахами» водные люди называли всех людей, которые не могли плавать столь же быстро, как они. В лучшем случае водные люди могли ненадолго разогнаться до пятидесяти вёрст в час).

Служилые боги и старые знакомые дружно засмеялись.

— Это как раз для тебя нормально. Но особо ходить тебе не придётся. В одних случаях ты будешь переноситься с места на место, выполняя мои поручения. В других будешь летать. Бегать тебе придётся только для того, чтобы не зажиреть.

— Да, я вспоминаю.

— Будешь служить мне сотни лет или отправишься на поверхность, в жизнь

целительницы? Ты помнишь, кто я?

— Ты был маленьким мальчиком, которого я подобрала в степи для того, чтобы научить невежественных людей западной империи Иделия целительству. И который потом оказался локальным богом, больше меня в сотни раз. Да, я помню. Ты мой господин, я клялась принадлежать тебе душой и телом. Я вспомнила. Я подтверждаю свою клятву. Я буду служить тебе душой и телом, посланницей здесь или агентом на поверхности, чревом для рождения того, что ты решишь породить, или носителем идей, которые ты захочешь вложить в других.

Строй служилых богов и слуг одобрительно пропел славословие новой работнице. За последнее время они значительно улучшили вокальные данные, получилось красиво. Ва пробило на слезу.

— Твой сын из прежней жизни будет рад проводить тебя в твой замок. Он поможет освоиться и вспомнить то, что ещё не вспомнила. Отдыхай пару суток.

Котёнок взял старую новую маму под локотки и повёл в её дворец.

— А ты правда был моим сыном? А почему я не помню тебя маленьким? — услышал я, как Ва спрашивает Котёнка сквозь слёзы.

Я посмотрел им вслед со смешанными чувствами. Во что превращает нас время? Всегда во что-то такое, чего мы не ожидаем.

После возвращения Ва стала ещё более тихой и молчаливой, чем когда была кошкой. При малейшей возможности старались спрятаться мне за спину и незаметно стоять сзади. Когда я садился, она садилась рядом, а я по старой привычке протягивал руку и гладил её по голове и за ушками. Ва приваливалась щекой к моей ноге или креслу, смотря по тому, где мы находились, и могла так сидеть бесконечно. Вся моя команда смотрела на эту картину большими круглыми глазами, но ничего не говорила.

Некоторое время ушло на то, чтобы научить Ва разным умениям, необходимым для божественной слуги. Ва упорно училась. Потом мы стали давать ей разные задания. Ва выполняла их беспрекословно, а потом снова возвращалась и садилась рядом, тихая и молчаливая.

* * *

У Серена и его супруги подошло время омоложения. Я вернул им молодость, примерно до возраста двадцати лет. Гу сразу спросила, сколько можно рожать детей в этой жизни. Я сказал, что сколько угодно, но они все останутся здесь, в этом или соседних божественных пространствах. Генетику на поверхности пока портить не будем.

* * *

Тем временем на поверхности дела шли своим чередом. Наши люди размножились, селения стали располагаться недалеко друг от друга. Даже у моих людей. Лентяи и жадины принялись угонять скот и воровать урожай, из-за чего сначала каждое село принялось враждовать с соседними сёлами, а затем появились ватаги вооруженных молодцов, которые стали предлагать услуги по защите. Мои жрецы, которые знали, что произойдёт дальше, на

этом этапе подсуестились и ввели такие порядки, при которых первыми городами стали не крупные села, захваченные такими «защитниками», а города при религиозных центрах. В этих городах князя с дружиной нанимали собранием города, а государственных деятелей избирали. Князя судили и приводили приговоры в исполнение по своду законов, принятому выборному собранием, но могли и вносить свои законы на утверждение. Благодаря такому порядку большие города быстренько навели порядок в сёлах на своей территории и в малых городах. Эти города — государства контролировали огромные территории с большим количеством небольших городков, скорее, это были империи, а не отдельные города. Они едва начали сталкиваться на границах, когда люди — ящеры невероятно сгруппировались и решили захватывать людей (людей моего мира) для обращения в рабов на плантациях, а также для сексуальных услуг. Улиток их начальникам стало не хватать для сексуальных забав, захотелось экзотики. Города — государства обычных людей составили союз и завоевали весь континент ящеров.

Благодаря совершенным лёгким и более совершенной системе рефлексов люди были мощнее, ловчее и быстрее. Если человеческий воин выдерживал первый удар, ящерам отрубали руки ещё до того, как они успевали второй раз взмахнуть мечом или топором. Эта война шла долго, с перемириями, но потом люди сообразили, что мясо ящеров отличается от человеческого и очень похоже на куриное, а значит, его можно есть. После этого каждый неурожай приводил к тому, что популяция ящеров уменьшалась вдвое. Потом их съели почти всех.

Некоторых ящеров их любовники из числа водных людей увезли на дальние острова, где их культура продолжала тлеть на самом примитивном уровне.

Немногие добрые души из числа людей попытались уговорить соплеменников, что не стоит насовсем уничтожать таких дивных существ, тем более, что с ними можно заниматься сексом без риска забеременеть. К ним прислушались, и пленных детей — ящеров стали разводить для продажи в сексуальные рабы. Этим даже говорить учили едва — едва.

А вот улиток люди взяли в свои дома с удовольствием. Улитки никогда не пытались становиться угрозой, при этом были невкусными и полезными. Первое время их уничтожали вместе с хозяевам, считая домашними животными ящеров. Произошло это потому, что улитки, любившие своих ящеров, пытались бросаться на людей. Улитки были в ужасе, глядя на то, как обычные люди рубят их воспитанников на мясо, и старались им хоть как-то помочь. Бойцы из них были никакие, максимум, что они могли сделать, это подкатиться под ноги и таким образом подставить подножку раковине. Даже ткнуть ножом в ногу у них не очень получалось. Люди удивлялись и в несколько взмахов разрубали раковины топорами, добираясь до тела. После первых вырезанных деревень люди сообразили, что улитки не опасны и что резать их не стоит.

Немногих пленных ящеров допросили и выяснили, для чего были нужны улитки. У людей был опыт общения с водными людьми, и они решили, что можно так же общаться и с улитками. После этого перед уничтожением очередной деревни улиток просто просили выйти из поселения. Старые улитки не могли простить людям убийства своих любимых родов ящеров и доживали дни в одиночестве. Их не преследовали. А вот их дети пошли в человеческие семьи и стали жить в них так же, как раньше жили с ящерами. Люди нашли этот союз очень полезным.

После войны с ящерами взгляды человечества обратились на рогатых людей Лаганы. За время войны окрепла прослойка профессиональных воинов, от замороженных на всю голову

бойцов, которые не умели ничего, кроме как воевать, и которые благодаря этому жили несколько богаче, чем обычные землепашцы. Они стали тянуть общество на войну с рогатыми, кричали, что другой вид обязательно попытается вытеснить людей из жизни. К рогатым послали посольство и спросили, не хотят ли рогатые люди напасть на людей. Рогатые люди к тому моменту уже наладили неплохую торговлю с обычными людьми и воевать совсем не стремились. Пришлось воинскому сословию пережить некоторую демилитаризацию. Чтобы им всем не было скучно, мы позволили судам с континента Виры доплыть до «моих» людей. Водных людей предупредили, чтобы они не топили большие суда.

Первыми пришли разведчики из империи ПСИС. Они изумились той свободе нравов и весёлому образу жизни, который вели люди на «моём» континенте с улитками и водными людьми. Разведчикам было приказано найти каналы вторжения, чтобы можно было организовать новые провинции империи ПСИС. Однако, увидев безмятежную жизнь людей этого континента, разведчики засомневались, стоит ли устраивать вторжение.

(Военные тренировки им не показывали, так что они так и уплыли, сомневаясь).

Вслед за разведчиками пришли захватчики. Вот эти совсем не задумывались, стоит ли грабить и обращать в рабство местных людей и их улиток. Возмутились все, и обычные люди, и водные, и даже улитки.

Две сотни кораблей, на строительство которых империя ПСИС потратила все силы, привезли двадцать тысяч воинов.

Армия захватчиков разбилась на несколько отрядов, которые кинулись захватывать рабов и резать тех, кого нельзя было увезти. Поначалу им всё удавалось, так как в этой части континента почти не было организованных войск. Но это продолжалось недолго... Сухопутная армия «моих» людей была намного меньше, но все они были закованы в сталь и хорошо обучены во время военных фестивалей. Многие имели опыт борьбы с ящеролюдью.

Рогатые люди, прознав о вторжении, прислали свой отряд кавалерии. Идея была не столько в помощи, сколько в разведке. Рогатые люди решили посмотреть, чем это нападение может быть опасным для их государства. Их приняли в армию без особого восторга, но приняли. Кавалерия рогатых оказалась неожиданно очень полезной. У обычных людей, у «моих» людей кавалерии почти не было, мы делали ставку на тяжёлую пехоту, поддерживаемую бронированными слонами и бронированными животными типа носорогов.

Союзная армия разгромила захватчиков очень быстро. Разрозненные отряды были уничтожены по очереди, после чего армия двинулась к побережью, к точке высадки.

За это время водные люди позаботились о том, чтобы корабли захватчиков никуда не уплыли. Так что когда уцелевшие захватчики прибежали к берегу, гоня перед собой толпы измождённых пленных, то обнаружили только остатки потопленных и сгоревших кораблей. А вскоре пришла и армия защитников, и рабы перестали быть рабами. Тех захватчиков, кто уцелел в резне, расселили на земле ящеролюдью.

В этой войне я был со своими людьми. Мои войска всегда знали, где противник и что он делает. Жрецы, сопровождавшие войска, всегда могли сказать, где находятся отряды противника. Картинки обстановки приходили им в сознание каждый раз, когда они просили об этом.

После победы над армией вторжения люди «моего» континента задумались о том, чтобы высадиться на континенте противника. Эти идеи заставили изучить конструкцию кораблей захватчиков. Первую попытку создать подобный корабль водные люди засмеяли. Они-то давно научились работать с деревом, и хотя они строили только небольшие лодочки,

их квалификация была намного выше. Кроме того, они всегда могли осмотреть днище снизу. Кое-как сколоченные корабли захватчиков и их копию, созданную моими людьми, они засмеяли потому, что у них доски выступали в поток и значительно снижали скорость хода.

Было забавно наблюдать, как в спорах отдельных энтузиастов кораблестроения — людей и мастеров из числа водных людей — рождается промышленная элита и конструкторская школа моего мира. Каюсь, грешен: я симпатизировал своим ребятам, которые отчаянно создавали невиданные корабли ради того, чтобы защитить свой народ. Мысли о том, что их открытия и находки послужат только созданию огромных жестоких империй, способных перебрасывать массы войск на большие расстояния ради порабощения других народов, я отодвигал на задний план. Даже Котёнок поучаствовал в создании этих кораблей. С его подачи на кораблях появились баллисты, способные стрелять горшками с горючими смесями.

В итоге новоявленные кораблестроители создали очень удачную модель трёхмачтового корабля почти максимальных размеров для деревянных конструкций. Когда эскадра таких кораблей вышла в море, чтобы провести разведку боем, то через неделю плавания встретила с эскадрой империи ПСИС, плывшей выяснить, что стало с первой волной захватчиков. Корабли моих людей были совершеннее, но кораблей империи ПСИС было больше. Только благодаря этому часть из них смогла уйти. Водные люди на своих небольших скоростных лодочках провожали беглецов до самого порта, посвистывая и насмехаясь. Но не нападали, хотя могли и потопить.

Через полгода империя ПСИС прислала корабль с предложениями о мире и торговле. В первую очередь дипломаты интересовались, не будут ли водные чудовища топить их рыбаков. Почему-то они решили, что водные люди подчиняются сухопутным. Мир с ними заключили, торговлю разрешили. Но на побережье, где до этого была только маленькая рыболовная деревушка, начал расти город кораблестроителей. Его называли Первостан. Мои люди сделали правильный вывод и решили, что всегда стоит иметь наготове мощную военную эскадру.

Из числа кораблестроителей после смерти получились неплохие светлые души — порученцы для несложных дел. Ещё при жизни они научились вниманию к точности и дисциплине. Когда их души пришли ко мне и я предложил им служение всему человечеству, они с радостью согласились. Было забавно видеть эти души, я ещё помнил, как они были первыми людьми и мы учили их охотиться, читать и писать... Удивительно, но мастера — кораблестроители из империи ПСИС и других городов такими качествами не отличались. Они не воспринимали создание военной техники и кораблей как религиозное служение своему народу.

Глава 31

Планета

Десятым миром нашей маленькой Вселенной стал мир очередного беспризорного подростка, которого откопали Вира с Сереном благодаря миру Линдси. Подросток — парнишка по имени Дей оказался на редкость волевым и умным деятелем. Он не смог самостоятельно освоить божественные умения, но виртуозно воспользовался возможностями подчинённых ему служебных богов. Его люди были обучены основам санитарии и самоорганизации. Он жил с ними и не то чтобы царствовал, но обладал непререкаемым авторитетом. Предложению объединиться и стать частью большой планеты он обрадовался. Правда, не сразу.

Поначалу при встрече Дей удивился, что было вполне ожидаемо. Он не знал, что существуют другие миры и другие локальные боги. Потом он хмуро заметил, что не понимает, чего ради ему придётся слушать всяких старых задниц, если он в своём мире может рулить как хочет, и никто ему не указ. Я сказал, что если он не хочет, то может меня не слушать, но тогда пусть сам летает по всем десяти континентам и делает так, чтобы они жили счастливо. Вот тут парнишка сразу поджал хвост и признался, что не знает, как делать миры счастливыми, и будет рад получить совет.

— Мы тоже не знаем, хотя имеем опыт развития сотни разных планет. Предшественники поделились. Поэтому собираемся и вместе пытаемся решить, как лучше поступить в каждом случае, — признался я.

— А со мной поделитесь опытом?

— Учиться придётся много и разному, — предупредил я.

Вот тут Дей обрадовался.

Перед присоединением этого мира мы погасили имитатор светила, который до сих пор давал энергию нашим землям. Погасили также имитаторы звёзд. Слияние прошло безболезненно, мы расположили новый мир отдельным континентом. Всё-таки кое-чему мы научились за прошедшие столетия. Наш былой плоский мир аккуратно превратился в планету, хаос раздвинулся, и мы вышли в общий космос.

А потом мы увидели наше новое светило, настоящую живую звезду и настоящие, движущиеся звёзды. В моём мире имитаторы звёзд не двигались. Сразу появились проблемы, от звезды шёл слишком сильный поток частиц. Пришлось срочно посылать всех, кого только можно было, к людям — говорить, чтобы несколько дней провели под землёй или хотя бы закопались в землянки, пока не появится достаточно мощный слой озона и мы не увеличим магнитное поле. Обошлись без больших потерь, кое-кто только получил ожоги.

Первым делом после медицинских операций я уточнил положение нашей звёздной системы во Вселенной. Оказалось, что мы расположены очень недалеко от группы звёздных систем, вышедших в космос и поддерживавших межпланетные и межзвёздные перелёты. Они могли обнаружить нас даже случайно. Мы были очень близко. Это была очень противная группа систем, у них был большой провал в области гуманитарных технологий, с любовью там было так себе. Пришлось назначать специального человека для того, чтобы он присматривал за космосом и устраивал как бы случайные проблемы всем космическим кораблям, которые решат направить нос в нашу сторону.

Нам повезло, бесы не могли найти нашу планету почти сто лет. Сто лет спокойного развития! Даже войны у нас были небольшими и только по экономическим причинам. А потом бесы явились на эскадре космических кораблей. Мы думали, что хорошо обучены и готовы к явлению демонических сил. Реальность оказалась несколько сложнее.

Мы заранее создали ряд локальных миров, копирующих мой первый мир. Мы вырастили там биосферу и даже заселили небольшое количество людей. Часть этих миров предназначались для аварийного укрытия нормальных людей с планеты, часть особенно тщательно спрятанных миров были предназначены для использования в качестве резервных божественных миров. А часть миров с заблокированными порталами были предназначены для того, чтобы размещать там бесов. Этим мы и занялись, обнаружив садящиеся корабли.

Теоретически в заключении бесов не было ничего сложного — берёшь беса волей, приказываешь ему прыгнуть в односторонний портал, и тот улетает в заблокированный мир. Туда же надо было отправить и тех людей — пилотов, которые привели корабли с бесами из демонизированных миров. Бывают же где-то миры, в которых люди умеют строить космические корабли, а управляют всем бесы...

Первые десять минут я так и делал, как и все мои локальные и служилые боги. У бесов была своя тактика — пока волны слабейших бесов и чертяк пытались затопить нас числом, самые мощные бесы стояли сзади и насмехались над нами. Первое время их бормотание было незаметным. А потом оно начало проникать в сознание.

Самым тяжёлым в их поведении было то, что они готовы были разрушить и осмеять всё, что нам было дорого. Жизнь наших людей, стремление к справедливости и совершенству — надо всем они издевались и всё готовы были разрушить. Нет, когда они обзывали меня неудачником и смеялись над тем, что у меня совсем неразвитый мир с дикими людьми — животными, это не трогало. А вот то, что у них не было ничего, что можно было бы любить и за что хотелось бы бороться — это действительно расстраивало. Всё-таки сочувствие продолжало работать, и их отношение к жизни и презрение ко всему, о чём мы любовно заботились, понемногу проникало в сознание. Именно это лишало сил, хотелось заплакать и уйти, чтобы не видеть настолько разрушенных разумных существ. Понемногу мои служилые боги так и поступали, они начинали плакать, отворачивались и уходили.

Теперь мне и другим локальным богам приходилось противостоять намного большему количеству мощных бесов. Они обступили нас кругом и даже начали пытаться продавить волей, пытались заставить нас самих прыгнуть в односторонний портал.

Вскоре отступили локальные боги — дети, в том числе Вира. Но и бесов становилось всё меньше и меньше, мы не зря боролись. Чертяки один за другим отправлялись за ворота, из которых не было возврата. Остались только самые сильные, самые крупные бесы, те, что до сих пор держались позади. Через двадцать минут я уже почти не видел, что происходило вокруг. Глаза были залиты слезами. Рядом со мной остались только Ангела, Лагана, Линна и Владыка Подземного Сияния. Остальные либо отступили, либо валялись на земле без чувств.

И тут что-то произошло. Я почувствовал, что через портал моего мира прошло несколько существ. А ещё через несколько секунд гости прошли через портал облачного замка и появились на поверхности за моей спиной. Я откинул троих бесов, улучил момент и обернулся. Три сотни богов ласково улыбались оставшимся бесам. Не просто локальные

боги, а главы объединённых миров и планет. Архат Арахат, Беренол Дафринити и многие другие, которых я даже не знал. Хотя локальные боги среди них, несомненно, тоже были.

— Говорят, к тебе бесы пожаловали? — спросил Архат.

Я без сил опустился на землю и заплакал. Строй богов прошёл мимо меня и завершил дело. Через несколько минут все бесы были закинута в отведённый для них мир, даже те, которые успели разлететься по планете.

Архат воспринял мои слёзы неправильно, подошёл и потрепал по плечу:

— Да, дружок, тебе сегодня досталось больше обычного. Очень мощные бесы, и очень много. Успокаивайся, отходи, скоро станет лучше.

— Я не от усталости плачу. От умиления. Никто никогда не помогал мне... Тем более в таком количестве.

— О чём речь, дружок! Ты помогаешь нам, мы рады помочь тебе. А к тебе действительно необычайно большая банда пожаловала. Удивительно, как вы смогли им так долго противостоять.

* * *

Единственной, кто кроме меня могла реально противостоять бесам, была Ангела — Энжи. Эту деятельность ей и поручили — контроль бесовских областей и противостояние их поползновениям.

Это была очень тяжёлая работа, там нашлось бы место для сотни таких, как Ангела. Нам всем периодически приходилось помогать ей. Ангела не жаловалась, говорила, что счастлива быть мощной и благотворной.

* * *

Бесы принялись за свои обычные пакости, за те, которыми они занимались в тысячах других миров. В теле они уже не могли появляться в нашем пространстве, но самые сильные из них могли проникать мыслью и даже воздействовать на живые организмы. Первым делом они превратили многие бактерии — раскладыватели умерших организмов в агрессивных хищников, в болезнетворные бактерии. Некоторые растения они превратили в смертельно опасные, появились такие сорта крапивы, которые жалили насмерть, и такие сорта грибов, которые открывали сознание для прямого контакта с бесами, если их съесть.

Пришлось поднимать многим животным температуру тела, что значительно уменьшило их срок жизни и заставило есть намного больше. Людям пришлось учить санитарии и умению лечить болезни. Для многих народов это было шоком: мы уже давно не являлись к ним в явном виде, они решили, что сказки про богов — это всё враньё, а тут с небес начали спускаться разные диковинные существа и материть их за то, что мешают еду тем же пальцем, которым вытирали задницу.

Вторым делом бесы начали создавать паразитические организмы, превращать червей — симбиотов в паразитов, а мелких травоядных насекомых в кровососущих. Пришлось учить людей бороться с паразитами: делать ядовитые коврики из трав, обмазываться глиной с включением противопаразитарных веществ из специальных растений. Некоторые травы

пришлось изобретать заново для этих целей.

Самым любимым делом бесов стало, конечно, соблазнение людей. Они могли являться людям в призрачном виде, точнее, это было прямое воздействие на сознание людей, но людям казалось, что они видят полупрозрачную фигуру перед собой. Одним они обещали власть и военные победы, другим — месть обидчикам, третьим — изобильную жизнь без приложения усилий. Взамен просили выполнять иногда их просьбы. Вследствие этих действий у нас стало намного больше войн и мелких конфликтов.

Я не мешал мерзавцам соблазнять людей. Если люди хотят ошибиться, пусть их. Но после смерти я отправлял эти души в то пространство, в которое мы закидали бесов. Поначалу там жило несколько тысяч человек вполне обычной жизнью. Я отправлял в этот мир самые худшие души ещё до прибытия бесов. Поскольку их было немного и жили они довольно далеко друг от друга, конфликтов было относительно немного. Появившиеся бесы изнасиловали всех обитателей женского пола, вследствие чего появилось множество гибридов — чертенят с душами бесов и телами людей. Они были выше людей примерно в два раза и стали правящими рабовладельцами, поставщиками мяса и услуг для полноценных бесов. В том числе человеческого мяса. Потом бесы создали рабовладельческие империи и начали заставлять людей усиленно плодиться. Расплодившееся человечество они разделили на разные народы, стравили и принялись развивать индустриальную, насквозь военизированную цивилизацию. Цель этой затеи была вполне понятна — бесы хотели, чтобы люди в конечном итоге построили корабли, способные путешествовать от одного локального пространства к другому в надежде, что боги не станут убивать людей, а они таким образом как-нибудь смогут выбраться. Их ждал сюрприз. Мы были готовы к таким поползновениям, но пока не показывали этого.

Со временем бесы освоили ещё два аналогичных пространства, которые мы создали именно с этой целью, как ловушки — отвлекатели внимания. В эти пространства я стал отправлять души тех людей, которые при жизни разрешили себе убийство, безжалостные интриги ради завоевания власти и растление. Бесы попытались сделать так, чтобы души, попавшие к ним один раз, больше не могли вернуться ко мне на суд и в другие пространства. Пришлось ещё раз устроить большой мордобой. Бесы проиграли и больше не пытались. Люди после жизни в бесовских пространствах выходили совсем другими. Светлыми личностями они не становились, но навсегда впитывали неприязнь к жадности, деспотизму и заносчивости. Это создавало новые проблемы: такие люди были готовы бороться против всех, кто демонстрировал заносчивость, а кто из властей не любит погордиться собой? Но созидать они не умели, в итоге получилось, что на разрушение устойчивых порядков они действовали эффективно, а на созидание никак.

* * *

Поскольку теперь мы были планетой и можно было не бояться расширения, мы присоединили ещё четыре полупустых мира — два мира подростков, оставшихся без обучения в системе подготовки локальных богов, и двух слабых богов типа Владыки Подземного Сияния.

Не успели утихнуть хлопоты, связанные с этими присоединениями, как ко мне явился Радо. Его подослали упросить меня забрать как можно больше населения из моего родного мира. Ледниковая эпоха там разыгралась не на шутку и почти не оставила людям места для жизни. Огромные площади наших незаселённых континентов оказались очень востребованными. Впрочем, даже такое количество людей не смогло их заполнить.

Мы выделили переселенцам из моего родного мира один северный континент. Зима там была очень суровой, но они были привычными к таким холодам. Выходцев из империи Иделия и кочевников поселили на востоке континента, выходцев с южного континента поселили на западном. Теоретически, их можно было селить и рядом, они и так давно граничили и знали цену друг другу. Но когда между ними легла лишняя тысяча километров, это тоже было не лишним.

Наши благородные на новом месте полностью восстановили прежнее общественное устройство — одна семья благородных, одно селение под их защитой. Селяне, конечно, перемешались при переезде, но беспрекословно приняли такой порядок. Суперспособности благородных здорово помогали в выживании на новом месте. Постепенно благородные восстановили связи и выбрали новых графов, герцогов и Государя. Эти должности сразу стали наследственными. Государство без долгих раздумий назвали Новая Иделия.

Священники религии Бога-из-Огня тоже пришли в новый мир и заняли своё обычное место. Молитвы всех верующих в этом мире стали приходить ко мне. Мне это не очень понравилось, их молитвы путались с молитвами моих людей. Я попросил одного из локальных богов по имени Грам, который пришёл с переселенцами, переключить молитвы на себя. Я не знал этого бога, на совещании у Зиждеца его не было. Грам снизошёл к просьбе. Мне стало намного легче.

Выходцы из южных земель тихо разбрелись по обширным землям, установили что-то вроде военной демократии, в которой рулили вожди отдельных племенных поселений, и не стали создавать никакого централизованного государства.

Теперь для всех божественных сил появилась новая головная боль — как сделать так, чтобы наши люди не пересеклись с благородными с суперспособностями.

Затем сразу после посланцев из моего родного мира явились посланцы с Земли и тоже попросили принять как можно больше людей. Я предположил, что миллиарды Земли на моей планете не поместятся. Посланцы замахали руками и сказали, что после когнитивной войны люди почти перестали размножаться, а потом после ядерной войны их стало ещё меньше. Кроме того, всех принимать не надо, надо принять небольшой процент и на время, только чтобы уберечь генофонд от радиации. Мне даже стало интересно, что такое «когнитивная война». Оказалось, очень страшная штука. Людям при этом навязываются ложные идеалы, эгоизм и антиобщественные взгляды, в итоге они даже семьи не могут создать.

Говорили про небольшой процент, но пять сотен миллионов переселенцев земляне мне всё-таки наскребли.

Разместили переселенцев с Земли компактно, на одном из недавно присоединённых континентов в субтропической зоне. При перемещении этих людей я поставил условие: люди переходят через порталы без каких-либо инструментов и носителей информации,

только самые простые инструменты и домашние животные.

Всех переселенцев мы встречали очень эффектно. Специально для этой цели я нанял множество рогатых людей из числа народа Лаганы. Нагие рогатые люди в медицинских масках и с мечами наголо встречали переселенцев, выходящих из межпланетных порталов, и вежливо перенаправляли их в порталы, которые вели в нужные места планеты. Прибывшие удивлялись и осознали, что теперь здесь всё будет по-другому.

Размещение такого большого количества людей потребовало множество усилий. Мои земляки ухитрились как-то устроиться самостоятельно, это произошло потому, что мы растянули их переход на несколько лет. Земные посланцы клялись, что сделают всё своими силами, но это у них, конечно, не получилось. Надо было распахать земли и получить первые урожаи до того, как прибудет основная масса людей, провести хоть какие-то дороги. Земляне могли предоставить любое количество весьма умелых первопроходцев, но их тоже надо было чем-то кормить. При самостоятельном разворачивании у них ушло бы сто лет. Пришлось нанимать людей разных видов моей планеты на разных континентах и готовить с их помощью места для размещения переселенцев. Некоторые из моих при этом впервые узнали о существовании друг друга.

Появление землян создало новые проблемы. Да, у них не было никакой техники, но многие из них знали, как её сделать, от тракторов до компьютеров и космических кораблей. Вместе с землянами пришли и служилые боги с Земли, часть синклитов тех культур, из которых были переселенцы. Они обещали, что не допустят, чтобы их люди распространялись на другие континенты, но что можно обещать, имея на поверхности любопытных людей, а в соседних заблокированных мирах злобных бесов? А при наличии водных людей и океан не был преградой. Земляне, как и выходцы из моего родного мира, принесли с собой огромное количество болезней, которые бесы создавали тысячелетиями, поэтому мы предупредили водных людей не приближаться к этим землям на десяток вёрст. Но любопытство у некоторых особей превозмогло страх. Нам пришлось каждого из тех, кто рискнул вступить в контакт с землянами или моими земляками, запугивать и запрещать возвращаться к другим водным людям. Так они и остались жить с новыми любовниками. Любовники и любовницы из водных людей землянам и моим землякам очень понравились.

Из числа тех рогатых, которые встречали переселенцев у порталов, тоже кое-кто подхватил земные вирусы и болезни, несмотря на использование масок. Тех из них, кому не помогло применение очищающего поля, пришлось просить остаться жить с землянами. Поначалу они опечалились, но потом не пожалели. Земляне умели много всего забавного. А их женщины вскоре сообразили, что от рогатых не беременеют.

У землян были довольно развитые религии, но сильно изменённые и упрощённые под действием многотысячелетней коррупции и когнитивных войн. Это означало, что рано или поздно это безобразие начнёт расползаться и на наши народы. Надо было срочно внедрять правильную религию среди наших людей...

* * *

Наконец-то я смог присоединить мир Пшижуши. Его присоединили так, чтобы он имел сухопутную связь с континентом, на котором жили земляне. Вскоре все разумные жуки и большинство крупных видов вымерли из-за болезней, подцепленных у землян. В условиях

намного более разреженной атмосферы моего мира дышать им было намного тяжелее, у них были проблемы со здоровьем даже без болезней. Те разумные виды, которые стараниями Пшижуши получили лёгкие, смогли приспособиться к атмосфере. Но земные болезни и вирусы оказались для них смертельными. Некоторое количество разумных жуков и крупных видов земляне обнаружили и пытались держать в чём-то типа зоопарков, но это продлило их жизнь ненадолго.

Пшижуша попросила разрешить ей пройти через смену тела. Она выбрало тело роскошной блондинки, и её богиня смерти перенесла душу из тела жучихи в тело, растущее в хрустальном восстановителе. Через девять месяцев из хрусталя вышла новая Пшижуша, чернокожая блондинка с узким лицом.

Глава 32

Любовь, звёздные войны и другие неприятности

В один из не очень хороших дней я спохватился, что давно не видел Линдси. Опрос всех доступных личностей и памяти всех насекомых не дал никаких результатов. Я встревожился. От людей и богов Линдси ещё могла ускользнуть, задрыхнув в своём замке, но насекомые были везде.

Я попробовал перенестись в мир Линдси. Ничего не получилось. Побежал к господину Беренолу Дафринити, поднимать тревогу.

Господин Дафринити рубился с тысячами бесов, на его мир было осуществлено скоординированное вторжение многих бесовских миров. Моя помощь оказалась очень кстати. Провозились три дня, но планету отстояли.

От известия про Линдси Беренол отмахнулся, сказал, что сейчас нужно подавить обнаглевшие бесовские миры, пока они не оправались от разгрома. Посоветовал создать локальный мир — пространство по типу мира Линдси, чтобы он сам отслеживал все окружающие миры и их отпочкования.

Из операции против бесовских миров я слинял. Мир — схему создал. Пока он рос и связывался с другими мирами через Дерево Жизни, занялся сообщениями из окружающего космоса.

Аскериаллия, планета, на которой роботы устроили восстание, постепенно восстанавливалась. Все беглецы из тайных колоний понемногу вернулись домой и осели на спутнике главной планеты. Некоторое время эта цивилизация жила относительно мирно, занятая возобновлением нормальной жизни на центральной планете и ранее колонизированных планетах и спутниках планет. А потом восстановилась настолько, что роботы по указаниям людей построили новый флот военных кораблей, на котором люди отправились завоёвывать другие миры. Бесы постарались. А боги на планете были такие, что удивления это не вызывало. Надо было чаще заглядывать на планету. Пришлось брать Пшижушу, Трана, Лагану, Дака и идти в этот проблемный мирок.

За прошедшее время Дак прожил на поверхности в моём мире две жизни, а в промежутках поработал над развитием технологий с Котёнком. В детстве он был старшим товарищем моему сыну, а потом Котёнок дважды был наставником Дака. Не зря я тогда взял этого парнишку и его родителей к себе в мир, Дак оказался светлой душой. В первой жизни он был строителем кораблей на «моём» континенте, научился сдержанности и умению любить соблюдать все подробности сложных дел. Во второй жизни он был сначала кем-то вроде идеологического работника, а потом религиозным подвижником на континенте землян, участвовал в нашей операции по вправлению землянам мозгов. Мы проводили эту операцию вместе с земными локальными богами, восстанавливали изрядно подпорченные земные религии. Дело было очень конфликтное и требовало больших разумных усилий. В итоге этой жизни Дак превратился в светлую душу, почти вышел на Преображение. Теперь ему можно было поручать почти любые дела на поверхности, кроме организации радикальных религиозных изменений. Было жалко отпускать его в следующую жизнь, хотя в итоге этой жизни он должен был пройти через Преображение и выйти на новый качественный уровень развития. На некоторое время я задержал парня в роли моего личного посыльного.

После традиционного избиения бесов поговорили с местными богами, наметили меры, как предотвращать подобные безобразия. Местных богов было маловато, договорились, что им будут периодически помогать сотня служебных богов из моего мира и три дня из пяти на планете будет присутствовать Пшижуша.

Теперь, когда мы присоединили к моему миру множество миров со множеством локальных служилых богов, мы могли себе это позволить. Конечно, служилые боги молодых богов — детей, были не очень развитыми, но они очень быстро учились и понемногу вырастали до уровня моих служилых богов. Уж кого не надо было подгонять, так это их.

Но проблема флота людей и роботов, летящего на завоевание других планет, осталась. В самое ближайшее время этот флот должен был прибыть к планете, входящей в систему миров, давно вышедших в космос с регулярными космическими перевозками, и получить большие неприятности. И проблема была даже в основном не в том, что боевые силы этой системы миров сильно превышали по количеству и техническому развитию флот вторжения. Проблема была в том, что это была деградирующая система, растленная, порочная, с большим количеством соблазнов роскоши и закабаления людей. И болезней там было накоплено столько, что при возвращении флота домой могло вымереть до половины населения. Бесы планеты могли только мечтать о таком подарке. Пока решения проблемы не было, но было ещё некоторое время подумать. Лететь флоту было ещё долго. Решили отложить решение.

Вернулся на свою планету, проверил вновь созданный мир-схему. Пока он связался только с соседним миллионом локальных миров, но картина Больших Проблем стала ясна. Там, где ранее располагался мир Линдси, возникло огромное пятно, которое росло и грозило поглотить три соседних мира. Я срочно навестил эти миры и понял, что поглощение уже началось. Один мир был миром Ириселлы, два других принадлежали начинающим молодым богам, которых я не знал ранее. Чужой мир не присоединял эти миры, он их именно поглощал. С поверхности это выглядело как большое чёрное пятно, которое напозало на небо и закрыло его, пока наполовину.

Боги этих миров были в панике и не знали, что делать. Пришлось срочно организовывать эвакуацию всех людей и богов из этих миров через порталы. Людей в этих мирах было немного, я вывез их к себе на планету, после чего кинулся к начальству, к Беренолу Дафринити. Господина Дафринити удалось найти не сразу, он возглавлял большую экспедицию богов против бесов. Они увлечённо громили последние укрепления бесов на одной из попавших им под управление планет. Беренол даже не хотел отвлекаться, но когда услышал, как поворачиваются события, всё бросил и пошёл со мной смотреть на источник проблем.

Мы перенеслись в поглощаемые миры и еле унесли ноги. Как только мы ушли, эти миры перестали существовать и порталы в них больше не работали.

— Да, есть проблема, — признал господин Дафринити и ушёл к себе, собирать всех, кто хоть что-то мог знать о том, как справляться с бедой.

* * *

Пока бегали туда-сюда и эвакуировали население, флот планеты роботов долетел до ближайшей системы конфедерации порочных планет (так я её про себя называл) и был

принят там с восторгом. Начальникам флота вторжения хватило ума устроить переговоры перед тем, как начать стрелять. Начальство планеты на переговорах заявило, что их конфедерации очень не хватало встряски и чего-то нового, и что они очень рады видеть новую силу, вне зависимости от того, что она решит делать — воевать или торговать. Специалисты флота Аскериаллии оценили корабли, на которых переговорщики прибыли на орбиту, и поняли, что конфедерация превосходит их по технологическому уровню. Начальство струхнуло и решило торговать.

Это было очень, очень плохо, так как на планетах конфедерации было слишком много болезней, которыми местные переболели и выработали иммунитет. У прибывших людей такого иммунитета не было. Лучше бы они воевали, контактов было бы меньше.

Мы постарались сделать всё, чтобы флот вторжения подольше задержался на орбите, чтобы люди начали болеть и начальство поняло, с чем теперь в основном придётся иметь дело. Кое-кого пришлось даже заразить специально. Начальство планеты в качестве гуманитарной помощи предоставило флоту лекарства. С их точки зрения, прибывшие болели какими-то странными болезнями, которыми их предки переболели в далёком прошлом.

Когда с первым валом заболеваний на флоте справились, из центра конфедерации прибыли послы некоторых хитроумных сил и наняли флот для того, чтобы он разобрался с парочкой очень упрямых планет. Эти планеты формально входили в конфедерацию, но всё делали по-своему и торговали только на своих условиях. Это невероятно злило все остальные силы, привыкшие к определённому порядку вещей, то есть к тому, что грабили они, а не их. Начальству флота предложили такие деньги и такие технологии, от которых оно не смогло отказаться. Флот Аскериаллии пошёл воевать упрямые планеты.

* * *

Папочка с мамочкой прожили две жизни на поверхности. В одной папочка был очень достойным начальником, в этой жизни его звали Ирвин. Во многом успешность определялась тем, что у него была любящая жена, которая всегда его поддерживала, даже в самые трудные минуты. А ещё она очень хорошо подсказывала хитрые ходы, до которых прямолинейный мужик никогда не додумался бы. Вместе им удавалось править лестью и хитростями намного лучше, чем если бы начальник правил только силой.

За время этой жизни Ирвин отрастил себе не только системы логического анализа, они у него неплохо работали ещё в те времена, когда он был моим отцом, но и системы образного анализа. Его люди удивлялись тому, как он может припечатать человека одним словом, придумать такое сравнение, которое потом прилипало к человеку намертво. Ещё ему в этой жизни надоело руководить и решать тысячи детских проблем.

В следующей жизни Ирвин активно использовал вновь полученные образотворческие способности, стал бродячим певцом — сказителем. В этой жизни его звали Иривин. Он ходил по всем местам, которые мог достичь, придумывал и рассказывал сказки, пел песни. Поначалу песни были с хорошей долей издёвки, но потом Иривин встретил достаточно умных жрецов религии Полисания Оптимизатора. С этих пор его песни и сказки стали совсем другими, они высмеивали жадность и приземлённость, звали к благодетелю и красоте во всём. Из любопытства он забрёл на земли рогатых людей, где был принят с большим восторгом. Рогатые люди в те времена ещё не были знакомы с жанром

фантастической сказки, а Иривин сочинял их пачками.

В одном селении Иривин пробыл достаточно долго, чтобы в него влюбилась маленькая девушка. Когда он собрался уходить, она попросилась с ним. Иривин удивился: Рогатая девушка? Жить бродячей жизнью?

— Ничего, у меня травма с детства, я неплодная, так что возьми меня с собой, я тоже хочу творить красоту, пожалуйста, — сказала девушка.

Родные не знали, кому сплавить неплодную, так что отдали её человеку с большим удовольствием. Иривин выучил девочку танцевать, а потом оказалось, что она и поёт неплохо. А ещё нежная и ласковая Мирана — так звали мою бывшую мамочку в этой жизни — стала вдохновением для Иривина. Под её влиянием он стал писать очень красивые лирические песни, чего раньше не мог.

Ещё Иривину пришлось частенько лупить Мирану, уж слишком сильно та любила всех встречаемых мужчин.

Эта парочка наделала шума в обоих мирах, и в человеческом, и в мире рогатых людей. Их любили. Многие их песни и сказки стали классическими народными песнями и сказками.

Когда они умерли в один день, убитые разбойниками — сказала старая карма — я встретил их души лично. Посмеялся, сказал, что их любовь пережила три жизни. Поздравил их с этим.

Люди с образным мышлением были очень полезными, поэтому на поверхность я их больше не отпустил, сказал, что они останутся среди работников божественного пространства. Хрустальный создатель тел запускать ради них не стал, дал им родиться в качестве детей людей, живших в облачном замке. Родителей попросил назвать детей Ирвинг и Мирани — исходными именами моих родителей. Когда они подросли, вернул им всю память за три прошедшие жизни, до уровня жизни в Долигане.

Ирвинг оказался тем ещё шилом в заднице, прямо начиная с подросткового возраста. Постоянно возмущался тем, что взрослые всё неправильно организовали, выдвигал кучу наивных предложений и требовал их воплощения. Пока он и Мирани были маленькими, мы поручали им несложные задачи — передать информацию определённым людям, рассадить новые растения в критически важных местах или выполоть новые бесовские придумки — опасные растения. Когда они подросли, поручил Ирвингу присматривать за всем творческими людьми «моего» континента. Когда у нас начали появляться светлые души из числа «моего» народа, поставил его народоводителем ключевого юго-западного государства. Ирвинг пытался отказаться, утверждал, что не готов. Я предложил ему найти кого-нибудь, кто более готов и не занят. Поговорив с разными людьми, в том числе с недавно появившимися светлыми душами, Ирвинг понял, что никакого опыта управления у этих людей нет и что их руководство будет катастрофой. Согласился.

К моменту, когда возникла проблема мира Линдси и загулявшего флота вторжения, у меня уже было три народоводителя трёх государств, возникших из детей «моего» мира. Ключевым было юго-западное государство Перовстана, противостоящее государствам, расположенным на континенте Виры. О нём заботился Ирвинг. Юго-восточное государство, которое приняло название «Восточное», было ближе к рогатым людям, о нём заботился Дак. Северное государство было самым беспроблемным, его народоводителем был Мирай Мирен, светлая душа, выросшая в этом мире. Все они прошли обучение в облачном замке на основе истории Земли и ещё нескольких планет, но никто из них не проходил через Преображение

и не мог бороться с бесами. Пока им это было и не нужно, они пока присматривали только за порядком в государстве. Бесов гоняли служилые боги и иногда локальные боги. Как минимум этот кусочек своей планеты я мог оставить со спокойной душой.

* * *

Флот вторжения Аскериаллии пришёл к первой упрямой планете и, наученный опытом, начал с переговоров. После некоторых бесед люди на флоте поняли, что планета просто не позволяла себя грабить, что и вызвало неудовольствие хозяев жизни в конфедерации. В лице этой планеты путешественники очень хорошо увидели себя, увидели то, как через некоторое время их будут грабить другие планеты конфедерации. Но получить обещанные технологии и средства очень хотелось, поэтому с людьми на планете договорились в духе «уничтожаем только военные силы, экономику не трогаем, а вы на нас за это не обижаетесь. Потом, может быть, заключим союз против Хозяев Жизни».

На планете всё равно обиделись, но деваться было некуда: кораблей во флоте вторжения было больше, и хотя они немного проигрывали по технологиям, бомбардировали с орбиты ничуть не хуже любых других.

В это время мы договорились с локальными богами планеты, что флот вторжения немного пощиплет оборону планеты, но ничего по-настоящему рушить не будет. Местные локальные боги не возражали и где-то даже одобрили акцию. Они несколько сотен лет не могли уговорить своих людей создать из планеты единый самоуправляемый организм, способный решать глобальные задачи. Люди на поверхности жили прибылью, взаимным разорением в торговле и не желали слышать ни о каких военных проектах. Акция «получить по башке из космоса» должна была немного привести их в чувство.

Похожим образом дело прошло ещё на двух планетах. Начальство из флота вторжения получило обещанные технологии и увело флот обратно, на родную планету. Полученные технологии позволили восстановить разрушенную энергетическую систему планет и обеспечить всё население продовольствием. Нехватка продовольствия и избыток мало чего умеющих делать людей и были теми причинами, которые заставили начальство отправить флот вторжения. Правда, из-за тех болезней, которые флот привёз с собой, население сократилось на одну восьмую.

* * *

Опухоль на месте мира Линдси разрасталась. Теперь угроза нависла над одним очень древним и многолюдным миром бога по имени Ирхфинвшуфх. Этот мир вот-вот должен был стать планетой. Господин Дафринити собрал всех богов, у которых были особые способности в области ясновидения и прозорливости. Где-то даже откопал ученого, бывшего бога планеты, который ушёл изучать общие закономерности, и застрял в нашей ветке Дерева Миров после изоляции. Меня пригласили как близко знакомого с источником проблем. Собрались в моём мире — схеме.

Учёные мужи и жены посмотрели на разрастающуюся опухоль и выдвинули множество остроумных предположений. Поначалу я удивлялся их уму, глубине познаний и

остроумности предположений, но потом понял, что они ничего не понимают в происходящем, точно, как и я. Решили скормить опухоли мир Ирхфинвшуфха, но сделать из него отравленную приманку. После эвакуации всех живых решили наполнить мир специальными устройствами, которые разлагали любые устойчивые образования. Что-то такое типа микробов, которые всё сущее возвращали к простейшим элементам, только на минеральной основе.

Выводили людей пять лет, ещё пять лет наполняли мир концентрированной смертью. Опухоль съела и не подавилась, продвинулась к следующему миру, на этот раз единичному только что рождённому миру.

Учёные мужи и жены выдвинули множество новых остроумных предположений и предложений.

* * *

Флот цивилизации Аскериаллии нанёс ещё один визит планетам, которые недавно бомбил. На этот раз они везли не бомбы, а предложение объединиться и создать свою конфедерацию миров, менее порочную, чем исходная. Упрямые планеты подумали и приняли предложение. Официально об этом нигде не сообщалось, но все эти миры начали спешно строить боевые космические корабли.

Эта операция потребовала от нас и от локальных богов упрямых планет очень большого напряжения сил.

* * *

Незаметно сопровождая флот, в некоторый момент я почувствовал, что множество людей дружно излучили восторг и удивление. В этот момент флот стоял на дальней орбите одной звёздной системы, на обитаемой планете которой шли переговоры. Флот прятался в астероидном поясе. Я пошёл посмотреть, что привлекло внимание людей.

Увиденное заставило меня впасть в шок. Среди астероидов скользили живые существа. Очень большие, с очень малой плотностью тела, они кормились тем, что удавалось отколоть от астероидов, или мелкой пылью.

Я проник в сознание некоторых из них. Животные. Жизнерадостные, умные, любящие друг друга. Нечто на уровне дельфинов или собак. И ещё они могли проходить из космоса одного локального мира в другой.

Интересно, кто из локальных богов создал это чудо? Насколько надо быть безответственным недоумком, чтобы создавать существа, не привязанные ни к одному из локальных миров? Ведь их сознание не будет расти от эпохи к эпохе, они не смогут стать более развитыми существами, как обычные животные. А ещё они будут переносить из мира в мир все болезни, которые смогут подцепить по дороге. Идеальный транспорт для заражения Вселенной. Искусственные корабли таким транспортом быть не могут, у них обшивка периодически то нагревается, то переохлаждается так, что ничего там не остаётся.

Я проверил животных на предмет болезней. Так и есть, внутри у них были споры всего, чего только могут придумать бесы за тысячелетия. Самим животным они не вредили, у них

была очень своеобразная система обмена веществ, приспособленная к проживанию в вакууме. Но внутри их тел была вполне комфортная для спор температура и атмосфера.

Но наибольшую тревогу вызывали не болезни внутри, а странные кристаллические образования снаружи. Присмотревшись, я понял, что эти кристаллы — паразитическая жизнь, которая разлагает всё, что ей попадёт — живую ткань так живую ткань, металлы так металлы. Некоторые животные пострадали от них настолько, что уже почти не могли двигаться.

Пришлось переноситься за борт корабля, превращаться в облако и чистить животных. Потом я решил посмотреть, не попали ли эти кристаллы на корабли Аскериаллии. Оказалось, что попали, и очень даже хорошо принялись грызть обшивку кораблей. Пришлось пять часов удалять эту гадость. Локальные боги планеты сильно удивлялись, почему я не присутствую на переговорах. Показал им, что у них тут случилось, они пришли в ужас. Попади эти кристаллы на поверхность планеты, вскоре на планете остались бы одни кристаллы.

Мы подумали о том, чтобы уничтожить всех межзвёздных животных, но не решились. Для начала просто внушили им страх к переходам из мира в мир, до тех пор, пока не найдём источник опасности. Выудить из их куцей памяти, где они подцепили эту гадость, не получилось.

Сверхмощная всё уничтожающая паразитическая жизнь, способная распространяться через космос. Именно то, чего нам не хватало.

* * *

Бесы в ответ на разгром, учинённый под руководством Беренола Дафринити, изобрели новую пакость. Они использовали одну из немногих остающихся под их контролем планет в нашей ветке для того, чтобы построить космический флот невиданных масштабов. В качестве кораблей они использовали крупные астероиды и слепленные из небольших камней скалы. Разбить их обычным оружием было невозможно. Кроме того, они укрепили их магией и насытили всем мыслимым оружием, которое они знали, в том числе магическим. Строили они этот флот уже долго, более ста лет, и для какой-то другой цели.

После разгрома демонические силы решили перейти в контратаку. Они собрали силы со всех достижимых миров, срочно достроили корабли, посадили на этот флот столько людей и бесов, сколько он только мог вместить, и отправились... в никуда. Когда мы попробовали их найти через некоторое время, то не смогли. Локальные боги этой планеты были заблокированы в своём божественном пространстве и тоже ничего сказать не могли. Долго заниматься этим делом времени не было, смертельные кристаллы обнаружались в трёх обитаемых системах, и пришлось мобилизовать всех, кого только можно было, на очистку пространства.

Оказалось, что забывать про бесовский флот не стоило. Когда у нас несколько миров объединились и превратились в планету, этот флот появился на орбите и уничтожил всех, до кого они смогли дотянуться. Потом они высадили десант и всех, кто не хотел умирать, заставили присягнуть бесам. Захваченных людей переправили на бесовскую планету через порталы. Локальные боги планеты умели бороться с бесами, но не могли убивать людей и останавливать бомбардировку с орбиты. Если бы не было бесов, они могли бы внушить

людям что угодно, но бесы отвлекали внимание и не давали остановить людей. Пока их гонец бегал к нам за помощью, пока локальные боги собирались, флот закончил своё дело и ушёл. Нам достались только несколько десантных кораблей и их команд.

Стало ясно, что необходимо создавать свой флот из людей при поддержке богов, иначе бесы просто уничтожат планеты одну за другой. Проблема была в том, что все вышедшие в космос цивилизации нашей ветви Мирового Древа были, мягко говоря, с проблемами в религии и к прямому сотрудничеству не были готовы. Прямое появление богов с требованиями «делай так и так» могло повредить их естественному развитию.

* * *

Ирвинг, бывший мне когда-то папочкой, подошёл к очередной стадии развития. Порулив синклитом Первостана более полутора сотен лет, он пришёл к выводу, что ему не хватает смирения и мягкости. Он стал ходить ко мне и плакать, что боги и даже полубоги могут действовать мягко и со смирением, а он может править только силой и жёсткостью, из-за чего постоянно обижает своих специалистов и вообще действует неэффективно.

На самом деле его все любили, он был самым оперативным, вдумчивым и слушающим начальником. Но некоторый момент жёсткости и «командирства» у него, несомненно, присутствовал.

Заменить его было абсолютно некем, поэтому более тридцати лет я ему отказывал. Первые десять лет продержался на том, что упробил Мирани устроить ему сексуальный праздник жизни и удержать уговорами. Провёл им омоложение раньше времени для этого. Следующие десять лет я продержался на уговорах «заменить некем». Ещё десять лет удалось протянуть на простом «отстань». Но потом явилась Мирани и тоже заявила, что чувствует себя дурой и угловатым недоразумением, потребовала им двоим такой жизни, в которых они могли бы выйти на Преображение. Когда они достали своим нытьём, я пообещал Ирвингу жизнь, после которой он точно сможет понять, что такое смирение. Миранийе сказал, что эту жизнь придётся жить отдельно, без Ирвинга, и что встретятся они только после возвращения. Мирани сказала, что если это поможет сделать шаг вперёд, то она согласна.

* * *

Радость-то какая! Землян забрали. Всех. Можно континент простерилизовать и заселять заново.

* * *

— Ты совсем не заботишься о том, чтобы люди на планете жили счастливо. Мы суеетимся, бегаем туда — сюда, но толку от этого мало, если жизнь у людей не становится более счастливой. Кроме того, ты на планете присутствуешь меньше, чем решаешь проблемы Вселенной, руководства нет, — сказала Четыре Ромба после очередного совещания.

Я удивился и обвёл взглядом всех своих локальных богов присоединённых миров и

товарищей. Все покивали в знак согласия. Один только Серен отвёл глаза. Но именно Серен продолжил мысль буйной улитки:

— Я тоже не понимаю, почему мы даём им жить самой примитивной жизнью, почему они развивают самые примитивные государства. Мы могли бы передать им знания хотя бы Земли, устроить везде школы, университеты, в которых рассказывать истории других миров, передавать опыт гуманитарных технологий... А мы даже выделку железу от многих держим в тайне. И с землянами не даём им пересекаться. Не давали...

— Предполагается, что наш мир должен расти на основе событий собственной истории. Только отрицая или продолжая их, они смогут выстроить свой путь к совершенству. Приняв опыт других миров, они будут вынуждены продолжать их историю, а не свою. А это не их история, они все нюансы не смогут прочувствовать. Это азы, о которых мы с вами говорили многократно. Хотите ускоренного развития? Спускайтесь на поверхность, становитесь праведниками и двигайте духовные прозрения, гуманитарные технологии. А почему их общество не может жить счастливо... Не может жить счастливо общество, которое полностью состоит из эгоистов и людей — животных, таких, которые не считают нужным сдерживаться ни в каких ситуациях, которые делают только то, что хочется делать, и никогда не делают то, что нужно для общего блага. А в настоящий момент нам дали именно такие души. Многие ещё с плохой кармой. Поэтому они и предпочитают отнимать друг у друга то, что было проще снять с ветки или вырастить. Никакими наказаниями, школами и университетами вы это не исправите.

— А мне так жалко многих людей... Жила-была девочка, хотела счастья, никому ничего плохого не делала, а на неё потом валятся все бедствия мира, войны и изнасилования, а потом ещё продовольствие сама добывай и детей расти. Они плачут, такие девочки, нас зовут, мы, конечно, бегаем им помогать, лечим и утешаем. Но невозможно отделаться от мысли, что надо что-то в основах организации исправить, — сказала своё слово Лагана.

Я пошевелил пальцами ног, слева направо и справа налево. Лагана, как бы моя жена в этом мире. Про которую я думал, что мы с ней живём одной душой. Могла бы мне наедине высказать все идеи, а не прилюдно на собрании. Лагана поняла, что вызвала моё неодобрение, и опустила глаза.

— И мы ни в одном месте не пытались внедрять школы и университеты. Я вот своих учу на примере истории Земли, про христианство рассказываю, обучающие фильмы из разных миров про историю показываю, и ничего, все ходят по струнке и технологии с удовольствием развивают, — поддакнул восставшему обществу Котёнок.

Котёнку хорошо, мы в его отдельное пространство соответствующую технику и фильмы сразу завезли с разных миров. У них там даже компьютеры есть. Но на планете такого нет...

— Это что, бунт?

Народ промолчал, потом Три Кольца сказала:

— Да, это бунт. Каждый из нас предлагал тебе множество вариантов прорывного развития того или иного государства, но ты все запретил. Ты не разрешаешь им являться даже в виде голоса и подавать советы. Нам будет лучше, если ты куда-нибудь уйдешь... Хотя бы на время.

— Вы с ума сошли? Он единственный, кто понимает технологию Преображения, единственный, кто может противостоять бесам больше двадцати минут, он и Ангела, да ещё Грам, но он вообще не наш, — рыкнула богиня любви.

Я поблагодарил её взглядом и спросил:

— Кто ещё думает как богиня любви?

Ангела и Котёнок подняли руки.

Больше таковых не нашлось. Пшижуша, Лагана, Вира, Владыка... Даже Ва-Васта отвел глаза. Мои служилые боги и служилые боги других богов просто не поняли, что происходит, и спокойно ждали развития событий. Да, они все знали, что такое Преображение и как оно влияет на человека, но никто из них через него не проходил. Поэтому они мыслят ожесточением, логическими методами, с помощью которых можно построить систему наказаний, и всё станет хорошо... А это невозможно, ребяташки. Необходимо полное изменение внутренней сути. Только когда в обществе процент светлых душ и людей, прошедших Преображение, станет достаточно заметным, можно надеяться на какую-то осознанную деятельность общества и самоорганизацию. Пора вводить что-то типа христианства. А то у нас на планету всего два человека, издали знакомых с Преображением, и это я и Энжи — Ангела.

— Хорошо. Я уйду. На тридцать пять лет. Главной оставляю Ангелу, — согласился я и посмотрел на Грама, который присутствовал на совещании для координации действия.

Грам кивнул.

— Господин, только не это, — поспешно заговорила богиня любви и побежала ко мне, чтобы не дать мне уйти. Ангела удивлённо захлопала глазами и собралась что-то сказать. Но я уже приказал телу окаменеть и перенёс сознание в тело ребёнка, который должен был родиться через три дня.

Последние пятьдесят лет я постоянно держал наготове несколько семей, в которых можно было бы устроить воплощение типа прихода Спасителя. Я малодушно оттягивал этот момент, в то время как все исторические условия созрели. Бунт товарищей оказался очень кстати. Я ожидал чего-то подобного в ближайшие дни и заранее сделал соответствующие приготовления.

Я выбрал место в Восточной империи континента Виры, на месте бывшей империи ПСИС. К этому моменту бывшая империя распалась на два государства, Северное и Южное в битвах между которыми аннигилировались те воины, которых империи не удалось отправить на завоевание других континентов. После этого государства помирились, наладили торговлю с государством Самоначи и с тех пор воевали только иногда, исключительно на уровне пограничных разбоев.

В этом государстве религия единобожия достаточно загнила и превратилась в обрядоверие настолько, что это было очевидно даже ребёнку. В своё время мы внедряли здесь достаточно строгую религию единобожия, с массой правильных заповедей, но без упора на Преображение. Со временем жрецы перестали говорить о заповедях и правильной жизни и свели всё общение с народом к обычному уровню торговли в духе «ты богу поклонение — он тебе удачу в делах». Я запретил что-либо исправлять в этом государстве и ещё в нескольких, бывших запасными площадками, чтобы было видно, во что превращается религия, которую люди переделывают под свои нужды. Высшие жрецы были в курсе задумки, начиная ещё с первого жреца, и не мешали ситуации развиваться по своим законам.

Глава 33

Котёнок. Часть 1

Меня зовут Котёнок. Я являюсь сыном бога моего мира, его величества Полисания. Моё имя мне не нравится.

Я вырос в отдельном божественном пространстве, где и границы мира, и небо над головой состояли из серых клубящихся нитей хаоса. В детстве мне казалось это нормальным.

Сколько себя помню, я всегда был одиноким. В раннем детстве моя мама могла только сидеть рядом с отцом и ластиться. Отец был почти всегда занят. Нет, он не забывал про меня. Каждый день он выделял определённое время, чтобы развивать ребёнка и обеспечивать родительскую заботу. Я всегда чувствовал, что я — не более, чем пункт в графике, очередная задача, объект для планового развития и приложения заботы.

Что бы ни делал отец, он всегда всё делал идеально и по плану. Если мы играли в игры, он всегда выигрывал. Если он чему-то учил меня, то его слова всегда были абсолютно правильными и оптимальными, не убавить, не прибавить. Выиграв и высказав очередную правильную мысль, отец выдвигался к следующей задаче, а я оставался безмолвно плакать от того, что я такой тупой, всё делаю не так, как надо, и даже не могу сообразить, как обыграть противника в самой простой игре.

Но что я всегда признавал за отцом — это честность и справедливость. Он пообещал нам, что с семьёй никогда не будет себя вести, как бог, и не будет подсматривать за нашими мыслями и побуждениями. И всегда выполнял своё обещание быть просто отцом.

А вот про тётю Гу, которая чаще всего заботилась о моём быте, я очень рано понял, что она совсем дура. Она заставляла собирать с пола игрушки, оставленные на ночь для игры в стратегию, и вообще не могла понять ни одного сложного дела.

И дети у неё были под стать, чуть отвернёшься, сразу засветят в спину чем-нибудь увесистым и потом будут делать вид, что это не они, и валить друг на друга. По-моему, они всегда завидовали мне в том, что я сын бога, а они нет, и очень часто ябедничали взрослым, что я считаю их низшими существами потому, что я по рождению выше. Я действительно считал их низшими существами, но не потому, что они не были детьми богов, а потому, что они были злыми недоумками. Начни с ними играть в какую-нибудь настольную игру, они перевернут игровую доску, если почувствуют, что проигрывают. Даже если играть в куклы, они через некоторое время начинают кидать в тебя куклами из-за того, что им надоедает соблюдать правила игры и хочется побегать и потолкаться. Я бороться с ними избегал, они значительно старше и тяжелее меня. А вот они любили доводить дело до драки, чтобы попинать меня. У меня была способность превращать любую часть тела в сталь, только это и спасало. Получив удар сталью, эти пакостники бежали жаловаться на то, что я их избиваю и веду себя нечестно.

Правда, отец довольно быстро научил меня, как выходить из любой затруднительной ситуации, используя чужую силу, так что где-то с пяти — шести лет они избегали делать мне больно. Но до этого мне было с ними непросто. И вот именно с ними меня чаще всего оставляла тётя Гу со словами «поиграй с Маликой и Тертом, они так любят с тобой играть», а сама отправлялась ухаживать за цветами. Цветы и растения она любила. Малика и Терт — младшие дети тети Гуады, они родились уже здесь, в облачном пространстве. До них у тети Гуады родилось трое детей ещё в прежнем мире, их звали Мартиана, Интин и Дабар. Но они

были сильно старше нас и с нами не играли. А когда кого-нибудь из них оставляли с нами для присмотра, всегда вставали на сторону младших родственников, сколь бы подло те себя не вели, и говорили, что наказать надо меня. Даже тогда, когда Малика или Терт первыми начинали издеваться надо мной.

В итоге я с раннего детства играл в одиночестве.

В этой семье мне нравился только их отец, дядя Серен. Вот он был правильный дядька, и совет дельный всегда подаст, и посочувствует к месту. Правда, его почти никогда не было. Мой папочка немного загонял его, дядька Серен приходил домой только тогда, когда уже не мог ходить и падал от усталости.

Единственной моей отрадой был Дак Каартан. Он был значительно старше меня, когда я только начал осваивать грамоту, он уже заканчивал обучение. Но он был со мной, начиная с раннего детства. Сначала потому, что отец попросил его присматривать за мной, а потом потому, что мы просто сдружились. У него тоже не было компании, чтобы играть в сложные игры, а я всегда с радостью принимал то, что он показывал. А ещё в его присутствии Сероновичи никогда не пакостили. У Дака всегда имелась для них хорошая плюха в запасе.

Мы отличались только в одном — я всегда любил технику, а Дак был в восторге от живых существ. Любых, всяких. Он говорил, что в его детстве не было никаких живых существ, что он вырос на тайной астероидной базе, где не было никаких животных. Их в детстве возили в зоопарк, который взрослые устроили на одном астероиде. Детям говорили, что в зоопарке живут большие животные. Там были пустые клетки, а на мониторах было показано, как во внутренних помещениях ходят или лежат разные животные. Только много позже взрослым детям сообщали, что это были видеозаписи с планеты или компьютерная графика. Единственными по-настоящему живыми существами в зоопарке были крысы, мыши и насекомые. Поэтому Дак удовлетворял любопытство про животных уже здесь, когда попал в наш мир. Уж тут-то было, на что посмотреть, папочка кроме стандартных животным выдумал множество своих, плюс разные животные из биосфер присоединённых миров...

Дак говорил, что животные сложнее и интереснее для изучения, чем любая техника, что их делал Бог — Создатель и что в них не всегда можно понять, как что работает, даже нам. Я отвечал, что технику мы можем сделать сами. На этом наши расхождения с Даком заканчивались, и мы шли весело играть дальше. Именно Дак научил меня делать разные кораблики, с парусами и с винтами. Когда мы весело запускали их в озере, Малика и Терт кидались в них камнями и пытались потопить.

Один раз я не выдержал, обозвал их недоумками и засветил камнями в дурные головы, по камню в голову. Они, как всегда в подобных ситуациях, побежали жаловаться своей матери и моему отцу, канючили, что я опять напоминаю им, что выше по рождению, и применяю силу. Наказали, разумеется, меня. Отец использовал свои божественные возможности и узнал, что произошло на самом деле. Но меня наказали не по ошибке, а за то, что я действовал слишком жестоко. Надо было, видите ли, сначала произнести ряд ритуальных фраз про то, что делать плохо плохо, и что делать хорошо хорошо. А камни совсем нельзя использовать. Как будто Малика и Терт сами этого не знают.

— Свиньи они просто, эти дети Гу, — сказал Дак, когда узнал про решение взрослых. Пообещал приходить почаще, чтобы мне не было так одиноко рядом с этими недоумками. Но не пришёл, так как ему как повзрослевшему подбросили свой кусок работы. Отец наделил его некоторыми божественными способностями и поручил заботиться о распространении некоторых особо ценных животных по всему миру. Дак был в восторге и

захлёбывался рассказами каждый раз, когда ненадолго появлялся у меня.

Зато подросли дети тёти Лаганы, Так и Тика. Вот уж кто точно были детьми богов, так это эти рогатые. Они несли свою божественность, как переполненный водой стакан, с единственным вниманием к тому, как бы не разлить ни капли. Они всегда делали только то, что надо, говорили только то, что надо, и никогда не делали того, чего не надо. А чаще всего вообще ничего не делали, пока им не прикажут. Я как-то раз попытался поиграть с ними в жизнь диких людей, бегал с разными боевыми кличами и изображал охоту, так они сказали, что хорошие мальчики не бегают и не кричат. И сели на травку, довольные собой. Как они могли жить, не играя в разные образы, я не мог представить. Иногда мне казалось, что они какие-то автоматы. Но взрослые их хвалили.

Мне стало немного легче, когда отцу удалось вывести маму из состояния кошки. С этого момента мы стали жить в замке мамы (до этого я спал в резиденции отца под присмотром кого-нибудь из прислуги). Всю бытовую работу пришлось выполнять мне — готовить, убираться, стирать постельное бельё. Хорошо, хоть за одеждой следить не надо было — одежды у нас не было никакой. Я был рад делать эти простые дела. Мама была со мной! Ей можно было что-то рассказать, и она искренне радовалась моим радостям и сочувствовала печалю. Отец никогда не сочувствовал. В ответ на мои рассказы он мог только посоветовать, иногда кстати, иногда совсем не по ситуации. Варианта показать чувства у него, похоже, не было. Хотя иногда он меня жалел.

У мамы была единственная тема для обсуждения — как прекрасен и великолепен её бог Полисаний. Сегодня он сказал такую-то неожиданную вещь, а ещё вот так разрешил кажущуюся неразрешимой ситуацию. Как с моей точки зрения, так было бы чем восхищаться — понятно, что бог целого мира должен быть силён разумением. К тому же ничего такого особенного папочка не говорил. Он использовал стратегию мягкости и податливости. Вместо того, чтобы обсуждать суть дела с собеседником, он только спрашивал о том, что предлагает собеседник. А потом начинал задавать вопросы, показывая человеку все ошибки. Беспроигрышная позиция, всегда можно выставить собеседника дураком. Я просёк этот метод ещё в раннем детстве и просто не высказывал своё мнение, просил прямо сказать, чего от меня ждут. А чуть позже я понял, что папочка довольно часто ошибается и принимает не очень оптимальные решения.

Мне всегда казалось, что папочка слишком злоупотреблял идеей пассивности. Вместо того, чтобы построить всех строем, взбодрить, наказать за ошибки и повести в правильном направлении, он только улыбался и ждал, чтобы все окружающие всё сами сделали так, как надо. Мама этого не видела. Попытка обсудить с ней эту идею тут же привела к затрещине (затрещину получил я).

А вот при словах о том, что надо сделать какую-то работу, мама тут же уходила в себя и превращалась в кошку. Поэтому мне и приходилось делать все дела.

Единственное, что мама всегда была готова сделать — это лечить и исцелять. Ещё она любила рассказывать о том, как лечить и как устроен человек. Потом она начала учить меня и другим умениям. Нормальным человеком, таким, чтобы могла принудить себя к любой работе, она стала только года через четыре. Легче мне от этого не стало, так как мамочка тут же решила украсить замок разными забавными штучками и красивой мебелью. Угадайте, кто делал все эти украшения? Правильно, я, и иногда помогал папочка. Он смеялся и говорил, что это хорошая ремесленная школа.

Я любил, когда нас летом отправляли на поверхность, в одно северное племя. Кроме

меня и других детей богов на поверхность отправлялись и дети слуг, которых было уже довольно много.

Этому племени весь народ поручил разведывать новые земли к северу и к востоку от первых поселений, поэтому племя часто переселялось. Мне нравилось участвовать в разведывательных походах, прокладывая путь в долины и переходить через неведомые горы, где ещё никогда не ступала нога человека. С моей стальной кожей можно было не бояться неожиданностей.

Племя использовало слонов северной породы, невысоких, с густой шерстью. Мне нравилось и ехать на них, и ухаживать за ними. Слоны были большими, умными, добрыми и игривыми. Я любил их, а они любили меня. А какие здесь были собаки! Весёлые, дружелюбные, но бесконечно храбрые, когда появлялись какие-нибудь посторонние звери. Мы вместе с ними и гуляли, и ловили мышей (мышей ели только собаки).

В племени приходилось выполнять много тяжёлой работы, от пахоты и копания клубней до кормления скотины и кузнечных работ. Я с удовольствием выполнял эти работы. Малика и Терт, а также их старшие братья и сёстры пытались уклониться от любых работ. Так и Тика с момента, когда научились писать и считать, жили только в шатрах начальства и занимались написанием разных записок и рисованием карт. Писали они и правда красиво, этого у них не отнимешь. Я мало общался с ними на поверхности. Гулял и работал я вместе с детьми слуг, и с детьми обычных людей, конечно. Среди них были достойные люди. А вот в дальние разведывательные походы ходил только я. Дети слуг боялись, а дети богов считали ниже своего достоинства. Чего там бояться? Все реки переполнены рыбой, леса полнятся дичью. Правда, среди дичи есть и хищники, но хищников я не боялся ни одного. Меня очень хорошо научили побеждать любого хищника. Спасибо и собакам племени, когда мы с ними возились и играли, они очень хорошо научили меня, как обходиться с животными. Впрочем, ни одного хищника эти собаки ко мне и не подпустили бы.

Родители говорили нам, что после обучения мы будем переселены из божественного пространства на землю и будем жить таким же племенем. По этой причине я интересовался всеми сторонами жизни, как выживать и как делать все инструменты. Я не мог понять, как Так, Тика, Малика и Терт могли отлынивать от кузнечного дела или от сева.

Как только старшие заметили, что у меня случается эрекция, меня тут же обязали удовлетворять желание, используя улитку Три Кольца. Мне было очень стыдно, что взрослые это заметили, было стыдно, что хотения тела заставляют меня идти к какой-то улитке. Нет, я не был против Три Кольца, она была доброй и умной тётёй. Она многому меня научила в раннем детстве. Смущало то, что приходится делать что-то против своей воли, покоряться неведомому желанию.

Заниматься самоудовлетворением мне запретили. Сказали, что из-за большого количества излучаемой мною энергии либо вырастет какое-нибудь опасное растение там, где я этим занимался, либо ещё что-нибудь произойдёт нехорошее.

Три Кольца обрадовалась, что теперь у неё будет больше удовольствий. Ничего из этой идеи не получилось. Три Кольца при оргазме излучила так много женственности, что я потерял сознание на полчаса. Точнее, не потерял сознание, а просто переполнился слишком сильными чувствами удовольствия так, что не мог пошевелиться. Тогда мне сказали использовать тётю Линдси.

С Линдси всё получилось. Во-первых, она выглядела довольно молодо, во-вторых, она была очень милой. Но мне всё равно было очень стыдно, что приходилось использовать её и

отрывать от дел по четыре — пять раз в день. Линдси требовала, чтобы я не смущался и приходил каждый раз, когда у меня проснётся желание. Но мне всё равно было стыдно. Когда Малика и Терт дразнили меня суперозабоченным и длинночленным, я смущался и не мог ничего ответить. А огромный мужской орган мне достался как наследство от папочки, тут и сказать было нечего.

А потом выяснилось, что именно с Линдси мне и не стоило ничего делать. Оказалось, что во мне сохранилась некоторая часть силы моего отца, той самой, что в своё время превратила мою маму в кошку. Эта сила что-то пробудила в Линдси, которая на самом деле была богом локального мира, и та ушла в свой мир, чтобы стать большой проблемой. Но это случилось намного позже...

А пока я заканчивал школьное обучение. Строго говоря, никакой традиционной школы у нас не было, всех учили по индивидуальной программе, но здание школы было. И обязательная программа была. Помимо основной программы меня напихивали знаниями по любому предмету, к которому я имел неосторожность проявить любопытство. В десять лет я забрёл летом к кузнецу племени, посмотреть, как работать с железом. И вот пожалуйста, меня ненавязчиво ознакомили со всем кузнечным делом и металлургией заодно.

С раннего детства папа иногда делал мне лодочки. Стоило мне в подростковом возрасте попытаться самому сделать лодочку, как мне тут же предоставили две сотни рабочих и поручили построить небольшой парусник. А я не хотел парусник, я хотел лодочку. Впрочем, парусник мы тоже построили, только он быстро сгнил и развалился, так как я ещё не знал строительной механики и секретов работы с древесиной. Но года четыре все желающие катались на нём по небольшому искусственному морю, которое отец создал в нашем локальном пространстве специально для этой цели.

Алгебру, строительную механику, программирование и прочие науки в меня начали загружать после того, как я закончил обязательную школьную программу. Что удивительно, никто из других детей учиться этим умениям не захотел. Все ушли на упрощённую программу с логикой и философией.

Не успел я отучиться и двух лет, как меня принялись грузить разными задачами не по возрасту. «Котя, сделай с людьми на поверхности амбар». «Котёнок, построй людям на поверхности двухмачтовый парусник как образец на следующие тысячи лет». «Котёнок, нам нужно защитить континент от морских вторжений, построй с людьми трехмачтовые корабли максимального размера», «Котёнок, твой компьютер привезен из другого мира, скоро сломается, сделай себе новый, а лучше несколько сотен новых». К моменту, когда мне начали поручать создавать с людьми на поверхности жизненно важные изделия, я только-только изучил высшую математику и про конструирование ничего не знал.

Мне всегда оставляли свободу. Не знаешь, как делать? Ну, не делай. Но тогда погибнет столько-то десятков процентов населения данного народа. Приходилось засовывать все свои страхи куда подальше и двигаться на поверхность, разговаривать с людьми. Поговоришь с одним, с другим, с третьим, и что-то становится понятным. Люди на поверхности лучше чувствовали материал, знали ремесленные приёмы. Но про физику не знали ничего, даже понятие момента от простой силы не отличали. Тут становились полезными мои знания теории. В итоге после долгого времени отчаяния на грани истерики получалось что-то похожее на полезную вещь.

После первых работ я понял, почему все старшие всё время на нервах и всё время чего-то боятся. Мой папочка всем поручал работы, которые на голову или на две превосходили их

возможности. Но если у меня стоимость ошибки сводилась к утонувшему кораблю, то у всех остальных стоимостью ошибки было вымирание небольшой цивилизации. Хотя, скорее, дело было не в папочке. Мы все получили в управление большой мир, и это была работа, к которой никто не был готов.

Больше всего мне запомнилось, как мы срочно создавали военный флот после вторжения империи ИСИС в земли отцовского народа. Первый корабль людям дали сделать самим. Строили сухопутные люди. Он оказался настолько несовершенным, что его засмеяли даже морские люди. Вот тут я и получил пинок, от которого долетел до верфи в славном городе Первостане.

Это были земли «нашего» народа, того самого, который был первым в папочкинском мире, того самого народа, ради которого я в детстве исследовал на севере новые земли. Но если на севере было прохладно, то здесь было жарко. На севере животные были милыми, даже хищники не были большой проблемой. Здесь же все были бедствием, особенно кровососущие насекомые и обезьяны. Впрочем, кошки и еноты были бедствием не хуже обезьян. Некоторые дворовые кошки были ростом по колено. За еду приходилось сражаться, даже за ту, которая уже лежала на тарелке. Кровососы появились совсем недавно, с появлением бесов, но уже стали большой проблемой.

Первый корабль местные люди строили небольшой, одномачтовый. Передо мной отец поставил задачу построить трехмачтовый корабль возможно больших размеров. В помощь мне дали все данные, которые папочка сумел вытащить из своей памяти и из памяти дяди Серена на тему строительства парусных кораблей. Они в молодости частично имели дела с проектами парусных кораблей больших размеров в своём мире.

Папочка не стал мелочиться и прибыл к штабу освободительных войск в Первостане на облаке. Кроме меня, отец взял в город также Таку и Тика, детей от Лаганы.

Юмор был в том, что эти люди уже забыли, что боги могут заходить к ним в теле. Информацию о тактической обстановке их жрецы получали постоянно, но чтобы вот так, на облаке...

Народ в штабе прибалдел и даже не успел сообразить поклониться. Кое-кто успел спросить, а чем он докажет, что он не бес и не враг богу. Папочка сказал, что я буду помогать им строить корабли, что надо строить не малые корабли, а большие океанские трёхмачтовые, и убыл. Вопрос о враге бога повис в воздухе. Все взгляды обратились ко мне.

— Нет, он не враг бога. А я никогда не строил больших кораблей и знаю об этом только теоретически, — сказал я.

К моему счастью, в штабе нашёлся один дяденька из северного племени, с которым я путешествовал в детстве. Он был добровольцем, воевал против вторжения империи ПСИС. Он узнал и меня, и детей тёти Лаганы, это несколько разрядило обстановку. В итоге нас всё-таки решили считать своими. Меня пристроили к делу на верфи. Таке и Тику было поручено улучшить общую организацию и устроить развлекательные учреждения.

Будущие строители кораблей — люди и морские люди — до хрипоты спорили на мостках в порту, точнее, в бухте, и все переругались. Я начал спрашивать, в какой системе мер они считают и какую расчётную прочность дерева принимают. Спросил, включают ли они палубу в расчёт на изгиб или нет, только бимсы считают. Народ замолк и потребовал объяснений. Я объяснил. К концу объяснений все как-то поняли, чем будут заниматься. Одни отправились создавать образцовые меры веса и длины, а также определять прочность доступных сортов дерева. Другие начали строить чертёжные доски и начали рисовать планы.

Водные люди ушли строить модели кораблей с правильными с их точки зрения обтекаемыми обводами.

Через несколько дней мне стало нечего делать. Все основные решения я объяснил местным специалистам, которые оказались очень умными и любопытными. Я организовал простаивающих рабочих на строительство колейной дороги с деревянными рельсами, по которой должны были возить бочки с водными людьми. Водные люди потребовали участия в строительстве, которое полностью проводилось на суше, а без воды им было плохо. Водные люди предлагали строить корабли прямо в воде, но сухопутные люди на это не пошли. В итоге водные люди сидели в бочках и помогали советами, активно размахивая руками и матеря столяров. Они прекрасно могли передвигаться по суше и долгое время обходиться без воды, как обычные люди, но это было им не очень приятно. Привыкшая к воде кожа быстро пересыхала. Когда советы стали больше не нужны, водным людям придумали работу руками, они начали работать с такелажом и небольшими деталями. Со временем водные люди ушли делать все эти детали к себе в море.

В первый день нам выделили для проживания шатёр, что по местным стандартам было большой роскошью. По сути дела, город после вторжения и боёв представлял из себя полевой лагерь победившей армии. Все жили в шатрах или соломенных лачугах. Выданный нам шатёр на это гордое название не тянул и был скорее похож на походную палатку. Пока я был на верфи, еноты и обезьяны полностью расхитили все выданные нам запасы продовольствия.

Мы помолились папочке, и всем троим приснился сон, в котором мы ходили внутри скалы, написавшей над городом. Там было много пещер и несколько озёр с водопадами.

И почему бы было не послать кого-нибудь из наших? Дело секундное. Нет, надо через сны общаться. Из-за неточности указания места входа мы провозились лишних четыре часа, долбя скалу, а до этого ещё полчаса спорили, где надо долбить. Спорили бы и больше, но я просто взял инструменты и пошёл работать. Тик и Така все четыре часа, пока я работал, стояли рядом и ныли, что я веду ход не туда. Когда я уставал и предлагал им поработать молотом, они говорили, что это я инженер, а они управляющие работники. Потом я всё-таки пробился к обещанным пещерам.

В пещере действительно оказалось много залов и зальчиков. Но вот переходы между ними... По сути дела, их не было. Местами они были вертикальными, местами очень покатыми с возможностью улететь в щель десятка метров глубиной. Только для того, чтобы прорубить ступени или построить мостки из дерева, надо было работать полгода. Кое-как удалось выпросить на верфи немного обрезков дерева и сколотить дверь. Желающих унести с верфи древесину в строящемся городе было очень много, и руководство ввело драконовские меры, запретив что-либо брать на производстве. По этой причине первое время мы спали только в первой, самой доступной пещере.

Нытъя от компании было столько, что я первым делом прорубил проход в ближайшую пещерку, только чтобы с ними не общаться. То ты слишком рано лёг, то ты слишком поздно лёг, то ты храпишь, то ты пукаешь. Помогать делать проход в следующую пещеру они мне не стали. Это же твоя пещера, ты и руби. И вообще мы не инженеры.

Со временем удалось прорубить ступени в камне к озеру. Но спуск по этим ступеням был очень опасным. Местами надо было лезть по вертикальной стене. Тик и Така потребовали, чтобы я сделал им лестницу из дерева к озеру, с перилами. Я согласился, но при условии, что они сделают все детали. Они сделали две ступеньки и забросили дело.

Оставшись без работы по кораблю, я занялся созданием катапульта. Я думал, что это просто, но оказалось, что это сложно. Самым сложным оказалось не сделать пружинные элементы, а затормозить движение разогнавшихся внутренних частей. Они разбили мне первые три катапульта. Руководство смотрело на мои катапульти как на блажь и вредительскую работу, все считали, что победу принесёт честный рукопашный бой. Мне не давали рабочих и зажимали материал. Но потом мои катапульти показали очень хорошие результаты. Горшки с растительными маслами, спиртом и топлёным животным жиром успешно подожгли выделенный для этих целей маленький плотик. Для лучшего горения я добавил туда ещё селитру и серу. Попали с большого расстояния и сожгли очень эффективно.

Начальство почесалось и решило произвести по катапульте для каждого крупного корабля.

Первым мы создали всё-таки небольшой корабль, двухмачтовый бриг. Правда, по длине он был больше вражеских трёхмачтовых, и если у врага было только три ряда парусов, то у этого было четыре, с бом-брамселями. Бриг сразу встал на транспортную линию по небольшим соседним городкам, где заготавливали лес для кораблей. Инициатива создания этого корабля и маленьких городков принадлежала мне. До сих пор дерево везли на верфи отовсюду на воловьих повозках. Это было долго и дорого. Смысла в этом не было никакого, так как по берегам рос очень хороший лес. Везти его на корабле было намного легче.

После этого дела для меня почти не осталось. На закуску я ещё сконструировал подъёмный кран с многошківными таями. Тали приводились в действие большим и широким колесом, внутри которого перебирали ногами сразу шесть человек. Это было гораздо легче, чем тянуть трос вдесятером.

По ходу дела я обнаружил, что наши люди почти забыли арифметику. Кое-как до сотни они считали, но дальше всё было плохо. Я добился приёма у командования армии, потребовал, чтобы по всей стране открылись школы, в которых учили бы математике. Хотя бы до умения возводить в степень и извлекать корни. Это было необходимо для расчётов объёма кораблей и дальности стрельбы из катапульта. Наши люди осваивали эти умения с очень большим трудом. Тик и Така, которые присутствовали на приёме, начали со мной спорить и доказывать, что этим людям это пока не нужно и что им в ближайшее время математика не понадобится.

Я ещё не привык сразу переходить в боевой режим и удивлённо сказал, что уже требуется. Но Тик и Така упорствовали и перебивали даже местных генералов. Я удивлённо смотрел на родственников и не мог понять, откуда такая горячность и почему они против очевидно полезной идеи. Потом понял, что им просто завидно и что они сами хотели бы указывать и командовать.

Руководство посмотрело на наши споры и решило отложить решение. Я готов был избить сводную братву.

С некоторого момента я стал замечать, что в озере стал появляться запах мочи. Небольшое расследование показало, что Тик и Така устроили туалет точно на том ручейке, вода от которого шла в озеро. Даже продолбили ради этого метр камня. Это была несомненная умышленная подлость, так как до этого мы устроили туалет в другом проходе, где другой поток уносил все отходы мимо озера.

Я грозным тоном отругал родственников и приказал им ходить в старое место. Они глупо хихикали, после чего продолжили гадить в озеро. Тогда я поставил на вершине скалы антенну, собирающую статическое электричество, и провёл токовод к ручью. В обычных

условиях ток там был очень маленьким, но во время очередного дождя кто-то из пакостников получил очень хороший разряд в чувствительное место. Как и обычно, они побежали жаловаться моему папочке, и их сразу забрали. Далее я жил в пещере в одиночестве.

До ухода Тик и Така нарисовали начальству план города с площадями и проспектами, а также заложили три театра. Один с серьёзными постановками, один с шутливыми мюзиклами и один детский. Ну, хоть какая-то польза от них. Петь и плясать они всегда любили, особенно перед родителями, и чтобы их хвалили. А я вот как-то никогда не видел смысла в том, чтобы выламываться. Даже в детстве меня не могли заставить станцевать для божественной компании. Хотя нет, пару раз всё-таки заставили в совсем раннем детстве, но отрицательных эмоций при этом было столько, что от меня потом отстали.

Эскадра строилась почти год. Я помолился, и меня забрали обратно через четыре месяца после появления. Папочка сразу устроил разбирательство — кто кого обижал на поверхности. Тик и Така, естественно, пытались выставить агрессором меня. Папочка заглянул в их память, и ему всё стало ясно. Он только спросил меня, с кем из людей божественного пространства мне хотелось бы взаимодействовать. Я сказал, что с мамой и Даком.

— Дака и Ва я тебе отдать не могу, самому нужны. Но я дам тебе отдельный мир, такого же размера, как мой исходный. Обустрой его как хочешь. Можешь брать людей с поверхности в слуги. Будешь там разрабатывать образцы всей техники, которую мы потом будем внедрять на поверхности. Подбери себе жену из детей богов. А пока тебе будет помогать Линдси.

Отец наделил меня некоторыми божественными возможностями и отправил в параллельное пространство. Первое время я был занят тем, что обустроивал свой дом и два десятка ферм для будущего населения. Даже со способностью прямого влияния мыслью на материю это заняло некоторое время. Домашних животных я пока выпустил на свободный выпас, только огородил их пространство колючими кустами.

Вернулся на поверхность я только тогда, когда эскадра вышла в море. Папочка среди прочих дал мне способность стоять на воде. Так я и стоял, покачиваясь, пока нужный мне корабль не подошёл поближе. Я взобрался на него прямо на ходу. Знакомые моряки приняли меня с некоторым удивлением, но приняли. Потом через меня папочка ещё передал адмиралу курс на встречу с эскадрой противника.

Катапульты в бою показали себя очень хорошо. Честно говоря, благодаря им мы и выиграла. Наши корабли смогли расстрелять противника на расстоянии, почти не неся потерь. Именно для оценки эффективности катапульт я и прибыл. После боя можно было уходить, но я вернулся в город вместе с эскадрой.

В городе я сделал предложения симпатичным мне людям. От предложения почти невозможно было отказаться. Большинство из тех, кого я выбрал, тяжело болели. Остальные были хорошими мастерами или просто людьми с устойчивой психикой. Я пообещал им излечение от всех болезней, жизнь в мире, где нет бесовских внушений и лишних скандалов, многократное продление жизни с омоложениями, пока самим не надоест. Омоложение распространялось только на супругов.

Уже в моём пространстве они обнаружили, что я по выходным ставлю кино и сериалы. Я ставил фильмы и сериалы, которые нас заставляли смотреть в детстве, фильмы из других миров. Ни один из поселенцев нового мира не пожалел о переходе.

Было забавно осознавать, что во всём этом мире существует только один наш человеческий посёлок.

Иногда мама заходила ко мне в пространство. Мне отец способность ходить между пространствами не дал, меня водили за руку служилые боги. А мама могла ходить и летать везде. Но мама заходила очень редко, было много работы на поверхности. Хотя лично я подозревал, что она предпочитает сидеть у ног папочки Полисания, чем смотреть на мои успехи с разными железками.

Линдси заходила гораздо чаще. Она была моей единственной отрадой, кроме работы. Потом папочка уснул маму на поверхность, а Линдси просто пропала. Несколько недель ко мне никто не заходил, и только когда зашёл один из служилых богов узнать о состоянии дел, Линдси начали искать. Через некоторое время зашёл папочка, спросил, что я такого делал с Линдси. Сказал, что Линдси проснулась как локальный бог, но её мир вместо мирного развития превратился в чёрную дыру и начал поглощать соседние миры. Никто не знает, что делать с этим миром.

Я попросил дать мне возможность ходить на поверхность и в другие миры. Папочка посомневался, но потом дал мне такое умение. И даже немного потренировал в прохождении через порталы.

После постройки боевых кораблей нам поручили создать всё необходимое для жизни в северных широтах — одежду, жильё, транспорт. Пришлось много бегать к тому племени, с которым я жил в детстве. Им тоже от всего народа поручили осваивать северные земли. Ребята никак не могли понять, зачем уходить из не освоенных до конца тёплых земель, но послушались и ушли на север.

Мы расстарались на славу — двухслойная одежда, двухслойная обувь с вентиляцией, дома с теплоизоляцией, с кирпичными печками, юрты с передвижными лёгкими железными или керамическими печами. Одежда для животных. Лыжи и снегоступы, нарты и сани. А вот парусники на лыжах «не пошли». Оказались тупиковым направлением. Единственное, где получилось их использовать, это на озёрах. Но в таком количестве они там были никому не нужны, и технологию почти сразу забыли. Папочка со временем подкинул идею создать ветряки, действующие на обогрев. Построили и такой. Устройство оказалось довольно сложным и большим, кроме того, требовало много стали и токарного станка для создания цилиндра нагнетания воздуха. Оно очень неплохо позволяло экономить топливо, но в штиль всё равно приходилось зажигать печку. Главной проблемой оказалось обледенение лопастей ветряка. Оторвавшиеся куски льда чуть не убили одного ребёнка, и мы закрыли этот проект. Существующий ветряк переделали в мельницу, и в этом качестве он народу полюбился. Только жильё от него убрали подальше.

Для особо холодных времён сделали респираторы, в которых вдыхаемый воздух подогревался выдыхаемым. Респираторы народ тут же забыл. Не потому, что были не нужны, а просто потому, что до них никогда руки не доходили.

Невозможность снимать три урожая в год надо было компенсировать технологиями долгого хранения продуктов. Придумали конструкцию холодильников — ледников, в которые в холодные времена закладывался лёд с рек. В таких ледниках даже мясо хранилось годами. Обучили людей засолке овощей и фруктов. Попросил папочку создать несколько видов масличных растений, чтобы люди могли создавать консервы на зиму в масле. Оказалось, они уже давно были созданы и росли вокруг в изобилии.

Между делом научили народ кататься на санках и париться в банях.

Северный образ жизни настолько понравился подшефному племени, что они осели около одного крупного озера и заявили, что никуда больше не пойдут. Ну да, с ледниками и ветряками особо не покочуешь... Посланцы от основного народа пытались уговорить их провести дальнейшую разведку местности. Племя заявило, что разведывательные экспедиции посылать будет, но с места не сдвинется. За это им обрезали поставки железа. Племя откопало руды в соседних болотах и начало экспортировать железо на юг.

Люди из моего пространства сильно помогли мне с созданием технологий для зимних холодов. Они же первыми их и испытывали. Для этого мы на время выезжали в холодные зоны нашего пространства.

После создания холодной техники от нас потребовали создания пушек, огнестрельного оружия и паровых машин. Это затянулось надолго, у меня было слишком мало людей, чтобы организовать соответствующее производство. Пришлось ждать несколько поколений, пока они размножатся, и приводить с поверхности новых людей.

По факту я оказался царём нашего маленького мира. Люди принялись конфликтовать, как это свойственно людям, причём совершенно по-детски. Со всеми конфликтами они стали ходить ко мне. Вот тут я понял, почему папочка вёл себя именно так, как он себя вёл. Я уговаривал людей быть хорошими и не ссориться, затягивал решение и ждал, когда выявятся новые обстоятельства. В девяти случаях из десяти этот способ оказывался наиболее успешным. Очень помогала способность заглянуть в историю событий, которой снабдил меня папочка. Все мои люди вскоре поняли, что врать мне бесполезно. А вот тех, кто устраивал конфликты ради того, чтобы поиздеваться над соседями, а также клеветников я наказывал быстро и очень жёстко.

За глаза мои люди звали меня «Стальной кот». Полагаю, за то, что у меня кожа при ударе становилось стальной.

В один прекрасный день в мой мир заявила Пшижуша с двенадцатилетней дочкой по имени Жишуа. После того, как она сменила тело и стала человеческой женщиной, она использовала для утоления сексуального голода Дея, локального бога десятого присоединённого мира, и родила девочку. Эту девочку она с раннего детства воспитывала как жену для меня. Поскольку она была дочерью богов и частично наследовала способности, обычным людям нельзя было с ней связываться. Я был самым старшим из полубогов, поэтому её воспитывали как мою жену. Меня в известность ставить не нашли нужным.

Пшижуша в частном разговоре предупредила: отказываться даже не думай. Девочка воспитана в идее служения мне не только как мужчине, но и как богу. Отказ воспримет как крушение всей жизни. Ещё попросила не давать ей рожать до семнадцати. После этого ушла, даже не оставшись на свадьбу.

Если честно, после ухода Линдси сексуальный голод стал проблемой. Удовлетворять самого себя мне запретили, и не без оснований. Единственное, что спасало, это эротические сны. Но после каждого такого сна вокруг моего замка вырастала новая порция буйной растительности. Отрываться от конструирования новой техники не хотелось, так что вскоре мой замок принял вид скалы, заросшей дубами и лианами в человеческое тело толщиной.

Я спросил у малышки, что она знает про то, что делать с мужчинами. Оказалось, что она знала про это всё. И как беременеть, и как не беременеть. Как доводить мужчину до экстаза быстро и как тянуть удовольствие сутками, чтобы потом на пике удовольствия довести до потери сознания. Её специально тренировали по много суток на муляжах и макетах, при этом не давали доходить до оргазма, чтобы не нарушать энергетику первого

облачного мира.

Девушка хотела оргазма ещё больше моего и готова была сделать для этого что угодно. Своё искусство она продемонстрировала тут же, как только ушла мама. Поскольку она была дочерью сразу двух богов, её энергетика была сильнее. Меня вынесло от её оргазма на полчаса, но это были приятные полчаса. Я даже сохранил сознание.

Что тут сделаешь? Малышку оставил, свадьбу сыграли. Присутствовали только люди моего мира. По случаю праздника устроили на земле салют из только что построенных первых пушек и нечто типа северного сияния в небе.

Народ был счастлив: Жишуа хорошо научили исцелять и ускорять рост растений за счёт синтеза мужской и женской энергий. Я тоже мог исцелять, но занимался этим очень редко, только в случаях тяжёлых переломов и травм. В остальных случаях я считал, что в отсутствии болезнетворных организмов достаточно встроенной человеческой системы самоисцеления. Жишуа же с радостью исцеляла даже царапины. Обязанностей у неё особых не было, так что она весь день летала туда-сюда на облаке и совала нос во все дела, которыми занимались люди. Не из вредности, а просто из детского любопытства. Так что если происходила какая-нибудь травма, как правило, жёнушка оказывалась рядом.

В полёте она, надо признаться, смотрелась роскошно: фигурка тоненька, наклонена вперёд, а сзади длинный шлейф светлых волос. Жишуа была чернокожей блондинкой, как и мама.

Семнадцатилетие Жишуа наступило как-то очень быстро, и малышка принялась рожать каждые пять лет по ребёнку. Третье поколение божественные свойства не наследовало, и им уже можно было жениться с обычными людьми и мастурбировать без вреда для природы. Мы вздохнули с некоторым облегчением.

Мы с моими людьми закончили делать образцы дизельной техники и первых космических кораблей, когда меня позвали на совещание к папочке. Обычно меня не звали, только доводили результаты и принятые решения. Я продолжал присматривать за северным народом, но в оперативной поддержке не участвовал, поэтому меня и не дёргали.

Папочка сказал, что на поверхности слишком сильно распространились болезни, поэтому необходимо несколько изменить образ общения. Ранее во всех наших религиях внебрачный секс запрещался, но не наказывался. Теперь, в связи с появлением особо тяжёлых заболеваний, необходимо было запретить добрачный и внебрачный секс полностью. По этой причине и нам надо было являться людям не в нагом виде, как все привыкли, а в имитации одежды. Всем было сказано использовать белые покрывала, покрытие, которое не мешало дышать телу, позволяла видеть фигуру, но создавало видимость одежды. Было много других важных изменений. Некоторые империи сказано было давить, а некоторые распространять.

Под конец Четыре Кольца решила поднять тему того, что мы никак не заботимся о том, чтобы люди на планете жили счастливее. Я вспомнил, что за прошедшие столетия на поверхности в опекаемом мною народе так и не появилось полноценное всеобщее школьное образование, и напомнил, что мы об этом говорили ещё во времена империи ПСИС.

И тут случилось нечто неожиданное. Оказалось, что это бунт. Все локальные боги и ближайšie помощники отца потребовали, чтобы он дал им возможность развивать их культуры на планете так, как они считают нужным, а сам куда-нибудь делся на некоторое время. Отец не стал ничего объяснять и поставил вопрос на голосование. Кроме его богини любви и Ангелы все проголосовали за уход. Отец посмеялся и ушёл аватаром в тело ребёнка

на поверхности. Богиня любви хотела остановить его с помощью большого секса, но не успела.

Последовала долгая мёртвая пауза. Потом кто-то задался вопросом, зачем ему это могло быть надо. Локальные боги были достаточно развитыми, чтобы проследить развитие этой культуры и сообразить, что отец попытается внедрить что-то типа христианства. У всех случилась истерика: они мечтали создать собственные мирки, государства с религиями имени самих себя, и столетиями развлекаться взаимными войнами и соперничеством, игрой в солдатики по-крупному. А тут всем стало ясно, что новая религия взломает их империи, и ничего от них не останется, а мир станет совсем другим.

Даже мои родственнички, дети Лаганы и Серена были назначены присматривать за небольшими государствами или племенами и имели о них собственную мечту. И о чём думал отец, давая им такие ответственные поручения? Они же подленькие душонки, единственная мотивация — понты.

Тем не менее, они не отказались от первоначального плана и принялись делиться, кто какую империю будет патронировать, на каких границах они останутся, чтобы не уничтожить друг друга полностью. Чуть не дошли до драки за границы, за особо плодородные земли. Потом кое-как договорились, кто куда плывёт и кто какие земли осваивает. Что же, хоть так, у планеты будет хоть какое-то руководство на время отсутствия отца.

Самым смешным было то, что северный народ, пока ещё малочисленный, но занимающий самые большие по площади пахотные земли, остался без покровителя. То есть теоретически покровитель у него был, Мирай Мирен, но он был обычным человеком, даже Преображение ещё не проходил. Не так давно ему на усиление спровадили Микушу, младшего брата моей Жишуа. Микуша имел ряд наследственных и приобретённых божественных умений, но его послали скорее набираться мудрости, чем быть реальной силой. Когда я сказал, что беру заботу о северном народе на себя, никто даже ухом не повёл. Хочешь возиться с этой никому не нужной бесперспективной кучкой замерзающих нищобродов — на здоровье. Микуша даже обрадовался, он чувствовал себя в этой свалке тщеславия совсем потерянным.

Я вернулся в своё пространство и посоветовался с Жи. Она решила идти вместе со мной. Собрали наших людей, сказали им выбрать главного, кто будет править сорок лет на время моего отсутствия, и ряд других выборных лиц. Я пообещал периодически заходить, присматривать за делами. Чтобы людям было, чем заняться, поручил им провести железные дороги по всему нашему миру и разработать некоторые разделы математики. После этого мы перенеслись на поверхность основного мира, к северному народу.

Ещё недавно это было небольшое племя, и я им строил первый холодильник. Теперь это был уже небольшой народ со своей гордостью. Среди обычных людей жило довольно много рогатых из мира Лаганы. Сюда ехали жить те, кто хотели самостоятельной жизни, без суеты и противостояний, которых было довольно много в южных землях с их относительно большими городами.

Проблема заключалась в том, что мы с женой недавно прошли омоложение и выглядели совсем молодо. Являться народам на облаке в образе богов отец временно запретил, оставалось только выдавать себя за пророков и религиозных подвижников. Так мы и поступили. Я ходил по селениям и говорил, что вскоре через эти земли пойдут огромные толпы переселяющихся народов, и каждый из них будет вооружён и готов убивать. Говорил,

что на юге вскоре будут созданы огромные империи, религия которых будет говорить им, что боги любят только их и потому им можно будет убивать всех остальных. Ещё я говорил, что надо строить школы и учить детей физике и математике, а потом делать много эффективного оружия. Как и наказывал отец, говорил о запрете любого внебрачного сожития, о чистоте и верности.

Последний пункт местным не очень понравился. Тяжёлые болезни сюда ещё не дошли, а эротические приключения местные любили. Особенно с рогатыми любовниками или с водными людьми, с которыми не беременели.

Здесь продолжала действовать та первоначальная религия Бога — Создателя, которую отец внедрял ещё первым людям. В ней говорилось о преданности единому богу, о необходимости борьбы с гордостью и заносчивостью, о контроле гнева. В религии считалось, что люди живут много жизней и действует карма, причем начинает действовать уже в этой жизни. Религии хватало для бытовых нужд и решения споров, но каких-то глубин с ней достичь было невозможно.

Люди о религии особо и не задумывались. Жрецов было мало, в большинстве сёл их видели два — три раза в год. В таких условиях религия постепенно деградировала до своей противоположности, до уровня «будешь себя плохо вести — попадешь в следующей жизни в бедную семью». Пришлось в первую очередь поработать над чистотой религии, подчеркнуть то понимание, что хороший человек по карме и Божьим решением попадает не туда, где богаче, а туда, где ему условия больше подходят для развития в по-настоящему разумное существо. Ещё я говорил, что я маленький пророк и что за мной идёт тот, кто изменит обстановку во всём нашем мире и принесёт новую благую весть. Правда, это вызовет падение больших неправедных государств, из-за чего по миру будет бегать множество огромных вооруженных толп, почему и необходимо готовить много оружия и военных машин.

Меня слушали, но намного больше для успеха затеи сделала Жишуа. Она исцеляла и тела, и души. За последнее время она много чему научилась, плюс рождение и воспитание двадцати детей тоже дали кое-какой опыт. Она могла душевно посоветовать почти на любую тему.

Проблемы возникли только в самом большом городе северного народа. По меркам южной части континента это был небольшой городок, но здесь уже были интриги между несколькими властными кланами за первенство во властных системах и в жречестве. Моё появление все заинтересованные лица восприняли как интригу с целью пошатнуть их положение во власти. Пришлось отбиваться от трёх групп подосланных убийц и одной попытки избиения. Поскольку в ходе боёв мне пришлось воспользоваться стальной кожей, инкогнито было разрушено. Легенды про мальчика со стальной кожей, который привёл их народ на изобильный и пустой север, передавались в поколениях достаточно тщательно. После ночи нападений мы с Жишу просто вломились к ведущим людям кланов, набили им морды отобранными у подосланных громил инструментами и потребовали прекратить интриги, а затем собраться в единое управляемое государство. Договорились, что они устроят везде школы с обучением физике и математике, а летом начнут строить мощные укрепленные районы из лесов с заостренными ветвями деревьев и валов со стенами, чтобы в нужный момент можно было подрубить деревья и обрушить их на противника. Для этого надо было сделать так, чтобы почти в каждой семье было большая повозка, пригодная для жилья, с печкой и необходимыми запасами. В этих повозках строители должны будут ездить

к местам возведения стен и посадки лесов. В столице решили построить университет для подготовки учителей и развития наук.

Идея была не столько в строительстве укреплений, людей для этого было слишком мало. Идея была в том, чтобы создать управляемое общество, способное к быстрым перемещениям.

Оставив Жишуа в одной крупной деревне исцелять страждущих, я через облачное пространство навестил остальных энтузиастов опережающего развития культур.

Лагана с детьми окучивал своих рогатых. К этому времени рогатый народ отстроил каменную столицу, пережил несколько войн кланов за власть, а ещё научился строить довольно большие корабли. Рогатые ухитрились не ссориться с обычными людьми, держали мир и выгодно торговали. Именно у людей они и подсмотрели кораблестроение.

Втихаря от людей рогатые разведали все земли к востоку от их континента и почти совершили кругосветное путешествие. Они поняли, что в этом мире существует несколько пустых континентов, и начали строить на них свои планы втайне от наших людей. Один из их кораблей даже забрёл на континент, на котором жили выходцы из моего родного мира, прямо в крупнейший портовой город Новой Иделии. Посмотрев на то, какими способностями обладают благородные судари, рогатые отчалили и сделали вид, что их тут не было. Даже судовой журнал подправили. Благородные люди в свою очередь с интересом послушали рассказы рогатых об истории этого мира. С удивлением посмотрели на рога невиданных людей и на океанский корабль высокой степени совершенства. После чего решили, что за пределы континента лучше особо не выходить.

Лагана явилась к своим рогатым в явном виде, отрекомендовалась их богиней и начала рассказывать, что они должны отстроить крепкое централизованное государство, развить учреждения культуры и образования, заселить все пустующие земли и принести порядок в земли людей, даже если те будут против. Её люди слышали, что боги только за них и что они должны господствовать над всем миром. Когда я сказал Лагане, что люди восприняли её слова именно таким образом, она обиделась и выгнала меня, сказала больше не приходить.

Вира и Серен крутили мозги государству Самоначи. Они не стали приходить к начальству в явном виде, явились только к ключевым людям в полусне и потребовали начать бороться за очищение общества, гражданские вольности и строительство школ с университетами. Ещё они передали местным знания о выделке металлов (до сих пор люди этого континента получали металлы только от людей из Первостана). Им даже кое-что удалось. Власть в государстве Самоначи к этому времени одряхлела и свелась практически к простой монархии. Это никого не напрягало, так как все жили привычным образом жизни, размер взяток и откатов давно устоялся, и власть людям не мешала. Этим государство Самоначи выгодно отличалась от соседних государств — бывшей территории империи ПСИС, где вечно что-нибудь происходило. Граждане держались за своё государство и не бунтовали. Появление деятельной и заряженной мессианством партии, требовавшей гражданских свобод и возвращения реальной выборности ряда государственных должностей не встретило никакого сопротивления. Память о том, что это первоначально было государство свободных людей, ещё сохранялась. Главный начальник, по сути монарх, подписал конституцию и закон о выборных должностях. Давно сложившиеся властные кланы легко провели на выборные должности нужных людей, и ничего не изменилось, кроме увеличения количества начальных школ. В столице начали строить университет. Вира с Сереном немного растерялись от того, что всё так легко прошло, и сели думать, что делать

дальше. За этим делом я их и застал.

Серен сказал, что по идее следующим этапом после установления законности должно быть развитие промышленности. Но местная цивилизация является полностью сельскохозяйственной, им промышленность даром не нужна никакая. Куда развивать страну, непонятно.

Я не удержался от ёрничества и заявил, что если развивать некуда, значит, счастье уже настало и можно объявлять конец развития. Серен с Витой скептически поулыбались и признали, что до счастья этому миру ещё очень далеко. Но что делать и куда развивать, они не знали.

Я рассказал им историю из промышленного развития Земли. Там на первых пароходах ставили трубы из кирпича. По аналогии. Если в избах трубы из кирпича, почему на пароходе должно быть иначе? Таким образом на движущейся технике, которая по определению должна быть как можно легче, особенно то, что выше уровня воды, оказалась штука, которая была тяжёлой и совершенно неуместной. Потом трубы стали делать из стали. Таких «кирпичных труб» у нас в устройстве государства и в промыслах огромное количество. Например, люди все ткани получают на ручных рамах, ниточку без челнока сами туда-сюда руками носят, а промышленные ткани были бы намного дешевле. Вот вам и первое направление развития промышленности. Второе дело — социальная поддержка тех, кто в старости остался без детей по разным причинам. В настоящее время такие люди в городах вынуждены просить милостыню, в сёлах вообще обречены умирать от голода. Но как только создадите систему сбора средств для пособий, их тут же начнут расхищать властные кланы. Вот вам и направление усложнения общества с целью борьбы с коррупцией.

Серен с Вирой обрадовались — ура, дело появилось. Я спросил у них, как они будут бороться с коррупцией. Они сказали, что создадут явные и тайные системы слежения за доходами и расходами чиновников. Я посмеялся — так вы только повысите стоимость чиновничьей прослойки. Они не поверили. Ну, попутного ветра вам в спину, ребяташки. Надо же было хоть что-нибудь про историю почитать. Хотя дядя Серен много читал. Удивительно, куда всё делось.

Соседние два государства, в одном из которых родился аватар моего отца, патронировал Илхия, локальный бог последнего присоединённого мира. Никто не рискнул заботиться о государстве, в котором мой отец что-то замыслил. Поэтому они достались самому маленькому, Илхие, который просто присматривал, чтобы не случилось чего-нибудь неожиданного. Мы с ним немного поболтали, попробовали строить догадки, что будет делать бог Полисаний.

Илхия — хороший парень, незаносчивый.

Улитки избрали своей нивой для приложения усилий народ, который расположился в джунглях тропиков. Это были наследники тех детей, которые были первыми изгнаны из общего коллектива. В условиях изобилия еды в тёплых землях они занимались, в основном, только драками друг с другом и ухитрились не построить ничего. Неплохо развивался только народ, который был наследниками пары, сбежавшей от Лено. Им в третьем поколении добавили множество детей людей с севера для предотвращения вырождения, и они развивались почти так же, как люди на севере. Освоили колесо, лук, гончарство, выращивание злаков с помощью пахоты, кое-какие методы консервации и хранения продуктов. У них даже появились зачатки городов в виде крупных поселений около религиозных центров. Вот к ним и направились Три Кольца и Ромбики. Они являлись в

явном виде, в сиянии и на облаке. Начали вещать начальникам и всем желающим, что им должно стать ведущим государством, которое будет распространять порядок и законность всем людям, живущим в тёплых краях южнее края пустынь (между землями тропиков и северным народом Первостана тянулась полоса небольших пустынь).

Четыре ромба в круге оказалась умнее своей богини и внедрение культуры начала с рассказов о том, как плохо может стать, если построить незаконное деспотическое государство. Запугала людей так, что жрецы местной религии Полисания Оптимизатора чуть не выгнали улиток из своего мира, чтобы только никакое государство не появлялось. Улиткам пришлось приложить некоторые усилия, чтобы довести до сведения народа простое понимание, что государство появится в любом случае, только с ними оно будет терпимое, а без них — властью грабителей и худших людей общества. Кроме того, улитки решили строить государство на базе религии Полисания Оптимизатора. Для этого они сказали жрецам немного изменить религию. Если до этого жрецы говорили о том, что Полисаний — только местный бог, которому Создатель доверил заботу об этом маленьком кусочке космоса, то теперь предлагалось говорить, что Полисаний — это вообще главный Бог и единственный, а они его посланники. Ещё они говорили, что надо отказываться от злобы и заносчивости, осваивать безграничное беззлобие и благотворение всему живущему. Ещё жрецам предлагалось говорить, что мягкое и гибкое жизненное твёрдого и жёсткого.

В сказанном был некоторый момент новизны. До сих пор жрецы говорили своим людям только то, что нельзя воровать и издеваться над другими ради удовольствия, и что надо заботиться обо всем с любовью, как Полисаний Оптимизатор заботится о них и вовремя посылает дожди и советы. О внутреннем изменении в этой религии ранее не говорилось. Жрецы начали задавать вопросы, на которые улитки смогли ответить. После этого доверие к улиткам значительно выросло, и их по-настоящему признали посланниками божественной воли.

Улитки начали выстраивать государственный организм: правительство с министрами, двухпалатное выборное собрание представителей, почту, постоянную армию и военные арсеналы. Даже попытались развить кораблестроение, но тут им не хватило людей, способных считать до тысячи. Пришлось для начала вводить школы и училища для будущих жрецов и делопроизводителей.

А потом всё пошло не по плану. Люди, никогда не бывшие во власти и вдруг ставшие выборными представителями, заважничали и начали поработать окружающих. Собранные на разные общественные цели деньги в банк положить было невозможно, так как банков не было. А когда их отдавали на хранение именитым людям, те быстро теряли границу между общественными и своими деньгами. Нет, они их не воровали. Они были уверены, что они всё отдадут. Но вдруг появлялось так много неотложных трат — новый паланкин по новому статусу, вечеринки с угощением для гостей, на которых надо обсудить важные идеи... Все собранные деньги сразу исчезали. Не потому, что люди были плохими. Они просто не были готовы к такой деятельности по уровню сознания.

Улитки попытались управлять всем в ручном режиме, наказывая всех, кто вёл себя неподобающе. В итоге наказывать пришлось всех. Если в первое время люди смотрели на них уважительно, то теперь улитки стали всем мешать.

Новоявленное государство всё-таки ухитрились совершить первый военный поход (солдатам пообещали заплатить после окончания похода). И вот тут дело пошло. Они захватили много рабов из числа наследников Лено, тех, кто жили в джунглях совсем дикими,

женщины отдельно мужчины отдельно. Рабов заставили работать на плантациях, и это было огромным облегчением. Работать на жаре было тяжело, а тут все неприятные ощущения получал раб. Землевладельцы сразу оценили полезность идеи, рабы поднялись в цене, и солдаты даже получили свою оплату. Кормить рабов и ухаживать за их здоровьем никто не подумал, и рабы начали умирать кто от плохого здоровья, кто от тоски по свободе. Захват новых рабов стал необходимым делом.

Улитки попытались уговорить своих людей в том, что счастье на чужом несчастье не построишь, но их просто послали. Тогда улитки решили, что это необходимый для развития государства этап, который невозможно перепрыгнуть, и смирились с тем, что их планировавшееся образцовым государство некоторое время будет захватнической рабовладельческой империей. Они решили для начала просвещать высшие слои общества и устроили театр и фестивали.

Представления народ полюбил, танцевать они любили ещё со времён Линдси. Тем более, что в драматических произведениях устроители додумались в военных сценах выпускать друг на друга рабов с оружием. Кто выживал, получал свободу. Появление театра и поэзии привело к тому, что высшему слою стало нужно ещё больше денег для оплаты зрелищ и разного рода художников и артистов. А народ привык к кровавым зрелищам в качестве развлечения и уже не мыслил праздников без убийств.

Я прибыл к улиткам через два года после начала их затеи. Улитки находились в глубокой депрессии и думали о том, что бы такого сделать со своим государством, чтобы смягчить нравы и изменить его захватническую суть. Я предположил, что ничего они не сделают, пока не вырастет второе — третье поколение, которое уже привыкнет к идее государства, и которому будет отвратительно всё это скотство по религиозным причинам. Но и в этом случае совестливых людей будет меньшинство, остальные будут требовать всё больше крови на театрализованных представлениях.

Улитки сказали, что они и так начали с религии и не видят, что можно было бы сделать лучше. Я вспомнил свои ракеты, над которыми работал до бунта, и привёл их в пример: в любом организме, даже в ракете, ведущей должна быть система, которая говорит о цели деятельности и назначении устройства. В пилотируемой ракете это лётчик, в беспилотной программирующее устройство. В человеке и в обществе этот побудитель действий приводит в движение разум и логическое осмысление решений через систему образов, чувственно — логических моделей. И только потом идут управляющие логические системы, явный разум у человека или правитель в государстве. Потом идут разные системы привычек, потом системы передачи информации, потом производства энергии, потом собственно тело...

Если следовать этой логике, то надо было начинать с группы людей, объединённых идеей о том, что они хотят сделать с обществом. Потом подключать к ним художников и артистов всех видов, чтобы они рассказали обществу, почему как сейчас жить нельзя и как жить иначе. И только потом подбирать под уже готовые дух и душу общества явное государственное управление. А они начали сразу с правителей, и ничего удивительного, что те занялись тем, чем всегда занимаются государства без религии и без духа — грабежом.

Улитки оживились и начали обсуждать идею о том, что надо организовать сценаристов и певцов для создания произведений, которые будут показывать ужас и недолжность грабительского образа жизни. Дуры. Начинать надо с группы, объединённой общей мечтой о том, во что они хотят превратить своё общество. Прямым текстом им об этом сказал, так не слышали.

На этом этапе я понял, что дальше можно ничего не говорить, и отправился через облачное пространство к Линне.

Линна явилась остаткам своих ящеров, живших на островах, и научила их устраивать фестивали с массовыми танцами. Между делом ящеры спрашивали у неё о цели существования и божественной жизни. Линна, не очень задумываясь, отвечала им то, чего хваталась по верхам от моего папочки и улиток. Ящерам хватило. Они почувствовали некоторую красоту в сказанном и перенесли её в свои танцы. Линна попросила меня помочь её людям сделать лодки побольше, чтобы можно было ездить между островами на фестивали. Я сказал, что лучше попросить водных людей, которые держали этих ящеролюдей почти как домашних животных и подкармливали, разводили для сексуальных забав. Линна настаивала, и я построил с ящерами несколько крупных лодок для образца. На островах было мало дерева и ещё меньше металлов, но для лодок хватило. Немного руды и дерева подкинули водные люди. Идея развития у ящеров самостоятельного кораблестроения им не понравилась, они испугались, что ящеры начнут искать себе приключений на разные места, поплывут исследовать мир и будут обнаружены и съедены обычными людьми. Но на руду и дерево всё-таки расщедрились.

Я спросил, на что она рассчитывает, ведь в ближайшие столетия к островам придут крупные корабли людей или рогатых людей, и съедят всех ящеров. Линна ответила, что она счастлива сегодняшним днём и о будущем не думает.

Моя мамочка, которую все продолжали звать Ва, отправилась к водным людям. Там у неё было много потомков. Строго говоря, она не переставала к ним ходить никогда. С появлением бесов и болезней, передающихся половым путём, водные люди стали сталкиваться с большими проблемами. Они плавали везде и торговали телом со всеми, меняя на секс дерево и металлы. Вылечить их могли только божественные посланники.

Ва принесла водному народу запрет на внебрачное сожительство. Эта идея водным людям не понравилась. Тогда Ва подумала и сказала, что для водных людей можно сделать исключение и разрешить соития только с ограниченным количеством людей, с теми, которые живут в браке и не сходятся ни с кем, кроме своих супругов. Ограничила это количество тремя людьми. Водные люди были счастливы.

Ва попыталась организовать в среде водных людей некое подобие иерархической церкви и государства. Идея умерла, не оформившись, так как племена водных людей жили то здесь, то там, то торговали с земными людьми, то жили сами по себе. Религия у них была неизменной с самых первых времён, они не очень соблюдали её требования, но изменить не позволили. Создать из неё иерархическую церковь тоже было невозможно. Жрецы иногда собирались, чтобы напомнить друг другу священные тексты и обменяться опытом, но не более того.

Немного подумав, Ва решила, что такая сетевая структура — это даже хорошо. Однако, надо было как-то решать главную задачу, которую она себе поставила — создать среди водных людей мощную управляющую структуру, способную организовать водных людей на дружное сопротивление любой сухопутной империи, которая задумает поработить их или пустить на мясо. Не долго думая, мамочка собрала жрецов водного народа и озадачила их этой проблемой.

Водные люди показали, что они хоть и не имеют университетов, но совсем не тупые. Они везде плавали и всё слышали. Посмотрев на то, что творилось в государстве Самоначи, у народа тропиков, на островах ящеров и в Первостане, они пришли к выводу, что среди богов

случилась какая-то замятня, из-за чего теперь все народоводители кто в лес, кто по дрова. Явление Ва только подтверждало подозрения. Этот вопрос жрецы выкатили Ва в ответ на её предложения.

Мамочка подтверждать или опровергать подозрения не стала, сказала только, что скоро по всему миру начнётся эпоха жестоких империей, которые будут кровью и железом покорять все доступные пространства. И до водных людей рано или поздно доберутся. Поэтому необходимо создать свой управляющий центр, и, желательно, так, чтобы он не стал органом деспотии и господства нескольких злодеев надо всем народом.

Водные люди ей не поверили, сказали, что они всегда смогут уйти на глубину, где отобьются от кого угодно. На вопрос о том, где они будут брать дерево и выплавленные металлы, жрецы ответить не смогли, но решили отложить мысли об этом до появления проблемы. Ва уговаривала их создать своё металлургическое производство где-нибудь на мелководье, уговаривала создать школы и научить всех математике и письму. Ей ответили, что она прибыла к вольному народу, чтобы сделать из него материал для своей гордости, и попросили уйти. Это был единственный случай, когда люди отказались воплощать задумки наших «бунтарей».

Тран, один из младших локальных богов, спелся с детьми Серена и Гу, и они ушли в Первостан, в самый технологически развитый город. Для этого детям Серена пришлось сильно поспорить с отцом. Серен говорил, что Первостан — это город народа Полисания, и что у Полисания наверняка на него большие планы, лучше не трогать. В крайнем случае отдать Котёнку, который с ним работал, то есть мне. Малика и Тент меня осмеяли и назвали мелочью, а их старшие даже не удостоили ответом. И это люди, которым много больше ста лет...

Когда я зашёл в Первостан, Сереновичи уже передали людям технологию паровых машин. Не полностью, но кое-что. Для начала научили делать паровые пушки. И мощные, осадные, и автоматические малокалиберные. Ещё они наврали людям, что бог Полисаний требует установить единое государство на всём континенте, а в первую очередь объединить силой все государства этого народа, чтобы затем поставить под контроль рогатых и сделать их рабочими на фабриках. Людям этого народа обещалась руководящая роль и господство над всеми народами.

С такими богами даже бесов не надо.

— Ну, ты же понимаешь, эти люди слишком простые, они не поймут, зачем мы строим государство с технологиями, мы и не планировали никого порабощать, а так их можно организовать ради единого дела, — попытался сыграть «под своего» Тент.

— Я буду с вами воевать как с худшим видом болезни, — сказал я.

Тран почти сразу поспорил с детьми Серена. Поначалу он только протестовал, когда те начали рассказывать народу Первостана, что они исключительные и выбраны богами, чтобы господствовать. Потом он сказал, что так ничего хорошего не получится, и устранился от поддержки этого государства. Только иногда заходил для борьбы с бесами. Когда на севере возникло государство ССПЛ, Тран пришёл ко мне и предложил помощь. Я с радостью принял.

Пшижуша отправилась на континент Владыки Подземного Сияния. Следом за ней отправился и Владыка, который не хотел оставлять своих людей на произвол какой-то бывшей жучихи.

До сих пор на континенте жили разумные змеи и прочие огромные существа. Каким-то

чудом там ухитрялись выживать и люди, наследники тех, кого мы выселили за плохое поведение с континента Виры. Когда к этому континенту подходили корабли людей, рогатых или водных людей, то после краткого знакомства с обстановкой они быстренько отходили обратно и ставили на картах отметку «сюда больше никогда ни в коем случае». На самом деле внутри всё было не так плохо. Разумные змеи давно спелись с людьми и практически жили в симбиозе. До появления бесов они взаимодействовали редко, только иногда, во время общих охот. А вот после появления бесов, когда те создали большое количество паразитических организмов, гигантские змеи сами побежали к людям за помощью. В одиночестве они не могли очистить тело от паразитов, была нужна помощь ловких человеческих рук.

После такого изменения люди и змеи стали жить совместно. Во время длительных переселений змеи даже возили на себе человеческих детей. Взрослым садиться на себя не позволяли.

Государство этот народ не организовывало, им вполне хватало договорённостей между племенами. Религию им внедрили ещё в первые дни существования этого мира, с тех пор она не изменялась. Жизнь в состоянии постоянной опасности и необходимости постоянного противостояния крупным хищным зверям создало очень мужественный и привыкший к взаимной поддержке народ. Сочувствие и взаимопомощь считались очень важными качествами для любого человека. Войн между племенами практически не было, хватало схваток с дикими животными.

Пшижуша начала строить стандартное государство — с налогами, школами, армией и дорогами по всему континенту. Для увеличения доверия к религии и повышения управляемости Пшижуша наёмовала новый состав жрецов и обучила их технологии активации нижних энергетических узлов. Активация осуществлялась через технологию задержанного секса и специальных методов дыхания. В итоге люди, освоившие эту технологию, могли в любой момент включить удовольствия, производимые нижними энергетическими узлами. Человек при этом получал удовольствие чуть сильнее, чем от вкусной еды, и чуть тоньше, чем от сексуального оргазма. Для освоения технологии требовалось достижение устойчивого внимания, которое достигалось в результате долгих молитв.

Пшижуша сказала своим жрецам рассказывать, что такое состояние повышенного счастья — это награда верующим в неё, и что это только малая часть той награды, которую люди получают после смерти.

Дальних планов у Пшижуши не было, она хотела просто государство с законами. Владыка не знал, стоит ей мешать или нет, и не стал ничему препятствовать.

Среди змеиного народа идея государства и построения дорог была воспринята без возражений. Идея согласованных общих действий была близка выработавшемуся народному характеру. Люди, выдвинутые в государственные деятели, даже не воровали и не скатывались к роскоши. Государство стало неожиданно эффективным и начало расти неожиданно быстро. Это дало свои плоды. Созданные аварийные продовольственные склады позволили исключить периоды голоданий, однотипные укрепленные посёлки уменьшили потери от диких зверей. Население начало заметно расти.

К «своим» северным людям я вернулся совсем другим. До этого у меня просто были смутные опасения, из-за которых я считал необходимым срочно создать мощное государство для защиты народа. Теперь стало ясно, что некоторые народы придётся зачищать целиком

из-за крайне порочной идеологии, которая неизбежно возникнет вследствие усилий моих коллег. Стало ясно, что придётся вести войны даже на других континентах, для чего строить океанский флот.

За время моего отсутствия властные кланы в столице сообразили, что с помощью запугивания войной можно собрать много средств и обратить их на собственную роскошь. Готовиться к вторжениям они не собирались. Они помирились и принялись выбивать из всех, до кого могли дотянуться, повышенные поборы.

Вот только я, путешествуя по северным землям, занимался не только уговорами. Я создавал то самое общество людей, объединённых единой идеей о будущем образе жизни всего народа. К моменту моего возвращения эти люди договорились со всеми известными бардами и со всеми, кто мог держать оружие. А потом мы устроили перевыборы.

Политическая система северного народа была очень архаичной. Общество каждого городка собирало деньги, князя с дружиной нанимали для проведения судов по кону и издания законов. Если князь начинал подсуживать той или другой стороне, договор с ним не продлевался. Князя и ответственных сборщиков денег выбирали на общем собрании. Поскольку в маленьких городках и тем более сёлах все всех знали, даже списков избирателей никто не вёл. Если сторонников того или иного решения было примерно одинаковое количество, вопрос решался доброй потасовкой. Более упорная и уверенная в своем решении сторона била и выгоняла с выборной площадки противную сторону, после чего выбирала тех, кто ей нравился. Эту систему папочка внедрял с момента появления первых крупных племён.

Злоумышленники в столице были сильно удивлены, когда со всех концов страны начали прибывать представители крупных племён и разных городов и городков. Представители сказали, что прибыли учреждать новое централизованное государство и выбирать новые власти. Властные кланы были обрадованы, решили, что сейчас они наймут активных людей, и те помогут им выбрать тех, кого надо, а кто будет говорить иначе, тех зарежут. Но реальность их сильно разочаровала: во время выборов «активные люди» были уничтожены ещё до того, как успели что-либо сделать. Так бывшие властные кланы стали просто одними из многих богатых людей нового государства. Для надёжности мы ещё перенесли столицу туда, где было много места для роста и народ не был испорчен столичной роскошью и коррупцией. Новое государство назвали ССПЛ — Союз Свободных и Праведных Людей.

С этого момента началось активное военное строительство и обучение. Активно привлекались наёмные специалисты из Первостана и из земли рогатых людей. В обратную сторону шли шпионы, которые шептали в ушко всем, у кого была способность слышать, что и в земле рогатых людей, и в Первостане установилась отравленная идеология, которая не имеет ничего общего с волей бога этого мира. Наши пропагандисты говорили, что любое нагнетание убеждения в исключительности, в том, что какой-то народ может жить эгоизмом и господством над другими народами — это яд, который убивает в первую очередь сам этот народ. Разрешение на эгоизм и грабёж рано или поздно переходит с другого народа на такое отношение ко всем людям, и в итоге такой народ морально разрушается потому, что в нём все начинают поработать и воевать друг с другом. Такой народ теряет любовь друг к другу, теряет созидательные способности и может жить только грабежом других народов. Пропагандисты говорили, что только в северном государстве осталась правильная религия и нормальное, дружеское отношение к человеку.

Ни Сереновичи, ни Лагана с её детьми наших агентов не заметили. К народу они

относились презрительно, опросов общественного мнения не проводили и были уверены, что могут наврать своим людям что угодно.

Наша пропаганда имела некоторый успех. Когда через пятнадцать лет войска Первостана двинулись завоёвывать восточное человеческое государство, часть войск и все строительно — инженерные подразделения сначала отстали, а потом повернули на север и двинулись ускоренным маршем. Военачальники сначала слали грозные письма, а затем развернули армию в погоню за ушедшими частями. Их ждал сюрприз: когда они догнали строителей, их уже охраняла армия ССПЛ. С тяжёлыми кавалеристами, с колесницами, с бронированными вагонетками, способными образовывать мобильные круговые крепости. Беглецам привели множество повозок, благодаря чему их скорость передвижения значительно увеличилась. Военачальники Первостана подумали и нападать не стали. Во многом потому, что просто не могли догнать повозки и кавалерию ССПЛ. Их войска в большей части состояли из пехоты. Вторжение в восточное человеческое государство не состоялось.

Руководители Первостана были удивлены, когда обнаружили, что с беглецами ушли почти все лучшие корабельные и промышленные мастера с подмастерьями и семьями. Мало того, на этом отток людей не остановился — народ побежал на север поодиночке, чтобы не становиться солдатами на войне с рогатыми.

Благодаря этим изменениям мы смогли основать город на северном побережье континента и ряд новых сёл и городков. В северном морском городе мастера принялись создавать океанские корабли.

Пока власти Первостана строили планы, как бы завоевать ССПЛ, рогатые люди вышли из своих земель и осадили столицу восточного человеческого государства. Власти ССПЛ прислали предложение поддерживать Первостан ресурсами и людьми, если те начнут войну с рогатыми. Начальники Первостана послали посольство к рогатым людям и предложили вместе воевать с ССПЛ. Руководство рогатых под действием Лаганы ответило, что рогатые люди пришли, чтобы установить порядок и правильное государство по всему континенту. Предложили руководству Первостана добровольно перейти в подданство государства рогатых людей. Власти Первостана приняли предложение ССПЛ и обрушились на рогатых.

Несмотря на уход большинства мастеров, войска Первостана владели намного лучшей техникой, чем рогатые люди Лаганы. Паровые пушки тоже сказали своё слово.

Военные ССПЛ прибыли на войну в большом количестве. Они получали боевой опыт они считали войну за право людей не быть порабощенными рогатыми правильным делом. Эти части были отлично оснащены и имели хорошее снабжение прямо из своей страны. В итоге они стали лучшими ударными частями союзной человеческой армии. Среди людей в этих частях были и рогатые люди, ранее работавшие в северной стране мастерами разных видов. Они сравнили порядки и религию в родной стране и в ССПЛ и поняли, что их как бы богиня учит чему-то вредному.

Я шёл и жил вместе с войсками. Жи исцеляла раненых. Благодаря этому я мог передавать разведывательную информацию, которую получал благодаря своим божественным способностям, напрямую руководству войск. При этом я был спокоен за дела в государстве ССПЛ, там на хозяйстве остались Тран, Микуша и Мирай Мирен с мощным синклитом.

И люди, и рогатые помнили, как сражались с ящерами. Военное мастерство было примерно одинаковым у обеих сторон. Но если со стороны восточного государства людей

воевали наскоро обученные и кое-как вооруженные земледельцы, то со стороны ССПЛ воины готовились к этой войне более десяти лет. Со стороны Первостана тоже воевали специально обученные подразделения с некоторой техникой. Паровые пушки особой роли не сыграли, их было долго готовить к бою и использовать их было возможно только на больших полях сражений с массой врагов. Пригодились только осадные орудия, стрелявшие огромными камнями. А вот арбалеты и качественные доспехи оказались очень эффективными. Рогатые люди Лаганы, как правило, воевали без доспехов или в лёгких кожаных. Хорошо тренированные лучники ССПЛ и арбалетчики Первостана, увидев такую цель, только радовались.

Наши жрецы и пропагандисты активно работали и с людьми восточного человеческого государства, и с пленными рогатыми. Восточным людям рассказали, чем опасно государство Первостана. С рогатыми работали их сородичи, сражавшиеся на стороне ССПЛ. В итоге восточное государство в полном составе попросило защиты, а пленные рогатые воины начали массово вступать в армию ССПЛ.

Сереновичи устроили мне истерику, прибежали вопить, что это их цивилизация должна занять этот континент и чтобы я не смел мешать. Я спросил, кому должна? Сереновичи убежали, обещая мне всяческие печали.

Лагана решила помочь своим людям ударами молний. До этого она помогала своим войскам только тактической информацией. Сереновичи тоже сопровождали войска и тоже помогали своим информацией о засадах и положении войск. Я помогала своим войскам из ССПЛ. Сереновичи моим не помогали никак, хотя формально наши войска были союзниками. Поскольку информацией помогали все, никто друг на друга особо не обижался. Но бить по чужим войскам молниями... Это грозило прямой схваткой Лаганы с детьми Серена. Сереновичи побежали жаловаться Ангеле, Ангела передала Лагане приказ не безобразничать. Лагана остыла.

Войска вторжения рогатых агрессоров были разгромлены до того, как их государство успело произвести достаточное количество доспехов и другой техники. Сереновичи предложили Лагане сдаться и отдать своих людей в рабство народу Первостана. Лагана упёрлась и сказала, что будет сражаться до конца.

До того момента, когда союзные войска людей дошли до столицы рогатых, те действительно успели произвести большое количество доспехов и превратить в воинов всех, кто мог держать оружие. Дело запахло большим геноцидом и полным уничтожением расы рогатых. Народ рогатых уже был наполовину уничтожен, так как по пути до столицы войска Первостана пленных не брали и уничтожали всех. За несколько лет войны человеческого в этих людях осталось очень мало. Войска ССПЛ в геноциде не участвовали, но и не мешали.

Лагана сообразила, что сейчас её людей вырежут. Всех. Не представляю, что она чувствовала, когда убивали её людей. Отец говорил, что может чувствовать каждого из детей своих детей. Наверное, и Лагана что-то чувствовала. Она прибежала ко мне, заламывая руки, и потребовала отвести войска. Я сказал, что любая попытка внедрить своим людям убеждение в исключительности и обещание господства над другими народами заканчивается вот этим. Тогда Лагана заплакала и попросила спасти хоть кого-нибудь.

Я надоумил руководство войск ССПЛ послать лазутчиков из числа наших рогатых с предложением организовать эвакуацию рогатых людей в северную страну. Кораблей у рогатых было не так много, чтобы эвакуировать всех, но хотя бы они как вид сохранятся. Руководство столицы поистерило, но потом всё-таки приняло предложение. Пока остатки

войск рогатых сдерживали линию фронта, корабли вывозили гражданское население. Рогатым власти ССПЛ предложили самые северные, самые тяжёлые восточные земли своей страны. Быстрое размножение чужого вида никому не было нужно. Корабли ССПЛ, только что построенные пришедшими из Первостана мастерами, тоже участвовали в эвакуации. Для этого им пришлось обойти весь континент с севера. Удалось вывезти неожиданно много людей. Тех, кто остались, войска Первостана вырезали.

Лагана отправилась со своими рогатыми, чтобы помочь им обустроиться на новом месте. В основном они с детьми занимались тем, что помогали растениям быстрее расти.

После празднования победы встал вопрос о том, кому какие земли рогатых достанутся. Власти Первостана претендовали на все земли, ССПЛ они предложили взять себе для удовлетворения восточное государство людей. Люди восточного государства с таким подходом не согласились. Представители ССПЛ сказали, что восточное государство останется государством, как и было. Чуть не передрались, но потом нахалы из Первостана сообразили, что совместные силы восточного государства и ССПЛ превосходят их по количеству войск.

В итоге Первостан получил южные земли мира рогатых. ССПЛ договорились с восточным государством, что оно сдвигается к югу, а ССПЛ занимает их северные земли.

Я был доволен тем, как всё повернулось. Новые колонии Первостана были отделены от метрополии океаном, из-за чего их военная цельность была под большим сомнением. Мало того, мы начали морально раскладывать эти области слишком выгодной торговлей. Власти Первостана назначили на неё большой налог, что со временем должно было подвигнуть людей колонии на идею об объявлении независимости.

В Первостане известие о победе вызвало ликование и приступ шовинизма. Власти решили, что следующим покорённым государством должно стать ССПЛ. Но тут власти осознали, что вся наиболее дееспособная и опытная армия находится в завоёванной колонии, а рядом с их землями находится основания часть армии ССПЛ. Кроме того, войска восточного государства и ограниченный отряд ССПЛ оттянулись на гористый перешеек, соединявший бывший континент рогатых с отцовским континентом. Там они построили ряд крепостей, оснастили их паровыми пушками и арбалетами разных размеров. Конструкцию паровых пушек подсмотрели у войск Первостана, которые хвастались ими совершенно безумно и открыто. В этих крепостях можно было обороняться бесконечно.

Власти Первостана решили вывозить войска в метрополию на кораблях. Часть кораблей были старыми, строеными ещё мастерами, которые давно ушли на север. Но большая часть была построена уже после того, как мастера сбежали в ССПЛ. Строили бывшие подмастерья и построили с большим количеством ошибок.

Я зашёл к отцовскому богу океанов и сказал, что если он хочет помочь мне продлить мир на континенте на несколько десятков лет, то стоит устроить небольшой штормик. Шторм был действительно небольшой, Сереновичи даже ничего не заподозрили. Все новые корабли пошли на дно вместе с войсками, а вместе с ними и несколько старых. Первостан лишился сорока процентов армии вторжения. Власти решили вырастить следующее поколение воинов и отложили нападение на семнадцать лет.

Вот и хорошо. Как раз мой отец вернётся к управлению.

Но мирной жизни у Первостана не получилось. Люди из южных земель, подопечные улиток, обнаружили, что пустыня к северу от них не так уж и непроходима, а за пустыней живут люди, которых тоже можно обращать в рабов. Это были дальние южные селения

людей Первостана. Мало того, они даже ухитрились построить небольшие парусники, чтобы не идти по пустыне, а совершать набеги по морю.

Улитки изо всех сил пытались отговорить своих людей от захвата рабов. Но их опять никто не послушал.

Власти Первостана очень удивились, узнав, что из-за пустыни пришёл неведомый народ, который хватает промысловиков и охотников, забредших на юг, и увозит к себе. Пришлось им вместо захвата севера готовить экспедицию на юг. Война в незнакомой обстановке жарких джунглей людям Первостана не понравилась. Болезней и потерь много, а прибыли почти никакой. В итоге этой войны люди улиток потеряли города на побережье и оттянулись в джунгли, а Первостан получил несколько городишек с жалкими постройками, которые было необходимо защищать.

Ещё одни удар Первостану преподнесла морская торговля. Рудознатцы Первостана, сбежавшие к «моему» народу на север, нашли несколько очень неплохих месторождений разных металлов. Это позволило снизить цену металла на экспорт вдвое. В итоге корабли с континента Виры, плывшие в Первостан, стали миновать его и плыть на север. Ничего критично важного они не привозили, в основном этот флот вёз продовольствие, предметы роскоши и некоторые специфические травы. Но теперь это продовольствие надо было выращивать самостоятельно, для чего были нужны дополнительные люди. Власти Первостана подумали заняться пиратством, но как раз в этот момент на сцене появились люди улиток, и выделенные для пиратства корабли пришлось использовать против южных работорговцев.

Чуть позже в государстве Самоначи стараниями Серена появились ткацкие станки, и корабли стали привозить невиданно дешёвые ткани. Этими тканями торговали купцы ССПЛ, что давало им дополнительные прибыли. А Первостан опять остался в стороне от дел.

* * *

Бесы тоже не остались в стороне от происходящего. Они довольно быстро сообразили, что с общей властью на планете какие-то проблемы. Первое время они только присматривались к тому, что творили наши «бунтари». Затем они сделали свой ход. На континенте гигантских животных, в землях Владыки они передали некоторым любителям секса и особо приятных ощущений технологию затагнутого секса, при котором возникали ещё более приятные и сильные ощущения, чем те, которым учила Пшижуша. При этом оргазм достигался в состоянии удушения, на грани жизни и смерти. Отсюда пошло и поклонение смерти как высшему счастью, упоение объединением со всей Вселенной через смерть. Логика в этом не было никакой, но кому нужна логика, если хочется возможности гордиться собой и приятных ощущений? Этот культ использовал также убеждение в том, что низшими существами необходимо править через утончённую жестокость и постоянные маленькие обиды, чтобы всегда можно было наградить, на время перестав обижать. Низшими существами считались те, которые не стремятся обманывать окружающих и не ставить их под свою власть.

Поклонники этого культа очень быстро захватили почти все ведущие должности в государстве Пшижуши. Правда, в этом государстве они вынуждены были внешне поддерживать обычную религию. На другом конце континента они основали своё

собственное государство, в котором устроили многоступенчатое рабство и тотальное принуждение.

Это государство получилось устойчивым, так как в него постоянно присылали рабов из первого государства, а также в него уезжали те члены тёмного культа, которых вычисляли нормальные люди в здоровом государстве. Члены тёмного культа в первую очередь старались привлечь на свою сторону разумных змей. Уж какие они им песни пели про то, что они являются высшей формой жизни... На деле они использовали их силу для того, чтобы предотвращать восстания рабов. Государство тёмных по совету бесов ухитрились построить корабли и установило торговые связи с другими землями. Благодаря этому у них было намного больше тканей и предметов престижа. Ещё они завезли себе улиток на расплод. С их точки зрения, секс с улитками был очень извращённым делом, а такое они любили.

Пшижуша металась между жрецами своей религии, говорила, кого из тёмных необходимо уничтожить, но те ей не верили. Сторонники тёмных на первый взгляд ничего плохого не делали и уничтожать их было не за что. Про второе государство в первом просто не знали.

Второе бесовское государство возникло на равнинах отцовского континента, там, где отец выращивал первых людей. После присоединения новых миров климат здесь изменился, стал засушливым. Реки пересохли, на месте озёр и лесостепи раскинулись огромные степи и полупустыни. Люди ушли жить ближе к океанам и на север.

Жить в полупустынях было тяжелее, но возможно. Со временем сюда стали бежать разного рода отщепенцы, бандиты и дезертиры из Первостана, восточного государства и с севера. Они образовали кочевые банды, которые промышляли набегами на осёдлые народы. Первое время их было немного, и они не были такой проблемой, на которую стоило обращать внимание. Пограничные села отбивались как могли, и относительно успешно.

Но потом бесы выбрали одного особо злобного и подвижного деятеля, который объединил все племена степей под своей властью. Он сделал ряд технических изобретений и значительно повысил жизнеспособность племён. Под его руководством племена построили ряд плотин и прочих хранилищ воды, которые позволили значительно увеличить население. Он научил народ бурить глубокие колодцы и жить на минимуме воды в походах. Он заставил своих людей строить крепости, в которых содержались и работали украденные в соседних странах рабы. В итоге воины грабительского государства почти не занимались земледелием, не ковали оружие и вообще почти ничего не делали руками, но при этом жили в относительной роскоши: всю еду и красивые вещи им приносили рабы.

Уже во время войны Первостана и ССПЛ с рогатыми отряды пустынного государства создавали заметную проблему для тыловых обозов армий. После того, как армии разошлись по своим странам, они почувствовали себя ещё привольней.

Третье проблемное государство бесы организовали на островах, находящихся к западу от Первостана. Это было пиратское государство. Пираты жили за счёт нападений на торговые суда, шедшие в Первостан и в ССПЛ. Они часто меняли стоянки, и для того, чтобы поймать их, требовались совместные усилия ССПЛ и Первостана, а эти государства были в предвоенном состоянии, и им было не до пиратов.

Тем временем «моя» империя ССПЛ активно наращивала силы. В ней поощрялась многодетность. Я оставил присмотр за делами на поверхности на синклит, состоящий из продвинутых людей, и ушёл в своё пространство. Надо было не только доделать первую ракету для людей, но и создать космический корабль для того, чтобы наши боги могли

летать по космосу. С этим были проблемы.

В один прекрасный день меня вызвала Анжела и попросила сходить к опухоли, в которую превратился мир Линдси. Сказала, что от разведчиков пришли какие-то очень странные сообщения и мне стоит глянуть на опухоль Линдси.

В созданном папочкой Полисанием искусственном пространстве — макете нашей ветки Мирового Дерева опухоль больше не отражалась. Зато рядом с ближайшими мирами, про которые мы думали, что опухоль их скоро съест, наблюдалась большая планета, которой ранее там не было. Пришлось идти на планету.

Выйдя из портала, я обнаружил совершенно пустой мир. Никакой растительности, но при этом кислородная атмосфера. Единственный живой объект ощущался на расстоянии трёхсот километров западнее.

Я надел крылатые сандалии, которые папочка когда-то подарил моей маме, и полетел. Через пару часов я дошёл до берега океана. На берегу сидела Линдси и, обняв руками колени, грустно смотрела на океанские волны. Я подошёл и молча сел рядом.

— Я была локальным богом. Очень давно, много миллионов лет назад. Долго была, миллионы лет. Я ни к кому не присоединялась и никого не присоединяла. Несколько тысяч человек в моём мире прошли полный цикл развития и закончили Преображение. Они ушли в другие миры, более важные. А потом мне это всё надоело. Вечные проблемы с продовольствием и этими их детскими драками на поверхности. Я потеряла способность реагировать на них. Нашлись друзья, которые предложили мне забрать всех людей в их миры, а мой мир превратить в произведение искусства. Я с интересом строила разные замки и архитектурные композиции, какие с каким миром у меня ассоциировались. Но потом мне и это надоело. Я почувствовала, что распадаюсь. Чтобы не развалиться на части, я спрятала себя в ближайшем мире в тело женщины. Надеюсь, что страх за выживание и желание удовольствия дадут хоть какую-то мотивацию двигаться. Не получилось. Я в каждой жизни там доходила до депрессии и отказа от жизни. Но выйти из этих животных жизней уже не могла. Когда ты наполнил меня энергией... Я вспомнила, каково это быть локальным богом. Все умения. Но когда я вернулась в свой мир архитектурных фантазий, то почувствовала такое одиночество... Захотелось прикоснуться хоть к какой-нибудь жизни. Так я присоединила первый локальный мир, пропустила через себя воспоминания всех живых организмов... Но искомого успокоения так и не нашла. Поэтому пришлось присоединять второй, третий... Боюсь, я не очень осознавала, что делала. За живых не беспокойся, они все тут, в информационном мире. Я им дала условное информационное тело, они там весело бегают друг за другом, и у них нет никаких потребностей. А потом мой мир стал планетой. Я как-то вдруг пришла в себя и решила, что хватит гоняться за тем, чего в принципе невозможно достичь таким образом. Теперь сижу и жду, что мне чего-нибудь захочется. Вот такая моя история. Доклад закончила, — Линдси посмотрела на меня как-то свысока и опять уставилась в океан.

Странно она выглядит. Как будто из стали. Кожа вроде бы и не серая, а розовая, но всё равно такое ощущение, что она вся из стали.

А в целом с ней всё понятно. Девочка без любви и без преданности, которую как-то случайно занесло в локальные боги. Хотя... Неизвестно, как бы я себя чувствовал, если бы я прожил пару миллионов лет. Как хорошо, что я не бог.

— Линдси, которую я знал, была веселой и ласковой. Восхитительной, — осторожно начал я издалека.

— Да ладно уже. Иди уже к своим богам, начинайте соображать, как меня наказывать, — прервала меня Линдси.

Вот так дела! Миллионы лет, а до сих пор мыслит наказаниями, как маленькая девочка.

— Тебя нет смысла наказывать. Ты столько провела рядом с моим отцом, он об этом тысячу раз говорил. Давай лучше поговорим, как сделать тебя живой снова.

— Никак. Я пока посижу тут, посмотрю на океан.

— Разумным существам нельзя долго без чувственных ощущений и без предметов для анализа, они без этого теряют разумность, — продолжил я.

— Да забирайте их всех. Дадите им жизнь в других мирах. У меня сейчас нет сил никакую биосферу тут создавать.

— Можно, я пока высажу здесь мхи и запущу водоросли, бактерии разные полезные?

— Сколько угодно. И ещё... Обними меня. И заходи почаще.

Я приобнял Линдси, она приникла ко мне. Некоторое время она так сидела, уткнувшись носом в моё плечо. Даже порозовела немного.

— Так мило... Кажется, что можно быть милой и свойской, и что такое может продолжаться вечно... Только это всё обман. Секс, ласки, умиления... Это всё обман. Иди, мой драгоценный маленький мальчик. Не буду тебя задерживать. Приходи почаще.

Я поцеловал Линдси и поднялся. «Маленький мальчик». Мне несколько сотен лет, я уже забыл сколько. Но для неё я, наверное, маленький мальчик. С высоты её опыта в миллионы...

Глава 34

Полисаний. Начинаем историю

После рождения следующие десять лет я рос как обычный малыш, все воспоминания были заблокированы. Потом блокировка была снята, и мне начали сниться яркие картины из прошлой жизни в Долигане. Воспоминания о том, как я был богом, стали приходить после шестнадцати. До тридцати трёх я только думал и осваивал воспоминания и умения Полисания, локального бога этого мира. Это было непросто. Попробуйте освоить высшую математику по воспоминаниям, пришедшим в полусне...

В этом мире меня звали Полиандр, сокращённо Полик.

После тридцать третьего дня рождения я вышел на проповедь. Я ходил и говорил, что Богу не нужны поклонения и жертвы, что Богу не нужны храмы и псалмы. Я говорил, что Богу нужно, чтобы люди научились быть счастливыми, а счастливым можно стать только тогда, когда полностью отказываешься от эгоизма и страха за себя и начинаешь благотворить всему окружающему миру.

Люди называли меня бунтарём и ниспровергателем божественных истин, говорили, что человек должен жить не для собственного счастья, а для того, чтобы служить Богу и выполнять его приказы и заповеди. Я спрашивал, какие заповеди они помнят, и люди в лучшем случае отвечали, что надо ходить в храм и жертвовать положенное количество денег, и что нельзя пропускать больше двух семидневных служб. Вспоминали заповедь не служить другим богам, кроме единого Бога, и заповедь обидевшему тебя нанести такой же вред, но не больше. Кое-кто ещё вспоминал заповеди почитать родителей и делать добрые дела, ибо вера без дел мертва. Я спрашивал, какие добрые дела надо делать, и люди замолкали, удивлённые тем, что они об этом не думали, а жрецы им ничего не говорили.

Я смеялся и говорил, что при таком подходе они навсегда останутся животными и что Богу нужны не люди, способные действовать только по приказу, а свободные и умные творцы, которые будут благотворить всему окружающему просто потому, что любят делать доброе и не хотят делать злое. Говорил, что пока они остаются животными с разумом, они всегда будут несчастливы и всегда будут получать последствия, прямо противоположные желаемым. Что они не смогут удержаться от экономии на качестве или на глубине проработки планов, так как животное нетерпение не даст. Что отсутствие смирения не даст возможность изучить все подробности дела, что в свою очередь не позволит освоить никакое мастерство. Что даже если они решат бороться за общее благо, то ничего хорошего не получится, так как их фантазия не сможет придумать ничего лучше, чем принуждение к добру силой, а это никогда хорошим не заканчивается. Что они никогда не смогут найти нужный баланс между применением силы и мягкостью, из-за чего у них даже в семье правильное управление наладить будет невозможно. Говорил, что выйти из животного состояния можно только одним способом: принять полное беззлобие, никогда не отвечать злом на зло, вплоть до того, что когда ударят по левой щеке, подставить правую.

После требования полного беззлобия люди мрачнели и спрашивали, откуда я взял всю эту чушь. Я говорил, что посланец от Бога с прямой связью с Богом, можно сказать, сын. Вот тут люди очень оживлялись и принимались допытываться: сын ты всё-таки или не сын? Я говорил, что сын, и люди очень сердились и говорили мне, что я самопровозглашённый болтун, врун и обманщик. Я смеялся в ответ и спрашивал, много ли они видели обманщиков,

которые рассказывали им, как из животного превратиться в совершенное разумное существо. Ругал их лентяями, которые не хотят становиться разумными людьми и надеются отсидеться на уровне добренького животного. Говорил, что это невозможно, так как животное никогда не бывает счастливым и всегда пребывает между страхом и удовольствием, между стремлением удовлетворить страсть к животному доминированию и желанием всех любить и всем благодотворить. Говорил, что это противоречие будет разрушать их изнутри и в конце концов приведёт к распаду личности, и что не увидит его только тот, кто физически умрёт раньше.

На этом моменте некоторые начинали кричать: «Да он нас скотами обзывает!» и лезли драться. Я убирал трение под их ногами и отправлял драчунов в свободный полёт лёгким пинком ноги.

Но были и такие, которые не лезли драться. Они догоняли меня потом, тайком, и спрашивали, действительно ли я знаю что-то про путь к Богу и к совершенству. Я подгружал память о всём жизненном пути этого человека и рассказывал ему, о чём он мечтал, чего боится и какие проблемы ему ещё надо преодолеть. Некоторые люди испуганно отходили. Некоторые впечатлялись и начинали ходить за мной в качестве учеников. Потом они с удовольствием наблюдали, как новые люди догоняли нашу маленькую группу странников и с удивлением узнавали о себе от меня то, в чём сами себе боялись признаться.

Наедине с учениками я говорил, чтобы они не надеялись на то, что вскоре всё станет совсем хорошо, и что сейчас мы только кладем зёрна в почву, закваску в тесто. Говорил, что сейчас мы только внедряем в общество идеалы жизни ради любви и взаимной заботы, плюс идею о том, что Преображение возможно через принятие полного беззлобия. Говорил, что человечеству придётся самому разрабатывать способы и формы самоорганизации, чтобы образ жизни соответствовал идеалам. Говорил, что это потребует отработки множества упрощенных способов организации, что каждый раз будет приводить к созданию и разрушению соответствующих государств — носителей.

Народ плакал и просил меня стать царём. Между собой даже несколько раз подрались, деля должности в будущем государстве.

Я отвечал, что сила божия во внешнем бессилии свершается. Что только наивные люди думают по принципу «если проблема не решается силой, надо добавить силы». Говорил, что для эффективной работы необходимо овладеть мягкостью, умением не только давить силой, но и использовать податливость, ласку, лесть и уговоры. Не ломать чужую волю, а давать человеку самому приходиться к тому выводу, который тебе нужен. Говорил, что для понимания этой простой истины на уровне государства человечеству придётся перепробовать множество упрощённых способов самоорганизации и что если я стану царём, то ничего хорошего не получится, так как слуги всё равно всё сделают по-своему, а меня отвлекут ложной информацией.

Постепенно группа разрасталась, и это привлекло внимание властей. Религиозные ереси в этом мире уже бывали, они приводили к волнениям с гибелью людей, и власти не терпели никаких самодельных учителей духовности. Они и официальную-то церковь не очень терпели. Во время посещения столицы очередной провинции местный губернатор решил проявить бдительность и приказал меня арестовать. Мои ученики попытались произвести на начальника провинции впечатление своим числом, они собрались перед его дворцом и попытались донести до губернатора мысль о том, что он арестовал Сына Бога.

Губернатор считал себя человеком честным и праведным, он никогда не тратил из

попавших в его зону контроля денег на украшения и представительские цели больше, чем это было необходимо для организации власти. Он ревностно поддерживал порядок, вкладывал средства в строительство и торговлю, боролся с взяточниками. Больше всего он любил подавлять всяких бунтарей и наказывать лентяев и бездельников. Ещё он любил искусство и неплохо в нём разбирался, тратил много денег на поддержку музыкантов и литераторов.

Увидев толпу, губернатор почуял запах религиозной войны и решил подавить её в корне. Он вызвал войска и приказал лупить всех, кто не разбежится. К такому повороту ученики были не готовы, они ожидали, что власти впечатлятся моей мудростью и как минимум не будут мешать. А ведь я им твердил, что меня казнят в самом ближайшем времени и что дальше учение о мудрости и о путях приближения к Богу придётся распространять им самим.

После разгона толпы губернатор ворвался ко мне в камеру, брызжа слюной от гнева, и заорал, что это я виноват в том, что вооружённая толпа пришла меня освобождать и что ему пришлось применить силу. Сказал, что за это я завтра буду сожжён по приговору суда за бунт и обман народных масс. Мне никакого ответного слова сказать не дали.

Через пару часиков после губернатора пришёл главный священник провинции и пожелал послушать, почему люди называют меня сыном Бога. Мы с ним мило побеседовали на теологические темы. Он сказал, что не может принять моего представления о человеке как о таком разумном существе, ради счастья которого старается сам Бог, и что по его мнению человек должен бояться Бога, властей и нарушения правил, и что в этом духе они будут и далее воспитывать людей. Впрочем, он пообещал попросить губернатора отсрочить казнь на пару недель, а за это время вызвать ведущих теологов из столицы. Я помахал ему ручкой.

Губернатор снизошёл к просьбе главного жреца провинции и послал гонцов. Но через неделю бунтанул весь город, возмущённый присланным из столицы указом о повышении налогов. Пару дней губернатор разбирался с бунтарями, а затем мне передали, что на всякий случай он решил казнить и меня. Среди бунтующих якобы были замечены мои сторонники, которые подбивали народ к восстанию и требовали идти освобождать всех заключённых. Приговор мне объявили на следующий день, меня должны были сжечь.

Значит, я тоже буду Богом-из-огня. Это хорошо. Это гораздо лучше, чем Бог-отрубленная-голова или Повешенный Бог.

В четвёртый день недели мне сложили превосходнейший костёр. Из уважения к искренне заблуждающемуся философу отпустить мне грехи пришёл сам верховный жрец провинции. Я от исповеди отказался и пообещал жрецу встречу менее чем через год, так как он ещё не знает, что болен смертельно опасной болезнью, а я уже знаю. Вот тогда и поговорим, какие грехи я захочу отпустить ему, а какие не стоит. Жрец махнул рукой и сказал: «Сожгите ЭТО побыстрее».

Когда костёр уже начал дымить, в воздухе появилась полупрозрачная фигура. Память прошлой жизни подсказала имя: Серен. Он был в панике и заламывал руки:

— Господин, зачем так трагично! Только прикажи, я уберу этот костёр, а если хочешь, и весь город!

Я нашёл в себе силы пошутить:

— Отойди от меня, сатана, всё должно быть по-настоящему. Я должен умереть прилюдно, чтобы ученики потом могли разнести учение о том, что бог может умереть за людей и за то, чтобы правда жила на земле.

— Сатану поминает, знать, хозяина зовёт, — зашептали в толпе.

Умирать оказалось неожиданно больно. Появилась Ва, предложила немедленное исцеление и перенос прямо в облачный замок. Послал её на хрен. Ва не ушла, осталась плакать. При этом даже не особо заботилась о конспирации, её полупрозрачная фигура стала видна людям.

Некоторые зашептали, что это тьма явилась по душу бунтаря, но некоторые разглядели тонкую фигуру девушки и засомневались. В завершение бардака появилась Три Кольца и тоже начала меня уговаривать слезливым тоном не умирать и позволить себя исцелить и спасти. Мне уже было очень больно, поэтому послал её ещё жёстче. Она тоже не ушла, осталась отсвечивать, видимая людям.

Остатками сознания я слышал, как люди в толпе обсуждают, что улитка кого попало встречать не будет. Ещё со времён строительства первого города люди запомнили образ улитки как образ любви и заботы, заботы глупой, вопреки всему. Улиток в этой культуре вышивали на детском белье и одежде. Память о том, как Три Кольца заботилась о городе, давно ушла, а образ улитки — любви остался.

Потом тело сгорело. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы стереть болевые ощущения и восстановить управление новым телом. Теперь у меня новое тело, которое полностью состоит из духовных элементов этой планеты. Благодаря этому я могу делать то, чего не мог ранее. Мои способности воздействовать мыслью на материю стали почти абсолютными. Моё старое тело тоже было из элементов этого мира, но это было обычное тело, как у любого другого животного. С момента моего рождения в последнем воплощении я понемногу выстраивал новое тело поверх физического. Новое тело внешне повторяло старое, но все реакции и все способы взаимодействия с материей я выстраивал сам из того материала, из которого состоят души и энергии. Когда сгорело физическое тело, двойник освободился. Это давало огромные дополнительные возможности. Раньше я мог только переноситься с места на место. Теперь я мог свободно проходить между атомами любой материи.

Я вернулся в облачный замок. Вслед за мной поплелись Ва с улиткой. Служилые боги и союзные боги локальных миров выстроились для встречи. Я посмотрел на своё старое окаменевшее тело, из которого сознание ушло в ребёнка и которое служило до этого момента источником всех воспоминаний. Я слегка щёлкнул по нему пальцами, и оно рассыпалось в прах. Я сделал знак слугам убрать прах с трона.

Можно было переходить к ознакомлению с делами.

Докладывала Три Кольца.

Богиня любви из числа моих служилых богов ушла с планеты и сказала, что не хочет дышать одним воздухом с такой глупой и неблагодарной публикой. Сказала, что вернётся только после моего возвращения. Бесы попробовали закрыть свои локальные миры от служилых богов, и в двух из трёх пространствах им это удалось. Ангела даже с помощью Грама смогла отстоять доступ только в одно.

В окружающем космосе творилась полная чехарда. Кристаллы прорвались в ещё три обитаемые системы, конфедерация порочных планет начала войну с конфедерацией упрямых планет, в которую теперь входила Аскериаллия. Мир Линдси стал планетой, а сама Линдси — полноценной локальной богиней. Правда, в тяжёлой депрессии. Но самой большой опасностью стал флот бесов. На его базе экипажи построили роскошный центр развлечений на одном крупном астероиде, из которого полились приглашения приехать

поразвлечься всем вышедшим в космос цивилизациям, а особенно их высшему руководству. Естественно, о том, что это затея бесов, в приглашениях не писали.

Во многом именно поэтому моя богиня любви и ушла в космос, решать срочные проблемы.

Серен, Вира, Лагана, Пшижуша, Три Кольца, Котёнок и вообще все, кому было не лень, попытались реализовать на планете свои идеи об идеальном общественном устройстве. Все их усилия должны были в ближайшем времени привести к появлению нескольких огромных и хищных империй. Что-то живое получилось только у Котёнка. К моему удивлению, он действовал почти так, как действовал бы я. Немного наивно, но в целом очень мудро. Похоже, я многого не знаю о своём сыне...

В разгар оглашения списка плохих новостей к моему сознанию проник поток яростных молений. Пришлось немного прерваться и обратить внимание на источник шума. Оказалось, что это верховный первосвященник доехал из столицы к месту моей казни и понял, что произошло. Он принадлежал к той традиции жрецов, которые знали в целом планы по развития цивилизации ещё со времён первого жреца. Они знали, что сначала мы дадим развиваться и сгнуть государству с религией единобожия без идеи о Преображении, затем мне надо будет умереть и воскреснуть, чтобы создать новую религию, которая уже будет развивать человечество по-настоящему. Но на тот момент я не знал, где будет внедряться эта религия, и честно сказал первым жрецам, что она может внедряться даже на другом континенте. Это знание жрецы пронесли через эпоху первых городов и империи ПСИС. Поэтому когда посланник от провинциального жреца прискакал в столицу, первосвященник всё понял и со всей своей немаленькой охраной помчался в провинцию с наибольшей скоростью. Он успел к остывающим углям.

Теперь он ползал в пепле, посыпал им голову, плакал и не знал, о чём молиться. То он благодарил за то, что честь возникновения праведной религии принадлежит этому народу, то просил простить народ за то, что они дали умереть Богу, то просил его простить за то, что он не узнал в докладах о странствующем проповеднике того, кто принёс Спасение. Шум он создавал невообразимый, да и просто было жалко пожилого человека. Поэтому я прервал доклад Три Кольца, открыл канал прямой связи и сообщил дяденьке, что со мной всё хорошо и что произошло то, что должно произойти. Его сознанием это воспринималось так, будто моя фигура возникла перед ним в лёгком сиянии. Ещё я посоветовал священнику собрать кости и пепел, их потом можно будет дорого продать как священные амулеты, и попросил больше не шуметь, а то за тридцать пять лет отсутствия накопилось много проблем.

В следующий час потрясённые жители города наблюдали, как столичный первосвященник и вся его охрана ползали по площади и тщательно собирали пепел и остатки костей.

Дослушав список смертельных опасностей, я перенёсся в заблокированные бесами пространства. Бесы попытались мне противостоят. Это стало их самой большой ошибкой за столетие. Теперь я мог дотянуться до их душ и завязать их узелком. Что я и сделал с теми, кто пытались дёргаться. Надолго их это не остановит, но пару месяцев им придётся провести наедине со своими кошмарами, без возможности получать сигналы от окружающего мира. Остальные бесы убоялись и разбежались. Чтобы два раза не ходить, забрал из бесовских пространств души тех, кому было пора выходить на воплощение в нормальном мире. Провозился два дня.

Я вызвал каждого из богов — бунтарей и спросил, правда ли они до сих пор считают,

что у них получилось лучше и что мне стоит уйти с планеты. Все поджали хвосты и промолчали. Лагана, которая почти полностью потеряла свой народ, долго плакала, когда мы разбирали её ошибки.

Улитки сказали, что у них всё хорошо и что после того, как их народ выйдет из неизбежной стадии первой дикости, у них будет хорошее государство. Я им показал, что у них народ деградирует, звереет и если куда-то и развивается, то только в сторону безжалостности, упоения обращением в рабство и заносчивости. Трёпка, полученная от Первостана, им немного помогла, они поняли, что не только они могут обращать в рабство и что это не очень хорошо. Помогла, но не очень. Народ продолжала развиваться в сторону хищных эгоистов. Три Кольца так расстроилась, что ушла на поверхность аватаром, жить в теле одной девочки, которой должно было стать учёной — врачом в Первостане.

С Пшижушей я даже обсуждать ничего не стал. Только спросил, как дела. Ей предстоит увидеть, как её религия, основанная на низших удовольствиях, будет сотни лет консервировать народ на уровне скотов, а потом весь народ будет истреблён теми, кто решит остановить эту порочную религию. Она будет чувствовать боль каждого убиваемого человека, как недавно это чувствовала Лагана.

Вира и Серен не очень уверенно доложили, что у них получилось построить устойчивое государство, но что делать дальше, они не знают. Пока решили дать людям технологии простой техники типа ткацкого станка и водяного колеса. На вопрос, стоит ли мне уходить с планеты, дружно заплакали и сказали, что не знают, что делать дальше, а я знаю. Серен плакал сильнее, как выяснилось позже, из-за детей.

Оказалось, что дети Серена и Гу оказались самыми оторвами. Ранее я дал им много возможностей, так как они бегали на посылках и разносили информацию между богами и синклитами. После моего ухода они поссорились с родителями и использовали эти возможности для того, чтобы превратить Первостан в хищную нацистскую империю с комплексом всемирного господина. Ещё и сделали это от моего имени. Я им сказал, что они могли экспериментировать как им вздумается, люблю тех, кто пробует, а не сидит на месте. Но вот делать это от моего имени не стоило. Возможности отобрал, назначил работать заботниками о народе в синклите Первостана. Без божественных возможностей они не более, чем обычные люди, слабее тех людей, которые до этого заботились о Первостане и которых они до этого сильно обижали. Теперь они должны будут им подчиняться. Бедные дети. Им предстоит увидеть, как народ Первостана гибнет от собственного эгоизма и заносчивости. Пока они этого не прочувствуют до конца, из синклита не выпущу.

Сереновичи решение восприняли с энтузиазмом. У них шла война с народом джунглей, и они очень хотели помочь своим людям выиграть эту войну.

Серен пришёл благодарить за детей, за то, что я их не наказал сильной болью. Я его «обрадовал» тем, что это как раз и есть самое сильное наказание.

Тран, который первое время помогал Сереновичам, плакал очень сильно. Сказал, что всего лишь хотел попробовать построить изобильное государство со школами, университетами, театрами и конными трамваями в городах. Сказал, что не ожидал, что всё повернётся так быстро и так трагично.

Ва прибежала плакать сама, сказала, что она дура и даже не смогла донести до водных людей необходимость изменений. Пришлось утешать, чтобы опять в кошку не превратилась.

Котёнка я не звал, он напросился на встречу сам. Спросил, зачем понадобилось сожжение Спасителя, если наша древняя религия имеет в основе практически то же

единобожие и ту же матрицу ценностей. Вопросы о том, как я оцениваю его действия, задавать не стал. А ведь наверняка хотелось... Тот ещё упрямец. Залюбуешься.

Я ответил сыну, что монотеизм сам по себе является вещью очень опасной. Он провоцирует людей думать о Боге как о Всесокрушающей силе, как о Великом Наказывателе. Сколько не объясняй людям, что Бог — это любовь, обязательно какая-нибудь недалёкая женщина скажет ребёнку: «Бог тебя накажет», и понеслось. Страх перед Богом, желание утаить от Бога свои не самые лучшие мысли, попытки подкупить Бога жертвами, или ещё лучше — сделать так, чтобы считалось, что Бога вообще нет. Поэтому в комплекте к монотеизму обязательно должно идти убеждение в том, что Бог — это любовь и мягкость, забота и понимание. Если Бог пошёл на смерть ради своих людей, то это и есть тот барьер, который не даст превратить религию в средство запугивания Богом ради выбивания повышенных налогов. В некотором роде средство от превращения религии в черную магию, в средство нагнетания парализующего страха перед Богом.

Котёнок спросил, насколько эффективно работает этот барьер. Я сказал, что по опыту других миров так себе, но без него было бы совсем плохо.

* * *

Настало время навестить своих учеников на поверхности. В городе моей казни творились дела очень смешные. Первосвященник решил собрать всех моих учеников, чтобы узнать у них, что я говорил, и записать официальную версию. Ученики решили, что это засада с целью уничтожить всех последователей, и даже те, которых удалось собрать, дружно пели песню «Мы тут просто проходили мимо, слышали случайно пару фраз, но ничего не знаем». Первосвященник настаивал, просил вспомнить хоть что-нибудь. Ученики поддались и стали рассказывать кто что запомнил, и тут выяснилось, что все всё запомнили по-разному. Дело было в том, что первосвященнику удалось поймать только тех, кто присоединились совсем недавно. Многие из них даже не слышали того, что я говорил только наедине ученикам. Все те люди, которые были со мной с первых дней, ушли первыми и были уже в соседней провинции. Во многом первосвященнику и удалось поймать некоторых последователей потому, что они прикрывали уход основных людей.

Через некоторое время терпение у первосвященника лопнуло. Он собрал всех последователей вместе и принялся орать на них, кричал, что здесь явлен свет миру, учение, по которому человечество будет расти ближайшие тысячелетия, а они ссорятся за каждое слово и ни по какому вопросу не могут прийти к единому мнению. Вот на это собрание я и пожаловал. По прибытии я внушил всем, что всё нормально, что удивляться моему приходу не стоит, и что я просто один из них. Ученики меня узнали и дружно поддержали мою версию того, что я говорил некоторое время назад. Первосвященник, увидев, что люди наконец-то перестали ссориться и говорят одинаково, стал радостно записывать историю походов и поучений. Я немного посомневался, но потом подошёл поближе и задиктовал то, что говорил только наедине основным ученикам.

У первосвященника оказалась хорошая память.

— Тебя не было среди тех, кого поймали мои солдаты, — подозрительно сказал он.

— Так я и есть основатель этого учения. Почему бы мне не вернуться и не подправить текст, чтобы не возникало противоречий с самого начала? — спокойно ответил я и внушил

первосвященнику, что это действительно обычное дело. Тот успокоился и продолжил трудолюбиво записывать текст. Пятеро стражников из числа охраны первосвященника, которые такого внушения не получили, стояли у выхода и художественно хлопали глазами. Они не знали, что делать: то ли хватать меня и везти в столицу, чтобы воздать все почести, то ли подойти к начальнику и намекнуть, что присутствие бога предполагает, что его надо как-нибудь поприветствовать. Я им подмигнул. Парни чуть не остыли. Один додумался поклониться. Я шутки ради загрузил в него умение говорить на десяти языках, в том числе на языке водных людей.

С записью текста провозились долго, почти три часа. Первосвященник устал и распустил людей до следующего заседания. На прощание поблагодарил их за деятельное участие.

Из резиденции первосвященника я перенёсся на тайное сборище моих последователей в соседней провинции. Здесь собрались серьёзные люди, те, которые были со мной с самого начала и уже значительное время назад решили посвятить себя продвижению учения.

Ученики серьёзно планировали страшные мести губернатору соседней провинции, главному жрецу провинции и первосвященнику за компанию. К моему приходу они наизобретали ужасные кары всем, кого помнили, и теперь думали, как их перенести в реальность. Я применил к ним тот же фокус «вы не удивлены, что я с вами», и отругал за то, что они занимаются ерундой вместо того, чтобы заняться по-настоящему важными делами. Ученики сразу обрадовались, зашевелились и распределили обязанности. Четверым поручили записать всю историю с проповедями и заповедями, ещё четверым поручили составить планы распространения учения в соседних государствах и провинциях. Пятерым поручили организовать систему тайной связи между ячейками в разных городах и государствах. Ещё множество людей получили самые разные поручения: от обеспечения новой организации доходами до организации шпионской сети. Напоследок я сказал, что моим драгоценным стоит пошевелиться, так как буйный губернатор, скорее всего, убьёт первосвященника и постарается уничтожить всё, что тот записал.

Новость о том, что первосвященник встал на нашу сторону, вызвала глубокий интерес. Я сказал, что хорошего в этом мало, так как сейчас в официальной церкви произойдёт раскол: часть жрецов встанет за первосвященника, часть будет жёстко против. Это в конце концов приведёт к распаду государства, так что им стоит пошевелиться и сделать так, чтобы носителями учения стали другие государства, которые пока и не подозревают о своей будущей высокой миссии. Ещё я нарисовал карту мира и предупредил не соваться ближайšie три сотни лет на континент к выходцам из мира суперспособностей. Новость вызвала большое удивление. Про этот континент в государстве не знали.

Только через полчаса после моего ухода ученики отошли от гипноза и осознали, что их казнённый учитель был с ними вживую, участвовал в планировании и раздавал пинки и плюхи. Следующую часть ночи у них был праздник.

* * *

Первосвященник ещё три раза собирал моих последователей. Во второй раз долго выпрашивал, как получилось так, что его стражник вдруг смог говорить на десяти языках, в то время как никогда их не учил. Народ смог только удивиться в ответ.

В эти разы люди сотрудничали более охотно. Когда он заканчивал описание произошедшего, губернатор решил поинтересоваться, что такое происходит. Первосвященник оказался хитрым дядькой и не стал рассказывать всего, сказал, что закончил следствие по делу о ереси и теперь возвращается в столицу для организации преследования в масштабах всего государства. Обещал губернатору достойную награду за бдительность. Губернатор заподозрил неладное и навестил главного жреца провинции. Тот на голубом глазу выдал, что первосвященник полностью на стороне учеников казнённого философа и собирается распространять его учение.

Губернатор решил, что первосвященник сошёл с ума и что теперь в стране обязательно случится тотальная религиозная война, если он не задавит её в зародыше. Он приказал своим войнам арестовать первосвященника и всех его воинов. Большинство военных приказу поднять оружие на главного жреца государства удивились и даже не подумали сдвинуться с места. Губернатору удалось собрать совсем небольшую банду из числа своих ближайших охранников. Они решили напасть внезапно.

Частично их план удался, пострадали те воины из охраны первосвященника, которые были в увольнении и гуляли по городу. Первосвященник ожидал чего-то подобного и держал большую часть отряда в своей резиденции в состоянии полной боевой готовности. А ещё он заранее вызвал дополнительные войска из столицы.

Когда воины губернатора осадили бывший купеческий особняк, по сути маленькую крепость, предоставленную первосвященнику в качестве резиденции, то столкнулись с упорной обороной. Сразу они её взять не смогли, а потом подошли войска из столицы, и генерал столичных войск с широкой улыбкой спросил у губернатора, почему он нападает на главного жреца страны. Губернатору и его особо приближённым людям удалось сбежать в столицу, где он развернул кампанию по признанию первосвященника еретиком.

Первосвященник со всеми текстами приехал в столицу и сразу стал радостно объявлять, что их Бог по-прежнему со своим народом. Первосвященник уговорил многих из моих бывших учеников идти с ним, чтобы быть пропагандистами и распространителями нового учения.

Такое развитие событий было крайне маловероятным. Я провёл маленькое следствие и выяснил, что это дело рук бесов. Они явились к шедшему из столицы генералу под видом божественных посланников и напели тому песен, что надо бы поторопиться. Суть задумки читалась достаточно легко: бесяры очевидно задумали создать две версии учения, официозную и противостоящую ей простонародную, а затем столкнуть их. Я решил не мешать им. Это можно будет использовать.

В столице у губернатора нашлось много сторонников. Во-первых, против первосвященника встала та группировка в церкви, которая продвинула в главные священники провинции жреца, который участвовал в моей казни. Они хоть и не одобрили его действия, но сдавать своего не хотели. Во-вторых, против нового учения встали те окаменевшие традиционалисты, которые не хотели ничего менять в сложившейся системе воспитания и обучения. Суть Преображения они не захотели понимать, а морочить голову людям и собирать долю налогов на церковь можно было и без этого. В-третьих, ряд государственных чиновников и правителей справедливо заподозрили, что теперь какое-то грязное простонародье будет требовать от них править по любви и справедливости, а они давно привыкли жить исключительно грабежом и силовым подавлением. Эта партия оказалась самой сильной.

Совместными усилиями они организовали собрание церковных авторитетов, которое имело власть решать все спорные вопросы церковной жизни. Собор принял решение, что вновь появившееся учение — это фантазии, обман простонародья нереальными и наивными требованиями абстрактной любви, что всё это сделано ради захвата власти и денег.

В ходе этого собора сложилась забавная ситуация: бесы всю интриговали и давили, чтобы учение было признано частью традиции и принято в официальный оборот официальной церкви, а мы били им по лапкам и позволяли гнуть свою линию тем жрецам, которые вели дело к признанию нового учения враждебным. Идея бесов была в том, что если учение станет официальным, то оно будет сначала размыто старой традицией, а потом и вовсе будет забыто. И возможностей для широкого распространения в мире у него не будет, поскольку все будут считать это учение вторжением идеологии данного государства.

Первосвященника и всех жрецов, принявших его сторону, низложили и отправили в изгнание. Часть жрецов тут же заявила, что они зря поверили первосвященнику, и попросились обратно. Их простили и приняли, разрешили дальше собирать деньги в своих церквях. Губернатор, устроивший моё сожжение, торжествуя вернулся в провинцию. Правда, некоторое сомнение у него всё-таки осталось, поэтому он затребовал себе копию тех текстов, которые записал первосвященник.

Получилось так, что вместе с первосвященником оказались изгнанными все те жрецы, которые имели доступ к информации о плане разворачивания религии, к тем планам, которые я когда-то рассказывал первому жрецу. Первосвященник и оставшиеся верными ему жрецы вернулись в ту провинцию, где произошло сожжение, и попытались найти моих первых учеников. Долго искать не пришлось, поскольку с ними до столицы и обратно ходили их ближайшие товарищи. После первых очень осторожных выяснений позиций обе части хорошо поняли друг друга. Первые ученики — а теперь апостолы новой религии — с удивлением узнали, что именно такое развитие событий было предсказано ещё при возникновении старой религии. Первосвященник и его жрецы с не меньшим удивлением узнали, что это государство никогда не рассматривалось как государство — носитель новой религии и что надлежит проповедовать благую весть по всем землям, чтобы совсем другие государства стали носителями и защитниками учения Бога-из-Огня.

Закончилось это тем, что первосвященник и его жрецы сбежали в государство Самоначи и начали оттуда миссионерскую деятельность. Власти Самоначи не мешали, с их точки зрения, если эта деятельность ослабляла государства бывшей враждебной империи, то и хорошо. Кроме того, их собственная религия не особо отличалась от того, что говорил первосвященник.

Часть учеников осталась на месте, а большая часть разбрелась по всему свету. Корабли, на которых они плыли, никогда не тонули, а змеи, решившие напасть на них, никогда не кусали.

* * *

Моей мамой в прошедшей жизни была моя прежняя мама, Мирани. Моё учение о любви и отказе от гордости она поначалу не принимала. Смеялась, говорила, что оно нереальное и никто его не примет. Я только улыбался в ответ. На мог же я ей сказать, что она является мне мамой не первый раз и что она попала в эту жизнь по собственной просьбе, чтобы

сделать очень большой шаг вперёд. Казнь была для неё большим ударом. Она очень любила своего первого сына, и она никак не могла представить, за что можно было сжечь её мальчика, который никого не обидел и только ходил и призывал ко всему хорошему.

После сожжения к ней стали заходить люди, приносить деньги и говорить благодарности. Мама удивлялась и спрашивала, что такого люди нашли в учении. До сих пор она к религии относилась скептически и признавала только её моральную полезность. Каждый отвечал по-своему, но все говорили искренне. Сначала приходили самые простые люди, говорили, что это полностью изменило их жизнь и что раньше они жили ради гордости, а теперь живут ради благодати. Потом стали заходить первые ученики в перерывах между отсидками в тюрьмах и дальними путешествиями. Эти уже частично вышли на Преображение и могли с пониманием дела рассказать, как изменяется человек после принятия полного беззлобия. Со временем эти рассказы накопились в её сознании так, что она сама могла дать исчерпывающий ответ на любой вопрос нового учения. Единственное, во что она не могла поверить — это в то, что мальчик, которого она родила и кормила молоком, что он был богом.

Когда она дозрела до нужного состояния, я пришёл к ней, попросил прощения за то, что использовал её тело и её материнское горе для того, чтобы принести в мир учение благовестия. Заявился с сильно обожженной кожей, с запахом палёного. У мамочки в гостях как раз был один из моих последних учеников по имени Агар, толковый дяденька. Мамочка меня узнала, но скептический ум всегда был с ней. Первым делом она спросила, почему я как бог не мог за такое время исцелить тело и убрать запах.

Я громко восхитился её острым умом и признал, что могу принимать любой вид, и превратился в мальчика Полисания из Долигана, девяти лет. Она не могла меня узнать по памяти этой жизни, но память души немедленно доложила ей, что перед ней что-то родное. К таким глубоким чувствам она не привыкла. Вот тут она как стояла, так и села.

Пока она приходила в себя, я обрисовал перспективы:

— У меня в этой жизни не было жены или другого женского персонажа, а людям в религии обязательно нужен женский образ. Сострадающий, любящий безусловно. Частью новой религии будет обращение к тебе как к заступнице и помощнице. Так что привыкай быть образцом чистоты и сострадания. После смерти у тебя будет много работы, бегать и разбирать все просьбы и моления о здравии и умягчении сердец.

— За что? Я простая женщина. Я не умею.

— Умеешь. Ты занималась этим некоторое время ещё до того, как попала в эту жизнь. Но не так умело, как будешь действовать теперь. И вообще, быть матерью бога непросто. Твой бог говорит тебе: будь заботницей и утешением! Будешь? Ты ещё можешь отказаться. Что ответишь богу?

— Слушаюсь, я раба божия, — ответила мамочка, совсем сбитая с толку.

— Ура! — закричал я и обнял маму, для чего мне пришлось взобраться ей на колени.

— Господин, а мне что-нибудь скажешь? — с надеждой спросил Агар.

— Ты собирался в путешествие на восток, к рогатым людям, на севере страны ССПЛ? Вот и иди. Поход будет очень успешным, будет основано много церквей. Тебя, правда, сожгут через пять лет, но это не важно. Я буду с нетерпением ждать тебя, чтобы нагрузить огромным возом работы по поддержке наших товарищей на поверхности.

— Ага, — сказал Агар.

Я исчез.

После этого мамочка как-то поверила, что бог может быть рядом. А Агар отправился в страну рогатых людей через Первостан.

* * *

Главного жреца провинции, в которой меня сожгли, я встретил через семь месяцев после казни. Порок сердца, внезапная смерть. Я спросил у него, почему он решил стать религиозным деятелем. Дядька долго восстанавливал способность говорить, но потом сказал, что в детстве не понравилось, что все люди вокруг злые и нечестные, только и норовят, что обидеть друг друга, вот он и решил учить их правильному закону.

— А что в итоге? Когда пришёл учитель добра и праведности, ты его спалил.

Дядька жутко трясся в ожидании наказания, но попробовал оправдаться:

— У меня каждый день были десятки людей, которые подвергали сомнению существование Бога и каждую строку Писания. Все толковали религию по-своему. И ты от них не особо отличался.

Я засмеялся:

— Ну что, слуга божий? Ты верен своему богу?

Дядька интенсивно закивал.

— Тогда держи новое задание повышенной сложности. Я пошлю тебя в место, где живут грубые и злые люди. У тебя не будет никакой памяти о прошлой жизни, кроме выработанных и записанных в душу убеждений. Там нет никакой религии. Ты должен будешь сам додуматься до идеи Бога, до идеи о том, что Бог любит своих людей и создал их для счастья и правды. Вот так и посмотрим, кем ты там станешь, проповедником Бога или очередным надсмотрщиком с хлыстом.

— Я приложу все силы... Откажу себе во всём, — обещал дядька.

Я кивнул и отправил его в пространство к бесам, в новорожденного в семье рабов. Думаю, через шесть — семь жизней он действительно выполнит своё обещание.

* * *

Интереснее всего было с губернатором. Губернатором был мой бывший папочка, Ирвинг. Я дал ему жизнь в беспринципной и развращённой аристократической семье, с помощью которой он стал губернатором. Образ жизни этой семьи ужаснул его ещё в детстве, он посмотрел, как они грабят и проматывают общественные деньги, и дал себе слово стать честным чиновником. Выдающиеся образотворческие способности позволили ему стать меценатом самых лучших художников, музыкантов и певцов. Для того, чтобы он не стал выдающимся поэтом и певцом, пришлось устраивать ему в детстве несколько тяжёлых болезней. Он прожил очень долго и умер через пятьдесят лет после моей казни, когда церковь Бога-из-огня уже заметно окрепла и стала широко известной.

После моей казни он начал изучать все записи учения, чтобы понять, как противостоять новой идеологии. Где-то это даже была его обязанность, учение распространялось с территории Самоначи, а потому по определению должно было находиться под подозрением. Изучая учение, он постепенно пропитался его образами и начал понимать, о чём там

говорится. Произошло это через общение с музыкантами и песенниками.

Прослушивая очередное «гениальное» молодое чудо, нёсшее похабную чушь под нечто ритмичное, что оно считало музыкой, губернатор улыбался. А потом говорил, что красота не в том, чтобы бить как можно громче и сильнее, а в том, чтобы как можно точнее издавать только необходимые звуки и только в те моменты, когда они создают красоту, в том, чтобы видеть тонкости и нюансы, в том, чтобы гармонично сочетать тишину и ласковость с громким применением максимальной силы. Молодёжь не понимала, и тогда со временем губернатор стал говорить, что красота появляется там, где есть смирение, а не удовлетворение каждой хотелки. Он повторял это настолько часто, что друзья однажды со смехом сказали ему, что он, похоже, проповедует учение казнённого Бога-из-Огня. Губернатор посмеялся вместе с ними, сказал, что он говорил лишь то, что всегда было в их древней религии, для сохранения которой он и спалил религиозного авантюриста. И даже не одного.

А потом ему аккуратно подсунули тексты идей, которые я озвучивал только своим ученикам. Те, где было про совершенство и открытость Богу, про Преображение. Губернатор понял, что это и есть та красота, которой ему не хватало с молодости. Он не принял открыто учение Бога-из-Огня, но втайне спонсировал одну из общин верующих.

Общаться с ним после его смерти надо было очень аккуратно. Я явился ему в виде сияющего облака, так, чтобы он не мог меня узнать. Память прошлых жизней я ему не возвратил. Мы разобрали все его грехи и ошибки молодости, смысла в чём не было почти никакого. Это надо было сделать только для того, чтобы он понял, что я вижу всю его историю, все действия и надежды.

Потом мы перешли к обсуждению сожжения Спасителя. Мне пришлось очень аккуратно подвести его к мысли о том, что чрезмерная забота о стабильности государства и поддержании порядка привели к тому, что он уничтожил то, что как раз и должно было наилучшим образом обеспечить стабильность и прорывное развитие. Когда он дошёл до этой мысли, я понемногу вернул ему память и открыл собственный вид. В течение нескольких минут он понял, что сжёг не только своего бога, но и небезразличного родственника.

Теперь надо было быстренько упаковать его в новую жизнь, пока он не решит разрушить свою душу от ужаса содеянного.

— Для меня вообще может быть прощение и воздаяние? То есть сначала воздаяние, потом прощение? — спросил Ирвинг.

Я засмеялся:

— Да не интересно никому воздаяние тебе. Я с тобой тут лясы точу только для того, чтобы ты осознал, что до сих пор все твои усилия приводили к прямо противоположным результатам. И так будет и дальше, пока не освоишь смирение. А оно приходит как раз из вот этого понимания, что пока действуешь силой и ломанием препятствий, только хуже для дела получается. Теперь понятно, что такое смирение?

— Не очень. Но от страха поспешных решений я, похоже, не избавлюсь теперь никогда.

— Давай сделаем так. Ты сейчас уйдёшь в новую жизнь среди рогатых людей, будешь сначала пастухом, потом встретишь проповедников учения Бога-из-Огня и станешь религиозным подвижником, примером многим. Тебя, скорее всего, казнят за проповедь учения, но ты будешь только рад. Мы будем очень ждать тебя, и я, и Мирани.

Ирвинг еле смог кивнуть, и я организовал ему обещанную жизнь.

Мирани, которая наблюдала за всей этой сценой, будучи невидимой для Ирвинга,

спросила:

— А не слишком жестоко? Он вообще сможет пережить такой удар?

— Он сам хотел опережающего развития. А оно только так происходит, через глубочайшую внутреннюю ломку.

— А можно, я буду присматривать за ним, когда он будет на поверхности?

Мирани вернулась всего за год до папочки, уже освоилась и стала очень быстрой деятельницей. И жутко настырной.

— Мирани, тебе что, делать нечего? Тебе сейчас тысячи будут молиться. Тебе надо за проповедниками присматривать, их сейчас много будет и проблем у них тоже будет много. У тебя внук космический корабль строит для противостояния бесовскому флоту. Ему помощь нужна.

— Он старше меня на несколько сотен лет в актуальном времени. К тому же я ничего не понимаю в его технике.

— В технике ему помощь не нужна. Он от однообразия там киснет. Станцуй ему хотя бы. Он как раз недавно через омоложение прошёл, как и ты, ему твоя фигура понравится. Или сходи к Линдси, напой ей песен. Она когда твои пенсии слышит, из депрессии выходит.

— Господин, ты такой похабный мальчик вырос.

Я превратился в тучу, внутри тучи громыхнул разряд молнии.

— Слушаюсь, господин, — сказала Мирани и упорхнула к Котёнку.

Котёнок любит, когда бабушка поёт ему песни, которые она пела бы ему, если бы он рос в замке Долиган. Соображение о том, что в Долигане он если бы какие-нибудь песни и услышал, то только песни нянек, я держу при себе. Нам в детстве мамочка никаких песен не пела.

* * *

Ирвинг в результате получил не только страх поспешных решений. Он так проникся страхом сделать что-нибудь не то, что мог только одно — молиться Богу и рассуждать о том, какой Бог великий и как он любит людей. Проповедники Бога-из-Огня сразу нашли в нём верного последователя. Он был одним из первых рогатых людей, кто принял учение. Была надежда, что он станет великим подвижником, напишет множество трудов о праведности. Никем он не стал, никаких трудов не написал, но ежедневные молитвы, покаяние и самоотречение дали ему возможность выйти на Преображение и пройти его практически до конца. Правда, он прошёл его неосознанно, не очень понимая, что с ним происходит. Его казнили в сорок лет, казнили за слишком ревностное распространение учения Бога-из-Огня.

Мы с Мирани встречали его с большой радостью, я лично снял ему все последствия боли от смерти. Ему было непросто освоить всю память прошедших жизней, нам с Мирани пришлось его поддерживать, пока он приходил в себя. Ради такого дела пришли и Котёнок, и Ангела. Было много слёз.

Я дал Ирвингу дозреть в облачном пространстве. Он доучился философии на базе истории Земли и ещё нескольких миров, по той программе, по которой учили начинающих локальных богов. После этого я попросил его стать народоводителем ССПЛ. Это государство обещало стать одним из ключевых государств.

Линдси вышла из депрессии через десять лет после превращения её мира в планету. Впрочем, ещё до этого времени она иногда помогала нашим посланникам, которые вывозили с её планеты души для воплощений и распространяли растения.

Потом она решила перейти к активной жизни. Зашла в гости, попросила помощи в восстановлении биосферы и расселении людей. Мы, конечно, обещали. Де-факто её планета стала продолжением нашей. В качестве народа мы предложили ей рогатых людей. В настоящий момент их было немного, их не хватало даже для освоения континента, который они потихоньку присвоили. Но стратегически было правильно убрать их на другую планету, чтобы предотвратить стычки на межвидовой почве. Линдси согласилась. Кроме того, у рогатых уже была кое-какая религия и некоторый исторический опыт. После этого Лагана почти половину времени проводила на планете Линдси, ухаживала за своими драгоценными рогатенькими.

Линдси создавать цивилизацию и большие города своим людям не позволила. Размазала их ровным слоем по всей поверхности, чтобы ухаживали за животными.

Глава 35

Полисаний. Бурлящие потоки

Учение Бога-из-Огня распространялось. Не так быстро, как могло бы, не распространялось. Обычно одним из сильнейших впечатлений является факт того, что Бог может оказаться рядом. После того, как вся моя банда самодеятельных богов похулиганила на поверхности в своё удовольствие, проповедникам в ряде стран отвечали «Нас это не удивляет, нам наши боги помогают». Миссионеры говорили, что это ложные боги, их за это били. Правда, потом, когда проповедники говорили, что их бог пожертвовал собой ради людей, прислушивались. Боги, о которых люди слышали до сих пор, только чего-то требовали от людей... Любви не требовал никто.

Первые общины были основаны и в государстве Самоначи, и в Первостане, и в ССПЛ, и даже в земле рогатых людей. Один корабль с проповедником шторм принёс на остров, где жили ящеры. Так даже ящеры узнали о Благой Вести.

На континент гигантских зверей никто не плавал, кроме мореходов бесовского государства, поэтому народ Пшижуши остался без благовестия. Религия искусственного счастья пустила там глубокие корни, тем, кто достиг приятных ощущений, завидовали и считали людьми высокого уровня развития. Тёмному культу тем более не нужен был импорт религии.

Я ждал, что хотя бы несколько человек примут полное беззлобие, правило правой и левой щеки. Не принял никто. Многие отказывались от гордости, потом с удовольствием обсуждали с такими же, как они, как вредна гордость. Многие осознали, что надо контролировать гнев, написали книги о вреде несдержанности. Кое-кто принял идею о том, что надо жить любовью к людям, основал благотворительные общества. Но на Преображение не вышел никто. Я так ждал, что кроме Ирвинга и Ангелы появится хоть кто-нибудь четвёртый, а то и пятый. Не появились. Пришлось использовать в качестве слуг и посыльных всё тех же людей.

* * *

Ещё в первые дни я сходил в мир Линдси, забрал души людей её мира и поглощённых ею миров. Среди них было много светлых душ, но и они, попав на поверхность, не стали выходить на Преображение.

Я разговаривал с каждой душой после смерти, мы обсуждали цели в жизни и сделанные ошибки, намечали, что нужно сделать для счастья. На поверхности до смерти эти люди проклинали свою жизнь, считали, что они жили очень несчастливо, в забытом богом месте. Тем, кто говорил такое особенно часто, я шуточки ради предлагал стать летающим посланником, так как мне не хватает помощников. Никто не соглашался, все просились на поверхность, к урожаем, виноградникам и лошадям с коровами. Я говорил, что супруги драться будут, а соседи подянки строить. Нет, давай обратно к коровкам и кошкам, пусть супруги дерутся, лишь бы самому не изменяться...

Потом среди уверовавших началось то, что всегда начинается, когда люди думают о боге правды. Первый вопрос, который неосознанно возникает — «А могу ли я быть хоть

частично с Богом?». Субъективно этот вопрос обычно воспринимается как вопрос о том, сколько природ было в казнённом Спасителе — только Бог, только человек или серединка наполовинку.

Благодаря деятельности моего бывшего папочки, он же губернатор, учение Бога-из-Огня завоевало лидирующие позиции в северном государстве, которое возникло на месте империи ПСИС. Многие ученики бежали также в южное государство, которое со временем тоже стало в основном Огнебожеским. Через две сотни лет в северном государстве главы общин огнебожцев затеяли спор о природах в Спасителе. Спор определялся в основном не религиозными мотивами, а меркантильными. К этому моменту выработалась традиция, при которой люди, желавшие достичь чистой жизни, собирались в общины. Первое время главы общин избирались, но потом, когда религия стала общегосударственной, главы стали назначаться руководством церкви. Люди в общинах работали много и хорошо, а тратили на себя достаточно мало, поскольку был принят обычай жить скромно и воздерживаться от престижных вещей. Общины стали центрами ремёсел и школами мастерства в самых разных умениях. Они стали аккумулировать большие средства, что со временем сделало их центрами хозяйственной жизни окружающих земель. Одним словом, начальник общины был очень важным и богатым человеком. За то, кто какой общиной будет руководить, властные кланы сражались со всей серьёзностью.

Обвинив начальника другой общины в ереси, можно было захватить источник очень большой власти и доходов. Перед таким соблазном не устоял почти никто, и в итоге вскоре началась гражданская война: сторонники всех трёх мнений о природах в Спасителе сражались друг с другом не на шутку. Со временем стали побеждать сторонники того мнения, что в Спасителе было только божественная природа. Их противники бежали на юг.

В южной части бывшей империи ПСИС благодаря беженцам с севера большинство оказалось за сторонниками мнения, что Спаситель был только человеком. Однако, в южном государстве религия Бога-из-Огня не стала государственной, она было лишь наиболее влиятельной. Руководители общин там по-прежнему избирались, поэтому воевать за общины было невозможно. По этой причине спор о природах закончился после нескольких не очень интенсивных мордобитий. Кроме того, подсуетились кое-кто из государственных деятелей, которые сообразили, что для укрепления государства лучше иметь отличающуюся от северного государства религию. Как результат победили сторонники мнения, что Спаситель был только человеком.

В государство Самоначи спор пришёл с запозданием и был принят с некоторым недовольством. Государство Самоначи было на подъёме. Они считали себя центром миссионерской деятельности религии Бога-из-Огня, рассылая по всем землям экспедиции с проповедниками. Эта деятельность уже давала прибыль. К ним начали прибывать паломники, чтобы посмотреть на храмы, построенные первыми верующими, и поговорить с людьми, которые являлись наследниками ближайших сподвижников первых проповедников.

По этой причине никакие скандалы Самоначи были не нужны. Мало того, священники, сохранявшие традицию ещё со времён строительства первых городов, были предупреждены, что такое явление может возникнуть. Мы дополнительно сообщили священникам, почему этот вопрос важен. Для этого пришлось посылать служебных богов.

Во время инструктажа я объяснил служилым проблему так: люди думают о себе по аналогиям с тем, что видят снаружи. Если они слышат, что Спаситель был полностью богом, то думают, что им ничего не светит в области духовного развития, что им остаётся только

жить животными чувствами, с которыми следует всячески бороться. Это ведёт к большому ожесточению. Если люди думают, что Спаситель был только человеком, то им кажется, что если посланец бога жил простыми человеческими надобностями, то и им можно жить только животными желаниями, и бог поймёт их в этом желании. Такой подход может почти полностью закрыть людям выход на новый качественный уровень развития. Поэтому лучше говорить, что Спаситель был человеком, но с некоторой частью от Бога.

— А сколько в тебе на самом деле было от бога и от человека? — спросил бог правды Трана.

Все засмеялись.

— У всех у нас есть часть от Бога. Это тот дух и побудитель действий, который заставляет нас двигаться и возбуждает боль, когда мы видим, что дела идут не по правде. А я, как вы знаете, вообще был подставным лицом и скорее играл роль по известному сценарию. Проблема не в том, кем я бы на самом деле. Наша проблема в том, какой образ воображают себе люди, думая о Боге. В исходном состоянии люди при мысли о боге воображают образ Всесокрушающей Силы, который состоит из памяти о большой боли и символа её преодоления силой. О том, что это ложный образ Бога, мы будем говорить много позже, тогда, когда эта цивилизация дозреет до идеи прикладной массовой психологии. А пока для нас важно, чтобы не возникло поражение в самых основах.

Служилые боги поулыбались и отправились шептать на ушко всем ключевым людям.

В государстве Самоначи удалось эту первую ступень пройти без гражданской войны. Они традиционно производили и экспортировали большое количество тканей и продуктов роскоши. Это сделало государство очень богатым, появилась верхушка, привыкшая к роскоши и большим доходам. Сложились властные кланы, которые привыкли воровать из общественных денег.

Северное государство во время гражданских войн совсем разорилось. Пришедшие к власти самые безжалостные и жадные начальники, правящие благодаря имитации крайнего фанатизма, осознали, что вскоре страна вымрет от голода. Чтобы сохранить власть, они заявили народу, что необходимо уничтожить ересь человекобожия в южном государстве. А заодно разграбить их продовольственные запасы, о чём вслух не говорилось, но что все понимали. Началась война, которая сделала эти государства ещё более бедными. Северное государство не смогло полностью победить южное, но проблем создало преизрядно. Гражданское население из обоих государств опять побежало в Самоначи, что сделало это государство ещё многолюднее и ещё богаче.

Властные кланы в Самоначи совсем потеряли берега. Они принялись интриговать вплоть до вооружённых схваток, чтобы расставить своих людей на все сколько-нибудь выгодные места — от промышленных организаций до церквей и религиозных общин. Невероятно выросло стремление к роскоши, к красивым вещам. Священники наряду со всеми остальными принимали участие в грабежах и поборах. Каждая церковь была центром сбора денег, к ней были приписаны местные жители, которые были обязаны платить определённую долю с доходов. Эта доля постоянно увеличивалась за счёт дополнительных поборов на разные религиозные праздники.

При этом рядовые граждане жили довольно бедно. Организаторы производств весьма быстро сообразили, что для повышения доходов необходимо снижать зарплату рабочим. Производители продовольствия тоже всеми силами снижали расходы на людей, так как многие государства, покупающие ткани и предметы роскоши из Самоначи, расплачивались

продовольствием. Продовольствие стоило недорого.

В этих условиях наблюдать вызывающе кричащую роскошь священников и служителей церкви людям было очень тяжело. Люди стали задумываться о том, что церковь не очень-то и нужна, зато очень дорого стоит. Требовался только повод, чтобы вспыхнула религиозная война. Повод представил один из очередных правителей. Под давлением не в меру ретивого главного священника он издал закон, по которому запрещалось рисовать изображение Спасителя, а заодно и вообще все изображения людей и животных. Скульптуры и мозаики тоже запрещались. Это якобы должно было предотвратить идолопоклонство.

Некоторое применение идолов действительно имело место. Население издревле привыкло вырезать изображение бога, ему откладывали еду во время ужина и мазали губы мёдом. После появления религии Бога-из-Огня распространился культ волшебных икон, молебен перед которыми якобы что-то улучшал в жизни. На иконах рисовали не только Спасителя, но и ангелов, коих выдумали в огромном количестве и которым назначили самые разные функции. Даже мы в облачном пространстве запутались, кто из этих выдуманных ангелов за что должен отвечать. Посадили на учёт несколько дядек, которые всё это придумали, после того, как они умерли на поверхности, конечно. Я позволил им родиться в семьях наших слуг в облачном пространстве, и так, чтобы сохранились все воспоминания.

Религиозные власти решили побороться за чистоту веры и отменить идолов, иконы и ангелов.

Население восстало почти всё. Из ниоткуда появились самозванные вожди народа, которые говорили, что священники официальной церкви все как один перешли на сторону бесов и думают только о наживе, что необходимо отменить церковь и что священники в новой церкви должны сами себе зарабатывать на жизнь. Говорили, что невозможно отказаться от икон, что народ молится не иконам и что иконы — это не более, чем окна к Богу и ангелам.

Воевали увлечённо, разнесли всю страну по камешку. На этом фоне даже соседние государства северных монофизитов и южных человекоспасителей стали казаться спокойными мирами. Население побежало в эти государства. В итоге в государстве Самоначи осталась едва десятая от былой мощи. При этом в нём осталось две религии — традиционная, с иерархической церковью, без икон, и новая, без освобождённых священников и с иконами. На стороне последних было большинство населения. Сторонниками иерархической церкви были в основном богатые люди и люди во власти. Такое устройство было больше похоже на тлеющий костёр, чем на стабильное государство.

В Первостане учение Бога-из-Огня не приняли. Его не преследовали, оно просто не вызвало интереса. Народ государства был поглощён войной с южным государством, обращением в рабство военнопленных и очень гордился успехами. Кроме того, ещё свежа была память о том, как их боги помогали им советами и на войне, и при государственном строительстве. Основав несколько совсем маленьких общин, проповедники ушли на север и на восток.

В Восточном государстве учение Бога-из-Огня приняли с восторгом. Сначала это была дальняя экзотика, потом появились первые люди с пониманием, которые объяснили окружающим, что без этой Благой Вести не жить. В немалой степени принятие религии позволило избавиться от комплекса неполноценности по отношению к государству ССПЛ и Первостану, которые совсем недавно в войне с рогатым народом ходили через земли Восточного государства, как хотели.

В землях рогатых проповедники сначала были встречены прохладно. Рогатые люди восприняли проповедь религии любви и требование беззлобия как хитрую задумку безрогих людей с целью ослабить рогатых. Но преследовать проповедников не стали. А потом, после того, как в первых общинах люди стали понимать, что с ними происходит, религия стала распространяться как пожар. Во многом успех был обеспечен памятью о недавнем упоении исключительностью и мечтами о господстве. Рогатые сообразили, что именно это привело их к катастрофе, и приняли религию отказа от гордости как противоположность недавней ошибке. Появление религии Бога-из-Огня в земле рогатых совпало с их исходом на пустующий континент. Рогатые сумели сохранить память о том, что к востоку лежит пустующий континент, кроме того, они смогли утаить эти знания от людей ССПЛ. Когда их общины на выделенных им ССПЛ северных землях окрепли, они стали потихоньку строить небольшие корабли и переселяться на пустующий континент. Рогатым не разрешили создавать своё государство, но предоставили автономию с широкими правами, чем они и воспользовались. Уходили они понемногу, так, чтобы отток не был заметен. Исход шёл под идею создать на новом континенте праведное государство с религией Бога-из-Огня.

Северные земли рогатые покидать не собирались. Власти ССПЛ вели себя честно рогатых не обижали. Рогатые это оценили, как и то, что ССПЛ спасло их от войск Первостана. Земли оказались богаты рудами, и рогатые неожиданно для себя стали центром металлургии, что сделало их очень богатыми.

В ССПЛ религию Бога-из-Огня восприняли с недоумением. Государство росло осваивали новые земли, всё росло и ширилось. В ССПЛ до сих пор действовала та религия которой мы учили ещё первых людей. Это было поклонение Создателю Вселенной с набором необходимых правил. Считалось, что люди живут много жизней и набирают мудрость от жизни к жизни, как и карму, которая возвращает людям всё, что они сделали другим, хорошее и плохое. Говорилось, что надо быть добрым и благотворным. Про Преображение и принятие полного беззлобие там не говорилось, но этим никто и не интересовался. Людям хватало общих призывов к добру. Общее противостояние суровой природе и хищникам выработало добродушный характер, люди ценили сочувствие и взаимную поддержку. Именно поэтому войска ССПЛ в недавней войне не участвовали в геноциде рогатых, именно поэтому решение властей спасти часть рогатых не встретило в армии никаких возражений.

Первое время люди в ССПЛ просто не поняли, чем новая религия отличается от старой Бог рядом? Мы и так это знали. Нам недавно посланник от Бога помогал войну выиграть. Нужно быть добрым? Мы стараемся изо всех сил. Кроме того, всё, что приходило с юга, вызывало в народе большое подозрение. Люди привыкли, что на юге творится сплошная неправда, порабощение и обман.

Общины новой религии возникли, но их было совсем мало.

Водные люди с религией Бога-из-Огня познакомились через ящеров на островах. Поначалу, как и все, восприняли с недоумением. Потом нашлись немногие, которые разобрались в сути, и объяснили остальным.

У водных людей не было своего государства, но зато сам народ был склонен к философскому образу жизни. Любили они качаться на волнах и смотреть в небо. Ещё у них были весьма частыми конфликты между группами молодёжи, конфликты ради гордости, по принципу «не нравишься ты мне, поэтому умри». Эти конфликты вырастали из детских драк и подростковых преследований, и они уносили очень много жизней. Пожилые люди

подумали — подумали, и поняли, что в религии есть нечто правильное. Водные люди оказались единственным народом, у которого религию Бога-из-Огня распространяли не молодые энтузиасты, а пожилые люди.

Бесы тоже поучаствовали в распространении религии. На пиратских островах появились проповедники, которые внедряли очень изменённую версию огненной религии. В этом варианте говорилось, что человек живёт только одну жизнь, а затем его осуждают на вечные муки или берут в божественное пространство, в котором каждого будут ублажать по три божественных девы непредставимыми удовольствиями. Говорилось, что каждый должен обязательно дойти до идеального состояния, следовать всем правилам с абсолютным самоконтролем, или умереть в борьбе за распространение веры. Про половые связи говорилось, что нельзя заниматься любовью ни с кем, кроме жены. Говорилось, что нельзя заниматься самоудовлетворением, а кто так будет делать, у того душа испортится. Был строго запрещен гомосексуализм, как женский, так и мужской. Женщины считались вспомогательными существами, им божественное пространство и блаженства не обещались. Тем, кто будет слушаться мужа и растить детей, обещались должности помощниц божественных ублажителей мужчин. Ещё было нельзя есть мясо каждый третий день.

Всех, кто примет веру, полагалось считать избранным народом, у которого есть превосходства над другими народами. Если другие люди отказывались от принятия религии именно в этом варианте, они считались нечистыми, и верующие могли их убить и разделить их имущество по справедливости. Детей полагалось взять к себе на воспитание или убить, если они отказывались покориться и произнести ритуальные фразы. Было очень много других правил и запретов. Говорилось, что всевышний будет регулярно приходить на поверхность и проверять всех людей, оставлять жить тех, кто достоин, и уничтожать тех, кто нарушает правила.

В этой религии было сделано всё, чтобы нагрузить людей невыполнимыми требованиями, заставить всех считать себя бестолковыми преступниками, повергнуть в панику и вызвать истерику. Всё это было сделано для того, чтобы направить человеческую энергию в одно русло — на войну за распространение религии. Кроме того, постоянная лесть и убеждение в том, что вы — избранный народ, позволяли цементировать народ и быть абсолютно безжалостными с другими людьми.

Чуть позже такие проповедники появились и в бандитском государстве посреди континента, среди воинов степей. Здесь бесовская религия была принята с восторгом. Грабители из центрального государства уже поняли, что они не просто банды, а государство, и им очень хотелось собой гордиться. Но все ещё помнили, что они не просто государство, а сброд разбойников. Новая религия позволяла считать себя высшими людьми. Это было то, что нужно тонким душам грубых налётчиков.

Злая пародия на огненную религию смогла утвердиться среди пиратов и разбойников. Не сразу, но потом вожаки сообразили, что с такой религией намного проще контролировать буйные банды, плюс идея убить всех неверующих и разделить их богатства по справедливости тоже привлекала простые умы. Со временем вожаки убедились ещё и в том, что их воины стали намного меньше бояться смерти, что давало ощутимые военные преимущества. Если обычные воины обращались в бегство при потерях до одной трети состава, то эти воины стояли до потерь до двух третей. Во время битвы это было критично, так как позволяло удерживать линию сражения и препятствовать окружению даже при неблагоприятно складывающихся битвах.

Теперь пираты и бандиты грабили окружающих во славу Бога. На север они ходили неохотно, так как северные люди рубились за своих до последнего. А вот земли Первостана и Восточного государства вскоре почувствовали, что не могут сдерживать набеги огромных масс кавалерии со смелыми и фанатичными бойцами.

Восточное государство просто оказалось не готово к таким наездам. Небольшие земледельческие посёлки на западе государства считались беднейшей частью народа и либо не охранялись никем, либо это были пехотные отряды. Большой массе кавалерии они не могли противостоять по определению.

Фермы Первостана управлялись изнеженными и жестокими рабовладельцами, которые при виде противника обращались в бегство, бросая рабов и имущество. Грабительские отряды брали, что хотели. А некоторые рабы присоединялись к ним. За короткое время Первостан потерял половину пахотных территорий. Попытка отрядить карательную экспедицию вглубь континента не привела ни к чему: закованная в сталь пехота Первостана просто не нашла на просторах степи никого. Поскольку войска не знали, где находятся запасы воды, им пришлось повернуть обратно. Пришлось строить огромную, дорогую и не очень эффективную линию укреплений с крепостями, в которых стояли паровые пушки. Только так удалось не то чтобы остановить, но хотя бы уменьшить ущерб от набегов кочевников.

Водные люди переговорили с некоторыми из пиратов, выживших после уничтожения их кораблей в неудачных битвах. Из этих разговоров они узнали о том, чтобы появилась злая версия огненного учения. Поразмыслив, они поняли, что Ва в своё время говорила правду и что наступила эпоха большой нетерпимости. Эпоха, в которой разные государства людей будут ненавидеть друг друга абсолютно, а между делом достанется и водным людям. Следствием этого понимания стало то, что водные люди прекратили какое-либо общение с сухопутными людьми. Сделали исключение только для живущих на островах ящеров.

* * *

Эпоха распространения религии Бога-из-Огня потребовала больших усилий от всех локальных и служебных богов, а также от всех, кто был способен летать по планете. Необходимо было спасать проповедников и поддерживать первые общины. Люди начинали молиться, задавать вопросы, некоторым из них надо было отвечать как минимум через сны. А некоторым было необходимо посылать картины ближайшего будущего или прошлого, или того, что происходило в дальних землях. Мы были очень заняты.

В самый разгар приключений пришёл Архат Арахат и сказал, что нам поручено помочь одной планете. Пришлось оставить нашу планету на Ангелу и Ирвинга.

Верховный бог небольшой планеты с поэтическим названием Золотые Острова придумал круто. Он создал такое пространство для живых существ, которое было скорее информационным, чем физическим. Души, которые он помещал в это пространство, получали тело, которое позволяло хранить информацию и получать разные ощущения. При этом пища телу не нужна была, а энергию оно получало от окружающих источников. В этом пространстве было рассеяно множество шаров разного цвета, которые при касании давали разного уровня приятные ощущения, от лёгкого подъёма радости до тяжёлого оргазма. Люди в этом пространстве скользили между этими шарами и получали разные удовольствия.

Творчеством или организацией каких-то общих дел заниматься было невозможно, так как у людей не было конечностей.

Сам бог, устроивший это безобразие, давно ушёл с планеты. Когда мы спросили тех, кто остался на хозяйстве, зачем было создавать такое недоразумение, они сказали, что ему было жалко людей, которые первое время после объединения миров в планету жили очень тяжело. Поэтому он создал такой мир, в котором люди могли бы отдохнуть. А потом он стал награждать помещением в этот мир тех, кто на поверхности вёл себя хорошо, а после смерти говорил, что хотел бы приятной жизни, и не на поверхности. К нашему приходу в мире удовольствий накопилось несколько сотен миллионов душ.

Архат Арахат заплакал и сказал, что людей низших уровней развития нельзя помещать в миры без ощущений, в миры, которые не требуют разумной деятельности, иначе они деградируют.

Ребята с планеты сказали, что именно это и произошло: первое время люди, попавшие в пространство, просто плавали между мерцающими шарами с удовольствиями. Но потом им все удовольствия надоели, и они начали развлекаться тем, что с разбега били других людей. А потом убегали, наслаждаясь догонялками. Когда локальные боги появлялись в этом пространстве сами или посылали служилых богов, чтобы навести порядок, хулиганы отвечали, что это они так веселятся, что это всё шутки. В настоящий момент ни одна душа в пространстве удовольствий не может спокойно провести и нескольких минут, так как её обязательно стукнет кто-нибудь из весельчаков. А ещё они стали собираться в стаи, чтобы толкаться стая на стаю, кто кого отжал от шара с особо сильными удовольствиями — тот и молодец.

В итоге люди не могут переосмыслить даже события прошлой жизни на поверхности, всё внимание постоянно занято наблюдением за агрессией окружающих.

Я спросил, что им мешает прикрыть эту лавочку и отправить все души из локального пространства на поверхность. Оказалось, что смерти по времени в этом пространстве нет, а убивать боги не могут. Изначально предполагалось, что те, кому надоест скользить через удовольствия, сами будут просить бога отправить их на поверхность или ещё куда-нибудь, где можно заняться творчеством. Но никто не просится, кроме считанных единиц. Поэтому боги решили позвать на помощь.

Мы с Архатом почесались. Да, вот незадача. Нам-то ничего не стоило разогнать этот аквариум со скотством, но местные боги не дадут, им будет больно видеть страдания их людей. На всякий случай мы им, конечно, предложили просто слить этот проект, но они, как мы и предполагали, пришли в ужас. Пришлось создавать проект превращения этого замкнутого пространства в полноценное физическое пространство, а информационных тел — в полноценные тела с мозгом, инстинктами и конечностями. Пусть выращивают себе еду и думалку развивают.

Проект был очень сложным, надо было обеспечить выживание людей во множестве переходных форм. Провозились почти двадцать дней. Парень из местных богов внёс одно полезное усовершенствование. Мы предполагали, что тела людей будут постепенно уплотняться, а он предложил создать такое растение, которое будет выглядеть как шар удовольствий, а на самом деле будет ловить приблизившегося человека и засовывать его в тело с руками, ногами, пищеварительной и прочими системами. Вместо нескольких сотен лет постепенных переходов это могло позволить превратить людей в физических существ за несколько лет. Предложение было принято с большим весельем. И почему такие простые и

очевидные идеи не приходят сразу?

Напоследок мы сказали местным богам, что ни в коем случае нельзя создавать такие пространства, где ограниченно разумные существа могли бы жить без ощущений, требующих разумного анализа и построения умственных моделей. Иначе они не столкнутся с проблемами конфликта разумной и животной частей, с тем, что совершенство требует полного контроля животной части через любовь и созидание. Они ответили, что сами знают.

Ага, знают они. А чего звали тогда?

После этой миссии мы так преисполнились чувств, что вместе с Архат Арахатом забрались ко мне в облачный замок и хихикали двое суток, попивая разные божественные напитки. Да, мы с ним разные дурки и драки видели, но чтоб такое... Пришли в себя только после того, как Лагана собрала всех дам, которые умели танцевать, и они станцевали нам танец хвалы совершенству. Только так внимание отвлеклось от воспоминаний.

* * *

В разгар веселья пришёл Хакан Сарахал, локальный бог мира с изменённой физикой, с летающими скалами — планетами. Дяденька заявил, что ему надоело возиться с его небольшими племенами, которые бегают друг за другом по летающим скалам и занимаются только мелкой мстью. Промышленную цивилизацию или хотя бы крупное государство у него в силу особенностей хаотичного движения мелких скал устроить было невозможно, и маленькие проблемы маленьких племён ему надоели. Его речь довела нас с Архатом до тихой смеховой истерики в духе «нам бы твои проблемы».

Хакан попросил у меня кого-нибудь из тех, кто прошёл Преображение, чтобы сделать его богом его локального мира. Этой просьбой он вызвал только очередной взрыв смеха. Я бы сам не отказался хотя бы от одного такого человека.

Однако, депрессию локального бога стоило учитывать. Это грозило очень большими проблемами. Мы дружно пораскинули мозгами и пришли к решению, что Хакан ещё некоторое время побудет богом, а мы будем посылать в его мир только светлые души, те, которым нужен безмятежный отдых после исполненных страданий жизнью в наших очень напряжённых мирах. Благодаря другому качественному составу все преследования в мире Хакана прекратятся, а жить в мире со светлыми душами намного забавнее, чем со средним составом. Они красоту любят, играют и танцуют... В мире Хакана не было бесов, благодаря чему некоторым душам действительно можно будет отдохнуть.

Договорились о том, что души будут ротироваться и что светлые души будут предоставляться ему не более, чем на одну жизнь. Хакан плакал, как маленький ребёнок, требовал оставлять хотя бы на две жизни, говорил, что ему будет больно отдавать души и разлучать их с теми людьми, с которыми они подружились в его мире. Мы с Архатом только посмеялись: светлые души всем нужны.

* * *

Котёнок создал несколько космических кораблей, чтобы мы могли летать по космосу и не зависеть от более развитых планет. Его мир стал большим производственным участком.

Он установил жёсткий порядок, всех, кто нарушали, отправляли на поверхность, жить обычной жизнью.

После космических кораблей он наконец-то смог приняться за компьютеры. Это было очень важное дело. И в пространстве Котёнка, и в моём пространстве мы хотели внедрить стратегические онлайн-игры для всех желающих.

На первом этапе внедрялась только одна игра, в которой желающие могли быть фермерами и обустраивать свою ферму, а другие могли быть властителями, которые собирали проценты с ферм и воевали друг с другом на собранные деньги. Задача затеи была в том, чтобы дать всем желающим побыть управляющим и получить намного больше жизненного опыта за то же время жизни.

Наши люди увлеклись игрой очень глубоко.

Глава 36

Войны и ереси

Я всё не терял надежду получить хоть одного человека, прошедшего Преображение. Но такие люди не появлялись. Первое время даже набожные люди были увлечены величием происходящего, распространением религии и собственной активной ролью. Задумываться о философских глубинах и мотивации поведения было некогда.

Как и в других мирах, где существовала религия Спасителя, проповедники приняли для широкого распространения не идею о том, что религия позволяет достичь совершенства во всех областях, а идею о том, что верные приверженцы получают Спасение от Бога. Что такое спасение, никто не уточнял, но никто об этом и не спрашивал. Зато звучало загадочно и торжественно. В комплекте с требованием жить ради любви и отказа от гордости народ принимал с радостью.

Потом, когда религия Бога-из-Огня стала господствующей и верхи общества принялись с её помощью выбивать из людей повышенные налоги для «защиты особо праведного государства», а особенно когда начались религиозные войны, думать стало ещё тяжелее. Люди предпочитали думать о том, как бы наказать грабящих их начальников или как сделать так, чтобы их не грабили. А чаще о том, как выжить.

Многие люди по всему миру открыли для себя, что идея жить любовью и заботой обо всех и всём окружающем даёт намного больше сил для жизни, чем идея ослепить всех своим блеском. Многие открыли для себя радость преданности Богу в противовес болезненному эгоизму. Но не более того.

Агар, с которым мы так мило беседовали вскоре после казни в комнате у моей мамочки, после гибели в земле рогатых попросился на новый континент, который рогатые осваивали втайне от людей. Сказал, что хочет там стать праведником и что надеется, что там, в менее конфликтных условиях, это будет более вероятно. После мученической смерти ему хотелось отдохнуть, и я без возражений предоставил ему эту жизнь.

Из него действительно получился праведник, который с детства рисовал только храмы и мог думать только о Боге. Когда подрос, стал священником. Местные его очень уважали. Агар успокоился и почувствовал себя на месте, решил, что это хороший образ жизни — рассказывать людям о праведности. Этим он и занимался до смерти, никаких внутренних конфликтов, никаких вопросов. После смерти он сильно плакал, говорил, что за всю жизнь не продвинулся нисколько по сравнению с достигнутым уровнем. Попросился в конфликтную обстановку.

Я отправил его в государство на континенте Владыки Подземного Сияния, в государство, которое патронировала Пшижуша. Агар клялся, что будет с детства думать о правде и изменит ту религию поклонения низшим энергиям, которую ввела Пшижуша, на что-нибудь более приличное. Вместе с ним я отправил в новую жизнь и подругу, которую он завёл, будучи рогатым священником.

Агар действительно много думал с детства о правде и красоте. Те легенды о людях, которые добились высокого уровня развития и потому пребывают в постоянном счастье, которые он слышал в детстве, ему не нравились. Дети вокруг издевались и дрались, взрослые жили недружно, и ему захотелось сказать о том, что в жизни должно быть больше правды и красоты. Он начал петь песни, в которых высмеивал разные недостатки. А поскольку в

предыдущих жизнях он кое-что понял о сдержанности и смирении, песни получились красивые. Потом он нашёл любовь своей жизни, точнее, любовь нескольких жизней, и оставшуюся часть жизни пел о ней. Народ был в восторге и от первых песен, и от вторых. Агара чуть на руках не носили, а иногда и носили.

Агар благополучно и очень счастливо добрался до смерти, а затем опять долго плакал, что ничего не изменил в религии и сам не особо изменился. Я ему сказал, что именно в таком качестве он мне и нужен, и послал петь песни в ССПЛ. Этому государству была нужна лидирующая культура.

Исихния был моим самым верным приверженцем в период жизни на поверхности. Все думали, что он мой ближайший ученик. Когда мои ученики подрались, кто будет какие места занимать в том государстве, правителем которого они собирались меня сделать, пост первого министра даже не обсуждался — все были уверены, что он достанется Исихнии.

И бесы тоже так думали. Поэтому на парня обрушилось самое большое количество пакостей, которые бесы только могли изобрести. Непрерывными внушениями они свели с ума его жену, из-за чего та принялась сначала скандалить по пустякам, а затем избивать детей до полного нежелания жить. Исихния был вынужден выгнать любимую жену. С детьми всё было ещё хуже: девочке внушали постоянные кошмары, из-за чего та стала почти недееспособным человеком. Этому немало способствовал испытанный в детстве стресс из-за постоянных нападений мамы. Она не могла спать без света даже во взрослом возрасте. Сыну надавили в тонкий момент на сексуальное желание, из-за чего он взял силой девочку соседей, которую лучше было не брать. Отец заплатить выкуп не смог, из-за чего сына надолго посадили в тюрьму (дело было в цивилизованном месте, и его даже не убили).

Сам Исихния продолжал переезжать с места на место и проповедовать, именно его трудами появилась церковь в Южном государстве. Но задумываться в этой жизни он ни о чём не стал, ему нравилось ходить и рассказывать, что бог воскрес. После смерти его пришлось немного лечить от отчаяния.

В следующей жизни он был проповедником на севере, в ССПЛ. И опять бесы сделали его центром своего внимания, устроили ему огромное количество кошмарных снов в детстве и развратных снов в подростковом возрасте. Из-за такого давления парень немного повредился и в зрелом возрасте концентрировался больше на идее преданности Богу до последнего, чем на мыслях о совершенстве. Он стал аскетом и постником, подолгу голодал и отказывал себе во всём. На Преображение он не вышел.

Пришлось в новой жизни устроить его в кораблестроители к рогатым людям. Там он с детства проникся величию идеи построения праведного государства рогатых людей на новом континенте, для чего было нужно много кораблей. Вся энергия ушла в преданность своему народу и в освоение мастерства. В этой жизни он освоил радость видеть подробности дела, радость спокойного освоения мастерства. Благодаря его стараниям на кораблях появился четвёртый ряд парусов. До этого большинство кораблей имели на мачтах чаще всего по два паруса, иногда по три.

После смерти Исихния долго плакал из-за того, что совсем не продвинулся в области духовного совершенства. Я его утешил, сказал, что всё идёт так, как должно идти, и устроил работать моим посланником. Исихния родился в семье людей в нашем облачном пространстве, с памятью последней жизни. Когда он подрос и изучил основы, я дал ему некоторые божественные возможности для того, чтобы он мог летать по всей планете. Исихния рос медленно, но устойчиво. После работы кораблестроителем он научился радости

освоения умений и наук, как прикладных, так и духовных. Поэтому Исихния рос в нашем мире очень быстро, даже не осознавая этого. Я надеялся, что через двести — триста лет его преобразование дойдёт до такого уровня, что он станет равен по силам и умениям локальным богам.

Реально моим лучшим учеником на поверхности был Марти. Он всегда был мрачным, большую часть времени молчал, а когда открывал рот, отзывался очень скептически обо всём, в том числе и о том, что говорил я. Несмотря на внешнее неприятие всего и вся, парень очень глубоко и серьёзно думал и много чего понял. После казни он недолго проработал проповедником в государстве Самоначи, а затем ушёл проповедовать в ССПЛ. Он дошёл до земли рогатых людей, где и провел большую часть жизни. Погиб он в колонии Первостана, в той, что находилось южнее Восточного государства на бывших землях рогатых людей.

Как следствие его деятельности в колонии широко распространилось учение Бога-из-Огня. Когда власти Первостана слишком увлеклись работоторговлей и грабежом, в колонии выросло количество сторонников независимости. Религиозный фактор был немаловажным в решении об отделении. Колония объявила независимость и приняла название «Туария». «Туарами» в войсках Первостана называли рогатых людей. Рогатые люди на севере ССПЛ при этом известии долго веселились. Они свои земли так не называли.

Государство Первостана в Туарии было объявлено порочным государством.

Власти Первостана подумали наказать колонию, но они были очень заняты войной с южным государством. Боевые действия в джунглях шли тяжело, хозяйства превратились в набор жадных эгоистичных рабовладельцев, и сил на дальние походы не нашлось. Но это произошло уже спустя сотни лет после гибели Марти.

Марти не успел пройти Преображение до конца, не принял полное беззлобие, но глубже всех остальных понял, что такое смирение. По этой причине я запустил для него хрустальный создатель тел, и через год Марти стал одним из моих посланников. Дел было много, бесы вовсю интриговали против учения, и надо было поддерживать людей на поверхности. Через пару сотен лет Марти заплакал и попросился в такую жизнь, где он смог бы пройти Преображение до конца.

Его можно было понять: многие мои ученики, намного более слабые, чем он, прошли уже по несколько жизней, в которых в конфликтных и опасных условиях сильно выросли и продвинулись к Преображению. А он оставался на прежнем уровне, как ему казалось. На самом деле в ходе работы и общения у него уходили последние страхи и приходил восторг от того, насколько великие и красивые дела творились перед ним. Но я вынужден был согласиться, что он имеет право попробовать себя в условиях жизни на поверхности.

Я отправил его в Туарию, как раз накануне отделения. В этой жизни Марти рос драчливым и весёлым парнем, который ничего не боялся, но всегда был за справедливость. По этой причине он пользовался огромной популярностью в среде подростков. Его отец, священник религии Бога-из-Огня, всячески боролся с драчливостью сына, с его стремлением наводить справедливость с помощью кулаков. Три ремня стёр о задницу сына, ничего не помогало.

Марти учился на священника, когда в колонии началось движение за отделение. Решающий момент наступил, когда друзья пришли звать кумира своего детства в организацию заговорщиков. Бесы собрались в большом количестве, чтобы надавить на честолюбие парня и внушить ему идею посвятить свою жизнь борьбе за независимость. Я самолично явился в комнатку, где проходило обсуждение, чтобы снять все внушения.

Незаметно для людей, разумеется. Вскоре я понял, что бесов слишком много, и позвал защищать парня всех, кто был свободен, а сам спустился в бесовские области, чтобы слегка отвлечь бесяра от строительства козней. Пока я вязал их в узлы, мои служебные боги наверху снимали с парня внушения.

Марти три раза отказывался от предложения друзей, говорил, что выбрал путь священника, а священники не сражаются. Друзья говорили, что знают его приверженность к идеалам честности и справедливости, и что новое государство будет совсем другим, что ему необходимы такие, как Марти. Говорили, что необходимо разработать законы и идеологию, систему воспитания, которая позволяла бы растить новых граждан с правильным отношением к жизни. Этим они его и взяли.

За оставшуюся жизнь Марти разработал множество хороших идей. Благодаря ему в Туарии было запрещено рабство, детей в школах запретили избивать, а число жён ограничились двумя. Друзья, ставшие ведущими политиками, протащили Марти в высокие посты в Церкви. Он очень активно работал всю жизнь, но на Преображение так и не вышел. Некогда было думать о полном беззлобии.

После смерти Марти очень огорчился, что так и не прошёл через принципиальный перелом, и попросил отправить его в такую жизнь, где будет больно и страшно, но можно будет вырасти. Вот только за прошедшее время у Марти очень сильно выросли и разумные, и образотворческие способности. В любой культуре он не смог бы стать никем, кроме как незлобным артистом, способным к созданию восхитительных сказок и песен.

Я пообещал парню, что выполню его просьбу, а сам отправил его в Первостан, в семью музыкантов. Парень, как и ожидалось, пел восхитительные песни и успешно выступал в театре. Женщины считали за радость поиметь его хоть раз в жизни. Кроме сотен мимолётных увлечений, у него было много жён. Денег тоже было огромное количество. А потом ему это всё надоело, он почувствовал, что задыхается в этих случаях и пирах. Он уехал в небольшую горную общину Бога-из-Огня, где принял обет нищенствования и отказа от гордости. Марти был первым, кто прошёл Преображение и дошёл до высших уровней познания собственного устройства и праведности. Где-то он стал даже мудрее, чем я.

Ух, сколько работы я на него навалил после возвращения! Для начала он помогал Ангеле гонять бесов в их заблокированных мирах. Потом я послал его вместе с Даком по планетам, от Аскериаллии, планеты роботов, до планеты Линдси. Ему полезно для развития кругозора.

Остальные ученики ещё долго барахтались в разных увлечениях и пристрастиях.

Сначала их были десятки, тех, кто просили в молитвах помочь им достичь Бога и высшего совершенства. Потом сотни. Потом тысячи. Мы честно создавали им такие ситуации, которые подталкивали их отказаться от всех страхов, от всех надежд, и выйти на полное беззлобие и полное беспристрастие. Отбивали бесов с их внушениями, посылали специальные сны. Потом их стало ещё больше. Но на полное беззлобие по-прежнему выходили единицы. Впрочем, нам хватало и единиц.

Вот тут я понял, что значит быть локальным богом. Быть локальным богом — это когда ты помнишь истории многих жизней каждого из тех людей, кто захотел перестать быть просто животным, и в каждой жизни с замиранием дыхания ждёшь, может, он наконец-то сделает самый важный шаг и откажется жить только страхами, примет счастье и свободу? И когда не удаётся, ждёшь его следующей жизни с интересом и азартом. И с большим интересом: кем он станет? Некоторые становятся восхитительными художниками,

мастерами слова или музыкантами, а другие склоняются к тонкому анализу сложных систем с просмотром дальних последствий. Заранее никогда предсказать невозможно.

* * *

Пшижуша оказалось намного умнее, чем я думал. Создавая своё государство с религией поклонения низшим удовольствиям, она поставила, оказывается, не на религиозных вождей, а на мирских правителей. Она подсуетились, чтобы самые светлые души из тех сереньких, что были ей доступны, оказывались в ролях правителей городов и всего государства. Им было достаточно знать, что их религия требует сдержанности и внимания к внутренним процессам. Сутью они почти не интересовались, предпочитая пиры и соревнования с охотами. Но их уверенность в том, что они наводят порядок ради того, чтобы некие правильные люди могли заниматься чем-то правильным, давала энергию жить и им, и всем действующим людям государства. Это не давало расслабляться и не позволяло распространяться коррупции. Даже поклонники тёмного культа, агенты соседнего демонического государства, вынуждены были работать в государственной машине относительно честно.

Поскольку первыми правителями были гигантские разумные змеи, государство назвали Змеелания. Последующих правителей назначал предыдущий правитель. При получении должности человек или змея теряли имя и начинали называться просто «правитель номер такой-то». Пятый правитель передал власть человеку. Шестым и седьмым правителями были люди, затем правили два змея.

Со временем власти стали замечать, что охотники и разведывательные партии, уходившие далеко на восток, просто исчезают. Первое время государство ничего не могло с этим поделать, надо было осваивать соседние земли, на дальние ресурсы не хватало. Но десятый правитель организовал крупную вооруженную экспедицию, в которой среди прочих шли разумные змеи.

Деятели восточного демонического государства, развратные и изнеженные, не решились сразу объявлять войну и решили притвориться дружественным государством. Разведчиков пустили в город и вынуждены были показать всё, что было в городе. Рабовладельцы надеялись впечатлить «диких невежд» роскошью, надеялись заставить их завидовать.

Восточное демоническое государство на континенте Владыки Подземного Сияния приняло самоназвание «Земля человечности» в пику Змеелании. На их сильно испорченном языке это звучало как «Кхалчи Нее». На момент создания ведущие люди нового государства очень гордились тем, что в отличии от западного государства, это государство живёт не ради каких-то заумных правил, а ради человеческих удовольствий. Змей здесь вообще за разумных существ не считали. Гигантских разумных змей с детства сажали на наркотики, а затем использовали как рабов. Когда у них совсем разрушалось сознание и они становились агрессивными, пускали на мясо. Как можно дружить со змеями, в Кхалчи Нее не понимали. И это при том, что в первое время в Змеелании человеческие дети спали внутри кольца, в которое сворачивались змеи. В небольших сёлах Змеелании до сих кое-где так поступали.

Власти Кхалчи Нее имели все основания надеяться, что разведчики Змеелании будут оглушены роскошью и вернуться в родное государства с большой долей зависти по

отношению к их миру. Ведь они торговали со многими государствами и везли оттуда ткани, красивую глиняную посуду, доспехи и даже металлическое оружие. В Змеелании традиционно ходили без одежды, а для защиты половых органов использовали скорлупу больших орехов, подвешенную на верёвочках. В качестве оружия в Змеелании использовали камни, ловко приделанные к деревянным палкам разной длины.

Разведчики Змеелании послушно восхитились, но после возвращения продемонстрировали, что люди из государства с неразвитыми технологиями не обязательно будут тупыми. Они срисовали корабли в гавани и отлично рассмотрели своих знакомых разведчиков в качестве рабов. Тех, которые ранее пропали в предыдущих путешествиях на запад.

Начальник разведчиков доложил Десятому Правителю, что восточные соседи, скорее всего, давно знали о существовании их государства, воровали людей для обращения в рабство и, скорее всего, имеют развитую агентуру. Они напару пораскинули мозгами и решили для начала построить корабли, чтобы посмотреть, кто живёт вокруг. Ещё они придумали несколько операций для искоренения агентуры.

Первые корабли Змеелании были не очень удачными, несколько из них разрушились на совсем небольшом расстоянии от порта. Как это ни странно, именно это позволило людям Змеелании узнать об окружающих землях.

Водные люди любили поболтать с потерпевшими кораблекрушения, даже подкармливали их по несколько дней. Водные люди плавали везде и подслушивали всех, поэтому в целом были в курсе кто где чем дышит. Но поговорить с человеком напрямую всегда более информативно, поэтому они болтали с моряками часто и с удовольствием. Потом, правда, вешали им на ноги камень с петлями, после чего с некоторым сожалением наблюдали, как их собеседник идёт на дно, размахивая руками. Тайну своего существования водные люди решили поддерживать очень жёстко.

Когда водные люди столкнулись с моряками Змеелании, они решили сделать исключение. Моряков Кхалчи Нее водные люди знали очень хорошо и мнение об их злобном рабовладельческом государстве создали вполне определённое. Когда водные люди поняли, что Змеелания будет противостоять этому безобразию, решили помочь. Морякам на словах рассказали, кто где живёт, какие государства где находятся и какие религии используют. После чего накормили, посадили в лодки и вернули к родным берегам, предварительно взяв обещание ничего не говорить про водных людей. Всем было очевидно, что моряки, докладывая своим властям, не смогут умолчать о том, откуда взяли сведения, но водные люди решили не заморачиваться данным фактом.

Власти Змеелании сделали правильные выводы, после чего любой корабль, отходя от берега на то расстояние, на котором водные люди подобрали моряков, оставлял в море запас инструментов, еды долгого хранения и строительной древесины. Водные люди в свою очередь оценили подарочки и передали всем своим, что терпящих бедствие мореходов Змеелании не надо топить.

За короткое время корабли Змеелании посетили и Самоначи, и Первостан, и Туарию, и ССПЛ, и даже континент рогатых людей. Отовсюду они везли железо и оружие. И, конечно, все технологии, которые могли подсмотреть.

Вместе с торговцами на земли Змеелании пришли проповедники учения Бога-из-Огня.

Через три года Десятый Правитель Змеелании объявил войну государству Кхалчи Нее. Агентура Кхалчи Нее устроила покушение на Десятого Правителя. Сразу убить его не

удалось, но через несколько дней он умер от ран. Далее войну вёл Одиннадцатый правитель.

Гигантским змеям в красках расписали, как люди во враждебном государстве обращаются с их собратьями. Гигантские змеи, обычно дружелюбные, пошли на войну все. С такими бронированными боевыми машинами армия Змеелании завоевала Кхалчи Нее играючи. И вот тут начались главные проблемы. Устраивать геноцид в покорённом городе никто не собирался, при этом люди в Кхалчи Нее были почти все морально разрушены. От них к чиновникам и армии Змеелании пошли порочные обычаи и демоническая религия. Власти Змеелании попытались бороться с моральным разложением террором и, как это всегда бывает в таких случаях, получили только обратный эффект.

Проповедники учения Бога-из-Огня подсуетились и сказали, что у Змеелании ничего не получится, так как у них у самих религия с изъясном, с поклонением приятным ощущениям вместо правды. Предложили внедрять в покорённом государстве религию Бога-из-Огня. Власти Змеелании ещё немного подёргались и приняли предложение.

Народ Кхалчи Нее учение Бога-из-Огня принял. Как и в любом народе, здоровых людей и подлецов там было примерно столько же, как и в других народах. И как раз порочное прошлое придало горячности и решительности. Моряки и торговцы этого небольшого государства оказались настолько преданными друг другу, настолько быстрыми и отважными, что вскоре они заняли множество торговых путей. Кхалчи Нее стало очень богатым местом.

Но старая религия не ушла насовсем. Идеология утончённой жестокости и мучительства в комплекте с технологиями удовольствий от перевозбуждения низших энергетических центров ушла в преступность. Её поклонники создали гремучую смесь из религии и грабежа, в этой системе полагалось убивать людей методом удушения ради получения их денег и вознесения душ убитых людей в лучшее место. Это безобразие стало проникать сначала в Змееланию, а затем по всем остальным землям.

Учение Бога-из-Огня, укоренившись в Кхалчи Нее, начало понемногу переходить и в Змееланию. Не в последней степени этому способствовало то, что Кхалчи Нее было богаче Змеелании за счёт торговли. Закончилось это тем, что Шестнадцатый Правитель объявил учение Бога-из-Огня основным учением объединённого государства Змеелания и Кхалчи Нее.

При этом и старая религия Змеелании не исчезла. Она не ушла в преступность, как в Кхалчи Нее, но осталась как тайное знание среди религиозных деятелей и разного рода сект искателей духовности.

Властям Змеелании пришлось вводить инквизицию, чтобы не допустить разрастания тёмных культов. В ответ на это сторонники старых религий стали переселяться в другие страны, куда могли убежать. На новом месте они знакомили местных со своими умениями. Гордецов, которые не хотели выходить на Преображение, но которым хотелось что-то знать об информационной сути человека и получать удовольствия от низших энергетических центров, оказалось достаточно много. Обе религии континента Владыки — и низших приятных ощущений, и демоническая утончённой жестокости с культом смерти — обе стали распространяться.

Несмотря на то, что в Змеелании и в Кхалчи Нее учение Бога-из-Огня появилось позже люди его приняли более искренне, им было понятно, зачем оно нужно и почему без него никак.

Как-то раз я спросил Пшижушу, ожидала ли она такого поворота событий. Пшижуша

сказала, что конечно же именно это она и планировала. Что я прожужжал им все уши идеей полного беззлобия ещё до того, как ушёл на поверхность изображать Спасителя. Пшижуша было очевидно, что новое учение вынесет всё, что было создано до него, поэтому она взяла континент не для того, чтобы построить там государство мечты, а для того, чтобы подготовить живших там разумных существ к государственности и внедрению учения Спасения.

— А ты умница, хорошо задумала, — похвалил я бывшую жучиху. А затем с удовлетворением наблюдал, как Пшижуша двое суток каталась в судорогах от восторгов. Редко я своих хвалю, никакого иммунитета к моим похвалам. Надо почаще хвалить, может, не будут так остро реагировать.

* * *

После появления учения Бога-из-Огня события понеслись, опережая друг друга.

Государства сталкивались и рассыпались. Одна ересь вытесняла другую ересь. Люди, не желая идти до конца, придумывали разные упрощённые варианты религии. Потом эти упрощения делали их мир недееспособным, и их государства распадались, чтобы вызвать к жизни ещё более перепуганные за выживание и скреплённые истерикой и шовинизмом государственные образования.

Очень у немногих людей получалось понять, что это всё бульканье бродящего теста в кадке и что лучше отойти в сторону, чтобы не мешать тесту лопаться пузырями, что лучше заниматься самым важным делом — совершенством собственного устройства. Остальные увлекались поверхностными учениями или клали жизни на поддержку своих государств.

* * *

Традиция работорговли постепенно переползла из Первостана в ССПЛ. Рабов в ССПЛ было немного, в основном только в портовых городах, но были. После распространения огненного учения люди решили, что заставлять рабов трудиться под страхом боли как-то неправильно, и стали думать, как бы сделать так, чтобы предоставить им свободу, но и деньги не потерять. В итоге части стали платить деньги и дали выкупиться на волю, а в сельских районах придумали сажать на землю за часть произведенного, чем придумали феодализм. В Первостане посмотрели, как хорошо работают бывшие рабы в ССПЛ, и собезьянничали — посадили на землю всех своих рабов. Правда, чтобы им жизнь медом сразу не показалась, приписали к определённым общинам, которые в свою очередь были приписаны к землям определённого владельца земли. Чисто заодно заставили всех рабов принять религию Бога-из-Огня, предполагая, что она сделает крепостных более послушными.

В Восточном государстве и в Туарии рабство существовало, но не было так широко распространено, как в Первостане. В рабы попадали те, кому не хватало мозгов прокормить себя самому, или те, кто вынужден был продать себя в рабство из-за того, что проиграли все деньги в азартные игры.

В Туарии рабство вообще было только в форме государственного рабства: рабы

считались общенародной собственностью и делали то, на что их организовывали государственные чиновники. Поскольку работники из них были аховые, у государственных чиновников была постоянная головная боль, куда бы их пристроить. Они бегали по всем предпринимателям и купцам и умоляли их принять рабов хоть на какую-нибудь работу, хотя бы за плату по стоимости еды. Часто пристраивать не удавалось, и тогда деньги на выживание рабов приходилось платить государству. Чтобы они не простаивали, их заставляли убирать города или вырубать из камня какие-нибудь украшения.

В Восточном государстве основным рабовладельцем тоже было государство, но можно было владеть рабами и частным лицам. Держать их было невыгодно, так как свободные работники были куда дееспособные, поэтому никто на эту тему не заморачивался. Когда священники по примеру ССПЛ стали требовать освобождения рабов, им просто сказали не дурить.

Центральное государство дезертиров и разбойников после принятия демонической религии — пародии на учение Бога-из-Огня — разрослось и укрепилось. Они приняли самоназвание «Сердце Поднебесной». Вскоре им удалось прорваться на юге к морю. Ранее там находились только редкие поселения Первостана, которые граничили с поселениями Восточного государства. Теперь на месте редких поселений разбойники организовали многолюдный город с верфью. На севере поселения ССПЛ поначалу намного меньше испытывали давление Сердца Поднебесной. Но потом войска разбойников уткнулись на западе в крепости Первостана, на востоке — в укрепленные горные перевалы, на которые Восточное государство стянуло почти все войска. Рабов стало воровать негде, и они пошли на север. На севере в этих местностях людей было немного, основное население ССПЛ концентрировалось на востоке, в землях рогатых, и на западе, вокруг городов с развитой торговлей и кораблестроением. По этой причине «сердечникам» удалось пробиться к морю и на севере, отжать войска ССПЛ к восточным и к западным городам.

Государство разбойников заняло огромные земли от моря и до моря. Военные победы определялись тем, что каждый мужчина «сердечников» был одновременно и воином — кавалеристом. Они не чурались земледелия, но весь урожай не хранили каждый сам у себя, а складывали на государственные склады. В этом году подразделение могло пахать в одном месте, а через пару лет поднять земли за несколько сотен вёрст. При этом зерно производилось в намного больше количестве, чем было необходимо, что позволяло властям создавать огромные запасы продовольствия, позволявшие вести долгие военные кампании. В отличие от них, селяне ССПЛ и Восточного государства жили осёдло, были привязаны к своим домам и землям. Воинами были очень немногие профессионалы, остальные на войну могли ходить только зимой. Кроме того, в государствах ССПЛ и Восточном много собранных налогов уходило на роскошь и каменное строительство. У разбойников налогов не было вообще. Наоборот, государство снабжало воинов изделиями рабов и продовольствием. Это позволяло «сердечникам» создавать большое численное преимущество кавалерии при вторжениях. Их соперники могли выставить только пехоту.

В западной части ССПЛ позавидовали тому, насколько фанатичными и успешными были войска «сердечников». Опросив пленных, религиозные вожди подумали, что зря они говорят своим людям о множественности жизней. В их писаниях об этом ничего не говорилось, так как на момент создания религии все были убеждены, что люди живут много жизней, об этом помнили начиная с первых дней мира. Религиозные вожди решили, что если говорить людям, что у них только одна жизнь, и запугивать наказанием от Бога, то

можно намного эффективнее заставить людей вести себя по заповедям и стремиться погибнуть ради защиты религии. В таком духе они решили воспитывать свой народ.

Как и следовало ожидать, ничего, кроме истерических попыток достичь спасения единым волевым деянием, они в ответ не получили. Если раньше люди могли устойчиво и безмятежно заниматься своим делом, то теперь они стали бояться, что не успеют стать полностью богоугодными до конца жизни, стали нервничать и психовать, из-за чего значительный процент людей просто спился, а остальные не могли понять, что делать, и потеряли способность к неторопливому освоению совершенства. Но на войну — да, на войну они стали ходить с радостью, поскольку можно было погибнуть и наконец-то освободиться от этих раздирающих сомнений.

В восточной части ССПЛ, где людей было лишь чуть больше, чем рогатых людей, это нововведение отказались принимать и заявили, что отвержены старой религии. Власти западной части ССПЛ пригрозили войной, восточная часть заявила о независимости и приняла название «Земля Утренней Зари». Между этими двумя государствами находились «сердечники», которые научились строить корабли, так что все мечты западной части ССПЛ о карательной экспедиции тихо засохли.

Религиозные лидеры провозгласили взаимное проклятие и перестали общаться.

«Сердечники», узнав о таком подарке судьбы, удвоили наезды на государство Утренней Зари. Рогатые люди, посмотрев на такие повороты, решили сбежать на тайный континент к своим сородичам. Некоторое количество даже успело уплыть, но тут на новом континенте рогатых, в государстве, которое они называли «Земля Спасения», произошли свои изменения в религии. Причина была в совершенно диком поведении старого духовенства. На новом континенте государство скопировало способ организации, применявшийся в ССПЛ. Определенная площадь, отведённая под обработку, вручалась в наблюдение некоторому человеку, который должен был поставлять государству каждый год оговоренное количество продуктов, выращенных на этой земле. Этот человек, в свою очередь, искал подрядчиков — помещиков, которые находили земледельцев, желавших работать на этой земле. Первое время система работала, но люди очень часто переходили с земли на землю, так как постоянно осваивались новые районы совершенно пустого континента, один другого лучше. Чтобы хоть как-то наладить планирование и учёт, государство приняло закон о прикреплении работников к земле на пять лет.

Священники рогатых воспользовались этим законом, чтобы продавить через государственные структуры налог для церкви. На церковь было положено отдавать очень много, нереально много. Священники тут же заелись и стали тратить полученные средства не на благотворительность и не на помощь тем, кто остался без кормильца, а на роскошь. Освоение континента остановилось, зато в прибрежных городах расцвели разного рода мастерские, производящие роскошные товары. Всем, кто осмеливался говорить, что поведение церковников угрожает выживанию рогатого народа и тормозит развитие континента, тут же с угрозой говорили: «Ты что, против учения Спасителя? Это Спаситель привёл нас сюда, на изобильные земли, будь благодарен!». Тех, кто не замолкал, просто уничтожали.

Со временем помещики сообразили, что повышать налоги и обзаводиться роскошными вещами могут не только церковники, но и они тоже. Они дружно провели закон, по которому срок прикрепления к земле был увеличен до десяти лет. Освоение континента вообще остановилось. Мало того, из-за чрезмерных поборов помещиков и церковников во

многих местах земледельцы начали голодать. Поскольку уйти они не могли, не имели права, приходилось наблюдать, как дети умирают от голода. По стране прокатились восстания земледельцев. Помещики ответили тем, что стали строить укрепленные замки и обзаводиться доспехами и оружием. Некоторые стали нанимать охрану, что потребовало ещё больших поборов с земледельцев.

Народ потихоньку потёк обратно, в ССПЛ, где таких поборов не было. Это началось ещё до вторжения «сердечников».

За каких-нибудь сто пятьдесят лет церковники довели народ до полного неприятия своего роскошного образа жизни. В качестве шуки в царстве карасей я запустил в эту культуру одного из своих учеников времён благовестия на поверхности. У него была сильная тяга к справедливости и состраданию, но плоховато со смирением. Парень преисполнился сочувствия к ограбляемым земледельцам и стал думать, в чём причина нестроений. Долго думать не пришлось, полностью потерявшие берега священники были перед глазами.

Парень повторно изобрёл учение, согласно которому церковной иерархии быть не должно, а обязанности священников должны исполнять работающие люди. С этой идеей он стал ходить по городам и весям, агитировать всех переселяться на пустующие земли, чтобы затем вернуться в государство созревшими городами и общинами, но под условием, что никаких помещиков и церковников не будет, а люди будут платить налоги напрямую государству. Его последователей называли «безцерковники».

Религиозные власти Земли Спасения прекрасно знали церковную историю, в том числе историю войн в Самоначи, и решили искоренить опасные идеи как можно быстрее и жёстче. Они принялись уничтожать безцерковников физически. Безцерковники ответили массовым бегством в пограничные районы и дальше, в неосвоенные земли. Они не стали разбредаться по наделам, а сразу организовали общины, которые одновременно были воинскими единицами. Их оказалось неожиданно много. Когда власти сообразили, что лишились половины земледельцев, они решили направить войска для того, чтобы вернуть селян силой.

Войска рогатых были прекрасно подготовлены и великолепно вооружены, инструкторов и мастеров в избытке привозили из автономии рогатых в ССПЛ. Инструктора имели обширный боевой опыт, полученный в жёстких схватках с «сердечниками». Вот только большинство этих войск составляли бывшие селяне, подавшиеся служить из-за того, что их разорили церковники и помещики. Некоторые отряды переходили на сторону общин целиком, за исключением офицеров. Кроме того, воины общин если и были вооружены похуже, зато были преисполнены решимости.

Офицеры Земли Спасения ожесточились и приказали вырезать несколько общин, оказавших особо упорное сопротивление. В ответ на это безцерковники создали централизованное военное управление и начали набеги на земли государства, вырезая священников и помещиков. Ещё он захватывали зерно и скот. Позже они стали сжигать урожай. Их было гораздо больше, чем воинов небольшой профессиональной армии государства. Они могли атаковать сразу во многих местах, и армейские отряды просто не успевали перехватывать всех диверсантов.

Власти Земли Спасения попытались провести несколько глубоких рейдов на земли восставших. Безцерковники ответили тем, что отвели всех земледельцев подальше от границы и создали отряды профессиональных воинов. Эти воины чаще всего не принимали бой с армией, зато очень эффективно проникали на территорию противника и уничтожали всё, что можно было сжечь и уничтожить. Безцерковники создали своё государство, чтобы

вести долгую, бесконечную войну.

Вскоре власти Земли Спасения осознали, что на половине их территорий вести сельское хозяйство невозможно и что им придётся строить дорогие глубокие полосы укреплений, а также тратиться на большую армию.

Именно в это время «сердечники» разрезали территорию ССПЛ, а восточная часть объявила о независимости. Некоторые рогатые люди попытались переехать в Землю Спасения, но, посмотрев на то, что здесь творится, вернулись обратно. Через некоторое время власти Земли Утренней Зари установили отношения с государством безцерковников. Власти Земли Спасения выразили протест, но их успешно проигнорировали. В результате получилось так, что государство безцерковников отрезало государство Земли Спасения, расположенное на большом полуострове, от всех остальных земель континента. Некоторое количество рогатых людей переехало в земли безцерковников. Некоторые фанатики из числа особо озлобленных ветеранов безцерковников попробовали потребовать от переселенцев отказаться от их церквей и от иерархии. Переселенцы отказались. После некоторых трений власти безцерковников решили, что церковь, пришедшая из Земли Утренней Зари — это другая церковь, не та, что в государстве Земли Спасения, и запретили её обижать. Да и физически это было сложно сделать, так как переселенцы высадились на восточной части материка, а государство безцерковников располагалось на западной части континента, лишь чуть восточнее государства Земли Спасения. Связь поддерживалась только по морю.

Через два десятка лет государства рогатых вынуждены были заключить мир.

Я подсуетился и направил в Землю Спасения одного из учеников, который находился близко к выходу на Преображение. Он родился в семье священников и получил религиозное образование. Изучив историю Церкви, особенно историю своей страны, он пришёл в ужас и ушёл в отшельники. Там он заметно продвинулся по пути обретения мудрости, завоевал уважение своих соотечественников. Его упростили написать несколько богословских трудов. В этих трудах он описал кое-какие понимания о том, что такое смирение и мягкость, а также какие явления ожесточения в государстве лучше не допускать.

Власти имели мудрость прислушаться к некоторым словам праведника и приняли ряд новых законов, ограничивших роскошь и злоупотребления. Налог на церковь и долю помещиков уменьшили. Хозяйство и внутренняя стабильность государства начали налаживаться.

Глава 37

Промышленная революция

Народ в Самоначи после войны жил очень бедно. При этом все помнили, что когда-то они были мощным государством, которое торговало по всему миру. На базе этого недовольства власти сумели собрать народ под идею снова сделать своё государство великим, снова торговать по всему миру и сделать свой народ и своё государство самым богатым. Очень кстати подоспело изобретение ветряных лесопилок. Ветряные мельницы были здесь известны и ранее, но никто как-то не додумался пристроить их к лесопилкам. А потом выяснилось, что можно построить флот намного быстрее и дешевле, чем вручную. Вскоре корабли Самоначи появились во всех торговых портах. Первое время они действительно сильно разбогатели, перевозя с континента на континент экзотические травы, продукты, пряности и животных. И, конечно, свои ткани. Правда, к этому времени ручные ткацкие станки научились делать почти везде по всему миру, так что этот товар большой прибыли не давал.

Первые успехи вскружили голову и властям, и народу. Не сговариваясь, они решили, что ради богатства и преуспевания своего народа с другими народами можно делать что угодно. Так они занялись не только торговлей, но и пиратством, и захватом рабов в прибрежных селениях. И тут они столкнулись с выходцами с пиратских островов.

Пиратские острова первое время жили за счёт набегов на торговые линии, идущие мимо Первостана или в Первостан. Потом, когда на островах появился демонический вариант учения Бога-из-Огня, власти нарождающегося государства, принявшего название Океания, решили, что площади островов им не хватит и что надо бы приискать земли где-нибудь ещё. Ещё они весьма мудро сообразили, что одним пиратством не проживёшь и что надо развивать все остальные отрасли хозяйства. Ради этого они разослали во все стороны экспедиции, чтобы посмотреть, кто какие растения как выращивает и вообще кто чем живёт.

Посланные на запад экспедиции пиратского государства нашли пустующий после ухода землян континент. Он находился далековато от основных обитаемых земель, но выбора не было. Пираты начали заселять его захваченными рабами и организовывать полноценное хозяйство — от земледелия до промыслов всех видов. Мало того, они пообещали рабам освобождение после семи лет работы. Домой рабам возвращаться не разрешали, но они действительно становились свободными людьми и, как правило, продолжали заниматься той же деятельностью, которой занимались в качестве рабов. Власти пиратского государства сумели подсмотреть в других государствах лучшие законы, внедрили их и на своих островах, и на новом континенте. В итоге они получили стабильное государство, которое росло и богатело, пока все остальные воевали. А потом власти решили, что пора выйти на торговые пути всего мира. Так корабли Океании нашли все существующие государства, в том числе Змееланию, Сердце Поднебесной и Землю Спасения.

Познакомившись с религией Сердца Поднебесной, океанцы были неприятно удивлены тем, что у кого-то есть такая же религия, как у них. До сих пор они считали себя единственными правильными людьми в окружении варварских государств с неправильными религиями. Потом они всё-таки спелись и решили, что помогать друг другу лучше, чем враждовать. Тем более, что враждовать было не за что, а союз сулил большие возможности.

Первым делом Океания решила выбить со всех торговых путей торговцев Самоначи. Тут

они столкнулись с тем, что Самоначи строили корабли намного быстрее и дешевле. Океанию спасло только то, что у них на новом континенте было больше близко расположенных к морю лесов с хорошей древесиной. В Самоначи после столетий активной вырубki запасы древесины поистощились. В итоге Океания вытеснила Самоначи с торговых путей, ведущих в Первостан, Сердце Поднебесной и Землю Утренней Зари. Самоначи плавали восточнее, торгуя со всеми остальными.

* * *

С появлением религии Бога-из-Огня некоторые люди с особо большой фантазией сообразили, что можно поклоняться не только богу, но и его врагу. Появились первые тайные секты поклонения Врагу. Кто-то хотел тайного знания, кто-то хотел считать себя лучше других и служить только своей гордости, кто-то хотел магии, кто-то были настолько увлечены упоением образом Всесокрушающей Силы, что видели её проявление только в образе Врага и любили его нежно и искренне. Все эти контингенты спелись в трогательном единстве.

Бесам руководить этой компанией мы не дали, играли их сами. Иногда им устраивали внушения и передавали нужную информацию, чтобы они думали, что бесовские силы заботятся о них. Когда они пытались заниматься магией и поручали «подчинённым демонам» убить кого-нибудь, мы приходили к этим людям и предлагали им пойти в другой мир или в другую жизнь, где им будет гораздо лучше. И людям в новой жизни действительно становилось намного лучше, а их смерть ложилась кармой на магов. Правда, узнавали они об этом только после смерти, а до этого думали, что это они устроили смерть адресата.

Мы позволяли поклонникам Врага устраивать политические игры и привлекать в свои ряды представителей начальства, но жёстко это всё контролировали. Чуть позже мы дали и бесам работать с этой публикой, но в строго заданных рамках, тогда, когда бесы хотели устроить мелкие пакости и страдания тем, кто и так их вызвал своими глупыми действиями.

* * *

После первых столетий войн и больших перемещений начались неизбежные процессы духовного разложения.

Для того, чтобы любая религия или любое учение могло удерживаться в мире людей, в ней должно быть что-то, что привлекает животную часть природы и даёт сильное удовольствие. Совсем грубые секты и примитивные религии для этого разрешают массовые сексуальные оргии. Социальные религии, о которых нам рассказывали на курсах богов, привлекают обещанием того, что все проблемы будут решены единым волевым решением — например, дадим власть пролетариату, или установим выборную власть, и все проблемы как-то решатся сами, рынок всё отрегулирует и всё будет хорошо, и мучительно думать о сути происходящего не надо будет. Когда бесы внедряли испорченный вариант огненной религии, они заложили в неё лезвие в духе «вы одни избранный Богом народ» и упоение Всесокрушающей Силой в виде бога, который всех может наказать или дать вечное удовольствие. Плюс, конечно, обещание решить все проблемы единым волевым решением —

признал бога, и ты среди спасённых.

Когда я играл роль Спасителя, я тоже заложил в учение множество «подсластителей» и «завлекалочек». Там была лесть в духе «кто принял учение — тот входит в избранный народ Божий», было обещание возможности решить все проблемы одним волевым решением, причём очень хитрое. Я говорил: «Мы легко и просто решим все проблемы, поскольку не будем использовать упрощённые решения». Одновременно и обещание единого волевого решения, и установка на отказ от упрощённости. Я очень гордился, когда придумал такой ход. Среди прочих прелестей было обычное обещание спасения тем, кто уверует. Обещалось также, что тем, кто будет обижен окружающими за принадлежность к религии, будут особые милости. Обещалось, что те, кому верующие простят обиды, будут наказаны Богом через систему кармы во много раз сильнее, чем могли бы наказать обиженные люди.

Подсластители хорошо работают только в том случае, если хотя бы иногда появляются те, кто принимают полное беззлобие с правилом правой и левой щеки, если эти люди могут объяснить всем остальным, что суть религии не в правилах, а в превращении в разумное существо качественно более высокого уровня. Если таких людей нет, то все подсластители из подпорок религии со временем превращаются в противоположность, они превращают учение в демоническую религию.

Упоение исключительностью превращается в изоляционизм либо в преследования тех, кто не принял религию хотя бы формально, а потом и в преследования тех, кто не принял религию с той долей фанатизма, которая кажется преследователям правильной. Упоение мечтой о спасении превращается в отказ от разумности, в преследование тех, кто пытается принести совершенство в окружающий мир, а не вымалывает прощения у Бога. Образ наказывающего бога превращается в упоение Всесокрушающей Силой, а это заставляет людей ожесточиться и терять способность к сочувствию и рассуждению. Привычка в любых проблемах искать способ решить их единым волевым решением приводит к тому, что люди теряют способность упорно и неторопливо осваивать любое мастерство, теряют способность видеть подробности и тонкости дел.

В государственном масштабе повреждения в духе приводят к истерии неосознанных страхов, к охоте на ведьм, хоть на каких-нибудь. Именно это и началось в наших государствах.

* * *

Первыми сгнили государства с демоническими религиями. Когда государство «Земля Утренней Зари» через сто лет обороны от набегов «сердечников» попробовало начать отвоёвывать захваченные ранее грабителями земли, то обнаружило, что войска противостоящей стороны очень слабые и сами разбегаются перед регулярной армией. Оказалось, что люди государства «Сердце Поднебесной» привыкли жить за счёт дешёвого труда рабов, в роскоши и безделье. Ещё его люди очень любили постоянные взаимные подсиживания и интриги, от уровня простых воинов и до самого верха. Это привело к постоянной войне разных кланов за власть.

В прежние времена воины — пахари Поднебесной создавали огромные запасы продовольствия на государственных складах. Пахали они по-прежнему, но вот только все запасы зерна высшие чиновники продавали для покупки предметов роскоши и подкупа

сторонников. В итоге была огромная армия просто растаяла, как дым. Рабы ненавидели воинов, воины ненавидели начальников, начальники ненавидели друг друга и правителя, которого регулярно выбирали из своей среды и так же регулярно свергали за грабёж. И только жрецы религии богатели и нагнетали ненависть ко всем окружающим народам, убеждая всех воевать для сокрушения неправильных еретиков. Жрецам было положено отстёгивать от любых доходов, и это был единственный закон, который исполнялся. Поскольку никаких средств против взаимной ненависти и грабежа у жрецов не было, гниение государства шло опережающими темпами.

Окружающие государства не понимали, что творится внутри Сердца Поднебесной, так как набеги на их границы шли с той же силой и частотой. Но только теперь это были не операции организованной армии, а предприятия отдельных удальцов. Наворовать на окраинах рабов было единственным способом хоть что-то заработать в жизни для простых воинов.

Когда войска Утренней Зари обнаружили этот факт, к вторжениям в Поднебесную присоединились все окружающие государства. Рабы тоже не сидели без восстаний. В итоге государство «сердечников» исчезло за несколько лет, а их земли были поделены.

Восстание рабов в южных портовых городах было настолько успешным, что на юге бывших земель Поднебесной образовалось отдельное небольшое государство, принявшее название «Халал». Хорошего в этом не было ничего, так как это восстание было организовано одним из властных кланов «сердечников» под руководством бесов.

Это был довольно своеобразный клан, в котором большинство членов принадлежали к жреческой касте. За несколько сотен лет господства они немного поумнели и поняли, что их религия с тупым «мы самые лучшие, потому что наш бог самый единый, а посмертная награда самая сладкая» обречено на вымирание из-за своей тупости. Это были активные люди, которые себя особенно не щадили. Они много путешествовали, изучали религии соседних государств, историю других континентов и сделали кое-какие выводы. Они поняли, что абсолютное большинство людей находится на уровне животных и думать о мотивации своих поступков никогда не будет. Такие люди в любой религии будут воспринимать только обряды и запреты. Потом они посмотрели на себя и задумались о том, почему они об этом думают. Они вынуждены были признать, что думают об этом потому, что им с детства было интересно, как навести порядок и как сделать государство стабильным.

Из этого факта они сделали вывод, во многом продиктованный бесами, что существуют особые люди, которым от Бога дано быть больше, чем животными, и что такие люди должны изживать в себе все животные проявления полностью, должны становиться умными, предусмотрительными и не допускать гнева и экономии на качестве, что свойственно животному сознанию. Такие продвинутые люди должны заботиться о людях — животных внимательно и безжалостно. Когда надо, размножать, а когда надо, вырезать. И всегда вырезать слабых и нежизнеспособных. Это понимание они выработали ещё до войны и организовали тайное религиозное общество «Мудрость и совершенство», которое в свою очередь организовало для внешнего потребления орден нищенствующих боголюбивых философов.

Орден нищенствующих философов рассказывал всем, что надо контролировать в себе животное и изживать греховные желания.

С этой идеей они пошли льстить всем ведущим людям южных городов. Когда они набрали нужное количество сподвижников, они принялись шептать на ушко всем рабам, что

на юге должно быть организовано государство свободных людей. На вопросы о том, почему это государство будет лучше, чем существующее, отвечали, что в новом государстве «философы» будут давать советы всем властям.

Когда окружающие государства начали разбирать государство «сердечников», члены ордена «Мудрость и совершенство» массово сбежали на юг и стали каркасом нового государства. Место они выбрали очень правильное. На юге пахотные земли были гораздо лучше, чем в средней части континента, а с востока и с запада горы и скалы позволяли удерживать границы. Власти Первостана, ССПЛ и Земли Утренней Зари не стали штурмовать новое государство, удовлетворившись тем, что оно враждебно «Сердцу Поднебесной».

Опираясь на Халал, члены ордена пошли по всем окружающим странам льстить всем людям во власти, что они продвинутые люди, которые должны пасти всех остальных, как скот. В Восточном государстве, в Туарии и в Земле Утренней Зари им ничего не улыбнулось, а вот в Первостане и в ССПЛ их призывы к личной борьбе с животными страстями ради славы единого Бога нашли множество сторонников. К этому моменту от религии что в Первостане, что в ССПЛ осталось только внешнее поклонение и соблюдение запретов и правил. Идея о том, что в себе можно и нужно что-то менять, была встречена как откровение, а элитарность идеи и шепот лукавых обольстителей и убеждение в том, что это умение простым людям — животным недоступно, грело самолюбие.

Чуть позже проповедники дошли и до континента Океании, где тоже нашли множество сторонников. Так центр агрессивного демонического единобожия и центр поклонения сместился в Халал.

Бывшим рабам, а ныне свободным труженикам в Халале объяснили, что работать надо много и хорошо, а главное — не отказываться платить за порядок и защиту местным святым людям в лице членов ордена нищенствующих философов, каждый из которых завёл свою школу духовной практики и боевых искусств, она же центр местной мафии. Государство получилось очень устойчивым, с тотальным подчинением ордену «Мудрость и Совершенство», существование которого официально не признавалось.

* * *

В бывшем пиратском государстве события развивались несколько иначе. Некоторые не самые крупные кланы решили заняться освоением западных земель тайного континента, захваченного Океанией, и нашли большие залежи и серебра, и золота. Их коллеги из восточных портовых городов затребовали себе слишком большой процент за экспорт. Западные кланы отказались. Они потихоньку разведали выходы к морю на севере и на юге. На юге местность была совсем непригодной для города и порта, а вот на севере была очень даже неплоха. Люди основали город с верфью, начали строить корабли и торговать серебром и золотом. Восточные кланы, выходцы из которых присутствовали во всех учреждениях власти, продавили решение о запрете торговли драгметаллами без государственной пошлины. Западные земли заявили о независимости и о создании государства «Золотой Союз» (это был союз нескольких областей). Восточные попытались собрать армию, но не смогли найти врага в западных лесах.

Оставшееся на восточном побережье колония чуть позже раскололась из-за

религиозного спора, который разгорелся из-за внутренней нелогичности демонической религии. Одна часть спорящих говорила, что можно думать о последствиях поступков и делать выводы. Вторая часть говорила, что огонь горит на кончике палки в костре только потому, что Богу было угодно поместить туда имитацию пламени для того, чтобы создать для людей доступный в ощущениях мир, чтобы люди росли и знали о славе Божьей. Соответственно, все идеи о том, что человек имеет право задумываться об улучшениях своих действий и их последствиях, в этой ветке религии отрицалось. Метрополия, до сих пор находившаяся на Пиратских Островах, приняла сторону фанатиков, второй части. Колония раскололась на два государства, которые немного повоевали друг с другом.

Та часть, в которой считалось, что человек имеет право думать о последствиях, приняла название «Земля Премудрости». Это государство занимало южные части бывшей колонии. Вторая часть осталась, как была, колонией Океании. Эти земли располагались на севере. Нюанс был в том, что корабли и оружие производили, в основном, в Земле Премудрости. Океания резко потеряла в людях и в кораблях. Теперь корабли из Первостана могли приходить на Пиратские Острова и брать, что считали нужным. А там после многих лет торговли было, что брать. Например, украденных и обращённых в рабство жителей Первостана.

Земле Премудрости со временем стало не хватать леса и ресурсов, и она устроила войну с Золотым Союзом. Все три рабовладельческих государства на континенте Океании оказались очень склонными к коррупции, роскоши и растлению. За очень небольшое время они превратились в ужасающее сборище небольшого количества сверхбогатых рабовладельцев, большой массы обозленных рабов и тоненькой прослойки свободных людей — бывших рядовых пиратов. Свободные люди работали, как правило, охранниками и надсмотрщиками над рабами. Очень немногие из них занялись промыслами.

Когда на континент торговцы завезли технологию получения повышенных удовольствий за счёт перевозбуждения низших энергетических центров — бывшую религию Змеелании — она оказалась очень востребованной. Сначала среди пресыщенных и ищущих особых удовольствий хозяйчиков, а затем и среди рабов. Закончилось это всё возникновением традиции массовых оргий. Официальные религиозные круги пытались бороться, пытались физически уничтожать носителей религиозных технологий, но не достигли ничего. Наиболее ретивых блюстителей законов задушили фанатики новых религий.

В итоге власти вынуждены были смириться с оргиями, но решили их ограничить тремя фестивалями в год. Во время фестивалей допускался секс кого угодно с кем угодно. А ещё через сотню лет появились религиозные деятели, которые утверждали, что систему желания секса дал людям Бог для размножения и удовольствия, поэтому запрещать какой-либо секс нельзя. Чтобы не потерять влияние на массы и доходы, официальная религия вынуждена была признать разрешение на секс. От религии осталось только уверенность в исключительности данного народа и в том, что их бог — самый единый бог. Чтобы рабы не бунтовали, их активно спаивали вином и другими спиртовыми напитками.

Повально больные половыми заболеваниями, ненавидящие всех и вся, погрязшие в стремлении к роскоши и развлечениям, жители континента и Океании потеряли какие-либо способности к войне и строительству. Их количество начало уменьшаться, и их начали вытеснять с торговых путей все, кому было не лень. Потом Первостан поднапрягся и начал войну за овладение Пиратскими Островами. Власти Океании не приняли боя и сбежали в колонию. Острова достались Первостану.

Когда на континенте появились проповедники из Халала, их учение было воспринято как долгожданная струя чистоты и праведности. Многие люди присоединились к «философам» только из-за отвращения к общему скотству.

Дела у остальных государств с «нормальными» религиями шли ненамного лучше. Люди приходили в церкви, спрашивали, как жить по правде, а им отвечали, что надо спастись, для чего необходимо отказаться от своего разума и непрерывно плакать о своих нарушениях заповедей, вымаливать прощение. Люди удивлялись и уходили с пониманием, что у этих церковников нет никакого понимания ни о правде, ни о совершенстве. Иногда заходили потом ради обрядов. Религиозным властям не понравилось, что люди заходят редко, и во многих странах были приняты законы, согласно которым люди не имели права пропустить больше, чем три воскресные службы. Где-то это были только церковные законы, а кое-где и государственные, за пропуск трёх служб полагалась смертная казнь. В практике казнь никогда не применялась, но после введения таких законов все сразу стали очень религиозными и службы больше не пропускали.

Впрочем, с деньгами для Церкви в большинстве мест потом решили проблему ещё проще: определённый процент от любого дохода должен был идти на Церковь. Необходимо заметить, что эти деньги тратились в основном не на роскошь священников, а на вполне утилитарные нужды: на содержание потерявших способность к заработку, на детские дома и даже на детские ремесленные, хоровые и танцевальные кружки. Правда, в этих кружках пели религиозные песни и изготавливали изделия для церквей, но дети развивались и приобретали мастерство.

Церкви стали частью культуры, запреты и заповеди очевидно помогали выживанию, но никаких средств для борьбы против коррупции, для объединения общества религия не давала. Возникший де-факто запрет на разумность привёл к тому, что никакие созидательные силы общества не могли собраться никак, объединяющей идеи не было. По этой причине все государства со всеми вариантами религии Бога-из-Огня после первых войн «посыпались». Люди с деньгами и с властью принялись закабалить и грабить народ, и никакого сопротивления они не встретили. Там, где уже созрели феодальные отношения, селян привязали к земле и запретили переходить, обложили огромными налогами и повинностями. Там, где люди формально оставались свободными, где сохранилась система издольщины, плату за работу снизили до минимума, до такого минимума, что работнику едва хватало на собственную еду, не говоря о еде для жены и детей.

От такой жизни народы принялись бунтовать и впадать во все тяжкие, спиваться и отказываться от жизни разными способами. Единственное место, где платили неплохо, где можно было что-то заработать, это была армия. Народ шел в армию, чтобы не умереть от голода. Это позволило государствам много и с удовольствием воевать друг с другом. Началась череда войн за земли и за торговые маршруты. Повоевали все со всеми.

В ССПЛ, а потом и в Первостане религиозные власти приняли украденную «сердечников» идею о том, что человек живёт только одну жизнь. Думали, что так будет легче запугивать людей Богом. В результате получили только большое количество людей, парализованных страхом и разрушающих свою жизнь от этого страха. Когда в ССПЛ поняли, что проигрывают Земле Утренней Зари, в которой люди жили и работали достаточно стабильно, решили устроить религиозную войну против «восточных еретиков». Полусумасшедших фанатиков, желающих погибнуть мученичеством из страха перед наказывающим богом, в ССПЛ было много. Кроме того, феодалы довели своих селян до

значительной нищеты, и возможность пограбить более зажиточную восточную страну привлекла многих. Армию удалось собрать очень большую.

В Земле Утренней Зари не дремали, к тому же там хватало своих бедняков, которые едва могли заработать на жизнь и охотно пошли в армию. Воевали долго и с удовольствием. Властные кланы Утренней Земли были не против получить дополнительные прибыли за создание дополнительного оружия. Итогом этой войны стало только разрушение хозяйства обеих стран. После заключения перемирия ССПЛ немного повоевало с Первостаном за обладание одним из северных пиратских островов.

Власти Самоначи после того, как Океания вытеснила их с торговых путей, решили, что рядом существует большой ресурс для обращения в рабов и продажи за рубеж. Они начали набеги на находящиеся к востоку от них государства бывшей империи ИСИС. Поначалу это были только отдельные банды, которые осуществляли набеги на прибрежные сёла. Потом этим занялись регулярные армии. Обоснованием служило то, что в Самоначи как бы правильная религия, а в Северном и Южном государствах ереси, которые признают в Спасителе только одну природу. Эти государства до сих пор периодически воевали друг с другом, поэтому угрозой для Самоначи не были. С кораблестроением и с торговлей у них тоже было плохо. Столкнувшись с шовинизмом Самоначи, эти государства перестали воевать и объединились против общего врага.

На новом континенте рогатых восточная колония с традиционной религией разрослась и укрепилась. Земли здесь были не очень плодородными, песчаная полупустыня не очень располагала к процветанию. Частично по этой причине безцерковники и оставили восточную колонию в покое. Позже выяснилось, что эти земли богаты разными ресурсами, от руд металлов до экзотических фруктов и орехов. Восточная колония начала превышать по численности государственное образование безцерковников, которые периодически вели войну с Землёй Спасения. Безцерковникам это не понравилось, и они решили прибрать все богатства восточной земли к рукам, расположить на востоке свои военные гарнизоны. Восточные города не препятствовали, войска встретили приветливо, считая их войсками своего государства. Но потом ведущие люди безцерковников пожадничали и решили переписать все предприятия и промыслы восточных людей на себя. Чтобы не было проблем с разными религиями, приказали закрыть церкви и всем стать безцерковниками. Всех священников традиционной церкви приказали изгнать из страны.

Оставшиеся без своей собственности хозяева начали собирать народ под идею противостояния безцерковникам и возвращения церквей и нормальных священников. Они встретили полное понимание среди народа, который был обижен поведением солдат. Солдаты считали восточных граждан такими же врагами, как людей из Земли Спасения, и не сдерживались в том, чтобы повторять это убеждение всем встречным, особенно в пьяном виде во время увольнительных в города.

Народ восточных городов послал запрос о помощи в Землю Утренней Зари, с обещанием присоединиться к государству. Властям Утренней Зари надо было куда-то сплавить воинов, оставшихся без дела после войны с ССПЛ, поэтому они прислали несколько кораблей с оружием и воинами. Жители восточных городов дружно восстали и выгнали войска безцерковников, после чего объявили о присоединении к Земле Утренней Зари. Власти из Земли Спасения заявили, что на этом континенте все земли принадлежат только им, и объявили войну Земле Утренней Зари. Безцерковники, не переставая воевать с Землёй Спасения, тоже объявили войну Земле Утренней Зари. Самоначи поставляли одежду

оружие и доспехи всем сторонам и очень обогатились на этом деле.

Воины из Земли Утренней Зари отжали войска безцерковников далеко на запад. Строго говоря, им для этого даже особых усилий прилагать не пришлось, воинов безцерковников было немного и они были далеко. Восточная колония рогатых получила очень хорошие земли континента, и эмиграция с севера пошла намного интенсивнее. Теперь ехали уже не только рогатые, но и обычные люди из Утренней Зари. На новых землях было намного теплее и урожаи были в разы больше.

На континенте Владыки Подземного Сияния, в Змеелании события развивались аналогично другим странам. Через пару сотен лет развития религии в столице Змеелании появился один талантливый парнишка, близко подошедший к Преображению, который изобрёл свою религию. Он решил, что если все страдания происходят от неудовлетворённых желаний, то надо отказаться от желаний и вообще от понятия себя как того, кто должен получать удовольствия. Наличие бога в этой религии не обсуждалось, эту идею предлагалось игнорировать. Несмотря на внешнюю экзотичность идеи, она имела большой успех. Во многом это определялось харизмой самого проповедника. Когда он слушал и отвечал, очень остро чувствовалось, что он не стремится никого прерывать и загружать своими знаниями. Это очень контрастировало с поведением официальных церковников, которые стремились возвестить истину и никого не слушали, отвечая не на те вопросы, которые были заданы, а на знакомые слова, замеченные в вопросе.

Успеху способствовало также и то, что при идее отказа от себя как получателя удовольствий сразу возникал страх и внутреннее сопротивление. Проповедники учили, что этот страх и есть суть проблемы, что именно этот страх и заставляет предпринимать такие действия, которые вредны для человека. Это давало хоть какое-то направление для внутреннего делания, в то время как официальные церковники требовали только внешнего поклонения и о внутреннем изменении не могли сказать ничего. Общины новой религии росли с огромной скоростью. Особенно полюбили новую религию гигантские разумные змеи. Они и так любили лежать и мечтать, а тут им предложили заниматься этим умышленно, с религиозной целью.

Власти после некоторого времени терпимости поняли, что доходы у Церкви падают критическим образом, и попытались уничтожить новую религию силой. Сторонники новой религии воевать не хотели, но и отказываться от неё не хотели. Уж слишком коррумпированным и бесцельным стал мир официальной Змеелании. Они собрались и дружно переселились в земли бывшего государства Кхалчи Нее. Сторонников официальной религии выгнали в Змееланию. Власти Змеелании подумали пойти войной на Кхалчи Нее, но тут выяснилось, что почти все змеи ушли с беглецами. Воевать против гигантских змей было страшно, и Змеелания предпочла договориться о границах.

* * *

На континенте Океании рабы, не желавшие становиться полными скотами, побежали в дикие земли, где создали свою религию. В этой религии считалось, что всё в этом мире создано врагом Бога, что необходимо научиться отказываться от всех даров этого мира, от всех удовольствий, от денег, от секса и даже от одежды. Со временем эта религия переползла обратно, в государства бывшей Океании. Оттуда эта религия, получившая

название «бессребреники», пошла гулять среди всех угнетённых людей всего мира.

* * *

Проблема с религиозным упадком несколько облегчилась после того, как один из моих учеников, подходящий к Преображению, воплотился в Туарии. Он ещё в молодости проникся красотой религии и ушёл в одну горную общину, живущую по строгим правилам первых поклонников Бога-из-Огня. Там он написал несколько трудов, в которых расписал, как это здорово, когда постепенно отказываешься от гнева и осваивает самоконтроль, когда любовь к Богу проходит через три стадии — сначала страх раба, который боится наказания, потом страх наёмника, который боится прервать получаемые доходы, и наконец страх сына, который боится чем-либо расстроить Отца. Этот парень, а потом дяденька любил жить отдельно от общины, чтобы не отвлекаться на болтовню и такие хозяйственные дела, без которых можно обойтись.

Его книги и его пример оказались очень востребованными, вслед за ним по всем государствам, поддерживавшим религию Бога-из-Огня, распространилась традиция монашества. Это значительно снизило уровень коррупции в государствах и сделало их намного устойчивее. Люди не столько поняли, сколько почувствовали, что религия — это не только про снятие налогов, но и про некоторую красоту.

Так эпоха религиозных войн и раздела территорий переползла в эпоху мануфактур. Не сразу, но понемногу народ сообразил, что объединение людей в мануфактуру, где каждый занят своим технологическим процессом, даёт большие выгоды по производительности труда. Первыми сообразили в Земле Утренней Зари. Им нужно было пошить большое количество военной формы во время войн с ССПЛ. У швей уже были простенькие швейные машинки. Одному из организаторов производства пришла идея сделать так, чтобы каждая швея делала только один свой шов. Производительность труда выросла в разы. И тут понеслось: идея была перенесена на всё, от производства оружия до строительства кораблей. Особенно идея пригодилась тогда, когда люди изобрели порох.

Залежей легкодоступных источников энергии на планете не было. Она была слишком молода для того, чтобы на ней образовались залежи угля или нефти, а до аккумуляторов или электрического тока ещё надо было додуматься. Кое-где применялись паровые машины на дровах, но они обходились очень дорого и большого развития не получили.

По причине нехватки энергии переход к индустриальному обществу был невозможен. Однако, благодаря мануфактурам люди стали жить намного комфортнее, одежда и транспорт стали намного доступнее. Там, где ранее бегали банды кочевников, пролегли дороги для конных дилижансов.

Меньше воевать люди не стали, наоборот, споры за ресурсы или за торговые линии обострились и приводили к жестоким столкновениям. Государства, в которых люди были лично свободными и могли работать на мануфактурах, без особых затруднений набили морду тем государствам, где задержались феодальные порядки с закрепощением селян, что тоже заняло небольшую эпоху.

Но в межвоенный период характер жизни несколько изменился. Теперь людей стало интересовать не просто выживание, а выживание приятное, комфортное, с большим количеством приятных вещей высокого качества. Увеличение производительности труда

также позволило существовать намного большему количеству непродуцирующих людей, в том числе актёрам и певцам. Регулярное потребление художественных зрелищ стало привычной частью жизни.

Распространение школьного образования и письменности, осёдлая жизнь людей привели к созданию государств с тоталитарной системой учёта всего и вся. Как это всегда бывает, система учёта стала самой важной системой общества. Без соответствующей справки о том, что ты заплатил все налоги или побывал на установленном количестве церковных служб невозможно было сделать ничего. Путаница в системе учёта и злоупотребления чиновников, которые вымогали деньги за каждое движение, быстро привела к тому, что человеческая жизнь стала невыносимой.

В некоторых странах даже была принята система военных поселений. В этих поселениях все мужчины считались солдатами. В мирное время их назначали на разные работы, от сельского хозяйства до работ на мануфактурах. Супругов назначали начальники, при этом использовалась система рейтингов. У кого было мало поощрительных баллов, тому и супругу назначали сварливую, с небольшим количеством баллов. Женщин заставляли рожать каждый год, за отказ рожать следовал штраф. Правда, в военных поселениях работали детские сады, кулинарные мастерские, постирочные и сушилки. Все процессы, которые можно было упорядочить — от стирки до приготовления еды — были поставлены на поток.

Народ военные поселения не любил.

Начались злоупотребления, обычные для мануфактурного дела. Рабочих принялись штрафовать за всё: за опоздание на работу, за сломанный инструмент, за невыполнение задания и за перевыполнение тоже. Большинство мануфактур располагалось в не очень населённых местах, около водопадов, лесных массивов или рудников. Владельцы мануфактур сообразили, что в отсутствие конкуренции можно вынуждать рабочих покупать все необходимые товары и продовольствие в собственных лавках, где цены были намного выше, чем в среднем. Некоторые даже значительную часть зарплаты платили талонами, которые можно было отоварить только в этих лавках.

В ужасе от того, во что превратились их государства как бы свободных людей с как бы праведной религией люди опять пошли в церкви, задавать вопросы о том, когда же станет хорошо. Церковники могли ответить им только одно: плачь и смирайся, власти лучше знают, что делают. Как следствие они получили со стороны народа большую и искреннюю ненависть.

Бесы подсутились и запустили на поверхность одного умника по фамилии Мракс. Если бы они этого не сделали, то пришлось бы делать нам. Умник изобрёл учение, согласно которому в каждом обществе всегда есть часть выгодоприобретателей, которая заинтересована в том, чтобы заставить остальную часть народа жить как можно беднее, для извлечения прибыли. Якобы эта часть общества принуждает народ к поддержанию такого образа жизни с помощью государства и религии. Вывод из учения делался вполне в духе бесов — надо повысить производительность труда, чтобы всё делали машины, а все деньги отменить и всех выгодоприобретателей убить. И религию тоже.

Теория мраксизма была использована для построения двух государств. Первым стало государство на континенте Океании. Это государство возникло из числа тех рабов, которые бежали из Океании, Земли Премудрости и Золотого Союза. Поначалу это были общины бессребреников, затем вокруг них сформировались селения из числа просто сбежавших

рабов. Они уважали бессребреников и признавали их ведущую роль. Постепенно эти общины объединились, выработали единое руководство и принялись активно осваивать западные земли континента. Бывшие государства Океании сидели на побережье, дорожили своими доходами и тратиться на экспедиции на запад не желали.

Затем произошло парадоксальное событие: во всех государствах Океании общины бессребреников стали основными держателями банков и капиталов. Объяснялось это просто: им можно было отдавать деньги на сохранение и в рост без страха, они деньги не расхищали.

Получилось, что общины бессребреников и нарождающееся государство бывших рабов связались и договорились о взаимной помощи. Когда на континент попала идеология мраксизма, бывшие беглые рабы решили, что пора объявить о создании нового государства с религией бессребреников и мраксистской идеологией. Большого успеха новое государство не достигло. Чиновники государства любили поболтать о том, что когда-нибудь производительность труда разовьётся настолько, что работать почти не надо будет, а сами пока всё производство свели к сельскому хозяйству, да и то организовали по примеру военных поселений. Единственной разницей с находящимися к востоку полуфеодальными — полурабовладельческими государствами была в том, что люди считались свободными и осенью можно было переходить из одного поселения в другое. Мастеров и специалистов среди беглых рабов не было, учиться чиновники и правители не хотели. В итоге никто ничего не умел и никто ни в чём не разбирался. Около верховной власти сложились свои кланы, которые устроили смертельную борьбу за власть.

Впрочем, даже так государство бессребреников казалась рабам соседних государств намного более приятным местом, чем их рабская жизнь. Там не били, намного лучше кормили и работать надо было намного меньше. Поэтому рабы продолжали бежать на запад.

Вторым государством, в котором решили построить жизнь на идее мраксизма, стало Южное государство на месте бывшей империи ИСИС. Людям в государстве было обидно, что их государство столетиями отстаёт от государства Самоначи из-за невменяемости руководства и господства церкви Бога-из-Огня. В этом государстве коррупция и бюрократическое ожесточение приняли наибольший размах. Большинство земледельцев были переведены на жизнь в военных поселениях. При этом власти активно шумели о том, что это государство должно быть самым лучшим и самым передовым, так как именно в нём укрепилась самая правильная версия религии Бога-из-Огня.

Революцию совершили представители торговых кланов и молодые люди, обучающиеся на священников или недавно закончившие обучение. Тем самым они полностью опровергли учение мраксизма, которое утверждало, что революцию должны совершить представители рабочих, но это никого не волновало. Революционеры надеялись, что с помощью новой идеологии можно будет сделать государство лидирующим и технически передовым. Во многом горячности революционеров способствовали детские обиды и ненависть к устоявшейся системе власти. Как правило, это были люди с повышенным чувством справедливости, которые с детства были измучены необходимостью учить огромные религиозные тексты и жестокими наказаниями за невыученные уроки. Во многом желание мести определялось тем, что в детстве люди мечтали о себе как о святых воинах, а когда они приходили в церковь и спрашивали, что делать, им отвечали нечто непонятное, и приходилось жить исключительно страхом перед государственной машиной и надеждой на мелкую карьеру в презренном и отстающем от всех государстве.

Ещё они все видели, что творится в военных поселениях и как их собственные родители вынуждены давать взятки, пресмыкаться и юлить, чтобы вписаться во все безумные требования бюрократической машины. В немалой степени притягательность революционной деятельности определялась памятью об истории древних как бы народных государств на континенте.

Революционеры всё сделали по правилам своей идеологии: объявили все предприятия народной собственностью, начали уничтожать церкви и священников. Военные поселения назвали коллективными сельскими хозяйствами и разрешили переходить из одного в другое. Принудительные свадьбы и штрафы за нерождение детей отменили. Внедрили всеобщее школьное образование и имитацию всеобщей медицины.

Первое время народ вздохнул, слишком жестокие законы измучили всех. Потом выяснилось, что по дороге к светлому будущему никто кормить не собирался. Революционеры тоже любили поговорить о том, как в светлом будущем всю работу будут делать машины, но сами почти ничего не умели. Все, кто что-то умели, слиняли либо в Первостан, либо в ССПЛ. (Государство Самоначи всех остальных людей рассматривало исключительно как рабов для своих мануфактур, а Северное государство считало всех выходов с Южного еретиками и вообще не принимало). Все промыслы встали или стали работать много хуже. Начались проблемы с продовольствием.

Самоначи революцию в Южном государстве восприняло как подарок судьбы. Они и до этого воровали людей для принуждения к рабской работе на мануфактурах, а тут появилась возможность захватить весь народ и все леса. Началась кровопролитная война. Революционное правительство объявило тотальную войну. Однако, для войны было необходимо огнестрельное оружие, а с промышленностью и специалистами были проблемы. Пришлось воевать холодным оружием. Народ побежал с фронта, беглецов пришлось останавливать жестокими наказаниями. Для обеспечения продовольствия пришлось восстановить военные поселения, причём с даже ещё более жестокими законами, чем до этого. И даже при таких жестоких мерах Южное государство проигрывало.

В этот момент в Южное государство добрались послы мраксисткой республики бессребреников. Они напели руководству песен о том, что слышали об их героической борьбе и предлагают не воевать за маленький бесперспективный кусочек земли, а переехать на их континент, который практически не освоен. Единственное условие, которое им поставили — не трогать религиозных бессребреников, поскольку те и так сидят в лесах и отвергают все богатства, даже одежду.

Руководство государства устроило военно-стратегическую игру, где одни и те же генералы воевали то за Самоначи, то за своё государство. Проанализировав доступные ресурсы, количество людей и качество оружия, все пришли к выводу, что эту войну им не выиграть. Революционные власти предложили всем сторонникам народного государства уехать вместе с ними на новый континент. Таковых оказалось на удивление мало. Желаящим даже хватило существующих в государстве кораблей. Для бегства подняли также флоты Первостана и Змеелании.

Оставшиеся люди думали, что Самоначи их пожалеют и что хуже революционных властей с их гонениями на священников, богатых и просто умелых людей быть не может. Оказалось, что может. Промышленникам Самоначи не хватало леса для кораблей и выплавки стали. Они съели почти все свои леса, а им ещё надо было воевать за торговые линии со всеми остальными государствами. Бывших граждан революционного государства

не убивали преднамеренно, их просто заперли на мануфактуры со сверхдлинным рабочим днём и с плохим питанием. Они вымерли сами. После того, как на территории Южного государства вырубили все леса, ветер унёс почву, и остались одни причудливые скалы, изъеденные ветрами и дождями. В Самоначи все леса вырубить было невозможно, так как часть лесов там были в частном владении или под охраной государства. Это спасло плодородные земли от подобной участи.

После такой экологической катастрофы Самоначи начали посматривать в сторону континента Океании, на который сбежали революционеры. Океания, ныне слабая и бестолковая, ранее была грозным врагом. А ещё у неё религия отличалась. Это был хороший повод, чтобы попытаться отобрать её леса.

Революционеры сбежали на новые земли с идеей вернуться и уничтожить Самоначи и все остальные государства, которые служили деньгам. После высадки на юго-западных землях континента Океании они принялись активно строить города и военную промышленность. У них было мало специалистов и инженеров, но всё-таки были. Им просто не хватило времени, чтобы обучить всех остальных. Теперь у них это время было. Кое-кого обучили в других странах на деньги бессребреников, которые успешно разработали несколько серебряных и золотых рудников.

Однако, вскоре бывшие революционеры столкнулись с тем, что граждане государства бессребреников, потомки беглых рабов, совсем не горят идеей идти воевать за благо трудящихся людей куда-то за океан. Благодаря пришельцам государство бывших рабов стало технологически более продвинутым и научилось хотя бы делать огнестрельное оружие и океанские корабли. Но освобождать другие народы от гнёта угнетателей? Нет, не интересно. Мало того, и дети революционеров во втором — третьем поколениях перестали понимать, зачем и за что им воевать, и предпочли увеличивать своё благосостояние.

В этот момент войска Самоначи высадились в Земле Премудрости. Их целью было завоевать весь континент, а главное — его леса. Момент мести пиратам Океании тоже присутствовал.

Войска Земли Премудрости, состоящие из небольшого ополчения рабовладельцев, довольно быстро потерпели поражение. Их рабы сбежали на запад, в государство бессребреников. Но тут государство бессребреников и потомки революционеров решили, что враг моего соседа тоже может быть моим врагом, особенно если он сам приблизил своё тело к нападению. Бить врага на своём континенте было куда удобнее, чем плыть в Самоначи.

Экспедиционный корпус Самоначи, углубившийся в леса восточного побережья, неожиданно обнаружил, что их корабли атакованы и захвачены войсками государства, о котором они даже не слышали. А когда они увидели рядом с флагом бессребреников хорошо памятный им красный флаг революционеров с мечом и молотом, им стало совсем дурно. Войска Самоначи были уничтожены очень быстро. Земли Премудрости отошли к государству бессребреников.

Океания и Золотой Союз было решили, что такой сосед хуже, чем конкурент в лице Самоначи, и начали думать, как с ним воевать. Но государство бессребреников уже было другим. Они уже оставили все идеи марксизма и интересовались только повышением потребления. Пока они ещё говорили о потреблении народа, но среди властей уже выделились группы, готовые к установлению господства над всем, что было создано народом.

Революционеры привезли с собой не только технику, но и технологию математического

моделирования. Именно её они применили во время стратегической игры, которая показала им, что надо уходить из южного государства. Эту технологию они применяли всегда, когда надо было принимать важные государственные решения. На некотором этапе им удалось математически оценить даже желания людей и ту работу, на которую они могут людей подвигнуть.

Изучив модель общества, они поняли, что применяемая до сих пор система безденежного принуждения людей к труду сильно проигрывает денежной системе. Такое положение должно было в будущем неизбежно привести к проигрышу остальным государствам. По этой причине власти решили переходить к денежной оплате труда. Вместе с этим появилось и всё, что свойственно денежному миру: сокровища, престижные вещи, драгоценности и так далее. Но это были другие деньги, не те, которые применялись в остальных государствах. Здесь их сразу стали применять как энергетическую сущность и жёстко контролировали количество и качество денег. В этом плане им очень помог тот опыт, который набрали банковские кланы бессребреников в Земле Премудрости и в Океании.

С этими идеями послы народного государства явились в Океанию и в Золотой Союз. Власти этих государств попытались выставить условие подписания мирного соглашения, потребовали, чтобы государство бессребреников возвращало всех беглых рабов. Послы отказались и сказали, что пограничная стража — это их проблема, а кто добежал до границы, тот будет гражданином народного государства. И вообще, от рабства пора отказываться, так как феодальные условия дают лучше производительность в сельском хозяйстве, а свободный труд даёт наибольшую производительность и позволяет осваивать мастерство, что даёт ещё большее качество жизни и производительности. Власти обоих государств покривились и согласились на соседские отношения.

Некоторое время корабли нового народного государства доминировали на линиях в Первостан и в ССПЛ. Именно эти мореходы обнаружили острова с ящерами во время кругосветной экспедиции, предпринятой для общего развития. Поначалу они хотели построить на островах мастерскую по перетапливанию жира ящеров, но потом они увидели, как ящеры танцуют и какие фестивали устраивают, и поняли, что из этого можно сделать большие деньги. С этого момента танцевальные группы ящеров стали регулярно гастролировать по всем континентам. Многие люди считали за роскошь приехать на острова ящеров, чтобы увидеть жизнь и танцы ящеров в реальности. Ящеры сообразили, что из этого можно сделать дополнительные деньги, и построили на своих островах казино. Во время шоу в казино выступали даже водные люди. Ящеры всем говорили, что это такие дрессированные домашние животные, а потом втихаря хихикали вместе с водными людьми и делили денежки.

А потом государство бессребреников сгнило. Все граждане принялись копить деньги и барахло, руководство мануфактур, министерств и ведомств начало накапливать большие денежные средства за счёт различных махинаций, потом они начали на эти средства нанимать сторонников. В один прекрасный день после драки болельщиков двух команд на гонках колесниц один из народных представителей, член верховного выборного органа, а заодно и владелец этой команды колесниц заявил, что его противники совсем никчемные люди, враги народных свобод и подтасовывают результаты гонок. После нескольких дней беспорядков и резни его сторонники вырезали всех противников и короновали его как нормального монарха. Новоявленный монарх не стал распускать народное

представительство и оставил его как совещательный орган. Ещё он закормил и ублажил всех учёных, которые вели математическое моделирование общественных процессов, и те с удовольствием снабдили его результатами изучения прикладной социологии. Это позволило снимать все общественные недовольства ещё до того, как они появлялись.

Формально новый монарх считался председателем главного выборного органа, а всё государство — народным государством. В народе все всё поняли, но протестовать никто не стал, так как им платили больше, чем требовалось для выживания, а в соседних государствах с доходами и с порядком всё было намного хуже.

А дальше сказались недостатки религии бессребреников. Поскольку ничего, кроме отрицания всех жизненных проявлений они дать не могли, люди начали терять смысл жизни. Первое время все старались набрать как можно больше вещей, купить дома побольше. Потом люди привыкли к постоянству и изобилию. Молодежь смотрела на старших, которые всю жизнь от зари до зари проработали на мануфактурах или в поле, и не понимала, зачем им это. Начали широко распространяться пьянство, наркомания, а потом и культ смерти из Кхалчи Нее. Отрицание всего и вся, глумление над всеми лучшими человеческими чувствами стали общепринятым стилем.

Уже третий потомок первого монарха, наследственный первый председатель высшего выборного органа интересовался только пирами и роскошью. Он просто не слушал ни учёных, ни тех умных людей из выборного органа, которые пытались отговорить его от очередной глупости. Праздники, спортивные соревнования, театрализованные представления сделали его любимцем толпы, и он не считал нужным кого-то слушать. Такая политика быстро привела к тому, что денег у государства не стало. Как следствие исчезли флот и доходы от торговли. Восточные области — бывшие Земли Премудрости — вспомнили, что у них была религия единобожия, и откололись якобы по религиозным причинам, а на самом деле просто для того, чтобы быть подальше от распада сознания. Ведущую роль при этом сыграли сторонники ордена «Мудрость и совершенство». В этом государстве, которое приняло старое название Земли Премудрости, тоже установилась монархия, но теперь уже без всякого рабства и без преследований по религиозным признакам. Оно была ненамного толковее народного государства, но всё-таки немного собраннее. Граждане были рады и этому.

* * *

Остальные государства, посмотрев на то, что последовало за внедрением марксизма, несколько одумались и поняли, что с ожесточением в виде тотального контроля надо бороться. Появились философские работы, в которых разрабатывалась идея о том, что мягкое и гибкое более жизненное, чем твёрдое и жёсткое, в том числе на примере построения государственных механизмов. В этих работах утверждалось, что попытка создать такие системы, в которых уничтожены все злоупотребления, нанесёт обществу намного больший вред, чем построение мягких систем, которые будут пресекать не все преступления, но которые при этом будут давать жить нормальным людям за счёт уменьшения потерь на бюрократический контроль. Строго говоря, только с этих работ началась философия как прикладная общественная наука. До этого философия развивалась только как богословие, как объяснения того, почему Бог не наказывает всех сразу и максимально жёстко.

Повоевав пару сотен лет с помощью пороховых пушек и деревянных кораблей, цивилизация пришла к открытию электричества. По городам побежали электрические трамвайчики, между городами проложили железные дороги, по которым пошли поезда на электрической тяге. Главным дефицитным ресурсом стала древесина. Для выплавки стали древесного угля было нужно очень много, а ещё стояли проблемы отопления и строительства. Открытие электрического восстановления железа несколько улучшило ситуацию, но ненамного.

А потом люди изобрели накуадо. Точнее, Котёнок слил им технологию, когда мы решили, что пора. Накуадо представлял из себя масляную смесь из диэлектрического масла, в котором плавали сферы, заряженные электричеством как суперконденсаторы. Сферы были сделаны из специального материала, который был способен к запасанию электричества на молекулярном уровне. Такое вещество позволяло запасти энергии примерно как бак со спиртом, чуть меньше, чем бак с бензином. Накуадо позволяло многократную зарядку и разрядку без повреждения вещества.

Появление накуадо позволило создать межконтинентальные океанские корабли с электрическими двигателями и неплохие самолёты. Около ста лет страны увлечённо воевали с использованием танков, броненосцев, авианосцев и самолётов.

* * *

Рогатые люди сохранили знания о том, что на севере существует континент с людьми с суперспособностями. Это знание передавалось шёпотом в родах тех моряков, которые однажды нашли этот континент. Нам было очевидно, что рано или поздно кто-нибудь из наших мануфактурных государств решит использовать этот континент как свой ресурс. Наши люди жили в состоянии устойчивого феодализма, с упоением воевали за соседние замки и сёла и изменяться не собирались. Промышленные империи съели бы их и не подавились.

Мы предложили властям моей родной планеты забрать людей. Те долго отнекивались, но в итоге присоединили один небольшой мир с локальным богом — подростком, расположили его в относительно тёплой зоне и вывели всех людей на этот новый континент и на континент кошколоудей.

После окончания ледниковой эпохи этот континент должен был стать сплошной пустыней из-за особенностей местного климата, при этом он нарушал балансировку планеты. По этой причине они и не хотели забирать людей, но потом всё-таки передумали.

* * *

Эпоха боевой техники потребовала создания массового производства, конвейеров и массового потребления. В это же время были разработаны технологии дрессировки населения и массовых внушений. Появились свои умники, которые соблазнили власти идеей о том, что простых людей можно дрессировать так же, как и животных, что можно воздействовать на стайные инстинкты и что можно убедить людей в чём угодно, если повторять внушения уверенно и во всех средствах массовой информации одинаково. Практически все страны стали использовать тоталитарное построение общества, когда все

люди были приписаны к фабрикам и когда осуществлялся тотальный контроль за поведением и высказываниями.

Удержалась в пределах относительно свободных порядков только Земля Утренней Зари и её колония на континенте Земли Спасения. К тому моменту Земля Утренней Зари поставила под свой контроль уже весь новый континент рогатых, в том числе и земли безцерковников, и Землю Спасения. Ей противостояло несколько государственных объединений, точнее, несколько цивилизаций с центральным государством — грабителем и нескольких сателлитов. Одна цивилизация выросла на континенте Самоначи, где Самоначи поставили в зависимость бывшее Северное государство. На континенте Океании государство Земли Премудрости благодаря костяку из сторонников ордена «Мудрость и совершенство» сумело обеспечить относительно изобильную жизнь и порядок. Со временем они сумели завоевать остатки Океании и Золотого Союза. Во многом это произошло потому, что руководство стран было до этого распропагандировано орденовыми агентами. Как бы народное государство совсем разложилось, потеряло все деньги и пропало бы совсем, но благодаря бессребреникам оказалось устойчивым к лукавой лести «философов» от бесовского единобожия. Государство сохранило независимость, но стало сателлитом Земли Премудрости, покорно изготавливало боевую технику и поставляло ресурсы за небольшие деньги.

Кхалчи Нее создали своё слабое, но очень агрессивное государство. Идея о том, что у человека не должно быть ни чувств, ни привязанностей, вскоре привела к тому, что появились секты, которые учили тому, что раз самого человека на самом деле нет, то он может идти в бой и погибать без страха ради распространения данной религии. Других людей тоже разрешалось убивать и мучить в любых количествах. С использованием таких воинов Кхалчи Нее присвоило себе пустующий континент на крайнем юге, один из незаселённых континентов последних присоединённых локальных богов, а также слегка отодвинуло границу со Змееланией. Они враждовали со Змееланией, но как-то ухитрились ужиться на одном континенте.

Первостан и ССПЛ из-за интриг агентов «Мудрости и совершенства» очень долго находились в проблемном состоянии. Все их лучшие торговые связи и самые выгодные производства каким-то волшебным образом оказывались под контролем Халала. Разумеется, ничего волшебного здесь не было: агенты Халала проталкивали к власти своих единомышленников, все свои капиталы эти люди выводили в Халал и доживать старость уезжали в Халал. Присоединение ССПЛ или Первостана к Халалу политически можно было устроить играючи, но это было невозможно из-за отличий в религии. В Халале сохранилась та версия, которая пришла от бесов и очень сильно отличалась от оригинальной. Кроме того, формально независимые государства было проще грабить.

А потом у Халала начались проблемы. В силу демоничности бесовской религии началась коррупция. На некоторое время обществу «Мудрость и совершенство» и ведомому им Халалу удалось поддерживать стабильность благодаря пронизывающему все слои общества ордену «философов». Но потом коррупция и интриги начались внутри самого ордена. Все его деятели стали богатыми людьми, «державшими» либо определённый район, либо промыслы, либо даже целиком то или иное государственное министерство. Как это всегда бывает, начались интриги, кому что принадлежит, трения между отдельными мафиями переросли в войну между кланами. За очень небольшое время Халал потерял влияние и стал намного беднее Первостана и ССПЛ.

Технологии в Халале никогда не любили осваивать, предпочитая паразитировать на окружающих государствах. Поэтому когда члены ордена «философов» в ССПЛ и Первостане увидели, что ведущие люди в Халале совсем потеряли берега и превратились в банальных шантажистов, они сговорились, отделились и отказались подчиняться Халалу. Потом они посмотрели на свою религию Бога-из-Огня и решили, что в её идее любовного служения своим людям больше правды, чем в самовозношении «философов». Не все, конечно, но для поддержания ордена и стабильности государств хватило. Таким образом, возникло три общества «философов»: в Халале, в Первостане и в ССПЛ. Все три враждовали друг с другом.

* * *

Несмотря на постоянные войны, кое-какие блага достались и простым людям. В разных странах по-разному, но в целом люди привыкли жить в квартирах с отоплением, водой и канализацией, ездить на работу на трамваях или автомобилях на накуадо, привыкли потреблять в больших количествах музыку и театральные постановки, а потом и киносерIALы.

А потом легкодоступные ресурсы закончились. Население при этом продолжало расти. Ситуация обострилась ещё и потому, что все государства стали очень нестабильными. Тот ресурс, который государства получили, введя тотальный контроль над всем и вся, закончился. Властные кланы, которые всегда складываются около власти вокруг противостоящих высших политических фигур, для обеспечения собственной вражды стали использовать общественные фонды и зарплатные деньги простых людей. Получилось, что если на низовом уровне возможность украсть или недоработать положенное была исключена почти полностью, то наверху присваивались и расходовались нецелевым образом суммы в миллионы и миллиарды человекоденей. Из-за этого все промышленные государства по несколько раз пережили периоды революций, безвластия и анархии. А когда собирались заново, вынуждены были строить броненосцы, танки, авианосцы и прочую технику, тратя на неё последние остатки лесов и ресурсов. В устойчивом государстве коррупция начиналась снова...

Все социальные религии дискредитировали себя полностью. Идеи народовластия за счёт марксизма и его последователей, идеи стабильности за счёт выборности государственных деятелей и полной свободы предпринимателям — все сгнивали похожим образом. Всё в итоге сводилось к тому, что у власти в обществе появлялись хищные кланы, которые рассказывали обществу, что всё хорошо и идеально, а сами занимались только переделом собственности, приобретением роскоши и войной друг с другом. Производство падало, еды не хватало.

Власти начали думать, что делать с излишним населением, которое потребляло много ресурсов, так необходимых властям для роскоши. Количество рабочих было избыточным, такого количества рабочих уже не было нужно, всё делали автоматизированные производства.

Решение предложили власти Самоначи. Это государство раньше всех столкнулось с проблемой нехватки ресурсов из-за политики безоглядного перевода всех ресурсов на деньги. Потом там спохватились и приняли законы об обязательном восстановлении лесов,

но для многих территорий уже было поздно.

В Самоначи издревле сохранялась выборная система. Власти решили сделать из этого принципиальную идею свободы всего и во всём. Для ведения против других государств информационных войн была создана идеология, согласно которой всякое силовое принуждения к труду и всякое регулирования государством процессов производства объявлялись неправильными и неэффективными. Идеология имела некоторый успех, поскольку во многих государствах промышленное производство выглядело как «ты должен отработать на фабрике определённое количество часов, за что получишь стандартный паёк и набор вещей, иначе посадим и будешь работать только за еду».

Вслед за идеей рыночных свобод и свободного найма власти продолжили внедрение идеи свободы от всех правил, в том числе от всех запретов в сексуальной сфере. Семьи и секс только с противоположным полом были объявлены пережитком прошлого, правильным считалось заниматься сексом со всеми, с кем хочется, а все государства, которые препятствовали такому изменению, объявлялись врагом всех свобод и всего человечества. Для других государств предлагалась также идея, что смысл жизни состоит не в служении своему государству, а в собственных удовольствиях. Идея служения государству всячески осмеивались в духе «так ты только умрёшь ради доходов своих богатеев, это глупо и пережиток прошлого».

Власти всех стран официально заявили, что это очень плохо, но по факту начали активное распространение таких идей в своих государствах. Появившиеся общества свободного секса и гомосексуализма никак не наказывали.

Когда политически активные люди пытались сообразить, что необходимо делать для того, чтобы улучшить положение в обществе, им предлагали только две возможности: либо заниматься повышением производительности труда, либо борьбой за свободы — читай за свободный секс. Других вариантов практически не было. Небольшие группы марксистов, сторонников правового рыночного государства или других фанатов социальных религий никого не привлекали.

Во всех государствах с подачи Самоначи активно продвигался культ «звёзд» — музыкальных, спортивных, кинозвёзд. Культ «звёзд» пришёл на смену культу героев. Культ героев к тому моменту был значительно скомпрометирован долгими войнами, когда несколько поколений строили танки и броненосцы, воевали на них, а остались в итоге на минимальном потреблении, местами даже без горячей воды из-за нехватки энергии и стройматериалов на починку труб.

Культ «звёзд» автоматически предполагал, что звезда умеет что-то в области получения или причинения удовольствий. И «звёзды» действительно наперегонки кинулись соревноваться, кто продемонстрирует наибольшую роскошь или художественный секс. Про религию и её запреты такие «звёзды» могли сказать только оскорбления.

Про религию все во всех государствах думали, что это только ради денег или обрядов. И только члены общества «Мудрость и совершенство», активно продвигавшие идею безграничной свободы, тихо улыбались про себя и ждали момента, когда большинство людей — животных вымрет, чтобы не нарушать здоровье природы, а они смогут захватить абсолютную власть на всей планете.

Бесы уже подготовили людей, которые должны были воплотиться на поверхности и стать руководителями всепланетной деспотии, управляемой через системы «Мудрости и совершенства». Независимые государства предполагалось уничтожить физически.

Мы, со своей стороны, подготовили ряд людей, которые должны были придти на планету в этот переломный период и продвинуть религию в направлении понятности и совершенства.

* * *

Котёнок за последние сотни лет многократно просил меня отпустить на поверхность. Ему было завидно, что даже дети Серена и Лаганы уже многократно побывали на поверхности и значительно продвинулись на пути мудрости. Он почему-то решил, что здесь, в роли бога небольшого пространства, он находится в слишком комфортной обстановке и никогда не пройдёт через Преображение. На самом деле он постоянно получал удары от судьбы, когда у него не работала созданная техника, когда у него не получалось идеально управлять своими людьми или когда во время редких выходов на другие планеты он не мог сказать, что делать в конкретном случае. Наблюдая за тем, что мы делаем и как, постоянно призывая себя к смирению и терпеливой работе, он почти прошёл Преображение, не очень замечая этого.

Я обещал парню воплощение на поверхности в критически важное время. Его жена, Жи, попросилась идти вместе с ним. За сотни лет они ухитрились не рассориться. Мало того, жена очень боялась, что не узнает его в толпе и выйдет за кого-нибудь другого, но всё равно хотела пойти на поверхность, чтобы проверить чувства.

Для этой парочки была приготовлена критически важная роль — Котёнок должен был создать теорию системного анализа, объясняющую религию с точки зрения ступеней развития разумного существа. У жены была не менее важная роль — она должна была устоять под давлением многочисленных панических атак, которые ей неизбежно должны были устроить бесы.

В нужное время я призвал Котёнка с Жи и богиню смерти. Богиня смерти взглянула в глаза Жи, вынула душу и взяла её в одну руку. Потом она посмотрела в лицо Котёнку, вытащила его душу... И душа парня начала истаивать, превращаясь в дым. Дым рассеялся, и ничего не осталось. Богиня смерти удивлённо посмотрела в мои глаза. Я чуть не провалился в них. Богиня смерти вспомнила, что значит даже для бога посмотреть в лицо смерти, и вовремя отвела взгляд:

— Господин, я никогда не видела и не слышала ни о чём подобном!

— Я тоже, — вынужден был признать я.

Мы отправили на место ключевого персонажа другую душу, уже прошедшую Преображение. Жи потом пошла по подстроеной линии жизни, вышла замуж за этого человека, но всю жизнь чувствовала, что это что-то не то, и по ночам молилась о лучшей жизни и прощении за сомнения. Эти молитвы мне было слышать тяжелее всего.

Мы сразу послали гонцов к нашим коллегам из системы взаимоотношений локальных богов. Никто не сталкивался с таким явлением, чтобы душа человека испарялась в руках у богини смерти. Только спустя два года нам пришло предположение из одного мира. Богиня смерти в нём припомнила, что когда-то на обучении богинь смерти слышала, что если душа тает в руках, то это значит, что человек ушёл на работу богом локального мира. Однако, никто среди наших знакомых про такой новый мир не слышал. Я задумался о том, каково Котёнку получить мир, который ждал его почти семьсот лет. У него там людей, живущих на

животном уровне, наверное, уже несколько миллионов. Вряд ли без него служилые боги сообразили создать что-то сложное. У нас первые семь сотен лет были очень весёлыми...

Надо было чаще давать себя убить на планете в виде аватара. Карма за убийство иногда возвращается в виде гибели детей.

В моём мире к этому моменту появилось уже двое локальных богов. Мечтатели ещё в детстве намечтали себе миры с разной степенью экзотичности. Их вовремя выявили, доучили и после физической смерти в моём мире ласково поддерживали в их мирах. После нашего обучения из них получились неплохие локальные боги, с прицелом на то, что каждый станет ядром планеты, включающей много миров. Их миры находились совсем недалеко на дереве жизни от моего мира. Ни в одном из миров нашей ветки мы Котёнка не нашли.

Один из наших доморожденных локальных богов появился уже во время космических кораблей. Он там себе такого напридумывал... Растения и животные, живущие в космосе, люди, способные жить в условиях вакуума и невесомости. Некоторые животные были огромными и могли перевозить внутри себя целые колонии людей. Такой летающий дом, ещё и способный прыгать на огромные расстояния через подпространство. Мы с ужасом ждали момента, когда его мир превратится в планету и эти живые существа начнут расползаться по всей Вселенной. Попробуй, обеспечь с такими санитария! Как просто было раньше! Люди мечтали о летающих лошадях и говорящих облаках, о замках и рыцарях, о волшебстве и заклинаниях. А теперь изволь иметь дело с разумными космическими кораблями...

Когда Жишуа прошла свой путь и вернулась после смерти, она попросила вернуть её к Котёнку. Я пообещал, но ничего сделать не мог. Временно позволил Жи родиться снова в облачном мире в качестве ребёнка Пшижуши и Дея, как и в первый раз. Когда девочка подросла, вернул память двух последних жизней и сделал помощницей Агара. Агар ходил по мирам, искал новоявленных локальных богов и организовывал их обучение. Деятельность, которой первое время занимались Серен с Вирой.

Во время одного из выходов Жишуа пропала. Агар увидел только, как она набирала на портале адрес очень далёкого мира. Надеюсь, она найдёт искомое.

* * *

Посланные на поверхность миссионеры выполнили задачу. С разной степенью успешности, но в целом выполнили. Некоторые создали научные работы о системном анализе и ступенях развития разумного существа. Некоторые работали от теории информационных войн, писали работы о том, что гонка за удовольствиями и престижем не может быть основой для жизни, а потом дошли и до понимания того, что религия — это не только об обрядах, но и про выживание. Некоторые шли от традиции монашества, говорили о том, что нужно жить любовью и заботой, а не гонкой за техническими игрушками. В их жизненном пути был предусмотрен такой поворот, при котором их должны были привлечь к выработке требований к правильным компьютерным играм, таким, которые не должны были разрушать психику, а наоборот, передавать духовный и практический опыт. Вот тут-то им и пришлось поскрипеть мозгами на тему о том, чем живёт человек и что ему может быть интересно до увлекательности. Это было несколько сложнее, чем просто болтать о любви.

В итоге на поверхности появились учения, в которых уже с научных точек зрения технологическим языком было описано, почему в религии Бога-из-Огня заложены именно такие требования. Про самый сложный момент — принятие полного беззлобия и правила левой и правой щеки — объяснили, что это способ перестать быть частично животным, запрограммированным существом, и стать полностью разумным существом.

Появилась теория ступеней развития разумного существа. До этого момента в большинстве культур считалось, что все люди одинаковы и что есть только две ступени — простые люди и люди не от мира сего, которые становятся монахами и осваивают полное богоподобие. В новой теории было описано, через какие ступени проходит разумное существо на пути от животного с разумом, которое всегда делает только то, что хочется, до совершенного разумного существа, которое делает только то, что приводит к наилучшим последствиям.

Появилась теория, которая описывала, как автоматические животные программы поведения управляют человеком в состоянии гнева или паники, как они навязывают агрессивные образы поведения через использование полученных с первых мгновений жизни болей и страхов. Появилась статистика, как испытанные в детстве стресс и боли влияют на нарушения здоровья и поведения во взрослом состоянии. Появление такой теории и теории ступеней развития дало импульс развитию ряда медицинских и образовательных технологий.

Одними из распространителей нового понимания стали школы актёрского мастерства. Кино и театр наши люди любили, особенно после того, как работы стало мало, а свободного времени много и появились сериалы, которые показывали по компьютерным сетям.

Ещё в начале научной эпохи была разработана сценическая теория, согласно которой актёру надо было не просто двигаться по сцене, а пытаться изображать через мимику и пластику тела внутренний мир человека — чего он боится, какой образ для защиты от уязвления эго принимает. Некоторые наши миссионеры должны были как раз увлечься сценическим мастерством и психологией, из чего сделать вывод, что надо изображать не только чувства и страсти, которые управляют человеком, но в основном то, как человек преодолевает эти чувства и страсти. Эти люди оказались особо успешными, и как актеры и преподаватели в молодости, и как монахи в старости.

Что характерно, продвигали новое понимание религии не церковники, а серьёзные специалисты — преподаватели, инженеры, системные аналитики и специалисты по информационным войнам. И актёры, конечно. Такой резкий поворот был воспринят обществом очень тяжело, инерция плохого отношения к религии была очень велика. Создатели теорий успели умереть до того, как заложенные ими идеи были приняты для использования в военных, церковных и образовательных системах. Зато после этого общества стали совсем другими.

Детям ещё в первых классах говорили, что они в большей степени не материальные, а информационные существа, что главное в жизни человека — не карьера и деньги, а выйти на новый качественный уровень развития и стать по-настоящему разумным существом, пройти через Преображение. После такого изменения людям стало в общем-то всё равно, где жить и кем работать. Огромные города стали не нужны. Большая часть населения не могла найти никакой работы, её просто не было, из-за чего большинство сидело на социалке. Все расплозились обратно, по небольшим городкам и сёлам, там жить было дешевле, а в качестве топлива можно было протопиться веточками и травой.

Главным развлечением стали компьютерные игры по сети. Поначалу все играли кто во что горазд. Потом симуляторы ферм, военной техники, секс по сети и стратегии стали срастаться в одну игру. В такой игре можно было принять стратегические решения про свою цивилизацию, слетать в роли пилота на бомбёжку противника, а на полученные за вылет деньги прикупить к виртуальному домику красивые цветы. Или заняться сексом по сети.

Последняя крупная война случилась за то, какую именно игру использовать. Два блока стран сошлись в битве не на шутку из-за разногласий о том, какую именно компьютерную игру (точнее, систему игр) сделать основной для планеты. Одна стратегическая игра, которая произошла из Самоначи, предоставляла больше возможностей в области дистанционного секса, она была более зрелищной и позволяла дистанционно сражаться с использованием специального оборудования, которое крепилось на человека. При этом требовалось использование монитора или очков виртуального зрения.

Противостоящая игра произошла из Земли Утренней Зари и была менее требовательной к ресурсам компьютеров. У неё было несколько преимуществ. Во-первых, все сюжеты в игре были выстроены с помощью психологов и специалистов по развитию человека. В игре каждый многократно встречался с возможностью предать товарищей и получить за это большие игровые преимущества. Те, кто соблазнялся на такое дело, действительно сильно продвигались в игре, но получали презрение в реальной жизни. А потом с ними и в игре обращались очень плохо. Такое построение позволяло прочувствовать на шкуре все плюсы и минусы эгоистичного поведения. Во-вторых, игра позволяла произвольно выстраивать сценарии и учитывала события, произошедшие в реальном мире. То есть если ранее реконструкторы обряжались в одежду и доспехи прежних времён и лупили друг друга затупленным оружием, то теперь можно было надеть специальный костюм и зачесть результаты подобной битвы как битву в каком-нибудь сказочном королевстве.

С нашей точки зрения, второй вариант был более перспективным, так как имел некоторые воспитательные возможности и позволял со временем насовсем убрать людей от экранов компьютеров, перенеся действия в физическое пространство. Одновременно это позволяло за одну жизнь проживать несколько жизней. В соседях и в родственниках человек начинал видеть не только надоедливых нежеланных спутников, но и коллег по игре. В одних играх союзников, в других играх противников. Первая игра из Самоначи в области взаимодействий позволяла только переговоры и секс.

В этой войне впервые широко использовали дистанционно и автоматически управляемую технику. Это потребовало столько ресурсов, что не понравилось никому.

Война закончилась поражением Самоначи.

* * *

Нашему человечеству отчаянно не хватало энергии. Все реки были перегородены ради гидроэлектростанций, по всем пустыням протянулись солнечные электростанции и ряды ветроэлектростанций. И всё равно энергии было мало, её не хватало. Некоторое облегчение дало совершенствование бытовой техники. Былые личные повозки на пятерых, ездившие на накуадо, превратились в систему линий, по которым мчались максимум двухместные машинки с электродвигателями и внешним поводом энергии. Вне линий они ездили на педалях. Отопляемая и охлаждаемая часть домов уменьшилась и получила

мощную теплозащиту. Теперь люди жили в совсем маленьких объёмах, почти как в чумах первобытной эпохи, зато этот объём можно было согреть собственным теплом. Огонь, конечно, использовали тоже, но в намного меньших количествах. Часть жилья ушла под землю.

И тут прилетели халусии. Планета халусиев входила в ту развращенную и порочную систему обитаемых миров, от контакта с которой мы старались удержать нашу планету как можно дольше.

Собственные космические корабли у нашей планеты были, но они не могли ходить дальше, чем до соседней звёздной системы. Ничего полезного там не было, так что вскоре космические полёты ограничились исключительно обеспечением собственной планеты. На одной планетке в соседней системе организовали колонию, но условия для жизни там были очень опасными, так что колония не процвела. Её решили оставить «на всякий случай», чтобы если что сохранился генофонд людей. Туда завезли даже рогатых людей. Ящеров не стали, так как их было настолько мало, что они и так вырождались.

Халусии познакомили нашу цивилизацию с ядерной энергией и ядерными электростанциями. Взамен они попросили некоторое количество редких металлов и тысячи людей в виде рабов. Поскольку общались они с государством Самоначи, которому было никого не жалко, всё искомое они получили.

Ядерная энергия нашим государствам пригодилась.

После первого контакта халусии прилетали ежегодно, основали торговую базу и торговали вполне цивилизованно. Привозили технологии и произведения искусства, программное обеспечение и медицинских роботов. Кроме редких ресурсов и рабов, брали сериалы и прочие художественные произведения, созданные на планете.

Все остальные государства скрипели зубами, но вынуждены были торговать с инопланетянами через Самоначи. С остальными государствами те отказывались взаимодействовать.

На своей собственной планете халусии были ужасным народом, с небольшим количеством господ и чуть большим количеством прислужников и военных. Остальные были рабами на огромных фабриках. Своих рабов властям не хватало, поэтому они охотно брали с других планет. Планета производила множество товаров, которые поставляла всем планетам известного им кусочка космоса. Поставляла по очень низким ценам, на некоторые планеты вовсе бесплатно, исключительно за право не быть уничтоженной сверхмощным оружием. Такое положение заставляло халусиев держать информацию о новом мире, богатом ресурсами и людьми, в тайне от всех остальных миров. Но ничто не хранится вечно, особенно информация...

* * *

Пять сотен лет мы протянули со всё более ухудшающимися бытовыми условиями у людей и всё более совершенными компьютерными играми. Доступной энергии и ресурсов становилось всё меньше. Даже доступного урана для ядерных электростанций стало совсем немного. Жизнь у людей была почти счастливой, но требовала многих трудов, в том числе заготовки дров вручную.

За это время у нас набралось две сотни тысяч человек, прошедших через Преображение.

Можно было приступить к окончательному решению проблемы бесов. Задолго до этого мы создали дополнительное пространство, копирующее наш мир. В это пространство мы запустили автоматические устройства, компьютеры на биологической основе, имитирующие людей. Они были ещё проще, чем животные, фактически, это были растения, способные передвигаться. Эти существа не могли испытывать страдания, они только имитировали мозговую деятельность людей. Но зато бесами из другого пространства они воспринимались, как люди.

В один прекрасный день бесы обнаружили, что их вяжут в узлы и засовывают в дальнейшее тесное пространство, из которого они не могли дотянуться ни до кого, кроме этого мира, который мы им подставили. Бесы вопили, что это нарушение всех законов и всех договорённостей и что они страшно отомстят. Мы смеялись и говорили, что никаких договорённостей с ними не было и что никаких законов про них нет.

Наша планета могла снова стать чистой! Без болезней и без паразитических организмов! И больше никаких бесовских внушений тем, кто слаб духом и колеблется! Никаких войн на пустом месте и никаких излишних бытовых конфликтов!

Когда бесы смогли развязать себя из узлов, то принялись по своему обыкновению смотреть, кому можно напасть, и обнаружили рядом имитационный мир. Они купились, принялись крутить мозги автоматам, совращать их на разные непотребства и натравливать друг на друга. Автоматы послушно изображали страх и агрессию, но занимались только размножением.

Освобождённая от бесов планета должна была стремительно рвануть в развитии. Но не рванула, так как бесы действительно имели камень в рукаве. Они как-то сумели передать информацию своим коллегам в других мирах. Вскоре после заключения бесов в дальнейшее локальное пространство из ниоткуда взялся гигантский космический корабль, запустил в нашу звезду не менее гигантскую торпеду и ушёл в подпространство. Мы не только не успели среагировать, мы его едва успели заметить.

Торпеда вызвала небольшие возмущения на поверхности светила. Небольшие по космическим меркам. Но в результате этого возмущения образовался выброс частиц с большой энергией. Этот поток смёл с лица нашей планеты всё живое за какие-то пару суток.

Мы не сильно огорчились. Погибшие души утешили и положили в хранилище. Все остатки жизни мы зачистили, чтобы болезнетворные микроорганизмы и вирусы не смогли выжить. После того, как светило успокоилось, присоединили ещё десять миров с беспризорными малолетними локальными богами. Мы вообще-то не собирались их присоединять, но раз такое дело и можно не бояться цунами и вулканов, то почему бы не присоединить?

Для будущей цивилизации подтянули к поверхности рудные жилы разных металлов.

Когда растительность восстановилась, из наших божественных пространств людей через порталы перевели на поверхность планеты, сказали размножаться в максимально возможных количествах. Часть людей привезли и с планеты — колонии, предварительно обработав очищающими полями.

Катастрофу не пережили улитки и ящеры. Линна, Три Кольца и Четыре Ромба смогли наконец-то сменить тела на человеческие, чему были тихо рады.

Водные люди в наших озёрах в божественном пространстве жили в большом количестве, лучшие из них. Этим пришлось создавать специальный портал прямо в воде. А некоторых и вовсе пришлось носить через порталы в мокрых тряпках на носилках.

У нас было огромное количество душ с достаточно большим жизненным опытом. Было совершенно очевидно, что население восстановится в течение каких-нибудь пятисот лет, и это будет совсем другое население, чем в первые годы планеты, особенно если вернуть нашим людям воспоминания последних жизней.

У нас было избыточное количество людей, прошедших Преображение. Они понадобятся только тогда, когда людей станет хотя бы несколько миллиардов. А пока имело смысл поработать с окружающими обитаемыми планетами. Особенно с той, с которой пришёл корабль — убийца.

Мы построили космические корабли и отправились по мирам, соседствующим с нами и с халусиями. На этих планетах почти на всех наблюдалась похожая картина: загнанные в свои облачные замки локальные боги, почти не имеющие влияния на людей на поверхности, и бесы, вертящие людьми, как им угодно. Именно с такой планеты, с одной из самых демонизированных, и пришёл корабль, уничтоживший наше население. Оказалось, что власти этой планеты таким образом хотели очистить себе новое место обитания. Адрес им подсказали бесы. И это было для них не первое уничтожение обитаемой планеты.

Наших сил хватило с запасом, чтобы избить всех бесов и засунуть в тридевятый заблокированный мир. А в предыдущих мирах от минус первого до минус тридцать седьмого находились те, кто отработывали свою карму за плохие дела в основном мире. Потом мы так прошлись по всей тысяче планет, входящих число наших соседей. Локальные боги этих миров были счастливы.

Так вот, оказывается, к чему приводит выращивание хотя бы одной планеты, на которой происходит становление цивилизации с учением Благой Вести...

Теперь наша часть космоса станет намного более счастливым местом.

Где-нибудь за 500–700 лет мы восстановим население и технологии, и тогда уже наши космические корабли пойдут по Галактике нести правду и порядок. У нас достаточно дееспособных людей с божественными возможностями и светлых душ в хранилище, чтобы построить цивилизацию и никому не дать поставить подножку.

Самое грустное в том, что мне, скорее всего, придётся делать верховным богом планеты кого-нибудь из молодых богов. Здесь больше нет задач, которые требуют моего участия и всех моих сил. С небольшим количеством населения справится даже молодёжь с небольшим количеством преобразенных людей. Да и с большим тоже, так как люди в таком мире будут продолжать расти и будут появляться новые богоподобные. А мне и всей старой команде в ближайшее время придётся жить на космических кораблях, решать задачи по всей Вселенной. Вот как боги теряют свои миры и уходят из них, оказывается... Я буду грустить по своей планете.

* * *

Иногда я оглядываюсь на свой путь, от мальчика без способностей в мире суперсилачей до локального бога. Жалею ли я о том, что пошёл по этому пути? О чём я точно не жалею, так это о том, что принял правило полного беззлобия. Даже и не знаю, где бы я был без него. Наверное, спился бы от ощущения одиночества и неудовлетворённости всем и вся.

Первое время в роли локального бога мне хотелось выть. Дети на поверхности цеплялись насмерть по любому пустяку. Локальные боги, служилые боги, помощники и

помощницы тянули в разные стороны, и все требовали исключительного внимания. При этом надо было изображать уверенность и добродушие, чтобы никто даже не усомнился в том, что я в себе не уверен. И я изображал. Мне очень помогли мои женщины. Иногда наивные, иногда решительные до упрямства, с безграничным желанием любить и без какого-либо понятия о том, как это делать. Рядом с ними мне иногда было стыдно, что я не могу любить так искренне и так щедро.

Иногда мне хотелось быть обычным человеком, чтобы я мог только молиться и надеяться, и ни о чём не думать. А теперь у нас команда, которая может радикально изменить ситуацию в отделе космоса размером с галактику. И эта команда выросла в моём мире. Но даже эта гордость не значит для меня ничего. Самое главное — это то, что то чувство, что я сделал всё так, как надо, чувство, которое появилось у меня после того, как я открылся Богу и принял полное беззлобие — это чувство укрепилось и переросло в тихий свет, который не покидает меня никогда.

Глава 38

Котёнок. Часть 2

Как-то раз я спросил отца, зачем ему столько женщин и как он может распределять внимание на столько персон. Я вот, например, даже не представляю, как я бы мог возлечь с другой женщиной, обнимать её и целовать, в то время как моя Жишуа грустит где-то в одиночестве.

Отец надолго задумался, потом сказал, что я прав и что у него просто не было выбора. Девочек — богинь намного больше, чем мальчиков — богов в дееспособном возрасте. А потом, после того, как знаком много десятков лет, не выгонять же старых знакомых?

Ага. Так я и поверил. Ладно там Лагана или Линна, они были с ним с самого начала. А Ангелу зачем было брать? Она вообще человек, хоть и прошла Преображение. Причём в образе мальчика. Ей может быть вредно получать в себя такую силу. Так нет, тоже регулярно на нём катается. Похоже, он просто ищет поддержку в их ласках. Слабость.

Слабость — это то, что я вижу во всех окружающих людях и в локальных богах. Не хотят вдумываться в подробности дела, не хотят пробовать и ошибаться, просто отказываются от дела в надежде, что кто-нибудь другой даст себе труд и всё сделает, как надо. Не хотят задавать себе вопросы и искать ответы на них. Не хотят бороться с чувствами и легко уступают гневу и раздражению.

Слабость — это то, что я вижу в своих детях и внуках. Не хотят освоить даже простейшие математические правила, скобки открыть не могут, зато драться за первенство и превозноситься — это всегда с удовольствием. Когда начинаешь с ними работать, хнычут и просят прощения, но о сути дела так и не думают.

Слабость — это то, что я вижу в себе. Я легко выхожу из себя, начинаю гневаться и наказывать налево и направо даже тех, кто не виноват. Чтобы не навредить своему миру, я вынужден был создать судебную и управленческую бюрократическую иерархию, чтобы все решения принимала она, а не я в приступе гнева. Я лишь иногда накладываю вето на их решения и отправляю на пересмотр, когда они совсем теряют берега.

Я многократно просил отца, чтобы он отпустил меня на поверхность, пройти Преображение. Здесь, на этом месте я никогда не смогу стать кем-то ещё, кроме как избалованным сыном бога на должности бога. Здесь все смотрят мне в рот и интригуют за право услужить (правда, при этом всё делают наоборот). Здесь даже жена называет меня «Господином». Для того, чтобы пройти Преображение, должен быть страх за выживание, ощущение нахождения на краю, чтобы можно было отказаться от всех страхов и сделать шаг вперёд вопреки всем логическим предосторожностям. А здесь я всегда уверен в том, что завтра у меня всё будет хорошо и мне испекут ещё более восхитительный пирог.

Отец тянул с разрешением сотни лет. То им срочно создай дизели, то самолёты. Зачем вам дизели, если у вас единственное подходящее топливо — это рапсовое масло? Нет, сделай срочно. Мир ещё от рабовладения не ушёл, а давай срочно делай компьютеры. А ещё заодно космический корабль сделай, а то нам по космосу надо летать, другие планеты поддерживать.

За это время даже Тик и Така прожили несколько жизней на поверхности, благодаря чему стали намного меньшими эгоистами и где-то даже научились сочувствовать. Завидно, однако.

Я каждый раз послушно разворачивался и шёл делать, что приказано. Жишуа смеялась и говорила, что обязательно пойдёт на поверхность вместе со мной, так что если я мечтаю о других девочках, то не дождусь, она и там будет меня любить. Вот тут я совершенно честно отвечал, что надеюсь на это и без неё на поверхность не пойду. Жишуа придумала свой способ избавиться от моего нытья про воплощение на поверхность — сначала она беременна, потом подожди немножко, ребёнок должен хотя бы говорить научиться, потом она снова беременна. И так каждые пять лет. Родив больше сотни детей, Жишуа обнаружила, что не может вспомнить их имена, память переполнилась. Тут она тоже захотела новое тело.

Отец кормил нас «завтраками» ещё полсотни лет. Потом всё-таки согласился. Сказал, что приготовил мне особо важную миссию — надо восстановить утраченное на поверхности понимание, в чём суть религии, а заодно развить ряд наук, вытекающих из системного анализа и психологии. Я принялся горячо благодарить отца, хотя заранее переговорил с планировщиками и знал, что с аналогичными миссиями в разные государства будут посланы пятьдесят три человека.

Жи жутко боялась, что на поверхности не узнает меня и влюбится в кого-нибудь другого, но всё равно напросилась в компанию. Отец обещал, что её жизненный путь рассчитан так, что мимо меня ей не пройти.

Наконец пришел момент, когда я смог посмотреть в лицо богини смерти. Много сотен лет мне было интересно, как она выглядит. Она всё время ходила в шляпе с плотной вуалью.

Богиня смерти выглядела как подростковая мечта моего отца. Впрочем, а как ей ещё выглядеть? Её тело получило формы именно в те времена.

В следующий момент я обнаружил, что задыхаюсь, а передо мной стоит строй каких-то нагих клоунов. Они шумно радовались и плясали.

Я сорвал с лица душащую плёнку и попытался сделать шаг. Ничего не получилось. Я опустил взгляд и обнаружил, что нахожусь в хрустальном восстановителе — очень древнем устройстве, когда-то в таких созрели все первые живые существа, а также тело моего отца. Отец иногда запускает его для тех, кому надо быстро дать тело после жизни на поверхности и сохранить память. Интересно, чего ради меня засунули в восстановитель? Предполагалось, что я буду жить в государстве Туария, теории ступеней развития разумных существ разрабатывать. Или я уже выполнил задачу и отец хочет срочно вернуть меня к управлению моим локальным пространством?

Я заглянул в память и никаких воспоминаний о жизни на поверхности не обнаружил. Я конструировал водородный реактор, потом мы с Жи стояли перед отцом, готовились к воплощению... А потом я оказался тут.

Я разломал прозрачную оболочку и попытался сделать шаг. Очень глупо. Многократно видел, как созревших людей достают на руках — мышцы ещё не тренированные, не держат. Нагие ребята подбежали и подхватили меня, не дали упасть.

Сквозь шум я смог разобрать слова: «Наш дорогой господин, мы так рады, что вы наконец-то прибыли к нам!».

Чего? Я господин? И почему я могу заглянуть в чувства и мысли каждого из них?

Реальность начала медленно просачиваться в мозг. Я отказывался верить. Я даже переспросил:

— Я что, локальный бог этого нового мира?

В ответ случилось общее ликование:

— Да, господин! Мы ждали вас так долго, сотни лет! Семь сотен лет! У нас уже так

много людей, так много вопросов! Нам так нужно ваше руководство!

Мать моя наука! За что Создатель решил засунуть меня на должность локального бога? Я же никогда не мечтал о собственном «мире понарошку»! У меня всегда все мечты тут же удовлетворялись папой — богом или его богинями. Единственное, о чём я мечтал — это о том, как сделать разные самодвижущиеся игрушки. И вообще я руководить не люблю, меня это так достало за эти сотни лет...

— Воду и еду, — приказал я вслух.

Поляну с хрустальными кубками, со свежим мясом, с мясом и рыбой в жареном, варёном и копчёном видах, с гарнирами из овощей из злаков в разных сочетаниях мне накрыли молниеносно, как за углом всё стояло. Я отметил, что тарелки были сделаны как из обожжённой глины, так и из дерева, и из хрусталя, и из камня. Пока я заедал слабость вкусняшками, боги по очереди рассказывали, какая культура какое блюдо изготовила и у кого конкретно они его потянули. Я благодарно кивал и обращал свой взор в сторону обворованных. Это было очень хорошее знакомство с моим миром и народами.

Людей в мире было уже довольно много, больше миллиона. Мои служилые боги поступили мудро и сразу разделили их на племена, после чего расселили по разным углам, далеко друг от друга. Сейчас эти племена уже умножились и соприкоснулись. Пока без конфликтов, но единый поначалу язык успел измениться у разных племён так, что они друг друга уже не понимали. Письменность была, но она тоже отличалась. Всё это грозило в ближайшем будущем большими войнами между племенами на уничтожение.

Мои служилые боги оказались умницами. Они научили людей и говорить, и заботиться друг о друге, и основам медицины, и уважению старших, и выборности вождей племён. Ввели единобрачие и запретили отнимать чужих жён. Научили племена обмениваться детьми, чтобы не было вырождения. Научили множеству технологий, практически всем, которые можно было научить, не применяя искусственные источники энергии. Даже ткацкие станки уже применяли. В качестве религии действовала религия бога Кота. В религии кроме основных заповедей заботиться друг о друге и не воровать существовала заповедь стремиться перестать быть животным и освоить контроль над животными желаниями. Бога изображали как кота у очага. Сыграло моё имя.

Мои боги имели мои знания примерно на уровне меня двадцатилетнего. А я тогда уже много чего знал...

Среди обычных людей я заметил вампиров и оборотней. Удивлённый, я спросил, как служилые могли позволить им существовать. Слуги меня не поняли, сказали, что вампиры и оборотни были в изначальном комплекте и они их выхаживали, как и всех остальных. Кроме того, у всякого вида должен быть ограничитель численности, а то мир будет не сбалансирован. Кроме того, оборотни первое время были не против людей, а очень даже помогали им выживать, в животном виде они были сильнее людей и это имело свои плюсы при встрече с крупными хищниками. Впрочем, многие оборотни до сих пор жили с людьми, дружили и считали себя частью человеческого мира.

Неожиданно.

У меня зародилась идея присоединить этот мир к отцовскому. Я спросил, как часто приходили люди через портал. Служилые боги меня не поняли. Они вообще не знали, что через портал можно ходить!

Мы перенеслись к исходному portalу моего мира, и я попробовал настроить портал на адреса известных мне миров и порталов. Не получилось ни с одним! Вот тут я сильно

испугался. Это значило, что мы очень, очень, очень далеко от отцовского мира. Или вообще в другой Вселенной. Я попробовал набрать случайные адреса. Вообще никакой реакции.

Ладно, видали мы таких упрямых. Хорошо, что я знал, что отец в своё время создал искусственное пространство, в котором вырастил копию мирового дерева, на котором отображались все соседние миры. Мир Линдси тоже одно время был такой моделью. Особенность локального бога — ты можешь всё, если ты знаешь о том, что такая способность существует. Я знал, что можно создавать мир-модель. И знание, как его делать, пришло ко мне сразу, как только я задумался об этом.

Я организовал локальное пространство и перенёлся в него со своими богами, кто захотел. Захотели немногие.

Модель сработала, как ей положено, и начала отображать ствол мирового дерева, на котором было очень мало ветвей, а на ветвях было очень мало миров. Тем не менее, за несколько минут обнаружилось десять ветвей и два мира!

Я перенёлся в ближайший мир вместе с богами войны и правды. Богом локального мира был совсем маленький парнишка, совсем неразвитый. Он даже говорить не умел! Его локальные боги, похоже, считали, что их обязанности исчерпываются кормёжкой парня и танцами для его развлечения. Люди этого парня были ещё хуже. Животные, и не более того. Ужас.

Парень почему-то испугался меня и попытался убежать. Его служилые выстроились стеной, будто собирались защищать. Догонять не стал. Помахал ручкой, поулыбался издали. Ладно, в другой раз побеседуем.

Идея найти отцовский мир и прилепить этот мир к нему умерла. Похоже, это надолго. Я подумал о Жи. Я видел, как её душу вынули из тела. Если она воплотилась, как предполагалось, то она освободится лет через шестьдесят — восемьдесят. Если вычесть моё пребывание в хрустальном репликаторе, у меня где-то пятьдесят лет на то, чтобы найти отцовский мир.

Пришлось заняться срочными делами своего мира. Я не стал заморачиваться и явился по очереди всем племенам в лёгком сиянии. Рассказал о том, что теперь их бог — заботник с ними, ещё рассказал им историю другого мира и про религию Бога-из-Огня. Пояснил, что Бог — Создатель любит своих людей, а я не совсем бог, а так, типа маленький папа с большими возможностями. Сказал, что я мог бы дать им сотни и тысячи лет для того, чтобы пережить развитие религии и все отклонения на своей шкуре, но что гораздо лучше учиться на чужих ошибках.

Дальше пришлось заниматься вечными проблемами — продовольствие, вода, модификация растений под условия нашего мира и отдельные климатические зоны... Несколько раз пришлось присутствовать на уголовных судах, которые проводили вожди племён, и внести свои коррективы с подпаливаниями молниями тех, кто вёл себя неуважительно, судил несправедливо или клеветал. Несколько законов посоветовал изменить. Народ должен был почувствовать тяжёлую руку реальной власти.

Когда меня стали звать на каждый уголовный суд, прошёлся по всем племенам ещё раз и предупредил, что по мелочам меня звать не надо, что свои дела они должны обделывать сами, но помнить, что я всё вижу.

За что мне это всё? Когда отец стал локальным богом, он к тому времени уже прошёл Преображение. А я даже не начал проходить.

Другие люди, ставшие локальными богами, долго мечтали о своём мире. А я даже не мечтал! Многие локальные боги мечтали заботиться о людях, развивать их и возиться с ними. Я же людей вообще не видел бы, кроме немногих друзей и возлюбленных, предпочитаю технику. А теперь приходится ходить за маленькими и подбирать все их ошибки.

Слабость. Слабость и неготовность. Это всё, что я сейчас чувствую.

* * *

Я не оставлял надежды найти родной мир. Сконструировал специальное устройство, которое должно было изучить звёздное небо и найти знакомые звёзды, те, что я помнил по планете. Но тут возникла некоторая проблема: дерево миров отображало один локальный мир за другим, но среди них не было ни одной планеты! А звёзды локальных миров изучать было бесполезно, они даже не двигались.

Я регулярно предпринимал экспедиции по вновь обнаруженным мирам. Локальные боги все как один оказались очень неразвитыми. Очень немногие не умели говорить, большинство умели, но были ненамного лучше бессловесных. Не владели никакими технологиями. Не знали ни о каких возможностях локального бога. Приходилось показывать им даже самые простые — полёт, удар молнии, исцеление людей. Девочек столько же, сколько и мальчиков. Девочки неразвитые настолько, что вопрос об использовании их в качестве подруг даже встать не мог.

Почему-то они все становились очень агрессивными и надменными, когда я говорил, что я не враг им. Но первым делом все меня пугались. Когда я заговаривал о том, что можно объединить миры, воспринимали это крайне враждебно. А когда я говорил, что можно объединиться, чтобы превратиться в планету, они меня просто не понимали. Не знали, что такое планета и не могли понять, как огромный шар тверди может висеть в пустоте.

Понемногу я начал приглашать тех из них, которые не были совсем животными, в свой мир. Показывал, как мои люди выделывают шкуры, ткнут ткани, делают инструменты, сеют злаки, запасают еду надолго, самые разные типы еды самыми разными способами. Гости удивлялись и уходили, сильно задумавшись.

В миры тех, которые не умели говорить, приходилось ходить с большой осторожностью. Племена бессловесных жили на низжайшем животном уровне. Во многих из них размножались только вожди племени, а всем младшим самцам контакты с сумками были запрещены. Еда женщинам и детям доставалась только после того, как насыщались мужчины. Ласки и взаимная забота почти отсутствовали.

Со временем к тем, которые не были слишком агрессивными, я стал отводить детей кто постарше, чтобы они учили местных языку. В обмен мы брали на воспитание их маленьких детей в мои племена. Приходилось сначала долго приручать чужие племена, показывать, что я умею исцелять, могу помочь с поиском продовольствия и изготовлением инструментов, и что я вообще не враг. Только после этого мы менялись детьми. На эти операции приходилось тратить много моего времени, и никто меня заменить не мог.

Мне начало казаться, что я понимаю, зачем Создатель засунул меня в этот дремучий

Чуть менее чем через год моего правления портал заработал и впустил группу, состоящую из локального бога и нескольких людей. Я обрадованно поспешил им навстречу. Наконец-то хоть кто-то, кто умеет ходить через порталы!

Толстый пожилой дядька в железных доспехах посмотрел на мою наготу, подгрузил умение говорить на моём языке и загремел:

— Ничтожный юнец! Преклонись передо мной! Я присоединяю твой мир к своему, а ты будешь моим рабом! Если будешь точно выполнять мои приказы, я буду тебя пороть очень редко и только для профилактики!

Мне показалось, что он сам удивился тому, что выговорил такое длинное слово, как «профилактика», и несколько секунд осваивал его смысл. Я тоже так удивился, что не сразу сообразил, что отвечать в таком случае.

— И зачем тебе мой мир?

— Затем, что я большой, грозный и великолепный! У меня должно быть много и всего, и чем больше, тем лучше! Я буду главный, а вы будете ползать у моих ног и служить подтверждением моего великолепия!

— А теперь скажи мне, кто научил такое животное, как ты, умению ходить по порталам и присоединять миры?

Люди самозванца зарычали и наставили на меня копыя. Они все были больны большим количеством болезнетворных вирусов и микроорганизмов, поэтому я обработал их очищающим полем. Оно очень болезненное, особенно когда попадает внутрь. Мужики этого не выдержали и сбежали сразу, как смогли встать.

— Так ты ещё смеешь дерзить мне, мальчишка? — нахал попытался стукнуть меня молнией. Смертельный удар, между прочим. Бога он не убьёт насовсем, но придется восстанавливать тело из немногих уцелевших клеток. Это долго и больно.

Я немного ионизировал воздух вокруг «великолепного», и разряд пошёл туда, где было меньше сопротивление. Не давая дурачку восстановиться, я обрушил на него несколько тонн льда и подморозил его. Потом я освободил ото льда лицо и заднюю часть спины. Несколько ударов ремнём привели агрессора в чувство, и он начал отвечать на вопросы. Звали его Ургурх или как-то так, было тяжело вычленить звуки из того рычания, которое он назвал в качестве имени. Рассказал он множество интересных вещей.

Оказывается, войны между локальными богами здесь были в порядке вещей. У того, кто присоединит к себе больше локальных миров и поработит больше локальных богов, был выше шанс пережить войну с другим локальным богом — господином нескольких миров. Учитывая то, что миры здесь были дикими и большинство людей гибло в молодом возрасте, многие локальные боги тоже оказывались молодыми людьми, совсем неопытными и необученными. Поработить и запугать их было не так уж и сложно. О том, что мир после присоединения десяти миров становится планетой, он не знал. Как и вообще о космосе. Он считал, что миры бывают только локальными и можно присоединять их неограниченно. Сам он происходил из дикого мира, в котором его вождь бил и держал без женщин почти до сорока лет, после чего он пять лет пожил с одной третьесортной женщиной и погиб в

очередной драке с соседним племенем.

Самое интересное он рассказал про того, кто научил его основным божественным умениям. По его словам, он был обычным ничего не умеющим локальным богом и не понимал, что происходит, пока не пришёл через портал некто рогатый и не научил его. Судя по описанию, рогатый не был бесом. После этого Ургурх присоединил к своему миру три мира маленьких детей, которых сумел догнать. Большинство локальных богов в тех мирах, которые он смог найти, были детьми и сразу убегали, догнать их было очень тяжело. Ему удалось догнать только троих.

Я спросил, как он находит новые миры. Выяснилось, что адреса ему дал тот самый рогатый, который приходил ещё три раза.

Я попросил дядьку предположить, зачем рогатому делать такие подарки. Он думал долго и смог предположить только, что это где-то создание порядка, ведь теперь дети — локальные боги хоть как-то под присмотром взрослого человека, который может научить их людей говорить и поддерживать порядок.

Не снимая льда, я немного рассказал божественному коллеге свои представления об устройстве Вселенной, способах организации человеческого общества и совершенстве человека. После чего добавил, что учивший его рогатый — это, скорее всего, агент бесов, которые хотят получить планету с совершенно неменяемым и озлобленным населением на животном уровне, чтобы потом сделать из них демоническую цивилизацию и насаждать свои порядки по всей Вселенной. И будет в такой Вселенной только плач и несчастье.

После этого я отпустил дядьку, взяв обещание не возвращаться в мой мир с враждебными намерениями. Дядька был удивлён, что я не потребовал присоединить его мир.

Произошедшее заставило меня глубоко задуматься. Войны между богами? В моём мире это было невозможно даже представить. А тут, похоже, это обычное дело. Мне повезло, что дурачок явился без своих служебных богов. Конечно, в чужом мире я бы лишил их всех сил молниеносно, и они были бы не сильнее, чем обычные люди, но это были бы верные ему люди, которым невозможно устроить внушение. Следует подготовиться на случай, если ко мне заявятся какие-нибудь другие кандидаты в господа, на этот раз с подчинёнными локальными богами и со служебными богами.

За что мне это всё?

* * *

Я подготовил некоторое количество ловушек, и онигодились раньше, чем я закончил их строить. Через неделю на моём пороге появилась армия вторжения из десятка локальных богов и больше сотни служебных. Среди них был также и Ургурх. Он первым нарушил молчание:

— Извини, Котёнок. Миром правят те, кто сильнее. Они сильнее.

Пока он говорил, я лишил всех чужих служебных богов сил. Локальный бог может управлять своим миром в очень широких пределах, в том числе наделять или лишать силы воздействия на свой мир кого угодно, кроме других локальных богов. Но даже их можно ослабить. Служилые боги этого даже не заметили. Зато мои служилые боги выстроились за моей спиной.

Мы дружно сделали шаг назад, оставив на прежнем месте иллюзии — копии. Потом я привёл в действие первую ловушку. Вокруг портала сомкнулось локальное пространство, из которого не было выхода никуда, кроме обратно через портал. Армия вторжения ничего не заметила.

Несколько минут они увлечённо поливали огнём и пытались заморозить наши иллюзорные копии. Мои служилые боги успели рассердиться. Будь мы на месте, нам было бы очень больно. Служилые боги этих недоумков сообразили, что потеряли силы, и попытались намекнуть своим господам, что пора бы и сбежать. Их никто не послушал.

Копии были запрограммированы на то, чтобы через несколько минут упасть. Когда они упали, торжествующе враги направились к ним... И обнаружили, что блуждают по лабиринту. Пространство, в которое они попали, только выглядело однородным. На самом деле это был трехмерный лабиринт, насыщенный порталами переноса. По нему можно было блуждать очень долго. Я принялся выдёргивать из лабиринта одного злодея за другим и задавать вопросы.

Большинство из вторгнувшихся были необразованными локальными божочками типа Ургурха. Они не умели ничего, кроме как бить молниями, насыпать холод и колоть копьём. Хищники, все уже закабалили по три — четыре мира. Их заставил пойти с собой один особо злобный дядька по имени Галхад'ад. Заставил даже не угрозой присоединения их мира и порабощения, а угрозой тотального уничтожения и их, и их мира. Я объяснял несчастным, что их уничтожить невозможно, а мир всегда можно восстановить, если там осталась хоть одна живая клетка. Показывал, где находится хранилище душ и генетической информации, чтобы они могли восстановить свой мир, и отпускал после небольшой порки и обещания больше не нападать.

Ни одному из обещаний я не верил. Тут несомненно имела место группировка хищников, которые собрались для того, чтобы не допустить роста чего-то другого, на добрых основах.

Ургурха я оставил «на сладкое». Вытащив его из лабиринта, я пояснил ему, что раз он нарушил обещание, я не могу больше отпускать его без наказания. Лишить его статуса локального бога я не могу, плюс оставлять его мир без хозяина тоже неже.

Ургурх визжал и просил простить, говорил, что его заставили и что он не мог отказаться. Мы прошли в его мир, и я заставил злодея передать все права на мир старшему из порабощённых им локальных богов. Пришлось немного прибегнуть к силе боли. После этого я показал старшему локальному богу, как организовать облачное пространство (никто из вторгнувшихся злодеев не знал, как это делается). В облачном пространстве я уничтожил тело злодея и посадил душу и дух недоумка в молодое дерево, которое должно было расти тысячу лет. Запретил его трогать и наказал регулярно поливать. Младшие боги поулыбались и покивали — да, понимаем. Бессловесные, бедолаги.

Что же, около тысячи лет этот дядька опасным не будет. Пусть растёт, набирается радости жизни тыщёнку лет. Может, душа за это время от ожесточения слегка отойдёт.

Галхад'ад всё ещё бегал по лабиринту, когда я вернулся. Быстро бегал, пытался даже кое-какие божественные умения применять. Бесполезно, я перед уходом закрыл проход к portalу. Когда ему показалось, что он видит портал, он рванул в этом направлении... И попал аккурат в мою ловушку из текущих песков.

Надолго ловушка его задержать не могла, он тут же наколдовал пескам остекленение. Пока он был неподвижен, я успел задать несколько вопросов. Отвлекая внимание, он даже

на них ответил.

По его словам, в известном ему кусочке мирового дерева существуют и локальные миры, и планеты, но все выстроены на деспотических началах и по-другому нигде не бывает. На планетах бесов нет, болезни создали некоторые развитые человеческие общества, когда вели биологические войны друг с другом. Он является агентом одной группы богов, которая держат три планеты и несколько тысяч локальных миров. Они строго следят за тем, чтобы не появлялось конкурентов. В мой мир они явились потому, что пришёл сигнал от Ургурха о том, что появился какой-то очень сильный локальный бог, который не поддаётся колонизации. Если бы они знали, насколько я сильный, привели бы силы побольше.

— И они обязательно придут, что бы ты со мной ни сделал! — злобно выкрикнул гадёныш напоследок. Он, кстати, был змеечеловеком.

Я видел, что он уже практически полностью превратил пески в твердь, и закончил разговоры. Я отошёл с его пути и показал на портал. Портал внешне выглядел как портал в другие миры, но только вёл он в локальный мир типа тех, которые отец создавал для бесов. Такой, из которого невозможно уйти, так как вокруг этого пространства смещены все координаты. Из которого очень тяжело передавать и получать информацию даже тем, кто может пронзать мыслью и ясновидением галактики.

Злодей кинулся к порталу, оттолкнув меня рукой (зачем, я же сам пропускаю тебя? Вот она, глубинная злоба и стремление к действиям силой). Пусть теперь царствует там над животными и растительностью. Я позаботился о том, чтобы там была вся необходимая биосфера. Теперь бы найти его мир, чтобы он надолго не оставался без заботы...

Рассказы злодея надо было проверить. На это ушло несколько лет. Оказалось, что он не очень сильно врал. Он действительно не знал, что за всем стоят бесы, но на эту тему он не обманывал: бесов было здесь очень мало и роились они все на самой старой планете в округе. Он мог и не сталкиваться с ними. К тому же бесы не были главными злодеями, виновными в большинстве злодейств были люди. Точнее, разумные существа. Как и в других частях Вселенной, разумные существа здесь были самыми разнообразными.

* * *

Мне пришлось несколько подкорректировать планы развития своей планеты. Поначалу я думал тянуть проживание в племенах как можно дольше, чтобы люди расплодились и заняли всю поверхность мира, не переходя к сложным и проблемным построениям типа государств. Но теперь было необходимо производить впечатление на дикие народы. Пришлось организовать несколько городов с высокими каменными зданиями, с амбарами, водопроводом, трамваями на конной тяге и храмами с позолоченными куполами.

Вместе с городами возникла необходимость в сборе налогов, а вместе с налогами возникла и проблема расхищения налогов. Пришлось опережающими темпами развивать культуру и религию. Даже не столько развивать, сколько подсказывать людям готовые решения. Поскольку все предложения выдвигали незнатные обычные люди и внедрение оных предложений проходило небезоблачно, со стороны казалось, что это собственное изобретение этой цивилизации.

За следующие сто лет злодеи пытались пять раз вторгнуться со всё более мощными силами. Им хватило даже первой ловушки, лабиринта на входе. В итоге двадцать миров освободились от деспотичных властителей, которые переехали жить в тела деревьев, а в заблокированном пространстве моего мира прибавилось пятьдесят законченных злодеев.

Агрессивные завоеватели были не единственной проблемой. На тридцатом году ко мне явилась команда из нескольких локальных богов и десятков поддерживавших их людей. Эта команда заявила, что принесла математически безошибочное счастье. Их представления о счастье сводились к построению тоталитарного распределительного государства. Я над ними посмеялся и посоветовал сначала дозреть в своих мирах. Команда попыталась меня пленить и присоединить мой мир силой. Их было много, поэтому превратить никого из них в деревья не получилось. Но первую ловушку они преодолеть не смогли и убралась, сильно побитые.

Дети, которых мы брали по обмену из соседних миров, возвращались обратно и рассказывали о том, какая хорошая жизнь в нашем мире. Локальные боги один за другим потянулись к нам на экскурсии. Многих я научил, как защищаться от поработителей, желавших насильно присоединить их миры. По их просьбе научил, бесплатно.

Со временем, когда все они научились говорить и убедились, что любовно ухаживать за своими людьми и развивать свои цивилизации куда забавнее, чем поработить более слабые миры, отношения значительно изменились. Теперь они поняли, что мои предложения объединить миры были не поработением, а предложением дружбы и сотворчества. Некоторые задумались о присоединении.

А на сто первый год, во время отражения очередного вторжения злодейской рати, появилась Жишуа. Надо сказать, что мне пришлось тяжело. Злодеи придумали несколько неожиданных приёмов, которые отразить в одиночку было затруднительно. Им удалось даже разрушить первую ловушку и закатать меня в камень. Служилые боги привели в действие вторую ловушку. Я успел освободиться наполовину, и тут через портал прошла женская фигура.

Девушка обвела удивлённым взглядом побоище и начала раздавать молнии.

У неё было другое тело. У неё было другое лицо. У неё изменилась манера двигаться. Но что-то в основе осталось прежним. Это была моя Жишуа, причём прошедшая Преображение. Её сила воздействия на материю и сознания превосходила мою. Она закатала в камень и завязала узлами всех злодеев быстрее, чем мои служилые боги успели спросить, кого это намыло приливом.

Потом Жишуа царственным шагом подошла ко мне и спросила:

— Господин, вот только оставь тебя ненадолго! Ты тут же влипнешь во что-нибудь, либо в камень, либо в число богов! А мне потом ищи тебя десятилетиями!

При слове «господин» мои служилые боги, подтянувшие тяжёлое оружие, расслабились. Я стряхнул с тела остатки камня, встал, выпрямился и торжественно спросил:

— Меня занесло в такую даль, что я даже не мог найти, где наши старые миры. Имитатор дерева мира до сих пор растёт, а до знакомых миров не дошёл. А ты как меня нашла?

Жишуа посмотрел на меня своими ясными глазами и как само собой разумеющееся ответила:

— Помолилась Создателю. Мне в ответ приснился сон, в котором была последовательность порталов. Я правда, по пути два раза её забывала, там было триста адресов, пришлось ещё два раза молиться и получать сны. И да, я скучала по тебе. Тебе, кстати, привет от папочки и мамочки.

Я обнял жёнушку и прошептал ей на ушко:

— Ты бы знала, как я по тебе скучал! Как дети и внуки?

— Их зовут Котёнковы. Они все очень разные, но про наш род говорят, что этот род издревле благородный и праведный. Говорят, что иногда слишком въедливый. Наша молодёжь считается очень завидной партией для супружества. Эти заразы называют меня «матриархом» и ничего не дают делать самой. У нас один правнук прошёл Преображение. Правда, эта душа не из наших первых детей, это светлая душа из числа первых учеников Полисания. Но господин Полисаний позволил ей родиться среди наших правнуков, в твоём локальном мире, и он там с детства интересовался полным совершенством. Так и прошёл.

— Даже правнуки опережают меня по развитию.

— Как сказать. К тому же теперь я рядом, подскажу, как бороться с гордостью. Тебе как, интенсивный курс с оскорблениями и унижениями, или только примером показывать?

— По ходу дела разберёмся.

— Мягкость и адаптивность — это очень мудро, мой господин, — глаза у Жишуа смеялись.

— Ты такая восхитительная, Жи.

Жишуа отключилась и начала стонать от переполнявшего её счастья. Ага, значит, способность погружать людей и других локальных богов в состояние полного счастья одним словом у меня как у главного бога этого мира тоже есть. Это хорошо.

До сих пор я не присоединял окружающие миры, так как вопреки всему надеялся, что когда-нибудь вернусь домой, к своим. А теперь, обняв Жишуа, я почувствовал, что мой дом со мной. Теперь можно и в планету превращаться.

Похоже, Создатель выдал мне задачку повышенной сложности. Даже у отца не было так сложно, не было такого агрессивного и дикого окружения. Но теперь я знаю, что справлюсь. Мне есть, ради кого создавать совершенный мир.

И всё было бы хорошо, если бы служилые боги не устроили восторженные вопли с танцами. От их восторгов все растения вокруг прибавили в росте вдвое.

* * *

Правду говорят, что всё проходит, тела гибнут, планеты рассыпаются, и только любовь живёт вечно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net